Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования
Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе
Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу `http://books.google.com`.

NYPL RESEARCH LIBRARIES
3 3433 07855291 0

Digitized by Google

241

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1853.

ТОМЪ I.

МОСКВА.
Въ типографіяхъ: В. Готье, Университетской и Степановой.
1853.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
770950A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1935 L

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Января 9 дня, 1853 года.

Цензоръ *Дмитрій Ржевскій.*

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1853.

№ 1. Январь. Кн. 1.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

1852 ГОДА,

Н. Ѳ. ЩЕРБИНЫ.

I.

ИДЕАЛЫ.

Своею ревностью докучной
Не возмущай мнѣ ясныхъ дней:
Средь этой жизни однозвучной
Ихъ мало въ памяти моей!
Единство стройное я знаю
Въ разнообразьи красоты,
И какъ художникъ я срываю
Вездѣ, гдѣ только обрѣтаю,
Искусству свѣжіе цвѣты.

PERL. JAN 21 1935

Digitized by Google

Незрѣлость формъ полуразвитыхъ,
Печали блѣдность на лицѣ,
И пухъ ланитъ, зарёй облитыхъ,
Родятъ сострастіе въ пѣвцѣ.
Горятъ-ли краскою стыдливой
Въ смущеньи дѣтскія черты,
Иль блещетъ строгость горделивой,
Себя сознавшей красоты,
Иль эта грація движеній,
Иль обаяніе рѣчей: —
Ужель пройдутъ безъ впечатлѣній
Въ душѣ восторженной моей!

О, не ревнуй, когда люблю я
Прекрасный міръ, что внѣ меня:
По идеалѣ всё тоскуя,
Родные образы ловлю я
Во тьмѣ ночей и въ свѣтѣ дня....
Я къ нимъ влекусь, я ихъ лобзаю:
Въ нихъ раздробленное моё
Извнѣ въ себя воспринимаю —
Свое дополнить бытіё.

II.

САПФО.

—

Не могу, о, мать родная,
Въ руки взять веретена,
Какъ бывало, распѣвая,
Въ виноградникѣ пряла я,
И пряла я не одна!

Онъ всегда бывалъ со мною,
Онъ готовилъ пряжу мнѣ,

Digitized by Google

И пушистою щекою
На плечо мое съ мольбою
Прилегалъ наединѣ....

Не могу, моя родная,
Бросить нити въ челнокѣ:
На коврѣ изображая,
Какъ царевна Навзикая
Моетъ пурпуръ на рѣкѣ.

Не стучится гость желанный
Въ портикъ сада моего,
Не идётъ онъ, долго жданный....
Мой вѣнокъ благоуханный
Вянетъ ночью безъ него.

Я давно съ нимъ не сидѣла,
Вкругъ него я не вилась,
И давно ему не пѣла,
Какъ Беотянка Семела
Ложу Зевса отдалась;—

А теперь я пѣснь иную
Одинокая пою,
Пѣсню грустную такую,
Что я плачу и тоскую
Въ ночь безсонную мою.

Гесперъ всѣмъ приноситъ счастье
На серебреныхъ лучахъ:
Яркій пламень сладострастья,
Иль сердечное участье
Зажигаетъ онъ въ очахъ;

На покой зоветъ въ ложницу
Мужа съ юною женой,
Возвращаетъ съ поля жницу
И кудрявую ягницу
Съ луга влажнаго домой....

Digitized by Google

Я-ль мечусь по изголовью,
И — мнѣ грезится — звѣзда
Облилась и свѣтитъ кровью: —
Я одна съ моей любовью
Благамъ Геспера чужда;

А его нетерпѣливо
Ждётъ соперница моя, —
Но не съ граціей стыдливой,
Не съ уловкой прихотливой,
Какъ ждала когда-то я!

Не умѣетъ такъ прекрасно
Грудь она полураскрыть,
И подъ ритмъ живой и страстный
(Какъ привыкла я всечасно)
Рѣчь восторга говорить.

Въ пляскѣ бѣшено-игривой
Не знакома тайна ей —
И небрежно, и красиво
Бросить вѣтру для извива
Складки туники своей.

III.

ИРОНІЯ ВЪ ИСКУССТВѢ.

—

Отрицаньемъ и ложью глубоко
Возмущенъ, негодуетъ поэтъ,
Указуя искусствомъ далёко
Между тьмою мерцающій свѣтъ....
И въ пылу раздраженнаго чувства,
Недовольствія мукой томимъ,
Онъ раждаетъ созданье искусства,
Свое чадо вручая другимъ....

Digitized by Google

И такой полнотою блаженства,
И отрадной такой тишиной,
Углубляясь въ его совершенства,
Проникается смертный порой....

Но открылъ я въ часы просвѣтлѣнья,
Что въ спокойномъ твореньи пѣвца
Затаилися всѣ оскорбленья
И всѣ боли и вопли отца,
И сказался въ нёмъ, будто ошибкой,
Безобразію жизни упрёкъ,
И съ таинственно-горькой улыбкой
Въ нёмъ художникъ сокрыться не могъ.

Въ размышляющій мигъ наслажденья,
Созерцая кумиры боговъ,
Я прочувствовалъ грусть впечатлѣнья,
Какъ отъ прерванныхъ радостныхъ сновъ;
Мнѣ казалось, съ насмѣшкой упрёка
Изваянья слѣдили за мной,
И надъ нашею долей жестоко
Издѣвались они межь собой.

IV.

ТѢНЬ.

Ярко на пирѣ веселомъ горѣли лампады;
Прелести женъ полногрудыхъ онѣ освѣщали:
Юношамъ много завѣтной и тайной отрады
Въ тьмѣ благосклонной паросскихъ ночей обѣщали.
Но предъ одной красотою въ смущеньи стоялъ я,
Чуждою ложу Гимена и ложу Киприды;
Весь созерцанье, безмолвно и жадно внималъ я
Рѣчи ея равнодушной и полной обиды.

Digitized by Google

Тѣнь отъ лица моего трепеща упадала
На бѣлизну ея груди упругой и снѣжной:
Грудь на волненьи своемъ мою тѣнь колыхала,—
Будто колышется тучка на зыби прибрежной....

О, не бѣги отъ меня! О, побудь-же со мною!...
Хоть на мгновенье продли мои сладкія муки!—
Ты какъ раба оковала меня красотою....
Сжалься: — къ тебѣ простираю моленья и руки!
Пусть погоститъ у тебя хоть на груди прекрасной
Легко-трепещущей тѣни моей отраженье: —
Правда-ль, что было-бы дерзко желать и напрасно
Въ сердцѣ желѣзномъ твоемъ промелькнуть на мгновенье?...

Искры любви изъ тебя мнѣ извлечь невозможно:
Но предъ тобой безкорыстно склоняю колѣни,
Зная, что всякая страсть иль больна или ложна,
Зная, что чувства — лишь мимобѣгущія тѣни.

V.

СИМПАТІИ.

(Вся жизнь человѣческая имѣетъ
нужду въ ритмѣ и гармоніи.
«*Протагоръ*» *Платона.*)

Вечеромъ миръ низлетаетъ на землю,
Дѣвственно-ясенъ румянецъ заката;
Грежу я, чувствую, мыслю и внемлю:
Всюду я радостно вижу ниль друга, иль брата.

Птицы заснули на вѣткахъ древесныхъ,
Въ сонъ погрузилась семья насѣкомыхъ,
Много зажглося въ пространствахъ небесныхъ
Звѣздъ, мнѣ изъ ранняго дѣтства родныхъ и знакомыхъ.

Digitized by Google

Дремлютъ цвѣты въ вѣткѣ благодатномъ,
Сны свои мнѣ говорятъ и мечтанья
На языкѣ ароматовъ понятномъ—
Рѣчью одною изъ тысячъ рѣчей мірозданья.

Грёзы свои распѣваетъ цикада,
Ей, наклонившись, колосья внимаютъ,
Весело прыгаетъ рѣзвое стадо,
Имъ потревожены, пташки пугливо порхаютъ.

Стройная музыка тайно сокрыта,
Всё проникая въ подлунной собою,
То, что сіяніемъ солнца облито,
Что освѣщается томно Діаной ночною.

Звукомъ отвѣтнымъ всему пламенѣлъ я,
Жаждая въ общей гармоніи слиться,
Страстно душою прозрѣвшей летѣлъ я,
Въ вѣчное лоно любви міровой погрузиться.

Чувствомъ широкимъ тогда обнимаю
Сродную жизнь и стремленье всѣхъ сущихъ,
Маленькій міръ ихъ любя открываю
Въ сердцѣ летающихъ, въ крошечной груди ползущихъ.

Всё, что цвѣтётъ и ползётъ, и летаетъ,
Долю имѣетъ свою въ наслажденьи,
Всё и заботы и радости знаетъ,
Мчится и тонетъ со мною въ житейскомъ волненьи.

Село Микулино Городище.

VI.

ЛЮБОВЬ.

Сладка мнѣ любовь за волненья,
Чѣмъ движется сердце мое;
Люблю ея всѣ опасенья,
Заботы и тайны ея!...

Digitized by Google

Минутой запретнаго счастья
Хочу насладиться какъ тать,
И въ бурную пору ненастья
Подругу во тьмѣ ожидать....

А этотъ прерывистый шопотъ,
Пожатье дрожащей руки,
Упрямство и ласка, и ропотъ,
Уста на лилѣяхъ щеки,

И ихъ поцалуи безъ звука
И трепетъ боязни за звукъ,
Къ восторгамъ ведущая мука,
Покой исходящій изъ мукъ,

Незримо летящее время
И каждый считаемый мигъ: —
Не въ нихъ-ли скрывается сѣмя
И жизни и пѣсенъ моихъ?.....

. . . . . .
. . . . . .

VII.

СВѢТЪ.

—

Свѣтлая ночь замѣнила
Ясный безоблачный день:
Всѣ загорѣлись свѣтила,—
Въ роскоши свѣта теряется тѣнь....
Зрѣлище стройности вѣчной,
Разума всюду черты,
Жизни размѣръ безконечный,
Неувядаемый ликъ красоты—

Digitized by Google

Міръ и его совершенства
Просятся въ душу мою....
Что-жъ я далёкъ отъ блаженства,
Что-же я грустныя пѣсни пою?...

* * *

Зевсъ-міродержецъ! Такъ долго и много
Съ тьмою духовною боремся мы,
Жизни во мракѣ запала дорога,
Всѣ наши грустныя пѣсни отъ тьмы.

Равную долю духовнаго свѣта
Каждому смертному ты ниспошли:
Будутъ и радостны пѣсни поэта,
Будутъ и счастливы дѣти земли....

VIII.

ВАКХАНКА.

—

Ты жаркія страсти скрываешь
Подъ гордо-холодной осанкой:
Казаться Діаной желаешь,
Когда рождена ты вакханкой....
Не вѣрю, что бурей желаній
Въ груди твоей сердце не бьётся:
Я вижу, какъ жажда лобзаній
На губкахъ зовётъ и смѣётся.
Восторги болѣзненно пышутъ
На этомъ румянцѣ широкомъ,
Изъ глазъ они льются, и дышутъ
Горячимъ дыханья потокомъ,
Трепещутъ въ прерывистой рѣчи,
Въ движеньи, рукахъ и осанкѣ,

Digitized by Google

И полныя смуглыя плечи
Тебѣ измѣняютъ, вакханкѣ.....
Весеннею нѣгою ночи
Притворству разставлены сѣти....
Давно говорятъ наши очи: —
Съ тобой мы далёко не дѣти!...
Я смѣло раскрою объятья,
И знаю, — ты пріймешь ихъ жадно
Какъ стану тебя цаловать я,
Глядѣть на тебя ненаглядно!...

. . . . . .
. . . . . .

IX.

И. К. АЙВАЗОВСКОМУ.

—

Волны по манію кисти твоей животворной
Гордо, какъ холмы, встаютъ серебримы луною,
Иль, затаивши дыханье, прилягутъ покорно....
Я-же, увидѣвъ безбрежную даль предъ собою,
Крѣпкою грудью хрустальную зыбь разбиваю,
И остаётся далёко за мною Таврида:
Смѣло я въ каменный Аргосъ свой путь направляю
Въ слѣдъ за Орестомъ и юною дщерью Атрида (*)....
То волшебствомъ я какимъ-то къ утёсу прикованъ;
И предо мною гекзаметромъ волны стремятся,

(*) Ифигеніей.

Digitized by Google

Будто стихомъ Одиссеи мой слухъ очарованъ....
Долго хотѣлъ-бы душою я такъ забываться!...

Вѣрю,—изъ пѣны тѣхъ волнъ Красота выходила!.....
Можно-ль изъ пихъ не родиться Красавицѣ вѣчной?...

Счастливъ я:—эта живая вода утолила
Страстную жажду мою къ красотѣ безконечной!

X.

ВѢНКИ.

—

Въ толпѣ межъ юношей прошелъ я незамѣтно,
И взоръ красавицы далёкъ былъ отъ меня,
Тотъ взоръ, что для другихъ свѣтился такъ привѣтно,
Похожій на разсвѣтъ безоблачнаго дня....
И грустно стало мнѣ, и свой вѣнокъ поэта
Я сбросилъ съ головы и въ прахѣ растопталъ:
Томимый завистью и страстію согрѣтый,
Лишь адонисова вѣнка я пожелалъ....
И лавръ воителя съ гражданственной оливой
Безъ смысла, блѣдные цвѣли передо мной,
Незамѣчаемы Кипридой горделивой...
Я обнаженною поникнулъ головой.

Но ожилъ снова я съ зелёною весною,
И пѣсни новыя народу я сложилъ:
То ихъ гармоніей, то нѣгой и тоскою
Непобѣдимую нежданно побѣдилъ....

И вотъ ужъ спитъ она, мнѣ на руки склонися,
Ея усталая прохлады проситъ грудь;
Пурпурная заря надъ моремъ разлилася;
Взирая на неё, не смѣю я дохнуть....

Digitized by Google

По складкамъ полога пробрался лучъ денницы,
Играя и скользя по груди молодой,
То золотомъ лился на длинныя рѣсницы,
То тѣнью упадалъ предъ выпуклой красой:
Тогда въ душѣ моей желаніе иное,
Желанье новое я страстно ощущалъ
И недовольствіе какое-то больное....
Опять я свой вѣнокъ поэта изорвалъ,
И плакалъ какъ дитя, безсильно и напрасно
Желая Фидія вѣнокъ себѣ стяжать.
Я чувствовалъ тогда, что этотъ мигъ прекрасный
Лишь мраморъ да рѣзецъ способны передать.

XI.

ЖЕЛАНЬЕ.

О, прости моему невниманью!...
Ты цалуешь меня горячо:
Твоему я не вторю желанью,
Наклонившись къ тебѣ на плечо....
Не смущай меня словомъ упрёка,
Подозрѣньемъ ревнивымъ не мучь,
И повѣрь, что люблю я глубоко,
Что я чувствомъ высокъ и могучъ;
Но, любя непасытно и страстно,
Когда сердце тобою полно,
Отгонять я стараюсь напрасно
Одну мысль и желанье одно!.....
И — какъ это безумно желанье!...
Наслаждаясь твоей красотой,
Испивая весь нектаръ лобзанья,
Я своей недоволенъ судьбой:
Я хочу тогда юности вѣчной
И безсмертья хочу я тогда.....

Digitized by Google

О, цалуй-же меня безкопечно:—
Зацалуй мою грусть навсегда!...
Я въ смѣшныхъ изливаюсь проклятьяхъ:
Гимномъ жизни ты ихъ заглуши.....
О, сжимай меня въ страстныхъ объятьяхъ,
И желанье мое задуши!

XII.

ЧУВСТВО ХУДОЖНИКА.

—

Зачѣмъ-лишь подъ пологомъ почи
Могу я тебя ожидать:
Уста и ланиты, и очи
Украдкой во тьмѣ цаловать!...

Красавица! Сердцу обидно
Въ высокихъ стремленьяхъ его,
Что оку во мракѣ не видно
Ни мысли чела твоего,
Ни какъ ты прекрасна въ смущеньи —
Въ стыдливости женской своей,
И въ каждомъ воздушномъ движеньи
Въ порывѣ безумныхъ затѣй....

Молчитъ подъ ревнивою мглою
Языкъ всечарующихъ глазъ:
Слѣпцомъ я томлюсь предъ тобою,
Ропщу и..... цалую сто разъ!

Digitized by Google

XIII.

КЪ ВЕНЕРѢ ТАВРИЧЕСКОЙ.

—

Ты когда-то жила межъ людей,
И заснула ты мраморнымъ сномъ;
Съ красотой безотцвѣтной твоей
Разрушительный Кронъ не знакомъ....
И невластно во вѣкъ надъ тобой
Безобразіе дряхлыхъ сѣдинъ;
Тебѣ жизнь мелочною борьбой
На чело не нагонитъ морщинъ....
Не коснётся тебя никогда
Сокрушающей смерти рука!...
Ты блаженна, что ты молода
И отъ нашихъ скорбей далека....
И художникъ въ печали своей,
Когда сердцемъ болящимъ страдалъ
Надъ нестройною жизнью людей,
Твой чарующій ликъ изваялъ,
И онъ вѣрилъ: — прійдутъ времена —
Всё, что въ духѣ безплотно живётъ,
Будто грёзы роскошнаго сна,
Въ повседневную жизнь перейдётъ....

Да надъ этою мыслью его
Замолчитъ и прервётся мой стихъ:
Это свѣтъ бытія моего,
Это перлы желаній моихъ!

Digitized by Google

XIV.

СТРЕМЛЕНЬЕ.

—

Чѣмъ я больше знаю,—
Больше знать я жажду;
Въ правдѣ почиваю,
Подъ сомнѣньемъ стражду.

Теплотой дыханья
Истина вселилась
Въ тѣло міросданья,
Тайно въ нёмъ сокрылась.
Счастье въ ней таится—
Наша цѣль отъ вѣка,
Страстно къ ней стремится
Помыслъ человѣка....
Безконечность—знаю—
Жизнью не измѣрю:
Всё-жъ её пытаю,—
Вѣрю и не вѣрю....

Духа совершенство,
Безъ границъ познанье:
Вотъ мое блаженство,
Вотъ мое страданье!

Digitized by Google

XV.

ПОЭТЪ.

На служеніе мысли высокой,
На служеніе правдѣ я взросъ:
Но кинжалъ ея спряталъ глубоко
Между вѣткою миртовъ и розъ....

И въ рукѣ съ этой вѣткой душистой,
Какъ Гармодій я въ міръ выхожу,—
Красотой ея мирной и чистой
Я неправду и зло поражу.

Эта битва безъ крови и гнѣва,
Наслажденіемъ дышетъ она;
Ей причастны и старецъ и дѣва,
И младенецъ, и мужъ, и жена.

* *
*

Тѣмъ велико твое назначенье
Между братій, поэтъ-гражданинъ,
Что безъ терній свое поученье
Насадить ты способенъ одинъ!

И ты каждое дѣло и чувство
Обреки на добро и осмысль....
Твоя вѣтка—созданье искусства,
А кинжалъ твой—правдивая мысль.

Москва.

Н. Щербина.

Digitized by Google

БІОГРАФІЯ

МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА ЗАГОСКИНА.*

Родъ Загоскиныхъ принадлежитъ къ одной изъ старинныхъ дворянскихъ фамилій. Въ Родословной книгѣ князей и дворянъ Россійскихъ, составленной по *бархатной книгѣ*, и изданной «по самовѣрнѣйшимъ спискамъ» въ 1787 году, сказано: «Загоскины выѣхали изъ Золотой Орды. Выѣхавшій назывался Захаръ Загоско, а отъ него и родовое названіе принято». Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ родился 14-го Іюля 1789 г., Пензенской губерніи и уѣзда, въ селѣ Рамзаѣ, принадлежавшемъ тогда его отцу. Загоскинъ воспитывался въ деревнѣ до 14-ти-лѣтняго возраста; въ дѣтствѣ его уже замѣчена была въ немъ необыкновенная, не часто встрѣчаемая въ дѣтяхъ, страстная охота къ чтенію, въ слѣдствіе которой скоро оказалась склонность и способность сочинять самому. Одиннадцатилѣтній, онъ написалъ повѣсть подъ названіемъ «Пустынникъ»,

---

* При составленіи этой статьи, я основывался, особенно до 1815 года, на запискѣ, сообщенной мнѣ братомъ покойнаго, Маркеломъ Николаевичемъ Загоскинымъ. Съ 1826 г., живя постоянно въ Москвѣ, и находясь въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ авторомъ Юрія Милославскаго, я уже разсказываю то, что видѣлъ и слышалъ самъ; разные документы и письма были доставлены мнѣ сыномъ Загоскина, С. М. Загоскинымъ. *С. А.*

Digitized by Google

которая начиналась небольшимъ предисловіемъ, гдѣ сочинитель просилъ читателей и читательницъ «быть снисходительными къ его сочиненію, принявъ въ уваженіе, что авторъ повѣсти одиннадцати-лѣтній юноша». Послѣднія строки уже показываютъ, что этотъ юноша много читалъ, и заимствовалъ авторскій пріемъ. Повѣсть «Пустынникъ» была такъ недурно написана для ребенка (хотя онъ и называлъ себя юношей), въ ней столько было оригинальныхъ мыслей и пріемовъ (такъ казалось окружающимъ), что многіе, которымъ отецъ Загоскина давалъ читать ее, не хотѣли вѣрить, чтобы это было написано *Мишей*, какъ называли его въ семействѣ, въ кругу родныхъ и близкихъ знакомыхъ. Ободренный блистательнымъ успѣхомъ, одиннадцати-лѣтній авторъ продолжалъ писать; но всѣ его сочиненія, до первой печатной комедіи, пропали, и въ послѣдствіи Загоскинъ очень жалѣлъ о томъ, единственно для себя, любопытствуя знать, какое было направленіе его дѣтскаго авторства. Уцѣлѣла только одна трагедія, въ трехъ дѣйствіяхъ: «Леонъ и Зыдея» написанная какими то «силлабическими» стихами съ рифмами. Произведеніе совершенно дѣтское, вѣроятно предупредившее повѣсть «Пустынникъ». Охота къ чтенію и жажда къ знаніямъ были въ немъ такъ сильны, что онъ, живя въ деревнѣ, мало раздѣлялъ обыкновенныя дѣтскія забавы своихъ сверстниковъ, хотя отъ природы былъ рѣзовъ и веселъ; ребяческой проказливости онъ не имѣлъ никогда, всегда былъ богомоленъ и любилъ ходить въ церковь. Почти все свое время посвящалъ онъ книгамъ, такъ что окружавшіе боялись, чтобы отъ безпрестаннаго чтенія онъ не потерялъ совсѣмъ зрѣнія, которое и тогда было слабо, почему и были вынуждены отнимать у него книги; но любознательный мальчикъ находилъ разныя средства къ удовлетворенію своей склонности. Между прочимъ онъ употреблялъ слѣдующую хитрость; когда отецъ его входилъ въ свой, постоянно запертый кабинетъ, въ которомъ помѣщалась библіотека, и оставлялъ за собою дверь не запертою, что случалось довольно часто, то Миша пользовался такими благопріятными случаями, прокрадывался по тихоньку въ кабинетъ, и прятался за ширмы, стоявшіе подлѣ

Digitized by Google

дверей; когда же отецъ, не замѣтивши его, уходилъ изъ кабинета и запиралъ за собою дверь, — Миша оставался полнымъ хозяиномъ библіотеки, и вполнѣ удовлетворялъ своей страсти; онъ съ жадностью читалъ все, что ни попадалось ему въ руки, и не помнилъ себя отъ радости. Онъ оставался въ кабинетѣ иногда по нѣсколько часовъ, т. е. до прихода отца; при первомъ звукѣ ключа, онъ прятался опять за ширмы, и когда отецъ принимался самъ за чтеніе или за письменныя дѣла, Миша уходилъ по тихоньку, и не рѣдко уносилъ недочитанную книгу. Наконецъ хитрость эта была открыта; предаваясь чтенію съ самозабвеніемъ, онъ не разслышалъ отворяющейся двери, и былъ пойманъ отцомъ на мѣстѣ преступленія, съ книгою въ рукахъ. Отецъ, видя въ сынѣ такое необыкновенное стремленіе къ чтенію и образованію, чего, конечно, не могъ не одобрить, разрѣшилъ ему брать книги изъ библіотеки съ его позволенія; книги выбирались преимущественно историческія, и молодой Загоскинъ могъ удовлетворять свободно своей склонности, не предаваясь однако ей съ излишествомъ, за чѣмъ уже наблюдали постоянно.

Доброта и вспыльчивость были отличительными качествами Загоскина въ самыхъ раннихъ дѣтскихъ лѣтахъ. Вотъ примѣръ того и другаго: маленькой Загоскинъ любилъ читать лежа на диванѣ, и лакомясь изюмомъ и коринкой; одинъ изъ меньшихъ братьевъ часто взлѣзалъ къ нему на диванъ, начиналъ его трогать, щипать и просить ягодъ; Загоскинъ отдавалъ часть лакомства съ просьбою не мѣшать ему; черезъ нѣсколько минутъ маленькой шалунъ опять являлся съ прежними докуками; Загоскинъ отдавалъ весь изюмъ и коринку съ условіемъ: не входить къ нему въ комнату и не мѣшать его чтенію; но черезъ нѣсколько времени, истребивъ весь запасъ лакомства, братъ снова отворялъ дверь — и тогда Загоскинъ, вспыливъ, вскакивалъ съ дивана, бросалъ книгу и принимался таскать за волосы неотвязчиваго ребенка; въ послѣдствіи онъ любилъ этаго брата съ особенною нѣжностью.

Digitized by Google

Такъ шли дѣла до 1802 года. Въ это время Михайло Николаевичь Загоскинъ, по 14 году, былъ отправленъ отцемъ въ Петербургъ, гдѣ и началъ свою службу въ канцеляріи государственнаго Казначея, куда опредѣлился канцеляристомъ въ 1802 году 15-го Мая, оттуда перешелъ онъ служить въ Горный Департаментъ; потомъ былъ перемѣщенъ въ Государственный Заемный Банкъ, и въ 1811 году опять перешелъ въ Департаментъ Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ, помощникомъ столоначальника, въ чинѣ Губернскаго Секретаря. Очевидно, что статская служба Загоскина подвигалась медленно впередъ. Наконецъ наступилъ 1812 годъ, загорѣлась отечественная война, и Загоскинъ, оставивъ статскую службу, записался 9-го Августа въ Петербургское ополченіе. Нельзя предположить, чтобъ въ это десяти-лѣтнее пребываніе и служеніе въ Петербургѣ, Загоскинъ не занимался литературою. Къ сожалѣнію никакихъ точныхъ свѣдѣній я объ этомъ получить не могъ. Знаю только положительно, что именно въ это время Загоскинъ старался вознаградить недостатокъ своего образованія, потому что, при вступленіи въ военную службу, онъ зналъ уже по-французски и нѣсколько по-нѣмецки. Знаю также и то, что именно въ это время Загоскинъ очень нуждался въ средствахъ къ существованію, и что не рѣдко находился въ совершенной крайности вмѣстѣ съ своимъ вѣрнымъ дядькой и слугой, Прохоромъ Кондратьичемъ, котораго вывелъ въ послѣдствіи въ романѣ «Мирошевъ.»

Кто зналъ Загоскина, хотя не въ молодыхъ годахъ, тотъ можетъ судить, какимъ пылкимъ молодымъ человѣкомъ былъ онъ на 24 году своей жизни, когда вступилъ офицеромъ въ ряды Петербургскаго ополченія, въ корпусъ Графа Витгенштейна. Съ дѣтскихъ лѣтъ, имѣя по преимуществу Русское направленіе и пылкую натуру, онъ горѣлъ нетерпѣніемъ запечатлѣть кровью свою горячую любовь къ отчизнѣ, и въ сраженіи подъ Полоцкомъ былъ раненъ въ ногу, и получилъ за храбрость орденъ Анны 3-й степени на шпагу. По излѣченіи раны, онъ возвратился къ

Digitized by Google

своему полку, и по желанію Графа Левиса былъ назначенъ къ нему адъютантомъ; въ этой должности находился онъ до сдачи Данцига, т. е. до окончанія войны. Съ прекрасной наружностью, внушавшей расположеніе и довѣренность, вспыльчивый, живой, откровенный, добрый и постоянно веселый, Загоскинъ былъ любимъ товарищами и всѣми его окружавшими. Истинный Русакъ, исполненный добродушнаго комизма, онъ имѣлъ множество самыхъ смѣшныхъ столкновеній съ Нѣмцами въ продолженіе долгой осады Данцига. Онъ любилъ объ этомъ разсказывать даже въ немолодыхъ своихъ годахъ, и разсказывалъ такъ оригинальн, живо и забавно, что увлекалъ всѣхъ своихъ слушателей, и громкимъ смѣхомъ выражалась общая, искренняя веселость. Нѣкоторыя происшествія, описанныя Загоскинымъ въ четвертомъ томѣ Рославлева, дѣйствительно случились съ нимъ самимъ, или съ другими его сослуживцами.

Послѣ сдачи Данцига ополченіе было распущено, и Загоскинъ, не желая продолжать военной службы, для чего онъ могъ бы перейти въ какой-нибудь армейскій полкъ, отправился въ Россію, на свою родину, Пензенскую губернію, въ свой любимый Рамзай, гдѣ, хотя на короткое время, обратился снова къ прежнимъ, дорогимъ его сердцу занятіямъ: чтенію и сочиненію. Тамъ въ первый разъ попробовалъ онъ себя на поприщѣ драматическомъ, и написалъ комедію въ одномъ дѣйствіи подъ названіемъ «Проказникъ.» Многіе изъ тѣхъ, кому онъ читалъ свою піэсу, очень ее хвалили; но молодой авторъ не могъ имѣть довѣренности къ своимъ судьямъ; а потому по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, въ самомъ началѣ 1815 года, гдѣ онъ поступилъ опять на службу въ тотъ же Департаментъ Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ, тѣмъ же помощникомъ столоначальника, — Загоскинъ рѣшился отдать на судъ свою комедію извѣстному комическому писателю, Князю Шаховскому, хотя и не былъ съ нимъ знакомъ. Къ такому поступку побудили его слѣдующія причины: онъ не зналъ лично никого изъ Петербургскихъ сочинителей, на чье сужденіе могъ бы положиться; Кн. Шаховскій былъ тогда въ большой славѣ, и всѣ его піэсы игрались на театрѣ съ

Digitized by Google

блистательнымъ успѣхомъ; наконецъ, самое важное обстоятельство, — Князь Шаховскій служилъ при театрѣ, репертуарнымъ членомъ, и отъ него вполнѣ зависѣли принятіе театральныхъ піэсъ и постановка ихъ на сцену. Скромный Загоскинъ, не будучи увѣренъ въ своемъ талантѣ, никакъ не могъ рѣшиться пріѣхать прямо къ Князю Шаховскому; онъ написалъ къ нему письмо отъ неизвѣстнаго, въ которомъ просилъ прочесть прилагаемую піэсу, и, принявъ въ соображеніе, что это первый опытъ молодаго сочинителя, сказать правду: есть ли въ немъ талантъ и заслуживаетъ ли его комедія сценическаго представленія; если нѣтъ, то не спрашивая объ имени автора, возвратить рукопись человѣку, который будетъ присланъ въ такое-то время. Этотъ человѣкъ — былъ самъ Загоскинъ. Я не знаю этой піэсы; ее играли на театрѣ съ посредственнымъ успѣхомъ, и она никогда не была напечатана; но въ послѣдствіи я слышалъ отъ Князя Шаховскаго, что онъ былъ пріятно изумленъ, когда между десятками бездарныхъ произведеній, попалась ему въ руки эта небольшая комедія, въ которой онъ замѣтилъ много живости и неподдѣльной веселости. Князь Шаховскій, разумѣется, не возвратилъ ее, а просилъ, также черезъ письмо, отданное самому Загоскину, пожаловать неизвѣстнаго автора къ нему, прибавляя, что онъ находитъ піэсу весьма хорошо написанною, и что очень желаетъ лично познакомиться съ сочинителемъ. Обрадованный Загоскинъ, часа черезъ два, явился къ знаменитому тогда драматургу, и былъ имъ очень обласканъ. Съ этихъ поръ началось его знакомство съ Княземъ Шаховскимъ, перешедшее потомъ въ самую близкую и дружескую связь. Въ томъ же 1815 году, вскорѣ послѣ появленія на сценѣ большой комедіи Князя Шаховскаго «Липецкія воды или Урокъ кокеткамъ» которая, не смотря на блестящій сценическій успѣхъ, нашла много порицателей, Загоскинъ написалъ комедію въ 3-хъ дѣйствіяхъ: «Комедія противъ комедіи, или Урокъ волокитамъ» представленную въ Петербургѣ на маломъ театрѣ въ пользу актера Брянскаго, 3-го Ноября 1815 года. — Эта піэса написана Загоскинымъ, который всегда уважалъ

Digitized by Google

талантъ Князя Шаховскаго, а теперь сдѣлался однимъ изъ самыхъ жаркихъ его почитателей — въ защиту комедіи «Липецкія воды», о чемъ и самъ авторъ говоритъ въ предисловіи. Очевидно, что въ литературномъ мірѣ жестоко нападали на «Липецкія воды». Хотя публика не слушала этихъ нападеній, хотя во время представленія этой комедіи театръ всегда былъ полонъ, и безпрестанно раздавались громкія рукоплесканія, но Загоскину были такъ досадны выходки противниковъ Князя Шаховскаго, что онъ рѣшился высказать на сценѣ въ защиту «Липецкихъ водъ» все то, что можно было изложить въ длинной полемической статьѣ, — и онъ написалъ: «Комедію противъ комедіи». Дѣйствуя тогда по горячему душевному убѣжденію (какъ и во всю свою жизнь), Загоскинъ своей комедіей вооружалъ противъ себя большую часть тогдашнихъ литераторовъ, что также можно видѣть изъ предисловія къ піэсѣ, написаннаго черезъ годъ послѣ ея представленія на сценѣ, гдѣ она имѣла значительный успѣхъ. Для объясненія такого противорѣчія между успѣхами Князя Шаховскаго на сценѣ, въ публикѣ свѣтской и гоненій въ кругу литературномъ, надобно сказать нѣсколько словъ о тогдашнихъ литературныхъ партіяхъ. Князь Шаховскій былъ Шишковистъ, т. е. принадлежалъ къ партіи Александра Семеновича Шишкова, весьма не многочисленной, но упорной и горячей. Шишковъ книгою своей: «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ» уже давно вооружилъ противъ себя и противъ своихъ единомышленниковъ--почти всѣхъ литераторовъ, обиженныхъ нападеніями на Карамзина и его послѣдователей. Но на Князя Шаховскаго сердились, даже болѣе, чѣмъ на самаго Шишкова, именно за комедію «Новый Стернъ», въ которой было осмѣяно Карамзинское чувствительное направленіе. Эту маленькую піэсу, которую теперь знаютъ весьма немногіе изъ молодаго поколѣнія литераторовъ, тогда знала вся читающая публика и хлопала ей на сценѣ безъ милосердія. Книга Шишкова забывалась по немногу, а «Новый Стернъ», написанный недавно, игрался часто на театрѣ. Въ комедіи же «Липецкія воды» осмѣиваюсь балладное на-

Digitized by Google

правленіе Жуковскаго, что также оскорбило многихъ. Нечего и говорить, что обѣ стороны были и правы и виноваты. Теперь это ясно, но тогда было темно. Публика мало заботилась о томъ, кто правъ, кто виноватъ: она смѣялась и хлопала въ театрѣ Шаховскому, смѣялась и знала наизусть эпиграммы, на него написанныя:

Ты въ шубахъ Шаховской холодный,
Въ водахъ ты Шаховской — сухой.

Не припомню первыхъ двухъ стиховъ, но такъ оканчивалась одна изъ самыхъ удачныхъ эпиграммъ, намекавшая первымъ стихомъ на шуточную поэму Князя Шаховскаго: «Расхищенныя шубы», а вторымъ — на «Липецкія воды». Въ печати стояло вмѣсто Шаховской — *Шутовской*. Какъ бы то ни было, только «Комедія противъ комедіи» была принята на сценѣ очень хорошо и давалась часто. Я самъ слыхалъ, даже отъ противниковъ Князя Шаховскаго, что въ піэсѣ Загоскина гораздо болѣе живости дѣйствія, интереса завязки и комизма, чѣмъ въ «Липецкихъ водахъ» хотя на искренность такихъ отзывовъ нельзя полагаться, ибо тутъ похвалою защитника бьютъ защищаемаго, но комедія Загоскина точно имѣла достоинство, не только, какъ первый дебютъ молодаго писателя, какъ піэса *обстоятельствъ*, какъ піэса своего времени, но какъ литературное произведеніе съ нравственной мыслью, высказанной на сценѣ живо и весело, языкомъ чистымъ, легкимъ и разговорнымъ. Очевидно, что Загоскинъ уже много писалъ прежде, но не печаталъ, «набивалъ руку» какъ онъ самъ мнѣ говаривалъ. Тогда, такъ легко и свободно писалъ для сцены только одинъ Шаховскій, заслуги котораго разговорному языку, литературѣ драматической и сценической постановкѣ,—весьма важны и стóятъ благодарнаго воспоминанія.

«Комедія противъ комедіи» была началомъ и основаніемъ извѣстности Загоскина. Въ 1816 году 21-го Мая онъ вышелъ изъ Горнаго Департамента, и женился въ Петербургѣ; а въ 1817 году опредѣленъ въ Дирекцію Императорскихъ Театровъ помощникомъ члена репертуарной части; въ этомъ

Digitized by Google

же году была представлена и напечатана новая комедія Загоскина въ 5-ти дѣйствіяхъ: «Господинъ Богатоновъ или провинціалъ въ столицѣ», посвященная Князю Ивану Михайловичу Долгорукому, которому авторъ комедіи былъ всегда сердечно преданъ. Эта піэса имѣла большой успѣхъ на сценѣ, не смотря на то, что была дана въ первый разъ 27-го Іюня, когда весь Петербургъ переселяется на дачи.

Удивительно, какъ трудно человѣку забыть, хоть на одну минуту, свое настоящее воззрѣніе, и возвратиться къ тѣмъ понятіямъ, къ тому взгляду, которыми руководствовался онъ назадъ тому 40 или 35 лѣтъ, и подъ условіями которыхъ ложились на него впечатлѣнія окружающихъ его предметовъ и явленій. Я съ особенною живостью почувствовалъ эту трудность, прочитавъ Богатонова въ 1852 году. Онъ гораздо выше во всемъ «Комедіи противъ комедіи». Въ «Богатоновѣ» выведено уже не пустое кокетство, не волокитство, а глупый богатый невѣжда, степной помѣщикъ, помѣшавшійся на связяхъ съ знатью и переѣхавшій на житье въ Петербургъ; лицо, на которомъ, какъ на оселкѣ пробуется, показывается нечистая сущность столичныхъ негодяевъ, съ ихъ иностраннымъ, или лучше сказать съ Французскимъ направленіемъ. Въ продолженіи 35-ти лѣтъ, наружныя формы этихъ лицъ такъ измѣнились, что нельзя представить себѣ ихъ прошедшую дѣйствительность. Еслибъ этотъ типъ пропалъ совсѣмъ, то было бы легче вообразить его и не сомнѣваться въ вѣрности изображенія; но онъ не перевелся, его всѣ знаютъ и видятъ, только подъ другими формами, и лица Загоскина кажутся теперь призраками, придуманными авторомъ для назиданія публики, а болѣе для потѣхи зрителей, — или вѣтряными мельницами, съ которыми онъ добросовѣстно сражается. Принявъ въ соображеніе, что всѣ условія французской комедіи, чтимыя и уважаемыя безпрекословно самыми умными тогдашними людьми, теперь скучны и невыносимы даже въ Мольерѣ; что Мольеръ въ малѣйшихъ подробностяхъ считался тогда непогрѣшимымъ образцомъ, что Загоскинъ, разумѣется пристрастно шелъ по

Digitized by Google

тѣмъ же слѣдамъ — надобно признать немало дарованія въ сочинителѣ, если его талантъ пробивается сквозь всю эту кору. Читая Богатонова, именно чувствуешь почти на каждой страницѣ, это, такъ сказать, *проступаніе* природнаго комическаго дарованія; нѣкоторыхъ сценъ и теперь нельзя прочесть безъ смѣха, а живая человѣческая рѣчь слышна у всѣхъ, даже иногда у добродѣтельныхъ людей. Отсюда можно сдѣлать заключеніе, какъ долженъ былъ нравиться «Богатоновъ» въ 1817 году. Оно такъ и было: какъ современникъ Загоскина, я имѣю полное право удостовѣрить въ томъ читателей. Я могу ошибаться въ собственныхъ своихъ сужденіяхъ, а не въ томъ, чему я былъ свидѣтелемъ. Не смотря на невыгодное время своего появленія, «Богатоновъ» очень понравился, и его давали очень часто въ продолженіи лѣта, осени и всего зимняго карнавала; зрители постоянно смѣялись и хлопали, и онъ долго оставался на репертуарѣ. Самобытность комическаго таланта въ Загоскинѣ была признана всѣми; вскорѣ онъ утвердилъ это мнѣніе новой комедіею въ 3-хъ дѣйствіяхъ, подъ названіемъ «Вечеринка ученыхъ», которая въ 1817 году, Ноября 12-го, была дана въ Петербургѣ въ бенефисъ актера Боброва; въ томъ же году Загоскинъ былъ опредѣленъ почетнымъ библіотекаремъ въ Императорскую Публичную Библіотеку. «Вечеринка ученыхъ» конечно бѣдна своей интригою и содержаніемъ, даже бѣднѣе предъидущихъ комедій, уже потому, что повторяетъ одну и туже завязку и развязку: вездѣ надобно женить добраго человѣка на хорошей дѣвушкѣ, вездѣ есть тетушка или сестра, несогласная на этотъ бракъ, вездѣ есть другъ, дядя или братъ, ему покровительствующій, вездѣ изобличаютъ жениха негодяя, всегда графа или князя, и отдаютъ невѣсту доброму человѣку, ею любимому. Это общая тема съ разными варіяціями; но не смотря на то, покровитель дядя въ «Вечеринкѣ ученыхъ», г-нъ Волгинъ, такъ оригиналенъ и смѣшенъ, что варіація вышла весьма удачна. Литературное засѣданіе въ домѣ сестры его, пожилой вдовы г-жи Радугиной, помѣшавшейся на сочиненіи стиховъ и прозы, такъ забавно, исполнено та-

Digitized by Google

кого добродушнаго комизма, что эту сцену никто не выслушаетъ и не прочтетъ безъ смѣха. Можетъ быть литераторы и журналисты, выведенные въ піэсѣ, покажутся лицами неестественными, преувеличенными; но такія лица не только бывали тогда, но даже и теперь можно отыскать имъ подобныхъ, конечно уже людей не молодыхъ, которые въ свѣтскомъ кругу низшаго слоя считаются даровитыми писателями. Нѣтъ, не призраки они были, а взяты изъ жизни, списаны съ натуры, и единственно потому эта небольшая комедія, своимъ третьимъ актомъ, всегда возбуждала общій смѣхъ и рукоплесканія зрителей Петербургскаго театра. Я видѣлъ ее потомъ уже въ 1821 году въ Москвѣ, и публика также смѣялась и также хлопала. Безъ сомнѣнія, Загоскинъ писалъ свои комедіи легко и скоро: это чувствуется по ихъ легкому содержанію и составу; иначе такая дѣятельность была бы изумительна, ибо въ 1817 же году, Загоскинъ вмѣстѣ съ г. Корсаковымъ издавалъ въ Петербургѣ журналъ «Сѣверный Наблюдатель», который, кажется, выходилъ по два раза въ мѣсяцъ, и въ которомъ онъ принималъ самое дѣятельное участіе; а послѣдніе же полгода, — что мнѣ разсказывалъ самъ Загоскинъ, — когда отвѣтственный редакторъ г. Корсаковъ по болѣзни или отсутствію не могъ заниматься журналомъ, — онъ издавалъ его одинъ, работая день и ночь, и подписывая статьи разными буквами и псевдонимами. Не имѣя въ рукахъ книжекъ этаго журнала, ничего не могу сказать о достоинствѣ статей Загоскина.

Въ 1818 году Загоскинъ оставилъ службу при театрѣ, и былъ перемѣщенъ на штатную ваканцію помощника библіотекаря съ жалованьемъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ приведеніи библіотеки въ порядокъ и въ составленіи каталога Русскихъ книгъ, за что черезъ два года былъ награжденъ орденомъ Анны 3-й степени. Въ непродолжительномъ времени, и именно 5-го Іюля, 1820 года, онъ оставилъ службу въ должности штатнаго помощника, и былъ переименованъ въ прежнее званіе почетнаго библіотекаря.

Вѣроятно въ этомъ году была написана Загоскинымъ новая, большая комедія: «Второй Богатоновъ или Столичный

Digitized by Google

житель въ провинціи», которую я не видалъ на сценѣ, хотя она была съ большимъ успѣхомъ играна, и которой я не читалъ; не знаю даже была ли она напечатана. При всемъ моемъ стараніи, я нигдѣ не могъ ее достать.

Въ 1819 году, литературная дѣятельность Загоскина ограничилась небольшой комедіей въ одномъ дѣйствіи: «Романъ на большой дорогѣ.» Эта піэса не имѣетъ значенія и написана такъ, для развлеченія, посреди хлопотливыхъ занятій по дѣламъ устройства Императорской Публичной Библіотеки; а болѣе для того, чтобы дать что-нибудь новенькое въ бенефисъ своимъ любимымъ актерамъ Сосницкимъ, которыхъ и публика также очень любила. Впрочемъ и въ этой бездѣлкѣ языкъ также очень хорошъ, разговоръ живъ и веселъ. Молодой гусаръ, Изборскій, лице, написанное для Сосницкаго, который славился въ подобныхъ роляхъ, мастерски подражая тогдашней военной молодежи, нарисовано очень не дурно: но за то интрига и развязка піэсы до такой степени неправдоподобна, условность доведена до такой наивности, что теперь она составляетъ своего рода комическое явленіе и заставляетъ смѣяться читателя. Не смотря на все это, «Романъ на большой дорогѣ» былъ принятъ публикою съ большимъ одобреніемъ. Эту комедійку давали въ первый разъ въ 1819 году, Іюля 29-го на большомъ Петербургскомъ театрѣ, въ пользу актера и актрисы г-дъ Сосницкихъ. — Въ 1820 году, Загоскинъ написалъ комедію въ 3-хъ дѣйствіяхъ «Добрый малый» и посвятилъ ее своему начальнику, Директору Публичной Библіотеки, Алексѣю Николаевичу Оленину. Это имя не будетъ забыто въ исторіи Русской Литтературы. Всѣ безъ исключенія русскіе таланты того времени собирались около него, какъ около старшаго друга, и вотъ почему Загоскинъ посвятилъ ему свою комедію. Она была представлена въ первый разъ на большомъ Петербургскомъ театрѣ 23-го Іюня того же 1820 года. — Въ основѣ этой піэсы уже лежитъ болѣе глубокая, болѣе серьёзная мысль. «Добрый малый» не пустое, не временное лице, а вѣчное, протей по своему многообразію, онъ не переведется, по-

Digitized by Google

куда будутъ жить люди обществомъ; я думаю даже, что и между дикарями есть своего рода добрые-малые. Хотя у Загоскина Вельскій совсѣмъ не «добрый - малый» дѣйствительно, а отъявленный мошенникъ, но въ комедіи вездѣ проведена мысль: *вотъ кого въ свѣтѣ называютъ добрымъ-малымъ.* Такъ по настоящему слѣдовало назвать комедію. Піэса написана подъ прежними сценическими условіями, завязка, развязка и характеры дѣйствующихъ лицъ, въ своей основѣ, также прежнія, съ нѣкоторыми приличными измѣненіями; но со всѣмъ тѣмъ комедія была признана публикою и литературнымъ судомъ того времени — лучшимъ произведеніемъ Загоскина, изъ всего имъ написаннаго до тѣхъ поръ, что и по моему мнѣнію было справедливо. Выбравъ одну изъ многихъ физіономій «Добраго-малаго,» взглянувъ на него съ своей точки зрѣнія, Загоскинъ очень вѣрно и даже смѣло нарисовалъ всю его фигуру и далъ ему приличное внутреннее содержаніе: Вельскій послѣдователенъ и неизмѣняетъ себѣ до конца піэсы. Сначала онъ своей угодливостью напоминаетъ, какъ-то, Молчалина, но въ послѣдствіи это сходство изчезаетъ. Заимствовать Загоскинъ не могъ, потому что комедія Грибоѣдова написана гораздо позднѣе. Въ этой піэсѣ есть другое лицо, которое мнѣ кажется выдержано и окончено лучше всѣхъ: это старикъ Ладовъ, безграмотный собиратель древностей, почти влюбленный въ Вельскаго. Сцена между имъ и старинным его пріятелемъ Стародумовымъ, который зная Вельскаго за негодяя, старается образумить Ладова — выдержитъ современную строгую критику, и написана съ большимъ умѣньемъ. Послѣдняя сцена, гдѣ читаютъ письмо Вельскаго, и гдѣ онъ отдѣлываетъ всѣхъ слушателей своего письма, также очень хороша, и имѣетъ нѣкоторое сходство съ послѣднею сценою «Ревизора». Комедія очень ловко оканчивается словами Ладова, которому ясно доказали, что Вельскій мошенникъ, что онъ всѣхъ обманывалъ, обыгралъ навѣрное своего пріятеля и хотѣлъ отбить у него невѣсту: «эхъ милый! все такъ.... да малый-то онъ добрый!....» Вообще во всей піэсѣ много жизни и веселости; веселости, которую не можетъ

Digitized by Google

замѣнить никакое остроуміе, никакое комическое положеніе дѣйствующихъ лицъ. Разговорный языкъ даже лучше, чѣмъ въ прежнихъ піэсахъ Загоскина. Это была послѣдняя піэса, написанная имъ въ Петербургѣ.

Въ 1820 году, въ Іюнѣ, Загоскинъ по семейнымъ обстоятельствамъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ и продолжалась вся остальная литтературная его дѣятельность.

До 1821 года Загоскинъ не писывалъ стиховъ; онъ не чувствовалъ паденія и мѣры стиха, и самъ признавался, что это не его дѣло. Одинъ разъ въ кругу короткихъ пріятелей разсердили его тѣмъ, что не хотѣли даже выслушать какихъ-то его замѣчаній на какіе-то стихи, основываясь на томъ, что онъ въ стихотворствѣ ничего не понимаетъ. Загоскинъ вспылилъ и сказалъ, что онъ докажетъ всѣмъ, какъ понимаетъ это дѣло, и черезъ два мѣсяца прочелъ имъ прекрасное, довольно длинное посланіе къ Н. И. Гнѣдичу, написанное шестистопными ямбами съ риѳмами. Оно стоило Загоскину неимовѣрныхъ трудовъ: неимѣл уха, каждый стихъ онъ раздѣлялъ черточками на слоги и стопы, и надъ каждымъ слогомъ ставилъ удареніе; въ иной день ему неудавалось выковать болѣе четырехъ стиховъ, и изъ такой Египетской тяжкой работы, стихи вышли легки, свѣжи, звучны и естественны! Всѣ были изумлены. Тутъ проявилась вполнѣ настоящая Русская, разумѣется талантливая, натура Загоскина: сказалъ сдѣлаю — и сдѣлалъ, да еще едвали не лучше учителей. Это посланіе, кажется, было напечатано въ Петербургѣ, въ журналѣ Общества Соревнователей Просвѣщенія. Изъ писемъ Гнѣдича видно, что въ 1821 же году, Загоскинъ написалъ стихами — сцены: «Авторская клятва,» и потомъ: «Выборъ невѣсты.» Обѣ эти піэсы, написанныя въ драматической формѣ, были читаны въ Обществѣ Соревнователей Просвѣщенія въ Петербургѣ, въ журналѣ котораго они и напечатаны. Вотъ что пишетъ Н. И. Гнѣдичъ къ Загоскину отъ 19-го Апрѣля, 1821 года: «Послѣ *Авторской клятвы*, я уже перестану и удивляться твоимъ истинно блистательнымъ успѣхамъ, любезный другъ Михаилъ Николаевичъ... но удовольствіе Крылова при слушаніи *Авторской*

Digitized by Google

клятвы, вѣрно лучшая тебѣ порука за достоинство піэсы, основанной на дѣйствіи и характерахъ и написанной живо и чисто. Самая же піэса порука намъ, что ты подаришь театръ комедіей въ стихахъ....» Тогда же Загоскинъ написалъ нѣсколько «Разговоровъ въ прозѣ», очень веселыхъ и забавныхъ разговоровъ или діалоговъ. Гнѣдичь, строгій судья и не охотникъ хвалить, пишетъ объ этомъ въ одномъ изъ своихъ писемъ 1821 года Мая 19-го: «Не думаю, мой другъ, чтобы хвалы могли избаловать тебя. Ты имѣешь и умъ и совѣсть дарованья,—чтобы неослѣпляться собою. Успѣхи дѣйствительно, во всемъ смыслѣ этаго слова, блистательны — такъ никто не начиналъ: ты понимаешь меня—не *начиналъ*....

«Я слышалъ и твои разговоры въ прозѣ. Ихъ читалъ Гречь, и читалъ прекрасно. Мысль чрезвычайно оригинальная, веселая, и выполнена отмѣнно пріятно. Родъ этотъ, т. е. маленькія сочиненія въ разговорахъ, можетъ быть лучшимъ упражненіемъ твоего таланта для отдыховъ отъ работъ серьезныхъ, т. е. большихъ.» Ободренный успѣхомъ, Загоскинъ рѣшился написать комедію стихами; съ твердостью, и, можно сказать съ самоотверженіемъ, засѣлъ за работу, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ написалъ довольно большую комедію въ стихахъ, въ одномъ актѣ, также шестистопными ямбами съ риѳмами: «Урокъ холостымъ или наслѣдники,» которая въ 1822 году, 4 Мая была, съиграна на Московскомъ театрѣ и тогда же напечатана. Всякая комедія, написанная прекрасными стихами, языкомъ разговорнымъ, была бы тогда замѣчательнымъ явленіемъ и безъ той неизмѣнной веселости и комической жизни, которой такъ много въ «Наслѣдникахъ:» публика и литераторы приняли піэсу съ восхищеніемъ; стихи въ этой піэсѣ вообще такъ хороши и полны, что и теперь можно ихъ прочесть съ удовольствіемъ. Конечно тогда уже начинали писать гладкими стихами для театра; но въ этой пустой, щеголеватой гладкости состояло все ихъ достоинство. Стихи Загоскина, напротивъ, при всей легкости разговорнаго языка, не пусты: въ нихъ есть содержаніе, сила, и мысль укладывается въ стихѣ вся безъ остатка и безъ натяжки. Въ піэсѣ нѣтъ такихъ мѣстъ, ко-

Digitized by Google

торыя бы ярко выдавались. Она вся написана хорошо, вся ровна. Выписываю совершенно на выдержку: бѣдная дѣвушка Лиза живетъ изъ милости въ домѣ своего дальняго родственника, жена котораго, г-жа Звонкина, попрекаетъ ей бѣдностью, а сынъ ея Любимъ, влюбленный въ Лизу, ее смиренно защищаетъ:

Лиза.

«Конечно, я бѣдна; но бѣдность не порокъ.

Звонкина.

А что жъ, сударыня, чай скажешь добродѣтель!
Покойный твой отецъ, всемірный благодѣтель —
А нищій самъ, какъ ты, точь въ точь же разсуждалъ,
Престрогій былъ судья и взятокъ онъ не бралъ.
Тотъ домикъ выстроилъ, другой купилъ деревню,
А онъ прямехонько попалъ бы въ богадѣльню.

Любимъ.

Честнѣйшій человѣкъ!

Звонкина.

Скажи, сударь, гордецъ:
Хотѣлъ быть всѣхъ умнѣй! Чтожъ вышло наконецъ?
Да что и говорить! онъ былъ совсѣмъ безъ правилъ.
Служилъ въ палатѣ вѣкъ, — а дочь съ сумой оставилъ.

Любимъ.

Все такъ, однакожъ онъ.....

Звонкина.

Ну, полно врать — молчи!
Пошли ко мнѣ отца; а ты достань ключи
Отъ сахару — они въ столѣ; — отдай ихъ Дунькѣ;
Да у меня смотри! прошу ходить по струнке!
Ступай!»

Какъ хорошо обрисовывается натура Звонкиной, и какъ много слышно дѣйствительной жизни во всѣхъ ея словахъ, и какая естественность разговора! Сцены подлой угодливости наслѣдниковъ, когда пріѣзжаетъ ихъ дядя богачь и холостякъ — очень живы и смѣшны. Старикъ хорошо пони-

Digitized by Google

мающій своихъ наслѣдниковъ, прикидывается, что самъ хочетъ жениться на Лизѣ, и всѣ родные, смертельно перепуганные, желая удержать богатство дяди въ своей семьѣ, спѣшатъ помолвить ее за Любима, о чемъ прежде не хотѣли и слышать. Старикъ того и желалъ; онъ отдаетъ все свое имѣніе внуку, и одинъ изъ родственниковъ, болѣе всѣхъ потерявшій, имѣвшій самъ виды на Лизу, оканчиваетъ піэсу слѣдующими стихами:

Турусинъ.

О варваръ, о злодѣй!.... Ну, выдумалъ я средство:
Безъ денегъ, безъ жены и даже — безъ наслѣдства.

Въ томъ же 1822 году, Мая 18-го, Загоскинъ поступилъ къ Московскому Военному Генералъ-Губернатору въ число Чиновниковъ особыхъ порученій, съ исправленіемъ должности экспедитора по театральному отдѣленію. Для объясненія такого, страннаго теперь, назначенія, надобно сказать, что тогда въ Москвѣ не было Дирекціи театра, а находилась Контора, состоявшая подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ Генералъ-Губернатора Князя Д. В. Голицына, который цѣнилъ Загоскина, какъ литератора, и очень любилъ его, какъ человѣка.

Въ 1823 году, Загоскинъ написалъ комедію-водевиль: «Деревенскій философъ», которая была сыграна 23 Января, въ бенефисъ Сабурова. Это очень забавная бездѣлка съ прекрасными куплетами. Выписываю одинъ изъ нихъ: его поетъ Волгинъ, мечтая о своемъ проэктѣ: «устроеніе водянаго сообщенія между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ:»

«Чтобъ подробно ихъ изчислить,
Коротка вся жизнь моя;
Безъ восторга и помыслить,
Не могу объ этомъ я.
Персіяне и Китайцы,
Кашемирцы и Бухарцы
Приплывутъ въ Одессу къ намъ.
Мы соболью бросимъ ловлю,
А Индѣйскую торговлю
Приберемъ тогда къ рукамъ.

Digitized by Google

Въ 1823 году, Марта 30-го, Загоскинъ опредѣленъ въ Контору Дирекціи Московскаго театра, (получившаго свое особенное образованіе и особаго Директора), Членомъ по хозяйственной части.

До 1828 года Загоскинъ ничего не напечаталъ; литературная дѣятельность его, какъ будто, приостановилась; на это были слѣдующія причины: во первыхъ, онъ усердно занялся своей хлопотливой должностью; во вторыхъ, ему очень не нравилась служебная перспектива въ чинѣ вѣчнаго Титулярнаго Совѣтника, потому что невоспитывавшись ни въ одномъ казенномъ заведеніи, онъ не могъ быть произведенъ въ слѣдующій чинъ, и Загоскинъ рѣшился выдержать экзаменъ для полученія чина Коллежскаго Ассессора. Къ экзамену надобно было приготовиться, и Загоскинъ посвящалъ на это все свободное отъ службы время, въ продолженіи полутора года; онъ трудился съ такою добросовѣстностью, что даже вытвердилъ наизусть «Римское право». Наконецъ онъ выдержалъ испытаніе блистательно, и самъ требовалъ отъ профессоровъ, чтобъ его экзаменовали какъ можно строже. Загоскинъ въ письмѣ къ одному изъ своихъ пріятелей очень забавно описываетъ свои экзамены, и между прочимъ сердится на одного изъ профессоровъ, который предложилъ ему вопросъ: кто такой былъ Ломоносовъ? — «Ну, можно ли объ этомъ спрашивать (пишетъ Загоскинъ) не мальчика, а литератора, уже давно получившаго нѣкоторую извѣстность? Я хотѣлъ было отвѣчать ему, что Ломоносовъ былъ сапожникъ». Сваливъ съ плечъ экзаменъ, Загоскинъ, давно ничего не писавшій, принялся за большую комедію въ стихахъ, которую ему и прежде хотѣлось написать; онъ писалъ долго,— и наконецъ въ 1828 году «Благородный Театръ», комедія въ 4-хъ актахъ, была сыграна на Московской сценѣ. Эта піэса имѣла самый полный, самый огромный успѣхъ: зрители задыхались отъ смѣха, хохотъ мѣшалъ хлопать и громъ рукоплесканій вырывался только по временамъ, особенно по окончаніи каждаго акта; только въ послѣдующія представленія, неумолкаемыя рукоплесканія раздавались вмѣстѣ со смѣхомъ. Комедія вполнѣ заслуживала такого успѣха, не по

Digitized by Google

мысли, которая не имѣла большой значительности и тогда, теперь же и совсѣмъ ее теряетъ (кто въ 1852 году станетъ серьёзно заниматься благородными спектаклями?.... а тогда занимались ими серьёзно); но потому, что вся піэса исполнена такой неистощимой веселости, живости, естественности, до того проникнута комизмомъ характеровъ, положеній и рѣчей, написана такими прекрасными стихами, что, собственно въ этихъ отношеніяхъ, не имѣетъ себѣ равной. Кромѣ Г. Любскаго, затѣявшаго у себя благородный спектакль, нарисованнаго и выдержаннаго въ совершенствѣ, кромѣ Г. Волгина, грубаго добряка, попадающаго нечаянно въ закулисный омутъ, вовсе ему чуждый и неизвѣстный, Волгина, который, по моему мнѣнію, своимъ положеніемъ забавнѣе всѣхъ другихъ лицъ, — въ этой комедіи есть характеръ, задуманный весьма счастливо и выполненный прекрасно: это Г. Посошковъ, человѣкъ умный, страстный любитель театра, сочинитель и актеръ, чувствующій, понимающій искусство, и только потому смѣшный и даже глупый, что ничего кромѣ искусства не видитъ и не понимаетъ. Эта исключительность, эта односторонность, которыя иногда бываютъ гибельны людямъ съ истинными дарованіями, схвачены авторомъ очень удачно. Я не помню, было ли лицо Посошкова замѣчено и оцѣнено тогдашними критиками. Должно сказать правду, что необыкновенному успѣху піэсы способствовало мастерское исполненіе на сценѣ: піэсу ставилъ Князь Шаховскій, неимѣвшій равнаго себѣ знатока въ этомъ дѣлѣ. Роль Любскаго была создана, такъ сказать, по средствамъ и особенности таланта Щепкина: Любскій, съ начала до конца, находится въ тревогѣ и волненіи, горячится, выходитъ изъ себя; только Щепкинъ, надѣленный такимъ неистощимымъ запасомъ огня, могъ выдержать эту роль, незамѣняя крикомъ внутренней горячности, недѣлаясь однообразнымъ. Не видавши, нельзя себѣ вообразить того совершенства, съ которымъ, 25 лѣтъ назадъ, игралъ Любскаго нашъ знаменитый артистъ. Мочаловъ — въ роли Вельскаго, Сабуровъ — Посошкова и Рязанцевъ — Извѣдова (незабвенныя потери для сцены) вмѣстѣ съ Кавалеровой, Рѣпиной и со всѣми

Digitized by Google

другими безъ исключенія — составляли такой ладъ въ ходѣ піэсы, какого я, постоянный любитель театра, никогда послѣ не видывалъ. По общему признанію и по справедливости, «Благородный театръ» — лучшая комедія Загоскина. Я хотѣлъ выписками подтвердить мои слова, но это невозможно: надобно выписывать всю піэсу.

Съ 1823 по 1829 годъ включительно, Загоскинъ получилъ ордена 4-й степени Св. Владиміра и 2-й степени Св. Анны, и чины Коллежскаго Асессора и Надворнаго Совѣтника.

Еще до окончанія комедіи «Благородный театръ» овладѣла Загоскинымъ мысль: написать Русскій историческій романъ. Ему до смерти надоѣло, какъ онъ самъ мнѣ часто говаривалъ: «таскать кандалы условныхъ, противуестественныхъ законовъ, которые носитъ сочинитель, пишущій комедію, да еще шестистопными стихами съ проклятыми риѳмами». Вспомнивъ трудность, съ какою Загоскинъ писалъ стихи и охоту щеголять мудреными риѳмами, — легко понять, что онъ говорилъ очень искренно: впрочемъ Загоскинъ иначе и говорить не умѣлъ. — Романъ казался ему «открытымъ полемъ, гдѣ могло свободно разгуляться воображеніе писателя». Онъ былъ весь погруженъ въ эту мысль, охваченъ ею совершенно; его всегдашняя разсѣянность, къ которой давно привыкли, и которую уже не замѣчали, до того усилилась, что всѣ ее замѣтили; и свѣтскіе и знакомые спрашивали другъ друга, что сдѣлалось съ Загоскинымъ? Онъ не видитъ, съ *кѣмъ* говоритъ, и не знаетъ, *что* говоритъ? — Встрѣчаясь на улицахъ съ короткими пріятелями, онъ не узнавалъ никого, не отвѣчалъ на поклоны и не слыхалъ привѣтствій: онъ читалъ въ это время историческіе документы и жилъ въ 1612 году. Вскорѣ по окончаніи комедіи, съ необыкновеннымъ одушевленіемъ принялся онъ писать, и въ 1829 году напечаталъ «Юрія Милославскаго или Русскіе въ 1612 году», въ 3-хъ томахъ. Появленіе этаго романа составляетъ эпоху въ жизни Загоскина, въ литературномъ и общественномъ отношеніи. Восхищеніе было общее, единодушное: не много находилось людей, которые его не вполнѣ раздѣляли. Публика обѣихъ столицъ, и вслѣдъ за нею, или почти вмѣстѣ

Digitized by Google

съ нею, публика провинціальная, пришли въ совершенный восторгъ. Въ послѣдствіи, не такъ скоро, но прочно, безъ восторга, но съ какимъ то умиленіемъ начала читать и читаетъ до сихъ поръ «Юрія Милославскаго» вся грамотная Русь.... и читаетъ она его не даромъ: Русскій умъ, духъ и складъ рѣчи, впервые послышались на Руси въ этомъ романѣ. Всѣ обрадовались «Юрію Милославскому», какъ общественному пріятному событію; всѣ обратились къ Загоскину: знакомые и незнакомые, знать, власти, дворянство и купечество, ученые и литераторы, — обратились со всѣми знаками уваженія, съ восторженными похвалами; всѣ, кто жили или пріѣзжали въ Москву, ѣхали къ Загоскину; кто были въ отсутствіи — писали. Всякой день получалъ онъ новыя письма, лестныя для авторскаго самолюбія. Жуковскій писалъ: «Вотъ что со мной случилось: получивъ вашу «книгу, я раскрылъ ее съ нѣкоторою къ ней недовѣрчивостью, «съ тѣмъ только, чтобы заглянуть въ нѣкоторыя страницы, «получить какое нибудь понятіе о слогѣ вообще, но съ пер«вой страницы перешелъ я на вторую, вторая заманила меня «на третью и вышло наконецъ, что я всѣ три томика про«читалъ въ одинъ присѣстъ, непокидая книги до поздней ночи. «Это для меня рѣшительное доказательство достоинства ва«шего романа». — Пушкинъ выразился почти также въ своемъ письмѣ: «М. Г. Мих. Ник. Прерываю увлекательное «чтеніе вашего романа, чтобъ сердечно поблагодарить васъ «за присылку Юрія Милославскаго,—лестный знакъ вашего «ко мнѣ благорасположенія. Поздравляю васъ съ успѣхомъ «полнымъ и вполнѣ заслуженнымъ, а публику съ однимъ «изъ лучшихъ романовъ нынѣшней эпохи. Всѣ читаютъ его. «Жуковскій провелъ за нимъ цѣлую ночь. Дамы отъ него «въ восхищеніи. Въ *литературной газетѣ* будетъ о немъ «статья Погорѣльскаго.* Если въ ней не все будетъ выска«зано, то постараюсь досказать. Простите. Дай Богъ вамъ «многія лѣта, т. е., дай Богъ намъ многіе романы и пр. «Января 11-го, 1830, Спб».

* Извѣстный псевдонимъ Алексѣя Алексѣевича Перовскаго. — *Ред.*

Digitized by Google

А. Н. Оленинъ, И. И. Дмитріевъ, Кн. Шаховскій, Гнѣдичь, Крыловъ и другіе, горячо и искренно привѣтствовали торжество новаго таланта. Одинъ только Крыловъ не писалъ самъ, по извѣстной своей лѣни, но за него писали Пушкинъ, Гнѣдичь и Князь Шаховскій.

Въ одномъ изъ писемъ Князя Шаховскаго, писанномъ прежде писемъ Жуковскаго и Пушкина, интересно слѣдующее описаніе литературнаго обѣда у Графа Ѳ. П. Толстаго, которое показываетъ впечатлѣніе, произведенное Юріемъ Милославскимъ, при первомъ его появленіи въ печати: «Я «уже совсѣмъ одѣлся, чтобъ ѣхать на свиданіе съ нашими «первокласными писателями, какъ вдругъ принесли мнѣ твой «романъ; я ему обрадовался и повезъ съ собой мою радость «къ Гр. Толстому. Но тамъ меня сю уже встрѣтили. Пер«вое дѣйствующее лицо авторскаго обѣда, явившееся на сцену, «былъ Пушкинъ, и тотчасъ заговорилъ о тебѣ; Пушкинъ «восхищался отрывками твоего романа, которые онъ читалъ «въ журналѣ; входитъ Крыловъ изъ Дворца: распросы о «тебѣ и *улыбательныя* одобренія твоему роману; входитъ «Гнѣдичь: въ восхищеніи отъ прекраснаго твоего романа; «наконецъ является Жуковскій и сказавъ два слова, объявляетъ, «что не спалъ вчера всю ночь,—отъ чего же? Все-таки отъ «твоего романа, который онъ получилъ, развернулъ, хотѣлъ «прочесть кое-что, и, не сходя съ мѣста, и не ложась спать, «не могъ не прочесть всѣхъ трехъ томовъ; а это самая луч«шая похвала, какую онъ могъ сдѣлать твоему сочиненію; «онъ просилъ меня тотчасъ къ тебѣ написать о дѣйствіи, ко«торое ты надъ нимъ произвелъ, о своей благодарности, и «о томъ, что хотя онъ еще не успѣлъ поднести твоего ро«мана Императрицѣ, но предварилъ Ее, что Она увидитъ диво «на нашемъ языкѣ».

Многое измѣнилось въ кругѣ Загоскина: недоброжелатели сдѣлались обожателями, порицатели комика — хвалителями романиста, съ важностью прибавляя, что наконецъ Загоскинъ попалъ на настоящую дорогу. Женщины не остались равнодушными въ общемъ дѣлѣ, и много прекрасныхъ писемъ получилъ Загоскинъ отъ женщинъ, совершенно ему незна-

Digitized by Google

кихъ: однимъ словомъ, онъ сдѣлался знаменитостью, моднымъ человѣкомъ, необходимостью обѣдовъ, баловъ, раутовъ и бесѣдъ съ литературнымъ направленіемъ, львомъ тогдашняго времени. Вниманіе и одобреніе Государя довершило торжество Загоскина.

«Юрій Милославскій« и теперь считается самымъ лучшимъ произведеніемъ Загоскина. Свѣжесть его прекраснаго таланта, новость характеровъ, въ первый разъ выступившихъ на сцену Русскаго романа, а всего болѣе жизнь, вездѣ разлитая, и неподдѣльная веселость Русскаго ума, придаютъ столько достоинства роману, что въ этомъ отношеніи онъ занимаетъ первое мѣсто въ Русской литературѣ. Очевидно, чтеніе историческихъ романовъ Вальтера Скотта внушило автору мысль написать Русскій историческій романъ; очевидно, что онъ заимствовалъ форму и даже пріемы знаменитаго Шотландца; но этимъ ограничилась вся подражательность Загоскина. Его счастливая, по преимуществу Русская, натура создала чисто Русскихъ людей, задуманныхъ, можетъ быть, по образцу чужому. Разумѣется, настоящій герой романа—Кирша, а самъ Юрій Милославскій лицо довольно безцвѣтное. Впрочемъ герои романовъ Вальтера Скотта ничѣмъ его не лучше. Загоскинъ самъ чувствовалъ, что Юрій Милославскій мало возбуждаетъ участія, и потому хотѣлъ оживить его, придавъ ему черты Русскаго молодечества; онъ исполнилъ это не совсѣмъ удачно, потому что поступокъ съ паномъ Копычинскимъ не вытекаетъ изъ характера Юрія Милославскаго; къ тому же это анекдотъ новый, всѣмъ извѣстный и перемѣна рябчиковъ на гуся не помѣшала читателю вспомнить, что это случилось недавно, а не 200 лѣтъ тому назадъ. Такое воспоминаніе, по моему мнѣнію, вредитъ впечатлѣнію разсказа, не даетъ забыться вполнѣ воображенію и перенестись въ ту эпоху, которую описываетъ сочинитель.

Въ Юріѣ Милославскомъ большая часть сценъ написана съ увлекательною живостью, и всѣ лица, кромѣ героя и героини романа, и тѣхъ мѣстъ, гдѣ дѣло идетъ о любви

Digitized by Google

(самое мудреное дѣло въ народномъ Русскомъ романѣ), — лица живыя, характерныя, возбуждающія болѣе или менѣе сочувствіе въ читателяхъ всѣхъ родовъ; лицо же юродиваго Мити, явленіе исключительно Русское, выхваченное изъ древней жизни, стоитъ выше всѣхъ и можетъ назваться художественнымъ созданіемъ; оно написано съ такою сердечною теплотою, которая проникаетъ въ душу каждаго человѣка, способнаго къ принятію такого рода впечатлѣній. Это характеръ очень трудный: малѣйшее несоблюденіе мѣры, въ ту или другую сторону, уничтожило бы его высокое достоинство. Чувство любви христіанской и религіознаго настроенія, которыми постоянно былъ проникнутъ сочинитель, перешли на бумагу. Мнѣ привелось это видѣть своими глазами. Я пришелъ однажды къ Загоскину довольно рано по утру, вошелъ въ его кабинетъ и увидѣлъ, что онъ сидитъ за письменнымъ столомъ. Я подошелъ къ нему такъ тихо, что онъ меня не слыхалъ; когда я взглянулъ на него, то былъ пораженъ: Загоскина нельзя было узнать, слезы текли по его щекамъ и выраженіе духовнаго блаженства разливалось во всѣхъ чертахъ лица.... я не умѣю, не могу передать моего впечатлѣнія, хотя оно совершенно живо и свѣжо въ моей памяти. «Что съ тобой?» спросилъ я. Загоскинъ взялъ тетрадь, всю закапанную слезами, и прочелъ мнѣ смерть боярина Кручины Шалонскаго.

У насъ не было еще народнаго писателя, въ точномъ и полномъ смыслѣ этаго слова; но болѣе всѣхъ можетъ назваться народнымъ писателемъ — Загоскинъ. Кромѣ другихъ сословій, его читали и читаютъ всѣ знающіе грамотѣ, торговые, крестьяне; они разсказываютъ читанное ими, а иногда читаютъ вслухъ многимъ другимъ безграмотнымъ крестьянамъ. Огромное число табакерокъ и набивныхъ платковъ, съ изображеніемъ разныхъ сценъ изъ «Юрія Милославскаго», развозимыхъ по всѣмъ угламъ необъятной Россіи поддерживаютъ извѣстность имени его сочинителя. Я встрѣчалъ простолюдиновъ, которые знаютъ не одного только «Юрія Милославскаго», но и выходившіе послѣ романы и повѣсти Загоскина.

Digitized by Google

«Юрій Милославскій» имѣлъ восемь изданій; онъ переведенъ на Французскій, Нѣмецкій и Англійскій языки, и вездѣ былъ принятъ съ большими похвалами; на Французскій языкъ было сдѣлано вдругъ четыре перевода въ Москвѣ и Петербургѣ. Я видѣлъ у Загоскина много писемъ отъ разныхъ Европейскихъ литературныхъ знаменитостей, писемъ, наполненныхъ лестными отзывами; было даже одно или два письма отъ Валтера Скотта; но ихъ (какъ и многихъ другихъ) до сихъ поръ не могли отъискать въ бумагахъ покойнаго. Два письма, отъ Мериме и Фонъ Ольберга, писанныя *по-Русски*, и потому замѣчательныя, я помѣщаю въ приложеніи.— Переводъ «Юрія Милославскаго» на Чешскій языкъ вышелъ прошлаго года. Вотъ что пишетъ объ этомъ одинъ Пражскій ученый къ извѣстному нашему Профессору Славянскихъ древностей, О. М. Бодянскому: «Прага $^{6}/_{18}$ Іюля 1851 года. Недавно пере«вели «Юрія Милославскаго» Загоскина: вы не можете «имѣть понятія, какъ переводъ былъ расхватанъ. Всѣ ждали «въ типографіи: одинъ читалъ его въ первой, а другіе—во «второй корректурѣ; остальные же, при освобожденіи ли«стовъ изъ-подъ тисковъ, складывали оные и впивались въ «нихъ чтеніемъ. Кажется, нѣтъ человѣка въ Прагѣ, который «не прочелъ бы «Юрія Милославскаго или Русскихъ въ «1612 году.» Безъ сомнѣнія такой восторженный пріемъ былъ приготовленъ извѣстностью Загоскина: вѣроятно, Пражскіе литераторы писали прежде о немъ въ журналахъ, а можетъ быть и переводили отрывки изъ его сочиненій.

Изъ всего сказаннаго мною объ «Юріѣ Милославскомъ» не подлежитъ сомнѣнію, что онъ имѣлъ самый блистательный и прочный успѣхъ; но по какой то странной причинѣ, тогдашніе журналы были очень умѣренны въ своихъ похвалахъ; положимъ, что двое изъ журналистовъ были сами романисты; но отчего другіе, или холодно и двусмысленно хвалили, или упорно молчали? Отзывы журналовъ оставались въ такомъ неблагосклонномъ расположеніи до смерти Загоскина, кромѣ «Библіотеки для Чтенія.» Я недавно читалъ въ одномъ изъ Петербургскихъ журналовъ,

Digitized by Google

что рецензентъ, по случаю восьмаго изданія «Юрія Милославскаго,» развернулъ его — и зачитался: такъ легко и свободно читается этотъ романъ, говоритъ онъ. Дѣло понятное: онъ хотѣлъ сказать, что другихъ достоинствъ въ немъ не находится. Въ этомъ родѣ я читалъ и слышалъ много отзывовъ. Нѣтъ, милостивые государи, нельзя этимъ объяснить огромный, повсемѣстный успѣхъ «Юрія Милославскаго» и собственное ваше сочувствіе: не въ одной живости и веселости разсказа, не въ легкости языка надобно искать причины его, а въ томъ, что весь романъ проникнутъ Русскимъ духомъ, народностью. Вотъ отчего при чтеніи забываются, непримѣчаются его недостатки, въ отношеніи къ искусству, и, можетъ быть, глубинѣ взгляда на историческую эпоху. Чувство народности, согрѣвающее весь романъ, невольно пробуждаетъ тоже чувство, живущее въ душѣ каждаго Русскаго человѣка, и его-то понимаютъ и цѣнятъ высоко самые иностранцы; и вотъ почему можно назвать Загоскина народнымъ писателемъ. Если бъ весь народъ зналъ грамотѣ, онъ читалъ бы съ увлеченіемъ не только «Юрія Милославскаго,» но и другія сочиненія Загоскина. Его по преимуществу Русская натура, его самородный талантъ слышны въ каждомъ словѣ, когда онъ не надѣваетъ на себя личины несродной ему природы. Чтобы задумать и заговорить вполнѣ Русскимъ человѣкомъ, ему не нужно подслушивать, какъ думаетъ и говоритъ Русскій народъ, ему стоитъ только заговорить самому: этого не можетъ сдѣлать ни одинъ изъ Русскихъ писателей. Напротивъ, Загоскину большаго труда стоитъ изображеніе лицъ, которыя говорятъ хотя Русскими словами, но думаютъ и складываютъ рѣчь свою не совсѣмъ по-Русски, такъ, что въ этихъ изображеніяхъ онъ уступаетъ многимъ нашимъ писателямъ: Русскій духъ и складъ рѣчи проступаютъ у него тамъ, гдѣ они неумѣстны. Но за то, когда Загоскинъ вырывается на свободу, то говоритъ свое живое слово, а не чужую мертвую рѣчь. Эта особенность таланта Загоскина, по моему мнѣнію, составляетъ его замѣчательное и великое достоинство. Пожалуй, у насъ въ литературѣ есть свои

Digitized by Google

руссицизмы, искуственно составленные изъ словъ настоящихъ Русскихъ людей, отлитыя въ извѣстныя формы, такъ сказать руссицизмы казенные, которые, будучи лишены духаи жизни, остались мертвой буквой и нетолько не возбуждаютъ сочувствія, но напротивъ производятъ самое непріятное впечатлѣніе.

Князь Шахавскій сдѣлалъ изъ «Юрія Милославскаго» романтическое представленіе въ 5-ти суткахъ: он оне имѣло успѣха на сценѣ.

Въ 1830 году, Апрѣля 30-го, Загоскинъ перемѣщенъ въ должность Управляющаго Конторою Императорскихъ Московскихъ Театровъ, а въ 1831-мъ—произведенъ въ Коллежскіе Совѣтники, опредѣленъ въ должность Директора Московскихъ Театровъ и пожалованъ въ званіе Дѣйствительнаго Каммергера Двора Его Императорскаго Величества.

Немедленно послѣ выхода въ свѣтъ «Юрія Милославскаго», Загоскинъ задумалъ писать другой историческій романъ: «Рославлевъ, или Русскіе въ 1812 году», напечатанный въ 1831 году. Очевидно, что Загоскинъ взялъ на себя слишкомъ тяжелое обязательство, невозможное въ исполненіи по близости эпохи, которой прошло только 18-ть лѣтъ; не говорю уже о громадности, о всемірномъ значеніи самаго событія. Онъ писалъ этотъ романъ около двухъ лѣтъ; слухъ о немъ прошелъ по всей Россіи, и всѣ съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ожидали его появленія. Нѣкоторые изъ литераторовъ предвидѣли трудность такой задачи, и вотъ что Жуковскій писалъ къ Загоскину: «Мнѣ сказывалъ Князь Шаховскій, что вы въ pendant вашему 1612 году пишете романъ 1812 года; не хочу съ вами спорить; но боюсь великихъ предстоящихъ вамъ трудностей. Историческія лица 1612 года были въ вашей власти, вы могли выставлять ихъ по произволу; историческія лица 1812 года вамъ не дадутся. Съ первыми вы могли легко познакомить воображеніе читателя, и онъ, благодаря вашему таланту, увѣренъ съ вами, что они точно были такими, какими ваше воображеніе ихъ представило вамъ; съ послѣдними этаго сдѣлать

Digitized by Google

нельзя: мы знаемъ ихъ, мы слишкомъ къ нимъ близки; мы уже предупреждены на счетъ ихъ, и существенность загородитъ для насъ вымыселъ. Впрочемъ, нѣтъ невозможнаго. Я говорю только: трудно! На всякомъ шагу порогъ, и спотыкаться легко». Но по выходѣ «Рославлева», Жуковскій писалъ слѣдующее къ Загоскину, отъ 14-го Іюня 1831 года: «Благодарю васъ и за подарокъ и за «Рославлева», почтеннѣйшій Михаилъ Николаевичъ. И съ нимъ тоже случилось, что съ его старшимъ братомъ: я прочиталъ его въ одинъ почти присѣстъ. Признаюсь вамъ только въ одномъ: по прочтеніи первыхъ листовъ, я долженъ былъ отложить чтеніе, и эти первые листы произвели было во мнѣ нѣкоторое предубѣжденіе противъ всего романа, и я побоялся, что онъ не пойдетъ на ряду съ Милославскимъ. Описаніе большаго свѣта мнѣ показалось невѣрно, и въ гостинной Князя Радугина я не узналъ свѣтскаго языка. Но все остальное прекрасно, и «Рославлевъ» столько же приманчивъ, какъ старшій братъ его. Благословляю васъ обѣими руками на романы: это ваше дѣло, и предметовъ бездна».... Хотя съ Жуковскимъ нельзя согласиться въ мнѣніи о «Рославлевѣ», но до его выхода изъ печати, общая увѣренность, что «Рославлевъ будетъ еще лучше, или покрайней мѣрѣ еще интереснѣе «Юрія Милославскаго», была такъ велика, что въ Москвѣ произошло, въ своемъ родѣ, также событіе, неслыханное въ лѣтописяхъ книжной Русской торговли. Романъ еще не былъ конченъ, какъ стали просить Загоскина, чтобъ онъ его продалъ: за право напечатать четыре завода, то есть, 4,800 экземпляровъ, предложили сочинителю сорокъ тысячъ рублей ассигнаціями, съ тѣмъ только, чтобы онъ не печаталъ втораго изданія въ продолженіи трехъ лѣтъ! Это невѣроятно, но дѣло было точно такъ и шло черезъ меня. Еще невѣроятнѣе, что содержатель типографіи Н. С. Степановъ, покупавшій романъ, не имѣлъ денегъ для такого предпріятія, и что Московскіе книгопродавцы купили экземпляровъ будущаго неконченнаго романа, въ 4-хъ небольшихъ частяхъ, съ обыкновенною уступкою 20-ти процентовъ за коммиссію, на 36-ть тысячъ рублей ассигнаціями, и внесли деньги впередъ, обязуясь

Digitized by Google

продавать *не дороже* 20-ти рублей за каждый экземпляръ! Кто знаетъ незначительность капиталовъ нашихъ Московскихъ книгопродавцевъ, ихъ осторожность, даже робость во всѣхъ книжныхъ оборотахъ, тотъ пойметъ, какъ велика была общая вѣра публики въ талантъ автора «Юрія Милославскаго»: поступокъ книгопродавцевъ служитъ только ея выраженіемъ. «Рославлевъ» не вполнѣ удовлетворилъ всеобщему ожиданію, и смѣлое предпріятіе Степанова не имѣло успѣха. Двѣ тысячи четыреста экземпляровъ, купленные книгопродавцами, разошлись, но за тѣмъ требованія на книгу прекратились. Главною причиною неудачи была холера въ Петербургѣ, куда, вмѣсто затребованныхъ 800, отправлено 100 экземпляровъ. Впрочемъ, еслибъ Степановъ могъ выдержать, переждать, то получилъ бы большія выгоды; но онъ не могъ этаго сдѣлать, продалъ другую половину экземпляровъ за безцѣнокъ, и потерпѣлъ даже небольшой убытокъ. Въ послѣдствіи нетолько «Рославлевъ« разошелся, не сбавляя своей слишкомъ высокой цѣны, но имѣлъ еще три изданія; слѣдовательно, принявъ въ соображеніе, что первое было въ четверо больше обыкновеннаго, онъ выдержалъ семь изданій. Хотя это доказываетъ почти такой же успѣхъ, какой имѣлъ «Юрій Милославскій», но въ сущности большинство читающей публики, не такъ было довольно новымъ романомъ, какъ прежнимъ: «Рославлевъ» не могъ имѣть ожидаемаго успѣха, хотя талантъ сочинителя, во многихъ частностяхъ, выказался съ прежнею силою и свѣжестью. Не только современное, величайшее въ мірѣ событіе, такъ близко къ намъ стоявшее, что глазъ еще не могъ оглянуть его, но и самое содержаніе романа, основанное на современномъ же, извѣстномъ тогда происшествіи, не могло произвесть полнаго впечатлѣнія и возбудить сильнаго участія, которое долженъ произвесть романъ. Потерявъ достоинство голаго факта, силу дѣйствительности, происшествіе не имѣло и достоинства вымысла, ибо всѣ его знали. Написать же картину двѣнадцатаго года — мысль необдуманно смѣлая. Еще всѣ актеры, кончивши великую драму, полные ею, стояли въ какомъ то неясномъ волненіи, смотря съ изумленіемъ на

Digitized by Google

опустѣвшую сцену ихъ дѣйствій, — какъ вдругъ начинаютъ имъ представлять ихъ самихъ: многимъ изъ нихъ это показалось кукольной комедіей. Къ тому же справедливость требуетъ сказать, что самыя частности, такъ сказать лоскутки картины двѣнадцатаго года, кромѣ нѣкоторыхъ сценъ (какъ напримѣръ превосходной сцены ямщиковъ), въ «Рославлевѣ» слабы и односторонни, а характеры дѣйствующихъ лицъ мелки, хотя многіе изъ нихъ написаны очень вѣрно и забавно. Однимъ словомъ: выборъ такого содержанія былъ ошибкой Загоскина. Вспомнимъ, что Вальтеръ-Скоттъ испыталъ паденіе съ своей исторіей Наполеона, написанной слишкомъ рано. «Рославлевъ» былъ переведенъ на Французскій и Нѣмецкій языки. Кн. Шаховскій сдѣлалъ изъ него драму, которая не имѣла успѣха.

Въ 1833 году, Загоскинъ напечаталъ романъ въ 3-хъ частяхъ, который назвалъ: «Аскольдова могила, повѣсть изъ временъ Владиміра I-го». Эта повѣсть проявляетъ тотъ же талантъ сочинителя, но по своему составу, по множеству мелодраматическихъ эффектовъ, по недостатку мѣстнаго и современнаго эпохѣ колорита (который и возсоздать очень трудно), по содержанію политическому и любовному, мало здѣсь возбуждающему сочувствія въ читателѣ, имѣла гораздо менѣе успѣха, чѣмъ «Рославлевъ». Особенно никого не удовлетворило окончаніе, развязка повѣсти, произшествія слишкомъ спутаны, натянуты, разсказаны торопливо, какъ-то сокращенно, и смерть героя и героини повѣсти, которые во время бури бросаются въ Днѣпръ, съ высокаго утеса, отъ преслѣдованія Варяжской дружины, не согласна съ духомъ христіанской вѣры, которою они были озарены и глубоко проникнуты. Это просто самоубійство, а не мученическая кончина. Но въ сценахъ народныхъ, принимая ихъ въ современномъ значеніи, въ созданіи лица весельчака, сказочника, пѣсельника, Торопки Голована, дарованіе Загоскина явилось не только съ тою же силой, но даже съ бо̀льшимъ блескомъ, чѣмъ въ прежнихъ сочиненіяхъ. Торопка Голованъ, по моему мнѣнію, въ своемъ родѣ даже лучше знаменитаго Кирши, въ «Юріѣ Милославскомъ.» Какая бездна не-

Digitized by Google

истощимой веселости, смѣшливости, находчивости и Русскаго остроумія! Этотъ характеръ былъ загроможденъ, утопленъ, такъ сказать, во множествѣ другихъ лицъ и происшествій романа; когда же онъ вырвался на сцену въ операхъ, гдѣ онъ, хотя не такъ полонъ, но за то сдѣлался виднѣе,—его высокое достоинство обозначилось ярко. Кромѣ того въ Аскольдовой могилѣ всѣ сцены, въ духѣ христіанскомъ написанныя, — прекрасны и такъ искренни, что ихъ нельзя читать безъ сердечнаго сочувствія. Много есть людей благочестивыхъ, которые въ этомъ отношеніи цѣнятъ «Повѣсть изъ Временъ Владиміра I-го» выше всѣхъ другихъ сочиненій Загоскина; она имѣла два изданія. Другая блистательная судьба ожидала Аскольдову могилу, когда Загоскинъ сдѣлалъ изъ нея оперу того же имени, которая была дана въ первый разъ 1835 года Сентября 16-го. Конечно успѣхъ оперы зависитъ отъ музыки, а не отъ либретто, но здѣсь сочинитель послѣдняго отчасти раздѣляетъ торжество съ сочинителемъ музыки. Этимъ нисколько не уменьшается заслуженная слава А. Н. Верстовскаго: музыка его сдѣлалась народною; кто не знаетъ ее, не любитъ и не поетъ?

Двадцать лѣтъ опера «Аскольдова могила» играется на театрахъ провинціальныхъ, — и зрители не могутъ наслушаться и насмотрѣться на нее. Огромныя суммы принесла она Дирекціи Театровъ, особенно въ Москвѣ, гдѣ она превосходно была поставлена, и гдѣ прелестный голосъ и до совершенства доведенная игра г-на Бантышева, въ ролѣ Торопки Голована, до сихъ поръ восхищаютъ зрителей. Всего болѣе нравится въ этой операѣ третій актъ, прекрасно написанный Загоскинымъ въ драматическомъ отношеніи. Онъ весьма счастливо воспользовался старинной воровской пѣсней, въ которой одинъ изъ разбойниковъ дѣйствуетъ точно такъ, какъ Торопка Голованъ, то есть, поетъ, и словами пѣсни сказываетъ своимъ товарищамъ, что̀ надо дѣлать, и что̀ они тутъ же исполняютъ. Большая часть Московскихъ жителей, много разъ, можетъ быть десятки разъ, видали Аскольдову могилу, но магическая сила третьяго акта не убываетъ. Здѣсь безусловно торжествуетъ народность слова

Digitized by Google

и музыкальныхъ звуковъ! Многіе, въ томъ числѣ я самъ, прихаживали въ театръ не за тѣмъ, чтобы слушать оперу, которую знали почти наизусть, а съ намѣреніемъ *наблюдать публику въ третьемъ актѣ* «Аскольдовой могилы»; но не долго выдерживалась роль наблюдателя: Торопка обмарачивалъ ихъ мало по малу своими шутками, сказками и пѣснями, а когда заливался соловьемъ въ извѣстномъ «ужъ какъ вѣетъ вѣтерокъ», да переходитъ потомъ въ плясовую «чарочка по столику похаживаетъ» — обаяніе совершалось вполнѣ; все ему подчинялось, и въ зрителяхъ отражалось отчасти то, что происходило на сценѣ, гдѣ и горбатый Садко, озлобленный насмѣшками Торопки, противъ воли пускался плясать вмѣстѣ съ другими.

Въ 1834-мъ году произведенъ Загоскинъ въ Статскіе Совѣтники, а въ 1837-мъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники и утвержденъ Директоромъ Императорскихъ Московскихъ Театровъ; въ этомъ же году онъ напечаталъ: «Повѣсти Михайла Загоскина» въ двухъ частяхъ. Въ первой помѣщенъ «вечеръ на Хопрѣ» состоящій изъ вступленія и семи разсказовъ, а во второй части — «три жениха» въ пяти главахъ и «Кузьма Рощинъ» въ двухъ отдѣленіяхъ. Всѣ семь вечернихъ разсказовъ на Хопрѣ имѣютъ *страшное* содержаніе, которое впрочемъ никого не испугаетъ, а развѣ иногда разсмѣшитъ. Хотя всѣ они написаны тѣмъ же прекраснымъ, свободнымъ и живымъ языкомъ, но область чудеснаго, фантастическаго, была недоступна таланту Загоскина: онъ — писатель дѣйствительности. Вторая часть повѣстей имѣетъ гораздо большее достоинство. «Три жениха, провинціальные очерки» очень забавны, и драматическая форма, употребляемая въ нихъ иногда авторомъ, придаетъ много живописи этимъ очеркамъ. Должно замѣтить, что Загоскину была не коротко знакома общественная жизнь губернскихъ нашихъ городовъ и вообще быть провинціальный: по четырнадцатому году его отправили въ Петербургъ и только послѣ окончанія войны 1812-го года пріѣзжалъ онъ, не болѣе, какъ на годъ, въ Пензенскую отцовскую деревню: съ тѣхъ поръ онъ жилъ безвыѣздно сначала въ Петербургѣ, а потомъ въ Москвѣ.

Digitized by Google

И такъ, все написанное имъ въ послѣдствіи, по прошествіи многихъ лѣтъ, написано по воспоминанію, по разсказамъ другихъ. Русская натура его съ помощью таланта разгадала многое, и многое нарисовано очень вѣрно. «Кузьма Рощинъ» разсказъ живой и занимательный. Онъ переноситъ читателя въ тѣ давно прошедшія времена, о которыхъ всякой изъ насъ слыхалъ что нибудь въ своемъ дѣтствѣ. Несмотря на то, «Повѣсти» Загоскина не имѣли большаго успѣха. Изъ «Кузьмы Рощина», въ 1837-мъ году, была сдѣлана драма въ 3-хъ актахъ, не помню кѣмъ, не обратившая на себя вниманія публики.

Содержаніе перваго страшнаго разсказа, не совсѣмъ вѣрно названнаго «Панъ Твардовскій», подало мысль Загоскину, гораздо прежде, написать оперу единственно для того, чтобы дать возможность извѣстному нашему композитору Верстовскому испытать свои музыкальныя дарованія въ сочиненіи оперы. Опера явилась еще въ 1828-мъ году, была хорошо принята публикой и довольно долго оставалась на сценѣ; цыганская пѣсня: «Мы живемъ среди полей», весьма удачно написанная Загоскинымъ и положенная на музыку Верстовскимъ, особенно нравилась и долго держалась, да и теперь еще держится въ числѣ любимыхъ пѣсень московскихъ цыганъ и русскихъ пѣселыниковъ.

Въ 1838-мъ году Загоскинъ напечаталъ романъ или повѣсть (назовите, какъ угодно) въ трехъ частяхъ, подъ названіемъ «Искуситель.» Судъ образованной публики и судъ литературный признали «Искусителя» самымъ слабымъ сочиненіемъ Загоскина, съ чѣмъ авторъ самъ соглашался, и что будетъ весьма справедливо, если произнося такой приговоръ имѣть въ виду только двѣ послѣднія части этого произведенія; первая часть ярко отъ нихъ отличается. Авторъ разсказываетъ въ ней дѣтство и юность своего героя Александра Михайловича (фамилія его не названа), проведенныя въ деревнѣ Тужиловкѣ, въ одной изъ отдаленныхъ нашихъ губерній — и разсказываетъ просто, живо, тепло и увлекательно. Подъ именемъ Тужиловки, Загоскинъ описалъ село своего отца, Рамзай, въ которомъ онъ родился и воспитался; нѣкоторыя

Digitized by Google

черты въ характерѣ героя романа, даже черты лица срисованы авторомъ съ самаго себя: безъ сомнѣнія, это обстоятельство способствовало теплотѣ и вѣрности описанія. Въ концѣ первой части Александръ Михайловичь переѣзжаетъ на службу въ Москву и вступаетъ въ свѣтъ. Здѣсь уже нельзя узнать прежняго сочинителя: всѣ свѣтскія лица, лица не русскія, лишены жизни и дѣйствительности, и повѣсть дѣлается скучною неестественною, невозбуждающею интереса, хотя написана языкомъ прекраснымъ и содержитъ въ себѣ много прямыхъ, здравыхъ сужденій и нравственныхъ истинъ, выражающихъ горячую благонамѣренность автора. Загоскинъ хотѣлъ представить, какимъ опасностямъ подвергается молодой человѣкъ, добрый, слабый и неопытный, вступая въ испорченное свѣтское общество; всю его порчу хотѣлъ онъ сосредоточить въ одномъ лицѣ, въ какомъ то загадочномъ баронѣ Брокенѣ, придавъ этому искусителю, кромѣ ума и разныхъ дарованій, что-то фантастическое и діавольское. Я уже говорилъ, что изображеніе людей, утратившихъ русскую физіономію, а также изображеніе всего фантастическаго, было не въ характерѣ таланта Загоскина. «Искуситель» убѣдительно подтверждаетъ мои слова: какъ только Александръ Михайловичь въ концѣ третьей части, послѣ всѣхъ заблужденій и самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ выпутывается неправдоподобнымъ и непонятнымъ образомъ, садится въ коляску и возвращается домой, въ деревню, въ простой, русской бытъ — все перемѣняется и разсказъ автора получаетъ живость, истинность и занимательность.

Въ 1839-мъ году было напечатано новое произведеніе Загоскина: «Тоска по родинѣ», повѣсть въ двухъ частяхъ; успѣхъ ея былъ посредственный, но все она была принята лучше «Искусителя» и выдержала два изданія. Она раздѣляется на четыре большія главы: первая написана очень живо и весело; по несчастію во второй начинается или, правильнѣе сказать, усиливается любовь, появившаяся еще въ концѣ первой главы. Всѣ любовныя сцены, во всѣхъ безъ исключенія произведеніяхъ Загоскина, выходили не-

Digitized by Google

удачны: точно тоже продолжается и здѣсь. Третья глава и почти вся четвертая содержитъ въ себѣ путешествіе, или проѣздъ черезъ Англію и Францію, и почти двухлѣтнее пребываніе въ Испаніи героя романа, Владиміра Сергѣевича Завольскаго. Хотя Загоскинъ довольно живо и ловко описываетъ и Лондонъ, и Парижъ, и Гранаду, и Алгабру, но какъ-то чувствуется, что онъ самъ ихъ не видалъ: почерпнутыя изъ чужихъ путешествій описанія выходятъ блѣдны и читаются безъ интереса; въ нихъ недостаетъ той оригинальности собственнаго взгляда, который вноситъ каждый, сколько нибудь даровитый путешественникъ въ свои дорожныя записки. Нельзя заочно вообразить себѣ именно того впечатлѣнія, которое произвела бы самая дѣйствительность; впечатлѣніе воображаемое не можетъ быть искренно и непремѣнно будетъ ошибочно. Развязка повѣсти, происходящая на песчаномъ берегу моря въ Испаніи, куда прибылъ для этого русскій фрегатъ; чудесное избавленіе, изъ-подъ ножей убійцъ, героя романа тѣмъ самымъ морскимъ офицеромъ, отъ котораго Завольской бѣжалъ въ Испанію, и который оказался роднымъ братомъ, а не любовникомъ героини романа — все это слишкомъ самовольно устроено авторомъ, и не удовлетворяетъ читателя. Но за то личность и характеръ слуги Завольскаго, Никанора Ѳедотова, во всей повѣсти проведены искусно, нарисованы вѣрно и выдержаны вполнѣ. Ѳедотовъ не походитъ ни на слугу Юрія Милославскаго Алексѣя, (который также очень хорошъ), ни на Торопку Голована; но представляетъ въ особомъ родѣ типъ русскаго слуги, написанный мастерски.

Въ томъ же году Загоскинъ сдѣлалъ изъ своей повѣсти «Тоска по родинѣ» оперу того же имени, а Верстовскій написалъ для нее музыку. Она была дана 21-го Августа 1839-го года. Опера не имѣла успѣха и очень скоро была снята съ репертуара. Я не читалъ либретто, и не видалъ піесы на сценѣ, но слышалъ прежде нѣкоторые нумера музыки, и помню, что они нравились всѣмъ.

Съ 1837-го по 1842-й годъ, Загоскинъ оставался Директоромъ Московскихъ Театровъ; въ продолженіе этого времени,

Digitized by Google

онъ съ горячимъ усердіемъ занимался своей должностью. Не смотря на то, что онъ, съ Высочайшаго соизволенія, построилъ малый театръ собственными средствами дирекціи, за что получилъ Всемилостивѣйше пожалованную табакерку съ шифромъ, денежныя дѣла ея находились постоянно въ хорошемъ положеніи. Въ 1840-мъ году, 13-го Апрѣля, Загоскинъ награжденъ былъ за усердную службу орденомъ Св. Владимира 3-й степени. Въ 1842-мъ году, 3-го Февраля, въ слѣдствіе собственнаго желанія и прошенія, по Высочайшему указу, опредѣленъ Директоромъ Московской Оружейной Палаты: въ этой должности оставался онъ до своей кончины. Въ продолженіе послѣдней десятилѣтней своей службы, въ 1845-мъ году Загоскинъ былъ пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Станислава 1-ой степени, а въ 1851-мъ — кавалеромъ ордена Св. Анны 1-й степени.

Въ продолженіе этого пятилѣтія Загоскинъ написалъ комедію въ стихахъ: «Недовольные», которая была представлена на Московскомъ театрѣ безъ большаго успѣха, не смотря на многія комическія сцены и на множество прекрасныхъ и сильныхъ стиховъ. Впрочемъ были люди очень довольные «Недовольными», и И. И. Дмитріевъ въ письмѣ къ Загоскину очень хвалилъ комедію. Вообще въ чтеніи она нравилась гораздо больше. Другая комедія въ прозѣ «Урокъ матушкамъ», напротивъ, имѣла очень большой успѣхъ, и до сихъ поръ остается на репертуарѣ: въ самомъ дѣлѣ она очень весела и забавна. Загоскинъ составилъ или лучше сказать переложилъ ее слово въ слово изъ одной своей повѣсти: «Три жениха», о чемъ я уже и говорилъ.

Въ 1842-мъ году Загоскинъ написалъ романъ въ 4-хъ частяхъ, подъ названіемъ: «Кузьма Петровичъ Мирошевъ, русская быль временъ Екатерины II-й». Это сочиненіе не было оцѣнено по достоинству: большинство публики прочло его съ удовольствіемъ, но безъ всякаго увлеченія. Несмотря на то, Мирошевъ имѣлъ два изданія. Литературный судъ не обратилъ на него особеннаго вниманія, признавая, что Загоскинъ съ обыкновеннымъ своимъ дарованіемъ, но съ излишнею плодовитостью, описалъ ничѣмъ не замѣчательную

Digitized by Google

жизнь пошлаго, безхарактернаго человѣка. По моему мнѣнію такое сужденіе поверхностно и несправедливо. Я считаю Мирошева лучшимъ произведеніемъ Загоскина, не исключая даже Юрія Милославскаго. Въ основѣ романа лежитъ серьёзная и глубокая мысль, которую мы не хотѣли понять и оцѣнить по человѣческой гордости и тщеславію; а можетъ быть, тогда еще рано было оцѣнить ее. Кузьма Петровичь Мирошевъ существо тихое, скромное, покорное, по преимуществу доброе и вполнѣ вѣрующее, съ благодарностью принимающее отъ Бога и радость и печаль; *человѣкъ Божій*, въ томъ высокомъ нравственномъ значеніи, въ какомъ употреблялись эти слова въ старину, но которыми теперь уже опредѣляютъ у насъ совсѣмъ другаго рода человѣка. По-видимому, смирный и богобоязливый Кузьма Петровичь, лице совсѣмъ не поэтическое, и его-то безцвѣтную жизнь и невидную долю разсказалъ намъ авторъ — отъ дѣтства до старости.

Глупая и злая мачиха не взлюбила Мирошева за то, что его звали Кузьмой; она чуть не била его отца, промотала его хорошее состояніе (2,000 душъ), и послѣ смерти родителей сыну осталось въ наслѣдство 300 рублей; деньги пришли очень кстати, потому что въ это время его выпустили въ офицеры изъ кадетскаго корпуса. Круглый сирота и совершенный бѣднякъ, Кузьма Петровичь имѣлъ сокровище — дядьку Прохора Кондратьича, любившаго его съ материнскою горячностью Въ этомъ лицѣ Загоскинъ изобразилъ собственнаго своего слугу и дядьку, который точно также любилъ его и раздѣлялъ съ нимъ нужду и бѣдность въ продолженіи десятилѣтняго пребыванія въ Петербургѣ съ 1802 по 1812-й годъ. Мирошевъ служилъ съ примѣрнымъ усердіемъ, дрался съ непріятелемъ храбро; другихъ награждали — ему не давали ничего; Мирошевъ не роптalъ, не обвинялъ никого. Одинъ трусишка офицеръ, по протекціи вышелъ въ чины и сдѣлался его командиромъ — Мирошевъ повиновался безъ ропота; командиръ сталъ его гнать (какъ случайнаго свидѣтеля своей трусости), сталъ придираться къ нему на каждомъ шагу, и Мирошевъ, увидя, что дѣло

Digitized by Google

плохо, вышелъ въ отставку поручикомъ, и отправился въ Москву вмѣстѣ съ своимъ Прохоромъ Кондратьичемъ искать честнаго куска хлѣба по гражданской службѣ. Дорогой попали они въ маленькую деревеньку «Хопровку», которая очень понравилась Мирошеву красивымъ мѣстоположеніемъ, а дядькѣ — полными хлѣбными гумнами. Вдругъ открывается, что Мирошевъ законный наслѣдникъ этого имѣнія, госпожа котораго, его родная тетка, недавно умерла. Какое неожиданное благополучіе! Но Мирошевъ узнаетъ, что тутъ же живетъ воспитанница его тетки, бѣдная сирота, оберъ-офицерская дочь, и что покойница хотѣла, но неуспѣла укрѣпить ей свои 50 душъ — и Мирошевъ опять нищій: онъ отдаетъ сиротѣ свое родовое имѣніе, исполняя волю умершей тетки. По счастью, дѣвушка ему понравилась еще прежде, чѣмъ онъ узналъ о своихъ правахъ на наслѣдство. Мирошевъ женится на ней, и счастливый, благословляющій милость Божію, живетъ спокойно 17 лѣтъ въ своей красивой Хопровкѣ. Но нужно испытаніе злату въ горнилѣ, и Богъ посылаетъ Мирошеву испытаніе: единственная дочь, которую онъ и мать любятъ всею силою простыхъ сердецъ своихъ, ничѣмъ другимъ неразвлеченныхъ, полюбила сына сосѣда, богатаго и знатнаго родомъ; сынъ, разумѣется, самъ ее любитъ; но отецъ слышать не хочетъ о женитьбѣ сына на мелкопомѣстной дворяночкѣ Дочь сдѣлалась больна, почти умираетъ, мать приходитъ въ отчаяніе. Въ тоже время встала другая бѣда: крѣпостный человѣкъ, управитель графскаго сосѣдняго имѣнія, озлобленный за отказъ его сыну, круглому дураку, котораго онъ вздумалъ женить на дочери Мирошева, извѣстный ябедникъ и дѣлецъ, подаетъ просьбу на бѣднаго Кузьму Петровича, и отнимаетъ у него, безъ всякаго права, почти всю землю, то есть совершенно его разоряетъ. Обидное сватовство «холопскаго» сына взбѣсило всю дворню Мирошевыхъ, вывело изъ себя даже тихую и скромную супругу Кузьмы Петровича: — онъ одинъ оставался кротокъ и твердъ въ своей кротости, онъ не позволилъ проводить сваху съ безчестіемъ. Борьба съ именемъ знатнаго вельможи и богача была невозможна: Мирошевъ

Digitized by Google

вездѣ проигрываетъ, и дѣло переходитъ въ Московскій Сенатъ; но онъ терпѣливо переноситъ свое горькое положеніе, грозящее ему совершеннымъ раззореніемъ, сокрушается только о дочери, и то безъ малѣйшаго ропота на волю Божію. Дочери помогаетъ проѣзжій лекарь, и Мирошевъ, собравъ послѣдніе крохи, ѣдетъ хлопотать по своему дѣлу въ Москву. Онъ навѣрное бы проигралъ свою тяжбу, еслибы одинъ изъ его прежнихъ сослуживцевъ (такой же бѣднякъ, какъ и онъ) не вздумалъ затащить его обманомъ на обѣдъ къ тому самому графу, съ которымъ онъ тягался. Этотъ вельможа держалъ открытый столъ, то есть, у него могъ обѣдать всякой порядочно одѣтый человѣкъ, никому не объявляя своей фамиліи. Мирошевъ послѣ обѣда узналъ, у кого онъ въ гостяхъ; ужасно переконфузился отъ мысли, что ѣлъ хлѣбъ и соль у хозяина, съ которымъ велъ тяжбу, и спѣшилъ уйти домой. По несчастью или лучше сказать по счастью, сосѣдъ его за обѣдомъ (мошенникъ, переодѣтый въ офицерскій мундиръ) укралъ ложку: подозрѣніе падаетъ на Мирошева! Его замѣшательство, когда при выходѣ спросили его фамилію и мѣстожительство, превращаетъ подозрѣніе въ увѣренность. Графу доложили о покражѣ и онъ приказываетъ отнести къ Мирошеву, мнимому вору, еще 11-ть ложекъ: «пусть де будетъ у него полная дюжина.» Здѣсь то несчастный Кузьма Петровичь, дорожившій своимъ честнымъ именемъ болѣе всего на свѣтѣ, доходитъ почти до отчаянія... Но истина скоро открывается; графъ узнаетъ все: проситъ у Мирошева прощенія, чествуетъ у себя въ домѣ, прекращаетъ тяжбу, снабжаетъ сотнею рублей на возвратный путь, и беретъ честное слово съ Кузьмы Петровича, что онъ немедленно по пріѣздѣ домой, пошлетъ за управителемъ и прочтетъ ему письмо, запечатанное графскою печатью. Мирошевъ исполняетъ въ точности порученіе графа: воротясь домой, обнявъ жену и дочь, посылаетъ за управителемъ, распечатываетъ при немъ графской конвертъ, и находитъ купчую крѣпость на все графское сосѣднее имѣніе, состоящее изъ 437 душъ, и въ томъ числѣ на самаго управителя, совершенную на за-

Digitized by Google

конномъ основаніи въ Московской Гражданской Палатѣ на имя Мирошева. Графъ счелъ за долгъ честнаго человѣка, вознаградить за всѣ обиды и разореніе, нанесенныя (отъ его имени) неправедною ябедническою тяжбою ни въ чемъ невиноватому сосѣду. Надменный графской управитель, который не очень посматривалъ и на губернатора, разумѣется, попалился въ ноги новому помѣщику. Ни одной минуты не остановясь на мысли: владѣть своимъ врагомъ, не обидѣвъ его ни однимъ грубымъ словомъ: «встань Панкратій Лукичь! Пусть проститъ тебя Господь, какъ я тебя прощаю. Ступай сегодня же въ городъ и пиши себѣ отпускную»,—сказалъ Мирошевъ. Между тѣмъ, другое еще болѣе радостное извѣстіе ожидало нѣжнаго отца: гордый и знатный сосѣдъ, но человѣкъ съ добрымъ сердцемъ, побѣжденный постоянствомъ и покорностью своего сына, согласился на его женитьбу на дочери Мирошева.... Полное благополучіе, заслуженная награда честности и христіанскаго смиренія, поселяется подъ кровомъ Мирошевыхъ. Еще 15 лѣтъ жилъ, служилъ и любовался счастіемъ своихъ господъ, Прохоръ Кондратьичь. Умирая, онъ отдалъ Кузьмѣ Петровичу ларчикъ: въ немъ лежала сверху икона Преподобнаго Космы, Епископа Халкидонскаго, мѣшечекъ съ десятью цѣлковыми и мелкимъ серебромъ, двѣ изломанныя игрушки, тетрадка съ дѣтскими прописями и бережно завернутая въ бумагу пара истертыхъ сафьянныхъ башмачковъ, которые Кузьма Петровичь носилъ въ своемъ ребячествѣ ... Я счелъ за нужное разсказать содержаніе романа, можетъ быть неизвѣстнаго многимъ моимъ читателямъ новаго поколѣнія. Все просто, все обыкновенно въ «Мирошевѣ;» даже трудно объяснить, что именно производитъ то глубокое и благотворное впечатлѣніе, которое оставляетъ въ душѣ читателя чтеніе этой повѣсти. Кузьма Петровичь Мирошевъ лице невидное, безцвѣтное и безстрастное; тотъ, кто взялъ его въ герои своего романа, долженъ былъ носить въ душѣ любовь и уваженіе къ внутренней духовной высотѣ такого лица. Загоскинъ совершилъ многотрудный подвигъ: онъ вывелъ такъ называемаго добродѣтельнаго, въ настоящемъ же случаѣ просто

Digitized by Google

добраго, человѣка, камень преткновенія и для великихъ талантовъ, — и добрый человѣкъ не скученъ, а напротивъ возбуждаетъ полное сочувствіе. Мирошевъ, снисходительный и уступчивый во всемъ, что касается до его личности, до его самолюбія, до всего того, что свѣтъ называетъ благородствомъ,— твердъ и постояненъ въ сопротивленіи всему нарушающему его совѣсть, въ которой безсознательно заключается святость его вѣрованій и нравственность убѣжденій. Я хотѣлъ было выписать что-нибудь поболѣе изъ словъ Мирошева, для опредѣленія его характера и для подтвержденія моего мнѣнія, но нечего выписать, не на чемъ остановиться: нѣтъ ни одного особенно замѣчательнаго слова, ни одного выдающагося движенія, но таковъ и долженъ быть Мирошевъ. Онъ ничего не сдѣлалъ необыкновеннаго, но читатель убѣжденъ, что если потребуетъ долгъ, Кузьма Петровичъ поступитъ съ полнымъ самоотверженіемъ, и что нѣтъ такого геройскаго подвига, котораго бы онъ не совершилъ незадумавшись; однимъ словомъ: это русскій человѣкъ — христіанинъ, который дѣлаетъ великія дѣла, не удивляясь себѣ, а думая, что такъ слѣдуетъ поступать, что такъ поступитъ всякой, что иначе и поступить нельзя.... и только русской человѣкъ — христіанинъ, какимъ былъ Загоскинъ, могъ написать такой романъ. Загоскинъ сдѣлалъ это безъ малѣйшаго усилія; для всякого же другаго это былъ бы подвигъ слишкомъ трудный, едва ли возможный. Загоскину не нужно было творчества; онъ черпалъ изъ себя, изъ своей собственной духовной природы, и, подобно Мирошеву, не зналъ, что онъ сдѣлалъ и не оцѣнилъ послѣ: онъ признавался мнѣ, что этотъ его романъ немножко скученъ, что онъ писалъ его такъ, чтобы потѣшить себя описаніемъ жизни самаго простаго человѣка, но я думаю, что нигдѣ не проявлялся съ такой силою талантъ его, какъ въ этомъ простомъ описаніи жизни простаго человѣка. На все есть время, а для настоящей эпохи оно летитъ съ неимовѣрной быстротой. Въ десять лѣтъ много утекло воды, и можетъ быть теперь Мирошевъ будетъ оцѣненъ гораздо выше: прямѣе, искреннѣе смотримъ мы на нравственную высоту души и лучше на-

Digitized by Google

чинаемъ понимать русскаго человѣка. Я знаю, что молодое поколѣніе любителей русской литературы мало читало сочиненій Загоскина, развѣ прочло одного Юрія Милославскаго. Знаю, что оно выросло подъ вліяніемъ неблагосклонныхъ отзывовъ журнальныхъ рецензентовъ, и потому я прошу каждаго изъ нихъ, кому дорогъ свой собственный взглядъ и судъ. прочесть Мирошева, хотя для того, чтобъ имѣть полное право не согласиться.

Въ 1842-мъ же году Загоскинъ выдалъ «Москва и Москвичи. Записки Богдана Ильича Бѣльскаго. Выходъ I-й.» Эта книжка содержала въ себѣ десять небольшихъ статей. Двѣ изъ нихъ, III-я и VIII-я, то есть первая сцена изъ московской домашней и общественной жизни «выборъ жениха» вошли потомъ въ составъ послѣдней комедіи Загоскина, о которой я буду говорить въ своемъ мѣстѣ. Въ мелкихъ статьяхъ авторъ вездѣ сохраняетъ свои обыкновенныя достоинства: легкость и свободу языка, веселость и оригинальность взгляда. Очень часто можно не соглашаться съ взглядомъ сочинителя, но всегда прочтешь съ удовольствіемъ все имъ написанное. «Москва и Москвичи, выходъ первый» заключаетъ въ себѣ интересныя извѣстія о многихъ московскихъ зданіяхъ и окрестностяхъ. Вѣроятно по этой причинѣ «первый выходъ» переведенъ на французской языкъ и немедленно былъ вторично изданъ на русскомъ.

Въ 1844-мъ году напечаталъ Загоскинъ второй выходъ Москвы и Москвичей. Въ немъ находилось 11 мелкихъ статей, болѣе или менѣе относящихся къ Москвѣ, къ образу жизни и нравамъ ея обитателей. Второй выходъ имѣлъ всѣ достоинства перваго; доставлялъ такое же пріятное чтеніе, былъ также хорошо принятъ читающей публикой и также въ непродолжительномъ времени былъ напечатанъ вторымъ изданіемъ. Оба выхода «Москвы и Москвичей» имѣли особенный интересъ для московскихъ читателей. Въ нѣкоторыхъ лицахъ многіе узнали своихъ знакомыхъ, а потому и во всѣхъ остальныхъ искали съ кѣмъ нибудь сходства. Въ ласковомъ камергерѣ, который часто встрѣчался и бесѣдовалъ

Digitized by Google

съ Богданомъ Ильичомъ Бѣльскимъ, всѣ узнавали самаго сочинителя.

Между тѣмъ Загоскину захотѣлось возвратиться къ историческимъ романамъ: онъ снова занялся чтеніемъ, изученіемъ и выписками изъ старинныхъ рукописей и документовъ и въ 1846-мъ году напечаталъ: «Брынскій лѣсъ. Эпизодъ изъ первыхъ годовъ царствованія Петра Великаго», въ двухъ томахъ. Публика обрадовалась ему. Этотъ романъ напомнилъ читателямъ Юрія Милославскаго: онъ написанъ съ тою же силою таланта, утратившаго можетъ быть только первую свѣжесть и новость; но конечно романъ не произвелъ и не могъ произвести такого же впечатлѣнія, уже по одной разности эпохъ: въ Юріѣ Милославскомъ въ 1612-мъ году дѣло шло о спасеніи русской земли; оно составляло главное содержаніе, а все прочее было придаточной обстановкой; а въ «Брынскомъ лѣсу» положеніе государства, конечно весьма интересное и важное по своимъ послѣдствіямъ, составляетъ небольшую придаточную часть и служитъ, такъ сказать, введеніемъ въ интригу романа, по несчастью — любовную. Любовь всегда была самою слабою стороною въ романахъ Загоскина. Здѣсь она приторнѣе и несовременнѣе, чѣмъ во всѣхъ прежнихъ. Я не знаю, какимъ образомъ любили въ старину, но всякой скажетъ, вмѣстѣ со мною, что не такъ любили, не такъ думали и говорили, какъ герои романа въ «Брынскомъ лѣсу». Не смотря на то дальнѣйшій ходъ разсказа очень интересенъ; авторъ весьма искусно, естественно вмѣшалъ въ него тогдашнихъ раскольниковъ: они описаны живо и забавно; но взглядъ на расколъ, хотя и вѣрный только съ одной смѣшной стороны, слишкомъ одностороненъ; въ сущности расколъ лежало гораздо болѣе важнаго значенія. Очень удачно нарисованъ боярин Куродавлевъ, осердившійся на царя за мнимое оскорбленіе своего родоваго старшинства, и живущій по боярски въ своей отдаленной отчинѣ; его помѣщичьи отношенія къ своимъ крестьянамъ, холопьямъ и безчисленной дворнѣ, также описаны прекрасно, живо и даже вѣрно, сказалъ бы я, если ихъ придвинуть поближе къ намъ, то есть, если бы событія романа происходили не въ 1682-мъ,

Digitized by Google

а хотя въ 1742-мъ году, двумя поколѣніями позднѣе. Едва ли можно предположить, чтобы отношенія помѣщика къ крестьянамъ до-Петровскаго періода были таковы, какими изобразилъ ихъ авторъ. Впрочемъ всѣ достоинства и особенности таланта Загоскина: русская удаль, рѣчь, шутка, жизнь — блестятъ яркими красками въ этомъ романѣ, и онъ читается весело, съ участіемъ въ ходѣ запутанныхъ происшествій и въ трудномъ положеніи дѣйствующихъ лицъ. «Брынскій лѣсъ» имѣлъ уже два изданія и скоро будетъ изданъ въ третій разъ.

Въ 1848 году Загоскинъ напечаталъ свой послѣдній историческій романъ въ двухъ частяхъ: «Русскіе въ началѣ восьмнадцатаго столѣтія. Разсказъ изъ временъ единодержавія Петра 1-го.» Не нужно распространяться о томъ, какое обширное и богатое поле, исполненное самыхъ важныхъ историческихъ интересовъ, съ каждымъ днемъ получающихъ для насъ большую значительность, представлялось таланту романиста. Самое названіе романа обязывало автора къ изображенію общественнаго положенія, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, отражался бы переворотъ государственный. Разбирая этотъ романъ, прежде всего надобно сказать, что дѣло идетъ не о томъ, до какой степени справедливо воззрѣніе автора на это великое событіе. Я совершенно устраняю этотъ вопросъ, и, по моему мнѣнію, никто не въ правѣ требовать отъ романиста, чтобъ онъ такъ или иначе понималъ историческія событія. Взглядъ Загоскина довольно объясняется во вступленіи къ роману. И такъ я постараюсь только опредѣлить: удовлетворительно ли онъ исполнилъ свою задачу, смотря на предметъ съ его собственной, извѣстной точки зрѣнія? Вотъ въ короткихъ словахъ содержаніе разсказа: на сценѣ являются два молодыхъ гвардейскихъ офицера: Симскій и Мамоновъ, книжная рѣчь которыхъ, пересыпанная дикими иностранными словами, приводитъ въ изумленіе и досаду стариковъ того времени; оба молодые человѣка весьма охотно принимаютъ новый порядокъ вещей и уже скучаютъ старинными обычаями: это представители новаго поколѣнія. Въ противуположность имъ выведено три старика:

Digitized by Google

Л. Н. Рокотовъ, пристрастный другъ старины, ожесточенный врагъ новизны; М. П. Прокудинъ, также осуждающій нововведенія и хранящій старые обычаи, но безъ ожесточенія: читатель чувствуетъ, что этотъ добрый старикъ, способный оцѣнить хорошее въ противной ему новизнѣ, способенъ сдѣлать уступки и сдѣлаетъ ихъ со временемъ; наконецъ третій, Д. Н. Загоскинъ, дядя Симскаго, уже добровольно уступившій новымъ мыслямъ и новому порядку вещей, обрившій бороду и надѣвшій нѣмецкое платье, несмотря на вопли его окружающихъ и на сокрушеніе своей жены. Изъ женскаго пола выведена одна среднихъ лѣтъ А. П. Ханыкова, которая также уже поддалась вліянію новыхъ нравовъ; съ нею живетъ временно родная племенница, В. Д. Запольская, воспитанная вмѣсто дочери роднымъ братомъ Ханыковой, Прокудинымъ. Эта дѣвушка, героиня романа, сохраняя во всей чистотѣ старинныя семейныя понятія и правъ, безъ отвращенія однако ѣздитъ съ своею теткою на нѣмецкія танцовальныя ассамблеи, гдѣ и познакомилась съ молодымъ Симскимъ; разумѣется, они полюбили другъ друга. Надобно отдать справедливость Загоскину, что эта любовь уже гораздо сноснѣе всѣхъ прежнихъ описаній любви въ его романахъ. Завязка состоитъ въ томъ, что Прокудинъ сначала не соглашается отдать свою племянницу за Симскаго, который въ большомъ горѣ отправляется съ своимъ полкомъ на войну съ Турками. Изъ лагеря на Прутѣ съ самую отчаянную минуту, Петръ I отправляетъ его съ извѣстнымъ указомъ въ Сенатъ; порученіе очень опасно, но Симскій счастливо избавляется отъ неминуемой смерти и доставляетъ указъ Сенату; благороднымъ поступкомъ съ своимъ соперникомъ, котораго считалъ женатымъ на Ольгѣ Дмитреевнѣ Запольской, но которому уже давно отказалъ Прокудинъ, какъ подлому трусу, Симскій смягчаетъ предубѣжденіе старика, нравится ему сверхъ того уваженіемъ къ старинѣ и получаетъ руку своей любезной. Есть еще нѣсколько лицъ эпизодическихъ, о которыхъ не говорю. Судя по расходу книги и по отзывамъ тогдашней читающей публики, романъ не имѣлъ большаго успѣха. Всѣ ожидали чего-то другаго: интригу находили

Digitized by Google

слишкомъ простою, невозбуждающею любопытства, а благополучную развязку — неимѣющею достаточныхъ причинъ. Можетъ быть, это отчасти справедливо. Но задача романа состояла не въ томъ. Въ рецензіяхъ журнальныхъ не было сказано ничего опредѣленнаго: слышалась только мысль, что авторъ поверхностно, не глубоко исчерпалъ любопытное время своего романа. Я не раздѣляю этаго мнѣнія. Я думаю, что едвали Загоскинъ могъ черпать глубже, не преступивъ предѣловъ романа и не коснувшись живыхъ государственныхъ вопросовъ. По моему мнѣнію, сочинитель, вѣрный собственному воззрѣнію, обработалъ данный предметъ со всею силою и жизнію своего таланта, и разнохарактерная картина общества съ его замѣчательными оттѣнками написана вѣрно. Изъ всѣхъ разнородныхъ представителей общественнаго мнѣнія, авторъ никому не даетъ явнаго превосходства. Хотя мы знаемъ, съ кѣмъ болѣе согласенъ сочинитель, но противники предка его, Загоскина, и тогдашняго молодаго поколѣнія, особенно непреклонный Рокотовъ, говорятъ очень убѣдительно и дѣльно; сопротивленіе ихъ новымъ идеямъ такъ естественно, такъ много въ немъ здраваго русскаго толка, что дѣйствующія лица являются живыми людьми, а не отвлеченными призраками или воплощенными мыслями, выведенными для торжества извѣстнаго принципа. Нѣкоторые находили, что мало показанъ Петръ I; но я не могу и съ этимъ согласиться: болѣе показать Петра I-го было невозможно и не должно; его огромная личность закрыла бы весь романъ и, заставивъ побѣднѣть или уничтоживъ всѣ другіе интересы, — все бы не удовлетворила читателя. Въ такую ли тѣсную рамку уставиться великому? — Придаточныя лица въ романѣ, каждое въ своемъ родѣ, очень естественны, живы и веселы, кромѣ, можетъ быть, немножко идеальной молдаванки, куконы Хереско. Небольшая сцена нѣмецкихъ генераловъ и французскаго бригадира, извѣстнаго Моро де Бразе, въ лагерной палаткѣ на Прутѣ, при всей своей краткости и сжатости, передаетъ очень живо всѣхъ этихъ господъ. Русская рѣчь также хороша, проста и сильна, однимъ словомъ я считаю послѣднее произведеніе Загоскина не уступающимъ въ достоинствѣ

Digitized by Google

лучшимъ его прежнимъ сочиненіямъ, даже нахожу въ немъ большую зрѣлость мысли й силу языка.

Въ томъ же 1848-мъ году Загоскинъ выдалъ третій выходъ «Москвы и Москвичей.« Онъ состоялъ изъ двѣнадцати небольшихъ статей, относящихся до Москвы, ея обычаевъ, жителей и заведеній; одна изъ нихъ, самая большая по объему и очень забавная по содержанію, а именно: статья IV-я, называющаяся «Поѣздка за границу», написанная въ разговорахъ,— послужила основаніемъ комедіи тогоже имени. Книжка не имѣла однакожь такого успѣха, какъ два первые выхода. Менѣе всѣхъ показалась удовлетворительною 1-я статья: «Нѣсколько словъ о нашихъ провинціяхъ.» Авторъ, не выѣзжая изъ Москвы 30 лѣтъ, написалъ ее по слухамъ, а не по собственному личному убѣжденію, слѣдствіемъ чего было во-первыхъ то, что онъ не имѣлъ права обвинять современныхъ писателей въ пристрастіи и умышленномъ оскорбленіи провинціальныхъ жителей, будто бы терпящихъ напрасливы, и во-вторыхъ то, что все написанное въ защиту провинціальнаго быта, вышло блѣдно, неосновательно, высказано безъ убѣжденія и наполнено общими мѣстами, ктому же и содержаніе нѣкоторыхъ мелкихъ статей уже слишкомъ мелко. Справедливость требуетъ сказать, что послѣдняя статья: «Два слова о нашей и современной одеждѣ» при всей своей краткости и недостаточномъ развитіи, имѣетъ положительное достоинство и замѣчательна по своей мысли.

Въ 1850 году Загоскинъ напечаталъ комедію въ 4-хъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ: «Поѣздка за границу». Она была представлена на театрѣ 19-го Января. Публика приняла ее на сценѣ очень хорошо, хотя причина благопріятной развязки, останавливающая только *на-время* поѣздку за границу, нѣсколько натянута: собственно тутъ нѣтъ поѣздки, а есть только сборы за границу, но за то эти сборы такъ забавны, что зрители смотрѣли комедію всегда съ удовольствіемъ. Надобно прибавить, что она была разыграна очень удачно.

Въ томъ же году вышла 4 я книжка или выходъ «Москвы и Москвичей», заключавшая въ себѣ 10 статей и небольшое предисловіе или вступленіе подъ названіемъ: «къ читателямъ».

Digitized by Google

Загоскину показалось, что рамки, назначенныя имъ для своихъ разсказовъ, слишкомъ узки; онъ рѣшился раздвинуть ихъ, то есть рѣшился говорить не объ одной Москвѣ и ея обычаяхъ, о чемъ и предувѣдомилъ своихъ читателей. Онъ назвалъ свои анекдотическіе разсказы, содержаніе которыхъ не касалось Москвы, «Осенними вечерами,» которые однако не представили большой занимательности; статьи же, собственно относящіяся къ Москвѣ, были напротивъ очень интересны, и вѣроятно благодаря имъ, читающая публика приняла четвертый выходъ «Москвы и Москвичей» гораздо лучше третьяго.

Еще въ 1841 году, во второмъ томѣ извѣстнаго великолѣпнаго альманаха «Сто Русскихъ литераторовъ», изданнаго Смирдинымъ, былъ напечатанъ довольно большой разсказъ Загоскина подъ названіемъ «Офиціальный обѣдъ». Изъ этаго забавнаго, но нѣсколько растянутаго разсказа, въ 1850 же году авторъ сдѣлалъ комедію въ прозѣ, кажется, въ трехъ дѣйствіяхъ: «Заштатный городъ». Вѣроятно на сценѣ она была бы очень весела и смѣшна; но піеса эта не была играна на театрѣ и до сихъ поръ остается не напечатанною.

Въ 1851 году напечатана въ Петербургѣ, сначала въ журналѣ: «Библіотека, для чтенія» а потомъ отдѣльно, послѣдняя комедія Загоскина въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ: «Женатый женихъ». Два ея акта составлены изъ двухъ сценъ «Московской домашней и общественной жизни», напечатанныхъ въ первомъ выходѣ «Москва и Москвичи». Эта комедія въ томъ же году разыграна на Московскомъ театрѣ и весьма неудачно. Піеса до такой степени была дурно или мало срепетирована, что нѣкоторые актеры плохо знали роли. Причиною тому было особенное обстоятельство. Загоскинъ, отличавшійся всегда завиднымъ здоровьемъ, съ нѣкотораго времени началъ прихварывать, и совсѣмъ не позаботился о репетиціяхъ. Піеса не имѣла успѣха, то есть: ее перестали давать; но при первомъ представленіи зрители много смѣялись, и авторъ былъ вызванъ единодушно, какъ и всегда, признательною Московскою публикою. Впрочемъ, кромѣ плохаго исполненія, сама комедія была удачно составлена; на

Digitized by Google

говорю уже о томъ, что два лучшіе акта были давно извѣстны публикѣ въ драматической же формѣ, но только написанные прозою. Вотъ доказательство, что прекрасные, легкіе и сильные стихи, оправленные часто въ диковинныя, мастерски приложенныя риѳмы, и что даже забавныя сцены (если взять ихъ отдѣльно) не могутъ дать успѣха комедіи на театрѣ, если въ ней нѣтъ внутренней связи и единства интереса. Какъ бы то ни было, въ первый разъ случилось, что Загоскинъ былъ огорченъ неудачей на сценѣ своего театральнаго произведенія; онъ приписывалъ эту неудачу невниманію актеровъ, что было справедливо только отчасти. Комедія «Женатый женихъ» — послѣднее произведеніе Загоскина, явившееся на сценѣ и въ печати.

Загоскинъ начиналъ разхварываться: онъ чувствовалъ постоянный ломъ, по временамъ сильно ожесточавшійся въ ногахъ, и даже въ груди, съ какимъ-то наружнымъ раздраженіемъ кожи; впрочемъ сначала онъ терпѣлъ болѣе безпокойства, чѣмъ боли. Доктора находили, что это артритическая острота, (разсѣянная подагра), перешедшая въ послѣдствіи въ подагру атоническую,—нервную. Загоскинъ не любилъ лечиться; первую зиму онъ перемогался, продолжалъ ежедневно выѣзжать, и надѣялся, что лѣто и верховая ѣзда за городомъ, которую онъ очень любилъ, лучше докторовъ возстановятъ его здоровье. Въ первый годъ, точно такъ и было: онъ видимо поправлялся лѣтомъ, но къ осени болѣзнь возвратилась съ удвоенною силою. Загоскинъ принужденъ былъ приняться за лекарство; но лечился такъ неправильно, своенравно, такъ часто перемѣнялъ методу леченья и самыя средства, употребляя ихъ нерѣдко въ страшномъ излишествѣ, слѣдуя совѣтамъ не врачей, что безъ сомнѣнія леченіе ему повредило, и придало болѣзни силу и важность. Страданія физическія отняли у него возможность писать, а человѣку, привыкшему въ теченіе цѣлой жизни къ ежедневной умственной работѣ, такое лишеніе невыносимо. Загоскинъ принялся читать и перечиталъ все, что за недосугомъ было только просмотрѣно или пропущено совсѣмъ. Сначала онъ выѣзжалъ по вечерамъ почти ежедневно, но ѣздилъ уже не въ свѣтское

Digitized by Google

общество, а къ самымъ короткимъ друзьямъ, гдѣ нерѣдко увлекался своимъ живымъ характеромъ, забывая на мгновеніе мучительныя боли, горячился въ спорахъ о какихъ нибудь современныхъ интересахъ, а иногда въ спорахъ о картахъ за 5-ти-копѣечнымъ ералашемъ: громкій голосъ его звучно раздавался по прежнему, по прежнему всѣ были живы и веселы вокругъ него, и взглянувъ въ такія минуты на Загоскина, нельзя было подумать, что онъ постоянно страдалъ недугомъ, тяжкимъ и смертельнымъ. Наконецъ болѣзнь такъ усилилась, что онъ не могъ выѣзжать по вечерамъ: обстоятельство очень тяжелое для Загоскина, потому что при огнѣ онъ не могъ читать; его вывозили только прогуливаться и онъ, не вылѣзая изъ экипажа, дѣлалъ визиты своимъ пріятелямъ и знакомымъ. Кромѣ собственнаго его семейства, родной братъ М. Н. З. съ женою, жившіе тогда въ Москвѣ, были ежедневными его собесѣдниками. Друзья также навѣщали его, составляли пріятельской вистъ или ералашъ, и больной не давалъ задумываться своимъ посѣтителямъ, а напротивъ нерѣдко заставлялъ ихъ смѣяться. Между тѣмъ безпорядочное, часто измѣняемое, леченье героическими средствами продолжалось; приключилась посторонняя болѣзнь, которая при другихъ обстоятельствахъ не должна была имѣть никакихъ печальныхъ послѣдствій, но когда могучій организмъ и пищеварительныя силы ослабѣли, истощились, и 23-го Іюня 185[illegible] года, въ пятомъ часу по полудни послѣ двухъчасоваго спокойнаго сна, взявъ изъ рукъ меньшаго сына стаканъ съ водою и выпивъ немного, онъ внимательно посмотрѣлъ во кругъ себя.... вдругъ лице его совершенно измѣнилось, покрылось блѣдностью, и въ то же время просіяло какою-то веселостью. Онъ вздохнулъ и — его не стало. Больной заснулъ тихимъ, спокойнымъ, вѣчнымъ сномъ. За четыре дня онъ пріобщился Святыхъ Таинъ. Тѣло его предано землѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ*.

---

* С. И. Клименковъ, почтенный и всѣмъ извѣстный въ Москвѣ врачь, который 15 лѣтъ былъ медикомъ и другомъ покойнаго Загоскина и всего его семейства, но котораго, по несчастію, онъ

Digitized by Google

Считаю излишнимъ говорить о глубокой горести его семейства и особенно, больной съ давнихъ лѣтъ, его супруги.

Загоскинъ написалъ и напечаталъ 29 томовъ романовъ, повѣстей и разсказовъ, 17 комедій и 1 водевиль. Въ бумагахъ его найдено немного: прекрасный разсказъ «Канцеляристъ» и нѣсколько мелкихъ статей, которыя вмѣстѣ съ ненапечатанной комедіей «Заштатный городъ» составятъ, какъ я слышалъ, пятый и послѣдній выходъ «Москвы и Москвичей.» Говоря объ Юріѣ Милославскомъ и о Мирошевѣ, я достаточно высказалъ мое мнѣніе о талантѣ Загоскина. Не излишнимъ считаю повторить въ нѣсколькихъ словахъ сказанное мною: талантъ Загоскина самобытный оригинальный, исключительно Русскій; въ этомъ отношеніи онъ не имѣетъ соперника, и потому я считаю его единственнымъ Русскимъ народнымъ писателемъ; основныя качества его таланта — драматичность, теплота и простодушная веселость, даръ драгоцѣнный, рѣдко встрѣчаемый въ самыхъ знаменитыхъ писателяхъ. Это не то, что мы называемъ комизмомъ или юморомъ: Загоскинъ не возбуждаетъ того высокаго смѣха, вслѣдъ за которымъ выступаютъ слезы. Читая Загоскина, становится только весело на душѣ, и со дна ея незамѣтно поднимается чувство народности, достоинство высокое.... Къ этому должно прибавить, что все написанное Загоскинымъ, проникнуто чувствомъ нравственнымъ, религіознымъ, и пламенной любовью къ родной земл[illegible]; его же искренняя, горячая преданность къ Государю извѣстна всѣмъ. Загоскинъ проводилъ Русское направленіе, какъ онъ понималъ его, вездѣ, во всякомъ сочиненіи, и возставалъ, сколько могъ, противъ подражанія иностранному.

не слушался въ послѣдніе два года, призванный только за три дня до кончины Загоскина, полагаетъ, что она произошла вслѣдствіе истощенія силъ больнаго, сначала гидропатіей, потомъ средствами горячительными и раздражающими, наконецъ четырехмѣсячнымъ употребленіемъ Цитманова декокта; что наслѣдственная подагра, гнѣздившаяся въ немъ издавна, не смотря на трезвую и правильную жизнь, при существовавшей тогда эпидеміи въ Москвѣ кровавыхъ дисентерій, бросилась на пищеварительные органы и произвела воспаленіе и антоновъ огонь.

Digitized by Google

Загоскинъ былъ Членомъ Русскаго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, а потомъ и Предсѣдателемъ Общества Любителей Русской Словесности при Московскомъ Университетѣ. Сверхъ того онъ имѣлъ *авторскія кресла* въ театрахъ обѣихъ столицъ: награда, которою, кромѣ его, не былъ почтенъ ни одинъ Русскій драматическій писатель.

Опредѣливъ, по крайнему моему разумѣнію, согласно моимъ личнымъ убѣжденіямъ, Загоскина, какъ писателя, я долженъ теперь сказать о немъ, какъ о человѣкѣ. Говорить о служебной дѣятельности Загоскина не мое дѣло. Безъ сомнѣнія онъ, какъ человѣкъ честный, дорожилъ добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ должностей. Его формулярный списокъ свидѣтельствуетъ, что кромѣ наградъ чинами, орденами и знакомъ отличія за 40-лѣтнюю безпорочную службу, Загоскинъ получилъ восемь Высочайшихъ благоволеній, изъ коихъ шестью удостоенъ, служа при театрѣ «за хозяйственныя распоряженія и соблюденіе значительной экономіи.»

Основными качествами характера Загоскина были: честность, веселость, неограниченное добродушіе и довѣрчивость; послѣдними двумя качествами,—которыя людская испорченость называетъ дѣтскими, слѣдственно неуважаетъ, и даже смѣется надъ ними,—разумѣется пользовались люди, имѣвшіе къ тому охоту и надобность; имъ особенно помогала восторженность Загоскина, проходившая мгновенно и безвредно. Стоило только его разсердить, что было весьма нетрудно, — въ горячности вылетало у него какое нибудь рѣзкое или грубое слово, мнимо обиженный прикидывался огорченнымъ, жалкимъ — и добрѣйшій Загоскинъ готовъ былъ сдѣлать все, чтобъ загладить вину свою. Дѣлая много добра, онъ никогда не помнилъ о томъ; ему пріятно было, если помнили другіе, и пріятно только потому, что онъ радовался душою, находя въ людяхъ добрыя качества. Загоскинъ никогда не жаловался и даже не любилъ, чтобъ говорили и другіе о какомъ нибудь человѣкѣ, неблагодарномъ ему за добро. Я самъ, выведенный изъ терпѣнія однимъ такимъ господиномъ, исторію котораго зналъ коротко,

Digitized by Google

выразился о немъ очень жестко, будучи наединѣ съ Загоскинымъ.... Загоскинъ огорчился и взялъ съ меня честное слово не говорить никогда, не только ему, но и никому о неблагодарности лица, о которомъ у насъ шла рѣчь. Признаюсь, я былъ пораженъ такою христіанскою добротою Загоскина: во всю свою жизнь не сдѣлалъ съ намѣреніемъ никому вреда. Это несомнѣнная истина. Въ пылу горячаго спора, ему случалось сказать о человѣкѣ, даже при лишнихъ свидѣтеляхъ, что нибудь могущее повредить ему; но когда горячность проходила, и Загоскину объясняли, какія вредныя послѣдствія могли имѣть его слова, которыхъ онъ не помнилъ,—Боже мой, въ какое раскаяніе приходилъ онъ.... онъ отыскивалъ по всему городу заочно оскорбленнаго имъ человѣка, бросался къ нему на шею, хотя бы то было посреди улицы, и просилъ прощенья; этого мало; отыскивалъ людей, при которыхъ онъ сказалъ обидныя слова, признавалъ свою ошибку и превозносилъ похвалами обиженнаго.... Можетъ быть, инымъ покажется это смѣшно, но высока эта смѣшная сторона. Будучи вспыльчивъ отъ природы, Загоскинъ совсѣмъ не имѣлъ того раздражительнаго авторскаго самолюбія, которымъ обыкновенно страдаютъ писатели. Не только его друзья и пріятели, но всякій могъ сдѣлать лично ему какія угодно жесткія замѣчанія, и онъ принималъ ихъ всегда добродушно и спокойно, и готовъ былъ сознаться въ ошибкѣ, если чувствовалъ справедливость замѣчаній. Онъ не выносилъ только одного, если нападая на Загоскина, задѣвали Россію или Русскаго человѣка, тогда неминуемо слѣдовала горячая вспышка. — Загоскинъ былъ разсѣянъ, и его разсѣянность подавала поводъ ко многимъ смѣшнымъ анекдотамъ: онъ часто клалъ чужія вещи въ карманъ и даже запиралъ ихъ въ свою шкатулку; сѣлъ одинъ разъ въ чужую карету, къ дамѣ, не коротко знакомой, и приказалъ кучеру ѣхать домой, тогда какъ мужъ стоялъ на крыльцѣ, и съ удивленіемъ смотрѣлъ на похищеніе своей жены. Въ другой разъ онъ велѣлъ отвезть себя не въ тотъ домъ, куда хотѣлъ ѣхать и гдѣ ожидало его цѣлое общество; онъ задумался, вошелъ въ гостиную, въ которой бывалъ

Digitized by Google

очень рѣдко, и объявилъ хозяйкѣ, съ которой былъ не коротко, но давно знакомъ, что пріѣхалъ прочесть ей по обѣщанію отрывокъ изъ своего романа; хозяйка удивилась и очень обрадовалась, а Загоскинъ, примѣтивши наконецъ ошибку, посовѣстился признаться въ ней, и прочелъ назначенный отрывокъ къ общему удовольствію и хозяевъ и гостей. Разсѣянность не оставляла иногда Загоскина даже въ дѣлахъ служебныхъ: онъ подалъ одинъ разъ Министру вмѣсто рапорта о благосостояніи театра, счетъ своего портнаго: Министръ усмѣхнулся и сказалъ: «Охъ, эти господа авторы.» — Загоскинъ былъ не только разсѣянъ, но и чрезвычайно безпамятенъ, отчего такъ конфузился на сценѣ, что почти не могъ участвовать въ благородныхъ спектакляхъ, хотя иногда очень желалъ раздѣлять со всѣми эту забаву, бывшую въ большомъ ходу въ Москвѣ въ 1820 годахъ. Особенно былъ смѣшенъ одинъ случай, который я разскажу, какъ характерную черту физіономіи Загоскина: въ день имянинъ или рожденія К. Д. В. Г-на, котораго, какъ человѣка, любили всѣ, безъ исключенія, былъ сдѣланъ ему сюрпризъ; Загоскинъ сочинилъ интермедію съ куплетами подъ названіемъ «Репетиція на станціи.» Прозу писалъ онъ, стихи — А. И. Писаревъ, а музыку — Верстовскій. Это была веселая и забавная бездѣлка, — куплеты же Писарева — прелесть: такихъ куплетовъ уже не пишутъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ умеръ. Въ интермедіи Загоскинъ игралъ Загоскина, Писаревъ — Писарева, Верстовскій — Верстовскаго, нарядившагося старымъ хористомъ. Кромѣ нихъ участвовали въ піесѣ А. А. Башиловъ, Данзасъ и другіе. Кто могъ пѣть, тотъ пѣлъ куплеты, кто не могъ — говорилъ ихъ подъ музыку; Загоскинъ не пѣлъ и долженъ былъ послѣдній, какъ сочинитель пьесы, проговорить безъ музыки свой, самимъ имъ написанный куплетъ; опасаясь, что забудетъ стихи, онъ переписалъ ихъ четкими буквами и положилъ въ карманъ; опасеніе оправдалось: онъ забылъ куплетъ и сконфузился; но досталъ изъ кармана листокъ, подошелъ къ лампѣ, пробовалъ читать въ очкахъ и безъ очковъ, перевертывалъ бумагу, сконфузился еще больше,

Digitized by Google

что-то пробормоталъ, поклонился и ушелъ*. Занавѣсъ опустился. Когда актеры вышли въ залу къ зрителямъ, всѣ окружили Загоскина и спрашивали «что съ нимъ сдѣлалось?» Онъ отвѣчалъ, что стихи позабылъ, а въ карманъ ошибкой положилъ, вмѣсто куплета, листокъ бѣлой бумаги.... — Когда я спросилъ его о томъ же въ свою очередь, Загоскинъ шепнулъ мнѣ на ухо: «такъ сконфузился, мой другъ, что не могъ разобрать своей руки: ужъ это я выдумалъ, что будто положилъ въ карманъ бѣлую бумагу; только молчи, никому не сказывай.» Я и промолчалъ на тотъ вечеръ или на ту ночь, потому что ужинъ и балъ продолжались до утра. На другой день я разсказалъ секретъ всѣмъ пріятелямъ, да и Загоскинъ съ своей стороны сдѣлалъ тоже: разумѣется, всѣ посмѣялись вдоволь.

Загоскинъ былъ постоянно веселъ въ обществѣ и семейномъ кругу. Эта веселость происходила отъ невозмутимой ясности простой его души, безупречной совѣсти и непостижимаго благодушія, невольно сообщалась другимъ и одушевляла всѣхъ: понятно, какъ онъ былъ любимъ въ обществѣ, въ кругу родныхъ и въ семьѣ. Веселость не оставляла Загоскина даже въ мучительной болѣзни; разсказывая о своихъ страданіяхъ, онъ нерѣдко употреблялъ такія оригинальныя выраженія, что заставлялъ смѣяться окружающихъ и самого врача. Шуточное неконченное посланіе въ стихахъ къ А. Е. Аверкіеву, которое будетъ напечатано въ послѣдней книжкѣ «Москвы и Москвичей», показываетъ, до какой степени сохранялась въ Загоскинѣ веселость и спокойствіе духа почти до самой кончины. Будучи самъ неспособенъ не только къ чувству зла, но даже къ минутному недоброжелательству, онъ никогда не предполагалъ этихъ

---

* Первое представленіе этой интермедіи происходило въ подмосковной Кн. Д. В. Г., гдѣ посѣтителей было не такъ много: тогда кое-какъ Загоскинъ прочелъ свой куплетъ, и то принужденъ былъ взять его у суфлера и разбирать со свѣчкой: хозяинъ и небольшой кругъ гостей много смѣялись; разсказанный же мною анекдотъ случился при повтореніи интермедіи въ Москвѣ при многочисленной публикѣ, въ домѣ Ѳ. Ѳ. Кокошкина.

Digitized by Google

свойствъ въ другихъ людяхъ. Лицемѣріе онъ не понималъ совсѣмъ. Множество ошибокъ и поучительныхъ уроковъ не излечили его отъ довѣрчивости, и ему всегда казалось, что онъ окруженъ прекрасными людьми.

Загоскинъ не получилъ въ своей юности систематическаго, научнаго образованія: онъ учился самъ и образовалъ себя въ послѣдствіи необыкновенно обширнымъ чтеніемъ книгъ. Имѣя умъ простой, здравый и практическій, онъ нелюбилъ ни въ чѣмъ отвлеченности, и былъ всегда врагомъ всякой мечтательности и темныхъ, метафизическихъ, трудныхъ для пониманія, мыслей и выраженій. Въ прежнее время, когда это направленіе было въ ходу, онъ врѣзывался иногда съ Русскимъ толкомъ и мѣткимъ Русскимъ словомъ, въ кругъ людей погрязшихся въ туманахъ Нѣмецкой философіи, и не только всѣ окружающіе, но и сами умствователи, внезапно упавъ съ холодныхъ и страшныхъ высотъ изолированной мысли, предавались веселому смѣху.

Изъ всего сказаннаго о Загоскинѣ не трудно заключить, что онъ былъ безцеремоненъ, простъ въ обращеніи: многимъ казалось, что эта простота доходила до излишества. Бывая иногда, по своему положенію въ свѣтѣ и по своей литературной славѣ, въ кругу людей такъ называемаго высшаго общества, Загоскинъ не могъ не грѣшить противъ его законовъ и принятыхъ формъ, потому что былъ одинаковъ во всѣхъ слояхъ общества; его одушевленная и громкая рѣчь, неучтивая точность выраженій, простота языка и пріемовъ, часто противорѣчили невозмутимому спокойствію холоднаго этикета. Нѣкоторые пожимали плечами, улыбались значительно и удалялись отъ него, а нѣкоторые именно за то очень любили и уважали Загоскина.

Въ заключеніе должно сказать, что ко всѣмъ прекраснымъ свойствамъ своего счастливаго нрава, къ младенческому незлобію души и неограниченной добротѣ, Загоскинъ присоединялъ высшее благо — теплую вѣру христіанина.... Да будетъ миръ его душѣ.... *С. А—въ.*

Декабря, 1852 года.
Деревня.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. *Письмо Мериме.*

Почтеннѣйшій государь! Мнѣ трудно было бы выразить удовольствіе мнѣ сдѣланное вашимъ любезнѣйшимъ отвѣтомъ. Хотя я старался быть справедливымъ къ вашей странѣ, однакожъ боялся обижать національное чувство моихъ Русскихъ друзей нѣкоторыми слишкомъ Французскими шутками: одному Французу, пожалуйте, какъ не шутить? уже Г. Мелегуновъ утихъ мое безпокойствіе, а вѣроятно это онъ, которому я обязанъ за ваше, столько честное для меня, мнѣніе о моихъ письмахъ. Это мнѣніе мнѣ было бы еще драгоцѣннѣе если вы сами читали. Эти письма были напечатаны въ Revue de Paris, — не можно ихъ найтти въ Москвѣ? Натурально въ нихъ я выразилъ мое усердное почтеніе къ нѣкоторымъ Русскимъ писателямъ, а особенно былъ счастливъ говорить про Загоскина и Греча. — Вы были мое провидѣніе въ Москвѣ какъ онь въ Петербургѣ.

Прощайтесь, любезнѣйшій государь,—не будте слишкомъ строгъ за то, что я смѣюсь обижать вашъ православный языкъ.

Мое почтеніе къ вашему семейству —
вашъ на вѣки
Генрихъ Александровичъ Мериме.

Молодой живописецъ возвратился въ возхищеніи за Русское гостепріимство — я не удивляюсь — знаю, что значитъ хлѣбъ-соль.

2. *Письмо Олберга.*

Милостивый государь. Не имѣя счастіе знать Васъ лично, я уже съ давняго времени познакомился съ Вами посредствомъ литературныхъ трудовъ Вашихъ, и теперь пользуюсь случаемъ еще болѣе сблизиться

Digitized by Google

съ Вами. Въ знакъ моего къ Вамъ уваженія и въ доказательство того, что мы стараемся передать Германіи произведенія отличныхъ талантовъ Россіи, прошу принять благосклонно сдѣланный мною переводъ нѣсколькихъ Русскихъ повѣстей. Будьте увѣрены, что я съ такимъ же удовольствіемъ занимаюсь переводомъ Вашего прекраснаго сочиненія, съ какимъ мои соотечественники будутъ читать его.

Отъ души желаю, чтобъ Вы сколько много болѣе доставляли намъ удовольствіе Вашими сочиненіями. Счастливымъ почту себя, если Вы удостойте меня дружескимъ отвѣтомъ и если позвольте мнѣ продолжать нашу литературную связь, пока я буду имѣть счастіе лично представиться Вамъ въ Санктъ-Петербургѣ.

Съ преданностію и особеннымъ уваженіемъ къ вашимъ талантамъ остаюсь

Вашъ покорнѣйшій слуга
Е. Фонъ Олбергъ.

Капитанъ К. Прускаго Генеральнаго Штаба Е. В. Принца Карла.

Берлинъ $\frac{18}{30}$ Марта
1837 года.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

№ 2. Январь. Кн. 2.

1853.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

О ЗНАЧЕНІИ ЖУКОВСКАГО ВЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ И ПОЭЗІИ.

(Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета, О. Профессоромъ Русской Словесности С. Шевыревымъ 12-го Января 1853).

ММ. ГГ.

Въ минувшемъ году, на Ѳоминой недѣлѣ, съ пятницы на субботу, на далекой чужбинѣ, въ цвѣтущемъ уголкѣ Швабіи, совершалось событіе, грустное для сердца всей мыслящей Россіи: умиралъ Жуковскій[1]. Еще не минуло ему семидесяти лѣтъ — не исполнилась мѣра, данная жизни человѣческой, не щадящей для труда силъ своихъ[2], какъ смерть застала его середи дѣятельности самой бодрой. Въ мысли его, любившей прежде летать по слѣдамъ другихъ поэтовъ, зачинался трудъ самобытный. Онъ называлъ начатую свою поэму лебединой своею пѣснію. Онъ готовилъ въ ней «результатъ всѣхъ послѣднихъ трудовъ своихъ». Онъ, столько совершившій для Отечества, смиренно молилъ у Бога еще десяти лѣтъ жизни и здоровья, чтобы, говоря его же словами, *«употребить ихъ съ пользою, покорствуя Его святой волѣ, и оставить послѣ себя что нибудь дѣльное на добро дѣтямъ своимъ и Отечеству.»*[3] Еще не успѣли мы налюбоваться стихами его Русской Одиссеи и достойно оцѣнить ихъ, какъ уже неутомимый поэтъ перелагалъ въ Русскіе экзаметры Иліаду Гомерову.[4] Но художникъ уступалъ отцу; долгъ сердца отклонялъ порывы вдохновенія: воспитаніе дѣтей шло впереди. Дѣтская азбука смѣняла поэму. Всѣ ра-

Digitized by Google

боты сосредоточивались въ приготовленіи предварительнаго курса ученья для дѣтей. Ни силъ, ни зрѣнія не щадилъ старецъ для своей прекрасной задачи. Онъ самъ разсказывалъ дѣтямъ своимъ послѣднюю вечерю Господа, Его Геѳсиманскую молитву, и трогалъ ихъ до слезъ. Дѣтямъ же пѣлъ онъ на досугѣ и свои послѣднія пѣсни. Для нихъ же пропѣлъ онъ своего Царскосельскаго столѣтняго Лебедя и въ прекрасномъ образѣ его смерти чудесно предсказалъ намъ свою кончину[5].

Когда послѣдняя болѣзнь ясно возвѣстила ему приближеніе вѣчности, онъ встрѣтилъ ее безтрепетно. Вѣра благодатнымъ свѣтомъ своимъ озарила всѣ послѣдніе дни и минуты его жизни. Дума о сиротахъ своихъ навела было облако трусти на глаза умиравшаго, но скоро и оно разсѣялось въ томъ же благодатномъ свѣтѣ. Сердце, хранившее въ себѣ чистоту какъ сокровище, легко открылось Богу передъ посланникомъ Вѣры и въ чистотѣ своей, еще на землѣ, предвкусило зрѣніе Небеснаго. Уста его, вѣрные служители цѣломудреннаго слова, передъ тѣмъ какъ смежиться на вѣки, вмѣстѣ съ младенческими устами дѣтей, произносили Молитву Господню и исповѣданіе передъ Причащеніемъ. Поэтъ, столько постигавшій цѣну земнаго страданія, былъ удостоенъ того, чтобы съ полнымъ сознаніемъ прочувствовать и осилить послѣднее страданіе, ожидающее каждаго человѣка, предсмертную борьбу души съ тѣломъ. Онъ ясно выразилъ намъ состояніе души своей въ эти послѣднія минуты въ тѣхъ словахъ, которыя обратилъ къ семьѣ своей: «Поди, скажи матери (такъ умирающій говорилъ дочери своей): я теперь нахожусь въ ковчегѣ и высылаю перваго голубя — это моя вѣра, другой голубь мой — это терпѣніе.» Послѣднимъ словомъ его было: «Теперь остается только матеріальная борьба: душа уже готова!» Въ сжатой силѣ такихъ словъ таится глубокій смыслъ многихъ дивныхъ поэмъ, которыхъ содержаніе тайна цѣлой жизни.

На внѣшнемъ образѣ смерти всего болѣе поражаютъ насъ навсегда замкнутыя уста милаго человѣка, который недавно еще бесѣдовалъ съ нами; но ни на чьихъ устахъ это без-

Digitized by Google

молвіе столько не бываетъ разительно, какъ на милыхъ всѣмъ, на счастливыхъ устахъ поэта, которыми сладость и красота родной рѣчи нашей просились къ намъ прямо въ душу и въ сердце.

Такъ замолкли навсегда уста Жуковскаго, и такова была его кончина. Пускай Германія, въ послѣдніе годы его жизни, отняла у насъ поэта; но кончина снова возвратила его намъ. Не изъ западной жизни проистекла она. Эта свѣтлая, эта тихая, эта послѣдняя минута нашего поэта-праведника, вмѣстившая для насъ всю его вѣчность, даромъ озарила темныя, протекшія тучи безумныхъ бурь тревожнаго запада: кому же было тамъ понять ее и замѣтить? Только нашему сердцу, издалека, сказалась она понятно, какъ плодъ нашей жизни, нашей земли, нашей Вѣры, на ней растущей.

Кто цѣнитъ Русское искусство, тотъ задумается грустно, глядя на истекшій годъ: могила Гоголя, могила Жуковскаго, могила Загоскина, могила Брюллова! Четыре печальныхъ креста, въ немногіе мѣсяцы, скрыли отъ насъ четырехъ нашихъ лучшихъ художниковъ, въ произведеніяхъ которыхъ выражался геній Русскаго искусства. Но не будемъ терять времени въ праздной грусти о томъ, что ихъ уже нѣтъ съ нами, а благодарно будемъ стараться опредѣлить то, чѣмъ они для насъ были при жизни. Сѣмя не взойдетъ, пока не умерло: такъ бываетъ и съ человѣкомъ. Жизнь и слово его, по смерти, воскресаютъ передъ нами въ новомъ свѣтѣ и величіи: — не потому ли, какъ сказалъ старшій изъ четырехъ умершихъ, что

Для сердца прошедшее вѣчно?[6]

Возвратимъ же мыслію это прекрасное прошедшее; возобновимъ, освѣжимъ, напечатлѣемъ его въ нашей памяти. Въ немъ есть то, что̀ не умираетъ никогда, что̀ должно всегда пребывать съ нами, что̀ безсмертно, какъ красота души человѣческой. Если въ христіанской кончинѣ Жуковскаго, какъ выразился недавно, вспоминая объ немъ, одинъ мудрый старецъ, вѣрно отразилась вся жизнь его, мирная и благотворная[7], то постараемся раскрыть передъ собою эту жизнь, которая увѣнчалась такимъ свѣтлымъ концомъ. Жизнь поэта

Digitized by Google

въ его поэзіи: дѣла его — слова его, какъ сказалъ онъ самъ.[8] Съ Жуковскимъ мы положили въ могилу болѣе чѣмъ полустолѣтіе нашей Словесности.[9] Въ немъ зачалась поэзія нашего вѣка, или точнѣе, та свѣтлая ея сторона, которая влекла насъ въ таинственный міръ души, но въ міръ преображенный. Жуковскій былъ запѣвало всѣхъ тѣхъ славныхъ Русскихъ пѣвцовъ, которые волшебными звуками очаровывали слухъ нашъ, и облекли въ нихъ всѣ завѣтныя думы нашего ума и сердца. Въ первыхъ звукахъ его лиры носятся мечты, призраки, воспоминанія нашей юности, и какъ счастливы тѣ, которыхъ юность разцвѣла подъ свѣжимъ вліяніемъ чистыхъ звуковъ его поэзіи! Его пѣсни отдаются и въ громахъ священной брани двѣнадцатаго года. Въ Жуковскомъ погребли мы ученика Карамзина и учителя Пушкина. Пѣсня Жуковскаго, первая, поднялась высоко отъ полей родной земли нашей, и всемірнымъ полетомъ обтекала всѣ страны и народы, любила особенно гостить въ Германіи и въ Англіи, у сѣверныхъ бардовъ, летала въ Испанію, въ древній Римъ, въ Персію, въ Индію, въ древнюю Грецію, и откликалась поэтамъ всѣхъ вѣковъ, не измѣнивъ до конца своей задушевной мысли. Въ поэзіи Жуковскаго обнаружилась мягкая, любовная, общительная сторона нашей Русской природы. Это поэзія наша во всемірномъ сближеніи съ другими народами, но безъ измѣны коренной основѣ нашей жизни. Какъ же созрѣлъ этотъ прекрасный плодъ въ мірѣ Русской мысли и Русскаго слова?—Постараемся разгадать это, сколько возможно, въ краткомъ объемѣ нашей рѣчи.

Обозримъ сначала въ общихъ чертахъ, по возрастамъ, внѣшнія событія жизни человѣка: они помогаютъ отчасти разгадывать и внутреннюю жизнь поэта.

Живописную колыбель дала Россія прекрасному пѣвцу своему, въ окрестностяхъ Бѣлева, на берегахъ своенравной Оки. Необозримыя поля бѣгутъ тамъ далеко, далеко, отъ извивовъ рѣчныхъ къ лучезарнымъ небосклонамъ. Поэтъ любилъ красоты своей родины; онъ припоминалъ ихъ въ картинахъ природы чуждой; такъ пѣлъ онъ ихъ, разлучившись съ ними надолго, въ письмѣ къ близкимъ сердцу:

Digitized by Google

Тамъ небеса и воды ясны!
Тамъ пѣсни птичекъ сладкогласны!
О родина! всѣ дни твои прекрасны!
Гдѣ бъ ни былъ я, но все съ тобой
Душой.[10]

Провидѣніе послало любящую, умную и просвѣщенную Русскую семью, для воспитанія поэта, который родился почти сиротою. Въ ея любовномъ кругу могло разцвѣсть самой чистой любовью его нѣжное отъ природы сердце. Языкъ семейной жизни, къ счастію, былъ Русскій; но гостепріимно и благоразумно приняты языки всѣхъ образованныхъ народовъ. Прекрасный черноволосый мальчикъ, любимецъ семьи, его усыновившей, безпечно игралъ на лонѣ у свѣтлой природы, по зеленымъ и лѣсистымъ холмамъ села Мишенскаго, и позднѣе, на одномъ изъ нихъ, создалъ новые, до него неслыханные звуки Русской поэзіи. Рано взглядъ его проникалъ въ душу его окружавшимъ; рано обнаружилась въ немъ мечтательность, и все предсказывало, какъ будетъ проситься въ душу его слово. Въ ребяческихъ играхъ онъ былъ жизнью семейнаго круга. Въ нѣкоторыхъ чертахъ его дѣтства и отрочества можно бы было провидѣть зародыши будущаго поэта и человѣка. Пятилѣтній ребенокъ задумалъ списать мѣломъ икону Богоматери. Противъ дерзкихъ товарищей будущій воинъ выступилъ рыцаремъ-защитникомъ слабаго пола. Въ вѣрномъ музыкальномъ ухѣ его рано обнаружился создатель гармоніи Русскаго стиха. Камиллъ, освободитель отечества, плѣняетъ его дѣтское воображеніе въ играхъ семейнаго театра.[11] Четырнадцати лѣтъ, пишетъ онъ *Оду къ добродѣтели*, и тѣмъ предсказываетъ, что добро и красота будутъ всегда дружны въ его поэзіи.[12]

По мѣсту воспитанія, Жуковскій нашъ. Пансіонъ, процвѣтавшій подъ животворною сѣнью этого маститаго первенца Русскихъ Университетовъ, былъ второю его колыбелью. Въ числѣ воспитанниковъ, выражавшихъ на торжественномъ актѣ 1798 года чувства благодарности Шувалову, Мелиссино и Хераскову, желаніемъ имѣть ихъ изображенія всегда передъ собою, былъ и Жуковскій.[13] Благодарно чтилъ онъ до конца

Digitized by Google

жизни память наставника своего, Антонскаго. Мѣсто воспитанія связало его дружбой со многими спутниками жизни. Имя Василія Жуковскаго, 52 года славно украшающее золотую доску Пансіона, доставшуюся въ наслѣдство 4-й Московской Гимназіи, вдохновляло къ труду и ученью столь многихъ младшихъ его товарищей по школѣ. Пансіонское литературное собраніе учреждено было имъ. Подъ уставомъ, въ первыхъ подписяхъ, красовалось его имя, памятное столь многимъ. *Утренняя заря*, труды питомцевъ Пансіона, блистала его стихами.

Какія убѣжденія вынесъ Жуковскій изъ мѣста своего воспитанія? По счастливому обычаю того времени, чтобы питомцы изъявляли публично свои мысли и чувства, мы можемъ судить о нихъ. Душа алкала просвѣщенья, радовалась лучамъ его въ отечествѣ, и вѣровала, что оно благотворно тогда, когда озарено истиной религіи. Высокое званіе человѣка напечатлѣно было въ сердцѣ, и брань со страстями признана земнымъ его назначеніемъ. Вѣра въ славу и могущество Россіи вѣнчала все. Подъ вліяніемъ старшихъ учителей, Ломоносова и Державина, образъ отечества, воинственный и исполинскій, величаво рисовался въ воображеніи поэта, въ лучахъ новой славы, славы успѣховъ разума и искусства. Народы, съ разныхъ концовъ міра, несутъ вещественные дары Россіи: значительно это изображеніе въ устахъ юноши-поэта, которому назначено было собрать у всѣхъ народовъ міра дары другаго рода, дары мысли и слова, и принести ихъ отечеству.[14] Съ такими убѣжденіями выходилъ Жуковскій изъ школы, во главѣ товарищей своего поколѣнія, блистая дарованіемъ, на встрѣчу *новому XIX вѣку*, который сіялъ для нихъ новыми надеждами. Самая задушевная изъ этихъ надеждъ была надежда на совершеніе геройскихъ подвиговъ, не на полѣ брани, но въ тишинѣ труда, въ сферѣ мысли, надежда мира со всѣми народами земли́ во имя просвѣщенія.[15]

Что же это былъ за *новый вѣкъ*, котораго ждало молодое поколѣніе съ такимъ нетерпѣніемъ? — Что значатъ эти смѣны чиселъ въ годахъ и столѣтіяхъ, къ которымъ чело-

Digitized by Google

вѣкъ привыкъ привязывать новыя надежды и прозрѣнія свои въ будущее? Не есть ли каждый вѣкъ, равно какъ и всякая малая часть времени, съ одной стороны результатъ предъидущаго, а съ другой задача, таблица вопросовъ, для послѣдующаго? Элементы, изъ которыхъ должна была образоваться словесность XIX-го вѣка, заготовлены были трудами второй половины XVIII-го. Франція простерла было свое одностороннее вліяніе повсюду, но Германія снарядила уже всемірныя оружія, чтобы ограничить и ослабить его. Замѣчательно, что то же самое совершила Германія въ наукѣ и словесности, что въ XIX вѣкѣ назначено было Россіи совершить въ войнѣ и въ политикѣ. Всѣ пути направлены были къ тому, чтобы всѣмъ народамъ возможно было возобновить свои народныя воспоминанія и сблизиться другъ съ другомъ во взаимномъ общеніи мысли и слова. Что касается до внутренняго содержанія словесности, до души человѣка и его самопознанья, то раздѣленіе между разсудкомъ и чувствомъ, между сферою мысли и сферою жизни, становилось уже для него тягостно, и естественно раждалась потребность цѣльнѣе обнять душу человѣка и помирить въ ней то, что хотѣли расторгнуть насильно ножемъ анализа. Мистицизмъ много старался объ этомъ соединеніи, хотя и не достигалъ цѣли, потому что шелъ путемъ невѣрнымъ. Философія Германіи начиналась въ концѣ вѣка, но еще не знали, куда поведетъ она, или точнѣе куда пойдетъ сама. Всѣ эти стремленія, болѣе или менѣе, отражались и у насъ. Школа разсудка, школа чувства, школа мистическая, имѣли своихъ представителей. Въ это время выступалъ Жуковскій, съ душою ясною, теплою, чистою, независимою отъ школъ — и помимо ихъ, воспріимчивою ко всему прекрасному.

Въ началѣ поприща жизни и Словесности, Жуковскаго встрѣтилъ и подалъ ему вѣрную руку Карамзинъ. Дружба связала ихъ рано, не смотря на разницу осьмнадцати лѣтъ между ними[16]. Теплый кругъ сверстниковъ возбуждалъ Жуковскаго къ непрерывной дѣятельности. Въ 1801 году основано было новое дружеское литературное общество, въ которомъ Мерзляковъ и Воейковъ принимали также участіе.[17]

Digitized by Google

Литературы Германіи, Англіи, Франціи, предлагали поэту богатый запасъ для изученія. Природа и жизнь влагали въ душу его свое. Рано оплакалъ онъ потерю друга, много цѣнимаго. Такъ выражалъ онъ вслухъ свои сердечные стоны: «Куда дѣвалось сердце, которое любило меня любовію чи«стѣйшею, мучилось моимъ страданіемъ, восхищалось мо«имъ блаженствомъ? Гдѣ мой товарищъ на пути неизвѣ«стномъ? Гдѣ другъ мой, съ которымъ я шелъ, рука въ «руку, безъ робости, безъ трепета, съ безпечнымъ весе«лымъ спокойствіемъ?» Любезнымъ прахомъ друга, «драгоцѣн«нымъ остаткомъ милой жизни,» онъ клялся быть другомъ добродѣтели и гордился тѣмъ, что тихая муза его непорочна, какъ сама природа.[18] Любовь коснулась также его сердца, но одну мечту нашелъ онъ въ ней:

Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ раздѣленья
И невозвратное надеждъ уничтоженье.[19]

Но скорби жизни въ душѣ чувствительной глубже открывали родникъ поэзіи. Свѣтлымъ, дотолѣ неслыханнымъ ключемъ, забила она изъ сердечной думы поэта. Вся природа превращалась для него тогда въ одну полную пѣсню;[20] но любовь, дружба и вѣра освящали ее высшимъ значеніемъ. Между тѣмъ какъ развивался поэтъ, слѣдуя внутреннему своему призванію, — современная жизнь и Словесность требовали своей дани отъ писателя, главы молодаго поколѣнія. Карамзинъ оставилъ тогда уже современную литературу и погрузился всею мыслію души въ великое прошедшее нашего отечества. Въ тоже самое время, какъ Жуковскій готовъ былъ увлекаться въ міръ мечты и очарованія, въ прозѣ переводилъ онъ Донъ Кишота — романъ, разсѣявшій всѣ волшебные призраки рыцарской мечтательности. И другіе прозаическіе переводы отвлекали его отъ поэзіи.[21] Два года отдалъ онъ журнальной дѣятельности — не болѣе. Въ это краткое время онъ успѣлъ передать читателямъ нѣсколько здравыхъ сужденій о критикѣ, встрѣтить сочувствіемъ и умнымъ словомъ Басни Крылова, вызвать къ труду біографа Суворова. Но замыслы Жуковскаго, какъ журналиста, были

Digitized by Google

слишкомъ мечтательны. Онъ желалъ, чтобы «журналисты «составили согласное, исполненное взаимнаго доброжелатель- «ства семейство авторовъ, семейство, въ которомъ каждый «членъ, имѣя въ виду и пользу и усовершенствованіе дру- «гихъ сочленовъ своихъ, безъ всякаго пристрастія замѣчалъ «бы ихъ ошибки, предлагалъ имъ свои замѣчанія, не по- «велительнымъ языкомъ учителя, не съ колкою насмѣшли- «востію соперника, но съ кроткою, благородною непринужден- «ностію любителя истины.»[22a] Волшебный замокъ такого журнализма скоро исчезъ въ головѣ поэта — и тѣмъ искреннѣе предался онъ своему настоящему призванію.

А между тѣмъ слава уже отвсюду собирала поэту вѣрныя дани. Сердца, приготовленныя Карамзинымъ, очарованы были музою Жуковскаго. Кто изъ читавшихъ тогда не любилъ задумываться надъ Сельскимъ Кладбищемъ? Кто не сливалъ пламени любви съ надеждою на безсмертіе, читая *посланіе къ Нинѣ?* Кто не плакалъ надъ *Бѣднымъ Пѣвцомъ? Дуброва шумитъ, Мой другъ хранитель ангелъ мой* — передавались изъ устъ въ уста. Первая баллада — *Людмила*, была ко времени. Невѣсты вмѣстѣ съ нею грѣшили тайнымъ ропотомъ за жениховъ своихъ, увлеченныхъ войнами новаго бурнаго вѣка, измѣнившаго надеждамъ мирнымъ. Не одна Русская дѣва оплакала тогда мертвеца въ своемъ суженомъ. Признаки разочарованья въ жизни мелькнули грустно въ *посланіи къ Филалету*, но въ другомъ *посланіи къ Батюшкову* поэтъ высказалъ задушевную мысль своей поэзіи и произнесъ обѣтъ боготворить любовію только то, что̀ благо и что̀ прекрасно. А между тѣмъ *богиня фантазія*, подъ внушеніемъ Нѣмецкой музы, причудливо играла мечтами поэта Русскаго. Волшебные замки съ ихъ легендами переносились съ береговъ Рейна и Дуная на берега Днѣпра и Москвы рѣки. *Марьина роща* огласилась чувствительнымъ преданіемъ объ Маріи и Усладѣ. *Громобой* совершилъ свою ужасную клятву. Очарованнымъ сномъ заснули прекрасныя дѣвы. *Вадимъ Новгородскій* надѣлъ латы рыцаря среднихъ вѣковъ, и по звону вѣщаго колокольчика пошелъ и разбудилъ ихъ.[22b] А вотъ за полунѣмочкой Людмилой, которую похи-

Digitized by Google

тилъ женихъ-мертвецъ, явилась въ сарафанѣ, Русская красавица, *Свѣтлана*, на святочномъ вечерѣ, и загадала свою сердечную думу въ зеркало, и совершался дивно-страшный сонъ ея, и увлекалъ въ міръ мечты сердца́ дѣвъ и юношей, какъ вдругъ грозная дѣйствительность разрушила грёзы поэта, и вмѣсто лиры дала ему мечъ.

Надъ Россіей разразилась гроза двѣнадцатаго года: тогда, во всѣхъ милліонахъ Русскаго народа забилось одно сердце, запылала одна мысль. Поэтъ жилъ въ деревнѣ, въ окрестностяхъ Орла. Слухи о побѣдахъ и приближеніи непріятеля тревожили миръ его вдохновеній. Задрожало сердце, благословляя родину въ священный часъ ея опасности. 2-го Августа онъ уѣхалъ къ арміи. Въ стѣнахъ Москвы, готовившей себя на костеръ сожженія за всю землю Русскую, Карамзинъ, отъ прошедшаго возвращаясь къ настоящему, въ домѣ Графа Ростопчина, вдохновенно пророчилъ гибель Наполеону. Самъ не будучи въ состояніи «сѣсть на коня и примкнуть себя къ арміи,» благословилъ на войну Жуковскаго. 10-го Августа онъ вступилъ въ Московское ополченіе Поручикомъ.[23] Подъ Бородинымъ, вмѣстѣ съ другими волонтерами, былъ въ строю. Здѣсь, подъ свистомъ ядеръ и пуль, черпалъ онъ силы для новыхъ, неиспытанныхъ еще восторговъ:

Доселѣ тихимъ лишь полямъ
Моя играла лира....
Вдругъ жребій выпалъ: къ знаменамъ!
Прости, и сладость мира,
И отчій край, и кругъ друзей,
И трудъ уединенный,
И все.... я тамъ, гдѣ стукъ мечей,
Гдѣ ужасы военны.

По взятіи Москвы, Кайсаровъ представилъ Жуковскаго Фельдмаршалу Кутузову. Съ тѣхъ поръ онъ не покидалъ уже арміи до самой побѣды подъ Краснымъ. Въ Тарутинскомъ лагерѣ, не задолго до битвы, разбившей Мюрата и положившей начало бѣгству войскъ Наполеоновыхъ, написанъ былъ *Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ*. Его строфы,

Digitized by Google

звуча изъ устъ въ уста, одушевляли всѣхъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ о Тарутинскомъ станѣ, пѣвецъ, середи лунной ночи, изобразилъ намъ себя:

Когда пылала предъ Москвою
Святая Русская война —
Въ рядахъ отечественной рати,
Пѣвецъ, по слуху знавши бой,
Стоялъ я съ лирой боевой
И мщенье пѣлъ для ратныхъ братій.
Я помню ночь....[24]

Луна, какъ бранный щитъ, рдѣла во мракѣ; въ безмолвіи стана лишь только стража окликала стражу; костры пламенѣя дымились; чернѣли козаки подъ своими косматыми бурками; сверкали въ лучахъ мѣсяца ряды острыхъ копій; дремали кони надъ спящими уланами; стояли пушки съ готовыми громами; фитиль роковой курился; рдѣли на дальнемъ небосклонѣ дымные биваки враговъ; чернѣли въ ужасномъ образѣ тѣла, забытыя въ пыли, на яркихъ лучахъ мѣсяца, а Рокъ между тѣмъ, молча, стоялъ надъ усыпленною ратью, держалъ въ рукѣ жребіи и замѣчалъ лица имъ обреченныхъ. Середи этихъ ужасовъ войны и смерти, что совершалось тогда въ ясной душѣ поэта? Ему свѣтила привычной прелестью звѣзда вечерняя; неизмѣняемо сіяла луна съ роднаго неба; благоухалъ лѣсъ; ласкались къ берегамъ воды, отражая ихъ; порхалъ вѣтерокъ надъ цвѣтами благовонными, надъ лономъ зыбей, надъ знаменами, надъ рядами богатырей спящихъ.... Чисто и спокойно отражалось все твореніе Божіе въ ясной, невозмущенной душѣ поэта:

оно не знало
О человѣческихъ бѣдахъ,
И беззаботно ожидало,
Что ночь пройдетъ, и въ небесахъ
Опять засвѣтится денница.

Послѣ четырехъ побѣдъ подъ Краснымъ, Жуковскій привѣтствовалъ посланіемъ новаго Князя Смоленскаго, «вѣнчаннаго сѣдиною вождя побѣдителей, спасителя родины,» и пѣлъ

Digitized by Google

гибель самихъ «слѣдовъ великаго народа.» Стихи были напечатаны при главной квартирѣ дѣйствующей арміи.[25] Вскорѣ тяжкая болѣзнь постигла пѣвца, непривыкшаго къ военной жизни. Изнуренный силами, онъ возвратился домой, 6-го Января 1813 года, испытавъ на себѣ всѣ ужасы и бѣдствія войны.[26] Но скоро воздухъ родины и миръ семейный возвратили ему силы: повѣяло прежнимъ вдохновеніемъ; еще зрѣлѣе явилось оно. Въ концѣ 1814 года пѣвецъ брани заключилъ пѣснью мира на стѣнахъ освобожденнаго Кремля. Въ 1815 написано: Послаше къ Императору Александру.

Въ этомъ же году Жуковскій переселился въ Петербургъ. Свѣтъ встрѣтилъ его самыми льстивыми похвалами. Женщины высшаго круга читали ему наизусть стихи его, или заставляли читать дѣтей своихъ. Слава породила зависть. Жуковскій сдѣлался предметомъ жаркой литературной войны между его друзьями и противниками, самъ однако не принимая въ ней участія. Обольщенія свѣта на него не дѣйствовали. Всего болѣе опасался онъ свѣтской славы, понапрасну раздражающей душу, и свѣтскаго разсѣянія, врага труду и вдохновенію, роднаго брата пустотѣ душевной. Такъ дѣлился онъ въ то время этими чувствами въ письмахъ къ близкимъ сердцу: «Бѣда писателю, если вздумаетъ имѣть въ виду эту безславную славу, эти низкія почести, если у него душа доступна для оскорбленій глупцовъ и невѣждъ. Я благодаренъ этому глупому случаю: онъ болѣе познакомилъ меня съ самимъ собой. Я теперь знаю, что люблю поэзію для нея самой».... «Непріятное, не оживленное никакою привязанностію разсѣяніе самымъ тяжелымъ образомъ отвлекаетъ отъ всякаго воспоминанія: оно не лечитъ, а только даетъ пріемъ усыпительнаго опіума, производящаго тяжелый сонъ, нарушаемый неясными и непріятными сновидѣніями....

Обвитый розами скелетъ:

это можно сказать не объ одной славѣ, но и о жизни, то есть, о томъ что̀ называютъ жить въ обыкновенномъ смыслѣ, объ этомъ безпрестанномъ движеніи, объ этихъ разговорахъ безъ интереса, объ этихъ свиданіяхъ безъ радости

Digitized by Google

и разлукахъ безъ сожалѣнія, объ этомъ хаосѣ свѣта — скелетъ! скелетъ! И посмотрѣть на него вблизи убійственно, даже для самаго уединенія. Большая часть мечтаній должна погибнуть! То что дѣлаетъ иногда прелесть уединенія — эта *даль*, населенная прекраснымъ твореніемъ, исчезаетъ — но тѣмъ лучше! Все сблизишь вокругъ себя, окружишь себя однимъ только своимъ, независимымъ ни отъ чего, и если останешься съ *малымъ*, то по крайней мѣрѣ съ *вѣрнымъ*.»[27]

Къ тѣмъ же годамъ относится воспоминаніе объ Арзамасскомъ обществѣ. Литературный кругъ, означенный этимъ именемъ, занимаетъ важное мѣсто въ лѣтописяхъ Исторіи Русской Словесности. Въ немъ сіяютъ имена, равно славныя на поприщахъ государственномъ и литературномъ. Многія изъ нихъ связаны съ исторіей просвѣщенія нынѣшняго Царствованія. Карамзинъ издали оживлялъ своимъ теплымъ участіемъ труды младшихъ своихъ товарищей и друзей. Жуковскій былъ душою всѣхъ. Около него соединялись: Батюшковъ, Князь Вяземскій, Уваровъ, Блудовъ, Дашковъ, Северинъ, Александръ Тургеневъ. Въ этомъ кругу открылся въ первый разъ и геній Пушкина. Всѣ члены круга приняли имена славныхъ балладъ Жуковскаго. Онъ же самъ почтенъ былъ отъ всѣхъ прекраснымъ именемъ Свѣтланы. Важность и шутка соединялись здѣсь въ самомъ дружномъ общеніи. Мечта Жуковскаго о сословіи литераторовъ, основанномъ на желаніи взаимнаго совершенствованія, свершалась въ очью. Связь друзей Арзамасскаго общества утверждена была не на льстивой похвалѣ другъ другу, а на самомъ искреннемъ выраженіи мнѣній своихъ для взаимной пользы. Строгая, взыскательная критика просвѣщенныхъ друзей замѣчала каждое пятнышко въ литературномъ произведеніи и не смягчала суда своего. Памятно и послѣ отдавались въ ушахъ товарищей слова неумолимаго Дашкова: *подавай ножницы!* Жуковскій говорилъ:

Внимай избраннымъ судіямъ:
Ихъ приговоръ зерцало намъ;
Ихъ одобренье намъ награда,
А порицаніе ограда

Digitized by Google

Отъ убивающія даръ
Надменной мысли совершенства.
Хвала воспламеняетъ жаръ;
Но намъ не въ ней искать блаженства,
Въ трудѣ....[28]

Такимъ-то трудомъ, такимъ судомъ разборчивымъ воспитался изящный стиль поэзіи Жуковскаго и Батюшкова. Здѣсь пересмотрѣны были и всѣ первыя ихъ произведенія. Въ шутливой сторонѣ бесѣдъ Арзамасскаго круга выразилась неистощимая въ шуткахъ веселость Жуковскаго. Его милая, ребячески добродушная и всегда остроумная рѣзвость оживляла кругъ семьи и дружбы, гдѣ онъ могъ искренно открывать свою душу. Поразительны эти противоположныя явленія между жизнію и поэзіею. Задумчивъ и грустенъ Жуковскій въ стихахъ своихъ, а въ жизни бывалъ веселъ до рѣзвости. Также задумчивъ и грустенъ былъ Гоголь въ жизни, а кто въ поэзіи когда-либо смѣшилъ насъ, какъ онъ?

Въ это же самое время выпала Жуковскому высокая доля быть наставникомъ въ Русскомъ словѣ при Государынѣ Императрицѣ (тогда еще Великой Княгинѣ), Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Дмитріевъ, Уваровъ и Нелединскій ввели Жуковскаго въ Царскую семью.[29] Августѣйшая Мать двухъ Императоровъ и незабвенная Мать Русскаго народа осыпала пѣвца самыми нѣжными милостями. Ея ободряющему вниманію читалъ онъ свои Баллады и посвящалъ поэтическіе ландшафты лунныхъ ночей въ *Подробномъ отчетѣ объ лунѣ*. Радости и скорби, слава, благость и красота нашего Царскаго Дома, живымъ сочувствіемъ, отзывались на его вѣрной лирѣ. При Дворѣ, окруженный приманками земной славы, обаяніемъ честей и богатствъ, онъ умѣлъ сохранить чистоту добродушнаго сердца, чувство неизмѣнной правды, непорочную вѣрность души, умѣренность въ желаніяхъ жизни.

Между тѣмъ новая великая задача ожидала Поэта. Царственный Младенецъ выросталъ въ Отрока. Жуковскій пѣлъ Его рожденіе въ Москвѣ. Кремль,

Протекшимъ мимо рокомъ
Нетронутый свидѣтель Божества,

Digitized by Google

былъ Его колыбелью. Думы о великомъ давно-минувшемъ Отечества и о новой славѣ, озарившей его въ пожарѣ Московскомъ и въ воскресшемъ Кремлѣ, одушевляли его привѣтную пѣсню. Не разъ вѣщимъ пророчествомъ отзывалась лира Русскихъ поэтовъ. Вспомнимъ слова Державина у колыбели Александра:

Будь на тронѣ человѣкъ!

Вспомнимъ другое слово его же, у купѣли Младенца, котораго жребій былъ тогда еще тайною:

Дитя равняется съ Царями!

Изъ чистой, высокой души сказаны были эти вѣщія слова Царственной Матери у колыбели Ея Порфироороднаго Младенца:

«Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
«Да славнаго участникъ славный будетъ!
«Да на чредѣ высокой не забудетъ
«Святѣйшаго изъ званій: *человѣкъ*.
«Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
«*Для блага всѣхъ — свое* позабывать,
«Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
«Съ смиреніемъ дѣла свои читать:
«Вотъ правила Царей великихъ внуку!
«Съ Тобой ему начать сію науку.»

Славные Русскіе писатели не отказывались никогда сослужить службу Государю и Отечеству. Ломоносовъ начерталъ Императрицѣ Елисаветѣ планъ Московскаго Университета. Державинъ, какъ пѣвецъ правды, уже въ старости, первый, правилъ въ Россіи Министерствомъ Юстиціи, по мысли Императора Александра. Карамзинъ, 26-ю годами труда, истощившаго всю жизнь его, далъ народу Русскому Исторію Государства. Жуковскій, волею Царя и Отца, былъ взбранъ въ наставники Наслѣднику Престола. Отъ зоркаго ока Царя не утаилась красота души Имъ избраннаго, — и съ этой поры имя Жуковскаго становится сокровищемъ Русской жизни. Не одними прекрасными пѣснями жить ему въ потомствѣ Русскомъ, но и лучшимъ дѣломъ своего ума

Digitized by Google

и сердца. Семь лѣтъ непрерывнаго почти безмолвія (1823—1828, 1830) свидѣтельствуютъ о святомъ трудѣ, понесенномъ Жуковскимъ для исполненія великой Царской задачи.

Съ бодрыми, неистощенными силами, возвратился Поэтъ къ прежнимъ вдохновеніямъ. Мысль укрѣпилась и созрѣла трудомъ. Наука открыла ей міръ, еще болѣе обширный. Путешествіе, или точнѣе, полетъ по неизмѣримымъ странамъ Отечества, а въ послѣдствіи по всѣмъ просвѣщеннымъ государствамъ Запада, увѣнчалъ воспитаніе Наслѣдника Престола. Жуковскій принималъ во всемъ участіе. Не могу не вспомнить о немъ въ Италіи, какъ онъ, отдыхая отъ трудовъ прекрасной жизни и готовясь еще къ дѣятельному закату своего блистательнаго вечера, любовался развалинами Рима, съ милымъ своимъ спутникомъ Гоголемъ, и карандашемъ переносилъ на бумагу изящныя очертанія древняго искусства и южной природы.

Семейное счастіе для Жуковскаго было всегда идеаломъ чистыхъ стремленій его сердца. Еще въ 1808 году, онъ называлъ прямо добрымъ и счастливымъ человѣкомъ только того, кто способенъ наслаждаться семейственною жизнію. Семейство казалось ему «малымъ свѣтомъ, въ которомъ должны мы исполнять въ маломъ видѣ всѣ разнообразныя обязанности, налагаемыя на насъ большимъ свѣтомъ; но съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь не можетъ быть заблужденія на счетъ заслуги, здѣсь видятъ тебя такимъ точно, каковъ ты въ самомъ дѣлѣ.» Семейство называлъ онъ тихимъ, скрытымъ отъ людей поприщемъ для самыхъ благородныхъ, самыхъ безкорыстныхъ подвиговъ добродѣтельнаго. Молитва одинокаго человѣка, по мнѣнію его, есть требованіе; молитва семьянина—благодарность. Еще за 44 года до конца своего, онъ воображалъ себѣ семьянина, «на смертномъ одрѣ, ожидающимъ конца, спокойнымъ, увѣреннымъ въ бытіи Божества, которое неотрицаемо для сердца, испытавшаго прямую любовь, уповающимъ на безсмертіе, которое ощутительно для сердца, испытавшаго прямую любовь.»[30]

Картины семейной жизни всегда привлекали самое живое его сочувствіе. Изъ двухъ поэмъ Гомера, для послѣдняго

Digitized by Google

труда онъ выбралъ Одиссею, которая оканчивается возстановленіемъ разрушеннаго семейнаго быта.

Но судьба и высокія цѣли жизни надолго удалили отъ Поэта осуществленіе его идеала. Подъ старость, еще бодрую и цвѣтущую, достигъ онъ однако своей желанной семейной пристани. Пять лѣтъ спустя, такъ описывалъ онъ въ письмѣ къ своему другу эту счастливую минуту жизни: «Въ этотъ день (21 Мая 1846), за пять лѣтъ передъ симъ, подымались на гору (называемую Ротенбергъ, возвышающуюся надъ маленькимъ городкомъ, Канштатомъ) двѣ кареты. Въ одной изъ нихъ сидѣлъ однорукій инвалидъ съ двурукимъ поэтомъ, а въ другой пожилая дама съ двумя прекрасными дочерьми. Инвалидъ былъ мужъ этой дамы и отецъ обѣихъ дочерей; а двурукій поэтъ былъ женихъ старшей дочери. Было три часа пополудни. На Ротенбергѣ была Русская церковь, надъ прахомъ Виртембергской Королевы, Русской Екатерины. Дѣнь былъ прекрасный. Въ церкви совершилось вѣнчаніе, тихо и благоговѣйно. Этотъ обрядъ повторился у подошвы горы, въ церкви Лютеранской, гдѣ была сказана обвѣнчаннымъ простая трогательная проповѣдь — и теперь ровно пять лѣтъ прошло съ этой минуты; она имѣла благословенныя послѣдствія; и Жуковскій можетъ сказать своему доброму Булгакову, что въ эти пять лѣтъ познакомился онъ съ настоящею жизнію, которой тайна хранится подъ замкомъ, въ святилищѣ семейномъ».[31]

И такъ сладко Поэтъ воспѣвалъ свое мирное семейное счастіе:

И нынѣ тихо безъ волненья льется
Потокъ моей уединенной жизни.
Смотря въ лице подруги, данной Богомъ
На освященье сердца моего,
Смотря какъ спитъ сномъ ангела на лонѣ
У матери младенецъ мой прекрасный,
Я чувствую глубоко тотъ покой,
Котораго такъ жадно здѣсь мы ищемъ,
Не находя нигдѣ; и слышу голосъ,
Земныя всѣ смиряющій тревоги:

Digitized by Google

Да не смущается твоя душа,
Онъ говоритъ мнѣ, вѣруй въ Бога, вѣруй
Въ Меня.[32]

Въ теченіе 11 лѣтъ этой семейной тишины, сколько прекрасныхъ трудовъ совершилъ онъ еще для Русскаго слова! Наль и Дамаянти, Рустемъ и Зорабъ, вся Одиссея, начало Иліады, начало оригинальной поэмы: Странствующій Жидъ, полный курсъ приготовительнаго ученья для дѣтей, созрѣли здѣсь. Невольно вспомнишь стихъ, сказанный имъ же другому старцу, славному на иномъ, болѣе шумномъ, поприщѣ:

О дней благихъ закатъ всегда прекрасенъ![33]

Жуковскому, воспитывавшему жизнь и поэзію свою всегда на высотѣ чистой мысли, суждено было пережить заживо сверстника своего, Батюшкова, и оплакать столь многихъ питомцевъ своей Музы: Пушкина, Дельвига, Баратынскаго, Давыдова, Веневитинова, Языкова, Лермонтова, Гоголя. Роковымъ произволомъ случая, 29-е Января, день рожденія Жуковскаго, навсегда омрачился для него горькимъ воспоминаніемъ: онъ былъ днемъ смерти Пушкина. Жуковскій сохранилъ и передалъ намъ память предсмертныхъ минутъ его, и собралъ всѣ послѣднія слова умиравшаго. Эти утраты близкихъ по мысли и слову были тяжки для его нѣжнаго сердца. Такъ, въ 1847 году, тужилъ онъ объ Языковѣ, въ письмѣ къ Гоголю: «Жаль для себя своихъ земныхъ товарищей, которыми такъ уменьшается жизнь. Свѣтъ здѣшній для насъ часъ отъ часу болѣе бѣднѣетъ. За шесть лѣтъ передъ этимъ я бы это гораздо сильнѣе почувствовалъ при теперешнемъ печальномъ случаѣ: но воля Божія, новыми, свѣжими узами, привязала мою душу къ здѣшнему свѣту; онѣ навсегда уничтожили для меня возможность *одиночества*, и горькое ощущеніе этого одиночества мнѣ теперь недоступно. Но за то я знаю, что̀ замѣчаешь въ чашѣ земнаго испытательнаго страданія. Теперь эта поэтическая душа, въ послѣднее время столь очищенная вѣрою, живетъ новою жизнію, которую болѣе другихъ здѣсь могла предчувствовать. Жалѣть ли о томъ, что эта новая жизнь для ня

Digitized by Google

началась? Нѣтъ. Но жаль, жаль ея быстраго удаленія изъ нашего свѣта, изъ нашего сосѣдства, жаль, что этотъ гармоническій голосъ для насъ замолчалъ, что это знакомое намъ существо, живое, доброе, милое, теперь заперто въ тѣсной могилѣ, и навсегда пропало изъ глазъ нашихъ.»

Эти слова́ невольно наводятъ и насъ на мысль объ утратахъ, которыя намъ суждено теперь оплакивать. Но въ другихъ же словахъ Жуковскаго мы почерпнемъ и выраженіе для скорби, и силу великаго Христіанскаго утѣшенія. Такъ писалъ онъ въ другомъ письмѣ къ Гоголю, описывая кончину одной изъ близкихъ въ новой семьѣ своей.

«*Смерть только для живыхъ есть зло* — сказалъ Карамзинъ; съ одной стороны это правда, съ другой заблужденіе. Не мертвые насъ теряютъ; мы живые теряемъ мертвыхъ; и чѣмъ болѣе къ нимъ было любви, тѣмъ горестнѣе ихъ утрата; чѣмъ тѣснѣе были съ ними узы, тѣмъ болѣзненнѣе разрывы ихъ. И въ этомъ дѣйствительно *зло* смерти. Оно исключительно для однихъ живыхъ; можно даже сказать, что отнятое у оставшихся *все* отдается тѣмъ, которые ихъ оставили. Для первыхъ видѣніе земное исчезло; мѣсто, такъ мило занятое, опустѣло; глаза не видятъ, ухо не слышитъ; самое (для нихъ ощутительное) сообщеніе душъ прекратилось. Для послѣднихъ все это сдѣлалось непосредственнѣе, свободнѣе, тѣснѣе: душа, съ своими духовными сокровищами, съ воспоминаніемъ о лучшемъ земномъ, ей одной принадлежащемъ, ей такъ сказать укрѣпленномъ смертію и слившемся съ ея бытіемъ духовнымъ, — съ своею любовію, съ своею вѣрою, переходитъ въ міръ безъ времени и безъ пространства; она слышитъ безъ слуха, видитъ безъ очей, она соприсутственна всегда и вездѣ душѣ ею любимой, не отлученная отъ ней никакою далью, тогда какъ намъ живущимъ языкъ ея недоступенъ, и то, что̀ стало *болѣе* нашимъ, кажется намъ утраченнымъ на вѣки. Но въ то же время смерть есть великое благо и для живущихъ и тѣмъ большее благо, чѣмъ милѣе намъ былъ нашъ умершій. Это глубоко понимаетъ разумъ, освѣщенный лучемъ Христіанства. Но какую великую силу пріобрѣтаетъ убѣжденіе разума,

Digitized by Google

когда оно становится *опытомъ сердца*! Пока мы сами не испытали еще никакой болѣзненной утраты, мы вѣруемъ, слушая голосъ Спасителя исходящій къ намъ изъ Евангелія, и нашей мысли представляется жизнь человѣческая въ своемъ истинномъ великомъ значеніи. Но когда надъ нами совершается ударъ свыше, какъ *иначе* дѣлается тогда внятенъ сердцу этотъ Евангельскій голосъ; уже не въ листахъ книги мы ищемъ тогда Спасителя нашего. Онъ Самъ насъ находитъ, Онъ Самъ становится къ намъ лицемъ къ лицу; цѣною бѣдствія покупаемъ мы лицезрѣніе Бога. Велика ли эта цѣна? И что она передъ тѣмъ сокровищемъ, которое мы за нее пріобрѣтаемъ? Все что я здѣсь тебѣ пишу, я прежде *думалъ*; теперь я это *видѣлъ*, и опытъ близкаго мнѣ сердца сдѣлался моимъ собственнымъ опытомъ.»[34]

Заключая такими утѣшительными словами краткій очеркъ жизни Поэта, я желалъ бы найти выраженія, чтобы изобразить, если не портретъ его, что языкомъ невозможно, то по крайней мѣрѣ черты его нравственной физіогноміи. На душѣ у всѣхъ, которые имѣли счастіе бесѣдовать съ нимъ долго, напечатлѣвались его задумчивый, проницательный взглядъ и та неописанная доброта души, которая лучами самаго кроткаго свѣта озаряла все лице его и всѣ движенія. Такъ ясно и такъ сладко лилась изъ устъ его мѣрная рѣчь, что невольно ея заслушивались. Зналъ онъ много иностранныхъ языковъ, но ни на одномъ такъ не умѣлъ хорошо говорить, какъ на языкѣ своей родины и поэзіи. Въ исторіи Русскаго воспитанія представляетъ Жуковскій рѣдкій образецъ самовоспитанія собственнаго. Силою нравственной воли онъ умѣлъ покорить душѣ темпераменты и сочетать ихъ самымъ счастливымъ образомъ. Веселымъ до рѣзвости сангвиникомъ былъ онъ въ общежитіи, особенно въ кругу друзей; постояннымъ флегматикомъ во внѣшнемъ порядкѣ жизни;[35] меланхоликомъ во всемъ томъ, что развивалось и вызрѣвало въ его мысли, что жило и таилось въ чувствахъ сердца; холерикомъ былъ онъ въ силѣ воли, въ постоянствѣ труда, въ энергіи исполненія. Чувства любви, дружбы и пріязни, эти дары жизни, обильно собранные любящею

Digitized by Google

душею, отъ самой колыбели до гроба, пронесъ онъ неизмѣнно, никогда не охлаждаясь къ нимъ, съ вѣрою простодушія, какъ святыню души своей.

Отъ человѣка перейдемъ къ поэту, отъ жизни его къ поэзіи. Переходъ здѣсь легокъ. Для порядка рѣчи только мы должны были раздѣлить ихъ, но въ немъ были онѣ нераздѣльны.

Въ поэтѣ прежде всего поражаетъ насъ эта же самая черта, отличающая Жуковскаго отъ всѣхъ Русскихъ поэтовъ, ему предшествовавшихъ. Для Жуковскаго были, какъ онъ самъ сказалъ:

Жизнь и поэзія одно.[36]

Ломоносова отвлекала отъ поэзіи наука, Державина юридическое поприще, Карамзина лѣтописи отечества. Жуковскій, первый, всего себя отдалъ своему прекрасному призванію. Для него слово поэта было дѣломъ его жизни. Но чтобы не превратно понять отношенія, въ какихъ поставилъ онъ поэзію къ жизни, надобно досказать недосказанное въ словахъ его. Самая жизнь не была для него поэзіею, но поэзія была для него жизнію; не жизнь вносилъ онъ въ поэзію, но поэзію хотѣлъ внести въ жизнь. Что же разумѣлъ онъ подъ именемъ поэзіи? Для другихъ художниковъ, какъ напримѣръ для Гёте, поэзія была искусствомъ; для Жуковскаго болѣе нежели искусствомъ. Еще въ ранніе годы своихъ вдохновеній онъ называлъ ее добродѣтелью.[37] Еще тогда онъ желалъ, чтобы лира его имѣла силу проливать звуки, на утѣшеніе мукамъ, на миръ сердцамъ. Еще тогда, обращаясь къ собрату своему, поэту, онъ говорилъ:

Сліявъ въ душѣ спокойной
Младенца чистоту
Съ величіемъ свободы,
Боготворя природы
Простую красоту,
Лишь благамъ неизмѣннымъ.
Пѣвецъ-любимецъ мой,
Доступенъ будь душой![38]

Digitized by Google

Позднѣе, вѣрный одной и той же мысли, пронесши ее въ ненарушимой цѣлости сквозь полустолѣтіе времени самаго переходчиваго, Жуковскій, устами вдохновеннаго юноши передъ умирающимъ Камоэнсомъ, призывалъ поэта «быть могучимъ крыломъ, подъемлющимъ сердца на высоту, глаголомъ правды, лекарствомъ душъ, крушимыхъ безвѣріемъ, сторожемъ нетлѣнной завѣсы горняго міра.» И сама поэзія, передъ угасавшими взорами поэта, преображенная, соединяла въ своемъ образѣ все что̀ есть на землѣ прекраснаго, великаго, святаго, сіяла вѣрой, надеждой и любовію, являлась ему «Богомъ въ святыхъ мечтахъ земли.»[39]

Можетъ быть, такая задача, наложенная поэтомъ на его искусство свыше земныхъ силъ его; но кто же не согласится, что только такъ высоко, свято и чисто понявши задачу поэзіи, можно было поставить ее наравнѣ съ жизнію и сказать непогрѣшимо:

Жизнь и поэзія одно?

Но такая задача, такая мысль искусства, превосходящая силы самаго искусства, не нарушила ли поэтическаго призванія поэта, не сковала ли свободу творческихъ силъ его вдохновенія? Нѣтъ: потому что она открылась душѣ, имѣвшей дѣйствительное призваніе къ поэзіи. Она могла бы обличиться ложью во всякой другой, лишенной этого призванія; но здѣсь, отъ самой колыбели она свѣтила въ душѣ поэта, какъ живая, сознанная, прочувствованная истина. Отсюда могло произойти только и произошло то, что̀ рѣдко бываетъ: человѣкъ и поэтъ слились въ одно нераздѣльное существо— и высота человѣка подняла поэта. Художникъ сроднился полнѣе съ своимъ созданьемъ и глубже проникъ его. Чистота мысли озарила лучами своими идеалъ, и красота души отразилась непорочной красотою въ каждомъ его словѣ.

Все это могло совершиться, какъ сказали мы, при дѣйствительномъ призваніи Поэта. Но въ чемъ же оно обнаружилось? Поэтъ, прежде всего, сказывается намъ въ томъ, какъ онъ понимаетъ и чувствуетъ природу. Только въ наше время, поднявшее вмѣстѣ съ многими великими вопросами

Digitized by Google

множество и безплодныхъ, истощившихъ попустому богатыя силы человѣка, ложная мудрость могла задать вопросъ о томъ, что̀ выше: природа или искусство?[40] Одинъ холодный умозритель, равнодушный и къ природѣ и къ искусству, могъ такимъ праздным и хитрымъ вопросомъ завлечь къ спору и враждѣ то, что̀ отъ Самого Творца предназначено къ единомыслію и сочувствію. Не началъ бы этой вражды никогда истинный поэтъ и художникъ. Еще младенцемъ, онъ сосетъ грудь у природы и кормится млекомъ ея живыхъ впечатлѣній. Еще въ младенчествѣ, между поэтомъ и природой, какъ между младенцемъ и кормилицей его матерью, ведется та непонятная для другихъ бесѣда, которая позднѣе выскажется всѣмъ въ новыхъ картинахъ его поэзіи. Поэтамъ, какъ любимцамъ своимъ, говоритъ природа при ихъ колыбели:

Для васъ взойдетъ краснѣе день,
И будетъ лугъ душистѣй,
И сладостнѣй дубравы тѣнь,
И птичка голосистѣй.

Утратившая красоту въ своихъ частяхъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, природа хранитъ идею красоты, неизмѣнно напечатлѣнною отъ Создателя на своемъ изящномъ цѣломъ, — и таинственно открываетъ ее только душамъ избранныхъ своихъ любимцевъ. Имъ однимъ только слышится эта гармонія цѣлаго, гдѣ самый безобразный визгъ, самый нестройный крикъ страданія — звуки необходимые, безъ которыхъ неполна бы была торжественная симфонія мірозданья. Во всѣхъ странахъ свѣта, своими разнообразными красотами, и поцѣлуемъ солнца, и воемъ мятели, природа пробуждала въ человѣкѣ одну полную идею красоты, предлагала для нея милліоны различныхъ образовъ, и воспитывала въ немъ, во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ, поэта и художника.

Способъ, какимъ поэты у разныхъ народовъ понимали и чувствовали природу, опредѣлялся всего болѣе отношеніемъ, въ какомъ разумѣли они человѣка къ природѣ, а это отношеніе еще глубже опредѣлялось отношеніемъ обоихъ къ Божеству. Религія вездѣ преимущественно направляла взглядъ

Digitized by Google

поэта на природу, за исключеніемъ развѣ новаго времени, когда религіозныя вѣрованія народовъ начали смѣняться личными убѣжденіями писателей.

Въ Священно-Еврейской поэзіи природа повсюду символъ Бога, намекъ на Его присутствіе, слѣдъ Его шествія въ твореніи. Боговдохновенные пѣвцы слышатъ Бога и въ грозѣ небесной, и въ трясеніи земли, и въ тонкомъ дыханіи вѣтерка. Молніи вѣстники воли Его, заря край Его ризы, небеса повѣдаютъ Его славу, и вся красота созданій служитъ къ тому только, чтобы отъ ея величества Самъ Творецъ познавался.[41]

Въ поэзіи языческой, у Грековъ и Римлянъ, природа—неразлучная спутница красоты внѣшняго человѣка. Она облекаетъ его, какъ чудотворное покрывало Ино Левкоѳои плывущаго въ волнахъ Одиссея. Всѣ явленія ея, и страшныя и милыя, намеки на человѣческій образъ. Небесныя тучи — брови Зевесовы, лучи солнца—пряди золотыхъ волосъ Феба, заря — розовые персты Эоса; снѣгъ падаетъ изъ облаковъ какъ ножка Ирисы, посланной Зевсомъ на землю, и самыя силы животныхъ служатъ безперерывно къ изображенью борющихся силъ враждующаго человѣка. Словомъ, здѣсь природа и человѣкъ влюблены другъ въ друга—и на брачномъ своемъ пиршествѣ у поэзіи обручаются взаимными дарами прелести и величія.

Другое отношенье природы къ человѣку въ поэзіи народовъ Христіанскихъ Вѣра Христова открыла намъ тайны міра духовнаго, и въ поэзіи, озаренной ею, природа стала символомъ души человѣческой. Въ безконечность увлекла она поэта-христіанина своимъ небомъ, звѣздами, моремъ, степью; разнообразнымъ чувствамъ души его вторитъ она и ропотомъ дробимой волны, и шумомъ дубровы,—и всѣми явленіями своими окружаетъ его, какъ безчисленными зеркалами, чтобы отразить ему въ нихъ всѣ безчисленныя движенья души его. Каждое изъ этихъ явленій возбуждаетъ въ насъ сочувствіе въ той мѣрѣ, по скольку мы видимъ въ немъ часть образа души своей, намекъ на нашу мысль, страсть, чувство, слѣдъ внутренней жизни нашей.

Digitized by Google

Такимъ воззрѣніемъ опредѣляется и взглядъ Жуковскаго на природу. Онъ виденъ и въ большихъ и въ малыхъ его картинахъ, въ произведеніяхъ оригинальныхъ и переводныхъ. Изобразить ли ему море — онъ не отлучитъ его отъ неба, а сливъ ихъ въ одинъ образъ, въ таинственной бесѣдѣ ихъ, намекнетъ намъ на бесѣду души, бьющейся въ оковахъ земной жизни, съ безпредѣльною вѣчностью.[42] Взглянетъ ли онъ на небо весною: тамъ ему

Облака, летя, сіяютъ
И, сіяя, улетаютъ
За далекіе лѣса.[43]

Бѣлоснѣжный голубокъ, обнявшій крыльями дрожащую грудь испуганной Свѣтланы во время страшнаго сна ея — Русской образъ утѣшенья и чистоты душевной. Луна милѣе поэту чѣмъ солнце, какъ воспоминанье объ немъ въ ночи, какъ его отблескъ: она своими измѣненьями сочувствуетъ его поэтическимъ думамъ и видѣніямъ, и является ему на небѣ гостинницей душъ, спокойно взирающихъ оттуда на минувшія тревоги земнаго. Въ другихъ поэтахъ Жуковскій сочувствуетъ тому же воззрѣнію на природу. Ему нравятся болѣе поэты сѣвера чѣмъ юга, болѣе Шиллеръ чѣмъ Гёте; онъ любитъ особенно простонароднаго поэта Германіи, Гебеля, у котораго всякое явленіе природы исполнено таинственнаго смысла, и былинка младенцемъ растущая изъ зерна, и солнце неутомимый благодѣтель созданія, и ночь передъ разсвѣтомъ, предвѣстница вѣчнаго дня. Изъ произведеній языческой поэзіи Жуковскій предпочиталъ Одиссею Иліадѣ, потому что въ первой раскрыта болѣе душа древняго человѣка; ему сроднѣе Виргилій и Овидій, какъ поэты чувства между древними по преимуществу, особенно первый въ слезномъ разсказѣ объ Разрушеніи Трои, и второй въ трагическомъ эпизодѣ: Цеиксъ и Гальціона.

Такъ, въ каждой картинѣ природы, у Жуковскаго сквозитъ душа; вездѣ взглядъ на даль, на безконечность: ни одна всего не досказываетъ, что въ ней кроется, и пророчитъ еще болѣе чѣмъ обнаруживаетъ. Эта душа, стремя-

770950A

Digitized by Google

щаяся встрѣтить и обнять себѣ близкое и родное въ природѣ, эта душа, ищущая сама себя во всемъ созданіи Божіемъ и обрѣтающая искомое только въ таинственномъ присутствіи самого Создателя, есть то *невыразимое*, которое такъ глубоко созналь и такъ прекрасно воспѣлъ самъ же поэтъ въ извѣстномъ отрывкѣ:

Но то, что слито съ сей блестящей красотою, —
Сіе столь смутное, волнующее насъ,
Сей внемлемый одной душою
Обворожающаго гласъ,
Сіе къ далекому стремленье,
Сей миновавшаго привѣтъ,
.....
Сіе шепнувшее душѣ воспоминанье
О миломъ радостномъ и скорбномъ старины,
Сія сходящая святыня съ вышины,
Сіе присутствіе Создателя въ созданьѣ, —
Какой для нихъ языкъ?....[44]

Многіе поэты, безсознательно принадлежа Христіанству, пользовались преимуществами его глубокомысленнаго воззрѣнія на природу, точно такъ какъ и многіе люди безсознательно пользуются спасительными его истинами, безъ которыхъ въ прахъ разрушилась бы жизнь ихъ. Не таковъ былъ, конечно, Жуковскій. Союзъ поэзіи съ религіей былъ для него святъ и ненарушимъ — и этой мысли онъ пребылъ вѣренъ, начиная отъ первыхъ звуковъ своей лиры до послѣднихъ. Замѣчательны эти явленія въ исторіи мысли Русскаго человѣка. Ломоносовъ связалъ науку съ религіею, оградивъ первую отъ безбожія, а вторую отъ суевѣрія, ихъ священнымъ союзомъ. Онъ сказалъ: »Правда и Вѣра двѣ родныя сестры, дщери одного Всевышняго Родителя.«[45] Державинъ соединилъ съ религіею правду дѣлъ жизни, сказавъ о Богѣ:

Онъ совѣсть внутрь, Онъ правда впѣ.[46]

Жуковскій укрѣпилъ тотъ же союзъ между религіей и поэзіею, когда сказалъ:

Digitized by Google

Поэзія небесной
Религіи сестра земная.[47]

Этимъ тремъ роднымъ мыслямъ въ душѣ Русскаго человѣка одинъ источникъ, таящійся въ недознанныхъ глубинахъ древней его жизни. Одно изъ условій высшаго призванія къ поэзіи, *для* Жуковскаго, заключено было въ *чистотѣ сердца*.

Клянуся, ты назначенъ быть поэтомъ.
Не своелюбіе, не тщетный призракъ
Тебя влекутъ — тебя зоветъ самъ Богъ;
Къ великому стремишься ты смиренно,
И ты дойдешь къ нему — *ты сердцемъ чистъ*.

Религія Христіанская, озаривъ поэта своими истинами, открыла ему многія свѣтлыя мысли, лежащія въ глубинѣ содержанія его произведеній. Одна изъ такихъ любимыхъ, плодотворныхъ его мыслей, есть мысль о страданіи, котораго святая, безконечная тайна уяснена была человѣку только чашею Геѳсиманскою. *Для* Жуковскаго, «страданіе—творецъ великаго: оно знакомитъ насъ съ тѣмъ, чего мы никогда въ безмятежномъ нашемъ блаженствѣ не узнаемъ: съ таинственнымъ вдохновеніемъ Вѣры, съ утѣхою Надежды, съ сладостнымъ упоеніемъ Любви.»[48] *Для* Жуковскаго страданіе есть «таинство, образующее душу.» *Для* него:

Земная жизнь — страданія питомецъ!
И сколь душа велика симъ страданьемъ!
Сколь радости при немъ помрачены![49]

Онъ самъ сказалъ устами поэта, славнаго страданіями своей жизни:

Неправедно роптамъ я на страданье;
Мнѣ въ душу Богъ вложилъ его — Онъ правъ:
Страданіемъ душа поэта зрѣетъ,
Страданіе святая благодать.[50]

Религія научила его быть равнодушнымъ къ минутнымъ наслажденіямъ настоящаго, въ которыхъ срывается цвѣтъ жизни, увядаетъ душа, скука смѣняетъ надежду, и остается только одно презрѣніе къ истраченной по мгновеніямъ жизни.

Digitized by Google

Мысль поэта не признавала счастія въ настоящемъ, потому что оно конечно, и душа уловить его не можетъ. Она съ любовью носилась всегда между прошедшимъ и будущимъ, между воспоминаніемъ и надеждою, потому что прошедшее вѣчно для сердца, надъ которымъ утрата безсильна, а будущее неистощимо надеждою для того, кто вѣруетъ. Такова жизнь души, свыше просвѣтлѣнной, души, которая жаждетъ безконечнаго и смотритъ на тѣло, какъ на временную свою оболочку. Этимъ мыслямъ источникъ не въ очарованномъ романтизмѣ Запада, но въ глубинѣ вѣрованій самой жизни. Для нихъ языкъ Русскаго народа далъ поэту свои живыя и точныя слова: прошедшее у Жуковскаго наше Русское *завѣтное*, будущее наше *желанное*, слова имъ столько любимыя. При такомъ благоговѣніи къ завѣту прошедшаго и къ желанному будущему, само настоящее получаетъ свою истинную цѣну, и душа печатлѣетъ на его летучей минутѣ только то, что достойно вѣчности, чего не захотѣла бы изгладить она въ воспоминаніи, что свято и чисто засіяетъ для нея въ прошедшемъ:

Прекрасному — *текущее мгновенье!*[51]

При такомъ только воззрѣніи на время, поэтъ могъ свѣтло и радостно взглянуть на міръ и сказать всѣмъ то, что Теогъ говоритъ Эсхину:

О вѣрь мнѣ, прекрасна вселенна!

*

Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ;
Все въ жизни къ великому средство;
И горесть и радость — все къ цѣли одной:
Хвала жизнодавцу Зевесу!

Религія воспитала въ нашемъ поэтѣ еще одно свойство, рѣдкое между поэтами, свойство простоты, доступной всякому возрасту. Матери-воспитательницы дѣтей своихъ — сколько благодарности принесутъ Жуковскому за тѣ многія произведенія, которыя, будучи прекрасны для всѣхъ возрастовъ, доступны и для младенческаго. Не мало поэтовъ, говорящихъ страстямъ и воображенію юноши, рѣшительной

Digitized by Google

предпріимчивости мужа, глубокомысленному спокойствію или равнодушію старца; но какъ мало такихъ, которые чистымъ свѣтомъ душевнаго огня зажигаютъ глазки дѣтей. По инымъ не велика слава открывать прекрасное для этого возраста, но замѣтимъ, что поэтъ эту славу заимствуетъ изъ того источника всеобщей Истины, куда равно глядѣться могутъ, и мужъ, искушенный опытомъ жизни, и невинный сердцемъ младенецъ. Добро живѣе коренится въ сердцѣ и милѣе для насъ, когда мы рано пріучались роднить его съ чувствомъ красоты. Если ни одно впечатлѣніе не пропадаетъ для души даромъ, то счастливъ Русской ребенокъ, съ удовольствіемъ лепечущій стихи изъ *Пѣсни бѣдняка:*

Въ селеньи каждомъ есть Твой храмъ
Съ сіяющимъ крестомъ,
Съ молитвой сладкой и съ Твоимъ
Доступнымъ олтаремъ.

Это живое пониманіе связи между религіею и поэзіею, это высокое воспитаніе души поэта въ святынѣ чистоты и цѣломудрія, не ограничило его дѣятельности одними гимнами къ Богу. Нѣтъ, онъ пѣлъ наше земное, житейское, человѣческое; онъ черпалъ вдохновенье у поэтовъ не христіанскихъ; но, скажемъ его же словами: «онъ зналъ Его, онъ вѣрилъ Ему, онъ шелъ къ Нему, онъ велъ къ Нему, и все, что̀ ни встрѣчалось на пути его откровенному оку, все оно, прошедъ черезъ его душу, пріобрѣтало ея характеръ, не измѣнивъ въ то же время и собственнаго.»[52]

Жуковскій всегда оставался вѣренъ своему назначенію, какъ поэта, потому что свободно служилъ красотѣ. Красота была главною мыслію всѣхъ его вдохновеній; но чистота сердца осіяла и освятила эту мысль въ душѣ его. Выразимъ теперь ее его же словами:

Но все, что отъ временъ прекрасныхъ,
Когда онъ* мнѣ доступенъ былъ,
Все что отъ милыхъ темныхъ, ясныхъ,
Минувшихъ дней я сохранилъ —

---

* Даровитель пѣснопѣній.

Digitized by Google

Цвѣты мечты уединенной
И жизни лучшіе цвѣты —
Кладу на твой олтарь священный,
О Геній *чистой красоты*.

*

Не знаю, свѣтлыхъ вдохновеній
Когда воротится чреда —
Но ты знакомъ мнѣ, чистый Геній,
И свѣтитъ мнѣ твоя звѣзда.
Пока еще ея сіянье
Душа умѣетъ различать:
Не умерло очарованье;
Былое сбудется опять.[83]

Въ другой разъ, передъ Рафаэлевой Мадонной, онъ вспомнилъ о томъ же, ему столько знакомомъ, *Геніѣ чистой красоты*, и такъ сказалъ объ немъ:

Онъ лишь въ чистыя мгновенья
Бытія слетаетъ къ намъ,
И приноситъ откровенья,
Благодатныя сердцамъ.
Чтобъ о небѣ сердце знало
Въ темной области земной,
Лучшей жизни покрывало
Приподъемлетъ онъ порой;
А когда насъ покидаетъ,
Въ даръ любви, у насъ въ виду,
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звѣзду.

Замѣчательно, что поэтъ не счелъ излишнимъ обозначить эпитетомъ *чистаго*, тотъ геній красоты, которому обрекъ себя на служеніе. Но развѣ есть, развѣ можетъ быть геній красоты *нечистой*? Видно, поэтъ предчувствовалъ, что въ его же время образъ красоты затемнится и потускнѣетъ отъ дыханья дѣйствительности житейской, что люди вѣка, назвавшаго себя положительнымъ, потеряютъ вѣру въ красоту и поэзію. Вотъ почему, конечно, создавая не для одной

Digitized by Google

минуты вѣка, онъ ограждалъ чистотою души и жизни мысль о красотѣ, какъ ввѣренное ему отъ Бога сокровище, какъ предметъ и цѣль своего непорочнаго служенія.

Эта мысль поэта, имъ же самимъ выраженная, какъ свѣтильникъ, озаритъ для насъ весь обширный кругъ его произведеній и соберетъ ихъ въ храмину одного стройнаго цѣлаго. Давно уже сказано и сдѣлалось общимъ мѣстомъ у насъ въ литературѣ, что Жуковскій и въ переводахъ своихъ былъ оригиналенъ. Обновимъ теперь кстати эту мысль его собственными словами, которыя сказалъ онъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Гоголю: «Я часто замѣчалъ, что у меня наиболѣе свѣтлыхъ мыслей тогда, какъ ихъ надобно импровизировать въ возраженіе или въ дополненіе чужихъ мыслей; мой умъ, какъ огниво, которымъ надобно ударить объ кремень, чтобы изъ него выскочила искра — это вообще характеръ моего авторскаго творчества; у меня почти все чужое или по поводу чужаго — и все однако мое.»[54]

Жуковскій переводилъ только то, чему сочувствовала душа его, что̀ было ей родственно, что̀ согласовалось съ любимою его мыслію. Для него:

Съ ней все близкое прекрасно,
Все знакомо что̀ вдали.

Геній чистой красоты, озарявшій внушенья его музы, не былъ такъ исключителенъ, и умѣлъ открывать ему прекрасное и около себя, и у всѣхъ народовъ міра, и во всѣ времена. Но разъ принявъ живымъ сочувствіемъ это чужое, геній Жуковскаго съ любовію предавался ему и возсоздавалъ его какъ свое — и Русскій языкъ, свободно покоряясь наитію усвоеннаго имъ вдохновенія, не носилъ никакихъ слѣдовъ подражательности, а блисталъ всѣми красотами, свойственными силѣ творца-поэта.

Все поприще поэзіи Жуковскаго, по нашему мнѣнію, дѣлится на три періода: первый можно назвать *Нѣмецко-Англійскимъ*, вторый *отечественнымъ*, третій *всемірнымъ*, по преимуществу стихій, дѣйствовавшихъ на поэта. Между всѣми тремя періодами есть неразрывная связь, и произведенія одного сливаются съ произведеніями другихъ.

Digitized by Google

Англія и Германія участвовали въ первомъ поэтическомъ воспитаніи Жуковскаго. Оссіанъ, Юнгъ, Грей, Томсонъ, Драйденъ, Нѣмцы, особенно Шиллеръ, Бюргеръ, частію Гёте, легенды среднихъ вѣковъ, переданныя въ Нѣмецкихъ романахъ, имѣли рѣшительное вліяніе на первое направленіе его поэзіи. Карамзинъ былъ виновникомъ этого движенія и новаго поворота въ нашей Словесности отъ одностороннихъ образцевъ Французскихъ къ образцамъ Англіи и Германіи. Онъ, первый, заговорилъ съ сочувствіемъ о драмѣ Шекспира, Шиллера и Гёте; первый, познакомилъ Русскихъ съ самими лицами поэтовъ Германіи; первый, возсталъ противъ искусственныхъ и холодныхъ формъ Французской трагедіи; перевелъ Эмилію Галотти Лессинга, Юлія Цезаря Шекспира; первый, въ стихахъ, подражалъ лирическому настроенію Шиллера. Въ письмахъ Русскаго путешественника онъ съ особенной охотой передавалъ Нѣмецкія романическія преданія: эти разсказы любимаго писателя могли подѣйствовать на Жуковскаго, точно такъ какъ романы, читанные въ дѣтствѣ Карамзинымъ, по его же свидѣтельству, воспламеняли живое его воображеніе.

Вліяніе Карамзина на Жуковскаго есть одно изъ тѣхъ событій въ исторіи Русской Словесности, на которомъ мы не можемъ не остановить вниманія.

Карамзинъ, своею обширною дѣятельностію, занимаетъ великое средоточіе въ нашей литературѣ; стоитъ на распутіи, къ которому примыкаютъ всѣ три ея періода. Отъ вліянія Французовъ онъ беретъ формы для своей прозы и дружбу языка разговорнаго съ общественнымъ; слѣдующему за нимъ поколѣнію своими сочувствіями онъ открываетъ двери въ міръ Англіи и Германіи; своею Исторіею онъ родоначальникъ направленія народнаго, которое выразилось въ Пушкинѣ.

На широкомъ всемірномъ основаніи, на тепломъ сочувствіи ко всему прекрасному человѣческому, гдѣ бы оно ни являлось, Карамзинъ воспиталъ себя для своего великаго труда, для дѣла цѣлой жизни своей, для Русской Исторіи. Воздвигая этотъ изящный палладіумъ Русской народности, онъ сочеталъ въ немъ два любимыя, два живѣйшія чувства

Digitized by Google

души своей: любовь къ отечеству и любовь къ человѣчеству. Уравновѣсить въ себѣ эти два чувства, къ сожалѣнію, не рѣдко исключающія другъ друга, было его прекрасною задачею въ жизни. Въ 1802 году писалъ онъ: «Богъ видитъ, люблю ли человѣчество и народъ Русской.»[55] Не задолго до смерти, въ письмѣ къ другу своему Дмитріеву, благодаря небо за свое историческое дѣло, онъ выражался такъ: «я независимъ, и наслаждаюсь только своимъ трудомъ, любовію къ отечеству и человѣчеству.» Этими двумя мыслями, всемірною и отечественною, Карамзинъ стоитъ равно во главѣ двухъ поколѣній, изъ которыхъ одно пошло стезею первою, а другое второю: поколѣній Жуковскаго и Пушкина. Родоначальникъ обоихъ, дружившій въ себѣ обѣ мысли, могъ быть надежною охраною противъ крайностей: не образовать космополитовъ безъ отечества, ни ограниченныхъ патріотовъ внѣ человѣчества.

Изящная нравственная черта нашей литературы есть благодарная память преданія, связывающая славныхъ писателей нашихъ, послѣдовательно принимавшихъ власть современнаго дѣйствія надъ поколѣніями, къ которымъ они принадлежали. Съ какимъ благоговѣніемъ Жуковскій чтилъ память Карамзина! Съ какимъ теплымъ чувствомъ, въ посланіи къ Дмитріеву выражая ему благодарность, за то, что сорвалъ передъ нимъ покровъ съ поэзіи, вспоминаетъ онъ о Карамзинѣ:

О! въ эти дни, какъ райское видѣнье,
Былъ съ нами *онъ*, теперь ужъ не земной,
Онъ, для меня живое провидѣнье,
Онъ, съ юности товарищъ твой.
О! какъ при немъ все сердце разгоралось!
Какъ онъ для насъ всю землю украшалъ!
Въ младенческой душѣ его, казалось,
Небесный ангелъ обиталъ!....
Лежитъ вѣнецъ на мраморѣ могилы;
Ей молится Россіи вѣрный сынъ;
И будитъ въ немъ для дѣлъ прекрасныхъ силы
Святое имя: Карамзинъ.

Жуковскій проникалъ въ тайну души Карамзина, благо-

Digitized by Google

говѣлъ передъ нею, и передалъ намъ то впечатлѣніе, какое на него произвелъ онъ, уже приближаясь къ смерти.

Въ литературѣ Карамзинъ возбудилъ всѣ первыя сочувствія Жуковскаго и указалъ ему дорогу, оградивъ его противъ крайностей теплымъ чувствомъ любви къ отечеству, народу своему, и знаніемъ изящнымъ Русскаго языка.

Обыкновенно называютъ Жуковскаго у насъ главою и основателемъ Романтической школы въ Русской поэзіи. Здѣсь мѣсто, хотя вкратцѣ, разъяснить понятіе о Романтизмѣ, принадлежащее къ числу самыхъ темныхъ и неопредѣленныхъ понятій нашего времени.

Жизнь на Западѣ, во всѣхъ главныхъ явленіяхъ своихъ, подверглась раздвоенью силъ—и это дѣйствіе обнаружилось равно въ Церкви, въ государствѣ, въ общественныхъ отношеніяхъ сословій, въ наукѣ и даже въ искусствѣ. Плодомъ раздвоенія силъ въ сей послѣдней сферѣ, которая собственно насъ касается, было образованіе двухъ школъ, классической и романтической: взаимная борьба ихъ есть послѣднее событіе исторіи искусства на Западѣ. Она привела къ безплодному смѣшенію понятій, къ сомнѣнію въ бытіи самаго искусства, къ уничтоженію его сущности—красоты: все это обнаружилось, особенно въ послѣднее время, въ школѣ такъ называемой положительной или натуральной.

Возможны и даже необходимы мѣстныя и временныя опредѣленія искусства; не смотря на то, красота, внутреннимъ существомъ своимъ, возвышается надъ этими необходимыми условіями мѣста и времени, которымъ должны подвергаться ея явленія. Но можетъ ли красота сдѣлаться исключительною собственностію и преимуществомъ какой нибудь одной школы, девизомъ классицизма или романтизма? Дары духа свободно даются людямъ, а не школамъ: нѣтъ той красоты, ни той истины, ни того добра, къ которымъ могла бы приложить печать свою какая нибудь школа. Заключите красоту въ оковы извѣстнаго пониманія искусства; отдайте ее, безконечную, ограниченному смыслу школъ: явится и такая, которая посягнетъ на нее вмѣстѣ съ искусствомъ. Великіе поэты истекшаго полустолѣтія, ознаменованнаго борьбою ро-

Digitized by Google

мантизма съ классицизмомъ, всегда вырывались на свободу, когда замѣчали покушеніе приковать ихъ къ односторонему знамени романтической школы. Шиллеръ поклонялся древнимъ до кумирослуженія и переводилъ Расина; Гёте раздружился съ критиками, которые вербовали его быть главою романтиковъ; Байронъ склонялся передъ Попе; Жуковскій, уже авторъ Людмилы, восхищался тогда Федрою Расина, а подъ старость переводилъ Гомера; Пушкинъ, изъ за котораго столько было споровъ между нашими классиками и романтиками, посылалъ колкія насмѣшки и классицизму и романтизму въ своемъ Евгеніѣ Онѣгинѣ.

Романтизмъ, какъ сказали мы, принадлежитъ къ числу самыхъ неясныхъ, самыхъ неопредѣленныхъ понятій, наравнѣ со всѣми тѣми понятіями, которыя стоятъ на сторонѣ отрицанія въ западной жизни. Здѣсь признаки доходятъ до такого смѣшенія и противорѣчія другъ другу, что самое понятіе разсѣевается въ какомъ-то туманѣ логической неопредѣленности.

Имя романтизма противорѣчитъ его появленію: оно заимствовано отъ народовъ Романскихъ, а романтизмъ есть плодъ Германской и Англійской поэзіи. Постараемся перечислить все то, что̀ разумѣлось и разумѣется еще теперь подъ этимъ именемъ: нарушеніе всѣхъ тѣхъ условныхъ правилъ, какія наложены были на поэзію лжеклассическою школою Франціи, и полная свобода внѣшнихъ ея формъ; возвращеніе къ средневѣковымъ эпическимъ преданіямъ Германіи, Скандинавіи и Британіи (понятіе, замѣтимъ, наиболѣе всѣхъ усвоенное романтизму и ярче другихъ противорѣчащее его имени); примиреніе съ римско-католическою вѣрою во имя искусства и противодѣйствіе сухому раціонализму протестантовъ; вліяніе Арабовъ на Европейскую поэзію; все чудесное, волшебное, мечтательное, всякая свобода и произволъ фантазіи въ искусствѣ; начало народное и живое сочувствіе поэзіи къ современнымъ явленіямъ жизни; протестъ противъ всѣхъ условій жизни и даже противъ существенныхъ основъ ея нравственнаго благоустройства. Шлегели, видя смѣшеніе понятій, которымъ подвергался романтизмъ, хотѣли опредѣ-

Digitized by Google

лить его точнѣе, и разумѣть подъ этимъ именемъ все искусство новыхъ Христіанскихъ народовъ, въ отличіе отъ искусства древняго, классическаго. Но въ такомъ случаѣ, подъ знамя романтизма слѣдовало поставить и всю классическую школу Франціи, подавшую поводъ къ происхожденію романтической. Г-жа Сталь послѣдовала тому же понятію о романтизмѣ, какое предлагали Шлегели, присоединивъ къ нему понятіе о всякомъ искусствѣ, истекающемъ изъ жизни народной. Гёте, съ нѣкоторою ироніею, называлъ романтизмъ ново-нѣмецко-религіозно-патріотическимъ искусствомъ. Извѣстно, что во время Наполеоновскихъ войнъ романтизмъ игралъ ролю патріотическаго знамени въ Германіи. Гегель, въ своей Эстетикѣ, хотѣлъ возвести романтизмъ на степень необходимой законной нормы искусства вообще, и подвелъ подъ нее три высшіе его вида: живопись, музыку и поэзію. Имя ярко противорѣчило другой мысли философа, который назвалъ періодъ Христіанской исторіи Европы періодомъ исключительно Германскимъ, по главному участію въ немъ началъ жизни Германскаго племени.

Если перейти отъ теорій къ тѣмъ славнымъ поэтамъ, которыхъ романтики вербовали подъ свое знамя, то и здѣсь оттѣнки обнаружатъ не менѣе противорѣчивыхъ признаковъ. Здѣсь встрѣтимъ мы — свѣтлый, очарованный идеализмъ Шиллера вмѣстѣ съ мрачнымъ, разочарованнымъ скептицизмомъ Байрона; здѣсь и положительное поклоненіе всякому историческому событію въ Вальтеръ Скоттѣ, и не менѣе положительное служеніе всякому явленію природы въ Гёте. Въ талантахъ второстепенныхъ не менѣе яркія противорѣчія: здѣсь и духовное настроеніе въ образѣ мыслей Тика, и оправданіе чувственныхъ вожделѣній человѣка въ Фр. Шлегелѣ; здѣсь и раболѣпная подражательность формамъ средневѣковой поэзіи въ первомъ, и совершенный произволъ фантазіи, чуждый всякой формы, въ Жанъ-Поль Рихтерѣ и въ Гофманѣ.

Въ современной намъ Германіи, романтизмъ—понятіе, какъ видимъ, носившееся по вѣтру всякихъ разногласныхъ мнѣній—получило теперь политическій оттѣнокъ. Въ теоріяхъ же эсте-

Digitized by Google

тическихъ разумѣютъ подъ нимъ ложный идеализмъ въ искусствѣ, нападаютъ за него и на Шиллера и на Гёте, и удаляя его вмѣстѣ съ прежнимъ его соперникомъ, классицизмомъ, въ сторону, ждутъ возрожденія для искусства въ историческомъ его направленіи.[57]

Примѣняя высчитанныя нами понятія о романтизмѣ къ Жуковскому, мы найдемъ, что весьма немногія изъ нихъ могутъ быть отнесены къ нему. Въ тѣ самые годы, какъ онъ открывалъ новую сферу для Русской поэзіи, — дѣйствуя какъ журналистъ, въ критикахъ своихъ, онъ обнаруживалъ основанія теоріи Французовъ и являлся ученикомъ Лагарпа. Въ 1809 году, по случаю представленій Г-жи Жоржъ на Московской сценѣ, онъ разбиралъ трагедіи Расина, преклонялся передъ его геніемъ и даже выражалъ сильное сочувствіе Вольтеру, какъ трагику.[58] Во внѣшнихъ формахъ своей поэзіи онъ избѣгалъ всякаго произвольнаго ихъ нарушенія — и никто, можно сказать, изъ поэтовъ Русскихъ, не исключая даже и Пушкина, не соблюдалъ такой отчетливости и опредѣленности во внѣшней формѣ искусства своего, какъ Жуковскій. Изъ всѣхъ признаковъ за нимъ остается одинъ: его особенная любовь къ средне-вѣковымъ рыцарскимъ преданіямъ Германіи, стремленіе фантазіи его въ этотъ мечтательный міръ замковъ, мертвецовъ, привидѣній и демоновъ, ложныя покушенія породнить ихъ съ преданіями нашего народа. Но можно ли сказать, что Жуковскій ввелъ эту стихію вообще въ Русскую поэзію? Нисколько — гдѣ же въ этомъ его подражатели? Эта особенность проистекала изъ его сочувствія къ поэтамъ Англіи и Германіи въ то время, когда почти всѣ они были одержимы страстью къ легендамъ среднихъ вѣковъ. Она осталась при немъ, и даже ему самому нисколько не помѣшала одушевляться образцами поэзіи древней и другими. Замѣтимъ также, что поэтъ, внушившій Жуковскому его первое произведеніе, съ котораго собственно начинается его поприще, какъ поэта, былъ Грей, воспитанникъ древней поэзіи, писавшій Латинскіе стихи въ подражаніе Горацію, и поклонникъ Расина наравнѣ съ Шекспиромъ.

Digitized by Google

Не посторонній вопросъ о томъ, какъ Жуковскій вносилъ Нѣмецкій романтизмъ въ нашу поэзію, для насъ важенъ, а вопросъ нашъ, живой, отечественный. Что новаго внесъ Жуковскій въ поэзію Русскую, чего не было въ поэзіи его предшественниковъ, Ломоносова и Державина? Какой новый міръ открылъ онъ для нея? До Жуковскаго, поэзія наша въ хвалебныхъ гимнахъ возносила мысль нашу къ Богу, гремѣла славою отечества въ подвигахъ брани или мира, была или священною арфою или трубою славы; иногда принимала тонъ поучительный, возглашала уроки правды, поднимала бичь или смѣхъ сатиры, указывая на пороки въ нравахъ общества. Что же сдѣлалъ Жуковскій? Объ немъ можно сказать то, что древніе говорили о Сократѣ. Какъ Греческій мудрецъ свелъ философію съ неба и поселилъ ее въ городѣ и въ семьѣ: такъ Жуковскій, съ высоты Парнасса, оглашеннаго гимнами, одами и сатирами, свелъ Поэзію въ нашу душу,—и съ его времени душа человѣческая, обращенная сама на себя, дала ей жизнь и содержаніе. Вотъ почему съ той поры Поэзія стала ближе къ намъ, устами его заговорила всему внутреннему существу нашему и глубоко потрясла его.

Личныя чувства души, еще до Жуковскаго, входили въ содержаніе Русской Поэзіи. Но Французская трагедія позволяла жить ими только своимъ героямъ и героинямъ. Повѣсть Карамзина завоевала у нихъ это преимущество въ пользу людей всѣхъ сословій. Но чувство въ повѣстяхъ Карамзина являлось не живымъ, общимъ чувствомъ, а чувствомъ сентиментальной школы, которая взяла его своимъ девизомъ, хотѣла насильно жить имъ, и имъ исключительно. Это было чувство, придуманное въ противодѣйствіе разсудку, а не чувство естественное, простое. Дмитріевъ и Нелединскій скорѣе могутъ быть названы предшественниками Жуковскаго: первый своимъ противодѣйствіемъ искусственному тону прежней лирики, второй живымъ чувствомъ своихъ пѣсенъ.

Но не одно чувство душевное дало содержаніе поэзіи Жуковскаго, а вся душа человѣка со всѣми ея явленіями. Жу-

Digitized by Google

ковскій такой же двигатель чувства, какъ и мысли, которую назвалъ онъ *великаномъ*. Подвиги его въ этой области еще не всѣ извѣстны: мы знаемъ, что особенно въ послѣдніе годы жизни онъ много жилъ и работалъ въ мірѣ мысли, что онъ хотѣлъ положить нѣкоторыя основы для Философіи Христіанской въ Россіи. Тѣ начала, которыя онъ кратко указалъ для науки искусства, превосходны.

Жуковскій, какъ вноситель міра душевнаго въ содержаніе Русской поэзіи, есть родоначальникъ всѣхъ Русскихъ поэтовъ, за нимъ послѣдовавшихъ до Гоголя включительно. Правда, онъ видѣлъ еще этотъ міръ душй сквозь блескъ и туманъ очарованья. Но онъ прозиралъ уже въ немъ темныя страсти и пороки, указывалъ на лукавыя наущенія демона; однако, надъ всѣмъ этимъ возносилъ свой лучезарный идеалъ душй, сотканный изъ всего высокаго, чистаго, благороднаго, святаго — и эта душа, прекрасная и влюбленная въ дивныя красоты души человѣческой, выражалась въ чудныхъ звукахъ.

Что̀ новаго внесъ Жуковскій во внѣшнюю форму Русской поэзіи? — Пластика и живопись сло́ва принадлежатъ Ломоносову и Державину. У перваго всякой образъ какъ будто изваянъ, и слово — мраморъ; у втораго слова́ — самыя яркія краски, которыя онъ сыплетъ, какъ свои рубины, алмазы и яхонты. Жуковскій усвоилъ себѣ живописную стихію сло́ва, но у него всѣ картины, какъ уже было говорено, при всей ихъ живости, простотѣ и естественности, мягки, озарены свѣтомъ души, и потому имѣютъ болѣе единства въ колоритѣ. Но стихія, созданная имъ собственно, была музыкальная. Метръ, сотворенный Ломоносовымъ для Русской поэзіи, разработанъ былъ Жуковскимъ на всѣ возможные лады. Какихъ размѣровъ въ Русскомъ языкѣ не отгадало его ухо? Но откуда же полилась эта очаровательная, волшебная, разнообразная музыка стиховъ въ поэзіи Жуковскаго? Гдѣ ей тайна? Эти звуки могла вызвать изъ Русскаго сло́ва только душа, въ немъ заговорившая. Эти звуки — ея неосязаемое, незримое тѣло. То *невыразимое*, о которомъ сказалъ онъ, что нѣтъ ему образа въ словѣ, нашло выраженіе въ звукахъ. Первыя стро̀фы *Сельскаго кладбища* — начало этой небывалой до

Digitized by Google

него музыки въ Русской поэзіи. Кто не упивался стихами *Эоловой арфы*, какъ звуками, для того гармонія Русскаго сло́ва — неразгаданная тайна.

Новое содержаніе, открытое Жуковскимъ для Русской поэзіи, объясняетъ, отчасти, почему легче ему было настроивать лиру свою съ самаго нача́ла подъ чужія пѣсни. Душа человѣческая успѣла уже тамъ, у другихъ народовъ, выразить богатство своего внутренняго міра. Слово душй одно для всѣхъ. Надобно было только почувствовать въ себѣ могущество языка своего, чтобы передать на немъ это слово, а здѣсь и тайна поэта. Наслушавшись громкихъ пѣсенъ о славныхъ міра, осмнадцатилѣтній поэтъ вышелъ къ безъименнымъ покойникамъ села, и, подъ звуки простой сельской элегіи Грея, надъ ихъ могилами, задумалъ свою первую душевную пѣсню.

Элегія, *Романсъ*, *Посланіе* и *Баллада*, были первыми формами поэзіи Жуковскаго.

Элегіею началась она: съ грустнаго чувства запѣваетъ свою первую пѣсню душа. Карамзинъ, по своей природной наклонности къ меланхоліи, воображалъ, что съ элегіи началась и поэзія человѣка вообще. Элегія имѣла у Грековъ кромѣ жалобнаго, самый разнообразный характеръ: и воинственный, и пиршественный, и государственный. У Римлянъ она ограничилась жалобами любви, особенно чувственной. Въ Христіанской поэзіи элегія приняла характеръ скорби и думы обо всемъ погибшемъ. Такова и *Элегія* Жуковскаго. Но скорбь ея не безнадежная: чувствомъ вѣры торжественно разрѣшается она въ успокоеніе, даже иногда въ какую-то духовную радость. Таковы: *Теонъ и Эсхинъ* и *Элегія на кончину Королевы Виртембергской*.

Первый *Романсъ* Жуковскаго: «Дуброва шумитъ,« подражаніе романсу Шиллеровой Теклы, принявшей образъ Русской дѣвы, такъ пришелся чувствомъ своимъ къ Русской пѣсни, что сдѣлался народнымъ. Содержаніе романсовъ Жуковскаго все носится между воспоминаніемъ о миломъ прошломъ и стремленіемъ къ желанному будущему, въ которомъ первое возвратится. Оно все выражено въ этихъ стихахъ:

Digitized by Google

О милое воспоминаніе
О томъ, чего ужъ въ мірѣ нѣтъ!
О дума сердца — упованіе
На лучшій, неизмѣнный свѣтъ!
Блаженъ, кто васъ среди губящаго
Волненья жизни сохранилъ,
И съ вами низость настоящаго
И пренебрегъ и позабылъ.

Посланіе — форма, заимствованная Жуковскимъ у Французскихъ поэтовъ. Она характеризуетъ его поколѣніе, писатели котораго соединялись силою дружбы и взаимнаго общественнаго дѣйствія. Въ этой формѣ они любили выражать другъ другу, передъ обществомъ, свои убѣжденія, надежды, завѣтныя мечты. Въ посланіяхъ Жуковскаго къ друзьямъ высказанъ взглядъ его на поэзію, на любовь, на жизнь. Посланіе обращалъ поэтъ и къ сильнымъ міра: тогда принимало оно важный характеръ, и замѣняя оду, искреннѣе, теплѣе и живѣй, выражало чувства души, чѣмъ громкая ода.

Изъ всѣхъ формъ поэзіи, усвоенныхъ Жуковскимъ отъ Запада, *Баллада* есть та форма, которую наиболѣе приписываютъ романтической школѣ, хотя романсъ, по своему названію, гораздо сроднѣе романтизму. Имя баллады Итальянское (ballata): въ поэзіи Италіи такъ называлось стихотвореніе, пѣніе котораго сопровождаемо было пляскою. Изъ Прованса черезъ Францію перешла баллада на Сѣверъ, въ Англію, и здѣсь стала народною формою поэзіи въ устахъ и подъ перомъ мінстрелей, которые сочиняли баллады и въ монастыряхъ, и при дворахъ Королей, и въ шумныхъ сходкахъ народа. Баллады сдѣлались живою поэтическою лѣтописью Англичанъ: не было славнаго событія въ ихъ исторіи, котораго онѣ не сохранили бы. Въ нихъ воспѣвались и любимые ихъ герои. Такую же точно ролю исторической народной пѣсни игралъ и Романсъ (romance) въ Испаніи. Баллада, до введенія газеты, замѣняла ее въ Англіи: въ XVI еще вѣкѣ, не было убійства, казни, сраженія, бури, словомъ, не было происшествія, которое бы тотчасъ же, въ куплетахъ баллады, не разносилось по Англійскому на-

Digitized by Google

роду черезъ странствующихъ мѝнстрелей. Такого рода баллады нерѣдко раздаются и въ драмахъ Шекспира; но въ его время онѣ уже были отголосками минувшаго. Въ 1588 году, эта народная вѣстовщица, баллада уступила мѣсто учрежденію государственному— газетѣ, которой первый нумеръ явился вмѣстѣ съ грозною армадою Испаніи на берегахъ Англіи; а въ 1597 году мѝнстрель — этотъ поэтъ феодальный—въ статутѣ Королевы Елисаветы признанъ за бродягу.[59]

Въ концѣ XVIII вѣка, когда послѣдовало въ Англіи возвращеніе къ народнымъ преданіямъ поэзіи и исторіи, старинныя баллады были изданы, какъ матеріалы живыхъ историческихъ преданій народа. Тогда и многіе поэты Англійскіе полюбили этотъ видъ поэзіи, и начали его воздѣлывать: таковы Соути, Вальтеръ Скоттъ, Робертъ Барнсъ. Германію съ старинной Англійской балладой познакомили Гердеръ и Бодмеръ. Бюргеръ усвоилъ ее Нѣмецкой поэзіи; Шиллеръ и Гёте, соревнуя въ ней другъ другу, довели ее до совершенства. Древняя же народная поэзія Германіи собственно балладъ не имѣла.[60] Главный представитель Нѣмецкаго романтизма, Тикъ, не написалъ ни одной.

Внѣшняя форма и строй баллады принадлежатъ поэзіи лирической. Содержаніе ея есть драматическое дѣйствіе, схваченное чувствомъ изъ жизни и перенесенное въ міръ фантазіи: во всякой балладѣ есть зародышъ драмы, но въ ней какъ бы улетучена вся ея дѣйствительность, и самое дѣйствіе предстаетъ намъ, какъ видѣніе души, какъ явленіе таинственное внутренняго міра. Вотъ, гдѣ причина такого сочувствія въ Жуковскомъ къ этому виду поэзіи.

Англія и Германія, балладами Бюргера, Шиллера, Соути, Уланда, Гёте, В. Скотта, настроивали Жуковскаго на тѣ вдохновенія, которымъ мы обязаны такими чудными красотами въ Русской поэзіи. Какъ очаровательные призраки, проносятся передъ нами его баллады, страшныя и нѣжныя, грозныя и милыя, величавыя и причудливыя, чаруя насъ и волшебствомъ летучаго видѣнія и прелестью своихъ разнообразныхъ звуковъ. Не во гнѣвъ мнѣнію нашихъ критиковъ,

Digitized by Google

слабѣе другихъ мнѣ кажутся тѣ баллады, въ которыхъ Нѣмецкія преданія переносятся на Русскую почву Вся прелесть искусства не можетъ искупить *лжи* въ основѣ созданія. Но сличая пустой романъ Шписа[61] съ *Громобоемъ* и *Вадимомъ*, любопытно видѣть, какъ *геній чистой красоты* въ созданіяхъ Жуковскаго облагораживаетъ и умягчаетъ жесткую грубость средневѣковыхъ преданій Германіи. *Свѣтлана*, *Эолова арфа*, *Ахиллъ* съ предчувствіемъ своей кратковѣчности, возносятся надъ всѣми произведеніями Жуковскаго въ этомъ родѣ. Свѣтлана представляетъ тотъ видъ красоты въ Русской поэзіи, для котораго нѣтъ выраженія ни въ какой Нѣмецкой Эстетикѣ, а есть въ Русскомъ языкѣ: это наше родное *милое*, принявшее свѣтлый образъ. Богдановичь, первый, отгадывалъ этотъ видъ Русской красоты въ своей Душенькѣ. Для Жуковскаго *милое* совершилось въ очью въ его Свѣтланѣ. *Эолова арфа* своими стихами оправдываетъ свое названіе: въ эти эѳирные звуки воплотилась чистая любовь души, спасенная и за могилой. *Ахиллъ*, какъ и Шиллерова *Кассандра*, отходитъ отъ древняго міра и откликается нашему своимъ скорбнымъ предчувствіемъ—этимъ тягостнымъ даромъ души. Изъ переводныхъ балладъ: *Замокъ Смальгольмъ* В. Скотта и *Кубокъ* Шиллера, стоятъ на степени творческихъ созданій.

Отечественный періодъ поэзіи Жуковскаго, совпадая съ славнѣйшими годами Русской жизни нашего столѣтія, является съ перваго взгляда чѣмъ-то случайнымъ въ ряду его произведеній; но вникнувъ глубже, мы увидимъ, что онъ также связанъ съ внутреннимъ существомъ его искусства. До Жуковскаго, Русская поэзія носила всего болѣе современный характеръ и откликалась на громкія событія государства. Міръ души, открытый Жуковскимъ для поэзіи, разрушилъ эту связь ея съ случайными отношеніями времени: не можетъ быть годовъ и чиселъ на тѣхъ пѣсняхъ, которыя «зараждаетъ глубина души».[62 a] Но событія 12 года потрясли всѣ чувства въ душѣ Русской и взворошили со дна ея все, что́ хранилось въ ней отъ самыхъ дальнихъ вѣковъ завѣтнаго и священнаго, Церковь, Царь, народъ, воинство, сли-

Digitized by Google

лись въ одну душу; вся Россія, поднявшаяся какъ одинъ человѣкъ, съ глаголомъ Божіимъ въ устахъ, съ мечемъ правды и свободы въ рукѣ, лицемъ къ лицу, предстала поэту,—и сама жизнь явилась ему въ то время, какъ высокая поэзія. Тогда ударила не случайная, но вѣчная минута въ жизни народа Русскаго—и ей откликнулась чистая душа пѣвца—и чудо! въ мягкихъ и нѣжныхъ звукахъ его лиры сказалась сила, до той поры небывалая.

Поразительны эти событія, которыми Западъ вызывалъ насъ къ сознанію внутреннихъ основъ нашей жизни. Мы, новобранцы въ дѣлѣ его наукъ и искусствъ, простирали къ нему, во имя просвѣщенія, самыя полныя и искреннія объятія. Все поколѣніе двѣнадцатаго года, предшествовавшими царствованіями, воспитано было въ духѣ свободнаго общенія съ нимъ, — и вотъ этому самому поколѣнію суждено встрѣтить грудью *ополченье двадцати* просвѣщенныхъ *державъ*, съ геніемъ Европы во главѣ ихъ, несущихъ мечь и огонь въ наши предѣлы на мѣсто добра и мысли, которыхъ мы отъ нихъ ждали. «Пожаръ Москвы былъ заревомъ свободы всѣхъ царствъ земныхъ»[62b]: въ немъ же засіяла заря и нашего народнаго самопознанія.

Пѣвецъ въ станѣ, *Пѣвецъ въ Кремлѣ* и *посланіе къ Императору Александру* — памятники слова этого незабвеннаго времени, дѣла поэта-воина, съ честью сражавшагося подъ Бородинымъ и подъ Краснымъ. *Пѣвецъ въ станѣ* есть пѣсня не одной строгой любви къ отечеству, какова была Римская: здѣсь затронуты всѣ живѣйшія струны душй человѣческой; здѣсь вмѣстѣ съ Отечествомъ, Царемъ, предками, вождями, подняты кубки въ честь любви, дружбы и поэзіи! Но надъ всѣми чувствами сіяетъ вѣра. Изъ вождей рати спасенія, воспѣтыхъ пѣвцомъ, немногіе озаряютъ насъ еще дивной памятью 12-го года и его пламенной пѣсни. Въ ней пѣлъ онъ славную рану Воронцова, теперь смирителя Кавказа, тогда встрѣтившаго весь первый натискъ непріятеля на полѣ Бородинскомъ, ту рану, которая изъ вождей, на первомъ на немъ, засіяла передъ воинами и зажгла въ нихъ сильнѣе духъ мщенія и мужества. Онъ пѣлъ и Чернышева,

Digitized by Google

однимъ взглядомъ бросавшаго дружину на мечь и громъ. Онъ пѣлъ и маститаго исполина, вблизи насъ говорящаго намъ живой памятью исполинской брани 12-го года. Къ нему, послѣ «вождя вождей, героя подъ сѣдинами», неслись первые звуки славнаго ихъ величанья на кровавомъ пирѣ:

Хвала сподвижникамъ — вождямъ!
Ермоловъ, витязь юный,
Ты ратнымъ братъ, ты жизнь полкамъ
И страхъ твои перуны.

Въ этихъ достопамятныхъ герояхъ и во всемъ молодомъ поколѣніи ихъ сподвижниковъ олицетворялись не однѣ богатырскія силы нашего народа, но и всѣ нравственныя основы души, всѣ священныя убѣжденія ума и сердца, воспитанныя нашею доброю жизнію и такъ прекрасно выраженныя пѣвцомъ героическаго поколѣнія:

Въ высокой долѣ — простота;
Нежадность въ наслажденьѣ;
Въ союзѣ съ ровнымъ — правота;
Въ могуществѣ — смиренье.

*

Обѣтамъ — вѣчность; чести честь;
Покорность — правой власти;
Для дружбы — все, что въ мірѣ есть;
Любви — весь пламень страсти;
Утѣха — скорби; просьбѣ — дань;
Погибели — спасенье;
Могущему пороку — брань,
Безсильному — презрѣнье;
Неправдѣ — грозный правды гласъ;
Заслугѣ — воздаянье;
Спокойствіе — въ послѣдній часъ;
При гробѣ — упованье.

Пѣсня въ станѣ возмущается иногда неизбѣжными чувствами войны и поднимаетъ еще кубокъ мщенію. Но пѣсня въ Кремлѣ, въ обновленномъ нашемъ Сіонѣ, прекрасно исполняя предъидущую, дышетъ однимъ примиреньемъ и

Digitized by Google

любовію. Она — отголосокъ на тѣ священныя слова, которыми Благословенный побѣдитель призывалъ народъ свой и воинство къ Христіанскому подвигу: «При толь бѣдственномъ состояніи всего рода человѣческаго не прославится ли тотъ народъ, который, перенеся всѣ неизбѣжныя съ войною разоренія, наконецъ терпѣливостію и мужествомъ своимъ достигнетъ до того, что не токмо пріобрѣтетъ самъ себѣ прочное и ненарушимое спокойствіе, но и другимъ державамъ доставитъ оное, и даже тѣмъ самымъ, которыя противъ воли своей съ нимъ воюютъ? — Пріятно и свойственно доброму народу за зло воздавать добромъ».[63] — «Гнѣвъ Божій поразилъ ихъ. Не уподобимся имъ; человѣколюбивому Богу не можетъ быть угодно безчеловѣчіе и звѣрство. Забудемъ дѣла ихъ; понесемъ къ нимъ не месть и злобу, но дружелюбіе и простертую для примиренія руку. Слава Россіянина низвергать ополченнаго врага, и по исторженіи изъ рукъ его оружія, благодѣтельствовать ему и мирнымъ его собратіямъ».[64] Но силу на такой подвигъ мы могли почерпнуть не изъ образованія Запада, не изъ себялюбивой политики его Исторіи: такой подвигъ внушила намъ, какъ сказалъ самъ же Царь, къ нему призывавшій: «свято почитаемая въ душахъ нашихъ православная Вѣра», которая говоритъ: «любите враги ваша, и ненавидящимъ васъ творите добро.»[65] Ею одушевленный, могъ пѣвецъ на развалинахъ Кремля воскликнуть:

И за развалины Кремля
Парижу мзда: спасенье.

Подъ ея святымъ внушеніемъ, онъ покрывалъ такими словами любви и мира всѣ крики и вопли неистовой брани.

О совершись, святой завѣтъ!
Въ одну семью, народы!
Цари, въ одинъ отцевъ совѣтъ!
Будь, сила, щитъ свободы!
Духъ благодати, пронесись
Надъ мирною вселенной,
И вся земля совокупись
Въ единый градъ нетлѣнный!

Digitized by Google

Въ совѣтъ къ царямъ, небесный Царь!
Символъ имъ: Провидѣнье!
Тронъ власти, обратись въ алтарь!
Въ любовь повиновенье!

*

Утихни, ярый духъ войны;
Не жизни истребитель,
Будь жизни благъ и тишины
И вѣчныхъ правъ хранитель.
Ты, мудрость смертныхъ, усмирись
Предъ мудростію Бога,
И въ мракѣ жизни озарись,
Къ небесному дорога.
Будь, Вѣра, твердый якорь намъ
Средь волнъ безвѣстныхъ рока,
И ты, въ нерукотворный храмъ
Свѣти, звѣзда Востока!

Но для совершенія этого подвига, неслыханнаго въ исторіи, для того, чтобы Русской могъ пропѣть на площади Парижа святую пѣсню воскресную и предложить братскій поцѣлуй врагу своему, необходимо было, чтобы весь народъ единодушно предалъ волю, мысль, силы, имущества Единому, и чтобы этотъ Единый, заключивъ въ себѣ народъ и вложивъ его въ руку Божію, вынесъ изъ основъ его жизни любовь и смиреніе, которыми посрамилъ побѣжденную имъ злобу и гордость. Величайшая минута въ жизни Императора Александра проистекла изъ взаимной вѣры Царя и народа другъ ко другу и Вѣры обоихъ въ Бога. Посланіе Жуковскаго къ Императору Александру начинается робкимъ голосомъ пѣвца и оканчивается общимъ голосомъ всего народа: «все въ жертву за Царя!» Это — зеркало прекрасной души Царской, и возчувствованный живѣе, въ минуту славы и счастія, всегдашній обѣтъ Царю отъ народа, поднесенный Ему свободнымъ голосомъ Поэта

За вѣру въ страшный часъ къ народу своему!

Весело было Русскому пѣвцу, искреннимъ голосомъ чистой души своей, славить Царя и благодарить Бога

Digitized by Google

За царственную высоту
Его души благія,
За чистой славы красоту,
Въ какой имъ днесь Россія,

когда чуждые пѣвцы гордаго Альбіона гремѣли ему хвалою, когда Соути въ извѣстной одѣ Императору Александру такъ говорилъ Россіи: «Воздвигай, Россія, изъ добычъ твоихъ, изъ орудій смерти, покинутыхъ бѣглецомъ-тираномъ, монументъ, котораго благороднѣе и Римъ не воздвигалъ на всей высотѣ своей гордости и могущества. Но Александръ, на берегахъ Сены, уже поставилъ для всѣхъ вѣковъ твой благороднѣйшій монументъ — *Парижъ взятый и пощаженный.*»[66 a] Другой поэтъ, Вальтеръ Скоттъ, въ 1816 году, привѣтствуя на пиру отъ имени Эдимбурга Царственнаго Гостя, нынѣ Императора Россіи, призывалъ благословеніе Божіе на наше Отечество, на Брата Его, умѣвшаго какъ побѣждать, такъ и прощать враговъ своихъ, и приглашалъ оба великіе народа къ рукожатію во время мира, къ товариществу на полѣ брани.

Во всемірномъ періодѣ Поэзіи Жуковскаго Германія является посредницею между имъ и тѣми народами, кромѣ Англійскаго и Римскаго, у которыхъ онъ заимствовалъ образцы для своихъ переводовъ. Не сочувствуемъ мы поэту, когда онъ слишкомъ увлекается средневѣковыми преданіями Германіи, или пересаживаетъ чужое и несродное намъ на нашу народную почву, или подчиняется какому-нибудь образцу Нѣмецкому, впрочемъ всегда возносясь надъ нимъ и умѣя возвести его въ перлъ созданія; но мы не можемъ не оправдать Жуковскаго въ его привязанности къ Германіи, доходившей до пристрастія, когда вспомнимъ, сколько матеріаловъ доставила она ему своими огромными, учеными и художественными трудами, для произведеній всемірнаго періода его поэзіи.

Прежде чѣмъ обозрѣть его, здѣсь мѣсто опредѣлить отношенія между Жуковскимъ и тѣми первенствующими поэтами, которые въ западной Европѣ были почти всѣ его современниками. Ихъ четверо: Шиллеръ, Гёте, Байронъ и

Digitized by Google

Вальтеръ Скоттъ.[66 b] Задача наша не сравнивать художниковъ, а только опредѣлить въ Жуковскомъ возможность бо́льшаго или меньшаго сочувствія къ тому или другому поэту, возможность, проистекавшую въ немъ изъ яснаго пониманія живой гармоніи между поэтомъ и человѣкомъ, между поэзіею и жизнію, какое трудно встрѣтить въ другомъ поэтѣ. Жуковскій мыслилъ и чувствовалъ и смотрѣлъ на міръ и на себя, и на свои къ нему отношенія, совершенно одинаково какъ поэтъ и какъ человѣкъ, во всѣ минуты своей жизни, независимо отъ того, писалъ ли онъ стихи или дѣйствовалъ въ жизни. И это единство человѣка и поэта давало стихамъ его ту проницающую душу силу искренности, которой произведенія другихъ поэтовъ или не имѣли, или не имѣли въ такой степени. Эта же причина давала его переводамъ всю значительность оригинальныхъ созданій. Но это единство поэзіи и жизни не ограничивалось только минутною искренностію, какъ бывало у другихъ поэтовъ, у которыхъ иногда поэзія точно выражаетъ ихъ жизнь, но только жизнь какого-нибудь краткаго періода времени, которому совершенно не соотвѣтствуетъ другой, слѣдующій за нимъ поворотъ жизни. У Жуковскаго *вся* жизнь его представляетъ одно согласное съ собою, гармоническое цѣлое: потому и поэзія его, — какъ бы ни различны были ея роды, ея источники и краски, — представляетъ также одно цѣльное живое, одушевленное созданіе, хотя отдѣльныя части этого цѣлаго собраны изъ другихъ, по видимому разнородныхъ поэзій. Эта *цѣльность* и это *единство* поэзіи и жизни, какъ главная особенность Жуковскаго, должны были опредѣлить и мѣру его сочувствія съ тѣмъ или другимъ изъ его великихъ современниковъ.

Съ Шиллеромъ Жуковскій имѣлъ болѣе сродства по лирическому настроенію поэзіи, по одинаковымъ влеченіямъ въ міръ идеаловъ, въ міръ очарованія. Жуковскій переводилъ изъ него чаще, чѣмъ изъ другихъ поэтовъ. Но жизнь, какъ и поэзія Шиллера, отзываются неровными, бурными порывами духа. Много самообольщеній было у него въ искусствѣ; много отреченій онъ прожилъ, много минутъ,

Digitized by Google

разорвавшихъ жизнь на части. Изъ крѣпкой семьи Шиллеръ вынесъ христіанскія убѣжденія; первый порывъ его былъ даже служить Богу; но часто сомнѣнія мрачили свѣтлую душу, и въ эти темныя минуты онъ искалъ забыться въ восторгахъ поэзіи; увлеченный порывомъ, онъ готовъ былъ въ стихахъ кланяться кумирамъ Греціи; по волнамъ чувствъ безпрерывно носилась душа его и рано сокрушила прекрасную жизнь.[68] Во многомъ сочувствуя Шиллеру, Жуковскій не могъ сочувствовать въ немъ безперерывному раздору между чувствомъ и мыслію.

Въ отношеніи къ формѣ искусства, къ вѣрности типа поэтическихъ произведеній, къ отчетливости художественнаго стиля, гораздо болѣе сродства между Жуковскимъ и Гёте. Жуковскій, вмѣстѣ съ вѣкомъ своимъ, дивился этому генію Германіи и преклонялся передъ нимъ. Они были лично знакомы, и въ той дани уваженія, которую Гёте обильно собиралъ отовсюду, есть приношенія и Жуковскаго.[69] Но изумленіе не сочувствіе. Позднѣе изучилъ онъ Гёте чѣмъ другихъ поэтовъ, когда уже взглядъ его на жизнь и поэзію опредѣлился. — Рѣже чѣмъ другимъ, покорялось Гёте вдохновеніе Русскаго поэта. Балладу: *Рыбакъ* и *Романсъ Миньоны*, Жуковскій исключилъ, однако, изъ полнаго собранія своихъ стихотвореній. Геній Гёте весьма вѣрно опредѣляли критики Германіи, говоря, что онъ не столько усвоивалъ себѣ предметы, сколько самъ усвоивался имъ. Въ вѣкѣ, который хотѣлъ *дѣйствовать*, Гёте, на перекоръ ему, хотѣлъ только *наблюдать*, и поселившись въ мірѣ искусства и науки, отрѣшилъ себя отъ жизни съ ея религіозными и политическими вопросами, наиболѣе волновавшими его современниковъ.[70] Во время Лейпцигской битвы, во время національныхъ войнъ Германіи, Гёте отдѣлывалъ стихи своего Западно-восточнаго дивана. Эта, прославленная одними, опороченная другими, *объективность* Нѣмецкаго поэта не могла придтись по сердцу поэту Русскому, который два раза покидалъ лиру для двухъ великихъ дѣлъ жизни, признавая, что есть что-то высшее надъ поэзіею, какъ искусствомъ. Равно поклонялся Гёте всякому произведенію природы, какъ

Digitized by Google

и произведенію искусства. Силой возсоздающаго творчества воздвигъ онъ въ Германіи пантеонъ всемірной поэзіи, собравъ въ него образцы отовсюду. Геній его, въ отношеніи къ природѣ и къ искусству всѣхъ народовъ, по счастливому выраженію Гр. Уварова, походилъ на призму; но радуга творческаго луча, озаряющая его произведенія, радуга призмы, а не та живая, которую видимъ на твореніи Божіемъ и на произведеніяхъ человѣческихъ. Холодомъ искусственности созданія вѣетъ отъ изящнаго совершенства произведеній Германскаго пантеона поэзіи: изумляешься художнику, но не живешь съ нимъ душою. Дѣло Жуковскаго въ нашей Словесности имѣетъ нѣкоторое сходство съ этимъ дѣломъ Гёте: онъ также собралъ въ нее образцы отовсюду, но, не владѣя всемірнымъ творчествомъ въ духѣ другихъ народовъ и эпохъ и не посягая на него, вѣрнѣе остался тѣмъ образцамъ, какіе переносилъ въ Русское слово. Ими жилъ онъ душою, прочувствовалъ въ нихъ прекрасное, и передалъ намъ его на родномъ языкѣ, свободно, безъ всякаго ему насилія.

Между Байрономъ и Жуковскимъ могли бы быть точки соприкосновенія, но начала и убѣжденія разводили ихъ на разстоянье неизмѣримое. Оба лирики, но какая разница въ духѣ и направленіи лиризма обоихъ! Одинъ говорилъ:

Что́ жизнь, когда въ ней нѣтъ очарованья?

Другой немилосердо срывалъ съ нея покровы. Какъ пѣвецъ невстощимаго страданія человѣческаго, Байронъ могъ привлечь къ себѣ вдохновеніе Жуковскаго, который видѣлъ въ страданіи необходимую пищу для поэзіи и жизни; но какъ небо и земля, расходятся точки зрѣнія, съ которыхъ и тотъ и другой смотрѣли на страданіе человѣка. Благодарностью и молитвой озарялось вдохновенье одного; ропотомъ и язвительной насмѣшкой отзывалось слово другаго. Для Жуковскаго поэтъ и человѣкъ сливались въ существо нераздѣльное; у него и въ жизни поэтъ долженъ былъ чисто и свято беречь тотъ храмъ души, куда призывалъ онъ свое вдохновеніе. Байронъ же говорилъ: «Поэзія въ человѣкѣ есть способность, душа отдѣльная, и столько же мало имѣетъ сношенія съ

Digitized by Google

человѣкомъ повседневнымъ, какъ вдохновеніе съ пиѳійскою жрицей, когда она сошла съ треножника». Жуковскій видѣлъ въ поэзіи узду страсти; Байронъ сознавался, что все, имъ написанное, было внушеніе только одной страсти. Жуковскій высоко цѣнилъ благотворный трудъ, питающій вдохновеніе: онъ называлъ «его цѣлителемъ печальной души, животворителемъ счастія», а само вдохновеніе слетало къ поэту, какъ Божіе дыханье съ небесъ,

Свѣжо, какъ утро,
И пламенно, какъ солнце, и отрадно,
Какъ слезы, и разительно, какъ громъ,
И увлекательно, какъ звуки арфы.

Байронъ говорилъ, что необходимость писать мучитъ его, какъ внутренняя пытка, отъ которой онъ долженъ освободиться; что сочиненіе никогда не доставляетъ ему удовольствія; что оно въ немъ жестокій трудъ. Жуковскій вѣрилъ въ истину и красоту своего призванія. Байронъ считалъ вѣкъ свой упадкомъ поэзіи; сознавался другу своему Муру, что онъ идетъ ложнымъ путемъ вмѣстѣ со многими другими; удивлялся успѣхамъ своихъ произведеній. Разочарованіе его простиралось и на искусство. «Всякое поэтическое произведеніе, говоритъ онъ, хорошо не все, а только искрами: небо не сплошь вышито изъ звѣздъ». Таковы свойства вдохновенія, которое безпрерывно осѣнялось мрачнымъ расположеніемъ духа.[71]

По душѣ и образу мыслей, Жуковскій питалъ наибольшее сочувствіе къ Валтеръ-Скотту. Въ своемъ письмѣ къ Гоголю: *о Поэтѣ и его современномъ значеніи*, онъ выразилъ благодарность сердца романисту Англіи, какъ благотворителю души человѣческой. Но въ родѣ поэзіи того и другаго не было сходства, за исключеніемъ средневѣковой баллады, которую В. Скоттъ любилъ, какъ живой отголосокъ историческихъ преданій своей Шотландіи. Онъ былъ поэтомъ исторической дѣйствительности. Онъ оставилъ стихъ для прозы. Онъ принадлежалъ душою тѣмъ лучшимъ стремленіямъ вѣка, которыя заключались въ добросовѣстныхъ трудахъ науки

Digitized by Google

и дали возможность современному историку и поэту отдѣляться мыслію отъ своего мѣста и времени и находить своего ближняго, своего собрата и земляка въ другихъ эпохахъ, въ древнихъ слояхъ жизни, сложенной изъ того же камня какъ и наша. Разъ только, В. Скоттъ измѣнилъ своему призванію, задумавъ быть историкомъ того же самаго времени, отъ котораго удаляла его фантазія къ среднимъ вѣкамъ, и въ 12 мѣсяцевъ набросалъ намъ жизнь Наполеона; но ошибки великихъ людей оправдываются нерѣдко обстоятельствами ихъ жизни.[72]

Обозримъ же теперь вкратцѣ всѣ главныя произведенія Жуковскаго въ третьемъ періодѣ его поэзіи и остановимъ вниманіе наше, особенно на мысли, одушевляющей каждое изъ нихъ.

Созрѣвшій поэтическій языкъ Жуковскій принесъ въ дань, прежде всѣхъ, любимому поэту своему, Шиллеру. Въ созданіи *Дѣвы Орлеанской* есть ошибка: разногласіе между идеею и формою. Идея требовала эпоса: поэтъ облекъ ее въ драму, дѣйствіе которой является эпизодомъ народнаго событія, чудеснаго спасенія Франціи. Авторъ сознавалъ этотъ недостатокъ, назвавъ произведеніе драматическою поэмой. Невинная дѣва, чудомъ Божіимъ взявшая мечь и щитъ, и надѣвшая шлемъ и латы воина; голубица, взвившаяся высоко и налетѣвшая на орла; слабый сосудъ женскаго сердца, избранный для великаго подвига, и сокрушившійся, когда запылала въ немъ земная человѣческая страсть — вотъ мысль поэмы, одушевившая переводчика. Но кромѣ этой мысли, есть живое соотношеніе между временемъ перевода и содержаніемъ поэмы. Память годовъ чудеснаго спасенія нашего была свѣжа: сближая 1812-й съ 1612-мъ въ единствѣ народной мысли, мы воздвигали тогда памятникъ Минину и Пожарскому. Въ нѣкоторыхъ стихахъ Іоанны какъ будто слышатся отголоски современные:

Покорности Господь всегда доступенъ:
Смирился ты — тебя Онъ возвеличилъ.

Нашъ могучій кликъ: *Съ нами Богъ!* на мѣсто Нѣмецкаго:

Digitized by Google

So sey Gott mir gnädig! Жуковскій вложилъ въ уста Іоанны, когда она чудомъ разрываетъ оковы и летитъ на спасеніе Короля и отечества. Совершенствомъ языка переводъ равенъ созданію. Вспомнимъ, что здѣсь зародился стихъ Бориса Годунова Пушкина.

Изъ произведеній Томаса Мура, благоухающихъ роскошью востока до изнѣженности, геній чистой красоты избралъ самое чистое: *Пери и Ангелъ*. Не принялъ Ангелъ двухъ первыхъ даровъ отъ Пери: ни крови, пролитой за дѣло чести и свободу, ни вздоха любви, забывшей себя и неизмѣнившей до конца; но отворились двери рая слезамъ покаянія, которыми заплакалъ разбойникъ при видѣ молящагося младенца. Этою красотою покаянія Жуковскій плѣнился еще прежде въ образѣ Аббадоны. Хотя созданіе творца Мессіады отзывается ложью, ибо падшій Ангелъ каяться не можетъ;[73] но самый образъ раскаянія, носящагося по безднѣ творенія, и не могущаго найти покоя, поэтически прекрасенъ.

Шильонскій узникъ привлекъ Жуковскаго любимой идеей страданія. Съ какимъ сочувствіемъ геній чистой красоты подлетѣлъ къ Байрону, и вторилъ Русскимъ словомъ его пѣсни, когда она пѣла страданіе безъ ропота, безъ насмѣшки, страданіе, какъ силу, красоту и любовь души. Три смерти изображены здѣсь — и тихая смерть младшаго нѣжнаго брата, какъ торжество души, озаряетъ свѣтомъ своимъ весь ужасъ темницы; а вздохъ узника, вышедшаго на свободу, по той тюрьмѣ, которая создала для него цѣлый міръ страданій, не слѣдъ ли силы въ душѣ человѣческой, могущей превозмочь все?

Камоэнсъ, поэтъ, славный бѣдствіями жизни, вырвавшій у волнъ разъяреннаго моря свою Лузіаду, въ драматическомъ очеркѣ Гальма, одушевилъ Жуковскаго. Произведеніе написано было вскорѣ по смерти Пушкина. Гальмъ подалъ только поводъ Жуковскому выразить устами умирающаго Камоэнса всѣ свои убѣжденія, какъ поэта: сильнѣйшія лирическія мѣста, и особенно заключеніе, принадлежатъ переводу, а не подлиннику.[74] Судьба, какъ будто издѣвавшаяся надъ призваніемъ поэта, влачила Камоэнса повсюду, и довела до боль

Digitized by Google

ницы съумасшедшаго. Поэтъ готовъ былъ передъ смертью усумниться въ поэзіи и отречься отъ прекраснаго дѣла своей жизни. Но само Провидѣніе спасаетъ его отъ такой отчаянной смерти, посылая ему юношу, вдохновеннаго его геніемъ, принять послѣдній вздохъ его и вызвать тѣ убѣжденія въ святости своего призванія, которыхъ сила таилась въ глубинѣ души, но могла быть обнаружена только въ послѣднемъ разрывѣ ея съ тѣломъ, чтобы сказать устами поэта:

Благословенно будь души моей страданье!

Драматическій родъ поэзіи былъ не столько сроденъ душѣ Жуковскаго, сколько лирическій и эпическій. Двѣ драмы: Орлеанская Дѣва и Камоэнсъ, возсозданныя по Русски Жуковскимъ, привлекли его богатствомъ лирической стихіи. По двумъ же главнымъ формамъ: лирѣ и эпосу, въ которыя любила облекаться поэтическая мысль его, можно бы было раздѣлить всю его дѣятельность, какъ поэта, на два періода: лирическій и эпическій. Драматическая стихія пробивалась всего болѣе въ содержаніи балладъ, но ограничивалась, какъ сказали мы, только зародышемъ сильнаго дѣйствія, которое быстро схвачено чувствомъ, перенесено изъ міра дѣйствительнаго въ фантастическій, и потому остается безъ развитія.

Лирическое настроеніе, въ которомъ поэтъ живетъ чувствами и мыслями души своей, волнуясь прошедшимъ и очаровываясь будущимъ, переходило въ Жуковскомъ болѣе и болѣе въ эпическое, въ которомъ поэтъ погружается въ ясное и спокойное созерцаніе явленій міра Божія въ жизни природы и человѣка. Жуковскій самъ сознавалъ перемѣну, въ немъ происходившую, и говорилъ:

Лѣта измѣнили
Мою поэзію; она теперь
Какъ я, состарѣлась и присмирѣла;
Не увлекается хмѣльнымъ восторгомъ;
У рубежа вечерней жизни сидя,
На прошлое безъ грусти обращаетъ
Глаза, и думая о томъ, что́ насъ
Въ грядущемъ ждетъ, молчитъ.[75]

Еще въ годы лирическаго періода, Жуковскаго вдохновляли

Digitized by Google

эпопеи Клопштока, Виргилія и Овидія; но отрывки, переведенные имъ, отзываются лирическимъ чувствомъ: таковъ Аббадона, таково *Разрушеніе Трои*, эта повѣсть о *несказанномъ горѣ*, переданная очевидцемъ и уцѣлѣвшею жертвою событія. Но рѣшительнѣе выразилось это эпическое настроеніе въ *Сказкахъ*. У Жуковскаго онѣ двоякія: Нѣмецкія и Русскія. Скажу всего точнѣе опредѣляетъ наша же объ ней пословица: «сказка складка, а пѣсня быль». Пѣсня, въ самомъ дѣлѣ, передаетъ намъ быль сердца или исторіи; сказка представляетъ вымыселъ, въ которомъ выражается складъ народнаго ума, ее сложившаго. Сказка у Нѣмцевъ, какъ у народа-философа, любитъ поученье и назиданіе: дѣдушка, сидя съ внучками за овсянымъ киселемъ, начинаетъ отъ овсянаго зернышка, и проводитъ его исторію отъ перваго ростка въ землѣ до того горшка, въ которомъ кисель варился; или любитъ, ночью, пострашать лукавымъ и разсказать въ предостереженье о тѣхъ злыхъ искушеньяхъ, которымъ онъ подвергаетъ человѣка въ жизни. Не любитъ нравоученій Русская сказка. Она прямо бьетъ на фантазію: нѣтъ чуда, для нея невозможнаго; всѣ силы природы повинуются въ ней человѣку; время и пространство для нея не существуютъ: за тридевять земель, въ тридесятое царство умчитъ она, а между тѣмъ, многодумная и многосмысленная, остается вѣрна міру Русской жизни: угоститъ она васъ и скатертью самобранкой, позабавитъ и драчуномъ-дубинкой, повеселитъ и гуслями самогудами. Позднѣе, и вѣроятно по внушенію Пушкина, постигъ эту заманчивую прелесть Русской сказки Жуковскій и подарилъ насъ Сказками *объ Царѣ Берендѣ*, *объ Иванѣ Царевичѣ и сѣромъ волкѣ*. Онъ ввелъ сюда спокойную ясность и пластическіе образы древняго эпоса, но не забылъ и милой Русской шуточки. Во имя этой шутки, въ чудномъ эпическомъ отрывкѣ, Жуковскій съумѣлъ породнить и Греческую пародію о войнѣ лягушекъ съ мышами съ нашей народной притчей о Сибирскомъ котѣ-мурлыкѣ, и о томъ, какъ мыши его погребали: эта комическая рапсодія тѣмъ особенно примѣчательна, что здѣсь только разъ рѣзвая шутка Жуковскаго изъ его жизни перешла цѣликомъ въ поэзію.

Digitized by Google

Германія въ своихъ еще феодальныхъ преданіяхъ, Индія, Персія и Греція, предложили свои эпическіе образцы для послѣднихъ произведеній поэта.

Изъ всего, что̀ содержитъ въ себѣ прелесть міра волнъ, созданъ образъ рѣзвой, шаловливой, неуловимой красавицы, *Ундины*. Дана ей жизнь, дано ей сердце, но не дано души; она можетъ получить ее только черезъ союзъ любви съ человѣкомъ. И вотъ союзъ заключенъ, — и ждетъ души́, какъ страшнаго бремени, существо, до той поры беззаботное. Грусть и тоска терзаютъ Ундину. И вотъ за брачнымъ поцѣлуемъ разумная душа вошла въ ея тѣло и озарила его лучами кротости и любви. Но не на счастье, а на страданье, достался Ундинѣ даръ души́ прекрасной, середи людей, утратившихъ это сокровище въ предразсудкахъ феодальной жизни: она становится жертвой гордости подруги, непризнавшей бѣдной матери, и грубостей мужа. Струями въ волны Дуная разливается ея тѣло; но душа безсмертная живетъ въ этихъ струяхъ, страдаетъ памятью любви своей, мститъ невѣрному, уплакавъ его до смерти своими слезами, и сама, слезнымъ потокомъ выбившись изъ земли, обливаетъ гробницу милаго рыцаря.

Слезы Ундины слились въ душѣ поэта въ живое сочувствіе съ воплями покинутой мужемъ, *Дамаянти*. Въ Индіи, гдѣ, по законамъ Ману, имя женщины должно было походить на слова̀ благословенія, гдѣ уста ея признаны навсегда чистыми и не подчинялись обрядамъ очищенія, гдѣ семейству обѣщано благословеніе тогда, когда въ немъ уважена женщина, и гибель, когда оно проклято ею, — въ Индіи, гдѣ черезъ женщину только соединялись касты, расторженныя политическимъ учрежденіемъ, могъ быть созданъ идеальный образъ вѣрной супруги Наля, Дамаянти. Сила непорочной жены такъ велика, что однимъ ея словомъ сраженъ святотатецъ, хотѣвшій посягнуть на сокровище ея вѣрности. Цвѣты Индійской поэзіи, какъ Сакунтала и Дамаянти, пересаженные на Европейскую почву, теряютъ у насъ свою восточную пряность, подобно Индійскимъ растеніямъ, — но мы роднимся съ ними во имя того, что̀ во

Digitized by Google

всѣхъ климатахъ и народахъ прекрасно по-человѣчески. Такъ Жуковскій породнилъ насъ съ однимъ изъ любимыхъ народныхъ эпизодовъ Индійской Магабгараты.

Чудо слова, какъ говорятъ Персидскіе поэты, сошло съ неба на землю, чтобы отличить человѣка отъ животныхъ, а поэтъ Фирдуси, въ своей царственной поэмѣ: Шахъ-Наме, на крыльяхъ поэзіи, возвратилъ это чудесное слово отъ земли опять къ небу. Жуковскій усвоилъ нашему языку одинъ только эпизодъ поэмы: *Рустемъ и Зорабъ*. Войною было воспитано Персидское племя, еще въ древности. Ничего на землѣ не хотѣлъ обожать язычникъ Персъ: солнцу и звѣздамъ поклонялся онъ, потому что ихъ завоевать не могъ. Въ безпрерывныхъ войнахъ Ирана съ Тураномъ могли возникнуть эти два дивные образа воинственной силы, Рустемъ и Зорабъ: одинъ порожденіе другаго. Кровожадная война, ослѣпляющая злобу людей, какимъ-то умысломъ судьбы, вызываетъ отца съ сыномъ на три упорныхъ единоборства. Любуются съ неба звѣзды цвѣтущей красотой Зораба и, соткавши ликъ его изъ блеска и паровъ небесныхъ, посылаютъ его въ сонномъ видѣніи къ нѣжно-любящей матери. А между тѣмъ, ослѣпленный войною, отецъ не чуетъ родной крови въ дерзкомъ соперникѣ. Законы чести и правды нарушаетъ онъ для того только, чтобы, поразивъ его, не посрамить своей устарѣлой силы. Какъ жаба въ бѣлыя розы, впивается кинжалъ отца въ цвѣтущее тѣло сына — и то, что святѣйшимъ союзомъ связала природа, разорвано мечемъ войны, — и вопль надъ этимъ ужасомъ поднимаетъ поэзія устами Фирдуси, и чудомъ слова своего возноситъ его отъ земли къ небу.

Фантазія неутомимаго поэта, носясь по всѣмъ народамъ и эпохамъ міра, болѣе и болѣе расширяла кругъ своихъ владѣній; а Русскій языкъ, дивно покоряясь труду и зрѣлой мысли, съ какой-то волшебною быстротой, завоевывалъ для нашей Словесности произведенія всемірной. И вотъ, на самомъ закатѣ жизни, захотѣлось поэту «повеселить душу *первобытною* поэзіей», которая, по словамъ его, «такъ свѣтла и тиха, такъ животворитъ и покоитъ,» — и муза Жуковскаго, по долгомъ странствіи, сладко пріютилась у самой Грече-

Digitized by Google

ской колыбели Европейской поэзіи. Изъ двухъ эпопей Гомеровыхъ, не блистательная, не шумная оружіемъ и славою, Иліада привлекла его, но скромная и разумная *Одиссея*, плодъ зрѣлой опытности поэта, повѣсть страданій возможныхъ для древняго человѣка, зеркало его внутренней домашней жизни, взглядъ премудро углубленный въ прошедшее, картина подвига, возстановившаго потрясенныя древнія связи семьи и отечества, подвига, поучительнаго для народовъ, во всѣ вѣка неодолимаго стремленія ихъ по потоку времени. Мраморнымъ гробомъ своимъ называлъ Жуковскій этотъ трудъ, когда къ нему еще готовился.[76]

Докончивъ Одиссею, поэтъ намѣревался въ послѣдней, уже самобытной пѣсни своей, коснуться прямо того священнаго источника, откуда онъ черпалъ силу для своей жизни, но котораго боялся коснуться, какъ поэтъ, считая святыню его слишкомъ неприкосновенною для вдохновенія земной человѣческой пѣсни.[77] Провидѣніе не судило ему докончить ее здѣсь. Конечно, скоро тайна послѣднихъ трудовъ его будетъ вскрыта — и мы узнаемъ, на какой глубокой думѣ прерваны были дни этой неутомимой жизни, служившей такъ чисто красотѣ Русскаго слова.

Между тѣмъ какъ носясь во всемірной сферѣ своей, поэзія болѣе и болѣе удаляла Жуковскаго отъ міра современнаго къ эпохамъ самымъ отдаленнымъ, Русская словесность продолжала слѣдовать неуклонно своему историческому движенію. Говоря о заслугахъ Жуковскаго отечеству, какъ же не упомянуть о той, что онъ словомъ своимъ образовалъ намъ въ Пушкинѣ художника? Связи, соединявшія ученика съ учителемъ, принадлежатъ къ тѣмъ нравственнымъ чертамъ нашей словесности, которыми не можемъ не любоваться, какъ нашимъ народнымъ достояніемъ. Въ чистомъ порывѣ благодарнаго восторга, такъ обозначилъ Пушкинъ свою первую, достопамятную встрѣчу съ Жуковскимъ:

Могу ль забыть я часъ, когда передъ тобой
Безмолвный я стоялъ, и молнійной струёй
Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла
И, тайно съединясь, въ восторгахъ пламенѣла?

Digitized by Google

Жуковскій, прочитавъ Руслана и Людмилу, послалъ къ Пушкину портретъ свой съ этою надписью, которая принадлежитъ также къ свѣтлымъ подвигамъ души его: «*Побѣдителю ученику отъ побѣжденнаго учителя*». А Пушкинъ отъ лица молодости, ему современной, подписалъ подъ этимъ портретомъ стихи, которые Жуковскому повторитъ, конечно, молодость и всѣхъ поколѣній:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

Пушкину, послѣ Крылова, но въ обширнѣйшей сферѣ чѣмъ онъ, суждено было раскрыть въ поэзіи Русской другую мысль, завѣщанную также Карамзинымъ, мысль народную. Жуковскій сознавалъ это назначеніе въ своемъ преемникѣ,—и въ горестномъ разсказѣ объ его кончинѣ, самъ великодушно уступилъ ему названіе «любимаго, національнаго поэта Россіи», и выразилъ всеобщую скорбь народной утраты такими словами: «У кого изъ Русскихъ съ его смертію не оторвалось чего-то роднаго отъ сердца?»—Но если Пушкину и достался счастливый удѣлъ облечь красоту поэзіи въ образъ самый народный, то замѣтимъ, что этотъ подвигъ могъ совершить онъ только на той всемірной почвѣ, которая была заготовлена Жуковскимъ. Вотъ почему, народная по духу, поэзія Пушкина не явилась въ формѣ ограниченной, а связалась крѣпкимъ сочувствіемъ со всякою народною поэзіею міра.

Между тѣмъ *очарованіе*, подъ вліяніемъ котораго Жуковскій сначала смотрѣлъ на жизнь и на красоту душй человѣка, какъ воззрѣніе само въ себѣ ограниченное, вызвало свое противодѣйствіе, *разочарованіе*; за нимъ же слѣдомъ пришло и *безочарованіе*, которое особенно въ современной литературѣ тяготило душу поэта, и которому онъ же самъ далъ имя и первый поводъ. Такъ исполнялся законъ всякой ограниченности человѣческой — и любимыя мечты очарованнаго поэта, какъ облака, разлетались по вѣтру новыхъ вну-

Digitized by Google

шеній, не стирая однако ненарушимой, чистой красоты того неба, по которому они носились.

Но мысль Жуковскаго, открывшая поэтамъ Русскимъ міръ души человѣческой, продолжала свое дѣло. Пушкинъ, подъ ея вліяніемъ, спускался въ тайники души Русскаго человѣка. Гоголь представляетъ другой плодъ тото же движенія. Съ перваго раза показаться можетъ, что нѣтъ двухъ поэтовъ, которые были бы такъ противоположны другъ другу, какъ Жуковскій и Гоголь. Одинъ, весь очарованный, влечетъ насъ съ восторгомъ въ міръ идеаловъ души человѣческой, сзывая ихъ отовсюду; другой испытующимъ взглядомъ озираетъ окружающую дѣйствительность и замѣчаетъ ничтожность многихъ ея явленій. Одинъ лелѣетъ слухъ нашъ чудными звуками, въ которыхъ воплощенъ его волшебный міръ; другой въ прозѣ переноситъ намъ рѣчи живыхъ людей, обдающія насъ неразумѣемъ ихъ жизни. Не смотря на эту наружную противоположность, Гоголь вмѣстѣ съ Жуковскимъ вѣрилъ въ идеалъ души человѣческой; но рано — анализомъ побѣдилъ очарованіе, рано поражался въ жизни тѣмъ безобразіемъ страстей, которыя въ насъ мрачатъ красоту душй. «Отъ малыхъ лѣтъ была во мнѣ страсть, говоритъ онъ въ повѣсти своего авторства, замѣчать за человѣкомъ, ловить душу его въ малѣйшихъ чертахъ и движеніяхъ, которыя пропускаются другими людьми.» Когда онъ болѣе созрѣлъ силами, «человѣкъ и душа человѣка сдѣлались болѣе чѣмъ когда либо предметомъ его наблюденій.» Задумчивый и печальный въ жизни, вѣроятно, отъ того, что сильнѣе другихъ внутренно скорбѣлъ о ея безобразіи, Гоголь, по особенному дару, добрымъ и яркимъ смѣхомъ озарялъ для насъ все, что было въ ней ничтожнаго, потому что самъ сознавалъ крѣпко всю возможность ея красоты и величія.

Вотъ что роднило его съ Жуковскимъ. Оба, разными путями, одинъ путемъ очарованія, другой путемъ анализа, пришли «къ Тому, который одинъ полный вѣдатель души.»[78] Оба, въ единомысліи ума и сердца, повергались равно передъ источникомъ живой Истины. Вотъ гдѣ разгадка тому, какъ глубоко они понимали и любили другъ друга, осо-

Digitized by Google

бенно въ послѣдніе годы ихъ жизни. Постоянно стремившись мыслію изъ чужбины въ отечество и все надѣявшись сойтись *вспмъ* подъ отечественнымъ небомъ, вотъ что писалъ Жуковскій къ Гоголю, узнавъ о возвращеніи его изъ Іерусалима: «Въ то время, какъ я полагалъ, что вокругъ тебя шумитъ возмутившійся Неаполь, ты спокойно стоялъ у Гроба Господня и, смотря на него, глубже понималъ и значеніе человѣческихъ тревогъ на землѣ и тайну небеснаго мира души человѣческой.... Я надѣюсь, если на то воля Божія, увидѣться съ тобою въ Россіи въ концѣ нынѣшняго года (1848): если Богъ дастъ жизни, то мы можемъ еще, *рука въ руку, пройти по одной дорогѣ, имѣя передъ глазами цѣль высокую и святую для пользы души нашей, а съ нею и для пользы нашего отечества.*»

Когда вдругъ, однимъ разомъ, озираешь весь этотъ воздушный міръ разнообразныхъ созданій, отовсюду присвоенныхъ Русской поэзіи геніемъ чистой красоты, — невольно приходитъ на память его же образъ, въ которомъ Жуковскій, уже на́вечерѣ дней, представилъ свое минувшее:

Часто на краю
Небесъ, когда ужъ солнце сѣло, видимъ
Мы облака́; изъ за пурпурныхъ ярко
Выглядываютъ золотыя, свѣтлымъ
Вершинамъ горъ подобныя; и видитъ
Воображенье тамъ какъ будто область
Иного міра. Такъ теперь созданьемъ
Мечты, какой-то областью воздушной
Лежитъ вдали минувшее мое....[79]

Въ самомъ дѣлѣ, какъ облачный міръ надъ землею, такъ надъ міромъ дѣйствительнымъ носится, вся въ лучахъ, идеальная поэзія Жуковскаго. Вглядываясь въ эти облака, вы узнаёте въ нихъ безтѣлесныя видѣнія, образы милые и знакомые сердцу: вотъ несутся четой Людмила и Свѣтлана; тамъ сіяетъ Вадимъ въ хорѣ пробужденныхъ дѣвъ; тамъ Пѣвецъ озаренъ луной надъ спящимъ полемъ смерти и брани; плыветъ Ателыстанъ въ своемъ челнокѣ, влекомый бѣлоснѣж-

Digitized by Google

нымъ лебедемъ; жметъ руку на вѣчное прощанье Алина Альсиму; летаютъ сліянныя двѣ тѣни Минваны и Арминія вокругъ Эоловой арфы; влачитъ свою тоску Аббадона по безднамъ созданія; торжественно, подъ радугой небесъ, умираетъ Іоанна со знаменемъ въ рукѣ; Пери несетъ Ангелу горсть слезъ, пролитыхъ разбойникомъ; Шильонскій узникъ, въ тюрьмѣ, прислушивается къ послѣднему вздоху младшаго брата; Камбэнсъ умираетъ передъ вдохновеннымъ юношей, съ именемъ Бога и поэзіи на устахъ; Ундина со страхомъ, въ поцѣлуѣ любви, принимаетъ безсмертную душу; Наль и Дамаянти празднуютъ торжество вѣрности, подъ дождемъ цвѣтовъ; тамъ звѣзды несутъ прекрасный ликъ цвѣтущаго Зораба къ спящей матери; подлѣ, отчаянный Рустемъ стоитъ надъ трупомъ сына; вотъ еще рисуются пластически дивные лики Одиссея, Пенелопы, Телемака, Навзикаи; тутъ Царскосельскій Лебедь своею послѣднею пѣснію и взмахомъ крилъ скликаетъ стадо молодыхъ лебедей на свое торжественное отшествіе, — и сколько, сколько другихъ прекрасныхъ видѣній, которыя созвала во едино мысль поэта, и не знаешь, что̀ въ нихъ милѣе, что̀ краше, что̀ сильнѣй говоритъ сердцу.

Но вотъ, въ то самое время, какъ мы увлечены этими воздушными образами и забыли обо всемъ дѣйствительномъ, насъ будятъ отъ волшебнаго сна и возвращаютъ землѣ вопросы современнаго вѣка, назвавшаго себя положительнымъ: къ чему же весь этотъ вашъ очарованный міръ? что намъ въ его прекрасныхъ призракахъ, при нашемъ положительномъ стремленіи? какая въ нихъ правда и существенность?

Не во гнѣвъ вопросителю, мы скажемъ, что въ этомъ очарованномъ мірѣ, кромѣ искусства, для насъ двѣ правды, двѣ существенности, которыхъ онъ у насъ не отниметъ. Первая правда и существенность—свѣтлая, благородная, возвышенная, озаренная геніемъ чистой красоты, душа роднаго намъ поэта; она всегда живетъ для насъ видимо въ этихъ образахъ; въ нихъ она всегда съ нами, какъ наше Русское, наше народное сокровище, наша слава, наша красота.

Вторая въ нихъ правда и существенность, на которую также не посягнетъ положительность вѣка, нашъ Русскій языкъ,

Digitized by Google

этотъ Божій даръ народу, особенно прекрасный въ счастливыхъ пѣвцахъ его, языкъ, облекшій въ звуки дивнаго слова весь этотъ волшебный міръ. Черпая глубоко изъ двухъ его источниковъ: Славяно-церковнаго и народнаго, и чувствомъ красоты приводя ихъ въ такое согласіе, какого до тѣхъ поръ въ Русскомъ стихѣ они не знали, Жуковскій нашелъ въ языкѣ нашемъ самую разнообразную силу и красоту для всѣхъ неуловимыхъ оттѣнковъ міра душевнаго, для непостижимыхъ движеній и вздоховъ любви, для скорби и радости, для пѣсенъ брани и мира, страданія и торжества, тревоги и покоя, для думъ и чувствъ человѣка по всѣмъ возрастамъ, для поэзіи всѣхъ народовъ міра, для воплей Дамаянти, для трехъ громозвучныхъ боевъ Рустема и Зораба, для пѣсенъ старика Гомера, которымъ почти 3,000 лѣтъ.

Пока будетъ гремѣть на землѣ наше прекрасное родное слово, никогда не погибнуть въ немъ безсмертной красотѣ поэзіи Жуковскаго — и конечно, мои соотечественники, въ эту минуту какъ и всегда, повторятъ за мною въ душѣ слова благодарности, въ память Поэту, которыя онъ же намъ оставилъ:

Благодарю тебя,
За все, чѣмъ былъ ты для моей души!
И здѣсь со мной тебя благодарятъ
Всѣ современники, и всѣхъ временъ
Грядущихъ вѣрные друзья святыни,
Поклонники великаго, твои
По чувству братья.[80]

С. Шевыревъ.

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) См. «Послѣдніе дни жизни Жуковскаго», письмо изъ Штутгардта отъ $\frac{1}{13}$ Апрѣля 1852, Священника Іоанна Базарова, напечатанное въ Апрѣльской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія 1852 года и «Послѣднее время жизни и кончина В. А. Жуковскаго», статью напеч. въ 65 № Московскихъ Вѣдомостей. В. А. Жуковскій скончался въ $1\frac{1}{2}$ часу по полуночи на субботу $\frac{12}{24}$ Апрѣля.

(2) Пс. 89. ст. 10. — «Дніе лѣтъ нашихъ въ нихже седмьдесять лѣтъ, аще же въ силахъ, осмьдесятъ лѣтъ.» Замѣчательно, что, по смерти Жуковскаго возникъ такой же вопросъ о годѣ его рожденія, какой не такъ давно еще предложенъ былъ относительно Карамзина. Біографы Жуковскаго предлагаютъ три различные года: 1782, 1783, 1784. Но всѣ недоумѣнія разрѣшаются собственноручной запиской Жуковскаго, которая была доставлена мнѣ А. И. Кошелевымъ. Этою запискою въ 1851 году Поэтъ приглашалъ въ Баденъ-Баденѣ любезнаго ему гостя въ день своего рожденія. Вотъ слова изъ нея, относящіяся къ вопросу, насъ занимающему: «За 68 лѣтъ передъ симъ, то есть въ 1783 году Генваря 29, случилось, что я родился. Нынче я праздную этотъ день съ моими родными. Прошу васъ у насъ отобѣдать и быть за моимъ семейнымъ столомъ представителемъ Россіи.» 1783 годъ всегда обозначаемъ былъ годомъ рожденія Жуковскаго еще при жизни его, такъ напр. въ Исторіи Русской Словесности Греча, и Жуковскій не протестовалъ противъ него. И такъ Поэтъ скончался 69 лѣтъ и двухъ съ половиною мѣсяцевъ.

(3) Всѣ слова, означенныя вносными знаками, взяты изъ писемъ Жуковскаго къ Гоголю. Вотъ еще нѣкоторыя изъ нихъ подробности. «$\frac{20\ \text{Января}}{1\ \text{Февраля}}$ 1850. Между тѣмъ беретъ меня подъ часъ

Digitized by Google

охота побесѣдовать съ моею старушкою музою; хотѣлось бы пропѣть мою лебединую пѣснь, хотѣлось бы написать моего Странствующаго Жида; но это могу сдѣлать только урывками. Теперь главный мой трудъ педагогическій. Знаешь ли, что ты можешь помочь мнѣ весьма значительно въ этомъ поэтическомъ предпріятіи? Планъ Странствующаго Жида тебѣ извѣстенъ; я тебѣ его разсказывалъ и даже читалъ начало, состоящее не болѣе, какъ изъ двадцати стиховъ. Что же ты тутъ можешь сдѣлать съ своей стороны? А вотъ что. Мнѣ нужны локальныя краски Палестины. Ты ее видѣлъ, видѣлъ глазами Христіанина и поэта. Передай мнѣ свои видѣнія; опиши мнѣ просто (какъ путешественникъ, возвратившійся къ своимъ домашнимъ и имъ разсказывающій что гдѣ съ нимъ было) то, что̀ ты видѣлъ въ Святой землѣ; я бы желалъ имѣть предъ глазами живописную сторону Іерусалима, долины Іосафатовой, Элеонской горы, Виѳлеэма, Мертваго моря, Пустыни искушенія, Ѳавора, Кармила, степи, Тиверіадскаго озера, долины Іорданской—все это вѣроятно ты видѣлъ; набросай мнѣ нѣсколько живыхъ картинъ безъ всякаго плана, какъ вспомнится, какъ напишется; мнѣ это будетъ несказанно полезно и даже вдохновительно для моей поэмы: я увѣренъ, что къ собственнымъ моимъ мыслямъ прибавится много новыхъ, которыя выскочатъ какъ искры отъ удара моей фантазіи объ твою.» — $\frac{1}{13}$ Февраля 1851. Баденъ. «Милой Гоголекъ, вотъ ужъ моя очередь предъ тобою виниться; на твое большое письмо я отвѣчалъ печатнымъ, а на твое письмо объ Палестинѣ, совсѣмъ не отвѣчалъ; оно чрезвычайно оригинально и интересно, хотя въ немъ одно такъ сказать негативное изображеніе того, что̀ ты видѣлъ въ землѣ обѣтованной. Но все придетъ въ свой порядокъ въ воспоминаніи. То что не далось въ *настоящемъ*, можетъ сторицею даться въ *прошедшемъ*. И со временемъ твои воспоминанія о Святой землѣ будутъ для тебя живѣе твоего тамъ присутствія....»

(4) Изъ того же письма: «Я же теперь работаю много, но мои теперешнія работы всѣ ограничиваются педагогикой, т. е. приготовленіемъ къ предварительному курсу ученія дѣтей моихъ; эта работа беретъ все мое время и не позволяетъ мнѣ ни за что другое приняться. Если бы ея не было, то я перевелъ бы всю

Digitized by Google

Иліаду; полторы пѣсни переведены (каталогъ кораблей сбросилъ съ плечъ: это самое трудное), все пошло бы по моему; но трудъ по службѣ, т. е. по домашнему министерству просвѣщенія, долженъ быть впереди; надѣюсь, что Иліада отъ меня не уйдетъ: великое было бы дѣло оставить по себѣ въ наслѣдство отечеству полнаго Гомера. Объ этомъ однако прошу тебя не говорить. Хотѣлось бы и Вѣчнаго Жида успокоить; этотъ трудъ можетъ быть результатомъ теперешнихъ трудовъ моихъ.»

(5) Изъ письма Священника отца Іоанна: «Я бы желалъ, чтобы вы знали и мою методу ученія по таблицамъ. Я испробовалъ ее надъ дѣтьми моими. Воображеніе ихъ такъ сильно было приковано къ событію, что они плакали, когда я разсказывалъ имъ послѣднюю вечерю Господа, Его Геѳсиманскую молитву.» Послѣднія шесть стихотвореній посвящены его дѣтямъ: Павлу Васильевичу и Александрѣ Васильевнѣ Жуковскимъ, изъ которыхъ П. В. родился 1-го Января 1845 года и окрещенъ 29-го Января, въ день рожденія отца своего, какъ это видно изъ писемъ ВасиліяАндреевича къ Александру Яковлевичу Булгакову.

(6) Стихотворенія Жуковскаго 1849. Т. 2, стран. 58.

(7) Москвитянинъ. 1852. № 20. Дань памяти Жуковскаго и Гоголя, А. С. Стурдзы.

(8) О поэтѣ и современномъ его значеніи. Письмо къ Н. В. Гоголю, напечатанное въ Москвитянинѣ 1848 года, № 4.

(9) Первое сочиненіе Жуковскаго, напечатанное въ XVI ч. Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени, было въ прозѣ: *Мысли при гробницѣ.* Оно издано въ 1797 году, когда автору было 14 лѣтъ. Въ 1845 году это занимало покойнаго. Онъ помнилъ, гдѣ первое его сочиненіе было напечатано, но не зналъ, въ 1797 или 1798 году, и запамятовалъ имя, называя его *Мысли на кладбищѣ.* Онъ просилъ А. Я. Булгакова навести о томъ справку—и недоумѣніе его разрѣшено было Профессоромъ И. И. Давыдовымъ. Въ томъ же изданіи напечатаны многія стихотворенія Жуковскаго, въ которыхъ онъ подражалъ Державину. Извѣстность же его литературная начинается съ тѣхъ поръ, какъ Карамзинъ, въ 1802 году, напечаталъ въ Декабрской книжкѣ Вѣстника Европы переводъ Греевой Элегіи:

Digitized by Google

Сельское кладбище, посвященной Жуковскимъ другу его, Андрею Ивановичу Тургеневу.

(10) Вотъ остальныя строфы этого стихотворенія, которое никогда не было напечатано и сообщеніемъ котораго я обязанъ Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной:

Ты помнишь ли, какъ подъ горою
Осеребряемый росою,
Свѣтился лугъ вечернею порою
И тишина слетала въ лѣсъ
Съ небесъ?

*

Ты помнишь ли нашъ прудъ спокойной,
И тѣнь отъ ивъ въ часъ полдня знойной,
И надъ водой отъ стада гулъ нестройной,
И въ лонѣ водъ какъ сквозь стекло,
Село?

*

Тамъ на зарѣ пичужка пѣла;
Даль озарялась и свѣтлѣла;
Туда, туда душа моя летѣла:
Казалось сердцу и очамъ
Все тамъ!

Стихотвореніе написано въ подражаніе романсу Шатобріана въ повѣсти его: Послѣдній Абенсерагъ; но многое измѣнено, и подробности сняты съ села Мишенскаго. — Въ отрывкѣ изъ письма о Саксоніи (Дрезденъ, 1821), напечатанномъ въ № 6 Московскаго Телеграфа 1827 года, Жуковскій такъ сравнивалъ окрестности Дрездена съ окрестностями своего роднаго Бѣлева: «Дрезденъ, за которымъ садилось солнце, темно отдѣлился отъ дождливаго горизонта, и за нимъ, какъ за тонкою дымкою, свѣтилось невидимое солнце; отдаленіе покрыто было свѣтомъ и тѣнью, и въ этой картинѣ что-то было знакомое, и въ самомъ дѣлѣ знакомое! Это былъ точно Бѣлевскій видъ съ пригорка, противъ моего большаго дома (разумѣется, съ бо́льшимъ разнообразіемъ). Эльба, которая здѣсь немного шире нашей Оки, также точно извивавалась подъ горою; въ правой сторонѣ го-

Digitized by Google

родъ, вдали на горѣ Рекницъ, похожій на Темрянь; за рѣкою обширный лугъ съ дорогами. Одна изъ нихъ, Пильницкая, по берегу Эльбы, какъ Московская по берегу Оки; другая на Рекницъ, какъ Тульская; даже влѣвѣ, подъ горою домъ, точно напоминавшій Дураковскую церковь; самое отдаленіе, не смотря на то, что синѣлись на немъ живописныя горы Саксонской Швейцаріи, имѣло что-то похожее на рощи, окружающія Жебынскую пустынь; однимъ словомъ, съ помощію воображенія, можно было довольно живо видѣть вмѣсто Дрездена милую свою родину....

И много милыхъ тѣней встало....

(11) Всѣ подробности заимствованы изъ Воспоминанія о В. А. Жуковскомъ, напечатаннаго въ 18 № Москвитянина 1852 года.

(12) Напечатана въ XVII Части Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени, изданной въ 1798 году. Ода написана въ Мишенскомъ. Она была очень памятна въ семействѣ Жуковскаго.

(13) Описаніе пансіонскаго Акта 1798 года напечатано въ Москвитянинѣ 1847 года.

(14) Стихотвореніе Жуковскаго: Могущество, слава и благоденствіе Россіи, 1800 года.

На тронѣ свѣтломъ, лучезарномъ,
Что полвселенной на столпахъ
Взнесенъ, незыблемо поставленъ,
Россія въ славѣ возсѣдитъ.
Златый шеломъ, огнепернатый
Блистаетъ на главѣ ея;
Вѣнецъ лавровый осѣняетъ
Ея высокое чело;
Лежитъ на шуйцѣ щитъ алмазный;
Разширивши крылѣ свои,
У ногъ ея Орелъ Полночный
Почіетъ; — громъ его молчитъ.

Далѣе Россія говоритъ:

«Отъ всѣхъ вселенныя предѣловъ
Плывутъ съ богатствомъ корабли,

Digitized by Google

И пристаней моихъ достигнувъ,
Тягчатъ сокровищами брегъ;
Богатой Албіонъ приноситъ
Своихъ избытковъ лучшу часть.

*

Волнисту шерсть и шелкъ тончайшій
Несетъ съ Востока *Оттоманъ;*
Арабъ коней приводитъ быстрыхъ,
Въ своихъ степяхъ ихъ укротивъ;
Китай фарфоръ и мускъ приноситъ;
Моголецъ шлетъ алмазъ, рубинъ;
Іемень даритъ свой кофе вкуспый;
Какъ горы по полямъ, идутъ
Верблюды съ *Перскими* коврами:
Отъ всѣхъ земли предѣловъ, странъ,
Народы мнѣ приносятъ дани;
Цари сокровища мнѣ шлютъ.

(15) Тамъ же:

И се грядетъ къ намъ *новый вѣкъ!*

Въ другомъ стихотвореніи: *Миръ*, которое было читано въ Декабрѣ 1800 года на публичномъ Актѣ Пансіона, Жуковскій говоритъ:

Но стой, Россъ! опочій — се *новый вѣкъ* грядетъ!

*

Возьми сей миртъ, возьми, и снова будь героемъ, —
Героемъ въ тишинѣ, не въ кроволитномъ боѣ.
Будь міра гражданинъ, вѣнецъ лавровый свой
Омой сердечною, чувствительной слезой,
Тобою падшимъ посвященной!

Вотъ послѣдняя строфа:

На персяхъ тишины, въ спокойствіи блаженномъ,
Цвѣти, съ народами земными примиренный,
Цвѣти, великій Россъ! лишь злобу поражай,
Лишь страсти буйныя, строптивы побѣждай,
И будь во брани — только съ ними.

(16) Въ Декабрской книжкѣ Вѣстника Европы 1803 года

Digitized by Google

печатая начало повѣсти Жуковскаго: Вадимъ Новгородскій, Карамзинъ такъ рекомендовалъ его публикѣ въ примѣчаніи: «Молодой Авторъ этой піесы и мой пріятель, Г. Жуковскій, извѣстенъ читателямъ *Вѣстника* по Греевой Элегіи, имъ переведенной».

(17) «Законы этого дружескаго литературнаго общества» были подписаны 1801 года Января 12-го дня, въ день основанія Университета. Оно отличалось отъ Собранія Воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, которое было также основано Жуковскимъ. Участниками новаго общества были: М. Кайсаровъ, В. Жуковскій, Андрей Тургеневъ, Александръ Воейковъ, Александръ Тургеневъ, Семенъ Родзянка, А. Мерзляковъ, А. Кайсаровъ, А. Офросимовъ. Въ этомъ порядкѣ и такъ точно подписали они имена свои подъ законами. Цѣль общества въ уставѣ его выражена такъ: «Мы всѣ такъ высоко цѣнимъ лестный талантъ, трогать и убѣждать другихъ словесностію; мы всѣ удивляемся тѣмъ великимъ умамъ, которые въ безсмертныхъ своихъ сочиненіяхъ заронили какую-то божественную искру, могущую возжечь въ сердцахъ позднѣйшаго потомства любовь къ добродѣтели и истинѣ, которымъ служить есть единственная и главнѣйшая наша должность; мы всѣ льстимся найти и образовать въ себѣ этотъ безцѣнной талантъ.—Да будетъ же сіе образованіе, въ честь и славу Добродѣтели и Истины, цѣлію всѣхъ нашихъ упражненій».

(18) Эти сѣтованія Жуковскаго о покойномъ другѣ его Андреѣ Ивановичѣ Тургеневѣ находятся во вступленіи въ повѣсть его: Вадимъ Новгородскій.

(19) Стихи изъ Посланія къ Филалету. (Т. I. нов. изд., стран. 43):

Нѣтъ! счастье къ бытію меня не пріучало;
Мой юношескій цвѣтъ безъ запаха отцвѣлъ.
Едва въ душѣ своей для дружбы я созрѣлъ —
И что же!.... предо мной увядшаго могила;
Душа, не воспылавъ, свой пламень угасила.
Любовь.... но я въ любви нашелъ одну мечту,
Безумца тяжкій сонъ....

Напечатано въ первый разъ въ Февральской книжкѣ Вѣстника Европы 1809 года, а написано въ 1807 году.

Digitized by Google

(20) Т. V. стран. 147.

Бывали дни восторженныхъ видѣній;
Моя душа поэзіей цвѣла;
Ко мнѣ леталъ съ вѣстями чудный Геній;
Природа вся мнѣ пѣснію была.

(21) Тогда переведена была повѣсть Коцебу, названная переводчикомъ: *Мальчикъ у ручья*, потому что начинается такъ: Вильгельмъ *сидѣлъ у ручья* подъ березою. Она напечатана въ первый разъ въ 1801 году съ эпиграфомъ изъ посланія Карамзина къ Дмитріеву, а въ другой разъ въ 1819 году.

(22) a. Вѣстникъ Европы 1809 года. Часть IV. стран. 283.

(22) b. Здѣсь произведенія Жуковскаго идутъ у меня въ томъ порядкѣ, какъ онъ обозначенъ имъ же самимъ въ послѣднемъ изданіи его сочиненій. Двѣнадцать спящихъ дѣвъ здѣсь стоятъ подъ 1810 годомъ, а стали извѣстны въ первый разъ въ Вѣстникѣ Европы въ 1811 году, и отдѣльно напечатаны въ 1817 году. Считаю за нужное прибавить, что въ семейныхъ преданіяхъ осталось воспоминаніе, что Громобой и Вадимъ написаны послѣ 1812 года.

(23) День отъѣзда Жуковскаго изъ дому извѣстенъ въ семейныхъ преданіяхъ; день вступленія въ Московское ополченіе изъ его послужнаго списка.

(24) Т. IV. стран. 118.

(25) Такъ выставлено было на этомъ стихотвореніи, напечатанномъ во второй разъ Января 28-го, 1813 года.

(26) Подробности о возвращеніи Жуковскаго изъ похода на родину извѣстны изъ семейныхъ преданій.

(27) Эти отрывки извлечены изъ писемъ Жуковскаго къ А. П. Елагиной, относящихся къ 1815 году.

(28) Изъ Посланія къ Кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину. Т. 2, стран. 82.

(29) Драгоцѣнныя подробности о первомъ представленіи Жуковскаго Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и нынѣ благословенно царствующему Государю Императору черезъ Графа С. С. Уварова, равно и подробности о вечерахъ въ Павловскомъ, на которыхъ Ю. А. Нелединскій-Мелецкій и самъ Поэтъ

Digitized by Google

имѣли счастіе въ кабинетѣ Ея Величества читать Пѣвца, Посланіе къ Государынѣ, Свѣтлану, Эолову арфу, Старушку, Ивика, Людмилу, переданы самимъ Жуковскимъ въ письмахъ его къ близкимъ его сердцу. Желательно очень, чтобы всѣ эти подробности со временемъ явились въ свѣтъ. Здѣсь сохранены вѣрно самимъ Поэтомъ черты, украшающія нашъ славный Царскій Домъ.

(30) Т. VII. стран. 50. Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ. Писано въ 1808 году.

(31) Весь этотъ отрывокъ извлеченъ изъ письма, писаннаго Жуковскимъ къ Александру Яковлевичу Булгакову въ 1846 году, $\frac{\text{Мая 21}}{\text{Іюня 2}}$.

(32) Наль и Дамаянти. Посвященіе. Т. V. стран. 347.

(33) Вождю побѣдителей. Т. I. стран. 304.

(34) Это письмо писано Жуковскимъ къ Гоголю $\frac{\text{20 Февраля}}{\text{4 Марта}}$ 1847 года, по смерти сестры супруги его, Г-жи Міи Рейтернъ.

(35) Это строгое ограниченіе воли своей опредѣленными въ извѣстное время занятіями особенно ясно изъ одного письменнаго отрывка, сообщеннаго мнѣ А. П. Елагиной. Онъ относится къ годамъ еще деревенской жизни Жуковскаго. Передаю всю эту драгоцѣнность вполнѣ.

§ 1. Читать стихотворцевъ не каждаго особенно, но всѣхъ *одинакаго рода* вмѣстѣ; частный характеръ каждаго сдѣлается ощутительнѣе отъ сравненія. Напримѣръ Шиллера какъ стихотворца въ родѣ балладъ, читать вмѣстѣ съ Бюргеромъ; какъ стихотворца философическаго вмѣстѣ съ Гёте и другими; какъ трагика вмѣстѣ съ Шекспиромъ; чтеніе Расиновыхъ трагедій перемѣшать съ чтеніемъ Вольтеровыхъ, Корнелевыхъ и Кребильоновыхъ. Эпическихъ поэтовъ перечитать каждаго особенно, потомъ вмѣстѣ тѣ мѣста, въ которыхъ каждый могъ имѣть одинъ съ другимъ общее: дабы узнать образъ представленія каждаго. Сатиры Буало съ Гораціевыми, Ювеналовыми, Поповыми, Рабенеровыми и Кантемировыми. Оды Рамлеровы, Гораціевы съ Державина, Ж. Батиста и прочихъ. Или не лучше ли читать поэтовъ въ порядкѣ хронологическомъ, дабы это чтеніе шло наравнѣ съ Исторіею и Исторія объясняла бы самый духъ поэтовъ

Digitized by Google

и потомъ уже возобновить чтеніе сравнительное. Первое чтеніе было бы философическое, послѣднее эстетическое: изъ обоихъ составилась бы идея полная. Надобно распредѣлить лучшихъ поэтовъ, хронологически и потомъ по родамъ поэзіи; послѣ этого распредѣленія назначить порядокъ ихъ чтенія. То же и о прозаикахъ. Между тѣмъ вотъ нѣкоторыя замѣчанія на баллады Бюргера и Шиллера. Бюргеръ въ этомъ родѣ единственный, ибо онъ имѣетъ истинно приличный тонъ избранному имъ роду стихотворенія: ту простоту разсказа, которую долженъ имѣть повѣствователь. Его характеръ: счастливое употребленіе выраженій простонародныхъ и въ описаніяхъ и въ выраженіи чувства; краткость и ясность; приличіе и разнообразіе метровъ. Въ особенности изображаетъ онъ очень счастливо ужасное, то ужасное, которое принадлежитъ къ ужасу, производимому въ насъ предметами мрачными, призраками мрачнаго воображенія; картины свои заимствуетъ онъ изъ таинственной природы *того свѣта*, который не есть идеальный свѣтъ, созданный фантазіею древнихъ поэтовъ, но мрачное владычество суевѣрія. Шиллеръ менѣе простъ и живописенъ; языкъ его не имѣетъ привлекательной простонародности Бюргерова языка; но онъ благороднѣе и пріятнѣе; онъ не представляетъ предметы такъ вѣрно, но онъ украшаетъ ихъ красками блестящими; Бюргеръ дѣйствуетъ на воображеніе, Шиллеръ на фантазію (то же воображеніе, но только такое, которому всѣ предметы представляются сквозь призму поэзіи, слѣдственно не въ собственномъ, а въ нѣкоторомъ заимственномъ образѣ). Вообще Шиллеровъ языкъ ровнѣе, но онъ не такъ живъ, и совершенство цѣлаго повредило нѣсколько разительности частей, тогда какъ въ Бюргерѣ живость есть можетъ быть слѣдствіе свободы, менѣе ограниченной. Въ Бюргерѣ найдешь менѣе картинъ стихотворныхъ нежели въ Шиллерѣ; за то онъ ближе къ простой, обыкновенной природѣ. Шиллеръ болѣе философъ; а Бюргеръ простой повѣствователь, который, занимаясь предметомъ своимъ, не заботится ни о чемъ постороннемъ.

§ 2. Занятія: 1. Исторія. 2. Философія. 3. Изящная Словесность (языки). 4. Сочиненія. Утро. Исторія и сочиненія. Вечеръ. Философія и Литература. — Сначала приготовительныя свѣдѣнія.

Digitized by Google

Потомъ классики. *Исторія*— Географія Исторія (Гердеръ, Гаттереръ, Гибнеръ). Вспомогательныя науки. Классики. *Философія*. Предварительныя понятія: о натурѣ, человѣкѣ и Логикѣ. Классики. Теологія и нравственность. *Словесность*. Языки. Грамматика общая и Риторика. Поэты и прозаики. Эстетика.–*Воспитаніе*.

(36) Т. 6. изд. 1836 года, стран. 262.

(37) Т. 2. изд. 1849. стран. 81.

(38) Посланіе къ Батюшкову. Т. 1. 1849. стран. 214.

(39) Камоэнсъ. Т. 5. 1849. стран. 316, 322.

(40) Это вопросъ, о которомъ Гегель говоритъ на второй же страницѣ своей Эстетики, и рѣшаетъ его въ пользу искусства.

(41) Премудрости Соломони. Гл. 13. ст. 5. «Отъ величества бо красоты созданій сравнительно рододѣлатель ихъ познавается.»

(42) Море. Т. IV. стр. 132.

(43) Весеннее чувство. Т. 3. стран. 212.— Въ подкрѣпленіе мыслей моихъ о воззрѣніи Жуковскаго на природу, считаю не лишнимъ привести драгоцѣнный отрывокъ изъ письма его, сообщеннаго мнѣ А. П. Елагиною, въ которомъ онъ объясняетъ происхожденіе стихотворенія своего: *Старцу Эверсу*. Письмо отъ 16 Сентября, 1815 года. «Прощайте, милые друзья. Нынче худо пишется. Шептунъ мой что-то осовѣлъ. Чтобы дополнить вамъ письмо, переписываю мои стихи къ старику Эверсу, написанные дни за два до отъѣзда изъ Дрездена. Надобно вамъ знать, что Эверсъ, осьмидесятилѣтній старикъ, есть человѣкъ единственный въ своемъ родѣ — онъ живетъ для добра и со всѣмъ этимъ простота младенца. Онъ профессоръ. На праздникѣ студентовъ, на который былъ приглашенъ и я, онъ вздумалъ со мной пить *братство*. Это меня тронуло до глубины души и было очень *кстати* — мой добрый шептунъ принялъ образъ добродѣтельнаго старика и утѣшилъ меня въ этомъ видѣ! Правда, не надолго — но и то минута была не пропадшая. Я отъ всей души поцѣловалъ *братскую* руку.»

Стихотвореніе оканчивается сравненіемъ старости Эверса съ заходящимъ солнцемъ. Вотъ объясненіе тому, какъ произошло это сравненіе. «Это такъ случилось. На другой день послѣ студентскаго праздника, отправился я ввечеру съ Воейковымъ и еще съ двумя въ коляскѣ за городъ. Солнце заходило са-

Digitized by Google

мымъ прекраснымъ образомъ. И я вспомнилъ объ Эверсѣ и объ завѣщаніи Эверса. Я часто любовался этимъ старикомъ, который всякой вечеръ ходилъ на гору смотрѣть на захожденіе солнца. Заходящее солнце въ присутствіи старика, котораго жизнь была святая, есть что-то величественное, есть самое лучшее зрѣлище на свѣтѣ. Эти стихи должны быть дружкою моего *Теона и Эсхина*. Въ обоихъ много для меня *добра*.» — Подъ стихами подписано 14 Августа.

(44) Невыразимое. Т. 3. стран. 62.

(45) Полное собраніе сочиненій Ломоносова. Изд. 1803 года. Часть третія стран. 255, въ прибавленіи къ разсужденію: *Явленіе Венеры на солнцѣ, наблюденное Маія 26 дня 1761 года.*

(46) Стихотвореніе Державина: Истина, строфа третія.

(47) Камоэнсъ. Т. 5. стран. 347. Этихъ стиховъ нѣтъ въ подлинникѣ Гальма, равно какъ и всего того, что у Жуковскаго говоритъ Камоэнсу юный поэтъ, Васко, выражая свои высокія убѣжденія о назначеніи поэзіи.

(48) Взглядъ на землю съ неба. Т. 7. Сочиненія въ прозѣ Жуковскаго, стран. 232 и 233.

(49) На кончину Е. В. Королевы Виртембергской. Т. 3. стран. 53.

(50) Камоэнсъ. Т. 5. стран. 321.

(51) Старцу Эверсу. Т. 2. стр. 216. Письма Жуковскаго къ близкимъ его сердцу живой комментарій къ его поэзіи. Вотъ отрывокъ, который можетъ служить объясненіемъ къ прекрасному стиху, приведенному мною. «Здѣсь у меня нѣтъ *настоящаго*. Но возвратясь къ вамъ, я буду имѣть его. Настоящая минута — вотъ жизнь. Я говорю здѣсь не такъ, какъ Горацій, который велитъ ловить летящій мигъ и посвящать его наслажденію, потому что жизнь скоротечна и за собою ничего не оставляетъ. Нѣтъ! всякую настоящую минуту (если можно) прекрасному: дѣлу, мысли, чувству. Но чтобы безпокойное стремленіе къ будущему, безпокойная надежда на будущее не тащила изъ этого тѣснаго круга: пусть будетъ намъ товарищемъ только такое будущее, которое вѣрно, то есть *не здѣшнее* — мыслить объ немъ, какъ о добромъ другѣ, съ которымъ увидишься непремѣнно, но когда и гдѣ, неизвѣстно.»

Digitized by Google

(52) Изъ письма къ Гоголю: о поэтѣ и современномъ его значеніи, напечатаннаго въ Москвитянинѣ 1848 года.

(53) Эпилогъ къ шестому тому Стихотвореній Жуковскаго, изданныхъ въ 1836 году, стран. 262 и 263.

(54) Письмо отъ $\frac{6}{18}$ Февраля 1847 года.

(55) Сочиненія Карамзина. Т. 7. стран. 246.

(56) Евгеній Онѣгинъ Глава VI, строфа 23.

Такъ онъ писалъ *темно* и *вяло*
(Что романтизмомъ мы зовемъ,
Хоть романтизма тутъ ни мало
Не вижу я; да что намъ въ томъ?).

Глава VII, строфа 55.

Пою пріятеля младова
И множество его причудъ.
Благослови мой долгій трудъ,
О ты, эпическая муза!
И вѣрный посохъ мнѣ вручивъ,
Не дай блуждать мнѣ вкось и вкривь.
Довольно. Съ плечъ долой обуза!
Я классицизму отдалъ честь:
Хоть поздно, а вступленье есть.

Еще можно прибавить кстати стихи о Байроновомъ романтизмѣ. Глава III, строфа 12.

Лордъ Байронъ прихотью удачной
Облекъ въ унылый романтизмъ
И безнадежной эгоизмъ.

(57) Понятія современной Германіи объ романтизмѣ можно видѣть изъ брошюры Германа Геттнера, изданной въ 1850 году: Die Romantische Schule in ihrem inneren Zusammenhange mit Goethe und Schiller.

(58) Вѣстникъ Европы 1809 года. Ч. 6. стран. 156. Дѣвица Жоржъ въ ролѣ Расиновой Федры. стран. 260. Д. Жоржъ въ Вольтеровой Семирамидѣ.

(59) The history of English poetry, by Thomas Warton. London. 1840. Объ минстреляхъ. Т. I. стран. 82 и Т. 3. стран. 251. Shakspeare and his times, by Nathan Drake. Paris. 1838. стран.

Digitized by Google

272. О балладахъ. Warton. T. 2. стр. 313. Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands, par Aug. Thierry. Paris. 1830. T. II. 403 и 425 стран. T. III. 377 стран. T. IV. 402 и 409 стран. Shakspeare and his times. 279 и 283.

(60) Gervinus. Geschichte der poetischen National-Literatur. 1838. T. 3. стран. 72.

(61) Въ 1819 году вышелъ въ Орлѣ переводъ Шписова романа: Двѣнадцать спящихъ дѣвъ. Переводчикъ въ предисловіи объявляетъ, что онъ вызванъ былъ на этотъ переводъ прекрасною балладою Жуковскаго. Замѣчу, что переводами Шписовыхъ, равно и другихъ Нѣмецкихъ романовъ, много занимался у насъ В. П. Поляковъ, товарищъ Жуковскаго по Университетскому Пансіону. Чтобы видѣть на дѣлѣ, какъ Жуковскій смягчалъ грубость средневѣковыхъ преданій Германіи, стоитъ прочесть разсказъ о происхожденіи Виллибальда, избавителя дѣвъ, въ концѣ первой части романа (стран. 123—225 перевода).

(62) a. Баллада, Графъ Гапсбургскій. Т. 3. стран. 13.

Изъ бездны потокъ выбѣгаетъ:
Такъ пѣснь зараждаетъ души глубина,
И темное чувство, изъ дивнаго сна
При звукахъ воспрянувъ, пылаетъ.

(62) b. Слова изъ Высочайшаго Манифеста 1816 года, Августа 30-го дня.

(63) Слова изъ Высочайшаго Манифеста Сентября 1812 года.

(64) Слова изъ Высочайшаго Приказа Россійскимъ войскамъ, Декабря 1813 года.

(65) Слова оттуда же. См. Собраніе Высочайшихъ манифестовъ, грамотъ, указовъ, рескриптовъ, приказовъ войскамъ и разныхъ извѣщеній, послѣдовавшихъ въ теченіи 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годовъ. Спб. 1816.

(66) a. The poetical works of Robert Southey. Ode to his Imperial Majesty Alexander the First, Emperor of all the Russias.

(66) b. Шиллеръ родился 11-го Ноября 1759, скончался 9-го Маія 1805; Гёте родился 28-го Августа 1749, скончался 22-го Марта 1832; Байронъ родился 22-го Января 1788, скончался 19-го Апрѣля 1824; В. Скоттъ родился 15-го Августа 1771, скончался 21-го Сентября 1832.

Digitized by Google

(67) Poetical works of sir Walter Scott. Vol. 6. 1838. Verses, composed for the occasion, adapted to Haydn's air, «God save the Emperor Francis,» and sung by a select band after the dinner given by the Lord Provost of Edinburgh (sir William Arbuthnot) to the Gran-duke Nicholas of Russia, and his suite, 19 December, 1816. Вотъ эти достопамятные стихи:

God protect brave Alexander,
Heaven defend the noble Czar,
Mighty Russia's high Commander,
First in Europe's banded war;
For the realms he did deliver
From the tyrant overthrown,
Thou of every good the Giver,
Grant him long to bless his own!
Bless him, 'mid his land's disaster,
For her rights who battled brave,
Of the land of foemen master,
Bless him who their wrongs forgave.
O'er his just resentment victor,
Victor over Europe's foes,
Late and long supreme director,
Grant in peace his reign may close.
Hail! then, hail! illustrious Stranger!
Welcome to our mountain strand;
Mutual interests, hopes, and danger,
Link us with thy native land.
Freemen's force, or false beguiling,
Shall that union ne'er divide,
Hand in hand while peace is smiling,
And in battle side by side.

(68) Schiller's Sturm- und Drangperiode, von Döring. Weimar. 1852.

(69) Goethe's letzte literarische Thätigkeit, Verhältniss zum Ausland und Scheiden; nach den Mittheilungen seiner Freunde dargestellt vor Dr. Karl Wilhelm Müller. Jena. 1832. Здѣсь упоминается о свиданіи Жуковскаго съ Гёте въ 1827 году; о Русскихъ стихахъ, которые Жуковскій надписалъ въ честь Гёте подъ его портретомъ, гравированнымъ съ подлинника Дау. Карусъ въ Дрезденѣ сдѣлалъ красками рисунокъ, изображавшій романтическое мѣстоположеніе: на балконѣ стояла арфа, освѣ-

Digitized by Google

щенная лучами мѣсяца; за нею пустое кресло, на которое наброшенъ былъ богатыми складками плащь. Ландшафтъ имѣлъ отношеніе къ смерти Байрона. Жуковскій подарилъ эту картину Гёте 5-го Сентября 1827 года и подписалъ подъ нею по-Французски:

Offrande

à celui dont la *harpe* a crée un monde de prodiges, qui a soulevé le *voile* mystérieux de la création, qui donne la vie au passé et prophétise l'avenir. Я помню эту картину въ гостиной Гёте, въ 1829 году. Жуковскій, при прощаніи съ Гёте, послалъ ему выраженіе своихъ чувствъ, въ которомъ между прочимъ замѣчательны слова: «О за чѣмъ судьба не дозволила мнѣ встрѣтиться съ тобою на веснѣ жизни! Тогда душа моя зажгла бы ея свѣтильникъ на твоемъ! Тогда бы совершенно иной чудно-великолѣпный міръ вокругъ меня образовался: и тогда можетъ быть и обо мнѣ бы дошла вѣсть до потомства: *онъ былъ поэтомъ!*»

(70) Goethe aus näherm persönlichen Umgange dargestellt. Ein nachgelassenes Werk von Johannes Falk. Zweite Auflage. Lpzg. 1836.

(71) Слова Байрона всѣ взяты изъ Letters and journals of Lord Byron: with notices of his life, by Thomas Moore.

(72) Извѣстно, что В. Скоттъ вынужденъ былъ къ этому труду обстоятельствами жизни. Замѣчательны слова, которыя сказалъ Гёте въ своемъ Kunst und Alterthum 1827 года, по случаю выхода Жизни Наполеоновой, написанной В. Скоттомъ.

(73) Замѣчательно выраженіе древняго Русскаго мужа, Вассіана Архіепископа Ростовскаго, изъ его посланія къ Іоанну III: «Человѣческо бо еже согрѣшати, рекше, падати, и покаяніемъ востати, Ангельское же еже не падати, бѣсовское же еже пасти и невостати и отчаятися.»

(74) Фридрихъ Гальмъ есть псевдонимъ. Подъ этимъ именемъ извѣстенъ въ Германіи Баронъ Мюнхъ-Беллингаузенъ. Послѣдняя сцена между Камоэнсомъ и Васко (у Гальма Пéрецъ) у Гальма есть только эскизъ того, что̀ вполнѣ развито у Жуковскаго. Слова Васко къ Камоэнсу и послѣднія слова Камоэнса, выражающія высокія убѣжденія самаго поэта, созданы Жуковскимъ. Замѣчательно, что онъ эти самыя слова привелъ въ своемъ письмѣ

Digitized by Google

къ Гоголю: *о Поэтѣ и современномъ его значеніи*, какъ выраженіе его чистѣйшихъ, жизнію оправданныхъ убѣжденій.

(75) Двѣ повѣсти. Подарокъ на новый годъ издателю Москвитянина. Т. 6. стран. 302.

(76) Это слово слышалъ я самъ изъ устъ Жуковскаго въ 1839 году, въ Римѣ.

(77) Вотъ какъ Отецъ Іоаннъ намъ передалъ въ извѣстномъ письмѣ своемъ содержаніе Странствующаго Жида. «О «Странствующемъ Жидѣ» я съ любопытствомъ разспрашивалъ у писца, которому Жуковскій диктовалъ эту Поэму, и узналъ отъ него, что въ этой Поэмѣ покойный Василій Андреевичъ, взявъ за основаніе извѣстную легенду о *Вѣчномъ Жидѣ*, изобразилъ всю чудную Исторію народа Еврейскаго со времени его отверженія Богомъ до послѣдней судьбы его, открытой въ Апокалипсисѣ. Судя по нѣкоторымъ тирадамъ, которыя писецъ его могъ запомнить, это должно быть чудное произведеніе созрѣвшаго, но никогда не состарѣвшаго генія Жуковскаго. Можно себѣ представить все величіе картинъ, когда знаешь, что онъ ведетъ своего странника по всѣмъ вѣкамъ, бросаетъ его во всѣ страшные міровые перевороты, въ которыхъ погибали цѣлыя племена и народы, и оставался одинъ только онъ, все съ тою же печатію отверженія на лицѣ, все съ тѣми же неизнашиваемыми одѣяніями на тѣлѣ, все съ тою же грустію въ сердцѣ о неизбѣжномъ мученіи на землѣ. Наконецъ нашъ безсмертный Поэтъ приводитъ его на островъ Патмосъ, гдѣ онъ встрѣчаетъ старца Іоанна, который открываетъ ему послѣднюю судьбу его. По разсказамъ писца, Жуковскій писалъ эту часть почти словами Апокалипсиса, перелагая ихъ только въ свой классическій гекзаметръ.»

(78) Этотъ драгоцѣнный автобіографическій отрывокъ, уцѣлѣвшій въ бумагахъ покойнаго Гоголя, огласился въ публикѣ подъ невѣрнымъ названіемъ: *Моя исповѣдь*. На рукописи нѣтъ никакого заглавія, а въ содержаніи Авторъ говоритъ: «я рѣшаюсь чистосердечно и, сколько возможно короче, изложить всю повѣсть моего авторства.» Вотъ то заглавіе, которое можетъ быть дано этой рукописи, согласно мысли самаго Автора.

(79) Изъ Посвященія поэмы: Наль и Дамаянти. Т. 5, стран. 350

(80) Камоэнсъ. Т. 5, стран. 319.

Digitized by Google

Въ заключеніе къ Примѣчаніямъ считаю полезнымъ приложить списокъ произведеній Жуковскаго, напечатанныхъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, составленный Г. Студентомъ Историко-Филологическаго факультета 4-го курса Тихонравовымъ, отъ дѣятельности котораго я ожидаю весьма добрыхъ плодовъ для Исторіи Русской Словесности.

1797. Мысли при гробницѣ (въ прозѣ). Пріятное и полезное препровожденіе времени. Часть XVI. 1797. стран. 106.
Майское утро (въ стихахъ). Ibid. стран. 286.

1798. Благодарственная рѣчь, произнесенная на актѣ Университетскаго Благороднаго пансіона. См. описаніе акта, перепеч. въ Москвитянинѣ 1847 г. Часть III. стр. 54.
Добродѣтель, стихотвореніе. Пріятное и полезное препровожденіе времени, Часть XVII, стран. 153.
Миръ и война. Ibid. Часть XX. стран. 259.
Жизнь и источникъ, въ прозѣ. Ibid. стран. 280.

1799. Полныя сочиненія Г. Леонарда, собранныя и изданныя Винцентомъ Кампеноном, въ 3-хъ Томахъ, въ 8-ю долю, Парижъ, 1728 (*Сокращенный переводъ рецензіи* изъ Spectateur du Nord). Иппокрена или утѣхи любословія, 1799 г. Часть IV. стран. 81—90 и 97—107.

1800. Могущество, слава и благоденствіе Россіи. Утренняя заря. Труды Воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона. Книжка 1. стран. 1. Перепечатано въ Сочиненіяхъ, выбранныхъ изъ Утренней зари. 1809. Т. 1. стран. 27.*
Къ Тибуллу, на прошедшій вѣкъ. Ibid. стран. 16.
Къ Надеждѣ. Ibid. стран. 18.
Мысли на кладбищѣ. Ibid. стран. 68.
Истинный герой. Ibid. стр. 160.
Добродѣтель (*Стихотвореніе*) См. И отдыхъ въ пользу. или собраніе сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ Воспитанниковъ Университ. Благородн. Пансіона. стр. 38.

---

* Извѣстный библіографъ нашъ С. Д. Полторацкій сообщилъ мнѣ, что это стихотвореніе читано было еще на актѣ, въ 1797 г. *Н. Т.*

Digitized by Google

1801. Платону неподражаемому, достойно славящему Господа (Вѣстникъ Европы, 25-го Декабря, 1800). Иппокрена. Часть VIII, 1801, стран. 64.

1802. Сельское кладбище, Греева Элегія. См. Вѣстникъ Европы 1802 г., № 24, стран. 219. Перепечатано въ Утренней зарѣ 1803 и въ Сочиненіяхъ изъ нея выбранныхъ. 1809. Т. 1. стран. 72; съ нѣкоторыми измѣненіями.

1803. Вадимъ Новогородскій, историческая повѣсть. См. Вѣст. Европы, 1803. № 23 и 24, стран. 211.

Человѣкъ, стихотвореніе. Утренняя заря. Книжка 2. 1803.

Перепечатано въ Сочиненіяхъ выбранныхъ изъ Утренней зари. Т. I. 1809 г. Миръ. Ibid.

1806. Пѣснь Барда надъ гробомъ Славянъ побѣдителей. См. Вѣстн. Европы. 1806, № 24.

1807. Отрывокъ изъ Делилева дифирамба, на безсмертіе души. См. Вѣстн. Европы, 1807, № 4, стран. 261.

Соколъ и голубка. Эпиграммы. Ibid.

Вечеръ. Ibid. стр. 278.

Мартышка, показывающая Китайскія тѣни (Басня). Вѣстн. Европы 1807. № 5, стран. 41.

Сафина ода. Ibid. стран. 44.

Идиллія (Когда она была пастушкою простой) Ibid.

Къ Эдвину (М. П. Ю.) Ibid. стран. 45.

Басни: 1) Ссора плѣшивыхъ, 2) Цапля. Вѣстн. Европы, 1807 г. № 6, стран. 113.

Эпиграммы. Ibid. стр. 115.

Сонъ Могольца. Ibid. № 7, стран. 192.

Прощанье старика. Ibid. стран. 194.

Басни: 1) Мартышка и левъ, 2) Котъ и мышь. Ibid. № 8, стран. 278.

Сурки и кротъ (Басня). Ibid. № 10, стран. 110.

Похороны Львицы. Ibid. № 4, стран. 189.

Эльмина къ портрету своей матери, писанному ея дочерью, которыхъ она въ одно время лишилась. Ibid. № 12, стран. 278.

Старикъ къ молодой и прекрасной дѣвушкѣ. Ibid. стр. 279.

Эпитафія лирическому поэту. Ibid.

Digitized by Google

Котъ и зеркало. Ibid. № 14, стран. 98.
Каплунъ и соколъ. Ibid. № 15, стран. 176.
Голубка и сорока. Ibid. № 17, стран. 32.
Соколъ и филомела. Ibid. № 18, стран. 102.
Старый котъ и молодой мышенокъ. Ibid. № 19, стран. 185.
Смерть, разговоръ вторый изъ Энгелева Свѣтскаго философа, (переводъ Ж—го), Вѣстн. Европы, 1807, № 3. стран. 161, и № 4, стран. 241.

1808. Романсъ (*Тоска по миломъ*). Вѣстн. Евр. 1808, № 1, стр. 39.
Мальвина, романсъ (Съ Французскаго). Ibid. № 10 ст. 101.
Людмилла, Русская баллада. Подражаніе Биргеровой Леонорѣ. Ibid. № 9, стран. 41.
Къ Нинѣ (Съ Англійскаго). Ibid. № 8, стран. 272.
Стихи, сочиненные для альбома М. В. П. Ibid. стр. 273.
Гимнъ (Подражаніе Томпсону). Ibid. № 14, стран. 165.
Разстройка семейственнаго согласія. Ibid. № 17, стр. 49.
Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ? Ibid. № 12, стран. 220. Нѣсколько словъ о писателѣ въ обществѣ. Ibid. № 22, стран. 118.
Три пояса (Русская сказка). Ibid. № 23, стран. 197.
Три сестры (Видѣніе Минваны). Ibid. № 2, стран. 148.
Письмо Ж. Ж. Руссо. Вѣстн. Евр. 1818, № 4, стр. 265.
Отрывокъ изъ путешествія Г-жи Жанлисъ въ Англію. Ibid. стр. 302.
Сила нещастія. Ibid. стр. 314.
Не жалкой ли онъ человѣкъ? Ibid. стр. 315.
Неизъяснимое происшествіе. Ibid. № 6, стр. 94.
О дружбѣ. Ibid. стр. 87.
Ожесточенный. Ibid. стр. 119 и № 7, стр. 173.
О выгодахъ славы. Ibid. № 7, стр. 192.
Густавъ Обинье. Ibid. № 12, стр. 230. № 13, стр. 3. № 14, стр. 98.
Бѣдная Нина. Ibid. № 11, стр. 115.
Марія. Ibid. стр. 3, № 10, стр. 107.
Прусская ваза. Ibid. № 20, стр. 268, № 21, стр. 1.
Вольдемаръ. Ibid, № 19, стр. 185.

1809. Къ Филалету. Вѣстн. Европы, 1809, № 4, стран. 84.

Digitized by Google

Благодарность любезному издателю Аглаи. Ibid. № 16.
Моя богиня (Подражаніе Гёте). Ibid. № 17, стран. 31.
Счастье (Изъ Шиллера). Ibid. № 19, стран. 190.
Кассандра. Ibid. № 20, стран. 258.
Плачь Людмилы. Ibid. стран. 263.
Пѣсня (Подражаніе Нѣмецкой: *Счастливъ тотъ* и т. д.) Ibid. № 18, стран. 92.
Мысли надъ гробомъ Каменскаго. Ibid. № 18, стр. 145.
Марьина роща (Старинное преданіе). Ibid. № 2, стр. 109, и № 3, стр. 211.
О нравственной пользѣ поэзіи (Письмо къ Филалету). Ibid. № 3, стр. 161.
Басни Ивана Крылова (*Разборъ*). Ibid. № 9, стр. 35.
Два слова отъ издателя. Ibid. № 6, стр. 124.
Московскія Записки. Ibid. № 22, стр. 156, и № 23.
О счастіи. Вѣстн. Европы 1809, № 1, стр. 1.
Разговоръ Сенъ Реаля, Эпикура, Сенеки, Юліана и Людовика Великаго. Ibid. стр. 8.
Счастливая ложь. Ibid. № 11, стр. 161.
Письмо Доктора М* къ одному Французскому журналисту. Ibid. № 17, стр. 25.
Кабудъ нутешественникъ. Ibid. № 19, стр. 166.
Науки. Ibid. стр. 181.

1810. Баснь. Къ Делію. В. Евр. 1810, № 3, стр. 188.
На смерть семнадцатилѣтней Ерминіи. Ibid. стр. 189.
Путешественникъ. Вѣстн. Евр. 1810, № 4, стр. 288.
Къ *** при отъѣздѣ его въ армію. Ibid. № 5, стр. 33.
Пѣснь Араба надъ могилою коня. Ibid. № 7.
Критическій разборъ Кантемировыхъ сатиръ. Ibid. № 3, стр. 199 и № 5, стр. 42.
Нѣсколько писемъ Іоганна Миллера къ Карлу Бонстеттену. Ibid. № 16.
Путешествіе Шатобріана въ Грецію и въ Палестину. Ibid. № 17, стр. 18.
Разборъ перевода трагедіи: Радамистъ и Зенобія. Ibid. № 22, стр. 102.
Лютна, цвѣты и сонъ. Вѣстн. Европы 1810, № 1, стр. 3.

Digitized by Google

Эдуардъ Жаксонъ, Милли и Ж. Ж. Руссо. Ibid. № 2, стр. 81.
О переводахъ вообще и въ особенности о переводахъ стиховъ. Ibid, № 3, стр. 190.
Путешествіе невинности на островъ Цитеру. Ibid. № 7, стр. 174.
Розы Мальзерба. Ibid. № 12, стр. 251.
Мурадъ несчастный. Ibid. № 14, стр. 81.
Привидѣніе. Ibid. № 16, стр. 249.
Три финика. Ibid. № 17, стр. 47.
Старый башмачникъ бѣдной хижины и восемь луидоровъ. Ibid. № 18, стр. 88,
Романической любовникъ или веселость и старость. Ibid. № 19, стр. 167.
Образъ жизни и нравы рыцарей. Ibid. № 20, стр. 247.
Горный духъ Уръ въ Гельвеціи. Ibid. № 21, стр. 3.
Отрывокъ изъ Шатобріанова путешествія въ Грецію. Ibid. № 22, стр. 138.
Дорсанъ и Люція. Ibid. № 23, стр. 173 и № 24, стр. 253.

1811. Двѣнадцать спящихъ дѣвъ. Вѣстн. Европы, 1811, № 4, стран. 254.
О поэзіи древнихъ и новыхъ. Ibid. № 3, стран. 187.
Аместанъ и Мелединъ, или испытаніе опытности. (Восточная повѣсть.) Съ Французскаго, Вѣсти. Евр. 1811, № 5, стр. 3.
Отрывки изъ писемъ Іоганна Миллера къ Карлу Бонстеттену. Ibid. № 6, стр. 83.
Необходимое и излишнее (Восточная сказка). Ibid. № 7, стран. 163.
Разборъ Электры и Ореста, трагедіи Грузинцова. Ibid. стран. 205.
О краснорѣчіи (изъ Essays and Treatises by D. Hume). Ibid. № 9, стр. 14.
Осада Амазіи (Восточная повѣсть). Ibid. № 10, стр. 85.

1812. Вождю побѣдителей. Вѣстникъ Европы 1812. № 21 и 22. стран. 12.

1813. Свѣтлана. Вѣстникъ Европы 1813. № 1 и 2, стр. 67.
Пѣсня въ веселой часъ. Ibid. стран. 76.

Digitized by Google

Узникъ мотыльку, влетѣвшему въ его темницу (Подражаніе Мейстеру). Ibid. № 3 и 4, стран. 209.
Жалоба. Ibid. стр. 199.
Пѣвецъ. Ibid. стр. 200.
Элизіумъ. Ibid. стр. 201.
Пиршество Александра или сила гармоніи (Съ Англійскаго). Ibid. стр. 204.
Адельстанъ (Баллада). Пер. съ Англійск. Ibid. стр. 202.
Мечты. Ibid. № 14, стран. 81.
Къ Батюшкову (въ Маѣ, 1812). Ibid. № 9 и 10, стр. 32.
Пловецъ. Ibid. № 7 и 8, стран. 195.
Къ моему другу. Ibid. стран. 196.
Желаніе. Ibid. стран. 197.
Къ Филону. Ibid. стран. 198.
Князю Смоленскому. «Сіе стихотвореніе напечатано при главной квартирѣ Россійской арміи.» См. Сынъ Отечества, 1813 г. № 5, стр. 242.

1814. Ивиковы журавли. Вѣстн. Евр. 1814, № 3, стр. 200.
Посланіе къ Воейкову (29 Янв. 1814). Ibid. № 6, стр. 97.
Богатства, слава, честь безумцамъ драгоцѣнны! Пантеонъ Русской поэзіи, изд. П. Никольскимъ, 1814, Ч. I, стр. 260.

1815. Теонъ и Эсхинъ. Вѣст. Европы 1815. № 5 и 6, стр. 27.
Аббадона. Сынъ Отечества, 1815. № 22.
Пѣснь Русскому Царю отъ Его воиновъ. Ibid. № 48, стр. 95.
Молитва Русскихъ (Строфа изъ «Боже Царя храни»). Ibid. стран. 96.
Эльвина и Эдвинъ. Аѳіонъ, ежемѣсячное изданіе, 1815, № 2, стр. 77.
Эолова арфа. Ibid. № 3, стр. 61.
Варвикъ. Ibid. № 4, стр. 59.
Алина и Альсимъ. Ibid. № 6, стр. 100.
Библія (Подражаніе Фонтану). Россійскій Музеумъ, журналъ, издаваемый В. Измайловымъ. Ч. I, № 1, стран. 3.
Эпимесидъ (изъ Парни). Ibid. № 2, стр. 129.
Къ неизвѣстной дамѣ. Ibid. стр. 147.
Къ Вяземскому. Ibid. № 3, стр. 257.
Мотылекъ. Ibid. № 4, стр. 11.

Digitized by Google

Эпитафія. Ibid. стран. 14.

Стансы. Желаніе и наслажденіе. Ibid. № 5, стран. 132.

Посланіе къ Вяземскому и Пушкину. Ibid. № 6, стр. 257.

Къ Генералъ-Маіору В. В. Полуектову на выступленіе въ походъ 1815, 17-го Февраля. Ibid. стран. 269.

Совѣсть, смерть, скромность. Ibid. № 8, стран. 137.

Къ Вяземскому. Ibid. № 9, стр. 253.

Отвѣты на вопросы, въ игру, называемую секретарь. Ibid. № 10, стран. 7.

1816. Стихи, пѣтые на празднествѣ Англійскаго посла Лорда Каткарта въ присутствіи Его Императорскаго Величества. Сынъ Отеч. 1818, № 14, стр. 68. Литературный музеумъ на 1827 г. изд. В. Измайловымъ, стран. 308.

1817. Элегія, къ Дельвигу. Сынъ Отеч. 1817, № 41, стр. 105.

Красный Карбункулъ. Труды Общества Любит. Россійской Словесности при Импер. Москов. Университ. 1817, Часть IX, Отд. II. стран. 49.

Овсяный кисель. Ibid. Часть X, стран. 62. Для Немногихъ, № 2, стр. 2, перепеч. въ Сынѣ Отеч. 1818, № 11, стр. 190.

1818. Рыцарь Тогенбургъ (Баллада). Для Немногихъ, № 1, стран. 4. Сынъ Отеч. 1818, № 9, стран. 111.

Утѣшеніе въ слезахъ. Для Немногихъ, № 1, стр. 12.

Жалоба пастуха. Ibid. стр. 16.

Пѣсня (Кольцо души дѣвицы и т. д.) Ibid. стр. 20. Перепечатана въ Сынѣ Отечества. 1820, № 33, стр. 323.

Мина. Для Немногихъ, № 1, стр. 26.

Рыбакъ. Ibid. стр. 30. Сынъ Отеч., 1820, № 36, стр. 134.

Новая любовь новая жизнь. Для Немногихъ, № 2, стр. 18.*

Воспоминаніе. Ibid. стр. 22. Листокъ. Ibid. стр. 24.

Кто слезъ на хлѣбъ свой не роняль. Ibid. стр. 26.

Къ мѣсяцу. Ibid. стр. 28.

---

* Составляя списокъ, я имѣлъ только одинъ нумеръ изданія: Для Немногихъ, которое теперь составляетъ библіографическую рѣдкость. Остальные NN были сообщены мнѣ уже по отпечатаніи списка С. Д. Полторацкимъ, которому и свидѣтельствую мою искреннюю благодарность. *Н. Т.*

Digitized by Google

Тлѣнность. Для Немнотихъ, № 3, стр. 2.
Утренняя звѣзда. Для Немногихъ, № 3, стр. 16. перепеч. въ Сынѣ Отечества, 1818, № 21, стр. 69.
Вѣрность до гроба. Для Немногихъ, № 3, стран. 26. От. 1821, № 17, стр. 137.
Юлія. Голосъ съ того свѣта. Ibid. стр. 30.
Горная пѣсня. Для Немногихъ, № 4, стр. 2.
Деревенскій сторожъ въ полночь. Ibid. стр. 8.
Лѣсной царь. Ibid. стр. 20.
Лѣтній вечеръ. Ibid. стр. 26. Сынъ От. 1821, № 45, стр. 232.
Графъ Габсбургскій. Сынъ Отеч., 1818, № 28, стр. 81.
Гимнъ, пѣтый воспитанниками Санктпетербургской Гимназіи на публичномъ экзаменѣ (Боже! Царя храни). Сынъ Отечества, 1818, № 52, стр. 514.
Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Труды Общества Любителей Словесности при Московск. Университетѣ. 1818, Часть XI. Отд. II. стран. 3.
О новой книгѣ (Entretiens sur la physique, Профес. Дерптскаго Университета Паррота). Вѣстн. Европы, 1818, № 8, стран. 302.

1820. Къ мимопролетѣвшему знакомому генію. Сынъ Отечества, 1820, № 42, стр. 86.
Три пѣсни. Ibid. № 48, стр. 78.
Узникъ. Невскій Зритель, ежемѣсячное изданіе, 1820, Часть II, стр. 79. Мщенье. Ibid. стр. 85.

1821. Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ (Въ Іюнѣ 1819 года). Сынъ Отечества, 1821, № 1, стр. 21.
Жизнь (Видѣніе во снѣ). Ibid. № 6, стр. 271.
Цеиксъ и Гальціона. Ibid. № 9, стр. 73.
Пери и Ангелъ. Ibid. № 20, стр. 245.
Прежнее время. Ibid. № 50, стр. 179.
Весеннее чувство. Соревнователь просвѣщенія и благотворенія (Труды Высочайше утвержденнаго вольнаго общества любителей словесности), 1821, Ч, XIII, стр. 88.
Къ портрету Гёте. Ibid. стр. 35. Московскій Телеграфъ, 1827, № 12, Отд. II. стран. 129.

Digitized by Google

1822. Къ Княгинѣ А. Ю. О.....ой. Сынъ Отечества, 1822, № 1, стр. 30.

Къ Княгинѣ А. Ю. О.....ой. Ibid. № 10, стр. 127.

Пѣсня (Отнимаетъ наши радости). Ibid. № 15, стр. 35.

1823. Ангелъ и пѣвецъ (Гатчина, Окт. 5, 1823). Сынъ Отечества, 1823, № 41, стр. 33.

Прощаніе Іоанны съ своею родиною (изъ Орлеанской Дѣвы). Полярная звѣзда. 1823.

Смерть Пріама (Изъ Энеиды) Ibid.

1824. Путешествіе по Саксонской Швейцаріи. Полярная звѣзда, 1824 года. Рафаэлева мадонна. Ibid.

Прощальная пѣснь, пѣтая воспитанницами Общества Благородныхъ дѣвицъ, при выпускѣ 1824 года. Сынъ Отечества 1824 № 1, стран. 334.

1825. Привидѣніе. Сѣверные цвѣты, альманахъ на 1825 г. стр. 257.

Таинственный посѣтитель. Ibid. стр. 258.

Ночь. Ibid. стр. 286.

Мотылекъ и цвѣты. (Стихи, написанные въ альбомѣ Н. М. М. на рисунокъ, представляющій бабочку, сидящую на букетѣ изъ pensées и незабудокъ). Ibid. стр. 357.

1827. Къ N. N. Московскій Телегр. 1827, № 9, Отд. II, стр. 3.

Поэзія въ видѣ Лалла Рукъ. Памятникъ отечественныхъ музъ. Изданный на 1827 годъ, Б. Федоровымъ, Отд. II, стран. 4.

Отрывокъ изъ письма въ Москву. Ibid. стр. 8.

Стихи присланные съ комедіями къ К***. Ibid. стр. 10.

Къ ней. Ibid. стр. 12.

Письмо къ А. Л. Нарышкину. Ibid. стр. 18.

На смерть чижика. Ibid. стр. 44.

Надгробіе И. П. и А. И. (Тургеневымъ). Ibid. стр. 47.

Къ Графинѣ Ш. Ibid. стр. 50.

Амуръ и мудрость. Ibid. стр. 64.

Невыразимое. Ibid. стр. 262.

NB. Издатель «Памятника отечественныхъ музъ» замѣчаетъ, что всѣ стихотворенія Жуковскаго, напечатанныя въ его альманахѣ, *сочинены имъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ.*

Отрывокъ изъ письма о Саксоніи, Моск. Тел. 1827, № 6, Отд. I, стр. 114.

Digitized by Google

1829. Торжество побѣдителей. Сѣверные цвѣты, на 1829 годъ, Отд. II, стр. 3.

Видѣніе. Ibid. стр. 49.

Отрывки изъ Иліады. Ibid. стр. 76.

Море. Ibid. стр. 152.

1832. Сказка о спящей царевнѣ. Европеецъ, журналъ наукъ и словесности, изд. Ив. Кирѣевскимъ, 1832, № 1, стр. 24. Перепечатано въ Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду, 1832, № 16, стр. 124.

Война Мышей и Лягушекъ (Отрывокъ изъ неоконченной поэмы). Европеецъ, № 2, стр. 143, перепеч. въ Литтер. прибавл. къ Русскому Инвалиду, № 46 и 47, стр. 369.

Сраженіе съ змѣемъ (Изъ Шиллера). Сѣверные цвѣты на 1832 г. стр. 187.

Отвѣтъ И. И. Дмитріеву. Ibid. стран. 11.

1833. Сказка о царѣ Берендеѣ, о сынѣ его Иванѣ Царевичѣ, о хитростяхъ Кощея безсмертнаго, и о премудрости Марьи Царевны, Кощеевой дочери. Новоселье, Томъ I. Тожъ 2-е изданіе, 1845 г., стр. 29.

1834. Норманскій обычай. Библіотека для Чт. 1834, Томъ I, стр. 4.

Старый рыцарь. Ibid. Томъ II, стр. 17.

Судъ въ подземельѣ (послѣдняя глава недоконченной повѣсти). Ibid. Томъ III, стр. 1.

Уллинъ и его дочь. Ibid. Томъ IV, стр. 31.

Божій судъ. Ibid. Томъ VI, стр. 11.

Роландъ оруженосецъ (31 Октября 1832, Верне, на берегу Женевскаго озера). Новоселье, Т. II. Тожъ, изд. 2-е стр. 185. Перепечатано въ Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвал. 1834. № 45, стр, 356.

Элевзинскій праздникъ (изъ Шиллера). Новоселье, Т. II, изд. 2-е, стр. 75.

1835. Отрывокъ изъ повѣсти Ундина. Библ. для Чтенія, 1835, № 9.

1836. Ночной смотръ. Современникъ, литтературный журналъ, изд. А. Пушкинымъ, Томъ I, стр. 14.

Объ историческихъ таблицахъ В. А. Жуковскаго. Статья г. Краевскаго Журн. Мин. Нар. Просв. 1836, № 6, стр. 409. Здѣсь приложены самыя таблицы Жуковскаго.

1837. Цвѣтокъ. Современникъ, 1837, Томъ V, стр. 143.

Digitized by Google

Послѣднія минуты Пушкина. Ibid. Томъ I, стр. I—XVII.

1838. Stabat mater. Современникъ, 1838, № 1, стр. 157.

1839. Бородинская годовщина. Стихотворенію предшествуетъ Отрывокъ изъ письма къ Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ. Современникъ, 1839, Томъ XVI, стр. 193.

Сельское кладбище, Греева элегія. Ibid. стр. 216. Здѣсь приложены три рисунка, снятые съ натуры переводчикомъ.

Камоэнсъ, драматическій отрывокъ. Отечественныя Записки, 1839, Томъ VI, стр. 1.

1840. Молитвой нашей Богъ смягчился. Современникъ, 1840, Томъ XVII, стр. 112.

О стихотвореніяхъ И. И. Козлова. Ibid. Томъ XVIII, стр. 83. (*первой нумераціи*).

Поэту Ленепсу, въ отвѣтъ на его посланіе ко мнѣ, писанное на случай посѣщенія Сардама Е. И. В. Великимъ Княземъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ (Амстердамъ $\frac{7}{19}$ Апрѣля. 1839)., Утренняя заря, альманахъ на 1840 годъ, стран. 440.

1842. 1-е Іюля 1842 года. Москвитянинъ, 1842, № 12, стр. 261.

1844. Письмо В. А. Жуковскаго. Современникъ, 1844, № 12, стр. 257. Перепечатано въ Москвитянинѣ, 1844, № 12, стран. I—IV.

1845. Двѣ повѣсти въ подарокъ издателю Москвитянина. Москвит. 1845, № 1, стр. 12.

Отрывокъ письма. Ibid. стр. 37.

1846. Выборъ креста (Изъ Шамиссо). Соврем. 1846, № 1, стр. 5.

Котъ въ сапогахъ (Сказка). Современникъ, 1846, Т. XLIV.

Капитанъ Бопъ. Вчера и сегодня. Кн. I.

1847. Египетская тьма. Московскій Сборникъ, на 1847 г., стр. 188.

1848. Не тревожься великанъ. Москвит. 1848. № 9, стр. 3.

О поэтѣ и его современномъ значеніи. Письмо къ Н. В. Гоголю. Ibid. 1848. № 4. стран. 114.

1849. Двѣ сцены изъ Фауста. Москвит., 1849, № 1, Отд. III, стр. 13.

Четыре сына Франціи. Ibid. № 8, стр. 228.

Digitized by Google

ВИКТОРЪ.

повѣсть елены вельтманъ.

—

I.

Подъ крышей одного изъ семи-этажныхъ домовъ С. Петербурга, въ ранній часъ утра, пробудился отъ сна молодой человѣкъ, щедушнаго сложенія, но довольно пріятной наружности.

Онъ проснулся въ комнаткѣ верхняго этажа, въ которой замѣтна была претензія на порядочную меблировку, но мебель была покрыта пылью, разныя вещи разбросаны по всѣмъ угламъ, а на срединѣ, какъ на первомъ планѣ, лежали на полу два полуначиненные разными пожитками чемодана.

Первая сознательная мысль отозвалась въ сердцѣ юноши невыносимымъ ощущеніемъ, и безотчетная горечь, которая во время сна, какъ будто осѣла на дно души, вдругъ распространилась по всѣмъ нервамъ его.

Онъ приподнялъ голову и тотчасъ же опустилъ ее въ изнеможеньи снова на подушку. Долго лежалъ онъ неподвижно, и время измѣрялось болѣзненнымъ біеніемъ пульса его, раздраженнаго до страсти.

Бываютъ роковыя минуты въ жизни человѣка, имѣющія вліяніе на всю послѣдующую жизнь. Это была одна изъ минутъ такой важности въ жизни выставленнаго на позорище читателю героя, что разскащикъ полагаетъ необходимымъ, для объясненія обстоятельствъ, въ которыхъ находится теперь бѣдный молодой человѣкъ, взять точку отправленія гораздо ранѣе, начать колѣномъ или двумя выше, а именно съ матери юнаго страдальца, и для бо́льшей отчетливости даже съ ба-

Digitized by Google

бушки его, блаженной памяти, Анны Петровны Поляновой. Изъ послѣдующаго будетъ какъ не льзя болѣе понятно то, что тяжкое состояніе духа юноши истекало непосредственно изъ этого родоначальнаго источника.

Трудную, однакожъ, задалъ себѣ задачу повѣствователь, потому именно, что старушка Полянова представляетъ ему собою образецъ такой неразительный, такой обыкновенный, чтобы не сказать пошлый. Самыя черты лица ея обрисовывались вполнѣ паспортными примѣтами, и до сихъ поръ не бывали обрисованы никакимъ инымъ способомъ. Покойному ея мужу, Прокофію Трофимовичу Полянову, никогда не пришло бы въ голову передать эти драгоцѣнныя чертыr на память потомству.

Увѣковѣчить память свою въ потомствѣ—этотъ соблазнъ гордости человѣческой, въ отношеніи стариковъ Поляновыхъ, былъ абстрактъ, недосягаемый ихъ понятіямъ. Прокофій Трофимовичъ, а равно и Анна Петровна не обременяли нравственныхъ силъ своихъ никакими отвлеченностями и почитали грѣхомъ задумывать въ даль и пытать невѣдомое. Природа ли одарила ихъ духовнымъ зрѣніемъ какъ разъ на то пространство, которымъ замыкался горизонтъ ихъ дѣятельности, или, какъ бываетъ и съ зрѣніемъ очей тѣлесныхъ, неупражненіе сдѣлало ихъ недальновидными. Какъ бы то ни было, но личности Поляновыхъ не представляютъ по истинѣ ничего интереснаго для описанія.

Можно было бы, аналогически, назвать ихъ спутниками одного самостоятельнаго свѣтила, которое освѣщало и согрѣвало ихъ, притягивая къ себѣ центростремительной силой зависимости, и держа въ почтительномъ отъ себя разстояніи центробѣжной силой своей значительности, потому что Прокофій Трофимовичъ занимался хожденіемъ по дѣламъ Авдотьи Дмитріевны Медвѣдевой, которая по справедливости и должна была считать себя благотворнымъ солнцемъ семьи своего повѣреннаго. Триста рублей ассигнаціями, или, по тогдашнему, монетою, годоваго жалованья, и условный участокъ съ выигрыша дѣла составляли законъ, по которому двигался этотъ маленькій міръ.

Digitized by Google

Прокофій Трофимовичъ писалъ для Авдотьи Дмитріевны письма и бумаги, ѣздилъ по ея порученіямъ на извощикахъ, гранилъ въ пользу ея тротуары пѣшкомъ, и, не смотря на это, не могъ назваться собственно ходатаемъ, потому что это слово было для него слишкомъ громко; оно представляетъ сложный и обширный механизмъ, по которому гнутся и натягиваются невидимыя пружины, открываются невѣдомые пути, разставляются сѣти, захлопываются западни. Назначеніе Прокофія Трофимовича было гораздо смиреннѣе. Авдотья Дмитріевна занималась веденіемъ тяжебнаго дѣла своего сама, употребляя созданнаго ею изъ праха Прокофія Трофимовича только исполнительнымъ орудіемъ.

Не время и не мѣсто здѣсь отвлекаться разсужденіями о способности женскаго смысла, изъ котораго вырабатываются агрономы, профессоры, стряпчіе и разныя другія личности, довольно покуда сказать, что, засѣдая въ кабинетѣ своемъ, Авдотья Дмитріевна, подъ кружевнымъ чепцомъ и взбитыми буклями, задумывала такія думы, располагала такими движеніями, которыя безъ сомнѣнія не приснились бы и во снѣ простодушному Прокофію Трофимовичу, и о которыхъ не знала ничего, да и не хотѣла ничего знать, жена его Анна Петровна, одолѣваемая единственно заботами разныхъ приготовленій къ жизненному потребленію своего сожителя.

Многаго ли, казалось бы, требовала одна душа, да еще душа Прокофія Трофимовича, смиреннаго, невзыскательнаго, вѣчно занятаго, вѣчно усталаго, а между тѣмъ надо было видѣть, какихъ заботъ и хлопотъ стоилъ онъ хлопотливой и заботливой по природѣ Аннѣ Петровнѣ, вмѣстѣ съ неутомимой помощницей ея Акулиной. Колеса большихъ деревянныхъ часовъ, которыми измѣрялся токъ времени въ жилищѣ Поляновыхъ, не успѣвали двигаться за подвижными членами этой помощницы. Въ одно и тоже время звонкій голосъ ея раздавался во всѣхъ слояхъ воздуха, въ одинъ и тотъ же мигъ толстыя сизыя ноги ея измѣряли пространство отъ погреба до чердака —двухъ полюсовъ ихъ сферы. Въ ней, казалось, гнѣздился какой-то неугомонный бѣсъ, который безпрерывно дергалъ ее за языкъ и двигалъ мощными ея мышцами. Эта чрезвычайная дѣятельность

Digitized by Google

Акулины, доходящая подъ часъ до совершеннаго неистовства, давала ей иногда видъ страсти, рѣзко противорѣча степенной, всегда спокойной наружности Анны Петровны, слѣдящей за буйными порывами служанки, отъ которыхъ летѣли черепки, сыпались искры, плескались жидкости, раздавался трескъ и грохотъ, отъ которыхъ, однимъ словомъ, у Анны Петровны шла кругомъ голова, вплоть до самаго возвращенія домой съ утреннихъ похожденій Прокофія Трофимовича.

Съ его появленіемъ начиналось какъ будто разыгрываніе подготовленной піесы, наступало самое торжество или празднованіе. Шелестъ шаговъ его, твердо вытверженный домашними, служилъ сигналомъ, по которому чаша являлась на заблаговременно накрытомъ столѣ, распространяя по комнатѣ ароматъ постныхъ или скоромныхъ щей.

Если Прокофій Трофимовичъ кушалъ съ большимъ противъ обыкновенія аппетитомъ, Анна Петровна ощущала пріятное удовлетвореніе самолюбія; если случалось ему признать по вкусу своему какое-нибудь произведеніе стряпнаго искусства Акулины,—Акулина не пропускала случая повеличаться передъ Анной Петровной. Во все продолженіе обѣда вниманіе обѣихъ женщинъ было сосредоточено на вкушающемъ и взоръ ихъ былъ прикованъ къ устамъ его, обѣ ловили мигъ, въ который онъ приходилъ къ концу хваленаго блюда, чтобы заблаговременно позаботиться о слѣдующемъ.

— Ну, неси скорѣй,—вскрикивала Анна Петровна, видя, что Прокофій Трофимовичъ зачерпывалъ послѣднюю ложку.

— Ну, не-су,—отвѣтствовала Акулина, такъ что у печки раздавался первый слогъ этого слова, а послѣдній вонзался въ самое ухо Анны Петровны.

— Скорѣй, живѣй, проворнѣй,—слышалось безпрестанно изъ устъ Анны Петровны, считавшей, по усердію своему, потерянным каждый мигъ, въ который Прокофій Трофимовичъ рѣшался перевести духъ.

Когда Прокофій Трофимовичъ вставалъ изъ-за стола, и, поглаживая по поверхности желудка, изъявлялъ полное удовлетвореніе, Акулина, знавшая на перечетъ обычай господъ

Digitized by Google

своихъ, торопилась взбить пуховики и приготовить все къ послѣ-обѣденному отдыху супруговъ.

Анна Петровна ложилась также, но какъ будто только для того, чтобъ убаюкать балованное дитя. Едва звучное храпѣніе Прокофія Трофимовича начинало переходить отъ тонкаго посвиста къ аккордамъ болѣе звучнымъ, она тихо вставала съ постели, чтобъ лично освѣдомиться о вечернемъ самоварѣ. Эта забота никогда не дозволяла ей задремать спокойно.

— Акулина, не пора ли ставить самоваръ?—спрашивала она, тихо прокравшись и осторожно отворяя дверь, чтобъ скрыпъ не разбудилъ Прокофія Трофимовича.

— Успѣю поставить,—отвѣчала она съ нѣкоторою свойственной характеру ея остротою.

— Ори потише, безтолковая! не знаешь что-ли, что баринъ почиваетъ!—замѣчала шопотомъ Анна Петровна.

Но удовлетворяя потребности вѣчно свербящаго языка, Акулина преуспѣвала въ отговоркахъ.

— Бога ты не боишься,—начинала усовѣщивать ее Анна Петровна,—баринъ проснется, а ты самоваръ ставить примешься! ждать что-ли будетъ онъ твоего самовара?

И Анна Петровна продолжала свои увѣщанія, не теряя терпѣнія до тѣхъ поръ, покуда наконецъ, проникнутая безпокойствомъ госпожи своей, чтобы баринъ въ самомъ дѣлѣ не заждался, Акулина принималась за дѣло.

Стоилъ ли такихъ попеченій Прокофій Трофимовичъ, или Анна Петровна удовлетворяла собственной потребности, принадлежа, по устройству своему, къ небольшому числу людей, созданныхъ, такъ сказать, не въ свою собственную пользу, рожденныхъ съ необходимостію изливать себя на какой-нибудь посторонній предметъ. Эта необходимость имѣетъ нѣкоторое сходство съ значеніемъ въ грамматикѣ дѣйствительнаго глагола, дѣйствіе котораго непремѣнно обращается на другой предметъ, олицетворенный теперь передъ нашими глазами въ образѣ Прокофія Трофимовича, который въ отношеніи Анны Петровны былъ, что называется, глава и мужъ. Она подчинялась ему по велѣнію Апостола и уважала его не столько по достоинствамъ, сколько по долгу уваженія.

Digitized by Google

Это благое чувство вызывало въ ней снисходительность къ его недостаткамъ, и было двигателемъ крайне тонкихъ поступковъ.

Такъ, напримѣръ, въ дни праздничные и свободные отъ занятій, когда, скучая непривычнымъ досугомъ, Прокофію Трофимовичу случалось, противъ обычая, учащать свои направленія къ окошку, гдѣ на солнышкѣ совершенствовалась неизсякаемая ведерная бутыль желудочной, Анна Петровна слѣдящая съ нѣкоторымъ безпокойствомъ за движеніями мужа своего, старалась въ эти дни накрывать на столъ ранѣе обыкновеннаго, и этой стратегіей ускоряла спасительный часъ послѣобѣденнаго сна.

По примѣру госпожи своей, Акулина предавалась тому же инстинкту, и закоснѣла въ немъ тѣмъ болѣе, что природа, невнимательная къ физическому человѣку ея, или слишкомъ заботливая о нравственномъ, надѣлила ее наружностью предохранительною отъ искушеній всякаго другаго инстинкта. Размышляющіе о душевной анатоміи называютъ такого рода психическія явленія мудренымъ, иногда поэтическими, названіями. По нашему незатѣйливому сужденію, это было то старое доброе родственное чувство, которое связывало во время-оно домочадца съ домовладыкою, и о которомъ стало какъ-то совѣстно говорить въ нашъ вѣкъ взаимныхъ отношеній, основанныхъ единственно на взаимныхъ расчетахъ и взаимныхъ выгодахъ.

Какъ бы то ни было, но чета Поляновыхъ, не принадлежавшая къ нашему времени, незамѣтно и нечувствительно тянула жизнь свою. Въ одномъ и томъ же порядкѣ смѣнялись дни за днями, представляя суровую, но гладкую нить, на которой судьба не нанизала цвѣтнаго бисера, но за то не взъерошила путаницей и не затянула узлами.

Такое прошедшее не стоило бы, конечно, воспоминанія, если бы оно не имѣло неразрывной связи съ послѣдующимъ, и если бы Прокофій Трофимовичъ и Анна Петровна не произвели на свѣтъ матери нашего героя, о которой, какъ о неразрывномъ звѣнѣ двухъ поколѣній, необходимо имѣть понятіе.

Необходимо знать, что въ первые годы брачной жизни своей, Анна Петровна ежегодно дарила мужа своего сыномъ

Digitized by Google

или дочерью; но волею неисповѣдимаго Промысла, по какому либо-нибудь гибельному началу, таившемуся въ нѣдрахъ матери, или по недостатку, или по излишеству попеченій, смерть похищала младенца вслѣдъ за рожденіемъ, оставляя по немъ горе, которое изглаживалось только новой надеждой.

Такое постоянное, столько разъ сряду повторившееся несчастіе, вошло, такъ сказать, въ организмъ этой постоянно-однообразной жизни, и стало уже казаться чѣмъ-то опредѣленнымъ и неизбѣжнымъ. Покорные долѣ своей, супруги, казалось, обрѣли уже привычку платить безропотно эту тяжкую дань духу разрушенія, и за такую покорность судьба, въ свое время, вознаградила ихъ рожденіемъ прекрасной дочки Настеньки, которая, не по примѣру своихъ предшествующихъ сестеръ и братьевъ, съ каждымъ днемъ крѣпла и процвѣтала.

Прокофій Трофимовичъ, Анна Петровна и Акулина, какъ-будто не довѣряя глазамъ своимъ, смотрѣли на нее съ трепетнымъ изумленіемъ, и надо было видѣть, сколько новой чрезвычайной суеты, сколько толковъ и хлопотъ принесло съ собою подъ мирный кровъ ихъ это крошечное созданіе. Каждый придумывалъ свое, спорилъ и умничалъ, смѣняя одно изобрѣтеніе другимъ, и все то, что̀ неопытность и усердіе могутъ внушить любви нелѣпаго и смѣшнаго, приводилось въ исполненіе надъ маленькимъ идоломъ, на которомъ вдругъ сосредоточилось все вниманіе и заботы, расточаемыя до сихъ поръ единственно въ пользу Прокофья Трофимовича. Но онъ не оскорблялся этой измѣной и самъ былъ однимъ изъ первыхъ ревнителей.

— Сварите-ка ей кашку!—говорилъ онъ, толкаясь около люльки и пуще всего заботясь о томъ, чтобъ ребенокъ былъ сытъ.

— Вотъ, выдумали: кашку! — возглашала Акулина, — вы бы еще щами дитя напичкали!

— Щами, таки щами! — поддерживалъ свое Прокофій Трофимовичъ,—Настеньку я буду по солдатски воспитывать, будетъ она у меня ѣсть щи и кашу.

— Полно вамъ загадывать-то,—раздавался голосъ Анны

Digitized by Google

Петровны, — во всемъ воля Божія, какъ Богу угодно, такъ и будетъ.

— Дайте срокъ, — продолжалъ отецъ, не обращая вниманія на богобоязненное замѣчаніе матери, — дайте срокъ, я Настеньку по своему на ноги поставлю.

— Ужъ вамъ бы все только по своему!—вступалась, забывая должное почтеніе, Акулина.

— Да ужъ дайте ей только на ноги подняться, я и васъ-то съ нею перешколю.

Прокофій Трофимовичъ говорилъ это безъ сердца. Строгость его была мягкая, робкая, готовая уступить первому громкому возгласу Акулины, которая очень хорошо это понимала.

— И что вы по сю пору въ халатѣ-то прохлаждаетесь,— возглашала она укоризненно,—фракъ вашъ я давнымъ давно вычистила, чай пора вамъ идти къ должности.

Прокофій Трофимовичъ хоть и постигалъ всю справедливость замѣчаній Акулины, но тѣмъ не менѣе, не желая уронить своего достоинства, начиналъ сбираться медленно, какъ-бы умышленно проволакивая время и не переставая дѣлать своихъ предположеній на счетъ Настеньки.

Противъ обыкновенія Аннѣ Петровнѣ становилось какъ-будто легче въ отсутствіи Прокофія Трофимовича. Тогда, по крайней мѣрѣ, ей предстояло бороться съ одной Акулиной, усердіе которой требовало немаловажныхъ сопротивленій. Она, то не находила довольно удобнаго мѣста для люльки дитяти и возила ее изъ угла въ уголъ комнаты, то такъ ее разкачивала, что сердце бѣдной матери замирало отъ страха; то неуклюжими, привычными къ тяжкимъ ношамъ, руками, такъ богатырски обращалась съ маленькимъ сокровищемъ, что внушала всякія за него опасенія пугливому воображенію Анны Петровны.

У семи нянекъ, говорятъ опытные люди, дитя бываетъ всегда безъ глазу; но какъ-будто вопреки старой пословицѣ, отъ сложныхъ заботъ малютка возрастала благополучно. Можетъ быть, виною такого противорѣчія было то, что няньки собственно у ребенка не было ни одной. Акулина и въ этой обязанности, какъ во всемъ прочемъ, была только помощ-

Digitized by Google

ницей Анны Петровны; заботы же отца и матери, по природѣ естественныя, были по природѣ благотворны.

Трудно себѣ представить впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ трехъ попечителей первой улыбкой младенца; а за первый зубъ ея Прокофій Трофимовичъ пожаловалъ Акулинѣ полтину—сумму въ ихъ быту немаловажную. Когда же, ровно къ году, Настенька встала и пошла прямо въ растопыренныя передъ ней руки Акулины, торжество родителей было неописанно.

Нѣсколько лѣтъ безпрерывной животрепещущей радости, возрастающей съ каждымъ признакомъ развитія малютки, мелькнули незамѣтно; неуспѣли опомниться, а дитя уже залепетало, и мало по малу, послѣ тѣлеснаго вскормленія ребенка, началось такъ называемое нравственное его воспитаніе, которое, также какъ сами Поляновы, какъ и вся жизнь этой простой семьи людей обыкновенныхъ, шло такимъ простымъ, естественнымъ, обыкновеннымъ порядкомъ, что воспитатели, по истинѣ, сами того не замѣчали. Анна Петровна вовсе не подозрѣвала, что учила Настеньку, когда, сложивъ пальчики ея, творила на челѣ младенца крестное знаменіе; дитя, въ свою очередь, не знало, что учится, когда, глядя на молящуюся мать, подражало ея земнымъ поклонамъ, или когда, стоя чинно у обѣдни подлѣ Акулины, подходило съ ней подъ выносъ и набожно склоняло головку. Не знало дитя, что учится, когда слѣдило безсознательно ребячьимъ взглядомъ своимъ за порядкомъ, въ которомъ совершался уставъ несложнаго домашняго житья ихъ. Она однако училась: испытывая на себѣ любовь старшихъ, училась любить и воздавать за любовь благодарностію, училась привѣтствовать входящаго подъ убогій кровъ ихъ, глядя, какъ усердно принимала Анна Петровна гостей, имѣя въ запасѣ про каждаго изъ нихъ на каждый часъ какой-нибудь особенный обрядъ угощенія. Для утреннихъ посѣтителей она варила кофе и наставляла вторично никогда неотвергаемый самоваръ; за обѣдомъ просила не побрезгать тѣмъ, чѣмъ Богъ послалъ на ту пору; по полудни выставляла на блюдцахъ батарею *колоніальныхъ товаровъ* ближней лавочки, а въ вечеру являлся тотъ же всегда блистательный, весело журчащій самоваръ.

Digitized by Google

Самоваръ, какъ домашній очагъ древнихъ, служилъ постоянно центромъ соединенія. Вмѣстѣ съ синимъ паромъ клубились надъ головами распивающихъ ихъ грезы, и тутъ же рокотали разговоры, впрочемъ такіе не глубокомысленные, не впечатлительные и не раздражительные, что благонамѣренный стенографъ посовѣстился бы передать ихъ, зная требовательность своего вѣка. Эти разговоры оставляли мыслительность ребенка въ неразвитіи, какъ дѣвственную почву; изъ нихъ ни чему не научилась бы малютка, но въ замѣнъ, вникая наглядно во всѣ тайны домоводства, во всѣ порядки, по которымъ идетъ время и удовлетворяетъ потребностямъ житейскимъ, Настенька усвоивала опытъ старшихъ, какъ-будто готовую прожитую науку жизни, которую ей стоило только, по мѣрѣ возможности, продолжать на томъ же основаніи, на которомъ продолжается жизнь вообще и каждый отдѣлъ ея въ собственности, какъ безостановочное движеніе впередъ и вѣчно впередъ.

Неизвѣстно, на какую степень подвинула бы впередъ Настенька опытъ ея предшественниковъ, потому что обстоятельства вдругъ перемѣнились и опрокинули прежній ходъ дѣла.

II.

Это былъ памятный, отмѣченный судьбою день, въ который однако взошло солнце какъ-будто привѣтнѣе обычнаго; улыбаясь въ окна квартирки Поляновыхъ, лучи его какъ-будто ярче и веселѣе играли въ янтарной влагѣ въ вышеупомянутой бутыли. Котъ-васька, вѣрный другъ и сверстникъ Настеньки, лежалъ мурлыча и нѣжа старыя кости свои на томъ же солнцѣ, слѣдя лѣниво моргающими глазами за движеніями хозяевъ своихъ, поджидающихъ возвращенія Прокофія Трофимовича, который съ нѣкотораго времени сталъ опаздывать, а иногда и вовсе не приходить къ обѣду. Причиною такой со стороны его неаккуратности было непомѣрное умноженіе трудовъ по извѣстному дѣлу Авдотьи Дмитріевны Медвѣдевой.

Digitized by Google

Тяжба, которою занимался Прокофій Трофимовичъ подъ начальствомъ своей покровительницы, принадлежала къ отдѣлу такихъ тяжбъ, которыя получаются и передаются въ наслѣдіе; онѣ, какъ снѣговыя глыбы, срываемыя съ вершины, катятся по безпредѣльному склону и постепенно возрастаютъ громадами. Эта тяжба несла въ нѣдрахъ своихъ несмѣтныя сокровища. Когда случалось Прокофію Трофимовичу дѣлать выводъ и высчитывать проценты свои съ предстоящаго выигрыша, перо его содрогалось надъ итогомъ, и онъ самъ содрогался и глядѣлъ на невѣроятную цыфру, какъ-будто страшась демонскаго навожденія.

Въ тотъ день, о которомъ упомянули мы, маленькая семья ходатая, прождавши его понапрасну къ обѣду, стала съ возрастающимъ нетерпѣніемъ поджидать къ самовару, который утратилъ, казалось, въ отношеніи Прокофія Трофимовича, силу своего притяженія, и Анна Петровна рѣшилась приступить къ нему въ одиночествѣ. Смутныя думы проносились по ея челу, на которомъ зыбко отражался свѣтъ горящаго огарка, давно уже смѣнившаго дневное свѣтило. Потупивъ взоръ въ налитое наравнѣ съ краями блюдечко, Анна Петровна молча прихлебывала изъ него, все еще чутко прислушиваясь къ знакомому шелесту шаговъ. Въ глубинѣ сцены, въ полумракѣ, сидѣли рядомъ на скамьѣ Акулина и Настенька, за тѣмъ же занятіемъ и такъ же безмолвно. Только звукъ шипящаго самовара и раздающіяся отъ времени до времени угрызенія кусковъ сахару, употребляемыхъ расчетливо, нарушали тишину; даже котъ-васька лежалъ недвижно, какъ мертвый, у ногъ дитяти; даже дитя, какъ-будто подъ вліяніемъ роковой минуты, замолкло и присмирѣло.

Среди этой, если можно такъ выразиться, гармонической тишины, Прокофій Трофимовичъ подкрался такъ нечувствительно и заглянулъ въ дверь съ такимъ необычнымъ выраженіемъ лица, что Анна Петровна невольно вскрикнула, плеснувъ съ блюдечка на колѣна.

— Съ нами крестная сила,—сказала она перекрестившись.

Этотъ признакъ испуга разсмѣшилъ Прокофія Трофимовича; онъ казался въ чрезвычайно хорошемъ расположеніи духа; но

Digitized by Google

необыкновенная смѣшливость его въ недобрый этотъ часъ крайне не понравилась Аннѣ Петровнѣ, и она какъ-будто разсердилась.

— А я съ добрыми вѣстями,—сказалъ, нахохотавшись до сыта и подсѣвъ къ столику, Прокофій Трофимовичъ, не замѣчая или не желая замѣтить нерасположенія Анны Петровны.

— Съ какими это, батюшка, вѣстями?—нѣсколько раздражительно спросила она.

— Съ такими вѣстями, что тебѣ и во снѣ бы не пригрезилось: сидѣла да высидѣла, спала да выспала счастіе.

Это въ простотѣ сказанное слово показалось Аннѣ Петровнѣ какъ-будто укоромъ.

— Не мыкаться же мнѣ за тобою, мой батюшка,—сказала она,—сижу, извѣстно, потому что мое дѣло женское.

— Да развѣ я говорю вамъ что-нибудь такое, матушка моя Анна Петровна? Да вы лучше выслушайте, а тогда ужъ и говорите, — возвысивъ голосъ, замѣтилъ Прокофій Трофимовичъ.

— Что жъ слушать-то; коли есть что, такъ говорите,— смягчась и любопытствуя, прибавила Анна Петровна.

— То-то и есть; изволите ли видѣть, Анна Петровна, что Авдотья Дмитріевна, крестная мать нашей Настеньки, захотѣла быть для нее родною матерью. Авдотья Дмитріевна захотѣла осчастливить крестницу свою великими милостями.

— Какія жъ это, сударь, милости? имѣнье что-ли какое записала она барышнѣ?—спросила Акулина.

— Имѣнье дѣло наживное, — вымолвилъ, принявъ серьёзный тонъ, Прокофій Трофимовичъ,—говорится же, что глупому сыну не въ помощь богатство. Авдотья Дмитріевна жалуетъ Настеньку сокровищами нетлѣнными, она отдаетъ ее на собственный коштъ въ пансіонъ благородныхъ дѣвицъ. Слышишь, старуха? въ пансіонъ благородныхъ дѣвицъ!

— Въ пансіонъ! — вскрикнула Анна Петровна.

— Въ панціонъ? — вскрикнула Акулина.

— Въ пансіонъ благородныхъ дѣвицъ,—повторилъ Прокофій Трофимовичъ.

Digitized by Google

— Что жъ это такое? куда жъ это, батюшка, отдаетъ она барышню?—спросила, ничего не понимая, Акулина.

— Говорятъ тебѣ, что въ пансіонъ благородныхъ дѣвицъ.

— Въ какой пансіонъ, и за чѣмъ въ пансіонъ? — робко проговорила, внѣ себя отъ изумленія, Анна Петровна.

— Какъ за чѣмъ? Наукамъ обучаться.

— А Иванъ-то Ларіонычъ развѣ не науки читаетъ съ Настенькой? — сказала Акулина.

— Ну что ты суешься съ своимъ Иваномъ Ларіоновичемъ! — перебилъ ее Прокофій Трофимовичъ, — его науки на мѣдныя деньги: часословъ да псалтырь. Тому ли обучаютъ въ пансіонѣ барышенъ.

Анна Петровна задумалась; Акулина умолкла, взглянула на свою барыню, которая взглянула также на нее обратно, и объ какъ-будто спрашивали другъ у друга объясненія.

— И мама и Акулинушка со мной въ пансіонъ пойдутъ? — спросила Настенька, прервавъ молчаніе.

— Мама и Акулина дома останутся, — сказалъ отецъ несовсѣмъ твердымъ голосомъ.

— Дома останемся! а тебя съ рукъ сбудемъ!—заговорила опять, видимо недовольная доброй вѣстію, Акулина.

— Будемъ брать тебя домой по праздникамъ, — въ утѣшеніе прибавилъ Прокофій Трофимовичъ.

— Слышишь ли, домой по праздникамъ! — продолжала Акулина, не унимаясь, — стало-быть домой-то она въ гости ѣздить будетъ? вотъ они чудеса какія!

— Вы это правду говорите, или только шутите? — спросила, недовѣряющая ушамъ своимъ, Анна Петровна.

— Да какія жъ шутки, матушка!

Анна Петровна заплакала, Настенька также, глядя на мать, расплакалась, Акулина взвыла на взрыдъ.

— И это не стыдно вамъ, Анна Петровна, съ толку сбивать ребенка!—прикрикнулъ Прокофій Трофимовичъ, — судьба Настенькѣ посылаетъ счастіе, а мы съ вами, какъ путные отецъ съ матерью, должны радоваться да вѣчно молить Бога за благодѣтельницу нашу Авдотью Дмитріевну; она и теперь, по милости своей, что называется, поитъ и кормитъ насъ, и

Digitized by Google

впередъ не оставитъ. «Потрудись, говоритъ она, матушка наша, и уповай на меня какъ на каменную стѣну; до сихъ поръ, говоритъ, мы съ тобой сложа руки сидѣли, а вотъ теперь только за дѣло примемся; а ты не тяготись, говоритъ, не на меня одну—и на себя работаешь: какъ Богъ пошлетъ кончить дѣло, такъ и твоя Анна Петровна, говоритъ, разъѣзжать будетъ въ каретахъ.» Слышишь ли, жена, разъѣзжать будешь въ каретахъ,—прибавилъ онъ, усмѣхаясь и ласково похлопавъ Анну Петровну по плечу,—и тебя занесетъ нелегкая въ карету!

— Ужъ подлинно, что развѣ нелегкая занесетъ!—проговорила Анна Петровна, не совершенно вникая въ смыслъ краснорѣчія Прокофія Трофимовича.

— То-то же, такъ вы и знайте, что все это дѣлаетъ для насъ Авдотья Дмитріевна. Ты старый человѣкъ, тебѣ что! Какъ надѣнешь лисій салопъ да выйдешь въ церковь, такъ тебя всякій уважитъ, а Настенькѣ къ салопу-то еще кое-что потребуется. Ужъ коли нарядилась барышней, такъ и выступай барышней! «Помни, говоритъ Авдотья Дмитріевна, Прокофій Трофимовичъ, что Настенька твоя не безприданница, судьба можетъ послать ей случайнаго человѣка; такъ къ случаю-то ей необходимо воспитаніе.» — «Гдѣ-жъ, говорю, намъ, Авдотья Дмитріевна; доходы наши вамъ извѣстны: три-ста рублей въ годъ, что получаемъ отъ васъ—жена, дочь,—пить, ѣсть хотятъ, одѣться нужно.» — «Не тужи, говоритъ, хлопотъ у тебя удвоилось, такъ и благодарности моей удвоиться слѣдуетъ! Поищи-ка, мой почтенный, пансіончика, гдѣ бы въ годъ еще рублей за триста помѣстить нашу Настеньку. Я беру ея воспитаніе на собственный коштъ.» Такъ вотъ вы, Анна Петровна, слушайте; а я ужъ такъ и положилъ, чтобъ домой не возвращаться, покуда не улажу всего дѣла; и уладилъ: отыскалъ пансіонъ, такой, какъ слѣдуетъ, и хоть поломалась мадамъ, ну да триста рублей, какъ ни говори, дѣло не шуточное!

Никогда еще въ жизни Прокофій Трофимовичъ не произносилъ такой длинной рѣчи; слушатели его, казалось, убѣдились; но вмѣстѣ съ этимъ убѣжденіемъ, у всѣхъ, неисклю-

Digitized by Google

чая самаго Прокофія Трофимовича, налегла на сердце необъяснимая тоска.

И легко ли было въ самомъ дѣлѣ подумать разстаться съ Настенькой. Всхлопоталась пуще прежняго Анна Петровна, снаряжая дѣвочку, всхлопоталась такъ, что прошло около двухъ недѣль, а и половины дѣла не передѣлала; однако, сколько ни откладывали и ни оттягивали времени, все же наступилъ тотъ тяжкій день, въ который слѣдовало везти изъ дому свое сокровище.

Анна Петровна встала ранѣе обыкновеннаго, пошла въ церковь, отслужила молебенъ, порядочно таки поплакала и дома въ тихомолку, чтобъ не разтревожить Прокофія Трофимовича, и въ церкви; а про Акулину и говорить нечего.

— Уймешься ли ты,—говорила ей Анна Петровна,—легче мнѣ твоего что-ли!

Но Акулина не унималась, утирая фартукомъ слезы и разчесывая бѣлокурыя косички Настеньки, которая, въ ожиданіи чего-то новаго, неизвѣстнаго, смотрѣла съ любопытствомъ, какъ будто желая только поскорѣй узнать, что съ нею хотятъ дѣлать.

— Голубушка ты наша!—причитала надъ нею усердная няня,—прискучила видно ты намъ, красное наше солнышко!... перестала видно Акулина радѣть о тебѣ!... Такъ вотъ родные твои отецъ съ матерью и взяли тебя съ негодныхъ рукъ ея: не дитя, молъ, наше няньчить тебѣ, а кота-ваську!... холь да лелѣй его!... — И такъ продолжала она до тѣхъ самыхъ поръ, покуда послали ее за извощикомъ, за калиберными дрожками, обычнымъ лѣтнимъ экипажемъ Поляновыхъ, который, въ ожиданіи будущихъ каретъ, весьма нравился Настенькѣ.

Усаживая питомицу свою, въ горькомъ настроеніи духа, Акулина побранилась съ извощикомъ.

— Какая ты буянка, Акулина! никому-то на свѣтѣ отъ тебя нѣтъ покоя,—замѣчала ей, ни въ какомъ случаѣ не выходящая изъ себя, Анна Петровна. Но Ванька двинулся, и стоявшіе на крыльцѣ Прокофій Трофимовичъ и рыдающая няня Настеньки проводили отъѣзжающихъ, напутствуя ихъ благословеніемъ.

Digitized by Google

III.

Пансіонъ мадамъ Гризелль былъ какъ многіе пансіоны.

Когда такъ называемый швейцаръ доложилъ содержательницѣ о томъ, что пріѣхала госпожа Полянова, и когда, въ слѣдъ за этимъ докладомъ, вошла, робко ступая по новой неизвѣстной тропѣ, Анна Петровна, ведя малютку свою за руку, мадамъ Гризелль, окинувъ ихъ опытнымъ взглядомъ, и не привставъ съ мѣста, показала на два дальнихъ стула, продолжая разговоръ съ сидящимъ съ нею господиномъ, на чуждомъ для пришедшихъ нарѣчіи.

Анна Петровна чувствовала что-то необъяснимое, какъ будто кровь застыла у ней въ жилахъ. Молча смотрѣла она пристально, въ трепетномъ ожиданіи, и вслушивалась въ непонятную рѣчь, которая лилась водопадомъ, и казалось, не могла ни оскудѣть, ни изсякнуть. Сердце замирало въ груди бѣдной матери; къ ней, какъ испуганная птичка, прижалась Настенька.

Битыхъ полчаса продолжалось это испытаніе. Наконецъ изъ внутреннихъ дверей покоя вышло довольно некрасивое существо въ пансіонской униформѣ, исправляющее, по видимому, въ заведеніи должность драгомана. Поговоривъ съ содержательницей, оно въ короткихъ словахъ передало Аннѣ Петровнѣ объясненіе въ томъ, что мадамъ Гризелль по-русски говорить не умѣетъ, что ей теперь нѣкогда; но что дочь ея можетъ остаться, и что ее тотчасъ же отведутъ въ классы.

Этотъ неожиданный пріемъ такъ смутилъ Анну Петровну, что, совершенно растерявшись, она сдала на чужія руки дочь свою, и съ нею фунтъ цвѣточнаго чаю, которымъ намѣревалась задобрить будущую ея покровительницу. Такъ велико было ея смущеніе, что, едва простившись съ ребенкомъ, она выбѣжала, какъ будто кто-нибудь далъ ей въ спину добрый толчекъ.

Можно себѣ представить, каково было Аннѣ Петровнѣ возвращаться домой, и какъ опустѣла квартира Поляновыхъ съ отсутствіемъ Настеньки, и какъ долго печальной матери все какъ-будто чудилось, что малютка дома, что вбѣжитъ она

Digitized by Google

ню обыкновенію въ ту или въ другую дверь. Долго еще продолжала сѣтовать и Акулина о томъ, что въ пансіонѣ барышню Богъ знаетъ чѣмъ кормить станутъ, и что дитя стоскуется и занеможетъ. Одинъ только Прокофій Трофимовичъ сносилъ стоически тоску разлуки, принимая въ соображеніе пользу дочери. Все это можно какъ нельзя лучше себѣ представить, а также точно и то, какое дѣвочка могла получить въ пансіонѣ образованіе, гдѣ, послѣ долгаго торгу, мадамъ согласилась принять воспитанницу за триста рублей ассигнаціями въ годъ.

Изъ этой цыфры можно ясно заключить, что пансіонъ мадамъ Гризелль клонился уже къ той степени паденія, когда единственно въ намѣреніи протянуть еще нѣсколько времени до окончательнаго рушенія, берутъ уже кого-попало и за какую бы то ни было цѣну. Но за то въ цвѣтущее время въ заведеніи мадамъ Гризелль было все какъ слѣдуетъ, былъ не скудный комплектъ учителей и учительницъ, классныхъ дамъ и надзирательницъ, и сверхъ того тьма просвѣщенія, такая тьма, что никакая человѣческая память не въ силахъ была бы вмѣстить пропорціи задаваемыхъ ежедневно по каждому предмету уроковъ; никакого времени не хватило бы даже на то, чтобъ прочесть все внимательно. Неминуемымъ слѣдствіемъ этого избытка было то, что, не имѣя возможности изучать многое, дѣти не учились почти ничему Что же касается до самой сущности, то есть до самаго заведенія, въ немъ было все какъ водится: и приличное помѣщеніе, и распредѣленные часы занятій, и наградныя кокарды, и торжественные экзамены, и призы, и похвальные листы, и даже дѣтскіе спектакли и балы.

Были даже между воспитанницами двѣ такія, которыя имѣли свой большой авторитетъ въ маленькомъ мірѣ по экипажамъ, въ которыхъ привозили ихъ, и по разсказамъ, которые привозили онѣ въ этихъ экипажахъ, послѣ каждой праздничной поѣздки домой. Эти разсказы отуманивали въ глазахъ прочихъ ученицъ страницы книгъ и тетрадей, роились въ маленькихъ головкахъ чудными мечтами, и даже грезились имъ во снѣ.

Digitized by Google

Въ пансіонѣ мадамъ Гризелль, какъ и во всякомъ пансіонѣ, были также пансіонскія тайны, которыя, подобно тайнамъ Парижа и Лондона, отъ безконечнаго повторенія, стали не тайнами до пошлости, и о которыхъ слѣдовательно не стоитъ и упоминать.

Однакожъ, въ такія тайны не скоро могла проникнуть простодушная Настенька. Она проплакала всю ночь на своемъ печальномъ новосельѣ; звала сквозь одолѣвающій сонъ и мать свою и Акулину; нѣсколько дней не могла ничего ѣсть,— пансіонскій супъ былъ ей не по душѣ. И такъ протянулась цѣлая недѣля; въ вечеру же перваго воскресенья, которое провела она опять дома дорогой гостьей, ее едва уговорили возвратиться.

Но во всемъ труденъ только первый шагъ. Мало по малу обошлось дѣло. Насмѣшки насмѣшливыхъ подружекъ, ласки ласковыхъ, угрозы попечительницъ, принудили наконецъ дѣтское сердце свыкаться съ первымъ горемъ и заставили находить въ этой общественной жизни какой-нибудь замѣнъ тѣснаго кружка семьи. Теплоту роднаго гнѣзда начали по немногу замѣнять веселая безпечность и удальство, свойственныя общительности. Настенька стала незамѣтно принимать складъ и ладъ своей собратьи, и скоро проявилась въ ней своего рода самостоятельность и умѣнье вести себя и ограждать собственными средствами.

Образованіе шло своимъ порядкомъ. Но понятіе объ образованіи такъ условно и неопредѣленно, мнѣніе объ немъ такъ различно, что по истинѣ становится не возможно сказать что-либо за или противъ. Образованіе всегда измѣняется, сообразуясь не только съ страною и климатомъ, съ свойствами каждаго народа и каждой личности, не только съ мѣстомъ, но и съ временемъ. Каждое поколѣніе и каждая эпоха имѣетъ свое образованіе.

Въ срединномъ царствѣ, въ подсолнечной имперіи, въ Китаѣ, напримѣръ, образованіе младенца начиналось еще въ утробѣ матери.

«Въ древнія времена, пишутъ мудрецы ихъ, женщины, «почувствовавъ зачатіе, не сидѣли склонившись, не ложились

Digitized by Google

«скорчась, ходили правильно, не смотрѣли на отвратительные «предметы, не слушали непристойныхъ словъ, не говорили «нелѣпостей, не употребляли прихотливыхъ яствъ; но всегда «соблюдали усердіе и почтеніе къ родителямъ, дружелюбіе «къ младшимъ, доброжелательство къ ближнимъ, и это было «причиною того, что дѣти отъ нихъ раждались съ высокими «дарованіями и превосходили прочихъ мудростію и добродѣ«телями. Какъ скоро дитя было въ состояніи брать пищу, «то учили его брать правою рукою,—это служило залогомъ «того, что въ будущности человѣкъ долженъ пріобрѣтать все «правотой. Когда дитя въ состояніи было говорить, ему не «позволяли картавить, ибо твердый и ясный выговоръ свой«ственъ природѣ, а нечистымъ нея̀снымъ языкомъ говорить «ложь. Когда дитя было въ состояніи ходить, его учили раз«познавать четыре страны свѣта, *верхъ* и *низъ*, и наблюдая во «всемъ строгую постепенность, ему называли четыре времени «года, пять стихій, пять добродѣтелей, шесть родовъ хлѣба, «шесть домашнихъ животныхъ, семь ощущеній, восемь зву«ковъ музыки, девять колѣнъ родства», и пр.

Но это способъ обученія Китайцевъ. О томъ же, что̀ преподавалось въ пансіонѣ г-жи Гризелль въ блистательную его эпоху, было бы безъ сомнѣнія любопытно доставить самыя даже подробныя свѣдѣнія; но такъ какъ время, о которомъ говоримъ мы, не было уже блистательнымъ временемъ, то слѣдовательно все предыдущее и не подлежитъ краткому нашему отчету.

Самое же замѣчательное обстоятельство, о которомъ непремѣнно слѣдуетъ упомянуть, состоитъ въ томъ, что какъ ни шатко и ненадежно казалось уже упомянутое заведеніе, но оно, какъ будто особеннымъ распоряженіемъ судьбы, поддерживалось независящими ни отъ кого средствами и тянулось еще столько времени, сколько было необходимо на признаніе образованія юной Поляновой оконченнымъ; это былъ догарающій свѣтильникъ, томящій невѣрнымъ, тощимъ свѣтомъ своимъ, но какъ будто невидимой силой неугасающій. Это было изсякновеніе жизни, которая едва держится за бренную плоть и терзаетъ окружающихъ страхомъ и надеждою.

Digitized by Google

Давно уже иллюстрированные изъ преподавателей смѣнились другими, гораздо менѣе цѣнными, и эти послѣдніе, нерѣдко отлучаясь отъ постовъ своихъ, и оставляя часы свои праздными, предоставляли пансіонеркамъ руководствоваться системою взаимнаго обученія, по части разныхъ пансіонскихъ преданій и разныхъ сбираемыхъ, гдѣ случалось, свѣдѣній. Этою системою молодыя особы научались многому пріуготовительному къ жизни, и оказывали замѣчательныѣ и быстрые успѣхи.

Этою же системою въ непродолжительномъ времени научилась Настенька понимать различіе воздуха, наполнявшаго стѣны бѣдной квартирки ея родителей, отъ воздуха, которымъ дышутъ люди въ стѣнахъ другихъ домовъ, и непосредственно за тѣмъ начала понимать разстояніе, на которое отодвигалась она незамѣтно въ понятіяхъ своихъ отъ понятій Прокофія Трофимовича и Анны Петровны. Подобно растенію, отторгнутому отъ роднаго корня и пересаженному, она стала чужѣядно вбирать въ себя соки другой почвы и перерождаться.

Подростая и цивилизируясь, Настенька разцвѣтала какъ пышный цвѣтокъ, на радость стариковъ своихъ; даже сама Авдотья Дмитріевна казалась довольною успѣхами своей крестницы. Въ знакъ этого удовольствія, она брала ее къ себѣ на вакаціонное гощеніе, оказывая тѣмъ великую честь и нескончаемое расположеніе повѣренному своему Прокофію Трофимовичу.

Здѣсь, въ укромномъ уголку старинной гостиной, дѣвушка имѣла удовольствіе просиживать цѣлые долгіе лѣтніе дни надъ бисерной или надъ шерстяной работой, въ такомъ уединеніи, о которомъ трудно составить себѣ понятіе. Но при томъ родѣ жизни, который вела крестная мать ея Авдотья Дмитріевна, оно и не могло быть иначе. Въ продолженіи многихъ уже лѣтъ, Авдотья Дмитріевна проводила всѣ утренніе часы дня въ поѣздкахъ, не уставая всходить и сходить по лѣстницамъ и не женируясь корсетомъ, въ который заключала себя тотчасъ по пробужденіи, и съ которымъ не могла разстаться до поздняго вечера, по случаю вѣчнаго ожиданія раз-

Digitized by Google

ныхъ дѣловыхъ посѣтителей. Съ ними затворялась она въ рабочемъ кабинетѣ своемъ, забывая на ту пору не только о существованіи дочери Поляновыхъ, но и о родномъ и единородномъ сынѣ своемъ Викторѣ, въ пользу котораго посвятила она тяжебнымъ трудамъ свою безотрадную, съ юныхъ лѣтъ вдовью, жизнь.

Само собою разумѣется, что Викторъ Павловичъ въ свободныя и удобныя минуты приходилъ дѣлить уединеніе Настеньки. Онъ находился въ той самой порѣ жизни юноши, когда несовершеннѣйшій изъ людей почитаетъ себя совершеннымъ человѣкомъ.

Пробѣгая бѣглымъ обзоромъ судьбу Настеньки, минуя однимъ почеркомъ цѣлые годы, мы входимъ теперь въ зрѣлый возрастъ ея, и, къ крайнему нашему сожалѣнію, должны сказать читателю, что если ему когда-нибудь случалось имѣть въ рукахъ своихъ одинъ изъ простодушныхъ романовъ не нашего времени, существующій въ переводѣ подъ заглавіемъ: «*Мальчикъ у ручья или отроческая любовь*», то нѣкоторыя страницы этого романа могли бы представить ему приблизительно положеніе, въ которомъ находились въ то время подготовленная въ пансіонѣ и вступающая въ возрастъ дѣвушка, и отрокъ, готовящійся ко вступленію на поприще жизни. Хотъ въ этихъ отношеніяхъ не было ничего составляющаго самую сущность названнаго романа, однако же было все, чего подъ зоркимъ материнскимъ окомъ Анны Петровны ни подъ какимъ видомъ не должно было быть.

Мы не развиваемъ этой маленькой эротической поэмы, и не описываемъ бесѣды юной четы, которой никто никогда не слушалъ, и на которую никто не обращалъ никакого вниманія.

Прокофій Трофимовичъ и Анна Петровна толковали это все по своему.

— Экой хватъ наша дѣвка, Настенька!—говаривалъ отецъ, работающій въ потѣ лица, для доставленія своему существительному сокровищу сокровищъ прилагательныхъ.

— Что и говорить! — подтверждала мать съ чувствомъ удовольствія.

Digitized by Google

Не смотря однакожъ на это, въ Аннѣ Петровнѣ съ нѣкотораго времени проявилось странное ощущеніе. Какъ бѣдная курица, которая, высидѣвъ утятъ, видитъ, что крошки, переваливаясь съ боку на бокъ, бѣгутъ отъ нея въ воду, и тщетно зоветъ ихъ тревожнымъ крикомъ на берегъ, готовая броситься за ними сама, такъ Анна Петровна съ какимъ-то безсознательнымъ безпокойствомъ смотрѣла на успѣхи Настеньки, и желала бы, казалось, возвратить ее въ прежній мракъ.

— Скажи мнѣ, Прокофій Трофимовичъ, почему въ старину дѣвушекъ вовсе не воспитывали?—спрашивала она мужа подъ вліяніемъ неотвязной томительной мысли.

— Хмъ! въ старину дѣло иное, — по обыкновенію отвѣчалъ Прокофій Трофимовичъ.

— Но вѣдь жили же въ старину люди не хуже нынѣшняго, дѣтей ростили въ страхѣ Божіемъ, были же добрыя жены и хорошія матери, — размышляя, возражала Анна Петровна.

— Все жь это старина, — перебивалъ ее Прокофій Трофимовичъ,—теперь стало быть не того требуется.

— Должо быть, что не того, простодушно соглашалась Анна Петровна.

— Не тѣ, душа моя, времена настали,—продолжалъ философствовать Прокофій Трофимовичъ;—бывало дѣвушка сидитъ, на мущину глазъ поднять не осмѣлится, слова сказать не умѣетъ, а теперь не своими небось ты ушами слышала, какъ Настенька съ Викторомъ Павловичемъ по-французски-то бойко разговариваетъ?

— Какъ не слыхать, слышала, — со вздохомъ отвѣчала Полянова. — И подлинно, люди что дальше, то больше умудряются: словно чужой языкъ отрѣжутъ, да и навѣсятъ себѣ вмѣсто своего собственнаго: мать родная не разумѣетъ своего роднаго дѣтища!

— Да потому-то, сударыня моя, и не разумѣетъ, что это чужой языкъ.

— Темные мы люди съ тобой!—продолжала со вздохомъ Анна Петровна;—съ тѣхъ поръ какъ Настенька стала такой

Digitized by Google

воспитанной барышней, мнѣ и подойдти-то къ ней какъ-будто страшно становится, и дочерью-то назвать какъ-будто совѣстно,—тихо договаривала она, отирая незамѣтно скатившуюся слезу.

— Какъ быть-то,—извѣстное дѣло: ученье свѣтъ, а неученье тьма, такъ и говорить нечего, — заключалъ Прокофій Трофимовичъ, до новаго подобнаго разсужденія.

Между тѣмъ, Авдотья Дмитріевна, обладавшая многими добрыми привычками людей стараго вѣка, имѣла обыкновеніе, послѣ рабочаго и тревожнаго дня, отправляясь на сонъ грядущій, призывать къ себѣ свою домоправительницу Власьевну потереть ноги, для отвлеченія тягости отъ головы, доложить о разныхъ благополучныхъ и неблагополучныхъ событіяхъ и происшествіяхъ, о разныхъ домашнихъ дрязгахъ, которыя впрочемъ не всегда могли проникать сквозь туманъ серьозныхъ мыслей Медвѣдевой.

Однажды Авдотья Дмитріевна, углубившись въ свои обычныя размышленія, долго не обращала вниманія на какіе-то темные намеки Власьевны, которые, противъ обычая, не касались ни до хозяйственной экономіи, ни до козней противъ личныхъ враговъ ея, ни до жалобъ на ломоту въ костяхъ и поясницѣ.

Вниманіе Авдотьи Дмитріевны сосредоточилось тогда только, когда Власьевна кончила уже длинный приступъ, и, поощренная молчаніемъ барыни, начала говорить яснѣе:

— Оно конечно что, примѣромъ сказать, Викторъ Павловичъ и Настасья Прокофьевна — дѣти; да вѣдь не ровенъ часъ.... до грѣха не сто верстъ пути.... Она хоть ему и крестная сестра, да все, по нашему говорится, не чета....

При этихъ словахъ Авдотья Дмитріевна вдругъ выдернула изъ-подъ щетки ногу свою и устремила суровый взглядъ на Власьевну.

— А который годъ минулъ Настенькѣ?—спросила она неожиданно.

— Да вы изволили крестить ее, какъ пошелъ осьмой годъ покойнику.... по двѣнадцатому годку въ пансіонъ отдали, а

Digitized by Google

теперь, чай, не то пятнадцатый, не то шестнадцатый пошелъ ей съ Ильина дни.

Авдотья Дмитріевна задумалась. Всѣ эпохи, которыя припомнила ей Власьевна, перенесли ее къ минувшимъ фазисамъ ея тяжбы. Эта тяжба такъ слилась съ ея существованіемъ, что стала настоящей ея жизнью; все же прочее какъ будто составляло только болѣе или менѣе неизбѣжныя околичности.

Дня три спустя послѣ описаннаго нами доклада Власьевны, Авдотья Дмитріевна имѣла съ крестницей своей слѣдующее объясненіе.

— Ну-ка, милая моя Настасья Прокофьевна, скажи мнѣ, какъ идетъ твое ученье?

Этотъ вопросъ былъ сдѣланъ въ отсутствіи Виктора Павловича, въ свободный часъ передъ вечеромъ. Настенька, въ привычномъ углу своемъ, не смотря на сумерки, не подымала еще головки, склоненной надъ пяльцами. Она встрепенулась отъ неожиданности и затруднилась отвѣтомъ.

— Не пора ли намъ распроститься съ пансіонскими подружками?... Какъ посмотришь на тебя, совершенная ужъ стала невѣста!.:. Я думаю, книжки-то да тетрадки школьныя на умъ нейдутъ?...

Настенька улыбнулась.

— Скажи-ка мнѣ, моя прекрасная,— продолжала Авдотья Дмитріевна,—разсмотрѣла ли ты хорошенько того гостя, что обѣдалъ у насъ въ прошлое воскресенье?

— Какого гостя?—проговорила Настенька.

— Ахъ, другъ мой, какая же ты безтолковая; ну того барина, что сидѣлъ подлѣ меня въ очкахъ? Человѣкъ пожилой, но такой почтенной и пріятной наружности?...

— Ахъ, съ лысиной? кажется, замѣтила.

— А какъ онъ тебѣ нравится?

— Какъ нравится? да я его не разсматривала,—отвѣчала Настенька.

— Совѣтую тебѣ, мой другъ, разсмотрѣть его какъ можно пристальнѣе.

— А для чего жъ это, маминька?

— А для того, моя милая, что онъ человѣкъ во всѣхъ

Digitized by Google

отношеніяхъ порядочный, имѣетъ безбѣдное состояньице и довольно выгодное мѣсто. Это пріѣзжій изъ Петербурга; тамъ занимался онъ моими дѣлами въ высшихъ инстанціяхъ; а зовутъ его Андрей Андреевичъ Людвиновъ.... Но къ чему это ты такъ низко носишь волосы?—неожиданно перешла Медвѣдева.—Прикажи-ка Дунькѣ зачесать себѣ по выше къ завтрему, да позаботься о платьицѣ: у насъ обѣдаетъ Андрей Андреевичъ.... Слышишь? не забудь моего совѣта.

— Не забуду, маминька,—въ недоумѣніи отвѣчала дѣвушка.

Онѣ разговаривали по-французски. Это былъ первый экзаменъ, сдѣланный воспитательницей своей воспитанницѣ нѣсколько внимательно; при этомъ случаѣ, Авдотья Дмитріевна также въ первый разъ замѣтила, что правила діалектики въ пансіонѣ г-жи Гризелль были вѣроятно въ небреженіи, потому что Настенька, въ приведенныхъ здѣсь простыхъ и краткихъ отвѣтахъ, умудрилась сдѣлать невѣроятное множество руссицизмовъ и такъ называемыхъ liaisons dangereuses.

— Знаешь ли что, моя милая,—прибавила Медвѣдева, которую поражалъ каждый барбаризмъ, — ты непремѣнно должна выйдти за мужъ за человѣка, не говорящаго по-французски.

— Почему же?—смутившись, спросила Настенька.

— Потому, дружочикъ мой, что ты слова вымолвить безъ ошибки не умѣешь.

Кровь бросилась въ лицо дѣвушки; такая мѣтко пущенная колкость до слезъ уязвила ея самолюбіе.

Но Авдотья Дмитріевна была женщина стойкая, въ своихъ предначертаніяхъ характерная, что впрочемъ достаточно было видно изъ ея способности преслѣдовать свои цѣли хоть цѣлую вѣчность.

Не прошло еще недѣли, какъ Андрей Андреевичъ объяснился на счетъ Настеньки; его предложеніе, разумѣется, было принято, и онъ получилъ вмѣстѣ съ ея рукою въ приданое блистательныя надежды на окончаніе процесса, долженствующаго рѣшиться въ пользу Медвѣдевой.

Тонкая политика Авдотьи Дмитріевны сочетала этимъ бракомъ интересы повѣренныхъ своихъ съ собственнымъ своимъ

Digitized by Google

интересомъ неразрывными узами, и тѣмъ застраховала себѣ ихъ усердіе.

Свадьба праздновалась въ домѣ ея. Грустный Викторъ, нахмуривъ брови, держалъ вѣнецъ надъ пышной и прекрасной невѣстой. Анна Петровна, съ помощію Акулины, разливала въ дѣвичьей для брачныхъ гостей чай и шоколадъ, а Прокофій Трофимовичъ, сидя у дверей, распоряжался офиціантами.

IV.

Такимъ образомъ Настенька вышла за-мужъ неожиданно, и немедленно отправилась съ супругомъ своимъ въ почтовой каретѣ въ Петербургъ, на мѣсто новаго своего гражданскаго быта. Она вышла за-мужъ съ сердцемъ ужаленнымъ послѣднимъ благодѣяніемъ крестной матери; но приняла это благодѣяніе съ гордою покорностію, глубоко затаивъ свое негодованіе.

Впрочемъ, поступить ей иначе было-бы даже невозможно. Мѣткій намекъ Авдотьи Дмитріевны на ея *руссицизмы* и *опасныя связи*, хоть въ сущности и не имѣлъ въ себѣ ничего важнаго, далъ ей однако же почувствовать ту степень, на которой стояла она въ общественномъ распредѣленіи. Внезапно обрѣла молодая дѣвушка на столько опыта, что могла взвѣсить свое положеніе, оцѣнить зависимость благосостоянія отца и матери и собственное свое благосостояніе отъ добраго расположенія Авдотьи Дмитріевны и покориться своей участи.

Такимъ-образомъ разсѣялась первая сердечная мечта Настеньки; но была-ли она въ жизни ея и послѣднею, объ этомъ не имѣется ничего достовѣрнаго. Намъ извѣстно только то, что цѣлый годъ не переставала она оглядываться мысленно на прошедшее и въ память невозвратному назвала первенца своего, героя разсказа нашего, Викторомъ; послѣ чего, увлекаясь мало-по-малу суетой и блескомъ столичной жизни, молодая женщина стала извлекать изъ невыгоднаго своего положенія лучшую сторону.

Посвященные во всѣ тонкости жизни знаютъ, какъ элементы города вообще и столицы въ особенности, проникаютъ

Digitized by Google

во все въ нихъ живущее, начиная отъ городской лошади, которая не пугается барабаннаго боя, не развлекается чудными несвойственными природѣ ея зрѣлищами, лавируетъ въ тѣснотѣ, и, ступая по мостовой, забываетъ приволье полей, мягкость и просторъ дорогъ сельскихъ.

Каждый, волею или неволею, сознательно или безсознательно, вдается въ искусственность, изящество и нѣгу столичной жизни; она оглушаетъ, изумляетъ, увлекаетъ и терзаетъ лихорадкою жажды и голода, или упоенія и пресыщенія.

Здѣсь началось для Настасьи Прокофьевны совершенно новое бытіе, и она поняла въ полномъ смыслѣ справедливость замѣчанія Авдотьи Дмитріевны, о несовершенствѣ своего пансіонскаго образованія. Могли ли въ самомъ дѣлѣ глаза ея оставаться долѣе закрытыми на эту горькую истину, когда Петербургъ распахнулъ передъ ней свои академіи общественныхъ лекцій?

Въ этихъ академіяхъ не педагогъ читаетъ съ каѳедры свои утомительные параграфы; эти академіи разсѣяны повсемѣстно и нѣтъ средствъ оборонить себя отъ всюду просвѣщающей науки. Эти академіи, во первыхъ, Невскій-проспектъ съ своими новѣйшими новизнами и утонченными тонкостями, съ своимъ развитіемъ вкуса и доведеніемъ всего до чрезвычайнаго и превосходящаго всякое понятіе; во вторыхъ, Александринскій, особливо Михайловскій, съ своими *послѣдними* піесами и *первыми сюжетами*; это, въ третьихъ, все, что̀ стремится въ сѣверную Пальмиру, прославленныхъ и оцѣненныхъ геніевъ ногъ, геніевъ рукъ, геніевъ созданнаго по соловьиному горла и по змѣиному языка. Это, въ десятыхъ и въ сотыхъ, такъ называемый свѣтъ, съ его настоящими и подражательными гостинными, съ его истинными и поддѣльными обычаями и пріемами.

Женщина, сколько бы ни искушалась въ строгомъ классическомъ обученіи, не будетъ, разумѣется, женщиной совершенной, безъ этой послѣдней высшей школы, безъ этого окончательнаго курса, въ которомъ до глубины исчерпаны всѣ возможныя и невозможныя положенія, измѣрены и перечтены всѣ свѣты и тѣни, вытянуты въ тончайшія нити и доведены до крайности всѣ ощущенія.

Digitized by Google

На первыхъ порахъ, хорошенькая головка Настасьи Прокофьевны кружилась отъ непонятныхъ для нея условій, отъ неслыханныхъ и безпрестанно смѣняющихся, какъ новые фасоны, терминовъ и выраженій. Тяжкихъ условій стоила ей разгадка каждаго схватываемаго на лету чѣмъ-нибудь поразительнаго для нея слова. По этому случаю на столѣ ея появилась памятная, переплетенная въ зеленый сафьянъ, книга, на которую съ особеннымъ благоговѣніемъ смотрѣлъ Андрей Андреевичъ. Это была кунсткамера идей и понятій, что-то въ родѣ энциклопедическаго настольнаго словаря, писаннаго, впрочемъ, не въ порядкѣ алфавитномъ, а въ томъ случайномъ безпорядкѣ, въ которомъ Настасья Прокофьевна сбирала вокругъ себя разсѣянные повсюду цвѣты любомудрія человѣческаго.

Въ интересномъ сборникѣ, подъ воспросительными знаками встрѣчались такъ часто употребляемые и непереводимые термины, на подобіе *типовъ*, *тиковъ* и *шиковъ*. Тамъ пёстрѣли коллекціи разныхъ выписанныхъ изъ многихъ прочтенныхъ романовъ сужденій и тирадъ; тамъ вмѣщалась вся исторія преобразованія Настасьи Прокофьевны, до тѣхъ самыхъ поръ, покуда всякій, взглянувшій на нее, обязанъ былъ признать въ ней даму весьма порядочнаго тона.

Андрей Андреевичъ слѣпо вѣровалъ во всякое знаніе дѣла милой жены своей, и потому, содѣлавшись счастливымъ отцомъ маленькаго Виктора, смиренно предоставилъ ей авторитетъ на счетъ его воспитанія, и ни въ какомъ отношеніи ни во что не вмѣшивался. Настасья же Прокофьевна, дѣйствуя свободно, положила за правило ни въ чемъ не довѣрять природѣ, къ которой потеряла все довѣріе, а вполнѣ поручила ребенка своего искусству, въ которое вѣровала какъ въ незыблемое основаніе всего хорошаго.

Каждое утро являлся къ ней медикъ, котораго принимала она въ драпированномъ своемъ кабинетѣ, сидя какъ слѣдуетъ въ мягкихъ креслахъ, въ утреннемъ чепчикѣ и пеньуарѣ. Въ продолженіи этихъ визитовъ, докторъ объяснялся въ нянею понѣмецки о томъ, какъ дитя провело ночь, какъ исполнило свои естественныя отправленія, и не было ли въ немъ замѣтно чего-нибудь особеннаго. Основываясь на отвѣтахъ няни, онъ да-

Digitized by Google

валъ совѣты, прописывалъ рецепты и откланивался; вслѣдствіе чего Виктору отмѣривались пунктуально пріемы сна, бодрствованія и питанія, и отсчитывались грани чистаго воздуха, которымъ дозволяли ему пользоваться не иначе, какъ по медицинскимъ предписаніямъ.

Взращаемый такимъ образомъ, прямой наслѣдникъ условленнаго приза съ знаменитой тяжбы Медвѣдевой, сталъ являться въ Лѣтнемъ Саду на рукахъ богатоодѣтой кормилицы, въ бархатномъ, сверхъ пеленокъ, плащѣ, въ круглой, сверхъ чепчика, шляпѣ, подъ сѣнію зонтика, который несла надъ нимъ, какъ надъ китайскимъ мандариномъ, главноначальствующая нѣмканяня; но съ каждымъ почти послѣдующимъ лѣтомъ маленькая планета мѣняла своихъ спутниковъ. Едва поднялся ребенокъ на ноги, едва залепеталъ на какофоніи немѣцкаго нарѣчія, какъ уже смѣнилъ его другой языкъ, въ лицѣ дѣвицы Лавалетъ, молодой француженки, принявшей въ свое распоряженіе мальчика, что называется, отъ ноготковъ, за чистотою которыхъ тщательно наблюдала она, до кудрявой головки его, всегда завитой и напомаженной.

Не долго однако же Викторъ учился подъ ея руководствомъ повторять попугайныя реплики, катать по песчанымъ дорожкамъ обручь и перенимать всѣ кокетливыя ея ужимки. Дѣвица Лавалетъ скоро соскучилась въ домѣ, гдѣ никто не говорилъ по-французски, гдѣ не давали вечеровъ, гдѣ некому было за нею волочиться, и уступила мѣсто свое другой соотечественницѣ, лѣтъ болѣе степенныхъ.

Мадамъ Балё руководствовалась системою вѣчнаго неудовольствія, неумолкаемыхъ укоризнъ и неусыпнаго муштрованія.

— Держись прямо, не стучи ногами, говори по-французски, отвѣчай умнѣе, не нагибай головы, не протягивай ногъ, поправь волосы, застегни рукава, читай громче, выговаривай яснѣе, примѣчай, не останавливайся, не спѣши! — раздавалось безпрерывно.

Эта неусыпность восхищала Настасью Прокофьевну, которая не могла нахвалиться новой гувернанткой. Она, какъ

Digitized by Google

добрая маминька, входила каждое утро въ дѣтскую спросить, какъ ведетъ себя и учится Викторъ.

— Mr Victór ведетъ себя очень дурно, — отвѣчала почти всегда постоянно раздражительная мадамъ Балё.—Онъ невнимателенъ, забывчивъ, вѣтренъ, нечистоплотенъ, шаловливъ, онъ прокричалъ мнѣ всю голову и скоро сведетъ меня съ ума!

И за такими отзывами слѣдовало, разумѣется, изъявленіе родительскаго неудовольствія, не по просту добрымъ шлепкомъ, послѣ котораго тотчасъ же все забыто, а приличною проповѣдью, послѣ которой Настасья Прокофьевна принимала видъ огорченія или негодованія и не скидала этой маски до тѣхъ поръ, покуда ребенокъ не приходилъ просить прощенія въ чистыхъ французскихъ выраженіяхъ.

Эти безмолвныя наказанія терзали нѣжное сердце дитяти; но дѣйствовать на нравственное чувство казалось Настасьѣ Прокофьевнѣ благороднѣе, нежели на физическое. Такая метода, къ чести мадамъ Балё, продолжалась нѣсколько лѣтъ сряду. Можетъ быть, она продолжилась бы еще долѣе, но необыкновенное и совершенно непредвидѣнное обстоятельство возмутило порядокъ вещей и привело въ сильное затрудненіе Настасью Прокофьевну, которая съ нѣкотораго времени стала получать отъ горничной своей, на счетъ мадамъ Балё, престранные доклады, а вскорѣ и сама удостовѣрилась въ неестественномъ состояніи разсудка воспитательницы. Скоро признаки помѣшательства сдѣлались слишкомъ ясны, и наставницу Виктора принуждены были помѣстить въ то заведеніе, которое, къ удивленію наблюдателей, такъ изобилуетъ иностранными гувернантками.

Вслѣдъ за мадамъ Балё, нѣсколько другихъ ревнительницъ просвѣщенія дѣтей смѣняли другъ друга при Викторѣ; но не видя отъ нихъ никакого толку, Настасья Прокофьевна рѣшилась взять гувернера, гувернера не съ улицы, не перваго попавшагося подъ руку, гувернера на славу, испытаннаго, извѣстнаго, окредитованнаго, застрахованнаго.

— Для воспитанія дѣтей, —говорила она мужу,—слѣдуетъ дѣлать всѣ жертвы; для ихъ воспитанія жалѣть ничего не должно, и надо помнить, что способность ребенка—капиталъ, который пускаютъ въ ходъ, для принесенія процентовъ сторицею.

Digitized by Google

Отрадно было слышать Андрею Андреевичу такую умную рѣчь Настасьи Прокофьевны, противъ которой возражать ему было нечего, тѣмъ болѣе, что онъ привыкъ смотрѣть на жену свою какъ на женщину не только геніальную, но вмѣстѣ съ тѣмъ и капитальную. Извѣстное читателю ожиданіе манило его какъ миражъ знойной пустыни.

Очарованные этимъ соблазномъ, супруги не считали нужнымъ щадить маленькое родовое имѣньице Людвиновыхъ, въ Сибирской губерніи, изъ котораго черпалось возможное и невозможное, на удовлетворенье всѣхъ потребностей Настасьи Прокофьевны.

И такъ, основываясь на томъ, что для воспитанія дѣтей слѣдуетъ дѣлать всѣ жертвы, что это вкладъ, съ котораго тѣмъ больше положишь, тѣмъ больше возмешь, гувернеръ былъ выбранъ къ общему совершенному удовлетворенію, гувернеръ именно на славу, гувернеръ по призванію, по любви къ своему дѣлу, такой, какого родители всегда ищутъ и никогда не находятъ, гувернеръ стоическій, благонравный, благонамѣренный, благорасположенный, гувернеръ въ высокомъ смыслѣ слова, какъ выражалась о немъ Настасья Прокофьевна.

И въ самомъ дѣлѣ M-r Pinot внушалъ о себѣ самое высокое понятіе всѣмъ его знающимъ и окружающимъ.

Характеръ его былъ, что̀ называется, возвышенный: онъ обращался съ Людвиновыми такъ уважительно, что при каждомъ поклонѣ его и словѣ, казалось, говорилъ: «вы родители моего питомца, и кто бы вы ни были, я примѣромъ своимъ обязанъ внушать ему должное вашему лицу, если не вашимъ достоинствамъ.»

Правда, что эти знаки уваженія дѣйствовали какъ-то раздражительно, но тѣмъ болѣе они внушали въ свою очередь какое-то безотчетное, какъ паническій страхъ, уваженіе.

Пино принялъ Виктора на руки какъ богатаго, по носившимся слухамъ, наслѣдника какихъ-то ему невѣдомыхъ золотыхъ источниковъ непроходимой Московіи.

— C'est un enfant de famille, un sujet à espérance, j'aurai du fil a retordre; mais cela en vaut la peine, —думалъ онъ, принимаясь за дѣло.

Digitized by Google

— Дитя мое,—говорилъ онъ голосомъ, въ которомъ звучала необыкновенная его доброкачественность,—когда ты входишь въ гостиную, гдѣ сидятъ твои родители, ты долженъ опережать шаги свои нѣжнымъ, привѣтливымъ взоромъ, направленнымъ въ ту сторону, гдѣ привыкъ ихъ видѣть. Ты долженъ стремиться къ нимъ, не развлекаясь ни чѣмъ посторонним. Твои родители, въ первомъ нѣжномъ возрастѣ твоемъ должны быть для тебя предметами слѣпаго боготворенія. Остерегайся видѣть ихъ недостатки, снисходи ихъ слабостямъ, не обращай вниманія на ихъ пороки и смѣшныя стороны. Прикрывай наготу ихъ, по высокому примѣру сына, прославленнаго въ потомствѣ. Не смѣй величаться передъ ними тѣмъ, что судьбою ты поставленъ на высшую точку образованности, что со временемъ передъ тобою раскроется обширнѣйшій кругъ дѣятельности, что въ свою очередь ты будешь смотрѣть на нихъ какъ на младенцевъ.

Эти великолѣпныя рѣчи наполняли смутою голову ребенка; слушая, онъ какъ будто искалъ въ понятіи своемъ какихъ-то до сихъ поръ невѣдомыхъ погрѣшностей отца и матери.

Но Пино не давалъ ему долго задумываться. Одно нравоученіе тотчасъ смѣнялось новымъ.

— Грустны снѣга сѣвера, — начиналъ онъ на другой ладъ,—печальны его степи, тяжка судьба дикарей, здѣсь прозябающихъ; но слава того, кто захочетъ бросить лучь свѣта на этотъ мракъ, можетъ наполнить громомъ воздухъ и достигнуть облаковъ.

Пино развертывалъ томъ вѣчно лежащаго подъ рукою неизбѣжнаго Телемака, переведеннаго на всѣ языки, безъ котораго, какъ извѣстно, ни одинъ французскій гувернеръ никогда не обходился.

Напыщенный слогъ Фенелона согласовался съ тономъ Пино, и онъ перечитывалъ ему наставленія, читанныя въ отдаленные вѣка сыну Улиссову жрецомъ Аполлона, о томъ, какъ прогнѣванный Зевесъ изгналъ пѣвца Олимпа съ неба, и какъ любимецъ музъ, гнушаясь необразованнымъ обществомъ пастуховъ короля Адмета и презирая тривіальное ихъ занятіе,

Digitized by Google

выучилъ ихъ музыкѣ и танцамъ. Сынъ Зевса, играя на свирѣли, превратилъ рабочіе дни дикарей въ безсмѣнные праздники, и огласилъ пустыню дивными звуками.

— Другъ мой,—продолжалъ Пино, имѣя достохвальную привычку объяснять читанное,—исторія бога солнца должна оставить глубокіе слѣды въ твоей памяти. Тотъ свѣтъ, который получаешь ты отъ разработывающихъ твой умъ и сердце, ты обязанъ въ свою очередь возвратить съ избыткомъ бѣдной землѣ твоей. Подобно Аполлону ты будешь, на сколько положено на твою долю, просвѣтителемъ дикихъ пастуховъ. Не жалѣй труда, не оскудѣвай въ терпѣніи. Помни, дитя мое, что есть возможность заставить цвѣсти эти пустыни и показать обитателямъ ея сладости жизни.

Ребенку начинало казаться, что въ отечествѣ его живутъ людоѣды; онъ невольно содрогался отъ страха, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтское воображеніе плѣнялось сказкою о свирѣли, звуки которой превратятъ рабочіе дни въ праздники и сдѣлаютъ грязныхъ пастуховъ плясунами и музыкантами.

Какъ уже сказали мы, наставникъ юнаго Виктора заботился неутомимо о расположеніи ввѣреннаго ему питомца ко всѣмъ доблестямъ и добродѣтелямъ. Онъ силился, на сколько могъ, вдохнуть въ него чувство фанатической благодарности къ себѣ—его покровителю и пѣстуну. Ежеминутно олицетворяя собою въ глазахъ мальчика безсмертнаго Ментора, олицетвореннаго въ первообразѣ самой бездной премудрости—божественной Минервой, онъ—Менторъ Виктора, не понималъ, что благодарность такого рода есть поздній плодъ, приносимый сердцемъ, созрѣвшимъ и уже усвоившимъ попеченіе и ученіе, которыя во время теоретическаго преподаванія все-таки чрезвычайно скучны и утомительны.

Если дитя не довольно весело принималось за книгу, если не тотчасъ по первому звуку голоса бѣжало на зовъ своего попечителя, если чѣмъ-нибудь проявляло свое нерасположеніе къ благодѣтельнымъ его нравоученіемъ, Пино называлъ это неблагодарностью, а самую неблагодарность, по пріученію какой-то знаменитости, «злостнымъ банкрутомъ сердца».

Digitized by Google

Подобно садовнику, выгоняющему скороспѣлку, занимался Пино умственнымъ или прогрессивнымъ развитіемъ Виктора, имѣя къ тому извѣстный способъ преподаванія.

— Дитя мое,—начиналъ онъ по обыкновенію, усаживая ученика на учебную лавку,—если родители твои дадутъ тебѣ альбомъ и прикажутъ тебѣ написать въ немъ что-нибудь собственнаго твоего сочиненія, скажи, какое первое чувство наполнитъ дѣтское сердце твое при этомъ приказаніи?

Въ глазахъ Виктора выражалось недоумѣніе, онъ искалъ не находилъ отвѣта.

— Ты вопервыхъ чувствуешь смущеніе,—суффлировалъ ему Пино.

— Я чувствую смущеніе,—повторялъ ребенокъ.

— Смущеніе, такъ,—повторялъ въ свою очередь Пино,—смущеніе именно, потому что смущеніе есть какъ бы прелюдія другаго непосредственно за тѣмъ слѣдующаго чувства, которому немедленно уступаетъ оно шагъ. Скажи теперь, какому болѣе опредѣленному чувству уступаетъ шагъ твое смущеніе?

Этотъ вопросъ еще болѣе прежняго озадачивалъ развиваемаго.

— Твое смущеніе смѣняется невольнымъ страхомъ,—подсказывалъ развиватель.

— Мое смущеніе смѣняется страхомъ,—отвѣчалъ мальчикъ, на манеръ попугая.

— Какимъ образомъ?

— Я боюсь, что если дурно напишу, то меня накажутъ.

— О, низкій, подлый страхъ! Сердце благороднаго юноши не можетъ быть способно къ такому недостойному страху. Нѣтъ, Викторъ, нѣтъ, ты чувствуешь страхъ не наказанія, но страхъ недовѣрія къ самому себѣ. Ты боишься, что не будешь въ состояніи выполнить возлагаемаго на тебя, такъ совершенно, какъ бы ты желалъ. Однакожъ этотъ страхъ не долженъ продолжаться; ты обязанъ исполнить желаніе родителей

Digitized by Google

твоихъ, и при сознаніи этой обязанности, какое третье чувство движетъ тебя?

— Не знаю,—говорилъ зѣвая Викторъ.

— Третье чувство есть порывъ безусловнаго повиновенія, которое составляетъ непремѣнный долгъ дѣтей къ ихъ родителямъ,—нравоучительно заключалъ Пино.

И едва предметъ альбома истощался, онъ придумывалъ тысячу новыхъ.

— Представь себѣ, другъ мой,—начиналъ онъ,—представь себѣ, что мы выходимъ съ тобою изъ дому, въ намѣреніи прогуляться. Мы идемъ и замѣчаемъ чрезвычайное стеченіе народа въ одну сторону. Эти волны народа увлекаютъ и насъ, и мы какъ бы непроизвольно слѣдуемъ по тому же направленію и подходимъ къ дому, въ который, тѣснясь, стремится толпа. Въ этомъ домѣ расположена выставка произведеній искусствъ. Скажи, что видимъ мы, войдя?

— Мы видимъ выставку произведеній искусствъ,—робко отвѣчалъ Викторъ, повторяя слова наставника.

— Но что видимъ мы при томъ нравственнымъ окомъ духа?

— Не знаю,—отвѣчалъ мальчикъ, блуждая разсѣяннымъ взоромъ по стѣнамъ комнаты.

— Мы видимъ состязаніе тщеславій. Подъ этими цвѣтами искусства сокрыты ядовитые аспиды человѣческаго самолюбія. Здѣсь гордость и зависть, злоухищреніе и братоненавидѣніе, подкопы и происки.

Викторъ съ изумленіемъ смотрѣлъ въ глаза Пино: чистое его воображеніе не могло еще усвоить понятію своему эмблемы аспидовъ подъ цвѣтами, а краснорѣчивый ораторъ, кормила такимъ образомъ тщеславіе въ теоріи, противорѣчилъ себѣ на самомъ дѣлѣ. Онъ какъ будто съ намѣреніемъ придумывалъ всѣ средства для возбужденія этой опасной страсти, употребляя ее какъ рычагъ своихъ дѣйствій.

— Пусть изъ одной амбиціи дѣлаетъ ребенокъ то, что другіе дѣлаютъ изъ понужденій,—говорилъ онъ, разсуждая объ этомъ предметѣ, какъ о сильномъ двигателѣ, посредствомъ котораго можно до всего достигнуть; въ силу чего онъ вос-

Digitized by Google

пѣвалъ на всѣ тоны славу героевъ и тріумфальныя колесницы, и подобно демону сѣялъ на юное воображеніе сѣмена честолюбиваго тщеславія.

По системѣ Пино, все для Виктора заключалось какой-нибудь торжественностью, ничто не дѣлалось хорошо съ единственной цѣлію и обязанностію хорошо сдѣлать.

Отецъ и мать Виктора были въ восторгѣ и жалѣли только о томъ, что у нихъ не было еще нѣсколькихъ дѣтей, которыхъ бы можно было довѣрить такому преподавателю. Попеченіями его, голова Виктора мало по малу начинялась познаніями. Тверже и отчетливѣе многаго другаго мальчикъ зналъ исторію отечества своего наставника, зналъ со всѣми біографическими подробностями, со всею хронологическою точностію, со всѣми историческими, сценическими и закулисными событіями.

Не столь подробныя свѣдѣнія имѣлъ юноша объ исторіи своего отечества; эта исторія для самаго Пино была покрыта густыми туманами сѣвера. Но не смотря на то, онъ составлялъ для Виктора лекціи изъ русской исторіи на французскомъ языкѣ. По этимъ лекціямъ, сказанія Руси представляли ученику одни грустныя, безобразныя картины и протяжныя повторенія. На этихъ картинахъ не развивались перья рыцарей, не блистали каруселі, не распѣвались романсы, не торжествовала красота, не интриговало соперничество, на нихъ лучшіе образы были обрисованы лубочной живописью, все поле уставлено было Скиѳами и Сарматами въ сѣрыхъ кафтанахъ.

Съ подобнымъ руководствомъ прошелъ Викторъ весь универсальный курсъ наукъ, мужал умственно и вытягиваясь подобно тощей былинкѣ щедушнымъ сложеніемъ. Между тѣмъ черные волосы Пино запудрились незамѣтно сѣдиною, во время его пребыванія въ домѣ Людвиновыхъ, гдѣ смотрѣли на него какъ на первенствующее въ семействѣ лицо. Столь же незамѣтно начинала переходить и Настасья Прокофьевна отъ пламеннаго ожиданія сулимыхъ ей судьбою благъ къ тому успокоительному чувству, которое заставило и Прокофія Тро-

Digitized by Google

фимовича успокоиться мыслію, что если самъ онъ не воспользуется этими благами, то все же будетъ имѣть отраду завѣщать ихъ милому дѣтищу.

Пришло наконецъ время, когда перестала она считать сына своего ребенкомъ, а наставникъ замѣнилъ привычное: «дитя мое», названіемъ: «мой юный товарищъ»; а вмѣстѣ съ тѣмъ, само собою разумѣется, перемѣнилъ и тонъ своего съ нимъ обращенія.

Въ одеждѣ Виктора, по неотступнымъ попеченіямъ отца и особенно матери, стало проявляться щегольство и изящество, свойственное его возрасту и высокому положенію, къ которому готовили его съ младенчества.

Нѣжная и заботливая предусмотрительность Настасьи Прокофьевны разукрасила комнату Виктора, сообразуясь съ описаніемъ кабинета Онѣгина. Но хозяинъ этой комнаты не былъ пресыщенный повѣса, по которому типировались юноши стараго поколѣнія. Это былъ Онѣгинъ современный, героическій, съ высокими идеями, съ обширными замыслами, съ неутолимою, столько лѣтъ возбуждаемою жаждою къ совершенію великихъ дѣлъ и громкой славы, и походилъ на стараго только по наружности, по неизмѣнному ежедневному присутствію на гульбищахъ и въ театрахъ, гдѣ стала уже замѣтна бѣлокурая голова его, шныряющая въ антрактахъ по партеру, или торчащая въ первыхъ рядахъ креселъ, около которой мелькали его палевыя перчатки, костяной бинокль и золотой набалдашникъ трости.

Вскорѣ стали поговаривать о поѣздкѣ Виктора, все-таки въ сопровожденіи своего Ментора, за границу. Французъ признавалъ эту необходимость заключительною въ воспитаніи каждаго порядочнаго молодаго человѣка. Онъ разсчиталъ уже по пальцамъ, на сколько эта поѣздка будетъ выгодна даже въ отношеніи самаго разсчета, потому что, по его мнѣнію, роскошнѣйшее путешествіе по Европѣ обходится дешевле умѣреннѣйшаго житья въ Россіи. Посреди этихъ разсчетовъ и соображеній, вдругъ самымъ неожиданнымъ образомъ было получено извѣстіе о томъ, что процессъ Авдотьи Дмитріевны ру-

Digitized by Google

шился прахомъ, и съ нимъ вмѣстѣ всѣ надежды семейства Людвиновыхъ.

Mr Pinot, строившій и свои воздушные замки на томъ же основаніи, произнесъ проклятіе и бѣжалъ изъ дому, куда притащились изъ Москвы благополучно постарѣвшіе Поляновы, въ сопровожденіи неизмѣнной, также утратившей нѣсколько своей прыти, Акулины.

Андрей Андреевичъ не перенесъ этого удара судьбы; онъ разразился надъ нимъ, и мгновенно пресѣкъ дни его.

V.

Можно, пожалуй, осудить за такое малодушіе Андрея Андреевича. Можно даже, если угодно, назвать золото химерой, и особливо въ наше время, когда порядокъ, или, лучше сказать, безпорядокъ вещей дѣлаетъ то, что богатаго отъ тороватаго не разпознаешь.

Можно и, безъ сомнѣнія, должно съ крѣпкою вѣрою въ Провидѣніе прожить, подобно птенцамъ небеснымъ или крину сельному, беззаботно и безропотно краткій срокъ человѣческой жизни.

Но требованія свѣта невозвратно отчуждены отъ природы; она не доставляетъ людямъ готовыхъ произведеній великихъ Каремовъ и Бешамелевъ, она даетъ гроздіе, не закупоренное въ бутылкахъ Шампаніи и Бургоніи, замковъ Лафита и д'Икема, и золото, какъ основа земныхъ благъ, остается волшебнымъ жезломъ искусственнаго міра.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что пріобрѣтеніе въ мірѣ семъ удобнаго угла, гдѣ бы могло вкорениться и расти просторно и привольно семейное древо, есть дѣло великое и прекрасное. Весь смыслъ только въ средствахъ пріобрѣтенія.

Прокофій Трофимовичъ трудился добросовѣстно, подобно герою новаго свѣта, принесъ въ жертву великому замыслу

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

№ 3. Февраль. Кн. 1.

1853.

ВИКТОРЪ.

ПОВѢСТЬ ЕЛЕНЫ ВЕЛЬТМАНЪ.

—

(Продолженіе).

VI.

Но что же дѣлалъ Викторъ въ квартирѣ своей, замаскированной остатками древняго величія? Благодаря этому оптическому обману, юноша не вдругъ опомнился и не тотчасъ понялъ свое положеніе.

По правиламъ благовоспитаннаго человѣка, по смерти отца онъ обвилъ круглую шляпу скорбнымъ крепомъ и выдержалъ въ уединеніи узаконенный на первое горе срокъ; но когда явился снова туда, гдѣ толпятся люди, онъ изумился прогрессу, на который въ такое короткое время общество двинулось впередъ.

Не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ Викторъ разстался съ этимъ обществомъ, въ которомъ едва только успѣлъ водвориться на основаніи прежнихъ правъ, и все въ немъ такъ перемѣнилось, что онъ пришелъ какъ будто въ невѣдомый, чужой край.

Тамъ уже носили на цѣлыхъ двѣ линіи шире поля шляпъ, на цѣлыхъ два дюйма короче полы кафтановъ. Тамъ двигали умы новые для него интересы, тамъ говорили о неизвѣстныхъ ему предметахъ.

— Это ты, Людвиновъ? откуда? гдѣ пропадалъ? — спросилъ его одинъ добрый человѣкъ, замѣтившій его отсутствіе.

— Ѣздилъ за границу? — прибавилъ другой, вспомнившій о его сборахъ.

Digitized by Google

— Смерть отца удержала меня,—въ смущеніи отвѣчалъ Викторъ.

— А!—произнесли нѣкоторые, знавшіе юношу какъ богатаго наслѣдника.

Въ эту минуту къ Виктору протянулась маленькая ручка въ бѣлой перчаткѣ, держащая нѣсколько лотерейныхъ билетовъ, отъ которыхъ не осмѣлился отказаться бѣдный Викторъ, и за которые, зная лучше другихъ свои обстоятельства и не довѣряя себѣ въ долгъ, онъ тотчасъ же спѣшилъ расплатиться.

— Былъ вчера?—спросилъ его вновь подошедшій, ничего не слушающій и ничего не замѣчающій вѣтреникъ.

— Гдѣ?—подумалъ Викторъ.

— Еще бы? чего и спрашивать?—отвѣчалъ за него кто-то, понимавшій вопросъ.

— Сущее очарованье!

— Изумительно!

— Восхитительно!

— Упоительно!—слышалось хоромъ.

— Благодарная публика готовитъ подписку.

— Вотъ она,—сказалъ осанистый баринъ, поднося подъ самый носъ Виктору длинный списокъ.

— Что такое?—спросилъ онъ.

— Бриллiантовая дiадема.

— И чудовищный букетъ,—послышалось изъ толпы.

— Пошлость!—раздалось съ другой стороны.—Сто возовъ чудовищныхъ букетовъ, чтобъ усыпать ими весь снѣгъ по дорогѣ до ея отеля!

— Прекрасная мысль! я подаю голосъ на сто возовъ чудовищныхъ букетовъ! — подхватило какое-то существо съ воспрiимчивымъ воображенiемъ.

— Что за нелѣпость!

— Извините, нисколько не нелѣпость; въ честь боговъ сжигали жертвы, въ честь нашего идола мы бросаемъ деньги въ окно.

Digitized by Google

Во время этого спора, юному герою нашему посчастливилось отлавировать отъ подписки.

Но здѣсь перехватило его лицо, пользующееся въ публикѣ нѣкоторой извѣстностію и не принадлежащее къ числу *будничнаго народа*, every days people. Этотъ господинъ имѣлъ ту особенность, что набѣгомъ являлся въ обществѣ, исчезалъ и являлся снова, бродя какъ вѣчный жидъ по свѣту, говоря безъ умолку, и, какъ большая часть говоруновъ, ничего не дѣлая. На счетъ его носились темные слухи, на которые до сихъ поръ Викторъ не обращалъ вниманія.

— Какъ невыносимо это сословіе гостинныхъ мытарей,— сказалъ онъ юношѣ, взявъ его подъ руку,—каждый изъ насъ волею и неволею подвергается ихъ налогамъ; а вы молодые, независимые обладатели отцовскихъ капиталовъ, служите имъ настоящей оброчной статьей.

Судьба въ этотъ вечеръ, казалось, умышленно напоминала Виктору на каждомъ шагу его общественное паденье.

— Что жь дѣлать!—вымолвилъ онъ съ такой улыбкой, какъ будто былъ еще въ самомъ дѣлѣ независимымъ обладателемъ отцовскихъ капиталовъ.

— Да то, если позволите подать вамъ дружескій совѣтъ, чтобъ поступать съ нѣкоторой осмотрительностію и принимать хладнокровнѣе восторги и поощренія, расточаемыя на счетъ вашихъ кармановъ. Самъ я въ этомъ отношеніи гораздо глупѣе поученья, которое вамъ читаю; но по методѣ лучшихъ поучителей говорю вамъ отъ искренняго сердца: faites comme je dis et non comme je fais.

Эта бесѣда происходила въ собраніи, куда стекается мальгама общества, гдѣ въ гражданственномъ и въ нравственномъ и во всякомъ отношеніи первые и послѣдніе поставлены на одну доску, гдѣ подъ нахлобученнымъ капишономъ и черной маской скрывается всякая всячина.

— Здравствуй, Монтекристо!—прервала собесѣдника Виктора подошедшая къ нему капуцинка.

— Ты знаешь меня?

— Знаю. Но не здѣсь началось наше первое знакомство.

— Гдѣ жь именно?

Digitized by Google

— Далеко отсюда, подъ жгучимъ небомъ Африки, въ пескахъ Сахары.

— Лжешь.

— Я докажу тебѣ, что говорю правду.

— Какимъ образомъ?

— Очень просто. Я сидѣла подлѣ тебя на спинѣ верблюда, на которомъ ты переплывалъ безводный океанъ степи, потомъ ѣхала рядомъ съ тобою на спинѣ осла, потомъ на спинѣ лазарона, который тащилъ тебя къ кратеру Везувія; мы отдыхали вмѣстѣ съ тобою подъ тѣнью кедровъ Ливана, блуждали вмѣстѣ по прихоти волнъ между двухъ безднъ воды и неба, по тропинкѣ, проложенной героемъ новаго свѣта. Вѣришь ли теперь тому, что я знаю тебя?

— Нѣтъ, не вѣрю.

— Не говори мнѣ грубостей, или я вынуждена буду привести тебѣ на память такія эпохи....—Она остановилась, какъ будто не рѣшаясь поразить его.

Маска уже начинала интересовать своихъ собесѣдниковъ; но въ эту минуту подошелъ къ ней какой-то сердитый господинъ.

— Помилуй, матушка, пора опомниться, ужь второй часъ ночи, — сказалъ онъ, потянувъ ее за рукавъ довольно неосторожно, и домино, влекомое силою, исчезло въ толпѣ.

— Это удивительно,—сказалъ такъ называемый Монтекристо, обращая рѣчь къ Виктору,—какую отъ долговременнаго опыта глазъ мой пріобрѣлъ вѣрность взгляда на характеристику нѣкоторыхъ маскарадныхъ личностей.

— Къ которой же изъ нихъ принадлежитъ особа, только что говорившая съ нами?

— Къ разряду, который, по моему мнѣнію, есть самый пошлый изъ всѣхъ. Это не простодушное дитя венеціанскаго карнавала, которое рѣзвится, хохочетъ и безумствуетъ изъ одного удовольствія рѣзвиться, безумствовать и хохотать. Это не парижанка вѣчно влюбленная, вѣчно интригующая, которая, увлекаясь сегодняшнею *страстію*, проводитъ подъ маскою за носъ *двѣ* вчерашнихъ. Это какая-то жалкая каррикатура, какая-то ходячая претензія. Это какая-нибудь почтенная семья-

Digitized by Google

нинка, жена какого-нибудь труженика, которой надоѣла воркотня мужа и пискъ ребятишекъ, которая за неимѣньемъ порядочнаго платья и достаточныхъ средствъ, надѣваетъ на голову черный колпакъ и отправляется подышать свободнымъ воздухомъ въ освѣщенную залу, гдѣ ей предоставлено право равенства съ міромъ, съ которымъ она не имѣетъ ничего общаго и на который она смотритъ сквозь закопченное оконце своей квартирки. Здѣсь ее возбуждаетъ непривычная атмосфера, въ ней развертывается какая-то прыть, и она потѣшаетъ себя, разыгрывая старую комедію «Калифъ на часъ», по подготовкѣ нѣкоторыхъ прочитанныхъ въ романахъ маскарадныхъ сценъ, нѣкоторыхъ кой-гдѣ собранныхъ свѣденій.

— Это хоть грустно, однако, можетъ быть, справедливо, — сказалъ Викторъ.

— Справедливо какъ нельзя болѣе, вѣрьте мнѣ. Слоняясь много по свѣту, я приглядѣлся ко всему.

— Вы много путешествовали?—спросилъ Викторъ.

— Безконечно много. Возможность двигаться, то-есть перемѣнять мѣсто, есть одна изъ величайшихъ привиллегій животнаго надъ растеньемъ.

— Да,—сказалъ вздохнувъ Викторъ,—и я имѣлъ намѣреніе объѣхать Европу.

— И что-жь?

— Смерть отца и нѣкоторыя другія обстоятельства удержали меня.

— Что отложено, то не погибло; вы исполните ваше намѣреніе нѣсколько позднѣе.

— Теперь не думаю.

— Напрасно.

Викторъ вздохнулъ опять. Это было еще тяжкое напоминаніе горькихъ обстоятельствъ.

— Я на этотъ счетъ престранно созданъ, — заговорилъ опять новый знакомецъ его, котораго и мы назовемъ Монтекристо: — мнѣ кажется, что человѣкъ, получивъ однажды въ даръ жизнь, а въ жилище земной [illegible] нѣкоторымъ образомъ обязанъ, какъ добрый хозяинъ

своей планеты, обозрѣть собственными глазами хотя разъ въ жизни это обширное и великолѣпное жилище. Конечно, есть люди, способные изъ темной кельи бросать вдохновенный взглядъ на весь міръ, взлетать воображеніемъ за облака; но я не могу, не въ силахъ отрѣшать духъ отъ плоти; эту бренную плоть несу я всюду за собою.

Предавался по видимому любимой мысли, этотъ господинъ сталъ развертывать передъ юношей плѣнительныя картины; какъ будто волшебнымъ жезломъ подымая завѣсу, онъ показывалъ ему дивную панораму. Всѣ климаты, отъ сіяющихъ опалами снѣговыхъ глыбъ полярныхъ, до могучей тропической растительности, проходили постепенно передъ очарованнымъ взоромъ Виктора; всѣ оттѣнки развитія гражданскаго, и дикія, поэтически-плѣнительныя, сцены природы, оживотворялись мастерскимъ его краснорѣчіемъ, опутывая Виктора сѣтями соблазна и терзая мученіями Тантала.

Вернувшись домой, бѣдный молодой человѣкъ понялъ, что самъ онъ былъ отнынѣ нѣчто въ родѣ капуцинки, о которой говорилъ новый знакомецъ его, что былъ онъ изгнанникомъ, паріемъ того самаго круга людей, въ который вошелъ было такъ блистательно. Чтобы посѣщать эти торжища свѣта и принимать въ нихъ участіе, слѣдовало дѣду его Прокофію Трофимовичу не проигрывать процесса Медвѣдевой.

Послѣ этого горькаго сознанія, нѣсколько дней сряду Викторъ не выходилъ изъ дому, терзаясь гордою тоской, отъ которой вдругъ видимо перемѣнился и пожелтѣлъ, отъ которой, по сочувствію, худѣла и желтѣла мать его Настасья Прокофьевна. Но взволнованная желчь, которая имѣла выходъ въ истерическихъ рыданіяхъ Настасьи Прокофьевны, била Виктору въ голову, вызывая бредъ и проклятія.

— Что жь это за злобная шутка судьбы разыгралась со мною? — спросилъ онъ самъ себя, какъ будто вызывая судьбу на единоборство. — Судьба! непонятное слово! безсмысленный миѳъ, который однако жь имѣетъ власть сѣять въ толпѣ людей уродства и немощи, нищету и язвы, имѣетъ власть клеймить печатью отверженія, крушить и ков-

Digitized by Google

кать по произволу свои жертвы, въ томъ великодушномъ предположеніи, что за нимъ идетъ общая цѣлительница всѣхъ недуговъ—могила!.. А между тѣмъ дѣлай что хочешь или терпи,—продолжалъ говорить самъ съ собою Викторъ,—терпи! прекрасное слово! Носи на плечахъ ношу, которая давитъ безпрерывно и вдавитъ въ землю!... Но почему жь не терпѣть въ самомъ дѣлѣ? много ли человѣку надо? Поселись онъ въ безлюдной пустынѣ, тамъ горсть финиковъ и лазурный сводъ неба—чего жь больше? Тамъ нѣтъ ни соревнованія—полезной добродѣтели, ни зависти — смертнаго грѣха!... Гдѣ-жь, однако жь, выходъ изъ моего страшнаго положенія? Вѣдь на этомъ вопросѣ можно помѣшаться!—воскликнулъ въ отчаяніи юноша.—Но что жь за бѣда!—прибавилъ онъ съ горькою улыбкой,—всѣ люди болѣе или менѣе помѣшаны, всѣ до одного, съ тою только разницею, что бо́льшая часть изъ нихъ имѣетъ утѣшеніе не понимать своего состоянія, тогда какъ я, съ своей способностію отдавать себѣ отчетъ въ каждомъ движеніи души, имѣю надъ ними привиллегію сознавать всю свою ничтожность!.. О, будь проклята эта мучительная способность ловить за хвостъ каждую мимолетную мысль, каждое скользящее впечатлѣніе, преслѣдовать ихъ отъ истока до впаденія въ вѣчность, углубляться съ ними въ бездонныя пропасти и выносить изъ нихъ всякой хламъ!... Бѣдный философъ! Если бы, по крайней мѣрѣ, могъ я пропитать себя насквозь демонской гордостью обитателя пустой бочки!... Но рубище потеряло уже свою поэзію, оно издаетъ смрадъ и внушаетъ одно отвращеніе!...

Подобные монологи естественно доводятъ до болѣзненнаго состоянія. Нѣдра Виктора пылали, а лихорадочная дрожь леденила его члены. Выбившись изъ силъ, онъ впадалъ въ тяжелую дремоту; но сонъ не былъ для него успокоеніемъ. Какъ умирающему отъ голода и жажды снятся вкусныя яства и прозрачные ручьи, ему грезились великолѣпныя видѣнія, чертоги, озаренные розовой мглою, увѣшанные богатыми тканями; онъ ступалъ по мягкостланнымъ коврамъ, утопалъ въ зыбко-волнистыхъ постеляхъ, его нѣжили и жгли воздушно-прекрасные призраки.

Digitized by Google

Но вдругъ, посреди этого волшебнаго бреда, проявлялось самосознаніе, и отвратительная существенность, какъ упрекъ совѣсти, внезапно будила его. Онъ просыпался какъ преступникъ, облитый холоднымъ потомъ.

Съ восходомъ солнца чувства нѣсколько успокоились; но мысль продолжала тревожить его. Въ сотый разъ перечитывалъ онъ на память весь ходъ проигранной тяжбы, и готовъ былъ, казалось, преслѣдовать этотъ призракъ въ третьемъ поколѣніи, желалъ, по примѣру дѣда и матери, заблуждаться цѣлую жизнь, лишь бы не знать страшной истины.

— Какъ и чѣмъ возвратить эту потерю?—восклицалъ мысленно Викторъ.—Въ три ставки, въ нѣсколько секундъ добиться того, чего такъ напрасно добивался цѣлую жизнь старикъ дѣдъ мой!....

И въ его воображеніи зеленѣло поле ломбернаго стола съ текущими по немъ потоками золота; но колоды картъ незамѣтно уступали мѣсто билетамъ на Варшавскую лотерею; эти посдѣдніе смѣнялись строемъ невѣстъ, несущихъ за собою кипы банковыхъ билетовъ; даже водевильные дяди, возвращающіеся изъ Индіи, для завѣщанія вѣковыхъ трудовъ своихъ какому-нибудь тунеядцу племяннику, дразнили его воображеніе.

Истощивъ нравственныя силы въ этомъ безплодномъ творчествѣ, Викторъ вдругъ почувствовалъ необходимость вздохнуть свѣжимъ воздухомъ, или броситься въ омутъ, или угорѣть въ чаду.

Выбѣжавъ на улицу, онъ вскочилъ на перваго извощика, и крикнулъ: пошелъ! Ему хотѣлось летѣть самъ не зная куда.

Онъ пожиралъ глазами блескъ расположенныхъ выставками по обѣимъ сторонамъ улицы магазиновъ; алчные взоры его, то липли къ фасаду вельможнаго дворца, то влеклись по слѣду богатаго экипажа, то какъ будто щупали карманы дороднаго съ довольной физіономіей пѣшехода, то впивались въ изящно орамленную красоту.

Эта голодная лихорадка возбудила до изступленія щедушный организмъ его. Онъ надѣлалъ въ этотъ день столь-

Digitized by Google

ко безразсудствъ, на сколько хватило времени и силъ. Былъ вездѣ, гдѣ только можно было быть, и привезъ домой, по крайней мѣрѣ, на столько изнеможенія, что, бросившись въ постель, тотчасъ же заснулъ крѣпкимъ сномъ.

На слѣдующее утро его разбудилъ сторожъ департамента съ требованіемъ къ должности, о которой не привыкъ еще заботиться Викторъ. Это требованіе, при самомъ пробужденіи, не было такого свойства, которое могло бы пролить цѣлебный бальзамъ на его раны.

Тяжело вздохнулъ молодой Людвиновъ, и Богъ знаетъ какой ропотъ поднялся снова въ тревожной душѣ его; но вдругъ раздавшійся бѣшеный звукъ колокольчика у его двери, порвалъ проволоку и мысль Виктора, и заставилъ его невольно содрогнуться.

VII.

Викторъ взглянулъ съ изумленіемъ на вошедшаго.

Это былъ вчерашній Монтекристо.

— Я къ вамъ съ вопросомъ,—сказалъ онъ.

— Съ какимъ именно?

— Съ такимъ.... Однако жь, скажите мнѣ, сдѣлайте одолженіе, почему живете вы такъ высоко? — прибавилъ онъ озираясь.

— Въ этомъ-то состоитъ вопросъ?

— О, нѣтъ, совсѣмъ не въ томъ.

— А въ чемъ же?—спросилъ Викторъ довольно сухо.

— Въ чемъ? да въ томъ, что я желаю знать, въ самомъ ли дѣлѣ вы намѣрены ѣхать въ чужіе краи?

— Но ѣду я или не ѣду, какимъ образомъ это можетъ быть для васъ интересно?

— Такимъ образомъ, что мнѣ вздумалось пригласить васъ ѣхать съ собою.

— Что это значитъ?

Digitized by Google

— Очень просто: вы знаете, что я никогда не сижу на одномъ мѣстѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ, но можетъ быть не знаете, что я никогда не пускаюсь въ путь одинъ.

— Что жь изъ этого слѣдуетъ?

— То, что вы должны ѣхать со мною.

— Я не понимаю.

— Тутъ однако жь нѣтъ ничего непонятнаго. Впрочемъ, понимаете ли вы, или не понимаете—это все равно. Дѣло въ томъ, что я очень хорошо понимаю ваше положеніе и готовъ взять на себя всѣ путевыя заботы. Вы можете быть совершенно покойны и положиться во всемъ на меня.

Викторъ смутился. Ему случалось уже слышать нѣкоторыя анекдотическія повѣствованія о странностяхъ этого человѣка, о его замѣчательныхъ путешествіяхъ, о знакомствѣ съ цѣлымъ міромъ, и о томъ, что онъ живетъ въ полное удовольствіе средствами, которыя впрочемъ оставались для всѣхъ задачей. Этотъ фантастическій нѣкоторымъ образомъ гость, съ такимъ необыкновеннымъ предложеніемъ, въ такую тяжкую минуту жизни Виктора, показался ему демономъ искусителемъ.

— Ну что жь, согласны ли вы поручить свою неопытность моему опытному руководству въ дорогѣ? Божусь, что вы не на каждомъ шагу встрѣтите дароваго чичероне.

— Такое предложеніе слишкомъ выгодно. Не желать воспользоваться имъ невозможно. Однако жь какимъ же образомъ....

Викторъ покраснѣлъ и не договорилъ своей мысли.

— Какимъ образомъ,—думалъ онъ,—изъ какихъ благъ навязываетъ онъ мнѣ свои услуги и предлагаетъ ѣхать на его счетъ? Это, право, что-то невѣроятно. Однако жь, Боже мой! не судьба ли разсѣкаетъ Гордіевъ узелъ!

И пасмурное лицо его прояснилось.

— Такъ стало быть по рукамъ,—поспѣшилъ сказать посланникъ судьбы, читая согласіе въ глазахъ Виктора.

— Право, не знаю; право, я не ожидалъ, я даже не думалъ,—несвязно проговорилъ Викторъ.

Digitized by Google

— Что жь тутъ думать: я не предлагаю вамъ ничего новаго; вы намѣрены были ѣхать одни, а теперь поѣдете вдвоемъ, что впрочемъ не сдѣлаетъ вамъ никакой разницы, потому что я человѣкъ самый уживчивый и самый спокойный. Я могу болтать безъ умолку, если хотятъ меня слушать; могу молчать какъ чемоданъ, если таково расположеніе моего спутника. Спутникъ такъ необходимъ для моего счастія въ дорогѣ, что становится для меня кумиромъ, и я готовъ для него на всѣ жертвы.

— Но не будетъ ли это слишкомъ великодушно въ отношеніи того, кто не можетъ.... не въ силахъ.... не въ состояніи съ своей стороны дать никакого возмездія,—выговорилъ Викторъ, сдѣлавши насиліе своему самолюбію.

— Униженіе паче гордости; къ чему фразировать и чиниться; со мной это пропащій трудъ. Объясню вамъ просто за просто, безъ обиняковъ, почему ваше товарищество мнѣ полезно. Видите ли: бѣсъ странствія обладаетъ мною съ давнихъ поръ. Привычка безпрерывнаго кочеванья такъ во мнѣ закоренѣла, что я умеръ бы сидя на мѣстѣ. Но вѣчно скитаясь по чужбинѣ, я такъ пламенно люблю свою родину, что въ разлукѣ съ нею долженъ, по крайней мѣрѣ, не разлучаться съ кѣмъ-нибудь изъ моихъ соотечественниковъ. Это что называется и «дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ». Вы оцѣните истину моихъ словъ на собственномъ опытѣ. Вы поймете, что значитъ впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ не слышать роднаго слова. Повѣрьте мнѣ, что, поголодавъ такимъ образомъ, вы останетесь благодарны первому встрѣчному, который назоветъ васъ по-русски осломъ.

Викторъ простодушно улыбнулся.

— Слѣдовательно по рукамъ?—Эти слова были сказаны такъ рѣшительно, что Викторъ подалъ невольно руку.

— Но съ уговоромъ, — прибавилъ вѣчный странникъ,— [illegible] не медлить по пустому, съ первымъ же пароходомъ все должно быть готово. У меня ужь, видите ли, такая натура, [illegible] я не умѣю.

— Едва ли это возможно: я еще не имѣю ни отпуска,

Digitized by Google

ни паспорта, — проговорилъ еще не пришедшій въ себя отъ изумленія Викторъ.

— Тѣмъ лучше.

— Какъ это?

— Тѣмъ лучше, разумѣется; потому что вмѣстѣ съ своимъ вы похлопочете и объ моемъ.

— Мнѣ также необходимо сдѣлать нѣкоторыя покупки.

— И безподобно. Я поручу вамъ закупить кой-что и для меня.

— Но на все это необходимо время,—сказалъ Викторъ,— и деньги,—хотѣлъ прибавить онъ, ожидая, что гость его вынетъ свой бумажникъ; но гость не думалъ о бумажникѣ, и Викторъ не рѣшился ему напомнить.

— Время! Нѣтъ ужь времени тратить по пустому я не позволю; время драгоцѣннѣйшій изъ всѣхъ капиталовъ; все прочее дѣло наживное: здѣсь потеряешь, тамъ найдешь, а время, о!... ни одинъ потерянный часъ не возвращается никогда!

Но дѣло-то *наживное* пуще всего и безпокоило Виктора; однако же объ немъ не заикнулся обладатель невѣдомыхъ сокровищъ.

— Можетъ быть потому,—подумалъ Викторъ,—что денежные люди не понимаютъ возможности нуждаться въ нѣсколькихъ сотняхъ рублей.

— Такъ уговоръ лучше денегъ, — сказалъ, какъ будто подслушавъ мысль его, неожиданный благодѣтель,—не мѣшкайте, поворачивайтесь живѣе, собирайте свою амуницію, — прибавилъ онъ, протянувъ руку, и съ этимъ словомъ кивнулъ ему головою и сказалъ ужь за дверями: до свиданія!

Съ нѣкотораго времени самолюбіе Виктора стало всѣмъ затрогиваться, раздражаться отъ всякаго вздора. Оставшись одинъ, онъ почувствовалъ, что одолжается слишкомъ немаловажнымъ пожертвованіемъ, и ѣхать, какъ вообразилъ онъ, на чужой счетъ, показалось ему совершенно недостойно.

— Я ѣду на его счетъ, но на какомъ же счету?—сдѣлалъ запросъ самъ себѣ Викторъ,— на положеніи забавника, отвода скуки? Не такъ ли?

Digitized by Google

Въ порывѣ рыцарскаго раскаянія, онъ бросился къ столу и началъ писать извинительную записку; но не могъ придумать ни довольно складнаго, ни довольно уважительнаго извиненія. Бросивъ съ досадою перо, онъ вскочилъ съ мѣста.

— Каково положеніе! — продолжалъ Викторъ, быстро шагая по комнатѣ.—Мнѣ предлагаютъ роль дорожнаго прислужника, и я съ восторгомъ принимаю это позорное предложенье.... и отъ кого? кто онъ такой? Не даромъ всѣ въ недоумѣніи, откуда берутся золотые источники, съ которыми онъ разъѣзжаетъ по земному шару. Кто онъ? колдунъ, алхимикъ или воръ? Каково же быть сообщникомъ подобныхъ художниковъ!... О, почтенный дѣдъ мой, Прокофій Трофимовичъ! Старикъ, старикъ, что сдѣлалъ ты со мною!

Викторъ запустилъ пальцы свои въ золотыя кудри, и, казалось, готовъ былъ рвать на себѣ волосы.

Когда припадокъ бѣсованія окончился и Викторъ снова присѣлъ къ столу, то, вмѣсто предполагаемой извинительной записки, онъ написалъ прошеніе объ отставкѣ и отпускѣ за границу.

Послѣ этого подвига, какъ будто камень отвалилъ отъ сердца нашего героя; совѣстливость его умолкла, молодость взяла свое, мысль о предполагаемой поѣздкѣ разсѣяла мракъ прочихъ мыслей, и онъ весело началъ готовиться въ дорогу. Началъ, какъ слѣдуетъ, съ того, что заказалъ себѣ кучу разнаго дорожнаго платья, накупилъ кучу разныхъ дорожныхъ принадлежностей. Тьму свитковъ и свертковъ натащили отвсюду въ его квартиру.

— Браво! сборы въ дорогу! да это что жь такое?—спросилъ Виктора спутникъ его, явившись къ нему чрезъ нѣсколько дней.

— Необходимыя дорожныя вещи.

— Ого! это что за ящикъ?

— Дорожные пистолеты.

— А это?

— Карманные пистолеты.

— Значитъ цѣлый арсеналъ! А это?

Digitized by Google

— Охотничье ружье.

— И охотничье ружье! Когда жь и гдѣ располагаете вы заниматься полеваньемъ? Стрѣлять дичь съ паровоза? Ну, а это что за сундукъ?

— Это мой дорожный necessaire, въ немъ все, что только придумать можно для дороги.

— Особливо когда на днѣ положится побольше адресовъ на иностранныхъ банкировъ,—замѣтилъ опытный путешественникъ.

Не смотря на то, что это замѣчаніе пощекотало самолюбіе Виктора, онъ придвинулъ къ себѣ огромную шкатулку и съ какимъ-то ребячествомъ началъ раскладывать разныя вещи и вещицы. Вынимая ихъ, онъ отстегивалъ крючки, давилъ пружины, открывалъ крышечки, выдвигалъ ящички; но вниманіе зрителя обратилось на принесенный отъ ближняго ресторана обѣдъ, который слуга поставилъ по обычаю на подносѣ.

— Не правдали, какъ это удобно?—говорилъ свое Людвиновъ, не замѣчая, что ломалъ и царапалъ руки, разбирая тайны Лиллипутовъ.

— Удобно, что́ и говорить, и въ особенности полезно,—сказалъ безъ церемоніи гость, подсѣвъ къ подносу.

— Вотъ краски и карандаши, продолжалъ Викторъ, вынимая изъ-подъ ящика съ патентованными бритвами, ящикъ рисовальнаго прибора.

— Вы и рисуете?—спросилъ, работая челюстью, собесѣдникъ; но въ торопяхъ поперхнулся и потребовалъ промочить горло:—les mechants sont les buveurs d'eau,—сказалъ онъ, взглянувъ презрительно на графинъ невской воды.

— Нѣтъ, не рисую,—отвѣчалъ, распорядившись къ его удовлетворенію, Людвиновъ.—Но я намѣренъ пріобрѣсти коллекцію рисунковъ нѣкоторыхъ италіанскихъ художниковъ.

— О, на этотъ счетъ вы можете положиться на меня. Я живу, что́ называется, душа въ душу со всѣми европейскими знаменитостями по художественной части. А какой родъ живописи предпочитаете вы?

Digitized by Google

— Я люблю пейзажъ и желалъ бы имѣть для воспоминанья нѣсколько порядочныхъ видовъ Средиземнаго моря и береговъ Рейна.

— Ну ужь, по моему мнѣнію, это сущій вздоръ. Повѣрьте бывалому человѣку, что нѣсколько какихъ бы то ни было видовъ не воплотятъ передъ вами ни одного живаго воспоминанія. Для воспоминанія слѣдуетъ поступать по моему, то-есть ѣхать смотрѣть эти виды снова и снова, и смотрѣть ихъ не въ картинѣ, стиснутой въ рамѣ, а тогда, когда отражаются они въ глазахъ возлюбленной, кочующей вмѣстѣ съ вами.

— Это прекрасно,—сказалъ улыбаясь Викторъ,—но въ моей дорожной шкатулкѣ нѣтъ запасной возлюбленной.

— Эти вещи пріобрѣтаются на пути также, какъ и все остальное,—сказалъ товарищъ предпринимаемаго путешествія, осушивъ стаканъ вина, которое, благодаря петербургской индустріи, тотчасъ же явилось на столъ, изъ преисподняго погреба, находящагося тутъ же подъ домомъ.—И въ этомъ случаѣ,—продолжалъ онъ,—совѣтую вамъ положиться на меня. Во всѣхъ закоулкахъ міра у меня разсѣяны восхитительныя знакомства, и сколько дивныхъ, живыхъ поэмъ могу я разсказать вамъ въ этомъ неподражаемомъ родѣ. О, да какія неизмѣримо глубокія природы случалось мнѣ встрѣчать между этими созданіями; какую младенческую чистоту, какое простодушіе!...

— Я этому какъ нельзя болѣе расположенъ вѣрить,— сказалъ восторженно Викторъ.

— Во время безконечныхъ моихъ странствій, чего не случалось мнѣ переносить на плечахъ своихъ,—продолжалъ восторгаясь странствователь, — въ какихъ положеніяхъ не удавалось мнѣ быть! Мнѣ случалось на пути моемъ сходиться со [illegible] лицами, касаться такихъ струнъ человѣческаго сердца, которыхъ, можетъ быть, не касался никто на свѣтѣ! увѣряю васъ!

— Да, — подтвердилъ Викторъ, — въ нашей холодной, [illegible]танной и размѣренной жизни все такъ пóшло, такъ на-

Digitized by Google

изусть вытвержено, что по невол'Ѣ вянешь, черствѣешь и коснѣешь посреди общаго увяданья, коснѣнья и очерствѣнья!

— О, блаженны, сто кратъ блаженны эти минувшіе часы беззаботной жизни, часы легкаго разгула, который свѣжитъ душу и тѣло и возрождаетъ къ новымъ подвигамъ и наслажденіямъ. Кто испыталъ подобныя мгновенія, тотъ уже не заплѣснѣетъ въ стоячемъ болотѣ однообразной жизни, тотъ уже не въ силахъ будетъ просыпаться ежедневно подъ однимъ и тѣмъ же потолкомъ, выходить въ одинъ и тотъ же урочный часъ изъ дому, видѣть однѣ и тѣ же лица, слышать однѣ и тѣ же пошлости!...

— Это все справедливо, и безподобно, и увлекательно, однако жь не всякому даны достаточныя средства на то, чтобы удовлетворять подобные порывы души и потрѣбности сердца,—проговорилъ Викторъ, сочувствуя своему положенію.

— Достаточныя средства! Позвольте васъ спросить, что такое средства? Это, по истинѣ, пустой звукъ въ отношеніи того, кто одаренъ твердою волею и рѣшительностью быть такъ, а неиначе, существовать для того, чтобъ жить, а не жить для какого-нибудь нелѣпаго существованія. Я скажу вамъ про себя. Какъ вы думаете, почему я почитаю себя самымъ независимымъ человѣкомъ въ мірѣ?

— Потому, вѣроятно, что вы имѣете достаточныя средства для удовлетворенія всѣхъ вашихъ потребностей.

— Ни сколько! ни мало!

— Ну потому, что все-таки вы имѣете достаточныя средства на удовлетвореніе вашихъ главныхъ необходимыхъ потребностей.

— Вовсе не потому, и не потому.

— Потому, наконецъ, что ваши потребности соразмѣрны вашимъ средствамъ и никакъ не превосходятъ ихъ.

— Вы находитесь за милліонъ миль отъ истины. Я почитаю себя человѣкомъ самымъ независимымъ потому именно, что у меня нѣтъ ровно ничего.

— Извините, я не понимаю васъ.

— Не имѣвши никогда и не имѣя теперь никакихъ средствъ, я имѣлъ всегда и теперь имѣю возможность суще-

Digitized by Google

ствовать соотвѣтственно моимъ склонностямъ и вкусамъ, не бывъ при томъ способенъ ни къ какой прибыльной дѣятельности, ни къ какому шарлатанству, и, разумѣется само собою, ни къ чему недостойному благороднаго человѣка.

Викторъ весь обратился въ слухъ. Этотъ разговоръ былъ во всѣхъ отношеніяхъ для него интересенъ и поучителенъ.

— Я очень доволенъ, — сказалъ, позавтракавъ наконецъ обѣдомъ Виктора, великій знатокъ жить безъ средствъ. — Я какъ нельзя болѣе доволенъ тѣмъ, что разговоръ нашъ принялъ этотъ оборотъ. Я бы даже не рѣшился пуститься съ вами въ путь, не давъ вамъ на чистоту объясненія своихъ обстоятельствъ, и почитаю себя обязаннымъ сказать вамъ, что, сопутствуя вамъ, я завербовываю себя вамъ на службу. Вы, какъ извѣстно мнѣ и многимъ знающимъ васъ, молодой человѣкъ съ обезпеченнымъ состояніемъ и безъ, всякаго сомнѣнія, съ необезпеченною опытностію въ дорогѣ. Я предлагаю вамъ себя въ арендаторы нашего общаго путешествія. Ту сумму, которую вы намѣрены были ассигновать на эту поѣздку, съ моимъ знаніемъ дѣла, я берусь распредѣлить такъ, что этой суммой не только удвоятся, но даже утроятся польза, удобство и пріятность нашего пути. Всѣ эти выгоды, какъ вы сами видите, находятся чисто на вашей сторонѣ; а доставляя вамъ ихъ, я пользуюсь ими наравнѣ съ вами и круговою порукою разыгрываю взаимную обязательность на квитъ.

Можно себѣ представить, что долженъ былъ чувствовать Викторъ, выслушивая это объясненіе. Голова его пошла кругомъ. Ему казалось, что онъ бредитъ на яву, — что самъ сатана, олицетворивъ передъ нимъ гиперболическій образъ Монтекристо, доказываетъ ему, что деньги есть ничто иное, какъ звучащіе круглые нули, что они слѣдовательно ровно ничего.

Долго еще слушалъ онъ молча и не вѣря ушамъ своимъ, и когда, наговорившись до сыта, загадочное лицо вышло изъ комнаты, и когда захлопнулась за нимъ дверь и мало по малу изсякъ гулъ шаговъ его, Викторъ бросился на кровать и разразился болѣзненнымъ, горькимъ смѣхомъ надъ самимъ собою.

Digitized by Google

Теперь уже время сказать читателю, что утро, въ которое проснулся Викторъ въ началѣ этого разсказа, было именно слѣдующее за этимъ глупосмѣшнымъ обстоятельствомъ, объясняющимъ въ полной мѣрѣ непріятное ощущеніе юноши при его пробужденіи.

Онъ уже занесъ ногу на готовый отчалить пароходъ; но, говоря иносказательно, промахнулся и упалъ въ пучину.

Отъ этого сознанія бѣдный молодой человѣкъ изнемогъ. Молча отдавалъ онъ себя въ снѣдь своей мукѣ, и сосредоточенное въ душѣ безмолвное его страданіе было похоже на смиреніе предъ судьбою.

— Что жь мнѣ съ собой дѣлать? — спросилъ онъ наконецъ самъ себя такъ спокойно, какъ будто бы вопросъ его касался постороннаго человѣка.

— Куда мнѣ дѣвать себя?... Я хотѣлъ бы бѣжать отсюда; но куда жь бѣжать? Великъ кажется міръ, а въ цѣломъ мірѣ нѣтъ для меня мѣста!.. Нелѣпое положеніе! Не угодно ли кому-нибудь сдѣлать мнѣ милость объяснить, какое лицо представляю я теперь на земной поверхности? что́ я такое? человѣкъ, которому тѣсно и душно, и больше ничего.... Умъ мой развитъ, обогащенъ знаніями; но гдѣ жь исходъ этой переполняющей мою голову пищѣ? Чувства мои также развиты, также обогащены знаніями: зрѣніе свыклось съ изящными линіями, слухъ сроднился съ гармоническими звуками, обоняніе изнѣжено, вкусъ доведенъ до крайней утонченности, осязательность требуетъ англійскихъ ресоръ, весь я требую простора, а вмѣсто того заживо похороненъ въ тѣсной могилѣ!... Каждый идущій мимо меня имѣетъ право сказать: онъ молодъ и силенъ, онъ обладаетъ способностями и можетъ трудиться.... А я вправѣ отвѣчать этому каждому, что силы и способности мои чрезмѣрны, что эта самая крайность дѣлаетъ меня ни къ чему неспособнымъ. Руки мои слишкомъ долги, аппетиты слишкомъ велики, умъ слишкомъ ясновидящъ, требовательность слишкомъ неограниченна. Какимъ образомъ и для чего вырабатываются въ мірѣ подобные мнѣ уроды?.... Возможно ли представить себѣ невмѣстимую разуму мысль, что когда-нибудь всѣ вырастутъ такими же колоссами, и до-

Digitized by Google

станетъ ли тогда для вмѣщенія ихъ на землѣ мѣста!... О, Боже, Боже! куда укрыться мнѣ отъ собственнаго приговора, какъ отвязаться отъ этой проклятой головы!—вскрикнулъ въ заключеніе Викторъ, сдѣлавъ надъ собою усиліе, чтобъ удержать мысль неподвижной, и самъ протянулся и окаменѣлъ какъ мертвецъ.

Пролежавъ такимъ образомъ до поздняго утра, Викторъ всталъ, и переполняющая сердце его горечь добавилась еще такою же мѣрою горечи, которая хлынула на него изъ полученнаго отъ матери письма:

«Милый Витя,—писала Настасья Прокофьевна,—драгоцѣнное дитя моего сердца! потеря нашего состоянія, это страшное горе, постигшее насъ, можно только сравнить съ громомъ небеснымъ, который разразится вдругъ надъ головою человѣка и убьетъ его; но и самая смерть въ сравненіи съ тѣмъ терзаніемъ, которое гложетъ мою материнскую къ тебѣ нѣжность, ничто. Отцу твоему покойно теперь лежать въ могилѣ, а я проливаю горьчайшія слезы, и твое несчастное положеніе не выходитъ у меня изъ головы. Дохода съ нашего имѣнія не предстоитъ никакого. Меня окружаетъ нищета, и въ дополненіе ко всему этому, разныя неудовольствія. Сосѣдъ нашъ Петръ Петровичъ Чапаринъ, одинъ изъ первыхъ богачей нашей губерніи, наноситъ мнѣ оскорбленія; сынъ его, невѣжа и сорванецъ обижаетъ нашихъ крестьянъ, топчетъ своими собаками нивы наши, и не удостоивая меня посѣщенія или письменнаго отзыва, присылаетъ мнѣ разныя грубыя объясненія чрезъ слугу. Отецъ и матушка, благодаря Бога, здоровы. Молю только моего Создателя о томъ, чтобы не дожить до тяжкой минуты, когда буду вынуждена отказать имъ въ единственной деревенской роскоши—ежедневной чашкѣ чаю. Да будетъ надъ тобою, драгоцѣнное дитя моего сердца, мое благословеніе, которое да поможетъ тебѣ мужественно перенести твои бѣдствія; они, какъ острые ножи, язвятъ мнѣ грудь.

Несчастная мать и другъ твой Настасья Людвинова.»

Digitized by Google

Прочитавъ это письмо, Викторъ содрогнулся. Тяжкое положеніе родныхъ его представилось ему во всемъ ужасѣ, и больное его воображеніе начало творить ему сны, которые не приснятся ни одному Обломову.

Но не станемъ покуда вскрывать черепъ юнаго страдальца и заглядывать въ хаотическій безпорядокъ его мыслей, скажемъ только, что изъ этого хаоса неожиданно возникла здравая мысль ѣхать въ деревню и привести имѣніе и семейныя дѣла въ какое-нибудь устройство.

VIII.

Викторъ былъ уже, какъ говорится, на мази; ему стоило только повернуть оглобли въ другую сторону по пути хоть менѣе пріятному, но болѣе надежному и ведущему къ цѣли болѣе существенной.

Описаніе этого пути, со всѣми болѣе или менѣе съѣдобными обѣдами, болѣе или менѣе безпокойными ночлегами, было бы излишнимъ. Мы догоняемъ Виктора, въѣзжающаго въ родовую свою Людвиновку при закатѣ солнца, догарающіе лучи котораго угасали на ветхихъ кровляхъ избъ, гдѣ неожиданный пріѣздъ его произвелъ страшную тревогу.

Акулина, завидѣвъ первая молодаго барина, возвѣстила о немъ зычнымъ голосомъ, съ Настасьей Прокофьевной отъ внезапной радости сдѣлалась истерика, а старики Поляновы, подъ вліяніемъ непроизвольнаго уваженія, которое внушалъ имъ великолѣпный внукъ, выбѣжавъ къ нему на встрѣчу, сами не зная почему воздержались обнять и разцаловать его такъ, какъ бы хотѣлось.

— Ты ли это? тебя ли вижу я?—кричала всхлипывая разстроенная мать.

— Вотъ неожиданный дорогой-то гость нашъ! привелъ Богъ еще разъ видѣть! — говорила Анна Петровна, умильно глядя на внука.

Digitized by Google

— Ай-да внучекъ, ай-да молодецъ! встосковался по старикахъ своихъ, да и прикатилъ!.. Вотъ оно молодое-то дѣло! - радостно разсуждалъ Прокофій Трофимовичъ.

— Ахъ, ты мой батюшка, весь-то ты въ пыли и въ грязи! — кричала Акулина, шаркая по спинѣ Виктора щеткой и какъ бы завладѣвъ на первомъ шагу, предпочтительно передъ всѣми, дорогимъ пріѣзжимъ, который молча отдавалъ себя въ жертву общаго восторга.

— Викторъ мой, Викторъ! дитя скорби моей!—продолжала Настасья Прокофьевна съ драматической *икотой*—le hoquet dramatique, выражаясь терминомъ старой трагедіи.

— А ужь мы-то здѣсь какъ благоденствуемъ, чего только душѣ угодно, этакое приволье! — разсказывала Анна Петровна.

— Его одного только и не доставало къ полной чашѣ,— подтверждалъ Прокофій Трофимовичъ.

— Такъ вотъ и понапрасну сокрушаться-то изволили объ томъ, куда дѣвать яблочныя горы. Вотъ и послалъ Богъ гостя къ готовому запасу, —замѣчала Акулина.

Викторъ, казалось, принималъ эти радушные привѣты за иронію; но привѣтамъ, возгласамъ, поцалуямъ и истерикамъ не было конца до самаго ужина, который проворно состряпала Акулина, и по обычаю подала его въ жилище стариковъ, которое было также и трапезной родоваго замка нашего рыцаря.

— Кисельку-то овсянаго со сливочками покушай, батюшка, —говорила она, подчуя Виктора,—вѣдь здѣсь сливки не городскія: тамъ въ нихъ и не вѣсть чего подбалтываютъ.

Викторъ взялъ было въ ротъ ложку овсянаго киселька, поморщился и съ трудомъ проглотилъ, запивъ густыми сливками. За кисельком послѣдовали пшенники, творожники, биточки и тому подобныя вещи, если не въ надлежащемъ изяществѣ, такъ въ надлежащемъ количествѣ.

— И ничего кушать не изволитъ! —съ грустію замѣчала Акулина.—а ужь и безъ того всякій день приходится сносить со стола непочатыя блюда.

Digitized by Google

— Кому кушать-то ихъ у насъ, сказать правду: мы старые люди, много ли намъ надо; а Настасья Прокофьевна больной человѣкъ,—сказалъ Прокофій Трофимовичъ.

— Да что и говорить, не далъ Господь Богъ жизни нашимъ дѣтушкамъ,— со слезами на глазахъ проговорила Анна Петровна;—а Настасьѣ Прокофьевнѣ не далъ плоду. То ли бы дѣло, еслибъ теперь вокругъ насъ было потѣснѣе; было бы кому и блюдца очистить.

— Признаться сказать, этого только и недоставало!— рѣзко выговорила Настасья Прокофьевна, взглянувъ съ вящшей тоской на сына.

Викторъ улыбнулся и по привычкѣ погрузился въ размышленіе.

— Вподлинну такъ, — подтвердила незлобно старушка Полянова,—не нами сказано: многочадіе благодать Божія.

— Вподлинну такъ, — согласился и Прокофій Трофимовичъ,— чѣмъ больше семья, тѣмъ больше почтенья старымъ, тѣмъ больше молитвы къ Богу.

— Тѣмъ больше слезъ, тѣмъ больше ропота!—перебила Настасья Прокофьевна.

— Не грѣши, Настасья Прокофьевна. Вотъ онъ, повыше насъ, всему укащикъ и распорядитель, — сказалъ отецъ ея, указывая на образъ, передъ которымъ теплилась лампада.

— Не тебѣ бы тужить: не отяготили тебя дѣтки,— замѣтила ей слегка укоризненно и мать.

— Ужь такъ-то не отяготили, что и сама бы рада была не видать свѣта Божія.

— Господи мой Владыко, и какъ это у тебя языкъ поворачивается говорить такія богопротивныя вещи.

— Да еще при родномъ дѣтищѣ, при Викторѣ Андреевичѣ, съ которымъ, благослови Господи, только что свидѣлись. Не грѣши, не грѣши, сударыня моя, Настасья Прокофьевна!

(Прокофій Трофимовичъ и Анна Петровна называли дочь и внука по имени и отечеству.)

— Не грѣшнѣе ли въ тысячу разъ давать поводъ роднымъ дѣтямъ на насъ плакаться, — едва воздерживая себя, проговорила Настасья Прокофьевна.

Digitized by Google

— Право я не понимаю тебя, ты что-то больно мудрена стала, воля твоя, Настасья Прокофьевна, — сказалъ Прокофій Трофимовичъ.

— И на что жь плакаться: все слава тебѣ Господи, — сказала Анна Петровна.

Викторъ слушалъ, продолжая молчать и предвидя новый пароксизмъ истерики бѣдной матери, онъ для приличія старался какъ будто войдти во вкусъ замысловатой стряпни Акулины, принимаясь то за то, то за другое кушанье.

— Да развѣ онѣ, родной, единственный сынъ мой, не вправѣ сказать мнѣ, что я дала ему жизнь на горе? ну сродно ли ему это нищенское существованье? — И съ этимъ словомъ Настасья Прокофьевна залилась слезами.

— Finissez, maman, — сказалъ Викторъ, цалуя нѣжно руку сидѣвшей около него матери.

— Эка ты какая, хоть бы поберегла себя; а то вѣдь съ самой смерти покойника не знаетъ, что̀ такое глаза осушить, ливнемъ разливается!—съ сокрушеньемъ говорила старушка.

— Да въ богатствѣ-то что за прибыль, и развѣ не текутъ слезы сквозь золото? — увѣщавалъ Прокофій Трофимовичъ,—вотъ на глазахъ у насъ сосѣдъ зажиточный, Петръ Петровичъ, а на радость что-ли сынокъ ему выдался?

— Ужь правду сказать, что не на радость; и наружность-то какая свирѣпая,—по обычаю подтвердила Анна Петровна,—раза два случалось въ церкви видѣть: войдетъ словно отчаянный какой, и до херувимской пѣсни вонъ бѣжитъ, словно оглашенный.

— Не намъ судить его, Богъ съ нимъ, и наружность его не то чтобы свирѣпая, а такъ, видно только что дѣло пустое, вѣтеръ, — сказалъ избѣгающій злословія Прокофій Трофимовичъ.

— А усищи какіе,—замѣтила Анна Петровна.

— Что жь, усы не суть порокъ человѣку, усы вставрину и я нашивалъ; да еще помнится, какъ женился на васъ, такъ былъ въ усахъ; развѣ позабыли вы, матушка моя, Анна Петровна?

Digitized by Google

— Ужь и въ усахъ, Богъ знаетъ, что̀ выдумали. Меня и безъ усовъ-то насилу за васъ выдали; а будьте вы въ усахъ, не пошла бы ни за что на свѣтѣ,—сказала Анна Петровна, улыбнувшись и ласково глядя на своего сожителя.

— Усы молодецкой красотѣ не порча; вотъ кабы усы да военный мундиръ нашему Виктору Андреевичу, такъ бы знаешь сколько процентовъ ему прибыло.

— Безъ сомнѣнія! — вымолвила нервная Настасья Прокофьевна,—съ его нѣжнымъ сложеніемъ о военной службѣ только и думать!

— А вотъ на первыхъ порахъ попробую повоевать съ нашими сосѣдями,—сказалъ, вмѣшавшись наконецъ въ общую бесѣду, Викторъ, — продолжаются ли ихъ набѣги на наши пажити?

— Еще какъ продолжаются-то: просто безъ хлѣба оставитъ этотъ сорванецъ съ его охотой и собаками! и нѣтъ на него никакой управы! — раздражительно проговорила Настасья Прокофьевна.

— Озарникъ!—прибавила Анна Петровна.

— Я на дняхъ самъ къ нему поѣду,—сказалъ Викторъ.

— Вотъ и дѣло; да ты распорядись, какъ слѣдуетъ, по военному; у Петра Петровича дочка невѣста, такъ кстати возьми ужь и ее приступомъ.

— А хороша?—улыбнувшись спросилъ Викторъ.

— Не дурна; смугла немножко.

— А глаза-то изъ подлобья такъ и бѣгаютъ, — прибавила Анна Петровна.

— Да гдѣ-это вы ихъ видѣли?—сказала Настасья Прокофьевна.

— Гдѣ? извѣстное дѣло въ церкви Божіей. Вѣдь это ты, Господь тебя знаетъ почему, сидишь затворницей; а мы съ Прокофіемъ Трофимовичемъ не пропускаемъ праздниковъ Божіихъ, дѣло наше не молодое, покуда Царь Небесный грѣхамъ терпитъ, тутъ-то и благодарить его за великія милости.

Digitized by Google

Между тѣмъ Акулина собрала со стола; а Настасья Прокофьевна, замѣтивъ, что усталому съ дороги Виктору время успокоиться, простившись съ стариками, увела его въ свой домикъ.

Но усталый чрезъ мѣру Викторъ, подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній, чувствовалъ воспріимчивые нервы свои въ такомъ напряженіи, что даже не покушался заснуть. Онъ радъ былъ однако же остаться одинъ, и не безъ удовольствія протянулся на чистой и покойной постелѣ. Заботливая Настасья Прокофьевна, зная привычки милаго сына, умудрилась построить ему на скорую руку нѣчто въ родѣ кабинета, раскинула по столикамъ разныя туалетныя вещицы, и Викторъ, привыкшій засыпать не иначе, какъ послѣ нѣсколькихъ страницъ какого-нибудь чтенья, нашелъ подъ рукою даже книгу изъ маленькой библіотеки, завезенной матерью въ деревню, состоящей изъ нѣсколькихъ сочиненій, особенно ею уважаемыхъ.

Однако же Виктору на этотъ разъ было не до чтенья. Собственная голова его не хуже какой-угодно книги представляла ему такія компактныя страницы, что онъ едва успѣвалъ охватывать ихъ разумомъ.

— Боже мой, что это за амальгама! и какъ пріучить себя выносить такія вещи: овсяный кисель, поученья почтеннаго дѣда моего, пѣни и слезы матери, лобзанья Акулины, эти сальные огарки! — сказалъ почти громко Викторъ, снимая со свѣчи,—Боже! Боже!

— Сердце мое какъ-то особенно надрывается сегодня. Мнѣ кажется, что у меня аневризмъ. Что жь мудренаго; оно бы даже и не худо было кончить нелѣпую судьбу этимъ естественнымъ образомъ. Однако стоило ли родиться, цѣлыхъ полжизни приготовляться къ торжеству жизни для того, чтобы умереть не вкусивъ жизни!... Но развѣ нельзя назвать жизнью существованье дѣда моего Прокофія Трофимовича? и такое существованье не предоставлено ли каждому, кто слѣпленъ изъ одинаковаго съ нимъ тѣста, въ которое не подбавлено чортъ знаетъ какихъ ядовъ, разжигающихъ самолюбіе и палящихъ

Digitized by Google

адскимъ огнемъ.... Есть одно противуядіе этимъ ядамъ,—это роскошь. О, роскошь могла бы заглушить во мнѣ мои страшные порывы; она изнѣжила бы сердце, развратила бы вкусы, отуманила бы голову, истощила бы силы мои, и, выпивъ до дна всю эту чашу, я тянулъ бы подъ старость хриплымъ голосомъ:

L'Empereur de la Chi-i-i-ne,
Quant il n'a pas bû....

И Викторъ въ самомъ дѣлѣ запѣлъ въ полголоса куплетъ, которому впрочемъ не училъ его менторъ Пино. Мурлыча себѣ подъ носъ, онъ взялъ лежащую на книгѣ сигару, гильотинировалъ ее, закурилъ осторожно, чтобы не обмакнуть въ плывущее со свѣчи сало, и, затянувшись, дохнулъ ароматнымъ облакомъ дыма.

— Скоро уже истощится этотъ небольшой запасъ любимыхъ сигаръ моихъ, необходимыхъ мнѣ, какъ воздухъ, которымъ я дышу, — сказалъ онъ самъ себѣ; — когда испепелится послѣдняя изъ нихъ, я долженъ буду рѣшить судьбу мою. Къ этому роковому сроку я долженъ буду, или отыскать себѣ дѣятельность способную занять всѣ нравственныя силы мои, или влѣпить себѣ пулю въ лобъ.

Съ этимъ словомъ Викторъ машинально протянулъ руку къ переплетенному изящно тому; оказалось, что это была поэма «Мертвые Души», одна изъ любимыхъ книгъ Настасьи Прокофьевны, пламенной почитательницы автора. Разумѣется, что Викторъ читалъ уже это произведеніе, но глаза его остановились на предисловіи втораго изданія, котораго онъ не зналъ, и невольно потянулись по строкамъ:

«Кто бъ ни былъ ты, мой читатель,—началъ онъ,—на какомъ бы мѣстѣ ни стоялъ ты, въ какомъ бы званіи ни находился, почтенъ ли высшимъ чиномъ или человѣкъ простаго сословія, но если тебя вразумилъ Богъ грамотѣ и попалась уже тебѣ моя книга, я прошу тебя помочь мнѣ.»

Въ лицѣ Виктора выразилось недоумѣніе, и онъ продолжалъ пробѣгать предисловіе. Вниманіе его остановилось на слѣдующихъ строкахъ:

Digitized by Google

«Какого бы ни былъ ты самъ высокаго образованія и жизни высокой, и какою бы ничтожною ни показалась въ глазахъ твоихъ моя книга, и какимъ бы ни показалось тебѣ мелкимъ дѣломъ ее исправлять и писать на нее замѣчанія—я прошу тебя это сдѣлать.»

Это воззваніе къ читателю совершенно покорило вниманіе Виктора: оно относилось и лично къ нему. Онъ продолжалъ читать съ одушевленіемъ:

«Какъ бы, напримѣръ, хорошо было, если бы хотя одинъ изъ тѣхъ, которые богаты опытомъ и познаніемъ жизни и знаютъ кругъ тѣхъ людей, которые мною описаны, сдѣлалъ свои замѣтки сплошь на всю книгу, не пропуская ни одного мѣста ея, и *принялся бы читать ее не иначе какъ взявши въ руки перо и положивши передъ собою листъ почтовой бумаги*, и послѣ прочтенья нѣсколькихъ страницъ, вспомнилъ бы себѣ всю жизнь свою и всѣхъ людей, съ которыми встрѣчался, и всѣ происшествія, случившіяся передъ его глазами, и все, что видѣлъ самъ, или что слышалъ отъ другихъ подобнаго тому, что изображено въ моей книгѣ, или же противоположнаго тому, все бы это описалъ въ такомъ точно видѣ, въ какомъ оно предстало его памяти, и посылалъ бы ко мнѣ всякій листъ по мѣрѣ того, какъ онъ испишется, покуда такимъ образомъ прочтется имъ вся книга.»

Голова Виктора была голова пылкая и мозгъ его имѣлъ такое свойство воспалимости, что эти поджигательныя слова автора «Мертвыхъ Душъ» послужили фосфорной спичкой, поднесенной къ пороху.

— Хмъ, странно!—почти вскрикнулъ онъ, отложивъ книгу въ сторону,—за часъ тому назадъ я не зналъ, что̀ начать съ собою, голодная смерть грозила уже нравственному моему человѣку, и вдругъ открывается передо мной обширное поле, и я начинаю видѣть предъ собою цѣль жизни, назначеніе, могущее заставить забыть всякую превратность рока!

— Изволь!—произнесъ Викторъ съ энтузіазмомъ,—изволь, геніальный человѣкъ, я выхожу на вызовъ твой! Здѣсь въ темной глуши мы снимемъ со стоячихъ болотъ тину, дадимъ всему токъ, жизнь! Изволь, по звуку твоего голоса я

Digitized by Google

выхожу на трудъ жизни во всеоружіи опыта и терпѣнія; и опытъ, и трудъ мы понесемъ въ даръ людямъ!... Да, изволь, я буду писать тебѣ все, что́ знаю и вижу и что́ узнаю и увижу; для тебя отнынѣ будутъ глаза мои открыты и умъ на сторожѣ!

Викторъ, поставивъ себя на точку зрѣнія автора «Мертвыхъ Душъ», вдругъ почувствовалъ подъ ногами своими основаніе, онъ пересталъ висѣть между небомъ и землею, и какъ пловецъ, который послѣ тяжкаго усилія достигнулъ берега, заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Въ эту ночь снились ему страшныя пустыни, окруженныя горами вѣчнаго снѣга, и тощія стада, ищущія пастьы въ скалахъ, гдѣ едва прозябала тощая зелень. Дикіе пастухи этихъ стадъ, достойные вожди безсловесныхъ, страшно глядѣли на него звѣрскими глазами; но менторъ Пино, въ хламидѣ жреца Аполлона, говорилъ имъ какія-то восторженныя рѣчи, а авторъ «Мертвыхъ Душъ» игралъ на свирѣли. Растроганные этой игрой тигры, медвѣди и львы припали къ его стопамъ, сатиры выбѣжали изъ лѣсовъ и начали плясать вокругъ него хороводомъ; древесные пни, казалось, сочувствовали этой музыкѣ, даже скалы склонились предъ нимъ во прахъ. Но среди этой чудной симфоніи вдругъ раздался рѣзкій голосъ Ноздрева:

— Ужъ ты братъ, ты, ты.... я не отойду отъ тебя, пока не узнаю, за чѣмъ ты покупалъ мертвыя души,—загорланилъ онъ, хватая Виктора за полы сюртука, — позволь, душа, я влеплю тебѣ одинъ безе, — продолжалъ Ноздревъ, обнимая нашего героя, который, подобно герою «Мертвыхъ Душъ», съ замираніемъ сердца вырывался изъ этихъ объятій.

Digitized by Google

IX

На слѣдующее утро Викторъ пилъ у растворенаго окна своей комнаты чай, глядя на раскинутый передъ нимъ ландшафтъ маленькаго пруда, до половины затянутаго тиной, въ которомъ полоскались, ныряя и опрокидывая въ глубь головки, сизые воспитанники Акулины. Нѣсколько березъ и плакучихъ ивъ, осѣняя рѣзвую семью, колыхали надъ ней вѣтвями.

Передъ Викторомъ лежалъ листъ почтовой бумаги и раскрытый томъ поэмы. Глядя въ окно на эту низкую природу, Викторъ слагалъ мысли свои на образецъ введенія, неизбѣжнаго во всякомъ серьезномъ писменномъ дѣлѣ.

Онъ придумывалъ различныя формы, въ которыхъ мысль была бы одѣта пристойными покровами и дѣйствовала бы сильнѣе на чувства. Онъ старался искусно заманивать въ омутъ идей своихъ, и такъ глубоко самъ въ нихъ погружался, что нечувствительно исписалъ нѣсколько листовъ бумаги и остался чрезвычайно доволенъ. Но, горя нетерпѣніемъ приступить къ міровому подвигу, или, по выраженію Пино, «наполнить воздухъ громомъ дѣлъ», сложивъ листы и таинственно спрятавъ ихъ въ шкатулку, онъ велѣлъ осѣдлать борзаго коня и отправился знакомиться съ сосѣдями, начиная съ того изъ нихъ, который наносилъ ущербъ его собственности.

День былъ ясный, дорога гладкая, не было никакихъ препятствій кипучимъ мыслямъ Виктора, которыя опережали быстрый бѣгъ скакуна его, и залетая впередъ, представляли ему будущаго знакомца чуть чуть не въ видѣ политипажныхъ портретовъ, которые прилагаютъ къ тексту путешествій къ антиподамъ.

Но мысль—необузданная вольница, она представляетъ все, что хочетъ. Это дитя, рождаемое черепомъ, иногда прекрасное какъ ангелъ, иногда убожное и уродливое, иногда насмѣшливое, гремящее побрякушками и морящее со

Digitized by Google

смѣху, иногда злобное какъ демонъ, проливающій ядъ по слѣду, иногда тщеславное какъ иной баринъ, съ-высока поглядывающій на стороны.

Вѣчный мыслитель Викторъ по обыкновенію такъ увлекся распутываніемъ безконечныхъ клубковъ мысли, что не замѣтилъ, какъ отъѣхалъ на довольно значительное разстояніе; вспѣненныя бока его лошади и невѣрная спотыкливая поступь ея, заставили его опомниться.

— Далеко ли до двора помѣщика Чапарина?—спросилъ онъ перваго встрѣчнаго мужика.

— До двора помѣщика Чапарина?—повторилъ сѣрокафтанникъ.

— Ну да.

— Такого не знаемъ.

— У кого же узнать объ этомъ?—безпокойно и глядя въ даль по дорогѣ, спросилъ Викторъ.

— Да тебѣ, батюшко, не въ Старый ли Сукъ?—смѣлно разсудилъ крестьянинъ.

— Развѣ такъ зовется село Петра Петровича Чапарина?

— Не знаю, баринъ; мужички-то Мавры Ивановны.

— Какой Мавры Ивановны?

— Не знаю по прозвищу.

— Куда жь это я заѣхалъ и какимъ образомъ найти дорогу?—спросилъ себя Викторъ.

— До Стараго Сука всего версты полторы осталось,—говорилъ свое мужикъ.—Дорога все прямо, а тамъ своротишь подъ горку и уткнешься въ заборъ.

Викторъ не зналъ, что дѣлать. Конь его отказывался двигаться впередъ. Онъ рѣшился ѣхать по указанію хоть въ Старый Сукъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ поровнялся съ предсказываемымъ заборомъ и подъѣзжалъ уже къ крыльцу небольшаго деревяннаго домика, господствующаго надъ горстью разбросанныхъ крестьянскихъ избъ.

Соскочивъ съ сѣдла и привязавъ къ столбу лошадь, Викторъ улыбнулся внутренно началу своихъ похожденій, обѣщающихъ богатую страницу автору «Мертвыхъ Душъ.» Одна-

Digitized by Google

ко жъ, подходя къ ступенямъ, онъ въ недоумѣніи оглядывался вокругъ.

— Ступайте въ горницу, — крикнулъ ему, выскочившій на встрѣчу, бѣлокурый румяный мальчикъ, одѣтый казачкомъ.

На такое приглашеніе Викторъ, какъ жданый гость, послѣдовалъ за путеводителемъ своимъ, сперва въ переднюю, по всѣмъ примѣтамъ необитаемую, потому что въ ней не было ровно ничего кромѣ голыхъ стѣнъ; потомъ въ столовую, обклеенную желтыми обоями, гдѣ было нѣсколько стульевъ и обѣденный столъ, а наконецъ въ пріемную или гостиную, гдѣ представилась ему необычайная сцена.

На диванѣ, передъ овальнымъ столикомъ, сидѣла за разложеннымъ гранъ-пасіансомъ древняя старуха. Снятая съ колоды карта колебалась въ слабой рукѣ ея, слѣдуя за колебаньемъ головы и всего корпуса, которому вторило мѣрное храпѣнье. Она дремала, и неожиданное появленіе нашего героя въ дверяхъ не разбудило ее.

Викторъ остановился, не смѣя переступить порога въ это святилище, гдѣ отдыхало еще живое, но уже по видимому бездушное тѣло; однако въ гробницѣ послышался шорохъ, съ противоположной стороны шевельнулся духъ, воплощенный, какъ бы отдѣльно, въ образѣ молодой дѣвушки, сидящей за пяльцами.

Открывъ большіе прекрасные глаза на пришельца, она смотрѣла въ изумленіи, и Викторъ устремилъ на нее не менѣе изумленные пожирающіе взоры; но въ этотъ мигъ, подобно старому спящему псу, почуявшему приближеніе волка, старуха проснулась, и Виктору показалось, что она злобно оскалила на него зубы.

— Кто ты, батюшка, такой? — спросила она, протирая глаза.

Викторъ раскланивался, объяснялся, извинялся и рекомендовался какъ могъ.

— Людвиновъ?—повторила, припоминая что-то, старуха,— Людвиновъ.... стало быть сынъ Андрея Платоновича Людвинова?...—Знаю, батюшка, знаю; тебя, помнится, лѣтъ за шесть до

Digitized by Google

Французовъ, свезли въ Питеръ въ школу по десятому годочку. Помню, помню; милости просимъ садиться.

— Вы изволите говорить объ отцѣ моемъ Андреѣ Андреевичѣ; а я сынъ его Викторъ Андреевичъ, — сказалъ, садясь, Викторъ.

— Какъ же это сынъ, мой батюшка; да когда же Андрюшенька успѣлъ жениться?

— Лѣтъ около двадцати пяти тому назадъ.

— Стало быть еще до смерти нашей покойницы, — сказала старуха, обращаясь къ безмолвствующей дѣвушкѣ, которая взглянула на нее съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ и не отвѣчала ни слова.

— Стало быть еще до ея смерти, — повторила хозяйка, углубляясь по видимому въ собственную мысль. — Сколько уже послѣ того прошло времени, не помню, нынче, годы-то идутъ совсѣмъ не по старому; чѣмъ дальше, тѣмъ ихъ труднѣй считать становится.... Бывало, время шло совсѣмъ иначе, бывало, зимою ждешь-не дождешься лѣтняго солнышка; а нынче все равно что солнце, что морозъ, кто его знаетъ, что на дворѣ дѣлается.

И говоря такимъ образомъ все безсвязнѣе и невнятнѣе, старуха, которая какъ будто несовершенно пришла въ себя, снова стала впадать въ дремоту. Викторъ между тѣмъ озирался вокругъ, силился угадать отношенія этихъ двухъ обитательницъ ветхаго домика, въ который занесла его судьба.

Молчаніе водворилось, его прерывалъ только шорохъ нитки, скользящей по работѣ молодой дѣвушки, и храпѣнье задремавшей снова старухи. Викторъ ждалъ какого-нибудь изъ приличія вопроса бодрствующей хозяйки, но вопроса не послѣдовало, и онъ рѣшился заговорить первый.

— Вы постоянно проживаете въ деревнѣ? — спросилъ Викторъ, не зная, что спросить.

Легкій румянецъ вспыхнулъ на щекахъ молодой дѣвушки, губы ея шевельнулись, но незнакомый голосъ Виктора опять разбудилъ заснувшую.

— Кто-ты, батюшка, такой? — спросила она во второй разъ, выразивъ прежній испугъ и прежнее удивленіе.

Digitized by Google

Викторъ смѣшался и не зналъ рѣшительно, что̀ отвѣчать; взглянувъ на дѣвушку, онъ прочелъ въ глазахъ ея представительство за старуху, которая отъ старости лѣтъ заговаривалась и забывала получаемые отвѣты.

— Я сынъ Андрея Андреевича Людвинова,—повторилъ Викторъ,—съ отцомъ котораго вы были въ пріязни.

— Сынъ Андрея Платоновича? знаю, какъ не знать! Милости просимъ садиться. Гдѣ жь теперь Андрей Платоновичъ, твой батюшка? Въ Людвиновкѣ проживаетъ, или въ городѣ?

— Андрей Платоновичъ давно скончался, и сынъ его Андрей Андреевичъ такъ же скончался, и я теперь одинъ изъ нашего рода на свѣтѣ,—твердилъ ей Викторъ.

— Андрей Платоновичъ скончался! да какъ же это я не знала? Слышишь, Груша, Андрей Платоновичъ скончался.

По соображенію Виктора, эпоха смерти дѣда его заключала въ себѣ по крайней мѣрѣ періодъ трехъ жизней молодой дѣвушки. Она безъ сомнѣнія не могла имѣть никакого о немъ понятія. Однакоже, не отвѣчая ничего, она опять только взглянула на говорящую и опять опустила глаза на работу. Викторъ начиналъ думать, что сидящая передъ нимъ красавица была нѣма.

— Отъ какой же болѣзни скончался покойникъ, скажи, сдѣлай одолженье?—спрашивала свое старуха.

Викторъ рѣшительно не зналъ, отъ какой болѣзни, полвѣка тому назадъ, умеръ дѣдъ его, и потому затруднился въ отвѣтѣ.

— Вотъ у нашей покойницы,—продолжала старуха,—такъ вдругъ сдѣлалось такое грудное воспаленіе, что ни чѣмъ уже и пособить нельзя было....

Викторъ покачалъ головою въ знакъ сочувствія, не зная, о комъ идетъ рѣчь.

— И кровь точили изъ нея, моей голубушки, и шпанскія мухи ставили; да нѣтъ, не помогло, на двѣнадцатыя сутки отдала Богу душу!.

— Къ несчастію, этого рода болѣзни пожираютъ такъ быстро,—сказалъ Викторъ, поддерживая разговоръ; но каждый разъ, когда произносилъ онъ нѣсколько словъ, звукъ его

Digitized by Google

голоса видимо поражалъ старую хозяйку дома. Она останавливалась, какъ будто ощутивъ что-то непріятное, теряла нить своей рѣчи и опять съ недоразумѣніемъ вглядывалась въ черты лица его.

— Кто бишь ты такой? Не взыщи, мой батюшка, не могу упомнить твоего прозванія.

Викторъ вынужденъ былъ повторить имя свое, а также имена умершихъ отца и дѣда.

— Царство ему небесное!—проговорила крестясь безпамятная.—А на кого же онъ оставилъ тебя горемычнаго?—Съ какимъ-то смѣшнымъ участіемъ спросила она, и не дождавшись отвѣта, продолжала:—Вотъ такъ-то и наша покойница оставила насъ на горе съ Грушенькой. Бѣдняжечка была тогда только двухъ годочковъ. Объ ней-то пуще всего и сокрушалась моя Степанидушка, и мнѣ говорила: «не тужите по мнѣ, кормилица бабушка, вы человѣкъ старый, васъ печаль пожалуй за мною въ могилу сведетъ, кто жь тогда Грушенькѣ-то останется; и меня вѣдь умирающи вамъ же поручила покойница матушка, и вы меня выкормили и выходили и за-мужъ отдали; да не далъ вамъ Господь порадоваться на добраго зятя, покинулъ другъ мой Игнатій Матвѣевичъ дитя свое до рожденія, а теперь и меня къ себѣ зоветъ.» И все такъ говорила-говорила покойница, до послѣдней минуты была въ памяти, до самой той минуты, какъ душѣ вылетѣть. Подъ конецъ ужь сталъ онъ ей покойникъ мерещиться. «Иду, говоритъ, иду къ тебѣ, мой сердечный другъ; а вы, говоритъ, поживите съ Грушенькой; я, говоритъ, на томъ свѣтѣ буду Бога молить, чтобъ вамъ вѣку продлилъ, покуда поставите ее на ноги, да найдете ей добраго человѣка, такого же, какъ былъ мой Игнатій Матвѣевичъ; а какъ пристроите ее, тогда ужь и умирайте съ Богомъ; а до тѣхъ поръ не могите покинуть родное дитя мое.» А я вотъ и слушаюсь, и живу, и терпитъ Господь грѣхамъ моимъ ея святыми молитвами. Да тяжко ужь мнѣ жить становится: такъ къ землѣ точно свинцемъ тянетъ.

Разсказывая эту плачевную исторію, старуха не выражала горя и не плакала. На лицѣ молодой дѣвушки также

Digitized by Google

не было никакого признака страданья; видно было, что съ тѣхъ поръ, какъ уши ея стали слышать, а разумъ понимать слышанное, передъ нею безпрестанно повторялось воспоминаніе этой печальной картины; сухіе глаза старухи выплакали уже всѣ слезы, а подъ опущенными вѣками правнучки таилась, можетъ быть, невидимая привычная тоска.

— Вотъ подъ какую пѣсню взросло и разцвѣло это прекрасное созданіе!—подумалъ Викторъ, которому стало нѣсколько понятно положеніе новыхъ знакомыхъ.

Проникнутый интереснымъ положеніемъ дѣвушки, Викторъ невольно всталъ съ своего мѣста и пересѣлъ къ ней ближе. Его движеніе во всякой порядочной гостиной проявило бы ловкость свѣтскаго человѣка; но здѣсь оно произвело совсѣмъ иное ощущеніе: прародительница, которая, въ продолженіи своего, часто повторяемаго, повѣствованія, вѣроятно позабыла о гостѣ, изогнула всѣмъ тѣломъ. Судорожное потрясеніе мускуловъ обезобразило старое лицо ея, и этотъ испугъ по отраженію сообщился внучкѣ, въ глазахъ которой выражался укоръ.

Это существо, пріучивъ себя къ молчанію, по причинѣ весьма естественной, потому что говорить ей было не съ кѣмъ, обрѣла чрезвычайную силу выраженія, въ которое обратилось у нее присущее человѣку слово, и оно говорило въ ней не театральной мимикой, не краснорѣчивыми позами и жестикуляціей; но въ миломъ лицѣ ея мелькалъ поминутно глубокій смыслъ, неуловимый какъ духъ, прозрачный какъ облако, и не всегда, быть можетъ, понятный плотскому глазу.

Виктору стало совѣстно и неловко; но къ счастію, въ эту минуту, на выручку его изъ затруднительнаго положенія, вошла въ комнату пожилая женщина, повязанная платкомъ. Это была няня стараго дитяти. Она уже нѣсколько разъ заглядывала въ дверь, и теперь вошла съ подносомъ, на которомъ стояли дымящіяся чашки кофе.

— Кто это такой? — спросила старая госпожа служанку, указывая на Виктора.

— Гость, матушка, изъ Людвиновки, молодой баринъ.

— Да какъ же сказывали, что онъ умеръ?—повторила съ новымъ недоумѣніемъ выжившая изъ памяти.

Digitized by Google

Но послѣ этого вопроса, она серьёзно занялась своимъ кофе, и не говоря ничего болѣе, подобно ребенку ловила изъ блюдечка разкрошенный ломикшь хлѣба, и, поднося его ко рту, роняла обратно, не заботясь о струившихся по подбородку каплях.

Проглотивъ свою чашку кофе, Викторъ почувствовалъ, что время кончить этотъ первый странный визитъ. Раскланявшись, онъ вышелъ, напутствуемый тѣмъ же вопросомъ старушки. Женщина, подносившая кофе, вышла провожать его, и какъ будто уполномоченная хозяйкою, просила съ поклонами не оставлять ихъ посѣщеніями на будущее время. Вскочивъ на сѣдло, Викторъ далъ себѣ слово воспользоваться этимъ приглашеніемъ, и возвращаясь домой, задумался о хорошенькой молчаливой барышнѣ.

— Ее зовутъ Грушей, — говорилъ онъ самъ себѣ, — тривіальное имя!

«Но чтожъ? оно пріятно, звучно,
Хоть съ нимъ, я знаю, неразлучно
Воспоминанье старины,
Мнѣ дѣвичьей.....

— Впрочемъ я очень радъ, что случай доставилъ мнѣ это знакомство! Въ глуши, въ деревнѣ, оно можетъ быть отрадно. Эта молодая дѣвушка близъ своей дряхлой прабабки похожа на пышный цвѣтокъ, растущій у ветхаго пня; такимъ образомъ ея положеніе очень живописно.... О, она очень, очень миловидна. Но увы! пышный цвѣтокъ, разумѣется, безъ аромата. Какъ умно распорядилась она, что не выговорила на первыхъ порахъ ни слова; она оставила мнѣ самое пріятное впечатлѣніе, тогда какъ нѣсколько нелѣпыхъ фразъ уничтожили бы непремѣнно очарованье. Кто знаетъ, не достанетъ ли мнѣ досуга заняться разработкою юной, прекрасной головки ея?

И Викторъ вдался въ самую глубь этой мысли и нечувствительно подъѣхалъ домой.

На разспросы домашнихъ онъ отвѣчалъ коротко, сказалъ, что сбился съ дороги, что попалъ къ какой-то старухѣ, которая подчивала его кофе; но пообѣдавъ, къ совершенному удовлетворенію Акулины, съ нѣкоторымъ аппетитомъ, заперся въ своей комнатѣ, тотчасъ-же усѣлся за пишменный столъ и развернулъ такъ называемую поэму.

Digitized by Google

Викторъ облокотился на столъ, подперъ рукою подбородокъ, поднялъ глаза къ потолку и глубоко вздохнулъ.

— Я приступаю къ великому подвигу,—сказалъ онъ,—къ разрѣшенію одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ, къ разрѣшенію вопроса, заданнаго вотъ на этихъ страницахъ...., вопроса, на который шестьдесятъ милліоновъ, слышавшихъ этотъ вопросъ, не дали отвѣта.... Я, я дамъ тебѣ отвѣтъ, великій художникъ! Я дамъ тебѣ отвѣтъ! слушай, слушай!...

Викторъ, настроенный до энтузіазма, не отлагая принялся за дѣло, за описаніе открытаго имъ на земной поверхности никѣмъ невѣдомаго угла, обитаемаго, какъ ему казалось, невѣдомыми никѣмъ существами.

Обдумавши сколько возможно здраво, онъ рѣшился начать описаніе съ начала, то есть съ самаго начала, ведущаго въ этотъ невѣдомый уголъ пути, и тотчасъ же сталъ, какъ говорится, въ тупикъ.

Задумчивость и разсѣянность завела его туда, а возвращаясь, онъ былъ, какъ видѣли мы, разсѣяннѣе и задумчивѣе вдвое; слѣдовательно всѣ околичности, столь важныя въ глазахъ автора, ускользнули отъ вниманія Виктора. Дополнить же ихъ догадками показалось ему недобросовѣстно.

— Впрочемъ,—подумалъ Викторъ,—что же скажу я новаго тому, кто въ поэмѣ своей дѣлаетъ слѣдующее общее начертаніе нашей русской дороги:

«Едва только ушелъ назадъ городъ, какъ уже пошли писать, по нашему обычаю, чушь и дичь по обѣимъ сторонамъ дороги, кочки, ельникъ, низенькіе жидкіе кусты молоденькихъ сосенъ, обгорѣлые стволы старыхъ, дикій вересъ и тому подобный вздоръ.»

Вслѣдствіе этого размышленія Викторъ отложилъ описаніе дороги и попыталъ начать съ въѣзда въ деревушку; но и тутъ его предупредилъ авторъ «Мертвыхъ Душъ.»

«Попадались деревни, постройкою похожія на старые складеные дрова, покрытыя сѣрыми крышами съ рѣзными деревянными подъ ними украшеніями въ видѣ висячихъ шитыхъ узорами утиральниковъ. Нѣсколько мужиковъ по обыкновенію зѣвали, сидя на лавкахъ передъ воротами въ сво-

Digitized by Google

ихъ овчинныхъ тулупахъ. Бабы съ толстыми лицами и перевязанными грудями смотрѣли изъ верхнихъ оконъ, изъ нижнихъ глядѣлъ теленокъ, или высовывала сѣрую морду свою свинья. Словомъ, виды извѣстные.»

— И слѣдовательно не требующіе повторенья,—сказалъ Викторъ и положилъ приступить къ дѣлу со входа въ домъ. Но крыльцо и особливо передняя, представляющая столько живописныхъ матеріяловъ живописному перу автора поэмы, здѣсь не представляла ровно ничего. Въ ней не замѣтилъ Викторъ ни малѣйшаго предмета, годнаго для описанія; въ ней не было даже того особеннаго воздуха, о которомъ говорится въ поэмѣ, и который изнѣженнымъ нервамъ Виктора былъ бы непремѣнно ощутителенъ.

Всѣ эти неожиданныя препятствія затронули авторское самолюбіе нашего героя, и онъ, вопреки истинной цѣли, вздумалъ предварительно обратить какую-то замѣчательную увѣтвующую рѣчь въ видѣ письма къ своему корреспонденту.

Касательно уиствованій Викторъ не встрѣчалъ никакихъ затрудненій, мигомъ составилась въ головѣ его необыкновенной полноты и сложности блистательная идея. Готовясь излить ее, смѣло и размашисто, написалъ онъ въ главѣ новаго листа:

«Милостивый Государь!»

Но за тѣмъ, поставивъ букву Н, напечатанную передъ фамиліей сочинителя въ лежащемъ передъ нимъ второмъ изданіи поэмы, остановился, не зная ни имени его, ни отечества.

— Какъ однако жь это странно! — вскричалъ Викторъ, бросивъ перо и вскочилъ со стула.—Приложивъ адресъ свой въ концѣ предисловія, г. авторъ позабылъ написать полное свое имя! Не всякій же обязанъ знать, какъ зовутъ его по имени и по отечеству!

Этимъ восклицаніемъ и заключился первый приступъ къ письму.

(Продолженіе впредь).

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ

1853.

№ 4. Февраль. Кн. 2.

ВИКТОРЪ.

ПОВѢСТЬ ЭЛИНЫ БЕЛЬТМАНЪ.

(Окончаніе).

X.

На слѣдующее утро Викторъ, вопреки всякаго приличія, разсудилъ прогуляться снова въ Старый-Сукъ, въ намѣреніи обратить полное вниманіе на всѣ подробности заглохшей жизни его обитателей, не пропустить ни одного малѣйшаго обстоятельства.

Однако жь, къ крайнему своему изумленію, онъ замѣтилъ, что не вездѣ дорожные предметы сходились съ образцомъ ихъ описанія. То съ той, то съ другой стороны дороги проносились мимо его мѣстами березовыя и липовыя рощи, мѣстами врѣзывался онъ въ такія густыя чащи, что воображеніе юноши, настроенное, быть можетъ, голубыми глазами деревенской барышни, готово было создавать чудную

Digitized by Google

лѣтнюю ночь и соловья, или ночь темную, осеннюю, когда молчитъ пѣвецъ лѣсовъ, а ночныя птицы, какъ лѣсные духи, налетаютъ съ разгона на дремлющую добычу, или, испуганныя шелестомъ рыскающаго звѣря, перелетаютъ съ дерева на дерево, на отягощенныхъ сномъ крыльяхъ.

Не отъѣхавъ еще и половины дороги, Викторъ такъ ясно представилъ себѣ эти синіе говорящіе глаза, что они отуманивали собственный взоръ его, пытательно и безпощадно на все устремленный

При подобномъ настроеніи духа нашего героя, не льзя утвердительно сказать, до какой степени былъ вѣренъ взглядъ его на вещи, и слѣдовательно, до какой степени былъ онъ въ состояніи выполнить заданный себѣ вопросъ.

Подъѣхавъ къ знакомому домику, Викторъ ступилъ на крыльцо его, какъ на знакомую землю. Онъ былъ встрѣченъ тѣмъ же казачкомъ, который проводилъ его по той же передней и столовой, въ ту же гостиную, гдѣ только и было перемѣны, что бабушка, сидя на своемъ мѣстѣ, не раскладывала пасіанса, а перебирала четки, а внучка не вышивала въ пяльцахъ, а читала книгу, и, какъ слышно было еще издали, громко.

Викторъ вздрогнулъ отъ звука этого голоса; но голосъ смолкъ при его появленіи, и старуха спросила опять:

— Кто ты, батюшка, такой?

На отвѣтъ гостя, она снова стала высчитывать время отъѣзда Андрея Андреевича въ Петербургъ, и казалось, приняла рѣшительное намѣреніе видѣть въ Викторѣ покойнаго отца его, что было наконецъ предоставлено сыномъ на ея волю.

Облекшись полною своей развязностію, онъ обратился къ молодой дѣвушкѣ, съ намѣреніемъ во что бы ни стало вступить съ нею въ разговоръ.

— Вы, кажется, читали?—спросилъ онъ.

Грушенька утвердительно показала на книгу.

— Что это за книга?

Дѣвушка раскрыла заглавный листъ и представила Виктору крупными словами напечатанное слово: *Лечебникъ*.

— Чей это Лечебникъ?

Digitized by Google

— Андріана Ивановича, — въ первый разъ вымолвила дѣвушка.

— Какого Андріана Ивановича?

— Сосѣда нашего.

— Его сочиненія?

Грушенька взглянула съ изумленіемъ.

— Почему этотъ вопросъ, какъ кажется, удивляетъ васъ?

— Потому, что Андріанъ Ивановичъ не сочинитель.

— Но вѣдь это могло же быть?

Молодая дѣвушка посмотрѣла такъ отрицательно, что казалось уже несомнѣннымъ, что этого никакъ быть не могло.

— Вы лечите больныхъ?

— Не я, — произнесла дѣвушка, взглянувъ на старушку, которая глядѣла на говорящихъ во всѣ глаза, безсмысленнымъ взоромъ.

— Это вы занимаетесь пользованіемъ больныхъ? — спросилъ Викторъ, обращаясь къ ней.

— Что изволишь говорить? — спросила, по видимому, не слѣдящая за нитью разговора старуха.

— Вы пользуете больныхъ? — повторилъ Викторъ.

— Пользовала, батюшка, встарину, какъ была помоложе. Покойный мужъ мой, царство ему небесное, былъ полковымъ лекаремъ, отъ него и понабралась многому. Бывало, какъ онъ пойдетъ въ гошпиталь по дежурству, а я за нимъ. Ужь вся хозяйственная часть, какъ есть, лежала на мнѣ. Экономомъ былъ у насъ человѣкъ крутой, не то, чтобы уважить больнаго; такъ ужь мой-то Ѳедосей Кириловичъ во всемъ полагался на меня, да такъ и звалъ меня своимъ подлекаремъ.

По свойственной всѣмъ старцамъ способности помнить старину, она говорила о давноминувшемъ такъ складно, что никакъ нельзя было подозрѣвать въ ней отсутствія смысла; потому, быть можетъ, что въ памяти, какъ на скрижаляхъ, сплошь исписанныхъ долговременною жизнью, нѣтъ уже болѣе мѣста для новыхъ впечатлѣній.

— Мнѣ достались послѣ покойника двѣ аптечки, — продолжала старуха, какъ видно увлеченная своимъ любимымъ

Digitized by Google

предметомъ,—тьма медикаментовъ, вѣкъ бы не выпользовали; да вотъ со смерти нашей покойницы остальную память отшибло. Съ тѣхъ поръ не лечу ужь больше, только еще люблю слушать лекарскія книги. Покуда Грушенька читаетъ, я все думаю о своемъ покойникѣ, да по четкамъ творю ему поминанія. Давно ужь перестала я жить съ живыми, ихъ только и осталось у меня, что одна Грушенька.

Сказавши это, старуха умолкла и стала перебирать четки. Грушенька между тѣмъ смотрѣла въ окно, и Богъ ее знаетъ о чемъ думала, Викторъ же смотрѣлъ на Грушеньку съ видомъ участія и также думалъ.

— Вы вѣроятно много читаете въ вашемъ уединеніи?— спросилъ онъ ее.

— Я читаю только для бабушки.

— А для себя?

— Я для себя не люблю читать.

— Почему жь не любите?

Грушенька пожала плечами, какъ будто не отдавая себѣ отчета, почему именно.

— Неужели она глупа?—подумалъ Викторъ.

— Можетъ быть, вамъ попадались незанимательныя книги?—спросилъ онъ.

— Можетъ быть.

— Читаете ли вы какіе-нибудь романы или повѣсти?

— Я не люблю ни повѣстей, ни романовъ.

— Это почему?

— Право не знаю; потому что въ нихъ все такъ странно, совсѣмъ не такъ, какъ бываетъ.

— А какъ же по вашему бываетъ?—спросилъ Викторъ, нѣсколько озадаченный.

Дѣвушка, не находя отвѣта, задумалась и молчала.

— Пишутъ однако же романы и повѣсти, въ которыхъ все какъ нельзя болѣе естественно, въ которыхъ жизнь отражается какъ въ зеркалѣ, со всѣми ея добродѣтелями и пороками, съ красотами и уродствами,—продолжалъ Викторъ.

Digitized by Google

— Я не понимаю, для чего ихъ пишутъ?

— Почему полагаете вы не интереснымъ для каждаго мыслящаго человѣка вѣрное и искусное повтореніе даже хоть нашего настоящаго разговора?

— Потому что въ немъ нѣтъ ровно ничего интереснаго.

— Позвольте мнѣ увѣрить васъ въ противномъ, — сказалъ Викторъ, и стараясь быть какъ можно болѣе вразумительнымъ, онъ призвалъ на помощь систему развитія умственныхъ способностей своего наставника Пино, и началъ объяснять ей красоты беллетристики слѣдующимъ образомъ: — Представьте себѣ, началъ онъ, что я живописецъ, что я обладаю великимъ даромъ изображать на полотнѣ живую природу. Если бы достойною художественною кистью могъ я нарисовать все то, что представляется мнѣ теперь въ вашей комнатѣ; если бы удалось мнѣ передать самымъ вѣрнымъ образомъ черты вашей дремлющей въ углу дивана прабабушки; если бы достало у меня способности изобразить это старое лицо, успокоенное младенчески невиннымъ сномъ. Я бы не осмѣлился оставить безъ самаго отчетливаго выполненія ни одной складки темнаго ея платья, которое покрываетъ тяготѣющее къ землѣ тѣло ея. Я бы скопировалъ съ подобострастіемъ каждую жилку на старыхъ прозрачныхъ ея пальцахъ, которые перебираютъ зерна четокъ, и... еслибъ близъ нея, — прибавилъ Викторъ нѣжно, — помѣстилъ я васъ, прекрасную, пышную розу; неужели, думаете вы, что моя работа не вызвала бы сочувствія?

Грушенька прервала эту рѣчь простодушнымъ хохотомъ. Викторъ спросилъ довольно строго, что находитъ она смѣшнаго въ словахъ его.

— Развѣ вы сочинитель? — спросила въ свою очередь, вмѣсто отвѣта, молодая дѣвушка.

— Почему это вамъ кажется?

— Потому что вы говорите точно такъ, какъ пишутъ въ книгахъ.

— Во всякомъ случаѣ я остерегся бы въ томъ сознаться. Если вы не любите книгъ, то вѣроятно не жалуете и

Digitized by Google

тѣхъ, которые ихъ пишутъ.... Признаюсь вамъ, мнѣ на этотъ разъ завидна участь Андріана Ивановича,—прибавилъ любезничая Викторъ.

— Завидна? почему?

— Потому, что Андріанъ Ивановичъ не говоритъ такъ, какъ пишутъ въ книгахъ, и не кажется вамъ сочинителемъ.

— О, не кажется, конечно, да и вы не кажетесь съ виду.

— А какой же видъ, по вашему мнѣнію, долженъ имѣть сочинитель?

— Онъ долженъ быть человѣкъ старый, опытный, ученый.

— Но развѣ нельзя быть ученымъ и опытнымъ не бывши старымъ?

— Какъ же это?

— Очень просто.

— Я не понимаю. Мнѣ казалось, что для того, чтобъ быть ученымъ и опытнымъ, надобно сперва долго учиться, а потомъ долго жить.

— По вашему надо поступать такъ, какъ поступали въ глубокой древности. Мудрецъ писалъ въ своей жизни только нѣсколько строкъ, собравъ въ нихъ всю эссенцію своей мудрости; но эта эссенція, — прибавилъ насмѣшливо Викторъ,—оказалась слишкомъ крѣпка для слабыхъ головъ нашихъ, и потому никто ее не читаетъ.

— Это значитъ, вѣроятно, то, — сказала дѣвушка, — что и читать долженъ не всякій, а только тотъ, кто можетъ понимать то, что читаетъ.

Викторъ услышалъ изъ устъ младенца глубокую истину, но не внялъ ей. Его искренно сокрушило грустное неразвитіе этого милаго созданія, и, какъ новый Пигмаліонъ, герой нашъ возгорѣлъ желаніемъ озарить лучемъ умственнаго солнца эту прекрасную, но темную головку, и одушевясь добрымъ своимъ намѣреніемъ, онъ заговорилъ такъ умно и съ такимъ искреннимъ увлеченіемъ, что оно по-истинѣ заслуживало болѣе вниманія, нежели слушатели его были въ состояніи воздать ему. Старушка заглушила рѣчь его громкимъ, даже нѣсколько дикимъ храпѣньемъ, а Грушенька слушала пріятные звуки кудрявыхъ и пламенныхъ выра-

Digitized by Google

женій, не вникая въ глубину смысла; она, казалось, чувствовала то усыпительное баюканье, которое чувствуется обыкновенно при звукахъ журчащаго ручья или рокочущихъ волнъ моря.

Викторъ былъ въ самомъ пылу краснорѣчія, когда съ подворья раздалось бряцанье бубенчиковъ и стукъ подъѣхавшаго экипажа, вслѣдъ за которымъ немедленно ввалилась въ комнату колоссальная фигура мущины, довольно статнаго, отрицательно красиваго, значительно лысаго, съ проницательнымъ взглядомъ, съ привычкою безпрерывно крутить черный усъ. Иногда въ осанкѣ его проявлялось что-то смѣшное; но смѣяться надъ нимъ было видимо опасно, по причинѣ мелькавшаго въ густыхъ бровяхъ какого-то назидательнаго выраженія.

Поклонясь дѣвушкѣ, онъ искоса взглянулъ на Виктора и подошелъ къ рукѣ проснувшейся старушки.

— Кто это, батюшка, такой?—спросила она его, указывая на Виктора.

— Позвольте узнать ваше имя и отечество?—сказалъ, обращаясь къ Виктору, пріѣзжій.

— Людвиновъ,—отвѣчалъ сухо Викторъ,—сынъ стараго пріятеля Мавры Ивановны,—прибавилъ онъ, какъ бы объясняя права свои на пребываніе въ ея домѣ. Но позвольте узнать въ свою очередь, съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить?

— Андріанъ Ивановичъ Кобуринъ, отставной гусарскій ротмистръ, честь имѣю представиться,—отвѣчалъ незнакомый. На долго ли изволили пожаловать въ наши края?

— Это еще вопросъ нерѣшеный.

— Какъ такъ-съ?

— Я имѣю намѣреніе привести въ исполненіе кой-какія предпріятія.

— Такъ-съ,—произнесъ, пристально оглядывая его, ротмистръ. — Стало быть по части какихъ-нибудь полезныхъ заведеній?

— Можетъ быть, по части какихъ-нибудь полезныхъ нововведеній.

Digitized by Google

Кобуринъ выпучилъ глаза, и, подержавъ ихъ нѣсколько секундъ надъ Викторомъ, обратился къ старушкѣ.

— Каково ваше здоровье, матушка Мавра Ивановна?— спросилъ онъ.

— Спасибо, родимый. Какъ тебя Богъ милуетъ? Мы по тебѣ встосковались, совсѣмъ позабылъ насъ.

— Былъ вчера, Мавра Ивановна, вы запомнили.

— И то правда,—отвѣчала Мавра Ивановна,—плоха память становится, вотъ никакъ не затвержу ихъ имени и отчества, — сказала она, указывая опять на Виктора, который въ эту минуту почувствовалъ непріязненное ощущеніе противу ротмистра, вѣроятно потому, что Мавра Ивановна знала его наизустъ безъ суфлера.

— Какъ быть-то,—сказалъ Андріанъ Ивановичъ, шепнувъ старушкѣ имя нашего героя.—Какъ быть-то, да не хорошо еще и то, что вы плохо хозяйничаете, матушка моя: сегодня я опять поспорилъ съ вашимъ старостой.

— Съ Пафнутьичемъ? А что, Пелагеюшка, полегче ли жену его?—спросила Мавра Ивановна, обращаясь къ заглядывающей по вчерашнему въ дверь женщинѣ.

— Полегче, матушка; покорно васъ благодаритъ за неоставленіе,—сказала женщина.

— А, здорово, дозорный,—шутливо, обращаясь къ ней, сказалъ Кобуринъ,—да что жь ты, Пелагея Степановна, стоишь безъ дѣла: адмиральскій часъ пришелъ, поворачивайся.

Эта безцеремонность ротмистра часъ отъ часу болѣе не нравилась Виктору. Онъ имѣлъ претензію быть нѣкотораго рода Колумбомъ въ этомъ маленькомъ мірѣ, и уже смотрѣлъ на Кобурина какъ на соперника.

— Такъ-то-съ, такъ, Мавра Ивановна,—заговорилъ опять Кобуринъ,—извольте-ка приказать Пафнутьичу съ сѣнокосомъ поторопиться, Петровки на дворѣ.

— Э, батюшка, гдѣ мнѣ, совсѣмъ разучилась приказывать; ужь самъ бы ты, какъ знаешь, такъ и дѣлалъ. Кому у насъ хозяйствомъ заняться, старъ да малъ — извѣстное дѣло сиротское. Не то было въ иное время; какъ вышли мы съ покойникомъ въ отставку, да принялись хозяйничать,

Digitized by Google

такъ житью-то нашему богатые помѣщики завидовали. Покойникъ мой Ѳедосей Кириловичъ мужичкамъ былъ что отецъ родной. Какъ бывало не додѣлано что на барщинѣ, такъ Богъ проститъ; а ужь коли иной мужикъ къ своей работѣ не радѣетъ—строго покойникъ взыскивалъ. Вотъ тогда, мой батюшка, было хозяйство, было на что посмотрѣть, и, нечего сказать, помнятъ дѣтки добро покойнаго, меня сироту безъ хлѣба не оставляютъ.

— Какъ не помнить, матушка Мавра Ивановна; да все бы изрѣдка понапомнить не мѣшало; такъ ужь водится: лѣнь обуетъ, хмѣль губитъ нашего брата землепашца.... Да что жь это, Степановна, травничку-то? Эй, дозорный! — крикнулъ опять ротмистръ.

И къ удивленію Виктора, этотъ громкій возгласъ нисколько не обезпокоилъ старушку, какъ видно, привычную къ его голосу.

— Я сама похлопочу о вашемъ завтракѣ,—сказала Грушенька,—а вы.... прибавила она, вставая съ мѣста и выразительно взглянувъ на бабушку.

— Не извольте безпокоиться,—отвѣчалъ Кобуринъ, понимая взглядъ, которымъ во время своего отсутствія поручала Грушенька его заботамъ старуху, требующую ежеминутнаго попеченія.—Не козырнуть ли, Мавра Ивановна, въ пикетикъ?—сказалъ ей ротмистръ, когда вышла молодая дѣвушка изъ комнаты, принимаясь за лежащую на столѣ колоду картъ.

— Съиграемъ, батюшка,—отвѣчала старуха.

— Такъ вы, сударь мой, Викторъ Андреевичъ, имѣете намѣреніе погостить въ нашемъ сосѣдствѣ?—обратился Кобуринъ, вздавая карты, къ Виктору.

— Точно такъ, имѣю, если позволите,—отвѣчалъ Викторъ шутя, не безъ нѣкоторой скрытной колкости.

— Много чести,—сказалъ ротмистръ, также шутя и также не безъ задора,—а давно ли изволили пріѣхать?

— Нѣсколько дней тому назадъ.

— Прямо изъ столицы? Стало быть, съ свѣжими новостями для нашего брата деревенскаго дикаря.

Digitized by Google

— По какой части прикажете? столичныя новости разнообразны: по части политики, по части литературы, по части общественнаго прогресса, по части музыки, по части моды, по части городскихъ сплетень?—говорилъ, облекаясь полною своею свѣтскостію, Викторъ.— Послѣднее острое слово князя М., послѣдній балъ у графини В., также составляютъ новости; которая изъ нихъ можетъ интересовать васъ?

— Пять и пятнадцать,— сказала Мавра Ивановна, глядя въ карты.

— Такъ-съ,—вымолвилъ Кобуринъ,—ваши,—прибавилъ онъ.—А позвольте узнать, по части гутта-перчи неизвѣстно ли вамъ чего-нибудь новаго? пишутъ, что ремни изъ гутта-перчи имѣютъ надъ кожаными преимущество?

— По этой части, къ несчастію, я не могу сообщить вамъ ничего обстоятельнаго,—сказалъ, сжавъ губы, Викторъ.

— Такъ-съ,—пробормоталъ опять Кобуринъ,—а по какому, смѣю спросить, министерству изволите служить?

— По министерству Иностранныхъ Дѣлъ.

— Стало быть, по посольству. Служба интересная, случаются откомандировки за границу.

— Я предпочитаю путешествія внутри Россіи, въ неразработанные темные края отечества. Путешествуя по Европѣ, мы болѣе ничему не научимся, а здѣсь можемъ, по крайней мѣрѣ, поучить многому.

— Такъ-съ,— сказалъ ротмистръ, крутя усы и поглядѣвъ сперва попристальнѣе на Виктора, а потомъ на Мавру Ивановну, въ ожиданіи, что скажетъ она еще; но старушка такъ долго всматривалась въ карты, такъ медленно соображала свои выходы, что новые знакомые имѣли полную свободу вести разговоръ.

— О жителяхъ Огненной земли и о жителяхъ какой-нибудь отдаленной губерніи,—понесъ Викторъ, попавъ на своего конька,— мы, столичные, имѣемъ одинаковое понятіе. Мы не знаемъ ни быта, ни обычаевъ, ни степени просвѣщенія, или, вѣрнѣе сказать, степени непросвѣщенія, нашихъ далекихъ соотчичей. Страшно подумать, какая масса людей остается въ вѣчномъ младенчествѣ, коснѣетъ въ невѣжествѣ,

Digitized by Google

или, что̀ еще хуже, не имѣя понятія о просвѣщеніи, гонится за просвѣщеніемъ, перенимая одну наружную сторону его; изъ чего и выходитъ то нелѣпое обезьянство, та жалкая пародія, та ни съ чѣмъ не сообразная каррикатура, надъ которою сами же мы горько смѣемся.

— Такъ-съ,—сказалъ Кобуринъ, на котораго смотрѣлъ Викторъ, какъ смотритъ на публику актеръ, чувствуя себя въ сильномъ мѣстѣ своей роли.

— Такъ-съ,—повторилъ ротмистръ.

— Четырнадцать валетовъ,—провозгласила старушка.

— Ваши, матушка моя, Мавра Ивановна.

— Три десятки.

— Ваши-съ.

— Ну, считай, — сказала Мавра Ивановна, бросая на столъ карты.

— Слушаю-съ; девяносто семь.... такъ какъ же вы изволили говорить?—сказалъ ротмистръ, снова обращаясь къ Виктору,—девяносто восемь.... какъ-же-съ, какъ?... девяносто девять.... очень складно изволите объясняться.... сто.... краснорѣчиво, нечего сказать.... сто одна.... то-есть, сиѣю доложить, что̀ твой Сократъ.... сто два ... вотъ она реторика-то.... вотъ она.... сто три. Позвольте, матушка Мавра Ивановна, это моя-съ,—прибавилъ онъ, взявъ первую взятку.

— Твоя, такъ бери,—безъ игрецкой зависти молвила Мавра Ивановна,

— Разъ сто-три, два сто-три, три сто-три,—продолжалъ считать ротмистръ, ухарски прихлопывая по столу.

Викторъ нѣсколько смѣшался. Странныя междометія Андріана Ивановича можно было принять за насмѣшку, но герой нашъ приписалъ ихъ незнанію общежитія.

— Это, кажется, губернскій лихачъ,—думалъ онъ, глядя на молодцоватыя замашки ротмистра,—хватъ и рубака; долженъ быть пьяница и картежникъ. Но что же дѣлаетъ онъ здѣсь, въ этой хижинѣ, забавляя эту полуумную старуху?... Хмъ! хорошенькая Грушенька, конечно, объясняетъ дѣло.

И Викторъ, въ пылу негодованія, очертилъ уже въ понятіи своемъ весь полный характеръ антипатичнаго ему съ

Digitized by Google

перваго взгляда лица Викторъ вѣрилъ, какъ нельзя болѣе безошибочности своего взгляда.

Конечно, осторожный и терпѣливый наблюдатель, для настоящей оцѣнки какого нибудь обстоятельства, оглядываетъ его со всѣхъ сторонъ, пробуетъ на оселокъ или на зубъ; для оцѣнки неизвѣстнаго человѣка, хочетъ съѣсть съ нимъ вмѣстѣ бочку соли; но теоретикъ, подобный нашему герою, довольствуется нѣсколькими словами, часто однимъ предположеніемъ, и смѣло пишетъ какой угодно приговоръ. Онъ способенъ повторить вмѣстѣ съ однимъ комическимъ лицомъ: «мнѣ достаточно знать цвѣтъ халата неизвѣстнаго мнѣ человѣка, и я опишу вамъ со всѣми подробностями нравъ его, отгадаю имя жены его и раскрою всю подноготную.»

Играющіе не успѣли кончить партію, какъ Степановна, которую называлъ Кобуринъ дозорнымъ, почему, неизвѣстно Виктору,—внесла завтракъ и поставила на столъ графинчикъ съ травникомъ. Грушенька вошла за нею, всѣ приступили къ трапезѣ, на которой, конечно, не было никакихъ заморскихъ рѣдкостей.

Къ крайнему неудовольствію Виктора, Грушенька была развязна и чуть-чуть не говорлива съ ротмистромъ. Они перекинули нѣсколько словъ о сосѣдяхъ, имя Чапарина было произнесено, Викторъ разсказалъ о тщетныхъ своихъ поискахъ и о набѣгахъ на поля его.

— Этотъ неучъ, — заключилъ Викторъ, — кажется, не привыкъ стѣснять себя.

— Неуковъ слѣдуетъ учить,—сказалъ Кобуринъ, глотая первую рюмку и какъ-то изкоса поглядывая.

— Можетъ быть надъ ними слѣдуетъ рыдать слезами, которыя льются изъ наболѣвшей души поэта, — сказалъ Викторъ.

— Хорошо что у поэтовъ слезы дешевы.

— Но можно рыдать и не одними слезами, можно переплагать слезы въ смѣхъ и рыдать смѣхомъ,—прибавилъ Викторъ.

— Отъ часу нелегче,—подумалъ Кобуринъ.

Digitized by Google

— Я хотѣлъ имѣть удовольствіе лично познакомиться съ обижающимъ меня сосѣдомъ, для того именно, чтобы рѣшить: слезами или смѣхомъ слѣдуетъ рыдать надъ нимъ.

— За тѣмъ же дѣло стало, — съ живостію подхватилъ Кобуринъ.

— Да покуда за тѣмъ, что не нахожу къ нему дороги.

— Позвольте предложить вамъ себя вожатымъ, и съ моимъ почтеніемъ; не прикажете ли хоть тотчасъ же, хоть на той же взмыленной четвернѣ; у меня коньки уносливые, скачутъ сотню верстъ безъ отдыха,—сказалъ Ротмистръ.

— Очень радъ и готовъ, тѣмъ болѣе, что я не люблю излишнихъ церемоній, да и было бы съ кѣмъ церемониться.

— Что тутъ за церемоніи, самое лучшее дѣло безъ церемоній,—отвѣчалъ Кобуринъ, и послѣ третьей заключительной рюмки, изъявилъ готовность отправиться, распорядясь о доставленіи верховой лошади Виктора въ Людвиновку.

Новые знакомцы, простившись съ хозяйками, усѣлись рядомъ въ покойную бричку и пустились въ чистое поле.

XI.

Викторъ, какъ уже вѣроятно замѣтилъ читатель, былъ нервнаго, чрезвычайно воспріимчиваго сложенія. Когда ощутилъ онъ пріятное колебаніе рессоръ и вѣянье прохладнаго полеваго воздуха, ему стало необыкновенно какъ легко на сердцѣ и мигомъ разсѣялась тѣнь, наброшенная ревнивою мыслью на сидящаго плотно въ углу своемъ хозяина экипажа.

Викторъ взвесилъ все преимущество своей юности, своего гибкаго стана, своей нравственной силы надъ этимъ противникомъ, и сдѣлался великодушнымъ.

Онъ заговорилъ съ нимъ дружелюбно; но вмѣстѣ съ тѣмъ, не желая скрывать своего превосходства, снова нечувствительно вдался въ цитаты, засыпалъ общими мѣстами, засверкалъ терминами. Порою даже рѣчь его настроивалась

Digitized by Google

на тонъ такой высокой поэзіи, что, казалось, сосны и березы сдвигались ближе къ дорогѣ его слушать.

— Такъ-съ,—повторялъ ротмистръ, выслушивая его съ необыкновеннымъ вниманіемъ.

Вскорѣ зачернѣлъ передъ путниками въ отдаленіи обширный темный паркъ, и бросилось въ глаза какое-то, похожее на сторожевую башню, зданіе.

— Что это такое?—спросилъ Викторъ своего спутника.

— Господскій домъ.

— Фасадъ его похожъ на каланчу.

— Какъ быть-съ, вездѣ негодное непросвѣщенье. Сами изволите видѣть.—съ улыбкою вымолвилъ Кобуринъ.

Однако добрые кони его не замѣшкали подъѣхать къ крыльцу, и Викторъ увидѣлъ передъ собой сжатый, гладкій фасадъ трехъ-этажнаго дома. Мѣсто боковаго окна въ нижнемъ этажѣ занимала наружная дверь подъ тяжелымъ фронтономъ; къ этой двери, черезъ небольшой ровъ, выказывающій окна четвертаго подземнаго этажа, былъ перекинутъ маленькій мостикъ.

— Этотъ странный домъ похожъ на жилище лондонскаго джентри,—сказалъ Викторъ, слѣдуя за путеводителемъ своимъ.—Но къ чему среди степнаго простора нашей родины возникаетъ вдругъ эта европейская тѣснота?

Вмѣсто отвѣта, Кобуринъ звякнулъ бронзовымъ звонкомъ изящной отдѣлки, содержимымъ въ голландской чистотѣ, и на этотъ звукъ немедленно распахнулись передъ нимъ оба створа парадной двери. Они вошли въ сѣни, гдѣ блистательная рѣшетчатая лѣстница, устланная коврами, пронизывала насквозь всѣ этажи дома. Два ливрейныхъ гиганта учтиво подошли къ гостямъ и обезоружили ихъ отъ плащей и шляпъ. Кобуринъ, привыкшій къ порядкамъ дома, сложилъ доспѣхи свои какъ лишнюю обузу, но Викторъ отъ пустоты въ рукахъ почувствовалъ большую неловкость; онъ какъ будто оставилъ въ прихожей, вмѣстѣ съ шляпой, свою самостоятельность.

Еще не отдавая себѣ никакого отчета, не понимая, что дѣлается съ нимъ, герой нашъ очутился въ обширномъ

Digitized by Google

покой, неблированномъ во вкусѣ той значительной простоты, которыя приводитъ въ отчаяніе самую роскошь. Въ этомъ покоѣ, группами, были расположены члены всего семейства.

Глава и патріархъ его, сѣдовласый, пріятной наружности старикъ, сидѣлъ въ широкомъ сакъ-пальто на покойныхъ креслахъ, въ устройствѣ которыхъ удобство, приноровленное ко всѣмъ степенямъ усталости и слабости человѣческой, уступало мѣсто изяществу. Чапаринъ нѣжилъ, окутанную байковымъ одѣяломъ и вѣроятно страждущую, свою ногу на скамейкѣ. Передъ нимъ на столикѣ лежали, подобно пестрымъ скатертямъ, свѣшивавшіяся другъ на друга, саженные листы иностранныхъ газетъ.

Бросивъ взглядъ на вошедшихъ, на которыхъ въ тотъ же мигъ взглянули и всѣ присутствующіе, онъ сдѣлалъ имъ безмолвно привѣтливый знакъ приглашенья садиться, съ тѣмъ достоинствомъ, которое пріятно располагаетъ и вмѣстѣ нечувствительно обуздываетъ гостя.

Викторъ, какъ будто посредствомъ волшебства, поменялся вдругъ своей развязностію свѣтскаго человѣка съ ротмистромъ, который оказался въ этомъ салонѣ старожиломъ. Онъ вошелъ и представилъ какъ слѣдуетъ новое лицо; послѣ чего, предоставивъ его любезности хозяина, отретировался къ дамамъ, оказывавшимъ ему единодушное вниманіе.

— Что это такое?—повторялъ въ душѣ Викторъ, совершенно сбитый съ толку. Отвѣчая на вступительные вопросы хозяина, неизбѣжные при всякомъ новомъ знакомствѣ, онъ бросалъ по сторонамъ бѣглые, пытательные взгляды, прислушиваясь къ долетавшимъ до него отрывкамъ разговора.

Первенствующая группа гостиной занимала мѣсто средняго дивана. Тамъ, женщина не первой молодости, но замѣчательной красоты, сидѣла на президентскомъ мѣстѣ за рукодѣльемъ. Это была хозяйка дома. Она разговаривала на чистѣйшемъ французскомъ языкѣ съ дамами, владѣтельницами окрестныхъ замковъ, занятыми также какимъ-то рукодѣльемъ.

Отдѣльно отъ этого общества, двѣ особы, совершенно другаго разряда, уединились у открытаго окна, и какъ будто соперничали другъ передъ другомъ прямизною спинъ, чинно

Digitized by Google

держались на своихъ стульяхъ. Одна изъ этихъ особъ женскаго пола и мужественной наружности, подъ пышнымъ рыжимъ парикомъ съ висящими едва не по поясъ буклями, оказывала собою совершенную противоположность другой особѣ мужскаго пола, съ женственнымъ выраженіемъ лица и съ гладко примазанными собственными волосами. Они вели серьёзную бесѣду: одна на чисто-лондонскомъ, другой на англо-саксонскомъ нарѣчіяхъ. Въ нихъ не трудно было отгадать съ перваго взгляда англійскую гувернантку и нѣмецкаго гувернера.

Уголъ же самый интересный находился прямо противъ Виктора, гдѣ на низенькой козезкѣ гнѣздились двѣ молодыя дѣвицы, проявляющія также рѣзкую противоположность, но гармонирующія одинаковой силой привлекательности, каждая въ своемъ родѣ. Одна, миловидной наружности, живая, неумолкающая, кокетливая француженка, другая, господствующая надъ нею достоинствомъ, выраженіемъ черныхъ глазъ, изяществомъ пріемовъ, изяществомъ непостижимой таліи и самоувѣренностію—дочь хозяина, душа и радость его дома.

Эту сторону картины оживляли еще двое прекрасныхъ меньшихъ дѣтей, въ шотландскихъ костюмахъ; они сидѣли на одномъ стулѣ, обнявшись съ дѣтскою граціею; для нихъто, милыхъ созданій, были собраны въ лицахъ всѣ живые языки міра.

Между тѣмъ разговоръ хозяина съ нашимъ героемъ перешелъ уже изъ первой формы вопросовъ въ обмѣнъ нѣкоторыхъ легкихъ заключеній. Они говорили о Петербургѣ; Чапаринъ жаловался на климатъ невской столицы и на нѣкоторыя другія неудобства тамошней жизни, прерывая рѣчь свою жалобами на подагру. Внимая имъ съ должною вѣжливостію, Викторъ продолжалъ прислушиваться.

Разговоръ съ дивана достигалъ до слуха его безпрепятственно.

— Я предпочитаю point de Venise,—говорила хозяйка;—это филигранъ, это что-то хрустальное.

— Но point de Brixelle имѣетъ преимущество прозрач-

Digitized by Google

ности. Согласитесь, что оно гораздо дымчатѣе, — замѣтила одна изъ собесѣдницъ.

— А какъ находите вы point de Vienne?—спросила другая.

— О, какое ничтожество!—возразила хозяйка,—по мнѣ онъ ужъ ничто не сравнится съ неоцѣненнымъ point de Malines.

— Да, исключая однако жъ античное point d' Alençon.

— Parlez moi de ça! le point d' Alençon не то же ли самое, что̀ гербы нашихъ предковъ: это переходящее изъ рода въ родъ свидѣтельство чистоты крови. Point d' Alençon не имѣетъ цѣны, оно не покупается и не продается, а всегда, какъ заповѣдной кладъ, отыскивается на днѣ сундуковъ нашихъ бабушекъ; да не о немъ рѣчь. А помните ли вы мою послѣднюю косынку?

— О, безъ сомнѣнья, ваша косынка неподдѣльный, настоящій Шантильи; пріобрѣтенье такихъ вещей составляетъ эпоху.

— Вы ошибаетесь, я говорю о *гипюрѣ*, которымъ восхищалась маркиза Сентри, завидуя Московитамъ, имѣющимъ возможность дарить себя подобными драгоцѣнностями.

— Но знаете ли вы,—перебила одна изъ дамъ,—что существуетъ point de Russie, о которомъ, разумѣется, мы русскіе не имѣемъ никакого понятія, и который въ Парижѣ прославила леди Бурлей. Путешествуя по нашей родинѣ, она собрала такой великолѣпный ассортиментъ тончайшихъ полотенечныхъ кружевъ, имѣющихъ свой собственный ни съ чѣмъ несравненный genre, что сводила Парижанокъ съ ума оригинальнымъ point de Russie.

Этотъ разговоръ о разнородныхъ points оказался для Виктора невразумителенъ. Онъ обратилъ вниманіе на сторону англичанки и нѣмца; но тамъ происходило жаркое преніе о какомъ-то древнемъ чешскомъ королѣ, существованіе котораго не признавалъ уроженецъ Богеміи. Ученая миссъ надрывалась въ доказательствахъ; но для нашего героя это нисколько не было любопытно.

Бесѣда для него самая интересная, къ которой тщетно силился онъ прислушиваться, журчала съ козетки, съ той

Digitized by Google

именно стороны, гдѣ сидѣла дочь хозяина, великолѣпная миссъ Элоиза, или въ сокращеніи Бетси, весело разговаривая съ Кобуринымъ; но досадная француженка заглушала скороговоркою рѣчь ихъ, къ крайнему сожалѣнію Виктора.

— О чемъ говорятъ они? — думалъ онъ, — и что это за приглядный любезникъ, имѣющій какія-то права на всѣхъ въ сосѣдствѣ красавицъ?—Съ этой мыслью завистливое чувство снова вкралось въ сердце Виктора.

Но собственный разговоръ его съ хозяиномъ сталъ уже входить въ третій отдѣлъ, начинающихся изліяній, и требовалъ со стороны его болѣе сосредоточеннаго вниманія. Викторъ выразилъ пріятное изумленіе встрѣтить въ этихъ пустынныхъ степяхъ такой отрадный оазисъ просвѣщеннаго міра.

— Въ этихъ степяхъ,—отвѣчалъ хозяинъ,—мы проводимъ лѣто мызниками; читаемъ газеты, приводимъ, какъ можемъ и какъ умѣемъ, дѣла наши въ порядокъ до первыхъ морозовъ, съ которыми какъ перелетныя птицы улетаемъ въ чужіе края. Это, болѣе или менѣе, обычай всѣхъ первоклассныхъ помѣщиковъ здѣшнихъ странъ.

— Обычай столько же пріятный, сколько и полезный для нравственнаго и вещественнаго процвѣтанія нашего сосѣдства,—льстиво и нѣсколько восторженно сказалъ Викторъ, помѣшанный на своей мысли.

Чапаринъ взглянулъ на него съ той холодной улыбкой, которою старость любитъ вообще студить восторгъ юноши.

— Польза,—сказалъ онъ,—польза ограничивается пріобрѣтаемымъ собственно для себя познаніемъ, какъ вести себя съ разными народами. Въ Неаполѣ, напримѣръ,—мы знаемъ, что тамъ необходимо шумѣть и всячески обращать на себя вниманіе. Въ Римѣ надо жить по просту; во Франціи любезничать; въ Германіи быть какъ можно менѣе любезнымъ. Въ Англіи остерегаться пуще всего плюнуть на полъ. Исполняя эти обязанности, можно быть увѣреннымъ, что повсюду удержишь за собою репутацію порядочнаго человѣка.

Digitized by Google

Хозяинъ сопровождалъ слова свои саркастическимъ выраженіемъ, которое проявлялось сквозь привѣтливую его улыбку.

Онъ принадлежалъ къ числу стариковъ извѣстнаго типа маркизовъ. Читателю, безъ сомнѣнія, знакомо это древнее поколѣніе, ведущее начало свое отъ тѣхъ феодальныхъ орловъ, которыхъ сманилъ съ крѣпкихъ гнѣздъ, на соблазнъ блеска двора своего, великій политикъ Франціи, король Людовикъ XIV. Онъ замѣнилъ тяжелыя латы ихъ кружевами и лентами, и когда, при свѣтѣ люстръ луврскихъ залъ, сошелъ со смуглыхъ лицъ слѣдъ бурь и загара солнечнаго, когда въ ихъ взорахъ выраженіе хищной птицы смѣнилось негой, которую такъ художественно возвышала пудра, тогда эти рыцари, въ атласныхъ кафтанахъ и парадныхъ шпагахъ, явили собою новый образецъ, до нынѣ встрѣчаемый въ сколкахъ и существующій у насъ въ вѣрномъ переводѣ.

Самая наружность Чапарина отвѣчала его характеру. Тонкія черты лица его и неутраченный блескъ черныхъ глазъ оттѣнялись у него сѣдиною какъ пудрою. Любезность и надменность, различныя по свойству, какъ вода и масло, соединялись въ немъ какимъ-то особеннымъ процессомъ; выутюженный и накрахмаленный, онъ любилъ молвить двусмысленное слово; кланяясь низко и снимая шляпу, онъ не щадилъ насмѣшкою и остротою.

Какъ истинный французъ, который ненавидитъ своего заморскаго сосѣда, и во всемъ раболѣпно слѣдуетъ мудрому уставу его этикета, Чапаринъ, опасаясь деревенскаго простора и простоты сельскихъ нравовъ, даже въ степной вотчинѣ своей велъ домъ свой по обложенному налогами и стѣсненному лондонскому гражданству.

— Я буду имѣть удовольствіе,—сказалъ онъ Виктору, представить вамъ моего сына.—Возвратился ли Петруша съ охоты?—спросилъ онъ жену.

— M-lle Pichon, возвратился ли мой сынъ съ охоты?—повторила она вопросъ, адресуя его француженкѣ.

— Я думаю, что нѣтъ,—отвѣчала она съ прибавленіемъ почтительнаго слова madame, необходимаго въ каждомъ французскомъ отвѣтѣ.

Digitized by Google

Здѣсь только Викторъ, отуманенный всѣмъ, что происходило вокругъ него, вспомнилъ о настоящей цѣли своего посѣщенія, и понялъ критическое положеніе свое въ глазахъ ротмистра, который поступилъ противу него съ коварствомъ.

Но раздался звонокъ къ обѣду. Чапаринъ представилъ Виктора своему семейству, и, хромая, подалъ руку одной изъ сидящихъ съ хозяйкою дамъ.

Послѣдовавшіе примѣру его гости, чинно, парами отправились черезъ парадныя сѣни въ столовую, уставленную буфетами и поставцами съ богатой посудой, къ столу, представляющему весь безукоризненный порядокъ англійскаго сервиза.

Кобуринъ пользовался, по видимому, давней привилегіей быть кавалеромъ старшей дочери хозяина. Людвинову досталась честь вести хозяйку дома.

Послѣ удовлетворенія перваго аппетита, зажужжалъ снова разговоръ. Дамы завели матерію о чрезвычайномъ переворотѣ: о перемѣнѣ рукавовъ *жиго* на рукава плоскіе, которые съ тѣхъ поръ болѣе десяти уже лѣтъ сохраняли права свои.

— Признаюсь, — сказала съ лѣвой стороны сосѣдка Виктора,—надо было имѣть нѣкотораго рода храбрость, чтобы осмѣлиться надѣть ихъ въ первый разъ.

— Признаюсь,—повторила съ правой стороны хозяйка,—этотъ день останется памятнымъ днемъ моей жизни.

— Какимъ это образомъ?—спросила третья дама.

— Да, такъ. Это было въ Парижѣ. Какое-то ученое общество давало балъ. Герцогъ Орлеанскій соизволилъ принять на себя заботы угощенья. Всѣ лучшіе туалеты были заказаны у Делилль. И въ самую ту минуту, какъ наступило уже время садиться въ карету, мнѣ приносятъ chef d'oeuvre ея искусства.

— У нея неподражаемый вкусъ,—перебила одна изъ слушательницъ.

— Но то, о чемъ я говорю вамъ, превосходитъ всякое понятіе. Вообразите себѣ платье морской пѣны, на которомъ

Digitized by Google

восемдесятъ букетовъ марабу расположены такъ художественно, что не только не обременяютъ, а уносятъ на воздухъ прозрачную юбку.

— Это можно себѣ представить,—тономъ знатока прибавила другая дама.

— Я была въ полномъ восторгѣ, и потому не тотчасъ замѣтила, что платье было безъ рукавовъ.

— Какъ, безъ рукавовъ?—вскричало нѣсколько голосовъ.

— Такъ-таки совсѣмъ безъ рукавовъ? — повторилось восклицаніе.

— То-есть была одна только идея, одно *подозрѣніе* рукавовъ, однимъ словомъ, рукава плоскіе, совершенно въ обтяжку и не болѣе двухъ вершковъ длины. Я вскрикнула отъ ужаса. «Что дѣлать!» говорю я мужу, ломая руки. Онъ садится въ готовую карету, скачетъ къ Делилль; но что же видитъ онъ? у ея подъѣзда, какъ у лондонскаго раута, цѣлая нить экипажей. Ждать нѣкогда; онъ оставляетъ карету въ хвостѣ, выходитъ по дождю и слякоти, насилу можетъ добраться до магазина, насилу продирается сквозь толпу, и видитъ виновницу тревоги чуть-чуть не въ нервномъ припадкѣ. Блѣдная и разстроенная, она умоляетъ практикантовъ своихъ надѣвать платья безъ рукавовъ, ручается за успѣхъ, убѣждаетъ и мужа, который возвратился наконецъ съ успокоительнымъ извѣстіемъ, что всѣ туалеты Делилль безъ рукавовъ.

— Ну что жь, вы рѣшаетесь надѣть? — спросила одна дама, представившая себѣ со всею живостію это обстоятельство.

— Но мнѣ уже не предстояло другаго выбора; я одѣваюсь и мы ѣдемъ. Съ замираньемъ сердца вхожу я въ первую залу, и, вообразите, внизу на всѣхъ рукава *жиго*. Я вспыхнула и сдѣлала шагъ назадъ, чтобъ возвратиться домой, но герцогъ встрѣчаетъ насъ въ дверяхъ, подаетъ руку и вводитъ во вторую залу, — и тамъ рѣшительно на всѣхъ *жиго, жиго, жиго*. Я въ отчаяніи, у меня потемнѣло въ глазахъ.

— Я бы упала въ обморокъ,—сказала дама, внимательно слушавшая хозяйку.

— Но за то ужь въ третьей залѣ я воскресла. Я уви-

Digitized by Google

дала въ кадрили, составленной изъ самаго цвѣта общества, графиню д' Арбувиль въ рукавахъ плоскихъ, маркизу Сенгри въ рукавахъ плоскихъ, герцогиню Малиньи въ рукавахъ плоскихъ, и цѣлые великолѣпные ряды плоскихъ рукавовъ отвалили мнѣ камень отъ сердца.

— Какъ вамъ это нравится? — сказалъ Чапаринъ, обращая вопросъ и граненую стклянку съ порто къ ротмистру. — Каково мы ведемъ себя, мы, добрые мужья, скачущіе по дождю и слякоти за рукавами своихъ женъ? Какъ вамъ это нравится?—прибавилъ онъ съ тѣмъ же предложеніемъ сидящей близъ него миссъ Покетъ, которая подвинула свою рюмку и пожала плечами.

— Это все полезно въ торговомъ отношеніи,—сказала она:—такая угодливость заставляетъ процвѣтать промышленность, и потому заслуживаетъ уваженіе. Благодарю за порто,— прибавила она,—я предпочитаю бордо и чери.

— Знаете ли вы, что ваше постоянное англійское пристрастіе къ этимъ добрымъ винамъ, — сказалъ хозяинъ, удовлетворяя ея желаніе,—порождаетъ злоупотребленіе: одинъ изъ винныхъ продавцевъ въ Лондонѣ подвергся преслѣдованію правительства, за неочистку таможенной повинности на все количество продаваемаго имъ бордо и чери; но онъ представилъ достовѣрныя доказательства тому, что фабрикуетъ ихъ самъ въ собственномъ погребѣ, и тѣмъ освободился отъ штрафа.

— Этотъ анекдотъ сфабрикованъ прежде, нежели самое вино,—вступаясь, замѣтила англичанка,—вы можете быть увѣрены, что ни одинъ англійскій негоціантъ не предпочтетъ потери своего кредита какому угодно денежному штрафу. Къ тому же чрезвычайная потребительность всякаго вообще вина въ Англіи значительно уменьшилась и принадлежитъ уже давно къ безчисленному множеству старыхъ предразсудковъ.

— Англійскія попойки, — возразилъ нѣмецъ, — не суть еще обычай совершенно исчезнувшій, и понятіе о нихъ не есть еще предразсудокъ столь древній. Конечно, по нынѣшнему ходу времени, даже вчерашній день становится

Digitized by Google

старинною; но весьма еще недавно, люди высокаго тона и люди государственные Англіи ставили себѣ за честь перепивать другъ друга. Славные Питъ, Канингъ, Кестельрегъ, и въ особенности знаменитый Фоксъ, дорожили способностію крѣпкой головы своей вмѣщать, подобно паровому котлу, невѣроятное множество хмѣля, болѣе, нежели своимъ ораторскимъ дарованіемъ. Даже принцы королевскаго дома, сыновья Георга III, слѣдовали этому обычаю, — прибавилъ онъ, всегда готовый высказать взаимную народную нетерпимость, столь обыкновенную въ высокообразованной Европѣ. Эта народная нетерпимость живущихъ въ домѣ Чапарина иностранцевъ составляла забаву хозяевъ и ихъ посѣтителей, нерѣдко умышленно стравливавшихъ національныя антипатіи.

— Кто не знаетъ анекдота о великомъ Питѣ, который однажды послѣ хорошаго завтрака пришелъ съ пріятелемъ и товарищемъ своимъ Дундасомъ въ нижній парламентъ,— перебилъ, по обыкновенію, старымъ анекдотомъ Чапаринъ:— они вошли, пошатываясь изъ стороны въ сторону и держась подъ руку. «Странно,»—сказалъ Дундасъ,—«я не вижу президента»—«А я вижу двухъ, это еще страннѣе,» отвѣчалъ Питъ.

— То, что вы изволите говорить,—подтверждаетъ слова мои, — съ невозмутимымъ спокойствіемъ возразила миссъ,— я имѣла уже удовольствіе сказать вамъ, что пьянство составляло нѣкотораго рода странную моду въ Англіи, которая теперь болѣе не существуетъ,—заключила она, осушивъ вальяжную рюмку хереса.

—Я не вижу, чтобы эта мода болѣе не существовала,— вмѣшалась, намекая на вышитую рюмку, француженка; — во всякомъ случаѣ она видимо поддерживается отсталыми отъ вѣка.—Съ этими словами она громко засмѣялась, по случаю своей собственной остроты, оскаливъ при томъ весьма кокетливо жемчужные зубки.

Англичанка выдержала этотъ смѣхъ и неприличный намекъ съ достоинствомъ. Надобно замѣтить, что въ состязаніяхъ съ нею нѣмецкаго учителя Зибера явствовало всегда германское глубокомысліе и ученость, уважаемыя уважающей всякое глубокомысліе и всякую ученость чопорной миссъ

Digitized by Google

Покетъ, которая не отказывала защищаться и поражать его въ свою очередь. На выходки же и насмѣшки m-lle Pichon она отвѣчала большею частію великолѣпнымъ презрѣніемъ. Такое презрѣніе, разумѣется, пуще возбуждало раздражительность француженки. Румянецъ негодованія превратилъ румяное и безъ того лицо ея въ цвѣтущую пивонію.

Замѣтивъ это, хозяйка, принимающая въ такихъ крайнихъ случаяхъ ея сторону, сказала, что слово предразсудокъ въ устахъ миссъ Покетъ слишкомъ условно, что она даже копоть земляного угля называетъ старымъ предразсудкомъ.

— И весьма основательно,—сказала миссъ.

— Какимъ образомъ?—спросили многіе.

— Очень натурально; два съ половиною вѣка тому назадъ,—отвѣчала англичанка,—всѣ были причастны тому же предразсудку. Еще въ 1598 году, пишетъ Гау, ни одна лондонская леди несогласилась бы ни за что на свѣтѣ войти въ комнату, наполненную земляннымъ, или, какъ называли его тогда, каменнымъ углемъ. Около того же времени король Эдуардъ I запретилъ употребленіе земляного угля, какъ вреднаго общественному здоровью.

— Нынѣ, разумѣется, мнѣніе на этотъ счетъ весьма перемѣнилось,—сказалъ Зиберъ,—потому что въ Англіи почти не знаютъ другаго сгараемаго матерьяла.

— Нынѣ доказано,—перебила миссъ,—что земляной уголь, вмѣсто того, чтобы вредить, полезенъ въ гигіеническомъ отношеніи.

— Почему же полезенъ?—спросилъ хозяинъ.

— Очень просто. Воздухъ, фильтрируясь сквозь угольную копоть, достигаетъ легкихъ въ очищенномъ состояніи.

Такая англійская способность находить полезнымъ и хорошимъ все неизбѣжное, вызвала общую улыбку. Разговоръ замолкъ, такъ что тихое à parte Кобурина и Бетси сдѣлалось слышнѣе. Викторъ настроилъ уши. Они говорили о предполагаемой поѣздкѣ въ губернскій городъ, гдѣ ожидали многочисленнаго съѣзда, и вмѣстѣ съ тѣмъ, множества неизбѣжныхъ общественныхъ увеселеній.

Digitized by Google

— Вы танцуете со мною первую кадриль на первомъ балѣ, —сказала Бетси, очаровательно приглашая своего кавалера.

— Къ вашимъ услугамъ,—привѣтливо отвѣчалъ ей ротмистръ, жертвуя тяжелой и вовсе не танцовальной осанкой своей этой любезности.

— А съ кѣмъ танцуете вы вторую?—откликнулась француженка, лукавымъ взглядомъ указывая ему на миссъ Покетъ, съ которою иногда танцовалъ Кобуринъ, для потѣхи общества.

Онъ угодливо обратился къ англичанкѣ, ангажируя ее на вторую кадриль, на что она самымъ естественнымъ образомъ согласилась.

— Миссъ Покетъ, — замѣтила колко француженка,— не откажется безъ сомнѣнія представить въ русской провинціи лондонскую львицу, и всякій узнаетъ ее по гривѣ,— прибавила она, разумѣя огромный парикъ ея.

— Позвольте мнѣ напомнить вамъ,—отвѣтила серьозно Англичанка,—что львицы не имѣютъ гривы, это принадлежность льва.

Общій хохотъ аплодировалъ отвѣту.

Послѣ взаимной перебранки иностранцевъ, слѣдовало, по обыкновенію, совокупное нападеніе ихъ на Русь, на которой вымещали они съ неистовствомъ собственныя оскорбленія.

Хозяинъ и его ближніе выслушивали подобныя нападенія съ свойственнымъ славянской природѣ добродушіемъ; но Кобуринъ начиналъ всегда возвышать громкій басъ свой, когда разговоръ попадалъ на эту точку, и если не удавалось ему убѣдить, то, по крайней мѣрѣ, удавалось заглушать разноязычную какофонію.

Заговорили о народныхъ яствахъ, объ англійскомъ ростбифѣ, о нѣмецкомъ зауеръ-грицѣ, о французскихъ смѣсяхъ, и, по обыкновенію, кончили единодушными укорами нашей родной капустѣ и всѣмъ свойственнымъ климату квашенымъ снѣдямъ Россіи.

—Фи!—сказала m-elle Pichon, дѣлая знакъ отвращенія, при которомъ затрепетали на челѣ ея легкія букли.—Если бы мнѣ предложили представить на выставку самое національное рус-

Digitized by Google

ское блюдо, я послала бы стклянку зловоннаго конопляннаго масла, которымъ питается этотъ народъ въ теченіи полугода.

— Дорого однакожь цѣнятъ растеніе, доставляющее это масло, соотечественники миссъ Покетъ,—сказалъ Кобуринъ;— на немъ держится вся водяная сила ихъ.

— Морской канатъ очень удобно замѣняется теперь чугунной цѣпью,—возразила миссъ, — и водяныя силы Англіи не допустятъ себя въ зависимость ни отъ какого растенія. Если бы земля перестала производить лѣсъ, британскій флотъ былъ бы выстроенъ изъ чистаго золота.

Слово за слово, выраженія стали переходить въ колкости. Никто уже не щадилъ ни чьей личности. Кобуринъ горячился. Энергическіе возгласы его отражались дребезжаніемъ столщей на столѣ металлической и хрустальной посуды, а варварски французскій языкъ его царапалъ слухъ m-lle Pichon, раздражая болѣе и болѣе слушателей. Видимо было, что надъ его головою собиралась грозная туча, которая однакоже не разразилась, потому что раздавшіеся внезапно громъ и трескъ отъ конскихъ копытъ и фырканье лошади въ парадныхъ сѣняхъ дома, отвлекли общее вниманіе и вызвали невольное восклицаніе.

— Это опять мой повѣса! — вскричалъ хозяинъ, — онъ переломаетъ ноги несчастному Тальботу.

— Pierre! Pierre, arretez donc!—кричала испуганная мать.

— Это Пьеръ! онъ опять хочетъ въѣхать верхомъ въ комнаты!—кричали съ хохотомъ и хлопая въ ладоши дѣти.

Между тѣмъ слышно было, что оторопѣвшее животное билось и бросалось, отказываясь покориться требованію сѣдока, который, послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ попытокъ побѣдить его упорство, соскочилъ съ сѣдла и показался въ дверяхъ столовой съ пляною на головѣ, съ хлыстомъ въ рукахъ, съ своей пріятной, хотя растрепанной наружностію, и въ охотничьемъ запыленномъ костюмѣ.

— La maudite bête!—сказалъ онъ, кланяясь обществу.

— Помилуй, братецъ, на что это похоже, — сказалъ съ укоромъ отецъ его.

Digitized by Google

— Ты сходишь съ ума,—прибавила мать, глядя однако жъ съ улыбкой на сына.

— Я обыкновенно являюсь въ пору, къ самому десерту,—сказалъ m-r Pierre, не слушая замѣчаній, не снимая шляпы и садясь за столъ рядомъ съ молодой француженкой.

— Такимъ образомъ могъ бы вовсе и не являться,—проворчалъ, желая казаться недовольнымъ, Чапаринъ.

— Не сердись, папа, сдѣлай одолженіе, — сказалъ по-французски сынъ,—когда ты сердишься, ты имѣешь привычку вертѣть табакерку передъ моимъ носомъ, это раздражительно дѣйствуетъ на мои нервы.

Эта острота пробѣжала улыбкою по всѣмъ устамъ, не исключая самого отца, который бранилъ своего баловня, и вмѣстѣ съ тѣмъ не переставалъ баловать его, и потворствовать его дури.

М-г Pierre представлялъ собою, какъ и отецъ его, типъ, также переведенный съ иностраннаго; это былъ одинъ изъ вереницы шалуновъ, которые съ незапамятныхъ временъ не перестаютъ забавлять публику, являясь въ изданіяхъ наподобіе карикатуръ Шаривари, во всѣхъ старыхъ и современныхъ комедіяхъ;—по нашему, просто шалопай, котораго снисходительно называли встарь: *дурная голова и доброе сердце*,—лицо извѣстное, выполняемое успѣшно всякимъ мало-мальски смышленнымъ актеромъ.

— Quel est ce nouveau sapajou?—спросилъ онъ тихонько француженку, намекая на миніатюрное и щедушное сложеніе Виктора.

— Какъ, какъ-съ изволили вы назвать? — спросилъ, сидѣвшій не въ дальномъ разстояніи и слышавшій этотъ вопросъ, Кобуринъ.

— Tiens, c'est peut-être son frère?—сказалъ молодой Чапаринъ сосѣдкѣ своей, которая залилась хохотомъ.

Въ эту минуту весьма кстати вспомнилъ хозяинъ о своемъ намѣреніи представить Людвинову сына.

— Рекомендую вамъ этого молодаго человѣка,—сказалъ онъ Виктору.—Пьеръ, г. Людвиновъ, сосѣдъ нашъ.

Digitized by Google

— Какъ! г. Людвиновъ?—вскричалъ молодой Чапаринъ, представляя собою олицетворенное изумленіе, и привѣтливо снявъ шляпу, швырнулъ ее въ другой конецъ комнаты.—Это г. Людвиновъ,—повторилъ онъ, — стало быть владѣтель помѣстья Людвиновки; стало быть тотъ, кому я обязанъ принести несмѣтное количество извиненій за нѣсколько помятыхъ сноповъ ржи?

— Тотъ самый,—сказалъ Викторъ, кланяясь еще привѣтливѣе,—но вы расплачиваетесь слишкомъ щедро,—прибавилъ онъ.

— Все, что я могу представить въ мое оправданіе,—продолжалъ виновный,—это только то, что собака есть существо, неодаренное отъ природы словомъ, и которому нѣтъ человѣческой возможности внушить какое-нибудь понятіе о полюбовномъ размежеваніи.

— Но звѣрь подчиненъ разумной волѣ человѣка,—серьозно замѣтилъ ротмистръ.

— Совершенно справедливо и весьма кстати сказано,—перебилъ Пьеръ, нѣсколько затронутый этимъ замѣчаніемъ;—въ вашемъ помѣстьѣ Людвиновкѣ,—сказалъ онъ, обращаясь къ Виктору,—есть звѣрь, на котораго острятъ зубы мои собаки. Это дикій прикащикъ вашъ, который на дняхъ разтерзалъ лучшаго моего брусбарта; если онъ подчиненъ разумной волѣ вашей, то покорнѣйше васъ прошу, сдѣлайте одолженіе, извольте принять какія-нибудь усмирительныя мѣры противъ такой свирѣпости.

Не зная, что отвѣчать на такую претензію, Викторъ смутился; но Кобуринъ вмѣнилъ себѣ въ обязанность вступиться за него; онъ прочелъ цѣлый нагоняй охотникамъ, которые не уважаютъ трудовъ хлѣбопашца, самаго полезнаго общественнаго дѣятеля.

— Плохо же, батюшка, Викторъ Андреевичъ, защищаете вы свои интересы,—прибавилъ онъ, подстрекая Людвинова,—молвите хоть слово въ свою пользу; я истощилъ ужь всѣ свои убѣжденія.

Digitized by Google

— Имѣя такого адвоката, какъ вы,—сказалъ отличивая-сь Викторъ,—я полагаю излишними и даже ничтожными свои представленія.

Ротмистръ укоризненно покачалъ головой.

— Охота въ здѣшнихъ краяхъ,—сказала, кстати вмѣшавшись въ разговоръ, англичанка, — похожа на охоту дикихъ народовъ въ безплодныхъ степяхъ Африки, или на разбойничьи набѣги.

— Вотъ, изволите слышать, — сказалъ опять Виктору Андріянъ Ивановичъ,—вотъ это аргументъ-съ. Продолжайте, продолжайте, почтеннѣйшая миссъ Покетъ, я весь превратился въ ухо.

— Охота въ образованномъ мірѣ есть игра по правиламъ,—продолжала миссъ,—въ которой видѣнъ смыслъ, искусство и изящество. Время охоты имѣетъ свои неизмѣнныя постановленія, которыхъ никто не осмѣлится нарушить: всѣмъ извѣстно, что до снятія жатвы нивы заповѣданы.

— Вотъ это называется говорить, — поддакивалъ ротмистръ.

— Воспитаніе охотничьихъ собакъ есть дѣло такой важности, о какой здѣсь не имѣютъ понятія,—продолжала вѣчно проповѣдывающая англичанка,—наши собаки помѣщаются въ удобныхъ покояхъ, они спятъ на чистыхъ подстилкахъ, ихъ кормятъ по прописаннымъ медиками рецептамъ, и дресируютъ къ такому идеальному повиновенію, что англійскую свору, легкую, рѣзвую, быструю, покорную малѣйшему звуку голоса человѣка, можно отличить въ сотняхъ лучшихъ охотничьихъ псовъ, не обижая ихъ никакимъ сравненіемъ съ здѣшними неучами.

— Изволите слышать, Викторъ Андреевичъ,—заключилъ язвительно Кобуринъ, подавая руку своей дамѣ и вставая вмѣстѣ со всѣми изъ-за стола.

Викторъ чувствовалъ себя, какъ говорится, уничтоженнымъ, принимая непроизвольное участіе въ этой комедіи, передъ зрителями, въ числѣ которыхъ прекрасная Бетси, или миссъ Элоиза, или, по-русски, Елизавета Петровна, также смотрѣла на него парою огненныхъ черныхъ глазъ.

Digitized by Google

Когда всѣ возвратились въ гостиную, гдѣ съ ароматомъ амбре слился ароматъ мокскаго кофе и гаванскихъ сигаръ, и когда въ этотъ благовонный потокъ ринулся еще потокъ звуковъ отъ Фортепьяно, къ которому сѣла Бетси; когда снова зажужжала легкая, какъ кружево, болтовня, перерываемая остроумными шутками и каламбурами Пьера, которому хозяева сдали на руки молодаго гостя,—все это очень милое, очень пріятное, очень изящное, проникло ядомъ въ больную душу Виктора. Къ счастію, ротмистръ скоро умилосердился надъ нимъ и увезъ его домой.

XII.

Во всю дорогу Викторъ чувствовалъ себя въ дурномъ расположеніи духа. Дома, родные засыпали его разспросами, и немало были удивлены миролюбивому слѣдствію первыхъ переговоровъ съ сосѣдомъ. Но Викторъ поспѣшилъ освободить себя отъ этихъ нескончаемыхъ разспросовъ, побрелъ въ берлогу свою, и заперся въ ней одинъ съ своими тяжкими думами.

Викторъ былъ, что называется, обездоленъ,—онъ нашелъ не то, чего искалъ, и сбился совершенно съ толку; не надъ кѣмъ было ему здѣсь умничать, некого просвѣщать, никто не нуждался въ его состраданіи, никто не заслуживалъ укоризнъ его и нравоучительной иронiи.

— Что жь это со мною было?—спросилъ онъ самъ себя, ломая руки, — неужели вѣра моя въ нравственый подвигъ, къ которому я готовилъ себя, была химера? Съ душою, полною доброжелательства, любя съ горячностію и нѣжностію братій моихъ, я обрекъ себя на трудъ скитанія по глухимъ дебрямъ и трущобамъ, хотѣлъ отрывать груды пошлости и ничтожества, хотѣлъ выставить ихъ на показъ міру, чтобъ міръ вмѣстѣ со мною *плакалъ смѣхомъ* и *смѣялся слезами;* я уже приготовилъ себя на ту

Digitized by Google

пытку, которая терзаетъ тонкія чувства въ соприкосновеніи съ отвратительными элементами, и что же встрѣчаю я вмѣсто этихъ отвратительныхъ элементовъ? — амвросію утонченнаго быта человѣческаго. Гдѣ жь они, даровитый авторъ, гдѣ жь они, твои герои, гдѣ твои Чичиковы, Ноздревы и Коробочки?—вскричалъ Викторъ,—куда прикажешь идти искать ихъ?—И въ запальчивости юноша готовъ былъ доказывать, что не существуетъ на свѣтѣ ни Чичиковыхъ, ни Ноздревыхъ, ни Коробочекъ.

Тоска разочарованья овладѣла Викторомъ; ходя въ волненіи по комнатѣ, онъ взглянулъ на лежащую на пюпитрѣ раскрытую поэму, и сердце его заныло завистью.

Викторъ сѣлъ къ письменному столу, обращая мысленно разные вопросы автору. Но обмакнувъ перо, онъ вдругъ остановился. Богъ знаетъ по какому чуду, образъ автора поэмы сталъ нечувствительно меркнуть передъ его духовнымъ взоромъ, и также нечувствительно замѣняться милымъ образомъ Грушеньки.

По мѣрѣ того, какъ этотъ прекрасный ликъ яснѣе и яснѣе возникалъ въ его воображеніи, раздражительность Виктора успокоивалась. Сидя въ положеніи готоваго писать, и писать желчію, герой нашъ непроизвольно умилился. Буря стихала въ душѣ его, въ ней стало проглядывать благотворное солнце; желаніе излить чувства свои на бумагу не покинуло его, но ему захотѣлось писать перомъ изъ крыльевъ амура, захотѣлось говорить простодушно о себѣ и повѣрить себя ей, чистой голубицѣ, ей—невинному младенцу, чей укромный домикъ и старая бабушка не имѣли въ себѣ никакого обиднаго величія, никакого возмутительнаго блеска, которымъ пораженъ былъ Викторъ въ домѣ Чапарина, и онъ немедленно приступилъ къ дѣлу и началъ писать свою исповѣдь.

Кому изъ насъ не случалось пробѣгать болѣе или менѣе разсѣяннымъ взоромъ печатныя исповѣди, и кто не знаетъ, что всѣ онѣ такъ же неуклонны отъ истины, какъ сходны съ оригиналами своими нѣкоторые художественные портреты, гдѣ неправильность въ чертахъ, подъ часъ довольно безобразная, является столь очаровательною, что придаетъ лицу новую

Digitized by Google

пріятность; гдѣ недостатки бываютъ озарены такимъ волшебнымъ свѣтомъ, что кажутся выраженіями чего-то плѣнительнаго; гдѣ кисть художника на лазурь очей, на бархатъ бровей, на кораллы устъ, на розы ланитъ наводитъ то чудное металлическое сіяніе, которымъ сверкаетъ море въ тихую свѣтлую ночь; гдѣ, однимъ словомъ, все прекрасно, все, не исключая даже дурнаго.

Около пяти часовъ сряду писалъ Викторъ. Онъ исписалъ груду листовъ; перо его жгло бумагу, а мысль разыгрывала грустную фантазію, упоительную какъ сонъ послѣ пріема опіума или *гашиша*.

Викторъ, можетъ быть, писалъ вздоръ, но на этотъ разъ онъ писалъ единственно для Грушеньки. Онъ далъ волю сердцу; голова его уступила шагъ чувству, а это съ нимъ случалось такъ рѣдко, что намъ слѣдуетъ снизойдти къ минутѣ слабости и великодушно оставить, не заглядывая, рукопись его въ покоѣ.

На другой день, сложивъ тетрадь свою и всунувъ ее въ боковой карманъ пальто, Викторъ поѣхалъ въ Старый-Сукъ, къ избушкѣ доброй Мавры Ивановны. Но въ ней нашелъ онъ, противъ ожиданія, необыкновенную суету. Его встрѣтила съ тревожнымъ видомъ Пелагея.

— Всѣ ли у васъ здоровы,—спросилъ Викторъ.

— Барыня нездорова—отвѣчала Пелагея.

— Что̀ съ ней?

— Она въ припадкѣ.

— Въ какомъ припадкѣ?

— Въ своемъ обыкновенномъ, батюшка,—въ забытьи и въ бреду.

Викторъ вошелъ въ гостиную, на этотъ разъ пустую, и сталъ вслушиваться въ долетающія до него изъ сосѣдней комнаты странныя рѣчи одержимой припадкомъ.

Она жаловалась и молилась, задыхалась и просилась на отдыхъ домой.

Викторъ приблизился къ полурастворенной двери и содрогнулся.

Digitized by Google

Мавра Ивановна лежала на постелѣ, протянувшись какъ мертвецъ; нѣсколько прядей сѣдыхъ волосъ ея разсыпались по желтому лицу, другія, свѣшиваясь съ подушки, досягали до полу. Открытые глаза ея, устремленные въ одну точку, давали ей видъ вдохновенной жрицы. Грушенька стояла у постели, скрестивъ руки и глядя на сграждущую съ неописаннымъ выраженіемъ скорби; она тихо отирала платкомъ капавшія слезы, съ видимою боязнью, чтобъ малѣйшимъ шорохомъ или движеніемъ не встревожить больную.

Въ самомъ дѣлѣ, малѣйшій шорохъ или звукъ усиливали ея страданіе.

На бѣду, подъ ногою Виктора скрыпнула ветхая половица; и мгновенно ужасъ изобразился въ чертахъ больной; она приподнялась на постелѣ; волосы ея ощетинивались, какъ у электрической куклы. Глядя въ ту сторону, гдѣ стоялъ недвижно Людвиновъ, она, казалось, видѣла передъ собою чудовище, готовое поглотить ее.

Такимъ образомъ прошло нѣсколько страшныхъ минутъ, покуда постепенно больная стала утихать, все еще по временамъ вскрикивая и произнося уже несвязныя и непонятныя восклицанія. Грушенька вышла въ гостиную не прежде, какъ Мавра Ивановна успокоилась и заснула.

— На горе наше, — сказала она, послѣ нѣсколькихъ первыхъ словъ о состояніи старушки, — Андріянъ Ивановичъ уѣхалъ.

Кобуринъ какъ чародѣй, какъ злой духъ, всюду преслѣдовалъ Виктора.

— Куда уѣхалъ онъ?

— Въ городъ, на съѣздъ.

— Такъ рано? — сказалъ герой нашъ, какъ-бы въ обвиненіе ротмистру.

— Онъ не могъ предвидѣть, что случится, — отвѣчала, какъ бы въ его оправданіе, дѣвушка.

— Но не могу ли я быть чѣмъ-нибудь полезенъ на его мѣстѣ?

— Вы? Вы не знаете, какъ помочь ей.

Digitized by Google

— А Андріанъ Ивановичъ знаетъ?

— Андріанъ Ивановичъ знаетъ; онъ только лишь войдетъ въ комнату, лишь только дотронется до руки бабушки, она тотчасъ чувствуетъ облегченіе и засыпаетъ.

— Не занимается ли Андріанъ Ивановичъ магнитизированіемъ?

— Нѣтъ.

— Но то, что вы разсказываете, есть дѣйствіе магнитизма.

— О, нѣтъ, бабушка не вѣритъ въ магнитизмъ, потому что покойный мужъ ея въ него не вѣрилъ.

Викторъ, слушая, смотрѣлъ на собесѣдницу свою съ выраженіемъ самымъ нѣжнымъ. Грушенька была не въ нормальномъ состояніи безстрастія и тишины. Она была общительнѣе, говорливѣе, нервнѣе, она была интереснѣе обыкновеннаго; въ ней видимы были слѣды безпокойства и муки, въ ней была жизнь; хорошенькое личико ея было такъ плѣнительно, что герой нашъ могъ бы просто влюбиться, и это было бы понятно: онъ былъ молодъ, воспріимчивъ; но.... онъ былъ слишкомъ уменъ и потому не могъ позволить себѣ такую глупость.

Викторъ, глядя на миловидную деревенскую барышню, не переставалъ думать о своей литературной исповѣди, и машинально поднесъ руку къ боковому карману пальто, откуда не имѣлъ еще никакого повода вынуть ее на свѣтъ. Горя однако же нетерпѣніемъ скорѣе найдти этотъ поводъ, онъ сталъ управлять разговоромъ и клонить его къ желанной цѣли.

— Такъ бабушка ваша не вѣруетъ въ магнитизмъ?—сказалъ Викторъ, продолжая бесѣду.

— Не вѣритъ.

— А вы?

— Я? я не имѣю надобности въ него вѣрить.

— Но вы, покрайней мѣрѣ, не отвергаете симпатіи, то-есть сочувствія?

Digitized by Google

— Я не отвергаю.

— Въ такомъ случаѣ вы не отвергаете магнитизма.

— О какихъ мудреныхъ вещахъ вы любите говорить,— сказала, улыбнувшись слегка, Грушенька.

— Вы правы,—сказалъ, также улыбнувшись, Викторъ,— оставимъ магнитизмъ, но поговоримъ о симпатіи.

— Поговоримъ, если это вамъ нравится?

— Какъ нельзя болѣе.

Въ это время изъ двери выглянула, по своему обыкновенію, Пелагея, и герою нашему стало нѣсколько понятно, почему Кобуринъ называлъ ее дозорнымъ.

— Что бабушка?—спросила Грушенька.

—Почиваетъ!—отвѣчала Палагея.

— Чтобы обратиться къ симпатіи,—сказалъ Людвиновъ, подумавъ нѣсколько,—надобно прежде всего опредѣлить это слово. Что такое симпатія?—продолжалъ Викторъ, значительно взглянувъ на красавицу,—симпатія есть ничто иное какъ сродство душъ; и это объясняетъ вамъ, почему иногда два существа, едва свидѣвшіяся, знаютъ другъ друга!...—Викторъ остановился, чтобы всмотрѣться въ эффектъ, который должно было произвести его опредѣленіе; но не было ни какого видимаго проявленія эффекта.

— Симпатія есть сочувствіе положительности и отрицательности въ односвойственныхъ существахъ,—началъ было онъ на другой ладъ; однако же, боясь быть невразумительнымъ для неразвитаго понятія дѣвушки, остановился и заговорилъ языкомъ болѣе поэтическимъ. Онъ привелъ доводомъ вѣрованіе восточныхъ о томъ, что душа въ этомъ видимомъ мірѣ узнаетъ свою небесную подругу, которую любила она еще тамъ.

— Ужели не раздѣляете вы этой отрадной вѣры,— спросилъ Викторъ,—ужели не признаете желанія при первомъ взглядѣ на сочувственное намъ существо, повѣрить ему всю душу, излить предъ нимъ всѣ сокровеннѣйшія думы, и тѣмъ отдать всего себя въ сладкое подданство, которое дороже намъ всякой власти?

Digitized by Google

Викторъ говорилъ это, имѣя въ виду свою рукопись; но Грушенька того не знала, и потому не мудрено, что смотрѣла на него въ недоумѣніи.

— А я,—продолжалъ онъ,—я признаю себя фанатическимъ защитникомъ этой истины, и малѣйшее сомнѣніе почиталъ бы величайшимъ для себя несчастіемъ.—Договаривая эти слова, онъ спустилъ руку за пазуху и вынулъ пакетъ.

— Что это такое?—спросила Грушенька.

— Угадайте.

— Вѣрно ваше сочиненіе?

— Нѣтъ.

— Что жь это за тетрадка?

— Прежде нежели я буду отвѣчать, позвольте мнѣ сдѣлать вамъ одинъ вопросъ.

— Для чего просите вы позволенья?

— Для того, что вопросъ этотъ можетъ показаться вамъ нескромнымъ.

— Но если онъ въ самомъ дѣлѣ скроменъ, такъ почему же не спрашиваете вы просто безъ позволенья?

Викторъ остановился, не находя отвѣта на этотъ логическій вопросъ.

— Что жь хотѣли вы сказать? — спросила выразительнымъ взоромъ Грушенька.

— Я хотѣлъ сказать, — вымолвилъ Викторъ, глядя на нее такъ нѣжно, что молодой дѣвушкѣ становилось невольно совѣстно и неловко.—Я хотѣлъ сказать,—повторилъ онъ,—что увидя васъ впервые, я почувствовалъ необходимость довѣрить вамъ, и вамъ однимъ, то, чего не говорилъ еще никогда и никому.

— Но вы хотѣли что-то спросить? — напомнила Грушенька вовсе не любезно.

— Я хотѣлъ спросить.... сочувствуете ли вы этой необходимости?

— Нѣтъ,—отрывисто и глядя прямо въ глаза Виктора, сказала она.

Подобный отвѣтъ долженъ былъ озадачить всякаго.

Digitized by Google

— Что это, простодушіе ребенка или дерзость кокетки?— анализировалъ внутренно вѣчно анализирующій Викторъ.

— На вашу жесткость я буду отвѣчать вамъ равною жесткостію,—сказалъ онъ,—я вамъ не вѣрю.

— Какъ это?—съ удивленіемъ спросила дѣвушка.

— Я не могу вѣрить вашему отрицанію, потому что не могу не вѣрить своему убѣжденію. Непонятное, безконечное, невыразимое чувство, которое вы внушили мнѣ съ перваго взгляда, не могло быть внушено иначе, какъ на законномъ основаніи полной симпатіи. Умышленно или по легкомыслію вы хотите нарушить лучшее вѣрованіе души моей,—подумайте, что вы дѣлаете.

— Я не дѣлаю ровно ничего, я сказала вамъ правду.

— Она, кажется, очень не глупа,—подумалъ Викторъ, и желаніе во что бы ни стало познакомить ее съ своимъ письменнымъ слогомъ возгорѣлось въ немъ еще сильнѣе.

— Я уже сказалъ вамъ, что вы посягаете на лучшее, на драгоцѣннѣйшее мое вѣрованіе, и я, какъ защитникъ этого вѣрованія, долженъ бороться за него до послѣдней крайности. Я хочу знать, неужели ничтожная личность моя, такъ глубоко пораженная вами, не интересуетъ васъ на столько, чтобъ вы снисходительно и благосклонно выслушали нѣсколько скучныхъ, но тѣмъ не менѣе искреннихъ жалобъ?

— Скажите, какая польза будетъ вамъ изъ того, что вы ихъ разскажете, а я выслушаю?

— Bravo!—воскликнулъ въ душѣ Викторъ.—Она рѣшительно умна! Она должна, непремѣнно должна прочесть мое посланіе.

— Вы немилосерды,—сказалъ онъ, вымаливая милосердіе умильнымъ взоромъ.

Грушенька пожала плечами.

— Но что же написано въ этой тетради?—спросила она.

— Въ ней написаны тѣ самыя скучныя, но тѣмъ не менѣе искреннія жалобы, которымъ внять вы отказываетесь,— сухо отвѣчалъ Викторъ.

— Возможно ли жаловаться такъ пространно?—воскликнула Грушенька.

Digitized by Google

Бѣдовое авторское самолюбіе Виктора затронулось этой холодностью; въ лицѣ его выразилось что-то такое грустное, что молодая дѣвушка, испугавшись своего равнодушія, протянула руку, какъ бы прося его передать ей исписанные листы.

— Нѣтъ,—сказалъ движимый духомъ противорѣчія Викторъ,—я и забылъ, что вы не любите чтенья; нѣтъ, оставьте меня при моемъ глупомъ желаніи; я буду доволенъ воспоминаніемъ того незабвеннаго для меня счастливаго часа моей жизни, въ который, думая о васъ, я писалъ всю эту въ самомъ дѣлѣ пространную галиматью. Ее слѣдовало уничтожить тотчасъ же по написаньи, и я слишкомъ опоздалъ это сдѣлать,—прибавилъ онъ, разорвавъ на нѣсколко частей и уложивъ обратно въ карманъ клочки тайнъ своего сердца. Этимъ дѣйствіемъ Викторъ, самъ не зная того, быть можетъ, по тому же присущему въ душѣ каждаго человѣка духу противорѣчія, возбудилъ любопытство безучастной красавицы; но занятый болѣе собою и недовольный развязкою сцены, пожелавъ больной бабушкѣ скорѣйшаго выздоровленія, онъ отправился во-свояси.

XIII.

Дома нашелъ Викторъ семью свою собранную вмѣстѣ въ ожиданіи обѣда, и это собраніе представляло собою ареопагъ, на которомъ безъ вѣдома его обсуживалась участь нашего героя.

— Резоны-то ваши, Настасья Прокофьевна, не резоны,— доказывалъ Прокофій Трофимовичъ;—а я стою на своемъ: записать Виктора въ военную службу, и дѣло будетъ въ шляпѣ.

— Не говорите мнѣ этого, сдѣлайте одолженье. Не могу я согласиться на то, къ чему ни комплекція, ни чувствительность его сердца не сродны.

Digitized by Google

Противъ обыкновенія, и Анна Петровна была не одинаковаго съ Прокофіемъ Трофимовичемъ мнѣнія.

—И Богъ васъ святой знаетъ, объ чемъ вы растужились,—представляла она свое;—а по моему глупому сужденію, благо принесла его къ намъ судьба, такъ съ нами ему и оставаться, да хозяйствомъ заняться, да у насъ, у старыхъ людей, уму разуму поучиться; дѣло его дѣтское, несмышленое.

— Викторъ получилъ такое образованіе, что и насъ съ вами поучить можетъ, — съ гордостію возразила Настасья Прокофьевна.

— Оно, конечно, такъ, но вѣдь говорится же пословица: вѣкъ живи, вѣкъ учись.

— Мало ли что говорится.

— Ужь вы себѣ тамъ какъ хотите,—перебилъ Прокофій Трофимовичъ,—а кто не послужилъ въ военной службѣ, не помыкался по свѣту, не понюхалъ пороху, изъ того вѣкъ ничего путнаго не выйдетъ, такъ-таки и останется человѣкомъ ни къ чему не способнымъ. Наука статья особенная; науки-то проходятъ, сидя за печкой дома, а службу лбомъ да боками пробиваютъ, такъ оно, изволите ли видѣть, и разница.

— Лба его подъ пули подставлять я не намѣрена,—рѣзко вымолвила Настасья Прокофьевна.

— Да бабить-то его что вамъ за необходимость? Ужь того, что на роду написано, нигдѣ не минуешь. И отъ всякаго иного случая человѣкъ умеретъ можетъ и смерть получить ни ближнему не въ пользу, ни себѣ во спасеніе.

— Все-таки война дѣло опасное,—вздохнувъ и какъ будто разсуждая сама съ собою, молвила Анна Петровна.

— Но вѣдь Господь и на войнѣ хранитъ своего избраннаго. А наши-то неумолкаемыя молитвы развѣ не будутъ за него предстательствовать? Великую силу передъ Господомъ имѣютъ молитвы родителей.

Настасья Прокофьевна не слушала этихъ доводовъ, углубившись, по видимому, въ постороннія думы.

— А велико ли семейство у Петра Петровича Чапарина?—спросила она неожиданно.

— Велико ли? — повторилъ въ раздумьи, не вдругъ

Digitized by Google

усвоивъ понятіе о новомъ предметѣ, Прокофій Трофимовичъ, къ которому адресованъ былъ вопросъ.

— Да, много ли у него дѣтей?

— Кажись, не много.

— Сколько именно?

— Да, кажись, только и есть, что сынъ и дочь,—красные дѣтки.

— Нѣтъ,—вмѣшалась Анна Петровна,—матушка попадья сказывала мнѣ, что у нихъ еще двое дѣточекъ маленькихъ.

— Стало быть четверо. А велико ли ихъ состояніе?

— Кто его считалъ. Говорятъ, у него четыре вотчины богатыя, исключая деревушекъ.

— Самъ-то онъ, сказываютъ, хлѣбосолъ такой и обходительный. Жаль, что сынъ пошелъ не по батюшкѣ,—прибавила Анна Петровна.

— Сынъ, какъ сынъ! и ничего въ немъ нѣтъ такого особеннаго,—сказала Настасья Прокофьевна какимъ-то страннымъ тономъ.

— Да сами же вы, Настасья Прокофьевна, на него сѣтовали.

— Сѣтовала не почему другому, какъ по вашимъ же пересудамъ; изъ пустаго вывели какую исторію; а Викторъ говоритъ, что это люди отличные и образованные. Они приняли его и обласкали какъ роднаго.

— Что жъ тутъ удивительнаго,—сказала Анна Петровна,—всякій радъ знакомству съ нашимъ Викторомъ Андреевичемъ.

— А сколько лѣтъ старшей дочери? — продолжала допрашивать Настасья Прокофьевна.

— Да вы ужь, матушка моя, не сваху ли засылать намѣреваетесь, что обо всемъ такъ любопытствуете?—шутя спросилъ Прокофій Трофимовичъ.

— Вотъ что еще придумали. Въ нашъ вѣкъ надъ сватовствомъ ужь насмѣхаются.

— Надъ чѣмъ въ нашъ вѣкъ не насмѣхаются; по моему такъ сватовство дѣло вовсе не зазорное. Вотъ и мы съ Анной Петровной не хуже другихъ прожили, а нешто не люди

Digitized by Google

добрые насъ сосватали. Да и вы, сударыня моя, не по сватовству ли крестной матушки Авдотьи Дмитріевны нашли судьбу свою?

При этомъ напоминаніи, Настасья Прокофьевна вспыхнула, и, по обычаю, не добромъ помянула свою благодѣтельницу.

Этотъ непріятный толчекъ расположенію духа ея сталъ отзываться въ послѣдующей бесѣдѣ о томъ, что, по ея мнѣнію, Виктору необходимо было побывать въ городѣ, гдѣ въ настоящую пору собирается все лучшее губернское общество, куда ѣдетъ и семейство Чапарина, и гдѣ молодой человѣкъ съ преимуществами Виктора можетъ обратить на себя вниманіе.

— Да вѣдь на такую затѣю-то, чай, не мало потребуется,—замѣтилъ Прокофій Трофимовичъ.

— Въ городѣ не то, что въ своемъ углу,—даромъ и воды не хлебнешь,—замѣтила и Анна Петровна.

— А по мнѣ такъ это все пустое,—сказалъ опять Прокофій Трофимовичъ,—и будь еще на немъ эполеты,—военный человѣкъ, какъ ни говори, все-таки замѣтнѣе, а фракъ-то его что за невидаль.

— Оно, конечно, не худо было бы доставить молодому человѣку удовольствіе, да гдѣ возмешь? теперь и самаго ничтожнаго дохода ни откуда не получится,—сказала Анна Петровна.

— Прикащикъ князя Мухробатова предлагаетъ мнѣ 600 рублей за срубку рощицы,—объявила Настасья Прокофьевна.

— Бога вы не боитесь, что это вы такое дѣлаете? Ведь черезъ пятокъ вы за нее съ него же собаки въ десятеро получите. И добро бы на что дѣльное; а то такъ-вотъ, на-води, прогуляй на ярмонкѣ!—укоризненно проговорилъ Прокофій Трофимовичъ.

— Я не постигаю, что вы находите за удовольствіе противорѣчить мнѣ во всякой малости!

— Да какая жь это малость? и по нашему ли состоянію называть такіе расходы малостями?

— Но этотъ расходъ можетъ возвратиться съ прибылью,—глубокомысленно замѣтила Настасья Прокофьевна,

Digitized by Google

преслѣдуя новорожденную идею, которая засѣла въ головѣ ея и начала тревожить безъ того тревожные нервы бѣдной женщины.

Викторъ вошелъ въ комнату именно въ ту пору, какъ рѣчь коснулась затрудненій, нисколько для его амбиціи неуспокоительныхъ, и онъ долженъ былъ выслушать съизнова все, что уже столько разъ случалось ему выслушивать въ минуты раздражительности Настасьи Прокофьевны. Онъ выслушивалъ, по обыкновенію, молча, потирая себя по лбу и какъ будто удивляясь самъ собственному терпѣнію.

И сколько этого спасительнаго терпѣнія было необходимо имѣть ему: родные терзали его тягостными представленіями истинъ, въ которыхъ и безъ того онъ, къ сожалѣнію, не могъ заблуждаться; не менѣе терзали Виктора и другія многія постороннія обстоятельства, и въ этотъ самый мигъ на сердцѣ его болѣла царапина отъ нѣжныхъ розовыхъ ноготковъ простодушной и незлобной Грушеньки.

Богъ знаетъ, какую ночь провелъ Викторъ, переваривая всѣ скопившіяся неудовольствія, и когда предсталъ онъ опять предъ ясные взоры Грушеньки, ѣдкое выраженіе лица его поразило дѣвушку.

— Что съ вами?—спросила она съ искреннимъ участіемъ.

Викторъ отвѣчалъ драматическимъ молчаніемъ; но понялъ, что въ этотъ мигъ тронулъ слабую струну женскаго сердца—состраданіе, бывающее не рѣдко счастливымъ началомъ другаго счастливѣйшаго чувства. Замѣтивъ это, Викторъ впалъ въ искушеніе.

— Что съ вами? — повторила съ видимымъ безпокойствомъ дѣвушка.

Викторъ закрылъ руками лицо.

— Со мною я самъ,—выговорилъ онъ удушливымъ голосомъ,—и этого довольно, чтобы по справедливости я имѣлъ право почитать себя величайшимъ несчастливцемъ міра.

Грушенька взглянула на него съ удивленіемъ.

— Вы спрашиваете, что со мной,—заговорилъ Викторъ голосомъ отчаянія, въ которомъ отзывалось однако же что-то

Digitized by Google

истинное, потому что въ самомъ дѣлѣ въ неудовлетворенномъ его сердцѣ была сосредоточенная, глубоко зарытая, какая то вѣчная мука. Вы спрашиваете, и я желалъ бы вѣрить, что этотъ вопросъ не пустое оскорбительное любопытство, не лицемѣрное изъявленіе любезнаго участія; но если бы я даже могъ и смѣлъ принять это участіе къ своей ничтожной личности, если бы я рѣшился отвѣчать вамъ, могу ли я быть увѣренъ, что вы захотите меня выслушать, и, выслушавъ, понять меня.... Вы спрашиваете; но знаете ли, что отвѣчать вамъ значитъ растравлять больнѣйшія раны сердца; а вы, увидѣвъ ихъ, отвернетесь съ содроганіемъ. Можете ли вы, безпечное дитя, понять такое состояніе духа, въ которомъ жизнь есть тяжкое бремя. Поймете ли вы, что въ душу человѣка можетъ постоянно вливаться ядъ, который жжетъ какъ на маломъ огнѣ и будетъ жечь до послѣдняго издыханія. Поймете ли вы, что сердце, изсякнувъ въ этихъ истязаніяхъ, можетъ уже не желать ничего лучшаго, и свыкнувшись съ страданіемъ, исполненное злой отравы, можетъ только изливать эту отраву на все окружающее и чувствовать нѣкоторое облегченіе только при видѣ чужаго горчайшаго страданія. Поймете ли вы, воплощенная благость, что бываютъ минуты, въ которыя необходимо терзать и упиваться воплями муки, и наконецъ, поймете ли вы, что, по высочайшей казни неба, можно имѣть страшную способность отдавать себѣ безпристрасный отчетъ каждаго своего ощущенія, каждаго біенія нравственныхъ артерій, оцѣняя вполнѣ всю ихъ пошлость.

— Какія у васъ мрачныя мысли!—прервала молодая дѣвушка,—я право никогда не слыхала ничего подобнаго.

— Вѣрю и скорблю, — вздохнувъ сказалъ Викторъ,— вѣрю, потому что вы олицетворяете передо мной генія свѣта и тишины душевной, который давно уже покинулъ меня; скорблю, потому что больная душа моя, видя васъ и зная себя, болитъ еще сильнѣе.

— Право, право, я не понимаю васъ!—вымолвила голосомъ полнымъ соболѣзнованія Грушенька.

Digitized by Google

— И въ этомъ я увѣренъ,—продолжалъ Викторъ;—но скажите, долженъ ли я стараться быть для васъ понятнымъ? Самъ я долго усиливался не понимать себя, покуда наконецъ вынужденъ былъ остановиться на убѣжденіи, что сердце мое, изстрадавшись, начинало умирать, и я читалъ уже ему отходную съ тѣмъ равнодушіемъ, которое проистекаетъ отъ ожесточенія, и вдругъ, не знаю для чего, это самое умирающее сердце, встрѣтивъ васъ, очнулось и воспрянуло отъ мертвой блаженной тишины.

— Ахъ, какой онъ несчастный! — подумала, слушая его, дѣвушка; но Викторъ, подобно актеру, который вдохновился и вошелъ въ роль свою до изступленія, продолжалъ:

— Знаете ли вы, прекрасный младенецъ мой, къ какой страшной мукѣ воскресило меня это пробужденіе? Эту муку можно сравнить только съ томленіемъ смертельнаго, ничѣмъ неудовлетворимаго голода. Но этотъ голодъ ужаснѣе, стократъ ужаснѣе того голода, о избавленіи отъ котораго молятся въ храмахъ, который составляетъ одно изъ бѣдствій человѣчества; отъ котораго, въ бреду и жару горячки, съ лица страдальца катится нервный холодный потъ, когда, впадая въ послѣднюю степень муки, въ восторженную сонливость, подобную безумію, при страшныхъ внутреннихъ судорогахъ, онъ грезитъ на яву такія грезы, отъ которыхъ трещитъ черепъ. Но эти истязанія голода плотскаго ничто въ сравненіи съ голодомъ мысли, съ голодомъ воображенія, околдованнаго гибельными соблазнами!...

— Боже мой, Боже мой, что̀ это такое? — спрашивала себя, содрогаясь, Грушенька.

— Ради Бога, успокойтесь,—сказала она,—перестаньте, пожалуста, перестаньте; говорите что-нибудь другое, иначе я, право, заткну уши и убѣгу.

Эта угроза охладила сценическое одушевленіе Виктора. Онъ въ самомъ дѣлѣ успокоился, заговорилъ проще, и переходя постепенно изъ тона въ тонъ, рѣчь его построилась на нѣжный гармоническій ладъ, въ которомъ окончательно истощилась фуга его.

Digitized by Google

Грушенька была очень довольна, видя эту перемѣну, и Викторъ былъ также чрезвычайно доволенъ; это утро было едва ли не лучшее утро въ его жизни: такъ неизбѣжно, такъ сильно было обаяніе дѣвушки, что онъ подчинялся ему непроизвольно. Глядя на нее, онъ чувствовалъ необъяснимое наслажденіе; слушалъ ласковый, добрый, веселый звукъ ея рѣчи, не вникая даже въ смыслъ ея, онъ ощущалъ сладкое успокоеніе.

— Какъ не хочется мнѣ ѣхать отъ васъ домой!—сказалъ онъ прощаясь.

— Пріѣзжайте завтра.

— Завтра! Богъ знаетъ что̀ будетъ завтра.

— Бросьте ваши черныя мысли.

— Вы одни умѣете отгонять ихъ отъ меня.—И Викторъ, вперивъ страстный взоръ въ устремленные на него съ мольбою глаза милой дѣвушки, заговорилъ съ нею на прощаніи стихами:

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взиралъ
И жаръ невольный умиленья
Впервые смутно сознавалъ.

—

Прости, онъ рекъ, тебя я видѣлъ,
И ты не даромъ мнѣ сіялъ:
Не все я въ небѣ ненавидѣлъ,
Не все я въ мірѣ презиралъ!

Сказавши прости, онъ простился въ самомъ дѣлѣ, и уѣхалъ, увозя съ собою Богъ знаетъ что̀ на сердцѣ. Онъ почувствовалъ однако же, что началъ романъ. Для чего началъ онъ его, и какія должны были быть изъ того счастливыя или несчастныя слѣдствія, для него самаго или для предмета, попавшагося ему подъ руку, — онъ о томъ не думалъ, какъ и большая часть героевъ, рѣдко имѣющихъ совѣсть думать о слѣдствіяхъ.

Digitized by Google

Викторъ продолжалъ однако же посѣщать сосѣдокъ своихъ ежедневно, и оставался у нихъ съ утренней зари до вечерней. Разсуждая съ каждымъ днемъ менѣе и менѣе, и съ каждымъ днемъ становясь довольнѣе тѣмъ, что происходило въ его сердцѣ, онъ говорилъ съ Грушенькой безъ философіи и риторства, вызывалъ ее на довѣрчивость, и упивался, вникая въ это чистое сердце, которое высказывало себя безсознательно.

Но семья Виктора не оставляла его въ покоѣ, и между тѣмъ какъ онъ отдавался безотчетно сладостямъ новаго своего ощущенія, Прокофій Трофимовичъ не переставалъ причитывать ему доводы о необходимости вступить въ военную службу. Мать не переставала атаковать его другаго рода намеками, и торопить поѣздку его въ городъ. Впрочемъ, намеки Настасьи Прокофьевны не были уже новостью для Виктора. Тогда еще, въ тотъ самый день, когда въ первый разъ глаза его окинули изящный очеркъ и не менѣе изящный антуражъ прекрасной Бетси Чапариной, демонъ намекнулъ ему то же самое, но намекнулъ такъ тихо и такъ тонко, что Викторъ самому себѣ еще въ томъ не сознался.

Однако жь это не препятствовало ему предаваться сердечному своему влеченію до тѣхъ поръ, покуда не вмѣшалось въ дѣло усердіе добраго человѣка.

Провожая по обычаю на крыльцо Виктора, Пелагея остановилась передъ нимъ однажды, прося у него позволенія молвить слово. При этой просьбѣ, лицо ея приняло необыкновенно торжественное выраженіе, которое придало добрымъ и спокойнымъ чертамъ ея что-то смѣшное, даже глупое.

— Что тебѣ, моя милая?—спросилъ Викторъ.

— Не въ укоръ твоей чести, — начала Пелагея,—Грушеньку я своею грудью вскормила; матушка ея, царство ей небесное, скончалась, и дѣло ея сиротское, такъ скажи ты мнѣ, родимый, по простосердечію....

— Что такое?—спросилъ изумленный Викторъ.

— Мавра Ивановна старый человѣкъ,—продолжала Пелагея,—все одно, что младенецъ, а я ее своею грудью вскормила....

Digitized by Google

— Ну такъ что жь?

— Такъ-то и есть, родимый, ты скажи мнѣ по простосердечію....

— Что прикажешь говорить?

— Не безъ хлѣба сироту отецъ съ матерью оставили: Грушенька у насъ, благодарить Бога, все какъ слѣдуетъ, все ей одной достанется. Усадьбица чистехонька, не въ закладѣ, какъ стекляшко, домъ чаша полная, восемь дворовъ съ иголочки, и все сбережено до синя пороха: и платья шелковыя покойницы, и купавинскую шаль, и ложекъ двѣ дюжины.... Вѣдь я Грушеньку своею грудью вскормила, радѣю объ ней какъ объ родной дочери, такъ не въ укоръ твоей чести будь сказано....

— Что за безтолочь городишь ты, моя голубушка?

— Не въ укоръ твоей чести, господинъ милостивый, вотъ и Андріянъ Ивановичъ ѣздитъ къ намъ, и человѣкъ онъ состоятельный, такъ ты скажи мнѣ по простосердечію....

Этимъ именемъ Пелагея хлынула какъ холодной водою на Виктора; онъ нахмурился, не вымолвилъ болѣе ни слова, шаркнулъ съ крыльца и вскочилъ на лошадь.

— Ээ, молодецъ!—подумала Пелагея, и, качая головою, вошла въ комнаты. Сердце ея сильно возмутилось и голова была въ чрезвычайномъ разстройствѣ.

Пелагея, въ самомъ дѣлѣ вскормившая своею грудью Грушеньку, питала къ ней то материнское чувство, которымъ обыкновенно привязываются кормилицы къ своимъ питомицамъ; но это чувство, которое, по отнятіи отъ груди, ослабѣваетъ и уничтожается постепенно, поддерживалось постоянно зависимостію сиротки отъ ея заботъ Пелагея, поступившая впослѣдствіи въ полныя попечительницы о Грушенькѣ и старой бабушкѣ ея, во всѣхъ возложенныхъ на нее судьбою должностяхъ оказывалась исправною и добросовѣстною; но, по видимому, Пелагея не обладала даромъ слова; языкъ ея, не привыкшій слѣдовать по пятамъ за мыслію, запутался въ повтореніи заранѣе придуманныхъ рѣчей. Окончательно сбитая съ толку неожиданными возраженіями Виктора, она пришла въ крайнюю тревогу, и этою тревогою возмутила сладкій отрадный сонъ, въ которомъ задремали чувства нашего героя.

Digitized by Google

Онъ еще не отъѣхалъ полуверсты, какъ мысль его, окрѣпнувшая отъ чуждаго ей покоя, пробудилась съ новою силой.

— Боже, Боже!—думалъ Викторъ,—нѣтъ въ мірѣ темнаго угла, гдѣ бы возможно было укрыть себя отъ нелѣпости человѣческаго рода. Нѣтъ возможности забыться на одну минуту,—тотчасъ же кто-нибудь побезпокоится отрезвить къ грустной дѣйствительности!... Очень нужно было мнѣ знать о существованіи двухъ дюжинъ ложекъ и о десяткѣ новыхъ избъ, хоть эта статья, въ соединеніи съ милыми качествами премилой Грушеньки, разумѣется, обольстительная для какого-нибудь уѣзднаго искателя блаженствъ семейнаго очага.... Что жь, по истинѣ блаженна участь того, кому предназначено судьбою вдохнуть въ это дѣвственное сердце сознаніе, дать ей вкусить полноту жизни, раскрыть нѣмыя уста ея и услышать изъ нихъ чудныя неразгаданныя тайны женской природы. Но мнѣ.... есть ли какая-нибудь возможность мнѣ рѣшиться разыгрывать съ тобой вѣчную идиллію? и не слишкомъ ли безукоризненна ты для моей испорченной природы? Эта самая безукоризненность пуще всего пугаетъ меня. Эта безукоризненность не есть ли то же самое, что приторное, хоть здоровое яство для гортани избалованной, быть можетъ, развращенной остротами и возбудительными.... Я понимаю, что Рафаэль могъ постоянно обожать свою Форнарину, воспроизводить тысячекратно образъ ея, но славный мастеръ былъ только художникъ, жилъ одною стороною своего исключительнаго творчества, весь духъ его перешелъ въ неуловимыя очертанія, въ которыя вдыхалъ онъ лучъ жизни.... Я понимаю, что въ такомъ творчествѣ забывается все на свѣтѣ. Какъ Рафаэль, могу я плѣняться тобою, какъ художникъ могу упиваться чудною граціею твоего дѣвственнаго воображенія, разработывая его своимъ опытомъ; но художникомъ и Рафаэлемъ могу я быть единственно въ минуты моихъ поѣздокъ въ Старый-Сукъ, гдѣ все теперь способствуетъ очарованію: и живительный воздухъ весны, и мое собственное расположеніе, все, не исключая живописно-уродливой прабабки твоей. Но представить себѣ, тебя прекрасную правнучку, матерью многочисленнаго семейства, погрязшею

Digitized by Google

въ мелочныхъ заботахъ скудной жизни, терзающую слухъ мой твоимъ наивнымъ простор҃чіемъ,—нѣтъ! блаженство въ хижинѣ создано не для меня, эдемъ въ избушкѣ для меня не существуетъ, даже съ тобою!... Я погрязну въ умозрѣніяхъ, сойду съ ума, если не съ умѣю развлечь себя шумомъ и блескомъ и отуманить хмѣлемъ изъ ароматной чаши, увѣнчанной цвѣтами!... Но въ рѣдкія минуты трезваго состоянія, или въ минуты утомленія, мнѣ отрадно было бы убѣгать отъ самаго себя къ тебѣ, доброе созданіе, покидать для тебя весь міръ и летѣть къ стопамъ твоимъ на добромъ скакунѣ благородной крови, за котораго заплачена сумма, превосходящая тысячу разъ все твое приданое.... Съ тобою, дитя природы, забылъ бы я цѣлый міръ; тобою, дикій, чудный цвѣтокъ, любовался бы я, по любви къ прекрасному, на сколько достало бы силъ и досуга!...

Разочаровывая себя, Викторъ становился все грустнѣе и грустнѣе.

XIV.

Въ этихъ обстоятельствахъ время поѣздки въ городъ приспѣло весьма кстати. Настасья Прокофьевна собирала Виктора въ дорогу и провожала разнаго рода наставленіями; во первыхъ, беречь свое здоровье, во вторыхъ, беречь деньги, въ третьихъ, наказывала ему остановиться на постояломъ дворѣ прикащика князя Мухробатова, мѣщанина Савелова, который, послѣ выгодной сдѣлки, вызывался на услуги. Анна Петровна напутствовала внука пожеланіемъ всякаго благополучія. Прокофій Трофимовичъ пожималъ только плечами, а озабоченная сборами молодаго барина Акулина, съ лица которой въ три ручья струился потъ, бранилась со всѣми встрѣчными, что̀ дѣлала она обыкновенно при всякомъ случаѣ, который выводилъ ее изъ нормальнаго положенія.

Все это способствовало какъ нельзя болѣе къ вожделѣнному прибытію Виктора въ губернскій городъ; но такъ какъ интересы, суетившіе губернское общество, не были собственно

Digitized by Google

личными интересами Виктора, потому мы и послѣдуемъ только за обстоятельствами, исключительно къ нему прикосновенными.

Минуя весьма любопытное, но уже столько извѣстное описаніе постоялаго двора мѣщанина Савелова, мы послѣдуемъ за юношей на первый балъ, гдѣ его появленіе произвело сенсацію; онъ, какъ весьма основательно ожидала Настасья Прокофьевна, обратилъ на себя вниманіе своей осанкой, своимъ приличнымъ туалетомъ, своей пріятной наружностію, своей благородной отличительной способностію танцовать польку. Съ перваго шага нельзя было не признать Виктора первымъ губернскимъ полькеромъ, и хоть это былъ такого рода эпитетъ, на который нисколько не претендовалъ герой нашъ, но волею или неволею, любо или не любо, онъ былъ навязанъ ему общимъ приговоромъ. Само собою разумѣется, что дамы съ особеннымъ удовольствіемъ предоставляли свои гибкія таліи ловкости и мастерству новаго кавалера; но эти дамы не имѣли привиллегіи личнаго съ нимъ знакомства, которой пользовалась миссъ Бетси, и такъ какъ во всякомъ губернскомъ городѣ, точно также какъ и во всякой столицѣ, послѣ нѣсколькихъ *содрогательныхъ* и другихъ полекъ, танцуютъ мазурку: то весьма естественно, что Викторъ и Бетси усѣлись рядомъ въ одной точкѣ пестраго круга.

Этотъ вѣнокъ, сплетенный, болѣе или менѣе изъ прекрасныхъ цвѣтовъ, былъ *анкадрированъ* или *орамленъ* чернѣвшимъ на послѣднемъ планѣ сплошнымъ полемъ фраковъ. Въ срединѣ же круга, въ самой аренѣ, освѣщенной люстрами, навощенной до-нельзя, упитанной благовоніями, оглашенной громомъ оркестра, мелькали сильфиды, сверкали эксельбанты, скользили лаковые сапоги, бились сердца, играло невидимое электричество, охмѣляющее головы и бунтующее кровь. Это все шло своимъ чередомъ, какъ слѣдуетъ. Маркизъ Чапаринъ въ толпѣ избранныхъ стариковъ, такъ называемыхъ *тузовъ* губерніи, отдыхая отъ роберта въ спокойныхъ креслахъ, наслаждался эффектомъ, производимымъ въ обществѣ его семьей. Онъ провожалъ взоромъ, полнымъ

Digitized by Google

гордаго спокойствія, плывущую по паркету супругу, зрѣлую, но тѣмъ не менѣе замѣчательную красоту, одѣтую по послѣднему тончайшему вкусу. Прозрачная бренная ткань бѣлой дымки тѣснила и оковывала какъ латами полный станъ. Ловкій молодой адъютантъ увлекалъ ее, какъ зефиръ на крыльяхъ, возбуждая по слѣду ропотъ зависти и злословія.

Глаза маркиза устремлялись также съ особеннымъ удовольствіемъ на слѣдующаго въ свою очередь представителя имени его въ потомствѣ который хоть не проявлялъ никакой способности украсить потомственнаго герба новыми доспѣхами, но, не смотря на это, былъ милъ и дорогъ его сердцу. M. Pierre, отмѣченный усвоеннымъ шикомъ, рука объ руку съ ликующей француженкой, приводилъ публику въ восхищеніе. Эта пара, живая, увлекательная, безумная, имѣла въ себѣ что-то подзадорительное, что-то такое, отъ чего ноги стариковъ готовы были пуститься въ слѣдъ за ними.

Но гордость родительская напыщалась несравненно сильнѣе, когда вставала съ своего мѣста великолѣпная Бетси. Бетси, не олицетворяющая собою дебелой славянской породы, бѣлоликой, румяной, съ голубыми очами, съ соболиными бровями, съ русыми косами; Бетси смуглая, худощавая, гибкая какъ тростинка, съ черными глазами, краснорѣчивыми какъ реторика, съ претензіею на оригинальность, такъ часто встрѣчаемую въ женщинахъ, не имѣющихъ права претендовать на что-нибудь лучшее.

Туалетъ, это важное пополненіе женскихъ прелестей, былъ на ней какъ и всегда изященъ; въ немъ явствовалъ оттѣнокъ той самой оригинальности, въ которую любила рядиться дочь Чапарина. Въ этотъ вечеръ она была легка и облачна, одѣта въ тюль-иллюзію, усыпанную живыми цвѣтами. Надѣвая это платье, Бетси могла быть увѣрена, что подобнаго не будетъ на балѣ. Вѣтка бѣлыхъ живыхъ цвѣтовъ на черныхъ какъ смоль и густыхъ какъ лѣсъ волосахъ ей казалось, была наброшена руками самихъ грацій. Прикалывая эту вѣтку, Бетси также знала, что никто въ губерніи не сумѣетъ такъ приколоть ее.

Лишь только Викторъ и Бетси являлись посреди круга,

Digitized by Google

всѣ глаза, очки и лорнеты направлялись на нихъ; но ни тотъ, ни другая, не желая по видимому пользоваться своими привиллегіями, не пробѣгали и четвертой доли гипподрома, нехотя исполняли фигуру и снова вдвигались въ кулисы, продолжая разговоръ.

Викторъ и Бетси щеголяли другъ передъ другомъ своими идеями, сужденіями, ловкостію языка, образомъ мыслей и понятій и всевозможными нравственными и умственными преизбытками.

Они говорили о природѣ, о климатѣ, о Дженни Линдъ, о Шекспирѣ. Викторъ высказывалъ какое-то свое очень дѣльное мнѣніе въ ту минуту, какъ глаза его наткнулись на миссъ Покетъ, прямую какъ аршинъ, неуклюжую какъ истинная англичанка. Заблаговременно ангажированная Кобуринымъ, она огибала орбиту залы, занимаясь дѣломъ мазурки столь же серьозно, какъ ученымъ преніемъ.

— Г. ротмистръ, —сказалъ, прерывая себя, герой нашъ,— поставляетъ себѣ въ пріятную обязанность водить эту англійскую мачту по паркету, и онъ это дѣлаетъ такъ естественно, что нельзя не любоваться.

— А по мнѣ такъ нельзя не любоваться замѣчательнымъ устройствомъ огромной головы его. Эта голова составляетъ постоянный предметъ моего восторга,—сказала Бетси.

— Въ какомъ смыслѣ?—спросилъ Викторъ.

— Въ смыслѣ френологическомъ.

— Вы занимаетесь отыскиваніемъ *шишекъ созидаемости* или *разрушаемости* на этомъ обширномъ полѣ?

— Вы, кажется, хотите шутить, а я говорю серьозно. Френологъ ли вы?

— Нисколько.

— Это удивительно.

— Почему жь удивительно?

— Потому что вы человѣкъ современный.

— Возмитесь сдѣлать изъ меня адепта вашей науки; иначе я рискую отстать отъ вѣка.

Digitized by Google

— Духъ прозелитизма обладаетъ всякимъ учителемъ, но моя наука дѣлаетъ неспособнымъ обманываться тамъ, гдѣ это бываетъ спасительно, или покрайней мѣрѣ полезно.

— Осмѣливаюсь предложить вамъ не церемониться: ваши ученики найдутъ свой разсчетъ во всякомъ случаѣ.

Бетси самодовольно улыбнулась.

Она заговорила о Френологіи единственно потому, что Андріанъ Ивановичъ, удовлетворяя дамское любопытство ея на счетъ нашего героя, называлъ его тьмою премудрости человѣческой.

Бетси задумала озадачить ученаго своими вкусами. Ободренная успѣхомъ, она пустилась во вся тяжкая, и расточила столько перлъ въ чистую пользу Людвинова, что еслибы слухъ Настасьи Прокофьевны могъ обрѣсти внезапно страшную проницательность, способную слышать за нѣсколько десятковъ верстъ, сквозь стѣны каменнаго зданія, при громѣ оркестра и въ шумѣ бальнаго говора, то, что говорили между собою Викторъ и Бетси, материнское сердце ея взыграло бы радостію.

Но земныя радости слишкомъ скоротечны. Едва окончилась мазурка, Бетси порхнула въ противоположную сторону залы, туда, гдѣ собирались члены ея семейства, гдѣ къ отцу и брату присоединились Кобуринъ и миссъ Покетъ. Бетси, съ милыми ужимками, уговаривала ротмистра, не отдыхая послѣ бала, ѣхать съ ними на зарѣ верхомъ, полюбоваться живописными берегами Волги.

Ротмистръ былъ лихой наѣздникъ, страстный охотникъ до лошадей, и Викторъ, видя эти признаки кокетства Бетси, обезпокоился не безъ основанія.

—Впрочемъ,—подумалъ онъ,—кокетство не есть ли своего рода великодушіе, которое, подражая солнцу, согрѣваетъ достойныхъ и недостойныхъ, призванныхъ и непризванныхъ.

Балъ окончился также какъ и начался—самымъ обыкновеннымъ образомъ.

Въ исходѣ втораго часа, зала ощутительно пустѣла, дамы первыя покидали собраніе, мущины слѣдовали за ними, или устремлялись къ ломбернымъ столамъ. Викторъ подошелъ къ од-

Digitized by Google

ному изъ нихъ, гдѣ молодой Пьеръ Чапаринъ выбрасывалъ изъ кошелька послѣднія лепты.

— Дѣло!—замѣтилъ подходя и Кобуринъ,—легче будетъ возвращаться домой.

— Что жь дѣлать, господа,—сказалъ, комически обращаясь къ партнерамъ своимъ, Пьеръ,—въ этомъ кошелькѣ, какъ видите, carte blanche. Отецъ даетъ мнѣ пріютъ, согрѣваетъ, питаетъ меня, одѣваетъ и забавляетъ; деньги же онъ любитъ проигрывать самъ, и не терпитъ моего участія въ этомъ наслажденіи. Игра, изволите видѣть, вторая жена его, моя почтеннѣйшая мачиха, на которую я долженъ смотрѣть съ благоговѣніемъ.

На эту метафору отвѣчали хохотомъ. Викторъ также, смѣялся; но по нервамъ его пробѣгала дрожь. Глядя на падающія карты, онъ почувствовалъ первый симптомъ невѣдомой ему до того страсти, и по этому симптому могъ судить, что болѣзнь грозила быть ужасной.

Въ немъ вспыхнуло неодолимое желаніе испытать счастія.

— Справедливо говорятъ,—подумалъ Викторъ,—что игра не можетъ сравниться ни съ какою другою страстію, потому, быть можетъ, что ни одна изъ нихъ такъ не изобилуетъ страшными драмами. Что такое любовь въ сравненіи съ игрою, и любовникъ въ отношеніи къ игроку не есть ли ребенокъ?...

Викторъ судилъ по себѣ. Еще такъ недавно испыталъ онъ легкій припадокъ нѣжнаго чувства къ милой Грушенькѣ; но это чувство умолкло при первомъ словѣ разсудка. Оно задвинулось новыми кулисами, на которыхъ, какъ мы видѣли, разыгралось уже первое явленіе новой пьесы. Но теперь, видя передъ собою соблазнъ карточныхъ шансовъ, Викторъ подстрекался на попытку.

Онъ подошелъ къ покинутому молодымъ Чапариныхъ мѣсту, и не устоялъ противъ соблазна. Игравшіе привѣтливо приняли его предложеніе, взломили новыя колоды, разметали стасованныя масти.

Викторъ казался покоенъ и развязенъ. Онъ игралъ со всѣмъ строгимъ приличіемъ порядочнаго человѣка, и только

Digitized by Google

изрѣдка судорога, пробѣгающая по губамъ его, проявляла внутреннее его волненіе.

Между тѣмъ, Пьеръ Чапаринъ продолжалъ шутить и потѣшать общество, ужиная за особымъ столикомъ въ товариществѣ ротмистра. Онъ перебрасывалъ съ играющими острые и тупые каламбуры, смѣшилъ выходками, и послѣ каждаго выпитаго бокала пѣлъ двусмысленные куплеты.

Люди, вообще падкіе до смѣху, прощаютъ все на свѣтѣ за наслажденіе похохотать добрымъ глупымъ смѣхомъ; но этотъ смѣхъ, по мѣрѣ того какъ проигрывалъ Викторъ, дѣйствовалъ на него все болѣе и болѣе раздражительно.

Викторъ проигрывалъ въ самомъ дѣлѣ потому, что напрасно ставилъ въ параллель игру съ любовью, и называлъ любовника младенцемъ. Этотъ младенецъ, подчиняясь естественному закону природы, съ первымъ біеніемъ сердца постигаетъ всю глубину и мудрость этого закона, и тотчасъ же становится профессоромъ своего дѣла, тогда какъ игрокъ находится въ зависимости отъ теоріи и рутины. Но во всякомъ случаѣ мы обязаны сказать, что Викторъ проигрывалъ стоически, не хмуря брови, не мѣняясь въ лицѣ, не изъявляя никакого знака неудовольствія. Онъ даже имѣлъ хладнокровіе обращать нѣкоторое вниманіе на бесѣду, не чуждую его интересамъ.

— Съ чего это взяла моя любезнѣйшая сестрица, что послѣ этого ужина я буду въ состояніи сопровождать ее въ утренней кавалькадѣ?—сказалъ братъ Бетси, видимо уже отяжелѣвшій.

— Но если вы измѣните намъ, то одна дама останется безъ кавалера,—сказалъ ротмистръ.

— Напротивъ того, я думаю, что Бетси считаетъ при особѣ своей двухъ безсмѣнныхъ тѣлохранителей; кромѣ вашего высокоблагородія, за ней по обыкновенію слѣдуетъ миссъ Покстъ, а ее, вѣроятно, вы не называете дамой. Это изрядный конюхъ, который въ состояніи не только пересѣдлать лошадь и подтянуть подпругу, но даже въ случаѣ нужды запречь телѣгу и сѣсть на козлы.

— Что касается до меня,—отвѣчалъ Кобуринъ,—я обя-

зался состоять у стремени миссъ Покетъ и не почитаю себя въ правѣ называть ее иначе какъ дамой.

— Въ такомъ случаѣ, m-r Людвиновъ не откажется выручить меня изъ непріятнаго положенія, — сказалъ Пьеръ, обращаясь къ Виктору, который только что сдѣлалъ реноисъ.

Очень радъ,—отвѣчалъ Викторъ,—если вы возмете на себя отвѣтственность за такое самовластное распоряженіе.

— Это распоряженіе на правахъ деревенскихъ, отъ которыхъ мы не отступаемъ,—сказалъ Чапаринъ,—и лошадь и сѣдло мое къ вашимъ услугамъ. Наши искатели приключеній отправляются на зарѣ, на восходѣ солнца.

— Вы имѣете еще два роберта сроку, — сказалъ Кобуринъ, глядя на часы и вставая изъ-за стола.

Пошатываясь и продолжая говорить разный вздоръ, всталъ за нимъ и Чапаринъ, и оба оставили собранье. Викторъ остался доигрывать свои два роберта сроку, ему хотѣлось отыграться. Лицо его разгорѣлось, а сердце сжималось и замирало при каждомъ ремизѣ. Пуще всего сбивало его съ толку колоброднос его воображеніе; разсужденіе и мышленіе не отступили отъ него даже за игрой. Вмѣсто того, чтобъ слѣдить за расположеніемъ игры и самому располагать ходами — ему лезла въ голову всякая всячина.

То его заботила собственная его наружность: — игрокъ, говорилъ онъ самъ себѣ, не считая козырей, долженъ быть невозмутимъ, долженъ владѣть собою во всѣхъ крайностяхъ и не терять изъ виду главной своей цѣли. Какъ знать, что готовитъ ему судьба черезъ часъ времени.

То вдругъ рождалось въ головѣ его поэтическое сравненіе:—игрокъ, думалъ онъ, подобенъ птицѣ бурь, которая живетъ на разъяренныхъ волнахъ подъ грознымъ небомъ... Онъ, не вставая съ мѣста, проходитъ всѣ ступени общественнаго быта — отъ нищаго до вельможи, и становится попеременно, то позоромъ и бичемъ семьи своей, то расточителемъ сокровищъ и благодѣтелемъ своихъ близкихъ.

То вдругъ овладѣвала Викторомъ совѣстливость, и онъ начиналъ оправдываться передъ собою: — жажда выигрыша почитается предосудительной; но предосудительно ли любить

Digitized by Google

золото тому, кто разсыпаетъ его полными горстями? золотомъ жизнь обрѣтаетъ страшные размѣры, и какъ не стяжать его тому, кто созданъ не по масштабу мелкихъ организацій?

Результатомъ этихъ умствованій было то, что Викторъ жестоко проигрался. Возвратясь домой, усталый и разстроенный, едва успѣлъ онъ подкрѣпить себя чашкой чаю и переодѣться, какъ жокей Чапарина привелъ къ нему осѣдланнаго Тальбота.

Почему выбрала Бетси такой ранній часъ для утренней прогулки, послѣ утомительнаго бала? Безъ сомнѣнія, только потому, что ни одной амазонкѣ въ городѣ не пришла бы въ голову подобная эксцентричность.

XV.

Но эта фантазія миссъ Элаизы была для Виктора благотворна; утренній воздухъ и движенье были для него цѣлебны, потому что непріятность проигрыша причиняла ему тоску похмѣлья, которую называютъ нѣмцы Katzenjammer.

Викторъ былъ блѣденъ, губы его посинѣли, онъ содрогался отъ свѣжести утра и щелкалъ зубами. Благодаря этому страдательному положенію, онъ лишился способности предаваться своимъ монологамъ. Мозгъ его былъ какъ будто въ оцѣпенѣніи. Проѣзжая по улицамъ, въ сопровожденіи Джона, т. е. русскаго Ивана, онъ безсмысленно глядѣлъ на вывѣски, на которыхъ золотой крендель булочника или большіе ножницы портнаго, какъ будто выростали, принимая въ глазахъ его неестественные объемы.

Всѣ ставни домовъ были заперты, кой-гдѣ попадался ему ранній пѣшеходъ, который, оглядываясь, провожалъ его глазами.

Приближаясь къ дому Чапарина, Викторъ издали прослышалъ топотъ копытъ, жужжанье хлыстиковъ и мѣрный кадансъ галопа; въѣхавъ въ ворота, онъ увидѣлъ готовыхъ

Digitized by Google

всадниковъ, дѣлающихъ вольты и другія конныя эволюціи, въ ожиданіи запоздалаго товарища.

Бетси предстала блистательной и цвѣтущей. На лицѣ ея не было тѣни утомленія. Затянутый въ шнуровку станъ ея, живописно колебался, согласуясь съ движеніями отлично выѣзженной красивой лошади. Изъ-подъ касторовой шляпы убійственно глядѣли говорящіе глаза ея.

Она обратилась къ Виктору съ признательностію за его любезную готовность замѣнить лѣниваго брата. Всѣ ея пріемы проявляли знаніе своего дѣла, и мимика, и рѣчь ея, и выѣздка, и посадка — все было правильно, исполнено ловкости и такта. Безъ всякой натяжки, самъ собою попадался ей на языкъ изящный выборъ словъ для замысловатыхъ и вкрадчивыхъ выраженій.

Всадники выступили фронтомъ. Викторъ держался какъ слѣдуетъ правой стороны своей дамы. Кобуринъ сопутствовалъ съ лѣвой, принадлежа къ эскорту миссъ Покетъ, которая представляла довольно забавную фигуру въ сѣрой сверхъ парика огромной шляпѣ, въ амазонкѣ, напоминающей фасономъ своимъ и цвѣтомъ, знаменитый сюртукъ Корсиканца. Не говоря ни слова, не принимая никакого участія въ томъ, что говорилось въ компаніи, она подвигалась, погруженная въ балансъ и выправку высокой школы, пригвоздивъ глаза къ концамъ ушей довольно безпокойнаго и пугливаго иноходца. Миссъ Покетъ не могла выносить смирной лошади; по ея мнѣнію, молоть манежный галопъ на животномъ, дрессированномъ какъ машина, не значило ѣздить.

Но только одна миссъ Агнесса Покетъ и была въ своей тарелкѣ, остальные наѣздники чувствовали неловкость отношеній. Новое лицо Виктора стѣсняло ихъ, и для Бетси предстояла трудная задача согласовать разнородные элементы своихъ спутниковъ.

Задача была въ самомъ дѣлѣ не легкая, потому что общество не предетавляло собою такъ называемой partie quarrée; Миссъ Покетъ присутствовала для приличія, и Бетси чувствовала себя поставленною между двухъ состязателей. Это связ-

Digitized by Google

ніе подстрекало тщеславное сердце ея, вызывая изъ глубины его всѣ очарованія женской стратегіи.

Минуя главныя мощеныя улицы, кавалькада рискнулась въ пыльные переулки, которые скоро вывели ее за заставу.

Здѣсь всадники вздохнули вольнѣе, и каждый изъ нихъ по своему одушевился. Миссъ Бетси, вдохновенная видомъ Волги, которая лежала гладкимъ стальнымъ зеркаломъ, отражая въ струяхъ разсыпанное алмазами солнце, заговорила изъ оды Руссо:

L' Univers à sa presence
Semble sortir du neant,
Jl prend sa course, il s' avance
Comme un superbe geant.

— Какъ можете вы хранить въ памяти эту старую схоластику?— спросилъ Викторъ.

— У миссъ Элаизы страшная память, — замѣтила англичанка.

Бетси схватилась за этотъ попавшійся подъ руку предметъ, посредствомъ котораго бесѣда могла сдѣлаться общей, и не противясь при такомъ удобномъ случаѣ пощеголять не только необыкновенной памятью, но и знаніемъ двудесяти языкъ, начала цитировать, тирада за тирадой, разныхъ германскихъ, англійскихъ, итальянскихъ и французскихъ классиковъ.

Удивительная въ самомъ дѣлѣ память ея не измѣнила ей ни въ одномъ словѣ. Для этой операціи лошади шли шагомъ, и миссъ Агнесса Покетъ, ударяя слегка по холкѣ своего иноходца, могла свободно считать стопы стиховъ. Кобуринъ акомпанировалъ ей киваніемъ головы, а Викторъ слушалъ, отдавая справедливость прекрасному произношенію Бетси.

— А нуте-ка, Елизавета Петровна, — прервалъ ее довольно безцеремонно ротмистръ, котораго начала клонить дремота подъ монотонную декламацію на чуждыхъ для него

Digitized by Google

діалектахъ,—скажите намъ теперь что-нибудь этакъ на распѣвъ, какъ итальянскіе импровизаторы. Оно хотъ и не понимаешь, да все-таки слушать пріятно.

Бетси не заставила повторить просьбы. Она любезно обратилась къ нему. Накинувъ трензель на рожокъ сѣдла, сдѣлала руками видъ, какъ будто держитъ гитару и начала речитативомъ сонетъ Петрарка:

Pace non trovo, et non ho da far guerra,
E temo, e spero, ed ardo, e son in ghiaccio,
E volo sopra 'l cielo, e giaccio in terra,
E nulla stringo, e tutto l' mondo abbraccio.

Въ такой позѣ Бетси, разумѣется, знала, что была интересна. Кобуринъ, поглядывая на Виктора, казалось, поощрялъ его любоваться, и какъ будто говорилъ ему: а что, а какова?

— Нуте-ка, нуте, — продолжалъ онъ, выводя на сцену таланты блистательной барышни,—спойте намъ какую-нибудь итальянскую арію.

Бетси снова повиновалась безпрекословно; она собрала поводья, и уже безъ мимики, весело и непринужденно зафредонировала довольно пріятнымъ *сопрано*, то страстные, то шутливые отрывки извѣстныхъ арій.

— Каково!— спросилъ ротмистръ Виктора, — вѣдь это, батюшка мой, что̀ твоя Малибранъ; а по нашему, что̀ твоя малина!

— Но вы не припомнили еще намъ ничего русскаго,— сказалъ Викторъ, когда Бетси перестала пѣть, — неужели отечественная лира не удостоилась занять маленькаго мѣста въ вашей могучей памяти?

— Русскаго?—сказала смѣясь Бетси,—я выучила наизусть первую пѣснь Телемахиды на зло моему учителю, который душилъ меня Фенелономъ.

— Наизусть, цѣлую пѣснь Телемахиды! —воскликнулъ съ ужасомъ Викторъ,— это любопытно!

— Если это любопытно въ самомъ дѣлѣ, то я попотчую васъ нѣсколькими стихами.—И Бетси начала съ увѣренностію,

Digitized by Google

что читать на память стихи Василія Кирилловича есть также оригинальность не послѣдняго разбора:

»Рцы, коль безъ кротости юноша пышь, безъ скромности дерзокъ;
»Безъ направленій стремглавъ, чуждъ искуства, безъ навыковъ дѣльныхъ;
»Внѣ постоянства превратенъ и твердости внѣ легкомысленъ;
»Коль есть медленъ ко благу, творитъ зло, игру тщу пристрастенъ,
»Чаять всего отъ себя, но безъ помощи рѣяться въ бездны....

— Что это значитъ?—спросила миссъ Покетъ, не понимающая по-русски.

— Это значитъ то,—сказалъ Андріанъ Ивановичъ, возвысивъ голосъ во всеуслышаніе,— что юные герои наши страхъ какъ самонадѣянны, и потому слишкомъ опрометчивы въ своихъ сужденіяхъ; что они очень много знаютъ, да ничего не вѣдаютъ; а о дѣлѣ и говорить нечего, дѣло ихъ не боится.

Бетси почувствовала женскимъ чутьемъ что-то жесткое въ этомъ переводѣ. Желая смягчить эту жесткость, она очень мило посмотрѣла на Виктора, и предложила пустить лошадей вскачь.

Викторъ былъ такъ доволенъ и взглядомъ и предложеніемъ, что, не дождавшись общаго сигнала, пришпорилъ коня, который рванулся впередъ. Иноходецъ миссъ Покетъ, не понимая въ чемъ дѣло, оторопѣлъ, рванулся въ свою очередь и понесъ. Бетси вскрикнула и пуще испугала взбѣсившагося коня, котораго тщетно старалась удержать наѣздница. Кобуринъ пустился въ слѣдъ за ней. Онъ зналъ мѣстность и боялся находящагося впереди обрыва. Викторъ же, спокойно осадивъ лошадь свою, подъѣхалъ къ покинутой амазонкѣ и сталъ слѣдить за импровизированной скачкой. Бетси также смотрѣла, но съ безпокойствомъ, заслоняя рукою глаза отъ солнца.

Они видѣли, что ротмистръ на всемъ скаку потерялъ фуражку, при чемъ обнажилась лысая голова его и рѣдкіе клочки волосъ на вискахъ ощетинились.

— Герой вашъ кокетничаетъ передъ вами своимъ замѣчательнымъ черепомъ,—сказалъ Викторъ.

Digitized by Google

— Боже мой!—вскрикнула Бетси, видя, что иноходецъ взвился на дыбы и перескочилъ черезъ низенькій плетень, на который надѣялась она, какъ на спасеніе.

— Ништо ей,—сказалъ Викторъ,—охота была садиться на такого бѣшенаго звѣря.

— Боже мой!—повторила Бетси, когда лошадь Кобурина перескочила по слѣдамъ черезъ тотъ же плетень.

— Оставьте ихъ въ покоѣ,—перебилъ эти восклицанія Викторъ,—пусть тѣшатся; повѣрьте мнѣ, что не произойдетъ ничего трагическаго.

— Какъ вы хладнокровны!—сказала дѣвушка.

— Это потому,—отвѣчалъ Викторъ, обернувшись спиною къ сценѣ, гдѣ, по его мнѣнію, не происходило ничего занимательнаго,—что я не вижу никакой надобности препятствовать имъ сломить себѣ шею.

— Какъ вы злы!—вымолвила Бетси.

Викторъ приподнялъ шляпу и поклонился.

Между тѣмъ насталъ мигъ, когда обѣ жертвы готовы были рухнуться въ пропасть; но Кобуринъ подоспѣлъ вовремя; онъ мощною рукою схватилъ поводья иноходца и разомъ осадилъ его. Миссъ Покетъ отъ внезапнаго толчка подскочила на сѣдлѣ и благополучно свалилась наземь. Избавитель ея бросился къ ней; но храбрая особа вскочила уже на ноги, кивнула въ знакъ благодарности головою, и принялась гладить и успокоивать разгоряченное животное и оправлять безпорядокъ конской сбруи и своей прически.

Бетси и Викторъ двинулись къ нимъ. Подъѣхавъ къ лежащей на дорогѣ фуражкѣ ротмистра, Викторъ, соскочивъ съ сѣдла, поднялъ ее и почтительно поднесъ своей дамѣ, примолвивъ снова, что это покрышка замѣчательнаго черепа.

Бетси, взглянувъ на покрытую прахомъ, заслуженную фуражку ротмистра, сдѣлала невольный знакъ отвращенія. Викторъ зацѣпилъ окольшь ея концомъ хлыстика, и, поднявъ, какъ трофей, повезъ торжественно съ собою.

Digitized by Google

— Право, наша свита прекрасно бы сдѣлала, еслибъ провалилась въ преисподнюю, — сказалъ Викторъ.

— Что́ это вы говорите! это ужасно!

— Что́ жъ мнѣ дѣлать, если я такъ нелѣпо созданъ, что ничего не могу чувствовать слегка или въ половину!— сказалъ онъ, отразивъ упрекъ пламеннымъ, пронзительнымъ взглядомъ.

Этотъ взглядъ оправдалъ Виктора; Бетси также взглянула на него, и въ этой мгновенной встрѣчѣ взоровъ сказано было все, что́ необходимо для завязки романа. Между тѣмъ потерпѣвшіе несчастное приключеніе товарищи подъѣхали къ нимъ. Лицо миссъ Покетъ походило на печенаго рака; Андріанъ Ивановичъ съ трудомъ еще переводилъ дыханіе, но послѣ великодушнаго подвига былъ веселъ; онъ во все продолженіе возвратнаго пути насвистывалъ и шутилъ; Викторъ молчалъ; Бетси была также не говорлива.

Подъѣхавъ къ дому, она возобновила салютующему ей Виктору разныя выраженія благодарности за пріятное сообщество.

— Только не отъ моего лица,—прибавила сердито англичанка,—я терпѣть не могу кавалеровъ, не знающихъ правилъ экватаціи, которыя запрещаютъ выскакивать впередъ и подстрекать чужихъ лошадей!

Возвратясь домой, Викторъ не былъ въ состояніи ни чувствовать, ни мыслить; онъ реставрировалъ себя сытнымъ завтракомъ, и, изнеможенный, бросился въ постель.

Его разбудилъ громкій голосъ брата Бетси, который пришелъ къ нему съ порученіемъ отъ губернскихъ дамъ звать его на вербовку рекрутъ.

— Какихъ рекрутъ?—спросилъ оторопѣвшій съ просонья Викторъ.

— А изволите видѣть. Матушка моя и сестрица принадлежатъ къ числу первыхъ городскихъ, такъ называемыхъ, благотворительницъ. По этой причинѣ, у насъ въ домѣ устроивается театръ съ равнородными затѣями, съ живыми картинами, танцами и всякими подобными наслажденіями. Онѣ

Digitized by Google

ловятъ волонтеровъ, ведутъ ихъ въ пріемную, производятъ экзаменъ способностямъ и присуждаютъ согласное онымъ употребленіе.

Викторъ одѣлся и послѣдовалъ за вербовщикомъ въ домъ Чапариныхъ, гдѣ блистательно горѣли лампы, освѣщая цѣлый садъ благоуханныхъ цвѣтовъ, и посреди этого сада, въ боскетахъ, на разставленныхъ въ разныхъ пріютахъ pâtés и козезкахъ, герой нашъ увидѣлъ полное собраніе губернскаго общества.

Въ одномъ углу разыгрывали на фортепьяно партитуры куплетовъ и преобразовывали ихъ на тысячу ладовъ; въ другомъ набрасывали акварельные очерки костюмовъ; тамъ знатоки разсуждали о характеристическихъ танцахъ, здѣсь спорили о предлагаемыхъ роляхъ.

— Въ какомъ представленіи участвуете вы?—спросилъ Викторъ миссъ Элаизу, зажигающую палитосъ и уронившую на него искру пламенныхъ глазъ своихъ.

— Участвую въ одномъ, и то едва.

— Вы играете?

— Нѣтъ.

— Танцуете?

— Еще менѣе.

— Позируете въ картинѣ?

— Въ одной, и то на послѣднемъ планѣ, въ углу, полузакрытая занавѣской.

Такая скромность въ характерѣ Бетси была неестественна, и Викторъ основательно ей не повѣрилъ.

— Для чего жь зарываете вы свои таланты? у васъ всѣ данныя для превосходной актрисы: невообразимая память и дикція, которой можетъ позавидовать сама Рашель.

— Я думаю, что я сыграла бы не хуже другихъ.

— Для чего же вы не играете?

— Для того, во первыхъ, что и безъ меня есть избытокъ желающихъ показать себя на подмосткахъ; во вторыхъ,

Digitized by Google

для того, что талантовъ своихъ я не расточаю передъ толпою, а берегу ихъ для избранныхъ.

— Изъ которыхъ въ самомъ скоромъ времени можетъ составиться также толпа,—колко замѣтилъ Викторъ.

— Избранный обязанъ угадать себя во множествѣ, — шутя сказала Бетси.

— Это не такъ легко, какъ вы думаете, не смотря на то, что въ каждомъ человѣкѣ есть достаточно глупаго самолюбія, чтобы видѣть во всемъ прежде всего только себя; въ немъ найдется также и довольно осторожности, чтобы, оглядѣвшись вокругъ, уступить мѣсто всякому другому.

Говоря это, Викторъ намекалъ на ротмистра, противъ котораго не переставалъ питать злобнаго чувства.

— Но вы, — перебила Бетси, не замѣчая или не желая замѣтить намека, — вы непремѣнно должны участвовать въ лучшихъ пьесахъ.

— Для чего жь непремѣнно?

— Для того, чтобъ не лишить нашихъ спектаклей лучшаго артиста.

— Я могу играть только съ вами и не иначе какъ съ вами,—произнесъ Викторъ такъ рѣшительно, что это не могло не понравиться кокетливой барышнѣ.

— Предоставьте мнѣ быть зрителемъ и судьей,—сказала она съ милымъ жеманствомъ.

— Говорю вамъ, что я играю только съ вами,—повторилъ Викторъ почти страстно.

— Въ такомъ случаѣ выберите пьесу,—проговорила Бетси, отвернувшись отъ него къ другой группѣ; но въ то мгновенье, когда лицо ея представилось въ полуоборотѣ en trois quarts, Викторъ замѣтилъ въ немъ что-то необъяснимо очаровательное и для его самолюбія крайне удовлетворительное. Викторъ провелъ очень пріятный вечеръ.

Возвратясь на постоялый дворъ мѣщанина Савелова и ложась въ халатѣ на кожаный диванъ, надъ которымъ висѣли какія-то картины, Викторъ сталъ перелистывать толстыя волюмы новыхъ французскихъ пьесъ и выбирать изъ нихъ та-

Digitized by Google

кую, въ которой его собственная роль и роль его героини, могли удовлетворить тщеславію обоихъ.

Долго читалъ Людвиновъ, куря сигару, по временамъ откладывая книгу въ сторону и соображая. Викторъ такъ серьёзно былъ занятъ своимъ дѣломъ, что не видалъ, какъ прошло время. Перебравъ наконецъ все, что было у него подъ рукою и рѣшивъ по видимому выборъ, онъ всталъ, взглянулъ на часы, удивился, что было уже такъ поздно, и, прохаживаясь по комнатѣ, все еще думалъ о выбранной пьесѣ, объ эффектѣ, о гармоніи цѣлаго, о миссъ Элаизѣ и о себѣ въ особенности.

Для перваго представленія Виктору нуженъ былъ французскій мундиръ парадный, другой такой же бальный, и наконецъ третій дорожный. Вслѣдствіе этихъ надобностей, само собою разумѣется, возникала надобность въ деньгахъ; но денегъ у Виктора не было уже ни одной копѣйки; вырученнаго за рощу хватило только на первые сутки.

Викторъ задумался. Какая-то вопіющая фраза сплелась въ головѣ его, но ропотъ былъ безполезенъ, и герой нашъ рѣшился себѣ помочь дѣломъ. Онъ позвонилъ и приказалъ половому подать себѣ полъ-порціи чаю и позвать хозяина дома.

Савеловъ не заставилъ дожидать себя. Онъ тотчасъ же явился на зовъ, въ синемъ кафтанѣ, наскоро накинутомъ на широкія плечи. Помолясь на стоящую въ углу икону, онъ тряхнулъ кудрями и молча отвѣсилъ поклонъ.

— Послушай, братецъ!—сказалъ Викторъ такимъ тономъ, какъ будто обращался къ прикащику своей собственной вотчины,—мнѣ нужны деньги.

Этотъ барскій смѣлый тонъ видимо понравился Савелову. Онъ поклонился вторично, и какъ будто отвѣчая своему собственному помѣщику, сказалъ:

— Много ли вашей милости требуется?

— Покуда немного, — вымолвилъ Викторъ, — цѣлковыхъ триста.

Савеловъ почесалъ затылокъ, опять тряхнулъ кудрями и подумавъ отвѣчалъ:

Digitized by Google

— Извольте, батюшка, представимъ-съ. Когда вашей милости угодно получить?

Викторъ такъ обрадовался этому безусловному послушанію, что едва не предложилъ Савелову сѣсть и выпить съ нимъ чаю; но спохватившись во-время, онъ почувствовалъ всю необходимость сохранить свое достоинство, и, наливая себѣ стаканъ, сказалъ такъ равнодушно, что это ручалось за его сценическій успѣхъ.

— Да хоть теперь, хоть завтра поутру.

Сказавъ это, Викторъ закурилъ новую сигару, сѣлъ, облокотился на столъ, закинулъ голову и спросилъ съ подобающею важностію:

— Гдѣ теперь князь Мухробатовъ?

— Въ чужихъ, батюшка, краяхъ-съ: находится тамъ для пользованія здоровья. Намъ еще не приводилось его видѣть. Здѣсь до меня былъ управляющій изъ нѣмцевъ, да старая барыня пріѣзжала изъ Питера, такъ изволила смѣнить и поставила меня на ихъ мѣсто-съ.

— Видно иностранецъ-то себѣ на умѣ,—сказалъ Викторъ, желая быть пріятнымъ.

— Оно вѣстимо такъ-съ,—чужой человѣкъ не то, что свой. Такого страху имѣть не можетъ-съ.

Благосостояніе постоялаго двора мѣщанина Савелова также доказывало нѣкоторое безстрашіе; но Викторъ не обратилъ на это вниманія и замолкъ, придумывая, какъ бы скорѣе отъ него отдѣлаться, потому что бесѣда Савелова не представляла ничего интереснаго.

— А я вашей милости осмѣлюсь доложить,—сказалъ Савеловъ, видимо желающій сдѣлать какое-то предложеніе.

— На счетъ векселя?—прервалъ Викторъ.

— На счетъ векселя не извольте безпокоиться, пожалуете расписочку, такъ оно все одно и безъ лишней траты.

— Что жь тебѣ нужно?

— Да то, батюшка, что имѣньицо-то ваше, Людвиновка, вамъ не рука-съ.

— Какъ-такъ?

— Пустое выходитъ дѣло, совсѣмъ неспособное.

Digitized by Google

— Почему жь пустое?

— Ничего, батюшка, не сдѣлаешь изъ него; ужь вамъ бы такъ душъ триста пріобрѣсть, гдѣ ни на есть, особнячкомъ.

— Ну это, конечно, лучше, — улыбнувшись вымолвилъ Викторъ.

— Знамо дѣло лучше-съ,—а то земля негожая. Полоса въ Чапаринской дачѣ, да полоса къ намъ врѣзывается. Если бъ, такъ сказать, вы намѣренье имѣли, то мы бы вамъ внесли хорошія деньги за нашу часть.

— А какія бы именно?—спросилъ Викторъ.

— Намъ все одно, по частямъ ли изволите, или хоть цѣликомъ,—уклончиво отвѣчалъ Савеловъ.

— Такъ по твоему мнѣнію это имѣньице пустое?

— Точно такъ-съ; вотъ намъ оно иное дѣло, намъ съ руки; выходитъ мѣсто выгодное подъ заводъ, и матушкѣ княгинѣ очень было бы желательно.

— Хорошо, братецъ, подумаю,—сказалъ Викторъ, чтобъ прекратить разговоръ.

— Извольте поразмыслить, а мы обождемъ рубить рощицу. Прощенья просимъ, батюшка,—поспѣшилъ онъ прибавить, видя, что Викторъ зѣваетъ.

— Дѣло-то молодое,—думалъ выходя Савеловъ,—вотъ какъ поживетъ подольше въ городѣ, да попроживется, такъ еще будетъ сговорчивѣе.

XVI.

Такимъ образомъ въ самое короткое время Викторъ вошелъ въ общество и принялъ въ дѣятельности его живое участіе. Въ продолженіи этого времени, онъ ни разу не вспомнилъ о далекой Грушенькѣ, и когда же было ему объ ней думать. Столько новыхъ заботъ и новыхъ интересовъ хлынуло ему на сердце, и съ каждымъ днемъ эти интересы и заботы увеличивались. Надо было твердить роль, толковать съ портнымъ, ѣздить на репетиціи, гдѣ разногласіе и несогласіе

Digitized by Google

благородной труппы, какъ и всякой труппы, расплодило закулисныя козни, гдѣ присутствовала блистательная Бетси, способная изгладить всякое воспоминаніе.

Между тѣмъ сценическій задоръ обуялъ уже всѣхъ членовъ семейства. Кобуринъ, какъ свой въ домѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ посторонній въ дѣлѣ, смотрѣлъ по обычаю изкоса на эту закулисную комедію.

Андріанъ Ивановичъ только что вернулся съ однодневной отлучки въ деревню. Онъ получилъ, съ доставленными ему мѣшками образцовыхъ сѣмянъ и шерсти, запоздалое извѣстіе о болѣзни Мавры Ивановны и успѣлъ уже слетать къ старой сосѣдкѣ, для личнаго освѣдомленія о ея настоящемъ положеніи.

Грушенька, встрѣтивъ его, зардѣлась какъ роза и потупила взоръ, какъ будто чувствуя себя безвинно виновной; но Мавра Ивановна чрезвычайно обрадовалась нежданному гостю.

— Ты совсѣмъ забылъ насъ, не грѣшно ли тебѣ; не стыдно ли! — сказала она, протягивая къ нему обѣ руки, и когда ротмистръ, поговоривъ съ нею, помѣстился, по обыкновенію, у пялецъ внучки и началъ разспрашивать ее о всемъ случившемся въ его отсутствіи, старуха продолжала смотрѣть на него съ любовію, не спуская глазъ.

— А безъ тебя сидѣлъ здѣсь все тотъ, какъ бишь его, неупомню имени, — сказала она вдругъ, какъ будто кто дернулъ ее за языкъ.

При этомъ словѣ ротмистръ вопросительно взглянулъ на дѣвушку, лицо которой покрылось новымъ румянцемъ, а лицо Андріана Ивановича, мгновенно утратившъ загаръ, побѣлѣло.

Старое дитя, какъ нерѣдко случается дѣтямъ съ младенческой наивностію, сдѣлало доносъ, смыслъ котораго глубоко запалъ въ душу ротмистра.

— Ну что, дозорный, все ли обстоитъ благополучно? — спросилъ онъ уѣзжая Палагею, которая продолжала состоять въ должности швейцара у подъѣзда.

Палагея грустно покачала головою.

— Какъ поправляется Мавра Ивановна?

— Да она-то, Господь съ ней, слава тебѣ Господи.

Digitized by Google

— Что́ жь еще? — спросилъ, пристально глядя въ лицо старухи, Кобуринъ.

— Что, батюшка, Грушенька у насъ вовсе истомилась: и кушать не изволитъ и сна нѣтъ.

— Неужели? отъ чего это? что́ съ ней сдѣлалось?

— Господь ее знаетъ! Съ глазу видно, неровенъ часъ, и не вѣсть гдѣ и какъ иной разъ взглянетъ недобрый человѣкъ. Оно, конечно, господа не вѣрятъ нашимъ деревенскимъ примѣтамъ.

— Какъ не вѣрить, — въ раздумьи проговорилъ ротмистръ, — а чей это черный глазъ обморочилъ барышню, какъ ты думаешь?

— Кто жь его знаетъ, — съ дипломатическою скрытностію отвѣчала Палагея. — Барышня наша хоть кому въ глаза бросится. Красавица писанная, умница, скромница какая, душа ангельская.... — и, договаривая, она заплакала.

— Полно, старуха, Богъ милостивъ, все устроится по волѣ Божіей, — прервалъ ее Андріанъ Ивановичъ, садясь въ бричку.

Брови ротмистра пасмурно сдвинулись, онъ нахлобучилъ фуражку на самые глаза, и, отъѣхавъ съ полверсты, вздохнулъ изъ глубины сердца и закачалъ головою.

— Какъ быть-то! — сказалъ онъ самъ себѣ, — однакожь этого я и не ожидалъ!

При этомъ словѣ онъ вздохнулъ еще глубже.

— Какъ быть-то! — повторилъ онъ, — да ужь еслибъ пришлось уступать ее хоть порядочному, хоть мало-мальски путному человѣку!... Что́ дѣлать!... хотѣлъ было отдать ей всю жизнь, какъ дитя няньчить, не надышался бы на нее.... да насильно милымъ не будешь.... Младенецъ ты мой, младенецъ! къ кому тянешся ты на руки!...

На этотъ разъ вздохъ, который вылетѣлъ изъ груди ротмистра, вышибъ слезу.

— Однакожь, — вдругъ спохватившись, молвилъ Кобуринъ, — онъ-то что за роли разыгрываетъ тамъ съ Чапариной?... Наша губернская тигрица и его вмѣстѣ со мною за носъ водитъ.... но что́ касается меня, на то есть добрая моя воля, пусть себѣ

Digitized by Google

тышится.... а онъ?... Не знаешь ты того, добродушный ребенокъ!... Эхъ-ма!... И чѣмъ это онъ тебѣ такъ понравился?.. развѣ тѣмъ, что полюбится и сатана лучше яснаго сокола?.. А вѣдь она его любитъ! вижу, что любитъ!... Ну, да я все узнаю.... Любитъ—дѣло другое, я готовъ хоть въ сваты.... Была бы только она счастлива!

Принявъ это намѣреніе съ безкорыстною отцовскою любовію, ротмистръ какъ будто смирилъ свое волненіе.

— Не судьба, и кончено!—прибавилъ онъ въ заключеніе въ слухъ:—посылаетъ Богъ—бери; не даетъ—не возмешь!...

Андріанъ Ивановичъ, сдѣлавъ надъ собою усиліе и пріободрясь, поправился въ своемъ экипажѣ, приподнялъ фуражку и сталъ смотрѣть яснѣе; но привычная мысль околдовала его, на перекоръ разсудку она стала представлять Грушеньку въ тѣхъ видахъ, въ какихъ она представлялась обыкновенно передъ его глазами.

То рисовалась передъ нимъ ея хорошенькая головка, склоненная надъ пяльцами, то живо глядѣли на него ея глаза въ дружеской бесѣдѣ, и, подчиняясь болѣе и болѣе очарованію, Кобуринъ невольно воображалъ ее, по старому, душою дома его и отрадой его сердца; упрямая мечта не отступала отъ него, не смотря на то, что онъ говорилъ себѣ съ твердостію:

— Что жь, я готовъ, готовъ жертвовать собою для ея счастія!

Воротившись по необходимости въ городъ, онъ сталъ внимательнѣе слѣдить за дѣйствіями Людвинова и не упускалъ его по возможности изъ вида; сталъ еще неизмѣннѣе присутствовать на репетиціяхъ, гдѣ случалось ему нерѣдко выслушивать объясненія, жалобы и споры тяжущихся. Актеры складывали на него, какъ на лицо безпристрастное, свои волненія и ощущенія. Между тѣмъ, тайные, тщательно скрываемые эпизоды, которые вводились поминутно Викторомъ и Бетси, не ускользнули отъ зоркаго взгляда ротмистра, не смотря на то, что миссъ Элаиза продолжала чествовать его открытымъ кокетствомъ.

Андріанъ Ивановичъ стоялъ однажды у фортепьяно, за которымъ сидѣла Бетси, акомпанируя одному изъ купле-

Digitized by Google

товъ брата; голосъ его раздавался подъ шумъ разнородныхъ замѣчаній всей трушы, собравшейся вокругъ.

Покуда нѣсколько разъ повторялся одинъ и тотъ же куплетъ, Кобуринъ слѣдилъ изъ подлобья за выразительными взглядами, которые бросалъ Викторъ на сидящую у фортепьянъ Бетси.

Извѣстно, что нигдѣ на земной поверхности романъ не дѣлаетъ такихъ быстрыхъ успѣховъ, какъ за кулисами. Подражаніе страстей развиваетъ настоящія страсти, а искусственное выраженіе ихъ таитъ въ себѣ неотразимое очарованіе. Спряженіе по всѣмъ временамъ и наклоненіямъ глагола *люблю*, со всѣми извѣстными варіаціями на глаголы: *страдаю*, *горю*, *изнываю*, обманывая слухъ, водворяются въ сердцѣ. Актеръ подобенъ лжецу, который, повторивъ несчетно разъ одну и туже ложь, начинаетъ вѣрить ей какъ истинѣ.

Викторъ и Бетси, представляя чету любовниковъ, съигрывались такъ естественно, такъ искренно и неподдѣльно, что нечувствительно продолжали игру за предѣлами роли.

Не рѣдко, для удобнѣйшаго репетированья своихъ сценъ, Викторъ и Бетси незамѣтно отходили въ сторону; но на второй или на третьей репликѣ, они развлекались и заговаривались, перебивая другъ друга и чувствуя невыносимый приливъ мыслей и необходимость изліяній. Каждый изъ нихъ говорилъ о себѣ, каждый спѣшилъ обрисовать свой собственный образъ, при чемъ, увлекаясь творчествомъ воображенія, рисовалъ такіе чрезвычайные очерки, что, вмѣсто подобія человѣка, выходило подобіе фантастическихъ животныхъ, въ родѣ драконовъ и фениксовъ, или пресловутой въ русской старинѣ птицы *сиринъ*, *глазъ которой вельми силенъ*.

Но въ минуты этихъ самыхъ восторженныхъ изліяній, неотступный, проницательный взоръ всюду преслѣдующаго ихъ Кобурина, вывелъ наконецъ Виктора изъ терпѣнія.

— Что это значитъ? — спросилъ онъ однажды Бетси такъ громко, что Кобуринъ могъ слышать его слова, — что это за Аргусъ? откуда это право?

— Ахъ, не спрашивайте меня объ этомъ! — проговорила оторопѣвъ Бетси.

Digitized by Google

— Что не спрашивать? — крикнулъ внѣ себя Викторъ. Но Бетси успѣла уже заглушить этотъ вопросъ цѣлымъ потокомъ рѣчей, обращенныхъ къ ротмистру.

— Что не спрашивать? что за тайна? — повторялъ Викторъ мысленно, въ продолженіи всего вечера, проигрываясь по обыкновенію и пасмурно сдвигая брови.

Но на другой день глаголъ люблю спрягался такъ неподражаемо оборотительнымъ голосомъ Бетси, что можно было позабыть о существованіи всякой тайны. Викторъ былъ чрезвычайно доволенъ — дѣла его шли успѣшно. Овладѣть сердцемъ миссъ Элаизы значило пріобрѣсть право овладѣть интересной особой ея, обезпечивающей мелочныя заботы жизни. Этой побѣдой Викторъ выходилъ съ торжествомъ изъ горькаго своего положенія.

Китаецъ, обладатель трехъ десятинъ земли въ своемъ климатѣ, почитаетъ себя выше судьбы. Викторъ, обладатель необозримаго умственнаго пространства, не могъ ли теперь также почитать себя выше судьбы?.. Онъ самъ распоряжался участію и устроивалъ себѣ завидную долю.

Вслѣдствіе этого сознанія, за вечернимъ ералашемъ, проигрывалъ онъ съ такою безпечностію, съ такимъ легкимъ сердцемъ, какъ будто въ шкатулкѣ его, подъ собственнымъ ключемъ, лежали уже тяжеловѣсныя прилагательныя качества милой невѣсты.

Насталъ вожделѣнный день спектакля. Рѣка народа текла въ назначенный часъ къ дому Чапарина; у подъѣзда стояли жандармы, у входа швейцаръ, у дверей ливрейная стража, отбирающая билеты. Маленькая сцена въ преобразованной довольно искусно залѣ была изящно устроена и корить было рѣшительно нечего. Роскошь и удобство проникли эпидеміею во всѣ закоулки, и давно уже дешевизна предметовъ роскоши и удобства раззоряетъ нашихъ отдаленныхъ провинціаловъ на ряду со всѣми; по этой причинѣ, кресла театральной залы украсились такими беретами, токами и куафюрами, такими мантильями и камаліями, какихъ могла требовать только самая строгая столичная щепетильность.

Digitized by Google

Увертюра отгремѣла свои финальные громкіе аккорды, занавѣсь съ лирою въ сіяніи лучей взвилась къ потолку.

Но о представленіи говорить нечего. Мы знаемъ, какъ играютъ любители. Актеръ-любитель имѣетъ въ глазахъ свѣтской публики сильное преимущество надъ актеромъ по профессіи, и этого предпочтенія нельзя ставить въ вину: оно основательно, въ тѣхъ особенно случаяхъ, когда выводится на сцену такъ называемый *свѣтъ*. Такимъ образомъ, мы можемъ нисколько не сомнѣваться въ совершенствѣ, съ какимъ выполнила труппа любителей предпринятое представленіе. Но о томъ, какъ съумѣла быть прекрасна Бетси, о томъ, каковъ былъ Викторъ, трудно составить себѣ понятіе. Ловкость, естественность, умная обдуманная игра ихъ, были выше всякаго описанія. Зрители дошли до совершеннаго восторга, и Кобуринъ аплодировалъ и кричалъ въ изступленіи.

— Ты любишь,—повторялъ Викторъ за кулисами, глядя въ глаза Бетси пламенными глазами.

— Ты знаешь,—повторяла и она, и оба чувствовали себя въ сценическомъ упоеніи.

XVII.

Между тѣмъ, забытая Грушенька, продумавъ по обыкновенію цѣлый день о мнимыхъ страданіяхъ Виктора, въ вечеру уложивъ съ помощію Палагеи старую свою бабушку, снова о немъ задумалась.

— Какой странный человѣкъ Викторъ Андреевичъ! — разсуждала она уже не въ первый разъ сама съ собою.—Онъ ненавидитъ людей! За что ненавидитъ онъ людей? и какъ это можетъ человѣкъ дойдти до такого ожесточенія?... ужь не ипохондрія ли это, о которой разсказываетъ бабушка столько несчастныхъ случаевъ?... А вѣдь когда говоритъ Викторъ Андреевичъ, какъ будто чувствуешь, что онъ говоритъ правду.... Онъ страдаетъ и этимъ страданіемъ, глядя на него, невольно заражаешься. При немъ и бѣлый свѣтъ становится не милъ, и какъ

Digitized by Google

будто ждешь не дождешься—скоро ли этотъ грустный гость отъ насъ уѣдетъ? а лишь только уѣдетъ, станетъ еще грустнѣе, и придумываешь: чѣмъ бы и какъ его успокоить?... Богъ знаетъ почему такъ тяжело для меня его вниманіе?.. Взглядъ его такой проницательный и гордый; улыбка ни дать ни взять ядовитая и горькая насмѣшка; весь онъ щедушный, блѣдный—иногда смотрѣтъ на него страшно!

Размышляя такимъ образомъ, Грушенька не замѣчала, что было уже поздно. Ночь была лѣтняя, лампада у образа Богоматери теплилась, не вливая красноватаго свѣта своего въ блѣдный свѣтъ сѣверной ночи, озаряя только трепетнымъ сіяніемъ золотую ризу. Въ этомъ освѣщеніи бѣлые покровы постели, милое лицо дѣвушки, и обнаженныя руки ея, принимали фантастическую прозрачность и рисовались такими очертаніями, которыхъ иногда тщетно ищетъ живописецъ.

Сонъ бѣжалъ далеко отъ ясныхъ глазъ дѣвушки, въ полумракѣ они горѣли внутреннимъ собственнымъ пламенемъ. Время приближалось уже къ полуночи, когда, по словамъ знаменитаго врача, совершается съ каждымъ человѣкомъ ежедневная ночная лихорадка, которая въ отдыхѣ сна проходитъ нечувствительно, а въ бодрственномъ неестественномъ состояніи волнуетъ болѣзненно.

Молодая дѣвушка, бодрствуя и сокрушаясь, вздохнула еще тяжелѣе; привставъ, она облокотилась на подушку и подперла рукой свою хорошенькую головку.

— Странный въ самомъ дѣлѣ человѣкъ этотъ Викторъ Андреевичъ!—продолжала она думать.—Какая разница съ Андріаномъ Ивановичемъ: какой пріятный, добрый человѣкъ Андріанъ Ивановичъ, истинный нашъ другъ и благодѣтель. Какъ заботится онъ о бабушкѣ; безъ него часто я не знала бы, что начать съ нею; и хозяйствомъ нашимъ управляетъ онъ же, безъ него мы не сладили бы съ нашей деревенькой. Не бездѣлица распоряжаться работами крестьянъ: часто и взыскать и принудить бываетъ необходимо, а ни у меня, ни у бабушки не достало бы на то духу. Андріанъ Ивановичъ любитъ насъ!...

При этой мысли, при словѣ *насъ*, румяное личико Грушеньки сдѣлалось еще румянѣе, она какъ будто почувствовала,

Digitized by Google

что сказала себѣ мысленно не совершенную правду. Грушенька была убѣждена, что Андріанъ Ивановичъ любитъ ее, а бабушку только по сочувствію и по отраженію.

— Безъ сомнѣнія, Андріанъ Ивановичъ любитъ *насъ*,—повторила она упрямо,—и его какъ друга намъ пріятно видѣть; тогда какъ Викторъ Андреевичъ на меня и на бабушку производитъ такое непріятное впечатлѣніе.... Но почему же это? И неужели потому, что въ числѣ прочихъ людей онъ ненавидитъ и насъ, и въ свою очередь внушаетъ и намъ какое-то тревожное чувство, которое ложится такъ тяжело на сердце.... Чувствовать непріязнь къ своему ближнему! Боже мой, неужели я могу быть на это способна? Чувствовать непріязнь—не значитъ ли тоже, что̀ ненавидѣть.... Какое ужасное слово: ненавидѣть!... и за что́ жь? что́ сдѣлалъ онъ мнѣ? Развѣ за то, что познакомилъ меня съ этимъ непонятнымъ до сихъ поръ, тягостнымъ ощущеніемъ, которое томитъ меня въ его присутствіи и остается на долго послѣ?

И Грушенька быстро приподнялась на ложѣ своемъ, сложивъ на груди руки, затосковала еще сильнѣе и еще безотчетнѣе и опять заговорила съ собою безмолвно.

— Какая невыносимая подъ-часъ мука собственная мысль! Правду говоритъ Андріанъ Ивановичъ, что не надо предаваться раздумью, что оно ни до чего добраго не доводитъ, что изъ него рождается сомнѣніе, что раздумье часто заводитъ въ заблужденіе; но что́ же дѣлать, когда мысль овладѣетъ человѣкомъ и не покидаетъ его!... — произнесла она почти въ слухъ и опять опустилась на изголовье. Мягкіе волнистые волосы ея раскинулись отъ этого движенія и заслонили ея нѣжный профиль.

— Боже мой, Боже мой, что́ со мною?—шептала она,—мнѣ какъ будто сообщились его черныя думы; такія черныя, какія не снились мнѣ до сихъ поръ въ самыхъ тяжелыхъ снахъ. Боже мой, что́ со мною? Въ эту минуту, кажется, я желала бы лишиться способности думать. Но чѣмъ же эта минута безотраднѣе всего прошлаго, въ которомъ только одни печальныя воспоминанія? Знала ли я что-нибудь болѣе радостное, желала ли до сихъ поръ чего-нибудь лучшаго?... Однако жь

Digitized by Google

грустно такое незнаніе! Съ этимъ словомъ слезы бѣдной дѣвушки заструились на подушку. Такъ прошли несчитанныя, долгія мгновенія до тѣхъ поръ, пока, приподнявъ голову, она открыла глаза и должна была заслонить ихъ рукою отъ хлынувшаго потокомъ яркаго утренняго солнца, которое внезапно ее отрезвило. Мрачныя думы, какъ ночныя птицы, стаей отлетѣли прочь, гонимыя вешними и благотворными лучами.

— Владычица небесная! прости мнѣ безумный ропотъ мой и безумныя мысли!—вскричала она, скользнувъ съ кровати на колѣна предъ ликомъ Пресвятой Дѣвы, моля о терпѣніи и мирѣ души, о заступленіи отъ грѣха ненавидѣнія и злобы, о возможности любить, не исключая Виктора, всѣхъ ближнихъ.

— Я люблю его,—сказала въ заключеніе Грушенька,—и какъ же не любить его: онъ такой жалкой!

Въ то же самое утро просыпался Викторъ подъ вліяніемъ самыхъ благовѣщихъ предчувствій, и, по обыкновенію, хозяинъ постоялаго двора явился къ нему за порученіями, захвативъ съ собою кой-какіе счеты и росписки. Герой нашъ махнулъ на него рукой съ такой развязностію, что Савеловъ только тряхнулъ кудрями.

— Послушай, борода, сказалъ ему шутя Викторъ,—ты теперь не лѣзь ко мнѣ съ этой дрянью, а приготовь еще тысячи полторы или двѣ на расходы.

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ Савеловъ и повернулъ было на право кругомъ, но подойдя къ двери, замялся и вернулся.

— Что скажешь?—спросилъ Викторъ.

— Не прикажете ли, батюшка, списать на серебро? Нынче ужь изволите ли видѣть, такая манера.

— Списывай на что хочешь.

— Оно какъ разъ двѣ тысячи круглымъ счетомъ.

— Какъ? Двѣ тысячи серебромъ?

— Такъ-съ, точно такъ; это ужь, батюшка, вѣрно,—повторилъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ Савеловъ и звякнулъ щетами, начиная класть на кости.

Digitized by Google

— Четыре тысячи монетой получили; двѣ изволите получить; то есть, на серебро, тысяча семь-сотъ четырнадцать рублей тридцать двѣ копѣйки.... По счету нѣмца, изъ растеряціи, сто сорокъ девять рублей двадцать одна копѣйка.... Извощику, пять разъ карета, по пяти цѣлковыхъ; пятнадцать разъ коляска, по три, за номеръ по четыре въ сутки....

— Какъ по четыре цѣлковыхъ? — перебилъ съ ужасомъ Викторъ,—да это, братъ, по-петербугски!

— Не извольте, батюшка, безпокоиться; во время съѣздовъ другой цѣны не бываетъ.... Двадцать четыре полпорціи чаю, по четвертачку, шесть цѣлковыхъ.... Изволите видѣть, сорокъ семь копѣечекъ вамъ уваженія—ровно двѣ тысячи-съ.

Викторъ остолбенѣлъ. Этотъ счетъ рѣшалъ судьбу Людвиновки, которая, по мнѣнію Савелова, была ему не рука.

— Но куда же дѣнутся старики Поляновы и Настасья Прокофьевна?...

Викторъ поникъ головою. Это неожиданное обстоятельство такъ поразило его, что, забывъ о присутствіи Савелова, онъ задумался. Долго думалъ онъ и сидя на стулѣ, и ходя по комнатѣ, и потирая себя по лбу, и складывая по-наполеоновски руки, и размахивая ими, соотвѣственно своей мысли.

— Что жь! — сказалъ онъ наконецъ самъ себѣ, — какая же была бы въ томъ польза и необходимость, чтобъ почтеннѣйшій дѣдъ мой съ своей семьей сидѣлъ у меня тутъ, подъ носомъ, въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ!... Семья моей Бетси не представляетъ съ ними ничего общаго, и меня самаго это поставило бы въ самое затрудительное, непріятное положеніе.... Ихъ можно пристроить гдѣ-нибудь подальше, лучше всего купить въ Москвѣ доходный домикъ.... въ Москвѣ, гдѣ маленькая ножка моей Бетси не оставитъ слѣда. Бетси не любитъ Москвы, ей предпочитаетъ она и деревню и уѣздный городъ. Москва, гнѣздо философовъ, подобныхъ дѣду моему, Прокофію Трофимовичу....

Эта идея показалась Виктору такъ смѣшна, что онъ разхохотался громко.

Савеловъ, стоявшій смирно на другомъ концѣ комнаты, увлеченный этимъ смѣхомъ, также усмѣхнулся.

Digitized by Google

— Ты что тутъ дѣлаешь? — спросилъ Викторъ, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ.

— Ожидаю приказа вашей милости.

— Какого приказа?

— Переписать на серебро-съ въ одинъ вексель.

— Переписывай какъ хочешь и убирайся къ чорту! — крикнулъ Викторъ, у котораго сердце сильно билось.

Спустя часъ времени, когда онъ явился въ домъ Чапарина, Бетси выпорхнула къ нему на встрѣчу, радостная и трепещущая какъ птичка.

— Какая мысль! какая вдохновенная мысль! — кричала она, завидя его.

— Что такое? — спросилъ Викторъ, взглянувъ на нее страстно.

— Отецъ рѣшилъ поѣздку въ Баденъ-Баденъ на будущей недѣлѣ. Мы отправляемся черезъ недѣлю.

Въ лицѣ Виктора выразился на этотъ разъ неподдѣльный ужасъ.

— Вы ѣдете?—спросилъ онъ съ такой тоскою, что звукъ ея проникъ прямо въ сердце Бетси.

— Но что же помѣшаетъ и вамъ ѣхать съ нами? Это было первою моей мыслью, когда я узнала о распоряженіи отца.

Викторъ смутился. Онъ уже зналъ, что значитъ приглашеніе ѣхать *вмѣстѣ* за границу.

— Я не думала,—сказала обиженнымъ голосомъ Бетси,— и не думала, чтобы вы колебались согласиться на мое предложеніе.

— Я не колеблюсь, — сказалъ Викторъ внезапнымъ переходомъ отъ смущенія къ восторгу, — я не колеблюсь и не могу колебаться, я послѣдую за вами.... за тобою, всюду! Ты не можешь въ томъ сомнѣваться, и знай, что никакія обстоятельства, никакое приличіе, никакія причины въ мірѣ не заставятъ меня отказаться отъ тебя; ты моя и принадлежишь мнѣ по праву любви, по праву сродства нашихъ природъ. Встрѣча наша не пошлая встрѣча. Я это чувствую слишкомъ глубоко!...

Эти неожиданныя страстныя угрозы испугали въ свою

Digitized by Google

очередь Бетси. Она не думала, что зашла такъ далеко; но Викторъ продолжалъ говорить, и ей не доставало силъ двинуться съ мѣста.

— Я люблю тебя!—продолжалъ онъ, —я выстрадалъ право произнести это слово, и теперь, воплотивъ его въ звукъ, я не дамъ ему умереть. Нѣтъ, не напрасно произнесъ я это слово, для него готовъ я на всѣ жертвы,—сказалъ Викторъ съ такимъ отчаяніемъ, что Бетси содрогнулась.

Въ первый разъ почувствовала она робость, это постыдное ощущеніе; но миссъ Элиза была очарована, и потому ей было страшно, и потому не остудила она пламеннаго признанія однимъ взглядомъ. Она съумѣла бы это сдѣлать, она владѣла мимикой, въ ея движеніяхъ было столько достоинства, въ характерѣ ея столько самоуваженія; но это было мгновеніе слабости, во время котораго она не въ силахъ была огорчить Виктора; за то какъ обрадовалась она, увидѣвъ подходящаго Андріана Ивановича, который, по обыкновенію, такъ кстати подоспѣлъ на выручку ея изъ затруднительнаго положенія.

Къ такой докучливости ротмистра, который умѣлъ являться тогда именно, когда его присутствіе было наиболѣе тягостно, Викторъ сталъ уже нечувствительно привыкать, какъ привыкаютъ ко всякому неизбѣжному злу; но въ этотъ мигъ онъ не былъ въ состояніи владѣть собою, онъ былъ раздраженъ и взволнованъ.

— Удали его, — шепнулъ Викторъ Бетси, — я не могу болѣе выносить его присутствія! Ты должна сказать мнѣ, какія отношенія заставляютъ тебя принимать такъ снисходительно его навязчивость? я хочу знать эту тайну!

— Ради Бога, молчите!—проговорила, поблѣднѣвъ какъ полотно, Бетси.

— Нѣтъ, я не могу молчать!—сказалъ изступленно Викторъ.

— Такъ пріѣзжайте же завтра къ намъ въ деревню, мы уже совсѣмъ готовы къ отъѣзду: тамъ я скажу вамъ все!

Digitized by Google

XVIII.

Бетси сдержала свое слово. На другой день, въ паркѣ маркиза, въ одной изъ отдаленныхъ аллей, Викторъ и Бетси шли рядомъ.

Миссъ Элиза имѣла уже время одуматься и приготовиться къ рѣшительному объясненію, въ которому и приступила самымъ оригинальнымъ образомъ.

— Вы много шутили и острились на счетъ моего пристрастія къ черепословію вообще и къ одному черепу въ особенности, — сказала она, — но никогда не взяли на себя труда присмотрѣться хорошенько къ безволосой и всегда готовой къ анализу головѣ этого добраго медвѣдя.

— Признаюсь, я не терялъ для такого занятія дорогаго времени.

— Однакожь, на этомъ черепѣ сильное развитіе органовъ *доброжелательства и любви, твердости и постоянства, щедрости и доброты нескончаемой.*

— Что́ жь выводите вы изъ соединенія всѣхъ этихъ наисчастливѣйшихъ признаковъ?

— То, что онъ будетъ однимъ изъ лучшихъ, рѣдкихъ мужей въ мірѣ.

Викторъ взглянулъ на Бетси быстро и вопросительно.

— Вы знаете, что онъ богатъ;— продолжала Бетси,—но не знаете въ какой степени; потому что онъ имѣетъ привычку или предразсудокъ таить свое богатство. Онъ такъ богатъ, какъ рѣдко люди бываютъ теперь богаты, и родные мои давно уже прочатъ мнѣ въ мужья этого богатаго и добраго мужа.

— Ваши родные можетъ быть, но вы? вы можете ли пожертвовать собою богатству? Вы въ состояніи ли продать себя золотому тельцу? — спросилъ Викторъ такъ искренно, какъ будто корыстолюбивая мысль была совершенно чужда его сердцу.

— Я имѣю на этотъ счетъ свои понятія, — отвѣчала Бетси, — и противъ богатаго мужа не питаю предубѣжденія. По моему, человѣкъ, который рѣшается жениться, долженъ

Digitized by Google

быть богатъ, богатъ разумѣется условно, соотвѣтственно тому состоянію, въ которомъ онъ беретъ жену. Богатство земледѣльца, ремесленника и всякаго труженика въ рукахъ или въ головѣ его; благодаря этимъ орудіямъ, онъ доставляетъ женѣ своей достаточныя для жизни средства; но мужъ нашей сферы долженъ обладать готовыми средствами. Съ ними только соединено и счастіе жены его, ощзательное, не химерное счастіе. Къ тому же вы знаете меня: во мнѣ страшная причудливость — прихоть, эта эссенція жизни женщины, и ея безмѣрная требовательность можетъ удовлетворяться только безмѣрными средствами, ежеминутно подвергая испытанію безмѣрную преданность мужа. Жизнь, такая неисчерпаемая чаша наслажденія: въ ней есть и мраморные дворцы, и миртовыя рощи, и сладкій уединенный уголъ у камина, и шумныя торжища людскія. Кто однажды вкусилъ этого упоенія, тому необходимы средства пользоваться всѣмъ, что предлагаетъ намъ жизнь.

Викторъ выслушивалъ эту длинную рацею молча, въ оцѣпенѣніи.

— Но эти средства, не имѣетъ ли ихъ вашъ отецъ?— спросилъ онъ, какъ будто придя въ себя.

— Вотъ въ этомъ-то заключается тайна, о которой я говорила вамъ. Состояніе наше разстроено и мое замужество должно поправить его.

При этомъ словѣ въ глазахъ Виктора выразилось такое отчаяніе, что Бетси не могла объяснить его иначе, какъ страданіемъ оскорбленнаго сердца.

— Успокойтесь, ради Бога, не вините меня. Я умѣю цѣнить васъ..... остальное не въ моей власти!

Викторъ вдругъ остановился, дикій взоръ его былъ страшенъ.

— Я люблю васъ!—вскрикнула съ испугомъ растроганная Бетси, схвативъ его за руку,—я буду любить васъ всегда, но поступить иначе мнѣ не возможно! невозможно,—повторила она.

Въ эту минуту раздался звонкій голосъ маленькой сестры Бетси, бѣгущей къ нимъ на встрѣчу.

Digitized by Google

— Бетси, милая Бетси,— кричала она,—насилу я тебя отыскала. Позволь мнѣ, душенька сестрица, побыть съ тобою, мнѣ скучно.

— Что́ за вздоръ!—проговорила съ досадою встревоженная Бетси,—гдѣ m-lle Pichon? ступай къ ней!

— M-lle Pichon съ Пьеромъ гуляетъ на той сторонѣ сада, она посылаетъ меня къ maman.

— Гдѣ жь maman?

— Maman у себя въ комнатѣ, она укладываетъ въ дорогу свои картоны; maman велитъ идти къ миссъ Поккетъ.

— Такъ иди къ миссъ Поккетъ.

— Позволь мнѣ лучше побыть съ тобою, Бетси. Миссъ Поккетъ тотчасъ станетъ говорить объ исторіи, станетъ считать звѣзды,—съ ней скучно!

— Это однакожь несносно! ступай къ маленькому брату.

— О, маленькій братъ счастливѣе меня: онъ гуляетъ съ m-r Зиберомъ въ полѣ; брату веселѣе, онъ не сидитъ съ миссъ Поккетъ, онъ ходитъ съ Пьеромъ и съ учителемъ на охоту. Позволь, Бетси, позволь побыть съ тобою!

— Какъ это скучно!—повторила Бетси.

— Ну такъ я пойду къ Андріану Ивановичу; вонъ онъ одинъ идетъ. Ты гонишь меня, такъ я пойду съ нимъ!

Викторъ и Бетси невольно оглянулись назадъ. Кобуринъ дѣйствительно шелъ въ нѣсколькихъ шагахъ въ слѣдъ за ними.

— Pardon, mademoiselle,—проговорилъ Викторъ, сухо кланяясь Бетси, — j'ai l' honneur de vous saluer!

И онъ быстро своротилъ въ боковую аллею.

— Постой, душенька, — сказалъ Кобуринъ маленькой сестрѣ Бетси, которая схватила его за руку, — и мнѣ пора домой.

— Куда жь вы?—спросила вспыхнувъ смущенная Бетси.

— Куда вы?—повторила малютка.

— Домой пора-съ!—повторилъ такимъ тономъ Кобуринъ, что со стороны можно было разсмѣяться. Онъ снялъ фуражку и поклонился.

Digitized by Google

Но Бетси было въ эту минуту не до смѣха; невольно опустила она взоръ, и когда агатовые глаза ея приподнялись снова, Андріана Ивановича не было уже передъ нею.

— Что̀ это такое?—проговорила печально малютка сестра ея,—оба ушли! за чѣмъ они ушли? они на тебя разсердились?

— Отстань отъ меня!—крикнула внѣ себя Бетси, оттолкнувъ отъ себя малютку.

Между тѣмъ Кобуринъ, разрѣшивъ загадку, касавшуюся до его судьбы, вмѣсто того, чтобъ ѣхать домой, поѣхалъ прямо къ Маврѣ Ивановнѣ.

— Скажите мнѣ, сдѣлайте одолженіе, безъ обиняковъ: нравится вамъ Людвиновъ?—спросилъ онъ Грушеньку.

— Прежде онъ мнѣ очень не нравился,—отвѣчала простодушно дѣвушка.

— А теперь?

— Теперь онъ мнѣ жалокъ, и мнѣ кажется, что я ничего въ свѣтѣ не желаю такъ искренно, какъ того, чтобъ онъ былъ счастливъ.

Губы ротмистра слегка побѣднѣли.

— Скажите мнѣ откровенно, — началъ онъ снова послѣ нѣкотораго молчанія, — какъ вы думаете, нравитесь ли вы ему также?

— Я? я знаю навѣрно, что нравлюсь.

— Почему же вы это знаете?

— Потому что онъ самъ увѣрялъ меня въ томъ.

— Увѣрялъ! съ какими, полагаете вы, намѣреніями увѣрялъ онъ васъ?

Грушенька пожала въ недоумѣніи плечами.

— Подумайте объ этомъ хорошенько.

— Намѣреній его я не знаю; онъ говорилъ, что жить безъ меня не можетъ.

— Теперь позвольте мнѣ сдѣлать вамъ еще одинъ вопросъ. Очень ли нравится вамъ г. Людвиновъ?

На глазахъ Грушеньки навернулись слезы и личико ея сдѣлалось такъ печально, что ротмистръ, сочувствуя ей, готовъ былъ самъ расплакаться, на нее глядя.

Digitized by Google

— Не бойтесь довѣрить мнѣ вашего сердца, — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, — любите ли вы его на столько, чтобъ рѣшиться выдти за мужъ. Если вы надѣетесь быть съ нимъ счастливою, то я берусь за это дѣло.

— О, я знаю, что вы насъ любите, — вскрикнула зарыдавъ дѣвушка, — знаю также, что съ Викторомъ Андреевичемъ я счастлива не буду; но онъ будетъ со мною счастливъ, онъ увѣрялъ меня, что только я одна могу сдѣлать его счастливымъ. Его отчаяніе меня ужасаетъ!

Кобуринъ молча нѣсколько секундъ смотрѣлъ на плачущую дѣвушку, потомъ взялъ ее за руку и сказалъ:

— Но если вы ошибаетесь въ немъ.....

— О, я рада была бы ошибаться, чтобъ не имѣть на совѣсти его страданій. Богъ съ нимъ, что мнѣ въ немъ, его любить невозможно.

— Если вы увѣрены, что его любить не возможно, — сказалъ, просіявъ лицомъ, добрый регистръ, — такъ скажите мнѣ, ради Бога, откровенно, могли ли бы вы любить меня?

— Васъ? васъ — другое дѣло, васъ нельзя не любить: вы добры, вы всегда спокойны духомъ, вы сами всегда счастливы, и даже не нуждаетесь, чтобъ васъ кто-нибудь счастливилъ.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ распорядиться за васъ благоразумнѣе. Позвольте мнѣ просить васъ поступить въ выборѣ вашемъ съ бо́льшимъ себялюбіемъ. Клянусь вамъ дружбой моей и честью, что вы напрасно желали бы вылечить этого страдальца: его болѣзнь такого рода, что ею можно скорѣе заразиться, нежели исцѣлить ее. Ваше состраданье не есть любовь, я не допущу васъ такъ страшно ошибаться. Къ тому жь и онъ любитъ не васъ, у него нѣтъ и не было въ отношеніи васъ никакихъ добрыхъ намѣреній, я имѣю на то вѣрныя доказательства.

— Неужели! — вскричала Грушенька. — Вы имѣете доказательства? Онъ точно любитъ не меня? кого же любитъ онъ? — прибавила она простодушно.

Не тотчасъ усвоила дѣвушка это понятіе, но съ помощію Андріана Ивановича ей представился наконецъ ясно истинный характеръ Виктора.

Digitized by Google

Не прошло еще недѣли, какъ вѣсть о свадьбѣ Кобурна долетѣла до владѣній Чапарина и произвела въ нихъ то же дѣйствіе, которое производитъ сообщенная по телеграфу вѣсть о какомъ-нибудь торговомъ кризисѣ, роняющемъ крѣпкіе фонды.

Чапаринъ объявилъ себя банкрутомъ и отложилъ поѣздку свою въ чужіе краи.

—

XIX.

Между тѣмъ, всѣ эти быстрые, добрые и недобрые перевороты въ судьбѣ трехъ сосѣдственныхъ владѣній, совершившіеся какъ будто по вліянію прошедшей чрезъ ихъ сферу кометы, имѣли въ Людвиновкѣ горкія послѣдствія.

Долгое ожиданіе Виктора изъ города разрѣшилось обстоятельствомъ, поразившимъ [illegible]но семью.

Настасья Прокофьевна лежала въ припадкѣ обморока на диванѣ. Анна Петровна, склонясь надъ ея изголовьемъ, поддерживала голову больной, глядя съ безпокойствомъ на блѣдный обликъ ея. Акулина, стоя на кольняхъ, держала въ одной рукѣ свѣчу, въ другой обожженое перо подъ самымъ носомъ Настасьи Прокофьевны.

Прокофій Трофимовичъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, съ развернутымъ передъ глазами заемнымъ письмомъ Виктора, стоялъ какъ вкопанный, вперивъ вопросительный взоръ на стоявшаго у дверей Савелова.

— Да гдѣ жь онъ самъ?—прервавъ наконецъ молчаніе, спросилъ старикъ Поляновъ.

— Не могу знать,—отвѣчалъ не въ первый уже разъ на этотъ вопросъ Савеловъ.

— Когда? въ который именно день уѣхалъ онъ?

— Я уже докладывалъ вашей милости, что въ прошлую субботу.

— Куда?

— Не изволилъ сказывать.

Прокофій Трофимовичъ опустилъ голову, отставилъ пе-

Digitized by Google

редъ ногу и началъ считать по пальцамъ, сколько прошло дней съ прошлой субботы. Однакоже, не приходя ни къ какому результату отъ этого счета, онъ снова пробѣжалъ глазами отъ начала до конца страшный листокъ бумаги.

— Двѣ тысячи серебромъ!

При этомъ словѣ кровь бросилась въ лицо старика.

— Да какъ же ты смѣлъ располагать такой суммой барскихъ денегъ и довѣрять молодому неопытному человѣку?— крикнулъ онъ гнѣвно на управляющаго.

— Ихъ милость изволили приказывать дѣлать сынку всякое довѣріе,—не смущаясь отвѣчалъ Совеловъ, указывая на Настасью Прокофьевну,—я и исполнялъ приказаніе въ угоду ихъ милости.

— Ты, братецъ, плутъ и ростовщикъ!—началъ было, горячась все болѣе и болѣе, Прокофій Трофимовичъ; но въ свою очередь его прервала Настасья Прокофьевна.

— Я отвѣчаю и плачу за сына, а не вы!—вскрикнула она, привставъ на диванѣ и олицетворивъ собою что-то въ родѣ Лукреціи Борджіо.—Слышишь?—произнесла она, горделиво взглянувъ на Савелова.

Савеловъ, получа удовлетворительный отвѣтъ, поклонясь, догадливо поторопился выйдти.

Настасья Прокофьевна послѣ этого напряженія силъ, снова разразилась истерическими рыданіями.

Прокофій Трофимовичъ, сосредоточивъ въ себѣ негодованіе, началъ расхаживать скорыми шагами изъ угла въ уголъ. Кашемировый халатъ его развѣвался парусомъ. Старикъ былъ сильно взволнованъ, и это волненіе придавало прыти дряхлымъ ногамъ его.

Вдругъ остановился онъ передъ Настасьей Прокофьевной и крикнулъ на нее отцовскимъ голосомъ:

— Перестань! кто виноватъ? сама избаловала сына! Писаніе гласитъ: сынъ наказанъ премудръ будетъ. Теперь слезы не впрокъ, не послужатъ они тебѣ ни въ помощь, ни въ извиненіе!

Проговоривъ эти слова, онъ круто повернулъ на право кругомъ, промаршировалъ снова изъ конца въ конецъ комна-

Digitized by Google

ты, опять остановился, и посмотрѣвъ на страждущую дочь, смягчился.

— Полно, ну полно,—сказалъ онъ ласковымъ голосомъ,— дѣло его дѣтское, придетъ съ повинной головою; а ты молись Богу, чтобы направилъ его на путь истинный.

— На путь истинный! идти вмѣстѣ съ нами по міру!— съ раздражительностію проговорила Настасья Прокофьевна.

— Мало еще ты гнѣвила Бога грѣшнымъ ропотомъ,— возвысивъ опять голосъ на крайнюю степень силы, продолжалъ Прокофій Трофимовичъ,—да развѣ нѣтъ у тебя отца, или извергъ онъ рода человѣческаго, чтобъ покинуть родную дочь? или онъ калѣка, весь изувѣченъ, что не въ силахъ добыть кусокъ хлѣба? Богъ поможетъ, не клиномъ свѣтъ сошелся: въ городъ переѣдемъ, найду работу, не-бось не умремъ съ голоду. А у меня, на печкѣ лежа, кости разломило,—прибавилъ Прокофій Трофимовичъ, молодецки выпрямляя спину.

Прокофій Трофимовичъ, сказавъ это, не похвасталъ. Онъ точно вынесъ на старыхъ плечахъ своихъ семью изъ крайности.

Кончивъ расчетъ съ Савеловымъ продажею Людвиновки, онъ перевезъ домашнихъ своихъ въ городъ, гдѣ въ самомъ непродолжительномъ времени стали извѣстны его юридическія способности.

Въ маленькой квартиркѣ его, въ лучшей комнатѣ, поселилась больная Настасья Прокофьевна и стала тяжкимъ игомъ стариковъ, которые съ утра до вечера слушали ея жалобы и разнообразили свои неопредѣленные отвѣты на вѣчный вопросъ ея: гдѣ Викторъ? гдѣ сынъ мой?

Объ Викторѣ не было ни слуху, ни духу; онъ канулъ какъ въ воду.

— Изведешь, совсѣмъ изведешь себя, — повторяла ей, сокрушаясь, Анна Петровна.

— Охъ, изведете!—повторяла и Акулина, качая головою.

— Для кого же мнѣ беречь себя? для какихъ радостей?

— Для ради воли Божіей,—говорилъ Прокофій Трофимовичъ,—посѣтилъ тебя Господь Богъ испытаніемъ, неси крестъ

Digitized by Google

свой; смирись передъ Господомъ. Терпѣлъ Спаситель нашъ, терпи и ты, по Его святому примѣру. Молись, проси отъ Него силы и помощи.

Но Настасья Прокофьевна не смирялась и не молилась; а Прокофій Трофимовичъ постоянно пересматривалъ Сѣверную Пчелу, Инвалидъ, Московскія и Петербургскія Вѣдомости, перечитывалъ всѣ имена въѣзжающихъ въ столицы и выѣзжающихъ изъ столицъ, и нигдѣ не находилъ имени Виктора.

Въ числѣ добрыхъ людей, по дѣламъ которыхъ ходилъ Прокофій Трофимовичъ, отыскался человѣкъ, принявшій положеніе старика Полянова на столько къ сердцу, что всякое имя, встрѣчаемое имъ на столбцахъ газетъ, возбуждало его вниманіе, и глаза его, забѣгая впередъ, всматривались во всѣ фамиліи, которыя начинались съ буквы Л.

Само собою разумѣется, что Прокофій Трофимовичъ болѣе другихъ любилъ посѣщать этого сердобольнаго знакомца, который по обычаю проводилъ день свой у окна, въ пестромъ халатѣ и колпакѣ, съ очками на носу и съ листомъ газетъ въ рукѣ.

— Что, батюшка Иванъ Ильичъ, нѣтъ?—спрашивалъ онъ всегда, входя въ комнату.

— Нѣтъ!—отвѣчалъ хозяинъ, и по обыкновенію оба умолкали, потому что Иванъ Ильичъ вообще былъ не разговорчивъ, а Прокофій Трофимовичъ, по горькимъ обстоятельствамъ, сдѣлался противъ прежняго менѣе словоохотенъ.

Получивъ неудовлетворительный отвѣтъ, перекинувъ нѣсколько необходимыхъ словъ по дѣламъ, или напившись чаю и посидѣвъ нѣсколько времени молча и сложа руки, Прокофій Трофимовичъ уходилъ домой.

— Что, нѣтъ?—спросилъ однажды по привычкѣ старый ходатай.

— Не смотрѣлъ, братъ, некогда было; Богъ привелъ съ сынкомъ свидѣться, отыскался мой повѣса; Господь милостивъ, и твой того и смотри, какъ снѣгъ на голову; не горюй! Эй, Андрюша, поди-ка сюда.

Ловкій молодой человѣкъ въ архалукѣ, съ усами подъ фаборой, со шпорами на сапогахъ, вошелъ изъ сосѣдней ком-

Digitized by Google

нать; поклонясь Прокофію Трофимовичу, онъ началъ набивать трубку.

— Ну, рекомендуйся Прокофію Трофимовичу Полянову! Вишь, съ Кавказа пріѣхалъ, одичалъ,— сказалъ хозяинъ.

— Хоть чужой радости порадоваться,— со вздохомъ произнесъ Прокофій Трофимовичъ, присаживаясь къ столику, на которомъ лежали газеты.

— Ну, давай искать, — сказалъ Иванъ Ильичъ, — ищи, Андрей, и ты.

— Что прикажете искать?—съ удивленіемъ спросилъ молодой человѣкъ.

— А вотъ, возьми-ка номеръ, да ищи Людвинова.

— Какого Людвинова?—повторилъ молодой человѣкъ.

— Виктора Людвинова!—сказалъ въ объясненіе Прокофій Трофимовичъ.

— Ищи въ статьѣ о пріѣзжающихъ.

— Юнкера Людвинова? — спросилъ офицеръ; — что-то помнится мнѣ это имя по послѣднимъ спискамъ....

— Вѣдь онъ у меня полковымъ адъютантомъ, — перервалъ Иванъ Ильичъ сына своего, приложившаго ко лбу палецъ.

— Людвиновъ... да, кажется, Людвиновъ,—повторялъ офицеръ,—именно юнкеръ Людвиновъ....

— Юнкеръ? а каковъ онъ изъ себя? — спросилъ дрожащимъ голосомъ Прокофій Трофимовичъ.

— Я его лично не видалъ.

— Отецъ родной, — взмолился старикъ Поляновъ, — наведи справку, разузнай, развѣдай, сдѣлай милость.

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— Пиши съ первой же почтой,—сказалъ Иванъ Ильичъ.

Прокофій Трофимовичъ опрометью побѣжалъ домой обрадовать надеждой своихъ домашнихъ, но эта добрая надежда произвела въ Настасьѣ Прокофьевнѣ весьма дурныя слѣдствія. Она страшно встревожила ее. Въ ея болѣзненномъ состояніи ждать объясненія этого живаго вопроса не было возможности. Она требовала неотлагательнаго отвѣта и не слушала никакого представленія.

Digitized by Google

Прокофій Трофимовичъ тотчасъ же долженъ былъ воротиться съ ея вопросами къ пріѣзжему съ Кавказа.

— Смѣю спросить,—сказалъ онъ,—въ какое время юнкеръ Людвиновъ поступилъ на службу?

— Все, что я вамъ могу сказать, очень недавно.

Получивъ отвѣтъ, Настасья Прокофьевна прогнала опять Прокофія Трофимовича спросить, въ какой именно день отходитъ почта и когда можно надѣяться получить отвѣтъ.

Черезъ часъ явился онъ снова узнать имя начальника укрѣпленія, въ которомъ находится юнкеръ Людвиновъ, и великъ ли тамъ гарнизонъ и подверженно ли укрѣпленіе хищничеству горцевъ.

За тѣмъ слѣдовали безконечные другіе подобные запросы, на которые усталъ отвѣчать кавказецъ.

Наконецъ, передъ самымъ отъѣздомъ молодаго офицера обратно въ полкъ, справка была доставлена: юнкеръ, именно Викторъ Людвиновъ, находился на службѣ въ одномъ изъ укрѣпленій Черноморской береговой линіи.

— Слава тебѣ Господи!—сказалъ, прочитавъ эту драгоцѣнную вѣсть, Прокофій Трофимовичъ,—услышалъ Господь грѣшную молитву мою! Викторъ мой въ военной службѣ!

Анна Петровна побѣжала въ церковь тотчасъ же отслужить благодарственный молебенъ, а съ Настасьей Прокофьевной, вмѣсто радости, сдѣлался сильный нервный припадокъ.

Пришедъ въ себя, она написала длинное письмо, которое и взялся лично доставить возвращающійся къ своему мѣсту офицеръ.

— Смотри же, Андрей, вручи его непремѣнно самъ, — наказывалъ ему, провожая его, отецъ.

XX.

Въ одинъ прекрасный осенній вечеръ можно было видѣть такой закатъ солнца въ волны Чернаго моря, который снится только въ самыхъ счастливыхъ снахъ даровитому нашему Айвазовскому.

Digitized by Google

Въ фіолетовыхъ волнахъ моря искрилась и змѣилась страшная масса золота. Облака пылали; но это былъ мигъ, который могъ возпроизвести художникъ, пораженный имъ до глубины сердца.

Лучи изчезающаго за горизонтомъ солнца стали гаснуть. Облака сбрасывали богатые покровы свои, являясь взору бѣлыми витающими въ туманѣ тѣнями, о которыхъ говоритъ Данте; море, за минуту блистательное и волнистое, умолкало; дремлющая волна, едва касаясь береговъ, плескала, журча и вторя шелесту листьевъ густыхъ колоссальныхъ рододендровъ.

Съ противоположной стороны, снѣговыя вершины горъ бѣлѣли, одѣтыя по склону роскошной зеленью каштановъ, крылатаго орѣшника, лавровъ и оливъ, обвитыя сѣтью плюща и другихъ вьющихся растеній.

Легкая какъ паръ, еще прозрачная вечерняя мгла распространялась на равнинахъ у подошвы горъ, гдѣ на тучныхъ пажитяхъ, подъ открытымъ небомъ, собирались на ночлегъ стада.

Въ этой тишинѣ, дыша сладкимъ благоуханнымъ воздухомъ горъ, сидѣлъ на выдавшемся утесѣ блѣдный молодой человѣкъ, закутанный въ бурку. Подлѣ него сидѣла женщина неопредѣленныхъ лѣтъ, въ казацкомъ костюмѣ. Узкіе глаза и сплюснутыя черты лица ея проявляли калмыцкій типъ. Она держала на колѣняхъ недоконченную работу, и, опершись на нихъ локтемъ, поддерживая голову свою, съ выраженіемъ ноги истинно восточной, глядѣла на юношу.

Послѣдній отблескъ зари румянилъ блѣдное лицо его и гиппократовскій обликъ; но по блуждавшимъ безъ мысли глазамъ замѣтно было, что онъ едва воскресалъ къ жизни послѣ тяжкой болѣзни.

— Оря, что́ это такое?—спросилъ онъ слабымъ голосомъ, указывая на поляну.

— Что́ такое? гдѣ?—повторила казачка,—это идутъ стада.

— Стада короля Адмета?—проговорилъ больной.

— Какого короля?

— Дикари пасутъ ихъ?—продолжалъ юноша. — Оря, а кто учитъ ихъ музыкѣ?

Digitized by Google

— Какой музыкѣ? играть на рожкѣ-то?

Молодой человѣкъ устремилъ мутный взоръ на женщину, долго смотрѣлъ, и потомъ схватилъ себя обѣими руками за голову; глаза его сверкнули въ мгновенномъ сознаніи.

— Гдѣ жь это я?—спросилъ онъ.

— Гдѣ? здѣсь....

— Здѣсь.... гдѣ жь это я былъ?

— Гдѣ былъ? гдѣ ты былъ? ты былъ боленъ, все бредилъ, что плачешь смѣхомъ и смѣешься слезами, что душа у тебя мертвая, что ее кто-то хочетъ купить. Страшно было слушать!

— Мертвая душа.... купить?—произнесъ молодой человѣкъ, приложивъ руку къ головѣ и напрягая память свою.

Въ это время изъ-за крѣпостной ограды показался всадникъ. Верховой офицеръ остановился передъ сидѣвшимъ на бревнѣ у самыхъ бойницъ старымъ солдатомъ.

— Здѣсь юнкеръ Людвиновъ? – крикнулъ онъ.

При этомъ восклицаніи молодой человѣкъ вздрогнулъ и испуганный взоръ его уставился на офицера, который, по указанію служиваго, подъѣзжалъ къ нему.

— Оря, это онъ!—проговорилъ онъ тихо.

— Вы юнкеръ Людвиновъ?—спросилъ офицеръ, соскочивъ съ лошади.

Больной, вмѣсто отвѣта, боязливо приклонился къ женщинѣ.

— Я привезъ вамъ отъ матушки вашей письмо,—продолжалъ офицеръ, отдавая пакетъ.

Молодой человѣкъ, не сводя неподвижнаго, мутнаго взора съ офицера, послушно взялъ письмо.

— Давно онъ боленъ?

— Да, ужь давно,—отвѣчала казачка.

— Что жь я напишу объ немъ?—спросилъ самъ себя офицеръ, долго смотря на больнаго. Пожавъ плечами, онъ вскочилъ на сѣдло, пришпорилъ коня и скоро скрылся отъ преслѣдовавшаго его взора юноши.

Digitized by Google

Неизвѣстно, выздоровѣлъ-ли и отвѣчалъ-ли Людвиновъ на полученное отъ матери письмо. Настасья Прокофьевна не дождалась этого отвѣта. Послѣднее радостное извѣстіе о милomъ, хотя неблагодарномъ сынѣ, такъ потрясло разрушенный организмъ ея, что въ самомъ непродолжительномъ времени она скончалась, оплаканная съ сердечнымъ сокрушеніемъ добрыми стариками и няней своей Акулиной.

Но это испытаніе было уже послѣднее, которое возмутило преклонныя лѣта Поляновыхъ.

Они успокоились на счетъ судьбы внука своего, который, по желанію Прокофія Трофимовича, былъ въ военной службѣ. Миръ и тишина водворились въ бѣдной квартиркѣ ихъ, и жизнь ихъ потекла такъ безмятежно, благодаря добротѣ двухъ богатыхъ торговыхъ домовъ, которые опредѣлили имъ скромное вспомоществованіе, удовлетворяющее скромныя потребности смиренныхъ старцевъ.

Много лѣтъ спустя, конторщикъ этой торговой компаніи, выдавая по обыкновенію мѣсячную плату старику Полянову, глядя на него, спрашивалъ себя мысленно, долго ли еще придется ему исполнять завѣщаніе благодѣтеля, отшедшаго уже въ вѣчность? Но старцы жили и жили, укрытые отъ треволненій, застрахованные внутреннимъ миромъ простыхъ душѣ своихъ.

Въ рѣдкія минуты праздnаго раздумья случалось иногда Аннѣ Петровнѣ посѣтовать о томъ, что судьба занесла ихъ такъ далеко отъ родины сложить кости на чужбинѣ; но Прокофій Трофимовичъ, какъ истинный мудрецъ, тотчасъ прерывалъ это сѣтованіе.

— Человѣкъ прахъ,—говорилъ онъ,—земля есть и въ землю отыдетъ.... Не чужбина тамъ, гдѣ есть храмъ Божій. Молись, пока Господь грѣхамъ терпитъ; а родина обѣщана тамъ, въ будущей жизни.

КОНЕЦЪ.

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ВОСПОМИНАНІЯ
О ШЕНБРУНСКОМЪ ЗАМКѢ.

НАПОЛЕОНЪ.

I.

Привязанность Наполеона къ Шенбрунскому замку. — Строгость его дисциплины.—Ожесточенія противъ него Вѣнскаго жителя.—Любопытная встрѣча.—Два портрета.—Ложный Парижанинъ. — Наполеонъ секундантъ своихъ офицеровъ.—Императорскій крестъ за приверженность къ Королевскимъ Лиліямъ.

Имя Наполеона, такъ же какъ и имя Маріи Антоанеты, начерталось на каждомъ камнѣ Шенбрунскаго дворца. Въ этомъ-то прекрасномъ убѣжищѣ, Наполеонъ, два раза державшій въ побѣдоносныхъ рукахъ своихъ жребій Австрійской монархіи, отдыхалъ въ 1805 и 1809 годахъ, отъ военныхъ трудовъ, въ полномъ блескѣ славы. Не много осталось людей, которые видѣли вблизи всѣ событія этихъ двухъ эпохъ. Большая часть изъ нихъ теперь то же отдыхаетъ.... сномъ вѣчнымъ! Нѣкоторые однакожь пережили своихъ современниковъ, и мнѣ посчастливилось видѣть коекого изъ нихъ, мнѣ даже посчастливилось долго разговаривать съ знаменитымъ ветераномъ Европейской дипломатіи, княземъ Меттерних̀омъ, который, какъ и всѣ старцы, много видѣвшіе на своемъ вѣку, любитъ разсказывать о событіяхъ, начертанныхъ въ его памяти какъ въ историческомъ лексиконѣ, и который самъ составляетъ живую исторію. Онъ сообщилъ мнѣ нѣсколько анекдотовъ о Наполеонѣ, изъ которыхъ многіе или извѣстны мало, или вовсе неизвѣстны. Много писали, много говорили объ этомъ колоссаль-

Digitized by Google

Неизвѣстно, выздоровѣлъ-ли и отвѣчалъ-ли Людвиновъ на полученное отъ матери письмо. Настасья Прокофьевна не дождалась этого отвѣта. Послѣднее радостное извѣстіе о милomъ, хотя неблагодарномъ сынѣ, такъ потрясло разрушенный организмъ ея, что въ самомъ непродолжительномъ времени она скончалась, оплаканная съ сердечнымъ сокрушеніемъ добрыми стариками и няней своей Акулиной.

Но это испытаніе было уже послѣднее, которое возмутило преклонныя лѣта Поляновыхъ.

Они успокоились на счетъ судьбы внука своего, который, по желанію Прокофія Трофимовича, былъ въ военной службѣ. Миръ и тишина водворились въ бѣдной квартиркѣ ихъ, и жизнь ихъ потекла такъ безмятежно, благодаря добротѣ двухъ богатыхъ торговыхъ домовъ, которые опредѣлили имъ скромное вспомоществованіе, удовлетворяющее скромныя потребности смиренныхъ старцевъ.

Много лѣтъ спустя, конторщикъ этой торговой компаніи, выдавая по обыкновенію мѣсячную плату старику Полянову, глядя на него, спрашивалъ себя мысленно, долго ли еще придется ему исполнять завѣщаніе благодѣтеля, отшедшаго уже въ вѣчность? Но старцы жили и жили, укрытые отъ треволненій, застрахованные внутреннимъ миромъ простыхъ душѣ своихъ.

Въ рѣдкія минуты празднаго раздумья случалось иногда Аннѣ Петровнѣ посѣтовать о томъ, что судьба занесла ихъ такъ далеко отъ родины сложить кости на чужбинѣ; но Прокофій Трофимовичъ, какъ истинный мудрецъ, тотчасъ прерывалъ это сѣтованіе.

— Человѣкъ прахъ,—говорилъ онъ,—земля есть и въ землю отыдетъ.... Не чужбина тамъ, гдѣ есть храмъ Божій. Молись, пока Господь грѣхамъ терпитъ; а родина общая тамъ, въ будущей жизни.

КОНЕЦЪ.

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ВОСПОМИНАНІЯ
О ШЕНБРУНСКОМЪ ЗАМКѢ.

—

НАПОЛЕОНЪ.

I.

Привязанность Наполеона къ Шенбрунскому замку. — Строгость его дисциплины.—Ожесточенія противъ него Вѣнскаго жителя.—Любопытная встрѣча.—Два портрета.—Ложный Парижанинъ. — Наполеонъ секундантъ своихъ офицеровъ.—Императорскій крестъ за приверженность къ Королевскимъ Лиліямъ.

Имя Наполеона, такъ же какъ и имя Маріи Антоанеты, начерталось на каждомъ камнѣ Шенбрунскаго дворца. Въ этомъ-то прекрасномъ убѣжищѣ, Наполеонъ, два раза державшій въ побѣдоносныхъ рукахъ своихъ жребій Австрійской монархіи, отдыхалъ въ 1805 и 1809 годахъ, отъ военныхъ трудовъ, въ полномъ блескѣ славы. Не много осталось людей, которые видѣли вблизи всѣ событія этихъ двухъ эпохъ. Большая часть изъ нихъ теперь то же отдыхаетъ.... сномъ вѣчнымъ! Нѣкоторые однакожь пережили своихъ современниковъ, и мнѣ посчастливилось видѣть коего изъ нихъ, мнѣ даже посчастливилось долго разговаривать съ знаменитымъ ветераномъ Европейской дипломатіи, княземъ Меттернихомъ, который, какъ и всѣ старцы, много видѣвшіе на своемъ вѣку, любитъ разсказывать о событіяхъ, начертанныхъ въ его памяти какъ въ историческомъ лексиконѣ, и который самъ составляетъ живую исторію. Онъ сообщилъ мнѣ нѣсколько анекдотовъ о Наполеонѣ, изъ которыхъ многіе или извѣстны мало, или вовсе неизвѣстны. Много писали, много говорили объ этомъ колоссаль-

Digitized by Google

номъ человѣкѣ, но есть люди, о которыхъ говорить никогда не наскучитъ, и притомъ на каждомъ полѣ, какъ бы оно ни было чисто сжато, всегда еще остается нѣсколько колосьевъ.

Императоръ Наполеонъ въ особенности любилъ Шенбрунъ, и находилъ особенное удовольствіе уединяться въ его садахъ и тѣнистыхъ паркахъ. Часто въ поздній часъ ночи, когда въ Императорской резиденціи Маріи Терезіи все уже спало глубокимъ сномъ, онъ съ наслажденіемъ ходилъ по какой-нибудь темной аллеѣ, лелѣя мечты своей славы, и созерцая въ безоблачномъ небѣ блестящую звѣзду, которую считалъ звѣздой своего неизмѣннаго счастья. Побѣдитель при Арколѣ, при Маренго, при Ваграмѣ, до того любилъ Шенбрунъ, говорятъ жители Вѣны, что непремѣнно бы перевезъ его во Францію на своихъ походныхъ фургонахъ, если бы только можно было перевозить такимъ образомъ замки, ихъ сады, парки и воду.

Императоръ рѣдко посѣщалъ Вѣну, но Вѣна часто посѣщала Шенбрунъ, чтобъ полюбоваться войсками, которыя на полѣ битвы удивляли всѣхъ своей храбростью, а послѣ побѣды—своей умѣренностью и строгимъ порядкомъ. Эти войска, по нѣскольку разъ въ недѣлю, маневрировали на обширномъ дворѣ замка, передъ глазами Императора, стоявшаго на крыльцѣ, въ кругу своихъ маршаловъ. Преданіе живо сохранило память о томъ мѣстѣ, которое обыкновенно занималъ онъ, и его могучая пята, поправшая революцію, оставила неизгладимый слѣдъ на томъ самомъ гранитѣ, по которому прежде ступала нога женщины, справедливо заслужившей въ исторіи имя великаго человѣка,—нога Маріи Терезіи.

Во время перваго занятія Вѣны, Наполеонъ ввѣрилъ начальство надъ ней генералу Кларку, и предоставилъ надзоръ за полицейскимъ порядкомъ самой вѣнской національной гвардіи. Между тѣмъ онъ отдалъ приказъ о соблюденіи самой строгой дисциплины, и неусыпно наблюдалъ за ней, не позволяя своимъ войскамъ прикасаться ни къ чьей частной собственности. Самъ онъ воспользовался только собственностью, принадлежавшей государству, какъ напримѣръ арсеналомъ и публичной кассой. Въ вѣнскомъ арсеналѣ, обширнѣйшемъ въ цѣлой Европѣ, заключалось тогда до двухъ тысячъ пушекъ и такое количество разнаго оружія, что его

Digitized by Google

было достаточно на сто тысячь войска. Весь этотъ огромный запасъ сдѣлался пріобрѣтеніемъ французской арміи. Неизвѣстно, почему Императоръ Францъ не позаботился заранѣе отправить всю эту громаду оружія за Дунай, гдѣ оно никакъ недосталось бы въ руки побѣдителей. Эта оплошность тѣмъ болѣе удивительна, что онъ, предвидя паденіе Вѣны, приказалъ же вывесть изъ нея множество знаменъ и желѣзныхъ касокъ, захваченныхъ у республиканскихъ батальоновъ во время разбитія маршала Белиля подъ стѣнами Праги.

Въ 1809 году, во время вторичнаго вторженія Наполеонова въ Вѣну, всѣ умы были раздражены противъ него гораздо болѣе, чѣмъ въ 1805 году. Кромѣ того, что въ этотъ разъ столкновеніе обѣихъ непріятельскихъ армій было гораздо значительнѣе, и бой кровопролитнѣе, ненависть къ нему самихъ гражданъ сдѣлалась болѣе общей и болѣе явной. Эта ненависть добрыхъ жителей Вѣны къ своему побѣдителю, который впродолженіи четырехъ лѣтъ два раза водружалъ побѣдоносные орлы свои на башнѣ Св. Стефана, и два раза разбивалъ свои бивуаки на улицахъ ихъ города, очень естественна. Наполеонъ, вполнѣ понимавшій чувства національной гордости, очень хорошо понималъ и то, что народъ, два раза имъ побѣжденный, неможетъ любить его. По этому онъ нисколько неудивился, когда, во время вторичнаго вшествія въ Вѣну, какой-то простолюдинъ схватилъ за узду его лошадь, и началъ дѣлать ему жаркіе упреки. Этотъ отчаянный сумасбродъ хотѣлъ даже стащить его за ногу съ лошади. Офицеры, составлявшіе свиту Императора, бросились на несчастнаго и готовы были изрубить его, но Наполеонъ остановилъ ихъ движеніемъ руки, и нѣсколькими словами совершенно укротилъ запальчивость своего ничтожнаго противника, снова присоединившагося къ толпѣ, вышедшей на встрѣчу арміи. «Жители Вѣны! — сказалъ Императоръ,—не бойтесь меня. Случайность войны отворила мнѣ въ другой разъ ворота вашего города, но вы не будете чувствовать на какихъ другихъ непріятностей, кромѣ той только, что городъ вашъ занятъ иностранцами, и во мнѣ вы всегда найдете скорѣе друга, чѣмъ грознаго побѣдителя. Ваше имущество, ваша собственность, ваша личность и личность вашихъ семействъ останутся

Digitized by Google

неприкосновенными, и не на меня падетъ ответственность въ томъ, если французское знамя слишкомъ долго будетъ развѣваться на башнѣ вашей метрополіи ».

Послѣ этихъ словъ, произнесенныхъ кроткимъ голосомъ, лица вѣнскихъ жителей прояснились, въ ихъ взорахъ изчезло непріязненное выраженіе, и прощенный виновникъ, прославляя великодушіе Наполеона, принесъ самое искреннее раскаяніе въ своемъ поступкѣ.

Не смотря однакожъ на всю строгость приказаній, отданныхъ о соблюденіи войсками назначенной имъ дисциплины, не смотря на самую строгость наказаній, которыя тотчасъ же слѣдовали за ея нарушеніемъ, личность и собственность вѣнскихъ жителей не всегда были обезпечены.

Однажды Наполеонъ, въ сопровожденіи только двухъ адьютантовъ, прогуливался верхомъ по улицамъ Вѣны. По обыкновенію, онъ былъ въ полковничей формѣ гвардейскихъ егерей, въ которой никто, кромѣ приближенныхъ его, не узналъ завоевателя Италіи. Остановивъ лошадь свою, чтобы полюбоваться издали на башню Св. Стефана, онъ сказалъ:

— Что если бы во время бомбардированія Вѣны, бомбы мои, какъ нибудь случайно, разрушили этотъ превосходный памятникъ готической архитектуры: вѣдь это было бы страшное несчастье!

— Артилеристы Вашего Величества такъ искусны, что у нихъ нѣтъ случайныхъ выстрѣловъ,—отвѣчалъ одинъ изъ офицеровъ.

— Въ этомъ я хоть и согласенъ въ вами, —возразилъ Императоръ,—но бомбы все таки иногда бываютъ слѣпы, особенно ночью.

Въ эту минуту Императоръ замѣтилъ открытую коляску, которая проѣзжала между имъ и его адьютантами, и въ которой сидѣли священникъ и плачущая женщина. Сдѣлавъ кучеру знакъ, чтобы онъ остановился, Наполеонъ спросилъ даму отрывисто:

— Куда вы ѣдете, сударыня?

Молодая и притомъ очень хорошенькая дама, встревоженная своимъ горемъ, и испуганная рѣзкимъ тономъ, которымъ былъ сдѣланъ этотъ вопросъ, едва могла произнесть нѣсколько невнятныхъ словъ.

Digitized by Google

— Не пугайтесь, сударыня, — прибавилъ Императоръ смягчая голосъ,—вѣдь Французы не Турки.

— О, я это очень хорошо знаю, полковникъ.

— Такъ скажите же мнѣ, куда вы ѣдете?

— Къ Императору Наполеону.

— Вѣрно просить?

— Да, полковникъ.

— Какой нибудь милости?

— Нѣтъ, полковникъ.

— Такъ чего же?

— Правосудія.

— Можете быть увѣрены, что онъ не откажетъ вамъ, если только просьба ваша справедлива.

— Посудите сами: французскіе солдаты разграбили мой деревенскій домъ и убили моего садовника, прекраснаго и вѣрнаго человѣка, который до старости служилъ намъ.

— Императоръ непремѣнно сдѣлаетъ вамъ должное удовлетвореніе.

— Надѣюсь. Тѣмъ болѣе, что онъ хорошо знаетъ мое семейство и самъ многимъ обязанъ ему.

— Причина еще болѣе побудительная, — прибавилъ Наполеонъ съ улыбкой.

— Да, полковникъ, если только забывчивость, которая часто случается съ людьми при ихъ возвышеніи, не сдѣлала неблагодарнымъ и *маленькаго ученика Бріенской школы.*

— Сударыня,—возразилъ сурово Наполеонъ,—есть сердца возвышенныя, которымъ забывчивость несвойственна. Сердце *маленькаго ученика Бріенской школы* принадлежитъ къ этому разряду.

Молодая женщина, снова испуганная быстрой перемѣной голоса своего знаменитаго собесѣдника, котораго она однакожъ все еще никакъ не считала самимъ Императоромъ, потупила глаза и опять залилась слезами.

— Имя ваше, сударыня?

— Де Бюнни, полковникъ.

— Я спрашиваю имя вашего семейства, которому *маленькій ученикъ Бріенской школы* такъ много обязанъ?

Digitized by Google

— Я дочь г. де Морбёфъ.

— Г-на де Морбёфъ!— воскликнулъ Императоръ, пожимая руку хорошенькой дамы, слезы которой въ туже минуту осушились какъ будто посредствомъ волшебства.

— Да, полковникъ, г-на де Морбёфъ, прежняго губернатора Корсики. Развѣ вы знали его?

— О, какъ же... По наслышкѣ. Императоръ будетъ очень радъ видѣть васъ въ Шенбрунѣ. Я поѣду предупредить его, а одинъ изъ этихъ господъ васъ проводитъ.

Сказавъ эти слова, Наполеонъ быстро поскакалъ съ однимъ изъ офицеровъ, между тѣмъ какъ другой остался проводникомъ дамы, которая больше ужь не плакала.

Черезъ три четверти часа прекрасная просительница была введена въ покои Императора, который все еще оставался въ своемъ полковничьемъ мундирѣ.

— Пожалуйте, — сказалъ Наполеонъ, усаживая ее рядомъ съ собой въ кресла.

— Но можно ли мнѣ будетъ видѣть Его Величество, — сказала г-жа Бюнни. Скоро смеркнется, и ночью мнѣ страшно будетъ ѣхать по дорогѣ, занятой солдатами.

— Не бойтесь этого, васъ проводятъ; Императора вы увидите, но прежде взгляните на этотъ портретъ. Тутъ Наполеонъ открылъ не большую коробочку розоваго дерева, съ золотой инкрустаціей, и подалъ ее молодой дамѣ.

— Боже мой!— вскричала она съ восторгомъ, — это портретъ моего отца!... Но по какому случаю, полковникъ, достался вамъ этотъ портретъ, столько дорогой моему сердцу, и можетъ быть единственный, который только остался послѣ отца?

— Онъ принадлежитъ Императору, который, какъ вы видите теперь сами, *не забылъ въ своемъ величіи того, чѣмъ маленькій ученикъ Бріенской школы былъ обязанъ вашему батюшкѣ.* Императоръ, — прибавилъ Наполеонъ, — незабывчивъ; напротивъ, онъ чтитъ воспоминанія какъ святыню. Взгляните на этотъ другой портретъ: это *маленькій ученикъ Бріенской школы,* сдѣлавшійся Императоромъ.

Digitized by Google

— Великій Боже! — вскричала г-жа Бюнни, упадая на колѣни передъ Наполеономъ, это портретъ Вашего Величества... Вы...

— *Маленькій ученикъ Брienской школы*, — подхватилъ Наполеонъ, поднимая свою посѣтительницу.

Въ эту минуту, въ комнату ввели нѣсколько мародеровъ, захваченныхъ утромъ.

— Не узнаете ли вы въ числѣ этихъ людей, того, который грабилъ вашъ домъ и убилъ вашего садовника?—спросилъ Наполеонъ.

— Да, Государь, — отвѣчала она тотчасъ же узнавъ убійцу и указавъ на одного изъ мародеровъ, — вотъ онъ.

— Хорошо, — сказалъ Императоръ, — завтра утромъ онъ будетъ разстрѣлянъ.

Кромѣ убійцы садовника, остальные мародеры, участвовавшіе въ грабежѣ, получили прощеніе по просьбѣ самой ограбленной хозяйки. Просительница, откланявшись Императору, отправилась въ сопровожденіи конвоя. Въ память о Шенбрунѣ, она взяла съ собой оба портрета, которые Императоръ ей показывалъ, и которые подарилъ ей.

— Деньги мои разхищены, мебель моя переломана, — говорила она входя въ свой опустошенный домъ, — но я теперь богаче, чѣмъ была прежде: я видѣла Императора. Наполеонъ дѣйствительно великій человѣкъ.

Каждый день, послѣ занятій своихъ надъ громадою текущихъ дѣлъ, Наполеонъ прогуливался въ окрестностяхъ Шенбруна, иногда верхомъ, часто въ каретѣ, и еще чаще пѣшкомъ. Верхомъ онъ всегда скакалъ такъ же быстро, какъ быстро бѣжали мысли въ его головѣ; въ каретѣ онъ читалъ, или лучше сказать пробѣгалъ книги, которыя, никогда не дочитывая, выбрасывалъ въ окно. По этому случаю многія вѣнскія библіотеки пріобрѣли книги, побывавшія въ рукахъ знаменитаго полководца. Наполеонъ не любилъ ни риторовъ, ни философовъ, ни полуученыхъ, которыхъ называлъ *des savantasses*. Полуученые, говорилъ онъ, гораздо опаснѣе для общества и для самой науки, чѣмъ совершенные невѣжды.

Въ одно утро явился въ Шенбрунъ какой-то молодой человѣкъ, съ листомъ, разрѣшающимъ ему дозволеніе на аудіенцію, и съ огромнымъ прошеніемъ о возвратѣ претерпѣнныхъ убытковъ.

Digitized by Google

— Ты самъ проситель?—спросилъ его Наполеонъ, пробѣжавъ въ три минуты длинную бумагу.

— Нѣтъ, Ваше Величество, я его племянникъ.

— Почемужъ твой дядя неявился самъ?

— По старости лѣтъ.

— Какой ты націи?

— Парижанинъ, Ваше Величество.

— Ты лжешь, молодой человѣкъ. У тебя нѣмецкой выговоръ.

— Я говорю правду, Государь: съ тѣхъ поръ какъ вы покорили Вѣну, всѣ ея жители сдѣлались Парижанами.

— Твой отвѣтъ довольно остроуменъ,—отвѣчалъ Императоръ, осматривая его съ ногъ до головы, и можетъ быть понравился бы мнѣ, если бы только не былъ лестью непростительной на языкѣ вѣнскаго уроженца. Исторія Вѣны такъ славна, что каждый ея уроженецъ долженъ гордиться такой колыбелью. Я люблю вѣнскій народъ, онъ откровененъ, общежителенъ, щедръ, не такъ положителенъ какъ жители Сѣверной Германіи; любитъ удовольствія, любитъ славу; у него есть свой собственный національный умъ, есть вѣрность, есть храбрость и преданность къ своимъ государямъ. Ты неправъ, молодой человѣкъ, что ты не хотѣлъ объявить мнѣ прямо и гордо свое вѣнское происхожденіе.

Послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія, Наполеонъ прибавилъ:

— Какимъ ремесломъ ты занимаешься, господинъ льстецъ?

— Книгопродавецъ, къ услугамъ Вашего Величества.

— Книгопродавецъ?—вскричалъ Императоръ,—я не очень люблю идеологовъ и еще меньше книгопродавцевъ, которые для вредныхъ писателей то же, что укрыватели для мошенниковъ. Исключаю только изъ этого числа книгопродавцевъ честныхъ, которые, уважая сами себя, уважаютъ и своихъ покупателей. Но такіе встрѣчаются очень рѣдко.

— Что прикажете сказать, Государь, моему дядѣ, если вашему Величеству неугодно будетъ уважить мою просьбу?

— Пересказать ему этотъ разговоръ... Сколько онъ требуетъ за свои убытки?

— Три тысячи флориновъ.

Digitized by Google

— Я велю сдѣлать повѣрку, и если требованіе его окажется справедливо, эта сумма, по его желанію, будетъ отдана въ пользу бѣдныхъ. Ступай молодой человѣкъ и брось свое ремесло книгопродавца, которое поведетъ тебя прямо къ чорту.

Было время, когда эпидемія дуэлей до того распространилась во Франціи, что даже такой докторъ, какъ Ришелье, и такое лекарство, какъ висѣлица, не могли совершенно прекратить ее. Французскія войска, занимавшія Вѣну и Шенбрунъ, то же сильно страдали этой эпидеміей. Наполеонъ, докторъ едва ли не болѣе искусный самаго великаго министра Лудовика XIII, попробовалъ уничтожить болѣзнь коротенькой прокламаціей и однажды написалъ слѣдующій приказъ: « Всѣ офицеры, унтеръ-офицеры и солдаты, которые за какую нибудь ничтожную вещь вызовутъ другъ друга на дуэль *въ землѣ непріятельской*, будутъ объявлены измѣнниками». Несмотря на эту, такъ же довольно сильную мѣру, Савари, въ одинъ вечеръ, донесъ ему, что два отличные гвардейскіе офицера поссорились и хотятъ, на другой день, драться.

— Вамъ извѣстна причина ссоры ?—спросилъ Императоръ.

— Да, Государь, причина довольно важная, — сказалъ Савари смѣясь.—Споръ зашелъ о томъ, какая женщина умѣетъ сильнѣе любить: брюнетка или блондинка. Одинъ защищалъ одну сторону, другой другую—и поссорились.

— Какое сумасшествіе!—воскликнулъ Наполеонъ, то же засмѣявшись. Этотъ вопросъ должна будетъ разрѣшить Жозефина; а вы между тѣмъ подите узнайте часъ и мѣсто дуэли.

Савари исполнилъ приказаніе и черезъ нѣсколько минутъ доставилъ Императору самыя подробныя свѣденія.

На другое утро, два противника явились на мѣсто дуэли съ самой строгой точностью и обнажили уже шпаги, какъ вдругъ Наполеонъ показался изъ-за деревьевъ. « Ваши шпаги должны выниматься только противъ непріятеля,—сказалъ онъ строго, окаменѣвшимъ отъ ужаса противникамъ. Потомъ прибавилъ голосомъ болѣе кроткимъ: Я заступаю мѣсто вашего секунданта и разрѣшу вашъ споръ, причину котораго знаю. Любовь точно такъ же хорошо можетъ выражаться въ голубыхъ глазахъ, какъ и въ черныхъ, только мы лучше видимъ ее въ тѣхъ, которые намъ больше

Digitized by Google

— Ты самъ проситель?—спросилъ его Наполеонъ, пробѣжавъ въ три минуты длинную бумагу.

— Нѣтъ, Ваше Величество, я его племянникъ.

— Почемужъ твой дядя неявился самъ?

— По старости лѣтъ.

— Какой ты націи?

— Парижанинъ, Ваше Величество.

— Ты лжешь, молодой человѣкъ. У тебя нѣмецкой выговоръ.

— Я говорю правду, Государь: съ тѣхъ поръ какъ вы покорили Вѣну, всѣ ея жители сдѣлались Парижанами.

— Твой отвѣтъ довольно остроуменъ,—отвѣчалъ Императоръ, осматривая его съ ногъ до головы, и можетъ быть понравился бы мнѣ, если бы только не былъ лестью непростительной на языкѣ вѣнскаго уроженца. Исторія Вѣны такъ славна, что каждый ея уроженецъ долженъ гордиться такой колыбелью. Я люблю вѣнскій народъ, онъ откровененъ, общежителенъ, щедръ, не такъ положителенъ какъ жители Сѣверной Германіи; любитъ удовольствія, любитъ славу; у него есть свой собственный національный умъ, есть вѣрность, есть храбрость и преданность къ своимъ государямъ. Ты неправъ, молодой человѣкъ, что ты не хотѣлъ объявить мнѣ прямо и гордо свое вѣнское происхожденіе.

Послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія, Наполеонъ прибавилъ:

— Какимъ ремесломъ ты занимаешься, господинъ льстецъ?

— Книгопродавецъ, къ услугамъ Вашего Величества.

— Книгопродавецъ?—вскричалъ Императоръ,—я не очень люблю идеологовъ и еще меньше книгопродавцевъ, которые для вредныхъ писателей то же, что укрыватели для мошенниковъ. Исключаю только изъ этого числа книгопродавцевъ честныхъ, которые, уважая сами себя, уважаютъ и своихъ покупателей. Но такіе встрѣчаются очень рѣдко.

— Что прикажете сказать, Государь, моему дядѣ, если Вашему Величеству неугодно будетъ уважить мою просьбу?

— Пересказать ему этотъ разговоръ... Сколько онъ требуетъ за свои убытки?

— Три тысячи флориновъ.

Digitized by Google

— Я велю сдѣлать повѣрку, и если требованіе его окажется справедливо, эта сумма, по его желанію, будетъ отдана въ пользу бѣдныхъ. Ступай молодой человѣкъ и брось свое ремесло книгопродавца, которое поведетъ тебя прямо къ чорту.

Было время, когда эпидемія дуэлей до того распространилась во Франціи, что даже такой докторъ, какъ Ришелье, и такое лекарство, какъ висѣлица, не могли совершенно прекратить ее. Французскія войска, занимавшія Вѣну и Шенбрунъ, то же сильно страдали этой эпидеміей. Наполеонъ, докторъ едва ли не болѣе искусный самаго великаго министра Лудовика XIII, попробовалъ уничтожить болѣзнь коротенькой прокламаціей и однажды написалъ слѣдующій приказъ: « Всѣ офицеры, унтеръ-офицеры и солдаты, которые за какую нибудь ничтожную вещь вызовутъ другъ друга на дуэль *въ землѣ непріятельской*, будутъ объявлены измѣнниками». Несмотря на эту, такъ же довольно сильную мѣру, Савари, въ одинъ вечеръ, донесъ ему, что два отличные гвардейскіе офицера поссорились и хотятъ, на другой день, драться.

— Вамъ извѣстна причина ссоры ?—спросилъ Императоръ.

— Да, Государь, причина довольно важная, — сказалъ Савари смѣясь.—Споръ зашелъ о томъ, какая женщина умѣетъ сильнѣе любить: брюнетка или блондинка. Одинъ защищалъ одну сторону, другой другую—и поссорились.

— Какое сумасшествіе!—воскликнулъ Наполеонъ, то же засмѣявшись. Этотъ вопросъ должна будетъ разрѣшить Жозефина; а вы между тѣмъ подите узнайте часъ и мѣсто дуэли.

Савари исполнилъ приказаніе и черезъ нѣсколько минутъ доставилъ Императору самыя подробныя свѣденія.

На другое утро, два противника явились на мѣсто дуэли съ самой строгой точностью и обнажили уже шпаги, какъ вдругъ Наполеонъ показался изъ-за деревьевъ. « Ваши шпаги должны выниматься только противъ непріятеля,—сказалъ онъ строго, окаменѣвшимъ отъ ужаса противникамъ. Потомъ прибавилъ голосомъ болѣе кроткимъ: Я заступаю мѣсто вашего секунданта и разрѣшу вашъ споръ, причину котораго знаю. Любовь точно такъ же хорошо можетъ выражаться въ голубыхъ глазахъ, какъ и въ черныхъ, только мы лучше видимъ ее въ тѣхъ, которые намъ больше

Digitized by Google

нравятся, слѣдовательно вы оба правы. Я такъ же правъ съ своей стороны, не допустивъ одного изъ васъ убить другаго, потеря котораго была бы для меня потерей хорошаго офицера.

Помирившіяся противники снова встрѣтились вечеромъ, но уже съ бокалами въ рукахъ и за столомъ Императора.

Въ 1809 году, въ окрестностяхъ Гитцинга, очень не далеко отъ Шенбруна, жилъ одинъ старый эмигрантъ, который служилъ еще въ арміи Конде и потомъ перешелъ въ духовное званіе. Перемѣнивъ званіе, баронъ де Монъ-Люкъ (такъ звали эмигранта) не перемѣнилъ вмѣстѣ съ тѣмъ своихъ политическихъ вѣрованій. Знамя съ древнимъ гербомъ Франціи, тремя лиліями, сабля, пара пистолетовъ и крестъ Св. Лудовика, остались ему единственными воспоминаніями прежней военной жизни. Свято храня всѣ эти вещи, баронъ де Монъ-Люкъ никакъ не думалъ, что онѣ еще разъ могутъ подвергнуть опасности его тихую жизнь. Солдаты корпуса Массены увидѣвъ въ скромномъ жилищѣ его это знамя и крестъ, бросились на старца съ ожесточеніемъ, и одинъ изъ нихъ такъ сильно ударилъ барона, что онъ упалъ безъ чувствъ. Какъ только это происшествіе дошло до Императора, главный виновникъ тотчасъ же былъ преданъ суду и приговоренъ къ смерти. Узнавъ объ этомъ въ свою очередь, старый эмигрантъ, еще больной и слабый, явился въ Шенбрунъ и упалъ къ ногамъ Наполеона, испрашивая помилованія своему оскорбителю, но въ этомъ случаѣ всѣ просьбы его были тщетны: Наполеонъ остался непоколебимъ въ томъ, что онъ называлъ необходимостью примѣра. Все, что могъ испросить баронъ де Монъ-Люкъ, была только отсрочка казни на двадцать четыре часа, въ продолженіи которыхъ благочестивый старецъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ приготовить къ смерти того, кому немогъ спасти жизнь. Въ этомъ отношеніи онъ достигъ своей цѣли: виновный умеръ, какъ христіанинъ, съ чистымъ раскаяніемъ. Узнавъ о такомъ благородномъ поступкѣ, Наполеонъ самъ захотѣлъ посѣтить старца, и на другой же день отправился къ нему вмѣстѣ съ генераломъ Рапомъ. При входѣ Императора, старый эмигрантъ тотчасъ хотѣлъ убрать знамя съ изображеніемъ лилій, но Наполеонъ остановилъ его,

Digitized by Google

почтительно снялъ шляпу передъ этимъ бѣлымъ знаменемъ и сказалъ:

«Слава Франціи, въ какой бы цвѣтъ ни была облечена она, всегда близка моему сердцу. Знамя, которое хотѣли вы скрыть отъ меня, было въ прошедшихъ вѣкахъ точно такимъ же символомъ этой славы, какимъ будетъ мое въ будущихъ. Я никакъ нехочу, чтобы мои орлы истребили память о лиліяхъ. Побѣды при Мариньянѣ, Нортлингѣ, Фонтеноа сдѣлали бы честь и моимъ орламъ. Бѣлое знамя показало дорогу трехцвѣтному: оно дало Франціи твердость и могущество, сдѣлало ее обладательницей полусвѣта, и кто истинно любитъ Францію, тотъ навсегда долженъ сохранить воспоминаніе о немъ. Оставьте же это знамя между крестомъ св. Лудовика и вотъ этимъ, который вы вполнѣ достойны носить.

При этихъ словахъ, Наполеонъ снялъ съ себя орденъ, который онъ создалъ въ Булонскомъ лагерѣ, и прикрѣпилъ его къ рясѣ стараго солдата, сражавшагося подъ знаменами Генриха IV и Лудовика XIV.

Баронъ де Монъ-Люкъ умеръ въ 1837 году, восьмидесяти четырехъ лѣтъ.

II.

Ночной визитъ. — Человѣколюбіе вѣнскихъ жителей. — Сестры милосердія. — Похороны австрійскаго полковника. — Расположеніе французской арміи. — Трубка генерала Удино. — Награда роялисту. — Сужденіе Наполеона о французской революціи. — Счастье приходитъ во снѣ.

Въ началѣ октября 1809 года, въ темный и дождливый вечеръ, Наполеонъ отправился въ Вѣну, въ сопровожденіи только двухъ генераловъ, Раппа и Дюрока. Мрачный и молчаливый сидѣлъ онъ въ каретѣ и, казалось, былъ погруженъ къ глубокія размышленія. Генералы сидѣли напротивъ.

— Чортъ меня возьми, если я хоть сколько нибудь понимаю, зачѣмъ мы ѣдемъ въ Вѣну, сказалъ Раппъ тихимъ голосомъ своему товарищу.

— Еслибы у Императора была другая любовница, кромѣ славы,

Digitized by Google

отвѣчалъ Дюрокъ такъ же тихо, тогда бы я подумалъ, что мы провожаемъ его на свиданье.

— И ты бы ошибся, сказалъ Наполеонъ, вслушавшись въ ихъ слова.

— Куда жъ вы насъ везете, государь?

— На свиданье надгробное.

— Для чего же?

— Чтобъ помечтать о ничтожествѣ человѣческой славы.

Черезъ четверть часа карета остановилась на площади мучнаго рынка. Императоръ и оба его генерала вошли, въ сопровожденіи капуциновъ, освѣщавшихъ имъ путь факелами, въ длинные галлереи монастыря, молчаливаго какъ могила, и спустились въ погребальный склепъ императорскаго Австрійскаго дома. Это послѣднее жилище было великолѣпно освѣщено, и волны пламени ярко отражались на коронахъ и разбитыхъ скипетрахъ. Императоръ, съ открытой головой, быстро прошелъ между двойнымъ рядомъ гробницъ и преклонилъ колѣно передъ великолѣпнымъ памятникомъ, воздвигнутымъ надъ знаменитымъ прахомъ Маріи Терезіи.

— Здѣсь покоится Наполеонъ Австрійской имперіи, сказалъ онъ приподнимаясь; и потомъ прибавилъ: гдѣ будетъ покоиться Наполеонъ французской имперіи?

— Въ Сен-Дени, подхватилъ быстро Дюрокъ.

— Въ Сен-Дени! воскликнулъ Наполеонъ; но развѣ оно не опрофанировано руками революціи? Народъ, въ своемъ изступленіи не пощадилъ даже праховъ Тюреня, Лудовика XIV, Генриха IV,—Генриха IV, единственнаго короля, о которомъ память еще сохраняется въ этомъ же самомъ народѣ.... Австрійскіе императоры счастливѣе французскихъ королей: они нестрашатся преступной руки, готовой разсѣять прахъ ихъ по вѣтру. Ужасная вещь революція!

— Съ которой вы и поступили какъ слѣдуетъ.

— Этотъ подвигъ будетъ самымъ славнымъ въ моей исторіи.

— Франція никогда его незабудетъ.

Наполеонъ обвелъ задумчивымъ взоромъ длинный рядъ гроб-

Digitized by Google

пищъ и грустно сказалъ: — Такъ вотъ что осталось теперь отъ этихъ безарей, имена которыхъ наполняли вселенную! Горсть праха, покрытая кускомъ бархата; эпитафія, начертанная рукой придворнаго на золотой доскѣ; свинцовый гробъ вмѣсто трона; бѣдные монахи вмѣсто стражи! О тщета человѣческой славы! черезъ нѣсколько времени то же самое останется вамъ и отъ героя Пирамидъ и Ваграма?

— Одно только вѣчно здѣсь, прибавилъ онъ потомъ, и указалъ на крестъ, осѣнявшій обломки скипетровъ.

Было три часа утра, когда Императоръ, которому первая гробница суждена была на островѣ св. Елены, возвратился въ Шенбрунъ печальный и молчаливый. Быть можетъ орлиный взоръ Наполеона провидѣлъ, что̀ можетъ съ нимъ случиться въ будущемъ.

Каждыя двѣ недѣли Императоръ ѣздилъ въ Вѣну для осмотра гошпиталей, въ которые были перевезены всѣ раненые подъ Эсслингомъ и Ваграмомъ. Число этихъ страдальцовъ войны было огромное, потому что оба сраженія были страшно кровопролитны, особенно Ваграмское, гдѣ изъ трехъ сотъ тысячъ человѣкъ сорокъ четыре тысячи легло на мѣстѣ, подъ огнемъ тысячи ста орудій.

Всѣ историки, писавшіе объ этой достопамятной эпохѣ, умолчали о великодушіи австрійцевъ къ ихъ побѣдителямъ, которые уже въ другой разъ обременяли ихъ столицу—и тысячами своихъ раненыхъ и постоемъ своихъ войскъ. Да будетъ позволено намъ отдать въ этомъ случаѣ справедливость прекраснымъ жительницамъ Вѣны: онѣ сами ухаживали за ранеными, и ихъ нѣжныя попеченія были едва ли не дѣйствительнѣе всѣхъ медицинскихъ пособій полковыхъ докторовъ. Часто самыя знатныя дамы, скрывъ высокій родъ свой подъ скромнымъ фартукомъ сестры милосердія, проводили цѣлые дни въ печальномъ пріютѣ скорби и болѣзни, для того чтобъ усладить послѣднія минуты страдальца, въ которомъ невидали уже больше врага, а видѣли только человѣка и брата.. Одна христіанская религія можетъ вдохнуть такое высокое милосердіе!

Каждый разъ, когда Наполеонъ посѣщалъ гошпитали, онъ никакъ не пропускалъ случая изъявлять самую живую благодарность

Digitized by Google

этимъ произвольнымъ сидѣлкамъ, которыхъ онъ встрѣчалъ тамъ, и которые на дверяхъ временныхъ госпиталей, принятыхъ ими подъ свое покровительство, начертали слѣдующія превосходныя слова: *Для милосердія всѣ страдальцы соотечественники!* Присутствіе Императора было такъ же, въ своемъ родѣ, благодѣтельно для больныхъ, какъ и попеченія дамъ. Онъ останавливался передъ каждой постелей, говорилъ каждому нѣсколько утѣшительныхъ словъ, — и эти слова производили магическое дѣйствіе. «Одинъ взглядъ его, говорилъ знаменитый докторъ Корвизаръ, часто бываетъ лучше всѣхъ нашихъ лекарствъ.» Очень естественно, что похвала или награда Императора, потрясавшая пріятно фибры больнаго, должна была производить благодѣтельную реакцію.

Постоянныя сношенія раненыхъ съ ихъ добрыми и прекрасными сидѣлками послужили поводомъ ко многимъ романическимъ эпизодамъ, изъ которыхъ многіе и до сихъ поръ еще помнятся по преданіямъ. Мы разскажемъ здѣсь одинъ изъ нихъ. Молодой кавалерійскій поручикъ Руфъ, родомъ изъ Ліона, получивъ тяжелую рану, пулей въ грудь, которую доктора считали смертельной, былъ по этому случаю совершенно оставленъ ими на произволъ судьбы, которая съ своей стороны передала его попеченіямъ молодой дѣвушки, Лины Шефферъ. «Какое несчастье, говорила она, услышавъ страшный приговоръ докторовъ, какое несчастье, если этотъ молодой человѣкъ въ самомъ дѣлѣ долженъ умереть! Онъ такой хорошенькій, и, кажется, такой добрый!» Руфъ въ самомъ дѣлѣ былъ замѣчателенъ своей красотой. И притомъ, когда въ бреду горячки, онъ призывалъ свою мать, голосъ его, прерывающійся отъ страданій, былъ такъ тихъ, такъ кротокъ. «У него есть и мать, говорила Лина; бѣдная женщина, каково ей будетъ узнать о его смерти, не закрывъ ему глазъ, не принявъ послѣдняго его вздоха! Господи! помоги мнѣ спасти его!...» И упавъ на колѣни у постели больнаго, она начала молиться со всѣмъ жаромъ чистой души своей. Молитва ея была услышана: больному стало лучше. Докторъ отмѣнилъ свой приговоръ, удвоилъ свои попеченія, Лина то же — и больной наконецъ началъ вставать съ постели.

Digitized by Google

Къ лазарету примыкалъ огромный, тѣнистый садъ. Выздоравливающій поручикъ началъ ежедневно прогуливаться въ немъ, опираясь на руку своей юной Антигоны; и такъ какъ онъ не былъ слѣпъ, то очень скоро замѣтилъ въ глазахъ ея выраженіе чувства больше нѣжнаго, чѣмъ простое участіе. Лина была премиленькая блондинка. Нума Руфъ тоже страстно полюбилъ ее и рѣшился посвятить ей жизнь, которую она ему возвратила. Но въ этомъ случаѣ встрѣтилось препятствіе.

Молодой поручикъ ничего не имѣлъ, кромѣ своихъ эполетъ и креста почетнаго легіона. Отецъ Лины былъ богатый негоціантъ, и рѣшительно отказалъ ему въ рукѣ своей дочери. Этотъ отказъ такъ сильно огорчилъ молодаго человѣка, что онъ снова занемогъ, и на этотъ разъ не имѣлъ даже того утѣшенія, чтобы Лина ходила за нимъ: отецъ перервалъ всѣ сношенія между ими.

Въ такомъ положеніи было дѣло, когда Наполеонъ узналъ о немъ. Руфъ былъ храбрый, отличный офицеръ, любимый цѣлымъ полкомъ. Императору стоило сказать только слово, чтобы сдѣлать его счастливымъ, и онъ это сдѣлалъ; отецъ Лины не смѣлъ противиться волѣ того, кому немогла противиться цѣлая Европа. Черезъ восемь дней молодые люди были обвѣнчаны въ часовнѣ Шенбрунскаго дворца.

Черезъ нѣсколько дней послѣ своего ночнаго визита въ монастырь капуциновъ, Наполеонъ отправившись навѣстить своихъ раненыхъ, которыхъ онъ называлъ: sa noblesse militante, узналъ, что наканунѣ умеръ австрійскій полковникъ Веверъ, раненый на Ваграмскомъ сраженіи, и что въ два часа будутъ его похороны. Императоръ посмотрѣлъ на часы; онѣ показывали 12. «О, еще есть время» сказалъ онъ, и на листочкѣ своей записной книжки написалъ слѣдующія слова: «Вѣнскій комендантъ ровно въ два часа пришлетъ, къ церкви св. Стефана, баталіонъ въ полной формѣ. «Наполеонъ «.

Ровно въ два часа печальная церемонія приблизилась къ церкви; въ тоже время назначенный баталіонъ выстроился передъ главнымъ ея входомъ, и отдалъ честь приближающемуся гробу, за которымъ слѣдовалъ французской полковникъ въ гвардейскомъ егерскомъ

Digitized by Google

мундирѣ и множество офицеровъ французскаго главнаго штаба. Этотъ полковникъ былъ самъ Наполеонъ. Батальонъ французскихъ войскъ проводилъ австрійскаго офицера до могилы и отдалъ ему всѣ должныя военныя почести. Наполеонъ умѣлъ привлечь къ себѣ самыхъ своихъ непріятелей. Такой поступокъ привелъ въ восторгъ всѣхъ вѣнскихъ жителей, которые въ тотъ же день поднесли ему благодарственный адресъ.

Расположивъ свои войска вокругъ Вѣны такъ, что могъ ихъ быстро стянуть на каждомъ пунктѣ, Наполеонъ съ тѣмъ вмѣстѣ давалъ имъ самый пріятный отдыхъ послѣ трудовъ, въ странѣ здоровой, прекрасной и изобильной. Онъ любилъ заботиться о здоровьѣ и продовольствіи своихъ солдатъ, любилъ награждать заслуги и подвиги. Въ это время онъ оказалъ много милостей войскамъ и особенно раненымъ, и въ это же время сдѣлалъ маршалами Франціи генераловъ Макдональда, Мармона и Удино. Удино, извѣстный своею храбростію, и принявшій начальство надъ двѣнадцатымъ корпусомъ, на мѣсто Лана, много способствовалъ выигрышу Ваграмской битвы, чѣмъ заслужилъ особенное благоволеніе Императора. Наполеонъ подарилъ ему богатую трубку съ надписью: «Тамъ, гдѣ онъ, всѣ безопасны кромѣ его самого».

Въ числѣ людей, занимавшихъ различныя должности при Шенбрунскомъ дворцѣ, былъ одинъ старый архитекторъ, который служилъ потомъ во французской королевской стражѣ Швейцарскихъ стрѣлковъ, но послѣ 10 августа, когда королевское знамя замѣнилось республиканскимъ, снова возвратился на родину, желая провесть остатокъ дней своихъ въ мірѣ и спокойствіи. Наполеонъ захотѣлъ видѣть этого стараго солдата, свято исполнившаго долгъ своей службы. Глубокій рубецъ на лбу Германа служилъ доказательствомъ, что онъ не щадилъ себя въ тотъ страшный день, когда былъ низпровергнутъ тронъ Франціи. Онъ разсказалъ Императору всѣ событія этой мрачной драмы, которой онъ былъ и зрителемъ и актеромъ до той минуты, когда гибельный ударъ спасъ его отъ стыда, какъ говорилъ онъ, сдаться негоднымъ мошенникамъ. О, еслибъ Лудовикъ XVI послушался совѣтовъ достойной дочери Маріи Терезіи, продолжалъ Германъ, еслибы его не ужасала мысль пролить кровь людей, которые сами потомъ

Digitized by Google

роливали ее цѣлыми рѣками, и еслибы наконецъ онъ позво-
лъ дѣйствовать намъ — онъ былъ бы спасенъ. Онъ бы непред-
талъ тогда передъ преступное собраніе, которое заключило его
ъ Тампль, чтобъ оттуда повезти на эшафотъ, и быть можетъ 21-е
нваря не было бы въ исторіи Франціи числомъ чудовищнымъ.

— Что же было съ тобой послѣ 10-го августа? — спросилъ На-
олеонъ.

— Спасенный однимъ національнымъ гвардейцемъ и перене-
енный въ домъ къ нему, я, едва живой отъ ранъ, которыхъ
олучилъ семь, пережилъ однакожь убійство моихъ товарищей.
оправившись въ здоровьѣ, я оставался въ Парижѣ до 16-го октября.
ъ этотъ день Король былъ обреченъ на жертву, Королева
же. На другое утро я отправился въ Вѣну. Вотъ вся моя
сторія, Государь.

— Это исторія храбраго и честнаго человѣка, который заслу-
иваетъ награды. Какой ты желаешь?

— Имѣть счастье пожать руку человѣка, который уничтожилъ
Французскую революцію.

— Вотъ тебѣ, вмѣстѣ съ моей рукой, почетный крестъ. Ты
юлнѣ достоинъ носить его. И пожавъ руку старика, Наполеонъ
адѣлъ на него свой собственный крестъ.

Однажды, когда Императоръ разсуждалъ съ княземъ Меттерни-
омъ о французской революціи и по поводу ея о судьбахъ Европы,
нъ сказалъ слѣдующія замѣчательныя слова: «французская
еволюція была такимъ потокомъ, стремленіе котораго немогла
становить никакая сила человѣческая. Еслибы я былъ на мѣстѣ
удовика XVI, я попробовалъ бы однакожь побороться съ ней;
ыть можетъ, я побѣдилъ бы ее, но незнаю навѣрное. Знаю
олько то, что я бы неумеръ на эшафотѣ».

Возвращаясь, въ одинъ прекрасный сентябрскій вечеръ, съ про-
улки по окрестностямъ Шенбруна, который Наполеонъ такъ
юбилъ, онъ увидѣлъ на дорогѣ лежащую женщину, которая
ильно страдала. Это была крестьянка. Объяснилось, что она за-
шувъ на своей телѣжкѣ, упала съ нее и переломила себѣ ногу.

— На этотъ разъ пословица не совсѣмъ справедлива, сказалъ
Наполеонъ сопровождавшимъ его офицерамъ, *не всегда во снѣ*
приходитъ счастье.

— А почему знать, отвѣчалъ Савари, что этотъ безвремен-
ный сонъ дѣйствительно не принесетъ ей счастья.

Наполеонъ, который немножко ужъ раскаявался, что онъ по-
шутилъ надъ несчастьемъ бѣдной женщины, велѣлъ положить ее
ъ свою карету, и самъ перевезъ больную въ ея хижину. Черезъ
асъ, одинъ изъ лучшихъ докторовъ Императора перевязалъ ногу

Digitized by Google

крестьянки. Въ этотъ день Наполеонъ былъ въ своемъ историческомъ сѣромъ сюртукѣ и въ своей маленькой трехугольной шляпѣ; крестьянка, вовсе незнавшая этого историческаго костюма, никакъ немогла догадаться, кто о ней такъ заботится.

— Ахъ, какой добрый этотъ господинъ Французъ, сказала она доктору, когда перевязка ноги была кончена, безъ него я могла бы умереть на дорогѣ. Но Господи, Боже мой! чѣмъ же я буду кормить себя и моихъ двухъ дѣтей, пока выздоровѣю. Безъ работы мнѣ никто не дастъ денегъ.

— Объ этомъ не безпокойся, сказалъ докторъ; господинъ Французъ, который заботится о твоемъ здоровьѣ, недастъ умереть съ голоду ни тебѣ, ни твоимъ дѣтямъ. Посмотри-тко, что онъ прислалъ тебѣ.

Тутъ докторъ высыпалъ на старый, деревянный столъ, топорной работы, тысячу франковъ золотомъ.

— Ахъ, добрый господинъ Французъ, воскликнула крестьянка, которой тысяча франковъ казалась несмѣтнымъ богатствомъ, и которая то смѣялась, то плакала отъ восторга, ахъ, добрый господинъ Французъ! Денно и ночно буду я съ моими дѣтьми, молить за него Бога!...

Болѣе двухъ мѣсяцевъ докторъ, по приказанію Императора, ежедневно навѣщалъ больную, которая въ состояніи была наконецъ приняться за свои сельскія работы. Первымъ желаніемъ ея, по выздоровленіи, было идти въ Шенбрунъ, благодарить добраго господина Француза. Наполеонъ, предупрежденный объ этомъ, принялъ ее очень милостиво, вошелъ во всѣ подробности ея положенія, и узналъ, что она еще очень недавно овдовѣла, потерявъ мужа въ Еслингскомъ сраженіе. Эта горькая потеря бѣдной женщины, ея слезы благодарность, ея двое сиротъ тронули Наполеона, и онъ приказалъ выдать ей еще тысячу франковъ.

Пословица, надъ которой посмѣялся Наполеонъ, оправдалась: сонъ принесъ бѣдной женщинѣ счастье. Она живетъ до сихъ поръ въ чистомъ, красивомъ домикѣ, замѣнившемъ полуразвалившуюся хижину, и окруженномъ виноградными лозами; до сихъ поръ молитъ Бога за Императора, и никакъ нехочетъ повѣрить, что онъ умеръ.

(Окончаніе въ слѣд. книгѣ.)

Digitized by Google

ВОСПОМИНАНІЯ

О ШЕНБРУНСКОМЪ ЗАМКѢ.

НАПОЛЕОНЪ.

III.

Клостенбургскій монастырь.—Легенда о его построеніи.—Неудачная спекуляція. —Гроза съ золотымъ дождемъ.—Капралъ-Императоръ.—Императоръ кумъ маркитантши. — Импровизированная кавалерія. — Оселъ основатель счастья. — Гордый узникъ.

Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Вѣны, на одномъ изъ самыхъ живописныхъ мѣстъ, раскинувшихся по берегамъ Дуная, и на выѣздѣ изъ маленькаго городка Клостенбурга, есть богатый монастырь, монахи котораго принадлежатъ къ Августинскому ордену. До войны, или собственно до революціи 1848 года, которая лишила его имѣній, одного вина, съ принадлежавшихъ ему виноградниковъ, поступало ежегодно въ огромный погребъ его до ста тысячъ бочекъ. Кромѣ того въ этомъ монастырѣ есть большое собраніе драгоцѣнныхъ рѣдкостей и многія произведенія искусства, напоминающія посѣтителю исторію и легенды среднихъ вѣковъ. Однажды Наполеонъ, въ сопровожденіи Мюрата, Бертье и Себастіани, пріѣхалъ въ монастырь неожиданно. Монахи, которые въ это время обѣдали, тотчасъ же узнали его.

— Вамъ здѣсь хорошо,—сказалъ Императоръ, — и я никакъ не хочу прерывать вашего обѣда. Во Франціи есть пословица, которая не велитъ мѣшать тому, кто обѣдаетъ.

Digitized by Google

Онъ осмотрѣлъ монастырь во всѣхъ его подробностяхъ, многому удивляясь, и многое критикуя, глядя потому, что̀ находилъ достойнымъ похвалы или порицанія. Въ особенности понравилось ему мѣстоположеніе, оживленное быстрымъ Дунаемъ. Его вопросы, его отвѣты, его замѣчанія удивляли, и съ тѣмъ вмѣстѣ приводили въ восхищеніе монаховъ, предубѣжденныхъ, какъ и всѣ Австрійцы, противъ счастливаго побѣдителя.

— Какой школѣ богословія слѣдуете вы, преподобный отецъ,— спросилъ онъ настоятеля:—св. Августина или св. Томаса?

— И той и другой,—отвѣчалъ монахъ,—выбирая то, что̀ есть въ нихъ лучшаго.

— Я поступаю точно такъ же во всемъ,—сказалъ Императоръ. Я такъ же, какъ вы, придерживаюсь системы эклектиковъ.

— И надобно сказать правду,—прибавилъ монахъ, — что эта система удается Вашему Величеству какъ нельзя лучше.

— Богатъ вашъ монастырь?

— Нѣтъ, Государь.

— Отчего же?

— Военные налоги истощили нашу казну.

— Въ такомъ случаѣ я потребую отъ васъ только шесть тысячь флориновъ золотомъ, вмѣсто двадцати, въ которыхъ имѣю надобность.

Монахи могли заплатить наличными деньгами только двѣ тысячи флориновъ, а въ остальныхъ выдали обязательство.

Отвѣдавъ закуску, предложенную ему монахами, и выпивъ вина 1757 года, изъ стакана, хранящагося съ тѣхъ поръ въ монастырѣ, какъ драгоцѣнность, Наполеонъ сошелъ въ монастырскій погребъ, гдѣ много смѣялся надъ уродливой величиной бочки, заключающей въ себѣ до трехъ сотъ тысячь литръ. Потомъ онъ посѣтилъ сокровищницу, гдѣ между прочимъ увидѣлъ, въ богатомъ ковчегѣ, женское покрывало. Узнавъ, что оно хранится въ монастырѣ съ самаго его основанія, Императоръ пожелалъ узнать его исторію. Вотъ что разсказали ему:

Въ лѣто отъ Рождества Христова 1200, герцогъ Леопольдъ, проигрывая сраженіе, которое рѣшало судьбу его государства,

Digitized by Google

сошелъ съ лошади, и передъ крестомъ, составлявшимъ рукоять его меча, далъ клятву соорудить церковь, если только Богъ поможетъ ему выиграть сраженіе. Обѣтъ его вѣроятно былъ угоденъ Богу, потому что непріятели, какъ будто бы пораженные паническимъ страхомъ, вдругъ обратились въ бѣгство, и впослѣдствіи герцогъ заставилъ ихъ подписать миръ, какой ему было угодно.

Желая привесть въ исполненіе обѣтъ свой, Леопольдъ, вмѣстѣ съ супругой своей Агнесой, ежедневно прогуливался по окрестностямъ своего замка, потому что ему хотѣлось выбрать и мѣсто вполнѣ достойное того храма, который онъ задумалъ воздвигнуть. Но окрестности Вѣны такъ хороши вообще, что нерѣшительность герцога въ выборѣ той или другой мѣстности продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ, въ одинъ вечеръ, Агнеса, прогуливаясь съ нимъ, сказала:

— Пора, государь, исполнить вамъ обѣтъ, данный Богу. Дальнѣйшая медленность въ его исполненіи можетъ навлечь на насъ несчастье. — Едва только произнесла она эти слова, какъ сильный порывъ вѣтра сорвалъ съ головы ея покрывало и унесъ его изъ вида двухъ супруговъ.

— Этотъ вѣтеръ не простой вѣтеръ, — сказалъ герцогъ: — чувствовала ли ты въ ту минуту, когда онъ пролетѣлъ надъ твоей головой, какое-то благоуханіе, несравненно болѣе пріятное того фиміама, который курится въ кадильницахъ нашей церкви.

— Быть можетъ это указаніе небесное, — отвѣчала Агнеса; — пойдемъ въ ту сторону, куда улетѣло покрывало, и на томъ мѣстѣ, гдѣ найдемъ его, воздвигнемъ церковь.

— Да будетъ! — сказалъ герцогъ, и болѣе часа шли они по направленію вѣтра, но всѣ поиски ихъ были тщетны: нигдѣ не видали они покрывала, и наконецъ ночь заставила ихъ возвратиться въ замокъ, не отыскавъ его. На другой день была назначена охота. Герцогъ хотѣлъ отдать приказаніе всѣмъ участвующимъ въ ней, отыскивать покрывало, но Агнеса была увѣрена, что самъ случай непремѣнно приведетъ его къ тому мѣсту. Съ разсвѣтомъ дня, окрестные лѣса огласились звукомъ роговъ; Леопольдъ выѣхалъ на охоту съ многочисленной свитой; день кло-

Digitized by Google

нился уже къ вечеру, герцогъ объѣхалъ и горы и долы, но покрывала нигдѣ не видалъ, какъ вдругъ явилась передъ нимъ бѣлая лань. Глаза ея горѣли какъ звѣзды. Герцогъ сотворилъ молитву, и поскакалъ за ланью, которая привела его къ цѣпи высокихъ холмовъ. На дворѣ совсѣмъ уже смерклось, но луна свѣтила какимъ-то особеннымъ блескомъ, который былъ ярче солнечнаго. Наконецъ лань остановилась на вершинѣ холма, передъ развѣсистымъ дубомъ. Собаки, окружившія ее, не смѣли приблизиться къ ней, и только тихо рычали, какъ будто чувствуя какой-то тайный страхъ. Блестящія глаза лани устремились на зеленый, развѣсистый дубъ. Герцогъ поднялъ голову, взглянулъ по тому же направленію, и увидѣлъ на одной изъ вѣтвей дуба покрывало благочестивой герцогини. Лань въ ту же минуту исчезла....

Церковь, которая и теперь стоитъ еще на вершинѣ *Леопольдсберга*, есть исполненіе обѣта герцога Леопольда; покрывало, которое хранится въ Клостернбургскомъ монастырѣ—это покрывало герцогини Агнесы.

Передъ отъѣздомъ изъ монастыря, Наполеонъ приказалъ настоятелю прислать въ Шенбрунъ восемь тысячъ бутылокъ лучшаго вина изъ монастырскаго погреба, въ которомъ въ то время было до ста тысячъ бочекъ. Для пріемки вина былъ назначенъ интендантъ Мюллеръ, и на другое же утро, въ то самое время, когда Наполеонъ на дворѣ шенбрунскаго замка дѣлалъ смотръ своей гвардіи, вино привезли. Тотчасъ же приказавъ раскупорить бутылку, и взявъ стаканъ изъ рукъ Савари, Императоръ провозгласилъ слѣдующій тостъ: Пью здоровье Франціи и храбрыхъ ея солдатъ, которые своимъ непоколебимымъ мужествомъ возвели *первую въ число первостепенныхъ державъ*! Крики: да здравствуетъ Императоръ! раздавшіеся по всей линіи войска, были отвѣтомъ на этотъ тостъ.

Между тѣмъ Наполеонъ, выпивъ стаканъ, нахмурилъ брови, потому что вино было гораздо хуже того, которое онъ пилъ въ монастырѣ, наканунѣ. Мюллеръ былъ позванъ и спрошенъ о причинѣ такого подмѣна. Поблѣднѣвъ, онъ отвѣчалъ, что въ этомъ, вѣроятно, виновата перевозка по тряской и гористой

Digitized by Google

дорогѣ, и что вино, постоявъ дни два, должно будетъ получить опять свой прежній вкусъ. Два дня прошли, но вино все было прескверное и нисколько не улучшалось. Это страшно разсердило Наполеона; онъ послалъ къ монахамъ Савари съ строгимъ выговоромъ, но монахи представили ясныя доказательства, что они отпустили для Императора лучшее свое вино. Савари началъ подозрѣвать интенданта Мюллера, и по дальнѣйшимъ розыскамъ открылось, что Мюллеръ везъ вино черезъ Вѣну, гдѣ дѣйствительно перемѣнилъ его, получивъ за этотъ обмѣнъ сто двадцать тысячъ франковъ. Эта выгодная спекуляція не удалась однако же Мюллеру: въ двадцать четыре часа онъ былъ осужденъ и разстрѣлянъ передъ самымъ погребомъ Клостенбургскаго монастыря.

Кромѣ смотровъ въ Шенбрунѣ, Наполеонъ часто осматривалъ корпуса свои, расположенные въ окрестностяхъ Вѣны, на самыхъ мѣстахъ ихъ позиціи. Захваченный разъ страшной грозой, онъ былъ вынужденъ укрыться отъ нея въ ближайшей хижинѣ. Сильные удары грома безпрерывно слѣдовали одинъ за другимъ; все небо горѣло въ молніяхъ.

— Не правда ли, что это очень похоже на Ваграмскую битву? —сказалъ Наполеонъ окружающей его свитѣ.

Въ углу хижины, на постелѣ изъ сухихъ листьевъ, покрытыхъ лоскутомъ холста, лежалъ больной ребенокъ. Нечаянное появленіе Императора перепугало бѣдную мать, сидѣвшую подлѣ больнаго.

Успокоивъ ее и сдѣлавъ ей нѣсколько очень ласковыхъ вопросовъ, Наполеонъ узналъ, что она Египтянка. Исторія ея составляла чистую элегію, которую она разсказала въ нѣсколькихъ словахъ. Мать потеряла она при самомъ своемъ рожденіи. Отецъ ея случайно утонулъ въ Нилѣ, когда она была еще ребенкомъ. Впослѣдствіи, вышедши за-мужъ за одного офицера восточной арміи, она потеряла и мужа, убитаго въ сраженіи, и осталась вдовою двадцати лѣтъ. Наконецъ судьба привела ее въ Австрію, гдѣ, по милости одного богатаго господина, она и поселилась въ той самой хижинѣ, которой суждено было укрыть отъ грозы небесной величайшее земное могущество. Улыбнувшись этому восточному комплименту, Императоръ взялъ ее за руку, и спросилъ, какой годовой доходъ можетъ быть достаточенъ для того, чтобъ она не

Digitized by Google

терпѣла бѣдности. Она отвѣчала, что для нея и для ея ребенка было бы достаточно двухъ сотъ франковъ.

— Двѣсти франковъ! — вскричалъ Наполеонъ; вижу, что твои желанія очень ограниченны.... Я тебѣ назначаю пенсію въ тысячу двѣсти франковъ, и кромѣ того позабочусь еще о воспитаніи твоего сына.

Бѣдная женщина бросилась къ его ногамъ со слезами благодарности.

— Въ первый разъ въ моей жизни, — сказалъ Наполеонъ, садясь на лошадь, — я искалъ убѣжища отъ грозы. Я имѣлъ какое-то предчувствіе, что меня ожидаетъ здѣсь доброе дѣло.

Въ одну изъ тѣхъ безсонныхъ ночей, которыя бывали у Наполеона такъ часто, онъ разбудилъ Рустана, одѣлся въ свою егерскую форму, и накинувъ бѣлый плащъ, сошелъ въ Шенбрунскій садъ. Ночь была тихая и ясная, но эта тишина не разгоняла глубокихъ думъ съ мрачнаго чела Наполеона; кто знаетъ: быть можетъ въ эту самую ночь онъ мечталъ уже о кремлѣ! Походивъ съ часъ подъ вѣковыми деревьями, осѣнявшими нѣкогда Марію-Терезію и Марію-Антоанету, онъ прошелъ потомъ на главный дворъ замка, и потихоньку заглянулъ въ караульню гауптвахты. Солдаты, въ ожиданьи смѣны, спали, только сержантъ и два капрала, сидѣвшіе задомъ къ дверямъ, играли въ карты и жаловались другъ другу на несправедливость начальства. — Я ужь пять разъ заслужилъ крестъ Почетнаго Легіона, — сказалъ одинъ изъ капраловъ, котораго товарищи прозвали Императоромъ. — А меня, — сказалъ другой капралъ, ужь годъ назадъ слѣдовало бы произвесть въ сержанты. — А мнѣ, прибавилъ наконецъ сержантъ, — надобно бы дать подпоручичій чинъ за ваграмское дѣло.

— Все это было бы совершенно справедливо, — сказалъ капралъ-императоръ, — потому что всѣ мы люди отличные. Вы, сержантъ, положили на мѣстѣ пятерыхъ гусаровъ и отбили у нихъ вашего капитана; ты, Крепень, взялъ непріятельское знамя; а что касается до меня, такъ ужь самое мое прозвище доказываетъ, что не мое мѣсто быть рядовымъ.

Digitized by Google

— О, еслибъ всѣ наши заслуги были извѣстны *Маленькому Капралу*, вскричалъ сержантъ,—тогда я бы козырялъ не такъ, какъ теперь съ этой мерзкой пиковой семерки.

— Да и мнѣ,—сказалъ Крепень,—вмѣсто вотъ этой бубновой десятки онъ сдалъ бы козыря получше за всѣхъ непріятелей, которыхъ я поколотилъ на бубновую кость.

— Славно сказано! подхватили смѣясь его товарищи, очень довольные этой солдатской игрой словъ.

— А я, прибавилъ капралъ-императоръ, продолжая ту же игру,—вмѣсто вотъ этого крестоваго туза имѣлъ бы настоящій крестъ, давно ужъ обѣщанный мнѣ полковникомъ.

— Да тебѣ-то что́ жаловаться,—перебилъ сержантъ, вѣдь ты самъ императоръ, такъ въ твоей власти и сдѣлать все, что́ захочешь. Нутъ-ка, государь, награди насъ такъ, какъ бы наградилъ *Маленкій Капралъ*, если бы мы были ему извѣстны.

Капралъ-императоръ подвинулъ къ себѣ чернилицу, стоящую на столѣ караульни, и взявъ карту изъ той же колоды, которой они играли, написалъ на ней слѣдующія слова:

«Сержантъ Бонуаръ производится въ подпоручики гвардіи; а капралъ Крепень назначается сержантомъ въ его роту.

«Дано въ императорскомъ Шенбрунскомъ дворцѣ, 10 сентября, 1809 года.

«На подлинномъ подписано: Императоръ.»

— Въ подписи недостаетъ имени,—сказалъ настоящій Императоръ, входя въ дверь караульни, и взявъ перо, прибавилъ къ ней: Наполеонъ.—Что́ касается до васъ, государь, прибавилъ онъ, обращаясь къ своему соименнику, вы завтра, во время парада, получите слѣдующій вамъ крестъ. А пока вотъ вамъ, чтобы было чѣмъ вспрыснуть ваше производство.—При этихъ словахъ онъ бросилъ на столъ пять золотыхъ монетъ, и вышелъ изъ караульни, сопровождаемый крикомъ: да здравствуетъ Императоръ!

— Зорю ужъ пробили часъ назадъ: по какому же случаю эти огни и пѣсни въ маркитантской 4-го полка?—спросилъ въ одинъ вечеръ Наполеонъ у Савари.

Digitized by Google

— Не знаю, Государь.

— Такъ узнайте.

Черезъ пять минутъ Савари возвратился смѣясь.

— Все въ порядкѣ,—сказалъ онъ,—но Ваше Величество никакъ не угадаете, чѣмъ ваши гвардейцы заняты въ эту минуту.

— Такъ разскажите же мнѣ.

— Они празднуютъ разрѣшеніе отъ бремени доброй Викторіи, которая произвела на свѣтъ прекраснаго ребенка: настоящій волченокъ.

— Кто же эта добрая Викторія?

— Нормандка, маркитантша вашей гвардіи.

— А мужъ ея?

— Убитъ подъ Эсслингомъ.

— Въ такомъ случаѣ я позабочусь о ея ребенкѣ.

— Полкъ, кажется, хочетъ избавить Ваше Величество отъ этой заботы, потому что унтеръ-офицеры усыновляютъ его, и ужъ вѣрно сдѣлаютъ молодцомъ. Ихъ воспитаніе началось тѣмъ, что они всунули ему въ ротъ, вмѣсто соски, пучекъ чеснoку, и влили въ горло каплю вина.

— Какъ Генриху IV. Видно мои унтеръ-офицеры знаютъ исторію.

— Они предсказываютъ, что у ихъ воспитанника къ десяти годамъ будутъ ужь усы.

— А когда станутъ его крестить?

Въ эту минуту въ маркитантской послышался страшный шумъ, какъ будто бы предвѣщавшій схватку. Наполеонъ и Савари почти бѣгомъ побѣжали туда. Унтеръ-офицеры, раздѣлившись на двѣ партіи, представляли двѣ группы очень оживленныя и готовыя броситься въ схватку. Посрединѣ красовались, какъ предводители партій, тамбуръ-мажоръ и саперный капралъ, горячо размахивающіе руками. Въ углу комнаты сынъ *Викторіи*, по губамъ котораго текли чеснокъ и вино, оралъ во все горло; мать ругалась какъ гренадеръ. Появленіе Императора утишило этотъ дикій гвалтъ. Унтеръ-офицеры притихли, какъ мужъ маркитантши,

Digitized by Google

лежащій на три аршина въ землѣ, и только ужь на вторичный вопросъ Наполеона одинъ старый сержантъ, украшенный крестомъ и широкимъ рубцомъ на лицѣ, объяснилъ, въ чемъ дѣло.

— Съ позволенія доложить Вашему Величеству, — сказалъ онъ,—вотъ эта маркитантша Викторія, которая лежитъ здѣсь, родила ребенка. А такъ какъ малолѣтный лишился отца, убитаго подъ Эсслингомъ, еще не родившись на свѣтъ, то полкъ и усыновляетъ его съ тѣмъ, чтобъ сдѣлать изъ него браваго слугу Вашему Величеству. Предстоящій тамбуръ-мажоръ и таковой же саперъ, спорятъ, кому быть крестнымъ отцомъ мальчишки, и споръ этотъ долженъ былъ рѣшиться оружіемъ, когда Ваше Величество изволили войдти.

— Крестнымъ отцомъ не будетъ ни тотъ ни другой, — сказалъ Наполеонъ; — я самъ сыщу мальчику крестнаго отца. А ты, сержантъ, и ты, саперъ, руки другъ другу, и сей часъ помириться.

Когда миръ между спорщиками былъ заключенъ, Наполеонъ подошелъ къ родильницѣ и сказалъ ей потихоньку:

— Сынъ *побѣды* (Victoire) непремѣнно долженъ быть моимъ крестникомъ. Хочешь ты этого?

— Хочу ли я этого! воскликнула маркитантша, готовая вскочить съ постели и броситься къ ногамъ Наполеона, который удержалъ ее;—да кто жь этого не хочетъ.... Да здравствуетъ Императоръ!

На другое утро Наполеонъ окрестилъ ребенка, которому далъ имя Наполеонъ-Шенбрунъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ Ваграмскаго сраженія, Императоръ получилъ рапортъ, доставившій ему большое удовольствіе. Въ ту минуту, когда онъ читалъ его, къ нему вошелъ Раппъ.

— Знаешь ли, Раппъ, сказалъ онъ ему, что наши отряды проникли уже во внутренность Богеміи?

— Знаю, Государь.

А знаешь ли ты, какая кавалерія сняла непріятельскіе посты и захватила ихъ магазейны?

— Нѣтъ, Государь.

Digitized by Google

— Наши пѣхотницы, посаженные на подъемныхъ лошадей.

— Неужели?

— На вотъ, прочти.

Раппъ взялъ бумагу, и дѣйствительно увѣрился въ слѣдующемъ:

Французскіе отряды, проникнувшіе въ Богемію, увидѣли, что страна эта совершенно открыта. Не имѣя при себѣ никакой кавалеріи, кромѣ десятковъ двухъ драгунъ, они опасались идти впередъ, но имъ не хотѣлось и воротиться. Въ эту минуту раздумья, начальнику отряда пришла мысль собрать подъемныхъ лошадей и посадить на нихъ своихъ пѣхотинцевъ, которыхъ онъ и употребилъ для разъѣздовъ и осмотра густыхъ лѣсовъ, окружающихъ Эгру. Они встрѣтились съ австрійскими разъѣздами, опрокинули ихъ, и такимъ образомъ дали способъ французскимъ войскамъ захватить запасныя австрійскія депо, съ людьми, с. амуниціей и съ провіантомъ.

— Ну какъ тебѣ нравится этотъ новый родъ кавалеріи? спросилъ Наполеонъ, когда Раппъ прочелъ бумагу.

— Превосходно, Государь!

— Французы умѣютъ себя прославить, прибавилъ Императоръ.

Мы ужъ сказали, что несмотря на всю строгость дисциплины и на строгость наказаній за нарушеніе ея, французскіе солдаты давали иногда чувствовать свое побѣдоносное иго бѣднымъ жителямъ завоеванной страны. Каждый разъ по крайней мѣрѣ, какъ только Наполеонъ узнавалъ объ этомъ, онъ старался вознаградить убытки потерпѣвшихъ, съ лихвою.

Въ одно утро, крестьянинъ изъ Доблинга явился въ Шенбрунъ, и требовалъ, чтобъ его допустили къ Императору. Требованіе его тотчасъ же было исполнено, но увидѣвъ Наполеона, онъ до того смутился, что не могъ выговорить ни одного слова, и совершенно забылъ, за чѣмъ пришелъ. Къ счастью, Наполеонъ въ тотъ день былъ очень въ хорошемъ расположеніи духа; его ласковый видъ и ласковыя слова ободрили мало по малу бѣдняка, и онъ наконецъ объявилъ, что французскіе солдаты застрѣлили его осла, безъ всякой съ его стороны вины и причины, между тѣмъ какъ оселъ, на которомъ онъ возилъ въ городъ овощи и

Digitized by Google

молоко, былъ единственнымъ средствомъ его пропитанія. Другаго ему купить было не на что. Выслушивая его жалобу, Императоръ написалъ нѣсколько словъ, и приказавъ отдать записку дежурному адьютанту, отпустилъ крестьянина. —Ступай домой, сказалъ онъ ему, —ты получишь, что̀ слѣдуетъ.

Дома его встрѣтила жена съ торжествующимъ видомъ. Вмѣсто всякаго отвѣта на всѣ его разспросы о причинѣ ея радости, она повела его въ конюшню, гдѣ, подлѣ мертваго осла, онъ увидѣлъ прекрасную лошадь, которую привелъ конюхъ въ ливреѣ Наполеона.

— Французы право добрѣе, чѣмъ они кажутся, — сказалъ крестьянинъ, то же очень довольный такимъ обмѣномъ.

— Да, подхватила его жена, —Императоръ отдалъ намъ за лычко ремешекъ.

Мужичокъ, очень хорошо понимавшій свои выгоды, на другой же день продалъ лошадь за 1200 флориновъ; за 30 купилъ себѣ другаго осла, а остальныя деньги употребилъ на улучшеніе своего хозяйства, и во всю свою жизнь благодарилъ Императора за его щедрость.

Къ одной сторонѣ Шенбрунскаго сада примыкаетъ сельскій домъ, отдѣленный отъ него только стѣной, въ которой пробита калитка. Домъ этотъ принадлежалъ въ 1809 году княгинѣ Меттернихъ, матери князя, бывшаго тогда посланникомъ во Франціи, котораго Наполеонъ привезъ изъ Парижа въ Вѣну военноплѣннымъ, и, не допуская его въ столицу Австріи, назначилъ его мѣстопребываніемъ этотъ домъ. Князь Меттернихъ удивлялся Наполеону, но не любилъ его. Преданный душою и тѣломъ Австрійскому дому, онъ считалъ ваграмскаго побѣдителя самымъ злымъ врагомъ своего отечества, и при такомъ образѣ мыслей тщательно избѣгалъ всякой встрѣчи съ нимъ; если же встрѣча была неизбѣжна, князь сохранялъ въ его присутствіи самую строгую и даже нѣсколько гордую холодность.

Въ одно утро, прогуливаясь по рощѣ, не выходящей изъ границъ назначеннаго ему заключенія, онъ встрѣтился съ Савари.

Digitized by Google

— Это вы, князь,—сказалъ Савари;—такъ вы нашъ сосѣдъ: давно ли это?

— Вамъ это извѣстно такъ же хорошо, какъ и мнѣ,—отвѣчалъ князь,—потому что вы, кажется, начальникъ военной полиціи.

— Если я могу быть вамъ полезенъ чѣмъ-нибудь, располагайте мной.

— Благодарю васъ; я ни въ чемъ не имѣю надобности.

— Я надѣюсь, что вамъ скоро будетъ возвращена свобода.

— Я совершенно покоренъ моей судьбѣ.

— Но между тѣмъ вамъ надобно бы повидаться съ Императоромъ, который васъ любитъ и часто говоритъ о васъ.

— Стало быть вы знали, что я здѣсь?

— Почему вы не побываете въ Шенбрунѣ?

— Потому что онъ занятъ не моимъ Императоромъ.

— Это ничего не значитъ.

— Для васъ—можетъ быть, но для меня много.

Черезъ нѣсколько дней, князь получилъ формальное приглашеніе отъ Наполеона, но не принялъ его, сказавъ, что если Наполеонъ желаетъ съ нимъ видѣться, то можетъ *застать его во всякое время* въ Грюнбергѣ.

Савари, которому было поручено пригласить князя, предложилъ, какъ *mezzo termine*, свиданіе въ саду, но князь отказался и отъ этого свиданія, какъ не соотвѣтствующаго ни достоинству Наполеона, ни достоинству представителя Императора Франца.

«Если вашъ государь», сказалъ онъ Савари, «желаетъ говорить со мной частнымъ образомъ, я не могу на это рѣшиться, не нарушивъ обязанностей моего званія, которое оскорблено моимъ арестомъ. Если онъ желаетъ со мной говорить какъ съ представителемъ Императора Франца, пусть онъ прежде всего возвратитъ мнѣ свободу, и тогда я увижу, что я долженъ дѣлать.»

Свиданіе не состоялось.

Вскорѣ послѣ того, князь Меттернихъ получилъ приказаніе отправиться въ Венгрію, гдѣ долженъ былъ произойдти размѣнъ мирныхъ трактатовъ.

Digitized by Google

V.

Гусары князя Лихтенштейна.—Смерть офицера 32 полка.—Счастье быть похожей на Жозефину.—Венскій чиновникъ, дающій уроки Наполеону.—Вознагражденное гостепріимство.—Любопытное сравненіе Наполеона съ Эрцъ-герцогомъ Карломъ.—Первая нація новѣйшаго времени.—Лучшій полкъ Французской арміи.—Портретъ Маріи-Луизы.

Въ Ваграмскомъ сраженіи обѣ противныя арміи оказали чудеса храбрости. Наполеонъ любилъ отдавать справедливость блистательнымъ подвигамъ, которыми ознаменовывался каждый шагъ его поэтической жизни. Въ числѣ этихъ подвиговъ онъ былъ свидѣтелемъ одного, заслужившаго особенное его одобреніе, не смотря на то, что онъ принадлежалъ войскамъ непріятельской арміи. «Слава,—сказалъ онъ однажды эрцъ-герцогу Карлу,—заставляетъ меня забывать всякое различіе націй; она есть принадлежность всемірная.»

Вотъ эпизодъ изъ Ваграмской битвы, заслужившій, какъ уже сказали мы, особенное одобреніе и даже удивленіе Наполеона. Въ самомъ пылу сраженія, въ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда побѣда еще колебалась, генералъ князь Лихтенштейнъ, одинъ изъ храбрѣйшихъ австрійскихъ кавалеристовъ, увлеченный своей пылкостью, попалъ въ толпу французскихъ кирасировъ. Онъ находился въ такомъ положеніи, что уже вынужденъ былъ сдаться, какъ вдругъ одиннадцать его гусаровъ бросились на кирасировъ, окружавшихъ генерала. Завязался страшный, рукопашный бой. Однихъ одушевляла увѣренность въ побѣдѣ, другихъ ихъ отчаянное положеніе. Лошадь князя была убита, но онъ вскакиваетъ на лошадь одного изъ своихъ гусаръ, пораженнаго ударомъ сабли, и едва имѣя силы держаться въ сѣдлѣ, покрытый кровью, ободряетъ однакожъ своихъ защитниковъ. Изъ одиннадцати храбрецовъ большая часть осталась на мѣстѣ; остальные удвоиваютъ свои усилія, и наконецъ имъ удается освободить князя. Тѣмъ, которые остались въ живыхъ, князь далъ пожизненный пенсіонъ, въ честь убитыхъ онъ воздвигнулъ памятникъ, имѣющій форму греческаго храма, внутри котораго, на надгробномъ камнѣ, и теперь еще видны имена падшихъ.

Digitized by Google

Въ одно изъ тѣхъ частыхъ посѣщеній, которыя дѣлалъ Наполеонъ въ свои военные госпитали, ему случилось подойдти къ постелѣ только что умершаго молодаго офицера. «Я пришелъ ужь слишкомъ поздно,—сказалъ онъ. Жаль, что мнѣ не удалось усладить его послѣднихъ минутъ хотя какимъ-нибудь утѣшительнымъ словомъ!... Потомъ онъ преклонилъ колѣно передъ трупомъ умершаго и произнесъ краткую молитву. Эта сцена была достойна кисти Гораса Вернета!

— Какого полка этотъ офицеръ?—спросилъ онъ потомъ главнаго доктора.

— 32-го, отвѣчалъ медикъ.

— Можетъ ли быть! вскричалъ Наполеонъ. Я такъ часто посылалъ этотъ полкъ въ огонь и въ Италіи и въ Египтѣ и вездѣ, что изъ него, кажется, не должно бы ужь остаться ни одного человѣка. Да, прибавилъ онъ, французскіе солдаты какъ фениксы: они возраждаются изъ своего пепла.

Во время занятія Вѣны Французами, въ ней было нѣсколько возмущеній. Многіе зачинщики ихъ были схвачены, осуждены военнымъ судомъ и разстрѣляны. Въ числѣ бунтовщиковъ попался, между прочими, богатый негоціантъ, еврей, который былъ виноватѣе другихъ тѣмъ уже, что нарушилъ общественное спокойствіе города не по чувству патріотизма, а собственно изъ корыстныхъ видовъ. По этому военный судъ передалъ его суду гражданскому, который и приговорилъ его къ висѣлицѣ. Во всякомъ случаѣ казнь должа была исполниться въ двадцать четыре часа. У еврея была дочь, молодай дѣвушка, прекрасная собой и имѣвшая разительное сходство съ Жозефиной. Ревека, любившая своего отца еще больше, чѣмъ тотъ любилъ свое золото, рѣшилась или спасти его во чтобъ то ни стало, или умереть вмѣстѣ съ нимъ. Но умереть въ такія лѣта страшно, особенно когда любятъ и когда любимы! А Ревеку любилъ одинъ французскій офицеръ, и онъ-то и подалъ ей надежду, что она можетъ еще спасти отца, упавъ къ ногамъ Наполеона, который одинъ только имѣлъ право отрѣшать смертные приговоры.

Digitized by Google

— Твое сходство съ Императрицей, — сказалъ онъ, — будетъ такимъ сильнымъ ходатаемъ въ твоемъ дѣлѣ, что тебѣ не откажутъ.

Нельзя было терять ни минуты. Ревека отправилась въ Шенбрунъ, и была такъ счастлива, что ее немедленно допустили къ Императору. Какъ предсказывалъ офицеръ, такъ и случилось: Наполеонъ былъ чрезвычайно пораженъ лицомъ дѣвушки, напомнившимъ ему ту, которую онъ столько любилъ. Слезы просительницы его тронули.

— Твой отецъ не умретъ, — сказалъ онъ, — и теперь ты съ нимъ поквиталась: онъ такъ же обязанъ тебѣ жизнью, какъ и ты ему.

Потомъ онъ посадилъ дѣвушку подлѣ себя, разспрашивалъ о ея положеніи, о ея желаніяхъ, о ея надеждахъ, и выпытавъ тайну ея сердца, узналъ наконецъ и имя офицера, котораго она любила. Офицеръ былъ извѣстенъ своей храбростью, но не имѣлъ ничего, кромѣ своей шпаги.

— Но любишь ли ты его столько, чтобъ пожертвовать ему своей вѣрой? спросилъ Наполеонъ.

— Это будетъ не жертва, Государь, а исполненіе долга.

— Прекрасно сказано, моя милая, но одной наружности мало: убѣждена ли ты въ душѣ въ истинахъ религіи католической?

— Въ душѣ я давно христіанка, а іудейка только по наружности.

— Довольно, — сказалъ Наполеонъ, и велѣлъ позвать къ себѣ Рапна.

— Проводи эту дѣвушку въ Вѣну, — сказалъ онъ; — повидайся съ ея отцомъ, и въ замѣнъ жизни, которую я дарую ему, попроси его согласія на замужство дочери съ моимъ офицеромъ, да въ добавокъ еще сто тысячъ флориновъ приданаго.... Ступай.

Черезъ мѣсяцъ, прекрасная Ревека торжественно приняла католическую религію, и въ тотъ же самый день была обвѣнчана съ

Digitized by Google

любимымъ ею гвардейскимъ офицеромъ, который шесть лѣтъ спустя убитъ подъ Ватерлоо.

Однажды пріѣхалъ изъ Вѣны въ Шенбрунъ старый приказный чиновникъ. Увидѣвъ, на дворѣ, французскаго полковника, который тоже только что возвратился въ Шенбрунъ и слезалъ съ лошади, старичекъ спросилъ его, нельзя ли ему видѣть Наполеона?

— Что вамъ надобно?—спросилъ полковникъ въ свою очередь.

— Я хочу только взглянуть на него, и въ пяти словахъ выразить мое удивленіе къ его особѣ, не смотря на то, что онъ врагъ моего отечества.

— Стало быть вы его любите?

— Нѣтъ, но я удивляюсь ему какъ Александру, какъ Цесарю. Я старикъ, и мнѣ не хочется умереть не видать героя нашего вѣка.

— Я могу исполнить ваше желаніе. Императоръ теперь садится за столъ. Не угодно ли и вамъ раздѣлить со мной мой скромный обѣдъ. За десертомъ я вамъ покажу Наполеона.

Чиновникъ принялъ приглашеніе, и безъ церемоніи сѣлъ за столъ по правую сторону своего хозяина. Между ними скоро завязался самый живой разговоръ.

— Вы сказали, что не любите Наполеона,—сказалъ полковникъ,—осмѣлюсь ли васъ спросить: за что?

— Если вы настоящій Французъ, полковникъ, такъ вѣрно сами поймете причину.

— Какая же она?

— Я настоящій Австріецъ.

— Причина справедливая. Патріотизмъ есть добродѣтель душъ возвышенныхъ, и въ Австріи ихъ много.

— Такъ вы сознаетесь въ этомъ, полковникъ? съ котораго же времени?

— Съ тѣхъ поръ, какъ я, еще бывши въ школѣ, училъ исторію, съ тѣхъ поръ, какъ, сдѣлавшись солдатомъ, я веду войну. Школь-

Digitized by Google

никомъ я удивлялся могуществу Габсбургскаго дома, царствующаго собственно, такъ сказать, для блага своего народа; удивлялся великой Маріи-Терезіи, которая въ своемъ нѣжномъ сердцѣ женщины и матери находила твердость воли, необходимую для спасенія націи; удивлялся наконецъ вѣрной преданности Венгерцевъ, и повторялъ: *Moriamur pro rege nostro!* Солдатомъ я удивлялся въ австрійскихъ арміяхъ господству единства мысли, храбрости и точности въ исполненіи. Да, сударь, Австрія— прекрасная и благородная нація! Маренго, Эсслингъ, Ваграмъ, всякій другой народъ, кромѣ народа Австрійскаго, счелъ бы своими побѣдами.

— Эти похвалы въ устахъ непріятеля льстятъ моему чувству патріотизма, полковникъ, и я благодарю васъ. Но я желалъ бы знать, согласенъ ли съ вами въ этомъ вашъ Императоръ!

— До такой степени согласенъ, что если вы хотите, онъ повторитъ то же слово въ слово.

— А давно ли вы, полковникъ, въ военной службѣ?

— Я оставилъ бріеннскую школу въ тотъ самый день, когда вышелъ изъ нея Наполеонъ. Потомъ я былъ вездѣ, гдѣ только былъ этотъ счастливый воинъ. Я былъ съ нимъ при осадѣ Тулона; переправлялся черезъ Сенъ-Бернардъ, то пѣшкомъ, то на его собственной лошади, и часто случалось мнѣ спать, завернувшись въ его плащъ. Я былъ съ нимъ въ Египтѣ, вмѣстѣ съ нимъ возвратился во Францію, чтобы выбросить въ окна ея притѣснителей. Наконецъ, не было ни одного сраженія, въ которомъ бы я не сопровождалъ его, не было ни одной побѣды, которую бы одержалъ онъ безъ самаго дѣятельнаго моего содѣйствія.

— Теперь я вижу, полковникъ, что лучше васъ я не могъ никого выбрать для представленія меня вашему Императору, и считаю за особенное счастье, что встрѣтился съ вами. Но если вы такъ хорошо знаете Императора, такъ не можете ли мнѣ сказать, гдѣ же наконецъ остановится его ненасытное честолюбіе?

Digitized by Google

т. е. его воинственный жаръ, хотѣлъ я сказать, подхватилъ чиновникъ, замѣтивъ, что, при послѣднихъ словахъ его, брови полковника сдвинулись какъ-то слишкомъ сурово.

Полковникъ ничего не отвѣчалъ на этотъ вопросъ. Чиновникъ, которому, при его нѣмецкой откровенности, шампанское еще больше развязало языкъ, продолжалъ:

— Кажется пора бы ужъ удовлетвориться его желаніемъ: онъ наградилъ коронами и скипетрами всѣхъ членовъ своей фамиліи, герцогствами и княжествами всѣхъ своихъ маршаловъ, обогатилъ своихъ приближенныхъ, осыпалъ почестями своихъ придворныхъ, и до того возвеличилъ Францію, что ужь ей нечего желать больше. Чаша слишкомъ полна, полковникъ, и какъ бы ни была велика она, но должна же наконецъ переполниться. Вѣдь побѣдѣ тоже надоѣдаетъ постоянство, и она можетъ измѣнить когда-нибудь.

— Вы славно говорите, сказалъ полковникъ.

— Вотъ это именно я сказалъ бы и Е. В. Наполеону, если бы имѣлъ честь быть близкимъ къ нему такъ, какъ вы.

— И вы не побоялись бы навлечь на себя гнѣвъ его?

— За что же?

— За то, что Е. В. Наполеонъ даетъ уроки другимъ, но самъ ихъ не беретъ ни у кого.

Чиновникъ, спохватившись наконецъ, что онъ говоритъ не совсѣмъ осторожно, замолчалъ. Въ эту минуту вошелъ въ комнату дежурный адъютантъ, и почтительно обратившись къ полковнику, сказалъ:

— Курьеръ изъ Франціи: какъ прикажете, Ваше Величество?

— Боже мой! вскричалъ чиновникъ, вскакивая изъ-за стола и склоняясь передъ Наполеономъ, такъ все это я говорилъ....

— Самому Императору, перебилъ Наполеонъ. Потомъ протянувъ руку старику, прибавилъ: я обѣщалъ доставить вамъ случай видѣть Наполеона, и сдержалъ мое слово; довольны ли вы теперь?

Digitized by Google

— Государь, отвѣчалъ растроганный старикъ, много было прекрасныхъ дней въ моей жизни, но нынѣшній день самый лучшій!

Другая подобная сцена случилась почти въ то же время. Одѣтый въ партикулярное платье и съ однимъ только адъютантомъ, одѣтымъ такъ же, Наполеонъ отправился въ Кремсъ, смотрѣть корпусъ Мармона. Шелъ дождь, который до того испортилъ дорогу, что въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Вѣны, и не далѣе какъ на ружейный выстрѣлъ отъ довольно краснваго замка, карета императора сломалась. Наполеонъ рѣшился просить у жителей замка гостепріимства, которое въ ту эпоху составляло исключительную черту Австрійцевъ. Хозяева въ это время садились за столъ и приняли гостей очень радушно.

— Милости просимъ,—сказала хозяйка, молодая и очень хорошенькая дама,—милости просимъ раздѣлить съ нами обѣдъ, пока починятъ вашъ экипажъ.

Разговоръ, сначала очень незначительный, скоро однакожъ заинтересовалъ Наполеона, котораго жители замка никакъ не узнали, потому что наружность его не была еще тогда столько общеизвѣстной, какъ сдѣлалась впослѣдствіи.

— Вы Французы, господа, и ѣдете изъ Вѣны,—сказала хозяйка,—правда ли, что Императоръ долженъ быть нынче въ Кремсѣ?

— Да, сударыня, отвѣчалъ Наполеонъ, онъ выѣхалъ въ одно время съ нами, и долженъ быть теперь очень недалеко отсюда.

— Видишь ли, мой другъ, продолжала дама, обращаясь къ своему мужу, пожилому толстяку, который бы годился ей въ отцы,—видишь ли, что мнѣ сказали правду. Намъ не надобно терять ни минуты. Эти господа вѣрно извинятъ меня въ томъ, что я, никогда не видавъ Наполеона, не хочу пропустить такого прекраснаго случая его видѣть. Какъ только починятъ ихъ карету, мы отправимся въ Кремсъ.

— Право, я удивляюсь тебѣ,—отвѣчалъ мужъ грубымъ тономъ;

Digitized by Google

Наполеонъ точно такой же человѣкъ, какъ и всѣ прочіе люди, и стоитъ ли для него ѣхать въ такую скверную погоду.

— О нѣтъ, Наполеонъ вовсе не такой человѣкъ, какъ другіе, и если кто-нибудь стоитъ того, чтобъ для него ѣхать въ дождь, такъ это именно тотъ, чье имя наполняетъ Европу, и котораго каждый шагъ составляетъ побѣду. Если ты боишься дождя, оставайся. Что же касается до меня, я непремѣнно ѣду въ Кремсъ: если эти господа согласятся быть моими кавалерами, такъ съ ними, если нѣтъ—такъ одна.

— Не чистое ли это упрямство?—сказалъ мужъ, обращаясь къ Императору.

Разговоръ супруговъ начиналъ принимать непріятный оборотъ, и Наполеонъ вмѣшался въ него.

— Если вамъ, сударыня, такъ хочется видѣть Наполеона, такъ я постараюсь вамъ помочь въ этомъ случаѣ.

— И вѣрно для васъ это не будетъ такъ тягостно, какъ для другихъ?—подхватила дама, бросивъ взглядъ на своего мужа.

— Я тоже могу сдѣлать для тебя нѣкоторое удовольствіе, — прибавилъ мужъ.—Одинъ вѣнскій купецъ выписалъ огромное количество портретовъ Наполеона. Обѣщаю нарочно съѣздить въ Вѣну и купить тебѣ его портретъ.

— Когда жь это будетъ?

— *На будущій годъ*,—сказалъ старикъ, приправивъ эту шуточку громкимъ смѣхомъ.

— Позвольте мнѣ васъ избавить отъ этого труда, — сказалъ Наполеонъ.

— Какъ! вы нарочно хотите ѣхать въ Вѣну для того только, чтобъ исполнить прихоть жены моей?

— Нѣтъ, я могу сейчасъ-же представить ей портретъ, который вы собираетесь купить на будущій годъ, и я надѣюсь даже, что

Digitized by Google

супруга ваша не откажется принять его въ знакъ признательности за оказанное намъ гостепріимство.... Смѣю ли я, сударыня, просить васъ принять отъ меня эту бездѣлку?

Говоря эти слова, Наполеонъ вынулъ изъ кармана богатую табакерку, осыпанную брилліантами, и украшенную его портретомъ работы Изабе. Разумѣется, дама узнала, кто былъ ея гость, и не имѣла уже никакой надобности ѣхать въ Кремсъ.

Входя во всѣ подробности, касающіяся до его арміи, Наполеонъ спросилъ однажды рядоваго конно-егеря: каково лошади пьютъ шенбрунскую воду?

— Не жалуются,—отвѣчалъ егерь.

Австрійцы, также какъ и всѣ Нѣмцы вообще, не могутъ жить безъ трехъ вещей: безъ музыки, безъ пива и безъ табаку,—но безъ табаку преимущественно. Кажется, что въ Австріи и дѣти родятся съ трубкой въ зубахъ, также какъ въ Венгріи маленькіе Мадяры родятся въ сапогахъ и въ шпорахъ. Австрійцы курятъ въ кофейныхъ, въ гостинницахъ, въ публичныхъ каретахъ, за столомъ, въ банѣ, въ постелѣ—курятъ вездѣ. Однажды завязался очень жаркій разговоръ между французскимъ офицеромъ и вѣнскимъ гражданиномъ.

Вопросъ состоялъ въ томъ, кто болѣе великій полководецъ: Наполеонъ или эрцъ-герцогъ Карлъ? Австріецъ, не смотря на весь свой патріотизмъ, не смѣлъ отдать преимущества великому генералу, котораго самъ Наполеонъ считалъ достойнымъ своимъ противникомъ, и уже согласился, что оба эти человѣка должны быть поставлены рядомъ. Но вдругъ ему пришла мысль спросить, куритъ ли Наполеонъ трубку?

— Никогда,—отвѣчалъ офицеръ.

— Вотъ то-то и есть,—возразилъ Австріецъ съ радостью, а эрцъ-герцогъ Карлъ считается у насъ первымъ курильщикомъ въ арміи. Значитъ у него однимъ хорошимъ качествомъ больше.

— Наполеонъ хотя и не куритъ трубки,—отвѣчалъ офицеръ,—такъ за то онъ мастеръ обкуривать другихъ своимъ порохомъ.

Digitized by Google

Кстати о сравненіяхъ. Когда однажды генералы Наполеона спросили его, какая нація первая въ свѣтѣ, онъ отвѣчалъ: Въ Лондонѣ—Англія, въ Вѣнѣ—Австрія, въ Берлинѣ—Пруссія, но въ Европѣ—Франція.

Почти такъ же отвѣчалъ онъ на вопросъ о томъ, какой полкъ считаетъ онъ лучшимъ въ своей арміи:—Тотъ, который лучше дерется, сказалъ Наполеонъ.

14 іюля 1809 года, Наполеонъ, обѣдая въ первый разъ въ парадной залѣ Шенбрунскаго дворца, замѣтилъ противъ себя портретъ женщины, который ему чрезвычайно понравился. Во все продолженіе обѣда онъ не спускалъ съ него глазъ. Одинъ изъ его генераловъ, привыкшій очень хорошо понимать выраженіе лица его, велѣлъ въ тотъ же день перенесть портретъ въ спальню Императора, чтобъ доставить ему удовольствіе заснуть подъ вліяніемъ кроткихъ взоровъ, сдѣлавшихъ на него такое сильное впечатлѣніе. На другое же утро, Наполеонъ поручилъ Рапу сыскать въ Вѣнѣ лучшаго живописца, которому велѣлъ снять копію съ портрета. Копія была сдѣлана, но далеко уступала подлиннику; ее поставили въ залу, на пустое мѣсто, а съ Шенбрунскимъ портретомъ Наполеонъ не хотѣлъ разстаться и увезъ его съ собой во Францію.

На слѣдующій годъ онъ сдѣлался обладателемъ той, которую изображалъ этотъ портретъ.... Это была Марія-Луиза.

Digitized by Google

ХРИСТОФОРЪ КОЛУМБЪ.

1492 по Р. Х.

(Статья Ламартина).

I. Воля Создателя, не для всѣхъ замѣтная въ частностяхъ дѣлъ человѣческихъ, видимо проявляется въ общемъ жизненномъ движеніи міра. Всѣ великія событія исторической жизни человѣчества совершаются въ установленномъ порядкѣ и связаны невидимою нитью, за которую десница Вседержителя ведетъ ихъ путемъ Божескихъ предначертаній къ предопредѣленной цѣли.

Это тайное, непреодолимое, неизбѣжное стремленіе событій къ предназначенной цѣли, древніе называли судьбою, предопредѣленіемъ. Мы, христіане, нарекли это знаменіе воли Господней въ дѣлахъ человѣческихъ Провидѣніемъ, Божескимъ Промысломъ: — наименованіе болѣе вразумительное, болѣе благочестивое, болѣе отеческое. Изучая исторію человѣчества, нельзя не замѣтить въ дѣяніяхъ человѣка перстъ руки Вседержителя, волю Провидѣнія. Но воля Провидѣнія, въ общемъ движеніи дѣлъ, не стѣсняетъ воли людей, — явнаго выраженія нравственности человѣка и народовъ. Господь предоставляетъ людямъ свободу дѣйствовать и заблуждаться, съ полнымъ произволомъ въ выборѣ добра и зла, но только въ извѣстныхъ предѣлахъ дѣйствій и съ очевидными послѣдствіями наказанія и награды, по мѣрѣ правоты или порочности намѣреній.

Digitized by Google

Оно предоставляетъ ихъ себѣ, независимо отъ насъ, къ исполненію Божескихъ преднамѣреній, намъ невѣдомыхъ, допуская насъ прозрѣть въ нихъ себя только при самомъ ихъ довершеніи. Добро и зло міра сего въ насъ и отъ насъ. Оставляя то и другое нашимъ достояніемъ, Провидѣніе съ неизмѣнною мудростію извлекаетъ изъ добра и зла содѣйствіе къ достиженію благихъ цѣлей своихъ. Когда Божескій Промыслъ избираетъ человѣка къ пріуготовленію или совершенію судебъ міра, Онъ вооружаетъ его орудіемъ божественной воли — вдохновеніемъ. Эта непостижимая человѣку сила не обрѣтается въ немъ, а ниспосылается ему свыше; вотъ почему и названа она таинственнымъ именемъ *геній*, неизъяснимымъ ни на какомъ нарѣчіи. Геній — это даръ; онъ не пріобрѣтается трудомъ, не достигается добродѣтелью, и даже тотъ, на кого нисходитъ даръ этотъ, не можетъ уяснить его себѣ и не вѣдаетъ, что имъ обладаетъ. Генію Господь ниспосылаетъ вдохновеніе. Оно влечетъ его, независимо отъ его сознанія и воли, къ чему-нибудь неизвѣстному и для него неизбѣжному, какъ магнитъ влечетъ желѣзо. Геній повинуется вдохновенію, и открываетъ — новый міръ нравственный, или новый міръ вещественный.

Вотъ Христофоръ Колумбъ, — вотъ открытіе Америки.

II. Колумбъ стремился мыслію дополнить твердь земнаго шара, которому, по его догадкамъ, недоставало цѣлой ея половины. Ему прояснилась потребность географическаго единства земли. Ощущеніе этой потребности было вдохновеніемъ, не только его, но и современной ему эпохи. Есть идеи, которыя по временамъ носятся въ воздухѣ, какъ умственные міазмы; ихъ вдыхаютъ въ себя тысячи людей въ одно время.

Каждый разъ, какъ Провидѣніе пріуготовляетъ міру не предвидѣнный имъ переворотъ, религіозный, нравственный или политическій, почти всегда предшествуетъ то же самое явленіе: болѣе или менѣе полное стремленіе къ установленію единства на земномъ шарѣ или завоеваніемъ, или распространеніемъ общаго языка, или географическими открытіями, или разширеніемъ взаим-

Digitized by Google

ныхъ сношеній народовъ, которыхъ мѣстныя потребности, размѣнъ произведеній и удобство путей сообщенія, сближаютъ между собою и соединяютъ въ единый народъ. Это стремленіе къ единству земнаго шара въ извѣстныя эпохи, есть одно изъ дѣлъ Провидѣнія, наиболѣе явственныхъ въ историческихъ послѣдствіяхъ событій.

Такъ было, когда восточная образованность Индіи и Египта изнемогла отъ дряхлости, и Господь восхотѣлъ призвать Азію и Западъ къ образованности болѣе юной, болѣе жизненной, болѣе дѣятельной: Александръ, движимый побужденіемъ безсознательнымъ, отправляется съ равнинъ македонскихъ, увлекая за собою союзниковъ Греціи, и подъ вліяніемъ славы грознаго имени, извѣстный тогда міръ совокупился воедино, отъ береговъ Инда до крайнихъ предѣловъ Европы.

Такъ сталось, когда Господь восхотѣлъ приготовить безчисленныхъ слушателей христіанскаго ученія на Востокѣ и Западѣ: языкъ, господство и легіоны Рима распространились отъ персидскаго залива до хребта горъ Шотландіи, совокупляя подъ единую власть и единую мысль, Италію, Галловъ, Великобританію, Сицилію, Грецію, Африку и Азію.

Такъ во времена Карла Великаго, христіанская образованность приуготовила въ его всемірной монархіи, по обѣ стороны Альпійскихъ горъ, отъ предѣловъ Скиѳіи и Германіи, убѣжище и купель святаго крещенія для племенъ варварскихъ.

Такъ были приготовлены умы XV вѣка, къ необыкновенному проявленію воли Божіей, когда родился великій мужъ, жизнь котораго мы предпринимаемъ описать. Всѣ умы были преисполнены какого-то ожиданія, какого-то предчувствія, неяснаго сознанія приближающейся дѣйствительности.

III. Въ 1471 году, весною, въ знойный полдень, два пѣшехода шли по раскаленной солнечными лучами дорогѣ Андалузіи, въ изношенной обуви, въ покрытой пылью одеждѣ, въ которой впрочемъ виднѣлись слѣды прежняго достатка. Утомленные путемъ

Digitized by Google

и зноемъ, они присѣли отдохнуть подъ тѣнью внѣшняго портика небольшаго монастыря во имя *Божіей матери della Rabida.* Въ это время францисканскіе монастыри были убѣжищемъ для пѣшеходовъ, которымъ бѣдность не дозволяла останавливаться въ гостинницахъ. Два странника, о которыхъ мы говорили и которыхъ наружный видъ и усталость вызывали гостепріимство, обратили на себя вниманіе монаховъ.

Одинъ изъ нихъ, едва достигшій среднихъ лѣтъ, былъ высокъ ростомъ, сильнаго сложенія, величественной осанки, съ открытою физіономіею, задумчивымъ взглядомъ и пріятною улыбкою. Его темнорусые волосы начинали покрываться на вискахъ преждевременною сѣдиною, слѣдомъ несчастій и упорнаго умственнаго труда. Лице его поблѣднѣло отъ занятій, а солнце и море придали ему смугло-бронзовый оттѣнокъ. Голосъ его былъ мужественный, звучный и проницательный, какъ голосъ человѣка, привыкшаго говорить глубокія мысли. Въ жестахъ его и во всѣхъ движеніяхъ проявлялись обдуманность, величіе и сознаніе собственнаго достоинства.

Другой былъ ребенокъ осьми или десяти лѣтъ. Черты его лица, болѣе женственныя, но получившія раннее развитіе въ заботахъ жизни, были такъ схожи съ чертами другаго странника, что нельзя было не узнать въ ребенкѣ его сына или брата.

IV. Странники эти были: Христоферъ Колумбъ и сынъ его Діэго. Монахи, тронутые благородными чертами отца и пріятною наружностію ребенка, противорѣчащими бѣдности ихъ одѣянія, ввели ихъ въ монастырь и предложили пищу и убѣжище. Пока Колумбъ и Діэго отдыхали и подкрѣпляли силы скромною монастырскою трапезою, монахи предупредили настоятеля о прибытіи чужестранцевъ, которыхъ видимая бѣдность, вовсе не соотвѣтствующая ихъ благородной наружности, возбуждала всеобщее участіе. Настоятель сошелъ поговорить съ ними.

Игуменъ этого монастыря назывался Жуанъ Пересъ де Марченна (Juan perès de Marchenna). Онъ былъ прежде духовникомъ королевы Изабеллы, царствовавшей тогда съ супругомъ

Digitized by Google

своимъ Фердинандомъ. Мужъ благочестивый, ученый, наблюдательный, онъ предпочелъ тишину и спокойствіе монастырской кельи почестямъ свѣта, но этимъ пренебреженіемъ благъ земныхъ онъ еще болѣе снискалъ уваженіе двора и особенную милость королевы. Провидѣніе привело къ нему Колумба, чтобы открыть ему невидимою рукою двери королевскаго совѣта и путь къ сердцу царственныхъ супруговъ.

V. Настоятель поклонился незнакомцу, приласкалъ ребенка и спросилъ привѣтливо, что̀ понудило ихъ предпринять путь пѣшкомъ и просить убѣжища въ бѣдной, уединенной обители. Колумбъ разсказалъ свою безъизвѣстную жизнь и развилъ свои великіе помыслы предъ внимательнымъ инокомъ. Эта жизнь, эти думы — были только ожиданіемъ и предчувствіемъ.

VI. Христофоръ Колумбъ былъ старшимъ сыномъ генуэзскаго шерстобоя, — ремесло нынѣ низкое, тогда независимое и почти благородное. Въ промышленныхъ и торговыхъ республикахъ тогдашней Италіи, ремесленники гордились возстановленіемъ прежней, или открытіемъ новой промышлености, и составляли сословія, облагороженныя ихъ искусствомъ и важностію ихъ ремесла для государства. Колумбъ родился въ 1436 году. У него было два брата, Варѳоломей и Діэго, которыхъ онъ призвалъ впослѣдствіи, раздѣлить труды его, его славу и его несчастія. Онъ имѣлъ еще сестру, моложе братьевъ. Она вышла за мужъ за генуэзскаго работника. Скромная ея доля долго охраняла ее отъ блеска и злополучія ея братьевъ.

Наши влеченія зарождаются въ насъ отъ первыхъ представленій, которыя природа развертываетъ передъ нашими чувствами, на нашей родинѣ; въ особенности, когда эти представленія громадны и величественны какъ небо, море и горы. Воображеніе наше принимаетъ, какъ зеркало, отраженіе нашихъ первыхъ впечатлѣній. Взоры Колумба-ребенка обращались въ Генуѣ на сводъ небесный и на море. Астрономія и навигація рано увлекали его мысли въ эти два пространства, открытыя передъ его глазами. Онъ населялъ ихъ мечтами своими, прежде чѣмъ населилъ твердью

Digitized by Google

и островами. Созерцательный, молчаливый, набожный съ дѣтства, Колумбъ уносился своимъ младенческимъ геніемъ въ высь и въ даль этихъ пространствъ, не только для того, чтобы болѣе открыть, но чтобы глубже благоговѣть. Въ созданіи—онъ искалъ только Создателя.

VII. Отецъ его, человѣкъ просвѣщенный и достаточный, не сопротивлялся врожденной склонности Колумба къ ученію. Онъ отправилъ его въ Павію учиться геометріи, географіи, астрономіи, навигаціи и астрологіи, мнимой наукѣ тогдашняго времени. Умъ его вскорѣ перешелъ за предѣлы этихъ наукъ, тогда не полныхъ и несовершенныхъ. Онъ принадлежалъ къ числу людей, которые всегда заходятъ далѣе цѣли, гдѣ толпа останавливается съ словомъ: «довольно.» Четырнадцати лѣтъ онъ зналъ все, чему обучаютъ въ школахъ, и возвратился въ Геную къ своему семейству. Сидячее механическое ремесло отца его не могло уневолить его способностей: онъ пустился въ море и нѣсколько лѣтъ служилъ на судахъ коммерческихъ, военныхъ и посылаемыхъ генуэзцами въ опасныя экспедиціи, чтобы оспоривать волны Средиземнаго моря, и его гавани у Испанцевъ, Арабовъ и Магометанъ. Эти экспедиціи, родъ неустанныхъ крестовыхъ ополченій, снаряжаемыя религіею, войною и торговлею, были для моряковъ Италіи школою торговли, мужества и благочестія. Воинъ, матросъ и ученый, въ одно и то же время, Колумбъ плавалъ съ флотиліею, которую Генуя ссудила герцогу Анжуйскому для покоренія Неаполя; съ эскадрою, отправленною для завоеванія Туниса; съ кораблями Генуи, сражавшимися съ Испанцами. Говорятъ, что онъ достигъ начальства надъ нѣкоторыми незначительными экспедиціями военнаго флота своей родины. Исторія теряетъ его изъ виду въ этѣ начинанія его жизни. Но такое ли было его предназначеніе? Ему было тѣсно въ этихъ тѣсныхъ моряхъ, въ этой мелкой дѣятельности. Его мысль была обширнѣе его родины. Онъ замышлялъ завоеваніе для человѣческаго рода, а не для маленькой Лигурійской республики.

VIII. Въ промежутки этихъ экспедицій, Христоферъ Колумбъ изучалъ свое искусство, удовлетворяя тѣмъ страсти своей къ гео-

Digitized by Google

графіи и мореплаванію, и добывая средства къ своему умѣренному содержанію Онъ составлялъ, гравировалъ и продавалъ навигаціонныя карты. Этотъ скудный промыселъ едва удовлетворялъ его необходимымъ потребностямъ, но онъ менѣе искалъ прибыли, чѣмъ успѣховъ науки. Мысли и всѣ чувства его, обращенныя на звѣзды и море, стремились къ одной постоянной цѣли, имъ однимъ провидѣнной.

Крушеніе галеры, на которой находился Колумбъ, въ лиссабонскомъ рейдѣ, случившееся вслѣдствіе битвы и пожара, было причиною водворенія его въ Португаліи. Чтобы спастись отъ пламени, онъ бросился въ море, и держась за весло, доплылъ до берега. Португалія, волнуемая страстію къ морскимъ открытіямъ, была соотвѣтственнымъ мѣстопребываніемъ для Колумба. Онъ надѣялся найдти тамъ случай и средства вволю наплаваться по Океану; но нашелъ тамъ только неблагодарный трудъ географа, неизвѣстность и—любовь. Въ церкви одного изъ лиссабонскихъ монастырей, куда онъ ходилъ ежедневно молиться, увидѣлъ онъ и страстно полюбилъ молодую затворницу. Она была дочь благороднаго италіянца, находившагося въ португальской службѣ. Отецъ ея, отправляясь въ дальнее морское путешествіе, поручилъ дочь свою инокинямъ этого монастыря. Донна Фелиппа де Палестрелло (такъ звали красавицу Колумба), привлеченная задумчивыми величественно-прекрасными чертами иностранца, почувствовала и сама внушенную ею любовь. Оба безъ родителей, оба безъ состоянія, на чужой сторонѣ, они не могли встрѣтить препятствій взаимной ихъ склонности, и обвѣнчались въ довѣріи къ Провидѣнію и къ трудамъ, единственному приданому невѣсты, единственному достоянію жениха. Чтобы прокормить жену и тещу, онъ продолжалъ рисовать морскія карты и глобусы; португальскіе мореплаватели охотно ихъ покупали, за точность и совершенство работы. Въ полученныхъ имъ отъ жены бумагахъ ея отца, и въ перепискѣ его тестя съ извѣстнымъ флорентинскимъ географомъ Тосканелли, нашелъ онъ, какъ говорятъ, точныя свѣдѣнія о моряхъ Индіи и средства повѣрить тогдашнія сбивчивыя и сказочныя данныя мореплаванія. Наслаждаясь вполнѣ семейнымъ счастіемъ и географическими изслѣдованіями, онъ вскорѣ сдѣлался

Digitized by Google

отцемъ и назвалъ первороднаго сына своего именемъ своего брата Діэго. Общество его состояло изъ мореплавателей, возвращающихся изъ дальнихъ плаваній, и моряковъ, мечтающихъ о неизвѣстныхъ странахъ и о проложеніи новыхъ путей по безграничному океану. Комната, въ которой онъ работалъ карты и глобусы, была горномъ идей, догадокъ, предположеній, которыя безпрерывно направляли его воображеніе къ чему-то неизвѣстному на земномъ шарѣ. Жена его,—дочь и сестра моряковъ, раздѣляла его энтузіазмъ. Когда онъ оборачивалъ въ рукахъ свои глобусы и назначалъ на нихъ острова и твердыя земли, его поражало обширное пустое пространство на Атлантическомъ океанѣ. Казалось, что для равновѣсія земнаго шара недостаетъ съ одной стороны огромной земной тверди. Неопредѣленные толки, исполненные чудесности и ужаса, передавали воображенію мореплавателей о существованіи земли, видимой иногда съ Азорскихъ острововъ, неподвижной или пловучей, замѣтной въ ясную погоду и исчезающей съ приближеніемъ отважныхъ мореходцевъ. Венеціянскій путешественникъ *Марко Поло*, котораго почитали тогда сказочникомъ, и слова котораго оправдались впослѣдствіи, разсказывалъ на Западѣ о чудесахъ материковъ, о государствахъ и образованности Тартаріи, Индіи и Китая, который, по тогдашнему мнѣнію, распространялся до предѣловъ, гдѣ теперь находятся обѣ Америки. Колумбъ и самъ надѣялся найдти на предѣлахъ Атлантическаго океана отчизну золота, жемчуга и мирры, откуда царь Соломонъ черпалъ свои богатства,—этотъ *Офиръ* библейскихъ преданій, сокрывающійся съ той поры въ туманѣ дали и чудеснаго. Онъ искалъ не новаго материка, а страны утраченной. Приманка ложнаго вела его къ истинѣ.

Онъ полагалъ по своимъ изысканіямъ, что земля дѣйствительно, какъ увѣряли Птоломей и арабскіе географы, была кругла какъ шаръ, и слѣдовательно ее можно было объѣхать кругомъ, но онъ почиталъ земной шаръ на нѣсколько тысячъ миль менѣе обширнымъ, нежели онъ есть въ самомъ дѣлѣ. Онъ заключалъ изъ этого, что море, заливающее пространство до неизвѣстныхъ странъ Индіи, не такъ велико, какъ предполагали мореплаватели. Суще-

Digitized by Google

ствованіе этихъ странъ подтверждалось разсказами мореходовъ, которые далѣе другихъ заходили за Азорскіе острова. Иные видѣли носившіяся по волнамъ вѣтви деревъ, неизвѣстныхъ на западѣ; другіе встрѣчали въ открытомъ морѣ отрубки деревъ съ рѣзною работою, но грубая отдѣлка свидѣтельствовала, что рѣзьба эта сдѣлана не стальнымъ инструментомъ; многіе видали всполинскія сосны, выдолбленныя какъ челнокъ, въ которомъ могли помѣститься восемдесятъ гребцовъ; нѣкоторые встрѣчали на волнахъ огромный тростникъ, а иногда и трупы людей, бѣлыхъ и бронзоваго цвѣта, которыхъ черты вовсе не сходствовали съ чертами западныхъ, азіятскихъ или африканскихъ народовъ.

Всѣ эти признаки, носившіеся послѣ бурь на Океанѣ, и какое-то темное предчувствіе, всегда предшествующее дѣйствительности, какъ тѣнь предшествуетъ человѣку, когда солнце свѣтитъ сзади, предсказывали толпѣ чудеса, а Колумбу существованіе земель за равнинами морей, начертанныхъ на картахъ тогдашними географами; только онъ почиталъ земли эти продолженіемъ азіатскаго материка, заполняющаго болѣе одной трети земнаго шара. Эта выпуклость, неизвѣстная ни тогдашнимъ мудрецамъ, ни геометрамъ, оставалась въ добычу догадкамъ, на всемъ пространствѣ Океана, которое надобно было пройдти, чтобы достигнуть береговъ воображаемой Азіи. Одни почитали эту выпуклую поверхность неизмѣримою; другіе воображали, что это бездонное и безпредѣльное пространство, родъ заатмосферной среды, въ которой мореплаватели блуждаютъ, какъ аэронавты въ воздушныхъ пустыняхъ. Бо́льшая часть, не зная законовъ тяжести и центровлекущей силы, но допуская уже шарообразность земли, полагали, что люди и корабли, занесенные случаемъ къ нашимъ антиподамъ, срывались съ земли и падали въ безконечное пространство. Законы уровня и движеній моря также были тогда неизвѣстны, и многіе думали, что Океанъ, за чертою извѣстныхъ острововъ, есть ничто иное, какъ хаотическая влага, смѣшеніе небесъ съ водою, гдѣ волны образуютъ бездонныя пропасти, и спадаютъ съ небесъ неизмѣримыми водопадами, и что зашедшіе туда корабли должны неминуемо погибнуть. Наиболѣе свѣдущіе,

Digitized by Google

допуская законы тяжести и нѣкоторыя условія равновѣсія и уровня въ жидкостяхъ, полагали, что шаровидная форма земли образуетъ въ Океанѣ покатость къ антиподамъ, по которой корабли скатились бы къ странамъ безвѣстнымъ, но никогда уже не могли бы подняться по этой покатости въ Европу. Изъ всѣхъ этихъ ложныхъ понятій о существѣ, формѣ, пространствѣ и выпуклости Океана, образовался какой-то таинственный всеобщій ужасъ, съ которымъ только геній-изыскатель могъ безтрепетно встрѣтиться мыслію, и только сверхъестественное мужество могло отважиться направить туда корабль свой. Это была борьба человѣческой мысли съ стихіею; чтобы рѣшиться на такой подвигъ, надо быть вдохновеннымъ человѣкомъ.

IX. Неодолимое влеченіе бѣднаго географа къ этому предпріятію было единственною связью, удерживавшею Колумба въ Лиссабонѣ, какъ отчизнѣ его помысловъ. Въ это время въ Португаліи царствовалъ Іоаннъ II, государь просвѣщенный и предпріимчивый. Государство это, въ видахъ колонизаціи, торговли и попытокъ проложить путь моремъ изъ Европы въ Азію, высылало безпрестанно морскія экспедиціи. Васко де Гама, португальскій колонистъ, едва не открылъ путь въ Индію мимо мыса Доброй Надежды. Колумбъ, убѣжденный въ томъ, что откроетъ путь болѣе прямой, направляясь въ Востоку, послѣ долгихъ стараній былъ представленъ королю, объяснилъ ему свои предположенія относительно открытій, и просилъ дать ему средства осуществить ихъ ко славѣ и пользѣ Португаліи. Король выслушалъ его съ участіемъ. Довѣріе чужеземца къ своимъ надеждамъ не показалось ему до того неосновательнымъ, чтобы почесть эти надежды несбыточными мечтами. Колумбъ, независимо отъ своего врожденнаго краснорѣчія, обладалъ краснорѣчіемъ собственнаго убѣжденія. Онъ тронулъ короля, и Е. В. назначилъ совѣтъ изъ ученыхъ и политиковъ, для разсмотрѣнія проэкта генуэзскаго морехода, и повелѣлъ представить донесеніе о мѣрѣ вѣроятности въ успѣхѣ. Этотъ совѣтъ, составленный изъ королевскаго духовника и нѣсколькихъ географовъ, имѣвшихъ тѣмъ большее значеніе при дворѣ, что они не отдалялись отъ предразсудковъ

Digitized by Google

толпы,—объявилъ, что всѣ предположенія Колумба несбыточны и не согласны съ законами физики и догматами вѣры.

Другой совѣтъ, созванный съ соизволенія короля по настоятельной просьбѣ Колумба, произнесъ то же рѣшеніе. Между тѣмъ члены послѣдняго совѣта, безъ вѣдома короля, поступили предательски, сообщивъ планы Колумба искусному кормчему, и отправя его втайнѣ извѣдать предложенный путь къ Азіи. Снаряженный въ эту экспедицію корабль, послѣ нѣсколько-дневнаго плаванія по ту сторону Азорскихъ острововъ, ужаснулся отъ пустоты и безграничности раздвинувшагося передъ нимъ пространства, и возвратясь назадъ, еще болѣе утвердилъ совѣтъ въ его презрѣніи къ догадкамъ Колумба.

X. Во время безполезнаго ходатайства у португальскаго двора, Колумбъ лишился своей жены, утѣшенія и подпоры его мыслей. Состояніе его, небреженное въ надеждѣ на предстоящія открытія, разстроилось. Его займодавцы кинулись на плоды трудовъ его, забрали глобусы и карты и угрожали лишить его свободы. Много времени утрачено такъ въ ожиданіяхъ; зрѣлыя лѣта приближались,—ребенокъ подросталъ. Колумбъ видѣлъ въ будущности нищету вмѣсто новаго міра, котораго надѣялся. Онъ ушелъ ночью изъ Лиссабона, пѣшкомъ, безъ средствъ, полагаясь только на состраданіе и гостепріимство въ дорогѣ, ведя подъ руку сына своего Діэго, или неся его на себѣ, когда ребенокъ уставалъ. Такъ пришелъ онъ въ Испанію, рѣшившись предложить Фердинанду и Изабеллѣ государство, или материкъ, отвергнутыя Португаліею.

На пути своемъ къ непостоянному пребыванію испанскаго двора, переѣзжавшаго изъ одной столицы въ другую, Колумбъ достигъ монастыря делла-Рабида, въ сосѣдствѣ Палоса. Онъ намѣревался отправиться въ небольшой городокъ Гуэрту, въ Андалузіи, гдѣ жилъ братъ его жены. Тамъ предполагалъ онъ оставить Діэго у своего зятя, и отправиться одному переносить замедленія, неудачи, а можетъ быть и недовѣріе при дворѣ Фердинанда и Изабеллы.

Увѣряютъ, что Колумбъ, прежде чѣмъ отправился въ Испанію,

Digitized by Google

счелъ долгомъ, какъ итальянецъ и генуэзецъ, предложить свои помыслы первоначально родинѣ своей Генуѣ, а потомъ сенату Венеціи, но что эти республики, озабоченныя честолюбивыми видами болѣе близкими, и состязаніемъ болѣе необходимымъ, отвѣчали ему равнодушіемъ и отказами.

XI. Настоятель монастыря делла-Рабида былъ гораздо свѣдущѣе въ наукахъ нужныхъ для мореплаванія, чѣмъ можно было бы ожидать отъ человѣка его званія. Приморское мѣстоположеніе монастыря и сосѣдство съ гаванью небольшаго городка Палосъ, въ то время одной изъ самыхъ торговыхъ въ Андалузіи, сблизили его съ моряками. Когда еще онъ жилъ при дворѣ и въ столицѣ, онъ занимался науками естественными, и старался разрѣшить тѣ проблемы, которыми тогда были заняты всѣ умы. Состраданіе, которое онъ сначала почувствовалъ къ Колумбу, скоро превратилось въ восторгъ и въ полное сознаніе тѣхъ геніальныхъ истинъ, которые провидѣлъ этотъ человѣкъ, такъ далеко превышавшій свою скромную долю. Онъ видѣлъ въ немъ одного изъ тѣхъ посланниковъ Божіихъ, которыхъ отвергаютъ народы, но которые между тѣмъ, въ скудной рукѣ своей, проносятъ имъ невидимыя сокровища истины. Геній увлекаетъ понявшихъ его. Настоятель призналъ себя послѣдователемъ Колумба, Провидѣніе почти всегда посылаетъ такихъ людей своимъ избранникамъ для того, чтобъ поддержать ихъ бодрость противъ несправедливости, противъ жестокости, противъ преслѣдованій толпы, — и эти люди представляютъ намъ образъ самой высокой дружбы: они друзья истины непризнанной, они повѣренные надеждъ несбыточныхъ.

Жуанъ Пересъ почувствовалъ, что ему, изъ тишины уединенной кельи его, предназначено обратить на Колумба вниманіе Изабеллы, быть проповѣдникомъ его великаго замысла. Но онъ полюбилъ Колумба не за одну великую мысль его, — онъ полюбилъ въ немъ его самого, его прекрасный характеръ, его мужество, его скромность, его благородную важность, его краснорѣчіе, его набожность, его добродѣтель, его кротость и терпѣніе, съ какимъ переносилъ онъ свои несчастія, — словомъ, онъ видѣлъ въ

Digitized by Google

этомъ странникѣ одну изъ тѣхъ натуръ, на которыхъ лежитъ печать даровъ божественныхъ, и которыя ознаменовываютъ человѣка необыкновеннаго. Послѣ перваго же разговора съ монахомъ, Колумбъ пріобрѣлъ не только его довѣріе, но и сердечную привязанность, сохранившуюся, что случается очень рѣдко, на цѣлую жизнь. У Колумба былъ истинный другъ.

XII. Жуанъ Пересъ предложилъ Колумбу и его сыну убѣжище, или по крайней мѣрѣ кратковременный отдыхъ въ своемъ скромномъ монастырѣ. Между тѣмъ, онъ сообщилъ своимъ друзьямъ, жившимъ въ приморскомъ городкѣ, о прибытіи и похожденіяхъ гостя, его посѣтившаго. Онъ попросилъ ихъ въ монастырь, потолковать со странникомъ о его мысли и предположеніяхъ, чтобъ повѣрить его теоріи съ практическими познаніями опытныхъ мореходовъ. Докторъ Фернандесъ, другъ настоятеля, человѣкъ извѣстный своею ученостью, и Пьетро де Веласко, морякъ искусный и опытный, провели, по приглашенію настоятеля, нѣсколько вечеровъ въ монастырѣ, въ бесѣдахъ съ Колумбомъ. Съ удивленіемъ, съ жаромъ увлеклись эти люди, одаренные здравымъ умомъ и безхитростнымъ сердцемъ, его идеями, и составили съ нимъ тотъ первый союзъ, который, въ началѣ своемъ, таился только между малымъ числомъ прозелитовъ, въ глуши ихъ уединенія. Всѣ великія истины, прежде чѣмъ сдѣлаются онѣ извѣстными міру, зараждаются въ небольшомъ кружкѣ друзей,—и эти первые друзья, которыхъ нашелъ Колумбъ въ бѣдной кельѣ монаха, и которыхъ убѣдилъ онъ въ своихъ мнѣніяхъ, вѣроятно доставили ему болѣе торжества, чѣмъ одобреніе цѣлой Испаніи, когда уже предпріятіе его увѣнчалось успѣхомъ. Здѣсь вѣра въ его геній основывалась на однѣхъ его словахъ,—тамъ на самомъ событіи.

XIII. Настоятель, убѣжденный еще болѣе въ истинѣ Колумбовой мысли согласіемъ съ нею ученаго доктора Фернандеса и знающаго моряка Веласко, предложилъ ему оставить своего сына въ монастырѣ, а самому отправиться ко двору, представить Фердинанду и Изабеллѣ свое открытіе и просить у нихъ средствъ для его осуществленія. Случай сдѣлалъ смиреннаго монаха непосредственнымъ и сильнымъ представителемъ у испанскаго двора. Онъ

Digitized by Google

былъ при немъ много лѣтъ, пользуясь, какъ духовникъ, полной довѣренностью Изабеллы; и, съ тѣхъ поръ какъ склонность къ уединенію заставила его удалиться изъ царскихъ чертоговъ, онъ постоянно былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ новымъ духовникомъ королевы, котораго самъ же назначилъ ей. Этотъ духовникъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ духовникъ короля, былъ Фернандо де Талавера, настоятель монастыря въ Прадо, человѣкъ достойный и пользовавшійся такою силою, что ему во всякое время былъ открытъ входъ во внутренніе покои. Жуанъ Пересъ далъ Колумбу рекомендательное письмо къ Фернанду де Талавера, написанное въ самыхъ жаркихъ выраженіяхъ; снабдилъ его всѣмъ нужнымъ для путешествія: муломъ, проводникомъ и кошелькомъ, полнымъ цехиновъ; наконецъ, проводивъ до воротъ монастырскихъ, обнялъ его и поручилъ Богу, который вдохновляетъ людей и покровительствуетъ великимъ предпріятіямъ.

XIV. Колумбъ, проникнутый чувствомъ благодарности къ этому первому и великодушному другу, который никогда не терялъ его изъ вида, направилъ путь свой въ Кордуу, тогдашнюю постоянную резиденцію испанскаго двора. Онъ ѣхалъ съ той увѣренностію въ успѣхѣ, которая составляетъ мечту, но съ тѣмъ вмѣстѣ и путеводную звѣзду генія. Скоро однако жъ эта мечта должна была исчезнуть, путеводная звѣзда—затмиться. Для подарка испанской коронѣ новаго свѣта предпріимчивый Генуэзецъ выбралъ минуту невыгодную: Фердинандъ и Изабелла старались тогда очистить собственное королевство отъ испанскихъ Мавровъ, и имъ было не до того, чтобы думать о пріобрѣтеніи какой-то предполагаемой земли, за морями невѣдомыми. Мавры, завоеватели Испаніи, послѣ долгаго и прочнаго своего владычества, увидѣли наконецъ, что у нихъ отнимаютъ городъ за городомъ, провинцію за провинціей. Побѣжденные повсюду, несмотря на свои возстанія, они держались уже только въ горахъ и долинахъ, окружающихъ Гренаду, эту волшебную столицу ихъ царства. Фердинандъ и Изабелла употребляли все свое могущество и всѣ силы обоихъ своихъ соединенныхъ королевствъ, чтобъ отнять у Мавровъ эту цитадель Испаніи. Бракъ Фердинанда и Изабеллы, основанный на видахъ политическихъ, но

Digitized by Google

скрѣпленный любовію и увѣнчанный обоюдною славою, принесъ въ приданое съ одной стороны королевство Аррагонское, съ другой — Кастильское. Но, соединивъ такимъ образомъ двѣ отдѣльныя провинціи, король и королева сохранили между тѣмъ каждый свою независимую власть надъ своими прежними подданными. У каждаго изъ нихъ былъ свой совѣтъ и свои министры, которые соединялись тогда только, когда дѣло шло о пользахъ обоихъ государствъ и обоихъ супруговъ.

Природа, одарившая этихъ двухъ царственныхъ особъ всѣми качествами душевными и тѣлесными, хотя и различными, но почти равными по достоинству, какъ будто хотѣла пополнить одного другимъ, для распространенія того обаянія, которое суждено имъ было произвесть на поприщѣ войны и гражданственности. Фердинандъ былъ немного постарѣе Изабеллы, и соединялъ въ себѣ искуснаго воина и искуснаго политика. Еще прежде тѣхъ лѣтъ, когда горькій опытъ научаетъ человѣка узнавать людей, онъ разгадалъ ихъ. Однимъ недостаткомъ его была какая-то скрытность и холодность, происходящія отъ недовѣрчивости и отчуждающія сердце отъ восторженности и великодушія.

Но оба эти недостатка короля вознаграждались, въ совѣтѣ его, прекрасной душой, исполненнымъ добра сердцемъ и геніальнымъ умомъ Изабеллы. Юная, прекрасная, любимая всѣми, обожаемая имъ, получившая обширныя свѣдѣнія, набожная безъ суевѣрія, краснорѣчивая, полная увлеченія къ великимъ подвигамъ, восторга къ великимъ людямъ, довѣрія къ великимъ мыслямъ, она положила на дѣйствія и политику Фердинанда печать своего сердечнаго героизма, и озарила ихъ какимъ-то чуднымъ блескомъ своего пылкаго воображенія. Она была вдохновеніемъ, онъ исполнителемъ. Одна находила отраду въ громкой славѣ своего мужа; другой видѣлъ свою славу въ удивленіи и любви жены. Это двойственное царствованіе, которое должно было сдѣлаться для Испаніи почти баснословнымъ, для полнаго своего безсмертія ожидало только пріѣзда бѣднаго чужестранца; и вотъ этотъ бѣдный чужестранецъ, съ письмомъ бѣднаго монаха въ рукѣ, явился просить себѣ входа въ великолѣпный кордуанскій дворецъ.

Digitized by Google

XV. Рекомендательное письмо Жуана-Переса, прочитанное духовникомъ королевы съ предубѣжденіемъ и недовѣрчивостью, доставило Колумбу только длинную перспективу ожиданій, отказовъ въ ауді-енціяхъ и унынія. Колумбъ былъ худо принятъ всѣми «потому, говоритъ историкъ Овіедо, современный великому человѣку,—что онъ былъ чужестранецъ, былъ дурно одѣтъ и не имѣлъ никакой другой рекомендаціи, кромѣ письма францискаискаго монаха, отшельника, давно уже забытаго при дворѣ.»

Королю и королевѣ даже не доложили о немъ, по равнодушію или недовѣрчивости духовника, обманувшаго всѣ надежды Жуана-Переса. Не смотря на то, Колумбъ, непоколебимый какъ сама увѣренность, постоянно оставался въ Кордуѣ, ожидая часа болѣе благопріятнаго. Истощивъ весь скромный кошелекъ своего друга, онъ съ трудомъ могъ содержать себя составленіемъ географическихъ картъ и глобусовъ, представляя въ нихъ образъ того міра, который ему суждено было открыть. Вся жизнь его, впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ Кордуѣ, представляетъ только горькую бѣдность, рядъ безпрерывныхъ трудовъ и обманутыхъ ожиданій. Но еще не простившійся съ молодостью, еще пылкій сердцемъ, онъ любилъ и былъ самъ любимъ въ эти тяжкіе годы испытанія, потому что рожденіе втораго сына его Фернанда относится къ тому времени. Это была любовь тайная, никогда не освященная бракомъ, и Колумбъ вспоминаетъ о ней въ своемъ завѣщаніи съ самымъ трогательнымъ раскаяніемъ. Фернандо былъ его побочный сынъ, но Колумбъ воспитывалъ его съ такою же нѣжностію, какъ и Діэго.

XVI. Между тѣмъ его благородная наружность и умъ не могли затмиться и въ той бѣдной жизни, которую велъ онъ. Люди значительные, входившіе иногда въ сношенія съ нимъ по его ученымъ трудамъ, ощущали при взглядѣ на него и при его разговорѣ то невольное удивленіе и сочувствіе, которое какъ бы посредствомъ электричества сообщаетъ намъ о высокомъ назначеніи человѣка еще вовсе неизвѣстнаго. Его занятія и его разговоры нечувствительно пріобрѣли ему друзей не только въ Кордуѣ, но и при самомъ дворѣ. Въ числѣ этихъ друзей, имена которыхъ сохран

Digitized by Google

лись въ исторіи, какъ спутниковъ открытія новаго міра, извѣстенъ Алонзо де Квинтанилла, контролеръ финансовъ королевы; Джеральдини, наставникъ принцевъ, дѣтей ея, и Антоніо Джеральдини, папскій нунцій при дворѣ Фердинанда; наконецъ Мендоза, архіепископъ толедскій и кардиналъ,—человѣкъ, имѣвшій такой вѣсъ, что его называли третьимъ королемъ Испаніи.

XVII. Архіепископъ толедскій, устрашенный сначала новыми географическими понятіями, которыя, казалось ему, противорѣчили тогдашнимъ понятіямъ о мірозданіи, скоро однако жъ убѣдился теплой вѣрой и искренней набожностію Колумба, что мысль его не можетъ быть мыслію богопротивною. Онъ понялъ наконецъ, что исполненіе этой мысли будетъ, напротивъ, доказательствомъ совершенства творенія и премудрости Творца. Увлеченный системой Колумба, очарованный имъ самимъ, онъ принялъ его подъ свое покровительство и исходатайствовалъ ему царскую аудіенцію. Послѣ двухъ лѣтъ ожиданія, Колумбъ явился на эту аудіенцію съ смиреніемъ бѣднаго чужестранца, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, съ самоувѣренностью данника, который приноситъ своимъ повелителямъ то, чего сами они не въ состояніи дать ему. «Думая о томъ, чѣмъ я былъ тогда,—пишетъ самъ онъ впослѣдствіи,—я терялся отъ моего ничтожества; но думая о томъ, что могу я пріобрѣсть, я чувствовалъ себя равнымъ съ тѣми, передъ кѣмъ предстоялъ. Это былъ не я, а орудіе Бога, избранное Имъ для совершенія его дѣла.»

XVIII. Фердинандъ выслушалъ Колумба съ важностію, Изабелла съ восторгомъ. Съ перваго взгляда и съ перваго слова его она почувствовала къ нему удивленіе, доходившее почти до фанатизма, расположеніе, похожее на нѣжность. Природа одарила Колумба наружностію, увлекавшею взоры, краснорѣчіемъ, увлекавшимъ умы. Она сотворила его такимъ какъ бы для того собственно, чтобъ одной изъ первыхъ поклонницъ его была королева, чтобы мысль объ открытіи, которымъ онъ подарилъ свой вѣкъ, была взлелѣяна и согрѣта въ сердцѣ женщины. Эта женщина была Изабелла. Ея постоянная благосклонность къ Колумбу нисколько не уменьшалась ни отъ равнодушія къ нему ея двора, ни отъ навѣтовъ его враговъ, ни отъ всѣхъ препятствій, встрѣчае-

Digitized by Google

мыхъ имъ. Она вѣровала въ него съ перваго дня своего съ нимъ знакомства, была его прозелиткой на тронѣ и другомъ до конца жизни.

Фердинандъ, выслушавъ Колумба, приказалъ, для испытанія его, составить въ Саламанкѣ совѣтъ подъ предсѣдательствомъ Фернанда де Талавера. Совѣтъ этотъ былъ составленъ изъ ученѣйшихъ людей обоихъ королевствъ, духовныхъ и свѣтскихъ, собравшихся въ доминиканскомъ монастырѣ тогдашней литературной столицы Испаніи. Колумбъ помѣстился тамъ же. Въ то время попы и монахи вмѣшивались во всѣ дѣла Испаніи. Просвѣщеніе заключалось въ духовенствѣ; король управлялъ только его дѣйствіями, но мыслило оно; инквизиція стерегла, схватывала, поражала все, что только казалось ей носившимъ на себѣ признакъ ереси, хотя бы это было вблизи самаго трона. Король соединилъ въ собранномъ имъ совѣтѣ, профессоровъ астрономіи, географіи, математики и всѣхъ вообще наукъ, преподававшихся въ Саламанкѣ. Эта аудиторія не устрашила однако жъ Колумба. Онъ думалъ, что будетъ судимъ людьми равныхъ съ нимъ понятій, но его судили мыслители близорукіе. При первомъ засѣданіи, происходившемъ въ большой залѣ монастыря, жеученые, уже заранѣе убѣжденные въ томъ, что всякая теорія, недоступная ихъ невѣжеству и выходящая изъ принятой ими рутины, есть не что иное, какъ мечта ума разстроеннаго или заносчиваго, приняли его не больше, какъ за обманщика, надѣявшагося обогатиться своими выдумками. Никто даже не удостоилъ его выслушать, кромѣ двухъ или трехъ монаховъ изъ саламанкскаго монастыря Св. Стефана, не имѣвшихъ никакого авторитета и занимавшихся въ своемъ уединеніи такими отраслями наукъ, которыя высшее духовенство презирало. Другіе экзаминаторы, забросавъ его цитатами изъ Библіи, пророчествъ, псалмовъ и различныхъ учителей Церкви, тоже заранѣе, и не принимая никакихъ возраженій, опровергли текстами, превратно истолкованными, всю Колумбову теорію земнаго шара и казавшееся имъ нелѣпостью предположеніе его о существованіи антиподовъ. Одинъ изъ латинскихъ духовныхъ посателей, *Лактанцій*, выразился объ антиподахъ именно слѣдующими словами, которыя привели въ опроверженіе Ко-

Digitized by Google

лумбу: «можно ли повѣрить такой нелѣпости, пишетъ онъ, что есть антиподы, находящіеся совершенно въ противномъ положеніи съ нами, люди, которые ходятъ вверхъ ногами и внизъ головой; есть такая часть свѣта, гдѣ все поставлено на выворотъ, и гдѣ деревья ростутъ корнями вверхъ?..» Другой пошелъ еще далѣе, и сдѣлалъ выводъ, что такъ какъ антиподы никакимъ образомъ не могутъ происходить отъ Адама, а между тѣмъ Писаніе говоритъ, что всѣ люди происходятъ отъ одного и того же праотца, слѣдовательно такая мысль противна вѣрѣ. Наконецъ нѣкоторые ученые, принявъ въ буквальномъ смыслѣ поэтическое выраженіе Царя-Пророка, привели цитату изъ псалма, гдѣ говорится, что Богъ простеръ небо надъ землею подобно шатру, и, основываясь на этомъ, доказывали, что въ такомъ случаѣ земля не можетъ имѣть никакой другой формы, кромѣ плоской.

Напрасно Колумбъ представлялъ имъ доводы, что теорія его нисколько не противорѣчитъ догматамъ вѣры, напрасно вступалъ онъ съ ними въ пренія богословскія, изъ которыхъ было видно, что онъ лучше ихъ умѣетъ и молиться и вѣровать, какъ болѣе высокое и болѣе совершенное созданіе Бога,—его краснорѣчіе, быстро увлекавшее умы свѣтлые, было недоступно для этихъ упрямыхъ и односторонніхъ умовъ. Нѣсколько монаховъ, какъ мы уже сказали, готовы были согласиться съ нимъ, вопреки общему мнѣнію, и въ числѣ ихъ Діего де Деца, монахъ доминиканскаго ордена, человѣкъ необыкновенный въ томъ вѣкѣ, и впослѣдствіи сдѣлавшійся архіепископомъ толедскимъ, отважно рѣшился оспоривать мнѣніе совѣта и защищать Колумба. Но и это неожиданное заступничество не могло преодолѣть равнодушія и упрямыхъ мнѣній экзаминаторовъ. Собранія повторялись, не кончаясь никакимъ рѣшительнымъ заключеніемъ. Онѣ утомили поборниковъ истины отсрочками и отсрочками, этимъ всегдашнимъ прибѣжищемъ несправедливости, и были прерваны наконецъ новой войной Фердинанда и Изабеллы противъ гренадскихъ Мавровъ. Колумбъ, изнуренный проволочками, опечаленный, оскорбленный совѣтомъ, но все еще поддерживаемый благосклонностію Изабеллы и видѣвшій всю свою надежду только въ побѣдѣ, одержанной надъ Діего де Деца въ пользу своего мнѣнія, грустно сопутствовалъ двору

Digitized by Google

и арміи изъ лагеря въ лагерь, изъ города въ городъ, тщетно ждалъ новаго къ себѣ вниманія короля, озабоченнаго военными тревогами. Королева между тѣмъ, столько же постоянная въ своемъ благоволеніи къ нему, сколько фортуна была постоянна въ своихъ гоненіяхъ, никакъ не переставала ободрять этого непризнаннаго генія, въ предсказаніяхъ котораго нисколько не сомнѣвалась. Вездѣ, гдѣ только останавливался дворъ, она приказывала приготовлять для Колумба домъ или палатку, и съ тѣмъ вмѣстѣ отдала приказаніе своему казначею содержать ученаго чужестранца не какъ бѣдняка просящаго милости, но какъ гостя почетнаго, котораго дворъ желаетъ удержать при себѣ.

XIX. Такъ прошло много лѣтъ. Впродолженіи этого времени, король португальскій, король англійскій и король французскій, узнавъ отъ своихъ посланниковъ о чудномъ человѣкѣ, обѣщающемъ открыть новый міръ, сдѣлали Колумбу лестныя предложенія, которыми хотѣли переманить его въ свою службу. Глубокая признательность къ Изабеллѣ и любовь къ доньѣ Беатрисѣ Энрижуецъ, жившей въ Кордуѣ, и сдѣлавшейся уже матерью втораго сына его Фернандо, заставили его отвергнуть эти предложенія и остаться при испанскомъ дворѣ. Онъ берегъ свое будущее царство для юной королевы, своей благодѣтельницы: онъ хотѣлъ ей заплатить за милости половиною земнаго шара. Такимъ образомъ онъ присутствовалъ при осадѣ и взятіи Гренады; онъ видѣлъ Боабдила, вручающаго Фердинанду и Изабеллѣ ключи отъ своей столицы, сдающаго дворцы Абенсераговъ и мечеть Алгамбры. Онъ учавствовалъ въ торжественномъ въѣздѣ короля и королевы въ это послѣднее убѣжище исламизма. Онъ видѣлъ, кромѣ того, много другихъ побѣдъ и другихъ торжественныхъ въѣздовъ, — и всѣ эти важныя событія казались ему ничтожными вправненіи съ его великой мыслію.

Миръ, послѣдовавшій за этими побѣдами, въ 1492 году, позволилъ испанскому двору снова заняться изслѣдованіемъ Колумбова проэкта, для чего опять былъ составленъ совѣтъ, уже не въ Саламанкѣ, а въ Севильѣ. Этотъ совѣтъ, несмотря на то, что въ немъ такъ же, какъ и въ саламанкскомъ, Діего де Деца сильно поддерживалъ Колумба, отвергъ наконецъ рѣшительно предложеніе

Digitized by Google

предпріимчиваго Генуэзца, если не какъ обманъ, такъ по крайней мѣрѣ, какъ химеру, довѣріе къ которой унизило бы достоинство испанскаго двора. Объявляя приговоръ совѣта Колумбу, Фердинандъ, по внушенію Изабеллы, смягчилъ его, и подалъ надежду, что какъ только въ Испаніи водворится совершенное спокойствіе окончательнымъ изгнаніемъ Мавровъ, дворъ не откажетъ содѣйствовать ему и денежнымъ вспомоществованіемъ и своимъ флотомъ въ его открытіяхъ и пріобрѣтеніяхъ, задержанныхъ на такое долгое время.

XX. Ожидая исполненія королевскихъ обѣщаній, но не слишкомъ впрочемъ обольщаясь ими, Колумбъ пытался склонить двухъ сильныхъ испанскихъ вельможъ, герцога Медина Сидонія и герцога Медина Сели, дать ему средства для исполненія его предпріятія. Оба они имѣли въ своихъ владѣніяхъ гавани и свои собственные корабли. Сначала выгоды и слава будущихъ пріобрѣтеній польстили ихъ, но потомъ, отъ недовѣрчивости ли, или отъ равнодушія, они опять отказали Колумбу. Зависть вооружилась противъ него еще прежде его успѣховъ: она преслѣдовала его какъ будто по инстинкту, хотѣла оспорить у него то, что̀ сама же называла химерами. Со слезами на глазахъ, снова долженъ былъ онъ отказаться отъ блеснувшаго ему луча надежды. Холодность, съ которой выслушивали его министры, упрямство, съ которымъ отвергали монахи его идею, какъ заблужденіе противорѣчащее наукѣ, тщетныя обольщенія и безконечныя проволочки двора, продолжавшіяся шесть лѣтъ, до того утомили его и истощили его терпѣніе, что онъ отказался наконецъ отъ всѣхъ новыхъ домогательствъ у испанскаго двора, и рѣшился предложить свои услуги французскому королю, приглашавшему его уже нѣсколько разъ.

Безъ денегъ, безъ надежды, убитый необходимостью разстаться съ Беатрисой, отправился онъ изъ Кордуи пѣшкомъ не для новыхъ попытокъ счастія, но для того, чтобы снова свидѣться съ другомъ своимъ Жуаномъ Пересомъ. Онъ предполагалъ взять отъ него своего сына Діего, отвезть его въ Кордуу и поручить, до отъѣзда во Францію, попеченіямъ доны Беатрисы, матери второго своего сына, чтобы такимъ образомъ оба брата, выросшіе вмѣстѣ, подъ надзоромъ одной и той же женщины,

Digitized by Google

сохранили другъ къ другу навсегда ту братскую привязанность, которая одна только и могла составлять все ихъ наслѣдство послѣ отца.

XXI. Слезы покатились изъ глазъ Жуана Переса, когда онъ увидѣлъ своего друга, возвратившагося пѣшкомъ и одѣтаго еще бѣднѣе прежняго. По этой одеждѣ, по его печальному лицу, онъ понялъ, что люди были несправедливы къ нему, что всѣ надежды его разрушились. Но Провидѣніе сохранило еще подпору Колумбу въ сердцѣ его друга. Вѣра бѣднаго монаха въ истину будущихъ открытій любимца его не угасла въ немъ отъ неудачъ Колумба, а напротивъ вооружила его самымъ жаркимъ негодованіемъ противъ несправедливости. Горячо онъ обнялъ его, горячо принялъ къ сердцу его горесть, но скоро вся прежняя энергія пробудилась въ немъ, и онъ дѣятельно принялся опять помогать ему всѣми своими средствами, всѣмъ уваженіемъ, которымъ пользовался. Снова пригласивъ къ себѣ доктора Фернандеса, стариннаго повѣреннаго мыслей Колумба, онъ пригласилъ еще Алонзо Пинцоно, богатаго морскаго торговца, и Себастіана Родригеса, искуснаго кормчаго. Идея Колумба, опять развернутая имъ въ этомъ небольшомъ кружкѣ друзей, все больше и больше увлекала его слушателей. Они убѣждали его остаться въ Испаніи, и, не смотря на ея неблагодарность, все-таки предоставить ей славу этого открытія, неслыханнаго въ исторіи. Пинцоно предложилъ свои деньги и свои корабли для сооруженія безсмертной флотиліи, если только правительство утвердитъ эту экспедицію. Жуанъ Пересъ написалъ письмо уже не къ духовнику королевы, а къ ней самой, убѣждая ее и во имя славы и во имя религіи содѣйствовать предпріятію, которое должно было обратить цѣлые народы отъ идолопоклонства къ истинной вѣрѣ. Онъ призвалъ на помощь себѣ небо и землю, онъ былъ вдохновленъ и чувствомъ патріотизма и чувствомъ дружбы. Колумбъ отказался ѣхать съ этимъ письмомъ ко двору, гдѣ уже испыталъ столько оскорбительныхъ неудачъ. Кормчій Родригесъ вызвался самъ отвезть письмо въ Гренаду, гдѣ тогда находился дворъ. Онъ отправился, напутствуемый молитвами и благословеніями Колумбовыхъ друзей, и на четырнадцатый день возвратился въ

Digitized by Google

монастырь съ полнымъ торжествомъ. Королева прочла письмо Жуана Переса, и нашла въ этомъ письмѣ отголосокъ собственныхъ своихъ чувствъ въ пользу Генуэзца. Она приказала настоятелю тотчасъ же явиться ко двору, а Колумбу ждать его возвращенія и опредѣленія совѣта въ монастырѣ.

Жуанъ Пересъ, восхищенный счастіемъ своего друга, не теряя ни минуты, велѣлъ осѣдлать себѣ мула, и въ ночь же отправился въ дорогу, одинъ, черезъ страну занятую Маврами. Онъ вѣрилъ, что Небо сохранитъ его, какъ помощника своего великаго предначертанія. Онъ пріѣхалъ; двери дворца отворились при его имени; онъ увидѣлъ королеву; онъ воспламенилъ въ ней еще болѣе, своимъ жаркимъ ходатайствомъ, ея собственное довѣріе и стремленіе къ великому дѣлу. Маркиза де Майя, любимица Изабеллы, тоже была увлечена, какимъ-то воеторженнымъ и вмѣстѣ религіознымъ чувствомъ, въ пользу человѣка, покровительствуемаго благочестивымъ отшельникомъ. Эти двѣ женщины, вдохновленныя краснорѣчіемъ монаха, восторжествовали наконецъ надъ упрямствомъ цѣлаго двора. Изабелла, изъ своихъ секретныхъ суммъ, послала Колумбу денегъ — съ тѣмъ, чтобы онъ купилъ себѣ мула, приличную одежду, и тотчасъ же пріѣхалъ ко двору. Жуанъ Пересъ, рѣшившійся остаться при королевѣ до пріѣзда своего друга, послалъ нарочнаго съ этой радостной вѣстью и деньгами къ доктору Фернандесу, для передачи того и другаго Колумбу.

XXII. Колумбъ, купивъ мула и взявъ съ собой слугу, пріѣхалъ въ Гренаду, гдѣ долженъ былъ представить свой проэктъ и свои условія министрамъ Фердинанда. «При дворѣ, пишетъ одинъ очевидецъ, явился какой-то человѣкъ, котораго министры обоихъ королевствъ смѣшивали съ толпой обыкновенныхъ неотвязчивыхъ просителей, и который часто, стоя въ углу какой-нибудь передней, весь погружался въ свой огромный проэктъ открытія новаго міра. Важный, задумчивый, одинокій посреди шума и многолюдства, онъ, казалось, равнодушно смотрѣлъ на покореніе Гренады, которое составляло торжество цѣлаго народа и двухъ дворовъ; человѣкъ этотъ былъ Христофоръ Колумбъ!»

Digitized by Google

На этотъ разъ препятствія возродились уже со стороны самого Колумба. Увѣренный въ дѣйствительности существованія земель, которыя онъ предлагалъ Испаніи, онъ хотѣлъ, изъ уваженія къ самому величію подарка, который готовилъ свѣту и своимъ государямъ, сохранить для себя права, достойныя своего подвига. Излишнее смиреніе казалось ему въ этомъ случаѣ преступленіемъ. Убогій, одинокій, уже нѣсколько разъ получавшій отказы, онъ какъ царь трактовалъ о своемъ государствѣ, которое видѣлъ еще только въ воображеніи. «Нищій, говорилъ Фернандесъ де Галавера, предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ и предлагаетъ королю такія условія, какъ будто онъ самъ король.» Колумбъ требовалъ титула и правъ адмирала, власти и сана вице-короля всѣхъ странъ, которыя онъ пріобрѣтетъ для Испаніи своими открытіями, и, какъ для себя, такъ и для своихъ потомковъ, десятую часть всѣхъ доходовъ, какіе принесутъ эти страны. «Забавныя предложенія дѣлаетъ этотъ чудакъ,—говорили его противники въ совѣтѣ,—предварительно требуя неограниченной власти адмирала и вице-короля, если ему удастся его экспедиція, а самъ онъ ничѣмъ не обезпечиваетъ насъ въ случаѣ неудачи; ему ровно нечего терять, потому что онъ ничего не имѣетъ.»

Сначала требованія его удивили, потомъ раздражили совѣтъ. Ему предложили условія менѣе почетныя для него и болѣе выгодныя для короны. Несмотря на свою нищету и ничтожество, онъ отвергъ ихъ. Утомленный, но не побѣжденный девятнадцатью годами тяжкихъ испытаній, перенесенныхъ имъ съ той минуты, когда зародилась въ немъ его великая мысль, вотще предлагаемая сильнымъ земли, онъ боялся унизить себя, продавъ слишкомъ дешево даръ, ниспосланный ему Богомъ. Почтительно откланявшись совѣту Фердинанда, онъ сѣлъ на своего мула, подареннаго ему королевой, и, по прежнему бѣдный и одинокій, отправился въ Кордуу съ тѣмъ, чтобъ оттуда ѣхать во Францію.

XXIII. Когда Изабелла узнала объ отъѣздѣ Колумба, ею овладѣло предчувствіе, что вмѣстѣ съ нимъ удаляется отъ нея безвозвратно что-то великое. «Какъ осмѣлились эти люди, сказала

Digitized by Google

она съ негодованіемъ о членахъ совѣта, торговаться о цѣнѣ цѣлаго государства и еще больше, о цѣнѣ нѣсколькихъ милліоновъ душъ, погрязающихъ въ идолопоклонствѣ отъ своего невѣжества!» Маркиза Майя и контролеръ финансовъ Изабеллы, Квинтанилья, раздѣляли и даже еще больше подстрекали ея негодованіе. Король, болѣе холодный и болѣе разсчетливый, колебался: его останавливали издержки, потребныя для этого предпріятія, и останавливали тѣмъ больше, что въ ту минуту въ финансахъ былъ недостатокъ. «Хорошо, сказала Изабелла, увлеченная порывомъ благороднаго вдохновенія, я принимаю всѣ эти издержки на счетъ моей собственной кастильской короны! Я заложу всѣ мои брилліянты и всѣ драгоцѣнности для этой экспедиціи!»

Этотъ порывъ женскаго сердца восторжествовалъ надъ экономіей короля, и основываясь на разсчетѣ болѣе высокомъ, принесъ обѣимъ монархіямъ несчетныя богатства и обширныя области. Благородные порывы высокихъ душъ лучшіе ихъ путеводители и въ экономіи и въ политикѣ.

За уѣхавшимъ послали въ погоню. Посланный догналъ его въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Гренады, на мосту знаменитаго Пинозскаго ущелія, гдѣ Мавры и Христіане часто обагряли кровію своей воды источника, раздѣлявшаго владѣнія этихъ двухъ племенъ. Глубоко тронутый Колумбъ поспѣшилъ возвратиться и броситься къ ногамъ королевы. Ея слезы заставили Фердинанда принять условія, предложенныя Колумбомъ, и утвердить ихъ. Защищая дѣло своего любимца, она думала угодить этимъ самому Богу, еще не познанному цѣлой половиной рода человѣческаго. Въ пріобрѣтеніи новыхъ царствъ, которыя предлагалъ ей Колумбъ, она видѣла и пріобрѣтенія для царства небеснаго. Фердинандъ видѣлъ тутъ распространеніе своихъ земныхъ владѣній. Поборникъ христіанства съ оружіемъ въ рукахъ, побѣдитель Мавровъ, онъ считалъ всѣхъ людей, не познавшихъ еще истинной вѣры, своими невольниками по праву, и почти не считалъ ихъ людьми. По смыслу папской буллы, выданной ему еще прежде римскимъ дворомъ, цѣлые милліоны идолопоклонниковъ, которыхъ обратилъ бы онъ въ христіанство, должны были безусловно поступить въ его под-

Digitized by Google

данство. Изабелла хотѣла пріобрѣсть эти милльоны людей во имя земной славы и награды небесной. Фердинандъ согласился на это по разсчетамъ политическимъ.

Трактатъ между Фердинандомъ, Изабеллою и бѣднымъ Генуэзцемъ, пришедшимъ за нѣсколько лѣтъ назадъ въ ихъ столицу пѣшкомъ и не имѣвшимъ другаго пристанища кромѣ монастыря, принявшаго его подъ гостепріимный кровъ свой изъ состраданія, былъ подписанъ 17 апрѣля 1492 года. Изабелла приняла всѣ издержки экспедиціи на счетъ своего Кастильскаго королевства. Справедливость требовала, чтобы та, которая повѣрила Колумбу прежде всѣхъ, жертвовала и для его предпріятія больше другихъ; справедливость же требовала и того, чтобы слава успѣха въ великомъ дѣлѣ отнеслась, прежде всѣхъ другихъ именъ, къ ея имени. Сборнымъ пунктомъ Колумбовой экспедиціи и пунктомъ отправленія его эскадры была назначена гавань андалузскаго городка Палосъ. Такимъ образомъ въ томъ же самомъ мѣстѣ, близъ котораго Колумбъ въ первый разъ сообщилъ свою мысль Жуану Пересу и друзьямъ его, суждено было и осуществиться ей. Настоятель монастыря делла-Рабида былъ свидѣтелемъ всѣхъ его приготовленій къ отъѣзду, и свидѣтелемъ той торжественной минуты, когда паруса Колумба поднялись наконецъ, и понесли его къ тѣмъ невѣдомымъ странамъ, которыя вмѣстѣ созерцали они окомъ генія и вѣры.

XXIV. Множество препятствій непредвидѣнныхъ, и, казалось, непреодолимыхъ, снова представилось Колумбу, не смотря на всю благосклонность къ нему Изабеллы и на всѣ обѣщанія Фердинанда. Въ государственномъ казначействѣ оказался недостатокъ въ деньгахъ; флотъ былъ разосланъ въ экспедиціи болѣе необходимыя; моряки, назначаемые въ этотъ далекій и таинственный путь, или отказывались отъ службы или просто разбѣгались, по мѣрѣ того, какъ ихъ старались вербовать; приморскіе города, которымъ было предписано королевскимъ указомъ снарядить суда, отказывались повиноваться и разснащивали корабли, которые, по общему мнѣнію, осуждались на вѣрную гибель. Недовѣріе, страхъ, зависть, насмѣшка, скупость, даже самая революція сто разъ грозили лишить Колумба и агентовъ двора всѣхъ матеріяльныхъ средствъ,

Digitized by Google

которыя были необходимы для исполненія его предпріятія, и которыя милостями Изабеллы были уже, такъ сказать, отданы въ его руки. Казалось, что какой-то злой геній противится генію единства земли, и старается разлучить навсегда обѣ ея половины, которыя мысль одного человѣка стремилась слить въ одно цѣлое.

Колумбъ распоряжался всѣмъ изъ-подъ тихой сѣни монастыря делла-Рабида, гдѣ Жуанъ Пересъ снова принялъ его какъ желаннаго гостя, и оказывалъ ему всѣ возможныя пособія. Безъ посредничества и вліянія этого бѣднаго монаха, назначенная экспедиція разстроилась бы окончательно. Всѣ приказанія двора оставались безъ всякаго исполненія. Монахъ прибѣгъ къ своимъ друзьямъ, живущимъ въ городкѣ Палосъ, и склонилъ ихъ своей собственной увѣренностью, своими просьбами, своими совѣтами. Три брата Пинцоне, богатые морскіе торговцы Палоса, какъ ужь сказали мы, воодушевились вѣрой и надеждой Колумбова друга, и вызвались охотой идти въ экспедицію, на свой собственный счетъ и на своихъ собственныхъ судахъ, въ то время называемыхъ *караеллами*. Они пригласили матросовъ изъ палосской и могуэрской гавани, и чтобъ вселить въ нихъ болѣе мужества и довѣрія, двое изъ трехъ братьевъ, Мартинъ Алонзо Пинцоне и Винцентъ Іонесъ Пинцоне, рѣшились сами участвовать въ экспедиціи и принять начальство надъ двумя кораблями. Благодаря этой великодушной рѣшительности Пинцоновъ, три корабля, или, точнѣе сказать, три барки, *Санта Марія, Пинта* и *Нина*, были готовы выдти въ море, въ пятницу 3-го августа, 1492 года.

XXV. На разсвѣтѣ дня Колумбъ вышелъ на берегъ въ сопровожденіи настоятеля и монаховъ монастыря делла-Рабида, которые молили небо, чтобъ оно утишило волны морскія и благословило паруса его. Онъ обнялъ своего сына Діего, поручилъ его попеченіямъ Жуана Переса и взошелъ на самый большой изъ трехъ кораблей, *Санта Марія*. На немъ выставилъ онъ свой флагъ адмирала океана неизвѣстнаго и вице-короля земли невѣдомой. Народъ высыпалъ безчисленной толпой изъ обѣихъ гаваней и со всего прибрежья, желая посмотрѣть на это отплытіе, которое онъ, по своимъ предразсудкамъ, считалъ безвозвратнымъ. Эти проводы скорѣе походили на шествіе похоронное, чѣмъ на шествіе

Digitized by Google

торжественное; на всѣхъ лицахъ выражалось больше горести, чѣмъ надежды; повсюду слышался плачъ, а не благословенія. Матери, жены, сестры матросовъ проклинали, вполголоса, ненавистнаго чужестранца, который своими сладкими рѣчами обморочилъ умъ королевы и подвергалъ неминуемой опасности жизнь стольких людей для одной прихотливой своей мысли. Колумбъ, какъ и всѣ люди, которые выводятъ толпу изъ колеи предразсудковъ, навлекалъ на себя ея ропотъ. Таковъ всегда ходъ вещей. Каждый, кто уходитъ впередъ человѣчества, хотя бы для того, чтобы пріобрѣсть ему новую идею, новую истину, новый міръ, подвергается его негодованію. Человѣкъ подобенъ морю: въ немъ есть сила, побуждающая его къ движенію, и съ тѣмъ вмѣстѣ какая-то тяжесть, удерживающая его въ неподвижности. Эти два противоположныя начала составляютъ равновѣсіе въ его натурѣ. Горе тому, кто нарушитъ это равновѣсіе!

XXVI. Видъ этой жалкой флотиліи, которую едва можно было сравнить съ какой-нибудь рыболовной экспедиціей или таможеннымъ разъѣздомъ, въ самомъ дѣлѣ такъ далеко несоотвѣтствовалъ великому ея назначенію и тѣмъ опасностямъ, которымъ должна была она подвергнуться, что не могъ не возбудить недовѣрія въ народѣ. Изъ трехъ судовъ Колумба, только одно, на которомъ помѣстился самъ онъ, имѣло палубу. Но и это былъ небольшой и очень ненадежный купеческій корабль, довольно ветхій и уже пострадавшій отъ волнъ. У двухъ другихъ палубъ не было, и казалось, каждая волна можетъ потопить ихъ. Но корма и носъ этихъ судовъ были очень высоки, какъ у древнихъ галеръ, и въ обѣихъ этихъ частяхъ помѣщались деки, подъ которыми матросы могли укрываться въ дурную погоду, и которыя препятствовали волнамъ заливаться въ каравеллу. На этихъ жалкихъ баркахъ было по двѣ мачты: одна на срединѣ, другая назади. Средняя мачта была объ одномъ большомъ, четвероугольномъ парусѣ, задняя объ одномъ же треугольномъ римскомъ. Два длинныя весла, употребляемыя очень рѣдко и съ большимъ трудомъ, тянулись отъ низкихъ бортовъ средней части каравеллы, и, въ случаѣ надобности, едва могли придать самое медленное движеніе судну. Изъ этихъ-то трехъ судовъ различной

Digitized by Google

величины, и изъ ста двадцати человѣкъ состояла вся эскадра, надъ которой Колумбъ принялъ начальство. Только онъ одинъ, изъ всего своего экипажа, взошелъ на корабль съ увѣренностью, съ твердостью, съ спокойствіемъ въ сердцѣ. Мысль, которой онъ былъ занятъ постоянно впродолженіи девятнадцати лѣтъ, превратилась для него наконецъ какъ бы въ чистую достовѣрность. Не смотря на то, что въ это время онъ уже перешелъ за половину жизни своей и ему было уже пятьдесятъ шесть лѣтъ, ему казалось, что онъ не жилъ еще и что вся жизнь его впереди. Онъ чувствовалъ всю юность надежды, видѣлъ въ будущемъ безсмертіе. Какъ бы уже для принятія въ свою власть этого новаго міра, къ которому были готовы нести его паруса, онъ написалъ, и обнародовалъ передъ самымъ своимъ отправленіемъ, что-то въ родѣ торжественной исповѣди, въ которой подробно изложилъ все, что думалъ онъ, что испытывалъ и что дѣлалъ для достиженія своей цѣли; потомъ исчислилъ всѣ титулы, всѣ права, всѣ доходы и почести, которые предоставлялъ ему испанскій дворъ въ его будущихъ пріобрѣтеніяхъ, и наконецъ призывалъ Бога и людей себѣ въ помощники и въ свидѣтели того постоянства, съ какимъ будетъ онъ стремиться къ окончанію начинаемаго дѣла. «До тѣхъ поръ глаза мои не сомкнутся сномъ,—говорилъ онъ, оканчивая свое воззваніе къ Старому и Новому свѣту,—доколѣ корабли мои не пристанутъ къ желанному берегу!»

XXVII. Легкій, попутный вѣтерокъ понесъ мореплавателей къ Канарскимъ островамъ, послѣднему ихъ пристанищу на безпредѣльномъ океанѣ. Благодаря Бога за благополучное плаваніе, Колумбъ предпочелъ бы однако жь этому легкому вѣтерку вѣтеръ сильный, который бы скорѣе унесъ его корабли изъ водъ извѣстныхъ и посѣщаемыхъ мореходами. Онъ боялся, и очень основательно, что видъ отдаленныхъ береговъ Испаніи пробудитъ въ его морякахъ, и безъ того отправившихся въ неизвѣстный путь робко и неохотно, непреодолимое желаніе возвратиться на родину. Въ предпріятіяхъ важныхъ не надобно давать людямъ времени одумываться, и надобно избѣгать всѣхъ случаевъ, которые могли бы подать имъ поводъ къ раскаянію. Колумбъ зналъ это, и старалъ отъ нетерпѣнія войдти какъ можно скорѣе въ незнакомыя

Digitized by Google

моря, откуда возвратный путь могъ найдти только онъ одинъ посредствомъ своей науки, своихъ картъ, своего компаса. Но и тутъ ему встрѣтилось препятствіе. Одна изъ его каравелль, *Пинта*, у которой сломался руль и оказалась течь, заставила его, противъ воли, пристать къ Канарскимъ островамъ, чтобы промѣнять это судно на новое. Три недѣли простоялъ онъ въ гавани и не находилъ такихъ судовъ, какія ему были надобны. Наконецъ онъ удовольствовался тѣмъ, что починилъ *Пинту* и перемѣнилъ паруса у *Нины*, судна неповоротливаго, тяжелаго и замедлявшаго его ходъ. Тамъ же запасся онъ вновь пресной водой и съѣстными припасами, потому что его суда, и по величинѣ своей и по неимѣнію палубъ, не могли поднять большаго количества припасовъ.

Послѣ перехода черезъ Канарскіе острова, пламя Тенерифскаго волкана, озарившее багровымъ свѣтомъ своимъ небо и море, навело на матросовъ Колумба сильный ужасъ. Имъ казалось, что въ этомъ пламени они видятъ огненный мечъ ангела, который изгналъ Адама изъ Эдема, и который преграждалъ и имъ входъ въ моря и въ земли запрещенныя. Адмиралъ переходилъ съ корабля на корабль, чтобъ разсѣять этотъ паническій страхъ и объяснить этимъ простымъ людямъ физическую причину феномена. А когда Тенерифскій пикъ скрылся отъ ихъ глазъ, они впали въ такое уныніе, которое было еще сильнѣе самаго ужаса, чувствуемаго ими при видѣ огнедышущей горы. Потерявъ изъ вида эту послѣднюю точку, которая была для нихъ фаросомъ Стараго свѣта, они думали, что потеряли навсегда всю земную твердь, что они плывутъ въ какомъ-то безграничномъ пространствѣ, въ сферѣ какой-то другой планеты. Они упали духомъ и тѣломъ, они были похожи на бродящія тѣни, не имѣющія даже собственныхъ гробовъ. Адмиралъ снова собралъ ихъ вокругъ себя, на своемъ кораблѣ. Онъ возбудилъ ихъ упавшій духъ энергіей собственной души, и, какъ поэтъ, по одному только вдохновенію описалъ имъ и материки, и острова, и моря, и богатства, и растительность, и солнце, и золотые рудники, и берега, усѣянные жемчугомъ, и горы, блестящія дорогими каменьями, и долины, благоухающія ароматомъ пряностей, однимъ словомъ,

Digitized by Google

все, что̀ мечталось ему по ту сторону океана, волны котораго несли его къ желаннымъ берегамъ. Описаніе было такъ живо, такъ краснорѣчиво, что какъ будто бы Колумбъ уже видѣлъ все это. Яркими красками своего богатаго воображенія онъ увлекъ своихъ подчиненныхъ, возвратилъ имъ потерянную бодрость. Попутный вѣтеръ, постоянно дующій съ запада, но постоянно легкій, еще болѣе подстрекалъ нетерпѣніе матросовъ достигнуть скорѣе этихъ чудныхъ странъ, и теперь одна только продолжительность пути могла устрашить ихъ. Колумбъ, желая скрыть часть пространства, въ которое онъ завелъ своихъ людей, ежедневно въ своемъ ходовомъ журналѣ утаивалъ понемногу путь, ими пройденный, и такимъ образомъ, обманывая матросовъ и кормчихъ, сократилъ въ ихъ воображеніи этотъ долгій путь почти вдвое. Только тайно и для себя собственно записывалъ онъ настоящія вычисленія съ тѣмъ, чтобъ ему же одному только и былъ извѣстенъ этотъ путь, который онъ хотѣлъ скрыть отъ всѣхъ другихъ, какъ тайну, только ему принадлежащую. Экипажъ, обманутый постоянно ровнымъ вѣтромъ и тихимъ теченіемъ, дѣйствительно повѣрилъ наконецъ, что онъ все еще не вышелъ изъ отдаленныхъ европейскихъ морей.

XXVIII. Колумбъ хотѣлъ такъ же скрыть отъ своихъ матросовъ такой феноменъ, который, въ двухъ стахъ миляхъ отъ Тенерифа, привелъ въ затрудненіе его собственную ученость. Это было измѣненіе движенія магнитной стрѣлки, которую называлъ Колумбъ единственнымъ и неусыпнымъ своимъ путеводителемъ, и которая, по его словамъ, сама начала колебаться, приближаясь къ предѣламъ міра, дотолѣ не посѣщаемаго. Впродолженіи нѣсколькихъ дней, онъ таилъ въ душѣ всѣ страшныя сомнѣнія, зародившіяся въ немъ по этому случаю. Но его кормчіе, слѣдившіе за компасомъ съ такимъ же вниманіемъ, какъ и онъ самъ, тоже скоро замѣтили это измѣненіе. Не менѣе удивленные, но гораздо менѣе твердые, чѣмъ ихъ начальникъ, готовый бороться съ самой природой, они вообразили, что въ этомъ безконечномъ пространствѣ самыя стихіи не тѣ, и что здѣсь законы ихъ измѣняются. Это непонятное смятеніе, замѣченное ими въ

Digitized by Google

компасѣ, овладѣло и собственными ихъ умами и чувствами. Блѣднѣя передавали они другъ другу свои замѣчанія, и наконецъ бросили суда на произволъ вѣтра и волнъ, какъ единственныхъ оставшихся имъ путеводителей. Ихъ страхъ сообщился и матросамъ. Колумбъ, напрасно старавшійся объяснить себѣ эту загадку, которой наука и до сихъ поръ не можетъ еще разрѣшить, опять прибѣгнулъ къ своему воображенію, этому собственному компасу, которымъ небо одарило его. Онъ выдумалъ объясненіе ложное, но удовлетворительное для необразованныхъ умовъ его матросовъ, и приписалъ измѣненія, замѣченныя въ движеніи магнитной стрѣлки, вліянію новыхъ планетъ, къ которымъ они приблизились, приближаясь къ полюсу. Это объясненіе, основанное на астрологіи и соотвѣтствующее понятіямъ того времени, ободрило кормчихъ, вмѣстѣ съ которыми снова ободрились и матросы. Появленіе цапли и нѣкоторыхъ тропическихъ птицъ, которыя показались на другой день и начали виться вкругъ мачтъ, произвело на ихъ чувства такое же пріятное впечатлѣніе, какое произвело объясненіе адмирала на ихъ умы. Эти обитатели земли не могли жить въ открытомъ морѣ, безъ деревьевъ, безъ травы, безъ прѣсной воды. Онѣ казались очевидными предвозвѣстниками осуществленія мечты Колумба. Экипажъ плылъ за полетомъ птицъ съ бо́льшею довѣренностью. Благорастворенная, ровная и умѣренная температура этой части океана, безоблачное небо, прозрачность волнъ, дельфины, играющіе около кормы кораблей, яркость звѣздъ во время ночи, воздухъ какъ будто наносящій издалека ароматы травъ и цвѣтовъ — все, казалось, подъ этой широтой предвѣщало близость земли. Предчувствіе новаго міра, еще невидимаго, уже вдыхалось такъ сказать. Каждый видѣлъ здѣсь лучезарные дни, привѣтныя звѣзды, прозрачныя ночи Андалузіи. «Недоставало только соловья», пишетъ Колумбъ.

XXIX. Въ морѣ тоже показались предвѣстники береговъ: по волнамъ носились неизвѣстныя растенія. Одни изъ нихъ, говорятъ историки этой первой экспедиціи, принадлежали къ породѣ морскихъ растеній, почву которыхъ составляютъ прибрежныя отмѣли; другія къ породѣ горныхъ травъ, отрываемыхъ волнами отъ прибрежныхъ скалъ; третьи къ породѣ

Digitized by Google

растеній плавающихъ; наконецъ нѣкоторыя только что были оторваны отъ корней и сохраняли еще всю свою зелень и свѣжесть. На одномъ изъ такихъ растеній замѣтили живаго морскаго паука; этотъ мореходъ новаго рода помѣстился на пучкѣ травы и плылъ на немъ преспокойно. Всѣ эти травы и живыя существа не могли встрѣтиться вдалекѣ отъ земли. Цапля, принадлежащая къ породѣ птицъ не плавающихъ, и не ночующихъ на водѣ, откуда же залетѣла сюда, и куда летитъ она? мѣсто ея ночлега никакъ не могло быть далеко. Потомъ начала измѣняться сама температура морской воды и цвѣтъ ея: признакъ несомнѣнный измѣненія почвы дна. Мѣстами море было похоже на роскошный лугъ, покрытый морскими растеніями, которыя, оплетаясь вкругъ кормы, замедляли плаваніе. Утромъ и вечеромъ отдаленный туманъ, какъ бы образующійся изъ массы земныхъ испареній, представлялъ на горизонтѣ формы горъ и долинъ, и радостный крикъ: земля! готовъ былъ сорваться съ устъ каждаго матроса. Колумбъ не хотѣлъ ни слишкомъ удостовѣрять ихъ, ни разочаровывать въ этой надеждѣ, которая, оживляя его людей, способствовала тѣмъ и его собственному дѣлу. Но онъ считалъ, что флотилія его была еще не далѣе, какъ за триста миль отъ Тенериффа, а по его предположеніямъ земля, которой искалъ онъ, не могла быть ближе, какъ еще за семьсотъ или восемьсотъ миль.

XXX. Въ числѣ спутниковъ Колумба не было ни одного человѣка ни столько твердаго, ни столько вѣрнаго, чтобъ онъ могъ безопасно сообщить ему эти предположенія, и потому онъ таилъ ихъ отъ всѣхъ. Впродолженіи всего этого далекаго пути онъ бесѣдовалъ только съ самимъ собой, съ звѣздами, и прибѣгалъ, за помощью и совѣтами, къ одному Богу. Почти безъ сна, какъ сказалъ онъ самъ въ своемъ прощальномъ воззваніи къ Старому свѣту, проводилъ онъ цѣлые дни въ своей каютѣ, записывая знаками, понятными только для него одного, градусы широты и долготы, и мѣру пространства, имъ пройденнаго. Ночью онъ постоянно оставался на палубѣ, подлѣ кормчихъ, изучалъ положеніе звѣздъ и наблюдалъ состояніе моря. Почти всегда одинокій,

Digitized by Google

онъ внушалъ въ своихъ людей, своей задумчивой важностью, иногда глубокое почтеніе къ себѣ, иногда недовѣрчивость, иногда даже страхъ, который удалялъ ихъ отъ него. Великіе люди, превышающія другихъ своими идеями и рѣшительностью своего характера, всегда почти остаются въ какомъ-то одиночествѣ или, лучше сказать, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ толпы,—быть можетъ потому, что этимъ вдохновеннымъ людямъ нужно болѣе углубляться въ самихъ себя, чѣмъ всѣмъ другимъ; или, быть можетъ, обыкновенныя люди боятся близко становиться къ нимъ, боясь выказать свое ничтожество передъ избраннымъ созданіемъ Творца.

XXXI. Земля, предвозвѣстники которой начали показываться такъ часто, являлась однако же не болѣе какъ въ миражахъ, и фантастическіе берега, видимые съ кораблей, исчезали каждый разъ, при восходѣ солнца, вмѣстѣ съ туманомъ. Мореходы все не видали конца безграничному пространству, въ которомъ носились они. Самое постоянство вѣтра, безпрерывно дующаго съ запада, и ни разу не заставившаго ихъ перемѣнить паруса во все время такого долгаго плаванія, начинало ихъ страшить: они вообразили, что этотъ вѣтеръ постоянно господствуетъ въ той части великаго океана, окружающаго землю, и что давая имъ возможность такъ легко плыть на востокъ, онъ будетъ потомъ служить непреодолимымъ препятствіемъ къ возвращенію ихъ. Идти противъ вѣтра можно только лавируя; и если для нихъ сдѣлается необходимо это безконечное лавированіе, гдѣ же они возьмутъ припасовъ на такое долгое время, которое потребно имъ для того, чтобъ достигнуть опять Стараго свѣта? Кто спасетъ ихъ отъ голода и жажды при этой страшной и долгой борьбѣ съ стихіями? Вотъ вопросы, которые раждались въ умѣ каждаго. Многіе уже начали исчислять, сколько потребуется дней для возвращенія, сколько потребуется припасовъ на эти дни; начали роптать на упорство адмирала, все еще не достигающаго цѣли своей, и начали упрекать другъ друга въ томъ, что они жертвуютъ своей жизнью мысли безумца!

Но каждый разъ, когда подобный ропотъ готовъ былъ дойти до мятежа, казалось, само Провидѣніе спѣшило снова поддер-

Digitized by Google

жать надежду экипажа. Такъ, 20 сентября, этотъ вѣтеръ, благопріятный для плаванія, но производившій неблагопріятное впечатлѣніе, измѣнился и подулъ съ юго-востока. Матросы съ радостью замѣтили эту перемѣну, хотя и замедлявшую настоящій ихъ путь, но по крайней мѣрѣ доказавшую имъ, что въ стихіяхъ и этой части свѣта тоже есть перемѣны, есть жизнь, признаки которой увидѣли они на затрепетавшихъ своихъ парусахъ. Къ вечеру показались птички, принадлежащія къ породѣ птицъ нѣжныхъ и вьющихъ гнѣзда свои въ кустарникахъ, около жилья. Онѣ быстро вились вкругъ мачтъ, и ихъ рѣзвый полетъ и веселое щебетанье не доказывали ни малѣйшей усталости, ни того страха, которые должны бы были чувствовать птицы, занесенныя въ море, противъ воли своей, сильнымъ вѣтромъ. Щебетанье этихъ птицъ, похожее на то, какое матросы слыхали около хижинъ своихъ, въ миртовыхъ и померанцовыхъ рощахъ Андалузіи, напомнило имъ родину и опять предвозвѣстило близость земли. Морскія растенія, покрывавшія поверхность моря, становилась все гуще и зеленѣе, и образовали родъ луговъ, или полей, покрытыхъ недозрѣлымъ хлѣбомъ: подводная растительность составляла какъ бы порогъ земли. Она восхищала взоры мореходовъ, утомленные уже вѣчной лазурью моря. Но травы скоро сгустились до такой степени, что Колумбъ и его спутники боялись запутаться въ этой сѣти, и остаться въ ней плѣнниками, какъ плаватели сѣверныхъ морей между глыбами льдовъ. Такъ каждая радость ихъ тотчасъ же превращалась въ тревогу, такъ все неизвѣстное страшитъ человѣка! Колумбъ, какъ опытный, потерявшій дорогу въ безслѣдныхъ пустыняхъ океана, опять долженъ былъ скрывать свое недоумѣніе, и объяснять своимъ спутникамъ то, чего не понималъ самъ.

XXXII. Штили, такъ часто господствующіе подъ экваторомъ, сильно его тревожили. Если въ этихъ странахъ все мертво, даже самый вѣтеръ, какъ же поднимутся его паруса и понесутся его корабли? Но вдругъ море поднялось безъ вѣтра, какъ будто отъ какого-нибудь подземнаго переворота. Огромный китъ показался на поверхности волнъ: экипажъ вообразилъ, что онъ видитъ одно изъ сказочныхъ чудовищъ, пожирающихъ корабли.

Digitized by Google

Волненіе, произведенное имъ, отнесло ихъ на стремя морскаго потока, которому они при совершенномъ безвѣтріи не могли противиться. Имъ вообразилось, что ихъ тянуло въ пучину, и что ихъ поглотитъ та неизмѣримая бездна, въ которой слились всѣ воды потопа. Мрачные, ожесточенные, собрались они вкругъ своихъ мачтъ, и уже голосъ ихъ ропота становился громче. Они сговаривались принудить кормчихъ обратить корабли назадъ, бросить адмирала въ море, какъ безумца, который довелъ своихъ спутниковъ до необходимости или посягнуть на его жизнь, или пожертвовать своей собственной. Колумбъ, угадывавшій заговоры подчиненныхъ по ихъ взглядамъ и ропоту, смущалъ ихъ своимъ спокойствіемъ, и разстроивалъ всѣ ихъ замыслы своей самоувѣренностью

Сама природа явилась къ нему на помощь: прохладный вѣтерокъ снова подулъ съ запада и сравнялъ поверхность моря подъ рулемъ кораблей. Передъ закатомъ дня, Алонзо Пинцоне, командовавшій *Пинтой* и плывшій близъ адмирала для того, чтобъ имѣть возможность разговаривать съ нимъ черезъ борты кораблей, первый, стоя на кормѣ своей каравеллы, закричалъ: *Земля*! Весь экипажъ повторилъ этотъ радостный крикъ торжества и спасенія, и бросившись на колѣни, единогласно запѣлъ благодарственный гимнъ Богу.

Въ первый разъ отъ сотворенія міра, звуки гимна духовнаго неслись по волнамъ этого юнаго океана. Когда наконецъ они смолкли, весь экипажъ спѣшилъ взбираться на мачты, на кормы, на носы, однимъ словомъ, на всѣ возвышенныя части судовъ, для того, чтобъ увидѣть собственными глазами берегъ, показавшійся Алонзо Пинцоне на юго-востокѣ. Одинъ Колумбъ сомнѣвался; но и самъ онъ на столько желалъ вѣрить, что никакъ не спѣшилъ утишить восторгъ своихъ спутниковъ. Не смотря на то, что онъ предполагалъ искомую имъ землю не иначе, какъ прямо на востокѣ, онъ позволилъ однако жъ своей флотиліи, впродолженіи цѣлой ночи, идти на юго-востокъ, разсчитывая, что ему лучше потерять немного времени, чѣмъ послѣднее довѣріе кормчихъ и матросовъ къ любимой его мечтѣ. Ихъ минутная иллюзія опять однако жъ исчезла. Съ разсвѣтомъ

Digitized by Google

дня, земля, замѣченная Пинзономъ, разсѣялась вмѣстѣ съ ночнымъ туманомъ. Адмиралъ, по прежнему, направилъ свой путь на востокъ.

XXXIII. Море постоянно было спокойно, небо безоблачно, и яркое солнце отражалось въ волнахъ, какъ въ чистомъ зеркалѣ. Стада дельфиновъ, окружающихъ корабли, сдѣлались еще многочисленнѣе; все море, казалось, было наполнено своими обитателями; летучія рыбы скользили по палубамъ и упадали на нихъ. Все это помогало Колумбу, все поддерживало надежду въ его матросахъ, и заставляло ихъ забывать дни. 1 октября они считали себя не далѣе, какъ за шестьсотъ миль отъ странъ, посѣщаемыхъ мореходами; тайный журналъ адмирала показывалъ ему, что они были отъ этихъ мѣстъ уже болѣе чѣмъ за восемьсотъ миль. Между тѣмъ, не смотря на умноженіе признаковъ, доказывающихъ близость земли, земля не показывалась ни съ которой стороны горизонта. Ужасъ началъ овладѣвать всѣми. Самъ Колумбъ, подъ личиной наружнаго спокойствія, скрывалъ внутреннюю тревогу. Онъ начиналъ бояться, не миновалъ ли онъ какъ-нибудь незамѣтно острова архипелага, не оставилъ ли уже за собой оконечность Азіи, которую искалъ, и не плыветъ ли теперь по какому-нибудь третьему океану.

Самый легкій экипажъ изъ трехъ судовъ Колумба, *Нина*, плывшая въ авангардѣ, выкинула наконецъ, 7 октября, условный флагъ, и пушечнымъ выстрѣломъ подала сигналъ, что съ нее виденъ берегъ. Два другіе корабля, приблизившись къ ней, узнали, что она была обманута облакомъ. Вѣтеръ разнесъ его, и разнесъ вмѣстѣ съ нимъ минутную радость матросовъ, которая скоро превратилась въ страшное отчаяніе. Ничто такъ не утомляетъ духа, какъ порывы обманчивой радости и слѣдующаго за ними горькаго разочарованія: это самая язвительная насмѣшка судьбы. Ропотъ противъ адмирала снова начался, и еще сильнѣе прежняго. Экипажъ негодовалъ на своего начальника уже не отъ пустой недовѣрчивости, не отъ утомленія,— онъ негодовалъ на него за свою скорую и вѣрную гибель: на кораблях началъ оказываться недостатокъ въ водѣ и съѣстныхъ припасахъ.

Digitized by Google

Колумбъ, разстроенный огромностью пройденнаго имъ пространства, которому уже и самъ онъ не видалъ конца, оставилъ идеальную черту пути своего, назначенную на картѣ, и трое сутокъ слѣдовалъ за полетомъ птицъ, этихъ небесныхъ кормчихъ, которыхъ само Провидѣніе, казалось, послало ему въ ту минуту, когда всѣ пособія науки были для него уже недостаточны. Инстинктъ этихъ птицъ, думалъ онъ, не допустилъ бы ихъ летѣть цѣлыми стаями въ эту сторону, если бы тамъ не было берега. Но матросамъ казалось, что самыя птицы вступили въ заговоръ съ моремъ и съ обманчивыми звѣздами для того, чтобъ погубить ихъ. На третій день, кормчіе, наблюдая захожденіе солнца, опять увидѣли, что оно скрылось въ тѣхъ же волнахъ, изъ которыхъ постоянно выходило впродолженіи столькихъ дней. Все больше и больше увѣрялись они въ безконечности этихъ водъ; ихъ отчаяніе превратилось въ озлобленіе. Кчему было имъ теперь щадить начальника, который обманулъ дворъ, и котораго всѣ титулы и вся власть исчезали вмѣстѣ съ его мечтами? Слѣдовать за нимъ еще далѣе, не значитъ ли быть въ сообщничествѣ съ его обманомъ? Да и самое повиновеніе не должно ли кончиться тамъ, гдѣ кончается свѣтъ? Имъ оставалась только одна надежда: обратить корабли свои и идти назадъ въ Европу, противъ этого предательскаго вѣтра, который, казалось имъ, былъ въ заговорѣ съ адмираломъ, и съ которымъ предстояла имъ тяжкая борьба. Самаго адмирала они хотѣли приковать къ мачтѣ съ тою цѣлію, чтобы сдѣлать его предметомъ общаго проклятія и мести, еслибъ имъ пришлось погибнуть, или привесть въ Испанію для достойной казни, если бы судьба спасла ихъ.

Это возстаніе сдѣлалось гласнымъ. Адмиралъ усмирилъ его однимъ безстрастіемъ своего лица. Онъ напомнилъ бунтовщикамъ о должномъ повиновеніи къ священной власти ихъ государей, которыхъ онъ былъ представителемъ. Онъ поставилъ судіей, между собой и своими подчиненными, самого Бога. Онъ не унизился передъ ними, но твердо предложилъ имъ свою жизнь въ залогъ своихъ обѣщаній, и съ увѣренностью прорицателя, который ясно видитъ будущее, невидимое для другихъ, потре-

Digitized by Google

бовалъ только, чтобъ они отложили еще на три дня свое намѣреніе пуститься въ обратный путь. Онъ далъ клятву смѣлую, но основанную на политическомъ разсчетѣ, что если на третій день на горизонтѣ не покажется земля, онъ согласится на ихъ желаніе и поведетъ ихъ въ Европу. Признаки близости острововъ или твердой земли были такъ очевидны въ глазахъ адмирала, что выпросивъ три дня у своего взбунтовавшагося экипажа, онъ былъ совершенно увѣренъ въ достаточности этого срока для достиженія своей цѣли. Поклявшись Богомъ, что въ эти три дня земля покажется непремѣнно, онъ слишкомъ смѣло призвалъ Его имя, но ему надобно было спасти людей. Люди съ трудомъ уступили ему эти три дня, и Богъ, во имя Котораго онъ дѣйствовалъ, не наказалъ его за слишкомъ смѣлое обѣщаніе.

XXXIV. На разсвѣтѣ втораго дня, вѣтви тростинка, свѣжія и недавно сломленныя, показались около кораблей. Доска, вытесанная топоромъ, палка съ искусной рѣзьбой, вѣтка боярышника въ полномъ цвѣту, наконецъ птичье гнѣздо, на сучкѣ, сломленномъ вѣтромъ, и еще съ яицами, которыя, при тихомъ колыханіи волнъ, остались въ немъ невредимы, плыли, въ разныхъ мѣстахъ, на поверхности водъ. Матросы втаскивали на бортъ этихъ свидѣтелей, живо говорящихъ о сосѣдствѣ земли. Это былъ голосъ берега, который подтверждалъ слова Колумба. Еще не показываясь глазамъ, земля свидѣтельствовала о себѣ признакомъ окружающей ее жизни. Бунтовщики пали на колѣни передъ своимъ адмираломъ, оскорбленномъ ими наканунѣ; они просили у него прощенія въ своей недовѣрчивости, и снова воздали хвалу Богу, за то что онъ сподобилъ ихъ быть соучастниками такого великаго открытія.

Наступила ночь. Адмиралъ отдалъ приказаніе убавить парусовъ, пробовать дно, плыть осторожнѣе; и былъ въ твердой увѣренности, что съ первыми лучами дня земля явится передъ его кораблями. Никто не смыкалъ глазъ въ эту торжественную ночь; нетерпѣливое ожиданіе отгоняло самую мысль о снѣ, и всѣ люди экипажа висѣли на мачтахъ, на канатахъ, на вантахъ, споривая другъ у друга постъ, съ котораго прежде другихъ

Digitized by Google

можно было увидѣть новое полушаріе. Адмиралъ назначилъ награду тому, кто первый провозгласитъ давно желанный и радостный крикъ: земля! Но Провидѣніе берегло это первое торжество въ личную собственность тому, кто купилъ его цѣною двадцатилѣтнихъ испытаній и столькихъ опасностей, и такой твердой волей. Прохаживаясь одинъ по юту своего корабля, и устремляя проницательный взоръ въ темную даль, онъ замѣтилъ, что гдѣ-то блеснулъ огонекъ, померкъ, снова блеснулъ и отразился въ волнахъ. Боясь обмануться, принявъ за существенность какой-нибудь метеоръ или фосфорическій блескъ моря, онъ тихо позвалъ къ себѣ одного испанскаго дворянина, придворнаго Изабеллы, Гутьереца, на котораго могъ болѣе полагаться, чѣмъ на своихъ матросовъ. Онъ указалъ ему рукой на ту точку горизонта, гдѣ мелькалъ огонь, и спросилъ его, видитъ ли онъ этотъ свѣтъ. Гутьерецъ отвѣчалъ, что дѣйствительно видитъ въ той сторонѣ какой-то блуждающій огонекъ. Чтобъ увѣриться еще больше въ дѣйствительности этого видѣнія, Колумбъ позвалъ другаго своего повѣреннаго, Родриго Санцеса изъ Сеговіи. Родриго подтвердилъ то же. Но едва только показывался этотъ огонекъ, какъ тотчасъ же исчезалъ, и потомъ снова являлся уже на другой точкѣ океана, какъ будто бы это былъ огонекъ разведенный на низменномъ берегу, то закрываемый, то открываемый поднимающимися и опускающимися волнами, или огонекъ въ рыбачьей лодкѣ, ныряющей въ тѣхъ же волнахъ. Такимъ образомъ, въ ночь съ 11 на 12 октября, 1492 года, земля, вмѣстѣ съ своей жизнью, явилась передъ глазами Колумба и его двухъ повѣренныхъ въ формѣ огня. Приказавъ хранить объ этомъ молчаніе, изъ опасенія снова взволновать экипажъ напрасной радостью, Колумбъ, потерявшій наконецъ изъ вида огонекъ, оставался на палубѣ до двухъ часовъ утра, тревожимый страхомъ и надеждою между торжествомъ и возвращеніемъ, срокъ для котораго наступалъ съ слѣдующимъ днемъ.

XXXV. Онъ былъ погруженъ въ ту невыносимую тоску, которая предшествуетъ разрѣшенію созрѣвшей въ умѣ великой истины, какъ агонія предшествуетъ разрѣшенію духа отъ тѣла,— какъ вдругъ пушечный выстрѣлъ, раздавшійся въ нѣсколькихъ

Digitized by Google

шагахъ отъ его корабля, и громко прокатившійся по волнамъ океана, отозвался въ его ушахъ, будто гулъ новаго міра, и заставилъ его упасть на колѣни. Это былъ крикъ: земля! провозглашенный мѣднымъ жерломъ пушки, условленнымъ сигналомъ, который подала *Пинта*, плывшая впереди, для осмотра пути и измѣренія глубины моря. Послѣ выстрѣла, общій крикъ: земля! раздался со всѣхъ снастей экипажа. Опустили паруса и ждали зори. Таинства океана высказали свое первое слово въ тишинѣ ночи; день поднялъ завѣсу съ этихъ таинствъ, и представилъ ихъ въ полномъ блескѣ. Воздухъ, дышащій свѣжестью и какими-то невѣдомыми ароматами, доносился до кораблей, вмѣстѣ съ плескомъ волнъ, шумящихъ около берега, тѣнь котораго лежала на нихъ. Огонь, замѣченный Колумбомъ, возвѣщалъ присутствіе человѣка и первый слѣдъ образованности. Никогда еще ночь не казалась такъ длинна, никогда еще покровъ ея не лежалъ такъ долго надъ горизонтомъ, потому что наступающій день казался спутникамъ Колумба и ему самому, днемъ новаго мірозданія.

XXXVI. Съ разсвѣтомъ, очерки недалекаго острова обрисовались на волнахъ моря. Крайнія его оконечности терялись въ туманахъ утра. Берегъ, обращенный къ кораблю, какъ обширный амфитеатръ, красиво шелъ ступенями до подошвы холмовъ, которыхъ роскошная зелень рѣзко отбивала на темно-синемъ пологѣ неба. Недалеко, за чертою, гдѣ жемчужная пѣна волнъ ложилась на золотистый песокъ, рощи величественныхъ деревъ, еще безъименныхъ для Европейцевъ, застилали отлогіе скаты пригорковъ. Сквозь прозрачную огороду прибрежныхъ перелѣсковъ виднѣлось зыбкое зеркало многочисленныхъ бухтъ, пріодѣтыхъ всею роскошью южной природы. Тамъ и сямъ возвышались хижины туземцевъ, какъ людскіе ульи, круглыя и покрытыя широкими сухими листьями. Надъ вершинами тѣнистыхъ рощей подымались кое-гдѣ столбы дыма, признаки жизни. Группа полунагихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, болѣе удивленныхъ, чѣмъ испуганныхъ, толпилась за ближайшими къ берегу деревьями, то подходила къ морю, то отдалялась отъ него, изъявляя жестами и наивными движеніями, то любопытство, то удивленіе, возбужденное

Digitized by Google

видомъ каравеллъ и чужеземцевъ, какъ будто появившихся въ послѣднюю ночь изъ волнъ моря.

XXXVII. Колумбъ смотрѣлъ въ молчаніи на этотъ первый берегъ обширной земли, давно обрѣтенной въ его помыслахъ, роскошно украшенной въ его воображеніи, и сознавался, что дѣйствительность превосходила самыя мечты его. Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ напечатлѣть на этой землѣ первый слѣдъ Европейца, и водрузить тамъ святой Крестъ, хоругвь побѣды Господней, и знамя Испаніи, символъ побѣды его государя орудіемъ его генія. Но онъ воздержалъ и въ себѣ и въ своихъ сопутникахъ нетерпѣніе отправиться на берегъ, желая придать этому принятію во владѣніе Новаго свѣта всю торжественность, приличную столь важному событію, и призвать во свидѣтели Всемогущаго Бога, небо, море и землю, чтобы утвердить геніальную побѣду его въ области неизвѣстнаго.

Онъ возложилъ на себя всѣ почетные знаки званія адмирала флота и вице-короля будущаго королевства; онъ надѣлъ пурпуровую мантію и взялъ въ правую руку знамя, на которомъ былъ вышитъ крестъ, и гдѣ именныя буквы Фердинанда и Изабеллы соединялись въ одинъ вензель, какъ королевства вѣнценосныхъ супруговъ соединились въ одно государство, вошелъ въ свою шлюпку и пустился къ острову, сопровождаемый шлюпками своихъ лейтенантовъ, Алонзо Пинцоне и Іонеса Пинцóне. Сошедши на берегъ, онъ упалъ на колѣна, чтобы почтить благоговѣйнымъ смиреніемъ даръ и величіе Божіе въ его новомъ безвѣстномъ для Европейцевъ твореніи. Онъ цѣловалъ землю, и припавъ къ ней лицемъ, орошалъ ее обильными слезами. Два значенія и два предзнаменованія таились въ этихъ слезахъ, принесенныхъ чужеземцемъ изъ дальней Европы и впервые увлажившихъ землю доселѣ безвѣстной страны: слезы радости для Колумба, излившіяся изъ сердца преисполненнаго счастія, признательности и благочестія; слезы скорби для этой дѣвственной страны, пророческая дань сожалѣнія, предвѣщаніе бѣдствій, опустошеній, огня и меча, крови и смерти, привезенныхъ чужеземцами вмѣстѣ съ ихъ высокомѣріемъ, науками и господствомъ! Плакалъ пришелецъ, чуждый въ

Digitized by Google

этой странѣ,—но эти слезы должна была проливать страна, принявшая чуждаго ей пришельца.

XXXVIII. «Боже Всемогущій и Всеблагій», воскликнулъ Колумбъ, поднимая изъ праха чело свое; «Боже, создавшій творческимъ Словомъ Своимъ небеса, море и землю, да благословенно и прославлено будетъ повсюду Имя Твое! да продлится «сила и царство Твое во вѣки вѣковъ, Боже праведный, сподобившій послѣдняго раба Твоего возвѣстить славу Твою въ этой «безвѣстной доселѣ части Твоего царства! (*)

Потомъ онъ наименовалъ эту вновь открытую землю именемъ Христа Спасителя: островъ *Санъ-Сальвадоръ* (San-Salvador).

Офицеры, штурманы, матросы, исполненные восторга и безпредѣльнаго уваженія къ тому, кто прозрѣлъ за нихъ за черту видимаго человѣкомъ горизонта, кого оскорбляли они наканунѣ своимъ недовѣріемъ, побѣжденные очевидностію и пораженные могуществомъ нравственнаго превосходства своего начальника, пали къ ногамъ его, цѣловали руки и одежду адмирала и признали преобладаніе и господство генія. Вчера они были жертвами его упорной воли,—сегодня участниками въ его славѣ! Таковъ родъ человѣческій! онъ преслѣдуетъ всѣ начинанія и наслѣдуетъ всѣми добычами умственныхъ побѣдъ.

XXXIX. Во время церемоніала принятія во владѣніе, обитатели острова, удерживаемые сначала боязнію въ нѣкоторомъ отдаленіи, потомъ, привлекаемые инстинктивнымъ любопытствомъ, первымъ узломъ всѣхъ человѣческихъ связей, приблизились къ чужеземнымъ гостямъ своимъ, вопрошая другъ друга о значеніи чудесъ прошлой ночи и наставшаго утра. Громадныя суда, управляющіе своими парусами, своими реями, какъ огромными членами, повинующимися внутренней, незримой мысли, казались имъ существами одушевленными и сверхъестественными, спустившимися съ небесъ во мракѣ ночи на своихъ огромныхъ крыльяхъ, посѣтить подвластный имъ берегъ. Проникнутые почтительнымъ страхомъ при видѣ шлюпокъ, причалившихъ къ ихъ острову, и людей, одѣтыхъ

(*) Молитва эта, произнесенная Колумбомъ на латинскомъ языкѣ, передана современнымъ историкамъ его товарищами.

Digitized by Google

въ блестящія ткани, съ оружіемъ, свѣтящимся какъ лучи солнца, дикіе сыны природы подошли къ столь различнымъ отъ нихъ существамъ, какъ бы покоряясь обаянію ихъ могущества. Они боготворили новыхъ пришельцевъ съ довѣріемъ ребенка, не подозрѣвающаго зла или вреда подъ привлекательной наружностью предметовъ. Испанцы, въ свою очередь, разсматривая островитянъ, удивлялись, не находя въ нихъ ни знакомыхъ имъ очерковъ и формъ, ни цвѣта африканскихъ и азіатскихъ породъ, съ которыми они бывали до того времени въ сношеніяхъ. Мѣдный цвѣтъ тѣла, мягкіе волосы, спадающіе волнами на плеча, темные глаза, тонкія, женственныя черты лица, довѣрчивая и открытая физіономія, наконецъ ихъ нагота и цвѣтные узоры, которыми эти островитяне пестрили свое тѣло, являли въ нихъ породу совершенно отличную отъ другихъ племянъ, населяющихъ страны Стараго свѣта, породу, сохранившую еще нравы дѣтства человѣческаго рода, оставленную въ теченіи многихъ вѣковъ въ этомъ безвѣстномъ краю свѣта, и не утратившую, благодаря своему невѣжеству, кротость, непорочность и простоту первыхъ вѣковъ міра.

Колумбъ, почитая открытый имъ островъ передовымъ островомъ Индѣйскаго моря, главной цѣли его плаванія, назвалъ жителей Индіянами, и они сохранили это ошибочное названіе до самаго искорененія своего племени.

XL. Индіяне вскорѣ свыклись съ своими гостями, и указали имъ свои источники, свои хижины, свои селенія, свои челноки; приносили имъ въ даръ питательные плоды своего отечества, сытный хлѣбъ изъ маніока и нѣсколько украшеній изъ чистаго золота, которыя они продѣвали въ уши, привѣшивали къ ноздрямъ, носили, какъ браслеты, на рукахъ и на ногахъ, и какъ ожерелья на шеѣ. Они не знали торговли и употребленія монеты, этого вреднаго, но необходимаго дополнительнаго обычая гостепріимства; они съ восторгомъ принимали мелочныя вещи, употребительныя въ Европѣ. Новизна придавала въ глазахъ ихъ цѣну каждому предмету. *Рѣдкій* и *драгоцѣнный* — синонимы на всѣхъ нарѣчіяхъ міра. Испанцы искали страны золотыхъ пріисковъ, и спрашивали знаками у туземцевъ, откуда они взяли этотъ металлъ. Индіяне

Digitized by Google

указали имъ на Югъ; Колумбъ и его спутники поняли такъ, что тамъ находится островъ или материкъ Индіи, страна, о богатствѣ и искусствахъ которой разсказывалъ венеціанецъ Марко Поло. Земля эта, вблизи которой, какъ они полагали, находятся, была, по ихъ мнѣнію, баснословный островъ *Сипангю* или *Японія*, гдѣ властелинъ мостилъ свои дворцы золотыми плитами. Спѣша продолжать свой путь къ этой цѣли алчной мечты своей, они торопливо возвратились на каравеллы. Изъ источниковъ острова запаслись они пресною водою, а корабельныя кладовыя наполнились плодами, овощами и кореньями маніока, дарами гостепріимныхъ островитянъ. Они взяли съ собой одного изъ Индіянъ, чтобы онъ научился по-испански и могъ служить имъ впослѣдствіи переводчикомъ.

XLI. Обогнувъ островъ Санъ-Сальвадоръ, Колумбъ и его спутники очутились посреди пространнаго архипелага, состоящаго слишкомъ изъ ста острововъ различной величины, цвѣтущихъ, плодородныхъ, полныхъ жизни и растительности. Они пристали къ самому обширному и многолюдному. Множество челноковъ, изъ выдолбленныхъ древесныхъ стволовъ, окружили ихъ; жители отдавали имъ золото и жемчугъ въ обмѣнъ за пуговки и погремушки. Плаваніе ихъ по безчисленнымъ проливамъ этого архипелага было однообразно; на каждомъ островѣ они видѣли повтореніе того, что видѣли на островѣ Санъ-Сальвадорѣ. То же кроткое любопытство встрѣчало ихъ повсюду. Они наслаждались пріятностію климата, красотою и благовоніемъ цвѣтовъ, любовались цвѣтными перьями невиданныхъ ими птицъ, роскошною растительностію этихъ оазисовъ безбрежной пустыни океана. Но стремленіе всѣхъ мыслей, всѣхъ желаній къ одной цѣли, къ открытію златоносной земли, которая по ихъ мнѣнію составляла крайнюю оконечность Азіи, умѣряло ихъ наслажденіе, и не допускало ихъ предвидѣть, что эти острова были, такъ сказать, передовые побѣги обширнаго и неизвѣстнаго еще материка. По указанію Индіянъ, объяснявшихъ знаками о существованіи страны еще болѣе обильной, чѣмъ ихъ архипелагъ, Колумбъ пустился къ острову Кубѣ, и послѣ трехдневнаго плаванія прибылъ туда,

Digitized by Google

не теряя изъ виду живописныхъ острововъ Багамскихъ, которые путеводною грядою тянулись почти до самой Кубы.

Берега этого острова, возвышаясь отъ равнинъ моря постепенными уступами, примыкали наконецъ къ громадной стѣнѣ горъ, вершины которыхъ терялись въ облакахъ. Эти горы, обширныя гавани, заливы, устья рѣкъ, удобные рейды, тѣнистые лѣса, живописныя селенія, припоминали Колумбу, только въ болѣе величественныхъ очеркахъ, древнюю Сицилію. Онъ еще не былъ увѣренъ, островъ это, или материкъ. Войдя въ широкую рѣку, онъ сталъ на якорь, сошелъ на берегъ, обошелъ прибрежныя равнины, лѣса, померанцовыя и пальмовыя рощи, селенія, хижины жителей, и встрѣтилъ тамъ только одно живое существо — нѣмую собаку (*); жители разбѣжались при ихъ приближеніи. Не убѣдившись въ своихъ предположеніяхъ, Колумбъ сѣлъ снова на суда и поплылъ къ верховью рѣки, берега которой были осѣнены широколиственными пальмами и исполинскими деревьями, покрытыми цвѣтомъ и плодами въ одно время. Казалось, что природа сама приготовила для счастливыхъ жителей, не требуя отъ нихъ ни труда, ни заботы, всѣ потребности и всѣ выгоды жизни. Здѣсь все припоминало эдемъ поэтовъ. Животныя не хищныя, птицы съ лазуревыми и алыми перьями, цвѣтной дятелъ, попугаи, колибри оглашали воздухъ своимъ мелодическимъ говоромъ, и пестрыми стаями порхали съ дерева на дерево. Свѣтящіяся насѣкомыя облаками блестящей пыли носились въ благоухающей атмосферѣ. Цвѣты и растенія развивались тамъ, а не вяли подъ лучемъ южнаго солнца, котораго палящій зной былъ умѣренъ дыханіемъ горъ и обиліемъ водъ. Луна и свѣтила небесныя, отражаясь во время ночи въ струяхъ рѣкъ и потоковъ, разливали очаровательный полу-свѣтъ, похищавшій у мрака его ужасъ. Какое-то упоеніе наполняло душу Колумба и его спутниковъ. Они находились въ странѣ новой, болѣе дѣвственной, болѣе отеческой, чѣмъ древняя страна, изъ которой они прибыли. «Никогда взоръ человѣка,» писалъ Колумбъ, «не видалъ прекраснѣйшей страны. Здѣсь хотѣлось бы жить вѣчно. Здѣсь ни скорби, ни мысль о смерти не возмущаютъ человѣка.»

(*) Извѣстно, что собаки въ Америкѣ не лаютъ.

Digitized by Google

Запахъ пряностей, долетавшій изъ глубины острова до самыхъ каравеллъ испанцевъ, и попадавшіяся на берегу раковины, въ которыхъ родится жемчугъ, еще болѣе убѣждали Колумба, что Куба есть крайняя оконечность азіятскаго материка. Онъ воображалъ, что за хребтомъ видѣнныхъ имъ горъ онъ найдетъ государства, образованность, золотую руду и всѣ чудеса, которыя приписывали Китаю и Японіи восхищенные путешественники. Не будучи въ состояніи остановить бѣгущихъ отъ него туземцевъ, онъ послалъ двухъ изъ своихъ спутниковъ, знавшихъ еврейскій и арабскій языки, отыскать мнимыя столицы азіятскихъ государей. Эти посланники несли съ собою дары для туземцемъ, съ тѣмъ чтобы мѣнять ихъ только на золото. Испанцы полагали, что во внутреннихъ странахъ этого края они найдутъ неизсякаемыя золотыя руды.

Посланные возвратились къ каравеллямъ, не отыскавъ другихъ человѣческихъ жилищъ, кромѣ бѣдныхъ хижинъ островитянъ, и встрѣтивъ повсюду роскошную растительность, благовонные цвѣты и плоды доселѣ неизвѣстные. Имъ удалось привлечь подарками нѣсколько туземцевъ, и они привели ихъ къ адмиралу. Табакъ, растеніе пріятно опьяняющее, листья котораго островитяне свертывали въ трубку, и зажигая съ конца, вдыхали въ себя дымъ; картофель, мучной корень, преобращающійся въ хлѣбъ, когда его пекли въ золѣ; маисъ, хлопчатая бумага, которую тамошнія женщины пряли въ нить, апельсины, лимоны, и другіе плоды, вовсе неизвѣстные въ Европѣ, были единственною добычею, найденною ими въ окрестностяхъ опустѣвшихъ хижинъ, разсѣянныхъ группами на полянахъ лѣсовъ.

Обманутый въ своихъ золотыхъ мечтахъ, основанныхъ на худо понятыхъ указаніяхъ Индіянъ, Колумбъ съ сожалѣніемъ покинулъ эту страну, чтобы плыть по направленію на востокъ, гдѣ, въ воображеніи его, находилась его сказочная Азія. Онъ взялъ съ собою нѣсколько жителей Кубы, обоего пола, болѣе другихъ отважныхъ и болѣе довѣрчивыхъ, съ тѣмъ чтобы они служили ему переводчиками въ странахъ сосѣдственныхъ, которыя онъ намѣревался посѣтить, чтобы обратить ихъ въ христіанскую вѣру

Digitized by Google

и чтобы представить королевѣ Изабеллѣ эти искупленныя души, какъ драгоцѣнный плодъ его многотруднаго предпріятія.

Убѣжденный, что Куба, которой предѣловъ онъ не видалъ, составляетъ часть азіатскаго материка, Колумбъ нѣсколько дней плавалъ близъ американскаго материка, не видя его. Его упорное заблужденіе затмѣвало ему столь близкую дѣйствительность. Между тѣмъ, зависть, которая должна была отравить его жизнь, зародилась въ его спутникахъ съ той самой минуты, когда открытіе острововъ увѣнчало многолѣтнее стремленіе его мысли. Америго Веспуцій, безвѣстный флорентинецъ, передалъ свое имя Новому свѣту, къ которому привелъ его Колумбъ. Веспуцій обязанъ былъ славою своего имени слѣпому случаю и частымъ путешествіямъ, вмѣстѣ съ Колумбомъ, въ эти страны. Онъ служилъ лейтенантомъ на флотиліи Колумба, и какъ подчиненный, а вмѣстѣ съ тѣмъ искренно преданный своему начальнику, никогда не думалъ присвоить славу Колумба. Ему придала эту славу прихоть судьбы, хотя онъ никогда не искалъ ввести Европу въ заблужденіе, а привычка сохранила и передала ее памяти потомковъ. Новый свѣтъ названъ именемъ не начальника, а подчиненнаго. Насмѣшка человѣческой славы, которой Колумбъ былъ жертвою, но въ которой Америго не былъ виновенъ. Можно упрекнуть потомство въ несправедливости и неблагородности, но нельзя упрекнуть счастливаго флорентинца въ подлогѣ.

XLII. Эта зависть, зарождающаяся въ людяхъ вмѣстѣ съ успѣхомъ другихъ людей, горѣла уже въ сердцѣ перваго лейтенанта Колумба Алонзо Пинцоне. Командиръ *Пинты*, Пинцоне, опередившій два другія судна, притворился, будто сбился съ дороги, и изчезъ изъ виду начальника эскадры. Онъ рѣшился воспользоваться открытіемъ Колумба, чтобы открыть самому, безъ генія и безъ труда, другія земли, и передавъ имъ свое имя, возвратиться въ Испанію и присвоить славу и награды, принадлежащія его начальнику и его вожатому въ этомъ путешествіи.

Колумбъ замѣчалъ съ нѣкотораго времени и зависть и непокорность своего лейтенанта, но онъ многимъ былъ одолженъ Алонзу Пинцоне: безъ него, безъ его поощреній, онъ никогда не успѣлъ бы снарядить свою флотилію и завербовать матросовъ. Призна-

Digitized by Google

объ успѣхахъ новѣйшей химіи.

Чтобы имѣть понятіе о быстрыхъ успѣхахъ химіи въ наше время, стоитъ только взглянуть на каталоги книгъ, появляющихся по этой части во всѣхъ странахъ Европы. Одни уже заглавія изданій, вышедшихъ въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, займутъ многія страницы. Въ Англіи, къ трудамъ Грема прибавились сочиненія Томсона, Бранда, Тарнера, Фоунеса, Грегори; на другихъ языкахъ, книгъ, относящихся до систематической химіи, явилось еще болѣе. Самыя новыя и полныя изъ этихъ изданій, касающіяся собственно чистой химіи, представляютъ поразительное доказательство ея прогресса. Двадцать лѣтъ назадъ, трехъ или четырехъ томовъ въ осьмушку было достаточно для вмѣщенія сочиненій Моррея и Томсона; теперь же отъ шести до восьми такихъ томовъ уже едва достаетъ для описанія однихъ элементовъ и фактической стороны химіи. Не менѣе обильны и изслѣдованія чисто теоретическія; но сочиненія этого рода преимущественно являются въ изданіяхъ періодическихъ и многочисленныхъ мемуарахъ ученыхъ обществъ почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ.

При этомъ необходимо принять въ соображеніе безчисленное множество книгъ, посвященныхъ различнымъ примѣненіямъ этой науки. Элементарная химія развилась до того, что одинъ человѣкъ едва въ состояніи обнять ее въ цѣлости. Потому ее уже раздѣляютъ на химію неорганическую и органическую, а эту послѣднюю еще на химію растительную и животную. Каждое изъ подраздѣленій сопровождается своими многоразличными приложеніями, имѣетъ свою особую библіотеку. Таковы примѣненія химіи къ медицинѣ, фармаціи, юриспруденціи, геологіи, земледѣлію, минералогіи и проч., не говоря уже объ отрасляхъ менѣе обширныхъ, каковы напримѣръ,

Digitized by Google

и чтобы представить королевѣ Изабеллѣ эти искупленныя думи, какъ драгоцѣнный плодъ его многотруднаго предпріятія.

Убѣжденный, что Куба, которой предѣловъ онъ не видалъ, составляетъ часть азіатскаго материка, Колумбъ нѣсколько дней плавалъ близъ американскаго материка, не видя его. Его упорное заблужденіе затмѣвало ему столь близкую дѣйствительность. Между тѣмъ, зависть, которая должна была отравить его жизнь, зародилась въ его спутникахъ съ той самой минуты, когда открытіе острововъ увѣнчало многолѣтнее стремленіе его мысли. Америго Веспуцій, безвѣстный флорентинецъ, передалъ свое имя Новому свѣту, къ которому привелъ его Колумбъ. Веспуцій обязанъ былъ славою своего имени слѣпому случаю и частымъ путешествіямъ, вмѣстѣ съ Колумбомъ, въ этѣ страны. Онъ служилъ лейтенантомъ на флотиліи Колумба, и какъ подчиненный, а вмѣстѣ съ тѣмъ искренно преданный своему начальнику, никогда не думалъ присвоить славу Колумба. Ему придала эту славу прихоть судьбы, хотя онъ никогда не искалъ ввести Европу въ заблужденіе, а привычка сохранила и передала ее памяти потомковъ. Новый свѣтъ названъ именемъ не начальника, а подчиненнаго. Насмѣшка человѣческой славы, которой Колумбъ былъ жертвою, но въ которой Америго не былъ виновенъ. Можно упрекнуть потомство въ несправедливости и неблагородности, но нельзя упрекнуть счастливаго флорентинца въ подлогѣ.

XLII. Эта зависть, зарождающаяся въ людяхъ вмѣстѣ съ успѣхомъ другихъ людей, горѣла уже въ сердцѣ перваго лейтенанта Колумба Алонзо Пинцоне. Командиръ *Пинты*, Пинцоне, опередившій два другія судна, притворился, будто сбился съ дороги, и изчезъ изъ виду начальника эскадры. Онъ рѣшился воспользоваться открытіемъ Колумба, чтобы открыть самому, безъ генія и безъ труда, другія земли, и передавъ имъ свое имя, возвратиться въ Испанію и присвоить славу и награды, принадлежащія его начальнику и его вожатому въ этомъ путешествіи.

Колумбъ замѣчалъ съ нѣкотораго времени и зависть и неповиновеніе своего лейтенанта, но онъ многимъ былъ одолженъ Алонзу Пинцоне: безъ него, безъ его поощреній, онъ никогда не успѣлъ бы снарядить свою флотилію и завербовать матросовъ. Призна-

Digitized by Google

Объ успѣхахъ новѣйшей химіи.

Чтобы имѣть понятіе о быстрыхъ успѣхахъ химіи въ наше время, стоитъ только взглянуть на каталоги книгъ, появляющихся по этой части во всѣхъ странахъ Европы. Одни уже заглавія изданій, вышедшихъ въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, займутъ многія страницы. Въ Англіи, къ трудамъ Грéма прибавились сочиненія Тóмсона, Бранда, Тáрнера, Фóунеса, Грé-гори; на другихъ языкахъ, книгъ, относящихся до систематической химіи, явилось еще болѣе. Самыя новыя и полныя изъ этихъ изданій, касающіяся собственно чистой химіи, представляютъ поразительное доказательство ея прогресса. Двадцать лѣтъ назадъ, трехъ или четырехъ томовъ въ осьмушку было достаточно для вмѣщенія сочиненій Мóррея и Тóмсона; теперь же отъ шести до восьми такихъ томовъ уже едва достаетъ для описанія однихъ элементовъ и фактической стороны химіи. Не менѣе обильны и изслѣдованія чисто теоретическія; но сочиненія этого рода преимущественно являются въ изданіяхъ періодическихъ и многочисленныхъ мемуарахъ ученыхъ обществъ почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ.

При этомъ необходимо принять въ соображеніе безчисленное множество книгъ, посвященныхъ различнымъ примѣненіямъ этой науки. Элементарная химія развилась до того, что одинъ человѣкъ едва въ состояніи обнять ее въ цѣлости. Потому ее уже раздѣляютъ на химію неорганическую и органическую, а эту послѣднюю еще на химію растительную и животную. Каждое изъ подраздѣленій сопровождается своими многоразличными приложеніями, имѣетъ свою особую библіотеку. Таковы примѣненія химіи къ медицинѣ, фармаціи, юриспруденціи, геологіи, земледѣлію, минералогіи и проч., не говоря уже объ отрасляхъ менѣе обширныхъ, каковы напримѣръ,

Digitized by Google

выдѣлка желѣза, фарфора, стекла, соды, мыла, уксусной кислоты, свинцовыхъ бѣлилъ, минеральныхъ кислотъ и другихъ продуктовъ, удивительные образцы которыхъ показывались на Всемірной Выставкѣ. За этимъ слѣдуютъ: извлеченіе металловъ изъ рудъ, испытаніе этихъ рудъ, искусство золоченія и серебренія, свѣтопись, бѣленье, крашеніе, искусство предохранять дерево отъ гніенія, искусство составленія воздушныхъ и гидравлическихъ цементовъ, добываніе свѣтильнаго газа изъ каменнаго угля и другихъ веществъ, составленіе сплавовъ. Во всѣхъ этихъ искусствахъ, столь многочисленныхъ и разнообразныхъ, руководствуются книгами и журналами химическими.

Какъ на положительный признакъ успѣховъ химіи, можно указать на то уваженіе, которое нынѣ вообще питаютъ къ этой наукѣ. Лѣтъ двадцать назадъ въ Англіи только три или четыре человѣка объясняли въ школахъ ея труднѣйшія части, и едва нѣсколько молодыхъ людей изучали ее изъ одной любви къ наукѣ, за исключеніемъ тѣхъ, конечно, которые назначали себя въ званіе медика, да и эти занимались ею только слегка. Нынѣ же на всемъ протяженіи Великобританіи можно насчитать по крайней мѣрѣ до тридцати профессоровъ, занимающихся преподаваніемъ различныхъ приложеній химіи. Къ числу ихъ слушателей, кромѣ воспитанниковъ медицинскихъ школъ, къ которымъ должно отнести и аптекарей, необходимо еще присоединить многія тысячи студентовъ, проходящихъ теоретическіе курсы, чрезъ что пріобрѣтаютъ они положительныя знанія, повѣряемыя строгими экзаменами.

Наконецъ, чтобы дать читателямъ возможность понять быстроту, съ которою развивается эта наука, приведемъ слѣдующее обстоятельство: нѣсколько лѣтъ тому появилось на нѣмецкомъ языкѣ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Энциклопедія химіи чистой и прикладной.* Едва оно было доведено до литеры К, какъ оказалось необходимымъ, для согласованія сочиненія съ современнымъ состояніемъ науки, издать въ пополненіе книгу, состоящую изъ 444 страницъ и доведенную только до буквы В. Въ этомъ дополненіи подъ одною литерою А столько же текста, сколько и въ самой энциклопедіи. Такимъ образомъ

Digitized by Google

выходятъ одновременно два сочиненія, изъ которыхъ одно имѣетъ цѣлью пополнять другое и оба будутъ содержать одинаковое число томовъ. Изъ этого видно, что самыя новѣйшія сочиненія отстаютъ отъ науки въ нихъ излагаемой. Профессоры, преподающіе эту науку, необходимо должны прочитывать всѣ выходящіе по ихъ части журналы, дабы не отстать отъ быстраго хода науки въ своихъ лекціяхъ, основанныхъ на данныхъ предшествовавшаго года.

Развитіе химіи въ текущее столѣтіе распадается на двѣ отдѣльныя эпохи. Въ теченіе тридцати первыхъ лѣтъ, химики обращали вниманіе на часть минеральную, неорганическую; въ теченіе же двадцати послѣднихъ—они посвящаютъ свои труды части органической. По мѣрѣ умноженія открытій, которыми послѣдовательно обогащается наука химіи, увеличивается и питаемое къ ней уваженіе. Въ исторіи періода неорганической химіи мы встрѣчаемъ имена: Дéви, Дáльтона, Вóластона, Праута, Тóмсона и Берцеліуса. Обширное ученое поприще и многочисленные труды послѣдняго болѣе, чѣмъ труды кого либо изъ его современниковъ, связаны съ главными фазами развитія органической химіи съ 1800 по 1848 годъ. Потому считаемъ не лишнимъ представить здѣсь краткій очеркъ его ученой дѣятельности, которой при жизни самаго ученаго не была воздана должная справедливость.

Въ 1778 году Швеція потеряла знаменитаго Линнея. Въ августѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года рожденіе Берцеліуса вознаградило ее за потерю. Осиротѣвъ съ юныхъ лѣтъ жизни, онъ одолженъ воспитаніемъ своему тестю. Каждое утро они вмѣстѣ читали Библію, а послѣ полудня, передъ прогулкой, главу изъ Разсужденій Штурма. Разсказываютъ, что въ этихъ экскурсіяхъ тесть Берцеліуса, пораженный рѣшеніемъ, съ которымъ онъ собиралъ растенія и меткостію его замѣчаній, однажды сказалъ ему: «Яковъ, мнѣ кажется, что у тебя довольно дарованій, чтобы идти по слѣдамъ Линнея или Картуша; я однако же надѣюсь, что ты послѣдуешь Линнею, ибо Богъ передъ твоими глазами.» Въ теченіи нѣкотораго времени молодой ботаникъ не покидалъ мысли, что онъ оправдаетъ эту надежду. Вскорѣ, однакожъ, обстоятельства

Digitized by Google

перемѣнились. Переходя изъ одной семьи въ другую, живя у людей, смотрѣвшихъ на него какъ на бремя, Берцеліусъ почувствовалъ, что его умственныя силы были, если не совершенно убиты, то по крайней мѣрѣ сильно подавлены. Вскорѣ онъ поступилъ въ Норкопингскую школу, гдѣ находился четыре года, но безъ всякой пользы. Въ концѣ 1796 года, онъ се оставилъ съ цѣлью вступить, вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, въ Упсальскій Университетъ. Къ несчастью, въ спискѣ, который директоръ школы отправилъ университетскому начальству, Берцеліусъ былъ атестованъ такъ: «Поведенія посредственнаго, обѣщаетъ мало.» Вслѣдствіе этого его приняли недоброжелательно. Первый годъ ученія Берцеліусъ провелъ въ праздности; полученное имъ небольшое наслѣдство, состоявшее первоначально изъ 200 риксдалей (1132 франка) и изъ десятой доли маленькой фермы, вскорѣ истощилось. Вынужденный обстоятельствами, онъ вступилъ въ должность учителя въ домъ Готье-Оріангаль.

Обязанность учить принудила его учиться. Успѣвъ вскорѣ получить стипендію, онъ снова началъ посѣщать университетъ въ 1798 году, и держалъ въ немъ, по тогдашнему выраженію, медико-философскій экзаменъ. Не взирая на все отличіе, съ которымъ онъ слѣдовалъ по избранной себѣ дорогѣ, вотъ приговоръ, произнесенный надъ нимъ Афзеліусомъ, профессоромъ химіи: «Я не исключу этого молодаго человѣка,» сказалъ онъ своимъ сотоварищамъ, «если только вы имъ довольны.» Хотя такимъ образомъ Берцеліусъ и не былъ отвергнутъ совершенно, однакожъ вторичный экзаменъ его отложили еще на годъ. Можетъ статься это безславіе возбудило наконецъ въ немъ силы, а обхожденіе Афзеліуса положительно склонило его къ химіи. Ему было тогда девятнадцать лѣтъ; онъ началъ посѣщать лабораторію своего профессора, по правиламъ континентальныхъ университетовъ, открытую для студентовъ; но худая слава и тутъ ему сопутствовала, такъ что на одной изъ первыхъ лекцій его спросили: «Знаетъ ли онъ разницу между лабораторіей и кухней?» Наконецъ дурное съ нимъ обращеніе лаборанта Экеберга принудило его съ отвращеніемъ бросить лабораторію; онъ рѣшился работать дома и ревностно предался

Digitized by Google

изученію химіи безъ всякаго посторонняго руководства. Это было въ эпоху преній о флогистонѣ и кислородѣ. Наставники Берцеліуса слѣдовали старой теоріи, отверженный ученикъ принялъ новое ученіе. Онъ успѣлъ приготовить у себя кислородъ, и въ присутствіи своихъ товарищей сжегъ въ немъ разныя вещества, т. е. показалъ имъ тѣ самыя явленія, которыя въ теченіе цѣлаго года тщетно пытались произвесть въ университетской лабораторіи! Около этого времени случилось съ Берцеліусомъ замѣчательное событіе.

Однажды, войдя въ университетскую лабораторію, онъ былъ пораженъ видомъ стеклянной реторты, которую профессоръ утромъ вынесъ изъ своего кабинета для какого-то опыта, и просилъ беречь ее какъ сосудъ драгоцѣнный. Берцеліусъ Богъ знаетъ съ котораго времени мечталъ о томъ, какъ бы пріобрѣсть въ свое распоряженіе стеклянную реторту. Пользуясь неожиданно счастливымъ случаемъ, онъ безъ зазрѣнія совѣсти схватилъ и унесъ ее домой. Тамъ, въ тиши ночнаго уединенія, замѣтилъ онъ явленіе, которое столь желалъ видѣть, и которое повело его къ первому открытію. Духъ изслѣдованія, который въ дѣтствѣ такъ поразилъ его тестя, снова пробудился. Съ помощію украденной реторты онъ не только увеличилъ свои собственныя познанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ расширилъ и свѣдѣнія цѣлаго свѣта. Неизвѣстнымъ студентомъ вступилъ онъ на обширное поприще открытій и хотя годы борьбы еще не совсѣмъ миновали, однакожъ рвеніе его не покидало: оно возрастало по мѣрѣ появленія препятствій. Лѣто 1799-го года онъ провелъ въ лавкѣ одного аптекаря Вадстура, и здѣсь-то выучился у одного Италіянца искусству плять стекло на лампѣ. Ловкость, пріобрѣтенная имъ въ этомъ дѣлѣ, имѣющемъ столь важное значеніе въ лабораторныхъ работахъ, надолго оставалась въ памяти учениковъ его. Проведши слѣдовавшую за тѣмъ зиму въ Упсалѣ, онъ записался въ качествѣ помощника при одномъ медикѣ на минеральныхъ водахъ въ Медеви. Въ декабрѣ 1800 г. Берцеліусъ сдѣлалъ анализъ этихъ водъ, послужившій темою для его втораго экзамена, на которомъ Афзеліусъ еще разъ возсталъ противъ него, сказавъ, что не имѣетъ довѣрія къ анализу молодаго человѣка,

Digitized by Google

и даже совѣтывалъ ему ѣхать въ Лундскій Университетъ, гдѣ онъ, можетъ статься, будетъ имѣть большій успѣхъ; однакожъ всѣ препятствія были устранены и ему позволили продолжать изученіе. Между тѣмъ, онъ успѣлъ сдѣлать изслѣдованія касательно азотнаго эѳира, азотистой кислоты и другихъ мало извѣстныхъ въ то время предметовъ, и всѣ эти открытія передалъ Афзеліусу, дабы онъ сообщилъ ихъ Академіи Наукъ въ Стокгольмѣ. Три года спустя, секретарь этого общества возвратилъ ихъ ему съ слѣдующею краткою надписью: «новая номенклатура въ Академіи не употребляется.»

Вотъ теперь мы стоимъ, такъ сказать, на порогѣ новѣйшей химіи. Теорія флогистона все еще господствовала въ Стокгольмской Академіи Наукъ, въ той именно Академіи, которая въ послѣдствіи, въ теченіе тридцати лѣтъ, постоянно находилась въ главѣ химической дѣятельности.

Открытіе, сдѣланное Вольтою въ 1800, побудило Берцеліуса заняться опытами надъ человѣкомъ съ помощью столба, изобрѣтеннаго ученымъ Италіянцемъ: это послужило ему предметомъ диссертаціи на степень доктора. Въ слѣдующемъ году онъ поселился въ Стокгольмѣ и занялъ тамъ мѣсто профессора медицины и фармаціи при медицинскомъ факультетѣ. Въ 1804 году, т. е. восемь лѣтъ спустя по выходѣ его изъ Норкепинга, получилъ онъ степень доктора, а въ 1807 году утвержденъ въ званіи профессора при медицинскомъ факультетѣ въ Стокгольмѣ, гдѣ и занималъ этотъ постъ почти въ теченіи сорока лѣтъ. Академія, трудами которой такъ долго управлялъ онъ впослѣдствіи, все еще отказывалась напечатать его мемуары; члены ея, люди ума ограниченнаго, не могли признать генія въ томъ, имя котораго сопровождалось неудачами какъ въ школѣ, такъ и въ университетѣ. Слѣдствіемъ этого было то, что онъ при помощи друга своего Гизингера, сталъ издавать свои *Отчеты* въ физикѣ, химіи и минералогіи, которые въ послѣдствіи пріобрѣли такую знаменитость. Наконецъ терпѣніе его восторжествовало: въ 1808 году онъ былъ принятъ въ число членовъ Академіи, а потомъ чрезъ два года избранъ въ президенты. Въ 1813 году ему назначена была ежегодная пенсія, по примѣру той, которую получалъ до него Шееле, съ

Digitized by Google

тѣмъ условіемъ, чтобы онъ передалъ Академіи всѣ свои изслѣдованія, вначалѣ ею отвергнутыя Въ 1818 году, во время его путешествія въ Парижъ, онъ былъ назначенъ безсмѣннымъ секретаремъ. Этотъ постъ ставилъ его въ главѣ науки въ Швеціи: недостатки денежныя и другія затрудненія, доселѣ надъ нимъ тяготѣвшія, исчезли.

Съ 1803 года изслѣдованія Берцеліуса присоединяются ко всѣмъ великимъ открытіямъ въ химіи, сдѣланнымъ въ наше столѣтіе. Можно сказать, что рожденіе новѣйшей химіи ознаменовано торжествомъ кислорода Лавуазье надъ флогистономъ Шталя и введеніемъ въ употребленіе вѣсовъ, какъ инструмента необходимаго при изслѣдованіяхъ. Ея истинное начало связано съ открытіями Гальвани и Вольты, возбудившими новую силу, способную дѣйствовать на химическія отношенія тѣлъ. Въ рукахъ Деви вольтовъ столбъ оказалъ результаты самые счастливые. Въ 1803 году Берцеліусъ издалъ свои изслѣдованія о разложеніи солей посредствомъ вольтова столба. Черезъ пять лѣтъ Деви употребилъ его для опредѣленія истиннаго свойства щелочей. Въ то время, какъ ученый міръ гремѣлъ славою этого открытія, «мнѣ удалось, говорилъ шведскій философъ, сдѣлать еще шагъ впередъ. Чрезъ посредство ртути я разложилъ щелочныя земли и амміакъ. Объ этомъ я сообщилъ Деви;—онъ въ отвѣтѣ своемъ объявилъ мнѣ, что возможность такого разложенія была ему неизвѣстна». Такимъ образомъ мы видимъ, что въ теоретической химіи въ теченіе двадцати лѣтъ совершились два переворота, каждый въ слѣдствіе открытія новаго аппарата—вѣсовъ и гальванической баттареи.

Эти открытія послужили основаніемъ электро-химической теоріи, тѣсно связавъ ее съ теоріею атомовъ или химическихъ пропорцій. Съ этого времени въ область химіи вошли слѣдующіе великіе отдѣлы: изученіе взаимнаго дѣйствія атомовъ или частицъ безконечно малыхъ на разстояніяхъ недоступныхъ чувству; изслѣдованіе законовъ, управляющихъ этимъ дѣйствіемъ; ощутительныя явленія, сопровождающія соединеніе или раздѣленіе частицъ; видоизмѣненія, производимыя различными обстоятельствами или дѣятелями, ускользающими

Digitized by Google

отъ наблюденія, въ результатахъ соединеній. Венцель и Рихтеръ въ Германіи положили основаніе теоріи атомовъ; но Дальтонъ утвердилъ новую систему химической философіи. Аналитическіе труды Берцеліуса, посвятившаго столько лѣтъ на опредѣленіе того, что̀ называютъ *вѣсомъ атомовъ;* изслѣдованія Гей-Люссака объ отношеніяхъ объемовъ, по которымъ соединяются пары и газы, въ особенности споспѣшествовали установленію новой системы. Весьма замѣчательный историческій очеркъ этихъ прогрессовъ находится въ сочиненіи доктора Добени, въ сочиненіи, котораго второе изданіе недавно вышло въ Оксфордѣ.

Многочисленные труды знаменитаго Шведа и многихъ другихъ ученыхъ способствовали къ открытію многихъ простыхъ тѣлъ. Тѣлами простыми въ химіи называются тѣ, которыя по сіе время не могли быть разложены никакими извѣстными средствами; тѣже, напротивъ, которыя разлагаются на многія простыя или элементарныя, называются сложными. Въ началѣ нашего столѣтія было извѣстно только двадцать девять простыхъ тѣлъ, теперь же ихъ насчитываютъ до шестидесяти трехъ. Всѣмъ этимъ успѣхомъ наука обязана одному Берцеліусу. Чтобы сдѣлать оцѣнку труда, сопряженнаго съ открытіемъ тридцати четырехъ новыхъ простыхъ тѣлъ, необходимо замѣтить, что для этого потребенъ не только огромный трудъ самаго отысканія и отдѣленія новаго тѣла, также какъ и опредѣленія его образа дѣйствія на другія тѣла, но еще трудъ неизбѣжнаго переизслѣдованія всѣхъ предшествовавшихъ анализовъ какого нибудь извѣстнаго рода веществъ, на которыя новое открытіе обыкновенно бросаетъ сомнѣніе. Для появленія такого переизслѣдованія приведемъ примѣръ. Издавна было извѣстно, что между составными минеральными частями растеній находится много кремнезема; но что это вещество входитъ въ составъ животныхъ тѣлъ, того не знали. Его открыли въ замѣтномъ количествѣ въ перьяхъ. По аналогіи, слѣдовало также искать его въ волосахъ человѣка и въ шерсти животныхъ. Дѣйствительно, по тщательномъ анализѣ и въ нихъ его открыли. За этимъ должно было предположить существованіе его въ крови, которая поддержи-

Digitized by Google

васъ и возобновляетъ каждую частицу животнаго тѣла: внимательныя изслѣдованія нашли его и тутъ.

Почти во всѣхъ частяхъ животныхъ, равно какъ и въ пеплѣ растеній, находится морская соль, хотя довольно въ малыхъ пропорціяхъ. Однакоже новѣйшія изслѣдованія, произведенныя по усовершенствованному методу, показываютъ, что по крайней мѣрѣ нѣкоторые сорты пепла содержатъ эту соль въ большемъ количествѣ, чѣмъ дотолѣ предполагалось Изъ этого явилась необходимость передѣлать всѣ опыты прежде, чѣмъ можно было сказать, что намъ извѣстны всѣ составныя части органическихъ тѣлъ. Іодъ, найденный въ морскихъ растеніяхъ, недавно былъ открытъ сначала въ кресссалатѣ, а потомъ во всѣхъ пресноводныхъ растеніяхъ. Потому можно полагать, что его найдутъ и въ прочихъ растеніяхъ и что онъ необходимъ для жизни животныхъ. Морская вода, равно какъ и растенія, ею питаемыя, содержатъ фторъ; онъ же находится въ зубахъ и въ костяхъ, въ молокѣ и въ крови. Отсюда съ вѣроятностію можно заключить, что онъ входитъ и въ растенія, употребляемыя нами въ пищу, но въ которыхъ—его не только не открыли, но еще и не искали. Несовершенство анализа, употребленнаго для изслѣдованія животнаго и растительнаго пепла и способствовавшаго утратѣ морской соли, вѣроятно, причинило потерю части іода и фтора. Можетъ быть, при тщательномъ изысканіи, и бромъ точно также отыщется въ живыхъ организмахъ. Люди, знающіе, сколько въ теченіе десяти лѣтъ употреблено аналитическаго труда на пользу физіологіи и земледѣлія, могутъ легко себѣ представить обширность задачи, ожидающей химика, призваннаго къ ея переизслѣдованію. Такимъ образомъ новыя открытія непрестанно отзываютъ насъ назадъ и время отъ времени показываютъ, что прежніе анализы органическихъ веществъ, при всей проистекшей отъ нихъ пользѣ, не совсѣмъ были вѣрны. Сознаніе предшествовавшихъ ошибокъ есть уже шагъ впередъ!

Приложеніе анализа къ минералогіи въ наше время составляетъ неоспоримое торжество неорганической химіи, представляя вмѣстѣ съ тѣмъ любопытнѣйшія приложенія атомической теоріи. Берцеліусъ, рожденный въ странѣ богатой

Digitized by Google

минералами, посвящалъ минералогіи большую часть своихъ занятій, также какъ и ученики его. До него Клапротъ и нѣкоторые другіе ученые анализировали многія минеральныя вещества, ни сколько не зная и не подозрѣвая существованія общаго начала, которое можетъ служить повѣркою для всѣхъ ихъ выводовъ и дать правила для ихъ классификацій.

Въ 1812 году, послѣ путешествія въ Англію, Берцеліусъ привелъ въ систематическій порядокъ многочисленные выводы изъ своихъ минералогическихъ анализовъ и приложилъ свои новыя идеи къ электро-химическимъ свойствамъ тѣлъ и къ отношеніямъ, господствующимъ между ихъ соединеніями. Въ 1814 онъ издалъ на своемъ отечественномъ языкѣ: *Приложеніе химическихъ пропорцій къ химіи.* Нѣсколько лѣтъ спустя, это сочиненіе было переведено на всѣ европейскіе языки. Со временемъ, его собственными трудами и трудами многихъ другихъ ученыхъ, основное сочиненіе было постепенно исправляемо. Профессоръ Раммельсбергъ издалъ эту книгу въ полнѣйшемъ ея видѣ, подъ заглавіемъ: *Berzelius's Neues chemisches Mineral-System, Berlin 1844* Сочиненіе, дающее самое полное понятіе о современномъ состояніи химіи, въ приложеніи ея къ минералогіи, есть: *Handwörterbuch der chemischen Theils der Mineralogie* (*), съ четырьмя дополненіями того же автора.

Счастливыя перемѣны, произведенныя въ минералогіи аналитическими трудами Берцеліуса и его учениковъ, могутъ быть оцѣнены вполнѣ только тѣмъ, кто имѣетъ понятіе о первоначальномъ состояніи этой науки. Что прежде представляло безобразный хаосъ камней, не подлежавшихъ повидимому ни какому естественному закону, и распредѣлявшихся въ систему только по одной тяжести, цвѣту, твердости, формѣ, болѣе или менѣе худо опредѣленной, то теперь, при могуществѣ его анализа, соединилось въ семейства и группы, превратилось въ систематическое зданіе, основанное на аналогіи формъ

(*) *Dictionnaire manuel de chémie minéralogique* представляетъ другой примѣръ быстроты, съ которою развивается эта наука. Это сочиненіе явилось въ 1841 году и содержитъ 768 страницъ. Въ 1849 году вышло къ нему четыре прибавленія, содержащія 762 страницы. Слѣд. книга въ теченіе восьми лѣтъ удвоилась.

Digitized by Google

и составныхъ частей. Классы и виды соединились тѣсными отношеніями, какихъ прежде и не подозрѣвали. Эти работы имѣли вліяніе на чистую химію, заставивъ признать важность формы относительно состава. Между элементарными тѣлами, извѣстными съ давняго времени, замѣтили аналогію, которую не могло открыть изученіе искусственныхъ составовъ. Словомъ, люди убѣдились, что нѣдра земли какъ бы лабораторіи природы, что въ нихъ безпрестанно осуществляется множество процессовъ, результаты которыхъ, также какъ и результаты нашихъ работъ, подчинены законамъ, дознаннымъ химіею, и могутъ быть выражены формулами, ею установленными. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, минералогія есть ничто иное какъ часть неорганической химіи.

Не занимаясь лично такого рода изслѣдованіями, трудно понять, сколько труда и времени они требуютъ. Между тысячами образцовъ, украшающихъ наши минералогическіе кабинеты, существуетъ прекрасная группа, долгое время извѣстная подъ именемъ цеолитовъ: это гидраты кремнекислаго глинозема, содержащіе известь, поташъ и соду. Группа эта содержитъ до полсотни видовъ. Возьмемъ наудачу ломонитъ, названный такъ въ честь ученаго, его открывавшаго—Жиле-де-Ломона. Этотъ минералъ былъ послѣдовательно разлагаемъ Фогелемъ, Гмелинымъ, Дюфренуа, Коннелемъ, Фонъ-Бабо, Дельфсомъ, Домейко, Малагути и Дюроше—девять аналитиковъ, знавшихъ труды своихъ предшественниковъ, другъ за другомъ посвящали нѣсколько недѣль на изслѣдованіе этого минерала, и все-таки его формула и естественныя отношенія остаются подъ сомнѣніемъ. Сдѣланный по этому примѣру самый простой расчетъ показываетъ, что для изслѣдованія одной только группы цеолитовъ потребна цѣлая жизнь четырехъ человѣкъ, проведенная въ трудныхъ анализахъ. Если это такъ, то сколько нужно времени прежде, нежели классификація химико-минералогическая достигнетъ счастливаго окончанія?

Митчерлихъ занялъ почетное мѣсто въ совокупной исторіи двухъ наукъ, нами разсматриваемыхъ. Но, къ сожалѣнію, предѣлы настоящей статьи позволяютъ намъ только упомянуть объ изоморфизмѣ, диморфизмѣ, изодиморфизмѣ и ученіи о

Digitized by Google

замѣщеніяхъ. Такъ называютъ извѣстныя отношенія между формою и составомъ кристалловъ.

Прежде, нежели покинемъ этотъ предметъ, мы скажемъ нѣсколько словъ о вѣрномъ способѣ качественнаго анализа,— о способѣ почти микроскопическомъ, но скоромъ и легкомъ, если только онъ хорошо усвоенъ. Мы разумѣемъ паяльную трубку. Первымъ сочиненіемъ объ этомъ снарядѣ минералоги обязаны опять таки Берцеліусу. Въ 1820 году вышло на шведскомъ языкѣ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Объ употребленіи паяльной трубки въ химіи и минералогіи*, и вскорѣ было переведено на языки: нѣмецкій, французскій, англійскій, итальянскій и русскій. Въ немъ описаны всѣ пріемы, многолѣтнею опытностью усвоенные минералогомъ Ганомъ, человѣкомъ, къ которому Берцеліусъ постоянно питалъ чувство глубокой признательности. Ганъ, въ преклонныхъ лѣтахъ обладая всѣми свѣдѣніями своего времени, первый побудилъ молодаго химика, въ то время находившагося въ борьбѣ съ первыми неудачами жизни, заняться употребленіемъ паяльной трубки, которою самъ владѣлъ такъ, какъ никто изъ его современниковъ. Онъ сообщилъ ему всѣ практическія свѣдѣнія шведскихъ аналитиковъ, начиная отъ Шталя, еще въ 1700 году употреблявшаго этотъ инструментъ, и до Бергмана, написавшаго о немъ, съ помощью ученика своего Гана, небольшую статью во второмъ томѣ своихъ *Essais chimiquis*. По смерти Гана, спустя много лѣтъ, Берцеліусъ, въ собственномъ сочиненіи объ этомъ предметѣ, съ чувствомъ ученической признательности и сыновней любви, говоритъ слѣдующее: «Большую часть того, что мнѣ извѣстно, я узналъ отъ Гана, и только высказываю всѣ эти свѣдѣнія по своему.» Способъ производить анализы, при посредствѣ паяльной трубки, въ недавнее время получилъ еще большее приложеніе въ сочиненіи Платтнера: *L'art des épreuves par le chalumeau*, составляющее въ настоящее время главнѣйшій авторитетъ въ этомъ дѣлѣ.

Геологію можно назвать сестрою минералогіи, но сестрою болѣе мощною и честолюбивою въ своемъ полетѣ. Въ теченіи многихъ лѣтъ химія помогала ей только при случаяхъ. Первое приложеніе химіи къ геологіи было сдѣлано смѣлымъ

Digitized by Google

умомъ Дави. Извѣстно, что потассій—металлъ, открытіемъ котораго мы обязаны Дави, приходя въ соприкосновеніе съ водою, быстро ее разлагаетъ, и жадно соединяется съ кислородомъ; а теплота, развивающаяся во время такого быстраго разложенія, воспламеняетъ водородъ, по мѣрѣ его выдѣленія. Дави, дознавъ это явленіе, говорилъ: «Откройте мнѣ большія массы потассія, натрія или другихъ подобныхъ металловъ, помѣщенныхъ въ нѣдрахъ земли, и я проведу къ нимъ морскую воду, и произведу всѣ волканическія явленія вмѣстѣ съ землетрясеніемъ.» Существованіе подобныхъ массъ возможно, оно даже вѣроятно—какъ въ послѣдствіи думалъ Дави; онъ замѣтилъ—какъ фактъ весьма важный, что почти всѣ волканы размѣщены при морѣ. Таково начало такъ-называемой *химической теоріи волкановъ*. Со времени Дави, многіе химики, хотя менѣе его отважные, занимались геологіей. Мы можемъ указать на Берцеліуса, Бонсдорфа, Митчерлиха, Блума, Делесса, Девилля, Эбельмена и Бишофа изъ Бонна, какъ на знаменитѣйшихъ въ послѣднее время.

Послѣ всего этого намъ остается разсмотрѣть самый обширный отдѣлъ химіи, обширный потому, что обнимаетъ всѣ органическія вещества, какъ животныя, такъ и растительныя. Въ этомъ отдѣлѣ алхимики завѣщали намъ немногое, ибо большая часть ихъ изслѣдованій ограничилась веществами неорганическими. Впрочемъ, достигнувъ нѣкотораго совершенства въ процессахъ перегонки, они открыли винный спиртъ и нѣсколько летучихъ маслъ, янтарную кислоту, добываемую изъ янтаря, расноладанную кислоту, получаемую изъ краснаго ладана, и уксусную кислоту, добываемую чрезъ сухую перегонку дерева. Явные успѣхи органической химіи начались только подъ исходъ господствовавшаго тогда ученія о флогистонѣ. Бергманъ и Шееле были первые дѣятели. Лавуазье сообщилъ ей впервые характеръ опредѣленной науки, приложивъ къ ней тотъ же методъ изслѣдованія, которому онъ слѣдовалъ и въ химіи неорганической. Онъ задалъ себѣ вопросъ: какіе элементы входятъ въ составъ органическаго тѣла? Опытъ показалъ: углеродъ, кислородъ и водородъ. Въ какой вѣсовой пропорціи входятъ

Digitized by Google

они въ составъ такого тѣла? Вѣсы доставили ему точныя выводы.

Для дальнѣйшаго успѣха потребны были два условія: первое — получить въ чистомъ состояніи органическія вещества, имѣющія неизмѣнный составъ и постоянныя свойства; и второе—изобрѣсть способъ выдѣлять элементы такимъ образомъ, чтобы можно было ихъ съ точностію взвѣсить или вымѣрить. Послѣднее условіе было найдено, хотя и не въ совершенствѣ, сначала Лавуазье, а потомъ Фуркруа, Вокленомъ (1802) и Соссюромъ (1807). Гей-Люссакъ и Тенаръ рѣшили эту проблему окончательно въ 1810 году. Праутъ и Берцеліусъ усовершенствовали ее въ 1814. Наконецъ въ 1815 ученый міръ обладалъ уже такими методами, къ которымъ съ того времени не прибавлено ничего такого, что содѣйствовало бы большей точности выводовъ. Въ доказательство приведемъ примѣръ.

Въ 1814 году Берцеліусъ обнародовалъ, между прочими анализами, анализъ расноладанной кислоты и расноладаннокислой окиси свинца. Нѣсколько времени спустя, счастіе привело меня въ Стокгольмъ, и я былъ гостемъ у Берцеліуса въ то самое время, когда онъ получилъ письмо отъ Либиха, письмо, содержавшее въ себѣ результаты изслѣдованій, дѣланныхъ имъ, вмѣстѣ съ Вёлеромъ, надъ масломъ горькаго миндаля и другими однородными веществами. Въ этомъ же письмѣ выражены были сомнѣнія на счетъ вѣрности формулы расноладанной кислоты, формулы, заимствованной изъ анализовъ 1814. Въ слѣдствіе этого я имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ Берцеліусъ самъ приготовилъ расноладаннокислую окись свинца, съ цѣлію передѣлать анализъ. Когда анализъ былъ конченъ и результаты вычислены, оказалось, по справкамъ съ его старыми замѣтками, что вновь найденныя числа совпадали съ прежними до третьей десятичной цифры. Читатель легко можетъ вообразить, какое довѣріе къ акуратности знаменитаго экспериментатора было внушено мнѣ этимъ обстоятельствомъ.

Употребленіе новыхъ методовъ анализа ввело въ обыкновеніе изображать составъ тѣлъ формулами, называемыми раціональными. Опытъ даетъ въ результатѣ тѣ числовыя отно-

Digitized by Google

шенія, въ которыхъ элементы находятся въ изслѣдоваемомъ соединеніи; этотъ результатъ точно выражается формулою эмпирическою. Напр. опытъ научаетъ, что расноладанная кислота состоитъ изъ двухъ элементовъ: углерода и кислорода; что перваго находится въ ней два эквивалента (*) (C^2), а втораго три (O^3). Слѣдственно, эта кислота вѣрно выразится формулою C^2O^3. Но могутъ ли два атома кислорода непосредственно соединиться съ двумя атомами углерода въ группу C^2 O^3 и можетъ ли къ нимъ присоединиться еще третій атомъ кислорода, такъ, чтобы все это выразить слѣдующимъ образомъ: C^2 O^3+O, заимствуя изъ алгебры знакъ сложенія? или, соединеніе CO, взятое дважды, соединится ли съ атомомъ кислорода въ форму 2 (CO)+O? или, наконецъ, угольная кислота, CO^2, соединится ли прямо съ окисью углерода, CO, такъ, чтобы вышло CO^2+CO? Эти вопросы, принадлежащіе къ теоріи атомовъ, нисколько не разрѣшаются эмпирическою формулою C^2 O^3, ограничивающеюся только выраженіемъ результатовъ опыта.

Начало, выраженное въ приведенномъ нами примѣрѣ, постоянно, начиная съ 1814 года, занимало болѣе или менѣе вниманіе химиковъ: оно неоднократно возбуждало сильные споры, въ которыхъ, вопреки разсудку, рвеніе къ достиженію истины

(*) Вещества не образуются отъ соединенія какого нибудь неопредѣленнаго количества двухъ или многихъ составныхъ началъ. Какъ скоро произошло какое нибудь химическое соединеніе, оно уже не можетъ принять въ себя большее количество какого либо изъ составляющихъ его веществъ. По этому предполагается, что химическія соединенія возникаютъ, такъ сказать, изъ извѣстныхъ *долей* началъ, ихъ составляющихъ, долей совершенно постоянныхъ и опредѣленныхъ. Эти-то доли нынѣ преимущественно и принято называть эквивалентами, также частицами, атомами. Знаютъ даже вѣсъ этихъ атомовъ, не только вѣсъ относительный, за единицу котораго принимается вѣсъ кислорода. Опредѣленіе этого относительнаго вѣса есть одна изъ тѣхъ неоцѣненныхъ услугъ Берцеліуса, за которую можетъ быть не всегда и не вездѣ воздали ему должную признательность. Этотъ атомическій вѣсъ изображаютъ начальною буквою латинскаго названія самаго элементарнаго вещества. Такъ O означаетъ одинъ атомъ кислорода, вѣсъ котораго означаютъ числомъ 100, что и служитъ единицею. H означаетъ одинъ атомъ водорода; относительный вѣсъ его будетъ 12, 48. Вѣсъ кислорода принятъ произвольно; вѣсъ же водорода и прочихъ простыхъ веществъ установленъ природою и опредѣленъ опытомъ. Вѣсъ сложнаго соединенія получимъ, складывая вѣсъ составляющихъ его простыхъ веществъ. Такъ напр. вода образуется изъ соединенія одного атома кислорода съ однимъ атомомъ водорода; вѣсъ ея будетъ сумма вѣсовъ составляющихъ ее простыхъ тѣлъ, т. е. 112, 48.

Digitized by Google

въ наукѣ нерѣдко оскорблялось личными чувствами, или духомъ національнаго соперничества. Но не смотря на то, что по мѣрѣ усовершенствованія химіи, теоретическія воззрѣнія, совершенно между собою различныя, появлялись одни за другими въ быстрой послѣдовательности, это разногласіе почти всегда обращалось въ пользу науки. Оно постоянно побуждало дѣлать сторонніе изслѣдованія и повело къ тому, что даже раціональныя формулы, часто заключавшія въ себѣ однѣ гипотезы или достойныя вниманія догадки, служили нерѣдко орудіями успѣха. Такимъ образомъ въ настоящее время считаютъ необходимымъ, чтобы аналитическія формулы не только выражали отношеніе, въ которомъ элементы входятъ въ составъ веществъ, но и, вмѣстѣ съ тѣмъ, давали бы понятіе о вѣроятномъ способѣ распредѣленія въ нихъ элементарныхъ атомовъ. Теперь стараются достичь того, чтобы въ этихъ формулахъ выражались отношенія одного какого нибудь извѣстнаго вещества къ другому, сходному съ нимъ по свойствамъ; другими словами, чтобы эти формулы выражали ихъ главныя химическія реакціи. Дюма, Булей, Лоранъ и Гергардъ въ особенности отличились изображеніемъ такого рода сочетаній.

Берцеліусъ въ своихъ анализахъ, обнародованныхъ въ 1814, показалъ, что ученіе о химическихъ атомахъ можно такъ же удобно примѣнить къ соединеніямъ органическимъ, какъ и неорганическимъ. Онъ построилъ формулы, выражающія, какъ мы сказали, отношенія состава, дознанныя анализомъ. Онъ тогда предполагалъ, такъ же какъ и нѣкоторые другіе химики, что органическія вещества содержатъ въ себѣ три элемента: углеродъ, кислородъ и водородъ, и что эти составныя начала соединены между собою непосредственно, составляя такимъ образомъ тройныя соединенія. Это то, что̀ выражается формулою C H O, между тѣмъ какъ двойное соединеніе выразилось бы такъ: C H + O или C + H O. Въ этихъ тройныхъ соединеніяхъ онъ нашелъ ясный, удовлетворительный способъ отличать органическія соединенія отъ минеральныхъ, въ то время представлявшихъ только одни двойныя сочетанія. Впрочемъ, Берцеліусъ, издавъ въ 1819 году свои обширные минералогическіе труды, высказалъ мнѣніе, что при помощи электро-хими-

Digitized by Google

ческой теоріи можно также объяснять феномены органическихъ соединеній. Это подало ему поводъ считать такія соединенія за двойныя и думать, что органическія кислоты суть ничто иное, какъ окиси составныхъ радикаловъ.

Радикалы же эти были большею частію предполагаемые. Блестящія открытія Гей-Люссака показали первое сложное тѣло, обладавшее всѣми свойствами, характеризующими нѣкоторыя простыя вещества. Это тѣло былъ синеродъ: состоя изъ углерода и азота, онъ проявляется совершенно какъ хлоръ и іодъ. Это открытіе, сдѣланное въ 1815, было для химиковъ лучемъ свѣта и предметомъ удивленія. Вскорѣ оно сдѣлалось зародышемъ идей, обнаруженныхъ впослѣдствіи Берцеліусомъ и другими учеными, относительно органическихъ соединеній. Можетъ быть, онѣ были вызваны и наблюденіемъ Ампера, въ 1816 году. Какъ синеродъ, говоритъ онъ, тѣло сложное, сходствуетъ съ хлоромъ и іодомъ, элементами электро-отрицательными; такъ и аммоній, соединеніе гипотетическое, состоящее изъ азота и водорода, сходствуетъ съ обширною семьею металловъ—элементовъ электро-положительныхъ. Но синеродъ, равно какъ и гипотетическій аммоній, содержатъ въ себѣ только два элемента. Впрочемъ, какъ ни велики успѣхи науки, сдѣланные при помощи этихъ новыхъ предположеній, сомнѣнія и неясности въ ней едва ли уменьшились.

Дѣятельныя изслѣдованія послѣдующихъ годовъ, по видимому, не оправдали предположенія о существованіи радикаловъ, составленныхъ изъ трехъ элементовъ. Теорія слишкомъ далеко обогнала опытъ: она слишкомъ довѣрилась тому, что не было еще дознано, предположивъ существованіе радикаловъ, составленныхъ изъ углерода, водорода и кислорода, и входящихъ въ составъ подобно простымъ тѣламъ. Мемуаръ Либига и Вёлера о свойствахъ и соединеніяхъ бензоила (радикала расноладанной кислоты), въ 1832, бросилъ новый свѣтъ на раціональную химію. Мы хорошо помнимъ выраженія удовольствія и удивленія, вырвавшіяся у Берцеліуса, при чтеніи описанія ихъ опытовъ. Кому не чужда новѣйшая исторія этой отрасли химіи, тотъ можетъ оцѣнить все вліяніе, которое подобные опыты имѣли на

Digitized by Google

ея успѣхъ. Съ этой эпохи Либигъ занялъ въ Сѣверной Европѣ постъ, который въ органической химіи соотвѣтствовалъ посту, столь долгое время занимаемому Берцеліусомъ въ общей химіи. Но постоянно-разширяющіеся предѣлы науки не подаютъ намъ надежды увидѣть новаго Берцеліуса, могущаго нести дань каждому изъ ея отдѣловъ, въ которыхъ великій химикъ Швеціи господствовалъ какъ теоретикъ и практикъ (*). На будущее время химики вынуждены будутъ избирать каждый на долю свою только одну какую-нибудь отдѣльную область своей науки.

Входить въ подробное изложеніе быстраго хода органической химіи значило бы утомлять нашихъ читателей. Объ успѣхахъ ея достаточно свидѣтельствуютъ частыя перемѣны, которымъ подвергаются способы изслѣдованія раціональнаго состава тѣлъ; самыя же перемѣны очевидны въ названіяхъ, которыя безпрерывно получаютъ одни и тѣже вещества. Отъ этого, къ сожалѣнію, возникло множество весьма сбивчивыхъ синонимовъ. Раскройте нѣмецкую Энциклопедію, нами упомянутую,— въ первой встрѣтившейся вамъ статьѣ увидите рядъ названій, въ родѣ слѣдующихъ: водохлорный хлористый винилъ — хлористый элаилъ (Берцеліусъ) — водохлорный хлористый ацетилъ (Либигъ)—хлористый этеринъ (Митчерлихъ) — водохлорный хлористый алдехиденъ (Реньо) — хлористый водоуглеродъ — хлористый эоиръ — масло дву-водоуглероднаго газа — масло голландскихъ химиковъ — голландская водка. Вотъ десять странныхъ именъ для одной ничтожной маслообразной жидкости, открытой въ 1795 году пятью голландскими химиками и получаемой чрезъ соединеніе хлора съ

(*) Самъ Берцеліусъ, въ своихъ Отчетахъ за 1836 годъ, говоритъ: «Время, въ «которое я жилъ, особенно благопріятствовало изученію той науки, которой «я посвятилъ себя; а это время уже не возвратится. Когда я началъ свое «поприще, химія была почти въ колыбели; ея объемъ не истощалъ юношеских силъ. Не смотря на постоянное ея развитіе, не много требовалось «времени, чтобъ изучить ее во всемъ ея объемѣ. Но теперь, послѣ сорокалѣтняго прогресса, она представляетъ для начинающаго такую массу трудовъ, которую время, обыкновенно посвящаемое изученію науки, позволитъ «ему усвоить только отчасти, и цѣлость которыхъ можетъ быть никто не «будетъ въ состояніи обнять.» Если это было справедливо тридцать лѣтъ тому назадъ, то на сколько упомянутыя затрудненія возросли въ настоящее время?

Digitized by Google

ду-водоуглероднымъ газомъ! Это соединеніе можетъ получить еще столько же названій, прежде чѣмъ будетъ положительно опредѣлена его раціональная формула. Такой рядъ разнообразныхъ названій можетъ показаться любопытнымъ, какъ свидѣтельство сдѣланныхъ успѣховъ — дѣйствительныхъ, или воображаемыхъ, но за то какая память въ состояніи удержать ихъ? Леопольдъ Гмелинъ, желая придать однообразіе, гармонію и простоту общей номенклатурѣ органической химіи, построилъ въ своемъ весьма ученомъ *Руководствѣ къ Химіи* цѣлую систему новыхъ названій, назначенныхъ для замѣны старыхъ. За нимъ Реньо, въ своемъ превосходномъ *Курсѣ Элементарной Химіи*, также много упростилъ теоретическую номенклатуру одного извѣстнаго класса тѣлъ. Однакоже, какъ ни уважительны такія попытки, мы опасаемся, чтобы онѣ, появившись прежде времени, не повели къ увеличенію хаоса, вмѣсто водворенія порядка.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ свидѣтельствъ успѣховъ, сдѣланныхъ наукою, послѣ того, какъ ученіе объ органическихъ радикалахъ было всѣми принято, служитъ теорія *типовъ* и *замѣщеній*, столь подробно развитая Дюма. Здѣсь мѣсто упомянуть объ открытіи, въ чистомъ видѣ, многихъ радикаловъ, прежде существовавшихъ по одному только предположенію, также какъ и о многихъ органическихъ веществахъ, одаренныхъ свойствами щелочей. За этимъ остается еще сказать о приготовленіи, также искуственномъ, такихъ продуктовъ, которые естественнымъ ходомъ производятъ тѣла органическія По важности предмета, мы остановимся на этихъ родахъ результатовъ.

Есть извѣстныя составныя начала, образующія ткани живыхъ организмовъ, или же находящіяся въ ихъ сокахъ. Долгое время ихъ считали за продукты дѣятельности жизненнаго начала; участіе же этого начала считали за отличительный характеръ, раздѣляющій органическія тѣла отъ тѣлъ минеральныхъ. Произведеніе первыхъ считалось не подлежащимъ человѣческому искусству, дѣйствующему только на безжизненную матерію Новѣйшія изслѣдованія мало по малу поколебали это мнѣніе. Съ 1811-го года узнали, что крахмалъ

Digitized by Google

и древесину можно превращать въ сахаръ и что изъ крахмала, или сахара можно приготовить муравейную кислоту. Но важнѣйшій фактъ этого рода былъ замѣченъ въ 1823 году, когда изъ нѣкоторыхъ препаратовъ синерода успѣли приготовить мочевину—вещество, принадлежащее собственно животному царству. Въ послѣднее время число такимъ образомъ добываемыхъ веществъ значительно увеличилось. Въ послѣдствіи мало по малу убѣдились, что такъ-называемая жизненная сила не есть исключительно побудительное начало, заставляющее атомы соединяться какимъ-либо особливымъ образомъ, хотя бы они и не подверглись такому соединенію при обыкновеннъ обстоятельствахъ. Многіе изъ ученыхъ думаютъ, что пріобрѣтаемыя ежедневно свѣдѣнія о вліяніи побочныхъ обстоятельствахъ дадутъ намъ средство постепенно умножить число веществъ, нынѣ принимаемыхъ за исключительные продукты живыхъ организмовъ. Это мнѣніе основывается на одномъ изъ періодовъ исторіи органическихъ щелочей.

Химики долгое время приписывали особенную важность сдѣланному, въ 1817, Сертюрнеромъ открытію морфина, тѣла сложнаго, находящагося въ опіѣ и, какъ доказано, имѣющаго щелочныя свойства. Нѣсколько лѣтъ спустя, Либигъ и Вёлеръ успѣли приготовить еще нѣсколько органическихъ веществъ, тоже способныхъ играть роль щелочей Въ настоящее время, мы знаемъ нѣсколько сотъ такого рода щелочей, извлекаемыхъ какъ изъ животныхъ, такъ и изъ растеній, въ которыхъ онѣ нерѣдко встрѣчаются совершенно образованными. Изъ этого можно судить, какъ велики наши свѣдѣнія по этой части. Такимъ образомъ мы насчитываемъ отъ семидесяти до восмидесяти щелочей, производимыхъ искусствомъ, но доселѣ еще не найденныхъ въ природѣ Кромѣ этого, необходимо сказать, что вслѣдствіе нѣкоторыхъ средствъ, недавно открытыхъ Вуртцемъ и Гофманомъ, можно предугадывать возможность до безконечности увеличить со временемъ число искуственныхъ органическихъ щелочей Между этимъ классомъ веществъ находятся многія такія, которыя употребляются въ медицинѣ, на пр. хининъ, морфинъ и др. Вещества эти по большей части очень цѣнны, а количество ихъ въ продажѣ

Digitized by Google

весьма незначительно, по причинѣ того, что растенія, изъ коихъ они добываются, свойственны только извѣстнымъ климатамъ. — Весьма полезно было бы найти способъ добыванія этихъ драгоцѣнныхъ врачебныхъ средствъ, и нѣтъ сомнѣнія, что рано или поздно такое открытіе присоединится къ числу многихъ уже сдѣланныхъ въ этомъ родѣ.

Замѣтимъ однакоже, что всѣ подражанія естественнымъ продуктамъ получаются только изъ веществъ органическихъ. Это ничто иное, какъ преобразованія соединеній, доставляемыхъ живыми существами. Искусство получило бы несравненно большую цѣнность, если бы, взявъ простыя вещества, совершенно чуждыя жизни, съумѣло соединить ихъ въ тѣ продукты, которые мы заимствуемъ болѣе или менѣе прямымъ путемъ отъ веществъ органическихъ. Напримѣръ: мышцы животныхъ, древесныя волокна составляютъ особыя опредѣленныя соединенія, изъ которыхъ первыя называются фибриномъ, а послѣднія — клѣтчаткой. Эти вещества искуственно приготовлены не были, и многіе изъ ученыхъ полагаютъ, что для составленія ихъ потребно присутствіе жизненнаго начала. Образованіе этого рода веществъ изъ элементовъ ихъ составляетъ немаловажную цѣль изслѣдованія, и кажется, что искусство добыванія амміака и синерода можно счесть введеніемъ къ такимъ открытіямъ.

Когда достигнутъ этой цѣли, безъ сомнѣнія самой возвышенной, какую только можно ожидать отъ искусства, тогда по видимому кругъ дѣятельности жизненнаго начала ограничится. Высшее отправленіе этого начала будетъ состоять только въ совокупленіи элементовъ въ одно цѣлое. въ образованіи тканей и частей живаго организма, равно какъ и въ приведеніи ихъ въ надлежащее положеніе. Но какъ бы ни были могучи наши средства производить матеріалы для великаго зданія, мы никогда не будемъ въ состояніи исполнить плана, для него начертаннаго. ибо связать эти матеріалы въ одно цѣлое выше силъ человѣческихъ.

Химія, между тѣмъ, ежедневно увеличивая власть свою надъ матеріею. употребляетъ ее для добыванія такихъ продуктовъ. которые невольно возбуждаютъ любопытство и удивленіе. Такъ напр. одно изъ такихъ соединеній, будучи по-

Digitized by Google

дверженo дѣйствію воздуха, воспламеняется и горитъ яркимъ пламенемъ; другое загорается отъ соприкосновенія съ водою и льдомъ; третье, находясь на воздухѣ, покрывается почти неперемежающеюся блѣдно-свѣтлою оболочкою. Въ однихъ случаяхъ является вещество, издающее невыносимый запахъ; въ другихъ—газъ, производящій на слизистую перепонку дѣйствіе, сходное съ дѣйствіемъ корицы. Также есть газъ, который при вдыханіи производитъ нѣкотораго рода опьяненіе, скоро проходящее, но полное очарованій; есть и такой, который мгновенно умерщвляетъ. Это же самое можетъ произвесть одна капля многихъ жидкостей. Далѣе — есть вещество, не позволяющее прикасаться къ себѣ, — иначе отъ самаго легчайшаго прикосновенія оно утрачиваетъ свою форму, свой видъ, мгновенно превращаясь въ прахъ, и собственное свое уничтоженіе сопровождаетъ страшнымъ взрывомъ. Наконецъ, кому неизвѣстно непостижимое вліяніе солнечныхъ лучей на нѣкоторые препараты, и дивныя примѣненія этого вліянія, сдѣланныя Дагеромъ и Та́льботомъ? Химія производитъ не только одни ядовитыя вещества, она точно также приготовляетъ и вещества цѣлебныя, способныя врачевать наши недуги.

Кромѣ вышеупомянутыхъ, есть множество другихъ не менѣе удивительныхъ химическихъ соединеній, измѣняющихъ свойства одного и того же тѣла. Зажгите, напримѣръ, водородъ въ присутствіи кислорода, необходимаго для всякаго горѣнія: газы соединятся, и продуктомъ ихъ соединенія будетъ вода. Соедините хлоръ, газъ удушливый, производящій кашель и насморкъ, съ металломъ натріемъ, въ отдѣльности оказывающимъ не менѣе вредныя свойства, и вы получите поваренную соль,—вещество самое благотворное. Такъ какъ въ этихъ двухъ случаяхъ только одинъ атомъ одного элементарнаго вещества соединяется съ однимъ же атомомъ другаго, то можно думать, что отъ этого такъ легко они и измѣняются. Однако же есть много и такихъ случаевъ, несравненно болѣе поразительныхъ, гдѣ органическія вещества, состоящія изъ многихъ атомовъ, совершенно измѣняются въ своихъ свойствахъ отъ прибавленія одного только атома. Возьмемъ примѣръ: бензоилъ (радикалъ расноладанной кислоты) состоитъ изъ двадцати

Digitized by Google

одного атома: изъ четырнадцати атомовъ углерода, пяти водорода и двухъ кислорода, что въ химической формулѣ ясно выражается такъ: C^{14} H^{5} O^{2}. Если къ этому соединенію присоединится одинъ атомъ водорода — (C^{14} H^{5} O^{2} + H), то бензоиль превратится въ масло горькаго миндаля, въ жидкость ядовитую, имѣющую вкусъ весьма крѣпкій. Если же къ бензоилю присоединится одинъ атомъ кислорода, то произойдетъ расноладанная кислота,—тѣло твердое, извѣстное своимъ пріятнымъ запахомъ. Въ киннамилѣ (радикалѣ кислоты корицы) находится двадцать семь атомовъ: прибавьте къ этому атомъ водорода и вы получите коричневое масло (*); присоедините же атомъ кислорода и у васъ будетъ коричневая кислота. Вотъ немногія изъ безчисленныхъ метаморфозъ, чудныхъ и непостижимыхъ!

За этимъ считаемъ нужнымъ привесть примѣръ важности приложенія химіи къ медицинѣ. Если требуется, чтобы какое-нибудь вещество, будучи введено въ желудокъ, проникло черезъ сосуды въ разныя части тѣла, то первымъ условіемъ этого должна быть растворимость самаго вещества. Если вещество нерастворимо, то, прошедши пищепріемный каналъ, оно оставитъ его, не произведя никакого дѣйствія. Растворимое же вещество проникаетъ въ кровь и, если не вредно, питаетъ ее; если же ядовито, то болѣе или менѣе разстроиваетъ жизненныя отправленія. Химики успѣли открыть въ своихъ лабораторіяхъ способъ, дѣйствіемъ извѣстныхъ соединеній, превращать большую часть ядовитыхъ веществъ въ вещества нерастворимыя и тѣмъ лишать ихъ способности вредить. Чтобы доказать это, медикъ дѣлаетъ опытъ въ самомъ желудкѣ. Онъ, въ случаяхъ отравленія, вводитъ въ желудокъ вещество, уничтожающее дѣйствіе отравы превращеніемъ яда въ нерастворимое соединеніе. Такъ напримѣръ: известь и магнезія служитъ ему противоядіемъ отъ щевелевой кислоты, бѣлокъ отъ сулемы, водный желѣзный окисълъ отъ мышьяка.

Вотъ еще примѣръ подобнаго приложенія. Болѣзнь, называемая коликою живописцевъ, есть медленное отравленіе. Она происходитъ отъ вдыханія свинцовой пыли въ рудникахъ, изъ которыхъ добываютъ его руду, на фабрикахъ, гдѣ его

(*) По гречески корица называется *cinnamon*.

Digitized by Google

обработываютъ, и наконецъ отъ употребленія въ питье воды, насыщенной этимъ металломъ. Если какимъ бы то ни было образомъ растворъ свинца проникъ въ организмъ, онъ распространяется въ немъ и производитъ хроническую болѣзнь. Для уничтоженія вредныхъ его дѣйствій употребляютъ сѣрную кислоту и сѣроводородный газъ, имѣющіе свойство превращать такой растворъ въ нерастворимыя соединенія. Хотя впрочемъ опытъ показалъ, что отъ этихъ средствъ болѣзненные припадки утихаютъ, однакоже тѣмъ не менѣе свинецъ, ихъ причинившій, остается въ организмѣ и, не оказывая на время вредныхъ дѣйствій, всегда готовъ возобновить ихъ, какъ только придетъ въ свободное состояніе. Къ счастію, Мелсенъ, въ Брюсселѣ, недавно усовершенствовалъ эту часть терапіи, нашедши средство открывать вредное присутствіе свинца и совершенно изгонять его изъ организма. Это средство есть іодистый потассій—вещество, извѣстное химикамъ и формацевтамъ, и обладающее свойствомъ разлагать нерастворимыя соли свинца, и составлять съ нимъ іодистое соединеніе, имѣющее нѣкоторую степень растворимости. Отъ дѣйствія этого вещества болѣзнь снова появляется; органы, пропитанные свинцомъ, дѣлаютъ усиліе извергнуть его и металлъ пролагаетъ себѣ путь чрезъ почки такъ, что его можно прослѣдить въ жидкихъ изверженіяхъ. Дознано также, что при употребленіи сѣрной кислоты и сѣрныхъ водъ въ мочѣ его нѣтъ. Далѣе найдено, что большой пріемъ іодистаго потассія возобновляетъ весьма сильную колику, между тѣмъ какъ въ малыхъ пріемахъ, повторяемыхъ часто, онъ выдѣляетъ свинецъ постепенно и безъ ощутительной боли. По этому въ болѣзняхъ такого рода употребляютъ малые пріемы, и оканчиваютъ леченіе, когда большой пробный пріемъ этого лекарства не сопровождается болѣе болѣзненными припадками, и когда свинецъ уже не замѣчается въ жидкихъ изверженіяхъ. Такому же способу леченія слѣдуютъ послѣ продолжительнаго употребленія меркурія, также задерживающагося въ организмѣ.

Судебною медициною называютъ науку, которая составляетъ ничто иное, какъ часть судебной химіи, о которой мы имѣемъ сочиненія Орфилы, Христизона, Тейлора, Бекка, не

Digitized by Google

считая многія превосходныя нѣмецкія сочиненія. Эта отрасль науки преимущественно занимается случаями отравленія. Занимающіеся этою отраслью пріобрѣли въ своихъ операціяхъ такой удивительный навыкъ, что, по видимому, онъ долженъ устрашать замыслы злодѣйства и, слѣдовательно, ограничить число преступленій подобнаго рода. Не взирая однакоже на это, въ послѣднее время, случаи отравленія до того часто повторялись въ Англіи, что вызывали со стороны правительства для отвращенія зла многія законныя мѣры. Независимо отъ этихъ важныхъ вопросовъ, судебно-медицинская химія причисляетъ къ области своихъ изслѣдованій различныя поддѣлки патентованныхъ изобрѣтеній, подлоги въ веществахъ, подлежащихъ акцизу, и попытки подрывать нѣкоторыя мануфактурныя производства. Она занимается также открытіемъ подмѣси въ обще-употребительныхъ веществахъ, преимущественно въ пищѣ, тѣмъ болѣе, что порча этого рода имѣетъ великое вліяніе на здоровье и благосостояніе общественное. Наконецъ, она обращаетъ особенное вниманіе на тѣ поддѣлки, которымъ подвергаются вещества лекарственныя,—поддѣлки, которыя, дѣйствуя большей частію отрицательно, отъ того именно и опасны, что ихъ менѣе всего можно предвидѣть. Мы легко могли бы войдти въ дальнѣйшія подробности касательно этого предмета; но предѣлы статьи не дозволяютъ намъ распространяться, и потому только укажемъ любопытнымъ читателямъ на превосходное сочиненіе Доктора Дюфло по этой части (*).

Указавъ пользу, извлекаемую изъ химіи медициною, мы теперь исчислимъ тѣ пособія, которыя химія оказываетъ промышленности. Для лучшей оцѣнки успѣховъ, сдѣланныхъ приложеніями этого рода, стоитъ сравнить древнее сочиненіе Экина о химическихъ искусствахъ съ новѣйшею энциклопедіею доктора Юра и съ сочиненіемъ Дюма, а эти послѣднія съ новѣйшими нѣмецкими книгами. Сравненіе покажетъ, что фабрикаціи, извѣстныя Экину, въ настоящее

(*) *Die wichtigsten Lebens Bedürfnisse, ihre Aechtheit und Güte*, Breslau, 1840. Въ Англіи нѣтъ спеціальнаго сочиненія по этому предмету. Тамъ ничего подобнаго не появлялось со времени книги Аккума: *Death in the pot* (Смерть въ горшкѣ).

Digitized by Google

время значительно усовершенствованы чрезъ устраненіе многихъ препятствій, чревъ сокращеніе времени выработки и,—чрезъ уменьшеніе цѣнности продуктовъ, при помощи новыхъ способовъ производства. Съ того времени родились многія новыя искусства, играющія немаловажную роль въ народномъ обогащеніи. Наконецъ, сравненіе позднѣйшихъ технологическихъ сочиненій съ тѣми, которыя непосредственно имъ предшествовали, дастъ ясное понятіе о быстротѣ, съ которою слѣдовали одно за другимъ всѣ извѣстныя нынѣ усовершенствованія.

Если наблюдатель, просмотрѣвшій исторію химіи, захочетъ въ подробности прослѣдить ея приложеніе къ дѣлу, то онъ найдетъ много любопытнаго въ изученіи ея постепенныхъ фазовъ. Онъ увидитъ, что каждое представлявшееся затрудненіе возбуждало новыя усилія. Были примѣры, гдѣ важныя отрасли промышленности казалось погибали отъ встрѣчавшихся препятствій, повидимому неодолимыхъ: на помощь имъ являлась химія, изобрѣтала для нихъ новыя средства, отъ которыхъ происходили или большая экономія въ выработкѣ, или высшее совершенство въ произведеніяхъ, и они снова усиливались и разширялись. Такъ хлопчато-бумажная филіатюра обязана химіи выработкою нитей, достигающихъ такой тонины, какой мы не находимъ даже въ естественныхъ сокровищницахъ Индіи. Искусство пряденія льна истощалось въ тщетныхъ усиліяхъ превратить волокна этого растенія въ нити достаточно тонкія. Эти непокорныя волокна не повиновались волѣ механика: химія показала, что это зависѣло отъ особеннаго въ нихъ заключающагося клейкаго вещества; паръ растворилъ клей, волокна распались, и нить приняла тонину неожиданную. Самое вымачиваніе льна производилось сначала весьма медленно, тѣмъ болѣе, что оно сопровождалось запахомъ, причинявшимъ рвоту и сильнѣйшія болѣзни въ рабочихъ. При томъ же, только вода особеннаго рода источниковъ играла роль въ процессѣ вымачиванія льна; а тонина волоконъ зависѣла отъ возраста растенія, недоходившаго въ извѣстной степени до совершеннаго дозрѣванія, отъ чего проистекала невозможность пользоваться стеблемъ

Digitized by Google

зерномъ въ одно и тоже время. Благодаря успѣху химіи, Шенкъ открылъ новый способъ моченія льна, позволяющій созрѣвать какъ растенію, такъ и самому зерну. Не смотря на это, въ настоящее время уже начинаютъ говорить о новомъ усовершенствованіи, готовящемся упразднить открытіе Шенка. Въ слѣдствіе этого усовершенствованія является соперникъ хлопчатой бумагѣ: Клозенъ открылъ способъ, при всей тонинѣ льняныхъ волоконъ, раздѣлять ихъ еще болѣе, придавать имъ видъ бумаги и способность также какъ и она ссучиваться. Это открытіе обѣщаетъ разширить кругъ мануфактурной и земледѣльческой дѣятельности. Услуги, оказанныя химіею писчебумажной фабрикаціи, не менѣе важны. Она показала возможность обезцвѣчивать посредствомъ хлора всякое окрашенное тряпье, изъ котораго вырабатывается бумага: слѣдствіемъ этого было увеличеніе количества первичнаго матеріала и пониженіе цѣнъ на самое произведеніе, при всемъ возрастающемъ на него требованіи. Одно неудобство замѣшалось въ этомъ процессѣ: избытокъ хлора задерживается продуктомъ, и потомъ оказываетъ дѣйствіе на чернила. Но и это неудобство устранено употребленіемъ такъ-называемаго фабрикантами *антихлора*, уничтожающаго избытокъ хлора.

Приготовленіе превосходнаго смальта, употребляемаго въ живописи и получаемаго изъ ядовитаго минерала кобальта, принадлежитъ также къ числу нашихъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ при помощи химіи. Ультрамаринъ, превосходная голубая краска, долгое время составлялъ предметъ зависти для художниковъ, потому что высокая цѣна не дозволяла ему войти во всеобщее употребленіе; химики разложили его, узнали его составныя части; но все-таки не могли получить желаемаго чрезъ соединеніе этихъ элементовъ. Вскорѣ наблюденіе помогло имъ: въ мануфактурныхъ отбросахъ они нашли вещество голубаго цвѣта и, по изслѣдованіи, убѣдились, что составъ его тожественъ съ составомъ ультрамарина; изучивъ условія, при которыхъ образуется это вещество, они успѣли получить то, что желали. Съ того времени, для всѣхъ, нуждавшихся въ этой драгоцѣнной краскѣ, она сдѣлалась доступною.

Digitized by Google

Въ заключеніе статьи, скажемъ еще объ одномъ приложеніи, коего польза несравненно обширнѣе и возвышеннѣе. Въ числѣ веществъ, входящихъ въ составъ пшеничнаго зерна, а слѣдовательно и въ составъ хлѣба, находится одно, называемое у химиковъ фосфорнокислою известью. Для полнаго развитія зерна необходимо присутствіе этого вещества въ почвѣ, питающей самое растеніе; если его нѣтъ въ ней въ извѣстной пропорціи, то драгоцѣнный злакъ не дозрѣваетъ: колосья тощи, зерна не многочисленны. Кости животныхъ, по большей части, состоятъ изъ фосфорнокислой извести; по этому-то, въ теченіе текущаго полустолѣтія, костями, истертыми въ порошокъ, посыпаютъ землю, которая даетъ потомъ обильныя жатвы. Кромѣ этого удобренія, химія указала еще другія подобныя: при помощи геологіи и минералогіи, она отыскала присутствіе фосфорнокислой извести въ нѣкоторыхъ минералахъ. Земледѣльцы не замедлили воспользоваться открытіемъ, оказавшимъ для нихъ великую пользу.

Мы могли бы распространиться еще болѣе объ успѣхахъ и исторіи химіи; но, поставивъ цѣлью этой статьи только то, чтобы показать картину ея дѣйствительной важности, мы думаемъ, что всего сказаннаго уже достаточно для точнаго понятія о несравненно болѣе полезной будущности, ожидающей эту науку, и о важности мѣста, которое она должна занять въ уваженіи народномъ.

(Edinburgh Review).

Digitized by Google

ЛЕГЕНДЫ ОБЪ АТТИЛѢ.

Изъ всѣхъ людей, имѣвшихъ печальную честь потрясать землю, никто, можетъ быть, не оставилъ послѣ себя столь многочисленныхъ и столь различныхъ преданій, какъ Аттила: причина этого заключается въ томъ вліяніи,—въ одно и то же время сильномъ и кратковременномъ,—какое онъ имѣлъ на современные народы. Впечатлѣнія страха въ однихъ, чувства удивленія въ другихъ, превысили много значенія тѣхъ дѣйствій, которыя успѣлъ совершить онъ до своей ранней смерти; но память, которую оставилъ по себѣ Аттила, была также велика, какъ велико и потрясеніе, произведенное имъ въ тогдашнемъ мірѣ.

Естественно ожидать, что въ этой смѣшенной грудѣ народныхъ воспоминаній, дошедшихъ до насъ черезъ средніе вѣка, встрѣтится всякія противорѣчія, истинное и ложное, возможное и нелѣпое, прекрасное и отвратительное. Остережемся однакожь презрительно судить о нихъ, даже и тогда, когда въ нихъ откроется что-нибудь очевидно баснословное, руководствуясь той мыслію, что онѣ стали наслѣдственными вѣрованіями большей части Европейскихъ народовъ, и что отселѣ именно выходитъ тотъ Аттила, образъ котораго живетъ въ нашихъ умахъ; потому что Аттила, котораго мы знаемъ всѣ, сколько насъ ни есть, принадлежитъ гораздо болѣе преданію, чѣмъ исторіи. Но какъ образовался онъ,—этотъ типъ, созданный народнымъ преданіемъ? Чѣмъ отличается онъ отъ дѣйствительности? почему видоизмѣняется онъ въ своихъ существенныхъ качествахъ, соотвѣтственно различнымъ свойствамъ временъ и мѣстъ? Эти вопросы, представляющіеся каждый разъ, какъ хочешь ввести порядокъ въ хаосъ преданій, особенно имѣютъ приложеніе здѣсь. Я думаю, что исторія этихъ легендъ, если не будетъ столько же интересна, сколько исторія

Digitized by Google

самого Аттилы, — во всякомъ случаѣ она служитъ необходимымъ ея дополненіемъ (*). Чѣмъ глубже и сильнѣе человѣкъ потрясъ человѣчество, тѣмъ важнѣе знать, что осталось послѣ него въ сознаніи человѣчества.

Поставленный на границѣ двухъ вѣковъ, между эпохой Римской, которую похоронилъ подъ ея собственными развалинами, и эпохою созиданія государствъ варварскихъ, основанія которыхъ готовитъ онъ, — Аттила является въ исторіи подъ двумя совершенно различными точками зрѣнія: разрушитель и основатель въ одно и тоже время, онъ заключаетъ эпоху Римскаго владычества на Западѣ, и открываетъ настоящую эпоху господства народовъ Германскихъ, вводитъ варварство въ его новую жизнь. Въ силу этого двоякаго дѣйствія, онъ господствуетъ надъ тѣмъ и другимъ, — надъ образованнымъ и варварскимъ, — міромъ V вѣка, который есть вѣкъ—переходный. Отселѣ также являются два потока воспоминаній, впечатлѣній, сужденій, относящихся къ его памяти, — и одинъ изъ нихъ вытекаетъ изъ міра Римскаго, а другой изъ міра Германскаго: совершенно разнородные, даже противоположные одинъ другому по своимъ началамъ, они идутъ совершенно отдѣльно во все продолженіе своего теченія, и проходятъ черезъ средніе вѣка, если не безъ искаженія, то по крайней мѣрѣ не встрѣчаясь и не сливаясь между собою.

Къ этимъ двумъ главнымъ потокамъ преданій, надо прибавить еще третій, который, хотя не такъ важенъ, но все-таки не долженъ быть пренебрегаемъ: мы разумѣемъ преданіе Венгерское, которое правильнѣе было бы назвать Паннонскимъ. Это смѣсь воспоминаній Славяно-Римскихъ, сохранившихся на Дунайской равнинѣ, съ другими воспоминаніями, привесенными съ Востока Гуннскими племенами, замѣстившими въ Паннонiи Гунновъ Аттилы. Угры или Венгры, которыхъ національное имя Мадяры, образуютъ послѣднее полчище этихъ завоевователей гуннскаго происхожденія, ставшихъ Европейцами, и они въ своихъ книгахъ собрали все, что могло служить къ прославленію человѣка, котораго они съ гордостью поставляютъ во главѣ своихъ царей.

(*) См. Аттила. Москвит. за 1852 г. N 4, 5, 7, 10 и 11.

Digitized by Google

Какъ ни странны иногда эти преданія, запечатлѣнныя восточнымъ воображеніемъ, мы прислушаемся однакожъ и къ нимъ, какъ къ голосу, выходящему изъ развалинъ дворца, въ которомъ жилъ Аттила, какъ къ отголоску таинственной гробницы, въ которой онъ живетъ еще и теперь.

Еще одно слово. Если трудна наша работа, за то по крайней мѣрѣ нѣтъ недостатка въ матеріалахъ; напротивъ, можно сказать, что ихъ много даже до излишества. Преданія Латинскія, Галльскія, Итальянскія, находятся въ городскихъ хроникахъ и въ церковныхъ легендахъ, гдѣ остается ихъ только собрать; преданія Германскія хранятся преимущественно въ народныхъ поэмахъ Южной Германіи, или въ пѣснахъ и сагахъ Сѣверной Германіи. Что касается до книгъ мадярскихъ, то надобно критически разсмотрѣть, что въ нихъ есть оригинальнаго или заимствованнаго, древняго или новаго; кромѣ того, нужно отдѣлять воспоминанія западныя отъ нѣкоторыхъ темныхъ или отдаленныхъ воспоминаній, которыя могли придти изъ Азіи въ Европу съ потомками Гунновъ Аттилы.

I. ПРЕДАНІЯ ЛАТИНСКИХЪ НАРОДОВЪ.

Перенесемся мысленно къ 453 году,—годинѣ избавленія Римлянъ отъ ужасовъ войны, когда Гуннскій царь похищенъ былъ вдругъ, какъ-будто небеснымъ ударомъ: Италія и Галлія отдохнули. И, какъ обыкновенно случается послѣ всякихъ сильныхъ переворотовъ, всѣ принялись составлять перечни своихъ несчастій, дѣлать описи своихъ ужасовъ. Такъ какъ всѣ трепетали, то всѣ и говорили, что имѣли причину трепетать, и потому каждый съ своей стороны повѣствовалъ либо о самомъ плачевномъ разрушеніи, либо о необычайно чудномъ сохраненіи. Это чувство на Западѣ было всеобщее. Важнѣйшіе изъ городовъ ставили себѣ за честь быть одни—взятыми, другіе—осажденными, всѣ—угрожаемыми. Всѣмъ хотѣлось сказать, что они видѣли вблизи страшнаго врага, принимали какое-нибудь участіе въ кровавой драмѣ, долго имѣвшей привиллегію быть любопытною и трогательною. Невольно преувеличивали сдѣланное зло, присовокупляя къ нему то, какое могло быть

Digitized by Google

сдѣлано; воплощали въ форму дѣйствительности свои страхи, свои грезы, свою суетность. Этимъ объясняется чрезвычайное множество мѣстныхъ преданій объ Аттилѣ,—преданій, очевидно весьма древнихъ, и однакожь несогласныхъ съ исторіей. Если принимать въ буквальномъ смыслѣ легенды и лѣтописи VII, VIII и IX вѣковъ, то Аттила не оставилъ ничего неразрушеннымъ ни въ Галліи, ни въ Италіи, и часто формула, употребленная лѣтописцами, не допускаетъ въ этомъ отношеніи никакого исключенія. Такъ авторъ второй легенды о Св. Луппѣ, писанной въ концѣ VIII вѣка, именно говоритъ, что въ Галліи, послѣ прохода Гунновъ, не осталось на мѣстѣ ни одной открытой усадьбы, ни одного города цѣлаго, ни одного замка крѣпкаго. По мнѣнію среднихъ вѣковъ, всякая развалина—прямо дѣло Аттилы, также какъ всякое древнее зданіе—дѣло Юлія Цезаря. Цезарь и Аттила для нашихъ предковъ были два соотносительные типа, одинъ—типъ завоеваній плодотворныхъ и содѣйствовавшихъ просвѣщенію, другой—типъ войны безплодной и губительной.

Итакъ, развалины, убійства, гоненія на святыхъ, вотъ оффиціальная свита Гуннскаго царя, которая всего болѣе характеризуетъ его въ памяти Латинскихъ племенъ. Его считаютъ за столько богатымъ—самого по себѣ—всѣми ужасами и грабительствами, что придаютъ ему и небывалые подвиги безъ всякаго опасенія и сомнѣнія.

Затрудняется ли лѣтописецъ касательно эпохи разрушенія извѣстнаго города, или жизнеописатель святыхъ относительно ихъ страданій,—тотъ и другой избираютъ для прекращенія недоумѣній время вторженія Гунновъ; возстаетъ ли здравый смыслъ противъ баснословной необычайности какого-нибудь покушенія,—его сдѣлаютъ правдоподобнымъ, произнеся имя Аттилы. Такъ средневѣковые писатели легендъ положительно ему приписали убійство Св. Урсулы и одиннадцати тысячъ дѣвъ, хоть это происходило въ Кельнѣ въ 451 году съ дѣвами юными, которыя между тѣмъ вышли изъ Бретани въ 383 году; но такія несообразности не останавливаютъ легенды.

Любопытно въ глубинѣ преданій поискать тайной причины, заставляющей совращаться ихъ съ пути истины безъ всякаго, повиди-

Digitized by Google

мому, основанія. Здѣсь, какъ будто, вслѣдствіе какой-то грубой логики, легенда относила къ царю Гунновъ, какъ его естественное, неотъемлемое достояніе—огромныя развалины или невозможныя покушенія; — въ иной разъ, желаніе прославить кого-нибудь заставитъ ее предположить, со стороны завоевателя, походы, битвы, осады, которыхъ не бывало, и которыя находятся въ грубомъ противорѣчіи съ исторіей. Такова осада Парижа въ 451 году, придуманная съ цѣлію—противопоставить Св. Женевьеву Аттилѣ, вдохновенную пастушку человѣку, заставившему трепетать міръ; между тѣмъ какъ эта благочестивая и отважная дѣва никогда и не бывала пастушкой, и ея дѣйствіе въ войнѣ 451 года ограничилось только тѣмъ, что она воспрепятствовала Парижанамъ уйдти изъ города, отъ страха непріятельскаго вторженія. Ложныя этимологическія объясненія также весьма много способствовали къ составленію ложныхъ преданій: мы указали бы не мало такихъ явленій, еслибъ это было необходимо въ настоящемъ изслѣдованіи. Но довольно показать, какъ сходство имени, разработанное мѣстной суетностью, можетъ породить цѣлую исторію, основанную на преданіяхъ, гдѣ историческія ошибки множатся невѣроятнѣйшимъ образомъ и поддерживаютъ ошибки географическія. Подробности, описанныя Іорнандомъ относительно мѣста, гдѣ происходила великая Каталаунская битва, не допускали никакого сомнѣнія, что это мѣсто находилось въ провинціи Шампаньи, въ окрестностяхъ Шалона на Марнѣ, и преданіе городовъ Шампани согласовалось въ этомъ съ исторіей. Тѣмъ не менѣе, Тулуза присвоила себѣ честь этой битвы, по той причинѣ, что есть равнина Каталанская, которая находится въ ея сосѣдствѣ. Такимъ образомъ, чтобы Аттила могъ придти къ Тулузѣ, нужно было, чтобъ онъ прошелъ Галлію во всю ея длину, и чтобъ, для обезопашенія своего отступленія, по необходимости, взялъ и разрушилъ до основанія Ліонъ, Арль, Нарбонну и проч.... И чтожъ? преданіе нимало не остановилось передъ подробностями этой воображаемой войны; но, когда Аттила былъ побѣжденъ при Каталанѣ и принужденъ отступить, то что же сталось съ остатками его пятисотъ-тысячнаго войска? Преданіе и здѣсь нисколько не затрудняется; оно посылаетъ ихъ въ Испанію выгонять оттуда Мавровъ.

Digitized by Google

Оно повѣствуетъ, что Аттила, для этого благочестиваго дѣла, отрядилъ троихъ изъ своихъ полководцевъ, которые, вступивъ въ Галицію, напали на султана Мирмамона и принудили его бѣжать въ его область по ту сторону Гибралтара. Вотъ Аттила преобразуется въ защитника христіанства, въ родѣ Карла Мартела и Сида: роль, очевидно, самая неожиданная изъ всѣхъ, какую назначаетъ ему народное воображеніе.

Кто повѣритъ, напримѣръ, что многіе города Галліи и Италіи усвояли себѣ честь даже быть основанными, или, по крайней мѣрѣ, распространенными и укрѣпленными всеобщимъ разрушителемъ, истребителемъ? Требія имѣла однакожъ эту фантазію. Древняя и гордая метрополія Римской Галліи, забывши въ средніе вѣка, кому она обязана своимъ блескомъ, приписала его царю Гунновъ. Такимъ образомъ, этотъ прекрасный Римскій памятникъ, которому и доселѣ удивляются въ городкѣ Игелѣ, —въ одной мили отъ Требіи,— въ XII вѣкѣ назывался *тріумфальною аркою Аттилы*, и легенда говоритъ объ *мостѣ Аттилы* на Мозелѣ, близъ самыхъ стѣнъ этого города. Стразбургъ простерся въ своихъ странныхъ мнѣніяхъ еще далѣе: это — любопытная исторія, и ее стóитъ разсказать.

Ни одинъ городъ не пострадалъ столько отъ полчищъ Аттилы, какъ этотъ знаменитый городъ Аргенторатъ или Аргенторія, бывшій цитаделью восточной Галліи противъ Германцевъ и театромъ столькихъ знаменитыхъ сраженій. Его разрушеніе въ 451 году было совершенное: въ VI и VII вѣкахъ *Серебряный* городъ былъ не болѣе, какъ ужасной пустыней, покрытой кустарникомъ и ставшей убѣжищемъ для дикихъ звѣрей;—герцоги Альзасскіе, въ VIII вѣкѣ, пользовались только титуломъ, который давали имъ пустыя и заброшенныя земли. Въ небольшомъ разстояніи отъ этихъ развалинъ, и изъ того же матеріала, который онѣ доставляли, построенъ былъ сперва городокъ, потомъ городъ, который такимъ образомъ протянулся вдоль военной дороги Римской, смежной съ Рейномъ. Такъ какъ большія мощенныя дороги по-Латыни назывались *strata*, то и новый городъ названъ былъ *Strata-burgum* или *Strate-burgum*,—двоякая форма, которую мы находимъ у Григорія Турскаго; и какъ, кромѣ того, *Strate* или

Digitized by Google

Strass имѣло уже и по-Нѣмецки тоже значеніе, что *stratum* по-Латыни, — то *Strata-burgum* значило на обоихъ языкахъ *городъ близь дороги*.

Эта историческая этимологія показалась слишкомъ проста средневѣковымъ Стразбургцамъ, желавшимъ дать своему городу болѣе блестящее происхожденіе. Они повѣствовали, что Аттила, во время своего пребыванія въ Аргенторатѣ (пребыванія—увы!—не слишкомъ миролюбиваго), желая уничтожить преграду, отдѣлявшую Галлію отъ за-Рейнскихъ странъ, и сдѣлать свободными сообщенія между всѣми народами, приказалъ сдѣлать въ стѣнахъ города четыре большіе пролома, соотвѣтственно четыремъ главнымъ направленіямъ, ведшимъ въ Германію, и что для увѣковѣченія въ памяти потомства этого новаго устройства, повелѣлъ, чтобы Аргенторатъ назывался впредь Стразбургомъ, то есть, слѣдуя преданію, *городомъ дорогъ*. Съ этой эпохи, Стразбургъ велъ начало своего величія и своего значенія, какъ свободнаго города. Эта сказка, такъ льстившая альзасской гордости, стала на степень всеобщаго вѣрованія не только въ народѣ, но и между учеными. Альзасская хроника передаетъ ее очень серьезно, и историческая критика до послѣдняго вѣка должна была бороться съ заблужденіемъ, пользовавшимся такою большою довѣренностію. «Объясните мнѣ пожалуста, говорилъ Шепфлинъ, ученый и разсудительный авторъ *Alsatiae Illustratae*, — какимъ образомъ Аттила, не знавшій по-Нѣмецки, могъ умудриться, чтобъ давать галльскимъ городамъ нѣмецкія названія?» Авторитетъ преданія и на это даетъ отвѣтъ. Тогда существовало (а можетъ быть существуетъ и теперь еще) надъ Стразбургскими воротами,—которыя ведутъ къ городу Куронѣ и по этой причинѣ называются *Кроненбургомъ*,—существовало на камнѣ высѣченное изображеніе съ слѣдующею надписью кругомъ его: *Sic oculos, sic ille genas, sic ora ferebat* (*). Фигуры, по сторонамъ изображенія, указываютъ, повидимому, на возрастъ стараго бургомистра,

(*) «Вотъ какіе были у него глаза, щеки и уста». Виргилій говоритъ: *Sic oculos, sic ille manus, sic ora ferebat;* но изображеніе Стразбургскаго бургомистра было безъ рукъ.

Digitized by Google

образъ котораго хотѣли здѣсь увѣковѣчить. Кто подумалъ бы, что это изображеніе Аттилы? «А народъ этому вѣритъ, говоритъ Шепфлинъ, и многіе изъ образованныхъ людей вѣрили». Такимъ образомъ христіанскій Стразбургъ считалъ своимъ патрономъ Гуннскаго царя, межъ тѣмъ какъ недалеко отъ него другой городъ, точно также христіанскій, Кельнъ, проклиналъ его передъ мощами одиннадцати тысячь дѣвъ. Имя этого человѣка наполняло весь сѣверъ Галліи, и эти самыя противорѣчія, въ которыя впадали различные народы относительно его, показывали, какіе слѣды оставило между ними его величіе.

Теперь перейдемъ мы къ тѣмъ легендамъ, которыя даютъ намъ какъ бы самую высшую точку на горизонтѣ преданія,—къ легендамъ о томъ, что *Attila flagellum Dei* (бичъ Божій), въ чемъ заключается, для латинскихъ поколѣній, идеалъ Гуннскаго царя. Простое историческое значеніе этого слова лучше всего даетъ намъ понять успѣхи ума человѣческаго въ составленіи преданій, и особенно въ дѣлѣ преданія средневѣковаго. Перенесемся же мысленно въ среду христіанскихъ народовъ V вѣка. Спросимъ ихъ, какъ смотрѣли они прежде всего на вторженіе Аттилы, и какое изъ обстоятельствъ этой короткой, но кровавой войны возбуждало болѣе живое волненіе въ то время, и, потомъ, въ длинномъ ряду слѣдовавшихъ за тѣмъ воспоминаній. Исторія должна намъ дать отвѣтъ на это.

Во множествѣ разнородныхъ событій, которыя представляются въ войнахъ 451 и 452 годовъ, были три, которыя, казалось, отличались отъ другихъ нѣкоторыми чертами необычайности и чудесности, и имѣли въ ряду прочихъ особливое мѣсто и значеніе: это защита и спасеніе Орлеана чрезъ св. Аньяна, его епископа, пощада Труа, по просьбѣ его епископа св. Лупа, и наконецъ, спасеніе оставленнаго императоромъ Рима, по просьбѣ Св. папы Льва. Во всякомъ другомъ, менѣе мистическомъ вѣкѣ, это, трижды повторявшееся и трижды удавшееся, ходатайство служителя Божія, заклинавшаго духа разрушенія, и отвращавшаго погибель, висѣвшую надъ тремя главными изъ городовъ,—во всякомъ вѣкѣ это ходатайство сильно поразило бы народные умы: въ V вѣкѣ оно совершенно покорило ихъ. Оно, это хода-

Digitized by Google

тайство сдѣлалось обстоятельствомъ главнымъ, господствующимъ въ исторіи вторженія Гунновъ, или лучше, всѣ другія событія изгладились передъ нимъ. Сообщивъ цѣлому ходу войны свой чудесный оттѣнокъ, оно дало ему и свое нравственное значеніе, свой характеръ въ ряду религіозныхъ идей: прибавимъ къ этому, что, помимо частнаго событія, военнаго дѣйствія, оно доставляло христіанству неоцѣненное оружіе въ его еще слишкомъ упорной борьбѣ съ язычествомъ. Всѣ видѣли, что въ продолженіе ста лѣтъ, при всякомъ внутреннемъ неустройствѣ, при всякомъ успѣхѣ варваровъ, язычники, вѣрные своей давней тактикѣ, приписывали несчастія имперіи Христіанской Религіи, и она должна была, такъ сказать, нисходить передъ трибуналъ міра для оправданія себя. Три событія, о которыхъ сказано, оканчивали всю эту полемику. Какого еще спрашивать болѣе удовлетворительнаго отвѣта на обвиненія! Какого еще требовать доказательства силы новой вѣры! Какого желать еще торжества для ея служителей! Напрасно жрецы языческіе провозглашали свои астрологическія выкладки для объясненія отступленія Аттилы дѣйствіемъ звѣздъ: общее сознаніе приписывало эту честь Св. Льву, а самъ онъ воздавалъ славу Богу. Разсматриваемыя съ этихъ идеальныхъ высотъ, земныя событія въ глазахъ всѣхъ были очень малы, и Шалонская побѣда, выигранная въ слѣдствіе случайностей войны, должна была казаться весьма ничтожною передъ побѣдою при Минчіо, одержанною словомъ старца. Аэцій имѣлъ случай убѣдиться въ этомъ. Къ чему геній и военное искусство въ сферѣ метафизической, къ которой относили интересы имперіи, и въ которой самые факты, какъ будто, нарочно располагались въ стройномъ порядкѣ? Этотъ, взлядъ на войну Аттилы необходимо опредѣлялъ и самый характеръ сочиненій христіанскихъ историковъ, давалъ имъ формулу для ихъ искусства, согласующуюся съ ихъ религіозной идеею. Мы увидимъ, какая была эта формула: она указана намъ современникомъ, знаменитымъ Сидоніемъ Аполлинаріемъ, который самъ предпринялъ описаніе Галльской войны.

Сидоній, изъ ліонской фамиліи Аполлинаріевъ, долго былъ модянымъ поэтомъ; его мелкія стихотворенія и письма, переданныя

Digitized by Google

потомству, переходили изъ рукъ въ руки, съ одного конца имперіи до другаго; въ самомъ Римѣ, ни одинъ праздникъ не былъ полонъ, если не было на немъ чтенія галльскаго Виргилія; и каждый ново-вступившій на престолъ цезарей ждалъ себѣ отъ него панегирика. Эта громкая слава, вмѣстѣ съ знатностью рода, доставила ему руку Папіаниллы, дочери богатаго Арверца Авита, который склонилъ Визиготовъ стать подъ знамена Аэція противъ Аттилы, и который потомъ, при ихъ содѣйствіи, провозглашенъ былъ императоромъ. Возвеличенный мірскими почестями, Сидоній уступилъ наконецъ потоку, который увлекалъ всѣхъ знатныхъ людей того времени къ религіозному служенію: онъ сдѣлался Клермонскимъ епископомъ. Его несомнѣнный талантъ, его положеніе, какъ человѣка свѣтскаго, посвященнаго въ тайны политики, его весьма дружественныя отношенія со Св. Луппомъ, который часто былъ его литературнымъ повѣреннымъ, и другія, хотя менѣе близкія, сношенія со Св. Аньяномъ, указывали на него всѣмъ, какъ на человѣка, которому именно надлежало передать повѣствованіе о Галльской войнѣ. Его просили объ этомъ, на него возложили, какъ будто, въ родѣ непремѣнной обязанности это дѣло, и Просперъ, наслѣдовавшій Аньяну на орлеанскомъ епископскомъ престолѣ, прибылъ къ нему лично, чтобы вырвать у него обѣщаніе. И такъ, Сидоній приступилъ къ дѣлу, но продолжительность труда ослабила его ревность: при томъ же и самъ онъ, будучи епископомъ твердымъ и ревностнымъ по вѣрѣ,—подражателемъ тѣхъ, коихъ хотѣлъ изобразить, вскорѣ брошенъ былъ въ среду событій и переворотовъ, поглотившихъ всю остальную жизнь его. Онъ рѣшился взять назадъ данное обѣщаніе, и написалъ къ Просперу съ этой именно цѣлію. Мы имѣемъ это письмо, любопытное для насъ по многимъ причинамъ, и особенно потому, что оно даетъ намъ возможность судить объ историческомъ планѣ Сидонія, и о томъ родѣ пользы, которой ожидало Галльское духовенство отъ его пера. Оно заключается въ слѣдующихъ словахъ:

«*Сидоній Господину Папѣ Просперу.*

«По желанію твоему видѣть превознесеннымъ справедливыми похвалами превеликаго и пресовершеннаго Первосвященника, Св.

Digitized by Google

Аньяна, равнаго Луппу и не низшаго Германа, а также и для того, чтобы лучше напечатлѣть въ сердцахъ вѣрныхъ образецъ такого человѣка, который не имѣлъ недостатка ни въ какой славѣ, поелику тебя оставилъ своимъ преемникомъ,—ты вытребовалъ у меня обѣщаніе, чтобы, взявши перо, я передалъ потомству исторію о войнѣ Аттилы. Я долженъ былъ разсказать, какъ городъ Орлеанъ былъ осажденъ, взятъ, занятъ войками, и остался неразрушеннымъ, и какъ исполнилось славное пророчество сего епископа, коему всегда внимало Небо. Я началъ писать, но великость моего предпріятія ужаснула меня, и я отступилъ, едва коснулся его рукою: ни чьему слуху не открылъ я моихъ опытовъ, осужденныхъ самимъ мною, какъ цензоромъ. Повинуясь твоей досточтимой просьбѣ и тому уваженію, какое внушаютъ мнѣ заслуги великаго епископа, при ближайшемъ случаѣ я пришлю тебѣ по крайней мѣрѣ похвалу въ честь ему. Заимодавецъ нелицепріятный, будь снисходителенъ къ безразсудному должнику, сними съ него его неблагоразуміе, и не требуй неумолимо долга, который уплатить онъ объявляетъ себя не въ состояніи. Удостой вспоминать о насъ, святѣйшій папа».

Такимъ образомъ, Аполлинарій имѣлъ мысль представить во всемъ блескѣ св. Аньяна, не только какъ лицо историческое, но и какъ лицо христіанское, для прославленія религіи, и, какъ онъ самъ говоритъ, «чтобы напечатлѣть столь великій образецъ въ сердцахъ вѣрныхъ»; этого же именно желалъ и Просперъ, этого требовали вмѣстѣ съ нимъ и другіе галльскіе епископы. Для выполненія этого плана, Сидоній, изобразивъ со всею подробностью защитника Орлеана, перешелъ бы потомъ, на вѣрное, къ защитнику Труа, св. Луппу, своему другу, за тѣмъ, по всей видимости, къ Женевьевѣ, строгой и мужественной защитницѣ Парижанъ, и, бросивъ издали взглядъ на Италію, начертилъ бы на послѣднемъ планѣ св. Льва, смягчающаго Аттилу однимъ словомъ, и прерывающаго рядъ завоеваній и нить жизни этого отмѣченнаго судьбою человѣка. Весь интересъ повѣствованія долженъ былъ сосредоточиваться на этихъ великихъ христіанскихъ образахъ, одинъ за другимъ выступающихъ на пути завоевателя.

Digitized by Google

Уже значительное и само по себѣ, ихъ вліяніе на послѣдствія войны было бы возвеличено, превознесено.

Эта смѣсь отвлеченныхъ идей и дѣйствительныхъ событій была именно страстью того вѣка. Такъ писалъ Орозій, такъ представлялъ ходъ человѣческихъ событій и Августинъ въ своей Civitas Dei. Война Аттилы доставила этой системѣ въ одно и то же время и содержаніе и подтвержденіе; можно даже было сказать, что приложеніе теологическихъ введеній къ исторіи человѣческихъ дѣяній никогда не являлось столько законнымъ, какъ теперь. Достоинство же самого искусства состояло въ томъ, чтобы на первомъ планѣ картины представить на видъ двухъ лицъ, одинаково движимыхъ дѣйствіемъ Божества, но противоположныхъ другъ другу: варвара, исполнителя Его гнѣва, и пастыря Церкви, исполнителя Его милосердія.

Этотъ методъ, проникнутый мистицизмомъ, слишкомъ тонкимъ для слѣдующихъ вѣковъ, въ рукахъ средневѣковыхъ историковъ совершенно сталъ матеріальнымъ. По мѣрѣ того какъ невѣжество разпространялось, чистая и возвышенная идея о тайно-дѣйствіи Божества, совершающаго Свои чудеса въ сокровенной глубинѣ сердецъ, уступила мѣсто сверхъестественнымъ вмѣшательствамъ, доступнымъ для внѣшнихъ чувствъ. Красота христіанской исторіи и ея истина, какъ понималъ ихъ вѣкъ Августина и Іеронима, значительно утратили свое настоящее значеніе. Всякое движеніе чувствъ и идей изчезло въ исторіи, и уступило мѣсто предметамъ осязаемымъ, или, по крайней мѣрѣ, видимымъ: вдохновенія приняли тѣлесную форму, идеи превратились въ фантомы. Вмѣсто прекраснаго событія, въ которой Св. Левъ изъясняетъ намѣренія Аттилы силою слова, которымъ сугубо вдохновляетъ его Богъ,—сцены, сколько истинной, столькоже изумительной, средніе вѣка придумали другую, въ которой для устрашенія Аттилы является Апостолъ Петръ, въ папскомъ облаченіи и съ мечомъ въ рукѣ. Тогда начали разсказывать, въ видѣ преданія, что Гуннскій царь, порицаемый своими приближенными за то, что онъ уступилъ безоружному старику,—онъ, на котораго не смѣли взглянуть римскіе легіоны, вскричалъ голосомъ еще полнымъ ужаса: «О! не этотъ священникъ заставилъ мен

Digitized by Google

отступить, но другой, который, держа позади его мечъ, грозилъ мнѣ смертію, если я не исполню его повелѣнія.» Другой разсказъ даетъ мѣсто подлѣ Св. Петра еще Св. Павлу. Это преданіе въ первый разъ встрѣчается у діакона Павла, писавшаго въ VIII вѣкѣ: послѣдующіе писатели повторяютъ его уже безъ всякаго колебанія и сомнѣнія, какъ фактъ, вообще принятый въ Италіи, и римскій служебникъ, принимая его, какъ будто сообщаетъ ему нѣчто въ родѣ освященія. Такимъ образомъ, это былъ настоящій переводъ свиданія св. Льва съ Аттилою; и переводъ этотъ сталъ популярнымъ; искусства наперерывъ одно передъ другимъ воспроизводили его, и кисть Рафаэля окончательно его обезсмертила. Изъ этого простаго обстоятельства можно понять характеръ искаженій, какія средніе вѣка сдѣлали съ множествомъ лицъ и событій временъ минувшихъ.

Св. Аньянъ, въ томъ же смыслѣ, какъ и Св. Левъ, имѣлъ подобную же участь. Патріотизмъ этого пастыря, его героическая твердость, эта вѣра простая и сильная, которая заставляла его,—въ то время, какъ онъ молился и обливалъ слезами ступени алтаря,—говорить: «подите, посмотрите со стѣнъ, нейдетъ ли къ намъ милосердіе Божіе,»—вѣра всепобѣждающая, которая обладаетъ тайной могущества надъ людьми, — все это стало непонятно для матеріальныхъ умовъ среди постоянно возраставшаго мрака. Чудеса духовной силы человѣческой, поддерживаемой божественнымъ вдохновеніемъ, изчезли передъ дѣтской фантасмагоріей, которую V вѣкъ отвергалъ, но которая стала единственною пищею вѣры болѣе грубой. Что сказано о Св. Аньянѣ и Св. Львѣ, тоже надобно сказать и о Женевьевѣ, этой благочестивой дѣвѣ, которую такъ легко узнаешь, читая первую объ ней легенду, и которой вовсе не узнаешь въ другихъ. Даже Св. Лупъ, этотъ литературный повѣренный Сидонія, отъ котораго осталось нѣсколько писемъ, этотъ Апостолъ-мірянинъ, котораго его современный жизнеописатель даетъ намъ видѣть въ такомъ истинномъ свѣтѣ, утратилъ совершенно свою дѣйствительность въ легендѣ о немъ, писанной въ концѣ VIII или въ началѣ IX вѣка. Вообще, начиная съ VII и до IX вѣка, дѣлаются

Digitized by Google

эти превращенія, не безъ нѣкоторой поэзіи, и отселѣ-то именно произошелъ, такъ сказать, типъ *бича Божія*.

Въ какую именно эпоху родилась эта знаменитая формула—*Attila flagellum Dei*, являющаяся у составителей легендъ и лѣтописцевъ обыкновеннымъ выраженіемъ, которому оставляютъ они латинскую физіономію, даже и въ томъ случаѣ, когда пишутъ на народномъ языкѣ? Неизвѣстно: можно сказать только одно, что она не встрѣчается ни у одного изъ современныхъ писателей, и что легенда о Св. Луппѣ,—о которой мы говорили сейчасъ,—написанная въ VIII или въ IX вѣкѣ Труасскимъ пресвитеромъ, есть самый древній документъ, въ которомъ мы находимъ ее. Уже идея, соединяемая средними вѣками съ выраженіемъ *flagellum Dei*, является здѣсь во всей полнотѣ. И такъ между V и VII вѣкомъ должно полагать принятіе этого слова *flagellum Dei*, сперва какъ эпитета, приложеннаго къ имени Аттилы, потомъ какъ титула, который онъ приписываетъ самъ себѣ и которымъ кичится, и, наконецъ какъ олицетворенія, съ которымъ онъ смѣшивается, и которымъ поглощается его историческая дѣйствительность. Выраженіе *flagellum Dei* проходитъ эти три ступени, и идея, какую назначаютъ ему средніе вѣка, вполнѣ является опредѣленною только на послѣдней изъ этихъ ступеней.

Италія и Галлія спорили между собою за честь изобрѣтенія этого выраженія. Итальянское преданіе усвояетъ его Св. Бенедикту, который еще не родился въ 452 году, и въ исторіи, на которой оно думаетъ основать основать свои притязанія, очень просто—смѣшиваетъ Гуннскаго царя Аттилу съ Готскимъ царемъ Тотилой. Галльское преданіе авторомъ его полагаетъ одного Шампаньскаго пустынника. По этому послѣднему преданію, Гуннскіе воины, наканунѣ Шалонской битвы, въ лѣсу, окружающемъ этотъ городъ, поймали этого пустынника и привели его къ царю. Человѣкъ этотъ считался въ томъ краю пророкомъ, и Аттила, для того чтобъ испытать его, или по тайному страху за будущее, спросилъ его, кто завтра останется побѣдителемъ. «Ты бичь Божій, *tu es flagellum Dei*, сказалъ ему пустынникъ;—но Богъ сокрушаетъ, когда Ему угодно, орудія своего гнѣва.

Digitized by Google

Ты будешь побѣжденъ, дабы увидѣлъ, что твое могущество не отъ земли.» Въ этомъ преданіи нѣтъ ничего противорѣчащаго исторіи; идеи эти—общія идеи V вѣка; этотъ языкъ есть церковный языкъ того времени; самое мужество пустынника напоминаетъ ту роль, которую римскій клиръ часто принималъ на себя передъ варварами: выраженное такимъ образомъ, Галльское преданіе нисколько не противорѣчитъ истинѣ. Прибавимъ къ тому, что выраженіе *flagellum Dei* есть не болѣе, какъ воспроизведеніе текста Исаіи, который называетъ Ассура лозою гнѣва Божія, *virga furoris* Dei, жезломъ, которымъ Богъ поражаетъ свой непокорный народъ. «И что же! прибавляетъ онъ, развѣ жезлъ можетъ подняться противъ руки, которая его носитъ? Жезлъ—не болѣе, какъ дерево, и Господь силъ, сокрушивъ его на тысячу кусковъ, повержетъ въ огонь, при всей суетности его торжествъ.» Вотъ идея пустынника и почти его слова.

Отцы V вѣка, говоря о бѣдствіяхъ Римской имперіи, выражаются объ нихъ почти не иначе: Варвары въ ихъ глазахъ суть не иное что, какъ точило, въ которомъ Богъ выжимаетъ свой виноградъ, горнило, въ которомъ искушаетъ свое золото, вѣяло, которымъ очищаетъ свои плоды. Раскройте Сальвіана, Орозія, Бл. Августина,—они переполнены подобными образами, заимствованными изъ Св. Писанія. Исидоръ Севильскій, лѣтописецъ VII вѣка, прилагаетъ особенно къ Гуннамъ изрѣченіе Исаіи: «Они, говоритъ онъ, лоза гнѣва Господня.» Хотя бы и не существовало подлиннаго текста, служащаго для насъ авторитетомъ, все-таки мы могли бы быть увѣрены, что Аттила въ V вѣкѣ не однажды получалъ изъ устъ нѣкоторыхъ священныхъ лицъ наименованіе *flagellum Dei*. Это совершенно справедливо, но среднія вѣка понимали совершенно иначе.

Преданіе о Галльскомъ пустынникѣ,—основу котораго мы сейчасъ раскрыли, и которое можетъ быть принято за фактъ историческій, въ своихъ дальнѣйшихъ подробностяхъ, совершенно переходитъ за предѣлы вѣроятности, и оставляетъ исторію для легенды. Оно повѣствуетъ, что Гуннскій царь, вмѣсто того чтобы оскорбляться наименованіемъ бича Божія, которое далъ ему пустынникъ, объявилъ, что онъ гордится имъ, и прибавилъ его къ своему имени,

Digitized by Google

какъ титулъ. Объятый адскимъ восторгомъ, онъ привскочилъ съ мѣста, и вскричалъ: «Звѣзда падаетъ, земля трясется, я—молотъ, поражающій міръ!» Здѣсь мы плывемъ по морю на всѣхъ парусахъ: посмотримъ, гдѣ придется намъ пристать.

Въ историческомъ очеркѣ Аттилы мы разсказали объ его свиданіи со Св. Луппомъ, какъ передаютъ намъ оригинальные акты, писанные, какъ полагаютъ, ученикомъ Труасскаго епископа. Оно происходитъ очень просто и совершенно вѣроятно. Аттила, быстро отступившій отъ Орлеана къ Шалону, и преслѣдуемый по пятамъ Аэціемъ, переправился черезъ Сену повыше Труа. Разоренный предшествовавшими вторженіями, городъ этотъ не имѣлъ ни гарнизона, ни стѣнъ, которыя хотя на минуту могли бы остановить Гунновъ: Св. Луппъ идетъ къ Атиллѣ, и Аттила соглашается пощадить городъ, но епископа оставляетъ у себя заложникомъ. Между тѣмъ жители, очень мало успокоенные, разсѣяваются по лѣсамъ, и, когда Св. Луппъ возвращается изъ своего вынужденного путешествія, находитъ свою митрополію пустою. Вотъ фактъ въ его исторической вѣрности, и вотъ теперь какъ повѣствовали о немъ четыре вѣка спустя.

Здѣсь преданіе очень далеко уноситъ насъ отъ міра дѣйствительнаго, и переноситъ совершенно въ область фантазіи: у Труа есть стѣны и войско, предводительствуемое епископомъ, который дѣлаетъ осмотръ по стѣнамъ, и вдругъ приходитъ Аттила во главѣ безчисленнаго войска. Не смотря на то, что былъ разбитъ при Шалонѣ (надо было поставить осаду Труа послѣ этой битвы, чтобъ согласить разсказъ легенды съ преданіемъ о пустынникѣ), Гуннскій царь скачетъ безпрепятственно по Галліи, убивая всѣхъ и разрушая все, какъ ему хочется. Онъ гордъ, наглъ, и заставляетъ во всеуслышаніе провозглашать титулъ, который прибавилъ ко всѣмъ своимъ титуламъ, то есть, титулъ *бича Божія*. На своемъ боевомъ конѣ, онъ подъѣзжаетъ къ однимъ изъ воротъ города, гнѣвно ударяетъ по нимъ, и повелительно приказываетъ, чтобъ отворили ихъ ему. Епископъ, съ высоты стѣнъ, спрашиваетъ, кто онъ таковъ: «Кто ты, сказалъ онъ, разсѣявающій народы, какъ солому, и попирающій короны копытами своего коня?» —«Я, отвѣчаетъ онъ,—Аттила, бичъ Божій. — О! воскликнулъ

Digitized by Google

епископъ, добро пожаловать, бичъ Бога, Котораго я служитель! не мнѣ остановить тебя;» и, сойдя со стѣны вмѣстѣ съ клиромъ, онъ самъ отпираетъ настежь ворота, беретъ за узду лошадь Гуннскаго царя, и, вводя его въ городъ, говоритъ: «Войди, бичъ моего Бога, иди, куда несетъ тебя бурное дыханіе гнѣва небеснаго!» Аттила вступаетъ въ городъ, войско слѣдуетъ за нимъ. Они ѣдутъ по улицамъ, минуютъ площади и перекрестки, проѣзжаютъ мимо церквей и палатъ, передъ глазами толпы, въ одно и тоже время приведенной въ удивленіе и ужасъ; они ѣдутъ, но—невидятъ ничего. Мрачное облако отяготѣло надъ ихъ вѣждами; они слѣпы,—и прозрѣваютъ опять только въ ту минуту, когда Аттила выѣзжаетъ изъ города черезъ противоположныя ворота. Въ одномъ изъ варіантовъ этой легенды,—а этихъ варіантовъ множество,—войско Гунновъ, проѣзжая по городскимъ улицамъ и площадямъ, думаетъ преспокойно, что ѣдетъ промежъ горъ и лѣсовъ, среди зеленыхъ луговъ.... Идея миѳа раскрывается здѣсь во всей полнотѣ: бичъ Божій, надмѣнный своимъ назначеніемъ—все разрушать, связуется служителемъ Божіимъ; адскій звѣрь падаетъ ницъ передъ своимъ укротителемъ. Легенда сближаетъ и противопоставляетъ два миѳическіе образа, которыхъ дѣйствія взаимно соприкасаются, и которыя дополняются одно другихъ. Не спрашивайте здѣсь дѣйствительности, не спрашивайте исторіи; здѣсь нѣтъ Лупа, епископа города Труа, нѣтъ Аттилы, Гуннскаго царя,—здѣсь есть *бичъ Божій*, который, встрѣтивъ Святаго на своемъ пути, теряетъ свое могущество передъ могуществомъ высшимъ его: дѣло милосердія торжествуетъ надъ дѣломъ правосудія.

Нельзя не признаться, что въ такомъ способѣ пониманія есть много поэтической красоты. Такъ думали и средніе вѣка, потому что эта легенда имѣла чрезвычайный успѣхъ; ее повторяли всюду; города, церкви заимствовали ее и усвоивали себѣ то всю, то по частямъ. Мецъ разсказывалъ, что Гунны, хотѣвшіе разграбить церковь Св. Стефана, находящуюся въ его стѣнахъ, вмѣсто дверей и стѣнъ встрѣтили гранитную скалу, о которую разбивались ихъ топоры и палицы. Кромѣ того Аттила проходитъ мимо города, не видя его, между тѣмъ какъ миражъ показываетъ ему на го-

Digitized by Google

ризонтѣ башни и зубцы на стѣнахъ воображаемаго города, который убѣгаетъ отъ него и увлекаетъ его за собою. Въ Діецѣ Гунны поражены были слѣпотою за то, что заключили въ оковы епископа Св. Авктора, своего узника; но они получаютъ опять зрѣніе въ то же время, какъ онъ получаетъ свободу. Но мы бы не кончили, еслибъ вздумали перечислять всѣ заимствованія, сдѣланныя Галльскими церквами изъ миѳической легенды о Св. Лупѣ.

Италія не хотѣла отстать отъ Галліи въ дѣлѣ чудесъ, и бичъ Божій вмѣстѣ съ служителемъ Божіимъ перешли за Альпы, чтобы играть свою обычную роль въ Итальянскихъ легендахъ. Подражаніе было вполнѣ удачно, доходило даже до воровства, и легенда о Св. Геминіанѣ, епископѣ Модѣнскомъ, есть не что иное, какъ рабская копія легенды о Св. Лупѣ. Геминіанъ вводитъ Аттилу въ Модену, точно такъ же, какъ Св. Лупъ въ Труа: тоже чудо, тѣже приключенія, тотъ же разговоръ съ городской стѣны; только Гуннскій царь является болѣе звѣрскимъ и болѣе насмѣшливымъ по ту сторону Альпъ, чѣмъ по эту. Въ ту минуту, какъ епископъ говоритъ ему, что онъ служитель Божій: Ну чтожъ! отвѣчаетъ бичъ Божій,—дурнаго служителя слѣдуетъ посѣчь.» Иногда, если епископъ, современный Аттилѣ, не слишкомъ доказанной святости, легенда замѣняетъ его другимъ, умершимъ много лѣтъ назадъ.

При этомъ, болѣе и болѣе идеализовавшемся дуализмѣ, Аттила, существо отмѣченное судьбою, заимствуетъ кой что и отъ адскихъ духовъ. Ему путеводительствуетъ самъ сатана: князь тьмы отворяетъ ему ворота Реймса, побуждаетъ его къ насилію и убійству, наслаждается страданіями епископа Св. Никазія и сестры его Св. Евтропіи; «онъ находился близъ дверей, его видѣли тутъ, гласитъ легенда. Точно такъ же, какъ и самъ дьволъ, Аттила, бичъ Божій, насмѣшливъ, лживъ въ своихъ словахъ и ужасенъ на видъ, но, опять также, какъ дьявола, его легко обмануть, его дурачатъ, ему грубіянятъ, а онъ и не подозрѣваетъ этого. Это типъ средневѣковаго сатаны, это тѣ вѣрованія, которыя имѣли тогда относительно духа злобы. Часто легенда комически-удачно раскрываетъ эту идею о простодушномъ и

Digitized by Google

довѣрчивомъ Аттилѣ. Когда Гунны замучили близъ Кельна одиннадцать тысячъ дѣвъ, подругъ Св. Урсулы, Аттила предлагаетъ ей вступить съ нимъ въ супружество для возстановленія ея чести: но она отвергаетъ его съ презрѣніемъ: «Удались, говоритъ ему она; я отвергла руку цезаря,—ужели же это для того, чтобы принадлежать такому проклятому, какъ ты!» Часто легенда вкладываетъ въ уста Аттилы и его собесѣдниковъ разговоры, въ которыхъ дѣлаютъ ему наставленія, обманываютъ его, издѣваются надъ нимъ; часто также онъ является великодушнымъ, рыцарски-благороднымъ, готовымъ служить всякому доброму дѣлу. Эта новая физіономія бича Божія рисуется въ первый разъ,—по крайней мѣрѣ, по моему мнѣнію,—въ разсказѣ о мнимой осадѣ Равенны, которая будто бы происходила въ 452 году, въ епископство св. Іоанна. Разсказъ этотъ въ своемъ первоначальномъ изданіи принадлежитъ клирику Агнеллу, равеннскому пресвитеру, писавшему въ IX вѣкѣ объ архіепископахъ своей страны, и, послѣ древнихъ документовъ, эта книга бросаетъ много свѣта на средневѣковыя идеи и преданія Италіи.

Въ эпоху Агнелла, всѣ забыли, что Аттила, оставаясь на сѣверѣ р. Но во все продолженіе войны 452 года, совсѣмъ не осаждалъ Равенны, или лучше, Равенна, на перекоръ Аттилѣ, хотѣла быть осажденною; ея прежняя значимость при Императорахъ и ея притязанія во время экзархата не позволяли ей думать, чтобы можно было оставить ее безъ вниманія, въ то время какъ угрожали опасностью Риму. Выходя отъ этого предположенія, Агнеллъ изображаетъ картину нашествія Гунновъ на городъ Валентиніана,—и картина эта не лишена живости; онъ представляетъ, какъ Гунны несутся по морю, и какъ потомъ, подобно быстрому потоку, наводняютъ равнину, которая изчезаетъ подъ ихъ отрядами: такъ точно, говоритъ онъ, туча саранчи покрываетъ степь, на которую садится для роздыха. Вскорѣ является и самъ Аттила, на богато убранномъ конѣ, въ золотомъ шлемѣ, со щитомъ въ рукѣ, съ блестящими перьями на шлемѣ: онъ размышляетъ объ осадѣ города.

Епископъ Іоаннъ, въ страхѣ, предается молитвѣ, и приноситъ Богу свою кровь для избавленія своего стада: откровеніе его

Digitized by Google

успокоиваетъ, и повелѣваетъ ему идти къ непріятельскому вождю. И такъ, на другой день, раннимъ утромъ, выходитъ онъ изъ города вмѣстѣ со всѣмъ клиромъ, облаченнымъ въ бѣлыя одежды, съ крестомъ впереди, съ распущенными хоругвями, съ дымящимися кадильницами, и процессія, при пѣніи псалмовъ, тянется вдоль узкой дороги, ведшей изъ Равенны въ станъ Аттилы.

Но Аттила уже переоблачился въ пурпуръ шитый золотомъ, ни болѣе ни менѣе, какъ и римскій императоръ, и въ своей палаткѣ держитъ совѣтъ съ своими военачальниками, какъ вдругъ отдаленное псалмопѣніе поражаетъ его слухъ; онъ смотритъ и видитъ длинную вереницу священниковъ, пробиравшихся по дорогѣ по два въ рядъ, и епископа, заключавшаго шествіе. Зрѣлище это приводятъ его въ удивленіе.» Кто эти бѣлые люди?—спрашиваетъ онъ у окружающихъ его;—куда идутъ они и чего хотятъ отъ меня?—Это епископъ въ сопровожденіи своего клира, отвѣчаетъ одинъ изъ предстоящихъ, болѣе, чѣмъ онъ, знакомый съ обычаями и языкомъ христіанъ;—онъ идетъ просить у тебя милости для своихъ дѣтей, жителей Равенны. «Это слово—*дѣтей* озадачиваетъ Аттилу, потому что онъ не понимаетъ его: «Ты издѣваешься надо мной, вскрикиваетъ онъ гнѣвно:—но не забудь, что у меня мечь очень остеръ, и горе тому, кто дерзнетъ смѣяться надъ своимъ царемъ! Объясни же мнѣ ты,—такъ какъ тебѣ это хорошо извѣстно,—какимъ образомъ одинъ человѣкъ могъ народить столько дѣтей? «Поставленный въ такое непріятное положеніе совѣтникъ объясняетъ, какъ можетъ, различіе, между дѣтьми по природѣ и дѣтьми по усыновленію: Аттила удовлетворяется этимъ объясненіемъ. Послѣ этого разговора является епископъ; сердце вождя, уже приготовленное къ тому, умиляется при видѣ епископа, и Іоаннъ безъ труда получаетъ то, о чемъ приходилъ просить. Однакожъ, хорошо зная Итальянцевъ и боясь, чтобъ они не употребили во зло его снисхожденія, Аттила съ очаровательнымъ добродушіемъ принимаетъ противъ этого свои предосторожности: «Твои граждане, говоритъ онъ епископу, народъ ужасно хитрый; они пожалуй скажутъ: Мы посмѣялись надъ нимъ да и прогнали его; но я не хочу, чтобы въ сосѣднихъ городахъ думали, будто я боюсь васъ,—это было

Digitized by Google

бы оскорбительно для меня и для моихъ воиновъ (мы все говоримъ словами Агнелла). Чтобы предотвратить это, я требую вотъ чего: возвратитесь какъ можно проворнѣе въ городъ, снимите ворота съ петель, бросьте ихъ наземь, и я явлюсь и объѣду вашъ городъ: обѣщаю вамъ, что не сдѣлаю никакого зла.» На другой день Равенна приняла праздничный видъ; улицы, устланныя коврами, площади, украшенныя цвѣтами и загроможденныя зрителями, обнаруживали всеобщую радость, и архіепископъ, во главѣ клира, встрѣтилъ Гунновъ при входѣ въ городъ. Вотъ какъ,—едва прошло полвѣка,—Италія помнила свою собственную исторію. Писаніе Агнелла оканчивается размышленіемъ, которое также заслуживаетъ вниманіе: «Вошло въ пословицу, пишетъ онъ, что Аттила, прежде чѣмъ брался за оружіе, воевалъ хитростью, и при всемъ томъ умеръ подъ ножемъ презрѣнной женщины.» Это сожалѣніе, высказанное въ отношеніи къ бичу Божію, тоже не послѣдняя здѣсь странность.

И, между тѣмъ, переводъ мнимой осады Равенны, передаваемый Агнелломъ, все-таки имѣетъ нѣкоторый смыслъ сравнительно съ двумя варіантами, изобрѣтеніе коихъ почти невѣроятно, и которые однакожъ мы встрѣчаемъ въ числѣ преданій объ Аттилѣ. Скажемъ сначала, для разъясненія нижеслѣдующаго, что во все продолженіе экзархата жестокая ересь раздѣляла Равеннскихъ архіепископовъ и папъ,—архіепископы равеннскіе имѣли притязанія, что они обязаны получать свой палліумъ прямо отъ императора, а папы хотѣли подчинить ихъ апостольскому престолу. Пламя, произведенное этими распрями, переходило отъ предстоятелей къ церквамъ и отъ церквей къ городамъ. Величали другъ друга еретиками, гремѣли другъ на друга отлученіями, которыхъ должны были бы стыдиться. Исторію и богословіе, истинныя и ложныя преданія,—все соединяли, все употребляли для пораженія другъ друга: Аттила, совершенно невинно, былъ замѣшанъ въ эту распрю. Два варіанта, о которыхъ мы сказали, могутъ быть приписаны,—одинъ равеннскимъ еретикамъ, а другой приверженцамъ римскихъ папъ. По утвержденію перваго изъ нихъ, архіепископъ Іоаннъ есть образецъ православія: онъ встрѣчаетъ Аттилу словомъ о единосущіи Отца и Сына въ таинствѣ Пресвятыя Троицы,—словомъ, которое

Digitized by Google

такъ нравится царю, что архіепископъ въ награду за свое краснорѣчіе получаетъ отъ Аттилы обѣщаніе помиловать городъ. Въ другомъ варіантѣ, который носитъ всѣ признаки нападенія, устремленнаго изъ Ватикана, Іоаннъ — не только еретикъ, но даже Аріанинъ; если онъ оглашаетъ (преподаетъ начатки христіанства) Аттилу, то для того, чтобъ вовлечь его въ ересь, и потомъ, когда уже достаточно научилъ его, когда достаточно очернилъ въ его глазахъ характеръ и вѣру папы Св. Льва,—обѣщаетъ ему предать Равенну и всѣ сокровища Цесарей, если онъ безъ отлагательства пойдетъ на Римъ и изгонитъ изъ него еретика—папу. Аттила извлекаетъ мечь и идетъ: но на дорогѣ встрѣчаетъ онъ Св. Льва, который, оглашая его въ свою очередь, показываетъ ему, держа въ рукѣ символъ Никейскій, нечестіе и измѣну ересеначальника. Аттила видитъ, что его одурачили, и, предавшись гнѣву, возвращается назадъ, беретъ приступомъ Равенну, умерщвляетъ архіепископа со всѣмъ клиромъ, и объявляетъ, что онъ точно также поступитъ со всякимъ, кто съ этой поры дерзнетъ отрицать православіе папъ и первенство Римскаго престола. Такъ подъ вліяніемъ различныхъ вѣтровъ, разбивалось преданіе, слѣдуя страстямъ и интересамъ времени, и въ этомъ отношеніи оно нѣсколько походитъ на исторію. Вдругъ бичъ Божій является теологомъ, судьею христіанскаго ученія и защитникомъ папы; недавно онъ выгонялъ Мавровъ изъ Испаніи: нѣтъ мѣры сатурналіямъ народнаго воображенія.

Преданіе, попавши однажды на рудоносную жилу, которая ему нравится, разкапываетъ и идетъ по ея теченію до тѣхъ поръ, пока изчерпаетъ ее вполнѣ. Это странное понятіе о бичѣ Божіемъ, довѣрчивомъ и простодушномъ, и понятіе объ Аттилѣ-теологѣ породили нравственнаго Аттилу, внушавшаго Римлянамъ цѣломудріе, одобрявшаго законные браки, дававшаго добродѣтельнымъ дѣвицамъ приданое. Эта послѣдняя физіономія Аттилы, — нельзя несогласиться,—самая неожиданная изъ всѣхъ,—является во многихъ исторійкахъ, которыя ходили въ средніе вѣка по Галліи и Италіи, и потомъ писателями XV и XVI вѣковъ собраны изъ устъ старцевъ, какъ достопамятныя преданія. Вотъ, напримѣръ, одна изъ этихъ исторійкъ, принадлежащая Галліи.

Digitized by Google

Во время нашествія Гунновъ на Труа, близъ самого этого города, Аттила увидѣлъ одну бѣдную вдову, бѣжавшую полемъ съ десятью дочерьми: старшія, уже взрослыя и прекрасныя, бѣжали по сторонамъ ея; маленькія ѣхали трусцей на ослѣ: была даже одна новорожденная, и эта малютка, закутанная холстомъ, висѣла на шеѣ матери. Куда бѣжало это испуганное стадо? Оно бѣжало къ рѣкѣ и хотѣло броситься въ нее, чтобы спастись отъ звѣрства Гунновъ. Аттила тотчасъ же приказываетъ привести ее передъ себя, и, такъ какъ несчастная вдова пала передъ нимъ на землю, не смѣя произнести ни одного слова, то онъ самъ спрашиваетъ у ней, всѣ ли онѣ ея дочери, и всѣхъ ли она родила отъ законнаго брака.—«О! да, отвѣчаетъ полумертвая отъ страха вдова;—ихъ десять, и всѣ онѣ останутся послѣ меня сиротами.» Аттила поднимаетъ ее, успокоиваетъ, и приказываетъ дать ей довольно золота, гласитъ легенда, чтобъ она могла жить достаточно и честно пристроить своихъ дочерей.

Въ другой разъ, между Виченцей и Конкордіей (это говорятъ Итальянскіе лѣтописцы), Аттила встрѣчаетъ фигляровъ, которые сложивши свой багажъ на землю, принялись забавлять его своими хитростями: это, гласитъ разсказъ, были молодцы сильные и дюжіе, но не обладавшіе мужествомъ и незнакомые съ оружіемъ. Аттила, хотѣвшій дать урокъ этимъ тунеядцамъ, выступаетъ на средину круга, образовавшагося около нихъ, натягиваетъ лукъ и убиваетъ летѣвшую мимо птицу; потомъ подаетъ имъ лукъ, но никто изъ нихъ не въ состояніи натянуть его. Онъ приказываетъ подвести себѣ коня, во всемъ вооруженіи вскакиваетъ на него однимъ прыжкомъ, и, когда приказываетъ гаерамъ сдѣлать то же самое, они отказываются. Тогда онъ отдаетъ ихъ подъ строгій и бдительный надзоръ, не позволяя имъ ѣсть ничего, кромѣ той дичи, которую убьютъ они своими стрѣлами. Черезъ нѣсколько недѣль, фигляры являются опять передъ войскомъ, худые, измождённые,—кожа да кости,—но за то сдѣлались отличными стрѣлками: Аттила беретъ ихъ къ себѣ въ дружины.

Вотъ самое лучшее изъ итальянскихъ преданій о *добромъ* Аттилѣ, которымъ, т. е. предавіемъ, забавлялись, въ средніе вѣка

Digitized by Google

Падуанцы, и которое потомъ повторялось многими писателями и по возрожденіи наукъ. Они повѣствовали, что въ то время, какъ Гунны занимали ихъ городъ послѣ разрушенія Аквилеи, одинъ извѣстный поэтъ, по имени Маруллъ, прибылъ изъ глубины Калабріи съ Латинской поэмой, сочиненной въ честь Аттилы, которую онъ хотѣлъ прочитать переду нимъ. Падуанцы, восхищенные этимъ обстоятельствомъ, дававшимъ имъ возможность достойно почтить ихъ гостя, приготовили великолѣпное зрѣлище, на которое были приглашены всѣ замѣчательныя и ученыя лица Верхней Италіи. Уже многочисленная толпа тѣснилась на ступеняхъ амфитеатра, и Маруллъ началъ декламировать свои стихи, встрѣченные громомъ рукоплесканій, какъ вдругъ чело Варвара омрачилось. Поэтъ, слѣдуя обычаю своихъ собратій, приписывалъ своему герою небесное происхожденіе и обращался къ нему, какъ будто къ богу.—«Что это такое? вскричалъ, выйдя изъ себя, Аттила.—Сравнивать простаго смертнаго съ безсмертными богами! Такому нечестію я не буду потатчикомъ.» И онъ приказываетъ, не медля ни мало, среди этого же самаго амфитеатра, предать сожженію дурнаго поэта и его дурные стихи. Можно представить себѣ, какой суматохой смѣнилось это торжество,—можно вообразить удивленіе зрителей, не смѣвшихъ тронуться съ мѣста, и сердечно желавшихъ быть какъ можно подальше отъ него,—гуннскихъ воиновъ, съ охабками дровъ, которыя они таскали на арену, потомъ—поэта Марулла, связаннаго по рукамъ и по ногамъ, и распростертаго на кострѣ рядомъ съ своей несчастной поэмой. Уже всѣ приготовленія были окончены, и, только что хотѣли поднести къ костру зажженныя головни, какъ вдругъ Аттила подаетъ знакъ остановиться.—«Довольно и этого, сказалъ онъ,—я хотѣлъ только дать урокъ льстецу; теперь насъ не будутъ бояться поэты правдолюбивые, которые вздумаютъ прославить наши дѣянія.»

Эти и другія такого же рода сказки потѣшали нашихъ предковъ во всѣ продолженіе среднихъ вѣковъ; города примѣшивали къ нимъ воображаемыя доблести своихъ защитниковъ. Если вѣрить имъ, то всѣ они героически противустояли этому могуществу, и были побѣждены имъ потому только, что

Digitized by Google

оно было не отъ міра сего; у одного изъ нихъ Аттила былъ раненъ, отъ другаго обращенъ въ бѣгство: каждое мѣстечко принимало ревностное участіе въ пораженіи Аттилы и мужественно тому содѣйствовало. Читая эти преданія, можно подумать, что пробѣгаешь отрывки поэмы, *disjecti membra poëmatis*, или лучше, матеріалы для зарождавшейся эпопеи.

Въ основѣ образованія заблужденій, созданныхъ преданіемъ, служитъ стремленіе къ подражанію,—стремленіе, на которое необходимо обращать большое вниманіе при разработкѣ этой неудобной почвы. Самый Римъ, уступивъ такому стремленію, не вообразилъ ли себѣ, что онъ былъ осаждаемъ Аттилой? Этому, т. е. что Римъ именно былъ осаждаемъ, дѣйствительно вѣрили, и, прежде всего, въ Азіи, гдѣ плохое знаніе мѣстности и подробностей посольства папы Св. Льва, дѣлало подобную ошибку извинительною: такъ Греческій философъ Дамасцій, современникъ Іустиніана, просто приводилъ въ ужасъ своихъ читателей разсказомъ о битвѣ, выдержанной противъ Аттилы подъ стѣнами Рима,—битвѣ чудесной, «въ которой души умершихъ, явившись видимымъ образомъ, бились три дня и три ночи съ невообразимой яростью.» Изъ Греціи эта сказка перешла въ Италію и въ Римъ, который кончилъ тѣмъ, что и самъ ей повѣрилъ. Близъ однихъ воротъ Римскихъ указываютъ и мѣсто, гдѣ происходила эта странная битва, объясняютъ движенія этихъ призрачныхъ легіоновъ, и свиданіе Св. Льва съ Гуннскимъ царемъ—очень просто—съ береговъ Минчіо переносится на берега Тибра.

Воображеніе Стразбургцевъ, сдѣлавшее Аттилу патрономъ ихъ независимости, какъ ни оригинально кажется въ этомъ изобрѣтеніи, но оно совершенно блѣднѣетъ передъ изобрѣтательностью двухъ или трехъ Итальянскихъ городовъ. Всѣ знаютъ красивую столицу Фріуля, Удине, который, будучи расположенъ на послѣдней отрасли Альповъ, кажется, какъ будто, Австрійскимъ ведетомъ близъ воротъ Венеціи. Удине, по-Латыни *Utinum*, болѣе тысячи лѣтъ имѣлъ притязаніе быть основаннымъ Аттилою, и не только онъ, но даже и гора, на которой онъ построенъ. Древнія Венеціанскія лѣтописи повѣствуютъ, что во время осады

Digitized by Google

Аквилеи, Гуннскій царь, не зная, гдѣ расположить войска на зимнія квартиры, рѣшился вблизи Аквилеи устроить крѣпость, и выбралъ для этого то мѣсто, гдѣ теперь дѣйствительно находится Удине. Это мѣсто, къ несчастью, была равнина; а царю хотѣлось горы: какъ тутъ быть? Войска принимаются за работу, чтобъ сдѣлать для него гору: каждый воинъ носитъ по полному шлему землю, а на щитѣ каменья; въ три дня, какъ будто дѣйствіемъ волшебства, образуется значительная возвышенность, и Аттила строитъ здѣсь Удине. Эта басня въ XIII вѣкѣ считалась истиною, которую громко отвергать въ стѣнахъ Гуннскаго города, было бы не совсѣмъ благоразумно. Славный лѣтописецъ Отто Фрейзингенскій, слышавшій ее изъ устъ самихъ туземцевъ, пораженъ былъ при этомъ только удивленіемъ. «Я видѣлъ, говоритъ онъ, гигантское произведеніе, сдѣланное въ такое короткое время такимъ множествомъ людей.» Въ XVI вѣкѣ вѣра въ это преданіе тоже еще нисколько не ослабѣла, и Удинскій патріархъ, по поводу нѣкоторыхъ копаній, произведенныхъ на этой горѣ, вздумалъ повѣрить, дѣйствительно ли это работа Гунновъ: стали рыть глубже и между камнями нашли обломки вооруженій и шлемъ,—это былъ шлемъ, разумѣется, Аттилы. Патрицій Кандидъ, уважаемый авторъ Удинской хроники, постарался отличить въ своей книгѣ ограду Аттилы отъ тѣхъ, которыя строились послѣ нея съ V вѣка. Еще недавно прилагали самыя усердныя попеченія о сохраненіи въ прежнемъ видѣ четвероугольной башни (очевидно, римской архитектуры), составлявшей часть древнихъ построекъ: это были останки, драгоцѣнныя сердцу народа, и всякій добрый житель Удине, указывая на нее иностранцу, говорилъ съ видомъ гордости: «Вотъ башня Аттилы!»

Если Тоскана,—чтобъ не отстать отъ прочихъ Итальянскихъ провинцій, отъ Кампаніи, Калабріи, Апуліи,—заставляетъ Аттилу, наперекоръ исторіи, воевать на своихъ поляхъ, — то это было общее право въ средніе вѣка, которымъ и она въ свой чередъ могла воспользоваться: но ей не удалось удержать этого права: два изъ ея городовъ, Флоренція и Фіезоле, сложили по этому поводу романъ, который извлекли они изъ своей исторіи невѣроятнѣйшимъ образомъ. И дѣло здѣсь не о какомъ-нибудь народномъ

Digitized by Google

мнѣнія, составившемся среди невѣжественной толпы; дѣло идетъ о фактахъ, основывающихся на свидѣтельствахъ писанныхъ, и изложенныхъ очень серьзно двумя извѣстными писателями, Малестини и Іоанномъ Виллани: дѣло это очень важное, и мы предоставимъ говорить о немъ самимъ Флорентинскимъ историкамъ.

Всѣ друзья науки знаютъ Малестини, древняго лѣтописца, который начерталъ, въ XIII вѣкѣ, первыя страницы Флорентинской исторіи. Странныя приключенія его фамиліи имѣли связь съ тяжкими бѣдствіями, поразившими въ XI вѣкѣ несчастный городъ Фіезоле, который Флорентинцы, послѣ продолжительной междоусобной войны, разрушили до основанія и котораго жителей заключили въ своихъ стѣнахъ. И что же! причиною этой войны былъ Аттила; жесткокости Флорентинцевъ были не болѣе, какъ возмездіемъ Гуннамъ. Малестини утверждаетъ это, а онъ читалъ подробности объ этомъ въ древнихъ рукописяхъ, *in molte iscritture antiche*, сохранившихся въ Флорентинскомъ монастырѣ, и также въ фамильныхъ бумагахъ. о которыхъ онъ распространяется довольно много. Спустя полвѣка, Іоаннъ Виллани, почерпавшій изъ тѣхъ же источниковъ, передавалъ тѣже факты, не обнаруживая ни малѣйшаго сомнѣнія въ подлинности однихъ и въ вѣрности другихъ. И такъ вотъ что они разсказываютъ:

«Въ 450 году прибылъ на берега рѣки Арно благородный и сильный человѣкъ, по имени *Attile flagellum Dei* (Аттила бичъ Божій), который, при пособіи двадцати тысячь воиновъ, возобновилъ городъ Фіезоле, и разрушилъ Флоренцію, въ которую сперва вошелъ обманомъ и хитростью. Онъ назначилъ здѣсь для себя мѣстопребываніе въ Капитоліи, близь площади, занимаемой Церковью Богоматери, и близь подземнаго канала, которымъ поглощается рѣка Арно. Посредствомъ ласковости, подарковъ и угощенія, ему удается обмануть всѣхъ Флорентинцевъ. Только что онъ приготовилъ всѣ мѣры, необходимыя для дѣйствованія, пригласилъ на большое пиршество благородныхъ и знатныхъ людей той стороны, и, по мѣрѣ того, какъ они входили въ его домъ, приказывалъ рубить имъ головы, а трупы бросать въ пучину рѣки Арно, протекавшей позади его дома. Когда онъ отдѣлался

Digitized by Google

такимъ образомъ отъ благородныхъ, то ему уже ничего не стоило справиться съ остальными; но Флоренція была сильна и рѣшилась ему сопротивляться. И такъ онъ идетъ, сзываетъ свои войска, и нападаетъ на городъ, грабя и убивая всѣхъ и все, что встрѣчаетъ: большіе и малые, мужчины и женщины, все погибло отъ острія меча; потомъ онъ приказываетъ съ семи сторонъ заразъ зажечь Флорентинскіе дома. Эта рѣзня происходила 23 іюня вышесказаннаго 450 года.»

Кончивши это, Аттила отправляется съ своими воинами въ Фіезоле, который Флорентинцы уже смертельно ненавидѣли, располагаетъ тамъ свои палатки, водружаетъ знамя, и объявляетъ по всей странѣ, что кто бы ни захотѣлъ строить на этой землѣ дома или башни, можетъ это дѣлать свободно и поселиться здѣсь, и при этомъ обнаружилъ большое желаніе, чтобы городъ былъ какъ можно многолюднѣе, дабы воспрепятствовать Флоренціи подняться изъ своихъ развалинъ, а также и потому, что хотѣлъ идти войною на Римлянъ. Все это шло хорошо до смерти Аттилы; но потомъ Флорентинцы, возстановивши свой городъ, заставили Фіезоле дорого заплатить за тѣ милости, которыя получалъ онъ отъ ихъ непріятеля. Отселѣ произошла война, продолжавшаяся нѣсколько вѣковъ, и кончившаяся, какъ мы сказали, заключеніемъ всѣхъ благородныхъ Фіезольцевъ въ стѣнахъ Флоренціи. Нельзя не замѣтить, какъ здѣсь точны, по видимому, воспоминанія! Аттила живетъ въ Капитоліи, пониже церкви Богоматери, близъ пучины рѣки Арно, и 28 іюня 450 года сжигаетъ Флоренцію; а между тѣмъ нѣтъ здѣсь и тѣни истины,—ни Аттила, ни его воины никогда и не переходили за Аппенинскій хребетъ. Древнія рукописи, изъ которыхъ заимствовалъ Малеспини, сказали ему, что *Attile flagellum Dei*, жилъ во времена императора Ѳедосія и папы Св. Льва, что у него была плѣшивая голова съ собачьими ушами, и что наконецъ онъ былъ царемъ Вандаловъ и Готовъ, обладателемъ Венгріи, Панноніи, Швеціи и Даніи. Не слишкомъ лестный портретъ, въ которомъ онъ представляетъ намъ врага Флоренціи, не мѣшаетъ однакожъ ему прибавить, что его называли прекраснымъ, *chiamavasi bello*. Въ Италіи часто встрѣчается преданіе о чудовищномъ безобразіи Аттилы;

Digitized by Google

нѣкоторыя лѣтописи надѣляютъ его ослиной головой, другія свинымъ рыломъ: это двоякій видъ воспоминаній,—легендной идеи, видѣвшей въ Аттилѣ демона, и—готскаго преданія, принесеннаго Іорнандомъ, который говоритъ, что Гунны произошли отъ смѣшенія волшебницъ съ нечистыми духами. На этомъ основаніи въ одномъ мѣстѣ отнимаютъ у Аттилы даже даръ слова, и приписываютъ ему только глухое мычаніе, а въ другомъ заставляютъ его присутствовать, въ качествѣ тонкаго цѣнителя, при чтеніи Латинской поэмы: такъ широко раскинулось преданіе въ своихъ догадкахъ.

Въ настоящемъ обозрѣніи преданій объ Аттилѣ, разсѣянныхъ между латинскими племенами, мы, льстимъ себя надеждою, ничего не спустили исторически—важнаго или мало—мальски оригинальнаго. Каковы ни есть эти преданія, величественно ли онѣ прекрасны, или нелѣпы и безобразны, во всякомъ случаѣ, очевидно, онѣ носятъ печать народнаго міросозерцанія; но ихъ ничто не связываетъ, имъ недостаетъ единства. Чтобы изъ этого поэтическаго праха создать тѣло и одушевить его, нужно было бы дыханіе Данта или Гомера; это дыханіе еще не повѣяло, и однакожъ въ этомъ прахѣ такъ же много элементовъ національныхъ, какъ въ «Одиссеѣ», и элементовъ христіанскихъ, какъ въ поэмѣ Данта Какъ знать, какіе огромные, какіе страшные размѣры принялъ бы *Attila flagellum Dei* подъ перомъ пѣвца *Ада*? Если поэма, о которой мечтали наши предки, не встрѣтила руки, долженствовавшей облечь ея въ форму, по крайней мѣрѣ существуетъ она въ идеѣ; она живетъ въ насъ съ самаго нашего рожденія; мы имѣемъ возможность читать или составлять изъ нея исторію; при магическомъ словѣ *бичъ Божій* вся эта фантасмагорія преданій пробуждается въ нашемъ воображеніи, и съ большею или меньшею отчетливостью возстаетъ между нами и исторіей. Можно даже, читая и нѣкоторыя новыя произведенія, обладающія въ одно и тоже время всѣми достоинствами слога и воображенія, снабженныя всевозможными учеными цитатами,—можно полагать, что вѣкъ легенды еще и теперь не кончился, и что онъ старается помолодѣть въ какомъ-то родѣ союза или согласія съ наукою. И это именно сказали мы сами себѣ по поводу Аттилы, котораго

Digitized by Google

представляетъ намъ извѣстный авторъ «*Etudes historiques*:» «это безобразный дикарь, живущій въ большой берлогѣ лѣсовъ на равнинахъ Дуная; побѣжденные имъ цари стоятъ у дверей его шалаша, а его жены живутъ въ хижинахъ кругомъ его..., это завоеватель, движимый или останавливаемый рукою, которая взамѣнъ руки человѣческой, являлась тогда повсюду, и наконецъ истекшій кровью, отъ избытка, какъ будто, той крови, которой онъ такъ много пилъ,»—все это намъ кажется несчастнымъ произведеніемъ того сочетанія (науки съ легендой), о которомъ мы говорили. Мы сомнѣваемся, чтобы подобныя сочетанія приносили пользу исторіи. Возвратимъ исторіи Аттилу Прискова, и предоставимъ *flagellum Dei* поэзіи.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Digitized by Google

ЛЕГЕНДЫ ОБЪ АТТИЛѢ.

II.

Аттила по германскимъ преданіямъ.

I. Памятники, оставленные преданіемъ.

Преданіе латинское водило насъ по полямъ битвъ, среди потоковъ слезъ и развалинъ: это было естественное поприще бича Божія; зрѣлище, на которое переноситъ насъ германское, преданіе—совершенно другаго рода. Здѣсь нѣтъ бича Божія, но царь мудрый, пышный, гостепріимный, который хорошо бьетъ, но еще лучше пьетъ, наконецъ, именно такой добрый царь, о какомъ мечтаютъ въ Германіи: таковъ новый Аттила, являющійся передъ нами здѣсь. Противорѣчіе, самое странное изъ всѣхъ, коими такъ богаты средніе вѣка! эти два Аттилы, такъ разнородные, жили цѣлые вѣка другъ подлѣ друга, нисколько не ссорясь между собою, въ памяти Германіи: одного проклинали въ церкви, другаго благословляли въ замкѣ. Выйдя изъ храма, гдѣ возглашалась священникомъ вѣчная анаѳема на адскаго звѣря и тирана—гонителя святыхъ, всѣ спѣшили рукоплескать *миннезингеру*, который, съ арфою въ рукѣ, воспѣвалъ добраго царя Аттилу, повелителя Гунновъ, мудраго, какъ Соломонъ, богатаго и могущественнаго болѣе его, особенно же щедраго. Христіанская легенда была воспоминаніемъ римскимъ, пѣснь *миннезингера*—воспоминаніемъ варварскимъ.

Въ отношеніяхъ Германцевъ V вѣка съ Аттилою два обстоятельства должны были особенно сильно поразить ихъ и надолго

Digitized by Google

оставить впечатлѣніе даже въ послѣдующихъ поколѣніяхъ: это—то, что всѣ или почти всѣ они были его вассалами и что ихъ героическая эпоха,—эпоха ихъ утвержденія въ Италіи, почти совпадаетъ съ смертію завоевателя. Въ подданствѣ этихъ гордыхъ народовъ царю Гунновъ не было ничего, что бы оскорбляло ихъ гордость и заставило бы забыть его. Во первыхъ, они раздѣляли это вассальство со всѣми варварскими племенами Европы и западной Азіи; при томъ же это подданство, особенно для нихъ, было пріятно и почтенно. У Іорнанда можно видѣть, какими знаками отличія окружалъ Аттила предводителей большихъ германскихъ племенъ, Ардарика, царя Гепидовъ, Валамира и Теодемира, царей Остроготскихъ: будучи его совѣтниками и состоя во главѣ своихъ войскъ, они считаемы были скорѣе друзьями и союзниками, чѣмъ его подданными. Что касается до побѣдъ Германцевъ въ Италіи, до завоеваній Одоакра и Теодорика, то хотя онѣ совершены были и послѣ смерти Аттилы, но все таки не безъ его вліянія. Онъ положилъ начало этимъ огромнымъ предпріятіямъ, собралъ эти вооруженныя толпы на берега Дуная, и, когда позднѣе сочли они нужнымъ выступить оттуда, путеводилъ ими опять-таки его геній. Одоакръ, по всей видимости, былъ его воиномъ, а Теодорикъ—сынъ одного изъ его полководцевъ. И такъ память о немъ по праву соединялась съ этими великими событіями, какъ будто онъ принималъ въ нихъ дѣйствительное участіе. Эта именно мысль и выражается въ преданіи Германскомъ. Вслѣдствіе смѣшенія,—при которомъ признательность заставила его забыть хронологію,—оно, это преданіе безразлично соединяетъ имя Аттилы съ именемъ Теодорика, и даже съ именемъ Германарика Великаго, забывая, что Гуннскій царь умеръ восемь лѣтъ спустя по рожденіи перваго, а родился двадцать пять лѣтъ спустя по смерти втораго. Въ этихъ смутныхъ воспоминаніяхъ, въ которыхъ, очевидно, исторія лишена была почти всякаго уваженія, Аттила всегда однакожь удерживаетъ свое историческое превосходство; его образъ высится надъ всѣми лицами Германскихъ вождей: Теодорикъ обязанъ ему своимъ царствомъ, Германарикъ и Одоакръ своими пораженіями.

Digitized by Google

Имена Теодорика, Германарика и Одоакра показываютъ прежде всего, что преданія, о которыхъ мы говоримъ, и которыя составляютъ сущность великаго Германскаго преданія объ Аттилѣ, родились въ Восточной германіи, между племенами, принимавшими участіе въ разрушеніи Западной имперіи, особенно у Остроготовъ, и что онѣ заключались въ рапсодіяхъ, главнымъ предметомъ которыхъ служили приключенія Теодорика и его война съ Одоакромъ. Если,—а все заставляетъ насъ этому вѣрить,—если эти рапсодіи, имѣвшія назначеніе прославить Амалунговъ или принцевъ царскаго дома Амаловъ, родились у Остроготовъ, то это былъ не болѣе, какъ эпизодъ, который Остроготы присоединили къ эпопеѣ своей исторіи,—эпопеѣ, которая слагалась, какъ извѣстно, изъ народныхъ пѣсенъ, переходившихъ изъ вѣка въ вѣкъ, до той полубаснословной эпохи, когда Готское племя, раздѣлившись на три поколѣнныя группы и сѣвши на три судна, оставило Скандинавію. Каждое замѣчательное событіе въ жизни Остроготскаго народа имѣло свою особенную пѣснь или собраніе пѣсень, т. е. эпизодовъ, присоединявшихся постепенно, отъ времени до времени, къ общей эпопеѣ. Іорнандъ, который былъ Готъ, говоритъ, что именно такимъ образомъ его соотечественники сохраняли и увѣковѣчивали свои воспоминанія. Самъ онъ въ своей книгѣ, столь драгоцѣнной по множеству находящихся въ ней документовъ, кажется часто не болѣе какъ перелагателемъ или сократителемъ этой пѣсенной исторіи, и часто также не трудно разпознать именно ту точку, гдѣ преданіе, всегда живое и цвѣтистое, согласуется и связуется съ болѣе чѣмъ прозаическою тканью, принадлежащею собственно Равеннскому епископу. Всякій истый Готъ зналъ наизустъ эти поэмы, входившія въ составъ народнаго воспитанія. Можно судить теперь, должно ли было воспламеняться воображеніе скальдовъ при зрѣлищѣ событій, ознаменовавшихъ для ихъ племени послѣднюю половину V вѣка, и должна ли была свято сохраниться эта новая страница исторіи, передъ которой блѣднѣли всѣ прочія! И ее не только сохранили, но даже пріумножили. Такъ какъ величія дѣйствительныхъ событій не доставало болѣе для поэтическаго вдохновенія, то прибавили къ нимъ прикрасы и басни. Такимъ-то

Digitized by Google

образомъ на канвѣ современныхъ пѣсень, посредствомъ эпизодическихъ приращеній и прикрасъ, раскидывались многочисленныя поэмы восточнаго преданія, героемъ которыхъ являлся Теодорикъ, но въ которыхъ и Аттила всегда занималъ свое мѣсто.

Это историческое движеніе, о которомъ мы сказали, не было исключительною принадлежностью народовъ восточной Германіи: во времена Тацита у всѣхъ Германцевъ оно является въ такомъ же видѣ; оно существовало у нихъ и еще три вѣка спустя, во времена императора Юліана, который слышалъ, какъ ихъ народныя пѣсни страшно оглашали прирейнскую долину, и который сравнивалъ ихъ дикую гармонію съ карканьемъ хищныхъ птицъ. Этотъ обычай, служившій въ одно и тоже время къ сохраненію между варварами народной гордости и родоваго единства, сохранился и послѣ ихъ утвержденія въ Римской имперіи, и отдѣлялъ ихъ отъ побѣжденныхъ. Кромѣ того, каждый народъ, желая обезсмертить свою исторію, не оставался равнодушнымъ и къ исторіи другихъ народовъ: частыя сношенія племенъ между собою и близость ихъ нарѣчій, какъ вѣтвей одного общаго корня, благопріятствовали взаимному обмѣну преданій. Если среди одного племени слагалась пѣснь, замѣчательная своимъ содержаніемъ или поэтическимъ изяществомъ формы, она тотчасъ же распространялась повсюду и усвоивалась сосѣдними нарѣчіями. Діаконъ Павелъ говоритъ, что въ его время героическія пѣсни объ Албоинѣ ходили не только между Ломбардцами, но между Баварцами и Саксонцами, и даже по всей странѣ, говорившей тевтонскимъ языкомъ. Іорнандъ говоритъ въ томъ же смыслѣ, что дѣянія Аттилы прославлялись всѣмъ свѣтомъ. Понятно, что должно было произойти въ продолженіе этой длинной амальгамы воспоминаній, этихъ переливовъ истинъ и мѣстныхъ заблужденій отъ одного племени къ другому, изъ одной страны въ другую,—образовалась общая основа германскихъ преданій, которая принята была всѣми, и на которой каждый имѣлъ право располагать и разукрашать свое преданіе, какъ находилъ удобнымъ. По этому, ни сколько неудивительно видѣть, напримѣръ, что воспоминанія, могшія родиться только на берегахъ Днѣстра или По, сохранились норвежскими

Digitized by Google

поэтами, и, на оборотъ, идеи, символы, собственно—скандинавскіе, прививались къ историческимъ преданіямъ народовъ германскихъ, чуждыхъ одинизма, и даже являлись въ нихъ преобладающимъ элементомъ, въ слѣдствіе особенной силы воображенія, которою запечатлѣны онѣ.

Посредниками въ этомъ обмѣнѣ между различными народами были арфисты, странствующіе пѣвцы, а, иногда, и сами поэты. Захотѣлось, напримѣръ, двумъ племенамъ обмѣняться поэмами,—онѣ обмѣнивались пѣвцами. Въ сборникѣ Кассіодора есть между прочимъ письмо, съ которымъ Теодорикъ,—долженствовавшій вскорѣ самъ сдѣлаться столь знаменитымъ легендымъ лицемъ,—посылалъ къ Кловису, королю Франковъ, игрока на арфѣ, котораго тотъ просилъ у него. «Мы выбрали нарочно, чтобъ послать къ тебѣ этого арфиста, писалъ Теодорикъ къ Кловису;—это музыкантъ совершенный въ своемъ искусствѣ, который, поя вмѣстѣ голосомъ и руками, возвеличитъ славу твоего могущества.» Король Франковъ хотѣлъ, безъ сомнѣнія, знать, что пѣли при дворѣ Готскаго короля, и самъ конечно, съ такою же вѣжливостію, посылалъ къ сосѣдямъ своихъ поэтовъ или музыкантовъ, потому что и у Франковъ также были свои пѣвцы и свои пѣсни. Фортунатъ говоритъ о пѣсняхъ, которыми потѣшались варварскіе *люды* (*les leudes*). И, какъ будто именно съ тою цѣлію, чтобъ лучше показать, что дѣло шло не объ латинской поэзіи, повторяетъ опять эту мысль и говоритъ, что это варварскія пѣсни, и что ими потѣшались *люды*. Англо-Саксы, страстно любившіе эти патріотическія забавы, перенесли съ собою этотъ обычай и при переселеніи на Британскій островъ: ихъ король Альфредъ, какъ извѣстно, былъ въ одно и тоже время и поэтъ и декламаторъ. Мы уже не говоримъ о Скандинавахъ, у которыхъ скальдъ былъ не разлученъ съ воиномъ, и очень часто самъ пѣвецъ бывалъ и героемъ воспѣваемыхъ имъ приключеній. Во Франціи, Карлъ Великій, не будучи поэтомъ, какъ Альфредъ, простиралъ такъ же далеко, какъ и тотъ, любовь къ народнымъ пѣснямъ, составлявшимся на основаніи преданія. «Онъ *писалъ*, говоритъ Эгингардъ, и собиралъ, чтобы увѣковѣчить въ памяти потомства, древнѣйшія варварскія поэмы, въ которыхъ прославля-

Digitized by Google

лись дѣянія и войны прежде бывшихъ мужей.» Лудовикъ благочестивый, воспитанный, такъ сказать, на его колѣняхъ, зналъ наизустъ всѣ эти поэмы; но послѣ, вслѣдствіе сомнѣнія, возбужденнаго набожностію, не хотѣлъ болѣе ни читать ихъ, ни слышать, и не позволилъ изучать своимъ дѣтямъ, такъ какъ эти памятники предковъ, какъ и самые предки, сильно были проникнуты язычествомъ. Къ счастію, подобныя сомнѣнія были рѣдки у его современниковъ, и въ IX и X вѣкахъ германская поэзія, хранившаяся въ преданіяхъ, получила наибольшее развитіе, и особенно замѣчательныя пѣсни, изъ которыхъ она слагалась, получили ту опредѣленную форму, въ которой дошли и до насъ.

Самый древній извѣстный памятникъ германской поэзіи найденъ былъ въ Австразійской Франціи, въ Фульдѣ, на страницахъ одного манускрипта, относящагося къ VIII вѣку, и этотъ памятникъ написанъ на франкскомъ діалектѣ. Едва ли можно сомнѣваться послѣ этого, что онъ принадлежалъ къ коллекціямъ Карла Великаго. Здѣсь дѣло идетъ о Теодорикѣ и объ Аттилѣ. Теодорикъ, изгнанный изъ Вероны Германарикомъ, по настоянію Одоакра, находитъ гостепріимство при дворѣ Гуннскаго царя; потомъ, когда благопріятныя обстоятельства позволяютъ ему возвратиться въ свое государство, Аттила провожаетъ его во главѣ многочисленнаго войска, и въ битвѣ при Равеннѣ побѣждаетъ Одоакра. Вотъ факты баснословной исторіи, составляющіе содержаніе восточнаго преданія и подслушанные здѣсь; въ нихъ дѣло идетъ только объ одномъ эпизодѣ этой войны. Изгнаніе Теодорика было продолжительно: его сподвижники, поспѣшіе въ полномъ цвѣтѣ мужества, возвратились сѣдыми и старыми; ихъ жены примерли, а дѣти стали взрослыми мужами и не узнавали отцовъ своихъ; это именно и случилось съ Гильдебрандомъ, министромъ, мудрымъ совѣтникомъ и неразлучнымъ другомъ Теодорика. Его сынъ Гадебрандъ, оставленный имъ еще въ колыбели, сталъ теперь сильнымъ и мужественнымъ воиномъ. Гадебрандъ думаетъ, что Гильдебрандъ погибъ въ битвѣ, на крайнихъ предѣлахъ сѣвера, и что его трупъ былъ узнанъ на полѣ сраженія, — люди, странствовавшіе по Вендскому морю, сообщили ему это извѣстіе. И такъ отецъ съ сыномъ встрѣчаются и дѣлаютъ одинъ другому

Digitized by Google

вызовъ. Гильдебрандъ, при видѣ щита, цвѣта котораго онъ не знаетъ,—тогда какъ онъ, какъ извѣстно, знаетъ весь родъ человѣческій,—спрашиваетъ молодаго человѣка, кто онъ такой. Этотъ называетъ себя и разсказываетъ, какъ отецъ оставилъ его еще дитятею, отправившись съ Теодорикомъ, и какъ онъ умеръ уже много лѣтъ назадъ, воюя на Вендскомъ морѣ. При этихъ словахъ старый Гильдебрандъ молча снимаетъ драгоцѣнную гривну, полученную имъ отъ Аттилы въ награду за свое мужество, и подаетъ Гадебранду, называя его своимъ сыномъ; но Гадебрандъ съ обидною надмѣнностію отвергаетъ его. «Такіе подарки, говоритъ онъ, получаютъ только съ копьемъ въ рукѣ, съ мечемъ противъ меча. Ты хочешь обмануть меня, старый Гуннъ, хитрый проныра и предатель; ты хочешь обмануть меня, чтобъ поразить измѣнническимъ мой отецъ умеръ!»—«Увы! увы! восклицаетъ несчастный отецъ съ тяжкимъ прискорбіемъ,—вотъ моя судьба! Я блуждалъ тридцать зимъ и тридцать лѣтъ вдали отъ моего отечества, и теперь надо, чтобы мой собственный сынъ поразилъ меня своей сѣкирой, или чтобы я былъ его убійцей!» Сраженіе начинается, сѣкиры ударяются объ ихъ кольчуги, мечи ломаются объ ихъ щиты; но здѣсь разсказъ прерывается, и мы не знаемъ ни конца сраженія, ни развязки исторіи. Что касается до занимающаго насъ вопроса, то этотъ отрывокъ, проникнутый простой и мужественной красотой, которая заставляетъ насъ жалѣть объ его краткости, — этотъ отрывокъ указываетъ намъ на Восточно-германскую эпопею, ходившую по Галліи въ эпоху Меровинговъ и переложенную на франкскій діалектъ.

Эта эпопея ходила равнымъ образомъ и по Англіи, въ кругу людей ученыхъ и придворныхъ; многочисленные намеки и указанія, которыя заключаются въ англо-саксонскихъ поэмахъ того времени, не оставляютъ относительно этого предмета никакого сомнѣнія. Три изъ этихъ поэмъ, которыя никакъ не позднѣе VIII вѣка, упоминаютъ о Германарикѣ, Теодорикѣ и ихъ сподвижникахъ. Въ одной изъ нихъ говорится, что мѣсто, гдѣ Теодорикъ получилъ пристанище у Аттилы, и *провелъ тридцать зимъ*, называлось Маринабургомъ. Германарикъ, котораго

Digitized by Google

Готское преданіе всегда представляетъ царемъ коварнымъ и жестокимъ, который въ своей ярости не щадитъ будто бы своею собственнаго семейства, который убиваетъ своего сына изъ-за пустаго подозрѣнія, и приказываетъ повѣсить двухъ сыновей своего брата,—Германарикъ представляетъ тотъ же характеръ и въ саксонскихъ сказаніяхъ.» У него была душа волчья, сказано тамъ; — но онъ весьма далеко простеръ могущество Готовъ: о! это былъ страшный царь! » Самая любопытная изъ этихъ трехъ поэмъ, по крайней мѣрѣ на нашъ взглядъ, есть безъ сомнѣнія та, которая озаглавлена: *Пѣснь Странника.* Это—странствованіе одного барда, который обходитъ Европу, употребляя путеводителями до себя бывшія тогда въ славѣ поэтическія преданія. Пусть представятъ себѣ Грека, бродящаго по свѣту съ Одиссеей подъ мышкой, или какого-нибудь римскаго провинціала, идущаго посѣтить Италію по слѣдамъ Энея: точно то же дѣлаетъ на европейскомъ материкѣ и нашъ англо-саксонскій поэтъ. Исторію и Географію онъ знаетъ только по тѣмъ германскимъ баснямъ, которыя удалось ему прочесть. «На югѣ Галліи, говоритъ онъ, я нашелъ страну Германарика, бѣшенаго, вѣроломнаго; надъ Гуннами царствуетъ Аттила, надъ Готами Германарикъ, надъ Бургундами Хибикъ. Его сынъ Гунтеръ подарилъ мнѣ гривну въ награду за мои пѣсни; другую получилъ я отъ Германарика, который захотѣлъ удержать меня у себя надолго. Пользуясь моимъ пребываніемъ у этого могущественнаго царя, обладателя столькихъ замковъ, я обходилъ всю страну Готовъ, и познакомился съ ихъ знаменитыми воинами. Я узналъ Гетку и Бадеку, Гарлинговъ, Емврику и Фридлу, Остготу и Зифеку...» Емврика и Фридла были конечно племянники Германарика, которыхъ онъ, по преданію, приказалъ повѣсить; а другія—имена царскихъ тѣлохранителей. Отсюда видно, какимъ авторитетомъ пользовались на предѣлахъ Западнаго міра эти вымыслы, приходившіе съ Востока; они образовали, во всей странѣ, въ которой говорили тевтонскимъ языкомъ, нѣчто въ родѣ чудесной исторіи, которую мало-мальски образованный путешественникъ считалъ необходимымъ узнать. Чтобы умѣть понравиться обитателямъ замковъ, для путешественника

Digitized by Google

необходимо было, чтобъ онъ посѣщалъ на своемъ пути эти фантастическія государства, изъ которыхъ приносилъ имъ извѣстія, — необходимо, чтобы собственноручно касался тѣхъ героевъ, изъ которыхъ одни были чисто воображаемые, а другіе, если и существовали, то отнюдь не при тѣхъ условіяхъ, какія имъ приписывали. Между тѣмъ достойно замѣчанія, что преданіе остроготское, посвященное событіямъ Италіи и имѣвшее цѣлію прославленіе царскаго дома Амаловъ, не сохранилось здѣсь во всей своей чистотѣ, и смѣшалось съ элементами западными, хотя, очевидно, не имѣетъ связи съ ними. Такъ поэма Беовулфа говоритъ намъ о Бургундскомъ царѣ Хибикѣ и его сынѣ Гунтерѣ, которые жили на Рейнѣ, и о магическомъ сокровищѣ, стрегомомъ дракономъ на днѣ одной пропасти. Дѣйствительно, Хибикъ и Гунтеръ — лица не вымышленныя. Хибикъ упоминается въ одномъ узаконеніи Бургундцевъ, какъ одинъ изъ древнѣйшихъ царей этого народа, а, что касается до Гунтера, котораго то же узаконеніе называетъ Гундагаріемъ, то въ немъ легко узнать Гунтакара или Гондикара римскихъ писателей, — того царя Бургундіи, который пытался было остановить полчища Аттилы при переходѣ черезъ Рейнъ, близъ Констанціи, въ 452 году. Итакъ поэмы англо-саксонскія даютъ намъ первое указаніе на преданіе западное, которое, привившись къ преданію южныхъ Германцевъ, усвоило также себѣ и Аттилу.

Но, кто бы этому повѣрилъ? Среди полярныхъ морозовъ, въ Исландіи и Скандинавіи, преданія о великомъ царѣ Гунновъ собраны были, быть можетъ, съ большимъ, чѣмъ гдѣ нибудь, усердіемъ и любовію; скальды норвежской Гренландіи передали намъ самыя точныя воспоминанія объ Аттилѣ въ двухъ поэмахъ, озаглавленныхъ *Atla-Mál* и *Atla-Quida*, *Повѣсть и Пѣснь объ Аттилѣ*, которыя раскрываются и пополняются еще другими поэтическими отрывками, не менѣе драгоцѣнными. Скандинавскія пѣсни, въ которыхъ дѣло идетъ объ Аттилѣ, образуютъ болѣе третьей части Сеймундовой Эдды, и мы знаемъ, что онѣ существовали уже въ своемъ настоящемъ видѣ въ первой половинѣ IX столѣтія и, вѣроятно, въ концѣ VIII. Воспоминаніе о Гуннахъ, появившихся впрочемъ весьма не надолго на берегахъ

Digitized by Google

Балтики, живо было въ Скандинавіи. Тамъ долго называли страною Гунновъ, *Hûnalant*, страны, лежащія къ югу отъ этого моря, и нѣмецкіе крестьяне даже и въ настоящее время даютъ названіе *Hunnenbette*,—постели Гунновъ, курганамъ, которые находятъ въ довольно значительномъ количествѣ на равнинахъ Польши. Впрочемъ сѣверные скальды, — судя по оставшимся послѣ нихъ произведеніямъ,—отдавая преимущество преданію остроготскому, избирали это другое преданіе, котораго слѣды указали мы сей-часъ въ англо-саксонскихъ поэмахъ *Беовулфа* и въ *Пѣснѣ Странника*. Поставивъ Теодорика и героевъ Италіи на второмъ планѣ, они старались представить во всемъ свѣтѣ героевъ рейнскихъ, которыхъ знали лучше, или которые ихъ болѣе интересовали. По этой причинѣ, среди множества другихъ матеріаловъ западнаго преданія, мы разсмотримъ пѣсни Эдды и тѣ Саги, которыя относятся къ этому предмету.

Поэмы о Теодорикѣ въ IX вѣкѣ достигли самой высшей степени народности какъ въ странахъ тевтонскаго нарѣчія, такъ и въ тѣхъ, въ которыхъ совершался переворотъ въ языкѣ, въ то же время какъ и переворотъ общественный, какъ, напримѣръ, во Франціи. Большіе и малые, духовные и міряне—всѣ хотѣли знать ихъ, и люди важные не боялись дѣлать на нихъ ссылки въ важныхъ обстоятельствахъ. Фулькъ, архіепископъ реймскій, желая убѣдить германскаго короля Арнульфа не предпринимать ничего противъ Карла—Простаго, его родственника, указывалъ ему на примѣръ Германарика, который, «будучи обманутъ дурнымъ совѣтникомъ, какъ говорится въ книгахъ Аллеманновъ, сдѣлался убійцею своего рода.—Ты не будешь подражать ему, прибавлялъ онъ, ты отвратишь слухъ отъ совѣтовъ злонамѣренныхъ, и, поступая великодушно съ своей фамиліей, своимъ мечемъ поддержишь падающій царскій домъ.» И сама исторія, какъ и все прочее, допустила въ свою область это народное заблужденіе. Напрасно нѣкоторые свѣдущіе монахи, нѣкоторые ученые епископы протестовали со всѣмъ мужествомъ во имя истины въ своихъ хроникахъ, которыя читались мало, или во все не читались; кто хотѣлъ имѣть читателей, тотъ былъ въ союзѣ съ вымысломъ. Эти вымышленные факты проскользали между фактами дѣйстви-

Digitized by Google

тельными, заимствованными у Іорнанда, Проспера или Идака; назначали числа бѣгства Теодорика, его воображаемой борьбы съ Германарикомъ, его битвъ съ рейнскими гигантами. Сама Италія, увлеченная потокомъ преданій, наплывавшихъ съ сѣвера, допустила нѣкоторыя изъ этихъ басень; такъ жители Вероны въ XII вѣкѣ называли *домомъ Теодорика* римскій амфитеатръ, находящійся въ ея стѣнахъ, а самому Теодорику приписывали качества *Гуннскаго царя*. Мы не кончили бы, еслибъ вздумали представлять всѣ доказательства популярности этихъ преданій въ средніе вѣка.

Одинъ примѣръ покажетъ, съ какой сильной вѣрою принималъ ихъ Аллеманскій народъ. Мы объяснимъ сперва, что, вслѣдствіе довольно поэтической идеи, народное воображеніе, не могши допустить, чтобы царь Теодорикъ,—такъ какъ онъ былъ осужденъ за свои аріанскія мнѣнія и за жестокости, обезчестившія конецъ его жизни,—чтобы Теодорикъ могъ быть, какъ и всѣ, заставило его живаго провалиться въ адъ вмѣстѣ съ лошадью, черезъ жерло горы Этны. Такимъ образомъ, допустивши это, какъ народное вѣрованіе, подъ 1197 годомъ мы читаемъ слѣдующія строки въ лѣтописи монаха Годфрида Кёльскаго, писавшаго около половины XIII вѣка: «въ семъ 1197 году, нѣкоторыя лица, прогуливавшіяся вдоль Мозеля, увидѣли вдали призракъ человѣка ужасной величины, сидѣвшаго верхомъ на черномъ крылатомъ чудовищѣ. Упомянутыя лица остановились неподвижно отъ ужаса, а привидѣніе приближалось къ намъ, крича, чтобъ они не боялись, что онъ Теодорикъ, бывшій нѣкогда царемъ Вероны. Потомъ, приблизившись къ нимъ, возвѣстилъ онъ различныя бѣдствія, которыя вскорѣ долженствовали излиться на Римско-Германскую имперію; послѣ чего, обернувшись назадъ и пришпоривъ коня, онъ направилъ путь къ Мозелю, переѣхалъ чрезъ эту рѣку и исчезъ на другомъ берегу».

Сношенія западныхъ Германцевъ съ Аттилою и съ Гуннами гораздо менѣе извѣстны намъ, чѣмъ сношенія Германцевъ восточныхъ. Однакожъ исторія упоминаетъ о трехъ обстоятельствахъ, именно, что Аттила предлогомъ для своего похода въ Галлію выставилъ старинную злобу на Визиготовъ,—что у зарейнскихъ

Digitized by Google

Франковъ онъ объявилъ себя посредникомъ между двумя принцами, споривишими за престолъ послѣдняго царя, и что наконецъ, если встрѣтилъ онъ на берегахъ Рейна и Марны себѣ враговъ въ Бургундахъ, ставшихъ поселенцами и союзниками Римской имперіи, за то считалъ подъ своими знаменами нѣсколько другихъ племенъ этого народа, обитавшихъ еще въ Германіи, около Герцинскаго лѣса. Этотъ небольшой просвѣтъ, брошенный въ темноту фактовъ, даетъ полное раздолье преданію, и повѣрять его мы можемъ только въ самыхъ невѣроятныхъ нелѣпостяхъ; при всемъ томъ и здѣсь оно тѣмъ любопытнѣе, что наполняетъ самый важный пробѣлъ въ исторіи.

Въ дополненіи къ хроникѣ Идака, писанной въ Испаніи, въ VII вѣкѣ, во времена правленія Визиготовъ, мы видимъ прежде всего доказательство составленія среди этого народа преданій, предметомъ которыхъ была Шалонская битва. Мы помнимъ, что на другой день послѣ того великаго дня, когда Аттила, окруживъ себя повозками въ срединѣ своего стана, ужасалъ еще своихъ побѣдителей,—въ то время Торисмондъ, избранный Визиготами въ цари на мѣсто своего отца, павшаго въ битвѣ, хотѣлъ тотчасъ же отправиться, чтобъ воспрепятствовать оставшимся въ Тулузѣ братьямъ составить какія-нибудь покушенія противъ его правъ, и что Аэцій, съ которымъ онъ для вида, совѣщался по этому предмету нисколько его не удерживалъ. За это бѣгство въ виду непріятеля, безъ оомнѣнія, не разъ упрекали Визиготовъ: преданіе, о которомъ мы говоримъ, имѣло цѣлію очистить ихъ отъ этихъ упрековъ. Оно повѣствуетъ, что Аэцій, котораго будто бы политика состояла въ томъ, чтобы отдѣлаться отъ Гунновъ посредствомъ Визиготовъ, а отъ Визиготовъ посредствомъ Гунновъ, увидѣвшись тайкомъ съ Аттилою, дружески предупредилъ его, что въ эту же самую ночь должно прійдти новое войско Визиготовъ. «Если ты дождешься его, говорилъ онъ Аттилѣ, то ты погибъ; иди же сей часъ, и я прикрою твое отступленіе.» Аттила приказываетъ отсчитать ему десять тысячъ золотыхъ монетъ въ доказательство своей признательности, и Римлянинъ торопливо бѣжитъ въ лагерь Визиготовъ, разыгрываетъ ту же комедію съ Торисмондомъ, и полу-

Digitized by Google

чаетъ еще десять тысячъ золота. На разсвѣтѣ Гунны и Визиготы оставили поле битвы, и Аэцій сталъ одинъ обладателемъ всей добычи. Преданіе прибавляетъ еще, что для успокоенія Торисмонда, который, видя, что былъ игрушкою римскаго военачальника, разразился угрозами, Аэцій подарилъ ему золотую чашу, осыпанную драгоцѣнными камнями, изящной работы. Извѣстно, что подобная чаша находилась въ сокровищницѣ Визиготскихъ царей, и оттуда послѣ многихъ приключеній перешла въ руки Франкскаго короля Дагоберта. Визиготы указывали на эту чашу, какъ на доказательство истины ихъ преданія, а между тѣмъ все таки оно—чистая ложь, придуманная тщеславіемъ.

Кромѣ того, мы имѣемъ еще другое, болѣе очевидное и болѣе вѣрное, доказательство той мысли, что преданія дѣйствительно составлялись среди этого народа, въ VII и VIII вѣкахъ,—это—поэтическое созданіе личности Вальтера Аквитанскаго, героя, назначеннаго играть по отношенію къ Аттилѣ роль столько же важную, какъ и роль Теодорика, съ тѣмъ однакожъ различіемъ, что Теодорикъ былъ другомъ Гуннскаго царя, а Вальтеръ—его непріятелемъ. Этого Вальтера преданіе называетъ сыномъ будто бы Алфера, царя Аквитаніи или Испаніи, и это двоякое названіе, присоединенное къ германскимъ именамъ двухъ принцевъ, естественно переноситъ насъ къ Визиготамъ, бывшимъ нѣкогда обладателями всей Аквитаніи, и потомъ вытѣсненнымъ Кловисомъ въ Септиманію и Испанію. Это обстоятельство и другія, о которыхъ мы сей часъ будемъ говорить, почти не допускаютъ никакого сомнѣнія, что первоначальное изобрѣтеніе личности Вальтера принадлежитъ Визиготскому народу, который также хотѣлъ имѣть свое участіе въ великомъ преданіи объ Аттилѣ.

Отъ этого поэтическаго созданія, которое, по всей вѣроятности, должно было имѣть большую важность, дошелъ до насъ одинъ только полный эпизодъ и нѣкоторые безсвязные отрывки, посредствомъ которыхъ мы можемъ однакожъ составить себѣ идею и о цѣломъ. Эпизодъ повѣствуетъ намъ объ одномъ приключеніи изъ юныхъ лѣтъ Вальтера,—приключеніи, самомъ занимательномъ изъ всѣхъ западныхъ преданій, на которое часто дѣлались указанія

Digitized by Google

въ поэмахъ и сагахъ о Нибелунгахъ: оставленный заложникомъ у Гунновъ, герой похищаетъ тамъ молодую дѣвушку, которая слѣдуетъ за нимъ въ Аквитанію, гдѣ онъ и женится на ней. У насъ нѣтъ въ рукахъ этого эпическаго отрывка на тевтонскомъ языкѣ, но есть на латинскомъ, въ одной поэмѣ, которая писана около X вѣка, и есть, очевидно, не что иное, какъ подражаніе, или лучше переложеніе германскаго подлинника. Притомъ же латинскій перелагатель, монахъ изъ монастыря Флёри на Луарѣ, по имени Жеральдъ, далекій отъ того, чтобы возсоздать поэтическій вымыслъ этого произведенія, является здѣсь не болѣе, какъ простымъ передавателемъ, который извлекъ этотъ любовный эпизодъ изъ приключеній Вальтера, «извѣстныхъ, какъ говоритъ онъ, всему свѣту, для развлеченія своей монастырской братіи, и чтобы почтить своего достойнаго родственника, епископа Эрхимбальда или Аршамбольда,» которому и посвящаетъ свою книгу. Этотъ Аршамбольдъ, кажется, былъ тотъ самый, который управлялъ стразбургскою церковію въ 960 году. Прежде чѣмъ мы займемся подробно и этимъ эпизодомъ, и всѣмъ, что относится къ Вальтеру Аквитанскому или Испанскому, считаемъ нужнымъ предварительно сказать два слова: между замѣчательными лицами, изображенными здѣсь, мы находимъ царя Хибика и его сына Гунтера, о которыхъ сей-часъ говорили англо-саксонскія поэмы; они царствуютъ также въ Вормсѣ, на Рейнѣ, и о-бокъ съ ними живетъ свирѣпый Гаганъ или Гагенъ, Аяксъ германскихъ преданій; только, между тѣмъ какъ Хибикъ и Гунтеръ по англо-саксонскимъ поэмамъ были бургундскіе цари, поэма о Вальтерѣ называетъ ихъ царями франкскими. Кромѣ того она нисколько не церемонится съ ними: Франки здѣсь представлены народомъ хищнымъ, вѣроломнымъ и трусливымъ; они грабятъ путешественниковъ, которыхъ судьба забрасываетъ въ ихъ страну, и храбры только тогда, когда нападаютъ по двѣнадцати человѣкъ на одного воина, но этотъ воинъ Аквитанецъ, т. е. Визиготъ, и въ его рѣшительномъ превосходствѣ ни минуты не льзя сомнѣваться. Такого рода поэма, очевидно, могла родиться только у Визиготовъ, и притомъ въ эпоху довольно близкую къ ихъ изгнанію изъ Галліи, когда гордыя притязанія и предразсудки нена-

Digitized by Google

висти противъ народа и племени Кловиса, были еще живы въ ихъ сердцахъ.

Перенесемся теперь на предѣлы Сѣвера, въ среду скальдовъ VIII и IX вѣковъ, и станемъ читать тѣ поэмы Эдды, о которыхъ сей-часъ сказали: здѣсь мы встрѣчаемъ опять имена Хибика, Гунтера и Гагена (*) вмѣстѣ съ именами Аттилы и Теодорика, между тѣмъ какъ въ нихъ нѣтъ вовсе и рѣчи о Вальтерѣ; и такъ преданіе объ Аттилѣ проникло въ Скандинавію не черезъ Визиготовъ, а всего скорѣе черезъ Бургундовъ и Франковъ. Но Скандинавы, принявъ всѣ лица, упоминаемыя въ преданіяхъ при-рейнскихъ народовъ, примѣшали къ нимъ образы, принадлежащіе собственно имъ, вывели въ нихъ существъ странныхъ и фантастическихъ, съ которыми необходимо однакожъ познакомиться, чтобы лучше понять Аттилу въ той рамѣ преданій, въ какую заключило его воображеніе поэтовъ Норвегіи и Исландіи. Вотъ сущность тѣхъ приключеній, которыя они поставляютъ передъ приключеніями Гуннскаго царя, и которыя служатъ необходимымъ къ нимъ введеніемъ.

Главный герой этого введенія есть Сигурдъ, котораго аллеманскія поэмы называютъ Сигфридомъ. Происходя изъ скандинавскаго поколѣнія Вольсунговъ, онъ отправляется за приключеніями въ чужіе края, чтобы показать свое мужество, и пріѣзжаетъ на берега Рейна. Здѣсь узнаетъ онъ, что въ нѣдрахъ одной горы скрыто чудесное сокровище, и его стережетъ драконъ Фафниръ, змѣй, обладающій даромъ слова и знаніемъ будущаго. Войти смѣло въ пещеру, убить чудовище и похитить его сокровище, — это для Сигурда ничего не стоитъ; потомъ, по данному ему наставленію, вынимаетъ онъ сердце изъ чудовища, жаритъ его и ѣстъ: тотчасъ же совершается съ нимъ превращеніе; *онъ понимаетъ языкъ птицъ*; т. е. узнаетъ всѣ тайны природы, всѣ тѣ таинственныя совѣщанія, которыя птицы щебе-

(*) Ихъ имена получили въ Эддѣ измѣненія, сообразныя съ свойствами скандинавскихъ нарѣчій: Хибикъ сталъ здѣсь *Ghiuki*; Гунтеръ, *Gunnar*; Гагенъ, *Hogni*; мы оставили имъ настоящія имена, какія они носятъ въ поэмахъ нашихъ Германцевъ.

Digitized by Google

чуть между собою весною по лѣсамъ. Германскій варіантъ прибавляетъ еще, что герой купается въ крови дракона, и что его кожа въ ту же минуту покрывается роковой оболочкой или чешуей, которая дѣлаетъ его тѣло неуязвимымъ, кромѣ одного мѣстечка между плечами, на которое упалъ липовый листъ во время его купанья. Языкъ птицъ даетъ знать побѣдителю Фафнира вещи въ тысячу разъ драгоцѣннѣе, чѣмъ всѣ сокровища земли и моря, именно—средство дѣлаться невидимымъ и нравиться всѣмъ женщинамъ. Чтобъ испытать свое знаніе, Сигурдъ заставляетъ сперва полюбить себя валькирію Брунегильду, которая, вслѣдствіе страннаго смѣшенія понятій, будучи дочерью Одина, является вмѣстѣ съ тѣмъ сестрой Аттилы; но вскорѣ оставляетъ ее для прекрасной Гудруны, дочери Хибика и Кримгильды, сестры двухъ принцевъ Нибелунгскихъ Гунтера и Гагена. Онъ женится на Гудрунѣ, а валькирія, обманутая его хитростію, соединяется съ Гунтеромъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ клянется отмстить за себя Сигурду. Она возбуждаетъ противъ него Гунтера и Гагена жаждою золота: шуревья завлекаютъ его въ свои сѣти, вонзаютъ ножъ въ то мѣсто, которое осталось уязвимымъ, и похищаютъ его сокровище. Однакожъ Брунегильда, не переставшая любить его, не для чего иного заставляетъ его убить, какъ только для того, чтобъ умереть вмѣстѣ съ нимъ и вѣчно обладать имъ въ Валгаллѣ; она убиваетъ сама себя и завѣщаваетъ положить себя на томъ самомъ кострѣ, который долженъ истребить ея любезнаго. А вдова Сигурда,—это та самая, которую Аттила проситъ и получаетъ себѣ въ супружество, и которой присутствіе посреди Гунновъ, вслѣдствіе неотвратимыхъ опредѣленій судьбы, привлекаетъ на ея мужа, на братьевъ и на самое ее ужасныя бѣдствія.

Очевидно, это разсказъ чисто миѳологическій: *Вольсунги*, племя божественное, происходящее отъ Одина и обладающее среди людей богатствомъ, знаніемъ и любовію, имѣютъ своимъ послѣднимъ представителемъ Сигурда; слово *Вольсунгъ* значитъ *сынъ свѣта*. Сигурду противопоставлены рейнскіе люди, которые его сначала принимаютъ, потомъ убиваютъ, чтобъ овладѣть его сокровищемъ. Эти люди образуютъ племя *Нифлунговъ* (на

Digitized by Google

южно-тевтонскомъ нарѣчіи *Нибелунги*), а это слово значитъ *сыны тьмы*. И такъ предъ нами являются здѣсь сыны дня и сыны ночи, и мы переносимся мыслію къ той вѣчной борьбѣ между свѣтомъ и тьмою, между добромъ и зломъ, между знаніемъ и невѣжествомъ, которая составляетъ основу религіозныхъ вѣрованій одинизма, также какъ и многихъ другихъ вѣръ. Вольсунгъ, смѣшанный съ человѣчествомъ, любимъ двумя женщинами, изъ которыхъ одна божественнаго происхожденія, а другая земнаго,—Брунегильдою и Гудрупою. Вторая, по своему неблагоразумію, открываетъ то мѣсто, въ которое можно умертвить ея любезнаго, и Нибелунги спѣшатъ поразить его. Тогда божественная женщина убѣгаетъ вмѣстѣ съ нимъ съ земли, и они возвращаются вмѣстѣ въ рай Одина. Нельзя было бы видѣть, чтобъ эта миѳологическая басня,—которая можетъ быть очень хороша сама въ себѣ,—имѣла что-нибудь общее съ преданіемъ объ Аттилѣ, еслибы скандинавскіе поэты, поставляя Гуннскаго царя между полубогами одинизма, не заставили его влюбиться въ одно и тоже время во вдову Сигурда и въ его сокровища.

Кажется, что этотъ полу-символическій, полу-дѣйствительный вымыслъ, представленный притомъ же въ пѣсняхъ мужественно-прекрасныхъ, имѣлъ большой успѣхъ между Германскими племенами, потому что онъ перешелъ изъ Скандинавіи въ южную Германію вмѣстѣ съ своей миѳической рамой и со всей вереницей своихъ призраковъ. Впрочемъ при этомъ переходѣ, бывшемъ въ X вѣкѣ и породившемъ цѣлый рядъ германскихъ поэмъ о Нибелунгахъ,—поэмъ, изъ которыхъ наиболѣе раскрытая и лучшая *Niebelungenlied*, появившаяся, какъ думаютъ, въ XII вѣкѣ,—при этомъ переходѣ скандинавское произведеніе потерпѣло большія искаженія, которыя много портятъ не только характеръ главныхъ лицъ—Аттилы и его жены Кримгильды (Гудруна германскихъ поэтъ), но даже и развязку басни. Въ этомъ новомъ видѣ западное преданіе постепенно раскрывалось отъ X до XIII вѣка, принявъ въ себя, вслѣдствіе заимствованій, и визиготское преданіе о Вальтерѣ испанскомъ, также какъ и другія данныя восточнаго преданія. Отсюда образовалось значительное множество эпизоди-

Digitized by Google

ческихъ поэмъ, каковы: *Дворецъ Аттилы*, *Садъ Розъ*, *Гибель Кримгильды*, *Пѣснь Сигфрида*, *Плачъ Нибелунговъ*, *Витерольфъ испанскій* и проч.; и множество другихъ пьесъ, содержащихся въ *Книгѣ Героевъ* (*Helden-Buch*). Западное преданіе въ своемъ развитіи значительно превзошло преданіе восточное, къ которому оно привилось первоначально.

Его успѣхъ въ народѣ, по крайней мѣрѣ, равнялся славѣ объ немъ, потому что новые герои его передъ Теодорикомъ и его сподвижниками имѣли то преимущество, что были Германцы западные. Ихъ именами названы были наиболѣе живописныя мѣстоположенія въ прирейнской долинѣ. Между Вормсомъ и Шпейеромъ указывали на одинъ лугъ, слывшій нѣкогда, говорятъ, садомъ розъ, которыя прекрасная Кримгильда садила своими руками, и которыя герои орошали своей чистѣйшей кровью. Здѣсь-то Теодорикъ бился съ Сигфридомъ, и сюда же приходилъ сражаться самъ Аттила. Кромѣ того, еще другой чудесный садъ помѣщали на одномъ островѣ рѣки, окруженномъ неприступными скалами, какъ садъ Армидинъ. Въ стѣнахъ Вормса находился, будто бы, дворецъ гигантовъ. Гробницу Сигфрида *Рогатаго* помѣщали на кладбищѣ Св. Цециліи, гдѣ тщательно хранилось и его копье, насаженное на огромную ель. Для большаго сходства съ Теодорикомъ веронскимъ, и о Сигфридѣ говорили, что онъ не умеръ, но оставался живымъ подъ гиганской плитой своей гробницы. Огромное стеченіе поселянъ каждогодно посѣщало эту гробницу, сдѣлавшуюся мѣстомъ и цѣлію религіозныхъ странствованій. Въ 1488 году, императоръ Фредрихъ III, проводя въ Вормсѣ праздникъ пасхи, также счелъ нужнымъ побывать сюда, какъ и всѣ, и ему пришла мысль убѣдиться самому, дѣйствительно ли живъ гигантъ Сигфридъ. Призвавъ къ себѣ своего домоправителя, онъ далъ ему четыре или пять флориновъ. «Поди, отыщи бургомистра, сказалъ онъ ему, и объяви, чтобъ онъ приказалъ разрыть эту яму, потому что я хочу видѣть, что тамъ находится.» Бургомистръ взялъ деньги, нанялъ работниковъ, и приказалъ рыть землю; ничего не находя, они копали до тѣхъ поръ, пока глубокіе ключи, разлившись большими потоками, перервали работу и разогнали работниковъ. Императоръ, если вѣрить вормской

хроникѣ, возвратился оттуда вполнѣ убѣжденный, что гигантъ Сигфридъ былъ сущая ложь; но народъ продолжалъ еще сильнѣе на всѣ голоса воспѣвать туринтенскую Кримгильду и ея двухъ мужей, Сигфрида и Аттилу. Наперекоръ ученымъ XVI вѣка и ихъ анаѳемамъ на невѣждъ и глупцовъ, слушавшихъ эти нелѣпости и вѣрившихъ имъ, Сигфридъ и Теодорикъ, Кримгильда и Аттила, перешедши изъ поэзіи въ прозу, но всегда оставаясь популярными, составляютъ еще и теперь существенную пищу для разсказовъ за-рейнскихъ.

II. ХАРАКТЕРЪ АТТИЛЫ, СОЗДАННАГО ПРЕДАНІЕМЪ. — ЕГО ЖЕНЫ. — ЕГО ТРАГИЧЕСКІЙ КОНЕЦЪ.

Атли у Скандинавовъ, Атла у Англо-Саксовъ, Атиль, Аттель, Геттель, Этцель у Аллеманновъ, — вотъ различныя имена, которыя преданіе даетъ Гуннскому царю. Атли *блѣднолицый* живетъ въ крѣпости, построенной близь Дуная, гдѣ день и ночь ходятъ на стражѣ вооруженные люди: здѣсь полными кубками пьетъ онъ вино въ огромной залѣ своей Валгаллы. Гораздо менѣе грубый и дикій, Этцель Аллеманновъ сдѣлалъ изъ Этцельбурга, своего города, постоянное зрѣлище торжествъ и турнировъ, и любимое мѣсто свиданія для воиновъ и для дамъ. Если Гуннскій царь, при своемъ сочетаніи съ героями Эдды, получилъ нѣкоторый родъ норвежской жестокости, за то на оборотъ въ пѣсняхъ *Миннезингеровъ* его характеръ значительно смягченъ; живя среди рыцарей, онъ принялъ понятія и добродѣтели чисто христіанскія. Между тѣмъ, какъ ни снисходительнымъ является онъ въ этомъ послѣднемъ видѣ преданія, — гдѣ онъ представляется много похожимъ на Карла Великаго римскихъ поэмъ, — всегда окружаютъ его какія-то мрачныя судьбины, и какая-то особенная атмосфера, пропитанная ужасными бѣдствіями. Вслѣдствіе смутнаго воспоминанія о готскихъ суевѣріяхъ, которыя дѣлали Гунновъ сынами волшебницъ и злыхъ духовъ, и у скандинавскаго Атли матерью является волшебница, а сестрой валькирія. То и другое преданіе изображаетъ намъ его завоевателемъ, пресыщеннымъ побѣдами и помышляющимъ только о мирѣ; въ поэмахъ аллеманскихъ онъ откро-

Digitized by Google

вененъ, ласковъ, праводушенъ; поэмы скандинавскія даютъ ему больше тонкости и хитрости. «О! говоритъ Эдда,— Атли былъ мудрый царь.»

Достигши высшей степени могущества, Гуннскій царь отложилъ въ сторону свое оружіе; онъ берется за него только по прихоти, или для того, чтобъ служить своимъ друзьямъ. Въ самомъ дѣлѣ, чего еще не достаетъ ему? Гуналантъ, его имперія, заключаетъ въ себѣ двѣнадцать сильныхъ государствъ; «отъ моря до моря,—все это его.» Ему остается только всесло расточать свои сокровища въ своемъ блестящемъ дворцѣ, гдѣ происходятъ самыя разнообразныя приключенія, гдѣ главную роль играютъ битвы и любовныя похожденія. Царица Крѣко, которую Скандинавы называютъ Эркіа, а Аллеманны Герхе или Гелхе (Herchè или Helchè) устроиваетъ придворныя пиршества при помощи Теодорика—зеркала героевъ, гостя и вѣрнаго друга царя Аттилы. Отдѣльная поэма, называемая *Дворецъ Этцеля*, посвящена именно прославленію этого великолѣпія и этихъ удовольствій.

«Жилъ былъ въ Венгріи, гласитъ поэма, всѣмъ извѣстный царь, по имени Аттила: не встрѣтишь никогда ему подобнаго! Въ богатствѣ и въ щедрости никто ни когда не равнялся ему! Двѣнадцать вѣнчанныхъ царей служили ему; двѣнадцать государствъ покорялись ему, двѣнадцать герцогствъ, тридцать графствъ, а рыцарей, оруженосцевъ и воиновъ было у него безчисленное множество. Этотъ царь былъ милостивъ и правосуденъ: не встрѣтишь никогда ему подобнаго!»

«Царь Артусъ тоже былъ силенъ, но не какъ Аттила.... Всякій, кто хотѣлъ, шелъ къ нему, потому что не запиралась ни одна дверь во дворцѣ. «Пусть мой дворецъ остается для всѣхъ открытымъ, говорилъ добрый царь; какъ ни пространенъ міръ, не знаю въ немъ себѣ ни одного врага. Къ чему мнѣ двери, когда ни одинъ воинъ не стоитъ здѣсь на стражѣ?»

Поэма *Дворецъ Этцеля* сравниваетъ Аттилу съ царемъ Артусомъ; поэма *Битерольфъ испанскій* сравниваетъ его съ царемъ Соломономъ, который умѣлъ, говоритъ она, такъ хорошо устроить свою жизнь и свои удовольствія; «но у Соломона при

Digitized by Google

всемъ его блескѣ никогда не было столько рыцарей, прибавляетъ Витерольфъ, сколько я видѣлъ однажды у богатаго Аттилы«. Когда Гуннскій царь приказывалъ возвѣстить о какомъ-нибудь праздникѣ, всѣ дороги покрывались людьми всякаго рода, спѣшившими въ Этцельбургъ. Воины ѣхали верхомъ вмѣстѣ съ своими дамами. Толпами приходили сюда всѣ,—христіане и язычники, Русскіе и Греки, Поляки и Валахи, Турингенцы и Датчане; всѣ спѣшили сюда черезъ горы и рѣки, изъ странъ Италіи, Франціи и Испаніи. Картина этихъ торжествъ есть общая всему циклу преданій о Теодорикѣ и Нибелунгахъ.

Поэма о Вальтерѣ Аквитанскомъ, болѣе скромная на подробности, въ немногихъ, простыхъ и сильныхъ чертахъ даетъ намъ понятіе о непобѣдимой силѣ, которою воспоминаніе, жившее въ преданіи, окружало Гуннскаго царя.

Однажды, гласитъ поэма, Аттила вздумалъ повоевать: приказалъ сложить свои палатки и отправился въ походъ въ направленіи къ Рейну. Хибикъ, царь Франковъ, праздновалъ тогда въ Вормсѣ, своей столицѣ, рожденіе старшаго сына своего Гунтера; вся страна предавалась веселію, какъ вдругъ проносится слухъ, что войско, «многочисленное, какъ звѣзды на небѣ, частое, какъ песокъ по берегамъ Рейна, «приближается къ верховьямъ Дуная. Франкскіе вожди держатъ совѣтъ.» Что дѣлать? спрашиваетъ царь.—Просить мира, отвѣчаютъ тѣ въ одинъ голосъ.—Если непріятель подастъ намъ руку, подадимъ ему и мы; мы дадимъ ему заложниковъ и заплатимъ дань. Лучше уступить Гуннскому царю, чѣмъ отважиться лишиться съ одного удара жизни, отечества, нашихъ дѣтей и нашихъ женъ.» И такъ Хибикъ идетъ Аттилѣ на встрѣчу, съ богатыми дарами и съ заложникомъ благородной крови; такъ какъ онъ не можетъ отдать въ заложники своего собственнаго сына Гунтера, «который нуждается въ своей матери,» говоритъ поэтъ, то его выборъ палъ на Гагена, юношу высокаго рода, происходившаго по прямой линіи изъ поколѣнія Троянцевъ. Гуннскій царь принимаетъ дары и заложника, соглашается на миръ и идетъ далѣе, на югъ Галліи, въ страну Бургундовъ.

Этой страной управлялъ тогда Геррикъ, богатый и могущественный царь, и росла у него единственная дочь, нѣжно лю-

Digitized by Google

бимая имъ и наслѣдница всѣхъ его сокровищъ, Гильдегонда, перлъ Бургундіи. Геррикъ случайно находился въ то время въ Шалонѣ, когда войско Гунновъ расположилось по берегамъ Саоны. Земля, попираемая ногами такого множества коней, издавала глухой стонъ; шумъ щитовъ, разносившійся по воздуху, оглашалъ окрестности, какъ отдаленный громъ, и поле, покрытое лѣсомъ копій, какъ будто бросало молніи. «Такъ, прибавляетъ поэтъ, которому мы почти буквально слѣдуетъ въ нашемъ изложеніи,—такъ солнце съ краевъ востока разсыпается въ лучезарныхъ искрахъ, когда на разсвѣтѣ его пламенный шаръ прогоняетъ и разсѣкаетъ взволнованный океанъ.» И такъ, стражъ, который ходитъ по стѣнамъ Шалона, поднимая глаза къ небу, въ ужасѣ восклицаетъ: «Я вижу тамъ облако пыли; это идетъ непріятель: заприте ворота!» Бургунды составляютъ совѣтъ. «Я знаю, говоритъ царь, что произошло съ Франками. Если уступилъ такой сильный народъ, отчего не уступить и намъ? Мои сокровища передамъ я Аттилѣ; есть еще у меня единственная дочь, которую я люблю больше, чѣмъ зѣницы глазъ моихъ, но я охотно отдамъ и ее въ заложницы для спасенія Бургундіи.» Тотчасъ же отправляются послы; Аттила оказываетъ имъ, по своему обычаю, ласковый пріемъ, и говоритъ: «Я больше люблю миръ, чѣмъ войну; Гунны хотятъ лучше обладать посредствомъ мира, чѣмъ посредствомъ оружія; но если имъ противятся, они извлекаютъ мечъ и поражаютъ всѣхъ, кто бы они ни были. И такъ, если вашъ царь придетъ ко мнѣ и попроситъ мира, я дарую ему миръ.» Геррикъ выходитъ изъ Шалона, ведя свою дочь и везя за собою сокровища; онъ отдаетъ Аттилѣ эти сокровища, равно какъ и дочь свою въ заложницы. Такимъ-то образомъ перлъ Бургундіи отправленъ былъ въ отдаленное изгнаніе.

Оставались въ Галліи Аквитанцы, т. е. Визиготы. Аттила не хотѣлъ вернуться домой, не побывавши и къ нимъ. И такъ, онъ быстро идетъ въ направленіи къ Западу, но Аквитанцы не дожидаются его прихода; ихъ царь Алферъ, во все не считая для себя безчестнымъ послѣдовать примѣру Бургундовъ и Франковъ, идетъ на встрѣчу Аттилѣ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Валътеромъ, котораго и представляетъ ему въ качествѣ заложника.

Digitized by Google

Вальтеръ въ первомъ цвѣтѣ юности носитъ уже въ глубинѣ сердца сѣмя героя. Въ палаткахъ Гунновъ онъ находитъ Гильдегонду, свою невѣсту, потому что Алферъ и Геррикъ дали нѣкогда другъ другу клятву соединить своихъ дѣтей, только что достигнутъ они возраста, необходимаго для брака. Аттилѣ, все побѣждающему однимъ своимъ присутствіемъ, ничего болѣе не остается, какъ возвратиться на берега Дуная: онъ подаетъ знакъ къ отправленію, и войско Гунновъ весело идетъ, унося съ собою безчисленныя сокровища, и ведя трехъ молодыхъ заложниковъ царскаго рода, Вальтера, Гагена и Гильдегонду.

Этотъ отрывокъ, составляющій введеніе къ приключеніямъ Вальтера, и выводящій на сцену четыре главныя лица поэмы, конечно, не есть историческій въ томъ смыслѣ, что дѣйствія, которыя здѣсь приписываются царю Гунновъ, не могли быть совершены такъ, какъ онѣ разсказываются; однакожъ онъ имѣетъ историческое значеніе на столько, на сколько отражаетъ современные взгляды на Аттилу. Ничто не препятствуетъ даже думать, что отношенія, которыя онъ предполагаетъ съ одной стороны между Гуннами, съ другой между Франками и Бургундами, эти добровольныя подчиненія, эти поспѣшныя предложенія заложниковъ,—были точно таковы по ту сторону Рейна, со стороны Франковъ и германскихъ Бургундовъ; невѣроятность здѣсь состоитъ въ томъ, чтобы приписывать эти дѣйствія Германцамъ, поселившимся въ Галліи. Но, конечно, надобно же предоставить свою долю и поэтическому вымыслу и той неизбѣжной обстановкѣ, которой онъ требуетъ для себя: безъ похода Гунновъ въ Аквитанію не льзя было бы понять ни плѣна Вальтера у Аттилы, ни похищенія Гильдегонды: поэтъ самымъ предметомъ поэмы принужденъ былъ прибѣгнуть къ вымыслу.

Мы не будемъ слѣдовать за Гуннскимъ царемъ во всѣхъ баснословныхъ войнахъ, которыя приписываетъ ему преданіе, въ его походахъ на Россію, откуда онъ освобождаетъ свою любимицу Герхѣ, въ походѣ на Италію для возстановленія на вероискомъ престолѣ Теодорика, наконецъ въ Ревеннской битвѣ, въ которой Германарикъ и Одоакръ были побѣждены при его содѣйствіи: эти романическія выдумки ничего не сказали бы намъ,

Digitized by Google

потому что онѣ слишкомъ далеки отъ исторіи. Наша главная цѣль—искать въ преданіи какого-нибудь отношенія къ историческимъ бытямъ. Такъ, въ исторіи самыя темныя были смерть Аттилы и та роль, какую могла играть въ этой катастрофѣ молодая дѣвушка, на которой онъ женился, и въ которой ея имя Ильдико очевидно даетъ намъ видѣть Германку. Преданіе германскихъ народовъ не можетъ ли представить какого-нибудь объясненія касательно этого важнаго пункта? Вотъ вопросъ, который стоитъ точнаго вниманія. Въ изслѣдованіи этого вопроса мы видимъ не простой только предметъ любопытства, и это заставляетъ насъ заняться его рѣшеніемъ.

Представимъ сперва въ сокращеніи все то, что говоритъ намъ исторія о причинахъ этой пресловутой смерти. Зимою 453 года, по возвращеніи Аттилы изъ итальянскаго похода, въ ту самую минуту, какъ онъ готовился вторгнуться въ Восточную имперію, завоевателю вздумалось жениться,—прибавить еще жену къ огромному легіону женъ и наложницъ, о которыхъ говорятъ намъ историки. Плѣненный красотою Ильдико, онъ ведетъ ее на свое ложе, но на другой день,—такъ какъ онъ замедлилъ своимъ появленіемъ, и въ брачной комнатѣ царствовало угрюмое молчаніе,—стражи выломили дверь, и вмѣсто своего владыки нашли только трупъ, плававшій въ морѣ крови: подлѣ постели сидѣла молодая жена подъ покрываломъ. Эта смерть была ли смерть естественная? Не задохся ли Гуннскій царь во время сна отъ разрыва жилы и потери крови? Или онъ убитъ былъ, и молодая жена была единственной виновницей убійства, или только сообщницей въ заговорѣ? Эти различные вопросы ходили и въ то время, по міру варварскому и по міру римскому. Предположеніе, что преступленіе Ильдико не было собственно ея дѣломъ, но плодомъ заговора, въ которомъ замѣшаны были нѣкоторые полководцы Аттилы,—это предположеніе, по видимому, подтверждается самыми предосторожностями, которыя приняты были и главными гуннскими вождями для объясненія его смерти. Гимнъ, пѣтый при похоронахъ и имѣвшій цѣлію, такъ сказать, дать оффиціальный видъ этому событію, очевидно, нарочно назначался къ подтвержденію того, что Аттила

Digitized by Google

умеръ естественною смертію, приключившеюся среди радостей супружества и побѣдныхъ торжествъ,—смертью, которая не требуетъ мщенія, какъ-будто именно нужно было разувѣрить часть гуннскихъ вассаловъ относительно какого-нибудь тайнаго обвиненія, какъ-будто наконецъ политика требовала этого объявленія о забвеніи и мирѣ во имя сохраненія имперіи, на гробѣ того, который основалъ ее. Возмущенія, вспыхнувшія черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по наущенію Гепидовъ, нѣсколько подтверждали это предположеніе. Хотѣли вѣроятно отдалить эпоху разрыва, котораго признаки обнаружились еще при жизни самаго завоевателя.

Ни одинъ современный писатель не объясняетъ подробно этого предмета, вызвавшаго въ послѣдстіи большіе споры. Въ слѣдующемъ вѣкѣ явились въ одно время два главныя мнѣнія съ своими варіантами. Кассіодоръ въ своей хроникѣ говоритъ намъ, что Гуннскій царь умеръ отъ носоваго кровотеченія; графъ Марцеллинъ, человѣкъ ученый и государственный, безъ сомнѣнія, хорошо знакомый съ обстоятельствами дѣла, говоритъ, что онъ погибъ отъ удара ножомъ, нанесеннаго ему женщиной, и прибавляетъ, что «нѣкоторые однакожъ говорили, что онъ задохся отъ кровотеченія.» Это мнѣніе объ убійствѣ, которое графъ Марцеллинъ высказываетъ, какъ принятоэ всѣми, повторяетъ и Александрійская хроника. «Онъ спалъ, гласитъ она, о-бокъ съ молодой Гуннской дѣвицей, какъ вдругъ сдѣлался бездыханенъ, и эта дѣвица была подозрѣваема въ его смерти.» Іорнандъ повторяетъ мнѣніе Кассіодора о смерти естественной; но въ то же время указываетъ на погребальную пѣснь, гдѣ провозглашалось, что смерть Аттилы не требуетъ мщенія. Въ VII, VIII и IX вѣкахъ возъимѣло бо́льшую силу другое мнѣніе; объ немъ много толковали и прибавили къ нему много подробностей, которыя требуютъ объясненій. Агнеллъ, историкъ Равеннскихъ епископовъ, писалъ, что Аттила погибъ отъ ножа презрѣнной женщины, *a vilissima muliere cultro defossus*. Саксонскій поэтъ Карла Великаго, жившій въ концѣ IX вѣка, прибавляетъ, что это убійство было возмездіемъ за преступленіе. «Рука женщины, восклицаетъ онъ, низринула Гуннскаго царя въ глубину тартара. Глубокая ночь навѣвала на все

Digitized by Google

живущее глубокій сонъ, и Аттила, отягченный виномъ, уснулъ; но его жестокая жена не спала. Жало ненависти не давало ей заснуть во все продолженіе этой страшной ночи, и она, въ слѣдствіе гнуснаго замысла, прервала дни его. Однакожъ это преступленіе было не болѣе, какъ мщеніемъ. Она отплатила мужу за смерть своего, умерщвленнаго имъ, отца.» Наконецъ у лѣтописца XII вѣка мы находимъ послѣднее обстоятельство этого факта: «эта молодая дѣвица, говоритъ онъ, была взята силою послѣ умерщвленія ея отца.» И такъ на другой же день послѣ смерти Аттилы распространилось и принято было всѣмъ свѣтомъ мнѣніе, что эта смерть была насильственная, что она была плодомъ мщенія женщины.

Вотъ свидѣтельства, которыя представляетъ намъ древность; посмотримъ теперь, подтверждаетъ ли ихъ преданіе, и въ числѣ женщинъ, которыхъ оно даетъ Аттилѣ, не находится ли какой-нибудь, которой черты болѣе или менѣе напоминали бы черты этой Ильдико. Скажемъ сперва, что это имя, искаженное греческой орѳографіей, слагается изъ двухъ словъ, изъ которыхъ первое безъ сомнѣнія есть *Hilde*, а второе можетъ быть передано словомъ *Vighe* или *Gunde*, такъ что настоящее имя послѣдней супруги Аттилы было *Hildevighe* или *Hildegunde*, и обѣ эти слова означаютъ воинственную, героиню. Слово *Hilde*, каждый разъ, какъ встрѣчается въ составѣ имени женщины, показываетъ, что эта женщина была вдохновлена *Гильдою*, германской Беллоной, или находилась подъ ея покровительствомъ. Такимъ образомъ, изъ четырехъ женщинъ, о которыхъ преданіе упоминаетъ, говоря, что онѣ имѣли трагическое вліяніе на судьбу Аттилы, три носятъ въ своемъ имени слогъ *Hilde*: это—*Hilde* или *Hilldr* Датчанка, *Hildegonde* (*Gunde* или *Gude* есть другое названіе богини войны) и *Crimhilde*, или правильнѣе *Grimhilde*, жестокая героиня. Имя четвертой *Gudruna* соединяетъ въ себѣ идеи о войнѣ и о магіи. Гудруна — это женщина отважная и знающая руны

Займемся сперва Датчанкой Гильдръ (*Hilldr*), дочерью царя, котораго одни называютъ Гагеномъ, а другіе Гартмутомъ (Hartmut—суровая душа). Геттель или Аттила любимъ ею и самъ любитъ ее.

Digitized by Google

Гильдръ позволяетъ обольстить себя и убѣгаетъ съ нимъ; но Гагенъ преслѣдуетъ ихъ, догоняетъ похитителя и вступаетъ съ нимъ въ жестокую битву, по окончаніи которой зять и тесть заключаютъ миръ и лобызаются. Гильдръ вѣтрена, и ея любовь къ Аттилѣ скоро прошла. Единственною ея заботою съ тѣхъ поръ стало возбуждать отца и мужа къ войнѣ, и, такъ какъ она волшебница, то употребляетъ для этого колдовство. Каждую ночь она поетъ, и при ея пѣснѣ оба воина, оставляя свои постели, ищутъ другъ друга въ темнотѣ съ мечами въ рукахъ и бьются до разсвѣта. Одинъ изъ варіантовъ этой басни на мѣсто имени Гильдръ поставляетъ имя Гудруны. Здѣсь находимъ мы главные элементы искомыхъ бытей, но Гильдръ еще не болѣе, какъ не ясный профиль Ильдико.

Отъ Датчанки Гильдръ перейдемъ къ Гильдегондѣ, исторію которой постараемся возсоздать при пособіи многочисленныхъ памятниковъ, сохраненныхъ преданіемъ, и начнемъ разсказъ съ того момента, когда дочь царя Геррика, бѣлоснѣжный перлъ Бургундіи, попавшись въ руки Аттилы въ качествѣ заложницы, пріѣзжаетъ на берега Дуная съ своимъ юнымъ женихомъ, Вальтеромъ Аквитанскимъ и Франкомъ Гагеномъ, происходящимъ по прямой линіи отъ Франкуса, сына Гекторова. Ничто не можетъ сравниться съ благородствомъ и щедростью гостепріимства, какое получаютъ здѣсь эти трое дѣтей. Оспирю, царица Гунновъ, обращается съ Гильдегондой, какъ съ родной дочерью; она довѣряетъ ей надзоръ за своимъ дворцомъ и поручаетъ ключи отъ царской сокровищницы. «Гильдегонда, говоритъ поэтъ, была больше царицей, чѣмъ сама царица.» Гагенъ, и особенно Вальтеръ, встрѣчаютъ въ Аттилѣ не менѣе нѣжную привязанность; онъ лично присутствуетъ при ихъ воинскихъ играхъ, самъ учитъ ихъ искусству стрѣлять изъ лука и дѣйствовать копьемъ; онъ дѣлаетъ еще болѣе,—хочетъ, чтобы они учились наукамъ, и чтобы, «возрастая въ одно и то же время въ разумѣ и въ мужествѣ, превзошли своей силой всѣхъ сильныхъ, а умомъ самихъ *софистовъ*. Словомъ, судя по ихъ воспитанію, они должны были быть настоящими его наслѣдниками. Такимъ образомъ, цвѣли они мужествомъ, также какъ Гильдегонда красотою. Въ это время царь

Digitized by Google

Хибикъ умираетъ въ Вормсѣ, оставя Франкскій престолъ Гунтеру, своему сыну, и Гагенъ, котораго эта смерть, по видимому, освободила отъ обязательствъ заложника, убѣгаетъ изъ страны Гунновъ. Царь и царица, боясь, чтобы этотъ дурной примѣръ не подѣйствовалъ и на Вальтера, условливаются между собой женить его, чтобы привязать къ своей службѣ узами болѣе крѣпкими, и предлагаютъ ему дочь одного изъ придворныхъ *сатраповъ*, съ огромнымъ приданымъ, состоявшимъ въ большихъ помѣстьяхъ и въ домѣ, бывшемъ въ самомъ городѣ. Вальтеръ отъ всего отказывается. «Что мнѣ дѣлать съ помѣстьями? отвѣчаетъ онъ царю:—мнѣ надобно будетъ строить тамъ хижины и надсматривать за земледѣльцами. Что я стану дѣлать съ женой? Я долженъ буду заботиться объ ней и о моихъ дѣтяхъ. О царь! о мой добрѣйшій родитель! не налагай на меня такихъ цѣпей; я хочу только быть воиномъ и служить тебѣ.» Вальтеръ лгалъ: онъ любилъ Гильдегонду, и не забылъ, что ихъ отцы нѣкогда обручили ихъ.

Между тѣмъ вспыхиваетъ война: Вальтеръ предводительствуетъ войскомъ Гунновъ, и, «въ игрѣ ясеня съ дереномъ, которыя мѣшаются какъ-будто въ вихрѣ, пронзаются груди или разбиваются о щиты,» Вальтеръ, превзошедшій своего наставника, остается неподвиженъ, какъ скала. Благодаря ему, побѣда принадлежитъ воинамъ Аттилы, которые и возвращаются въ свой городъ при радостномъ звукѣ роговъ, осѣненные зелеными вѣтвями въ знакъ торжества, и изнемогая подъ бременемъ добычи. Вальтеръ, покрытый пылью и кровью, сходитъ съ коня близъ дворца, но здѣсь на то время нѣтъ ни царя, ни царицы, а только одна Гильдегонда, которая и принимаетъ его. Поцѣловавши ее и сѣвши, Аквитанецъ проситъ у нея пить; молодая Бургундка торопливо наполняетъ виномъ золотой кубокъ и подноситъ его воину, но—мы предоставимъ говорить здѣсь самому поэту:

«Онъ осушилъ кубокъ и возвратилъ его Гильдегондѣ. Молодая дѣвушка почувствовала, что рука Вальтера пожала ея руку: смущенная, изумленная, она оставалась безгласною, устремивши взоръ на его воинственное лицо. Послѣ короткаго молчанія, Аквитанецъ сказалъ ей: «Вотъ уже много времени, какъ мы

Digitized by Google

песемъ это изгнаніе, зная оба, что̀ хотѣли сдѣлать съ нами наши отцы. За чѣмъ медлили мы до сихъ поръ взаимнымъ объясненіемъ?» Гильдегонда думаетъ, что онъ хочетъ посмѣяться надъ ней; она молчитъ еще съ минуту, и потомъ отвѣтствуетъ ему: къ чему говоришь ты языкомъ то, чего не чувствуешь въ сердцѣ? Къ чему напоминаешь мнѣ о вещахъ, о которыхъ забылъ самъ? Тебѣ, конечно, стыдно встрѣтить свою невѣсту въ бѣдной плѣнницѣ.—Гильдегонда! живо прерываетъ ее молодой человѣкъ,—опомнись, что̀ ты говоришь. Я слишкомъ далекъ отъ мысли шутить надъ тобой; я сказалъ тебѣ чистую истину, безъ обмана и безъ притворства. Мы теперь одни здѣсь, и, если твоя мысль отвѣчаетъ моей, если я могу надѣяться, что ты сохранила вѣрность, которую обѣщала мнѣ въ дѣтствѣ, я открою тебѣ тайну моего сердца». Тогда, склонясь къ колѣнамъ воина, молодая дѣвушка, трепеща всѣмъ тѣломъ, воскликнула; «говори, о мой повелитель, я буду тебѣ повиноваться; позови меня, и я послѣдую за тобой; твоя воля будетъ теперь моей.—И такъ, слушай же, говоритъ Вальтеръ;—наше изгнаніе стало мнѣ невыносимо; я безпрестанно мечтаю о моей родинѣ, и придумалъ планъ бѣжать, подобно Гагену, изъ страны Гунновъ; я уже давно бы отправился, еслибъ не безпокоился о томъ, что оставлю здѣсь Гильдегонду.—Пусть приказываетъ мнѣ повелитель мой! отвѣчаетъ молодая дѣвушка, счастіе или несчастіе—все мнѣ будетъ сладко при его любви.» Тогда Вальтеръ, склонившись къ ея уху, тихонько сказалъ ей:

«У тебя хранятся ключи отъ царскихъ сокровищъ,—запомни же хорошенько, что̀ я скажу тебѣ. Возьми тамъ царскій шлемъ, кольчугу и латы съ клеймомъ мастера; не забудь захватить съ собой еще два ящика, которые наполнишь гривнами и драгоцѣнностями, сколько будешь въ состояніи унесть. Приготовь четыре пары обуви для меня, столько же для себя, и положи ихъ тоже въ ящики, такъ чтобъ они были полны. Достань еще потихоньку запасъ рыболовныхъ удочекъ, потому что въ дорогѣ единственнымъ нашимъ пропитаніемъ будутъ рыбы и птицы. Я буду и рыбакомъ и вмѣстѣ птицеловомъ, смотря по возможности. Даю тебѣ восемь дней на эти приготовленія. Теперь, какъ же мы

Digitized by Google

убѣжимъ? Слушай хорошенько. Только что солнце сдѣлаетъ свой кругъ семь разъ, я устрою большой пиръ, и позову царя, царицу, сатраповъ, полководцевъ и чиновниковъ; я напою ихъ до того, чтобъ никто не помнилъ, что дѣлается: это мое дѣло. А ты,— ты остерегайся, и пей вина столько, чтобъ удовлетворить лишь жажду. Только что поднимется прислуга, ты сама принимайся за должность кравчаго; потомъ когда гости совершенно упьются, мы отправимся съ тобой къ странамъ Запада.»

Проходитъ недѣля, и настаетъ назначенный день. Въ домѣ Вальтера все радость и великолѣпіе; разрисованные занавѣсы украшаютъ залу пиршества, а для царя приготовленъ шелковый тронъ, шитый золотомъ. Является Аттила. Онъ сажаетъ около себя двухъ именитѣйшихъ особъ, а прочее общество располагается по порядку кругомъ столовъ: за каждымъ столомъ садится сто человѣкъ. Пурпуровыя скатерти, обремененныя золотыми украшеніями, поперемѣнно покрываются и пустѣютъ; изысканныя блюда слѣдуютъ одно за другимъ, сладкое вино пѣнится въ огромныхъ кубкахъ. Вальтеръ своими разговорами одушевляетъ собесѣдниковъ и поощряетъ усердіе служителей. По окончаніи обѣда принимаются за сласти, и Аквитанецъ, обратившись къ своему Аттилѣ, весело говоритъ ему: «одну милость остается тебѣ сдѣлать для меня, о царь: позволь пить твое здоровье.» При этихъ словахъ кравчіе подносятъ Аттилѣ богато вычеканенную огромную вазу, по бокамъ которой находятся изображенія, представляющія подвиги Гунновъ. Царь встаетъ, осушаетъ вазу за одинъ духъ, и всѣмъ повелѣваетъ сдѣлать то же. Кравчіе бѣгаютъ взадъ и впередъ, суетятся, сталкиваются другъ съ другомъ; виднѣются только полные кубки, которые приносятъ, и пустые, которые относятъ назадъ, а хозяинъ то и дѣло присоединяетъ свои просьбы къ приказаніямъ царя, чтобы всѣ пили, и что кто больше выпьетъ, тому больше и чести: вскорѣ въ залѣ пиршества воцаряется ужасное опьяненіе. «У всякаго голова кружится, говоритъ поэтъ, у всякаго языкъ лепечетъ безсвязныя слова, и самые крѣпкіе герои едва держатся на ногахъ.» Эта вакхическая оргія, стараніемъ Вальтера, продолжается далеко за полночь; вздумаетъ ли кто изъ гостей оставить залу, онъ оста-

Digitized by Google

павливаетъ его и принуждаетъ сидѣть до того, что всѣ, обремененные виномъ и сномъ, полегли какъ попало, гдѣ сидѣли. Аквитанецъ, воспользовавшись этой минутой, встаетъ и удаляется волчьимъ шагомъ; Гильдегонды уже давно здѣсь не было. Если бы даже подложили огонь подъ домъ, и то никто изъ присутствовавшихъ не почувствовалъ бы этого, никто не могъ бы сказать, что сталось съ нимъ». — Читатели, — надѣемся, — простятъ намъ, что мы представили *in extenso* эту картину блестящаго праздника, какими обыкновенно грезили въ средніе вѣка; впрочемъ эта картина не совсѣмъ лишена и исторической истины: это—поэтическое представленіе Прискова обѣда у Аттилы.

Гильдегонда была совершенно готова къ отъѣзду, ящики и оружія были уже съ нею. Вальтеръ самъ беретъ изъ конюшни своего коня, — царя коней, *Льва*, получившаго это названіе за свою силу и отважность; онъ сѣдлаетъ его и надѣваетъ на него узду, привязываетъ къ его бокамъ ящики, полные золота, на спину кладетъ легкіе съѣстные запасы, и подаетъ молодой дѣвушкѣ развѣвающіеся поводья. А самъ онъ, «покрытый латами, въ шлемѣ, отѣненномъ краснымъ перомъ, казался гигантомъ,» говоритъ поэтъ. Два меча висятъ у него по бокамъ, сообразно обычаю Гунновъ; мечь на лѣвой сторонѣ, обоюду-острый, а на правой съ однимъ остріемъ. Снарядившись такимъ образомъ, они оставляютъ землю изгнанія; Гильдегонда управляетъ лошадью; Вальтеръ держитъ въ правой рукѣ копье и удочку, которая должна обманывать рыбу и извлекать ее изъ лона водъ. Они ѣдутъ поспѣшно всю ночь, когда заря начнетъ заниматься на горизонтѣ, скрываются въ лѣсахъ, ища пустынныхъ мѣстъ и густой тѣни; но молодая дѣвушка не можетъ превозмочь своего ужаса, малѣйшій шумъ заставляетъ ее трепетать; ее безпокоитъ самый легкій шелестъ; полетъ птицы, трескъ сломившейся вѣтки сильно заставляетъ биться ея сердце.

Что сталось послѣ этого бѣгства съ Аттилою и его придворными, отягченными виномъ? Былъ полдень, но никто еще не пробуждался; они все еще спали, какъ попало, кто на столахъ, кто на ступеняхъ портиковъ. Наконецъ этотъ муравейникъ приходитъ въ движеніе; всѣ ищутъ хозяина, чтобы поблагодарить

Digitized by Google

его и распроститься съ нимъ. Аттила, держась обѣими руками за отягченную голову, медленно сходитъ съ своего сѣдалища и зоветъ Вальтера; но Вальтеръ не является. Его ищутъ подъ портиками, ищутъ по всѣмъ угламъ дома; но никто его не находитъ ни спящимъ, ни бодрствующимъ. Къ Оспирю также не является Гильдегонда, всегда такъ исправно приносившая ей по утрамъ ея одежду: тутъ она угадываетъ все. «Проклятый пиръ! восклицаетъ она,—Вальтеръ, честь Паннонiи, убѣжалъ и увезъ съ собой Гильдегонду, мою милую воспитанницу!» Такъ выражаетъ свою горесть царица; но гнѣвъ царя не знаетъ предѣловъ: Аттила раздираетъ съ верху до низу свою тунику, какъ будто пораженный безумiемъ. «Его мысли, говоритъ поэтъ,—блуждаютъ тамъ и самъ по волѣ внутренней бури, какъ волнуются песчаные вихри по волѣ морскихъ бурь.» Онъ произноситъ только безпорядочныя и безсвязныя слова. Цѣлый день не принимаетъ онъ никакой пищи, и при наступленiи ночи не можетъ смежить глазъ; онъ ворочается съ боку на бокъ на постели, какъ будтобъ въ груди у него былъ дротикъ. Голова склоняется то на право, то на лѣво на его плечахъ. Вдругъ онъ встаетъ, точно бѣшеный бѣжитъ въ городъ, потомъ возвращается на постель, и все-таки не находитъ себѣ успокоенiя. Такова была ночь, проведенная Аттилою. Съ наступленiемъ дня онъ приказываетъ своимъ военачальникамъ: «Пусть скачутъ, говоритъ онъ имъ, пусть преслѣдуютъ ихъ; пусть приведутъ ко мнѣ Вальтера на привязи, какъ злую собаку. Кто представитъ мнѣ его, того я осыплю съ головы до ногъ золотомъ, зарою въ золотѣ!...» Поэтъ говоритъ намъ, что никто не дерзнулъ ѣхать, ни герцоги, ни графы, ни рыцари,—столько внушало имъ ужаса одно имя Вальтера, но другое преданiе увѣряетъ, что нашлось двѣнадцать отважныхъ воиновъ, которые пускаются въ дорогу и ѣдутъ во всю скачь на своихъ коняхъ.

Остановимся на минуту на этомъ изображенiи горести Аттилы, на которомъ останавливается и самъ поэтъ, какъ будто, съ особеннымъ удовольствiемъ. Въ этомъ отчаянiи, которое испытываетъ Гуннъ по случаю бѣгства Гильдегонды и Вальтера,—отчаянiи, котораго всѣ страданiя представлены намъ съ такою подробностiю,

Digitized by Google

какъ будто нехотя, одинъ ли гнѣвъ надобно видѣть? Напротивъ, слѣпое и безумное бѣшенство, которое заставляетъ его терять время, дорогое для преслѣдованія бѣглецовъ, не носитъ ли на себѣ всѣхъ признаковъ страсти? Аттила, очевидно, любитъ Гильдегонду, и въ ту минуту, какъ видитъ, что она у него похищена и любитъ другаго,—въ ту минуту, когда ему кажется все потеряннымъ, страсть въ немъ раскрывается, и вырывается наружу съ бѣшеной силой. Если поэтъ не говоритъ намъ ясно объ этомъ, за то довольно ясно даетъ понимать, и онъ не имѣлъ нужды въ болѣе точномъ объясненіи этого предмета для читателей, знавшихъ еще до этого всю исторію, какъ обыкновенно знаютъ народную сказку. Здѣсь дѣло шло только о бѣгствѣ Вальтера и Гильдегонды и ихъ встрѣчѣ съ Франками, и все заставляетъ насъ вѣрить, что другія поэмы того же цикла были посвящены изображенію *влюбленнаго Аттилы*. Слѣдя далѣе нить нашей исторіи, мы скажемъ, что Гильдегонда и Вальтеръ провели въ дорогѣ сорокъ дней, ночью проѣзжая торными дорогами, а днемъ избѣгая селеній и обработанныхъ полей. Они спали въ пещерахъ или подъ навѣсомъ густыхъ деревьевъ, другъ подлѣ друга, но какъ братъ съ сестрою, говоритъ поэтъ. Часто, когда Вальтеръ спалъ, Гильдегонда была на сторожѣ. Встрѣчали ли они рѣку,—Вальтеръ закидывалъ свою удочку; проѣзжали ли лѣсомъ, онъ раскидывалъ сѣти или убивалъ птицъ ударами стрѣлъ. Такимъ-то образомъ питались они во все продолженіе путешествія, потому что ихъ небольшіе запасы вскорѣ всѣ истощились; но, прибавляетъ поэтъ, они надѣялись вскорѣ увидѣть свою милую родину, и эта мысль придавала имъ новыя силы.

Разсказы, сохранившіеся въ преданіи, въ отличіе отъ поэмы, положительно утверждаютъ, что бѣглецы были настигнуты посланными Аттилы, что Вальтеръ всѣхъ ихъ положилъ на мѣстѣ. А поэма гласитъ, что они безпрепятственно доѣхали до береговъ Рейна, гдѣ попали въ руки злодѣевъ, во сто разъ ужаснѣйшихъ, чѣмъ Гунны,—въ руки Гунтера и франкскихъ воиновъ. Рыба, пойманная въ Дунаѣ, которую Вальтеръ даетъ рейнскому перевощику вмѣсто платы за свой переѣздъ, и которую тотъ бѣжитъ продавать въ Вормсъ, въ царскій дворецъ, наводитъ Гунтера

Digitized by Google

на ихъ слѣды. Онъ торопливо бѣжитъ съ своими воинами отнять у бѣглеца его ящики и жену; но Вальтеръ, скрывъ предварительно оба свои сокровища въ пещерѣ, и ставъ самъ при ея входѣ, убиваетъ ихъ или обращаетъ въ бѣгство. Самъ Гагенъ не совѣстится вмѣшаться въ эту неравную битву противъ своего брата по оружію и товарища во время плѣна. Борьба эта, въ которой Аквитанецъ выказываетъ свое превосходство надъ всѣми франкскими воинами, представлена въ поэмѣ со всею подробностію; говоря правду, эта часть поэмы обработана съ особенной любовью, и вѣроятную причину этого мы уже сказали выше. Кончивъ съ честію и эту битву, Вальтеръ садится на франкскаго коня, а Гильдегонду сажаетъ на своего бѣгуна, и оба спокойно ѣдутъ въ Аквитанію, гдѣ и вступаютъ въ бракъ. Монахъ монастыря Флёри на Луарѣ здѣсь оканчиваетъ свою одиссею, предупреждая насъ однакожъ, что его герой испыталъ много и другихъ приключеній, которыя не относятся къ его предмету. Итакъ, чтобъ слѣдить за Гильдегондой, намъ нужно прибѣгнуть къ другимъ поэмамъ и сагамъ объ Аттилѣ.

Прежде всего мы встрѣчаемъ ее вмѣстѣ съ мужемъ, который сталъ уже царемъ, на одномъ праздникѣ, устроенномъ Гунтеромъ для маргграфа Рудигера Пехларнскаго, посланника Аттилы. Франки, какъ видится, примирились съ Визиготами, и Гильдегонда больше всѣхъ блистаетъ красотой, которая ослѣпляетъ Рудигера. Вѣжливый маркграфъ, вспомнивъ, что нѣкогда видѣлъ ее у царицы Гунновъ, проситъ у Вальтера позволенія поцѣловать ее, и, прибавляетъ авторъ *Поэмы о Битерольфѣ*, у котораго мы заимствуемъ эти подробности,—«напечатлѣваетъ поцѣлуй на нѣжныхъ губкахъ, свѣжихъ какъ роза.» Между тѣмъ миръ между Аттилой и Гунтеромъ продолжается не долго, и Вальтеръ съ испанскими и французскими воинами идетъ на помощь Франкамъ. Гильдебрандъ, полный одинакаго съ Аттилою гнѣва, устремляется на Вальтера, похитителя и измѣнника, и поручаетъ Рудигеру вызвать его на битву; Рудигеръ, уважающій мужество Вальтера, не безъ огорченія исполняетъ его желаніе. Всюду, гдѣ приходится плохо Гуннамъ и ихъ союзникамъ, на первомъ планѣ является Вальтеръ испанскій: онъ несетъ знамя Германарика въ итальян-

Digitized by Google

скихъ войнахъ; здѣсь онъ вступаетъ въ битву съ Дитлибомъ, любимымъ товарищемъ Теодорика, и въ ярости, которая одушевляетъ обоихъ, соперники, пронзивъ другъ друга копьями, остаются мертвыми на полѣ битвы. Гильдегонда, по примѣру множества другихъ героинь, безъ сомнѣнія, слѣдовала на войну за Вальтеромъ, съ которымъ была, кажется, неразлучна. Ставши плѣнницей, не была ли она опять отведена къ царю Гунновъ, какъ заложница въ случаѣ разрыва мира? При видѣ молодой женщины, Аттила не почувствовалъ ли снова страсти, которую имѣлъ къ молодой дѣвушкѣ? Не заставилъ ли онъ раздѣлить ее съ нимъ ложе, и она, убивая его, не хотѣла ли тѣмъ отмстить ему за все вмѣстѣ,—за свое оскорбленіе, за стыдъ и за смерть своего мужа? Вотъ что сказало бы намъ, быть можетъ, преданіе, еслибъ мы обладали имъ вполнѣ, но что за недостаткомъ его, можемъ однакожъ предполагать: Гильдегонда Бургундская была бы въ этомъ случаѣ болѣе полнымъ изображеніемъ Ильдико, чѣмъ Датчанка Гильдръ.

Мы не можемъ разстаться съ Вальтеромъ Аквитанскимъ, не упомянувши объ одномъ довольно странномъ анекдотѣ, который читаемъ въ хроникѣ Новалезскаго монастыря, составленной около X вѣка, частію на основаніи писменныхъ документовъ, частію на основаніи монастырскаго преданія. Новалезскій монастырь, построенный при подошвѣ Мон-Сени, былъ одинъ изъ древнѣйшихъ монастырей ордена Бенедиктинцевъ, и въ VI и VII вѣкахъ давалъ убѣжище многимъ важнымъ особамъ, приходившимъ искать здѣсь пристани отъ мірскихъ треволненій: во время войнъ Пепина обращенный въ развалины, онъ возстановленъ былъ въ X вѣкѣ, и тогда-то нѣкоторые усердные монахи, чтобъ возобновить рядъ воспоминаній, составили хронику своего аббатства. Вотъ какую мы здѣсь встрѣчаемъ страницу:

«Жилъ нѣкогда въ семъ монастырѣ монахъ высокаго роста, съ необычайной силой и съ лицомъ воинственнымъ, не смотря на сѣдые волосы. Онъ обходилъ весь свѣтъ съ посохомъ странника, ища монастыря съ самымъ строгимъ уставомъ, гдѣ бы можно было надлежащимъ образомъ приготовиться къ тому путешествію, которое слѣдуетъ за этой смертной жизнію. Онъ

Digitized by Google

ходилъ и искалъ напрасно многіе годы; потомъ случилось ему посѣтить это мѣсто, и онъ рѣшился поселиться здѣсь; но, по своему крайнему смиренію, онъ не хотѣлъ имѣть никакого послушанія, кромѣ послушанія брата-садовника, о которомъ настоятельно просилъ и которое получилъ. Этотъ монахъ былъ суровъ и страненъ; онъ никогда не разставался съ своимъ посохомъ, висѣвшимъ всегда какъ будто оружіе на стѣнѣ его кельи. Вторгались ли шайки враговъ въ окрестныя селенія, или разбойники угрожали монастырю, онъ снималъ съ гвоздя свой посохъ, отлучался съ позволенія настоятеля, и тогда посохъ дѣйствовалъ въ его рукѣ страшнымъ образомъ. Всѣмъ памятно, какъ онъ однажды обратилъ въ бѣгство одинъ цѣлую толпу разбойниковъ, и жители Новалеза до сихъ поръ говорятъ съ удивленіемъ о дубинѣ Вальтера и объ ея *добрыхъ ударахъ*. Вмѣстѣ съ нимъ жилъ молодой монахъ красивой наружности, котораго называли его внукомъ. Оба они думали только о предметахъ горнихъ, и самымъ любимымъ для нихъ занятіемъ было копать въ скалѣ могилу, гдѣ должны были почить они одинъ подлѣ другаго. И дѣйствительно, они почили и погребены были здѣсь, и монахъ, начертившій эти строки, много разъ прикасался къ ихъ костямъ. Окрестные жители посѣщали этотъ гробъ, какъ гробъ святыхъ, и однажды, во время повальной болѣзни, одна дама изъ сосѣдняго замка похитила голову юнаго монаха и унесла ее съ собою, скрывши подъ мантильей.»

Легко догадаться, что здѣсь дѣло идетъ о Вальтерѣ Аквитанскомъ, и дѣйствительно монахъ въ своей хроникѣ представляетъ разсказъ объ немъ, совершенно согласный съ поэмой, которую мы сей-часъ разбирали, и часто даже его разсказъ есть не болѣе, какъ буквальное воспроизведеніе ея. Молодой сподвижникъ Вальтера былъ дитя его сына, родившагося отъ жены его Гильдегонды въ ихъ молодыхъ лѣтахъ. Этотъ сынъ не существовалъ уже. Хроника не упоминаетъ о бѣдствіи, постигшемъ Гильдегонду. Вальтеръ, павши замертво въ битвѣ съ Дитлибомъ, возвратился къ жизни и излечился отъ ранъ. Послѣ многихъ приключеній, которыхъ мы не знаемъ, лишившись всего, что было для него дорого, онъ пошелъ искать успокоенія въ мона-

Digitized by Google

стырскомъ послушаніи, которое одно могло усмирить бурныя движенія его души; остальное разсказываетъ намъ хроника.

Отъ сценъ поэзіи Юга, бо́льшею частію граціозныхъ и нѣжныхъ, Гудруна переноситъ насъ къ поэзіи Сѣвера, такойже суровой и мрачной, какъ ея климатъ. Дочь Кримгильды и Хибика, неутѣшная вдова Сигурда, оплакиваетъ день и ночь смерть своего супруга, и проклинаетъ своихъ братьевъ Гунтера и Гагена, которые его умертвили. Она упорно отвергаетъ Гуннскаго царя, который проситъ ея руки, но Кримгильда даетъ ей питье забвенія, «питье горькое и холодное», говоритъ поэтъ, и тогда прошедшее изглаживается изъ ея памяти; Гудруна забываетъ Сигурда и своихъ братьевъ, и весело ѣдетъ въ Гуннское царство. Ее сопровождаютъ франкскіе воины на своихъ коняхъ, галльскія женщины слѣдуютъ за нею въ колесницѣ. «Семь дней ѣдетъ она по высокимъ горамъ, другіе семь дней плыветъ по извилистымъ волнамъ рѣкъ, еще семь дней проѣзжаетъ населенными мѣстами;» и такимъ образомъ пріѣзжаетъ къ высокой крѣпости, въ которой обиталъ Гуннскій царь.

Первая ночь ихъ брака была ознаменована мрачными предчувствіями и вѣщими снами: Норны (скандинавскія парки) навѣяли свои зловѣщія чары на Аттилу. Тревожимый кровавыми образами, онъ въ ужасѣ пробуждается, и говоритъ молодой супругѣ: «О! лучше мучиться безсонницей, чѣмъ видѣть подобные сны; лучше болѣзненно страдать, ворочаясь на постелѣ, чѣмъ пользоваться подобнымъ отдохновеніемъ!» Она тоже почувствовала вдругъ все свое несчастіе. Пары питья забвенія разсѣялись мало по малу, и предъ нею снова предсталъ образъ Сигурда; но она не чувствовала уже прежней ненависти къ своимъ братьямъ: она простила ихъ.

Пѣсни Эдды представляютъ намъ молодую царицу, уныло сидящею въ своемъ дворцѣ, гдѣ воспоминаніе о первомъ мужѣ преслѣдуетъ ее даже въ то время, когда она находится въ объятіяхъ другаго. Она встрѣтила здѣсь Теодорика, оплакивавшаго потерю своего царства; взаимное горе сближаетъ ихъ. Съ другой стороны, Геркія, царица Крека Прискова, которая представляется здѣсь не больше, какъ наложницею, изъ

Digitized by Google

ревности подсматриваетъ за Гудруной и возбуждаетъ на ея счетъ подозрѣнія въ сердцѣ своего государя. Аттила между тѣмъ не перестаетъ требовать Сигурдова сокровища, которое безчестно удерживаютъ у себя Гунтеръ и Гагенъ, тогда какъ это сокровище—собственность ихъ сестры; но ни просьбы, ни угрозы, ничто на нихъ не дѣйствуетъ. Эта часть басни очень темна, и неизвѣстно, какимъ образомъ Гуннскому царю удается захватить въ свои руки царицу Кримгильду, которую онъ заключаетъ въ пещеру и заставляетъ здѣсь умереть съ голода. Вѣроятно, много эпизодическихъ пѣсень, изображавшихъ различныя подробности этого несчастнаго брака, входило въ составъ главныхъ пѣсень. Бо́льшая часть ихъ утрачена, но и одной изъ тѣхъ, которыя сохранились до насъ, достаточно будетъ, чтобъ понять ихъ общій характеръ.

«*Гудруна.* Отчего это, о Аттила, являешься ты такимъ мрачнымъ и тревожнымъ? Улыбка не проскользнетъ по твоимъ устамъ: твои воины спрашиваютъ, отчего ты не говоришь съ ними, а я спрашиваю себя, отчего ты меня убѣгаешь?

«*Аттила.* Геркія все открыла мнѣ, о дочь Хибика! она мнѣ сказала, что застала тебя съ Теодорикомъ спящею подъ однимъ покрываломъ, рядомъ съ нимъ.

«*Гудруна.* Я готова поклясться бѣлымъ камнемъ, который находится на днѣ кипящаго котла, что не было между Теодорикомъ и мною ничего такого, чѣмъ бы могъ оскорбиться самый суровый стражъ или мужъ.

«Однажды только я, дѣйствительно, поцѣловала благороднаго царя, вождя народовъ, но наши мысли далеки были отъ любви. Оба, снѣдаемые горестью, мы повѣряли другъ другу свои несчастія.

«Кто вступится за меня въ этомъ дѣлѣ? Кто будетъ сопровождать меня на испытаніе огнемъ? Одинъ Теодорикъ. Изъ тридцати воиновъ, послѣдовавшихъ за нимъ въ изгнаніе, не осталось ни одного! Созови ко мнѣ моихъ братьевъ съ ихъ оружіями, созови весь мой родъ.

«Прикажи явиться сюда Саксо, принцу южныхъ людей,—тому, который знаетъ, какіе употребляются обряды при испытаніи

Digitized by Google

водою, кипящей въ котлѣ.»—И семь-сотъ человѣкъ явились во дворецъ, прежде чѣмъ супруга царя погрузила руку въ котелъ.

«Въ эту минуту она горестно воскликнула: — «Нѣтъ здѣсь Гунтера, не могу я призвать и Гагена; милые мои братья, я не вижу васъ! Я увѣрена, что мечъ Гагена умѣлъ бы отмстить за эту жестокую обиду, но я одна, и некому, кромѣ меня самой, оправдать меня отъ клеветы.

«Въ ту же минуту, погрузивши бѣлую кисть руки на дно котла, она взяла и вынула оттуда раскаленные камни.—Вы видите теперь, люди, видите, что я невинна; моя рука не обожжена, а вода кипитъ бѣлымъ ключемъ.

«Аттила радуется въ душѣ, увидѣвъ, что рука Гудруны осталась невредимою. — А пусть приведутъ теперь ко мнѣ Геркію! говоритъ онъ: я хочу, чтобы и она также подверглась испытанію огнемъ,—она, придумавшая такую черную месть.

«Тотъ не видалъ самой жалкой вещи въ жизнь свою, кто не видалъ, какъ обожжены были руки Геркіи. Молодую дѣвушку увели и бросили въ вонючее болото, и такимъ образомъ Гудруна получила удовлетвореніе за сдѣланную ей обиду.»

Проходятъ многіе годы, и Аттила имѣетъ счастіе видѣть, какъ растутъ на его глазахъ два сына его, Эрпъ и Эйтилль, родившіеся отъ Гудруны, къ которымъ онъ питаетъ всю родительскую нѣжность; съ другой стороны, въ немъ пробудилась опять страсть къ золоту: какой бы то ни было цѣной, онъ хочетъ достать наслѣдство Сигурда, похищенное Нибелунгами. Преимущественной передъ другими скандинавскими поэмами полнотою отличается поэма *Atla-Mál*, которая приводитъ насъ на совѣтъ, гдѣ Гуннскій царь съ своими главными вождями разсуждаетъ о томъ, какими средствами пріобрѣсть это сокровище, его законное достояніе. Рѣшено, что Аттила пригласитъ Гунтера и Гагена въ свой городъ подъ предлогомъ блестящаго праздника, который онъ будто бы даетъ; потомъ, когда западные люди будутъ въ его рукахъ, легко заставить ихъ или отдать золото, или объявить, въ какомъ мѣстѣ они скрыли его. Гудруна, успѣвши подслушать все это, и рѣшившись помѣшать такимъ замысламъ, передаетъ посланнику Аттилы письмо къ Гунтеру и золотое кольцо къ

Digitized by Google

Гагену. Въ письмѣ, написанномъ рунами, она предупреждаетъ своихъ братьевъ, чтобъ они не ѣхали къ Аттилѣ; но посланникъ Аттилы, знающій руны, измѣняетъ ихъ характеръ и передаетъ письмо въ такомъ видѣ, что его нельзя прочесть. Кольцо обвито было волчьей шерстью; но посланникъ Аттилы того не замѣтилъ, или не угадалъ, что это значило. По пріѣздѣ во дворецъ Нибелунговъ, когда онъ отдалъ письмо и кольцо, Гломвара, жена Гунтера, смотритъ на посланіе съ недовѣрчивостію.

«Почему это, говоритъ она,—Гудруна, сестра моя, столько опытная въ искусствѣ рунъ, начертила знаки, которыхъ я не могу понять?» Въ тоже время Костбера, жена Гагена, сказала при взглядѣ на кольцо: «Вотъ волчья шерсть, она говоритъ: берегись козней.» Но ихъ слова были напрасны: богатыя вооруженія, подарки Аттилы, повѣшенные на столбѣ среди залы, при мерцающемъ свѣтѣ огня, ослѣпили глаза Нибелунговъ, и картина предстоявшаго имъ далекаго путешествія, картина праздниковъ и битвъ совершенно поглотила всѣ ихъ мысли.

Ночь, слѣдовавшая за этимъ посланіемъ и предшествовавшая отѣзду князей, была исполнена мрачныхъ предвѣщаній. Костбера, спавшая съ Гагеномъ, вдругъ пробуждается, вся поблѣднѣвши отъ ужаса.

«— Гагенъ! говоритъ ему она,—мнѣ привидѣлось, будто медвѣдь входилъ въ этотъ покой, лѣзъ на нашу постель и сильно потрясалъ ее когтями; потомъ онъ схватилъ насъ лапами, и мы не могли защищаться, потому что какъ будто оцѣпенѣли отъ ужаса.— Оставь въ покоѣ свои сновидѣнья, отвѣчаетъ Гагенъ: бѣлый медвѣдь, видѣнный во снѣ, означаетъ бурю, которая должна разразиться передъ восходомъ солнца. — Еще я видѣла во снѣ, будто надъ нами кружился орелъ въ большой залѣ, и будто отъ взмаховъ его крыльевъ капалъ на наши головы кровавый дождь. Я устремила взоръ на эту птицу: она имѣла образъ Аттилы.— Ну такъ мы будемъ готовиться къ охотѣ за буйволомъ, потому что видѣть во снѣ орла значитъ, что мы встрѣтимъ буйвола. Грезь, что хочешь, милая жена; Гуннскому царю до твоихъ грезъ очень мало дѣла.—Тѣмъ ихъ разговоръ и кончился, говоритъ поэтъ, потому что всякій разговоръ чѣмъ-нибудь кончается.

Digitized by Google

«Подобная же сцена происходила на ложѣ Гунтера, гдѣ Гломвара, объятая такими же зловѣщими видѣніями, старалась воспрепятствовать его отъѣзду: —Гунтеръ, говорила ему она, я видѣла во снѣ висѣлицу, къ которой привели тебя и повѣсили; уже черви появились на твоемъ тѣлѣ, а между тѣмъ я видѣла, что ты еще живъ. Знаешь ли, что̀ это предвѣщаетъ?

«Я видѣла также что изъ твоей одежды вынимали окровавленный ножъ (какой грезы не разскажешь человѣку, котораго любишь!); потомъ видѣла копье, которымъ разсѣкали тебя на части, и кругомъ твоего гроба выли волки.—Волки и собаки, видѣнные во снѣ, отвѣчалъ Гунтеръ, предвѣщаютъ жестокую рѣзню.

«Я видѣла, продолжаетъ Гломвара, что вышедшая изъ береговъ рѣка нахлынула на этотъ дворецъ, бурно стремилась она сюда, и шумъ ея разлива приводилъ насъ въ трепетъ; она влилась въ залу, подняла скамьи, и, схвативши тебя съ Гагеномъ, какъ будто вихремъ разбила обоихъ о стѣну; конечно, это не предвѣщаетъ ничего радостнаго.

«Я видѣла еще, что дочери смерти, жестокія Норны, пришли сюда въ эту ночь въ лучшихъ своихъ нарядахъ, и искали себѣ мужа; онѣ были такъ безобразны! Онѣ выбрали тебя, Гунтеръ, и повели съ собою на пиръ мертвецовъ.—Поздно ужь остановить меня этими разговорами! воскликнулъ наконецъ Гунтеръ; что̀ рѣшено—рѣшено, мы поѣдемъ не смотря ни на какія предвѣщанія»!

Предвѣщанія были однакожъ слишкомъ вѣрны, какъ доказали послѣдствія. Когда рейнскіе люди прибыли съ сопровождавшими ихъ воинами къ жилищу Аттилы, они увидѣли, что городъ былъ укрѣпленъ какъ будто для осады, и, когда Гагенъ толкнулся въ городскія ворота, за ними послышался звукъ замковъ. «Сюда не такъ легко войти, насмѣшливо сказалъ имъ приведшій ихъ посланникъ: я вамъ совѣтовалъ бы возвратиться домой, а то пожалуй подождите меня здѣсь, пока я пойду и приготовлю для васъ висѣлицу.» Нибелунги, вмѣсто всякаго отвѣта, ударами сѣкиръ снесли ему голову. Ворота отворились, и явился Аттила: «добро пожаловать, сказалъ онъ имъ, но только подъ условіемъ отдать

Digitized by Google

мнѣ сокровище, принадлежавшее Сигурду и слѣдовавшее въ приданое за Гудруною.—Ты никогда его не получишь, отвѣчаетъ Гунтеръ; и если намъ суждено умереть, то ты видишь,—это одинъ изъ твоихъ,—мы падемъ не первые». И они указали на трупъ его посла. Тогда началась битва: Гунны схватили свои луки, Нибелунги щиты; стрѣлы и дротики скрещались и свистѣли въ воздухѣ. Вдругъ между сражающимися бросается женщина. Это царица Гудруна, вызванная шумомъ изъ своего дворца; ея волосы въ безпорядкѣ; она сорвала съ себя ожерелье, украшавшее ея шею, и, смятыя ею, серебряныя кольца разсыпались по землѣ. Она обняла съ нѣжностью своихъ братьевъ, и старалась примирить ихъ съ мужемъ, но безуспѣшно. Цѣлые полдня битва продолжалась безъ отдыха; кровь струилась по землѣ ручьями; наконецъ, подавленные многочисленностію, Гунтеръ и Гагенъ стали плѣнниками и заключены оба въ темницы. Аттила ходитъ отъ одного къ другому, угрожая имъ смертію, если не объявятъ, гдѣ они скрыли сокровище; но ни тотъ ни другой не хотѣлъ сказать этого.

«Мы съ Гагеномъ поклялись другъ другу, говорилъ Гунтеръ, никогда не открывать нашей тайны; я не могу сказать тебѣ, пока будетъ живъ Гагенъ». Тогда принесли ему на блюдѣ дымящееся кровью сердце: «О! это сердце не Гагена безстрашнаго, сказалъ—Гунтеръ, это сердце труса Гіаллы; оно дрожитъ на этомъ блюдѣ, но дрожало еще вдвое сильнѣе въ груди своего обладателя.» Тогда убили Гагена и вынули у него сердце. «Это я узнаю, вскричалъ Гунтеръ при видѣ его; оно не дрожитъ, это именно сердце Гагена! И теперь, Аттила, теперь, когда я остался одинъ, слушай: ищи сокровища въ глубинѣ Рейна,—оно все тамъ: золотыя кольца и гривны ярче блестятъ въ волнахъ рѣки, чѣмъ блестѣли бы онѣ на рукахъ Гунновъ.» Аттила, вышедъ изъ себя отъ гнѣва, приказалъ бросить Нибелунга въ ровъ, наполненный змѣями. У Гунтера была съ собою его лира, онъ ударяетъ ногою по струнамъ, и всѣ мужчины глубоко потрясены, всѣ женщины плачутъ, змѣи усмиряются и аспиды, какъ будто, приходятъ въ оцѣпенѣніе; но мать Аттилы, обратившись въ ехидну, бросается на него и угрызаетъ его въ печень. Гунтеръ

Digitized by Google

смѣясь, испускаетъ духъ, и идетъ пить пиво вмѣстѣ съ Азами за столомъ Одина.

Теперь наступаетъ очередь Гудруны; всякому свое мщеніе, и всякому свой день торжества. Она сожалѣетъ особенно о Гагенѣ, своемъ меньшомъ братѣ, своемъ любимомъ братѣ. «Мы воспитывались вмѣстѣ, говоритъ она, оба подъ одной кровлей; у насъ были одни игры, мы росли другъ подлѣ друга, какъ два молодые деревца въ саду отца моего; моя мать Кримгильда всегда украшала насъ одинаковыми ожерельями. О! я никогда не прощу тебѣ, Аттила, убійства моихъ братьевъ! И что бы ты ни сдѣлалъ теперь для меня, ничто отъ тебя не будетъ мнѣ пріятно.» За тѣмъ она притворяется, будто покорилась своему несчастному жребію. «Что можетъ сдѣлать слабая женщина противъ силы мужчинъ? вершина дерева сохнетъ, когда обсѣкаютъ ея вѣтви, и былинка склоняется къ землѣ, если подрѣжешь его корешокъ. И такъ царствуй спокойно, Аттила, и дѣлай все, что тебѣ угодно.» Аттила вѣритъ, что она успокоилась: но «онъ ошибался, этотъ мудрый царь, говоритъ древняя скандинавская поэма;—притворяясь забывшею все и веселою, Гудруна играла въ двойную игру.» Дѣйствительно, самые мрачные замыслы блуждаютъ у ней въ головѣ. Наконецъ она требуетъ отъ Аттилы послѣдней уступки для облегченія своего горя: чтобъ она могла устроить тризну въ память своихъ братьевъ, и чтобъ Аттила присутствовалъ тутъ же съ нею, говоря, что тогда она будетъ вполнѣ удовлетворена. Ея стараніемъ устроивается роскошный пиръ.... и Аттила ѣстъ сердца двухъ своихъ сыновей, приправленныя медомъ.

Въ картинѣ этой ужасной сцены, которую гренландскіе скальды, авторы *Atla-Mál* и *Atla-Quida*, оба рисуютъ съ особенной любовью, и въ которой соединяютъ чуть ли не всѣ дикіе образы и ужасныя подробности, которыми обладаетъ скандинавская поэзія,—а она, какъ извѣстно очень богата ими,—въ этой картинѣ, по мѣстамъ, ярко блестятъ истинныя и трогательныя черты. Такъ въ *Atla-Mál* Гудруна нѣжными словами призываетъ къ себѣ своихъ дѣтей; потомъ, когда они подходятъ къ ней, привязываетъ ихъ къ столбу. «Эти львенки, говоритъ поэтъ, поражены были удивленіемъ, но не плакали; уцѣпившись за шею матери, они спрашивали,

Digitized by Google

что она хочетъ дѣлать съ ними.—Я хочу обоихъ васъ убить; эту мысль давно уже я питаю.—Мать! убей своихъ дѣтей, если хочешь, ты имѣешь это право, и никто тебѣ не помѣшаетъ въ томъ; но подумай, что это великое преступленіе, и ты должна будешь въ немъ раскаяться. Твои дѣти весело бы выросли, и мой братъ сталъ бы воиномъ.» Въ *Atla-Quida* она обращается къ Аттилѣ съ слѣдующими словами: «ты не призовешь болѣе на свои колѣна, во время обѣда, своего милаго Эрпа и Эйтилля, которые были такъ веселы оба и такъ любили веселости пиршества. Ты не увидишь болѣе, какъ они, бывало, сидѣли противъ тебя на этомъ сѣдалищѣ, какъ раздавали подарки твоимъ слугамъ, или тамъ, среди воиновъ, играли рукоятками копій, гладили гривы коней, и своими криками возбуждали рьяность скакуновъ.»

«При этихъ словахъ, продолжаетъ поэтъ, по всѣмъ скамьямъ пробѣгаетъ смѣшанный шумъ: это былъ бурный вопль присутствовавшихъ, отъ котораго потрясались занавѣсы залы. Изъ глазъ всѣхъ лились слезы о смерти сыновъ *Гунна*; но глаза Гудруны были сухи. Эта женщина никогда не знала слезъ, она не плакала ни о своихъ братьяхъ съ медвѣжьими сердцами, ни о своихъ незлобивыхъ дѣтяхъ, бывшихъ плодомъ ея утробы.»

Теперь поспѣшимъ къ развязкѣ. Изъ сохранившихся до насъ поэмъ нельзя хорошенько понять, какимъ образомъ Аттила, послѣ такого несомнѣннаго доказательства ненависти къ нему Гудруны, могъ еще оставить ее при себѣ, и не только оставить, но даже любить и искать ея любви. Скальды, правда, позаботились представить ее необычайный красавицей: «у ней была, говоритъ авторъ *Atla-Quida*, бѣлизна лебедя, и, когда ходила она кругомъ столовъ пиршества, поднося вино, ее можно было принять за богиню.» Наконецъ, въ эпическомъ преданіи сказано, что Аттила былъ слѣпъ въ своей любви, такъ что Гудруна могла увѣнчать свое мщеніе вполнѣ, самымъ жестокимъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, она его ласкаетъ, опьяняетъ притворной нѣжностью. «Часто,—говоритъ уже много разъ упомянутый нами поэтъ, часто видали, какъ они цѣловались, точно нѣжные любовники, въ присутствіи своихъ вождей.» Наконецъ, въ одну ночь, когда Аттила, отягченный виномъ, которымъ напоила его Гудруна, спалъ глу-

Digitized by Google

бокимъ сномъ въ ея объятіяхъ, она украдкой встаетъ; вводитъ въ покой Алдріана, сына Гагенова, котораго нарочно держала при себѣ, какъ орудіе, необходимое для убійства, и оба вмѣстѣ вонзаютъ мечь въ сердце Аттилы. Почувствовавъ холодъ оружія, Аттила пробуждается, и, увидя жену и женнина племянника, говоритъ:

«Кто изъ васъ нанесъ мнѣ ударъ? Сознайтесь откровенно. Кто убилъ меня? потому что я чувствую, моя рана смертельна, и жизнь изтекаетъ изъ меня вмѣстѣ съ моею кровью.

«*Гудруна*. Дочь Гримгильды не можетъ солгать передъ тобою. Она убила тебя, а Алдріанъ помогъ ей только нанести рану, отъ которой ты не встанешь болѣе.

«*Аттила*. Кто внушилъ тебѣ, о Гудруна, эту ненависть? Нехорошо обманывать друга, который во всемъ тебѣ довѣрялся. Однакожъ я любилъ тебя. Съ надеждою на счастье, домагался я руки твоей, когда ты осталась вдовой, и съ тою же надеждою вводилъ тебя въ свое царство—царствовать вмѣстѣ со мною. Говорили, что ты горда, любишь повелѣвать, и я все это слишкомъ хорошо испыталъ самъ. И такъ ты вступила сюда со всѣми почестями, принадлежащими царицѣ. Знаменитѣйшіе изъ Гунновъ составляли твою свиту. По дорогѣ, по которой ты ѣхала, разставлено было множество воловъ и барановъ; народъ спѣшилъ доставить всѣ припасы, нужные для твоего путешествія.

«Въ брачный даръ я предложилъ тебѣ тридцать вооруженныхъ всадниковъ и двадцать прекрасныхъ дѣвицъ, назначенныхъ тебѣ въ услуженіе; а сколько далъ тебѣ золота и серебра, этого никто не въ состояніи изчислить. И все это какъ будто было ничто, ты все таки казалась недовольною; ты хотѣла моего царства, и для этого-то конечно устроила для меня эту погибель. Изъ всего, что шло отъ меня, ничто тебѣ не было угодно; изъ-за тебя изсохла отъ горести свекровь твоя. Ахъ! со дня этого гибельнаго брака, никто изъ насъ не имѣлъ покоя.

Гудруна.—Ты лжешь, Аттила! Хотя я нисколько не забочусь о томъ, чтобъ оправдать мое прошедшее, однакожъ скажу, что этотъ покой возмутилъ ты. Твой домъ былъ—домъ раз-

Digitized by Google

дора: здѣсь братья дрались съ братьями, друзья съ друзьями, и половина твоего семейства уже принадлежатъ дочерямъ ада.

« Не такъ было при моемъ первомъ мужѣ: когда онъ умеръ, мной овладѣло горькое уныніе. Конечно, грустно было въ мои лѣта остаться вдовою; но войти живою въ домъ Аттилы—это было для Гудруны ужаснымъ мученіемъ. Ею владѣлъ герой, она еще оплакиваетъ его, и никогда не перестанутъ литься слезы ея.

« *Аттила.* Перестань, о Гудруна, и выслушай меня. Если у тебя была когда-нибудь въ душѣ хоть капля сожалѣнія, позаботься о моемъ погребеніи, распорядись, чтобы трупъ мой не лишился послѣднихъ почестей.

« *Гудруна.* Я куплю судно съ раскрашеннымъ гробомъ, и оболью воскомъ покровъ, которымъ обверну твое тѣло, и отдамъ тебѣ послѣдній долгъ, какъ будто мы любили другъ друга.

« Тѣло Аттилы стало неподвижно. Глубокая скорбь овладѣла его приближенными, и знаменитая женщина исполнила все, что обѣщала.»

Но этимъ еще не кончается трагедія въ Atla-Quida. Видя, что Аттила умеръ, Гудруна сходитъ на дворъ, спускаетъ съ цѣпей сторожевыхъ собакъ, и, взявши горящую головню, зажигаетъ дворецъ. Пламя тотчасъ же истребляетъ всѣхъ благородныхъ Гунновъ, большихъ и малыхъ, мущинъ и женщинъ, находившихся близъ трупа своего царя: это очистительная жертва, которую она приноситъ душамъ своихъ братьевъ. « Счастливъ, восклицаетъ авторъ Atla-Mâl съ восторгомъ, достойнымъ его героини,—счастливъ отецъ, воспитавшій такую дочь, потому что онъ будетъ жить въ потомствѣ, и Гудруна будетъ славима въ пѣснахъ по всей землѣ, всюду, гдѣ люди услышатъ исторію этихъ кровавыхъ раздоровъ!»

Если не ошибаемся, мы теперь вполнѣ приблизились къ Ильдико; она является здѣсь передъ нами въ образѣ, болѣе точномъ, въ лучше установленной формѣ, чѣмъ въ Датчанкѣ Гильдръ, или въ Гильдегондѣ Бургундской. Болѣе всего различаются эти два лица—историческое и созданное преданіемъ,—своей обстановкою.

Digitized by Google

Связь басни о Сигурдѣ съ преданіемъ объ Аттилѣ требовала, чтобы молодая дѣвушка, о которой упоминаетъ исторія, замѣнена была вдовою, и чтобы скоропостижная смерть, поразившая Аттилу въ первую ночь его брака, замѣнена была смертью медленною, подготовленною чудовищными подробностями, бывшею роковымъ плодомъ наслѣдія проклятаго сокровища Фафнирова. Надобно сказать также, что довольствоваться простымъ убійствомъ, какъ бы оно ни было жестоко, было не въ характерѣ скандинавскихъ поэтовъ, любившихъ картины болѣе поражающія, въ родѣ, напримѣръ, той, что отецъ ѣстъ сердца своихъ дѣтей, зарѣзанныхъ ихъ матерью. Несмотря на эти искаженія, объясненіемъ которыхъ служитъ смѣсь баснословнаго съ дѣйствительнымъ, нельзя отрицать, на нашъ взглядъ, что въ поэмахъ Эдды сохранилось правильное воспоминаніе объ Аттилѣ, что оно есть не что иное, какъ современное впечатлѣніе, опоэтизированное, какъ могло опоэтизироваться въ отечествѣ Берзеркеровъ. Какъ бы то ни было, эта поэзія имѣла величіе, которымъ плѣнялось воображеніе, и которое пріобрѣло ей извѣстность во всей Германской Европѣ. Поэтому она перешла изъ Скандинавіи въ южную Германію, принесши на берега Рейна и Дуная, вмѣстѣ съ дѣйствительными лицами, заимствованными ею здѣсь, свои собственные вымыслы и свою миѳологическую раму; но здѣсь ожидала ее иная судьба, и скандинавское преданіе, усвоенное относительно формы, въ содержаніи получило такія перемѣны, которыя сдѣлали ее отвратительною. Этотъ родъ революціи совершился въ X вѣкѣ, въ эпоху, съ которой начинается циклъ германскихъ поэмъ о Нибелунгахъ. Какой характеръ имѣла эта революція, и можно ли указать какую нибудь историческую причину такого явленія? Изслѣдованіемъ этихъ вопросовъ мы и закончимъ вторую часть нашихъ очерковъ.

III. Послѣдній видъ преданій. — Пилигринъ, епископъ Пассаускій.

Когда сравниваешь пѣсни Эдды съ цикломъ германскихъ поэмъ о Нибелунгахъ, и особенно съ прекрасной и большой поэмой *Niebelungenlied*, звѣздой въ этой плеядѣ,—то невольно пора-

Digitized by Google

жаешься разностями, которыя встрѣчаешь между ними; но изумленіе еще болѣе увеличится, когда углубишься въ характеръ этихъ разностей. Такъ, въ тѣхъ и другихъ одна и та же рама, тѣ же лица, та же основная нить дѣйствія; только, и характеры иные, и намѣреніе поэта другое, и развязка не та. Скандинавское преданіе болѣе осмысливается въ преданіи германскомъ, но за то представляется здѣсь на выворотъ. Катастрофу въ немъ составляетъ не убійство Гуннскаго царя, а смерть его жены, которую аллеманскія поэмы называютъ Кримгильдой, но которая, очевидно, одно лицо съ Гудруной; засаду для рейнскихъ принцевъ, съ цѣлію отнять у нихъ сокровища Фафнира, готовитъ не Аттила, но сама Кримгильда, которая искусно завлекаетъ ихъ въ свои сѣти, и потомъ приноситъ въ жертву своему мщенію. Съ самаго начала, какъ только ознакомишься съ содержаніемъ *Niebelungenlied*, тотчасъ же видишь, что одинический вымыслъ Эдды здѣсь вовсе утратилъ свое значеніе. Символическія существа, управляющія въ скандинавской эпопеѣ всѣмъ ходомъ дѣйствія, умаляются здѣсь до размѣровъ человѣческихъ личностей, невѣроятныхъ до смѣшнаго. Валькирія Брунегильда замѣнена обыкновенной женщиной, обладающей только, не извѣстно почему, чудесной силой, а Вольсунгъ Сигурдъ, этотъ сынъ свѣта, заброшенный въ треволненія смертной жизни, и потомъ погибшій жертвою сыновъ ночи, замѣненъ гигантомъ. Мистическая любовь, соединявшая Вольсунга съ двумя женщинами, изъ которыхъ одна происхожденія земнаго, а другая божественнаго, превращена въ аллеманской копіи въ довольно странныя свѣтскія любезности. Аллегорія уступила мѣсто сказкѣ: дыханіе средневѣковаго невѣжества, повѣявшее на эти живые символы, оледенило ихъ холодомъ смерти.

Этотъ контрастъ продолжается и въ той части драмы, которая посвящена дѣйствительнымъ событіямъ. Гудруна забыла злодѣяніе своихъ братьевъ: Кримгильда не пила и никогда не будетъ пить напитка забвенія; если что поддерживаетъ ея жизнь, то это только жажда мести и ненависть,—ненависть непомѣрная и терпѣливая, потому что она должна быть вѣчною. Если она соглашается быть женою Аттилы,—о которомъ впрочемъ очень мало думаетъ,—такъ это потому только, что маркграфъ Рудигеръ Пехларнскій, посланникъ Гунн-

Digitized by Google

скаго царя, сказалъ ей, что этотъ бракъ повергнетъ враговъ къ ея ногамъ, и что самъ онъ возметъ на себя обязанность защищать ее противъ всѣхъ; послѣ этихъ словъ Кримгильда рѣшается и ѣдетъ. Сокровище, завѣщанное ей Сигфридомъ, почти все находится въ рукахъ ея братьевъ: она хочетъ увезти по крайней мѣрѣ то, что̀ остается у ней; но Гагенъ дерзко противится этому и останавливаетъ уже навьюченныхъ муловъ.» Оставьимъ это золото, государыня, говоритъ Рудигеръ; Аттила не хочетъ его и не нуждается въ немъ; онъ самъ тебѣ предложитъ приданое, и осыплетъ тебя дорогими каменьями, сколько въ состояніи будешь носить. Но ни безкорыстіе Аттилы, ни нѣжная привязанность его къ Кримгильдѣ, не успокоиваютъ этой жестокой души; она производитъ на свѣтъ сына, котораго приказываетъ окрестить (потому что въ Этцельбургѣ есть и церковь, гдѣ, какъ слѣдуетъ, совершается служба), но и это нисколько не помогаетъ: въ ней нѣтъ мѣста никакому другому чувству, кромѣ мщенія. Наконецъ она придумываетъ планъ. Въ одну ночь, когда Аттила покоится въ ея объятіяхъ, она жалуется на долговременное отсутствіе своихъ родныхъ, какъ будто скучаетъ, что давно не видалась съ ними. «У меня знаменитые родственники, говоритъ она, но въ этомъ царствѣ никто не знаетъ ихъ, и когда хожу я по дорогамъ, меня оскорбляютъ, называя чужеземной сиротой!—О возлюбленная моя! восклицаетъ Аттила, пусть всѣ твои родственники пріѣдутъ къ намъ, я съ удовольствіемъ приглашу ихъ, и, когда мы встрѣтимъ благородныхъ гостей, моя радость будетъ такъ же велика, какъ и твоя.» Не трудно догадаться, что Кримгильда, безъ вѣдома мужа, готовила такимъ образомъ гибель своимъ братьямъ. На другой же день двое пословъ отправлены были въ Вормсъ, а въ Этцельбургѣ начались приготовленія къ большому рыцарскому празднику.

Братья Кримгильды, Гунтеръ, Гизельгеръ и Гернотъ, не безъ колебанія принимаютъ приглашеніе, присланное изъ Этцельбурга; но благородство Аттилы ихъ успокоиваетъ, потому что нѣтъ царя болѣе вѣрнаго своему слову и такъ свято соблюдающаго правила гостепріимства, какъ Аттила. Однакожь они считаютъ нужнымъ освѣдомиться отъ посланниковъ, видѣли ли они

Digitized by Google

жаешься разностями, которыя встрѣчаешь между ними; но изумленіе еще болѣе увеличится, когда углубишься въ характеръ этихъ разностей. Такъ, въ тѣхъ и другихъ одна и та же рама, тѣ же лица, та же основная нить дѣйствія; только, и характеры иные, и намѣреніе поэта другое, и развязка не та. Скандинавское преданіе болѣе осмысливается въ преданіи германскомъ, но за то представляется здѣсь на выворотъ. Катастрофу въ немъ составляетъ не убійство Гуннскаго царя, а смерть его жены, которую аллеманскія поэмы называютъ Кримгильдой, но которая, очевидно, одно лицо съ Гудруной; засаду для рейнскихъ принцевъ, съ цѣлію отнять у нихъ сокровища Фафнира, готовитъ не Аттила, но сама Кримгильда, которая искусно завлекаетъ ихъ въ свои сѣти, и потомъ приноситъ въ жертву своему мщенію. Съ самаго начала, какъ только ознакомишься съ содержаніемъ *Niebelungenlied*, тотчасъ же видишь, что одинической вымыслъ Эдды здѣсь вовсе утратилъ свое значеніе. Символическія существа, управляющія въ скандинавской эпопеѣ всѣмъ ходомъ дѣйствія, умаляются здѣсь до размѣровъ человѣческихъ личностей, невѣроятныхъ до смѣшнаго. Валькирія Брунегильда замѣнена обыкновенной женщиной, обладающей только, не извѣстно почему, чудесной силой, а Вольсунгъ Сигурдъ, этотъ сынъ свѣта, заброшенный въ треволненія смертной жизни, и потомъ погибшій жертвою сыновъ ночи, замѣненъ гигантомъ. Мистическая любовь, соединявшая Вольсунга съ двумя женщинами, изъ которыхъ одна происхожденія земнаго, а другая божественнаго, превращена въ аллеманской копіи въ довольно странныя свѣтскія любезности. Аллегорія уступила мѣсто сказкѣ: дыханіе средневѣковаго невѣжества, повѣявшее на эти живые символы, оледенило ихъ холодомъ смерти.

Этотъ контрастъ продолжается и въ той части драмы, которая посвящена дѣйствительнымъ событіямъ. Гудруна забыла злодѣяніе своихъ братьевъ: Кримгильда не пила и никогда не будетъ пить напитка забвенія; если что поддерживаетъ ея жизнь, то это только жажда мести и ненависть,—ненависть непомѣрная и терпѣливая, потому что она должна быть вѣчною. Если она соглашается быть женою Аттилы,—о которомъ впрочемъ очень мало думаетъ,—такъ это потому только, что маргграфъ Рудигеръ Пехларскій, посланникъ Гунн-

Digitized by Google

скаго царя, сказалъ ей, что этотъ бракъ повергнетъ враговъ къ ея ногамъ, и что самъ онъ возметъ на себя обязанность защищать ее противъ всѣхъ; послѣ этихъ словъ Кримгильда рѣшается и ѣдетъ. Сокровище, завѣщанное ей Сигоридомъ, почти все находится въ рукахъ ея братьевъ: она хочетъ увезти по крайней мѣрѣ то, что остается у ней; но Гагенъ дерзко противится этому и останавливаетъ уже навьюченныхъ муловъ.» Оставь имъ это золото, государыня, говоритъ Рудигеръ; Аттила не хочетъ его и не нуждается въ немъ; онъ самъ тебѣ предложитъ приданое, и осыплетъ тебя дорогими каменьями, сколько въ состояніи будешь носить. Но ни безкорыстіе Аттилы, ни нѣжная привязанность его къ Кримгильдѣ, не успокоиваютъ этой жестокой души; она производитъ на свѣтъ сына, котораго приказываетъ окрестить (потому что въ Этцельбургѣ есть и церковь, гдѣ, какъ слѣдуетъ, совершается служба), но и это нисколько не помогаетъ: въ ней нѣтъ мѣста никакому другому чувству, кромѣ мщенія. Наконецъ она придумываетъ планъ. Въ одну ночь, когда Аттила покоится въ ея объятіяхъ, она жалуется на долговременное отсутствіе своихъ родныхъ, какъ будто скучаетъ, что давно не видалась съ ними. «У меня знаменитые родственники, говоритъ она, но въ этомъ царствѣ никто не знаетъ ихъ, и когда хожу я по дорогамъ, меня оскорбляютъ, называя чужеземной сиротой!—О возлюбленная моя! восклицаетъ Аттила, пусть всѣ твои родственники пріѣдутъ къ намъ, я съ удовольствіемъ приглашу ихъ, и, когда мы встрѣтимъ благородныхъ гостей, моя радость будетъ такъ же велика, какъ и твоя.» Не трудно догадаться, что Кримгильда, безъ вѣдома мужа, готовила такимъ образомъ гибель своимъ братьямъ. На другой же день двое пословъ отправлены были въ Вормсъ, а въ Этцельбургѣ начались приготовленія къ большому рыцарскому празднику.

Братья Кримгильды, Гунтеръ, Гизельгеръ и Гернотъ, не безъ колебанія принимаютъ приглашеніе, присланное изъ Этцельбурга; но благородство Аттилы ихъ успокоиваетъ, потому что нѣтъ царя болѣе вѣрнаго своему слову и такъ свято соблюдающаго правила гостепріимства, какъ Аттила. Однакожь они считаютъ нужнымъ освѣдомиться отъ посланниковъ, видѣли ли они

Digitized by Google

царицу, ихъ сестру, и въ какомъ расположеніи духа была она при ихъ отъѣздѣ. «Она спокойна и весела, отвѣчаютъ имъ послы, и посылаетъ вамъ поцѣлуй мира.» Рейнскіе люди отправляются въ путь, однакожь не одни: за ними слѣдуетъ свита, состоящая изъ шестидесяти вождей или героевъ, изъ тысячи отборныхъ воиновъ и десяти тысячь простыхъ ратниковъ. Во главѣ ихъ находится Гагенъ, который здѣсь является уже не братомъ, но ихъ родственникомъ и неразлучнымъ сподвижникомъ. Во время засады, устроенной Сигфриду Нибелунгами, этотъ именно Гагенъ поразилъ героя, и, убивъ его, овладѣлъ его мечемъ, который и носитъ всегда съ надмѣнностію на своемъ поясѣ, какъ трофей одержанной имъ побѣды. Никогда еще не было выковано меча лучше меча Сигфридова; онъ называется Бальмунгъ, и его легко узнать по яшмовому яблоку, зеленому точно луговая трава. Рейнскіе люди во все продолженіе пути были осаждаемы зловѣщими предзнаменованіями, и, когда подъѣхали къ воротамъ Этцельбурга, Теодорикъ, выпедъ къ нимъ на встрѣчу, сказалъ, что царица все еще тоскуетъ и плачетъ о Сигфридѣ: это было предостереженіе, чтобъ они были настороже. Вернуться назадъ было поздно, и они въѣзжаютъ въ городъ.

Пріемъ, оказанный имъ Аттилою, былъ столько же радушенъ, сколько великолѣпенъ; но онъ встрѣтилъ съ ихъ стороны только холодность и наглость; совершенно поддавшись мысли о козняхъ, которыя готовитъ имъ Кримгильда, они отказываются снять съ себя оружіе, и мрачная недовѣрчивость ихъ выражается въ дерзостяхъ и угрозахъ, оскорбительныхъ для хозяина. Нибелунги представлены здѣсь вполнѣ достойными братьями Кримгильды, и поэтъ приписываетъ имъ воинственную энергію и дикія страсти, какія только можно вообразить. Ихъ природное буйство за одно съ злобою ихъ сестры содѣйствуетъ тому, чтобы веселый праздникъ превратить въ картину кровопролитія. Вотъ сцена, которою они принуждаютъ Аттилу противъ воли извлечь мечъ. Сидятъ за царскимъ столомъ трое рейнскихъ принцевъ и Гагенъ, какъ вдругъ на улицѣ завязывается изъ-за Кримгильды ссора, а потомъ и драка между бургундскими воинами и Гуннами. Аттила между

Digitized by Google

тѣмъ съ любовію представляетъ своимъ пуревьямъ маленькаго Ортлиба, своего сына, котораго четверо вассаловъ носятъ кругомъ стола и передаютъ съ рукъ на руки гостямъ.—«Друзья мои! говоритъ Аттила Нибелунгамъ, вы видите мое счастіе и мою жизнь,—это мое единственное дитя и дитя вашей сестры. Я хочу довѣрить его вашимъ попеченіямъ, отпустить его съ вами въ Вормсъ, чтобы, руководясь вашимъ примѣромъ, онъ сдѣлался человѣкомъ.—Сдѣлать человѣка изъ такого урода! грубо вскричалъ Гагенъ,—ну, я не возьму на себя этой обязанности, и надѣюсь, что мы съ нимъ не часто будемъ встрѣчаться въ Вормсѣ.» Въ ту же минуту бургундскій воинъ, войдя въ залу, объявляетъ, что рѣжутъ ихъ друзей. При этихъ словахъ свирѣпый Гагенъ встаетъ, извлекаетъ мечъ, отсѣкаетъ Ортлибу голову, и—она падаетъ на грудь матери.

Тогда между Гуннами и Нибелунгами начинается безпощадная рѣзня; покрытый кровью своего сына, Аттила объявляетъ войну за войну. Бургунды, укрѣпившись въ залѣ дворца, мужественно выдерживаютъ нападеніе Гунновъ, убитые смѣняются убитыми, раненые ранеными; всѣ бьются по колѣна въ крови. Къ довершенію смятенія, Кримгильда поджигаетъ залу, чтобы сжечь своихъ братьевъ. Истощенные усталостью и объятые пламенемъ, они мучатся жаждой, и одинъ изъ нихъ проситъ пить: «пей кровь», кричитъ Гагенъ. Бургундецъ наклоняется, вскрываетъ грудь раненаго врага, и впивается въ нее губами: всѣ дѣлаютъ то же. Въ этой галлереѣ дикихъ портретовъ нѣкоторыя лица представлены однакожъ довольно величественными, какъ напримѣръ бардъ Фолькеръ, для котораго смычокъ, весь покрытый кровью, и мелькающій надъ головами Гунновъ, служитъ въ это время мечемъ.

Однакожъ, не смотря на многочисленность воиновъ Аттилы и на все ихъ мужество, Бургунды одерживаютъ верхъ. Авторъ Нибелунговъ объясняетъ тому и причину: это отъ того, что Нибелунги—христіане, а Гунны—язычники; чтобы побѣдить христіанъ, надо быть то же христіанами. Честь этой побѣды и предоставляется Теодорику, котораго неистовства рейнскихъ людей заставляютъ наконецъ вступиться въ ссору, хотя онъ и долго

Digitized by Google

отказывался отъ этого. Вмѣшательство Теодорика оканчиваетъ битву; онъ ранитъ въ бокъ напавшаго на него Гагена, схватываетъ его желѣзными руками, связываетъ и приводитъ къ Кримгильдѣ. «Даруй ему жизнь, государыня! говоритъ онъ царицѣ; послѣ, можетъ быть, онъ окажетъ услугу тебѣ». Изъ всѣхъ Нибелунговъ остается одинъ Гунтеръ (Гернотъ и Гизельгеръ были уже убиты); Теодорикъ нападаетъ и на него, повергаетъ его на землю и приводитъ связаннаго къ ногамъ сестры.

Слѣдующая за тѣмъ сцена не что иное, какъ блѣдная копія сцены изъ поэмы *Atla-Quidà*, но развязка дѣйствія здѣсь совершенно неожиданная. Гунтеръ и Гагенъ посажены въ разныя темницы, и Кримгильда дѣлаетъ съ ними то же, что̀ дѣлаетъ Аттила въ Эддѣ: ходитъ отъ одного къ другому, допытывась, гдѣ скрыто Сигфридово сокровище. «Царица! говоритъ ей Гагенъ, ты напрасно тратишь слова; я поклялся никогда не открывать этой тайны, пока останется живъ который-нибудь изъ моихъ благородныхъ вождей.—«Ну что жь, стало быть наступило время и послѣднему мщенію!» восклицаетъ раздраженная царица, и повелѣваетъ принесть къ себѣ голову Гунтера. Схвативши за волосы покрытую кровью голову, она показываетъ ее Гагену; но упрямый Бургундецъ продолжаетъ ее обманывать. «Теперь сокровище извѣстно одному мнѣ, сказалъ онъ, и ты никогда не получишь его, адская фурія!—Однакожъ, прибавляетъ она, есть одна вещь, которую я надѣюсь сохранить при себѣ,—это мечъ Сигфрида; онъ носилъ его, мой возлюбленный, когда ты измѣннически убилъ его и когда я видѣла его въ послѣдній разъ!» И тутъ же хватается она за яблоко Балмунга, и вынимаетъ его изъ ноженъ, прежде чѣмъ Гагенъ успѣваетъ удержать ее; потомъ, поднявши обѣими руками ужасный мечъ, разсѣкаетъ имъ голову врага. Аттила и Теодорикъ, находившіеся при этомъ зрѣлищѣ, остаются неподвижны отъ изумленія и ужаса; Гильдебрандъ, взбѣшенный этимъ поступкомъ, бросается на царицу съ мечемъ и убиваетъ ее. Тѣмъ и кончается поэма.

При этомъ бѣгломъ анализѣ мы старались выставить на видъ матеріальное различіе между событіями и характерами въ томъ и

Digitized by Google

другомъ преданіи; теперь прибавимъ кой какія объясненія касательно различія нравственнаго: Аттила аллеманской поэмы не только невиненъ во всѣхъ злодѣяніяхъ, изъ которыхъ слагается драма, и которыя братски раздѣляетъ между собою семейство Нибелунговъ, не только онъ является здѣсь образцомъ безкорыстія и благородства,—хозяиномъ, до того свято соблюдающимъ обязанности гостепріимства, что надобно было убить его собственнаго сына, чтобъ заставить его поднять мечъ на гостей, но представляется даже образцомъ мужей: только похоронивъ и надлежащимъ образомъ оплакавъ первую жену, думаетъ онъ вступить во второй бракъ. «Съ глубокимъ уваженіемъ и преданностію, говоритъ Рудигеръ Кримгильдѣ,—величайшій изъ царей посылаетъ меня къ тебѣ, просить тебя въ супружество. Онъ приноситъ тебѣ безпредѣльную любовь! никакія огорченія не коснутся тебя, и онъ будетъ имѣть къ тебѣ такуюже глубокую привязанность, какую имѣлъ нѣкогда къ государынѣ Гельхе, своей первой супругѣ, которую всегда носилъ въ своемъ сердцѣ. Подлинно, горькіе дни пережилъ онъ, оплакивая ея добродѣтели.» Этотъ Аттила, не льзя не признаться, очень мало похожъ на того бѣшенаго женолюбца, о которомъ говоритъ намъ исторія, у котораго былъ легіонъ женъ, и котораго дѣти составляли цѣлый народъ; онъ не похожъ нисколько и на Атли скандинавскихъ пѣсень, который то же не скромнѣе, и котораго любовь всегда соединялась съ насиліемъ. Не будучи христіаниномъ, Аттила обладаетъ здѣсь христіанскими добродѣтелими, и даже обнаруживаетъ большое влеченіе къ истинной религіи. Онъ строитъ церковь въ Этцельбургѣ, его жена Гельхе была христіанка, ближайшіе друзья его христіане, и онъ позволяетъ окрестить своего сына Ортлиба; можно даже надѣяться, что когда-нибудь и самъ онъ согласится принять крещеніе. На эту именно перспективу и указываетъ Рудигеръ Кримгильдѣ, чтобы заставить ее рѣшиться вступить съ Аттилою въ бракъ: «можетъ быть, говоритъ онъ ей, ты будешь имѣть славу и счастіе заставить Аттилу принять крещеніе! Это должно служить для тебя новымъ побужденіемъ принять титулъ царицы Гунновъ! Въ поэмѣ *Плачъ* или *Жалоба Нибелунговъ*, которая идетъ въ слѣдъ за большой поэмой, разобранной нами (Niebelun-

Digitized by Google

genlied), но содержитъ подробности, заимствованныя изъ оригинальныхъ документовъ, сказано еще болѣе: Аттила объясняетъ здѣсь, что онъ пять лѣтъ былъ христіаниномъ, но послѣ этого опять обратился въ язычество, а по какой причинѣ, неизвѣстно. Наконецъ Гуннскій царь изыскиваетъ все, что̀ служитъ къ смягченію нравовъ, и возвышаетъ блескъ мира; онъ строитъ великолѣпный дворецъ, котораго главная зала длинна, широка и высока, чтобъ цвѣтъ воиновъ могъ собираться сюда со всей вселенной и проводитъ здѣсь время въ удовольствіяхъ. Для того, чтобъ быть вполнѣ рыцаремъ, ему недостаетъ только одного христіанства; но у него есть двое друзей христіанъ, Теодорикъ и Рудигеръ, которымъ нѣтъ равныхъ въ мірѣ, и которые дѣлаютъ для него съ его врагами то, чего язычникъ не могъ бы сдѣлать.

Когда такимъ образомъ смерть Кримгильды составляетъ здѣсь развязку трагедіи, что̀ сталось съ Аттилой? вотъ вопросъ, который мы вправѣ предложить германскимъ поэмамъ; но ни одна изъ нихъ не даетъ намъ отвѣта. *Niebelungenlied* благоразумно молчитъ, не говоря ни слова о томъ, не хочетъ ли она сказать этого, или не знаетъ; поэма *Плачъ Нибелунговъ* откровеннѣе. «Я не могу съ достовѣрностію утверждать, гласитъ она, что̀ сталось послѣ того съ Аттилой; это неизвѣстно ни мнѣ и никому. Одни говорятъ: онъ былъ убитъ; а другіе говорятъ: нѣтъ. Которое изъ этихъ двухъ извѣстій вѣрно, и которое ложно, трудно рѣшить, и по этой причинѣ я остаюсь въ сомнѣніи. Нисколько не удивился бы я однакожъ, еслибъ Аттила пропалъ безъ вѣсти, или унесенъ былъ вихремъ, или заживо погребенъ, или провалился въ какую-нибудь пропасть, или исчезъ какъ паръ, или наконецъ унесенъ былъ діаволомъ; этихъ важныхъ вопросовъ никто еще не рѣшилъ.» Такимъ образомъ, германскія поэмы, составляющія циклъ поэмъ о Нибелунгахъ, по видимому, вовсе и не знаютъ о преданіи относительно трагической смерти Аттилы, —преданіи, которое принято съ такимъ жаромъ скандинавскими пѣснями, и подтверждается исторіей. Вотъ еще одна изъ загадокъ, которыхъ такъ много въ указанныхъ нами поэмахъ, — загадокъ, которыя, можетъ быть, однакожъ не неразрѣшимы. Если отыщемъ, кто былъ изобрѣтателемъ германской

Digitized by Google

басни и составителемъ эпопеи о Нибелунгахъ, то, быть можетъ, и разъяснится то, что̀ кажется теперь темнымъ; быть можетъ, мы лучше поймемъ переворотъ, вдругъ поставившій вверхъ дномъ преданіе объ Аттилѣ, узнавши обстоятельства, среди которыхъ онъ произошелъ.

Этихъ объясненій поищемъ мы опять-таки въ поэмѣ *Жалоба или Плачъ Нибелунговъ*. Мы сказали уже, что эта поэма очень любопытна, и, хотя сложена въ XIV вѣкѣ весьма незавидными стихами, но опирается на текстахъ болѣе древнихъ, которыя сами основывались на оригинальныхъ документахъ. Итакъ, вотъ что говорится тамъ въ родѣ эпилога: «Эти сказанія, въ истинѣ которыхъ отнюдь не должно сомнѣваться, — потому что авторъ зналъ всѣ обстоятельства, въ нихъ упоминаемыя, — эти сказанія епископъ Пассавскій Пилегренъ написалъ на латинскомъ языкѣ изъ любви къ своему родственнику. Онъ описалъ, безъ опущенія, все, что̀ произошло, какъ дѣло началось и кончилось, и какъ герои, послѣ достойной ихъ битвы, легли мертвые на мѣстѣ.» Поэма прибавляетъ, что Пилегрену помогалъ въ его трудѣ секретарь его Конрадъ, и что съ тѣхъ поръ приключенія эти, переложенныя на нѣмецкій языкъ, были воспѣваемы такимъ множествомъ поэтовъ, что всѣ, молодые и старые, знаютъ ихъ наизусть. Итакъ первый пунктъ разъясненъ. Пилегренъ, епископъ города Пассау въ Австріи, лицо отнюдь не вымышленное, жившій во второй половинѣ X вѣка, собралъ, ходившія по Германіи, народныя пѣсни объ Аттилѣ и Нибелунгахъ, соединилъ ихъ въ одно цѣлое, и сообщилъ имъ эпическую форму въ книгѣ, написанной на латинскомъ языкѣ. Въ ту эпоху духовные, въ тишинѣ кабинета, или въ уединеніи монастырской кельи, занимались,—и это было модными тогда занятіемъ,—разработкой особенно любопытныхъ для публики преданій, сообщая имъ единство и литературную цѣлость, недостававшихъ пѣснямъ менестрелей, эпизодическимъ по самой своей природѣ. Такимъ образомъ въ XI вѣкѣ мы встрѣчаемъ одного монаха—писателя Турпинской хроники, который начертилъ планъ полулярныхъ романовъ о Роландѣ и Карлѣ Великомъ. Такимъ же образомъ опять, латинскій романъ объ Лансе-

Digitized by Google

лотѣ Lancelot du Lac послужилъ первымъ образцомъ для французскихъ романистовъ, и наконецъ, въ XII вѣкѣ, знаменитыя составленія Жоффруа Монмутскаго доставили планъ поэтическимъ романамъ изъ исторіи Бретани. Родственникъ Пилегрена, изъ любви къ которому епископъ пассаускій совершилъ свой трудъ, былъ не другой кто, какъ этотъ самый маркграфъ Рудигеръ Пехларнскій, который такъ великолѣпно представленъ приближеннымъ Аттилы, но который, въ дѣйствительности, умеръ въ 916 году, губернаторомъ Австрійскаго герцогства. Кажется, что этотъ маркграфъ представлялъ собою одинъ изъ прекраснѣйшихъ характеровъ той эпохи, когда духъ рыцарства, разорвавъ свой варварскій покровъ, начиналъ проглядывать на свѣтъ, и епископъ пассаускій, среди своихъ воображаемыхъ героевъ, вздумалъ начертить истинный портретъ человѣка, которому удивлялся.

Что сдѣлалъ для Рудигера Пилегренъ изъ фамильной привязанности, тоже сдѣлали для него самого *Миннезингеры* изъ поэтической признательности: они вывели добраго епископа на канву своихъ собственныхъ вымысловъ, въ роли, сообразной впрочемъ съ его характеромъ и привычками. Niebelungelied представляетъ намъ его, въ епископскомъ дворцѣ въ Пассау, оказывающимъ гостепріимство свитѣ, провожавшей къ Гуннамъ царицу Кримгильду, его племянницу,—такъ какъ Пилегрена дѣлаютъ братомъ царицы Утты, супруги Хибика. Въ поэмѣ *Жалоба*, онъ является любознательнымъ ученымъ, собирателемъ героическихъ приключеній. Барды Аттилы, имѣвшіе отъ Теодорика повелѣніе разносить по всѣмъ мѣстамъ извѣстіе объ этцельбургскихъ происшествіяхъ, не преминули остановиться въ Пассау и разсказать Пилегрену все происшедшее. Воображеніе епископа воспламеняется при ихъ разсказѣ; онъ хочетъ непремѣнно описать эти достопамятныя событія и беретъ съ Свеммеля, одного изъ бардовъ, обѣщаніе помочь ему въ этомъ предпріятіи. «Свеммель, говоритъ онъ барду,—дай руку и клянись, что если возвратишься опять въ эту страну, придешь повидаться со мной. Большое было бы несчастіе, еслибъ разсказанное мнѣ тобою предано было забвенію; поэтому я опишу все, мщеніе и битвы, приключенія

Digitized by Google

и смерть героевъ, равно какъ и то, чему будешь въ послѣдствіи свидѣтелемъ, разскажешь мнѣ также со всею искренностію. Кромѣ того, я хочу знать о каждомъ изъ родственниковъ, о мущинахъ и женщинахъ, все, что можно будетъ узнать послѣ того; мои послы сейчасъ же отправятся въ землю Гунновъ, чтобы сообщать мнѣ свѣжія извѣстія обо всемъ, что тамъ произойдетъ, потому что это замѣчательнѣйшая въ мірѣ исторія!»

Но этотъ ученый, собиратель древнихъ преданій, любитель народной поэзіи, въ дѣйствительности былъ вовсе не то: это былъ—замѣчательный политикъ и полный мужества распространитель христіанства. Епископъ пассаускій, отъ 971 до 991 года, эпохи его смерти, принималъ значительное участіе во всѣхъ великихъ дѣлахъ Германіи, главнымъ же образомъ въ дѣлѣ по преимуществу, занимавшемъ тогда не только Германію, но всю Европу, весь христіанскій міръ: мы разумѣемъ обращеніе Венгровъ и ихъ введеніе, посредствомъ христіанства, въ образованное общество. Уже цѣлое столѣтіе жилъ этотъ народъ въ Панноніи, куда король Арнульфъ имѣлъ неблагоразуміе призвать ихъ для низложенія Моравовъ, своихъ враговъ, и во все это время Европа не имѣла минуты покоя. Иллирія, Италія, Бавaрія, Тюрингія, Саксонія, Франконія, Альзасъ самая Франція, опустошаемы были преемственно другъ за другомъ, и ужасъ, сопровождавшій новыхъ Гунновъ, могъ сравниться только съ тѣмъ, который внушали въ V вѣкѣ римскому міру Гунны Аттилы. Сравненіе это было на устахъ всѣхъ, и Угры или Венгры дѣйствительно составляли вѣтвь великаго гуннскаго ополченія, остававшуюся долго на границахъ Азіи, и перешедшую въ Европу въ IX вѣкѣ. И сами Венгры признавали это родство, приписывая себѣ славу Гунновъ, какъ родовое наслѣдіе, и поставляя Аттилу во главѣ своихъ королей. Кромѣ того, что страхъ вообразилъ о прежнихъ Гуннахъ, тоже повторялъ и относительно теперешнихъ, такъ что во всей Европѣ смотрѣли на нихъ не только какъ на жестокихъ дикарей, но даже какъ на людоѣдовъ и младенце-ѣдовъ; слово *ogre* (прожора), сохранившееся въ народныхъ сказкахъ Франціи, есть живое преданіе

Digitized by Google

о томъ ужасѣ, который овладѣвалъ нашими предками, девять вѣковъ назадъ, при одномъ имени Венгерскаго народа.

Послѣ множества напрасныхъ усилій, Германія расплатилась наконецъ съ Венграми, — они пали подъ мечомъ императора Отона Великаго, въ знаменитой аугсбургской битвѣ, происходившей въ 955 году, въ которой войско ихъ было почти все уничтожено. За битвой послѣдовалъ мирный договоръ, въ которомъ побѣдитель предписалъ побѣжденному первымъ условіемъ — обязательство принять къ себѣ миссіонеровъ, позволить построеніе церквей, и не стѣснять ни въ чемъ отправленія христіанскаго богослуженія на его землѣ. Договоръ этотъ несравненно былъ благодѣтельнѣе тѣхъ, какіе заключаемъ мы нынѣ съ варварами новаго свѣта, предписывая имъ принятіе,—какъ первыхъ основъ просвѣщенія,—нашихъ произведеній промышленности и нашихъ пороковъ. Предложенное условіе было принято Венгерскимъ народомъ, который послѣ аугсбургскаго пораженія не имѣлъ никакихъ средствъ сопротивляться, и, по заключеніи договора, Отонъ тотчасъ же приступилъ къ его исполненію. Желая устроить, близъ венгерской границы, центръ дѣйствій, откуда исходило бы все дѣло распространенія христіанства, и откуда миссіонеры могли бы получать пособія и поощренія, онъ избралъ мѣстомъ такой крѣпости городъ Пассау, а епископа Пилегрена ея комендантомъ. Папа даровалъ Пилегрену для этой цѣли полномочную власть; помощниками у него были: Бруно, бывшій въ послѣдствіи миссіонеромъ въ Россіи, и ревностный монахъ Вольфангъ, которому въ награду за его усердіе дано было потомъ регенсбургское епископство. Самъ онъ мужественно боролся со всѣми опасностями, и чаще исполнялъ обязанности воина, чѣмъ пользовался правами вождя. Два предмета этого двоякаго служенія должны были идти впереди всего, — именно, чтобы христіанство распространялось ко благу просвѣщенія, и, въ тоже время, чтобы смягченіе нравовъ, любовь къ миру, желаніе благоденствія, приводили варваровъ къ христіанской религіи.

Скоро представился къ этому благопріятный случай. Гейза, избранный Венграми въ главные вожди въ 972 году, воинъ

Digitized by Google

грубый, но умный, почувствовалъ тайное влеченіе къ христіанству, возникшее въ слѣдствіе обращенія его супруги, и здѣсь, какъ въ Англіи, какъ въ Галліи франкской, «жена вѣрная привлекла къ вѣрѣ мужа невѣрнаго.» Сказать по правдѣ, эта государыня Венгровъ была ужасная женщина: она ѣздила верхомъ безъ сѣдла на самыхъ ретивыхъ коняхъ, пила какъ ратникъ, дралась точно такъ же, и убить человѣка считала ни по чемъ; но этотъ родъ женскаго мужества не былъ непріятенъ ея подданнымъ, и, такъ какъ она ко всему этому была высокаго роста и замѣчательной красоты, то ее прозвали *Beleknegini*, что на славянскомъ языкѣ значило *прекрасная княгиня*. Такова была Клотильда новаго Кловиса. Исторія, правда, набросила нѣкоторую тѣнь сомнѣнія на законность ея супружества, указывая намъ на другихъ двухъ женъ Гейзы, жившихъ въ эту же эпоху: на Аделаиду, сестру Мечислава, польскаго короля, и Сарольту, дочь Гіулы, герцога трансильванскаго, бывшую матерью св. Стефана; но надобно думать, что многоженство было тогда все еще въ цвѣтущемъ состояніи у этого татарскаго народа, и что преобразованіе нравовъ такого народа для христіанскихъ проповѣдниковъ было предпріятіемъ не слишкомъ легкимъ. Какъ бы то ни было, *прекрасная княгиня* усердно принялась за дѣло, на которое обрекла себя. Церкви дѣятельно строились въ различныхъ мѣстахъ Венгріи. Въ 973 г., Гейза принялъ крещеніе, и въ 974 г. Пилегренъ съ справедливой гордостью могъ писать папѣ Бенедикту VII, что онъ [illegible] обратилъ ко Христу пять тысячъ благородныхъ Венгровъ [illegible] его пола, то есть, двумя тысячами болѣе, чѣмъ обратилъ св. Ремигій послѣ Толбіакской битвы. Епископъ прибавлялъ: «язычники и христіане живутъ теперь въ столь великомъ согласіи и дружествѣ, что какъ будто на моихъ глазахъ исполняются слова пророка Исаіи: волкъ и агнецъ вмѣстѣ пастися будутъ на пажити, левъ и волъ будутъ ѣсть одну и ту же солому». Но старый епископъ опереживалъ здѣсь ходъ времени: ни изступленная страсть къ войнѣ, ни языческій фатализмъ не истребились еще изъ сердца венгерскаго народа. Воспользовавшись отсутствіемъ императора, котораго важныя дѣла удерживали въ то время въ Италіи, венгерскій народъ хватается за оружіе, снова обращается къ своимъ богамъ, изгоняетъ

Digitized by Google

христіанскихъ священниковъ, разрушаетъ церкви, и, потому ли, что ихъ король Гейза не хотѣлъ или не могъ остановить его, какъ бурное море, выступаетъ изъ своихъ границъ. Съ 979 по 984 г. въ Австріи и Баваріи только и было, что безпрестанныя опустошенія, пожары и убійства. Варвары особенно возставали противъ религіи. Округъ Пилегрена, ближайшій къ Венгріи, сдѣлался преимущественно цѣлью ихъ нападеній: они бросаются сюда съ неистовствомъ, убиваютъ мужчинъ и женщинъ, похищаютъ стада, грабятъ и опустошаютъ храмы. Самъ Пилегренъ съ трудомъ могъ спасти свою жизнь, и, долго спустя послѣ него, на епископской землѣ его были только пепелища и развалины. Въ грамотѣ императора Отона III, данной въ 985 году, мы читаемъ, что округъ Пассаускій, совершенно обезлюдѣвшій, представлялъ видъ пустыни. Между тѣмъ, Пилегренъ не упадалъ духомъ, и передъ смертью имѣлъ радость видѣть надъ главою Стефана, сына Гейзы, вѣнецъ святаго, присоединенный къ царской коронѣ.

Служеніе Пилегрена продолжалось двадцать лѣтъ, съ 971 по 991 годъ, и можно думать, что, во время этихъ-то продолжительныхъ трудовъ и опасностей, епископъ, ища отдохновенія въ любимыхъ своихъ занятіяхъ, привелъ свой трудъ къ концу: по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя подробности его книги представляютъ самую поразительную аналогію съ событіями, происходившими тогда въ [illegible]ріи. Такъ, эта пропаганда, организованная вокругъ Аттилы, это призваніе, приписанное его женѣ,—обратить Аттилу къ истинной вѣрѣ, эта церковь съ надлежащимъ служеніемъ въ Этцельбургѣ, крещеніе юнаго Ортлиба, — что̀ все это, если не буквальная исторія Гейзы и его фамиліи? Даже и фактъ, упомянутый въ *жалобѣ Нибелунговъ*,—именно тотъ, что Аттила былъ пять лѣтъ христіаниномъ, по видимому, есть не что иное, какъ намекъ, на происходившія у Венгровъ, частыя отступленія отъ вѣры, о которыхъ повѣствуетъ намъ исторія, но которыя нисколько не пугали отважныхъ миссіонеровъ. Что̀ касается до тѣхъ чертъ, которыми обрисованъ этотъ великій Аттила, котораго венгерскій народъ считалъ своею собственностію и въ славѣ коего видѣлъ свою національную славу,—эти черты, по видимому, народно

Digitized by Google

были придуманы, чтобы представить новымъ Гуннамъ образецъ, который бы расположилъ ихъ къ цивилизаціи и добрымъ нравамъ. Они были дикари, грабители, презирали всякое другое занятіе, кромѣ войны: имъ представляютъ Аттилу учтивымъ, безкорыстнымъ, миролюбивымъ. Они предавались всѣмъ безпорядкамъ многоженства, и самый царь ихъ Гейза имѣлъ въ то самое время трехъ женъ, упоминаемыхъ исторіею: Аттила, котораго изображаютъ имъ, вѣренъ единобрачію и совершеннѣйшій изъ супруговъ. Наконецъ Аттила оставляетъ здѣсь войну для наукъ и для праздниковъ, и его дворецъ—прекраснѣйшій изъ всѣхъ дворцовъ въ мірѣ. Чтобы согласить этотъ, такъ странно смягченный, характеръ Аттилы съ драмою, созданною преданіемъ, и воспѣваемою во всей Германіи,—драмою, которую Венгры должны были принять съ жадностію,—для этого, разумѣется; нужно было переиначить дѣйствіе, измѣнить развязку, и свалить всѣ злодѣянія на старыхъ Бургундовъ, которыхъ христіанство было весьма сомнительно, и которыхъ при томъ же не было теперь нужды обращать.

Прибавимъ еще одну черту, изъ которой, на нашъ взглядъ, очевиднымъ становится нравственное намѣреніе автора *Нибелунговъ*, и та цѣль, которую онъ имѣлъ въ виду. Въ первоначальномъ видѣ германскаго преданія, — и это составляетъ основный пунктъ въ немъ,—Гунны не могутъ побѣдить Бургундовъ, потому что они язычники, а ихъ враги христіане. Чтобы усмирить [illegible] свирѣпыхъ гостей, имъ нужно было прибѣгнуть къ двумъ [illegible] друзьямъ-христіанамъ, Теодорику и Рудигеру, и Теодорикъ полагаетъ конецъ борьбѣ. Взявъ во вниманіе, что одинъ изъ этихъ защитниковъ Гунновъ есть маргграфъ Пехларнскій, губернаторъ австрійскаго герцогства, можно ли не видѣть здѣсь очевиднаго намека на новые союзы Венгровъ съ германскими принцами и съ императоромъ Отономъ,—союзы, которые должны были облечь ихъ во все могущество, присущее христіанской религіи? Еслибъ нужно было, мы много бы могли представить подобныхъ аналогій, но представимъ здѣсь только тѣ, которыя особенно бросаются въ глаза. Такъ намъ кажется вообще, что литературное произведеніе епископа Пилегрена, совершенное подъ вліяніемъ событій, въ кото-

Digitized by Google

рыхъ авторъ самъ принималъ участіе, имѣло кромѣ того въ виду полезную цѣль, и что незабвенному преданію, сохраненному въ пѣсняхъ Эдды, нарочно придана была такая значительная перемѣна. Служеніе Пилегрена отражается въ его книгѣ, и епископъ объясняетъ въ ней автора. Какъ бы то ни было, созданіе характера Кримгильды сообщило приключеніямъ Нибелунговъ единство, котораго недоставало прежнимъ поэмамъ, и энергія, съ которою этотъ характеръ былъ начертанъ, вскорѣ пріобрѣла этой поэмѣ всеобщее одобреніе. Начиная съ X вѣка, западная Германія не знала болѣе никакихъ другихъ преданій объ Аттилѣ, кромѣ написанныхъ пассаускимъ епископомъ.

Все, сказанное нами о Пилегренѣ, объ его поэмѣ и его служеніи дѣлу христіанства (въ обращеніи Венгровъ), естественно приводитъ насъ къ разсмотрѣнію венгерскихъ преданій.

Digitized by Google

рался въ лакейское платье, и сѣлъ на козлы и поѣхалъ къ стольнику Нардину-Нащокину по Аннушку. И усмотрѣла та Аннушкина мамка, что пріѣхалъ Скобѣевъ, сказала Аннушкѣ подъ видомъ другимъ того дому служителямъ, яко бы прислала тетка по нее изъ монастыря. И та Аннушка убралась и сѣла въ карету, и поѣхала на квартиру Фрола Скобѣева. И тотъ кучеръ Ловчикова пробудился и усмотрѣлъ Фролъ Скобѣевъ, что тотъ кучеръ Ловчикова не въ такомъ сильномъ пьянствѣ, и напоивъ его весьма жестоко пьяна и положивъ его въ карету, а самъ сѣлъ въ козлы и поѣхалъ къ Ловчикову. А какъ пріѣхалъ ко двору, отворилъ ворота и пустилъ возниковъ съ каретою на дворъ. И люди Ловчикова видятъ, что стоятъ возники и съ каретою на дворѣ, а кучеръ лежитъ въ каретѣ жестоко пьянъ, пошли объявили Ловчикову, что кучеръ жестоко пьянъ и спитъ въ каретѣ, а кто ихъ сюды привелъ, не вѣдаютъ. И Ловчиковъ велѣлъ карету и возниковъ убрать и сказалъ: «то хорошо, что всего не уходилъ: на Фролѣ Скобѣевѣ, взять нечего.» И на утрѣ сталъ спрашивать Ловчиковъ того кучера, гдѣ онъ былъ со Фроломъ Скобѣевымъ. И кучеръ сказалъ ему: «только помню, какъ пріѣхалъ къ нему на квартиру, а куда онъ, Скобѣевъ, ѣздилъ, и что дѣлалъ, незнаю.» А стольникъ Нардинъ-Нащокинъ пріѣхалъ изъ гостей и спросилъ о дочери своей Аннушкѣ. И та мамка сказала, что по приказу вашему отпустила къ сестрѣ вашей въ монастырь, для того что она прислала карету и возниковъ. Стольникъ Нардинъ-Нащокинъ сказалъ: «изрядно»

И стольникъ Нардинъ-Нащокинъ долгое время не бывалъ у сестры своей, и надѣется, что дочь его Аннушка въ монастырѣ у сестры его. А уже Фролъ Скобѣевъ на Аннушкѣ женится. Потомъ стольникъ Нардинъ-Нащокинъ поѣхалъ въ монастырь къ сестрѣ своей, и сидѣлъ у сестры своей долгое время, и не видалъ дочери своей, и спросилъ у сестры своей: «сестрица, что я не вижу Аннушки?» И сестра ему отвѣтствовала: «полно, братецъ издѣваться. Что мнѣ дѣлать, когда я безчастна моимъ прошеніямъ: къ себѣ просила ее прислать; но

Digitized by Google

genlied), но содержитъ подробности, заимствованныя изъ оригинальныхъ документовъ, сказано еще болѣе: Аттила объясняетъ здѣсь, что онъ пять лѣтъ былъ христіаниномъ, но послѣ этого опять обратился въ язычество, а по какой причинѣ, неизвѣстно. Наконецъ Гуннскій царь изъискиваетъ все, что служитъ къ смягченію нравовъ, и возвышаетъ блескъ мира; онъ строитъ великолѣпный дворецъ, котораго главная зала длинна, широка и высока, чтобъ цвѣтъ воиновъ могъ собираться сюда со всей вселенной и проводить здѣсь время въ удовольствіяхъ. Для того, чтобъ быть вполнѣ рыцаремъ, ему недостаетъ только одного христіанства; но у него есть двое друзей христіанъ, Теодорикъ и Рудигеръ, которымъ нѣтъ равныхъ въ мірѣ, и которые дѣлаютъ для него съ его врагами то, чего язычникъ не могъ бы сдѣлать.

Когда такимъ образомъ смерть Кримгильды составляетъ здѣсь развязку трагедіи, что́ сталось съ Аттилой? вотъ вопросъ, который мы вправѣ предложить германскимъ поэмамъ; но ни одна изъ нихъ не даетъ намъ отвѣта. *Niebelungenlied* благоразумно молчитъ, не говоря ни слова о томъ, не хочетъ ли она сказать этого, или не знаетъ; поэма *Плачъ Нибелунговъ* откровеннѣе. «Я не могу съ достовѣрностію утверждать, гласитъ она, что́ сталось послѣ того съ Аттилой; это неизвѣстно ни мнѣ и никому. Одни говорятъ: онъ былъ убитъ; а другіе говорятъ: нѣтъ. Которое изъ этихъ двухъ извѣстій вѣрно, и которое ложно, трудно рѣшить, и по этой причинѣ я остаюсь въ сомнѣніи. Нисколько не удивился бы я однакожъ, еслибъ Аттила пропалъ безъ вѣсти, или унесенъ былъ вихремъ, или заживо погребенъ, или провалился въ какую-нибудь пропасть, или исчезъ какъ паръ, или наконецъ унесенъ былъ діаволомъ; этихъ важныхъ вопросовъ никто еще не рѣшилъ.» Такимъ образомъ, германскія поэмы, составляющія циклъ поэмъ о Нибелунгахъ, по видимому, вовсе и не знаютъ о преданіи относительно трагической смерти Аттилы, —преданіи, которое принято съ такимъ жаромъ скандинавскими пѣснями, и подтверждается исторіей. Вотъ еще одна изъ загадокъ, которыхъ такъ много въ указанныхъ нами поэмахъ, — загадокъ, которыя, можетъ быть, однакожъ не неразрѣшимы. Если отыщемъ, кто былъ изобрѣтателемъ германской

Digitized by Google

басни и составителемъ эпопеи о Нибелунгахъ, то, быть можетъ, и разъяснится то, что̀ кажется теперь темнымъ; быть можетъ, мы лучше поймемъ переворотъ, вдругъ поставившій вверхъ дномъ преданіе объ Аттилѣ, узнавши обстоятельства, среди которыхъ онъ произошелъ.

Этихъ объясненій поищемъ мы опять-таки въ поэмѣ *Жалоба или Плачъ Нибелунговъ*. Мы сказали уже, что эта поэма очень любопытна, и, хотя сложена въ XIV вѣкѣ весьма незавидными стихами, но опирается на текстахъ болѣе древнихъ, которыя сами основывались на оригинальныхъ документахъ. Итакъ, вотъ что говорится тамъ въ родѣ эпилога: «Эти сказанія, въ истинѣ которыхъ отнюдь не должно сомнѣваться, — потому что авторъ зналъ всѣ обстоятельства, въ нихъ упоминаемыя, — эти сказанія епископъ Пассавскій Пилегренъ написалъ на латинскомъ языкѣ изъ любви къ своему родственнику. Онъ описалъ, безъ опущенія, все, что̀ произошло, какъ дѣло началось и кончилось, и какъ герои, послѣ достойной ихъ битвы, легли мертвые на мѣстѣ.» Поэма прибавляетъ, что Пилегрену помогалъ въ его трудѣ секретарь его Конрадъ, и что съ тѣхъ поръ приключенія эти, переложенныя на нѣмецкій языкъ, были воспѣваемы такимъ множествомъ поэтовъ, что всѣ, молодые и старые, знаютъ ихъ наизусть. Итакъ первый пунктъ разъясненъ. Пилегренъ, епископъ города Пассау въ Австріи, лицо отнюдь не вымышленное, жившій во второй половинѣ X вѣка, собралъ, ходившія по Германіи, народныя пѣсни объ Аттилѣ и Нибелунгахъ, соединилъ ихъ въ одно цѣлое, и сообщилъ имъ эпическую форму въ книгѣ, написанной на латинскомъ языкѣ. Въ ту эпоху духовные, въ тишинѣ кабинета, или въ уединеніи монастырской кельи, занимались,—и это было модньмъ тогда занятіемъ,—разработкой особенно любопытныхъ для публики преданій, сообщая имъ единство и литературную цѣлость, недостававшихъ пѣснямъ менестрелей, эпизодическимъ по самой своей природѣ. Такимъ образомъ въ XI вѣкѣ мы встрѣчаемъ одного монаха—писателя Турпинской хроники, который начертилъ планъ полулярныхъ романовъ о Роландѣ и Карлѣ Великомъ. Такимъ же образомъ опять, латинскій романъ объ Лансе-

Digitized by Google

лотѣ Lancelot du Lac послужилъ первымъ образцомъ для французскихъ романистовъ, и наконецъ, въ XII вѣкѣ, знаменитыя составленія Коффруа Монмутскаго доставили планъ поэтическимъ романамъ изъ исторіи Бретани. Родственникъ Пилегрена, изъ любви къ которому епископъ пассаускій совершилъ свой трудъ, былъ не другой кто, какъ этотъ самый маргравъ Рудигеръ Пехларнскій, который такъ великолѣпно представленъ приближеннымъ Аттилы, но который, въ дѣйствительности, умеръ въ 916 году, губернаторомъ Австрійскаго герцогства. Кажется, что этотъ маргравъ представлялъ собою одинъ изъ прекраснѣйшихъ характеровъ той эпохи, когда духъ рыцарства, разорвавъ свой варварскій покровъ, начиналъ проглядывать на свѣтъ, и епископъ пассаускій, среди своихъ воображаемыхъ героевъ, вздумалъ начертить истинный портретъ человѣка, которому удивлялся.

Что сдѣлалъ для Рудигера Пилегренъ изъ фамильной привязанности, тоже сдѣлали для него самого *Миннезингеры* изъ поэтической признательности: они вывели добраго епископа на сцену своихъ собственныхъ вымысловъ, въ роли, сообразной впрочемъ съ его характеромъ и привычками. Niebelungelied представляетъ намъ его, въ епископскомъ дворцѣ въ Пассау, оказывающимъ гостепріимство свитѣ, провожавшей къ Гуннамъ царицу Кримгильду, его племянницу,—такъ какъ Пилегрена дѣлаютъ братомъ царицы Утты, супруги Хибика. Въ поэмѣ *Жалоба*, онъ является любознательнымъ ученымъ, собирателемъ героическихъ приключеній. Барды Аттилы, имѣвшіе отъ Теодорика повелѣніе разносить по всѣмъ мѣстамъ извѣстіе объ этцельбургскихъ происшествіяхъ, не преминули остановиться въ Пассау и разсказать Пилегрену все происшедшее. Воображеніе епископа воспламеняется при ихъ разсказѣ; онъ хочетъ непремѣнно описать эти достопамятныя событія и беретъ съ Свеммеля, одного изъ бардовъ, обѣщаніе помочь ему въ этомъ предпріятіи. «Свеммель, говоритъ онъ барду,—дай руку и клянись, что если возвратишься опять въ эту страну, придешь повидаться со мной. Большое было бы несчастіе, еслибъ разсказанное мнѣ тобою предано было забвенію; поэтому я опишу все, мщеніе и битвы, приключенія

Digitized by Google

и смерть героевъ, равно какъ и то, чему будешь въ послѣдствіи свидѣтелемъ, разскажешь мнѣ также со всею искренностію. Кромѣ того, я хочу знать о каждомъ изъ родственниковъ, о мущинахъ и женщинахъ, все, что можно будетъ узнать послѣ того; мои послы сейчасъ же отправятся въ землю Гунновъ, чтобы сообщать мнѣ свѣжія извѣстія обо всемъ, что тамъ произойдетъ, потому что это замѣчательнѣйшая въ мірѣ исторія!»

Но этотъ ученый, собиратель древнихъ преданій, любитель народной поэзіи, въ дѣйствительности былъ вовсе не то: это былъ—замѣчательный политикъ и полный мужества распространитель христіанства. Епископъ пассаускій, отъ 971 до 991 года, эпохи его смерти, принималъ значительное участіе во всѣхъ великихъ дѣлахъ Германіи, главнымъ же образомъ въ дѣлѣ по преимуществу, занимавшемъ тогда не только Германію, но всю Европу, весь христіанскій міръ: мы разумѣемъ обращеніе Венгровъ и ихъ введеніе, посредствомъ христіанства, въ образованное общество. Уже цѣлое столѣтіе жилъ этотъ народъ въ Панноніи, куда король Арнульфъ имѣлъ неблагоразуміе призвать ихъ для низложенія Моравовъ, своихъ враговъ, и во все это время Европа не имѣла минуты покоя. Иллирія, Италія, Баварія, Тюрингія, Саксонія, Франконія, Альзасъ самая Франція, опустошаемы были преемственно другъ за другомъ, и ужасъ, сопровождавшій новыхъ Гунновъ, могъ сравниться только съ тѣмъ, который внушали въ V вѣкѣ римскому міру Гунны Аттилы. Сравненіе это было на устахъ всѣхъ, и Угры или Венгры дѣйствительно составляли вѣтвь великаго гуннскаго ополченія, остававшуюся долго на границахъ Азіи, и перешедшую въ Европу въ IX вѣкѣ. И сами Венгры признавали это родство, приписывая себѣ славу Гунновъ, какъ родовое наслѣдіе, и поставляя Аттилу во главѣ своихъ королей. Кромѣ того, что̀ страхъ вообразилъ о прежнихъ Гуннахъ, тоже повторялъ и относительно теперешнихъ, такъ что во всей Европѣ смотрѣли на нихъ не только какъ на жестокихъ дикарей, но даже какъ на людоѣдовъ и младенце-ѣдовъ; слово *ogre* (прожора), сохранившееся въ народныхъ сказкахъ Франціи, есть живое преданіе

Digitized by Google

о томъ ужасѣ, который овладѣвалъ нашими предками, девять вѣковъ назадъ, при одномъ имени Венгерскаго народа.

Послѣ множества напрасныхъ усилій, Германія расплатилась наконецъ съ Венграми, — они пали подъ мечомъ императора Отона Великаго, въ знаменитой аугсбургской битвѣ, происходившей въ 955 году, въ которой войско ихъ было почти все уничтожено. За битвой послѣдовалъ мирный договоръ, въ которомъ побѣдитель предписалъ побѣжденному первымъ условіемъ— обязательство принять къ себѣ миссіонеровъ, позволить построеніе церквей, и не стѣснять ни въ чемъ отправленія христіанскаго богослуженія на его землѣ. Договоръ этотъ несравненно былъ благодѣтельнѣе тѣхъ, какіе заключаемъ мы нынѣ съ варварами новаго свѣта, предписывая имъ принятіе,—какъ первыхъ основъ просвѣщенія,—нашихъ произведеній промышленности и нашихъ пороковъ. Предложенное условіе было принято Венгерскимъ народомъ, который послѣ аугсбургскаго пораженія не имѣлъ никакихъ средствъ сопротивляться, и, по заключеніи договора, Отонъ тотчасъ же приступилъ къ его исполненію. Желая устроить, близъ венгерской границы, центръ дѣйствій, откуда исходило бы все дѣло распространенія христіанства, и откуда миссіонеры могли бы получать пособія и поощренія, онъ избралъ мѣстомъ такой крѣпости городъ Пассау, а епископа Пилегрена ея комендантомъ. Папа даровалъ Пилегрену для этой цѣли полномочную власть; помощниками у него были: Бруно, бывшій въ послѣдствіи миссіонеромъ въ Россіи, и ревностный монахъ Вольфангъ, которому въ награду за его усердіе дано было потомъ регенсбургское епископство. Самъ онъ мужественно боролся со всѣми опасностями, и чаще исполнялъ обязанности воина, чѣмъ пользовался правами вождя. Два предмета этого двоякаго служенія должны были идти впереди всего, — именно, чтобы христіанство распространялось ко благу просвѣщенія, и, въ тоже время, чтобы смягченіе нравовъ, любовь къ миру, желаніе благодѣянія, приводили варваровъ къ христіанской религіи.

Скоро представился къ этому благопріятный случай. Гейза, избранный Венграми въ главные вожди въ 972 году, воинъ

Digitized by Google

грубый, но умный, почувствовалъ тайное влеченіе къ христіанству, возникшее въ слѣдствіе обращенія его супруги, и здѣсь, какъ въ Англіи, какъ въ Галліи франкской, «жена вѣрная привлекла къ вѣрѣ мужа невѣрнаго.» Сказать по правдѣ, эта государыня Венгровъ была ужасная женщина: она ѣздила верхомъ безъ сѣдла на самыхъ ретивыхъ коняхъ, пила какъ ратникъ, дралась точно такъ же, и убить человѣка считала ни по чемъ; но этотъ родъ женскаго мужества не былъ непріятенъ ея подданнымъ, и, такъ какъ она ко всему этому была высокаго роста и замѣчательной красоты, то ее прозвали *Beleknegini*, что на славянскомъ языкѣ значило *прекрасная княгиня*. Такова была Клотильда новаго Кловиса. Исторія, правда, набросила нѣкоторую тѣнь сомнѣнія на законность ея супружества, указывая намъ на другихъ двухъ женъ Гейзы, жившихъ въ эту же эпоху: на Аделаиду, сестру Мечислава, польскаго короля, и Сарольту, дочь Гіулы, герцога трансильванскаго, бывшую матерью св. Стефана; но надобно думать, что многоженство было тогда все еще въ цвѣтущемъ состояніи у этого татарскаго народа, и что преобразованіе нравовъ такого народа для христіанскихъ проповѣдниковъ было предпріятіемъ не слишкомъ легкимъ. Какъ бы то ни было, *прекрасная княгиня* усердно принялась за дѣло, на которое обрекла себя. Церкви дѣятельно строились въ различныхъ мѣстахъ Венгріи. Въ 973 г., Гейза принялъ крещеніе, и въ 974 г. Пилегренъ съ справедливой гордостью могъ писать папѣ Бенедикту VII, что онъ [illegible] обратилъ ко Христу пять тысячъ благородныхъ Венгровъ [illegible] его пола, то есть, двумя тысячами болѣе, чѣмъ обратилъ св. Ремигій послѣ Толбіакской битвы. Епископъ прибавлялъ: «язычники и христіане живутъ теперь въ столь великомъ согласіи и дружествѣ, что какъ будто на моихъ глазахъ исполняются слова пророка Исаіи: волкъ и агнецъ вмѣстѣ пастися будутъ на пажити, левъ и волъ будутъ ѣсть одну и ту же солому». Но старый епископъ опереживалъ здѣсь ходъ времени: ни изступленная страсть къ войнѣ, ни языческій фатализмъ не истребились еще изъ сердца венгерскаго народа. Воспользовавшись отсутствіемъ императора, котораго важныя дѣла удерживали въ то время въ Италіи, венгерскій народъ хватается за оружіе, снова обращается къ своимъ богамъ, изгоняетъ

Digitized by Google

христіанскихъ священниковъ, разрушаетъ церкви, и, потому ли, что ихъ король Гейза не хотѣлъ или не могъ остановить его, какъ бурное море, выступаетъ изъ своихъ границъ. Съ 979 по 984 г. въ Австріи и Баваріи только и было, что безпрестанныя опустошенія, пожары и убійства. Варвары особенно возставали противъ религіи. Округъ Пилегрена, ближайшій къ Венгріи, сдѣлался преимущественно цѣлью ихъ нападеній: они бросаются сюда съ неистовствомъ, убиваютъ мужчинъ и женщинъ, похищаютъ стада, грабятъ и опустошаютъ храмы. Самъ Пилегренъ съ трудомъ могъ спасти свою жизнь, и, долго спустя послѣ него, на епископской землѣ его были только пепелища и развалины. Въ грамотѣ императора Отона III, данной въ 985 году, мы читаемъ, что округъ Пассаускій, совершенно обезлюдѣвшій, представлялъ видъ пустыни. Между тѣмъ, Пилегренъ не упадалъ духомъ, и передъ смертью имѣлъ радость видѣть надъ главою Стефана, сына Гейзы, вѣнецъ святаго, присоединенный къ царской коронѣ.

Служеніе Пилегрена продолжалось двадцать лѣтъ, съ 971 по 991 годъ, и можно думать, что, во время этихъ-то продолжительныхъ трудовъ и опасностей, епископъ, ища отдохновенія въ любимыхъ своихъ занятіяхъ, привелъ свой трудъ къ концу: по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя подробности его книги представляютъ самую поразительную аналогію съ событіями, происходившими тогда въ Венгріи. Такъ, эта пропаганда, организованная вокругъ Аттилы, это призваніе, приписанное его женѣ,—обратить Аттилу къ истинной вѣрѣ, эта церковь съ надлежащимъ служеніемъ въ Этцельбургѣ, крещеніе юнаго Ортлиба, — что все это, если не буквальная исторія Гейзы и его фамиліи? Даже и фактъ, упомянутый въ *жалобѣ Нибелунговъ*,—именно тотъ, что Аттила былъ пять лѣтъ христіаниномъ, по видимому, есть не что иное, какъ намекъ, на происходившія у Венгровъ, частыя отступленія отъ вѣры, о которыхъ повѣствуетъ намъ исторія, но которыя нисколько не пугали отважныхъ миссіонеровъ. Что касается до тѣхъ чертъ, которыми обрисованъ этотъ великій Аттила, котораго венгерскій народъ считалъ своею собственностію и въ славѣ коего видѣлъ свою національную славу,—эти черты, по видимому, нарочно

Digitized by Google

были придуманы, чтобы представить новымъ Гуннамъ образецъ, который бы расположилъ ихъ къ цивилизаціи и добрымъ нравамъ. Они были дикари, грабители, презирали всякое другое занятіе, кромѣ войны: имъ представляютъ Аттилу учтивымъ, безкорыстнымъ, миролюбивымъ. Они предавались всѣмъ безпорядкамъ многоженства, и самый царь ихъ Гейза имѣлъ въ то самое время трехъ женъ, упоминаемыхъ исторіею: Аттила, котораго изображаютъ имъ, вѣренъ единобрачію и совершеннѣйшій изъ супруговъ. Наконецъ Аттила оставляетъ здѣсь войну для наукъ и для праздниковъ, и его дворецъ—прекраснѣйшій изъ всѣхъ дворцовъ въ мірѣ. Чтобы согласить этотъ, такъ странно смягченный, характеръ Аттилы съ драмою, созданною преданіемъ, и воспѣваемою во всей Германіи,—драмою, которую Венгры должны были принять съ жадностію,—для этого, разумѣется; нужно было переиначить дѣйствіе, измѣнить развязку, и свалить всѣ злодѣянія на старыхъ Бургундовъ, которыхъ христіанство было весьма сомнительно, и которыхъ при томъ же не было теперь нужды обращать.

Прибавимъ еще одну черту, изъ которой, на нашъ взглядъ, очевиднымъ становится нравственное намѣреніе автора *Нибелунговъ*, и та цѣль, которую онъ имѣлъ въ виду. Въ первоначальномъ видѣ германскаго преданія, — и это составляетъ основный пунктъ въ немъ,—Гунны не могутъ побѣдить Бургундовъ, потому что они язычники, а ихъ враги христіане. Чтобы усмирить [illegible] свирѣпыхъ гостей, имъ нужно было прибѣгнуть къ двумъ [illegible] друзьямъ-христіанамъ, Теодорику и Рудигеру, и Теодорикъ полагаетъ конецъ борьбѣ. Взявъ во вниманіе, что одинъ изъ этихъ защитниковъ Гунновъ есть маргграфъ Пехларнскій, губернаторъ австрійскаго герцогства, можно ли не видѣть здѣсь очевиднаго намека на новые союзы Венгровъ съ германскими принцами и съ императоромъ Отономъ,—союзы, которые должны были облечь ихъ во все могущество, присущее христіанской религіи? Еслибъ нужно было, мы много бы могли представить подобныхъ аналогій, но представимъ здѣсь только тѣ, которыя особенно бросаются въ глаза. Итакъ намъ кажется вообще, что литературное произведеніе епископа Пилегрена, совершенное подъ вліяніемъ событій, въ кото-

Digitized by Google

рыхъ авторъ самъ принималъ участіе, имѣло кромѣ того въ виду полезную цѣль, и что незабвенному преданію, сохраненному въ пѣсняхъ Эдды, нарочно придана была такая значительная перемѣна. Служеніе Пилегрена отражается въ его книгѣ, и епископъ объясняетъ въ ней автора. Какъ бы то ни было, созданіе характера Кримгильды сообщило приключеніямъ Нибелунговъ единство, котораго недоставало прежнимъ поэмамъ, и энергія, съ которою этотъ характеръ былъ начертанъ, вскорѣ пріобрѣла этой поэмѣ всеобщее одобреніе. Начиная съ X вѣка, западная Германія не знала болѣе никакихъ другихъ преданій объ Аттилѣ, кромѣ написанныхъ пассаускимъ епископомъ.

Все, сказанное нами о Пилегренѣ, объ его поэмѣ и его служеніи дѣлу христіанства (въ обращеніи Венгровъ), естественно приводитъ насъ къ разсмотрѣнію венгерскихъ преданій.

Digitized by Google

рался въ лакейское платье, и сѣлъ на козлы и поѣхалъ къ стольнику Нардину-Нащокину по Аннушку. И усмотрѣла та Аннушкина мамка, что пріѣхалъ Скобѣевъ, сказала Аннушкѣ подъ видомъ другимъ того дому служителямъ, яко бы прислала тетка по нее изъ монастыря. И та Аннушка убралась и сѣла въ карету, и поѣхала на квартиру Фрола Скобѣева. И тотъ кучеръ Ловчикова пробудился и усмотрѣлъ Фролъ Скобѣевъ, что тотъ кучеръ Ловчикова не въ такомъ сильномъ пьянствѣ, и напоивъ его весьма жестоко пьяна и положивъ его въ карету, а самъ сѣлъ въ козлы и поѣхалъ къ Ловчикову. А какъ пріѣхалъ ко двору, отворилъ ворота и пустилъ возниковъ съ каретою на дворъ. И люди Ловчикова видятъ, что стоятъ возники и съ каретою на дворѣ, а кучеръ лежитъ въ каретѣ жестоко пьянъ, пошли объявили Ловчикову, что кучеръ жестоко пьянъ и спитъ въ каретѣ, а кто ихъ сюды привелъ, не вѣдаютъ. И Ловчиковъ велѣлъ карету и возниковъ убрать и сказалъ: «то хорошо, что всего не уходилъ: на Фролѣ Скобѣевѣ, взять нечего.» И на утрѣ сталъ спрашивать Ловчиковъ того кучера, гдѣ онъ былъ со Фроломъ Скобѣевымъ. И кучеръ сказалъ ему: «только помню, какъ пріѣхалъ къ нему на квартиру, а куда онъ, Скобѣевъ, ѣздилъ, и что дѣлалъ, незнаю.» А стольникъ Нардинъ-Нащокинъ пріѣхалъ изъ гостей и спросилъ о дочери своей Аннушкѣ. И та мамка сказала, что по приказу вашему отпустила къ сестрѣ вашей въ монастырь, для того что она прислала карету и возниковъ. Стольникъ Нардинъ-Нащокинъ сказалъ: «изрядно»

И стольникъ Нардинъ-Нащокинъ долгое время не бывалъ у сестры своей, и надѣется, что дочь его Аннушка въ монастырѣ у сестры его. А уже Фролъ Скобѣевъ на Аннушкѣ женится. Потомъ стольникъ Нардинъ-Нащокинъ поѣхалъ въ монастырь къ сестрѣ своей, и сидѣлъ у сестры своей долгое время, и не видалъ дочери своей, и спросилъ у сестры своей: «сестрица, что я не вижу Аннушки?» И сестра ему отвѣтствовала: «полно, братецъ издѣваться. Что мнѣ дѣлать, когда я безчастна моимъ прошеніямъ: къ себѣ просила ее прислать; но

Digitized by Google

рыхъ авторъ самъ принималъ участіе, имѣло кромѣ того въ виду полезную цѣль, и что незабвенному преданію, сохраненному въ пѣсняхъ Эдды, нарочно придана была такая значительная перемѣна. Служеніе Пилегрена отражается въ его книгѣ, и епископъ объясняетъ въ ней автора. Какъ бы то ни было, созданіе характера Кримгильды сообщило приключеніямъ Нибелунговъ единство, котораго недоставало прежнимъ поэмамъ, и энергія, съ которою этотъ характеръ былъ начертанъ, вскорѣ пріобрѣла этой поэмѣ всеобщее одобреніе. Начиная съ X вѣка, западная Германія не знала болѣе никакихъ другихъ преданій объ Аттилѣ, кромѣ написанныхъ пассаускимъ епископомъ.

Все, сказанное нами о Пилегренѣ, объ его поэмѣ и его служеніи дѣлу христіанства (въ обращеніи Венгровъ), естественно приводитъ насъ къ разсмотрѣнію венгерскихъ преданій.

Digitized by Google

рался въ лакейское платье, и сѣлъ на козлы и поѣхалъ къ стольнику Нардину-Нащокину по Аннушку. И усмотрѣла та Аннушкина мамка, что пріѣхалъ Скобѣевъ, сказала Аннушкѣ подъ видомъ другимъ того дому служителямъ, яко бы прислала тетка по нее изъ монастыря. И та Аннушка убралась и сѣла въ карету, и поѣхала на квартиру Фрола Скобѣева. И тотъ кучеръ Ловчикова пробудился и усмотрѣлъ Фролъ Скобѣевъ, что тотъ кучеръ Ловчикова не въ такомъ сильномъ пьянствѣ, и напоивъ его весьма жестоко пьяна и положивъ его въ карету, а самъ сѣлъ въ козлы и поѣхалъ къ Ловчикову. А какъ пріѣхалъ ко двору, отворилъ ворота и пустилъ возниковъ съ каретою на дворъ. И люди Ловчикова видятъ, что стоятъ возники и съ каретою на дворѣ, а кучеръ лежитъ въ каретѣ жестоко пьянъ, пошли объявили Ловчикову, что кучеръ жестоко пьянъ и спитъ въ каретѣ, а кто ихъ сюды привелъ, не вѣдаютъ. И Ловчиковъ велѣлъ карету и возниковъ убрать и сказалъ: «то хорошо, что всего не уходилъ: на Фролѣ Скобѣевѣ, взять нечего.» И на утрѣ сталъ спрашивать Ловчиковъ того кучера, гдѣ онъ былъ со Фроломъ Скобѣевымъ. И кучеръ сказалъ ему: «только помню, какъ пріѣхалъ къ нему на квартиру, а куда онъ, Скобѣевъ, ѣздилъ, и что дѣлалъ, незнаю.» А стольникъ Нардинъ-Нащокинъ пріѣхалъ изъ гостей и спросилъ о дочери своей Аннушкѣ. И та мамка сказала, что по приказу вашему отпустила къ сестрѣ вашей въ монастырь, для того что она прислала карету и возниковъ. Стольникъ Нардинъ-Нащокинъ сказалъ: «изрядно»

И стольникъ Нардинъ-Нащокинъ долгое время не бывалъ у сестры своей, и надѣется, что дочь его Аннушка въ монастырѣ у сестры его. А уже Фролъ Скобѣевъ на Аннушкѣ женится. Потомъ стольникъ Нардинъ-Нащокинъ поѣхалъ въ монастырь къ сестрѣ своей, и сидѣлъ у сестры своей долгое время, и не видалъ дочери своей, и спросилъ у сестры своей: «сестрица, что я не вижу Аннушки?» И сестра ему отвѣтствовала: «полно, братецъ издѣваться. Что мнѣ дѣлать, когда я безчастна моимъ прошеніямъ: къ себѣ просила ее прислать; но

Digitized by Google

мнѣ знатно, что ты мнѣ не вѣришь, а мнѣ время такого нѣту, чтобъ послать по нея». И стольникъ Нардинъ-Нащокинъ сказалъ сестрѣ своей: «какъ, государыня сестрица, что ты изволишь говорить о томъ, не могу разсудить, для того, что она отпущена къ тебѣ уже тому мѣсяцъ, за тѣмъ, что ты присылала по нее карету и возниковъ, а я въ то время былъ въ гостяхъ съ женою, по приказу нашему отпущена къ тебѣ.» И сестра ему сказала: «никакъ я, братецъ, возниковъ и кареты не посылала никогда, и Аннушка никогда не была». И стольникъ Нардинъ-Нащокинъ весьма сожалѣлъ о дочери своей, весьма много искалъ, и нигдѣ не нашелъ, и горько плакалъ, и пріѣхалъ въ домъ свой, и сказалъ женѣ своей, что Аннушка пропала, и сказалъ, что у сестры въ монастырѣ нѣтъ. И сталъ мамку спрашивать, кто пріѣзжалъ съ возниками. И та мамка сказала: «пріѣзжалъ съ возниками и съ каретою кучеръ, и сказалъ, что изъ дѣвичьяго монастыря отъ сестры вашей пріѣхалъ по Аннушку; и по приказу вашему поѣхала Аннушка». И о томъ стольникъ съ женою своею весьма соболѣзновали и плакали горько.

И на утро стольникъ Нардинъ-Нащокинъ поѣхалъ къ государю и объявилъ, что у него безвѣстно пропала дочь. И государь велѣлъ учинить публику. Не вѣдаетъ Фролъ Скобѣевъ, что дѣлать, и умыслилъ идтить къ полковнику Ловчикову и объявить ему о томъ, для того, что Ловчиковъ весьма къ нему добръ. И пришелъ Фролъ Скобѣевъ къ Ловчикову и имѣлъ съ нимъ многіе разговоры. Стольникъ Ловчиковъ спрашивалъ Фрола Скобѣева: «что, господинъ Скобѣевъ, женился ли?» И Скобѣевъ сказалъ: «женился!» — «Богатую ли взялъ?» И Скобѣевъ сказалъ: «нынѣ еще богатства не вижу, что вдаль время окажетъ.» И Ловчиковъ говорилъ Скобѣеву: «ну, господинъ Скобѣевъ, живи уже постоянно; отстань за ябедою ходить; живи въ вотчинѣ своей; лучше, здоровѣе». Потомъ Фролъ Скобѣевъ сталъ просить того стольника Ловчикова, чтобъ онъ былъ предстатель его въ бѣдѣ. И Ловчиковъ ему объявилъ: «скажи, что ежели сносно, буду предста-

Digitized by Google

тельствовать; ежели что несносно, и не гнѣвайся.» Фролъ Скобѣевъ ему объявилъ, что стольника Нардина-Нащокина дочь Аннушка у меня, и я на ней женился. И стольникъ Ловчиковъ сказалъ: «какъ ты сдѣлалъ, такъ самъ и отвѣтствуй». И Фролъ Скобѣевъ сказалъ: «ежели ты предстательствовать не будешь обо мнѣ, то и тебѣ будетъ не безъ худа, а мнѣ уже пришло сказать на тебя, для того, что ты возниковъ и карету давалъ; ежели бы ты не давалъ, и мнѣ того не учинить бы.» И Ловчиковъ сталъ въ великомъ сумнѣніи, и сказалъ ему: «настоящій ты плутъ; что ты надо мною сдѣлалъ? Добро! какъ могу, то буду предстательствовать». И сказалъ ему: «завтрашній день приходи въ Успенскій соборъ, тамъ и стольникъ Нардинъ-Нащокинъ будетъ у обѣдни, а я съ нимъ буду. И послѣ обѣдни будетъ стоять стольниковъ все собраніе на Иванской площади; и въ то время приди предъ нимъ, и объяви ему о дочери его, а я уже, какъ могу, буду предстательствовать». И пришелъ Фролъ Скобѣевъ въ Успенскій соборъ къ обѣднѣ, и стольникъ Нардинъ-Нащокинъ, и Ловчиковъ, и другіе отольники всѣ у обѣдни были. По отшествіи литургіи, въ то время имѣлось собраніе на Иванской площади, противъ Ивана Великаго; и всѣ стольники собрались на оную площадь, и Нардинъ-Нащокинъ тутъ же, и имѣли оные стольники между собою разговоры, что имъ надобно. А стольникъ Нардинъ-Нащокинъ, больше соболѣзнуя, разсуждаетъ о дочери своей, и стольникъ Ловчиковъ разсуждаетъ о томъ же съ нимъ, склоняя его къ милости. И въ тѣ ихъ разговоры пришелъ Фролъ Скобѣевъ, и отдалъ всѣмъ стольникамъ по обычаю поклонъ. Всѣ стольники Фрола Скобѣева знаютъ, и кромѣ всѣхъ стольниковъ, палъ предъ ногами Фролъ Скобѣевъ у стольника Нардина и просилъ прощенія: «милостивой государь, стольникъ первой! отпусти виннаго, яко раба своего, который возъимѣлъ предъ вами дерзновеніе». И стольникъ Нардинъ-Нащокинъ имѣлся лѣтами древенъ и зрѣніемъ отъ древности уже помраченъ; однакожъ, человѣка усмотрѣть еще могъ. Имѣли въ то время обычай тѣ старые люди носить въ рукахъ трости натуральныя съ клюшками. И поднимаетъ тою

Digitized by Google

клюшкою Фрола Скобѣева и спрашиваетъ его: «кто ты таковъ скажи о себѣ, и что твоя нужда къ намъ». И Фролъ Скобѣевъ только говоритъ: «отпусти мою вину». Стольникъ Ловчиковъ, подошедъ къ стольнику Нардину-Нащокину, сказалъ ему: «лежитъ предъ вами и проситъ отпущенія вины своей дворянинъ Фролъ Скобѣевъ.» И стольникъ Нардинъ-Нащокинъ закричалъ: «вотъ ты плутъ; знаю тебя давно, плута, ябедника; знать, что наябедничалъ себѣ несносно. Скажи, плутъ, что, буде сносно, стараться стану о тебѣ, а когда несносно, какъ хочешь; я тебѣ, плуту, давно говорилъ: живи постоянно. Встань, скажи, что твоя вина?» И Фролъ Скобѣевъ сталъ отъ ногъ его, и объявилъ ему, что дочь его Аннушка у него и женился на ней. И какъ стольникъ Нардинъ-Нащокинъ услышалъ отъ него о дочери своей, и заплился слезами, и сталъ въ безпамятствѣ. И мало опамятствовался, сталъ ему говорить: «что ты, плутъ, сдѣлалъ? Вѣдаешь ли ты о себѣ, кто ты таковъ? нѣсть тебѣ отпущенія отъ меня вины твоей: тебѣ ли, плуту, владѣть дочерью моею? Пойду ко Царю и стану на тебя просить о твоей плутовской ко мнѣ обидѣ.» И вторительно пришелъ къ нему стольникъ, и сталъ его разговаривать, чтобъ онъ вскорѣ къ государю не возъимѣлъ идти. «Изволишь съѣздить домой и объявить о семъ сожительницѣ своей, и по совѣту общему поступать какъ къ лучшему; того времени не возвратить; а онъ, Скобѣевъ, отъ гнѣву вашего никуда не можетъ скрыться». И стольникъ Нардинъ-Нащокинъ совѣту стольника Ловчикова послушалъ и не пошелъ ко Царю, и сѣлъ въ карету, и поѣхалъ въ домъ свой. А Фролъ Скобѣевъ пошелъ на квартиру свою и сказалъ Аннушкѣ: «ну, Аннушка, что будетъ намъ съ тобою — не вѣдаю: я объявилъ о тебѣ отцу твоему». И стольникъ Нардинъ-Нащокинъ пріѣхалъ въ домъ свой, и пошелъ въ покой, жестоко плачетъ и кричитъ: «жена! что ты вѣдаешь? я нашелъ Аннушку». — А жена его спрашиваетъ: «гдѣ она, батюшка?» И стольникъ Нардинъ-Нащокинъ сказалъ женѣ своей: «вѣдь, плутъ и ябедникъ Фролъ Скобѣевъ женился на ней.» Жена его услышала отъ него рѣчи, и не вѣдаетъ, что говорить, собо-

Digitized by Google

лѣзную о дочери своей. И стали оба горько плакать, а въ сердцахъ своихъ бранить дочь свою, и проклинаютъ и невѣдаютъ, что чинить надъ нею. И пришли въ память и, сожалѣя дочери своей, стали разсуждать: «надобно послать человѣка, гдѣ онъ, плутъ, живетъ, и провѣдать о дочери своей, жива ли она.» И призвали человѣка своего и послали сыскать квартиру Фрола Скобѣева, и приказывали провѣдать про Аннушку, что жива ли она, и имѣетъ ли пропитаніе. И поѣхалъ человѣкъ искать квартиру Фрола Скобѣева, и усмотрѣлъ Фролъ Скобѣевъ, что отъ тестя его пришелъ человѣкъ, и велѣлъ женѣ своей лечь на постелю и притвориться, яко бы жестоко больна. И Аннушка учинила по волѣ мужа своего, и присланный человѣкъ вошелъ въ покой, и отдалъ, какъ по обычаю, поклонъ. И Фролъ Скобѣевъ спросилъ: «что за человѣкъ? и какую нужду имѣешь во мнѣ?» И человѣкъ тотъ сказалъ, что онъ присланъ отъ стольника Пардина-Нащокина провѣдать про Аннушку, здравствуетъ ли она. И Фролъ Скобѣевъ сказалъ тому присланному человѣку: «видишь ты, мой другъ, какое здоровье? Таковъ-то родительскій гнѣвъ: они заочно бранятъ и клянутъ, и отъ того она при смерти лежитъ. Донеси ихъ милости, хотя они заочно словесно благословеніе ей дали.» И человѣкъ тотъ отдалъ имъ поклонъ и пошелъ отъ нихъ. И пришелъ къ господину своему стольнику Пардину-Нащокину, и спросилъ его стольникъ: «что нашелъ ли квартиру, и видѣлъ ли Аннушку? жива ли она, или нѣтъ?» И человѣкъ тотъ объявилъ, что Аннушка жестоко больна, едва будетъ жива, и требуетъ отъ васъ хотя словесно заочно благословеніе. И стольникъ съ женою жестоко о дочери соболѣзновали, разсуждая, что съ воромъ и плутомъ дѣлать, но болѣе сожалѣли о дочери своей Стала жена Пардину говорить: «ну, мой другъ, уже такъ Богъ судилъ; надобно, другъ мой, послать къ нимъ образомъ ихъ и, хотя заочно, благословить; а когда сердце наше умилостивится къ нимъ, то можетъ и сами видѣться съ ними.» И сняли со стѣны образъ, который обложенъ былъ златомъ и драгимъ каменіемъ, и прикладу всего на 500 рублевъ, и послали съ тѣмъ же

Digitized by Google

человѣкомъ, и приказали сказать, чтобъ она сему образу молилась, а плуту и вору Фролкѣ Скобѣеву скажи, чтобъ онъ его не промоталъ. И человѣкъ, принявъ образъ, пошелъ на дворъ Фрола Скобѣева, и усмотрѣлъ Фролъ Скобѣевъ, что пришелъ тотъ же человѣкъ, сказалъ женѣ своей: «встань, Аннушка!» И жена его, Аннушка, сѣла вмѣстѣ съ Фроломъ Скобѣевымъ, и человѣкъ тотъ вошелъ въ покой и отдаетъ образъ Фролу Скобѣеву. И принявъ образъ, поставилъ гдѣ надлежитъ, и сказалъ тому человѣку: «таково-то родительское благословеніе! и какъ заочно намѣрены благословить, и далъ Богъ Аннушкѣ легче; теперь, слава Богу, здрава.» И сказалъ Фролъ Скобѣевъ, такожъ и Аннушка: «благодари батюшку и матушку за ихъ родительскую милость.» И человѣкъ пришелъ къ господину своему и объявилъ ему объ отданіи образа и о здравіи Аннушки и о благодареніи ихъ, и пошелъ въ показанное свое мѣсто. И стольникъ Пардинъ-Нащокинъ сталъ разсуждать съ женою своею, и сожалѣетъ о дочери своей: «какъ, другъ, быть! Конечно, плутъ заморитъ Аннушку: чѣмъ ему, вору, ее кормить? и самъ, какъ собака, голодень; надобно, другъ мой, послать какого есть запасу на шести лошадяхъ.» И послали тотъ запасъ, и при томъ запасѣ реестръ. И Фролъ Скобѣевъ, не смотря по реестру, приказалъ положить запасъ въ показанное мѣсто, и приказалъ тѣмъ людямъ за оказанныя родительскія милости благодарить. Уже Фролъ Скобѣевъ живетъ и ѣздитъ роскошно вездѣ по знатнымъ персонамъ; и весьма Скобѣевъ удивлялся, что онъ сдѣлалъ такую причину смѣло.

И уже чрезъ долгое время родители обратились сердцемъ и соболѣзновали душою о дочери своей, такожъ и о Фролѣ Скобѣевѣ, и приказали послать человѣка къ нимъ просить ихъ, чтобъ Фролъ Скобѣевъ и съ женою, и ихъ дочерью пріѣхали къ стольнику Пардину-Нащокину хлѣба кушать. И пришелъ присланный человѣкъ и сталъ просить Фрола Скобѣева, чтобъ онъ изволилъ пріѣхать сей день хлѣба-соли кушать. И Фролъ Скобѣевъ сказалъ человѣку: «донеси батюшкѣ:

Digitized by Google

готовъ быть сей день къ ихъ милости.» И Фролъ Скобѣевъ убрался съ женою своею Аннушкою, и поѣхалъ въ домъ тестя своего стольника Нардина-Нащокина. И какъ пріѣхалъ въ домъ его и пошелъ въ покой, и жена его Аннушка пришла ко отцу своему, и пала предъ ноги родителей своихъ. И смотрѣлъ Нардинъ-Нащокинъ на дочь свою, и сталъ ее бранить и наказывать гнѣвомъ своимъ родительскимъ, и смотря на нее, жестоко плакали, что она такъ учинила безъ воли родительской; однакожъ, оставя весь свой гнѣвъ родительской, отпустили ей вину, и приказали сѣсть съ собою, а Фролу Скобѣеву сказалъ Нардинъ: «а ты, плутъ, что стоишь? садись тутъ же, тебѣ ли, плуту, моею дочерью владѣть?» И Фролъ Скобѣевъ сказалъ: «ну, государь батюшка, уже тому такъ Богъ судилъ.» И сѣли всѣ вмѣстѣ кушать. И стольникъ Нардинъ-Нащокинъ приказалъ людемъ своимъ, чтобъ никого въ домъ постороннихъ не пускать; ежели кто пріѣдетъ и станетъ спрашивать, что дома ль стольникъ Нардинъ-Нащокинъ, сказывайте, что время такого нѣтъ, чтобъ видѣть стольника, для того что съ зятемъ своимъ, съ воромъ и плутомъ Фролкою, кушаетъ. И по окончаніи стола, Стольникъ Нардинъ-Нащокинъ спрашиваетъ: «ну, плутъ, чѣмъ ты станешь жить?» И Фролъ Скобѣевъ объявилъ: чѣмъ мнѣ жить, изволишь ты вѣдать обо мнѣ? болѣе нечѣмъ, что ходить за ябедою?» — «Имѣется вотчина моя въ Симбирскомъ уѣздѣ, которая по переписи состоитъ въ трехъ стахъ дворехъ, справь, плутъ, за себя, и живи постоянно съ женою своею Аннушкою.» И Фролъ Скобѣевъ принесъ предъ нимъ благодареніе. «Плутъ, не кланяйся; поди самъ справь за себя». И посидѣвъ немного время, поѣхалъ Фролъ Скобѣевъ съ женою своею на квартиру. И стольникъ Нардинъ-Нащокинъ приказалъ его воротить, и сталъ ему говорить: «чѣмъ ты справишь? если у тебя деньги?» — «Извѣстно, государь батюшка, какія у меня деньги». И приказалъ дать ему денегъ 300 рублевъ. Скобѣевъ взялъ деньги и поѣхалъ на квартиру, и современемъ справилъ тое вотчину за себя. И пожилъ стольникъ Нардинъ-Нащокинъ не многое время, и учинилъ при жизни своей во всемъ своемъ движимомъ и не

движимомъ имѣніи Фрола Скобѣева наслѣдникомъ, и сталъ жить Фролъ Скобѣевъ въ великомъ богатствѣ, а стольникъ Нардинъ-Нащокинъ умре и съ женою своею, а Фролъ Скобѣевъ остался со своею Аннушкою, и сталъ въ великомъ знатіи, а сестру свою съ великимъ награжденіемъ выдалъ за нѣкотораго стольничаго сына замужъ, и тѣмъ сія исторія кончилась.

Digitized by Google

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ДЛЯ БІОГРАФІИ ЛОМОНОСОВА (*).

Авторъ «Опыта о русской литературѣ», брошюры, изданной въ Ливорно и перепечатанной г. Полторацкимъ въ Revue Etrangère, говоритъ въ своихъ замѣткахъ о Ломоносовѣ: «Тѣ, которые хотѣли бы получить болѣе точное понятіе объ этомъ великомъ человѣкѣ, могутъ обратиться къ сочиненію, написанному на французскомъ языкѣ, графомъ Андреемъ Шуваловымъ: оно содержитъ въ себѣ жизнь Ломоносова, похвальную оду ему, два перевода его *Размышленій о Божіемъ величествѣ* и письмо Вольтеру съ отвѣтомъ. Сколько цѣнимъ мы произведенія графа Шувалова, столько и сожалѣемъ, что онъ очень жестко обошелся съ Сумароковымъ, написавши на него горькую и оскорбительную сатиру, которая обнаруживаетъ болѣе личную ненависть, нежели любовь къ истинѣ. Шуваловъ упрекаетъ его въ томъ, что онъ только копировалъ ошибки Расина. Этого довольно, чтобы вооружить на графа Шувалова знатоковъ, которые судятъ о Расинѣ на основаніи правилъ искусства и отдаютъ должную справедливость достоинствамъ Сумарокова. Одна *Семира*, трагедія Сумарокова, переведенная на иностранные языки, даетъ знающимъ иностранцамъ возможность судить о его достоинствахъ. Шуваловъ могъ замѣтить, что нѣкоторыя мѣста ея были просто подражанія,

(*) Предлагаемая статья состоитъ изъ документовъ, отысканныхъ нами въ бумагахъ Штелина, и изъ перевода похвальнаго слова Ломоносову, написаннаго Штелинымъ и переданнаго намъ М. П. Погодинымъ.

Digitized by Google

но заслуживаетъ ли это тѣхъ колкостей, которыя онъ наговорилъ Сумарокову при этомъ случаѣ, особенно если подражаніе было удачно? (*) Сочиненіе гр. Шувалова, о которомъ упоминаетъ авторъ «*Опыта*», очень рѣдко; какія свѣдѣнія передаетъ упомянутая біографія Ломоносова, извѣстно не многимъ (**). Но похвальная ода Шувалова Ломоносову найдена въ бумагахъ Штелина. Вотъ она:

«Qu'entends-je! Quels accens! Quelle afreuse nouvelle!
Des filles de l'Enfer la troupe criminelle
D'un chantre harmonieux termine les beaux jours.
On n'entend plus sa lyre,
C'en est fait, il expire,
On le perd pour toujours.

* * *

Des confins du Sarmates aux climats de l'Aurore,
On renait chaque jour l'Astre, que l'un adore,
Des rochers du Caucase aux limites du Nord.
Tout est plein de sa gloire
Tout chérit sa mémoire
Et tout pleure sa mort.

* * *

Dans nos déserts glacés, dans nos antres humides,
Privé de tout sécours, sans modèle et sans guides,
Il osa le premier cultiver les beaux arts,
Et du fond de la Grèce
Fit couler le Permesse
En nos heureux remparts.

* * *

(*) Essai sur la littérature Russe etc. стр. 5—6, и статью о ней въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, 1851 года, N 150.

(**) Прозаическій переводъ оды Ломоносова «*О Божіемъ Величествѣ*» перепечатанъ въ «Утренней Зарѣ», 1800 года. Замѣтимъ кстати, что нѣкто Мьеръ напечаталъ во французскомъ «Календарѣ Музъ» (1776) Méditation du matin sur la grandeur de Dieu. Это ничто иное, какъ подражаніе переложенію Шувалова извѣстной оды Ломоносова, который впрочемъ не былъ упомянутъ Мьеромъ. Лагарпъ разоблачилъ это заимствованіе въ письмѣ къ Лакомбу. См. «Утренняя Заря», Труды Воспитанниковъ Унив. Благородн. Пансіона, кн. I, 1800, стр. 73.

Digitized by Google

Toujours réunissant par le don le plus rare :
Les palmes d'Archimede aux lauriers de Pindare
La plume de Tacite aux fleurs de Cicéron,
Sa voix avec courage
Dans un pays sauvage
Enseigne la raison.

* * *

Déjà l'on se flattait que le ciel moins terrible,
Desarmeroit pour nous sa colere inflexible,
Qu' Apollon et sa Cour regneraient sur nos bords,
Tandis que dans Athène
L'ignorance incertaine
Remplace leurs accords.

* * *

La paisible Néva, fière de son prodige,
Perdait le souvenir d'un destin qui l'afflige,
Avec plus d'appareil elle roulait ses flôts,
Et quittant sa demeure
Jusqu'à la dernière heure,
Anime son héros.

* * *

Mais hélas! un instant détruit notre Espérance :
Ce flambeau, qui brillait dans notre Empire immense,
Du moins guidait nos pas au pied de l'Hélicon,
Il s'éteint! la nuit sombre
Tout à coup de son ombre
Obscurcit l'Hélicon.

* * *

Tel est donc le Destin de toute âme hardie
Qui s'ouvre avec éclat les routes du génie,
Eclaire un peuple entier, et devient son appui,
Dès que l'homme succombe,
Il traine dans la tombe
Les beaux arts après lui.

* * *

Je vois les tendres soeurs et les Graces plaintives,
En longs habits de deuil abandonner nos rives,
Apollon s'exiler et les arts éperdus

Digitized by Google

но заслуживаетъ ли это тѣхъ колкостей, которыя онъ наговорилъ Сумарокову при этомъ случаѣ, особенно если подражаніе было удачно? (*) Сочиненіе гр. Шувалова, о которомъ упоминаетъ авторъ «*Опыта*», очень рѣдко; какія свѣдѣнія передаетъ упомянутая біографія Ломоносова, извѣстно не многимъ (**). Но похвальная ода Шувалова Ломоносову найдена въ бумагахъ Штелина. Вотъ она:

«Qu'entends-je! Quels accens! Quelle afreuse nouvelle!
Des filles de l'Enfer la troupe criminelle
D'un chantre harmonieux termine les beaux jours.
On n'entend plus sa lyre,
C'en est fait, il expire,
On le perd pour toujours.

* * *

Des confins du Sarmates aux climats de l'Aurore,
Ou renait chaque jour l'Astre, que l'un adore,
Des rochers du Caucase aux limites du Nord.
Tout est plein de sa gloire
Tout chérit sa mémoire
Et tout pleure sa mort.

* * *

Dans nos déserts glacés, dans nos antres humides,
Privé de tout sécours, sans modèle et sans guides,
Il osa le premier cultiver lés beaux arts,
Et du fond de la Grèce
Fit couler le Permesse
En nos heureux remparts.

* * *

(*) Essai sur la littérature Russe etc. стр. 5—6, и статью о ней въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, 1851 года, N 150.

(**) Прозаическій переводъ оды Ломоносова «*О Божіемъ Величествѣ*» перепечатанъ въ «Утренней Зарѣ», 1800 года. Замѣтимъ кстати, что нѣкто Мьеръ напечаталъ во французскомъ «Календарѣ Музъ» (1776) Méditation du matin sur la grandeur de Dieu. Это ничто иное, какъ подражаніе переложенію Шувалова извѣстной оды Ломоносова, который впрочемъ не былъ упомянутъ Мьеромъ. Лагарпъ разоблачилъ это заимствованіе въ письмѣ къ Лакомбу. См. «Утренняя Заря», Труды Воспитанниковъ Унив. Благородн. Пансіона, кн. I, 1800, стр. 73.

Digitized by Google

Toujours réunissant par le don le plus rare :
Les palmes d'Archimede aux lauriers de Pindare
La plume de Tacite aux fleurs de Cicéron,
Sa voix avec courage
Dans un pays sauvage
Enseigne la raison.

* * *

Déjà l'on se flattait que le ciel moins terrible,
Desarmeroit pour nous sa colere inflexible,
Qu' Apollon et sa Cour regneraient sur nos bords,
Tandis que dans Athène
L'ignorance incertaine
Remplace leurs accords.

* * *

La paisible Néva, fière de son prodige,
Perdait le souvenir d'un destin qui l'afflige,
Avec plus d'appareil elle roulait ses flôts,
Et quittant sa demeure
Jusqu'à la dernière heure,
Anime son héros.

* * *

Mais hélas! un instant détruit notre Espérance :
Ce flambeau, qui brillait dans notre Empire immense,
Du moins guidait nos pas au pied de l'Hélicon,
Il s'éteint! la nuit sombre
Tout à coup de son ombre
Obscurcit l'Hélicon.

* * *

Tel est donc le Destin de toute âme hardie
Qui s'ouvre avec éclat les routes du génie,
Eclaire un peuple entier, et devient son appui,
Dès que l'homme succombe,
Il traine dans la tombe
Les beaux arts après lui.

* * *

Je vois les tendres soeurs et les Graces plaintives,
En longs habits de deuil abandonner nos rives,
Apollon s'exiler et les arts éperdus

Digitized by Google

Gemissant dans nos glaces
Fixer encore les traces
D'un pere, qui n'est plus.

* * *

Hé! qui pourra jamais égaler son génie?
En vain de vils rivaux, enflammés par l'envie,
Outragent ses talens, lui cherchant des défauts;
Leur étude avilie
Les couvre d'infamie,
Et redouble nos maux.

* * *

L'un Copiste (*) insensé des défauts de Racine
De l'Homère du Nord hait la Muse divine;
D'autres (**) versent le fiel sur son nom et ses mœurs
Insectes méprisables,
De leurs trames coupables
On connait les horreurs.

* * *

Fuyez monstres ingrats, cœurs abbreuvés de haine,
Les crimes sont vos jeux, l'Enfer est Votre Aréne,
Jamais le Dieu des vers n'inspirera vos chants,
Des gouffres du Tartare
Une troupe barbare,
Applaudit vos accens.

* * *

Du sommet de l'Olympe, en contemplant leur rage,
Protecteur de nos bords, tu ris de cet outrage;
Qu'importe qu'on insulte a tes dons glorieux!
Tandis qué Polymnie,
Te verse l'Ambroisie
A la table des Dieux.» (***)

(*) Mr Soumarokoff auteur de quelques tragedies, où l'on remarque une imitation servile de Racine, et la manie de copier ce grand homme jusques dans les faiblesses, qu'on lui reproche. Ce Mr Soumarokoff a detesté de tout tems le poëte qu'on celebre, uniquement à cause de ses talens supérieurs.

(**) On me permetra de ne les point nommer.

(***) Правописаніе соблюдено подлинника.

Digitized by Google

На послѣдней страницѣ рукою Штелина написано: «Mr. Soumarokoff enragé des affronts, que l'auteur de cette ode lui a fait, s'est vengé par un épigramme composé sur Mr. le comte Schouvaloff, dans lequel il le peint en fou, indigne d'une réponse et son ode d'un galimatias plein de contradictions, d'ignorance, d'excès et de sottises». Изъ примѣчанія Шувалова видно, что онъ не унижалъ Расина, какъ говоритъ русскій путешественникъ; жесткость же выраженій, направленныхъ противъ Сумарокова, объясняется временемъ сочиненія оды: возгласы слѣпой зависти и ненависти никогда не бываютъ такъ досадны, какъ въ то время, когда смерть налагаетъ печать молчанія на уста того, противъ котораго устремлены неистовыя нападки ослѣпленныхъ.

Отъ похвальной оды Ломоносову мы должны перейдти къ сатирѣ на него, которая попалась намъ между бумагами Штелина. Она имѣетъ форму пѣсни; авторъ ея неизвѣстенъ; переписана рукою Штелина. Начинается она такимъ образомъ:

«Es war einst einer aus Kolmgorod
Wo alle grosse Rossen herkommen;
Der war als Bauer jung ums Brodt
Im Kloster aufgenommen,
Und da studirt' er was Latein
Noch starker aber im Brantewein
Tiral, tiral, tiral, tiral
Das ist ihm wol bekommen.»

Продолженіе въ томъ же духѣ. Не намѣрены оправдывать порока Ломоносова, подобно автору «Чтеній о Русскомъ Языкѣ», или объяснять ее подобно К. А. Полевому. Оставимъ лучше фактъ такъ, какъ онъ есть, оставимъ и злую, хотя не замысловатую сатиру, которая извращаетъ и представляетъ въ ложномъ свѣтѣ всѣ лучшія стороны жизни Ломоносова, и которая любопытна только какъ обнаруженіе ненависти къ нему нѣмецкой партіи. Не станемъ доискиваться, кто скропалъ эту сатиру, и какъ попала она въ бумаги Штелина, человѣка преданнаго Ломоносову; лучше просмотримъ неослѣпленными глазами

Digitized by Google

жизнь Ломоносова, какъ представляетъ ее конспектъ похвальнаго слова ему, набросанный Штелинымъ. Этотъ планъ неоконченнаго труда Штелина, писанный на латинскомъ языкѣ (съ прибавленіями на нѣмецкомъ), расположенъ по «правиламъ риторическимъ и имѣетъ отрывочную форму.» Мы не рѣшаемся измѣнить ни слова и сохраняемъ ее въ нашемъ переводѣ.

«Exordium (*приступъ*). Со времени основанія академій вошло въ обычай прочитывать покойнымъ членамъ панегирики. Польза этого обыкновенія въ исторіи литературы для поощренія другихъ.

Причина пренебреженія его въ нашей академіи.

Отдаленная (causa remotior) не недостатокъ славныхъ мужей, но невѣжество секретарей.

Ближайшая. Впредь не должно пренебрегать имъ. Возстановлю обыкновеніе и намѣренъ и долженъ произнести, если не панегирикъ, то просмотрѣть краткую біографію знаменитаго человѣка, оказавшаго великія заслуги отечеству, наукамъ и искусствамъ, человѣка, можно сказать, необыкновеннаго.

Родился въ 1711 г. въ Куростровской волости, островѣ Двины, близъ Холмогоръ. Отецъ рыбакъ. Съ дѣтства, сопутствуя отцу въ трудахъ, до 18-го года занимался рыболовствомъ и ознакомился съ берегами Бѣлаго моря и Сѣвернаго океана.

На сѣверъ проникалъ до Колы и далѣе. Доходилъ до 70-го градуса широты. Ребенкомъ дѣлалъ наблюденія, изучалъ природу, собиралъ рѣдкости, зимою учился читать у священника того мѣста (*); читалъ только Священное Писаніе; привыкалъ къ слогу. Желалъ читать болѣе, и узналъ, что то писано на латинскомъ языкѣ. Побужденный желаніемъ выучиться [латинскому языку,

(**) Въ примѣчанія вносимъ замѣтки Штелина, приписанныя къ конспекту, какъ видно, впослѣдствіи, въ видѣ поправокъ и пополненій. «Читать и писать учится у діакона, ариѳметикѣ самоучкою.

Digitized by Google

задумалъ бѣжать (*) и прибылъ въ Москву (въ 1728 году, 17 лѣтъ). Принятый въ Спасскій монастырь, съ ревностью набирался свѣденій (**). Обогащенный познаніями, училъ дѣтей священника. Предался изученію латинскихъ и греческихъ авторовъ и рукописей, писанныхъ на русскомъ языкѣ. Въ 1733-мъ году отправился въ Кіевъ, но не нашелъ тамъ лекцій физики и философіи, которыхъ добивался. Возвратился въ Москву и съ жаромъ предался наукѣ. Въ тоже самое время петербургская академія письменно просила у епископа юношей изъ семинаріи для слушанія профессорскихъ лекцій. Посланный въ Петербургъ, въ академію, (1734), посвящаетъ себя изученію металлургіи, физики и математики. Въ 1736-мъ его посылаютъ въ Марбургъ къ Вольфу; изучаетъ нѣмецкую литературу, читаетъ поэтовъ (особенно Гюнтера); подражаетъ соотечественникамъ; первый даетъ стихамъ размѣръ; посылаетъ оду свою къ президенту академіи; свидѣтельство Вольфа о его способностяхъ (***). Отправляется въ Фрейбургъ къ Генкелю, посвящаетъ себя литейному и рудному дѣлу, изслѣдуетъ минералы; занятія химіей (прилагаетъ въ химіи физическія и математическія начала). Возвратившись, женится въ Марбургѣ; продолжаетъ занятія. Отправляется въ Бельгію (****); на возвратномъ пути его хватаютъ прусскіе солдаты, по неволѣ записываютъ въ число рей-

---

(*) На дорогѣ колеблется, куда отправиться ему, въ Москву или въ Петербургъ.

(**) Въ Спасскомъ монастырѣ при удивительномъ прилежаніи въ одинъ годъ прошелъ три класса.

(***) Отзывъ Вольфа и нѣкоторыхъ другихъ иностранцевъ о Ломоносовѣ можно найдти въ изданіи сочиненій Ломоносова, напечатанномъ въ 1803 году въ С. Петербургѣ, въ трехъ томахъ (этого изданія не надобно смѣшивать съ академическимъ изданіемъ сочиненій Ломоносова, напеч. въ томъ же году) *Н. Т.*

(****) «Когда онъ во второй разъ возвращался изъ Бельгіи, его записываютъ въ солдаты. Черезъ полгода возвращается въ Марбургъ, въ одеждѣ рудокопа». Не лишена значенія и хронологическая таблица, тутъ же приписанная:

Въ Москвѣ пробылъ 6 лѣтъ.
Въ шестой годъ былъ въ Кіевѣ.
23 лѣтъ (въ 1734) прибылъ въ Петерб. академію.
Въ Марбургѣ женился въ 1736 году (25 лѣтъ).
За границею 7 лѣтъ.
Возвратился въ отечество въ 1741 году (30 лѣтъ).

Digitized by Google

таровъ и силою уводятъ въ Везель. Убѣгаетъ и пробирается не безъ опасностей въ Бельгію. Въ Гагѣ ему помогаетъ графъ Головкинъ. Садится на корабль и отправляется въ Петербургъ; дорогою видитъ во снѣ отца. Освѣдомившись объ немъ въ Петербургѣ, слышитъ, что онъ погибъ; задумываетъ ѣхать на родину, чтобы искать отца на островахъ; получаетъ извѣстіе, что отецъ найденъ на островѣ, оплакиваетъ его кончину. Сдѣланный адъюнктомъ академіи, выказываетъ отличныя способности. Въ 1746 году его опредѣляютъ профессоромъ химіи; строитъ лабораторію и прилежно занимается опытами. Получивъ въ даръ Каровалдайскій участокъ, учреждаетъ стеклянный заводъ. Обнаруживаетъ способности свои новыми изобрѣтеніями: мозаика, прежде неизвѣстная (поводъ данъ былъ Воронцовымъ). По предложенію сената берется за великое дѣло. Великія творенія его въ области поэзіи, краснорѣчія, грамматики, отечественной исторіи, физики, математики и астрономіи. Прославленный сочиненіями своими, онъ избирается членомъ Шведской и Болонской академій. Его замѣчаетъ Императрица Елисавета, удостоиваетъ благосклонности и осыпаетъ благодѣяніями; его назначаютъ совѣтникомъ; покровительство первыхъ при дворѣ особъ. Непримиримая вражда съ невѣждою поэтомъ Сумароковымъ. Побуждаетъ къ открытію сѣверныхъ странъ, сообщаетъ свои наблюденія. Императрица Екатерина, благосклонностью и желаніемъ распространить образованіе въ государствѣ подобная Елисаветѣ, обращаетъ вниманіе на его опытность и приказываетъ ему изложить свои мысли на письмѣ. Его Петріады явилась только первая книга. Обѣщанія Шувалова. Пылаетъ любовію къ отечеству и желаніемъ распространить въ немъ просвѣщеніе. Управляетъ академическою гимназіею. Скончался на Святой недѣлѣ 1765 года. Смерть встрѣтилъ съ духомъ истиннаго философа; сказалъ: жалѣю только, что покидаю недовершеннымъ то, что задумалъ я для пользы отечества, для приращенія наукъ и возстановленія упавшихъ дѣлъ академическихъ: оно умретъ со мною. Похвалы ему заключу въ одинъ короткій стихъ:

Principibus placuisse viris non ultima laus est (*).

(* Стихъ Горація.

Digitized by Google

Всѣ его записки пріобрѣлъ графъ Григорій Орловъ.

Графъ Воронцовъ на свой счетъ велѣлъ поставить на могилѣ его памятникъ изъ каррарскаго мрамора, и просилъ Штелина написать эпитафію.

Характеръ Ломоносова:

Физическій. Отличался крѣпостью и почти атлетическою силою; напр. трехъ напавшихъ на него матросовъ одолѣлъ и снялъ съ нихъ платье.

Образъ жизни общій плебеямъ.

Умственный. Исполненъ страсти къ наукѣ; стремленіе къ открытіямъ.

Нравственный. Мужиковатъ; съ низшими и въ семействѣ суровъ; желалъ возвыситься, равныхъ презиралъ. Религіозные предразсудки его. Сатиры на духовныхъ. Гимнъ бородѣ. Преслѣдуетъ бѣднаго Тредьяковскаго единственно за его дурной русскій слогъ».

Этимъ оканчивается конспектъ похвальнаго слова Ломоносову, переданный нами съ возможною точностью.

Заключимъ указаніемъ ненамѣреннаго литературнаго подлога. *Стихи Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, на фейерверкъ, представленный 1-го генваря 1755 года*, напечатанные подъ именемъ Ломоносова въ полномъ собраніи его сочиненій (изд. Смирдина, I, стр. 273), принадлежатъ не Ломоносову. Въ изданіяхъ сочиненій Ломоносова, при жизни его напечатанныхъ, этой оды нѣтъ. Въ первый разъ она явилась съ именемъ его, кажется, въ академическомъ изданіи 1783 года; куда перешла изъ первой книжки «Ежемѣсячныхъ Сочиненій» 1755 года; но тамъ она напечатана безъ имени Ломоносова. Оказывается, что эти стихи были написаны Штелинымъ на нѣмецкомъ языкѣ, а на русскій переведены профессоромъ Поповскимъ. Въ бумагахъ Штелина нашелся и нѣмецкій ихъ подлинникъ и переводъ Поповскаго, слывшій за оригинальную оду Ломоносова. Для сравненія съ стихами, напечатанными въ первомъ томѣ сочиненій Ломоносова, предлагаемъ въ нѣмецкомъ подлинникѣ первую строфу оды:

Digitized by Google

Wo ist ein Volk, ein Land, ein Kayserthum, ein Reich
O grösste Kayserin! wohl Deinem Reiche gleich
Dass sich von West soweit nach Süd und Nord-Ost strecket
Und die Bewunderung des Rests der Welt erwecket!
Welch mächtiger Monarch, welch grosses Reich erscheint?
Das soviel Völker hegt, die, unter Dir vereint,
Sich an Geschicht' und Sprach und Sitten kaum erkennen,
Und alle Dich allein, Dich ihre Mutter nennen,

Припомнимъ, что нѣкоторые (*) этой одою думали доказать поэтическое родство Ломоносова съ Пушкинымъ, и пожалѣемъ, что свѣденія наши о знаменитыхъ русскихъ писателяхъ такъ скудны, а потому и сужденія о нихъ такъ шатки. Вотъ новое доказательство, какъ нужна осторожность въ изданіи сочиненій нашихъ писателей. Въ подобную же ошибку впалъ и Новиковъ, который, увидавши подъ напечатаннымъ въ тѣхъ же «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» «*Разговоромъ Александра съ Ерострамомъ*» буквы *А. С.*, внесъ его въ изданіе сочиненій А. Сумарокова, тогда какъ разговоръ писанъ былъ не имъ, а Суворовымъ.

Н. ТИХОНРАВОВЪ.

Августъ, 1852 г.

(*) См. Столѣтіе Русской Словесности, г. Мизко.

Digitized by Google

ЗАПИСКИ СОВРЕМЕННИКА (*).

ДНЕВНИКЪ СТУДЕНТА

съ 1805 по 1807 годъ.

ЧАСТЬ I.

Если намъ такъ пріятно встрѣчать давно знакомыхъ людей, то еще пріятнѣе встрѣтиться съ самимъ собою въ прежней мысли, въ прежнемъ чувствѣ, или въ прежнемъ произшествіи.

Дневникъ, 13 мая 1805 г.

2 января, понедѣльникъ. Не безпокойся, любезный братъ! Я не перестану быть твоимъ неизмѣннымъ Гримомъ. Писать къ тебѣ обратилось мнѣ въ привычку. Благодарю за присылку денегъ; теперь вѣроятно не одна сотня рублей запечатывается въ пакетъ для подарка новому студенту: званіе мое не бездѣлица, и порадуетъ моихъ домашнихъ; ожидаю непремѣнно *экстра-*

(*) «Записки Современника» остались послѣ покойнаго князя Степана Степановича Борятинскаго. Онѣ писаны близкимъ его родственникомъ, съ которымъ, не смотря на разность въ лѣтахъ и на обстоятельства, ихъ разлучавшія, онъ соединенъ былъ, сверхъ узъ родства, искреннею и безусловною дружбою, до самой своей кончины.

Князь Борятинскій еще при жизни своей успѣлъ пересмотрѣть всѣ эти «Записки», и сдѣлать имъ строгій разборъ: изъ однихъ многое, по

Digitized by Google

ординарной благостыни. Правду сказать, еслибъ кто шесть мѣсяцевъ тому назадъ вздумалъ предрекать мнѣ, что въ нынѣшній новый годъ я поѣду поздравлять родныхъ и знакомыхъ моихъ въ синемъ мундирѣ съ малиновымъ воротникомъ и при шпагѣ, я бы принялъ это за обидную насмѣшку. Однако же это сбылось. Конечно прилежанія, трудовъ и хлопотъ было не мало, но что̀ значило бы все это безъ помощи и содѣйствія добраго моего Петра Ивановича (*)? Онъ объ успѣхахъ моихъ заботился болѣе меня самого; математика мнѣ не очень далась; но на нее не обратили вниманія, и Алексѣй Ѳедоровичъ (**), дай Богъ ему здоровья, сильно поддержалъ меня.

Вчера ѣздилъ съ поздравленіемъ къ графу Ивану Андреевичу(***), Ивану Петровичу Архарову, къ теткѣ Вишневской, къ брату Ива-

---

разнымъ отношеніямъ и уваженіямъ, исключилъ, другія совсѣмъ уничтожилъ; остальныя приведены имъ въ періодическій порядокъ двухъ дневниковъ: а) Студента, съ 1805 по 1807 годъ, и б) Чиновника, съ 1807 по 1819 годъ, къ которымъ объясненія и замѣчанія сдѣланы самимъ княземъ.

Эти дневники, кромѣ собственныхъ приключеній писавшаго, заключаютъ въ себѣ живую панораму большей части тогдашнихъ современныхъ лицъ и произшествій. Не мое дѣло судить о степени теперешней ихъ занимательности: ибо самое занимательное въ нихъ уничтожено; но мнѣ кажется, что и въ настоящемъ видѣ онѣ не лишены интереса, который по мѣрѣ продолженія «Записокъ» возрастаетъ, точно также, какъ возрастаетъ неопытный, откровенный и словоохотливый студентъ въ наблюдательнаго и дѣятельнаго чиновника, познакомившагося короче съ жизнію и ея превратностями.

Москва.
15 іюня 1849 года.

(*) Магистръ Богдановъ.

(**) Мерзляковъ, адъюнктъ-профессоръ.

(***) Остерманъ, госуд. канцлеръ.

Digitized by Google

ну Петровичу (*), къ Аксеновымъ и къ Кудрявцовымъ; разумѣется, заѣзжалъ и къ Лобковымъ: какъ хорошѣетъ Арина Петровна! Нельзя довольно налюбоваться ею; что за глаза! И эту красавицу, къ общей досадѣ нашей, мать зоветъ *Орюшкою!* Звали вечеромъ танцовать; танцами распоряжать будетъ Іогель. Танцы не по моей части, но какъ не полюбоваться олицетворенною Терпсихорою?

Графъ Иванъ Андреевичъ добивался, сколько мнѣ лѣтъ, и куда я намѣренъ опредѣлиться въ службу. Не хотѣлъ вѣрить, что мнѣ только 16 лѣтъ. Не совѣтовалъ служить въ архивѣ, но ѣхать прямо въ Петербургъ и опредѣлиться въ коллегію, сперва на чорную работу. Обѣщалъ дать къ кому-то письмо. Обласкалъ, однако же не посадилъ. Старикъ чѣмъ-нибудь огорченъ, или угрюмъ по природѣ. За то какъ обнималъ меня Иванъ Петровичъ Архаровъ! Созвалъ все семейство смотрѣть на мой мундиръ, и чего, чего не наговорилъ: называлъ милымъ, умницею, роднымъ и проч. Заставлялъ насильно завтракать, приглашалъ обѣдать, хотѣлъ пить шампанское за мое здоровье, словомъ, я не зналъ куда дѣваться отъ его нѣжностей. Говорятъ, что онъ со всѣми таковъ, и чѣмъ малозначительнѣе человѣкъ, тѣмъ больше старается обласкать его. Это мнѣ растолковала тетка, которая, Богъ знаетъ почему, называетъ эту привѣтливость *кувырканьемъ*, иначе я могъ бы возмечтать о себѣ и Богъ знаетъ что! Между тѣмъ я сегодня попалъ туда, куда бы и ѣздить не слѣдовало: Кудрявцовъ, въ великой заботѣ о моихъ знакомствахъ, возилъ меня къ графу Михаилу Ѳедотовичу Каменскому, Богъ вѣсть зачѣмъ! развѣ только для того, чтобы похвастаться своими связями, и что онъ нѣкогда въ корпусѣ преподавалъ графу нѣмецкой языкъ. Графъ безспорно знаменитый полководецъ и не даромъ фельдмаршалъ, но могъ бы и не уничтожать меня своимъ пріемомъ: «*Въ какой это ты, братецъ, мундиръ нарядился? Въ полку бы тебѣ не мѣшало послужить солдатомъ. Скорѣе бы повытерли*». И только. Не посадилъ: простоялъ больше часу, покамѣсть старики вдоволь не наговорились о прежнемъ

(*) Поливановъ, впослѣдствіи сенаторъ.

Digitized by Google

житьё-бытьё: видишь, въ ихъ время будто бы все было лучше. Не мудрено: въ ихъ время у нихъ зрѣніе было острѣе, слухъ былъ тонѣе и желудокъ исправнѣе.

Таскался по профессорамъ: *я началъ съ Стрѣхова и кончилъ Снѣгиревымъ*. Добрые, благонамѣренные, почтенные люди! Все время жизни своей посвящаютъ другимъ, въ безпрерывныхъ трудахъ, а съ нашей стороны признательности не много. Вотъ напр. хоть бы взять Никифора Евтроповича (*). До сихъ поръ, какъ только появится на каѳедрѣ, такъ тотчасъ наши шалуны и давай повторять третьегоднишную его фразу: «*Оное Гарнерево воздухоплаваніе не столь общеполезно, сколько оное Финновъ Петра Великаго о лаптяхъ ученіе есть*». Разумѣется, конструкція фразы смѣшна, да за то въ ней есть глубокій смыслъ.

Обнимался съ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ и Буринскимъ, который написалъ превосходные стихи. Сказывали, что С. Смирновъ переводитъ «Cabale und Liebe», которую разыгрывать будутъ на пансіонскомъ театрѣ. Хотятъ мнѣ назначить роль Вурма, потому что я смуглъ и тощъ, а главное, потому, что ее никто не беретъ. Благодаренъ; будетъ съ меня и Франца Моора, котораго отхлесталъ я къ полному неудовольствію переводчика (**).

3 января, вторникъ. Обѣдалъ у князя Михаила Александровича Долгорукаго, и время провелъ чрезвычайно пріятно. Князь по прежнему такой же любитель театра и покровитель русскихъ актеровъ. Я встрѣтилъ у него Плавильщикова, Померанцева, Украсова и Злова. Сила Николаевичъ Сандуновъ пересталъ къ нему ѣздить, и объ немъ не жалѣютъ. Бойкій талантъ, ума палата, языкъ—бритва,—не неуживчивъ. За обѣдомъ много разсуждали о театрѣ и театральномъ искусствѣ. Ораторствовалъ Плавильщиковъ. Въ качествѣ дѣйствительнаго студента позволилъ я себѣ нѣкоторыя возраженія, что̀ нашему Росціусу, кажется, было не по нраву, особенно когда я упомянулъ о петербургскихъ актерахъ Шушеринѣ и Яковлевѣ. «*Шушеринъ еще и такъ и*

(*) Профессоръ Чересповъ.

(**) Пик. Пик. Сандуновъ.

Digitized by Google

сякъ, сказалъ онъ, *но Яковлевъ неучъ*». Я не видалъ ихъ, слѣдовательно защищать не могъ. Плавильщиковъ написалъ новую комедію: «*Братья Своеладовы*», которая представлена будетъ въ его бенефисъ. Зловъ сказывалъ, что въ половинѣ мѣсяца пойдетъ и моя опера «*Любовныя шутки*», которую переводилъ я по заказу Соломони. Эта глупая страсть къ театру отнимаетъ у меня пропасть времени. Съ завтрашняго числа запрусь дня на три дома, чтобы выиграть прошатанное время.

6 января, пятница. Большой балъ у Высоцкихъ. Кузины наши показывали мнѣ свои наряды: кружева, кружева и кружева. Есть въ четверть аршина шириною. Много денегъ оставлено въ магазинѣ мадамъ Оберъ-Шалме: достаточно было бы на годовое продовольствіе иному семейству. Не даромъ старики эту Оберъ-Шалме переименовали въ Оберъ-Шельму. Мы съ Петромъ Ивановичемъ ѣздили взглянуть на освѣщенныя окна дома Высоцкаго. Вся Басманная до Мясницкихъ воротъ запружена экипажами: цуги, цуги и цуги. Кучерамъ раздавали по калачу и разносили по стакану пѣнника. Это по-барски. Музыка слышна издалече: экосезъ и а-ла-грекъ такъ и заставляютъ подпрыгивать.

8 января, воскресенье. Былъ на пирушкѣ у Гаврилы Ивановича Мягкова (*). Домикъ на Мясницкомъ валу прехорошенькій, жена красавица въ полномъ смыслѣ слова. Счастливецъ! Домикъ и жена пріобрѣтены трудами: тѣмъ болѣе они для него драгоцѣнны. Пили пуншъ и слушали игру хозяина на арфѣ. Прекрасно! Какъ находитъ онъ время заниматься музыкою? Геометрія и музыка, арфа и фортификація какъ-то не гармонируютъ между собой. Всѣ были нѣсколько навеселѣ, и Алексѣй Ѳедоровичъ острилъ безпрестанно. Нѣтъ человѣка любезнѣе его, когда онъ на распашку. Я все смотрѣлъ на хозяйку: какой бы этюдъ для Тончи! — Завтра приглашаетъ насъ И. И. Дмитріевъ на вечеръ. П—ру И—чу нельзя: у него вечерніе уроки у Скульскихъ и графинь Гудовичевыхъ. Поѣду одинъ.

(*) Преподаватель фортификаціи.

Digitized by Google

9 января, понедѣльникъ. У И. И. никого изъ записныхъ охотниковъ читать стихи свои не было. За то самъ хозяинъ заставилъ меня прочитать посланіе его къ Державину въ отвѣтъ на присланные стихи безъ подписи нашего Пиндара.

« Бардъ безъимянный, тебя-ль не узнаю?
Орлій издавна знакомъ мнѣ полетъ.
Я не въ отчизнѣ, въ Москвѣ обитаю,
Въ жилищѣ суетъ! »

Вотъ такъ стихи! И. И. владѣетъ языкомъ мастерски. Платонъ Петровичъ Бекетовъ толковалъ все о своей типографіи. Это истинный ревнитель отечественнаго просвѣщенія; при большихъ способностяхъ онъ былъ бы другимъ Новиковымъ, и особенно теперь, когда нѣтъ ни одной отрасли наукъ, которой бы Правительство не поощряло. И. И., которому Бекетовъ близкій родственникъ, говоритъ, что онъ не щадитъ ничего для учебныхъ и литературныхъ предпріятій, и даже разстроилъ свое состояніе. И. И. жалѣетъ, что пособія П — на П — ча падаютъ большею частію на бездарныхъ писателей, довольно назойливыхъ. Дождитъ на злыя и благія!

12 января, четвергъ. Наконецъ вотъ письмо изъ дому съ деньгами. 300 р. отъ матушки, 5 золотыхъ имперіаловъ и 10 червонцевъ отъ батюшки и тетки к—ны М—рьи Г—ны очень, очень кстатѣ. Отецъ посылаетъ мерлушекъ на 2 тулупа для обоихъ насъ съ П—мъ И—чемъ, и ему особенно пару лошадей. Эти пегазы также очень къ времени, потому что уроки П. И. умножаются; одной моей пары становилось для обоихъ насъ недостаточно; теперь, когда я перешелъ Рубиконъ, нѣкоторые лишніе выѣзды не могутъ быть для меня предосудительны. Я успѣлъ уже заказать Занфтлебену пюсовый фракъ изъ лучшаго сукна и синіе панталоны, съ узорами по бантамъ à la Huzard, за 40 р.—дорого да мило. Между тѣмъ, по случаю радостнаго событія, ѣдемъ завтра къ отцу Іоанну (*) на вечеринку. Тамъ

(*) Отецъ П. И. Богданова, умный и благочестивый старецъ, бывшій діакономъ въ приходѣ Архидіакона Евпла и отказавшійся добровольно отъ священства.

Digitized by Google

будетъ и Василій Ивановичъ (*), котораго слово въ институтѣ такъ всѣмъ понравилось. Какъ удачно онъ умѣлъ выбрать текстъ къ этому слову: *«иныя не имамъ радости, да вижду чада мои «въ истинѣ ходяща»*. Для преподавателя закона Божія нельзя было отыскать текста приличнѣе.

Говорятъ о назначеніи И. И. Дмитріева сенаторомъ. Дай Богъ! Кромѣ таланта, нелицепріятенъ и не подверженъ ничьему вліянію.

16 января, понедѣльникъ. Сегодня у А. А. встрѣтилъ Жуковскаго. Чуть ли не будетъ онъ сотрудникомъ Каченовскаго въ изданіи «Вѣстника Европы»; по крайней мѣрѣ А. А. этого желаетъ. Какъ удивился Ж., когда я прочиталъ наизусть новые стихи его, которые нигдѣ еще не напечатаны и никому не были читаны, кромѣ самыхъ его близкихъ. А. А. очень забавлялся этимъ, и «*вотъ*,—сказалъ,—*каковы-тѣ у насъ студенты-та, все-тѣ на лету ловятъ; а кабы поменьше-тѣ по театрамъ шатались, такъ бы и въ математикѣ-тѣ не отставали*». Я сгорѣлъ: не въ бровь, а прямо въ глазъ; да впрочемъ за дѣло, за дѣло: что за безчестный студентъ! Однако же не теряю надежды: Андрей Анисимовичъ (**) вдолбитъ что-нибудь въ бѣдную мою голову, во время вакацій. Но какъ отстать отъ театра?

17 января, вторникъ. Поспѣшая сегодня на обѣдъ къ Лобковымъ, во всю прыть моихъ коурокъ, я наѣхалъ на какую-то женщину и совершенно смялъ ее, такъ что она очутилась подъ санями. Вопли и крики! Ѣхавшій мнѣ на встрѣчу частный приставъ соскочилъ съ саней, остановилъ лошадей моихъ и высвободилъ бѣднягу, которая продолжала кричать безъ памяти. Онъ спросилъ меня, кто я таковъ, и объявилъ, что хотя по принятымъ правиламъ долженъ бы былъ отправиться со мною въ полицію, но что онъ не хотѣлъ бы мнѣ сдѣлать эту непріятность, и потому предлагаетъ дать женщинѣ сколько-нибудь денегъ на

(*) Старшій братъ Петра Ивановича, священникъ и законоучитель института, со времени его учрежденія (скончался въ запрошломъ году).

(**) Сокольскій, преподаватель Ариѳметики и Геометріи.

Digitized by Google

лекарство, и тѣмъ предупредить ея формальную жалобу. Я бы радъ былъ дать все, что̀ угодно, но со мною не было денегъ, и когда я объявилъ о томъ приставу, то онъ заплатилъ женщинѣ 5 рублей своихъ, съ тѣмъ чтобы я послѣ возвратилъ ихъ ему, а впредь старался ѣздить осторожнѣе. Этого почтеннаго человѣка зовутъ Иванъ Петровичъ *Гранжанъ*, и Петръ Тимоѳеевичъ за обѣдомъ сказывалъ мнѣ, что онъ бываетъ съ семействомъ у нихъ, принятъ въ лучшихъ домахъ и уважаемъ начальствомъ. Вотъ какіе люди служатъ въ здѣшней полиціи. Никол. Петр. Аксеновъ также былъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, еще при Эртелѣ, частнымъ приставомъ, а какой человѣкъ! Что̀ за душа и обращеніе, и какъ вообще уважаемъ всѣми, не смотря на не достаточное состояніе. Правду говорятъ, что не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ мѣсто.

19 января, четвергъ. Любовныя мои шутки вовсе плохія шутки. Опера не понравилась публикѣ, а еще болѣе мнѣ. Холодно, вяло и скучно. Бѣдная Соломони пѣла хорошо, голосъ у ней огромный,—да какъ-то все не ладилось. Лизета—крестьянка, а она представляла какую-то барыню, хотя и брала уроки у Сандуновой. Я думаю, безъ этой наставницы, которая порядочно жеманится, она сыграла бы. Впрочемъ въ неуспѣхѣ пьесы виноватъ одинъ бенефиціантъ: зачѣмъ выбиратъ такой вздоръ? П. И. говоритъ, что я лучше бы сдѣлалъ, еслибъ не отказался отъ предложенныхъ мнѣ Соломони 50 р. за переводъ; по крайней мѣрѣ душа бы не болѣла.

Балетъ «*Мщеніе за смерть Агамемнона*», *во вкусѣ Новерра*, какъ гласитъ афиша, прошелъ такъ и сякъ: какой Эгистъ, какой Орестъ и какая Електра! Въ этой Електрѣ ни искры электричества. Говорятъ, что она выходитъ за мумъ за старика англичанина Банкса, извѣстнаго торговца лошадьми. Онъ большой пріятель съ Н. П. Акимовымъ, который содѣйствіемъ и пособіемъ его развелъ свой конный заводъ и свой извѣстный огромностью рогатый скотъ, — единственные теперь источники его доходовъ.

Старшая Соломони играла концертъ на скрипкѣ съ полнымъ оркестромъ. Это лучшая часть бенефиса.

Digitized by Google

20 января, пятница. Ай да Freiherr von Steinsberg! Ай да Malteiser Ritter! Какъ ухитрился онъ поставить такую сложную піесу, какова 2 часть «Русалки», на маленькой сценѣ Демидовскаго театра, со всѣми перемѣнами декорацій, полетами, превращеніями и—Богъ вѣсть съ какими еще затѣями, — при его ограниченныхъ средствахъ? Какъ бы то ни было, «Русалка» прошла весело. Театръ ломился отъ зрителей, не смотря на возвышенныя цѣны. Ложа 12 р., кресла 2 р. 50 к., партеръ 1 р. 50 к., галлерея 1 р. — дорогонько! *Мамзель Штейнъ* играла русалку, *Штейнсбергъ*—Минневарта, *Коропъ*—Ларифари, *мадамъ Гебгардъ*—старуху Sungfer Salome, *Литхенсъ* — рыцаря Адальберта, *Вильгельмъ* — ловчаго, *мадамъ Штейнсбергъ* — Берту, и проч. Мамзель Штейнъ принимали прекрасно, кричали нѣсколько разъ voraus, а Canon между ею, Штейнебергомъ и Вильгельмомъ: *nach Regen folget Sonnenchein*, заставили повторить 3 раза. Право Штейнсбергъ волшебникъ. Въ продолженіе одного года сформировать труппу, въ которой одни и тѣ же сюжеты играютъ сегодня Шиллеровыхъ «Разбойниковъ», а завтра «Русалку»; сегодня «Cabale und Liebe», а завтра «Die deutsche Kleinstadter» или «Zigeuner»; сегодня «Беньовскаго», а завтра умори тельнаго «Das neue sonntagskind», и играютъ очень не дурно. Это, право, непостижимо; и между тѣмъ изъ какихъ лицъ составлена эта труппа? Кромѣ Штейнсберга, который, не смотря на свое баронство и мальтійскій крестъ, можетъ назваться превосходнымъ актеромъ во всѣхъ амплуа,—всѣ актеры его труппы большею частію anfängers изъ петербургскихъ мастеровыхъ. Даровитая *мамзель Штейнъ*, играющая Русалку, Амалію, Луизу и проч.—булочница; братъ ея—переплетчикъ; *Литхенсъ*—каретный обойщикъ; *Коропъ*—сидѣлецъ изъ виннаго погреба; *Петеръ*—столярный подмастерье; *Канъ*—садовникъ; *Беренсъ*—портной; Вильгельмъ *Гасъ*—писецъ изъ конторы нотаріуса, послѣ нотный переписчикъ и наконецъ музыкантъ; *Эме*—деревенскій экономъ; *Кистеръ* (*)—золотыхъ дѣлъ подмастерье. Подумаешь: какой сбродъ, и что изъ него вышло? Всѣ эти актеры—сами декора-

(*) Нынче камергеръ одного нѣмецкаго двора, баронъ и милліонеръ.

Digitized by Google

торы, сами костюмеры, сами машинисты, сами портные, сами копіисты. Штейнсбергъ не нанимаетъ ни одного посторонняго для надобностей своего театра. Удивительное свойство угадывать дарованія въ людяхъ, привлекать ихъ къ своей цѣли, и въ то же время заставлять ихъ любить и уважать себя. Сколько ни остороженъ пасторъ Гейдеке въ сужденіи о людяхъ, какъ онъ ни проницателенъ и опытенъ въ сношеніяхъ съ ними, однако же утверждаетъ, что молчаливый и задумчивый Штейнсбергъ имѣетъ способность неотразимо дѣйствовать, на кого онъ захочетъ.

22 января, воскресенье. Приходилъ Ф. П. Граве. Онъ непремѣнно хочетъ играть на Нѣмецкомъ театрѣ. Сколько мы ему ни возражали и ни указывали на неприличіе такого поступка, онъ стоитъ на своемъ. На прощаньѣ объявилъ, что уже выучилъ нѣсколько ролей и скоро дебютировать будетъ въ какой-то ролѣ «Влюбленнаго башмачника». Завтра же отправлюсь къ Штейнсбергу и попрошу, чтобы не допускалъ такого скандалу. Одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ У. Б. П., студентъ, получившій золотую медаль, и котораго имя, какъ отличнѣйшаго воспитанника, осталось на золотой доскѣ, будетъ играть роль влюбленнаго башмачника и большею частію передъ вовсе не влюбленными сапожниками. Есть отъ чего съ ума сойдти.

23 января, понедѣльникъ. Дѣло Граве могли уладить только вполовину. Сколько его ни усовѣщивали — онъ и въ усъ не дуетъ. Несетъ свое, увѣряетъ, что это вдохновеніе, и онъ чувствуетъ свое призваніе. Не понятно, что̀ случилось съ нимъ: ему давно за двадцать, а сталъ хуже всякаго капризнаго ребенка. Положили покамѣстъ на томъ, что будетъ по крайней мѣрѣ дебютировать послѣ Пасхи и подъ другимъ именемъ. Онъ выбралъ себѣ латинское прозваніе: *Nemo.* Теперь, если убѣжденія на него не дѣйствуютъ, придется прибѣгнуть къ другому лекартву—свисткамъ. Авось они отучатъ его отъ паясничества. Добро бы имѣлъ настоящій талантъ, или былъ какой красавецъ, сердце бы не болѣло, а то въ родѣ рыцаря печальнаго образа, съ присовокупленіемъ огромной сутулины. Впрочемъ Штейнсбергъ говоритъ, qu'il ne faut rien precipiter и заранѣе огорчать его, а что дѣло обойдется само собою.

Digitized by Google

За хлопотами о нашемъ Nemo не былъ сегодня во французскомъ спектаклѣ. Давали оперу «Paul et Virginie» и комедію «Fausses consultations». Можетъ быть и къ лучшему: деньги дома, а мадамъ *Кремонъ* что за Виргинія! Кругленькаго личика и затянутой таліи недостаточно для этой милой роли.

Бѣлавинъ сказывалъ, что *Савиновъ*, дебютировавшій вчера въ роли Алексѣя въ драмѣ «*Бѣглый солдатъ*», ниже всякой критики. Это, будто бы, *Прусаковъ*, помноженный на *Кондакова*.

26 января, четвергъ. Былъ въ бенефисѣ Сандуновой, въ ложѣ князя Михаила Александровича. Та же вѣчная 1-я часть «Русалки». Княжны восхищались бенефиціанткою, а мнѣ какъ-то грустно видѣть эту даровитую пѣвицу въ такихъ роляхъ, которыя вовсе къ ней не пристали. Я не смѣлъ высказать свое мнѣніе, потому что предвидѣлъ обыкновенное возраженіе: «Небось ваша мамзель Штейнъ лучше?»—Но помилуйте: женщина въ лѣтахъ, небольшаго роста, очень, очень полная, чтобы не сказать толстая, прыгаетъ, пляшетъ, или вѣрнѣе, хочетъ прыгать и плясать какъ 18-тилѣтняя хорошенькая, безъискусственная веселая нѣмочка, у которой роль Русалки въ ея природѣ, ибо эта роль составлена большею частію изъ вальсовъ, національныхъ нѣмецкихъ пѣсень и танцевъ и проч. Что же тутъ хорошаго? Удивительно, какъ люди мало знаютъ свои средства! Сандунова не играетъ въ «Волшебной Флейтѣ», предоставляетъ прекрасную роль *Памины* Бутенброковой и ломается въ Русалкѣ! Настоящія роли талантливой Сандуновой, какъ пѣвицы и актрисы, въ операхъ итальянскихъ: въ «Molinara», въ «Діаниномъ Древѣ», въ «Cosa Rara», въ «Венеціанской Ярмаркѣ», въ «Serva Padrona», и проч. и проч. Пусть играетъ и Наталью въ «Старинныхъ Святкахъ»: тутъ ей можно пощеголять своимъ пѣніемъ въ куплетахъ: *Слава Богу на небѣ*, и проч. Пусть поетъ въ «*Водовозѣ*», въ «*Элизѣ* (или Путешествіе по ледянымъ горамъ»), и проч.,—слова нѣтъ: это ея амплуа; но Русалка—ахъ, Господи! Полунагая, вертлявая нимфа съ ея фигурою и формами и съ ея итальянскимъ жеманствомъ! Лицо до сихъ поръ сохранило свою пріятность, физіономія игрелива, но нѣтъ натуры, какъ утверждаетъ и самъ Штейнсбергъ, а онъ непогрѣшительный и безпристрастный судья въ этомъ дѣлѣ. Отчего

Digitized by Google

Русалки не играетъ *Насова*, хорошенькая, веселенькая актриса и премиленькая пѣвичка съ вѣрнымъ голоскомъ. Я рѣдко въ комъ видалъ столько натуры, при совершенномъ отсутствіи всякаго жеманства. Говорятъ: танцовать не умѣетъ; да у кого изъ ей бѣднягѣ было и учиться!

Штейнсбергъ говоритъ, что въ Петербургѣ Русалку безподобно играетъ *Черникова*, воспитанница театральнаго училища, и что такой актрисы въ роли Русалки никогда не бывало, — по крайней мѣрѣ видѣть ему не случалось ни въ Вѣнѣ, ни въ Берлинѣ. Какъ бы хотѣлось взглянуть на этотъ феноменъ. Говоритъ, что и *Воробьевъ*, ученикъ Мартини, или Маркетти, отлично играетъ Тарабара, и хотя спалъ съ голосу, но умѣетъ управлять имъ такъ, что этого почти не замѣтно.

Я слышалъ отъ А. А. Арсеньева, что управляющій театромъ отъ Воспитательнаго дома князь Волконскій посылалъ *Волкова*, играющаго здѣсь Тарабара, нарочно въ Петербургъ поучиться у Воробьева, — какъ онъ выражается, — тарабарской грамотѣ, — и Волковъ точно усвоилъ будто бы манеру своего образца; можетъ быть; только, кажется, пересолилъ, и вмѣсто пѣнія — лаетъ по-собачьи.

28 января, суббота. Сегодня, въ бенефисъ *M-mes Duparay* и *Merienne* давали мелодрамму «*Le jugement de Salomon*» и оперку «*La Danse interrompue*». Первая пьеса, не смотря на пространое и высокопарное объявленіе о ея *высокомъ достоинствѣ, о господствующей въ ней, съ первой до послѣдней сцены, нравственности* и проч., есть такое литературное уродство, которому и названья придумать не умѣю, и сверхъ того такъ скучна, такъ скучна, что мочи нѣтъ. Это древняя мистерія, въ родѣ той, *какъ Олоферну царю Юдифь отрубила голову*. Рыжая M-m *Duparay* играла Соломона, M-m Merienne настоящую мать ребенка. Охота же Французамъ давать такой вздоръ, а намъ платить за него деньги. За то «*La danse interrompue*» — премиленькая піеска и прошла весело.

Николай Ивановичъ Кондратьевъ разгадалъ мнѣ, отчего въ афишахъ передъ фамиліею нѣкоторыхъ актеровъ и актрисъ ставится буква Г., т. е. господинъ или госпожа, а передъ дру-

Digitized by Google

гими нѣтъ. Это оттого, что послѣдніе изъ крѣпостныхъ людей, напр. Уваровъ, Куровъ, Волковъ, Баранчеева, Лисицына и проч., и что когда они зашибаются, что̀ случается нерѣдко, то имъ дѣлается выговоръ особеннаго рода. Однако же носятся слухи, что русскій театръ присоединится къ театральной дирекціи, отъ которой назначится особый директоръ, и что всѣ эти *негоспода* пріобрѣтутся въ принадлежность дирекціи, съ присвоеніемъ имъ буквы Г. Дай Богъ! Нѣтъ сомнѣнія, что казенное управленіе исправитъ теперешнюю неурядицу и обратитъ вниманіе на нѣкоторые отличные таланты, не имѣющіе покамѣсть никакой будущности.

Завтра опера «Иванъ Царевичъ»: непремѣнно ѣду; а на дняхъ у Французовъ «*L'amant statue*», опера, въ которой Сандунова играетъ роль Селимены *по-французски*. Вотъ еще новость!

29 января, воскресенье.

Подъ шляпку невидимку
Скрою бѣлую личинку,
Сапожки самоходы
Отслужатъ мнѣ походы, и пр.

Кажется, вздоръ, а такъ и поется! Очень понимаю, отчего Нѣмцы любятъ піесы, составленныя изъ ихъ національныхъ *märchen* и преданій. Все родное какъ-то шевелитъ сердце, и, не смотря на нелѣпость вымысла, тарабарскій языкъ и варварскіе стихи, нарочно подобранные изъ сочиненій Тредьяковскаго, піеса смотрится и музыка слушается съ бо̀льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ какой-нибудь «Судъ Соломона» и подобныя ему піесы, отъ которыхъ да избавитъ Аполлонъ всякаго посѣтителя Русскаго театра; дѣло въ томъ, чтобы только не умничать и не искать премудрости тамъ, гдѣ ея быть не должно. Опера «Иванъ Царевичъ»—сказка въ дѣйствіи, и дѣйствіе расположено просто и не сбивчиво: начало и конецъ на своихъ мѣстахъ; напѣвы не хитрые, безъ заморскихъ вычуръ, но какъ-то давно знакомые, затверженные въ дѣтствѣ. Кому не нравятся эти напѣвы, тому придется воскликнуть вмѣстѣ съ Карломъ Мооромъ: O meine Unschuld, meine Unschuld! П. И. смѣется, что я ѣзжу въ такія піесы, въ которыхъ нѣтъ пищи ни для ума, ни для сердца.

Digitized by Google

Въ этомъ мы никогда не согласимся съ нимъ: онъ воспитанникъ города, а я выкормокъ деревенскій.

Мочаловъ—Иванъ Царевичъ, хоть куда, игралъ и пѣлъ очень порядочно: разумѣется, *Уваровъ* былъ бы превосходнѣе Мочалова во всѣхъ отношеніяхъ,—но какъ быть! Сравненія въ сторону: онѣ убиваютъ наслажденія. Comparaison n'est pas raison.— Сцена лѣшихъ шла уморительно: *Волковъ* и *Кураевъ* оба на своихъ мѣстахъ.

4 февраля, суббота. Въ эту недѣлю много кой-чего насмотрѣлся и наслушался. Во Французскомъ театрѣ даны были «*La petite ville*» и «*Le Calif de Bagdad*». Мнѣ кажется, первая пиеса есть не очень удачное подражаніе комедіи Коцебу «*Die Deütsche Kleinstädter*», но вторая—очень миленькая опера, и музыка прекрасная. Мы смѣялись отъ души, когда пѣлъ хоръ: *C'est ici le sejour des graces*, тогда какъ сцена наполнена была преуродливыми французскими харями. Видѣлъ Сандунову въ ролѣ Селимены въ «*L'amant statue*». Французы пригласили ее играть для сбора, точно также, какъ въ прошломъ году приглашали они здѣшняго французскаго калиграфа Mr Le Maire, урода и дурака, читать на сценѣ оду его первому консулу съ посвященіемъ пука перьевъ своего очина. *Ле Меръ* принятъ во всѣхъ домахъ, служитъ общимъ Plastron, и потому театръ былъ полонъ: всѣ хохотали, когда при громкомъ завываніи всѣхъ бывшихъ на сценѣ Французовъ «*allons enfants de la patrie,*» стали поднимать *Ле Мера* на воздухъ, будто бы въ храмъ славы, въ видѣ генія въ прическѣ à la Louis XIV. Все это могло идти къ *Лемеру*, но Сандуновой не слѣдовало бы входить въ эту французскую аферу. Пощеголять французскимъ языкомъ могла бы она и не на сценѣ, хотя впрочемъ и щеголять не чѣмъ: болтаетъ такъ себѣ, какъ и всѣ наши барыни.

Третьяго дня въ бенефисъ Плавильщикова театръ былъ полонъ. Чтобы судить о комедіи его: «*Братья Своеладовы*», надобно прежде ее прочитать, а то я не очень ее понялъ. Мнѣ показалось, что она не такъ-то понравилась, хотя публика послѣ и апплодировала, и особенно горячіе друзья бенефиціанта не сидѣли поджавъ руки. — Жаль, что и первый нашъ трагикъ, нашъ

Digitized by Google

Гарликъ и Лекенъ, какъ называетъ его князь Михайло Александровичъ, прибѣгаетъ къ паяническимъ средствамъ для привлеченія публики. Заставили плясать какого-то *Карло*, котораго въ афишѣ называютъ *маленькимъ карло*, какъ будто бы карло можетъ быть большой!

Ѣздили съ Хомяковымъ къ М. И. Ковалинскому, бывшему при покойномъ Государѣ нашимъ рязанскимъ губернаторомъ. Я видѣлъ его въ малолѣтствѣ, и теперь радъ былъ познакомиться съ нимъ покороче. Очень умный, пріятный и привѣтливый человѣкъ, хотя въ бытность его губернаторомъ и не то объ немъ говорили; но другія времена, другіе нравы. Онъ, кажется, немного мистикъ. Обѣщалъ со временемъ ссудить меня сочиненіями *Сковороды*, который былъ его наставникомъ. Манускриптъ этихъ сочиненій безпрестанно у него на столѣ передъ глазами. Я просилъ дозволенія пробѣжать нѣсколько страницъ въ то время, какъ онъ разговаривалъ съ другими, и напалъ на какую-то статью, подъ названіемъ: *Потопъ Зміинъ*. Ничего не понялъ.— П. И. говоритъ, что это оттого, что въ головѣ M-le Stein да Русалка. На этотъ разъ не угадалъ: то да не то!

8 февраля, середа. Разсказываютъ объ остроумномъ отвѣтѣ главнокомандующаго графу Хвостову, который въ разговорѣ очень негодовалъ, что Ив. Ив. Дмитріеву присвоили въ Москвѣ названіе русскаго Лафонтена. Чтобы утѣшить графа, Александръ Андреевичъ сказалъ ему: «ну такъ что жъ,—пусть Дмитріевъ будетъ нашимъ Лафонтеномъ, а вы нашимъ Езопомъ.»

Намедни вечеромъ у Прасковьи Михайловны Толстой слушалъ я премилое посланіе къ ней князя Ивана Михайловича Долгорукаго, читанное самимъ авторомъ. Нѣкоторыя другія стихотворенія его я уже зналъ, и всегда любовался ими, какъ отголоскомъ нѣжнаго и любящаго сердца....

Попалась мнѣ тетрадка съ письма извѣстнаго стихотворца. Вотъ небольшой образецъ слога обоихъ любовниковъ: *Онъ*. «Нѣтъ! не стра«шись! Отдай мнѣ больше справедливости: не только на театрѣ, «но въ собраніяхъ цѣлаго свѣта скажу, что ты мнѣ не только

Digitized by Google

«мила, но нижѐ какая женщина въ силахъ будетъ отвлечь мое «сердце отъ тебя, и скинуть тѣ легкія и дорогія цѣпи, кои ты «одна въ моемъ нынѣшнемъ положеніи могла и умѣла накинуть; «тебѣ дано было судьбою все сердце мое присвоить, отнявъ «его даже у тѣхъ, кои отъ начала міра имѣли право по всѣмъ «законамъ (!!); такъ не страшись ничьихъ прелестей, никакія «красоты Лизаньки моей въ глазахъ моихъ не превзойдутъ. «Ахъ, другъ мой, въ естествѣ нѣтъ сильнѣе моей страсти; «душа моя, будь здорова!!! Матушка, жизнь моя! какъ «воображу, что я въ твоихъ объятіяхъ, то я внѣ себя, и проч. *Она*. «Ахъ, на что вы дали поводъ открыть мои чувства! «знай, что я тебя люблю, если тебѣ надобно, я всему свѣту «оное сказать готова. Ахъ, что́ вы дѣлаете, какое вы про- «заете сердце! Меня все въ страхъ и трепетъ приводитъ, по «крайности изъ жалости выведите меня изъ сего адскаго «положенія». Или: «тамъ.... жизнь моя, кинувшись на шею «къ тебѣ, прижимая тебя къ груди моей, попрошу одного «слова, одно, что меня любишь, сдѣлаетъ меня счастливою! Скажи «это, другъ мой, скажи, утѣшь свою подданную, воскреси рабу «твою, дай жизнь вашей любовницѣ,—ахъ, какъ я васъ люблю! «или научи, какъ выдрать пламя изъ нѣдра моего сердца», и проч. *Онъ*. «Я, любовь и природа насъ соединяетъ... любовь и гласъ при- «роды, то-есть связь и сила чувствъ природы, въ сердца наши «влагаемыя, насъ соединяютъ тѣсными узами, кои никогда не «разорвутся» и проч.

Изъ сего слѣдуетъ, что сочинять прекрасно стихи и писать хорошо любовныя письма не одно и то же. Suum cuique. Видно при всякомъ начинаніи необходимо имѣть въ виду латино-греческій девизъ: *Nosce te ipsum*!

10 февраля, пятница. Кузины наши С—вы и К—ны Б—я возили меня вчера на балъ къ Петру Тимоѳеевичу Бородину, откупщику и одному изъ московскихъ Крезовъ. Я охотно поѣхалъ, не для танцевъ, которыхъ, по застѣнчивости моей, терпѣть не могу, а такъ, изъ любопытства. Что́ за жаръ и духота! Прыгали до разсвѣта. Много было хорошенькихъ личекъ, но только съ началѣ бала, а съ 11 часовъ, и особенно послѣ

Digitized by Google

ужина, эти хорошенькія личики превратились въ какія-то вакханскія физіономіи отъ усталости и невыносимой духоты; волосы развились и разсыпались, украшенія пришли въ безпорядокъ, платья обдергались, перчатки промокли, и проч. и проч. Какъ ни суетились маменьки, тетушки и бабушки приводить въ порядокъ гардеробъ своихъ дочекъ, племянницъ и внучекъ, для чего нѣкоторыя по временамъ выскакивали изъ-за бостона, но не успѣвали: танцы слѣдовали одинъ за другимъ безпрерывно, и ни одна изъ жрицъ Терпсихоры не хотѣла сойдти съ паркета. Меня увѣряли, что если дѣвушка пропускаетъ танцы, или на какой изъ нихъ не ангажирована, то это непремѣнно ведетъ къ какимъ-то заключеніямъ. Правда ли это? Ужь не оттого ли иныя maman безпрестанно ходили по кавалерамъ, особенно пріѣзжимъ офицерамъ, и приглашали ихъ танцовать съ дочерьми: «*Батюшка, съ моей-то потанцуй!*» Многія не разъ подходили и ко мнѣ, но меня спасали кузина Alexandrina съ Ариною Петровной. «*Il ne danse pas, Madame; c'est un campagnard qui ne vient au bal que pour manger des glaces.*» Проказницы! Въ кабинетѣ хозяина кипѣла чертовская игра: на двухъ большихъ круглыхъ столахъ играли въ банкъ. Отъ роду не видывалъ столько золота и ассигнацій. На одномъ столѣ банкъ метали князь Ш....., К....., Ч..... и Р..... попеременно. На другомъ братья Д....., М.... и Р..... Понтировали много извѣстныхъ людей. Какой-то К*** проигралъ около пяти тысячъ р., очень хладнокровно вынулъ деньги, заплатилъ и отошелъ какъ ни въ чемъ небывалый. Я думалъ, что онъ милліонеръ, но мнѣ сказали, что у него не болѣе 200 душъ въ Вологдѣ. Какъ удивился я, встрѣтивъ Димлера съ мѣломъ въ рукахъ, записывающаго выигрышъ вмѣсто банкомета. Говоритъ, что онъ въ части у Дурновыхъ. Видно, это выгоднѣе, чѣмъ давать уроки на фортепіано.

Угощеніе было на славу. Не смотря на раннюю пору, были оранжерейные фрукты, грушъ и яблокъ бездна, конфектовъ груды, прохладительнымъ и счету нѣтъ, а объ ужинѣ и говорить нечего. Что за осетръ, стерляди, что за сливочная теля-

Digitized by Google

тина и гречанки (*)—индѣйки. Богъ вѣсть чего не было! Шампанское лилось какъ вода: мнѣ кажется, болѣе ста бутылокъ было выпито. Хозяинъ подходилъ къ каждому и приглашалъ покушать: самъ онъ былъ нѣсколько на-веселѣ. Хозяйка не показывалась: она не выходитъ въ дни большихъ собраній; дамъ принимала хозяйская дочь, молодая княгиня Касаткина, недавно вышедшая за мужъ.

Я возвратился домой разбитый и усталый, — не дѣлавъ ничего, съ обремененнымъ желудкомъ, ѣвши безъ аппетита и вкуса, и съ головною болью отъ шампанскаго, которое глоталъ безъ жажды. Ничего не вывезъ я съ этого бала, кромѣ воспоминанія о прекрасныхъ глазахъ Арины Петровны; но и это ведетъ къ одной безсонницѣ; слѣдовательно время истрачено напрасно. *Чего ради гибель сія бысть?*

11 февраля, суббота. Рожденіе мое ровно черезъ недѣлю: мнѣ минетъ 17 лѣтъ. Мы сговорились съ П. И. обѣдать въ этотъ день дома и пригласить Гавр. Ив., Андр. Онис., Афонасія Мих., и стараго учителя моего Хр. Ив. Кейделя. Угостимъ ихъ чѣмъ Богъ послалъ. Деревенской провизіи у насъ вволю, а Кухмарникъ авось не ударитъ лицомъ въ грязь; наливки почти непочаты и варенья еще много. Приглашу также Граве и кого-нибудь изъ нѣмецкихъ актеровъ für die Ubung der deutschen Sprache. Послѣ обѣда, можетъ быть, отправлюсь въ Нѣмецкій театръ, на которомъ даютъ «Беньовскаго». Поѣхалъ бы вмѣсто театра къ Л—мъ, потому что у нихъ вечеръ, но право за себя страшно: Эта А. П. того и гляди что съ ума сведетъ. Велитъ себя звать не иначе, какъ ma tante, потому что двумя годами меня старше; а мнѣ такъ иногда совсѣмъ *не то* приходитъ въ голову.

12 февраля, воскресенье. Ѣздили въ Голицынскую больницу къ обѣднѣ; пѣвчіе очень хороши, но все не то, что колокольниковскіе у Никиты Мученика. Изъ числа послѣднихъ теноръ Самойловъ взятъ на петербургскій театръ. Отлично также

(*) Гречанками назывались индѣйки, выкормленныя грецкими орѣхами.

Digitized by Google

поютъ у Дмитрія Солунскаго; черномазый Вигапуръ, не знаю графъ или князь, намедни пришелъ въ такой восторгъ, что осмѣлился зааплодировать. Полиціймейстеръ Алексѣевъ приказалъ ему выйдти. Послѣ обѣдни смотрѣли мы картинную галлерею. Какія сокровища собраны покойнымъ княземъ, и всѣ предоставлены на подвиги человѣколюбія. Поученіе священника было на текстъ изъ Евангелія: «Не скрывайте сокровищъ вашихъ на земли, идѣже тля тлитъ и татіе подкопываются и крадутъ.» Въ Голицынской больницѣ это чрезвычайно кстати. Изъ картинъ больше всѣхъ мнѣ понравились: Благословеніе Іакова слѣпцомъ Исаакомъ, *Риберы*, и Снятіе со креста, *Каведоне* (*). Какая натура и какія лица!—Сказывали, что эта неоцѣненная галлерея когда-нибудь поступитъ въ продажу, ибо считается мертвымъ капиталомъ. Многіе охотники до картинъ острятъ зубы.

Изъ больницы заѣзжали мы по сосѣдству на бѣгъ графа А. Г. Орлова. Герой Чесменскій, въ бархатной малиновой шубѣ, самъ нѣсколько разъ принимался ѣздить на любимыхъ рысакахъ своихъ *Любезномъ* и *Каткѣ*. Охотниковъ было много, и всѣ щеголяли другъ передъ другомъ, кто на рысакахъ, кто на иноходцахъ. Я замѣтилъ обоихъ Всеволожскихъ, Чемоданова, Савелова, Муравьева, братьевъ Яковлевыхъ-Собакиныхъ, Мосоловыхъ и многихъ первостатейныхъ купцовъ.

16 февраля, четвергъ. Какъ ни красивы бабушкины имперіалы и теткины червонцы, а пришлось размѣнять ихъ. Лажъ на золото вздорожалъ: имперіалъ отдалъ по 12 р. 90 к., а червонцы по 3 р. 85 к. сер.,—рубль принимаютъ въ 1 р. 29 коп.

Проѣзжая по Ильинкѣ, купилъ у Соколова 10 бутылокъ отличнаго цымлянскаго, по 40 к. за бут.

19 февраля, воскресенье. Рожденіе мое вчера отпраздновали славно: по письму матушки утромъ былъ у Всѣхъ Скорбящихъ, и по собственному побужденію служилъ молебенъ при ракѣ своего патрона—у Спаса на Бору.—Обѣдъ хоть куда! Щи съ завитками, сальникъ изъ обварныхъ крупъ, окорокъ ветчины, бѣлужья тешка, жареный индыкъ и безподобныя аладьи съ ба-

(*) Эти картины принадлежатъ теперь гг. Мосоловымъ.

Digitized by Google

бушкинымъ липовцомъ. Наливкамъ досталось, а цыплянскаго какъ не бывало. Всѣ объѣдались. Я такъ радъ, что гости ваши были чрезвычайно довольны и веселы. Гаврило Ивановичъ игралъ на клавикордахъ, а Граве съ Сокольскимъ плясали. За столомъ, при питьѣ моего здоровья, И. И. прослезился. Кейдель мой очень обидѣлся, когда Гаврило Ивановичъ спросилъ его, долго ли онъ былъ у меня дядькою?—Т. е. наставникомъ, хотите вы сказать? отвѣчалъ Кейдель. Странно, какимъ онъ прежде казался мнѣ мудрецомъ, а теперь какъ будто поглупѣлъ. Коронъ пѣлъ нѣмецкія пѣсни, и между прочимъ одну: *der Kuss*, которая такъ и просится въ душу. Это исторія поцѣлуя отъ колыбели до могилы; если съумѣю, непремѣнно переведу ее.—Пировали до 11 часовъ. Ѣхать мнѣ никуда не хотѣлось, и лошадей употребили на развозку гостей.

Сегодня утренній маскарадъ въ Петровскомъ театрѣ. Вчера не былъ въ вечернемъ,—такъ должно бы ѣхать проститься съ масляницею и взглянуть на глазки ma tante, да беретъ раздумье. Нѣтъ, лучше поѣду обѣдать къ князю Мих. Ал., а *туда* на вечеръ. Нынче день прощеный: простимъ другъ друга. Что если бы пришло ей въ голову сказать: возлюбимъ другъ друга!

20 февраля, понедѣльникъ. Превесело кончилъ я вчера день свой. У Лобковыхъ было много гостей. Старикъ С. А. В....., человѣкъ разпремилый, настоящій камергеръ Двора Великой Екатерины, говорилъ безъ умолку. Какъ онъ мастерски умѣетъ найдтись съ барышнями, которыхъ съ дюжину его окружало! Всякой изъ нихъ сказалъ онъ ласковое и привѣтное слово. Сказалъ бы что-нибудь и я,—только одной, да недостаетъ смѣлости и во рту каша. Говорится: отъ избытка сердца глаголютъ уста; а у меня напротивъ: отъ избытка сердца уста нѣмотствуютъ.—Были адъютантъ Государя П. А. Кикинъ и капитанъ Лукинъ, извѣстный силачъ. Первый говорилъ со мною о литературѣ и профессорахъ, и очень дѣльно: кажется, очень ласковый и внимательный человѣкъ; а послѣдній тихій и скромный морякъ: все сидѣлъ и молчалъ у карточнаго стола. Сколько молодой Всеволожскій ни заговаривалъ съ нимъ о силѣ, и ни разсказывалъ ему о прежней чудесной силѣ графа А. Г. Орлова, у котораго

Digitized by Google

Всеволожскіе домашніе люди,—Лукинъ ни слова о себѣ, и за ужиномъ говорилъ только о посторонникъ и самыхъ обыкновенныхъ предметахъ, напр., что Москва обильна красавицами и богата радушіемъ: lieux communs.

Обѣдъ у князя Мих. Алекс. былъ прекрасный: простой, вкусный, всего вдоволь. Въ домѣ говорятъ, что за старшую княжну сватается женихъ, только князь покамѣстъ слышать не хочетъ, и говоритъ, что прежде двухъ или трехъ лѣтъ не выдастъ. За обѣдомъ въ почетномъ мѣстѣ опять сидѣлъ Плавильщиковъ, а Зловъ подлѣ меня и важно потягивалъ мадеру. Князь приказалъ поставить ему особую бутылку, примолвивъ: «никому, братецъ, своей порціи не давай.» Плавильщиковъ признался, что комедія его была худо вырепетирована и разыграна, и оттого не могла имѣть успѣха; но что въ слѣдующій разъ она пойдетъ лучше, тѣмъ болѣе, что онъ сократитъ ее. Можетъ быть и такъ, но что-то не вѣрится.

Послѣ обѣда заставили Злова пѣть арію изъ «Волшебной флейты»: in diesen heiligen Hallen. Переводъ этой аріи показался мнѣ похожимъ на мой переводъ хора въ оперѣ «*Элиза*», которую мы переводили въ-шестеромъ за 50 р. Сен-бернардскіе отшельники, найдя живописца, засыпаннаго снѣжною лавиною, звонятъ въ колоколъ и трагически поютъ:

Хоть виситъ недавно,
А звонитъ исправно!

Какъ ни маловнимательна публика къ оперным стихамъ, но мой хоръ заставляетъ ее безпрестанно смѣяться, хотя положеніе дѣйствующихъ лицъ и очень печальное. За то Зловъ безъ умничанья и съ чувствомъ пропѣлъ, на голосъ: freut euch des Lebens, подражаніе пѣсни Коцебу: Es kann ja nicht immer so bleiben. Послѣдніе куплеты въ пѣніи не дурны:

И прежде насъ много бывало
У жизни веселыхъ гостей:
И вотъ мы, на память почившимъ,
Бокалъ осушаемъ друзья!

Digitized by Google

И послѣ насъ будетъ не мало
У жизни веселыхъ гостей:
И также намъ въ память, счастливцы,
Они опорожнятъ бокалъ!

Да, да—круговая порука!

Злова заставили повторить—и онъ повторилъ куплеты и построилъ запамятный бокалъ.

Нѣмецкая масляница во всемъ разгарѣ. Завтра вторая часть «Русалки» и послѣ балъ. Штейнсбергъ прислалъ билеты на спектакль и балъ, но я возвратилъ: какъ-то совѣстно; а чувствую, что на балѣ не обойдется безъ потѣхъ, и взглянуть бы не мѣшало. Приносившій билеты *Петерсъ* сказывалъ, что Штейнсбергъ ожидаетъ *Галтенгофа* и *Гунніуса* съ семействомъ; одинъ славный теноръ, а другой басъ, знаменитый въ Германіи. Постомъ будутъ репетировать большія оперы: «*Волшебную флейту*», «*Донъ-Жуана*», «Die Entführung», «*Аксура*», «*Оберона*» и проч. и проч. Пріятельница моя, меньшая Соломони, поступаетъ въ труппу примадонною, и нѣтъ сомнѣнія, что съ ролями Доны-Анны, Констанціи и Памины справится лучше, нежели съ ролью вертлявой Лизеты. Простить ей не могу эту Лизету: изъ чего я трудился?

23 февраля, четвергъ. Неожиданно посѣтили меня Максимъ Ивановичъ и общій дѣдушка Василій Алексѣевичъ. Первый приходилъ узнать: говѣю ли я? Что за умный и добрый человѣкъ этотъ Максимъ Ивановичъ! какихъ гоненій онъ не натерпѣлся за свою рѣзкую правду и вѣрность въ дружбѣ, какъ искренно прощаетъ онъ врагамъ своимъ и какъ легко переноситъ свое положеніе! При всей своей бѣдности онъ не ищетъ ничьей помощи, хотя многіе старинные сотоварищи его, какъ напр. Иванъ Петровичъ Тургеневъ, Иванъ Владимировичъ Лонухинъ и Походяшинъ, принимаютъ въ немъ живое участіе и желали бы пособить ему. Ходитъ себѣ въ холодной шинелишкѣ по знакомымъ своимъ, большею частію изъ почетнаго духовенства, и не думаетъ о будущемъ; говоритъ: *довлѣетъ дневи злоба его*.

Digitized by Google

Съ дѣдушкою все оказіи: потерялъ послѣдній свой зубъ, и жалуется, что ноги лѣниво ходятъ. Не мудрено: недавно стукнуло полныхъ 78; а между тѣмъ какая удивительная память! Всѣ піесы, какія сформировалъ онъ, впродолженіе 35-лѣтней бытности своей суфлеромъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, — помнитъ наизустъ, а біографіи и закулисныя похожденія актеровъ и актрисъ его времени разсказываетъ во всей подробности: какъ по книгѣ читаетъ. Преинтересный старичокъ. Теперь живетъ у Н. П. Аксенова, который призрѣлъ и успокоилъ старика, а сверхъ того добываетъ нѣсколько и самъ перепискою бумагъ у знакомыхъ, и пишетъ, хотя медленно, но четко—жемчужкомъ. Для меня онъ сущій кладъ: вотъ 2 года, какъ я пользуюсь его досужествомъ хорошаго переписчика и анекдотиста; живой ходячій театральный архивъ, а ктому же имѣетъ настоящее понятіе объ искусствѣ. Любопытны разсказы его о прежнихъ придворныхъ актерахъ французскихъ и сравненіе ихъ съ нашими русскими. Когда-нибудь запишу всѣ его анекдоты: онъ оживляется за бутылкою хорошаго пива, — это одна его прихоть; а за пивомъ дѣло не станетъ; надобно пользоваться памятью старика, котораго время *близъ есть и дни изочтены суть*.

26 февраля, воскресенье. Отговѣли какъ слѣдуетъ христіанамъ. Я отдохнулъ и освѣжился. Кажется смѣшно, чтобы въ 17 лѣтъ нужно было освѣженіе, однако же это такъ: впродолженіе года насмотришься, наслушаешься и наберешься невольно такой дряни, что чувствуешь себя гораздо легче, когда смоешь ее съ себя *банею покаянія*. Теперь только я начинаю понимать, какъ полезно было для меня это русское деревенское воспитаніе, надъ которымъ такъ издѣвалися сосѣди, эти ежедневныя утрени, молебны и всенощныя, въ которыхъ я исправлялъ должность дьячка, читалъ славословіе, кафизмы, пареміи, пѣлъ ирмосы, кондаки, антифоны и проч. Все это пригодилось мнѣ не только въ нравственномъ, но и въ общественномъ отношеніи. Нашлись добрые люди, которые оцѣнили это воспитаніе и обратили его мнѣ *въ средство*, а прочее, чего, по мнѣнію великолѣпныхъ В. и велеумныхъ М. и Б., мнѣ недоставало, пришло само собою, такъ что я успѣлъ не только догнать, но и пере-

Digitized by Google

гнать пресловутыхъ товарищей моего дѣтства, старѣйшихъ меня лѣтами, которыхъ мнѣ всегда въ образецъ ставили. Но вотъ, кажется, я и превозноситься сталъ! А давно ли еще повторялъ молитву: «Духъ цѣломудрія, смиренномудрія и любви даруй ми рабу твоему». Таковъ человѣкъ!

У французскихъ актеровъ затѣялась исторія по случаю перемѣщенія *Бальи* въ петербургскую придворную труппу на трехтысячный окладъ, по одному его письму къ А. Л. Нарышкину и безъ вѣдома его товарищей. Вся труппа въ большой суматохѣ, и посылала депутатовъ *Дюпаре*, *Белькура* и *Меріенна* жаловаться главнокомандующему, который это дѣло отъ себя отклонилъ. Дѣлать нечего: они, т. е. актеры, хотятъ публиковать въ газетахъ о поступкѣ *Bailli*, а съ тѣмъ вмѣстѣ и объявить публикѣ, что, по принятымъ ими мѣрамъ, такихъ случаевъ больше не будетъ. Смиривъ переводилъ имъ объявленіе.

Къ-стати о французахъ: Венюковъ приносилъ какую-то вышедшую на дняхъ повѣсть, или сатиру: «*Французъ на дрожкахъ или забавное приключеніе M-r Petit-Diablette въ Москвѣ*». Охота же покупать такой вздоръ; гдѣ онъ его откапываетъ?

28 февраля, вторникъ. Завтра имянинница А. С. Н. Вѣроятно весь городъ, по обыкновенію, будетъ у ней. Нельзя не поздравить хорошую, ласковую сосѣдку, которая въ такой связи со всѣми боярами.

Насилу, насилу могъ добыть четверо-Евангеліе, изданное нашимъ Харитономъ Андреевичемъ и посвященное Государю. Все изданіе въ 600 экземплярахъ разошлось въ два года. Что́ за необъятный, почтенный трудъ! Ни одного слова не упущено, ни одного не прибавлено,—а между тѣмъ всѣ происшествія евангельской исторіи и всѣ поученія Спасителя слѣдуютъ въ хронологическомъ порядкѣ, и читаешь ихъ какъ будто писанныя однимъ человѣкомъ. Митрополитъ чрезвычайно уважаетъ Хар. Андр. за этотъ трудъ, и преосвященный викарій Августинъ отзывается о немъ съ чрезвычайною похвалою. Непремѣнно послалъ бы эту книгу къ матушкѣ, да боюсь бабушки. Пожалуй старушка почтетъ франкмассонскою книгою и прогнѣвается. Досталось же отъ ней и покойному М. В. М. за то, что въ придѣлахъ вели-

Digitized by Google

колѣпной церкви своей устроилъ печи. Съ поръ тѣхъ перестала ссужать его деньгами, а прежде отказа не было.

2 марта, четвергъ. Вчерашнимъ утромъ ѣздилъ съ поздравленіемъ къ имянинницѣ, но она не принимала, а швейцаръ объявилъ, что *покорнѣйше просятъ на вечеръ.*—А много у васъ будетъ гостей?—Да, приглашаютъ всѣхъ, кто пріѣдетъ утромъ, а *званыхъ* нѣтъ: *тихой балъ* назначенъ.

Нечего сказать, *тихой балъ!* Вся Поварская въ буквальномъ смыслѣ запружена была экипажами, которые по обѣимъ сторонамъ улицы тянулись до самыхъ Арбатскихъ воротъ. Кажется, весь городъ втиснутъ былъ въ гостиныя А. С.—Чужая душа потемки,—но принимать гостей мастерица. Всѣмъ одинаковый поклонъ, знатному и незнатному; всѣмъ равное ласковое слово и приглашеніе на полную свободу. Играй, разговаривай, молчи, ходи, сиди, словомъ, дѣлай, что хочешь, только не спорь слишкомъ громогласно и съ запальчивостію: этого хозяйка боится. Кого тутъ не было, начиная съ главнокомандующаго до нашего брата студента, отъ альфы до омеги? Гр. Растопчинъ, князь Юр. Влад. Долгорукой, П. С. Валуевъ, Обрѣзковъ, кн. Вяземскій, Сен. Алябьевъ, Мухановъ, кн. Голицыны, Марковъ, Кутузовъ, Волконскій, Спиридовъ, Лопухины, Мамоновъ, Оборъяниновъ, гр. Салтыковъ съ своимъ неразлучнымъ Бр.... и проч. и проч., словомъ, почти вся московская знать. Я заслушался гр. Растопчина: что́ это за увлекательный образъ изъясненія: анекдотъ за анекдотомъ, одной чертой такъ и обрисуетъ человѣка, а между тѣмъ о своей личности ни слова. По короткости своей съ имянинницею онъ, говорятъ, сдѣлалъ ей пресмѣшной сюрпризъ: замѣтивъ, что она любитъ пастеты, онъ прислалъ къ ней за минуту до обѣда преогромный пастетъ, будто бы съ самою нѣжною начинкою, который и поставили передъ хозяйкою; въ восхищеніи отъ вниманія любезнаго графа, она, послѣ горячаго, просила Б. вскрыть великолѣпный пастетъ—и вотъ показалась изъ него прежде безобразная голова Миши, извѣстнаго карла К. Х., а потомъ вышелъ онъ и весь съ настоящимъ пастетомъ въ рукахъ и букетомъ живыхъ незабудокъ.

Ужинъ былъ человѣкъ на сто, очень хорошій, но безъ пре-

Digitized by Google

ступнаго бородинскаго излишества. За однимъ изъ маленькихъ столиковъ, не подалеку отъ меня, сидѣли двѣ дамы и трое мущинъ, въ числѣ которыхъ былъ Павелъ Ивановичъ Кутузовъ, и довольно горячо разсуждали о литературѣ, цитуя поочередно любимые стихи свои. А. Д. У., очень умная и бойкая дѣвица, хотя уже и не первой молодости, прочитала стихотвореніе Колычова *Мотылекъ*, и сказала, что оно ей нравится по своей наивности, и что Павелъ Ивановичъ такого не напишетъ. Поэтъ вспыхнулъ: «да знаете ли, сударыня, что я на всякія заданныя рифмы лучше этихъ стишонковъ напишу?—Нѣтъ, не напишете. —Напишу.—Не напишете.—Не угодно ли попробовать?—У—я осмотрѣлась кругомъ, подумала, и, услышавъ, что кто-то изъ гостей съ жаромъ толковалъ о персидской войнѣ и нашихъ плѣнныхъ, сказала: «извольте, вотъ вамъ 4 рифмы: *пльнъ, оковы, безмѣнъ, подковы*; даю вамъ сроку до конца ужина». — П. И., съ раскраснѣвшимся лицомъ и горящими глазами, вытащилъ бумажникъ, вынулъ карандашъ и погрузился въ думу. Прочіе продолжали разговаривать. Черезъ нѣсколько минутъ поэтъ съ торжествомъ выскочилъ изъ-за стола: «слушайте, сударыня, а вы, господа, будьте нашими судьями»;—и онъ громко началъ читать свои bouts-rimés:

Не бывши на войнѣ, я знаю, что есть *пльнъ*,
Не бывъ въ полиціи, извѣстны мнѣ *оковы*;
Чтобъ свѣсить прелести, не нуженъ мнѣ *безмѣнъ*,
Падешь къ твоимъ стопамъ, хоть были бъ и *подковы*.

«Браво, браво»! вскричали судьи, и приговорили У. просить извиненія у П. И., который такъ великодушно отмстилъ своей противницѣ.

Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ сказалъ, что если кузенъ его Василій Львовичъ Пушкинъ, считающій себя первымъ докою на bouts-rimés и экспромты, узнаетъ объ этихъ стихахъ, то съ нимъ сдѣлаются спазмы, если что-нибудь не хуже, тѣмъ болѣе, что П. И. *другой секты въ литературѣ*.

Говорятъ, что графъ Растопчинъ пишетъ большую комедію въ русскихъ нравахъ. Вотъ бы Кудрявцовъ къ кому свозилъ

Digitized by Google

меня, вмѣсто гр. Каменскаго,—полезнѣе бы для меня было. Но я попрошу обязательную сосѣдку, чтобы она меня представила.

4 марта, суббота. Дѣдушка притащилъ мнѣ мои лекціи и вмѣстѣ свѣденіе о составѣ русской труппы, сказывалъ, что она точно присоединяется къ театральной дирекціи, и что нѣкоторые сюжеты перемѣщены будутъ на петербургскій театръ. Между прочимъ, бесѣдуя о томъ о семъ, за бутылкою *бархатнаго*, дѣдушка разговорился о прежнихъ петербургскихъ актерахъ, и къ удивленію моему осмѣлился возстать съ критикою на великаго *Дмитревскаго*, который, по мнѣнію его, былъ человѣкъ *умный, вѣжливый и тонкій придворный*, но въ сущности превосходнымъ актеромъ никогда не былъ, и быть имъ не могъ, потому что не имѣлъ ни сильныхъ чувствъ, ни звучнаго органа, ни чистаго произношенія; читалъ стихи и даже прозу на распѣвъ, и, за недостаткомъ физическихъ средствъ, гонялся кстатѣ и не кстатѣ за какими-то эффектами. Славу будто бы пріобрѣлъ онъ отъ того, что Императрица изволила его жаловать, что онъ былъ мужъ просвѣщенный и образованный путешествіями, и что въ это время другаго лучшаго актера не было. Но за то актриса М., которая едва-едва знала грамотѣ, а писать вовсе не умѣла, которой всякую роль начитывали, была удивительная актриса. «Уу! Господи Боже мой, что̀ за буря! (дѣдушка припрыгнулъ), суфлировать не поспѣешь, забудешься; рветъ и мечетъ, такъ и бросаетъ въ лихорадку; а сойдетъ со сцены—*дура дурой!*» О нѣкоторыхъ тогдашнихъ французскихъ актерахъ относился онъ съ восторгомъ. — «Вотъ, говоритъ, напримѣръ хоть *Флоридоръ*, подлинно было кого послушать и посмотрѣть въ «*Магометѣ*», или «*Танкредѣ*»; на сценѣ красавецъ, голосъ звучный, поступь благородная, что слово скажетъ, какъ рублемъ подаритъ; или *Офренъ*, кажется, самъ по себѣ и не взраченъ, а ужь что за актеръ! Когда, бывало, играетъ Зопира, Аржира или Августа—такъ всѣ навзрыдъ и плачутъ. Я, грѣшный человѣкъ, по-французски худо маракую, но стоя за кулисами, отъ Офрена всегда приходилъ въ душевное волненіе, и даже плакалъ; а ужь какіе благородные люди!» Тутъ дѣдушка разсказалъ мнѣ, какъ знатная и богатая дама, послѣ представленія «Танкреда», призвала

Digitized by Google

Флоридора, и, наговоривъ ему тысячу вѣжливостей, просила принять отъ нея въ память доставленнаго ей удовольствія золотую табакерку, со вложеніемъ ста имперіаловъ; что Флоридоръ принялъ табакерку съ благодарностію, но отъ денегъ отказался, сказавъ, что актеръ, имѣющій счастіе принадлежать театру Великой Екатерины, въ деньгахъ нужды имѣть не можетъ, и всякая сумма, пріобрѣтенная въ Россіи мимо Высочайшихъ щедротъ, для него предосудительна. Разумѣется, Императрица узнала о томъ на другой же день, и при первомъ случаѣ гордый Танкредъ получилъ двойное вознагражденіе.

8 марта, середа. Физическія лекціи П. И. Строева часъ отъ часу болѣе привлекаютъ публику. Онѣ чрезвычайно занимательны по своимъ экспериментамъ. Я не пропускаю и не пропущу ни одной, сколько бы ни было другаго дѣла. П. И. говоритъ просто, ясно и увлекательно. Изъ дамъ обыкновенныя посѣтительницы кн. У—ва и П—на. Прекрасно также говоритъ и Пав. Аѳ. Онъ основательно изучилъ свой предметъ и предлагаетъ его убѣдительно. Я не слыхалъ другихъ эстетиковъ, и потому не могу опредѣлить достоинство нашего профессора сравнительно съ прочими, но признаюсь, слушаю его съ величайшимъ удовольствіемъ. Однако же, вотъ и онъ, скромный и благородный человѣкъ, попалъ на зубокъ какому-то зоилу, который сострилъ эпиграмму на журналъ его:

Каковъ журналъ?—Не хватскій!
Издатель кто?—Сохацкій!
Читатель кто жъ?—Посадскій!

10 марта, пятница. Сегодня, наконецъ, я слышалъ эту знаменитую пѣвицу, которою, нѣкогда, восхищалась вся Европа. Въ Вѣнѣ носили ее на рукахъ, въ Дрезденѣ и Берлинѣ, въ карету ея запрягались Нѣмцы, а въ Италіи сходили отъ нея съ ума. Я слышалъ эту *Мару*, отъ которой теперь съ ума сойдти нельзя, а взбѣситься можно, за истраченныя безъ удовольствія на концертъ ея деньги. Что славная пѣвица постарѣла и подурнѣла—это въ порядкѣ вещей; но не въ порядкѣ вещей, съ дребезжалымъ голосомъ и фальшивыми нотками, давать концерти и собирать съ насъ по 5-ти рублей. Добро бы она принадлежала къ

Digitized by Google

разряду тѣхъ пѣвицъ, которыя, какъ описываетъ ихъ остроумный враль Бородулинъ,

Выводятъ больно громко трели,
За тѣмъ, что ничего не ѣли.

Нѣтъ, *Мара* должна быть не въ этой категоріи, а вѣроятно поетъ отъ того, что хочетъ аплодисментовъ, или путешествовать на чужой счётъ. Говорятъ: она великая музыкантша, — да что́ изъ этого? Это домашнее ея качество, которое, если она ничего не сочиняетъ, ничѣмъ не доказывается. Вотъ *Манжористи* такъ пѣвица! Тоже не молода и не хороша: зубы, хуже зубовъ всякой коломенской купчихи — уголь углемъ, а заслушаешься. Пусть она не музыкантша, да послушавъ ея, кто можетъ сказать, чтобы она не была музыкантшею.

Однако же какъ ни черны зубы г-жи *Манжористи*, но они чуть не были причиною дуэли на пистолетахъ между двумя немолодыми уже повѣсами. Д., сидя въ креслахъ возлѣ Ч. и будучи въ восторгѣ отъ пѣвицы, изъявлялъ его громкимъ и безпрестаннымъ повтореніемъ всѣхъ гласныхъ буквъ въ русской азбуки: А! Э! И! О! У! — Видно это надоѣло Ч., который, вдругъ обратясь къ диллетанту, сказалъ: «да чѣмъ восхищаетесь вы? посмотрите, что́ за ротъ и какіе зубы!—М. Г., отвѣчалъ Д., это ваше дѣло, а мнѣ смотрѣть ей въ зубы не за чѣмъ: она не продажная лошадь»!—Слово за слово, и дуэль бы состоялась, если бы умный Александръ Александровичъ Волковъ не помирилъ противниковъ. Надобно сказать, что Ч. когда-то и кому-то продалъ лошадь съ поддѣланными зубами; а такой поступокъ въ матушкѣ Москвѣ *не забывается* и въ свое время *отзывается*.

13 марта, понедѣльникъ. Мы воспользовались свободною субботою и вчерашнимъ воскресеньемъ, чтобы съѣздить въ *Кусково* гр. Шереметьева и *Люблино*, принадлежащее Н. А. Дурасову, взглянуть на пространныя оранжереи, наполненныя померанцевыми, лимонными и лавровыми деревьями и несмѣтнымъ количествомъ самыхъ роскошныхъ цвѣтовъ. Намъ сказали, что эти оранжереи въ настоящее время года бываютъ во всей пышности и красотѣ своей; въ самомъ дѣлѣ, я никогда не видалъ

Digitized by Google

ничего подобнаго, Совершенное царство Флоры! Кусковскія оранжереи удивляютъ количествомъ и огромностью своихъ померанцевыхъ деревъ, и богатствомъ произрастеній, но не такъ чисто содержаны, какъ люблинскія; послѣднія несравненно пріятнѣе и роскошнѣе; видно, что за всѣмъ бдительно наблюдаетъ самъ хозяинъ, котораго какъ нарочно тутъ и повстрѣчали. Онъ впродолженіи всей зимы имѣетъ привычку по воскреснымъ днямъ обѣдать съ пріятелями въ люблинскихъ своихъ оранжереяхъ. Не предполагая этой встрѣчи, мы было сами хотѣли завтракать въ зелени, ins grüne, для чего и привезли съ собою кой-какой провизіи, но гостепріимный Н. А. до того не допустилъ. Онъ видалъ П. И. въ домѣ родственника своего, бригадира Мельгунова, и тотчасъ же пригласилъ насъ обѣдать съ нимъ вмѣстѣ. Сколько мы ни отговаривались (разумѣется изъ церемоніи), но онъ настоялъ, говоря, что отказъ нашъ его обидитъ. Онъ очень богатъ, а еще болѣе радушенъ. Въ два часа пріѣхали гости: кн. Дмитрій Евсеевичъ Цициановъ, кн. Оболенскій, какой-то красивый французъ Моро, двѣ очень хорошенькія и бойкія иностранки, Еф. Еф. Ренкевичъ, Александръ Александровичъ Арсеньевъ и докторъ Доппельмейеръ. Всѣхъ насъ было человѣкъ 12, но столъ былъ накрытъ кувертовъ на 30. Только что сѣли за столъ, подоспѣли новые гости: старинный и любимѣйшій учитель пѣнія, Кастратъ *Мускети*, который даетъ въ Москвѣ уроки дамамъ и дѣвицамъ въ третьемъ ихъ поколѣніи, рослый и тучный bon vivant и gourmé, и съ нимъ знакомецъ мой, молодой *Нейкомъ*, живущій у *Штейнсберга*, капельмейстеръ и сочинитель музыки, одинъ изъ любимѣйшихъ учениковъ великаго Гайдна. Я удивился, увидя ихъ вмѣстѣ, но загадка скоро объяснилась: *Мускети*, какъ истинный и безпристрастный знатокъ въ дарованіяхъ музыкальныхъ, желая удержать непремѣнно *Нейкома* въ Москвѣ, хлопоталъ объ опредѣленіи его капельмейстеромъ къ Дурасову, или къ Всеволоду Андреевичу Всеволожскому, которыхъ оркестры считаются лучшими и полнѣйшими. Я едва могъ узнать *Нейкома* въ его огромномъ жабо, закрывавшемъ ему всю бороду, и не знаю, какъ онъ могъ справиться съ кушаньемъ; а серьги? Серьги чуть-чуть не съ переднія колеса

Digitized by Google

моихъ дрожекъ; Богъ знаетъ кто научилъ его такъ одѣться. Хорошенькія мамзели, смотря на даровитаго музыканта, безпрестанно ухмылялись.

Обѣдъ былъ чудесный, и, какъ сказывалъ хозяинъ, состряпанъ изъ одной домашней провизіи крѣпостною его кухаркою; у него есть и отличные повара, но онъ предпочитаетъ кухарку по необыкновенной ея опрятности. Стерляди и судаки изъ собственнаго его пруда; чудовищные раки ловятся въ небольшой, протекающей по Люблину, рѣчкѣ; спаржа, толщиною чуть не въ палку, изъ своихъ огородовъ; нѣжная и бѣлая какъ снѣгъ телятина, со своего скотнаго двора; фрукты собственныхъ оранжерей; даже вкусное вино въ родѣ шампанскаго, которымъ онъ безпрестанно всѣхъ насъ подчивалъ, выдѣлывается у него въ крымскихъ деревняхъ изъ собственнаго же винограда. Необыкновенный хозяинъ! а ктому же и не дорожитъ ничѣмъ, видно, что не хвастунъ: все у него дрянь, «*совершенная дрянь-съ!*» К. Ц. разсказывалъ множество случившихся съ нимъ происшествій, которымъ нельзя было не удивляться. Между прочимъ говоритъ онъ о какомъ-то сукнѣ, которое онъ поднесъ кн. Потемкину, вытканное по заказу его изъ шерсти одной рыбы, пойманной имъ въ Каспійскомъ морѣ. Какихъ чудесъ нѣтъ на свѣтѣ! Къ числу этихъ чудесъ можно отнести и то, что разскащикъ, кушая съ величайшимъ аппетитомъ, и все жирное, ничего не пилъ, кромѣ полузамороженной воды. Говорилъ, что отъ роду не отвѣдывалъ ни вина, ни пива, ни даже квасу, а водки и подавно. Онъ также самъ великій хлѣбосолъ и мастеръ выдумывать и готовить кушанье. А. Л. Нарышкинъ, первый гастрономъ своего времени, когда ни пріѣзжаетъ въ Москву, ежедневно почти у него обѣдаетъ, за то и князь въ Петербургѣ угощается по-барски. Послѣ кофе мы хотѣли было откланяться, но хозяинъ опять не пустилъ, прося послушать домашнихъ его пѣсенниковъ, которые точно пѣли прекрасно съ акомпаниментомъ кларнета и рожка; между тѣмъ разносили поминутно разныхъ сортовъ ликеры домашняго же приготовленія, удивительно вкусные. Я въ жизнь свою такихъ не пивалъ; замѣтивъ, что иные наиболѣе понравились П. И.,

Digitized by Google

хозяинъ приказалъ нѣсколько бутылокъ положить намъ въ сани. Мы уѣхали поздо, да и какъ иначе! Не будь дѣла, а главное, еслибъ я былъ одинъ, то долго бы еще не уѣхалъ. Когда оранжерею освѣтили, она превратилась въ какой-то садъ Армиды.

Счастливецъ! Сколько удовольствія и добра онъ можетъ сдѣлать другимъ.

16 марта, четвергъ. Неужто же въ самомъ дѣлѣ въ воскресномъ похожденіи моемъ было только на половину правды? Неужели домашнія стерляди и спаржа, дома упитанный телецъ, домашнее вино и ликеры, словомъ, *все*—было *не домашнимъ*? а опрятная кухарка, а сукно изъ рыбьей шерсти и приключенія на Каспійскомъ морѣ неужто были однѣ сказки *de ma mère l'oie*. Опростоволосился же я порядочно! Пусть основаніемъ этихъ сказокъ и служитъ истинное желаніе угостить, однако же зачѣмъ вводить въ такое заблужденіе? Мы бы ѣли съ такимъ же наслажденіемъ, и столько же, хотя бы и знали, что за столомъ, кромѣ фруктовъ, ничего не было *домашняго*, а я, конопляникъ, давай разсказывать встрѣчному и поперечному, за неслыханное диво, о знаменитомъ хозяйствѣ люблинскаго владѣльца, у котораго въ домѣ все свое и купленнаго ничего нѣтъ; давай повторять исторію о рыбьемъ сукнѣ, и очень удивлялся, почему безъ смѣха никто меня не слушалъ, покамѣстъ серьезный Петръ Тимоѳеевичъ и вовсе не серьезный Кондратьевъ не вывели меня изъ заблужденія, объяснивъ мнѣ загадку.—Такъ оно вотъ что! Впрочемъ, у всякаго есть свой конекъ, и сердечная доброта заставитъ простить многое. Къ подобнымъ розсказнямъ привыкли: онѣ исчезаютъ въ воздухѣ, но радушное гостепріимство нашего Амфитріона и клеврета его остается и вошло въ пословицу. Пусть у одного будетъ все домашнее, а другой носитъ фраки изъ выдуманнаго имъ сукна, — а я бы не прочь водиться всегда съ такими людьми.—Одна бѣда: востроглазая А. А. не перестаетъ теперь преслѣдовать меня рыбьимъ сукномъ, а злодѣй Н. Т. совѣтовалъ уже мнѣ обратиться по принадлежности къ Антонскому, какъ профессору энциклопедіи и натуральной исторіи, за свѣденіями о рыбьей шерсти.

Но вотъ мистификація почище. Вчера въ Петровскомъ театрѣ

Digitized by Google

смотрѣли мы искусника *Транже*, который объявилъ въ газетахъ, что онъ *невиданный волтижеръ, покажетъ искусство свое на 50 ф. отъ земли, и будетъ ходить по потолку внизъ головою.* Какъ не взглянуть на такое диво! Прежде вертѣлся онъ мельницею на повѣшенномъ довольно высоко канатѣ; а послѣ, заставивъ себя раскачать, бросился въ повѣшенный предъ нимъ бумажный тамбуръ и выскочилъ изъ него переодѣтый старухою. За тѣмъ, подвязавъ къ подошвамъ крючья, началъ цѣпляться ногами одна за другою за вбитые въ потолокъ такіе же крючья, и такъ перебрался чрезъ весь театръ. Вотъ и все тутъ хожденіе по потолку; по мнѣнію моему, эти штуки приличествовали бы масляничному балагану, а между тѣмъ Транже собралъ не менѣе 1000 руб. Онъ открываетъ манежъ и школу волтижированія въ домѣ князя Дадьянова, на Лубянкѣ.

20 марта, понедѣльникъ. У К. А. М—вой продолжаютъ собираться по вечерамъ лучшіе музыканты и любители нѣмецкой ученой музыки. Вчера неожиданно пріѣхалъ угрюмый и строгій преподаватель генералъ-баса, старикъ *Геслеръ*. Знаю, что Москва любитъ *своихъ* музыкантовъ, т. е. тѣхъ, которые въ ней долго живутъ и къ которымъ она привыкла, но такихъ знаковъ уваженія, какіе вообще оказываютъ этому товарищу и другу Гайдна, я признаюсь, не ожидалъ: только что на рукахъ не носятъ. *Геслеръ* точно достоинъ всякаго уваженія какъ сочинитель музыки и какъ человѣкъ. Старикъ очень обрадовался, встрѣтивъ Нейкома, и дружески пѣнялъ за то, что рѣдко его видитъ. Потомъ оборотясь къ хозяйкѣ, сказалъ: «Wir sind Kinder der näsmlicher Vater»,—разумѣя Гайдна. Потомъ сѣлъ за фортепіано, и началъ разыгрывать турецкій хоръ и маршъ сочиненія Нейкома изъ *Sitah-Mani* (Карла XII), которымъ искренно восхищался. Говорилъ, что время настоящей музыки прошло, что теперь, кромѣ французскихъ романсовъ и ученическихъ арій Крейслера и Венцель-Миллера изъ Donaüweibchen и Teüfels müsle, онъ ничего другаго въ обществѣ не слышитъ, и что онъ всегда сердечно радуется, когда изрѣдка попадаются ему такія сочиненія, какъ Нейкомовы, которыя такъ изобилуютъ богатствомъ, разнообразіемъ и силою музыкальныхъ идей. Сказывалъ, что по старости

Digitized by Google

лѣтъ онъ сбирается оставить уроки и желалъ бы ихъ передать *Нейкому*, еслибъ онъ поселился въ Москвѣ. Но кажется, это дѣло несбыточное: Нейкомъ имѣетъ въ виду Веймаръ, а оттуда, по совѣту *Гёте*, намѣренъ ѣхать въ Парижъ. Великій германскій поэтъ покровительствуетъ молодому Нейкому за сочиненіе превосходныхъ хоровъ къ Фаусту, и снабдилъ его письмомъ къ петербургскому другу своему генералу *Клингеру*.

На другомъ концѣ города, т. е. на Пречистенкѣ, бываютъ музыкальныя собранія въ другомъ родѣ. У Н. А. В. еженедѣльно по четвергамъ разыгрываются квартеты, въ которыхъ участвуютъ всѣ лучшіе музыканты, какіе только находятся въ Москвѣ. Въ прошедшемъ году 1-ю скрипку держалъ *Роде*, а въ нынѣшнемъ будетъ играть приму *Бальо*, альта *Френцель*, и на віолончели по прежнему *Ламаръ*. Есть чего послушать. Вся знать бываетъ на этихъ концертахъ. Братецъ И. П. Поливановъ, короткій пріятель В., обѣщалъ меня ему представить. Нетерпѣливо этого ожидаю.

Я и не зналъ, что комедія «*Ботъ*, или Англійскій Купецъ», переведена молодымъ княземъ Долгоруковымъ; не даромъ старый князь такъ занимается театромъ, а любимецъ его Плавильщиковъ такъ хорошо играетъ *Бота*. Эта роль его торжество.

25 марта, суббота. Колымажный манежъ есть покамѣстъ лучшій манежъ въ городѣ для обученія. Старикъ *Кинъ*—самый добросовѣстный нѣмецъ и мастеръ своего дѣла. Графъ Орловъ-Чесменскій покровительствуетъ ему не безъ причины: *Кинъ* этого стоитъ; онъ не даетъ зашаливаться ученикамъ своимъ, кто бы они такіе ни были: угодно учиться—милости просимъ, а гонять лошадей безъ цѣли не позволяетъ. Учишься, такъ ѣзди безъ стремянъ, покамѣстъ ихъ не заслужишь; когда же дадутъ стремена—заслуживай шпоры. Что̀ дѣло, то дѣло. Со временемъ всѣ будутъ ему благодарны, хотя теперь и ропщутъ. — Кромѣ учениковъ и молодыхъ людей, кончившихъ ученье и ѣздящихъ на собственныхъ своихъ лошадяхъ для проѣздки ихъ, въ опредѣленные часы собирается въ манежъ много извѣстныхъ любителей верховой ѣзды, кавалеровъ и дамъ. Послѣднимъ даетъ уроки помощникъ *Кина*, берейторъ *Шульцъ*, красивый мужчина,

Digitized by Google

среднихъ лѣтъ и отличный ѣздокъ. Сегодня въ манежѣ были: молодая княгиня Урусова, княжны Гагарины, Щербатовы и К. А. Карамзина вмѣстѣ съ мужемъ; послѣдній ѣздитъ ежедневно по утрамъ для моціону. Лучшими ѣздоками въ городѣ считаются братья Соковнины, князь Дадьяновъ, младшій Алябьевъ, Ив. П. Бибиковъ и Брокъ, живущій у гр. Салтыкова. У нихъ затѣвается большая карусель, только не условились еще въ назначеніи распорядителя.

Конь особенно расположенъ ко мнѣ за то, что я кротко обращаюсь съ лошадьми; за то я имѣю исключительную привилегію ѣздить на старомъ, бѣломъ *Фрипонѣ*, фаворитной лошади покойнаго Государя, которая находится въ Колымажномъ на пансіонѣ. Мы взаимно другъ другу полезны: мнѣ ученье, а ему моціонъ. Фрипонъ очень любитъ сахаръ, и я никогда не сажусь на него и съ него не слѣзаю безъ того, чтобы не дать ему по нѣсколько кусочковъ. Бѣдняга отвыкъ отъ этого лакомства, и когда я его подчую, онъ смотритъ на меня своими большими черными глазами такъ умно, такъ умно, что, кажется, такъ и хочетъ сказать мнѣ спасибо; непродажному коню цѣны нѣтъ,— но что если бы этотъ старичекъ продавался?

Намедни мой П. И., проѣзжая мимо манежа, захотѣлъ взглянуть на наши подвиги; вдругъ пришла ему фантазія самому поѣздить верхомъ. То-то былъ смѣхъ! Онъ отъ роду не садился на лошадь. Сдѣлавъ нѣсколько вольтовъ, держась то за гриву, то за луку сѣдла, онъ сошелъ съ лошади, говоря, что это не магистерское дѣло. Я замѣтилъ, что Антонскій и профессоръ, а лѣтомъ ежедневно катается верхомъ, даже иногда и съ дамами; дѣло другое, возразилъ онъ, Антонскій, *профессоръ энциклопедіи*.

Завтра свободный день. Надобно исполнить коммиссію батюшки и потаскаться по Англичанамъ, для выбора заводскаго жеребца. Въ этомъ дѣлѣ могъ бы вѣрнѣе всѣхъ руководствовать меня Н. П. Аксеновъ,—но у него есть продажные жеребцы своего завода, которые батюшкѣ не нравятся, потому что не того сорта, какіе ему нужны;—слѣдовательно Аксенова тревожить не кстати. Авось обойдемся и безъ него.

Digitized by Google

27 марта, понедѣльникъ. Ни одинъ изъ Англичанъ не показалъ вчера лошадей своихъ, отзываясь воскресеньемъ: просили пріѣхать въ простой день. Воскресенье у нихъ то же, что у Жидовъ суббота,—полный шабашъ для людей и животныхъ. Не спорю, что этого обычая можно держаться въ отношеніи къ работѣ, но развѣ вывести изъ конюшни лошадь на показъ есть работа? Теперь придется ѣхать не иначе, какъ въ субботу, или уже на страстной, потому что на этой недѣлѣ рѣшительно свободнаго времени не будетъ. Между тѣмъ въ субботу утреннее гулянье на вербахъ,—такъ видно до страстной.

Какъ я радъ, что добрый Сокольскій становится довольнѣе мною: я выучилъ дроби, и скоро примемся за тройное правило. Дашковъ смѣется, что я того и гляди заткну за поясъ Загорскаго съ его курсомъ Безу. Нѣтъ, поздно! Чтобы успѣть въ какомъ-нибудь дѣлѣ, надобно любить его,—а я безъ отвращенія не могу смотрѣть на этотъ проклятый цыфирь. То ли дѣло наша деревенская бирка или конторскіе счёты?

29 марта, середа. Коропъ сказывалъ, что дебютъ Граве назначенъ 11 числа апрѣля, т. е. во вторникъ на Святой недѣлѣ, въ какой-то преглупой пьескѣ «Der Gimpel auf der Messe», т. е. «Снѣгирь на ярмаркѣ», подъ условленною фамиліею *Nemo*. На пробахъ онъ не показалъ ни искры таланта, былъ очень дуренъ и смѣшонъ, и заботился только о томъ, чтобы цѣловать мадамъ Штейнсбергъ, какъ предписывала піеса; сколько ему ни говорили, что на репетиціяхъ этого не водится, но онъ настаивалъ на своемъ, что чрезвычайно забавляло Штейнсберга. Ну, г. *Снѣгирь-Nemo*, просимъ не прогнѣваться, а мы отдѣлаемъ тебя ни въ строй, ни къ смотру. Кажется, малый—душа, а дѣлаетъ глупость, которая можетъ испортить всю карьеру по службѣ его въ Кремлевской экспедиціи.

1 апрѣля, суббота. Вмѣстѣ съ присланнымъ отъ батюшки конюшимъ обрыскали мы вчера и сегодня утромъ всѣхъ англичанъ и даже не англичанъ, и я успѣлъ попасть на гулянье въ свое время. Народу было бездна, но блистательныхъ экипажей и упряжекъ не было: берегутъ для святонедѣльныхъ гуляній. Главнокомандующій 2 раза проѣхалъ со всею свитою. Знакомыхъ

Digitized by Google

встрѣтилъ мало, но тѣмъ, которыхъ встрѣтилъ, былъ радъ-радешенекъ, и завтра по приглашенію поѣду обѣдать къ нимъ:

И пусть надъ мною неизбѣжныя
Судьбы свершится приговоръ.

А тутъ и рифма кстатѣ: *вздоръ*.

Разумѣется, вздоръ! Пообѣдаемъ, порѣзвимся, меня поласкаютъ, надо мною потрунятъ, спросятъ, не изъ *рыбьяго* ли сукна мой фракъ?—и только; да чего же больше. Я увѣренъ, что, если бы могло быть *больше*, было бы *меньше*. Разгадка этой загадки моя тайна, а другимъ до нея дѣла нѣтъ.

Такой лошади, какая нужна отцу моему, у англичанъ не нашли; но у графа Орлова, Загряжскаго и Давыдова видѣли нѣсколько лошадей, которыхъ конюшій облюбовалъ, и говоритъ, что именно такого жеребца и приказано купить. Больше всѣхъ понравился намъ жеребецъ у Загряжскаго: бурый въ маслѣ, большаго роста, широкій, ноги плотныя, шея лебединая съ зарѣзомъ, голова небольшая, уши вострыя, глаза на выкатѣ, и оскалъ такой, что въ ноздрю хоть кулакъ суй. Хвостъ и грива жиденьки, но за то мягки какъ шолкъ: признакъ породы. Конечно, дорого: меньше 800 р. не отдадутъ, да еще придется давать на поводъ, однако же дѣлать нечего, купить необходимо: весна на дворѣ. Дай только Богъ угодить отцу.

Видѣли у Банкса: *Даппля* отъ Дельфини и *Гартофь-ока* отъ Метеора; у Ив. Смита: *Серь-Роуланда* отъ Вальпута, и *Фопа* отъ Волонтера; у Жаксона: фаворита московскихъ охотниковъ *Тромпетера* отъ Трумпатора. Всѣ лошади отличныя, но Даппль—краса лошадей. Тромпетеръ очень красивъ, но малъ и тонокъ. Да у Москвы свой собственный вкусъ. Теперь мода на рыжихъ лошадей съ фонарями, т. е. съ проточинами. Каковы бы они качествомъ ни были, цѣна имъ вдвое.

6 апрѣля, четвергъ. Л—скій староста привезъ отъ матушки письмо, которымъ увѣдомляетъ о кончинѣ добрѣйшаго Ив. Ив. Л—го, и поручаетъ мнѣ выбрать ему надгробный памятникъ, на покупку котораго крестьяне міромъ посылаютъ 400 руб. Такая сумма для деревни въ 60 душъ не маловажна! Приходскій священникъ придумалъ для памятника и надписи; съ одной стороны:

Digitized by Google

«*Благодѣтельному помѣщику* (имярекъ) *отъ благодарныхъ крестьянъ*»; а съ другой: «*Бѣ человѣкъ посланъ отъ Бога, имя ему Іоаннъ*». Первую вырѣзать можно и должно, но послѣдняя ни къ селу, ни къ городу. Если этотъ текстъ пригоденъ былъ для надгробнаго слова Собіескому, то для надписи И. И., котораго христіанская дѣятельность заключалась въ кругу чрезвычайно ограниченномъ, онъ вовсе не у мѣста. Прикажу вырѣзать просто: «*Память праведнаго съ похвалами*». И точно, дядя Ваня, какъ я называлъ его въ дѣтствѣ, былъ совершенно праведный мужъ, хотя образъ жизни его и весь онъ самъ казались непостижимо странными. Уступивъ женатому брату, по его настоятельной просьбѣ, изъ отцовскаго наслѣдства болѣе 400 душъ, со всею почти движимостью, онъ оставилъ себѣ одно небольшое имѣніе въ 60 душъ, и жилъ въ верстѣ отъ него въ лѣсу, въ сообществѣ единственной своей прислуги, стараго псаря Климыча и брюзгливой старой стряпухи; три борзыхъ собаки и нѣсколько вятскихъ лошадей, за которыми ходилъ и присматривалъ самъ, составляли все его движимое имущество; онъ былъ, или казался, страстнымъ псовымъ охотникомъ, и часто пріѣзжалъ къ дѣду на условленныя полеванья. Какъ теперь вижу его лысую голову, его большіе на выкатѣ глаза, его смѣлый рѣшительный взглядъ, и эту вѣчную добродушную улыбку; какъ теперь слышу его громкую, отрывистую поговорку и почти безпрерывный хохотъ, увлекавшій къ безотчетной веселости всю бесѣду. Помню синій патенковый его кафтанъ и зеленый съ откладными полами картузъ, длинный въ серебряной оправѣ охотничій ножъ, и огромную коренковую, домашняго издѣлія, съ короткимъ чубукомъ, трубку, служившую ему кистенемъ и дубинкою; помню неразлучныхъ его спутниковъ, двухъ большихъ псовыхъ собакъ *Пожара* и *Пылая*; и соловую лошадку, на которую онъ, старый Немврод, сажалъ меня пятилѣтняго баловня, къ ужасу моей няни и прочихъ приставницъ, соблазнявшихся его издѣвками. Помню, какъ всѣ домашніе всегда радовались его пріѣзду, съ которымъ какъ будто водворялось благословеніе Божіе не токмо въ домѣ, но и въ цѣломъ селеніи; какая-то свобода и миролюбивыя между всѣми отношенія: дѣдушка не кричалъ на прикащика, прикащикъ не тузилъ мужи-

Digitized by Google

конь, дворовые люди сидѣли всѣ на лицо безотлучно въ передней, дѣвки не таскались по застольнымъ, и все принимало видъ какого-то праздничнаго порядка, какъ будто бы наступало другое Свѣтлое Воскресенье. Памятны мнѣ всѣ разговоры домашнихъ гостей и сосѣдей, когда, проводивъ Ив. Ив., начнутъ толковать, что другаго Л—го не сыскать, что онъ, кажись, такъ старичонокъ непосѣдъ, сегодня здѣсь, а завтра тамъ, собачникъ и хохотникъ, безъ проказъ ни на часъ, а между тѣмъ, что ни затѣваетъ, все къ добру и все добромъ сводитъ; что онъ Ф. помирилъ съ женою и заставилъ ихъ жить душа въ душу; что у князя О. выпросилъ сыну прощеніе и ввелъ опять въ домъ; что бѣдному Р. отхлопоталъ землю, которую отнимали ябедники; что попа, отца Евдокима, котораго оклеветали и чуть было не отрѣшили, отстоялъ предъ владыкою; что Макар—го однодворца, на котораго насѣлъ голова съ волостнымъ писаремъ и повезъ безъ очереди въ рекруты, вынесъ изъ бѣды на плечахъ. — Всѣ эти толки я живо помню, и вотъ, на конецъ, этого добраго человѣка не стало. Миръ праху твоему, почтенный старецъ, *почившій въ благословеніяхъ!*

Ѣдемъ въ Соборъ на умовеніе ногъ, поучаться смиренію. Отъ души помолюсь объ усопшемъ и о себѣ: что-то давно не было такъ грустно.

10 апрѣля, понедѣльникъ. Спѣшу мысленно обнять тебя, любезнѣйшій братъ, и поздравить съ наступившимъ праздникомъ. Какъ бы желалъ сказать тебѣ лично обычное, животворящее: *Христосъ воскресе!* и въ возвратъ услышать отрадное: *воистину*! Когда-то это сбудется?

Спасибо, сердечное спасибо за все про все. Ты начинаешь ужь слишкомъ баловать меня. Для скромнаго прожитка намъ достаточно бы было одного жалованья матушки, съ присовокупленіемъ домашней ея провизіи, а ты непремѣнно хочешь озолотить нашу жизнь! Боюсь, что щедрость твоя пріучитъ меня къ мотовству. Впрочемъ, нѣтъ! Безъ пособія твоего я не видалъ бы и не слыхалъ много такого, что послужило мнѣ въ истинную пользу. Наглядная наука—споръе.

Ты и понятія имѣть не можешь о той ночи, какую мы про-

Digitized by Google

вели съ страстной субботы на Свѣтлое воскресеніе въ нашемъ Кремлѣ. «*Во истинну сія препразднественная и спасительная нощь и свѣтозарная свѣтоноснаго дне возстанія провозвѣстница*». Мнѣ кажется, что эта боговдохновенная пѣснь св. Іоанна Дамаскина ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, кромѣ Іерусалима, не можетъ такъ сильно и благодатно дѣйствовать на всѣ чувства христіанина, какъ въ этой священной оградѣ нашего православія! Мы пріѣхали въ одиннадцатомъ часу, когда только начали освѣщать соборы, между тѣмъ какъ все безграничное замоскворѣчье, съ его храмами и высокими колокольнями, горѣло уже безчисленными огнями, въ ожиданіи благословенія *съ высотъ священнаго Кремля* къ начатію благовѣста, и за тѣмъ божественной службы. Вскорѣ раздался первый призывный къ молитвословію ударъ огромнаго Ивановскаго колокола,—и въ одну минуту, какъ будто по какому-то электрическому сотрясенію, загудѣла вся Москва. Я въ жизнь свою не забуду этой минуты! Но когда, послѣ получасоваго благовѣста, внезапно начался общій оглушающій звонъ всѣхъ колоколовъ кремлевскихъ и цѣлаго города, и въ то же время изъ всѣхъ соборовъ потянулись древнія хоругви, златокованныя иконы и кресты, духовенство въ праздничномъ облаченіи съ дымящимися кадилами, а за нимъ тьма тьмущая народу съ зажженными свѣчами, при громогласномъ и торжественномъ пѣніи этой божественной пѣсни: *Воскресеніе Твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небесѣхъ*, то признаюсь, я пришелъ въ какое-то небывалое со мной положеніе, въ какой-то духовный восторгъ, и со слезами повторялъ въ глубинѣ души моей: *и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славити* всегда и повсюду, какъ здѣсь въ настоящую минуту.

На дняхъ опишу тебѣ свои праздничные визиты и завтрашній дебютъ Г. въ «Снѣгирѣ».

12 апрѣля, середа. Праздничныя поздравленія мои окончились довольно скоро, хотя я почти всѣхъ заставалъ дома. Впродолженіе этого не встрѣтилось ничего такого, что бы заслуживало особенное твое вниманіе, кромѣ многознаменательныхъ вопросовъ Т. и К. о твоемъ житьѣ-бытьѣ и нѣкото-

Digitized by Google

рой пѣни за твое молчаніе. Не могу сказать на вѣрное, но кажется, какъ будто хотѣли о чемъ-то говорить со мною: вѣроятно о томъ же, какъ тебя любятъ и *жалуютъ*, *жалѣютъ* и *желаютъ*. Горе вамъ богатымъ! Вотъ наша братья совсѣмъ другое дѣло: насъ не *жалѣютъ*, и не *желаютъ*, а просто христосуются съ нами, по-русски: cela ne peut pas tirer a conséquence. Но послѣ необходимаго воскреснаго поцѣлуя, тутъ же и необходимый вопросъ: «а фракъ вашъ не изъ рыбьяго ли сукна?» O ma tante, ma tante! Бога она не боится!

Ну ужь Ѳедоръ Павловичъ, одолжилъ! Думаю, что съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ театръ, не было актера, которому пришлось бы играть приличнѣйшую своей фигурѣ роль: вотъ ужь настоящій скитающійся башмачный подмастерье! Маленькій, толстенькій, сутуловатый, грудочка впередъ, голова ушла въ плечи, физіономія препечальная, голосъ нищаго, и ко всему этому: сѣрый изношенный сюртукъ по щиколдку, дырявая шляпа и огромный чемоданъ за плечами,—словомъ, умора! По случаю праздничныхъ дней театръ былъ биткомъ набитъ. Едва только появился папъ Nemo, публика встрѣтила его общимъ рукоплесканіемъ, продолжавшимся, конечно, минутъ пять; мы было хотѣли попикать да посвистать—куда тебѣ! Никто изъ насъ не въ состояніи былъ сжать губъ отъ смѣха. Nous avons ris—nous voila desarmés; а мы не то, чтобы смѣялись, но буквально находились въ припадкѣ истерическаго, конвульсивнаго смѣха. Неистовые крики «браво, браво», топанье ногами, стучанье палками,—словомъ, всѣ обыкновенныя принадлежности театральнаго восторга сопровождали каждую фразу Снѣгиря-Nemo, и почти не давали ему говорить. Всѣ находившіеся на сценѣ актеры не могли воздержаться отъ хохота.... Но вотъ кой-какъ доплелся Nemo до сцены поцѣлуевъ: съ какимъ-то бѣшенствомъ бросился онъ на бѣдную мадамъ *Штейнсбергъ*, и началъ, не то, чтобы цѣловать ее, а просто грызть, и повисъ у ней на шеѣ. Что происходило за симъ, я не умѣю того выразить. Вся праздничная публика вышла совершенно изъ себя, такъ что умный и ловкій полиціймейстеръ В., хотя и самъ помиралъ со смѣху, принужденъ былъ обратиться къ публикѣ съ просьбою объ умѣреніи своего восторга. По

Digitized by Google

окончаніи піесы мы отправились за кулисы взглянуть на новаго дебютанта, и нашли, что *мадамъ Штейнсбергъ* въ слезахъ, а *Nemo*, приложа руку къ челюсти, охаетъ. Она только что предъ нами отвѣсила ему прежестокую пощечину.—«Что́, каково? спрашиваетъ дебютантъ,—вѣдь я говорилъ, что произведу необыкновенный эффектъ!—Да, отвѣчали мы,—но когда же играешь опять?—Нѣтъ, довольно: кажется, я въ два часа постарѣлъ двадцатью годами».—Слава Богу! А вѣдь свистковъ не было и принятъ съ восторгомъ; Штейнсбергъ великій знатокъ человѣческаго сердца!

Гулянья подъ Новинскимъ начались блистательно. Время стоитъ прекрасное. Экипажамъ счета нѣтъ и кавалькадъ много. Изъ числа первыхъ болѣе всѣхъ обратила на себя вниманіе карета какого-то Павлова: голубая съ позолоченными колесами и рессорами, соловыя лошади съ широкими проточинами и съ гривами по колѣна, въ бархатной пунцовой съ золотымъ наборомъ сбруѣ. Чрезвычайно нарядно. Коренныя, какъ львы, развязаны на позолоченныхъ цѣпяхъ, а подручная безпрестанно на курбетахъ. Изъ кавалькадъ лучшею показалась мнѣ та, въ которой видѣлъ я графа П. И. Салтыкова. Немногочисленна, но всѣ лошади прелесть. И. П. П. также отличался въ ней, и его старушка *Betsi* до сихъ поръ считается самою красивѣйшею лошадью въ Москвѣ.

13 апрѣля, четвергъ. Гулянье подъ Дѣвичьимъ было чрезвычайно многолюдно. Но все это хорошо только для новаго человѣка, а то приглядишься не только къ лошадямъ и экипажамъ, но даже и къ тѣмъ фигурамъ, которыя въ нихъ сидятъ и стоятъ на запяткахъ; все одно и то же: однообразно и скучно; и тѣмъ болѣе скучно, что почти въ каждой физіономіи ѣдущаго или ѣдущей на показъ въ публику замѣтно одно чувство: желаніе блеснуть и возбудить зависть въ другихъ своимъ достаткомъ или вкусомъ. Я это заключаю, право, не изъ какой-нибудь мизантропіи, въ мои лѣта непростительной, и даже невозможной, но изъ тѣхъ самодовольныхъ взглядовъ, улыбокъ, киваній головами, маханій руками, которыя замѣтилъ я у всѣхъ почти владѣльцевъ раззолоченныхъ экипажей. Какая разница въ физіс-

Digitized by Google

ломи щеголей, идущихъ на гулянье казать себя, и тѣхъ, которые идутъ смотрѣть другихъ изъ одного любопытства или *по обязанности*; говорю *по обязанности*, потому что, какъ мнѣ толковалъ умный Николай Андрѣевичъ Новиковъ, всякій коренной москвичъ обязанъ быть на извѣстныхъ гуляньяхъ, во избѣжаніе заключеній о немъ, точно также, какъ и всякая московская барышня *обязана* не пропускать на балахъ ни одного танца. Я не бывалъ на гуляньѣ 1 мая въ Сокольникахъ, но говорятъ, что при хорошей погодѣ это гулянье восхитительно и превосходитъ всѣ другія. Нынѣшній годъ не пропущу его.

По случаю сегодняшняго гулянья подъ Дѣвичьимъ, во всѣхъ домахъ, находящихся на Пречистенкѣ, начиная съ Всеволожскаго до Хитровыхъ, назначены большіе вечера. Это для тебя не новость, потому что такъ ежегодно бываетъ, но вотъ одна достойная твоего любопытства, и которой ты не ожидаешь: К. Е. Б., у которой также былъ назначенъ вечеръ, неожиданно въ обѣдъ разрѣшилась отъ бремени, послѣ двадцати-четырехъ-лѣтняго неплодія. Мужъ очень доволенъ тѣмъ, что это именно случилось въ четвергъ, когда въ ожиданіи гостей онъ долженъ былъ поневолѣ оставаться дома,—иначе онъ былъ бы въ отчаяніи потому, что такой *казусъ* воспрепятствовалъ бы ему ѣхать по обыкновенію въ Англійскій клубъ. Крестины новорожденнаго и празднество серебряной свадьбы родителей назначаются въ одинъ день.

18 апрѣля, вторникъ. Я полагалъ, что самъ князь Одоевскій въ цѣлый мѣсяцъ не получитъ отъ всѣхъ своихъ корреспондентовъ столько вѣстей, сколько получишь ты отъ одного меня въ нѣсколько дней, а ты все еще пѣняешь и вопишь! Я описываю тебѣ только то, что самъ видѣлъ и слышалъ, и разсказываю тебѣ собственныя свои похожденія: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Не сочинять же мнѣ для тебя романовъ въ родѣ толстаго романа толстѣйшей И—ой, за который недавно бѣдняга проглотила такую злую и обидную, хотя и не совсѣмъ острую, эпиграмму:

И—ой романъ съ И—ой и сходенъ,
Онъ также, какъ она, дороденъ,
И также ни къ чему не годенъ!

Ужь не увѣдомлять ли тебя о двухъ Американцахъ, мужѣ и

Digitized by Google

женѣ, которыхъ балаганщики, налощивъ чернымъ воскомъ, называютъ *Гуронскими дикарями* и заставляютъ ихъ глотать какую-то мерзость; или о *молодомъ прекрасномъ*, какъ публиковано, *мущинѣ* о трехъ рукахъ? Очень нужны тебѣ подобныя свѣденія! Однако же, за гуляньями и другими подобными *недостатками*, я точно не успѣлъ разсказать тебѣ въ подробности о праздничныхъ своихъ визитахъ. Объѣздилъ всѣхъ — важныхъ и не важныхъ, угрюмыхъ и привѣтливыхъ,—словомъ, отъ аза до ижицы. Нигдѣ не скучалъ, ню отъ Ив. П. А. и его семейства просто въ восхищеніи. Пусть толкуютъ, что хотятъ, а безъ сердечной доброты не возможно такъ радушно и ласково принимать людей маловажныхъ. Графа И. А—ча случилось мнѣ въ первый разъ видѣть во всѣхъ аттрибутахъ его званія. Настоящій канцлеръ! До сихъ поръ я видалъ его не иначе, какъ въ малиновомъ тулупѣ и въ желтыхъ туфляхъ. Засталъ у него множество извѣстныхъ лицъ: добраго пузанчика А....., съ сыномъ котораго я былъ въ пансіонѣ у *Ронки*, генерала кн. Лобанова-Ростовскаго—такого проворнаго и живаго, какъ ртуть; П. П. Бантына-Каменскаго и помощника его А. Ѳ. Малиновскаго, автора Старинныхъ святокъ и издателя театральныхъ піесъ Коцебу, которыя заставлялъ онъ переводить молодыхъ людей, служащихъ въ архивѣ; этимъ піесамъ кн. Горчаковъ далъ общее названіе *коцебятины*. Были также пасторъ Гейдске, старикъ А. А. Юни, извѣстный своею службою въ Сибири и уваженный Великою Екатериною за примѣрное свое безкорыстіе; и еще очень замѣчательное лицо, или вѣрнѣе, личико, А. П. Н...., крошечный, худенькій, на тоненькихъ, какъ спички, ножкахъ старичокъ, такъ что его безъ затрудненія спрятать можно въ ридикюль Натальи Дмитріевны О..... И что жъ? Эта щедушная куколка былъ, какъ тутъ разсказывали, въ молодости красавецъ, и такой необъятно-огромной тучности, что, будучи адъютантомъ графа З. Г. Ч....., имѣлъ одинъ изъ всей свиты исключительную привиллегію сопровождать его въ особой каретѣ или колескѣ, между тѣмъ какъ другіе по обязанности должны были ѣхать верхами. Н..... подтвердилъ это съ какимъ-то пріятнымъ воспоминаніемъ.

Digitized by Google

Въ этотъ разъ старый дипломатъ обошелся со мною ласковѣе, и даже рекомендовалъ меня Бантышъ-Каменскому, замѣтивъ однако, что въ архивѣ служить не совѣтуетъ, потому что молодые люди въ немъ балуются и не привыкаютъ къ труду. Графъ чрезвычайно хвалилъ исторію дипломатическихъ сношеній нашихъ съ Китаемъ, отъ самаго ихъ начала, собранную Бантышъ-Каменскимъ, и совѣтовалъ всѣмъ прочитать ее, но авторъ замѣтилъ, что она не напечатана, и что, въ качествѣ начальника архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ, онъ, безъ разрѣшенія высшаго начальства не считаетъ себя вправѣ дѣлать свою компиляцію извѣстною.

21 апрѣля, пятница. М., встрѣтивъ какую-то уличную барышню, хотѣлъ тотчасъ же увезти ее, но не удалося. Начальство узнало объ этой продѣлкѣ: молодецъ остановленъ и посаженъ подъ арестъ. Спрашиваютъ: «что побудило васъ къ этому насилію»? — «Понравилась». — «Знаете ли вы коротко эту дѣвушку»?—«Вовсе не знаю». — «Какъ зовутъ ее»?—«Не знаю».—«Гдѣ и у кого живетъ она?»—«Не знаю». —«Какое же было ваше намѣреніе»? — «Жениться». — «Какъ же вы хотѣли жениться, если ее совсѣмъ не знаете»? — «Я узналъ бы послѣ».—«Но она не хотѣла ѣхать съ вами»!—«Что мнѣ за дѣло до ея хотѣнья, у меня своя воля». — М . . . . недѣль 6 высидѣлъ подъ арестомъ, забылъ о красавицѣ и вышелъ какъ встрепанный; а между тѣмъ Цыгане на этотъ случай тотчасъ сложили пѣсню на голосъ: *Пряди мол пряжа*, которую записной цыганофилъ А. Н—въ ввелъ въ моду, подъ названіемъ: *Вѣрныя примѣты*. Мы ѣздили слушать ее: Степанида что твой соловей, такъ и разливается. Вотъ эта пѣсня:

Ахъ, зачѣмъ, поручикъ,
Сидишь подъ арестомъ,
Въ горькомъ заключеньи,
Колодникъ безшпажный?—
Ахъ, за тѣмъ я бѣдный
Сижу подъ арестомъ,
Что свою милую
Любилъ очень больно.—

Digitized by Google

Кто жь твоя милая,
Княжна иль графиня,
Простая иль дворянка,
Фрейлина ль какая?
Дай снесу поклончикъ! —
Ахъ, моя милая
Безъ гнѣздышка пташка,
Безъ племени, рода;
Любитъ свою волю,
Волю удалую.
Узнаешь милую:
Она по бульвару
Все ходитъ да бродитъ
Нѣмецкимъ развальцомъ;
Въ шолковомъ капотѣ,
Талійка съ прихватцомъ;
Въ вязаныхъ перчаткахъ,
Съ алымъ ридикюлемъ;
Ходитъ да гуляетъ,
Головкой кивaетъ,
Себя забавляетъ,
Народъ потѣшаетъ!
Узнаешь милую —
Такъ отдай поклончикъ.

Отъ пѣсни переходимъ къ элегіи. Ты, вѣроятно, слыхалъ о Сашѣ Д., прелестной и преисполненной талантовъ дѣвушкѣ, которую всѣ такъ любили. Она скончалась въ прошломъ году, вскорѣ послѣ бала въ Благородномъ собраніи. Неутѣшные отецъ съ матерью поставили въ Даниловомъ монастырѣ надъ прахомъ милой дочери прекрасный памятникъ, на которомъ, послѣ имени, фамиліи и лѣтъ ея, приказали, вмѣсто эпитафіи, вырѣзать *незабудку*. Буринскій, по желанію брата покойницы, написалъ на сей случай экспромтомъ стихи, а Нейкомъ положилъ ихъ на музыку, исполненную чувства и нѣмецкой мечтательности. Посылаю тебѣ этотъ романсъ: мелодія очаровательна, и всѣ знакомыя твои пѣвицы скажутъ за него спасибо.

На ея могилѣ есть цвѣтокъ незримый:
Всюду разливаетъ онъ благоуханье,

Digitized by Google

Онъ цвѣтокъ завѣтный, онъ цвѣтокъ любимый,
Онъ — воспоминанье!
И вѣчно душистый, цвѣтокъ неизмѣнный
Не боится бури, не вянетъ отъ зноя,
Сторожитъ сохранно имя преселенной
Къ вѣчному покою!

Когда Снѣгирь-Nemo, переставшій мечтать объ актерствѣ, сдѣлалъ подстрочный переводъ этихъ стиховъ для Нейкома, то онъ, обрадовавшись, сказалъ: *такъ и вѣетъ Маттисономъ.*

25 апрѣля, вторникъ. Изъ Университета съ лекцій завернулъ я въ Хамовники, къ счастливцу Ш.; онъ не перестаетъ ковать деньги, и третьяго дня выигралъ еще 5 т. р. у генерала И., который заплатилъ ему деньги не только безъ неудовольствія, но еще въ придачу подарилъ ему славнаго горскаго полевика. Каюсь, любезный, что мнѣ какъ будто стало завидно. Подумалъ: сколько на эти деньги накупилъ бы книгъ и эстамповъ, какихъ бы завелъ лошадей и проч.; а Ш. вовсе не дорожитъ своимъ выигрышемъ, и говоритъ, что, можетъ быть, сегодня же опять спуститъ все до послѣдней копѣйки.—Онъ предлагалъ взять меня въ маленькую долю безъ проигрыша; очень заманчиво, да страшно: будешь только и думать о пріобрѣтеніи, а сверхъ того тяжело войдти въ обязательство, которое можетъ сдѣлаться гробомъ независимости; я не рѣшился, но за то не въ состояніи былъ отказаться ѣхать съ нимъ на гусиный и пѣтушиный бой къ князю И. С. М. Мнѣ чрезвычайно показалось любопытнымъ взглянуть на это состязаніе птицъ.

Посреди большой залы устроена была арена, обнесенная кругомъ холстинными кулисами въ $^3/_4$ арш. вышины. Хозяинъ и всѣ приглашенные гости сидѣли вокругъ, а другіе любопытствующіе охотники всякаго званія, купцы, мѣщане и дворовые люди, стояли какъ и гдѣ кто могъ помѣститься. Прежде пустили въ арену бѣлую гусыню, которая тотчасъ же начала жалобно гогокать. Одинъ изъ сермяжниковъ обратился съ увѣреніями къ хозяину, что *эта-де рѣдкая самка-съ для евтова дѣла-съ.*— «Ну гдѣ же Варлаамъ», спросилъ князь Д. П. Г . . . . . , «подавай *Цицерона*». И вотъ огромный гайдукъ вынулъ изъ мѣшка пребольшаго бѣлаго съ сизыми крыльями гуся, и

Digitized by Google

пустилъ его въ арену. «Такъ какъ же, Петръ Петровичъ, продолжалъ горделиво к. Г., обращаясь къ одному толстому и рябому господину, сидѣвшему противъ него, угодно вамъ будетъ спустить охоту вашу, или нѣтъ»?—Почему же бы и не спустить, в. с—во,—отвѣчалъ рябой господинъ, — только какъ великъ будетъ закладъ?—«Я держу 50 р.».—Больше 25 р. я не могу.—«Остальные придерживаю я», рѣшилъ хозяинъ, и партія состоялась. «Манушка, давай *Туляка*»! крикнулъ Петръ Петровичъ,—и мальчикъ въ сѣромъ казакинчикѣ тотчасъ же притащилъ темносѣраго гуся и также пустилъ его въ арену. Сначала состязатели около 10 минутъ ходили вокругъ гусыни, которая не переставала гогокать; потомъ стали мало по малу вытягивать шеи съ какимъ-то шипѣніемъ, и, наконецъ, послѣ всѣхъ этихъ продѣлокъ, бросились другъ на друга. *Туляк*ъ, будучи поменьше и попроворнѣе, первый поймалъ Цицерона за правое крыло, и началъ жестоко его жевать; потомъ и Цицеронъ ухитрился ухватить Туляка за правое же крыло, и также началъ его мять и жевать, кружась около гусыни. Въ этомъ обоюдномъ жеваньѣ и круженьѣ заключалось все единоборство бѣдныхъ птицъ, и только одно гагаканье царицы гусинаго турнира, да невольныя по временамъ восклицанія постороннихъ охотниковъ, державшихъ заклады: «Ну *Цицеронъ*, ну *Туляк*ъ», или: «ай да молодецъ, ай да варваръ»! прерывали однообразіе этого жеванья. Кончилось тѣмъ, что Цицеронъ прежде покинулъ крыло своего соперника, и Тулякъ провозглашенъ побѣдителемъ. Владѣлецъ *Цицерона* былъ неутѣшенъ: съ сложенными крестъ на крестъ на груди руками и съ плачевною миною, онъ поминутно обращался къ охотникамъ съ увѣреніями, что онъ самъ всему виноватъ, и что *Цицерона* обкормили, и проч. Ну ужъ охота, подумалъ я и собрался уѣхать, но Ш. просилъ подождать его и посмотрѣть на сраженіе пѣтуховъ, которое, по увѣренію его, должно было быть *поживъе* и *позадорнѣе*.

Если первое единоборство есть пошлая глупость, то пѣтушій бой можно назвать сущею жестокостію, не менѣе отвратительною, какъ и медвѣжья травля. Выпущены предварительно свѣшенные два пѣтуха, съ остриженными и обдерганными шеями

Digitized by Google

и хвостами такъ, что каждое перышко представляло какую-то иглу, ноги были вооружены косыми острыми шпорами. Они тотчасъ же бросились другъ на друга съ необыкновенною яростію, и, не смотря на наносимыя другъ другу раны, продолжали биться до тѣхъ поръ, пока у одного не были совсѣмъ выбиты глаза и онъ не ослабѣлъ совершенно отъ истекающей крови. Бѣдняга упалъ и подняться не могъ, но соперникъ не переставалъ бить и терзать его до тѣхъ поръ, пока онъ не остался безъ всякаго движенія. Ихъ не разнимали, потому что условіемъ заклада былъ *бой на смерть*.

Сказывали, что за побѣдителя гуся предлагали рябому господину 100 р., а тріумфаторъ пѣтухъ, принадлежавшій купцу изъ охотнаго ряда, не смотря на свои раны, былъ проданъ за 200 р. *De gustibus non est disputandum.* Прекрасно употребленіе денегъ и времени.

28 апрѣля, пятница. Вотъ пренарлатанское объявленіе французскихъ актеровъ, о представленныхъ вчера піесахъ «*Les deux Soeurs, Fabrice et Caroline*» и «*La Cloison*». Эти люди считаютъ насъ, право, невѣждами, что позволяютъ себѣ подобныя выходки: «De toutes les pieces, quiont été representés à Moscou, ces deux ouvrages sont sans contredit les mieux ecrits et ne peuvent manquer d'obtenir le subfrage des veritables connaisseurs et amateurs du repertoire francais. Nous nous permettons d'annoncer au public, que «La Cloison» a obtenu samedi dernier un succès complet. *Nous regrettons seulément qu'il n'y ait point assez eu de spectateurs pour admirer ce charmant ouvrage, digne des connaissances de la noblesse de Moscou* et nous l'invitons à honorer le spectacle de sa presence encore quelques representations, avant son depart pour la campagne».

Не смотря на восписуемыя похвалы двумъ первымъ пьесамъ, послѣдняя мнѣ лучше нравилась и разыгрывается очень мило. Не мудрено, что Duparäy въ ней хорошъ: онъ хорошъ вездѣ, гдѣ ни играетъ; но странно, что и другіе актеры, отъ перваго до послѣдняго, отъ него не отставали и также были хороши.

Москва въ большихъ приготовленіяхъ къ гулянью 1 мая: въ Сокольникахъ разбиваются пренарядныя палатки и устроиваются

Digitized by Google

кавалькады. Скачка назначена на другой день, и говорятъ, будетъ блистательна, потому что записано много отличныхъ лошадей. Увидимъ.

2 мая, вторникъ. Сколько народу, сколько беззаботной, разгульной веселости, шуму, гаму, музыки, пѣсенъ, плясокъ и проч.; сколько богатыхъ турецкихъ и китайскихъ палатокъ съ накрытыми столами для роскошной трапезы и великолѣпными оркестрами,—и простыхъ хворостяныхъ, чуть прикрытыхъ сверху тряпками, шалашей съ единственными украшеніями—дымящимся самоваромъ и простымъ пастушьимъ рожкомъ для акомпанимента поющихъ и пляшущихъ поклонниковъ Вакха. Сколько щегольскихъ модныхъ каретъ и древнихъ прадѣдовскихъ колымагъ и и рыдвановъ, блестящей упряжи и веревочной сбруи, прекрасныхъ лошадей и претощихъ клячъ, прелестнѣйшихъ кавалькадъ и прежалкихъ Донъ-Кишотовъ на прежалчайшихъ Россинантахъ. Нѣтъ, признаюсь, что я и не воображалъ видѣть такое многочисленное, разнообразное и живописное гулянье, на какое наконецъ попалъ я вчера въ Сокольники.

Погода стояла безподобная: теплая, тихая, свѣтлая,—настоящій день для праздничной встрѣчи весны; утренній дождь сдѣлалъ его еще пріятнѣе, потому что освѣжилъ зелень и уложилъ пыль, столь обыкновенную на песчаной дорогѣ гулянья и столь несносную не только для самихъ гуляющихъ, но и для тѣхъ, которые, въ качествѣ зрителей, оградили себя болѣе или менѣе разными навѣсами и завѣсами.

Насъ заманилъ къ себѣ въ палатку знакомецъ и сосѣдъ твой, гостепріимный Ефимъ Ефимовичъ Ренкевичъ, у котораго нашли мы прекрасное общество и роскошное угощеніе. Палатка его поставлена была на самомъ бойкомъ мѣстѣ: нѣсколько наискось противу палатки главнокомандующаго и другихъ вельможъ; отсюда все гулянье, на всемъ его протяженіи въ обѣ стороны, было видно. Между тѣмъ народъ, наиболѣе тутъ толпившійся, нетерпѣливо посматривалъ къ сторонѣ заставы, и казалось чего-то нетерпѣливо поджидалъ; какъ вдругъ толпа зашевелилась, и радостный крикъ: *ѣдетъ! ѣдетъ!* — пронесся по окрестности; и вотъ началось шествіе необыкновеннаго торжественнаго поѣзда,

Digitized by Google

безъ котораго, какъ говорили, гулянье 1 мая было бы не въ гулянье. Впереди на статномъ фаворитномъ конѣ своемъ, свирѣпомъ, какъ его называли, ѣхалъ графъ Орловъ въ парадномъ мундирѣ и обвѣшанный орденами. Азіатская сбруя, сѣдло, мундштукъ и чепракъ были буквально залиты золотомъ и украшены драгоцѣнными камнями. Немного поодаль, на прекраснѣйшихъ сѣрыхъ лошадяхъ, ѣхали дочь его и нѣсколько дамъ, которыхъ сопровождали А. А. Чесменскій, А. В. Новосильцовъ, И. Ф. Новосильцовъ, князь Хилковъ, Д. М. Полторацкій и множество другихъ неизвѣстныхъ мнѣ особъ. За ними слѣдовали берейторы и конюшіе графа, не менѣе 40 человѣкъ, изъ коихъ многіе имѣли въ поводу по заводной лошади въ нарядныхъ попонахъ и богатой сбруѣ. Наконецъ потянулись и графскіе экипажи: кареты, коляски и одноколки, запряженные цугами и четвернями одномастныхъ лошадей. Этотъ поѣздъ графа Орлова, богатаго, знатнаго, тучнаго и могучаго вельможи, съ такою блестящею свитою, съ такимъ количествомъ нарядныхъ служителей, съ такимъ множествомъ прекрасныхъ лошадей и разнородныхъ экипажей, представляетъ точно необыкновенно великолѣпное зрѣлище, и не можетъ не дѣйствовать на толпу народную. Впрочемъ сказываютъ, что графъ Орловъ и не однимъ своимъ богатствомъ и великолѣпіемъ снискалъ любовь и уваженіе москвичей, что онъ доступетъ, радушенъ, и, какъ настоящій русскій баринъ, пользуясь любимыми своими увеселеніями—скачками, бѣгами, цыганскими пѣснями и плясками и проч., обращаетъ ихъ также въ потѣху народа и какъ будто раздѣляетъ съ нимъ преимущества, судьбою ему предназначенныя.

А. А. Чесменскій, проѣзжая мимо палатки Е. Е., приглашалъ всѣхъ находящихся въ ней дамъ на сегодняшнюю скачку, и предлагалъ послать за билетами для входа въ галлерею къ какому-то коллежскому коммисару, живущему у графа Орлова; многіе тотчасъ же воспользовались этимъ предложеніемъ.

4 мая, четвергъ. Скачка была отличная по количеству и качеству лошадей, и погода чрезвычайно ей благопріятствовала. Галлереи наполнены были московскою знатью обоего пола, и тутъ въ первый разъ мнѣ удалось видѣть князя Прозоровскаго. Во-

Digitized by Google

обще молодые люди и много дамъ были большею частію верхами и ѣздили внутри скаковаго круга. На призъ въ 500 руб., пожертвованный, какъ публиковано было, *однимъ охотникомъ* (вѣроятно самимъ графомъ, и Д. М. Полторацкимъ), скакало 9 лошадей: графа Орлова, Полторацкаго, Чемоданова, братьевъ Мосоловыхъ, Савеловыхъ, Загряжскаго, Муравьева, и еще не помню чьи-то двѣ лошади. Дистанція назначена была два круга, т. е. 4 версты съ перескачкою. Этотъ призъ выигралъ г. Муравьева гнѣдой жеребецъ *Травлеръ*, родившійся въ Англіи, обскакавъ двукратно своихъ соперниковъ; второю лошадью въ оба раза приходила лошадь Мосоловыхъ; ѣздокомъ на *Травлерѣ* былъ крѣпостной мальчикъ Муравьевыхъ Андрей, достигшій цѣли съ оборваннымъ стременемъ, но не потерявъ его; иначе, по недостатку вѣса, онъ долженъ бы считаться проигравшимъ скачку. Когда взвѣсили мальчика, многіе изъ присутствовавшихъ давали ему деньги за мастерское, или удачное сохраненіе вѣса. Второе состязаніе было на подписку 4 охотниковъ по 50 р. съ каждаго; изъ 4 лошадей гр. Орлова, Полторацкаго, Савелова и Мосолова выиграла кобыла *Добрая*, принадлежавшая послѣднему, оставивъ прочихъ весьма далеко, чуть не за флагомъ. За симъ скакали нѣсколько благородныхъ охотниковъ на кубокъ въ 50 р., по подпискѣ ими сдѣланный. На дистанціи одного круга или двухъ верстъ, кн. Ив. Ал. Гагаринъ, скакавшій на лошади, купленной имъ у англичанина Шмита, оставилъ всѣхъ своихъ состязателей за флагомъ, и это случилось будто бы отъ того, что ихъ лошади не были по надлежащему приготовлены. Я право не понимаю, за чѣмъ же было и пускать ихъ въ скачку? Это non-sens. Послѣ скачки предъ бесѣдкою гр. Орлова пѣли и плясали цыгане, изъ коихъ одинъ, не молодой, необычайной толщины, плясалъ въ бѣломъ кафтанѣ съ золотыми позументами, и замѣтно отличался отъ другихъ. Оттого ли, что онъ богатымъ костюмомъ своимъ обращалъ на себя болѣе вниманія, чѣмъ другіе, или точно былъ мастеръ своего дѣла, только этотъ толстякъ показался мнѣ чрезвычайно искуснымъ, даже краснорѣчивымъ въ своихъ тѣлодвиженіяхъ. Онъ какъ будто и не плясалъ, а такъ просто, стоя на мѣстѣ, пошевеливалъ плечами, повертывая въ

Digitized by Google

рукахъ шляпу, изрѣдка пригикивая и притопывая по временамъ ногою, а между тѣмъ выходитъ прекрасно: ловко, живо и благородно. Послѣ цыганской пляски завязался кулачный бой, въ который вступая, соперники предварительно обнимались и троекратно цѣловались. Побѣдителемъ вышелъ трактирный служка изъ Пѣвческаго трактира, Герасимъ, ярославецъ, мужичокъ лѣтъ 50-ти, небольшой, но плечистый, съ длинными мускулистыми руками и огромными кулаками. Говорили, что онъ нѣкогда былъ подносчикомъ въ кабакѣ и сотоварищемъ нынѣшнихъ знаменитыхъ откупщиковъ—богачей Р.... и Ч....., которыхъ колачивалъ на пропалую. Этого атлета, лѣтъ 8 тому назадъ, отыскала графиня Е. Р. Дашкова и рекомендовала графу Орлову. По окончаніи всѣхъ этихъ продѣлокъ, графъ сѣлъ съ дочерью въ подвезенную одноколку, запряженную четырьмя гнѣдыми скакунами въ рядъ, ловко подобралъ возжи, и гикнувъ на лошадей, пустился во весь опоръ по скаковому кругу, и обскакавъ его два раза, круто повернулъ на дорогу къ дому и исчезъ какъ ураганъ какой. Смотря на этого, до сихъ поръ еще могучаго витязя, я вспомнилъ стихи къ нему Державина:

Онъ въ колесницѣ съ горъ бедрой
Минервы удержалъ паденье!

Что ни говори, а графъ Орловъ—личность очень замѣчательная!

7 мая, воскресенье. Помѣщикъ И.,—очень хорошій, среднихъ лѣтъ человѣкъ, довольно образованный, т. е. говоритъ по-французски и по-нѣмецки, имѣетъ слабость считать себя поэтомъ, протежировать какихъ-то ничтожныхъ музыкантовъ и казаться аристократомъ, прибавляя между тѣмъ къ каждой почти рѣчи совсѣмъ не аристократическое слово *катавасія*. Этотъ И. влюбился въ Катеньку Б., не богатую, но милую и умную дѣвушку, живущую съ малолѣтства у Н. М. В., и предложилъ ей свою руку. Это бы ничего—только онъ не ловко сдѣлалъ это предложеніе. Въ день рожденія Катеньки Б. онъ отправилъ къ ней преогромный букетъ какихъ-то пошлыхъ цвѣтовъ, и въ немъ объясненіе въ любви съ формальнымъ предложеніемъ въ уморительно-напыщенныхъ куплетахъ. Катя, разумѣется, тотчасъ же

Digitized by Google

отдала и то и другое своей благодѣтельницѣ, которая, прочитавъ стихи и не очень понимая ихъ, сказала: кажется, сватается; если не противенъ тебѣ, то я не препятствую: не вѣкъ же сидѣть въ дѣвкахъ.—Конечно, maman, отвѣчала Катя съ живостію, имъ пренебрегать не должно, объ немъ отзываются хорошо; но вѣдь онъ мнѣ лично никогда ни слова не говорилъ, а если положиться на эти глупые стихи и вопючій букетъ, то можетъ выдти *катавасія*. Это словцо подцѣпилъ зубоскалъ М., и вотъ тебѣ написанные имъ экспромтомъ куплеты:

Вотъ Катѣ плѣнительной
Осмнадцать ужъ лѣтъ,
Такой восхитительной
Другой въ свѣтѣ нѣтъ.

Помѣщикъ значительный
Вдругъ шлетъ ей букетъ,
И въ немъ объяснительный
Запрятанъ куплетъ.

Куплетъ уморительный:
Любовный привѣтъ!
Онъ ждетъ утвердительный
Отъ Кати отвѣтъ.

Но Катя въ претензіи:
« Въ стихахъ смысла нѣтъ,
Изъ чахлой гортензіи
И самый букетъ.

Пусть авторъ съ талантами,
Какъ всѣ говорятъ:
Всегда съ музыкантами
И аристократъ!

Но мнѣ изъ согласія
Всѣхъ этихъ даровъ,
Видна катавасія
Подъ формой цвѣтовъ! »

Эти куплеты поются во многихъ домахъ на разные напѣвы, и дошли уже до свѣденія нашего помѣщика. Онъ очень пѣтушится и угрожаетъ М.; но до дуэли не дойдетъ, а свадьба состоится.

Digitized by Google

10 мая, середа. Москва начинаетъ пустѣть; по улицамъ ежеминутно встрѣчаешь цѣпи дорожныхъ экипажей и обозовъ: одни вывозятъ своихъ владѣльцевъ, другіе пріѣзжаютъ за ними. Скоро останутся въ Москвѣ только коренные ея жители: лица, обязанныя службою, купцы, иностранцы и наша братья, принадлежащая къ учащемуся сословію. Дѣдушка говоритъ, что и еще одинъ классъ людей не выѣдетъ изъ Москвы, именно классъ должниковъ, которыхъ не выпустятъ кредиторы. Странно, что одна часть города въ Москвѣ не пустѣетъ лѣтомъ: это Нѣмецкая слобода. Она всегда въ нормальномъ своемъ состояніи.

Вчера ѣздилъ проститься съ Л., у которыхъ провелъ цѣлый день. Не повѣришь, какъ мнѣ сдѣлалось грустно: право хоть плакать. А. П. сказала: «не грустите, скоро пріѣдемъ назадъ. —А какъ скоро, спросилъ я? — Да вотъ папа говоритъ, что непремѣнно къ тому времени, какъ привозятъ невѣстъ: къ Рождеству, съ поросятами».—Я лопнулъ со смѣху; «почему же не сказали вы—съ цыплятами? тогда бы я отвѣчалъ вамъ, не боясь обидѣть васъ сравненіемъ.—А что же бы вы отвѣчали?—Я сказалъ бы, que les poulets sont aussi bons, a croquer que les poul.., —Не извольте договаривать: Monsieur, l'insolent au drap de poisson».—Однако же, не смотря на эту размолвку, мнѣ подарили маленькой кошелекъ своей работы, а я долженъ былъ нарисовать что-нибудь въ альбомъ и написать стихи. Я ничего не могъ придумать *умнѣе* этой *глупости*: нарисовать рѣку и стоящаго на берегу человѣчка, съ всклоченными волосами, съ приложенною къ сердцу рукою и разинутымъ ртомъ, и подъ рисункомъ подписалъ:

Выйду я на рѣченьку,
Посмотрю на быструю,
Унеси ты мое горе
Быстра рѣченька съ собой!

Ужъ если пошло на пошлости, такъ, по моему, онѣ должны быть самыя пошлыя, и въ этомъ отношеніи рисунокъ, кажется, вполнѣ удался.

Получилъ письмо отъ своихъ: зовутъ на ваканціи въ деревню. Матушка и отецъ пишутъ, что они рады будутъ, если привезу

Digitized by Google

кого-нибудь изъ товарищей и еще какого-нибудь нѣмца по затѣйливѣе для общей компаніи. Я намѣренъ предложить Снѣгирю-Nemo-Гр. быть моимъ спутникомъ, а изъ нѣмцевъ, чего лучше, возьму Адальберта-Фердинанда-фонъ-Кибурга-Косинскаго. Этотъ бывшій обойный подмастерье, а нынѣшній трагикъ, имѣетъ прекрасный характеръ, необъятную память и такъ добродушно болтливъ и веселъ, что съ нимъ не задумаешься. Наши думаютъ провести лѣто въ *Липецкѣ* для сестеръ; 90 верстъ отъ деревни, все равно, что въ самой деревнѣ,—*плюсъ*: хорошее общество; лѣтомъ бываетъ тамъ много проѣзжающихъ. Буду радъ пожить на родимой сторонѣ послѣ пятилѣтняго отсутствія; погуляю, поохочусь, поѣзжу верхомъ и попью цѣлительныхъ водъ, которыя могутъ быть для меня струями Леты, въ отношеніи къ извѣстной вострухѣ.

13 мая, суббота. На дняхъ М. И. Невзоровъ познакомилъ меня съ Ф. И. Карцевымъ. Гдѣ онъ отыскиваетъ такихъ оригиналовъ? Видно пословица справедлива, что рыбакъ рыбака далеко въ плёсѣ видитъ. Кто въ Москвѣ знаетъ о Карцевѣ, переводчикѣ столькихъ лучшихъ сочиненій Волтера: «Гендріады», «Брута», «Разрушенія Лиссабона», «Орлеанской Дѣвственницы» и проч., нѣкоторыхъ сатиръ и эпистолъ Буало и разныхъ мелкихъ стихотвореній другихъ авторовъ? А между тѣмъ этотъ переводчикъ очень не дурной, живетъ на Поварской улицѣ, въ собственномъ домѣ, приглашаетъ иногда знакомыхъ на вечеринки, и даже по временамъ даетъ пріятельскіе обѣды; а между тѣмъ этотъ переводчикъ, кромѣ литературнаго достоинства, необыкновенно умный и добрый человѣкъ! Я его спрашиваю: «читали ли вы кому-нибудь стихи свои? —Да,—говоритъ,—читалъ Хемницеру и еще отрывками князю Горчакову и Карину.—И вы не имѣли и не имѣете намѣренія ихъ напечатать?—А на что, батюшка? Я пишу и перевожу самъ для себя, потому что люблю трудъ: будто, не имѣя въ виду извѣстности, и писать нельзя?—Такъ, однако же эта извѣстность служитъ поощреніемъ таланту.—Это, батюшка, могутъ думать одни праздные люди, которые не понимаютъ, что есть наслажденіе въ самомъ процессѣ труда. Знаете ли вы умное слово одного англичанина своему пріятелю,

Digitized by Google

который замѣтилъ ему, что работа его должна быть most tedwus, очень скучна. — This tedwusnes, is very amusing, — эта скука очень занимательна, отвѣчалъ онъ; и это совершенная правда. Вотъ, батюшка, вы молодой человѣкъ, если хотите быть неизмѣнно счастливымъ во всѣхъ превратностяхъ жизни, то любите трудъ, какъ любятъ любовницу—безкорыстно. Я не знаю по-нѣмецки, но мнѣ сказывали, что у вашего Шиллера,—я говорю вашего, потому что онъ считается теперь любимымъ авторомъ новаго поколѣнія нашихъ писателей,—есть въ одномъ изъ его стихотвореній прекрасный стихъ: «ты *надѣялся*, слѣдовательно получилъ уже свою награду». Этотъ стихъ можно примѣнить къ труду: «ты *трудился*, слѣдовательно былъ уже счастливъ». Невзоровъ, съ своимъ gros bon sens, замѣтилъ, что «едва ли безъ яснаго сознанія цѣли предпринятаго труда и убѣжденія въ его пользѣ, можно полюбить какой бы то ни было трудъ; вотъ, напр., возмите четверикъ маку и считайте, сколько находится въ немъ зеренъ,—это будетъ также трудъ, но развѣ можно полюбить его, не будучи сумасшедшимъ?»—«Это сравненіе больше остроумно, чѣмъ справедливо, возразилъ Карцевъ: во-первыхъ, говоря о любви къ труду, я разумѣлъ любовь къ занятіямъ умственнымъ,—c'est notre point de depart; а во-вторыхъ, бываютъ обстоятельства въ жизни человѣка, когда и вашъ четверикъ съ макомъ можетъ ему пригодиться, если онъ считать умѣетъ. Когда вы, любезный М. И., попали случайно на 6-ть мѣсяцевъ въ подземелье къ Ш . . . . . , безъ всякаго способа къ занятіямъ, то вѣрно обрадовались бы вашему четверику съ макомъ, какъ средству съ большимъ терпѣніемъ ожидать вашего освобожденія. Вы меня не очень поняли: рѣчь моя клонилась къ тому, что въ одномъ только трудѣ заключается вся *наука* счастія, т. е. умѣнье наполнить пустоту жизни; съ этимъ умѣньемъ,—сочиняете ли вы поэму, или считаете маковыя зерна,—можно легко сносить свою участь, какова бы она ни была, не измѣняя малодушнымъ ропотомъ достоинству человѣка. Не отъ насъ зависитъ перемѣнить сію участь, но отъ насъ зависитъ пристраститься къ какому-нибудь постоянному занятію, которое на зло всѣмъ обстоятельствамъ наполнитъ нашу

Digitized by Google

душу, и будетъ, какъ вѣрный утѣшительный товарищъ, какъ ангелъ Товіи, сопровождать насъ до могилы.» — М. И., шутя, жаловался ему на излишнее мое, будто бы, любопытство, страсть къ театру и разсѣяніямъ свѣтскимъ, но между, тѣмъ pour dorer la pilule, говорилъ, что я учился прилежно, люблю заниматься, и что постоянно веду ежедневный журналъ всѣмъ случающимся со мной происшествіямъ. На это Карцевъ отвѣчалъ, что въ мои лѣта разсѣяніе даже необходимо, но не должно исключительно посвящать ему все свое время, потому что разсѣянія свѣтскія не наполнятъ пусты, которую чувствуетъ человѣкъ въ самомъ себѣ, а напротивъ увеличиваютъ ее, какъ соленая вода увеличиваетъ жажду.— «Если бы вы, прибавилъ онъ, не захотѣли писать или переводить, то читайте больше, только съ размышленіемъ: чужія мысли, большею частію, могутъ скорѣе руководить насъ къ достиженію внутренняго спокойствія, чѣмъ свои собственныя; а журналъ вашъ прекрасное дѣло: онъ пріучаетъ къ труду и заставляетъ васъ отдавать отчетъ самому себѣ въ вашихъ помыслахъ, чувствахъ и дѣйствіяхъ; продолжайте его всегда: со временемъ слюбится.»

Такъ по этому я и не даромъ докучаю тебѣ своимъ мараньемъ! *слюбится*, сказалъ умный старикъ, и я тому вѣрю: если намъ такъ пріятно встрѣчать давно знакомыхъ людей, то еще пріятнѣе нѣкогда встрѣтиться съ самимъ собою, въ прежней мысли, въ прежнемъ чувствѣ и въ прежнемъ происшествіи.

17 мая, середа. Братъ любезный! я лишился Трезора, лохматаго моего Трезора, добраго, вѣрнаго, неразлучнаго моего товарища и друга впродолженіи 12 лѣтъ; того самаго Трезора, надъ которымъ всѣ вы нѣкогда такъ издѣвались, и котораго между тѣмъ такъ любили, за привязанность ко мнѣ, необыкновенную смѣтливость и доброту. Онъ издохъ отъ старости, бѣдный Трезоръ мой, охранявшій меня почти отъ самой колыбели и бывшій моимъ спутникомъ и стражемъ во всѣхъ переселеніяхъ, которымъ подвергалось мое юношество; теперь некому будетъ подать мнѣ, такъ часто забываемый, платокъ, ни отыскать затерянную вещь и неожиданно принести ее мнѣ на колѣна, тряся мохнатою своею головою, шевеля кудлатымъ хвостомъ и посматривая на меня такими умильными глазами. Нѣтъ, воля твоя, а

Digitized by Google

долго, долго не забыть мнѣ этихъ ежеминутныхъ доказательствъ привязанности и самоотверженія, этихъ первыхъ утреннихъ *здравствуй*, этихъ послѣднихъ вечернихъ *прости*, словомъ, всего этого домашняго счастія, которое называлъ я Трезоромъ. Если бы ты могъ видѣть, какъ издыхалъ онъ и какъ за минуту до издыханія, не смотря на совершенное изнеможеніе, усиливался подать мнѣ, по обыкновенію, косматую свою лапу. Не смѣйся надъ моимъ горемъ: это первая чувствительная утрата моей жизни. Дай Богъ, чтобы она не была предвѣстницею другихъ утратъ, болѣе горестныхъ!

20 мая, суббота. Съ горя таскаюсь по прощальнымъ обѣдамъ, и вчера на одномъ встрѣтилъ пріѣхавшаго изъ Петербурга переводчика двухъ частей «Русалки», Краснопольскаго, которому назначенъ за переводъ бенефисъ. Правду сказать: есть за что! Сказали бы нашей компаніи, и она бы рублей за сто перевела всѣ три части; а если бы захотѣли торговаться, то взяли бы и менѣе. На такія аріи, какъ:

Отнюдь я не стану грѣшить,
Съ чертями чтобъ дружбу водить,—

или:

Бѣляночку бы въ воскресенье,
Чернавку въ понедѣльникъ взялъ—

мы превеликіе мастера и доки, и можемъ всѣхъ русалокъ и съ чертовою мѣльницею перевести въ шестеромъ за одинъ присѣстъ. Этотъ бенефисъ Краснопольскаго назначенъ во вторникъ 23 ч. Желаю ему собрать побольше денегъ (хотя, судя по времени, это и не вѣроятно), но вкладчикомъ въ кассу его не буду, и денежки приберегу на 24 ч., чтобы видѣть «*Рекрутскій наборъ*», въ которомъ такъ хороши Померанцевъ съ женою и Сандуновъ въ роли Клима Гавриловича; за тѣмъ въ пятницу 26 ч. дебютъ *Кавалерова* въ роли Семена, въ комедіи: «*Братомъ проданная сестра*», который видѣть должно. Сандуновъ многія изъ лучшихъ ролей своихъ передаетъ начинающимъ. Это съ его стороны благородно и похвально, а для дебютантовъ совершенное счастіе, потому что, по неимѣнію другой сцены, они не имѣютъ и случая совершенствоваться въ своемъ искусствѣ.

Кстатѣ о Сандуновѣ: намедни, повстрѣчавшись на вечеринкѣ

Digitized by Google

у Павла Андреевича Вейделя съ старшимъ братомъ своимъ, извѣстнымъ переводчикомъ Шиллеровыхъ «Разбойниковъ» и сенатскимъ оберъ-секретаремъ, такимъ же острякомъ, какъ и онъ самъ, они о чемъ-то заспорили; а какъ братья ни за что не упустятъ случая поподдѣвать другъ друга сарказмами, то старшій въ пылу спора и сказалъ младшему: «тутъ, сударь, и толковать нечего— вашу братью всякій можетъ видѣть за рубль!—Правда, отвѣчалъ актеръ, за то вашей братьи безъ красненькой и не увидишь». Остро, однако же въ отношеніи къ Н. И. несправедливо, потому что онъ есть утѣшительное исключеніе изъ категоріи большей части его сослуживцевъ и не безъ причины пользуется общимъ довѣріемъ и уваженіемъ.

Я слышалъ, что онъ, т. е. Н. И., ѣдетъ также на лѣто лечиться въ Липецкъ съ молодою женою, совершенною красавицею. Какъ бы я былъ радъ съ нимъ тамъ встрѣтиться!

24 мая, среда. Померанцева можно назвать актеромъ par excellence. Какая натура, какое чувство, какая простота. Абрамъ—не на сценѣ; онъ въ своей избѣ; чистый русскій крестьянинъ, патріархальный владыка своего семейства, и между тѣмъ нѣжный отецъ. Хороша и *Померанцева* въ роли матери Алексѣя. *Сандуновъ* превосходенъ въ роли Клима Гавриловича: настоящій подъячій съ приписью; однакоже подъячій, который существуетъ только въ нашемъ воображеніи, котораго знаемъ по преданіямъ, но котораго, конечно, никто изъ насъ не видалъ: это карикатура и на бывшихъ нѣкогда подъячихъ. Молодой *Орловъ* въ сценѣ, когда Ипполитъ бросается къ ногамъ отца и проситъ благословенія идти вмѣсто Алексѣя въ рекруты, былъ увлекателенъ и заставилъ плакать; и самый Кондаковъ въ роли Герасима, великодушнаго извощика-резонера, игралъ съ чувствомъ и жаромъ; словомъ, піеса разыграна была бы прекрасно, если бы несчастная *Караневичева*—Варвара не портила всего хода піесы. Что́ за претензіи, что́ за жеманство и отсутствіе всякаго чувства, что́ за льдина такая! Вмѣсто этой Варвары, доброй, простодушной крестьянки, сироты, чувствующей сиротство свое,—мы видѣли горничную, жеманницу, которая даже и при вопросѣ: какъ васъ зовутъ? отвѣчаетъ: «извините, мы не изъ таковскихъ». И вотъ

Digitized by Google

говорятъ, что эта же Караневичева будетъ играть Антигону въ «Эдипѣ», котораго разучиваютъ къ осени. Что ни говори, а русскую оперу можно смотрѣть съ бо́льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ русскія трагедіи и драмы: ни даровитый Плавильщиковъ, ни превосходный Померанцевъ, одни безъ женщинъ, не могутъ произвести никакого впечатлѣнія. Какъ-то случилось мнѣ видѣть *Беверлея*, гдѣ въ нѣкоторыхъ сценахъ такъ отлично хорошъ *Плавильщиковъ*,—и что же? какъ только появлялась на сцену *Баранчеева*, игравшая роль жены его, то вся иллюзія изчезала. *Померанцевъ*, въ отцѣ семейства, превосходенъ, но лишь появится женщина, прости очарованіе!

Генералъ С. А. Т*** показывалъ П. И. свои стихотворенія, и признался ему, что любитъ чрезвычайно поэзію и въ свободное время только и занимается ею, сколько по страсти, столько же и потому, что тамъ, гдѣ онъ обязанъ постоянно жить, по службѣ, другихъ развлеченій нѣтъ. Въ этихъ стихотвореніяхъ нѣтъ никакихъ правилъ: ни мѣры, ни удареній, словомъ, ни складу ни ладу,—но между тѣмъ есть очень дѣльныя мысли. П. И. замѣтилъ автору, что надобно бы прежде узнать правила, и тогда уже приняться за сочиненіе,—иначе лучше писать прозою. Генералъ пожелалъ взять нѣсколько уроковъ тайкомъ, и П. И. въ недѣлю истолковалъ ему всѣ тайны стихосложенія, отказываясь отъ всякаго возмездія, и въ заключеніе послалъ свою пінтику при слѣдующемъ посланіи съ эпиграфомъ изъ Державина: *учиться никогда не поздно!*

Т . . . . . командиръ,
Кому маневры и сраженья
Не горькій трудъ, но сладкій пиръ,—
Вотъ правила стихосложенья:
Прими, учись и будь поэтъ;
Теперь исполнивъ мой обѣтъ,
Я ожидаю исполненья
Обѣта твоего: втѣснить
Порывы своевольной музы
Обыкновенныхъ правилъ въ узы.
Тебѣ легко поэтомъ быть;
Доступнымъ сдѣлай лишь искусство,
Рѣшась воображенье, чувство
Наукѣ строгой покорить;

Digitized by Google

Наука лишь талантъ вѣнчаетъ,
И Божій даръ безъ ней—одно
Вѣчно гніющее зерно;
Безъ ней оно не прозябаетъ
И не цвѣтетъ въ красѣ оно!

Стихи не геніальные, но въ нихъ есть толкъ. Генералъ прислалъ П. И. на память золотую табакерку прекрасной работы.

27 мая, суббота. Нѣсколько дней я чувствую себя не хорошо, а между тѣмъ не утерпѣлъ, чтобы вчера не взглянуть на новаго дебютанта, въ роли слуги Семена, въ комедіи Ефимьева «Братомъ проданная сестра». Къ сожалѣнію долженъ сказать, что лучше бы сдѣлалъ оставшись дома: *Кавалеровъ* покамѣстъ не изъ числа настоящихъ кавалеровъ, а просто изъ разряда тѣхъ лицъ, которыхъ представляетъ; о будущемъ не говорю. Между тѣмъ прости. Голова жестоко болитъ, и чувствую то жаръ, то ознобъ. Добрый мой П. И. испугался и послалъ за Г. И. Допельмейеромъ. Если бы я писать къ тебѣ былъ не въ состояніи, то поручу П. И. или Снѣгирю-Nemo, которому рѣшительно дѣлать нечего. Обнимаю.

24 іюня, суббота. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я началъ прогуливаться и дышать чистымъ воздухомъ, который видимо меня подкрѣпляетъ. Между тѣмъ я такъ измѣнился, что не могу ничего дѣлать, и даже мнѣ кажется тяжело написать къ тебѣ нѣсколько строкъ. Меня посѣтила сильная горячная, со всею свитою: бредомъ, пятнами и проч., и если бы не старикъ Допельмейеръ, который такъ меня любитъ, если бы не истинно отеческія попеченія Петра Ивановича, то можетъ быть переписка наша на всегда бы прекратилась. Нѣтъ словъ благодарить и Снѣгиря-Nemo, который мало того, что просиживалъ у моего изголовья цѣлыя ночи безъ сна, но и теперь ссужаетъ меня своей рукою, и потому ты можешь считать на полученіе обыкновенныхъ моихъ донесеній и всѣхъ сплетней, какими они сопровождаются. Начну со вчерашняго вечера: вмѣсто оперы «*Die Zauber Zitter*», которую намъ хотѣлось видѣть, мы, не заходя въ театръ, отправились съ-позаранку въ назначенный послѣ спектакля воксалъ, и усѣлись у пруда смотрѣть на ловлю лягушекъ, которыхъ въ этомъ прудѣ такая бездна. Эта ловля гораздо занимательнѣе ужина

Digitized by Google

рыбы, и видно входитъ въ моду у нѣмецко-слободскихъ обывателей, потому что ихъ человѣкъ 15 сидѣло съ удочками, на которыхъ вмѣсто обыкновенной приманки нацѣплены были кусочки краснаго сукна. Лягушки безпрестанно подпрыгивали изъ воды, жадно хватались за сухно и становились добычею ватрохлововъ. Эту забаву съ мѣсяцъ тому назадъ ввели въ моду братья Брандштетеры, для которыхъ она служитъ не только забавою, но и средствомъ къ удовлетворенію своей гастрономіи: они страстные охотники до фрикасе изъ лягушекъ, а потому весь уловъ этой водяной дичины предоставляется въ ихъ пользу.

А знаешь ли, что̀ за люди братья Брандштетеры, Францъ и Антонъ? Это люди историческіе, и не даромъ носятъ свое прозваніе. Они находились прежде въ услуженіи князя Потемкина въ качествѣ фейерверкмейстеровъ, устроивали потѣшные огни въ Молдавіи и Валахіи и участвовали въ изготовленіи знаменитаго фейерверка, который былъ пущенъ во время извѣстнаго бала, даннаго княземъ въ Таврическомъ дворцѣ. Сверхъ того они механики, землемѣры, инженеры, гидрографы и живописцы. Антона Брандштетера я помню еще съ ребячества, когда онъ росписывалъ церковь у сосѣда нашего М. В. Муромцева, и ежегодно въ день имянинъ жены его, 24 ноября, пускалъ фейерверки, на которые съѣзжались всѣ окружные помѣщики, и въ этомъ числѣ возили меня. Теперь эти Брандштетеры живутъ на покоѣ, имѣютъ свою лабораторію, снабжаютъ всю Москву и сопредѣльныя губерніи потѣшными огнями и ловятъ лягушекъ, употребляя ихъ въ продолженіе всего лѣта въ пищу, вмѣсто цыплятъ. Дешево и вкусно.

28 іюня, середа. Мы непремѣнно выѣзжаемъ въ воскресенье 2-го іюля, и прямо въ Липецкъ, потому что мои домашніе должны быть теперь уже тамъ. Болѣзнь унесла у меня много времени и осадила меня, по крайней мѣрѣ, на мѣсяцъ. Мы ѣдемъ цѣлою колоніею: Снѣгирь-Nemo, Литхенсъ и фортепіанистъ Диллеръ, которому въ Москвѣ теперь дѣлать нечего: у дольщиковъ его Дурновыхъ лѣтомъ игры нѣтъ, а ученики и ученицы разъѣхались по деревнямъ; что̀ если бы ты могъ пріѣхать также въ Липецкъ и пожить на свободѣ? Но это мечта!

Digitized by Google

Сообщаю тебѣ послѣднее изв[redacted] свѣденіе: табель профессорскихъ лекцій на будущій университетскій курсъ, о которой ты такъ заботился для Верзилина. Предчувствую, что не долго слушать мнѣ добрыхъ моихъ профессоровъ. Отецъ, обрадовавшись моему 12 классу, торопитъ службою.

Физику.	Страховъ.
Натуральную исторію. . .	Пр. Антонскій.
Философію.	Брянцевъ.
Статистику.	Геймъ.
Естетику.	Сохацкій.
Чистую математику. . .	Аршеневскій.
Исторію.	Черепановъ.
Россійское право. . . .	Горюшкинъ.
Теорію Законовъ. . . .	Цвѣтаевъ.
Теорію поэзіи.	Мерзляковъ.
Приложеніе алгебры къ геометріи..	Загорскій.

На французскомъ языкѣ:

Исторію натуральную и сравнительную анатомію. .	Фишеръ.
Естественное и народное право.	Рейсъ.
Нравственную философію. .	Рейнгардъ.
Астрономію.	Голдбахъ.

На нѣмецкомъ:

Высокую геометрію. . .	Иде.
Ботанику.	Гофманъ.
Нѣмецкую литературу. .	Сангленъ.

Особенные уроки, lectiones privatae, и особеннѣйшіе, privatissimae, зависятъ отъ взаимныхъ условій желающихъ учиться съ профессорами.

Теперь жди отъ меня писемъ изъ Липецка, по прежнему въ ежедневныхъ рапортичкахъ, разумѣется, если попадаться будутъ случаи и люди, о которыхъ стоило бы сообщать тебѣ; иначе о чемъ писать, развѣ только о количествѣ застрѣленныхъ утокъ и прочей дичины, но я рѣшусь и на это, лишь бы только болтать съ тобою.

Ты не любишь, чтобы тебя благодарили; а потому я и не хочу говорить, сколько я тебѣ обязанъ за *все* про *все*. Мнѣ кажется, я никогда не расплачусь съ тобою,—да! я забылъ, что ты не любишь этого слышать: извини.

(Продолженіе впредь).

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

РУССКАЯ ИЗЯЩНАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ 1852 ГОДУ.

I.

Годъ тому назадъ, въ четырехъ статьяхъ о состояніи литературы за 1851 годъ, мы старались опредѣлить исходную точку современнаго состоянія нашей словесности и отношеніе настоящаго времени къ ея исходной точкѣ. Въ то время какъ мы говорили о значеніи того слова, которое суждено было сказать незабвенному творцу «Мертвыхъ душъ» и выводили историческую необходимость этого слова изъ условій натуры поэта и изъ условій современной дѣйствительности,—никому, а слѣдовательно и намъ, не приходила въ голову тяжелая мысль, что скоро вѣчнымъ сномъ закроются вѣщія очи, ливщія незримыя міру слезы; что скоро замолкнетъ на вѣки этотъ карающій, обличительный смѣхъ.... Событіе упало на насъ всею своею неожиданною тяжестью: оно какъ будто соотвѣтствовало тому обличительному слову, которое разодрало для читателя завѣсу, скрывавшую отъ него безобразіе его внутренняго міра, заставило его «обратить очи внутрь души» и увидать ее

Въ такихъ кровавыхъ
Въ такихъ смертельныхъ язвахъ....

Художникъ, которому по высокому его взгляду на жизнь и по непосредственной силѣ объективнаго творчества найдутся развѣ слишкомъ не много равныхъ, котораго задачи перестали уже быть мѣстными и временными, и котораго созерцанія все болѣе и болѣе доходили до чистѣйшей прозрачности и духовности, оставилъ свое земное поприще.

Въ стремленіи къ идеалу или на пути духовнаго совершенствованія, всякаго стремящагося, ожидаютъ два подводныхъ камня: отчаяніе отъ сознанія своего собственнаго несовершенства, изъ котораго есть выходъ, или неправильное, непрямое отношеніе къ своему несовершенству, которое, большею частію, безвыходно. Что человѣку, непріятно и больно сознавать свои слабыя стороны, это конечно не под-

Digitized by Google

лежитъ ни малѣйшему сомнѣнію,— но задача его заключается преимущественно въ томъ, чтобы къ этимъ слабымъ сторонамъ отнестись съ полною, безпощадною справедливостью; самое обыкновенное искушеніе въ этомъ случаѣ—уменьшить въ собственныхъ глазахъ свои недостатки; и несравненно болѣе опасное — преувеличить ихъ до той степени, на которой они получаютъ извѣстную значимость и, пожалуй, даже, по развращеннымъ понятіямъ современнаго человѣка, грандіозность и обаятельность зла, которой атмосфера разлита вокругъ образовъ, не говоримъ уже Конрада, Манфреда, но Печорина и Ловласа, явленіе весьма не рѣдкое съ тѣхъ поръ: какъ

Британской музы небылицы
Тревожатъ сонъ отроковицы
И сталъ теперь ея кумиръ,
Или таинственный Вампиръ,
Или Мельмотъ бродяга мрачный, и т. д.

Возьмите какую угодно страсть, и доведите ее въ своемъ представленіи до извѣстной степени энергіи, поставьте ее въ борьбу съ окружающею ее обстановкою,—*трагическое* воззрѣніе ваше скроетъ отъ васъ всѣ мелкія пружины ея дѣятельности. Эгоизму современнаго человѣку несравненно легче помириться въ себѣ съ мыслію о крупномъ преступленіи, чѣмъ о мелкой и пошлой подлости: эффектнѣе конечно вообразить себя Ловласомъ, чѣмъ Собачкинымъ,—скупымъ рыцаремъ, чѣмъ Плюшкинымъ,—Печоринымъ, чѣмъ Меричемъ; даже, ужъ если на то пошло—Грушницкимъ, чѣмъ Милашинымъ, потому, что Грушницкій хоть умираетъ эффектно,—и, Боже мой, сколько лягушекъ надуваются въ воловъ, въ насъ самихъ и вокругъ насъ,—сколько людей *желаютъ* (!) выставить себя преступными, когда они сдѣлали только пошлость,—сколько мелкихъ чувственныхъ поползновеній стремятся принять въ насъ размѣры колоссальныхъ страстей, готовыхъ на трагическую борьбу. Хлестаковъ даже, Хлестаковъ, — и тотъ зоветъ городничиху «*удалиться подъ сѣнь струй*».... Меричъ съ самодовольствомъ «проситъ Марью Андреевну простить его, что онъ возмутилъ миръ ея невинной души».... Тамаринъ радуется, что его зовутъ демономъ....

А давно ли,—спросимъ читателей, было время, когда мы ничего этого невидали, время, когда мы трагически относились къ лягушкамъ раздувающимся въ воловъ, и кто помогъ намъ очнуться, кто заставилъ насъ взглянуть внутрь самихъ себя?... заклеймилъ настоящимъ прозвищемъ каждую нашу пошлость и слабость, такъ что не отвертится

Digitized by Google

она теперь отъ этого прозвища; кто поймалъ зло за самыя его чувствительныя и доселѣ неуловимыя стороны, заставилъ его прямо стать передъ собою и вмѣсто поклоненія—воздалъ ему надлежащую дань, обличительный, карающій смѣхъ во имя вѣчной красоты и правды?... Развѣ онъ, этотъ безпощадный каратель, не призванъ былъ также рисовать Аннунціату и Тараса Бульбу, какъ призванъ былъ изслѣдить до глубины «всю пошлость пошлаго человѣка», развѣ пламенная душа его не тонко чувствовала все, что есть прекраснаго въ природѣ и человѣкѣ,... развѣ не великую жертву искусству принесъ онъ, взявши на себя суровый подвигъ?... Но онъ принесъ жертву еще болѣе великую, жертву, подъ бременемъ которой самъ онъ палъ: онъ въ самого себя заглянулъ съ тѣмъ же неумолимымъ смѣхомъ, собственную душу сдѣлалъ предметомъ художественнаго анализа. Онъ былъ жрецомъ своего новаго искусства—комедіи въ высшемъ, безусловномъ значеніи, послѣдняго слова, послѣдней грани искусства.

Комизмъ Гоголя—не то, что комизмъ другихъ комиковъ. Идеалъ, во имя котораго онъ относился съ комизмомъ къ явленіямъ дѣйствительности, путемъ созерцанія уяснилъ онъ себѣ до той степени прозрачности и духовности, которой не выносятъ почти бренныя человѣческія очи. Земное, человѣческое, въ какихъ бы формахъ красоты и величія оно ни являлось—въ энергической ли непосредственности Тараса Бульбы, въ красотѣ ли Аннунціаты, въ противуположности ли величаваго Рима съ кипящимъ мелочною дѣятельностью Парижемъ,—въ ночахъ ли его родной Украйны,—не удовлетворило его. Все суровѣе и суровѣе смотрѣлъ онъ на жизнь,—все смѣлѣе и смѣлѣе разоблачалъ онъ человѣческое во имя идеала.

Что такое былъ комизмъ до Гоголя?... Переберемте всѣхъ великихъ комиковъ новой исторіи, мы не найдемъ ничего подобнаго ни этому взгляду на жизнь, ни этой страшной силы юмора.

Сравните Гоголя хоть съ комикомъ, котораго не даромъ же цѣлая, развитая и даже больше чѣмъ развитая нація считаетъ доселѣ первымъ въ своемъ родѣ, который дѣйствительно былъ до такой степени комикомъ своего народа, что доселѣ еще не умолкъ вопль на него Езуитовъ за его Тартюфа, сравните Гоголя съ Мольеромъ какъ относительно взгляда на жизнь, такъ и относительно силы комическаго юмора. Комизмъ Мольера, совсѣмъ другаго рода комизмъ и ужъ безъ сомнѣнія низшій родъ комизма, если сличить его съ Гоголевскимъ: комизмъ какой-то внѣшній, вооружающійся на условныя понятія во имя такихъ же условныхъ, только Поръ-Рояльскихъ понятій: самому хан-

Digitized by Google

жеству Тартюфа, этому, сильному порыву Мольеровскаго комизма, противуполагается *общественная* честность Клеанта, условная, ограниченная, сухая честность: Мизантропъ въ сущности хлопочетъ изъ сущихъ пустяковъ, — нравственный Аристъ, противоположенный спятившему съ ума Сганарелю въ «Школѣ мужей» проповѣдуетъ во имя удобной и дешевой морали общественнаго благоразумія.

Понятія Мольера о любви и женщенѣ,—благодаря его собственнымъ горькимъ опытамъ, такъ благоразумно-грубы, что выражаются въ такаго рода *циническихъ* правилахъ:

Epouser une sotte est pour n'etre point sot....
(Ecole des Femmes.)

Наконецъ самыя условныя понятія комика о добрѣ и злѣ, такъ неопредѣленны, что ему ни почемъ стать иногда на сторону одной безнравственности противъ другой, на сторону Гарпагонова сына противъ Гарпагона напримѣръ—и всегда на сторону расчетливой безнравственности противъ глупости. Если такъ неопредѣленно отношеніе комика къ тому, во имя чего онъ дѣйствуетъ, то еще неопредѣленнѣе отношеніе его къ тому, надъ чѣмъ онъ смѣется: въ дѣйствительности поражали его не настоящія уклоненія отъ идеала, а опять условныя. А между тѣмъ, Мольеръ все-таки единственный комикъ, котораго можно взять для сличенія съ нашимъ Гоголемъ, ибо у Нѣмцевъ, какъ извѣстно, нѣтъ, и не можетъ быть комедіи. Шекспиръ же нейдетъ для сравненія, потому что у него собственно нѣтъ ни трагедіи, ни комедіи, а есть одно—драма, съ перевѣсомъ необходимости или съ перевѣсомъ случайности въ событіяхъ.

Комизмъ Гоголевскій есть явленіе совершенно единственное въ самой манерѣ и въ самыхъ пріемахъ комика. Основы Ревизора, скачки Подколесина въ окно и другихъ чертъ, вы не найдете ни у кого. Основа напримѣръ Ревизора, скачекъ Подколесина — вѣрны до той психологической вѣрности, которая становится уже дерзостью. Такая особенность и смѣлость пріемовъ обусловлена самою сущностью комическаго міросозерцанія Гоголя, состоящею въ постоянномъ раздвоеніи сознанія, въ постоянной готовности комика себя самого судить и повѣрять во имя чего-то иного, постоянно для самаго себя объективироваться. Дѣствительность повѣрялась въ душѣ комика идеаломъ—и какимъ идеаломъ! не мудрено, что послѣ такой повѣрки она выходила въ міръ отмѣченною клеймомъ гнѣвной любви, принимая тѣ колосально комическіе размѣры, которые придавала ей горячая и раздраженная фантазія.... Поэтому-то Гоголевскія произведенія

Digitized by Google

вѣрны не дѣйствительности, а общему смыслу дѣйствительности въ противорѣчіи съ идеаломъ: въ обыкновенной жизни нѣтъ Хлестакова, даже какъ типа, въ обыкновенной жизни и Земляника даже не скажетъ, на вопросъ Хлестакова: Вы кажется вчера были меньше ростомъ?... «*Очень можетъ быть-съ*», — въ обыкновенной жизни, даже и подобная матушка, какая выставлена въ «отрывкѣ», разсказавши о *смертной* обидѣ, заключающейся въ томъ, что сынъ ея штатскій, а не юнкеръ, не скажетъ: «истинно, одна только вѣра въ Провидѣніе поддержала меня» и т. д.,—въ обыкновенной жизни, ни одинъ, самый слабохарактерный изъ Подколесиныхъ не убѣжитъ отъ невѣсты въ окно и т. д. Все это—не просто дѣйствительность, но дѣйствительность, возведенная въ перлъ, ибо она прошла черезъ горнило сознанія. И въ этомъ свойствѣ одинъ только Шекспиръ однороденъ съ Гоголемъ, и въ этомъ смыслѣ Шекспиръ столько же мало натураленъ, какъ Гоголь. Какой Макбетъ въ *дѣйствительности*, зарѣзавши Дункана, будетъ выражаться такъ.

Макбетъ зарѣзалъ сонъ, невинный сонъ,
Зарѣзалъ искупителя заботъ
Цѣлебный бальзамъ для больной души,
Великаго союзника природы
Хозяина на жизненномъ пиру....

но какъ *дѣйствительнѣе* можно было выразить весь ужасъ души Макбета, глубокой и могучей души, передъ его дѣломъ?... Какъ Шекспиръ, такъ и Гоголь, заботились только о поэтической вѣрности, и какъ того, такъ и другаго долго еще будутъ близорукіе судьи упрекать въ непатуральности постройки Лира, въ нелѣпости завязки Ревизора, въ гиперболизмѣ чувствъ и выраженій. Въ самомъ дѣлѣ, какая любовница можетъ говорить такъ какъ Юлія,—какой любовникъ, входя въ садъ любовницы, будетъ говорить

Смѣется тотъ надъ ранами, кто самъ
Не вѣдалъ ихъ.... и т. д.

восклицаніе: Ахъ! съ одной стороны, и другое: ахъ! съ другой, было бы гораздо натуральнѣе безъ сомнѣнія. Но Шекспиръ и Гоголь досказываютъ человѣку то, что онъ думаетъ, что можетъ быть зачинается въ его душѣ и заключаютъ все въ литое, мѣдное выраженіе, котораго удачнѣе и поэтически вѣрнѣе нельзя ничего придумать.... И выходитъ какъ-то, что непатуральность ихъ вѣрнѣе всякой частной и повседневной натуральности, что въ ихъ душѣ отразилось идеально, общечеловѣчески—то, что у другихъ отражается не полно или не ясно.... Типич-

Digitized by Google

у Павла Андреевича Вейделя съ старшимъ братомъ своимъ, извѣстнымъ переводчикомъ Шиллеровыхъ «Разбойниковъ» и сенатскимъ оберъ-секретаремъ, такимъ же острякомъ, какъ и онъ самъ, они о чемъ-то заспорили; а какъ братья ни за что не упустятъ случая поподчивать другъ друга сарказмами, то старшій въ пылу спора и сказалъ младшему: «тутъ, сударь, и толковать нечего—вашу братью всякій можетъ видѣть за рубль!—Правда, отвѣчалъ актеръ, за то вашей братьи безъ красненькой и не увидишь». Остро, однако же въ отношеніи къ Н. И. несправедливо, потому что онъ есть утѣшительное исключеніе изъ категоріи большей части его сослуживцевъ и не безъ причины пользуется общимъ довѣріемъ и уваженіемъ.

Я слышалъ, что онъ, т. е. Н. И., ѣдетъ также на лѣто лечиться въ Липецкъ съ молодою женою, совершенною красавицею. Какъ бы я былъ радъ съ нимъ тамъ встрѣтиться!

24 мая, среда. Померанцева можно назвать актеромъ par excellence. Какая натура, какое чувство, какая простота. Абрамъ—не на сценѣ; онъ въ своей избѣ; чистый русскій крестьянинъ, патріархальный владыка своего семейства, и между тѣмъ нѣжный отецъ. Хороша и *Померанцева* въ роли матери Алексѣя. *Сандуновъ* превосходенъ въ роли Клима Гавриловича: настоящій подъячій съ приписью; однакоже подъячій, который существуетъ только въ нашемъ воображеніи, котораго знаемъ по преданіямъ, но котораго, конечно, никто изъ насъ не видалъ: это карикатура и на бывшихъ нѣкогда подъячихъ. Молодой *Орловъ* въ сценѣ, когда Ипполитъ бросается къ ногамъ отца и проситъ благословенія идти вмѣсто Алексѣя въ рекруты, былъ увлекателенъ и заставилъ плакать; и самый Кондаковъ въ роли Герасима, великодушнаго извощика-резонера, игралъ съ чувствомъ и жаромъ; словомъ, піеса разыграна была бы прекрасно, если бы несчастная *Караневичева*—Варвара не портила всего хода піесы. Что́ за претензіи, что́ за жеманство и отсутствіе всякаго чувства, что́ за льдина такая! Вмѣсто этой Варвары, доброй, простодушной крестьянки, сироты, чувствующей сиротство свое,—мы видѣли горничную, жеманницу, которая даже и при вопросѣ: какъ васъ зовутъ? отвѣчаетъ: «извините, мы не изъ таковскихъ». И вотъ

Digitized by Google

говорятъ, что эта же Каратыгичева будетъ играть Антигону въ «Эдипѣ», котораго разучиваютъ къ осени. Что ни говори, а русскую оперу можно смотрѣть съ бо́льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ русскія трагедіи и драмы: ни даровитый Плавильщиковъ, ни превосходный Померанцевъ, одни безъ женщинъ, не могутъ произвести никакого впечатлѣнія. Какъ-то случилось мнѣ видѣть *Бевер.ія*, гдѣ въ нѣкоторыхъ сценахъ такъ отлично хорошъ *Плавильщиковъ*,—и что же? какъ только появлялась на сцену *Баранчеева*, игравшая роль жены его, то вся иллюзія изчезала. *Померанцевъ*, въ отцѣ семейства, превосходенъ, но лишь появится женщина, прости очарованіе!

Генералъ С. А. Т*** показывалъ П. И. свои стихотворенія, и признался ему, что любитъ чрезвычайно поэзію и въ свободное время только и занимается ею, сколько по страсти, столько же и потому, что тамъ, гдѣ онъ обязанъ постоянно жить, по службѣ, другихъ развлеченій нѣтъ. Въ этихъ стихотвореніяхъ нѣтъ никакихъ правилъ: ни мѣры, ни удареній, словомъ, ни складу ни ладу,—но между тѣмъ есть очень дѣльныя мысли. П. И. замѣтилъ автору, что надобно бы прежде узнать правила, и тогда уже приняться за сочиненіе,—иначе лучше писать прозою. Генералъ пожелалъ взять нѣсколько уроковъ тайкомъ, и П. И. въ недѣлю истолковалъ ему всѣ тайны стихосложенія, отказываясь отъ всякаго возмездія, и въ заключеніе послалъ свою пѣтику при слѣдующемъ посланіи съ эпиграфомъ изъ Державина: *учиться никогда не поздно!*

Т . . . . . командиръ,
Кому маневры и сраженья
Не горькій трудъ, но сладкій пиръ,—
Вотъ правила стихосложенья:
Прими, учись и будь поэтъ;
Теперь исполнивъ мой обѣтъ,
Я ожидаю исполненья
Обѣта твоего: втѣснить
Порывы своевольной музы
Обыкновенныхъ правилъ въ узы.
Тебѣ легко поэтомъ быть;
Доступнымъ сдѣлай лишь искусство,
Рѣшась воображенье, чувство
Наукѣ строгой покорить;

Digitized by Google

Сообщаю тебѣ послѣднее изъ Москвы свѣденіе: табель профессорскихъ лекцій на будущій университетскій курсъ, о которой ты такъ заботился для Верзилина. Предчувствую, что не долго слушать мнѣ добрыхъ моихъ профессоровъ. Отецъ, обрадовавшись моему 12 классу, торопитъ службою.

Физику.	Страховъ.
Натуральную исторію. . .	Пр. Антонскій.
Философію.	Брянцевъ.
Статистику.	Геймъ.
Естетику.	Сохацкій.
Чистую математику. . .	Аршеневскій.
Исторію.	Черепановъ.
Россійское право. . . .	Горюшкинъ.
Теорію Законовъ. . . .	Цвѣтаевъ.
Теорію поэзіи.	Мерзляковъ.
Приложеніе алгебры къ геометріи..	Загорскій.

На французскомъ языкѣ:

Исторію натуральную и сравнительную анатомію. .	Фишеръ.
Естественное и народное право.	Рейсъ.
Нравственную философію. .	Рейнгардъ.
Астрономію.	Голдбахъ.

На нѣмецкомъ:

Высокую геометрію. . .	Иде.
Ботанику.	Гофманъ.
Нѣмецкую литературу. .	Сангленъ.

Особенные уроки, lectiones privatae, и особеннѣйшіе, privatissimae, зависятъ отъ взаимыхъ условій желающихъ учиться съ профессорами.

Теперь жди отъ меня писемъ изъ Липецка, по прежнему въ ежедневныхъ рапортичкахъ, разумѣется, если попадаться будутъ случаи и люди, о которыхъ стоило бы сообщать тебѣ; иначе о чемъ писать, развѣ только о количествѣ застрѣленныхъ утокъ и прочей дичины, но я рѣшусь и на это, лишь бы только болтать съ тобою.

Ты не любишь, чтобы тебя благодарили; а потому я и не хочу говорить, сколько я тебѣ обязанъ за *все* про *все*. Мнѣ кажется, я никогда не расплачусь съ тобою,—да! я забылъ, что ты не любишь этого слышать: извини.

(Продолженіе впредь).

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

РУССКАЯ ИЗЯЩНАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ 1852 ГОДУ.

I.

Годъ тому назадъ, въ четырехъ статьяхъ о состояніи литературы за 1851 годъ, мы старались опредѣлить исходную точку современнаго состоянія нашей словесности и отношеніе настоящаго времени къ ея исходной точкѣ. Въ то время какъ мы говорили о значеніи того слова, которое суждено было сказать незабвенному творцу «Мертвыхъ душъ» и выводили историческую необходимость этого слова изъ условій натуры поэта и изъ условій современной дѣйствительности,—никому, а слѣдовательно и намъ, не приходила въ голову тяжелая мысль, что скоро вѣчнымъ сномъ закроются вѣщія очи, лившія неэримыя міру слезы; что скоро замолкнетъ на вѣки этотъ карающій, обличительный смѣхъ.... Событіе упало на насъ всею своею неожиданною тяжестью: оно какъ будто соотвѣтствовало тому обличительному слову, которое разодрало для читателя завѣсу, скрывавшую отъ него безобразіе его внутренняго міра, заставило его «обратить очи внутрь души» и увидать ее

Въ такихъ кровавыхъ
Въ такихъ смертельныхъ язвахъ....

Художникъ, которому по высокому его взгляду на жизнь и по непосредственной силѣ объективнаго творчества найдутся развѣ слишкомъ не много равныхъ, котораго задачи перестали уже быть мѣстными и временными, и котораго созерцанія все болѣе и болѣе доходили до чистѣйшей прозрачности и духовности, оставилъ свое земное поприще.

Въ стремленіи къ идеалу или на пути духовнаго совершенствованія, всякаго стремящагося, ожидаютъ два подводныхъ камня: отчаяніе отъ сознанія своего собственнаго несовершенства, изъ котораго есть выходъ, или неправильное, непрямое отношеніе къ своему несовершенству, которое, большею частію, безвыходно. Что человѣку, непріятно и больно сознавать свои слабыя стороны, это конечно не под-

Digitized by Google

Сообщаю тебѣ послѣднее изъ Москвы свѣденіе: табель профессорскихъ лекцій на будущій университетскій курсъ, о которой ты такъ заботился для Верзилина. Предчувствую, что не долго слушать мнѣ добрыхъ моихъ профессоровъ. Отецъ, обрадовавшись моему 12 классу, торопитъ службою.

Физику.	Страховъ.
Натуральную исторію. . .	Пр. Антонскій.
Философію.	Брянцевъ.
Статистику.	Геймъ.
Естетику.	Сохацкій.
Чистую математику. . .	Аршеневскій.
Исторію.	Черепановъ.
Россійское право. . . .	Горюшкинъ.
Теорію Законовъ. . . .	Цвѣтаевъ.
Теорію поэзіи.	Мерзляковъ.
Приложеніе алгебры къ геометріи..	Загорскій.

На французскомъ языкѣ:

Исторію натуральную и сравнительную анатомію. .	Фишеръ.
Естественное и народное право.	Рейсъ.
Нравственную философію. .	Рейнгардъ.
Астрономію.	Голдбахъ.

На нѣмецкомъ:

Высокую геометрію. . .	Иде.
Ботанику.	Гофманъ.
Нѣмецкую литературу. .	Сангленъ.

Особенные уроки, lectiones privatae, и особеннѣйшіе, privatissimae, зависятъ отъ взаимныхъ условій желающихъ учиться съ профессорами.

Теперь жди отъ меня писемъ изъ Липецка, по прежнему въ ежедневныхъ рапортичкахъ, разумѣется, если попадаться будутъ случаи и люди, о которыхъ стоило бы сообщать тебѣ; иначе о чемъ писать, развѣ только о количествѣ застрѣленныхъ утокъ и прочей дичины, но я рѣшусь и на это, лишь бы только болтать съ тобою.

Ты не любишь, чтобы тебя благодарили; а потому я и не хочу говорить, сколько я тебѣ обязанъ за *все* про *все*. Мнѣ кажется, я никогда не расплачусь съ тобою,—да! я забылъ, что ты не любишь этого слышать: извини.

(Продолженіе впредь).

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

РУССКАЯ ИЗЯЩНАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ 1852 ГОДУ.

I.

Годъ тому назадъ, въ четырехъ статьяхъ о состояніи литературы за 1851 годъ, мы старались опредѣлить исходную точку современнаго состоянія нашей словесности и отношеніе настоящаго времени къ ея исходной точкѣ. Въ то время какъ мы говорили о значеніи того слова, которое суждено было сказать незабвенному творцу «Мертвыхъ душъ» и выводили историческую необходимость этого слова изъ условій натуры поэта и изъ условій современной дѣйствительности,—никому, а слѣдовательно и намъ, не приходила въ голову тяжелая мысль, что скоро вѣчнымъ сномъ закроются вѣщія очи, лившія незримыя міру слезы; что скоро замолкнетъ на вѣки этотъ карающій, обличительный смѣхъ.... Событіе упало на насъ всею своею неожиданною тяжестью: оно какъ будто соотвѣтствовало тому обличительному слову, которое разодрало для читателя завѣсу, скрывавшую отъ него безобразіе его внутренняго міра, заставило его «обратить очи внутрь души» и увидать ее

Въ такихъ кровавыхъ
Въ такихъ смертельныхъ язвахъ....

Художникъ, которому по высокому его взгляду на жизнь и по непосредственной силѣ объективнаго творчества найдутся развѣ слишкомъ не много равныхъ, котораго задачи перестали уже быть мѣстными и временными, и котораго созерцанія все болѣе и болѣе доходили до чистѣйшей прозрачности и духовности, оставилъ свое земное поприще.

Въ стремленіи къ идеалу или на пути духовнаго совершенствованія, всякаго стремящагося, ожидаютъ два подводныхъ камня: отчаяніе отъ сознанія своего собственнаго несовершенства, изъ котораго есть выходъ, или неправильное, непрямое отношеніе къ своему несовершенству, которое, большею частію, безвыходно. Что человѣку, непріятно и больно сознавать свои слабыя стороны, это конечно не под-

Digitized by Google

лежитъ ни малѣйшему сомнѣнію,— но задача его заключается преимущественно въ томъ, чтобы къ этимъ слабымъ сторонамъ отнестись съ полною, безпощадною справедливостью; самое обыкновенное искушеніе въ этомъ случаѣ—уменьшить въ собственныхъ глазахъ свои недостатки; и несравненно болѣе опасное — преувеличить ихъ до той степени, на которой они получаютъ извѣстную значимость и, пожалуй, даже, по развращеннымъ понятіямъ современнаго человѣка, грандіозность и обаятельность зла, которой атмосфера разлита вокругъ образовъ, не говоримъ уже Конрада, Манфреда, но Печорина и Ловласа, явленіе весьма не рѣдкое съ тѣхъ поръ: какъ

Британской музы небылицы
Тревожатъ сонъ отроковицы
И сталъ теперь ея кумиръ,
Или таинственный Вампиръ,
Или Мельмотъ бродяга мрачный, и т. д.

Возьмите какую угодно страсть, и доведите ее въ своемъ представленіи до извѣстной степени энергіи, поставьте ее въ борьбу съ окружающею ее обстановкою,—*трагическое* воззрѣніе ваше скроетъ отъ васъ всѣ мелкія пружины ея дѣятельности. Эгоизму современнаго человѣку несравненно легче помириться въ себѣ съ мыслію о крупномъ преступленіи, чѣмъ о мелкой и пошлой подлости: эффектнѣе конечно вообразить себя Ловласомъ, чѣмъ Собачкинымъ,—скупымъ рыцаремъ, чѣмъ Плюшкинымъ,—Печоринымъ, чѣмъ Меричемъ; даже, ужъ если на то пошло—Грушницкимъ, чѣмъ Милашинымъ, потому, что Грушницкій хоть умираетъ эффектно,—и, Боже мой, сколько лягушекъ надуваются въ воловъ, въ насъ самихъ и вокругъ насъ,—сколько людей *желаютъ* (!) выставить себя преступными, когда они сдѣлали только пошлость,—сколько мелкихъ чувственныхъ поползновеній стремятся принять въ насъ размѣры колоссальныхъ страстей, готовыхъ на трагическую борьбу. Хлестаковъ даже, Хлестаковъ, — и тотъ зоветъ городничиху «*удалиться подъ сѣнь струй*».... Меричь съ самодовольствомъ «проситъ Марью Андреевну простить его, что онъ возмутилъ миръ ея невинной души».... Тамаринъ радуется, что его зовутъ демономъ....

А давно ли,—спросимъ читателей, было время, когда мы ничего этого невидали, время, когда мы трагически относились къ лягушкамъ раздувающимся въ воловъ, и кто помогъ намъ очнуться, кто заставилъ насъ взглянуть внутрь самихъ себя?... заклеймилъ настоящимъ прозвищемъ каждую нашу пошлость и слабость, такъ что не отвертится

Digitized by Google

она теперь отъ этого прозвища; кто поймалъ зло за самыя его чувствительныя и доселѣ неуловимыя стороны, заставилъ его прямо стать передъ собою и вмѣсто поклоненія—воздалъ ему надлежащую дань, обличительный, карающій смѣхъ во имя вѣчной красоты и правды?... Развѣ онъ, этотъ безпощадный каратель, не призванъ былъ также рисовать Аннунціату и Тараса Бульбу, какъ призванъ былъ изслѣдить до глубины «всю пошлость пошлаго человѣка», развѣ пламенная душа его не тонко чувствовала все, что есть прекраснаго въ природѣ и человѣкѣ,... развѣ не великую жертву искусству принесъ онъ, взявши на себя суровый подвигъ?... Но онъ принесъ жертву еще болѣе великую, жертву, подъ бременемъ которой самъ онъ палъ: онъ въ самого себя заглянулъ съ тѣмъ же неумолимымъ смѣхомъ, собственную душу сдѣлалъ предметомъ художественнаго анализа. Онъ былъ жрецомъ своего новаго искусства—комедіи въ высшемъ, безусловномъ значеніи, послѣдняго слова, послѣдней грани искусства.

Комизмъ Гоголя—не то, что комизмъ другихъ комиковъ. Идеалъ, во имя котораго онъ относился съ комизмомъ къ явленіямъ дѣйствительности, путемъ созерцанія уяснилъ онъ себѣ до той степени прозрачности и духовности, которой не выносятъ почти бренныя человѣческія очи. Земное, человѣческое, въ какихъ бы формахъ красоты и величія оно ни являлось—въ энергической ли непосредственности Тараса Бульбы, въ красотѣ ли Аннунціаты, въ противуположности ли величаваго Рима съ кипящимъ мелочною дѣятельностью Парижемъ,—въ ночахъ ли его родной Украйны,—не удовлетворило его. Все суровѣе и суровѣе смотрѣлъ онъ на жизнь,—все смѣлѣе и смѣлѣе разоблачалъ онъ человѣческое во имя идеала.

Что такое былъ комизмъ до Гоголя?... Переберемте всѣхъ великихъ комиковъ новой исторіи, мы не найдемъ ничего подобнаго ни этому взгляду на жизнь, ни этой страшной силы юмора.

Сравните Гоголя хоть съ комикомъ, котораго не даромъ же цѣлая, развитая и даже больше чѣмъ развитая нація считаетъ доселѣ первымъ въ своемъ родѣ, который дѣйствительно былъ до такой степени комикомъ своего народа, что доселѣ еще не умолкъ вопль на него Езуитовъ за его Тартюфа, сравните Гоголя съ Мольеромъ какъ относительно взгляда на жизнь, такъ и относительно силы комическаго юмора. Комизмъ Мольера, совсѣмъ другаго рода комизмъ и ужъ безъ сомнѣнія низшій родъ комизма, если сличить его съ Гоголевскимъ: комизмъ какой-то внѣшній, вооружающійся на условныя понятія во имя такихъ же условныхъ, только Поръ-Рояльскихъ понятій: самому хан-

Digitized by Google

жеству Тартюфа, этому, сильному порыву Мольеровскаго комизма, противуполагается *общественная* честность Клеанта, условная, ограниченная, сухая честность: Мизантропъ въ сущности хлопочетъ изъ сущихъ пустяковъ, — нравственный Аристъ, противоположенный спятившему съ ума Сганарелю въ «Школѣ мужей» проповѣдуетъ во имя удобной и дешевой морали общественнаго благоразумія.

Понятія Мольера о любви и женщенѣ,—благодаря его собственнымъ горькимъ опытамъ, такъ благоразумно-грубы, что выражаются въ такаго рода *циническихъ* правилахъ:

Epouser une sotte est pour n'etre point sot....

(Ecole des Femmes.)

Наконецъ самыя условныя понятія комика о добрѣ и злѣ, такъ неопредѣленны, что ему ни почемъ стать иногда на сторону одной безнравственности противъ другой, на сторону Гарпагонова сына противъ Гарпагона напримѣръ—и всегда на сторону расчетливой безнравственности противъ глупости. Если такъ неопредѣленно отношеніе комика къ тому, во имя чего онъ дѣйствуетъ, то еще неопредѣленнѣе отношеніе его къ тому, надъ чѣмъ онъ смѣется: въ дѣйствительности поражали его не настоящія уклоненія отъ идеала, а опять условныя. А между тѣмъ, Мольеръ все-таки единственный комикъ, котораго можно взять для сличенія съ нашимъ Гоголемъ, ибо у Нѣмцевъ, какъ извѣстно, нѣтъ, и не можетъ быть комедіи. Шекспиръ же нейдетъ для сравненія, потому что у него собственно нѣтъ ни трагедіи, ни комедіи, а есть одно—драма, съ перевѣсомъ необходимости или съ перевѣсомъ случайности въ событіяхъ.

Комизмъ Гоголевскій есть явленіе совершенно единственное въ самой манерѣ и въ самыхъ пріемахъ комика. Основы Ревизора, скачка Подколесина въ окно и другихъ чертъ, вы не найдете ни у кого. Основа напримѣръ Ревизора, скачекъ Подколесина — вѣрны до той психологической вѣрности, которая становится уже дерзостью. Такая особенность и смѣлость пріемовъ обусловлена самою сущностью комическаго міросозерцанія Гоголя, состоящею въ постоянномъ раздвоеніи сознанія, въ постоянной готовности комика себя самого судить и повѣрять во имя чего-то иного, постоянно для самаго себя объективироваться. Дѣствительность повѣрялась въ душѣ комика идеаломъ—и какимъ идеаломъ! не мудрено, что послѣ такой повѣрки она выходила въ міръ отмѣченною клеймомъ гнѣвной любви, принимая тѣ колосально комическіе размѣры, которые придавала ей горячая и раздраженная фантазія.... Поэтому-то Гоголевскія произведенія

Digitized by Google

вѣрны не дѣйствительности, а общему смыслу дѣйствительности въ противорѣчіи съ идеаломъ: въ обыкновенной жизни нѣтъ Хлестакова, даже какъ типа, въ обыкновенной жизни и Земляника даже не скажетъ, на вопросъ Хлестакова: Вы кажется вчера были меньше ростомъ?... «*Очень можетъ быть-съ*», — въ обыкновенной жизни, даже и подобная матушка, какая выставлена въ «отрывкѣ», разсказавши о *смертной* обидѣ, заключающейся въ томъ, что сынъ ея штатскій, а не юнкеръ, не скажетъ: «истинно, одна только вѣра въ Провидѣніе поддержала меня» и т. д.,—въ обыкновенной жизни, ни одинъ, самый слабохарактерный изъ Подколесиныхъ не убѣжитъ отъ невѣсты въ окно и т. д. Все это—не просто дѣйствительность, но дѣйствительность, возведенная въ перлъ, ибо она прошла черезъ горнило сознанія. И въ этомъ свойствѣ одинъ только Шекспиръ однороденъ съ Гоголемъ, и въ этомъ смыслѣ Шекспиръ столько же мало натураленъ, какъ Гоголь. Какой Макбетъ въ *дѣйствительности*, зарѣзавши Дункана, будетъ выражаться такъ.

Макбетъ зарѣзалъ сонъ, невинный сонъ,
Зарѣзалъ искупителя заботъ
Цѣлебный бальзамъ для больной души,
Великаго союзника природы
Хозяина на жизненномъ пиру....

но какъ *дѣйствительнѣе* можно было выразить весь ужасъ души Макбета, глубокой и могучей души, передъ его дѣломъ?... Какъ Шекспиръ, такъ и Гоголь, заботились только о поэтической вѣрности, и какъ того, такъ и другаго долго еще будутъ близорукіе судьи упрекать въ непатуральности постройки Лира, въ нелѣпости завязки Ревизора, въ гиперболизмѣ чувствъ и выраженій. Въ самомъ дѣлѣ, какая любовница можетъ говорить такъ какъ Юлія,—какой любовникъ, входя въ садъ любовницы, будетъ говорить

Смѣется тотъ надъ ранами, кто самъ
Не вѣдалъ ихъ.... и т. д.

восклицаніе: Ахъ! съ одной стороны, и другое: ахъ! съ другой, было бы гораздо натуральнѣе безъ сомнѣнія. Но Шекспиръ и Гоголь досказываютъ человѣку то, что онъ думаетъ, что можетъ быть зачинается въ его душѣ и заключаютъ все въ литое, мѣдное выраженіе, котораго удачнѣе и поэтически вѣрнѣе нельзя ничего придумать.... И выходитъ какъ-то, что непатуральность ихъ вѣрнѣе всякой частной и повседневной натуральности, что въ ихъ душѣ отразилось идеально, общечеловѣчески—то, что у другихъ отражается не полно или не ясно.... Типич-

Digitized by Google

ность образовъ, типичность чувствованій, типичность выраженій, доведенная до крайней своей степени!

Но не всѣмъ дано владѣть этимъ оружіемъ безусловнаго комизма. Школа, которая считала себя происходящею по прямой линіи отъ Гоголя, доказала очевидно, что раздраженное отношеніе къ дѣйствительности во имя претензій человѣческаго самолюбія, хуже самаго тупаго равнодушія къ язвамъ современности. Литературные *натуралисты* принимали чудовищные призраки своего болѣзненно-напряженнаго воображенія за враговъ дѣйствительныхъ, какъ господинъ Голядкинъ повсюду видѣлъ вокругъ себя враговъ. Эта школа существовала только для того, чтобы свидѣтельствовать противуположеніемъ о величіи и достоинствѣ генія Гоголя.

II.

Въ статьяхъ нашихъ о литературѣ въ 1851 году, принявши за основаніе, за исходную точку Гоголя, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ допустивши нѣкоторое косвенное вліяніе Лермонтова,—мы сказали, что все, что есть живаго въ произведеніяхъ современной словесности отъ Гоголя ведетъ свое начало, или, по крайней мѣрѣ, считаетъ себя происходящимъ отъ Гоголя. Колебаніе, броженіе и наконецъ совершенная порча Гоголевскихъ элементовъ выразились въ такъ называемой натуральной школѣ,—смѣсь ихъ съ Лермонтовскимъ воззрѣніемъ въ другой категоріи произведеній; наконецъ, прямое происхожденіе отъ исходной точки приписали мы только не многимъ произведеніямъ современной словесности, въ которыхъ мы видѣли и видимъ новое слово искусства, и, поколику искусство, отражая жизнь, само въ свою очередь воздѣйствуетъ на жизнь, новое слово жизни.

Представляется прежде всего вопросъ: измѣнила ли что-либо въ литературѣ великая утрата, понесенная ею, обозначила ли эта утрата яснѣе отношеніе между собою различныхъ направленій,—опредѣлила ли точнѣе, которыя изъ нихъ живутъ и должны жить, и которыя умерли или умираютъ и должны умереть?... Безъ сомнѣнія, да, отвѣтимъ мы на это безъ малѣйшаго колебанія. Если бы Гоголь умеръ недосказавши содержанія своего слова,—многое дѣйствовало бы во имя его. Но слово было сказано поэтомъ, слово полное и цѣльное, которое могло только расширяться въ объемѣ, слово обличительное, котораго не вынесли многіе, до тѣхъ поръ признававшіе надъ собою вліяніе Гоголя,—слово

Digitized by Google

наконецъ послѣднее, потому что дальше въ его направленіи идти нельзя и не куда.

Статья наша походитъ на поминовеніе по усопшихъ, и, какъ кажется намъ, она не могла быть иною. Зачатая подъ вліяніемъ грустной и тяжелой мысли, она еще не вдругъ можетъ обратиться къ тому, что живетъ и жить должно, да и не должна на первый разъ обращаться къ живому. Должно изслѣдовать, какіе элементы въ литературѣ умерли или умираютъ.

Вопервыхъ, умерло совсѣмъ направленіе, которое обозначали и обозначаютъ именемъ Лермонтовскаго. О сущности этого направленія мы такъ много говорили въ статьяхъ прошлаго года, что повторять наши положенія считаемъ совершенно излишнимъ. Самымъ замѣчательнымъ остаткомъ, сознательно или безсознательно засвидѣтельствовавшимъ все безсиліе и безсодержательность этого направленія былъ конечно романъ г. Авдѣева «Тамаринъ». Повторяемъ, что мы не беремся рѣшить — сознательно или безсознательно поступилъ г. Авдѣевъ, писатель безспорно даровитый, но по видимому еще крайне молодой: если онъ поступилъ безсознательно, если онъ писалъ своего Тамарина увлеченный и такъ сказать подавленный образомъ Печорина, то этотъ фактъ доказываетъ сильную воспріимчивость его натуры и его таланта; если поступилъ онъ сознательно, т. е. съ ироническою мыслію зачалъ своего Тамарина, что впрочемъ весьма трудно допустить по крайнему неискусству и неопредѣленности ироніи, — то онъ заслуживаетъ величайшей благодарности за принятый имъ на себя подвигъ; если же наконецъ, что всего естественнѣе, зачавши лице Тамарина въ грандіозномъ свѣтѣ, онъ самъ догадался, что̀ такое въ сущности его герой, или даже внявши голосу критики, отступился отъ него, — г. Авдѣевъ еще достойнѣе уваженія какъ писатель серьезно относящійся къ своему дѣлу и жертвующій ему своими незрѣлыми личными привязанностями и первыми, неповѣренными еще опытомъ впечатлѣніями: двѣ повѣсти его — «Нынѣшняя любовь» и «Горы» явившіяся въ теченіе года и чуждыя уже претензій, написанныя тепло и просто, хотя все такъ же незрѣло и молодо, разрѣшаютъ кажется вопросъ о г. Авдѣевѣ въ пользу третьяго нашего предположенія и конечно уже въ пользу его таланта и добросовѣстности. «Тамаринъ» его, вышедшій теперь отдѣльно, останется между тѣмъ книгою въ высшей степени любопытною для будущаго историка литературы. Пародія, хотя явно безсознательная, вышла необыкновенно удачна.

Digitized by Google

Другой, сколько-нибудь замѣтный отпрыскъ Лермонтовскаго направленія—стихотворенія *г-жи Хвощинской*, къ которымъ мы отнеслись съ особенной строгостію именно потому, что считаемъ появленіе ихъ совершенно не своевременнымъ. У г-жи Хвощинской есть всегда и мысль и чувство, иногда самые стихи у нея звучны и сильны, но грустные мотивы ея стихотвореній болѣе или менѣе взяты у другихъ поэтовъ, разочарованіе въ нихъ высказывающееся кажется намъ постоянно заимствованнымъ, хотя съ тѣмъ вмѣстѣ, нельзя не признать въ ея стихотвореніяхъ извѣстной степени дарованія, которое можетъ быть, даже и при заимствованіи мотивовъ, въ другое время производило бы несравненно болѣе сильное впечатлѣніе.

Наконецъ, самымъ *невиннымъ* отпрыскомъ Лермонтовскаго направленія, можно считать различныя пословицы, расплодившіяся въ наше время, въ которыхъ являются разочарованные герои и разочарованныя героини. Въ нѣсколькихъ таковыхъ пословицахъ, къ сожалѣнію, грѣшна и г-жа Евгенія Туръ. Во всѣхъ таковыхъ пословицахъ, какъ сказали мы однажды разбирая одну изъ нихъ, есть общіе физіологическіе признаки, а именно: сфера жизни въ нихъ берется по большей части великосвѣтская, т. е. въ нихъ дѣйствуютъ люди высшаго тона, которые занимаются различными, не хитрымъ умамъ не понятными дѣлами, или дѣйствуютъ иногда люди, хотя и не большаго свѣта, но за то разочарованные: женскія лица, то же вообще *развитыя* женщины, которыя преимущественно занимаются тѣмъ, что называется технически *игрою въ чувство*, дѣломъ хотя конечно и праздным, но дающимъ возможность выказывать различныя натуральныя, благопріобрѣтенныя и даже часто противуестественныя свойства *прекрасной* и *изящно развитой* личности. Обыкновенно такъ же—главный герой и героиня (чаще всего на сценѣ только двое дѣйствующихъ лицъ, и развѣ только ни къ селу ни къ городу присовокупится третій, для разнообразія, какъ Ардатовъ въ Страшной ночи, г. Жемчужникова)—увѣряютъ себя и другъ друга, въ невозможности любви вообще и въ своемъ спеціальномъ разочарованіи *на счетъ этого самаго* чувства. Главнѣйшая задача авторовъ подобныхъ произведеній—тонкость: тонкость чувствованій, тонкость разговоровъ, тонкость стана героинь, тонкость голландскаго бѣлья героевъ—тонкость такая, что станъ, того и гляди переломится, — разговоръ какъ разъ перейдетъ въ нѣчто, *простому* здравому смыслу и *невоспитанному* чувству непонятное; чувства, того и жди — совсѣмъ испарятся или улетучатся; тонкость голландскаго бѣлья чуть что не ставится главнымъ

Digitized by Google

признакомъ достоинства человѣческаго. Кончаются тутъ дѣла обыкновенно сознаніемъ героя и героини, что они *могутъ* позволить себѣ любить, или иногда *трагически*: герой и героиня разстаются «въ безмолвномъ и гордомъ страданьи».... Таковъ общій характеръ этихъ произведеній, къ которымъ надобно причислить по духу и взгляду многія произведенія въ повѣствовательномъ родѣ, какъ то отчасти романъ г. Панаева: «Львы въ провинціи», который впрочемъ принадлежитъ сюда только по необыкновенной привязанности автора къ изящному костюму героевъ. Собственно же пословицъ въ этотъ годъ появлялось несчетное количество — и во всѣхъ высказывались одинаковыя претензіи на разочарованіе, вслѣдствіе чего мы и должны были обидѣть Лермонтовское направленіе, приписавши къ нему такого рода произведенія.

Во-вторыхъ, умираетъ явно направленіе Лермонтовское, принявшее Гоголевскую форму, т. е. работавшее надъ дѣйствительностью съ постоянною заднею мыслію о грубости этой дѣйствительности. Отсюда, какъ мы сказали въ нашихъ статьяхъ о литературѣ въ 1851 году, вели свое начало разные сатирическіе очерки, безконечное множество повѣстей, кончавшихся припѣвомъ: «и вотъ что можетъ сдѣлаться изъ человѣка» — повѣстей, въ которыхъ, по волѣ и прихоти ихъ авторовъ, съ героями и героинями, задохнувшимися по ихъ мнѣнію въ грязной дѣйствительности, совершались самыя удивительныя *превращенія*, въ которыхъ все, окружавшее героя и героиню — нарочно, намѣренно изображались каррикатурно. Произведенія съ такимъ направленіемъ писались въ былую пору въ безчисленномъ количествѣ: фальшь ихъ преимущественно заключалась въ томъ, что они запутывали читателя подробностями, взятыми повидимому изъ простой, повседневной дѣйствительности, доказывали въ авторахъ ихъ несомнѣнный талантъ наблюдательности — и вводили людей несвѣдущихъ, незнакомыхъ съ русскимъ бытомъ, въ свое ложное воззрѣніе. Эта категорія произведеній литературныхъ въ свою очередь подраздѣляется на нѣсколько родовъ и видовъ. Главнымъ образомъ выдвигаются тутъ два рода: 1) родъ произведеній, прямо обращенныхъ на бытъ и 2) родъ произведеній, гдѣ бытъ является удушливою сферою для прекрасныхъ, страдающихъ и развитыхъ личностей, которыя вслѣдствіе сего физически или нравственно гибнутъ, подъ общій ли refrain идеализма: «таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ» или подъ особенный, *заимствованный* (?) у Гоголя и искаженный, обезображенный refrain: «И вотъ что можетъ сдѣлаться съ человѣкомъ». — Не перечисляя, не припоминая поименно

Digitized by Google

тѣхъ или другихъ произведеній,—мы замѣтимъ только, что самыя талантливыя изъ нихъ, каковы произведенія гг. Тургенева и Григоровича, не чужды неправильнаго отношенія къ дѣйствительности. О томъ и о другомъ, безспорно даровитыхъ писателяхъ, замѣчали мы, что въ ихъ пріемахъ, при изображеніи народнаго быта (не говоря уже о языкѣ, которымъ тотъ и другой владѣютъ далеко не свободно) много еще искусственнаго и ложнаго, что иногда они какъ будто изыскиваютъ въ крестьянской жизни такія черты, которыя напоминали бы собою жизнь цивилизованную и, такъ сказать, возвышали бы простолюдина до образованнаго человѣка. Этими недостатками страдали и страждутъ произведенія двухъ даровитыхъ писателей, избравшихъ *быть* предметомъ художественнаго анализа (*). Что же касается до тѣхъ писателей и до тѣхъ произведеній, въ которыхъ быть и дѣйствительность являются обстановкою претензій личности,—то, если бы попытаться собрать общія физіологическія черты ихъ,—вышло бы нѣчто необычайно комическое. Вотъ напримѣръ какъ рисовались помѣщики въ былые годы:

Онъ, съ дѣтства *не носилъ подтяжекъ*,
Любилъ просторъ, любилъ покой
И лѣнь; но странѣ былъ покрой
Его затѣйливыхъ фуражекъ;
Любилъ онъ жирные блины,—
и т. д.

Удивительная вообще была вражда къ простору и главное дѣло, къ здоровью—въ былые года литературы. Случалось ли автору попадать напримѣръ на провинціальный балъ, ему становилось несносно видѣть здоровыя и простодушныя дѣвическія физіономіи:

Вотъ—чисто руская красотка,
Одѣта плохо, *тяжела* (?)
И *неловка*,—но *весела*,
Добра, болтлива какъ трещотка....

Качества веселости, доброты и здоровья особенно не нравились авторамъ: они непремѣнно отыскивали въ перепицѣ:

(*) Къ числу такихъ же, не вполнѣ удачныхъ и непрямыхъ изображеній быта, мы причисляемъ и напечатанную у насъ повѣсть г. Печерскаго: Красильниковы, не смотря на несомнѣнный талантъ автора, его наблюдательность, прекрасный языкъ и близкое знакомство съ дѣйствительностью.

Digitized by Google

Широкихъ лицъ, большихъ носовъ,
Улыбокъ томныхъ, башмаковъ
Козлиныхъ....

робкаго и *нѣмаго* ребенка, котораго благословляли на страданье и проч. и проч. Иные шли еще дальше.... Любопытнѣе всего было то, что все это выдавалось за изображенія дѣйствительности.

Все это умираетъ или уже вымерло въ нашей литературѣ—вымираетъ такъ же и ложная реакція вызванная такимъ ложнымъ отношеніемъ къ дѣйствительности. Мы приняли за такую реакцію—*практическое* направленіе, выразившееся съ безжалостнымъ и сухимъ догматизмомъ въ «обыкновенной исторіи» и не нашедшее себѣ подражателей, осталась же эта реакція безъ подражанія и послѣдствій, потому что только талантъ г. Гончарова могъ дать извѣстный блескъ самой фальшивой мысли, и во вторыхъ главнымъ образомъ, потому что стремленіе къ идеалу не признало своего питомца въ Александрѣ Адуевѣ и что ироніи пропала такимъ образомъ задаромъ.

Вътретьихъ, наконецъ, умерло то направленіе, которое за нѣсколько лѣтъ назадъ свирѣпствовало въ литературѣ подъ именемъ натуральной школы, и которое нѣкоторые близорукіе критики считали за прямое послѣдствіе Гоголя: но которое собственно взяло только тотъ болѣзненный тонъ юмора, который звучитъ въ «Запискахъ съумасшедшаго» и въ «Шинели» — и пустилось распложать въ безчисленныхъ хотя постоянно-уныло однообразныхъ варіаціяхъ. Эта школа, порожденная недугомъ неудовлетвореннаго самолюбія, замкнутой въ себя и безплодной мечтательности, худо понятой филантропіи,—останавливалась всегда съ какой-то странной любовію на уродливыхъ морально или физически личностяхъ: міросозерцаніе ея было міросозерцаніемъ душныхъ и грязныхъ угловъ, и ея представителямъ, изъ которыхъ у нѣкоторыхъ не было недостатка въ энергіи таланта, повсюду въ божьемъ мірѣ представлялись только душные, пропитанные зловоніемъ углы. Было время что всякое таковое болѣзненное созерцаніе сходило за истинный пафосъ; было время, когда серьезно надобно было бороться съ этимъ *натуральнымъ* направленіемъ. Величайшая вина этого направленія противъ искусства заключалася именно въ той натуральности, которая рабски копируетъ явленія дѣйствительности, не отличая явленій случайныхъ отъ типическихъ и необходимыхъ, не озаряя ихъ разумною и истинно-любовною мыслію, не повѣряя ихъ внутри себя судомъ непогрѣшимаго и безусловнаго комизма. Всѣ прихоти, всѣ недуги, всѣ неуклюжія претензіи болѣзненно напряженнаго *Я*, получали тутъ право гражданства

Digitized by Google

и полное оправданіе: цвѣтомъ того или другаго душевнаго или физическаго недуга красились всѣ предметы изображаемой дѣйствительности: человѣческое достоинство являлось поглощеннымъ кучею мелочныхъ эгоистическихъ наклонностей,—и придавалось нѣчто трагическое борьбѣ всякой болѣзненно развившейся претензіи съ условіями дѣйствительности, различными мѣрами и средствами выжималась изъ читателей симпатія къ страннымъ героямъ, мѣрами и средствами, достойными французскихъ мелодрамъ или собачьей комедіи. Смѣсь грязи съ сентиментальностью, идеализма самаго ребяческаго съ намѣреннымъ углубленіемъ въ анализъ самыхъ ничтожныхъ и безсмысленныхъ подробностей повседневной дѣйствительности, напряженія съ безсиліемъ,—эта школа доходила до тѣхъ крайностей, которыя обличали явное истощеніе. Стоитъ только припомнить подобныя произведенія, чтобы убѣдиться въ совершенномъ истощеніи направленія, которое съ самаго начала впрочемъ обличало въ себѣ отсутствіе настоящихъ жизненныхъ соковъ. Недавно еще, случилось намъ перечесть одно изъ самыхъ сильныхъ произведеній этого направленія—и признаемся откровенно, что давно уже не испытывали мы впечатлѣнія болѣе мутнаго, болѣе страннаго, болѣе неопредѣленнаго какъ то, какое навѣвали на насъ письма Макара Алексѣевича Дѣвушкина къ Варварѣ Алексѣевнѣ....

Все это для насъ уже прошедшее—и претензіи разочарованія, и претензіи фальшивой образованности, и претензіи моральнаго уродства и физическаго безобразія—но кому же какъ не Гоголю и не его обличительному слову обязаны мы тѣмъ, что на всѣ эти различныя претензіи можемъ мы смотрѣть съ комической точки зрѣнія? Вотъ почему статью нашу начали мы новымъ исчисленіемъ заслугъ великаго поэта. Горестная утрата какъ гроза разразилась надъ всѣми, но какъ гроза же разъяснила горизонтъ. Яснымъ свѣтомъ озарилось теперь для всѣхъ все, что умерло и что живетъ въ литературѣ, или по крайней мѣрѣ носитъ въ себѣ зародыши жизни.

Къ этому-то живущему, какъ новому слову литературы, и пора намъ теперь обратиться.

III.

И такъ,—спросимъ мы теперь,—что же именно живетъ въ настоящей литературѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ почти уже данъ на пути отрицательномъ. Если не живетъ съ одной стороны такое отношеніе къ дѣйствительности, которое измѣряетъ ее требованіями своего чрез-

Digitized by Google

мѣрно развившагося *Я*, — если съ другой стороны не живетъ такое отношеніе, которое повѣряетъ окружающую дѣйствительность не законами изъ самой дѣйствительности почерпнутыми и ей свойственными, а законами чуждой, иной дѣйствительности, — если наконецъ истощилось и то болѣзненное отношеніе, которое краситъ дѣйствительность цвѣтомъ различныхъ моральныхъ недуговъ, — если, однимъ словомъ, всѣ эти косвенныя отношенія къ дѣйствительности окончательно исчерпаны, то остается одно конечно — прямое, непосредственное къ ней отношеніе и, поколику произведенія зачаты и выполнены въ такомъ прямомъ отношеніи, потолику и принадлежатъ они искусству.

Прежде всего, мы должны, во избѣжаніе недоразумѣній — объяснить что̀ такое это прямое отношеніе къ дѣйствительности. Чистая — абсолютная непосредственность отношенія художника къ дѣйствительности есть нѣчто, совершенно невозможное въ наше время: для этого нужно, чтобы дѣйствительность была не разорвана съ идеаломъ въ сознаніи поэта, чтобы онъ пѣлъ wie der Vogel singt, какъ птица, какъ Гомеръ, да и притомъ такая абсолютная непосредственность потребна только въ эпическомъ родѣ искусства и возможна только въ первобытныя эпохи развитія. Дѣятельность всякаго истиннаго художника слагается изъ двухъ элементовъ — субъективнаго, или стремленія къ идеалу, и объективнаго или способности воспроизводить явленія внѣшняго міра въ типическихъ образахъ, — элементовъ, которые только вмѣстѣ соединенные образуютъ *творчество*: — степень преобладанія того или другаго элемента обусловливается натурою художника, — отношеніе же между тѣмъ и другимъ, т. е. между идеаломъ и дѣйствительностью, обусловливается историческимъ statu quo современности — и если равновѣсіе отношенія такъ или иначе повреждено, то нельзя винить художника за преобладаніе комизма въ его міросозерцаніи — дѣло въ томъ только, чтобы комизмъ исходилъ изъ началъ вѣчной правды, абсолютныхъ понятій — а не изъ претензій самолюбиваго *Я*. Высшій или безусловный комизмъ, какъ результатъ раздвоенія въ міросозерцаніи художника между идеаломъ и дѣйствительностью — есть точно такъ же, какъ и трагизмъ истинное искусство, истинная поэзія. Въ литературѣ нашего времени, комизмъ есть главное, преобладающее міросозерцаніе, есть, такъ сказать, клеймо, которымъ отмѣчено все живое и долженствующее жить въ искусствѣ, — но это нисколько не значитъ, какъ думаютъ нѣкоторые, чтобы наше время было антипоэтическое, чтобы искусство являлось только орудіемъ сторонникъ цѣлей, потеряло самобытное значеніе. Искусство — вѣчно, какъ духъ человѣческій. Мы переживаемъ

Digitized by Google

одинъ изъ фасисовъ его развитія: мы съ душевною болью разрываемъ, разсѣкаемъ наше сознаніе и смѣясь надъ дѣтскими, наскоро сложенными идеалами, надъ отжившими формами трагизма,—ищемъ вѣрнаго пути къ настоящему идеалу. Трагизмъ борьбы личности съ дѣйствительностью самъ созналъ свое безсиліе, самъ обличилъ себя:

Толпой печальною и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ зачатаго труда....
. . . . . .
Такъ плодъ до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего нерадуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ пришлецъ осиротѣлый
И часъ ихъ красоты его паденья часъ.

Отчаяніе безсильнаго трагизма можетъ принимать и принимало уже въ нашей литературѣ различные пути исхода. То ударялося оно въ сухую, догматическую практичность въ «Обыкновенной исторіи», но въ этомъ иронически-тревожномъ состояніи не могло удержаться; то закутывалось въ плащъ холоднаго идеализма въ «идеалистѣ» г. Станкевича; то находило минутное удовлетвореніе въ болѣзненномъ хохотѣ надъ самимъ собою «Гамлета Щигровскаго уѣзда» или въ тоскливомъ плачѣ о своемъ безсиліи въ «Дневникѣ обыкновеннаго человѣка»; но кидаясь въ эти различныя дороги, трагизмъ забывалъ, что изъ ложнаго положенія не возможно выйдти, сохраня одинъ и тотъ же характеръ, сохраня грандіозность, что не посмѣясь надъ самимъ собою—идти впередъ не возможно.—Съ другой стороны, и не въ такомъ комизмѣ заключается задача эпохи, чтобы смотрѣть на явленія дѣйствительности снизу, съ ея же такъ сказать точекъ; однимъ словомъ не въ грубой апотеозѣ обыденнаго, условнаго воззрѣнія, хотя въ эту крайность бросились отчасти нѣкоторые люди съ большимъ талантомъ. Тотъ только истинный художникъ въ наше время, кто установивши *возможное* равновѣсіе идеала и дѣйствительности въ душѣ, относится къ дѣйствительности во имя вѣчныхъ и разумныхъ требованій идеала, ищетъ комическимъ путемъ разрѣшенія благородныхъ, возвышенныхъ задачъ—хотя съ другой стороны вглядывается пристально въ дѣйствительность, воздастъ должную справедливость ея разумнымъ законамъ, умѣетъ отличить въ ней самобытное, коренное отъ пришлаго или наноснаго. Что передъ дѣйствительностью мы не правы, что мы до сихъ поръ относились къ ней съ болѣе или менѣе ложныхъ точекъ зрѣнія,—

Digitized by Google

это ясно доказываютъ теперь всѣ *живыя* явленія науки и литературы. Ясно такъ же и то, что съ коренными началами этой дѣйствительности, идеалъ поэта не только можетъ быть не разрозненъ, но долженъ идти рука объ руку. Являются уже дѣйствительно произведенія, которыя представляютъ собою такую цѣльность въ сознаніи художника; хотя произведеній этихъ еще не много, и нѣкоторыя изъ нихъ свидѣтельствуютъ болѣе о стремленіяхъ авторовъ, чѣмъ представляютъ художественные образцы.

Высказавши всѣ наши общія положенія о предшествовавшемъ и современномъ состояніи словесности, мы обращаемся теперь къ частному разбору ея явленій, изъ которыхъ, впрочемъ, весьма немногія войдутъ въ этотъ разборъ, ибо въ статьѣ нашей мы имѣемъ дѣло съ искусствомъ, а не съ беллетристикою. Собственно мы будемъ говорить только 1) о «Бѣдной Невѣстѣ» *г. Островскаго*, какъ замѣчательнѣйшемъ литературномъ явленіи 1852 года, 2) о произведеніяхъ *г. Писемскаго*, говорящихъ всегда за талантъ ихъ автора и довольно рѣдко за серьезность его служенія искусству и за его міросозерцаніе, 3) о *г. Потѣхинѣ*, хотя собственно замѣчательная дѣятельность этого молодаго писателя началась еще недавно, 4) о *г. Крестовскомъ*, котораго благородное направленіе и искренность таланта мы уже привѣтствовали недавно, 5) о *г. Кокоревѣ*, котораго Саввушка, не смотря на нѣкоторые недостатки, произвелъ такое выгодное впечатлѣніе и выказываетъ въ авторѣ много данныхъ для прямыхъ отношеній къ дѣйствительности, 6) о неизвѣстномъ авторѣ «Ульяны Терентьевны. Затѣмъ мы въ заключеніе взглянемъ на дѣятельность нашихъ лирическихъ поэтовъ.

IV.

Переходя къ частному анализу явленій литературы, мы считаемъ обязанностью напомнить читателямъ, что въ статьѣ нашей, равно какъ и въ статьяхъ прошлаго года, мы смотримъ на литературу постоянно съ исторической точки зрѣнія, т. е. поколику она служитъ отраженіемъ жизни и сама съ свою очередь воздѣйствуетъ на жизнь, собственно же художественную оцѣнку, безотносительную, техническую ставимъ (въ этомъ случаѣ) на второмъ или даже на третьемъ планѣ. Вслѣдствіе этой точки зрѣнія и самыя явленія литературы получаютъ у насъ то или другое мѣсто.

Начиная оцѣнку явленій литературныхъ 1852 года—съ «Бѣдной Невѣсты» *А. Н. Островскаго*, мы поступимъ впрочемъ правильно

Digitized by Google

какъ съ исторической, такъ и съ художественной точки зрѣнія. Какъ ни было несправедливо отношеніе критики къ новому произведенію Островскаго, каковы бы ни были недостатки самой комедіи, извѣстные и намъ конечно, но все болѣе извѣстные ея автору, все таки, изъ литературы 1852 года уцѣлѣетъ и останется одно только: «Бѣдная Невѣста.» Отъ этого положенія не можетъ отречься и та близорукая критика, которая придираясь къ разнымъ мелкимъ недостаткамъ или даже просто недосмотрамъ въ комедіи, не замѣтила самаго важнаго, самаго существеннаго недостатка въ художественномъ отношеніи, недостатка экономіи въ планѣ и въ подробностяхъ. Задачи, замыслы произведенія такъ широко, такъ, можно сказать, блестяще раскинулись передъ самимъ художникомъ, явились ему такъ благородными и такъ говорящими сами за себя, что онъ пренебрегъ ради ихъ симметричностью постройки, что даже, драматургъ по свойству своего таланта, онъ забылъ объ условіяхъ драматизма, и нѣкоторымъ сторонамъ своей концепціи далъ эпическое развитіе, нѣкоторыя же черты выразилъ даже лирически: можетъ быть такъ же, увлеченный благородствомъ и новостью своихъ задачъ, авторъ не выносилъ ихъ достаточно въ душѣ, не далъ имъ дозрѣть до надлежащей полноты и ясности представленія, но во всякомъ случаѣ, «Бѣдная Невѣста» свидѣтельствовала о силѣ таланта, находящейся въ извѣстномъ броженіи, въ необузданномъ состояніи, а никакъ не о безсиліи его. Крайне несправедливое отношеніе критики къ новому произведенію Островскаго, было живо почувствовано самымъ парадоксальнымъ во вмѣстѣ самымъ образованнымъ и самымъ умнымъ изъ нашихъ критиковъ, Иногороднымъ подписчикомъ. «Приступая къ разбору Бѣдной Невѣсты», говоритъ онъ, «я долженъ «сказать, что смотрю на это произведеніе не тѣми глазами, которыми «привыкъ смотрѣть на всѣ драматическія и беллетрическія произведенія, «являвшіяся въ нашихъ журналахъ, съ самаго начала моихъ писемъ о «журналистикѣ. Еслибъ наши періодическія изданія представляли публикѣ, хоть разъ въ треть года, по одному подобному произведенію, «тонъ моихъ писемъ былъ бы совершенно иной и взглядъ мой на журналистику измѣнился бы радикально. И вотъ почему, я, хваля и осуждая господина Островскаго, гляжу на него какъ на товарища лучшихъ русскихъ и иностранныхъ комиковъ, а вовсе не какъ на сверстника современныхъ намъ петербургскихъ и московскихъ художниковъ». Вслѣдствіе этого, иногородный подписчикъ съ весьма справедливымъ смѣхомъ и негодованіемъ замѣчаетъ что «въ Петербургѣ о «немъ (объ Островскомъ) отозвались тѣмъ же тономъ, какъ отозва-

Digitized by Google

«лись недавно о г-жѣ Туръ, «авторѣ романа: *Племянница*», и что, благодаря критикѣ «нашему блистательному драматургу долго придется «прогуливаться изъ Харибды въ Сциллу, то витая въ сообществѣ міро- «выхъ поэтовъ, то опускаясь въ лимбы, гдѣ копошатся, шумятъ, те- «ряются, прославляются, царапаются, сплетничаютъ и забываются пу- «стою наши современные художники мужескаго и женскаго пола». Мы привели снова это мѣсто потому, что считаемъ выходку критика необыкновенно правильною и остроумною, и что по нашему мнѣнію, подобная насмѣшка вполнѣ заслужена критикою, которая тономъ покровительства объявляла за новость, что у Островскаго есть талантъ, которая спрашивала кто такое Меричъ: «человѣкъ, не кончившій курса? «слушатель лекцій, вѣчно собирающійся держать экзаменъ? чиновни- «чекъ низшихъ инстанцій, или купеческій сынокъ?» которая находила пятый актъ «Бѣдной Невѣсты» совершенно излишнимъ, намѣренно ли не понимая всей его необходимости въ концепціи автора или возвращая на сцену давно забытыя правила трехъ единствъ, которая наконецъ въ этомъ самомъ актѣ не замѣтила, кого бы вы думали, Дуни, Дуни, которая кромѣ самостоятельнаго значенія, необходима и для пополненія личности Беневоленскаго! Такіе промахи критики смѣшны людямъ мыслящимъ и въ наше время, но каковы же покажутся они въ послѣдствіи? что скажутъ о критикѣ, которая съ какою-то злобою приняла явленіе, во всякомъ случаѣ наиболѣе замѣчательное въ ея время, которой самая искренность стоила большихъ усилій и которая при всемъ желаніи быть правдивой, нехотѣла или неумѣла освободиться отъ дурныхъ привычекъ того журнала, въ которомъ дѣйствовала? что скажутъ о критикѣ, которая по поводу питомнаго произведенія г. Шевича, злоупотребляла имя художника, самаго даровитаго въ ея время и съ высоты своего непризнаваемаго никѣмъ величія *отыскивала* дагерротипную живопись тамъ, гдѣ все почти страждетъ излишествомъ жизни, неумѣренностью свободы художника?

Повторяемъ опять: существенный, главный недостатокъ «Бѣдной Невѣсты» — отсутствіе экономіи въ планѣ, въ постройкѣ, недостатокъ, котораго всѣ другіе являются уже неизбѣжными послѣдствіями. Сожми Островскій свою драму въ болѣе тѣсныя рамы, умѣрь нѣсколько свои въ высокой степени благородныя и широкія задачи, не выброси онъ заразъ всего, что передумано, перечувствовано имъ въ отношеніи къ избранному драматическому положенію, созданіе получило бы стройность и цѣлость, хотя можетъ быть утратило бы нѣсколько своей энергіи, той энергіи, которая всегда проглядываетъ въ произведеніяхъ

Digitized by Google

субъективныхъ, которая составляетъ и порокъ ихъ и высокое достоинство, энергіи, которая, какъ субъективная, изолируетъ произведеніе отъ общаго и обыкновеннаго сочувствія, но вмѣстѣ съ тѣмъ кладетъ на него неотразимо-влекущую печать. Въ такой энергіи есть почти всегда нѣчто недосказанное, нѣчто заставляющее подозрѣвать, что она еще не вся вылилась, и продукты ея дѣйствительно являются чѣмъ-то недосказаннымъ, хотя въ то же время эта недосказанность, да простятъ мнѣ нѣсколько фигурное выраженіе, прозрачна: сквозь нее видно, что хотѣлъ сказать поэтъ, видны основы его, видна болѣе всего поэзія его міросозерцанія. Пусть онъ недовелъ до послѣдней степени ясности своихъ задачъ, пусть не достигъ онъ положительной опредѣленности и типичности въ отдѣлкѣ выведенныхъ имъ образовъ, душа читателя, увлеченная силою творчества и такъ сказать покоренная міросозерцаніемъ, дополняетъ въ себѣ сама и притомъ дополняетъ правильно недосказанныя черты. Ибо ничто въ такой степени не необходимо художнику какъ міросозерцаніе. Талантъ находится въ прямомъ отношеніи съ жизнію, и бо́льшая и меньшая степень воспроизведенія жизни, есть вмѣстѣ съ тѣмъ высшая или низшая степень правильнаго отношенія къ ея явленіямъ, то есть въ дѣйствительности. Безъ міросозерцанія, прочнаго, совершенно сложившагося, хотя складывающагося различно, смотря по различнымъ историческимъ даннымъ мѣстности, народности, времени, а съ другой стороны смотря по условіямъ лежащимъ въ натурѣ художника, не бывало, нѣтъ и не будетъ истинныхъ художниковъ. Кого ни возьмете вы изъ тѣхъ избранныхъ, которые отмѣтили жизнь свою дѣломъ, оставили по себѣ какой-либо прочный слѣдъ, всѣ они разумѣли смыслъ жизни, и стало быть, серьезно смотрѣли на жизнь. Всѣ они, отрицательно ли, положительно ли дѣйствовали въ литературѣ *во имя* ясно сознаваемаго и живо чувствуемаго идеала, и безъ этой идеальной основы — художества быть не можетъ. Чѣмъ свободнѣе, шире, человѣчнѣе, и вмѣстѣ идеальнѣе міросозерцаніе художника, то-есть разумѣніе того, *во имя* чего воспроизводитъ онъ образы полные правды и караетъ всякую неправду жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ разумѣніе отношенія идеала къ дѣйствительности, тѣмъ болѣе яркій слѣдъ оставляетъ по себѣ его дѣятельность. Изъ разумѣнія отношенія жежду тѣмъ, во имя чего художникъ творитъ и между тѣмъ, въ чемъ художникъ видитъ или, лучше сказать, чувствуетъ глубоко положеніе или отрицаніе идеала, изъ этого разумѣнія, обусловленнаго историческими данными извѣстной народности и извѣстной эпохи, выходитъ различное міросозерцаніе художника. Да не подумаютъ

Digitized by Google

впрочемъ, чтобы увлекаясь нѣкоторымъ историческимъ фатализмомъ мы, въ сложеніи міросозерцанія художника, давали мѣсто только вліянію историческихъ данныхъ эпохи: на одни и тѣже явленія различныя художническія натуры смотрятъ подъ различнымъ угломъ зрѣнія. Свѣтъ одинъ, но онъ преломляется въ призмѣ на нѣсколько различныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ: нужно только необходимо, чтобъ душа художника воспринимала свѣтъ и отражала тотъ или другой его оттѣнокъ.

У Островскаго, одного въ настоящую эпоху литературную, есть свое прочное, новое и вмѣстѣ идеальное міросозерцаніе, съ особеннымъ оттѣнкомъ, обусловленнымъ какъ данными эпохи, такъ можетъ быть и данными натуры самаго поэта. Этотъ оттѣнокъ мы назовемъ нисколько не колеблясь, кореннымъ русскимъ міросозерцаніемъ, здоровымъ и спокойнымъ, юмористическимъ безъ болѣзненности, прямымъ безъ увлеченій въ ту или другую крайность, идеальнымъ наконецъ въ справедливомъ смыслѣ идеализма, безъ фальшивой грандіозности или столько же фальшивой сантиментальности. Другой вопросъ, всегда ли вѣренъ въ своемъ искусствѣ художникъ такому міросозерцанію, всегда ли одинаково онъ служитъ ему, но всѣ задачи міросозерцанія выступили уже ярко въ доселѣ извѣстныхъ публикѣ произведеніяхъ Островскаго и выступятъ скоро еще ярче въ новомъ его произведеніи, о которомъ какъ не напечатанномъ еще мы неимѣемъ права говорить, хотя оно послужило бы къ самому прямому разъясненію вопроса. Покамѣсть, слѣдовательно, мы должны ограничиться міросозерцаніемъ, явнымъ для насъ въ «Своихъ людяхъ — сочтемся», и въ особенности, чтобы не отдаляться отъ вопроса, міросозерцаніемъ «Бѣдной Невѣсты». Міросозерцаніе всякаго поэта особенно наглядно выступаетъ въ его отношеніи къ событію и положенію, взятымъ имъ для художественной обработки и въ его отношеніи къ лицамъ, участвующимъ въ событіи, поставленнымъ въ извѣстное драматическое положеніе.

Всѣмъ нашимъ читателямъ извѣстна безъ сомнѣнія «Бѣдная Невѣста», и потому не для чего здѣсь излагать въ подробности ея содержаніе или канву событій, нечего такъ же и доказывать, что главное, центральное такъ сказать драматическое положеніе, изъ котораго какъ изъ зерна выходятъ всѣ другія, — положеніе самой бѣдной невѣсты, Марьи Андревны. Особенность міросозерцанія Островскаго въ отношеніи къ событію и къ положенію всего лучше и очевиднѣе можетъ быть доказана путемъ отрицательнымъ. Поэтому мы спросимъ, что увидѣли бы въ событіи и въ положеніи, прежнія, весьма недавнія впрочемъ

Digitized by Google

школы, свирѣпствовавшія въ руской литературѣ, т. е. школа фальшивой образованности и школа натуральная? Школа фальшивой образованности приплясь бы за это положеніе съ своей обычной точки зрѣнія. Дѣло извѣстное:

Но вотъ среди толпы густой
Мелькаетъ быстро передъ вами,
Ребенокъ робкій и нѣмой.
Съ большими, грустными глазами
Ребенокъ...: Ей пятнадцать лѣтъ,
Но за собой она невольно
Влечетъ васъ.... за нее вамъ больно
И страшно.... блѣдный, томный цвѣтъ
Лица,—печальный слѣдъ сомнѣній
Тревожныхъ, раннихъ размышленій,
Тоски, неопытныхъ страстей
И взглядъ внимательный—все въ ней
Вамъ говоритъ о *самовластной*
Душѣ.... ребенокъ бѣдный мой!
Ты будешь женщиной несчастной....
Но я не плачу надъ тобой....

съ душевною болью выписываетъ авторъ статьи это, нѣкогда сильно на него дѣйствовавшее лирическое мѣсто,—но тѣмъ не менѣе *должна* представить его въ образецъ того фальшиваго міросозерцанія, съ которымъ самые талантливые люди литературной школы отнеслись бы къ положенію Марьи Андревны. Характеръ они такъ же мало бы создали своимъ міросозерцаніемъ, какъ мало обозначенъ онъ въ пьесѣ Островскаго, даже несравненно меньше, но взглядъ былъ бы таковъ. Вслѣдствіе этого, въ обстановкѣ явился бы не Меричь, а господинъ, который былъ бы пожалуй и такъ же пустъ, но котораго пустоту оправдывалъ бы явно авторъ общими *язвами* современности, и Милашина не было бы, потому, что въ Милашинѣ многимъ колетъ глаза правда міросозерцанія автора,—и Хорьковъ вышелъ бы, пожалуй и пьющимъ же съ горя человѣкомъ, но съ самыми грубыми и необразованными наклонностями, совершенно неспособнымъ понять деликатную и чистоплотную натуру Марьи Андревны (conditio sine qua non выставить чистоплотность какъ рѣдкое качество), и мать Марьи Андревны вышла бы не та и отношеніе къ ней Марьи Андревны было бы не такое. Въ доказательство, что мы говоримъ не на угадъ, а на основаніи данныхъ прошедшаго могли бы мы привести бездну повѣстей старыхъ годовъ, но

Digitized by Google

всего лучше подтверждаетъ нашу мысль то, что критикѣ этой школы именно хотѣлось, чтобы Марья Андревна полюбила не Мерича, а *хорошаго* человѣка; потому, изволите видѣть, что въ такомъ случаѣ, она внушила бъ больше симпатіи; бѣдная критика и не догадывалась въ своей наивности, что если бы комедія Островскаго писалась по ея теоріи и вообще по заданной напередъ темѣ, то тотъ же самый Меричь могъ бы быть выданъ авторомъ за весьма *хорошаго* человѣка, за одного изъ тѣхъ безчисленныхъ героевъ, по которыхъ страдаютъ, сохнутъ, умираютъ злой чахоткой героини безчисленныхъ повѣстей и романовъ, или вышла бы другая исторія: тотъ же Меричь изображенъ былъ бы такъ каррикатурно, какъ во многихъ же повѣстяхъ изображаются моншеры, не обладающіе великимъ искусствомъ одѣваться comme il faut и расчесывать волоса съ проборомъ пазади, и метался бы въ глаза всѣмъ, даже упомянутой нами критикѣ. Что касается до добрѣйшаго Платона Марковича Добротворскаго, то онъ какъ одно изъ орудій *гибели* Марьи Андревны, явился бы такимъ каррикатурнымъ звѣремъ, что Боже упаси. Вообще положеніе Марьи Андревны было бы взято такъ, что она непремѣнно погибла бы и задохлась окончательно въ самой пьесѣ среди грубой и грязной дѣйствительности, какъ погибаютъ разныя героини «превращеній» и другихъ повѣстей въ этомъ родѣ: фактъ опять удободоказываемый тѣмъ, что критикѣ этой школы особенно не понравился психологическій выходъ натуры Марьи Андревны въ пятомъ актѣ, совершенно излишнемъ по ея мнѣнію.

Съ другой стороны—натуральная школа—все участіе зрителя насильственно сосредоточила бы на лицѣ Платона Марковича, внушила бы ему глубокую, слезливую, безсознательную, и въ особенности *приличную* старику страсть къ Марьѣ Андревнѣ,—какъ Макару Алексѣевичу Дѣвушкину или Мошкину, и подъ конецъ—выдала бы за него замужъ Марью Андревну съ разбитымъ, подразумѣвается, сердцемъ.

Ни того ни другаго не сдѣлалъ Островскій: онъ не пощадилъ Мерича, не идеализировалъ Добротворскаго и избѣгъ даже еще крайности, въ которую не мудрено впасть всякому, оскорбленному неправильнымъ отношеніемъ разныхъ школъ къ дѣйствительности, не идеализировалъ самой дѣйствительности обставляющей характеръ Марьи Андревны; съ равнымъ разумнымъ участіемъ отнесся онъ и къ положенію своей героини и, къ положенію напримѣръ ея матери, и къ положенію Хорькова и къ положенію Дуни и т. д. Этимъ-то такъ и благородны, такъ широки и такъ новы его задачи, хотя и не во всѣхъ частяхъ выполнены равно удовлетворительно. Самая неудовлетворительность, и преимуще-

Digitized by Google

ственно техническая неудовлетворительность выполненія произошла едва ли не отъ того, что для автора на первомъ планѣ стояли задачи. Имъ онъ пожертвовалъ драматизмомъ въ двухъ первыхъ актахъ, чтобы почти эпически спокойными и какъ будто нѣсколько вяло тянущимися подробностями,—ввести насъ въ бытъ и отношенія изображаемаго имъ міра—имъ уступилъ онъ и въ нѣсколько лирически, а не драматически-патетической сценѣ пятаго акта между Меричемъ и Марьей Андревной, въ ея обращеніи къ Меричу.... Поздно Владиміръ Васильичъ, поздно.... и т. д. Но такой недостатокъ, являясь дѣйствительно недостаткомъ въ судѣ строгой эстетической критики, заставляетъ какъ-то читателя искреннѣе сочувствовать произведенію, въ которомъ присутствіе субъективности автора, не скрыло отъ другихъ тѣхъ задачъ, которыя ее самое тревожили.

Теперь взглянемъ нѣсколько на отношеніе художника къ выведеннымъ имъ лицамъ. Лице Марьи Андревны подверглось нареканіямъ за отсутствіе въ немъ характера. Мы сами соглашаемся отчасти, что Марья Андревна скорѣе положеніе чѣмъ лице, но вмѣстѣ съ этимъ, не можемъ не высказать своего задушевнаго мнѣнія, что при такой молодости лѣтъ, ей еще нельзя было выработать опредѣленной личности, а при окружающей ея обстановкѣ—и неоткуда было взять элементовъ для опредѣленія личности: Марья Андревна представляетъ собою общій процессъ женскаго сердца, въ ту эпоху, когда женщина вся состоитъ только изъ побужденій и неопредѣленныхъ стремленій—и что у ней есть натура, изъ которой, какъ будетъ она постарше, выработается настоящая, славная женская личность, такъ это показываетъ многое,—между прочимъ ея жажда искренней любви, ея благородное сознаніе собственнаго достоинства, ея честный взглядъ на вещи.... Кромѣ того, мы видимъ въ ней не мечтательницу, не резонерку, не одно изъ тѣхъ неминуемо *гибнущихъ* въ дѣйствительности, по представленію нашихъ романистовъ и драматурговъ существъ, которыхъ всѣ достоинства существуютъ только въ воображеніи ихъ сочинителей. Марья Андревна, хоть она не вполнѣ еще сложилась нравственно, даже, пожалуй вовсе не сложилась—натура живучая, способная понять правду жизни, смыслъ ея и настоящее дѣло, не вооружающая даже на окружающую ее сферу, ибо сама она, со всѣми страстными задатками ея организаціи,—все таки продуктъ этой жизненной сферы. Милашина *возмущаетъ* Добротворскій, ее не возмущаетъ, она видитъ въ немъ добраго человѣка даже въ ту минуту, когда ей крайне несносны заботы о скорѣйшемъ устройствѣ ея участи: Меричу отдалась она со всею непосредствен-

Digitized by Google

ностью и свѣжестью души,—но и тутъ она не отрѣшается отъ настоящей жизни—она даже *безпокоитъ* этого господина тѣмъ, что старается завести съ нимъ рѣчь о близкихъ къ дѣлу интересахъ. Но съ другой стороны,—не одни впечатлѣнія окружающей сферы быта дѣйствовали на ея страстную и воспріимчивую натуру:—внутренній міръ ея создался подъ вліяніемъ впечатлѣній другой сферы, подъ вліяніемъ чтенія, подъ вліяніемъ идей, которыя живутъ въ воздухѣ и какъ воздухъ проходятъ въ какой бы то ни было замкнутый и особый мірокъ. Этимъ можно оправдать даже ея, мѣстами книжную, рѣчь. Что касается наконецъ до психологическаго выхода ея характера, то этотъ выходъ могъ показаться насильственнымъ только развѣ той критикѣ, о которой мы уже говорили. Очевидно всякому, что словами: «Я хочу жить, я имѣю право на счастіе»... авторъ не хотѣлъ ни поднять свою героиню на ходули, ни навязать своей комедіи ложное или пошлое примиреніе, а только хотѣлъ быть вѣрнымъ передавателемъ душевнаго процесса такихъ натуръ какъ натура Марьи Андревны, натуръ нескоро впадающихъ въ апатію разочарованія, добивающихся отъ жизни—правды: очевидно такъ же и то, что авторъ не дѣлитъ съ своей Марьей Андревной надеждъ на моральное возвышеніе Максима Дорофеевича Беневоленскаго,—очевидно, по его же указаніямъ—по всему слѣдующему за сценою V-го акта Марьи Андревны съ Меричемъ до конца комедіи, что разобьются въ прахъ такія надежды, хотя подлежитъ большему сомнѣнію, чтобы разбилась или обмельчала натура его героини.

Дѣйствительность, окружающая Марью Андревну—матеріально очень бѣдная, а нравственно весьма не далекая. На ознакомленіе насъ, съ этой обстановкою, Островскій употребилъ, какъ мы уже замѣтили—не драматическія, а эпическія средства: много лишнихъ подробностей, которыя сами по себѣ прекрасны взятыя отдѣльно, но ходу драмы не содѣйствуютъ,—вошло сюда. За то мы знаемъ хорошо Анну Петровну, знаемъ Дарью, знаемъ Хоркову, знаемъ Добротворскаго—знаемъ однимъ словомъ этотъ особенный, совершенно московскій даже замоскворѣцкій міръ мелкаго чиновничества, изображенный безъ малѣйшей злобы и задней мысли. Нельзя неостановиться съ удовольствіемъ на отношеніи автора къ матери Марьи Андревны съ одной стороны и на отношеніи его къ матери Хоркова съ другой; принимая самое сильное участіе въ своей героинѣ, авторъ однако ничѣмъ не пожертвовалъ этому участію: вы напримѣръ, негодуете на Милашина, пристающаго къ Марьѣ Андревнѣ съ пошлымъ и приторнымъ участіемъ въ тяжкую и рѣшительную минуту ея жизни, но ни разу не негодуете на Анну

Digitized by Google

Петровну — даже тогда когда, она попрекаетъ дочь въ неблагодарности, когда она настоятельно требуетъ, чтобы та шла замужъ за Беневоленскаго: жаль вамъ Марьи Андревны, да чтожъ и старухѣ-то дѣлать? Женщина она слабая, сырая: кромѣ того, что ей втемяшилась въ голову idea fixa: какъ это безъ мущины въ домѣ? — и домъ-то еще у нея оттягиваютъ. Не далека она — это точно, что недалека, да вѣдь она любитъ свою Машеньку: вѣдь въ концѣ она сама чувствуетъ, что что-то неладно: «Признаться сказать, скоренько дѣло-то сдѣлали, кто его знаетъ, въ него не влѣзешь.» Однимъ словомъ, нѣтъ возможности сердиться читателю на бѣдную старуху, когда ни авторъ, ни сама Марья Андревна на нее не сердятся.

Подъ пару къ этому глуповато-доброму существу старикъ Платонъ Марковичъ Добротворскій — лице вполнѣ живое и типическое, къ которому опять авторъ отнесся необыкновенно правильно и человѣчно. Это ничего — что онъ поцѣлуетъ въ рукавъ Максима Дорофеича Беневоленскаго — это ничего, что онъ добродушно замѣтитъ, говоря о лошадкѣ Максима Дорофеича «Ахъ проказникъ вы, проказникъ, Максимъ Дорофеичъ! Да вѣдь чай не купленая» — абсолютныхъ понятій о честности вы отъ него и не требуйте — но вѣдь онъ трогательно привязанъ къ семьѣ своего благодѣтеля, онъ бѣгаетъ по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ отыскивая жениха Машѣ, — онъ скажетъ ей отъ души по своему разумѣнію доброе слово («Свистуны вѣдь они матушка, никакой основательности нѣтъ. Невѣрьте вы имъ. Нынче любятъ, а завтра разлюбятъ.»). Онъ прежде всего заботится о тишинѣ и мирѣ, — но между тѣмъ, когда дѣло идетъ объ участи Маши, которая устроилась по его мнѣнію благополучно, онъ даже Беневоленскому, къ которому относится къ уваженіемъ и съ нѣкоторою лестію, скажетъ основательно, боясь за старыя его шашни: «Что жъ вы, отецъ мой, у меня съ «Марьей-то Андревной дѣлаете? Вы этакъ у меня ее уморите, серде«чную.... А ужъ вы, батюшко, эти глупости-то оставьте.» Добрый, добрый старикъ — хоть и не далеко онъ видитъ. Онъ совершенно подъ пару Аннѣ Петровнѣ: и правъ былъ авторъ, что къ нимъ обоимъ отнесся такъ человѣчно.

Иное отношеніе къ матери Хорькова, тоже мастерски задуманному и мастерски выполненному лицу. Тутъ уже авторъ видимо относится со смѣхомъ къ претензіямъ полуобразованности — читателю больно за бѣднаго Хорькова въ сценѣ его объясненія съ Марьей Андревной, гдѣ Хорькова его такъ сказать подучиваетъ: еще яснѣе обозначается для васъ эта женщина въ третьемъ актѣ, когда она съ такимъ явнымъ

Digitized by Google

злорадствомъ приходитъ къ матери Марьи Андреевны, чтобы вылить на бѣдную дѣвушку лужу сплетенъ. Вамъ очевидно, что она вломалась въ амбицію — и что если такая женщина вломается въ амбицію, такъ тутъ только держись. Вамъ ясно, каково должно было быть ея вліяніе на натуру сына и какіе слѣды на его душѣ должно было оставить это вліяніе.

Самъ Хорьковъ — опять скорѣе положеніе, чѣмъ лице, точно такъ же какъ и Марья Андреевна, положеніе слишкомъ великодушно брошенное авторомъ въ драму, когда оно само могло послужить предметомъ драмы, но положеніе, котораго наиболѣе яркія стороны набросаны кистью мастера. Какъ ни неудовлетворительно впечатлѣніе, получаемое отъ малоразвитыхъ его отношеній къ матери и къ Марьѣ Андреевнѣ, — но все-таки эта «любовь изъ-за угла» удѣлъ натуръ слишкомъ сосредоточенныхъ и сначала запуганныхъ, потомъ попорченныхъ средою жизни, — трагическая безвыходность его положенія, постоянное недовольство собою и страшное разрѣшеніе невыносимаго душевнаго состоянія заполнятъ, показываютъ, какъ широка была задача поэта въ созданіи его положенія. Повторяемъ опять, это положеніе брошено только слишкомъ великодушно, вѣроятно отъ избытка силъ таланта. Въ сценическомъ выполненіи «Бѣдной невѣсты» при искусной и теплой игрѣ актера, который возьметъ на себя роль Хорькова — положеніе можетъ уясниться, досказаться и произведетъ эффектъ поразительный. Замѣтимъ между прочимъ, что одинъ изъ критиковъ «Бѣдной невѣсты» поставилъ Хорькову въ вину предложеніе Милашину *перехваченныхъ* писемъ *счастливаго своего соперника*. Зачѣмъ колоть Хорькову глаза счастливымъ соперниковъ — возразилъ на это въ свое время, одинъ изъ насъ — рецензентовъ Москвитянина — когда онъ не оказалъ къ нему ни ревности, ни зависти, когда онъ, съ разу оставилъ всѣ свои надежды, и, забывши о себѣ, заботился только о судьбѣ Марьи Андревны? Вѣдь онъ не о себѣ хлопоталъ, изъ комедіи это ясно; за что же критикъ наводитъ сомнѣніе на его честность? Что это за условный взглядъ на поведеніе? Дѣвушка гибнетъ, опутанная сѣтями подлаго человѣка и ей нельзя подать помощи! Неужели же Хорькову, который знаетъ цѣну Меричу, въ подобномъ случаѣ оглядываться съ сомнѣніемъ на свой поступокъ? Ему и въ голову не могло придти, что онъ дѣлаетъ дурно; онъ слишкомъ сильно любилъ Марью Андревну и слишкомъ мало любилъ себя.

Что касается до лица Беневоленскаго, то созданное совершенно цѣльно и притомъ за-разъ, всей натурой вылитое, оно не требуетъ разъясненія отношенія къ себѣ автора. Тутъ нельзя даже указать на какія либо осо-

Digitized by Google

бенныя черты—все тутъ типично, отъ желанія пріобрѣсть образованную жену и вмѣстѣ пріобрѣсти органчикъ *для* обученія канареекъ до пріобрѣтенія хорошей вещички отъ нечаянно *набѣжавшаго* хорошаго человѣка и до разсказа о представленіи Роберта, въ которое, *загулявши*, не попалъ Максимъ Дорофеичъ, отъ возраженія на желаніе Анны Петровны, чтобы мужчина былъ непьющій. «Конечно..., а знаете ли сударыня, я вамъ осмѣлюсь сказать, что въ мужчинѣ даже и это ничего. Какъ ты думаешь, «Платонъ Марковичь объ этомъ,» до зарока не пить давнаго передъ свадьбой, причемъ читатель остается убѣжденъ, что такой зарокъ далъ только до послѣ свадьбы, а всего скорѣе только до первой вѣрной оказіи. Особенно же хорошъ и просится въ картину Максимъ Дорофеичъ, когда самодовольно деретъ себя за хохолъ, одѣтый женихомъ и стоя передъ зеркаломъ. А между тѣмъ, личность Беневоленскаго была бы все-таки не полна безъ *Дуни*. Не смотря на всю краткость двухъ сценъ, въ которыхъ она является—къ ея личности нельзя прибавить ни одной черты, вся жизнь ея передъ вами какъ на ладони.... Напоминать черты Дуни, значитъ выписывать всѣ ея слова, всю сцену ея съ Беневоленскимъ, а равно и первую сцену съ Пашею, или по даннымъ, заключающимся въ этихъ сценахъ, писать исторію этой женщины.... Есть слова у Дуни въ высшей степени патетическія. «А все таки Паша.... ты то возьми, лѣтъ пять жили.... вѣдь жалко... «Конечно не много я отъ него добраго видѣла.... больше слезъ, одного «сраму что перенесла. Такъ ни за что прошла молодость, и помянуть «нечѣмъ.» Или ея обращеніе къ Беневоленскому:» Смотри ко, живи «хорошенько.... Эта вѣдь тебѣ навѣкъ, не то что я.... Ну прощай, «не поминай лихомъ, —добромъ нечѣмъ. Что это я, какъ дура расплака«лась въ самомъ дѣлѣ? О! махнемъ рукой Паша, завьемъ горе вере«вочной». Всякой, кто и не знаетъ этаго типа женщинъ, почувствуетъ невольно, что это все такъ именно должно сказаться—равно какъ и «адье, мусье» брошенное на прощанье въ порывѣ какой то размашистой удали завитаго веревочкой горя, равно какъ и то, что Дуня издѣваясь, пугаетъ Беневоленскаго прежде: а хочешь, сей часъ дебошъ сдѣлаю: все, все такъ, отъ ясныхъ намековъ на ея жизнь, когда Беневоленскій пріѣзжалъ къ ней «пьяный да олаберный—такъ какъ обѣснующій какой» до ея ироническаго тона при встрѣчѣ съ нимъ и своего рода благородства въ словахъ: «Ты смотри, не загуби чужаго вѣку даромъ. Грѣхъ тебѣ будетъ. Остепенись да живи хорошенько»....

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о Меричѣ и Милашинѣ.... Что къ Меричу, а равно и къ Милашину отнесся авторъ въ высшей

Digitized by Google

степени правильно, это ясно изъ того даже, что критика извѣстной школы до сихъ поръ сердится на него за эти лица. Что съ другой стороны Меричь и Милашинъ—превосходны только какъ задачи, что они не вызрѣли достаточно въ душѣ художника, это такъ же ясно. Но общій психологическій процессъ такихъ натуръ какъ натура Мерича и Милашина представленъ до того осязательно, что вы, принимая участіе въ судьбѣ Марьи Андревны, негодуете на того и другаго и презираете ихъ. Можетъ быть только двухъ, трехъ штриховъ рѣзца недоставало для довершенія этихъ фигуръ. Въ отношеніяхъ того и другаго къ Марьѣ Андревнѣ, слишкомъ явно, что они существуютъ только ради ея въ комедіи, что авторъ увлекся преимущественно драматизмомъ положенія и сосредоточилъ все на немъ, оставивши многое недосказаннымъ.

Но и того, что выполнено въ «Бѣдной невѣстѣ», достаточно, чтобы она была замѣчательнымъ произведеніемъ во всякой литературѣ, а задачи ея такъ широки, благородны и новы, что, безъ сомнѣнія, поставляютъ автора во главѣ современнаго литературнаго движенія.

V.

Разсмотрѣвши отдѣльно «Бѣдную Невѣсту» какъ произведеніе выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, даже хорошихъ литературныхъ явленій, мы взглянемъ теперь на другія явленія болѣе или менѣе проникнутыя живымъ началомъ. Въ обозрѣніе наше войдутъ весьма немногія литературныя произведенія и, такимъ образомъ, не войдутъ продукты беллетристики.

На первомъ мѣстѣ и даже отдѣльно въ ряду писателей, которыхъ произведенія проникнуты живымъ началомъ, безъ сомнѣнія поставимъ мы въ настоящую минуту автора «Тюфяка», «Брака по страсти» и «Ипохондрика», г. Писемскаго, писателя съ самымъ яркимъ, самобытнымъ и крѣпкимъ дарованіемъ, которому не достаетъ только глубины и идеальности міросозерцанія, чтобы имѣть на литературу самое сильное вліяніе. Замѣчательно странно то, что съ каждымъ новымъ произведеніемъ, послѣ «Брака по страсти», міросозерцаніе автора постоянно, такъ сказать понижается, между тѣмъ какъ всѣ непосредственныя данныя таланта остаются тѣже самыя. Въ «Ипохондрикѣ», не смотря на всю комическую силу и соль этой комедіи, міросозерцаніе явно отсутствуетъ; въ «Богатомъ женихѣ», самомъ слабомъ и повидимому на-

Digitized by Google

скоро писанномъ романѣ г. Писемскаго, оно является чѣмъ-то колеблющимся, нерѣшительнымъ, безцвѣтнымъ, въ «Батмановѣ», не смотря на всѣ прекрасно отдѣланныя частности этой повѣсти, міросозерцаніе понизилось совершенно до безразличія температуры съ изображаемою авторомъ дѣйствительностью: тутъ уже нѣтъ какъ будто и отголоска тѣхъ строгихъ, прекрасныхъ задачъ, которыя съ такою энергіею обозначались въ «Тюфякѣ», самомъ сильномъ изъ произведеній г. Писемскаго, и въ «Бракѣ во страсти», самомъ художественномъ изъ нихъ: во всемъ послѣдующемъ, видѣнъ одинъ только непосредственный талантъ, какъ будто совершенно обнаженный, лишенный всякаго вооруженія. Отъ неясности ли идеала въ душѣ писателя, отъ особаго ли свойства излишней гибкости въ талантѣ, гибкости, приводящей міросозерцаніе въ уровень со всякою дѣйствительностью, зависитъ это, или преимущественно отъ того, что г. Писемскій недостаточно выносилъ въ душѣ свои послѣднія произведенія, но, отъ нихъ рѣшительно ни тепло ни холодно: любуешься мастерскимъ пріемомъ автора въ схватываніи разныхъ сторонъ дѣйствительности, непосредственностью изображенія и часто поразительною простотою, любуешься, однимъ словомъ, творческими данными, но подъ вліяніе самаго творчества ни какъ не попадешь; то, что мы сказали о немъ въ статьяхъ о литературѣ за 1851 годъ, мы готовы повторить и теперь: ибо г. Писемскій не сдѣлалъ ни одного шага къ выходу изъ своего нѣсколько несвободнаго, зависимаго отношенія къ дѣйствительности. Выйдти изъ такаго отношенія г. Писемскій могъ, какъ намъ кажется, только однимъ путемъ, развивая тѣ серьозныя и новыя, хотя нѣсколько отрицательныя задачи, которыя лежали въ «Тюфякѣ» и въ «Бракѣ по страсти.» Для поясненія этихъ задачъ, мы повторимъ здѣсь то, что сказано однимъ изъ насъ по поводу общаго смысла «Брака по страсти», смысла, дурно понятаго или даже совсѣмъ не понятаго устарѣвшею критикою, незнающею инаго отношенія кромѣ тупой вражды къ новымъ талантамъ, идущимъ не по той дорогѣ, по которой шли прежніе, ей знакомые. Авторъ *Брака по страсти*,—говоритъ нашъ рецензентъ, «не удовольствовался тѣмъ, что образно и въ дѣйствіи выразилъ свою мысль, онъ намекаетъ на эту мысль даже въ эпиграфѣ, избранномъ имъ для своей повѣсти: *Мелкія натуры*, сказано тамъ—*только претендуютъ на любовь и неудачно драпируются плащемъ Ромео*. А между тѣмъ, кто же, въ наше время въ особенности, не претендуетъ на любовь, кто не полагаетъ себя способнымъ къ истинной и глубокой страсти, кто наконецъ не готовъ признать въ себѣ и другихъ за любовь чуть

Digitized by Google

чуть очеловѣченную наклонность или причуду своего распаленнаго воображенія. Если много зла въ жизни происходитъ отъ отсутствія любви въ брачныхъ отношеніяхъ, то едва ли не столько же порождается и безразсудною любовью, минутною прихотью сердца, наконецъ страстью, родившеюся въ головѣ, если всѣ подобныя движенія души не остановятся во время, но разовьются въ прочныя отношенія съ женщиной. Если гнусны и противучеловѣчны союзы, основанные на корысти, тщеславіи и другихъ нелѣпыхъ побужденіяхъ, то съ другой стороны, смѣшны до крайности и тѣ пародіи на любовь, которыя только обставлены внѣшнимъ приборомъ истинной любви, въ самомъ же дѣлѣ имѣютъ съ нею только одну общую черту, ослѣпленіе. И именно смѣшны они по преимуществу, потому что рѣдко разъигрываются въ драму, но по большей части, если и порождаютъ страданія, то страданія мелкія, мало внушающія участія и до конца носящія въ себѣ элементъ комическаго, неразумнаго»....

Разоблачать фальшъ прикрывающую себя эффектомъ, разоблачать побужденія, которыя по виду только благородны, разоблачать претензіи на страсти и съ строгою послѣдовательностью преслѣдовать животненное, прикрывающееся возвышенными стремленіями, мелкое, драпирующееся грандіознымъ плащемъ, показать однимъ словомъ и фальшивую сторону тѣхъ страстей, которыя такъ долго въ нашей литературѣ показывались только съ блестящей ихъ стороны, вотъ какова была задача таланта г. Писемскаго, поскольку она высказалась въ «Тюфякѣ» и въ «Бракѣ по страсти.» Тюфякъ—самое прямое и художественное противодѣйствіе болѣзненному бреду писателей натуральной школы, герой романа, т. е.. самъ Тюфякъ, съ его любовью изъ за-угла, съ его неясными и неуясненными ему самому благородными побужденіями по поламъ съ самыми грубыми наклонностями, съ самымъ дикимъ эгоизмомъ, этотъ герой, несмотря на то, что вамъ его глубоко, болѣзненно жаль, тѣмъ не менѣе—Немезида всѣхъ этихъ героевъ замкнутыхъ угловъ съ ихъ непонятыми никѣмъ и имъ самимъ непонятными стремленіями, проводящихъ «бѣлыя ночи» въ бреду о какихъ-то идеальныхъ существахъ, къ которымъ несмѣютъ подойдти въ дѣйствительности или страдающихъ въ дѣйствительности отъ этихъ же самыхъ идеальныхъ существъ; только г. Писемскій, можетъ быть и даже вѣроятно, съ душевною болью, отнесся къ этому герою какъ слѣдуетъ, комически. Съ другой стороны, «Бракъ по страсти», столько же прямое и еще болѣе художественное противодѣйствіе міросозерцанію другой школы фальшивой образованности. Прибѣгаемъ опять къ поясненію

Digitized by Google

смысла этого произведенія, сдѣланному нашимъ критикомъ. «Нельзя не благодарить г. Писемскаго, говоритъ онъ, за то, что онъ тронулъ вопросъ любви съ такой оригинальной стороны, нельзя не видѣть, что мысль, лежащая въ основѣ его повѣсти, выпесена имъ не изъ теоретическаго пониманія, но изъ многосторонних наблюденій надъ жизнію, что однимъ словомъ, сама жизнь натолкнула его на эту мысль. Голосовъ въ пользу любви раздавалось много въ нашей, какъ и во всякой другой литературѣ; любовь угнетенная являлась во всевозможныхъ видахъ, было такъ же много протестовъ противу многоразличныхъ условій, стѣсняющихъ любовь. Во множествѣ произведеній, порожденныхъ этими, въ сущности благородными и возвышенными побужденіями, попадались конечно и такія, которыя брали вопросъ съ настоящей стороны, стояли за безусловно-правое дѣло; но были и произведенія, (даже бо́льшею частію, прибавимъ мы къ словамъ нашего критика) которыя только запутывали и затемняли дѣло, порождая ложныя мысли объ одной изъ самыхъ благороднѣйшихъ страстей человѣка. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, они безъ сомнѣнія приносили болѣе вреда, чѣмъ пользы. Самая дурная сторона ихъ была совершенная разрозненность съ дѣйствительною жизнію, искаженіе дѣйствительности по произволу для проведенія нѣсколькихъ, иногда даже не примѣтныхъ самимъ авторамъ, мыслей. Если они дѣйствовали на публику, то какъ-то странно, возбуждая въ ней рѣшительно неудовлетворимыя и неприложимыя стремленія, разжигая мысль причудливыми и соблазнительными формами любви, выдумываемой авторомъ въ его праздныхъ мечтаніяхъ».

Такаго-то рода представленіе страстей и отношеній покаралъ г. Писемскій въ своей повѣсти. Насколько такая задача его таланта, исторически необходима въ нашей литературѣ, видно изъ самаго бѣглаго взгляда, кинутаго на ея недавнее, предшествовавшее состояніе. На одну повѣсть, въ родѣ «Безъ разсвѣта», гдѣ съ правдивой и притомъ драматической стороны взяты совершенно законныя требованія и совершенно незаконное имъ противодѣйствіе, найдется куча вялыхъ и безобразныхъ по духу и по формѣ произведеній, обязанныхъ своимъ бытіемъ напряженію эгоизма, желанію драпироваться плащемъ Ромео. Немудрено, что критика этой школы такъ сильно подняла свой голосъ противъ безпощадной повѣсти г. Писемскаго, ибо, какъ говоритъ опять нашъ критикъ, «ничего выдуманнаго т. е. фальшиваго нѣтъ въ этой повѣсти. Передъ вами — происшествіе изъ дѣйствительной жизни, какихъ вамъ, можетъ быть не разъ случалось быть свидѣтелемъ, происшествіе до такой степени правдивое, что кажется, будто оно списано съ

Digitized by Google

какого нибудь действительно случившагося событія. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти лица, выходящія въ повѣсти, эти отношенія между ними, вся обстановка, вы ихъ видали не разъ. Только ясность, съ которой озаренъ внутренній смыслъ всего событія и раскрыты внутреннія пружины, двигающія лицами, показываетъ вамъ, что вы имѣете дѣло съ свободнымъ продуктомъ таланта, правда твердо опершагося на дѣйствительность и всѣ формы своего произведенія взявшаго изъ нея».

Такъ обозначалась въ двухъ первыхъ и лучшихъ произведеніяхъ г. Писемскаго, его литературно-историческая задача. Въ задачѣ этой, какъ чисто-отрицательной, заключалась и своя опасная для таланта сторона, особенно когда въ этомъ талантѣ гораздо больше непосредственныхъ данныхъ, чѣмъ глубокаго содержанія, какъ въ талантѣ г. Писемскаго. Разоблаченіе всего аффектированнаго въ страстяхъ человѣческихъ, всего фальшиваго въ явленіяхъ дѣйствительности, такой подвигъ, который для вполнѣ достойнаго служенія себѣ, требуетъ со стороны служащаго ему такого постоянно высшаго отношенія къ дѣйствительности и къ самому себѣ, въ какомъ держался покойный Гоголь, или отношенія болѣе спокойнаго, болѣе ровнаго, но тѣмъ не менѣе идеальнаго, въ какомъ находятся многіе истинные по натурѣ художники, между прочимъ Островскій, однимъ словомъ — повѣрки идеаломъ, безусловнымъ ли и высшимъ или разумно-историческимъ, сложеннымъ изъ коренныхъ народныхъ началъ дѣйствительности, вмѣстѣ съ тѣмъ общечеловѣческимъ, поколику всѣ народности суть различные оттѣнки и цвѣта принимаемые человѣческимъ духомъ. Не покушаясь измѣрять талантъ г. Писемскаго масштабомъ генія Гоголя, мы скажемъ только, что у него нѣтъ, какъ есть напримѣръ у Островскаго, прочнаго, опредѣленнаго и вмѣстѣ идеальнаго міросозерцанія, которое служило бы ему точкою опоры при разоблаченіи всего фальшиваго въ благородныхъ по видимому стремленіяхъ, что вслѣдствіе этого, отрицательное начало легко можемъ ввести его въ безразличное равнодушіе. Лучшій примѣръ такаго опаснаго положенія, представляетъ его «М-г Батмановъ», повѣсть, безспорно блистательная по многимъ частнымъ подробностямъ, но тѣмъ не менѣе представляющая собою самыя неясныя отношенія автора къ его концепціи, повѣсть задуманная явно съ отрицательною мыслію, но въ которой мысль выразилась неполно, неясно, какъ то даже странно, вслѣдствіе совершеннаго отсутствія какой либо идеальной основы какого-либо міросозерцанія, кромѣ взятаго изъ той же самой случайной дѣйствительности, окружающей этого господина, накинувшаго себѣ на плеча плащь Чильдъ-Гарольда. Не говоримъ уже

Digitized by Google

о «Богатомъ женихѣ» произведеніи, въ которомъ хороши только нѣкоторыя комическія стороны, да и тѣ представляютъ собою низшій родъ комизма, и въ которомъ повсюду, гдѣ авторъ хотѣлъ схватиться за идеальную основу (какъ напримѣръ въ лицѣ Вѣры, героини романа) оказывается какая-то слабость и несостоятельность.

Единственное, о чемъ критика можетъ говорить изъ произведеній г. Писемскаго, явившихся въ 1852 году, это — «Ипохондрикъ», комедія, которую мы конечно не поставимъ въ одну категорію съ «Бѣдной Невѣстой», но въ которой является талантъ блестящій, могущественный, обладающій въ высокой степени тѣмъ, что называется *Vis comica*. Нечего устранять отъ комедіи г. *Писемскаго* весьма не основательный упрекъ въ заимствованіи имъ тѣхъ или другихъ лицъ у Гоголя и у англійскихъ романистовъ, упрекъ сдѣланный къ сожалѣнію тѣмъ же самымъ даровитымъ и умнымъ, хотя страшно-парадоксальнымъ критикомъ, который отнесся такъ правильно къ новой комедіи Островскаго. Всякій, мало мальски знакомый съ техникой художества, пойметъ, что талантливому писателю, каковъ г. Писемскій, нѣтъ ни малѣйшей нужды складывать лица изъ чертъ имъ вычитанныхъ, при большомъ запасѣ собственныхъ психологическихъ наблюденій: только люди, у которыхъ запасъ таковыхъ наблюденій весьма скуденъ, приступаютъ къ личностямъ съ заготовленными заранѣе, весьма узкими предположеніями, почерпнутыми изъ весьма ограниченныхъ количествомъ и ничтожныхъ по смыслу, наблюденій надъ ихъ знакомыми. Весьма естественно, что кромѣ чертъ своихъ знакомыхъ, они ничего не видятъ въ личностяхъ, что надъ типами они не задумываются, а съ плеча относятъ ихъ къ категоріямъ, и весьма такъ же естественно, что изъ такого созерцанія могутъ выходить только несообразности. Нѣтъ! лица Гоголя и лица Диккенса—сами по себѣ, а лица г. Писемскаго—тоже сами по себѣ. Дѣло не въ томъ: въ комедіи, кипящей по всюду жизнію, въ комедіи, читая которую, вы предаетесь неудержимому смѣху, которой частности достойны лучшихъ комиковъ, нѣтъ основы, не только идеальной, но даже просто психологической, а существуетъ основа такъ сказать медицинская, какъ будто внѣшне, искуственно придуманная для того, чтобы кругомъ ея толпился міръ самыхъ живыхъ лицъ, самыхъ комическихъ подробностей: прибавьте къ этому еще недостатокъ: нѣкоторую, не скажемъ каррикатурность, но рѣзкость въ изображеніи характеровъ, и вотъ что строгая эстетическая критика можетъ замѣтить въ комедіи, все что не было бы даже недостатка, если бы комизмъ со временъ Мольера, не шагнулъ на высшую

Digitized by Google

степень въ лицѣ Гоголя, не сталъ самымъ глубокимъ и многозначительнымъ словомъ эпохи. Разбирать «Иппохондрика» мы не станемъ, пусть сами за себя говорятъ въ немъ и Ваничка и Михайло Ивановъ, «Огневой человѣкъ» «Медвѣжій учитель, и Прохоръ Прохорычь и Соломонида Платоновна и Настасья Кириловна и Никита, который «все чувствуетъ». Всѣ они получили уже право гражданства въ литературѣ, цѣликомъ перейдя въ нее изъ жизни,—всѣхъ ихъ вы узнали бы, встрѣтясь съ ними (*).

VI.

Весьма не многихъ явленій литературы коснемся мы послѣ Островскаго и послѣ г. Писемскаго, и эти немногія явленія обозначимъ съ возможною краткостію: нѣкоторыя изъ нихъ, болѣе свидѣтельствуютъ о будущемъ таланта ихъ авторовъ, другія, при многихъ прекрасныхъ сторонахъ представляютъ многія слабыя, третьи достойны упоминанія только по благородству задачь.

И во-первыхъ, мы остановимъ вниманіе нашихъ читателей на молодомъ и еще недавно только выступившемъ на литературную арену авторѣ, котораго талантъ обѣщаетъ въ будущемъ очень много; мы говоримъ о г. Потѣхинѣ, котораго «забавы и удовольствія въ городкѣ» напечатанныя въ Современникѣ, привѣтствовали мы съ живѣйшимъ удовольствіемъ,—котораго отрывокъ изъ романа мы напечаатали въ 22 № Москвитянина и котораго большую повѣсть представимъ въ этомъ году. Талантъ г. Потѣхина возбудилъ уже въ насъ большую симпатію и тогда, когда мы прочли «забавы и удовольствія въ городкѣ»—намъ было очень пріятно замѣтить въ этой статейкѣ совершенное отсутствіе претензій и насмѣшливаго тона, съ которымъ обыкновенно смотрятъ наши современные писатели на русскій провинціальный бытъ. Авторъ разсказа высказываетъ теплое сочувствіе этому быту, смотритъ безъ иронія на его увеселенія, самъ желаетъ отъ души ему веселиться и приглашаетъ читателей раздѣлить съ нимъ это желаніе. Разсказъ его дышетъ веселостью и отличается отсутствіемъ злыхъ выходокъ; изрѣдка только, авторъ позволяетъ себѣ насмѣшку надъ нѣкоторыми дурными чертами провинціальнаго быта: но онъ смѣется только надъ *истинно-дурными* чертами, оставляя въ покоѣ мнимо-дурныя, каковы суть:

(*) Полное собраніе сочиненій Писемскаго выйдетъ въ февралѣ, въ трехъ томахъ, и иногородные могутъ относиться въ контору Москвитянина, не прилагая ничего за пересылку, цѣна за три тома въ 12-ю д. три р. с.

Digitized by Google

бѣдность, русскія перчатки, неловко сшитые фраки и вообще все то, надъ чѣмъ такъ безпощадно глумилась школа фальшивой образованности. Всѣ таковыя достоинства можно было замѣтить и въ первой безпритязательной статьѣ г. Потѣхина, которая кромѣ всего этого понравилась намъ и безпритязательностью самой своей формы: гораздо большее явилось уже въ его отрывкѣ изъ романа,—явилась способность созданія лицъ, умѣнье вести ловко и живо разсказъ, объективность въ языкѣ и въ изображеніяхъ, но особенно сильно выступаетъ особенность таланта г. Потѣхина, въ его разсказахъ изъ крестьянскаго быта. Не говоримъ о надеждахъ, которыя мы возлагаемъ на талантъ г. Потѣхина, не говоримъ такъ же о недостаткахъ, свойственныхъ всякому, еще не установившемуся таланту. Дѣло въ томъ, что въ лицѣ г. Потѣхина литература пріобрѣтаетъ новаго талантливаго, честнаго и плодовитаго дѣятеля.

Къ этимъ же писателямъ—присоединимъ мы и г. Кокорева, давно уже извѣстнаго своими очерками, а въ прошедшемъ году явившагося съ довольно большою повѣстью: «Саввушка». Въ Саввушкѣ, есть мѣста, которыя можно смѣло назвать художественными: таковы—разсказъ о жизни Саввушки у нѣмца-портнаго, сцена въ полпивной, сцены Саввушки съ разными лицами, у которыхъ онъ проситъ помощи для спасенія своей названной дочки—и не будь повѣсть испорчена нѣкоторой сантиментальностью, сохрани въ ней авторъ болѣе ровности тона и колорита, не дай въ ней мѣста нѣкоторымъ утрированнымъ положеніямъ—она принадлежала бы къ числу замѣчательнѣйшихъ явленій литературы 1852 года. Укажемъ такъ же на превосходный физіологическій очеркъ того же автора: «Кухарка», помѣщенный въ Вѣдомостяхъ Московской Городской Полиціи, и пожалѣемъ о недостаткѣ литературнаго вкуса въ молодомъ писателѣ съ такими сильными непосредственными дарованіями, съ такой мѣткой наблюдательностью и съ такимъ правильнымъ взглядомъ на дѣйствительность.

Кромѣ этихъ исчисленныхъ нами надеждъ, есть еще дарованіе, ярко обозначившееся въ литературѣ 1852 года—г. Крестовскій: три повѣсти г. Крестовскаго, напечатанныя въ «Отечественныхъ Запискахъ», представляютъ собою нѣчто цѣлое, связанное одною мыслію чрезвычайно благородною и внушающею полную симпатію. Въ отношеніи къ г. Крестовскому, мы должны повторить въ общихъ чертахъ отзывъ сдѣланный о немъ однимъ изъ критиковъ Москвитянина, отзывъ, совершенно нами раздѣляемый. Читая повѣсти г. Крестовскаго, постоянно чувствуешь невольную симпатію къ личности автора; по всему видно,

Digitized by Google

что это человѣкъ, у котораго есть дорогія убѣжденія, который привыкъ всматриваться въ жизнь и душу, глубже нежели это дѣлается, котораго можетъ быть много интересовалъ вопросъ объ истинныхъ отношеніяхъ между людьми, однимъ словомъ, что это человѣкъ мыслящій, чувствующій и даровитый.» Критикъ нашъ замѣтилъ кромѣ того, что идея повѣсти высказана довольно темно, что развитіе цѣлаго, нѣсколько вяло и медленно.

Не знаемъ тому же ли самому Крестовскому принадлежатъ сцены: «Утренній визитъ», напечатанныя въ Пантеонѣ, и носящія на себѣ признаки замѣчательнаго таланта: если тому же самому, то это показываетъ, что дарованіе г. Крестовскаго довольно разнообразно; — если другому, то значитъ, есть надежда на двухъ даровитыхъ писателей того же имени.

Наконецъ, мы должны еще упомянуть объ авторѣ: «Ульяны Терентьевны» и «Исторіи моего пріятеля», помѣщенныхъ въ Современникѣ и отличающихся благородствомъ направленія, хотя, вмѣстѣ съ этимъ, представляющихъ собою не разсказы, не повѣсти, а какіе-то психологическіе этюды, замѣчательныя по обилію наблюденій автора надъ впечатлѣніями дѣтства и вообще надъ міромъ собственной души. Художественнаго значенія эти повѣсти не имѣютъ никакого.

Вотъ все, что придставила новаго литература 1852 года. О г. Григоровичѣ и г. Тургеневѣ, какъ писателяхъ даровитыхъ, но приступавшихъ къ изображенію быта съ заданною себѣ напередъ темою, мы уже упомянули. О «Проселочныхъ дорогахъ» г. Григоровича, романѣ, хотя и писанномъ по всей видимости наскоро, но принадлежащемъ къ тому роду, въ которомъ талантливый авторъ является гораздо болѣе свободнымъ художникомъ, чѣмъ въ изображеніяхъ крестьянскаго быта, мы говорили подробно въ свое время. Г. Тургеневъ напечаталъ въ 1852 году въ 1 N Современника, разсказъ: «Три сестры» исполненный однихъ только претензій и далеко не похожій на другіе его разсказы. Замѣтимъ еще «Мемуары» г. Вердеревскаго, сцены, прекрасною мыслію, лежащею въ ихъ основаніи и психологическимъ анализомъ, выдвигающіяся изъ рода обыкновенныхъ драматическихъ пословицъ, которыхъ общіе признаки мы обозначили; и вотъ все, что стоитъ сколько-нибудь отмѣтки въ обозрѣніи изящной словесности за весь годъ. Беллетристика не вошла въ этотъ обзоръ, потому что даже хорошую беллетристику, мы, какъ нѣсколько разъ уже высказывали, считаемъ только позволительною роскошью и не раздѣляемъ никакъ мнѣнія критики бывалыхъ (весьма не давнихъ) временъ, которая пла-

Digitized by Google

калась на то, что у насъ есть художники и нѣтъ беллетристовъ: мы напротивъ, готовы плакаться, что развелось теперь у насъ слишкомъ много и дурныхъ и сносныхъ беллетристовъ, т. е. поставщиковъ матеріала для праздная чтенія.

VII.

Теперь, для представленія полнаго, хотя и сжатаго, отчета о состояніи нашей изящной словесности и о ея, такъ сказать наличныхъ капиталахъ, осталось намъ сказать нѣсколько словъ о движеніи нашей лирической поэзіи.

Была пора и была еще весьма недавно, когда въ журналахъ нашихъ постоянно слышались одни и тѣже возгласы: «Лирическая поэзія умерла! стихъ въ наше время — анахронизмъ и т. д., когда критика съ какой-то ядовитой злобою вооружалась на стихи и на стихотворцевъ. Въ настоящую минуту, когда горизонтъ литературныхъ понятій вполнѣ расчищается, смѣшно даже и спорить противъ такой критики, смѣшно доказывать ей весьма простую истину, что лиризмъ вѣченъ — какъ вѣчно искусство, какъ вѣченъ духъ человѣческій. Даже и съ точки зрѣнія исторической критики (а на нее бѣдную, Богъ знаетъ какихъ нелѣпостей не взваливали!), нельзя говорить объ упадкѣ и отсутствіи лиризма въ литературѣ, въ которой не мало замѣчательныхъ лирическихъ поэтовъ, какъ давно уже такъ и не давно вступившихъ на поприще, въ литературѣ богатой силами до избытка, — имѣющей дѣло съ новыми постоянно раскрывающимися задачами, смѣшно и нелѣпо, повторяемъ мы, говорить это тамъ, гдѣ есть еще Хомяковъ, Майковъ, Огаревъ, гдѣ съ недавняго времени дѣйствуютъ Фетъ, Щербина, Мей, лирики съ своими особенными, самобытными сторонами, нужными для искусства и души человѣческой, гдѣ есть такіе переводчики поэтическихъ произведеній какъ Бергъ, Минъ, — гдѣ и остальные лирики каковы: г. Полонскій, г-жа Жадовская, и другіе, не имѣющіе въ талантѣ своемъ какихъ либо особыхъ художественныхъ задачъ, дарили подчасъ литературу задушевными, производящими впечатлѣніе пѣснями, и гдѣ наконецъ даже г. Некрасовъ, не смотря на всю антипоэтичность своего міросозерцанія, обмолвился не одинъ разъ энергическимъ стихотвореніемъ.

Что у лирическаго поэта, точно такъ же какъ у всякаго другаго художника, должно быть свое міросозерцаніе и свой пѣтъ лиризма,

Digitized by Google

что высотою строя міросозерцанія и бо́льшею или меньшею яркостью цвѣта лиризма, опредѣляется значеніе лирическаго поэта въ литературѣ, — не подлежитъ никакому сомнѣнію, равно какъ не подлежитъ сомнѣнію и то, что въ лирическомъ поэтѣ въ высо́кой степени важны художественная форма вообще, отдѣлка и звучность стиха, опредѣленность и образность выраженія — всего же важнѣе въ лирическомъ поэтѣ — искренность того чувства, съ которымъ онъ лирически относится къ мірозданію и человѣку — будетъ ли это чувство спокойное или негодующее, грустное или веселое — все равно. Степенью бо́льшей или меньшей искренности поэта обусловлена степень бо́льшей или меньшей нашей симпатіи къ нему: искреннимъ же, въ поэтѣ можетъ быть какъ въ человѣкѣ, только такое чувство, которое нужно и важно для души человѣческой. Если есть малѣйшая фальшь въ чувствѣ, одушевляющемъ поэта, то, или чувство это пройдетъ какъ заблужденіе, или, если оно обусловлено какъ у Байрона напримѣръ, неблагопріятными обстоятельствами дѣйствительности, перейдетъ въ могущественное отрицаніе, или наконецъ, если поэтъ будетъ постоянно напрягать себя на строй этого чувства безъ глубокихъ, внутреннихъ къ тому побужденій, а единственно изъ желанія продолжать въ томъ же строѣ, въ какомъ началъ, — вдохновеніе подъ конецъ оставитъ его, истощеннаго безплодными усиліями —

И жрецъ отпрянетъ,
Дрожащій прахомъ и стыдомъ.

Всякій истинный поэтъ выходитъ непремѣнно изъ фальшиваго или заимствованнаго строя въ строй соотвѣтственный его натурѣ и міросозерцанію. Такъ, побѣдоноснѣе всѣхъ вышелъ изъ всякаго фальшиваго строя нашъ великій Пушкинъ, котораго послѣднія стихотворе́нія представляютъ недостижимый идеалъ красоты, чистоты, ясности міросозерцанія — и того полнаго любви спокойствія, которое дается только великимъ, избраннымъ натурамъ.

Съ этой точки зрѣнія, т. е. со стороны строя міросозерцанія, особенности цвѣта лиризма и искренности чувства, одушевляющаго лирическую способность, не забывая, разумѣется, степени внѣшней отдѣлки, прослѣдимъ мы наличные капиталы нашей лирической поэзіи — и потому не боимся встрѣтится съ однимъ изъ членовъ нашего журнала, еще недавно изложившимъ свой взглядъ на дѣло съ своей точки зрѣнія въ 17 N Москвитянина, въ статьѣ: « Наблюденія *Эраста Благонравова* надъ Русской литературой и журналистикой», такъ напримѣръ, о Хомя-

Digitized by Google

ковъ мы считаемъ даже за излишнее и говорить, раздѣляя въ полной мѣрѣ глубокое уваженіе и сочувствіе Эраста Благонравова къ этому лирику, — и, не имѣя ничего прибавить отъ себя кромѣ того, что держаться въ такомъ постоянно высокомъ строѣ лиризма и притомъ держаться очевидно-искренне, можно только съ могучими душевными задатками и съ такими же задатками лирическаго таланта. Такъ же согласны мы съ Эрастомъ Благонравовымъ, въ общихъ чертахъ взгляда его на Огарева, Майкова, хотя считаемъ обязанностью прибавить нѣсколько словъ съ своей стороны объ этихъ лирикахъ.

И такъ, во-первыхъ — *Огаревъ*, поэтъ дѣйствительно по преимуществу, въ самомъ прямомъ смыслѣ слова, съ тою искренностью чувства, съ тою глубиною мотивовъ, которые сообщаются всякому читающему его, поэтъ сердечной тоски, не той тоски а la Гейне, которая у нѣкоторыхъ звучитъ чѣмъ-то непріятно-фальшивымъ и приторно-принужденнымъ, — не той тоски а la Лермонтовъ, которая такъ страшна у Лермонтова и такъ жалка у его подражателей, тоски раздувающей собственныя страданія, надменно выставляющей гной душевныхъ ранъ —

На диво черни простодушной, —

тоски, которая подобна, по слову Баратынскаго,

Женщинѣ безстыдной
Съ чужимъ ребенкомъ на рукахъ....

нѣтъ! не такой тоски поэтъ — Огаревъ: его тоска — тоска сердца безконечно-нѣжнаго, безконечно способнаго любить и вѣрить — и разбитаго противорѣчіями дѣйствительности, сердца, которое даже не порѣшило дѣла такъ, что оно одно — право, а дѣйствительность во всемъ виновата. Вотъ въ чемъ заключается неотразимое обаяніе, постоянная сила этихъ, какъ будто случайно брошенныхъ въ міръ поэтомъ пѣсенъ, часто даже съ замѣчательнымъ пренебреженіемъ къ формѣ, къ стиху, къ ясности выраженія — вотъ что дѣлаетъ ихъ самыми искренними пѣснями эпохи... Вы сами тысячу разъ повторите за поэтомъ:

Опять любви безумной сердце проситъ
Любви горячей, вѣчной и святой....

въ васъ самихъ, поколику вы дитя своего вѣка, возникаетъ постоянно мучительная жажда въ видѣ неразрѣшимаго или мучительной же, неудовлетворимой жаждой разрѣшающагося, вопроса:

Чего хочу, чего? О! такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется, порой, ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь.
Чего хочу? *Всего, со всею полнотою....*

Digitized by Google

въ немъ обрѣтаете вы голосъ, слово, пѣсню для этого вопроса — онъ — вашъ поэтъ, вашъ душевный поэтъ.... Онъ, постоянно онъ — вспомнится вамъ во всякую скорбную минуту жизни, онъ пойдетъ съ вами рука объ руку въ ваше прошедшее, въ старый домъ, гдѣ вы жили когда-то, онъ будетъ плакать съ вами, будетъ ждать

Знакомыхъ мертвецовъ
Не встанутъ ли вдругъ кости,
Съ портретныхъ рамъ, изъ тьмы угловъ
Не явятся ли въ гости?...

онъ же откликнется вамъ весенней порой, когда ваше сердце болѣзненно тревожитъ воспоминаніе — когда впечатлительнѣй вы на все, даже на мечты, которымъ никогда не осуществиться :

Я птичку каждый годъ
Встрѣчаю, спрашиваю, гдѣ летала?
Кто любовался ей? какой народъ?
Не въ той ли сторонѣ прекрасной побывала,
Гдѣ небо ярко, вѣчная весна,
Гдѣ море блещетъ искрясь и синѣя;
Гдѣ лавровъ гордыхъ тянется аллея,
Далекая, волшебная страна!
И жду я праздника.... На вѣткѣ гибкой
Листъ задрожитъ и будетъ шуменъ лѣсъ
Запахнетъ ландышъ у корней древесъ
И будетъ утро съ свѣтлою улыбкой
Вставать прохладно, будетъ жарокъ день
И ясенъ вечеръ, и ночная тѣнь
Когда наляжетъ,—будетъ мѣсяцъ томный,
Гулять спокойно по лазури темной,
Надъ озеромъ прозрачный паръ взойдетъ
И соловей до утра пропоетъ....

понятно, что вы безъ внутренняго волненія, безъ слезъ невольныхъ не можете читать этихъ безъискуственныхъ и между тѣмъ плѣнительныхъ стиховъ — понятно, потому что вслѣдъ за ними, вамъ какъ поэту:

Наполнитъ душу сладкое томленье
И встанутъ вновь забытыя видѣнья....

Поэтъ вашъ повсюду съ вами — на дорогѣ, гдѣ вы встрѣтили призракъ, какъ будто вставшій изъ туманной дали, призракъ, увидавши который вы станете тревожно повторять свою жизнь — сквозь тьму глядя на ликъ едва замѣтный...

Digitized by Google

И снова былъ я молодъ, и привѣтно
Кругомъ съ улыбкой Божій міръ взиралъ,
И я любилъ такъ полно и глубоко....

онъ же пояснитъ вамъ, разоблачитъ передъ вами въ тяжкую минуту состояніе вашей души:

Пришла пора, прошли желанья
И въ сердцѣ стало холодно,
И на одно воспоминанье
Трепещетъ горестно оно...

Онъ дастъ вамъ поясненіе того,

Что какъ-то чудно
Живетъ въ сердечной глубинѣ

и въ чемъ трудно, невозможно высказаться—найдетъ въ себѣ для васъ слово для иныхъ минутъ, въ которые «растаять бы можно», въ которыя «легко умереть». Онъ послѣдуетъ за вами и на шумную оргію — но на самой оргіи разразится стономъ разбитаго сердца, отнесется нѣжно и человѣчно къ женщинѣ:

Вино кипитъ и жжетъ меня лобзанье....
Ты хороша... О! слишкомъ хороша!
Зачѣмъ въ груди проснулося страданье
И будто вздрогнула моя душа?
Зачѣмъ ты хороша? забытое мной чувство,
Красавица, зачѣмъ волнуешь вновь?
Твоихъ томящихъ ласкъ, томящее искусство
Ужель во мнѣ встревожило любовь?...
Любовь, любовь!... о нѣтъ, я только сожалѣнье,
Погибшій ангелъ, чувствую къ тебѣ...

онъ наконецъ раскажетъ вамъ въ простыхъ словахъ простую исторію сердца—

Она никогда его не любила
А онъ ее втайнѣ любилъ....

онъ, простыми же словами передастъ самую простую, но самую обычную и тѣмъ не менѣе, раздирающую сердце драму:

Я ему сказала:
Воротися милый;
Дни прошли и годы,
Я не измѣнилась....
Все люблю какъ прежде
Такъ какъ ты желаешь.

Digitized by Google

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Я его держала
За руки, за платье,
Цѣловала руки
Ноги цѣловала
Плакала отъ муки...

. . . . . .
. . . . . .

Но прошелъ онъ мимо,
Не сказавъ ни слова.

Что особенно дорого въ стихотвореніяхъ Огарева, такъ это именно, искренность всѣхъ мотивовъ и совершенно соотвѣтствующая этой искренности простота выраженія, хотя иногда нельзя не замѣтить, что пренебреженіе къ формѣ простирается у нашего поэта до крайности; одно изъ превосходныхъ стихотвореній на примѣръ:

Я помню робкое желанье,
Тоску сжигающую кровь,
Я помню ласки и признанье
Я помню слезы и любовь....

испорчено въ третьей строфѣ грамматической ошибкою:

Просило сердце впечатлѣній
И теплыхъ слезъ просило вновь
И новыхъ ласкъ и вдохновеній,
Просило новую любовь.

Но подобная небрежность, довольно притомъ рѣдкая, состоитъ въ непосредственной связи съ искренностью и задушевностью мотивовъ. Отсутствіе отдѣлки понятно у поэта, которому дороги преимущественно мотивы.

Заключимъ нашъ взглядъ на Огарева—желаніемъ, чтобы собраны были имъ самимъ или его друзьями, его, разсѣянныя по разнымъ періодическимъ изданіямъ пѣсни. Это было бы для многихъ дорогимъ подаркомъ. Отъ Огарева—всего удобнѣе перейдти къ Фету, къ таланту котораго авторъ статьи считаетъ обязанностію оговориться въ нѣкоторой можетъ быть пристрастной симпатіи, раздѣляемой впрочемъ весьма многими, какъ то авторомъ замѣчательной по тонкости эстетическаго чувства, статьи напечатанной въ III N. Современника за 1850 годъ.

Digitized by Google

Дарованіе Фета совершенно самобытное, особенное, до того особенное, что особенность переходитъ у него въ причудливость, подчасъ въ самую странную неясность или въ такого рода утонченность, которая кажется изысканностью. Въ небольшой книжкѣ, изданной поэтомъ въ 1850 году—подлѣ стихотвореній истинно прекрасныхъ встрѣчаете такія, которыя просто плохи или даже непонятны, встрѣтите по мѣстамъ такого рода причудливость мотивовъ, что не можете вѣрить ихъ искренности, такого рода болѣзненность, которая какъ будто сама собою любуется и услаждается. Вотъ въ чемъ главный недостатокъ Фета,—недостатокъ, котораго нельзя не видать, даже и симпатизируя поэту, но который почти выкупается самобытностью достоинствъ. Въ талантѣ Фета, явнымъ образомъ различаются двѣ стороны: какъ поэтъ антологическій, онъ не страждетъ указанными нами недостатками: въ антологическихъ его стихотвореніяхъ вы видите и яркость и ясность выраженія,—въ переводахъ же одъ Горація, изъ которыхъ нѣкоторыя, назадъ тому лѣтъ восемь, были напечатаны въ Москвитянинѣ—стихъ его достигаетъ необыкновенной силы, ловкости и чистоты отдѣлки; выраженіе идетъ почти рука объ руку съ Гораціевымъ и можно смѣло сказать, что такого перевода Горація нѣтъ ни въ одной литературѣ.

Но Фетъ кромѣ того поэтъ субъективный, поэтъ одной изъ самыхъ болѣзненныхъ сторонъ сердца современнаго человѣка. Искренни ли мотивы этой болѣзненности—весьма трудно рѣшить, особенно намъ, понимающимъ даже и неясное во многихъ его стихотвореніяхъ.

О болѣзненной поэзіи—которая еще недавно была у насъ въ такомъ ходу, нельзя намъ говорить совершенно безпристрастно,—но такъ какъ она во всякомъ случаѣ—явленіе историческое, то мы считаемъ не неумѣстнымъ поговорить о ней вообще и обозначить ея общіе физіологическіе признаки. Для этого мы должны взять ее въ чужеземныхъ, нѣмецкихъ источникахъ, потому что признаки ея обозначатся тамъ гораздо ярче, и вмѣстѣ съ тѣмъ, удобнѣе будетъ говорить и объ особенности болѣзненной поэзіи Фета, безспорно самаго даровитаго изъ нашихъ русскихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ и единственнаго, о которомъ можно говорить.

«Er liebte Sie und sie liebte ihn nicht (онъ ее любилъ, а она его не любила) поставилъ въ видѣ эпиграфа одинъ нѣмецкій поэтъ подъ самымъ безолабернымъ произведеніемъ. Kennen sie das alte Stück Madame—обращается онъ между прочимъ къ той, которая его нелюбила, es ist ein auszerordentliches Stück aber zu sehr melancholisch: эти слова и этотъ эпиграфъ—эпиграфъ и тема почти всей болѣзненной поэзіи,

Digitized by Google

въ которой—все auszerordentliches Stück, aber zu sehr melancholisch—и больше еще чѣмъ melancholisch: все въ ней причудливо до каприза, все тревожитъ и дразнитъ и мучитъ васъ,—но много *нашего*, тѣсно связаннаго съ жизнію сердца въ этой поэзіи и намъ еще не дано отъ нея отрѣшиться, хотя конечно смѣшно было бы цѣлый вѣкъ оставаться при ней одной и потерять сочувствіе ко всему новому и свѣжему.

«Дитя мое,—разсказываетъ эта поэзія»—мы были дѣти, двое маленькихъ дѣтей, мы забирались въ курятникъ и прятались въ солому.

«Кричали мы пѣтухами и, проходилъ ли кто: кукареку! такъ всѣ и думали, что это кричатъ пѣтухи.

«Дари на дворѣ обвѣшивали мы всякимъ тряпьемъ и располагалися въ нихъ на житье и обзаводились домомъ.

«Старая кошка сосѣда часто ходила къ намъ въ гости, мы ей бывало кланялись чинно, встрѣчали ее комплиментомъ.

«Мы объ ея здоровьи спрашивали заботливо и привѣтливо. Такъ бесѣдовали мы потомъ со многими старыми кошками»...

Сколько скрытой горечи въ этихъ простодушныхъ до дурачества воспоминаніяхъ, сколько грустнаго въ этомъ юморѣ, вѣчно вѣрномъ самому себѣ. Поэтъ не утерпѣлъ, чтобы не защипить стороною разныхъ старыхъ кошекъ... Но, подождите не много—еще больше горечи и злой насмѣшки прольется на эти воспоминанія:

«Часто сиживали мы бывало и говорили *разумно* какъ старые «люди, и сѣтовали, что въ старину, въ наше время, все было лучше».

«Что любовь и вѣрность и вѣра, изъ міра исчезли и со всѣмъ, что «вздорожалъ необычайно кофе и деньги стали рѣдки....»

Нечего толковать кажется этимъ ядовитыхъ строкъ, и понятно заключеніе пѣсни:

Vorbei sind die Kinderspiele
Und Alles rollt vorbei
Das Geld und die Welt und die Zeiten
Und Glauben, und Lieb und Treu....

т. е. Исчезли и дѣтскія игры и все, и деньги и счастливое время, и вѣра и любовь и вѣрность!

Бѣдныя, бѣдныя дѣти, которыя такъ рано передразнивали дешевую мудрость большихъ,—бѣдныя свыкшіяся другъ съ другомъ дѣти, разрозненныя потомъ судьбою.

Да полно, судьбою ли?... Одна ли судьба виновата въ этой безъисходной грусти, оставшейся послѣ первой лучшей и несбывшейся мечты, одна ли судьба и люди разрознили этихъ рано замечтавшихъ о

Digitized by Google

жизни въ-двоемъ дѣтей, какъ разрозвили Ромео и Юлію, Лауцію и Эдгара?... Всмотритесь-ко въ нихъ попристальнѣе.... Вотъ они большіе передъ вами.'

Sie liebten sich beide—doch keiner
Wollt es dem Andern gestehn.

или, если вы хотите, чтобы нагляднѣе, сильнѣе, трагичнѣе выразилось вамъ отношеніе,—вспомните, тоже самое, только пересозданное другимъ поэтомъ, стихотвореніе:

Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно
Съ тоскою глубокой и страстью безумно мятежной,
Но какъ враги избѣгали признанья и встрѣчи
И были пусты и хладны ихъ краткія рѣчи.

Почему какъ враги избѣгали они признанья и встрѣчи, хотя любили другъ друга съ тоскою глубокой и страстью мятежной, и почему тоска вкралась въ ихъ любовь и почему мятежна была ихъ страсть? Увы, если бы вы спросили ихъ, бѣдныхъ больныхъ дѣтей вѣка, они и сами ие знали бы, что вамъ отвѣтить....

Sie wusztеn es selber kaum.

А славная жизнь была когда-то для нихъ, и много мечтаній пережито вмѣстѣ:

Mein Lieb, wir saszen beisammen
Traulich im leichten Kahn,
Die Nacht war still und wir schwammen
Auf weiter Wasserbahn
Die Geister Insel, die schöne
Lag dämmrig im Morgenglanz
Dort klanzen liebe Töne
Und wogte der Nebelglanz:
Dort klang es lieb und lieber
Und wogt'es hin uud her
Wir aber schwammen vorüber
Trostlos auf weitem Meer.

т. е. «Дитя мое, мы сидѣли вмѣстѣ въ легкомъ челнокѣ. Безмолвна была ночь и мы плыли, по широкой водяной зыби.

«Островъ Духовъ, прекрасный островъ,—мерцалъ подъ мѣсячнымъ сіяньемъ, тамъ чудные слышались звуки, и колыхался чудный свѣтъ.

Digitized by Google

Все слаще и слаще звучало,—все больше колебался свѣтъ,—мы же плыли все дальше, безъутѣшно по широкому морю.»

Но все-таки, тоска, тоска безутѣшная, вкралась въ ихъ мечты. Все кругомъ ихъ дышало жизнію, звало къ жизни.... а они, бѣдные, рано созрѣвшія дѣти, безутѣшно плыли по широкому морю....

И разставанье ихъ было какое-то странное, какое-то мудреное—безъ слезъ, безъ вздоховъ....

«Когда двое разстаются другъ съ другомъ, то даютъ другъ другу «руку, и начинаютъ плакать и вздыхать безъ конца: мы же не плакали, «не ахали и не охали.... *Слезы и вздохи пришли послѣ.*»

Что же это за странная любовь съ такой странной разлукой?... Что, спрашиваемъ опять, разлучило ихъ?... Есть какіе-то темныя, неясные, но злобные и грустные намеки:

«Чувствовали мы что-то другъ къ другу, а впрочемъ вели себя «прекрасно—часто играли мы «въ мужа и въ жену», однако не щипали «другъ друга и не дрались. Вмѣстѣ мы веселились и забавлялись, и «цѣловались и миловались (geherzt); наконецъ, ради ребяческой забавы, стали играть въ гулючки въ лѣсу и такъ ловко умѣли *другъ «отъ друга спрятаться, что даже потомъ и не нашли другъ друга.*»

Вотъ оно, настоящее слово разгадки: всякое, другое—ложно: обвиняетъ правда поэтъ и людей:

Sie haben dir viel erzählet
Und haben viel geklagt.
Doch was meinie Seele gequälet
Das haben sie nicht gesagt....

т. е. «Они много тебѣ разсказывали и много насплетничали, но несказали они того, что мучитъ мою душу.» Но это собственно вздоръ. Настоящая причина разлуки лежала въ нихъ самихъ, и отъ того, нигдѣ такъ не зла иронія какъ въ изображеніи этой разлуки, сухая, горькая иронія, не смотря на свое внѣшнее шутовство.

«Липа цвѣла, соловей пѣлъ, солнце смѣялось дружески, весело ты поцѣловала меня и рука твоя обвила меня и прижала ты меня къ колыхавшейся груди.

«Стали падать листья, ворона закаркала,—солнце стало глядѣть капризно. Морозно, холодно сказали мы другъ другу прости и ты сдѣлала мнѣ преучтивѣйшій книксенъ.»

Digitized by Google

Ирония поэта не остановилась на одной разлукѣ: нѣтъ! потомъ, этой иронiи любо стало отравлять и пересмѣнивать всѣ воспоминанiя:

Пригрезился снова мнѣ сонъ былой
Iюньская ночь, въ небѣ звѣзды зажглися
Сидѣли мы снова подъ липой густой
И въ вѣрности вѣчной другъ другу клялися:
То были клятвы и клятвы вновь
То слезы, то смѣхъ, то лобзанiе было
Чтобы лучше я клятвы запомнилъ, ты въ кровь
Мнѣ руку взяла-укусила.
О милочка съ ясной лазурью очей,
О другъ мой—и злой и прелестной,
Цѣловаться, конечно, въ порядкѣ вещей,
Кусаться—совсѣмъ неумѣстно.

Наступаетъ катастрофа.... какъ она произошла, мы знаемъ такъ же темно, какъ и то, вслѣдствiе чего произошла разлука, повторилась ли тутъ alte geschichte, разсказываемая поэтомъ: —другое ли что вмѣшалось тутъ; какъ бы то ни было, катастрофа разразилась....

Das ist ein Flöten und Geigen
Trompeten schmettern drein
Da tanzt den Hochzeitreigen,
Die Herzallerliebste mein....

Вслѣдъ за катастрофой, разъясненiе причинъ которой, мы на время оставляемъ—начинаются стоны тоски и горя,—но съ перваго же раза, въ этихъ стонахъ поражаетъ васъ съ одной стороны отсутствiе настоящей, искренней печали; съ другой, какое-то, такъ сказать, самоуслажденiе. Эти стоны повторяются безпрестанно, эта мысль сдѣлалась совершенною idée fixe, преслѣдующею поэта повсюду—но, прослѣдите эти пѣсни, вы увидите, что поэтъ самъ питаетъ свою тоску, находитъ удовольствiе въ томъ, чтобы безпрестанно растравлять раны и кончаетъ тѣмъ, что смѣется надъ ними. Отъ этого конца впрочемъ—опять поворотъ къ началу, т. е. къ стонамъ горя и муки.

Прежде всего, тоска выражается въ болѣзненномъ шутовствѣ.

Die Erde war so Lange geizig
Es kam der Mai und sie war spendabel;
Und alles jauchzt und alles freut sich,
Ich aber ide alles miserabel

Горе тутъ есть и горе болѣзненное, мучительное: но не искренняя форма его выраженiя. Стыдно, какъ будто, человѣку вѣка плакать:

Digitized by Google

стыдно передъ собою и передъ другими. Много эгоистическаго въ этомъ шутовствѣ; самыя странныя формы, въ которыя облеклась грусть, обусловлены враждою и ненавистью. Сколько можно догадываться, въ число причинъ катастрофы, такъ страшно разбившей сердце поэта, входили филистерскія понятія; Klein städtisches Wesen и филистерскія воззрѣнія преслѣдуетъ поэтъ своей ядовитой насмѣшкою.

«Филистры въ воскресныхъ платьяхъ, гуляютъ по лѣсамъ и по полямъ, и радуются и скачутъ какъ козлы, привѣтствуютъ *прекрасную* природу.»

«Созерцаютъ сіяющими очами, какъ все *романтически* цвѣтомъ,— внимаютъ длинными ушами они пѣсни воробья».

«Отъ чего это розы такъ блѣдны, о скажи любовь моя, скажи, отъ «чего это въ зеленой травѣ такъ молчаливы синія фіалки? Отъ чего «это такъ жалобно поетъ жаворонокъ въ вышинѣ?... отъ чего это «бальзаминъ издаетъ запахъ трупа? Отъ чего это солнце смотритъ «на поле такъ холодно, капризно? Отъ чего это земля такъ сѣра и «пустыня какъ могила?»

«Отъ чего это самъ я такъ мраченъ и боленъ,—моя милая милочка, скажи? о скажи милочка моего сердца, зачто ты меня покинула?»...

Это—можетъ быть самый болѣзненный изо всѣхъ стоновъ—и кто изъ насъ когда либо не повторилъ его?—Въ немъ нѣтъ даже задней мысли, нѣтъ желанія выставиться поэффектнѣе передъ другими и передъ собою, нѣтъ однимъ словомъ парадной грусти....

Можетъ быть, въ такую же минуту безвыходной тоски вылилось и стихотвореніе, которое разъясняетъ катастрофу не совсѣмъ удовлетворительно для самолюбія пострадавшаго отъ нея.

«Любилъ юноша дѣвушку, а она выбрала другаго. Другой же любитъ другую, и женится на ней.

«Дѣвушка съ досады выходитъ за перваго встрѣчнаго—Der jungling ist übel dran.»

Est ist eine alte Geschichte
Doch bleibt sie immer neu
Und wem sie just passiret
Dem bricht das Herz entzwei....

Понятно, въ какой степени тяжело и оскорбительно для самолюбиваго сына вѣка такое разъясненіе. Является другое—начинается другая исторія. Собственную свою тоску поэтъ приписываетъ предмету своей страсти и видитъ, можетъ быть во снѣ, то, чего и не было:

Digitized by Google

«Я не ропщу, и пусть разорвется сердце, — на вѣкъ погибшая любовь я не ропщу.... Какъ ни сіяешь ты въ брилльянтахъ, но ни луча не упадетъ во тьму твоего сердца.

«Это знаю я давно. Я видалъ тебя во снѣ—и видѣлъ ночь въ твоемъ сердцѣ, и видѣлъ змѣю, которая сосетъ тебѣ сердце—и видѣлъ любовь моя, какъ глубоко ты страдаешь.»

Представляется вопросъ: *почему* пріятнѣе человѣку вѣка, вообразить любимое существо несчастнымъ и страдающимъ, нежели счастливымъ; почему слаще ему терзать себя представленіями этихъ чаще всего воображаемыхъ несчастій, нежели разумно какъ мужъ и любовно какъ истинный человѣкъ, пожелать любимому существу:

Все, даже счастіе того, кто избранъ ей,
Кто милой дѣвѣ дастъ названіе супруги....

Долго долженъ перегорать и очищаться человѣческій эгоизмъ для того, чтобы дойти до этой свѣтлой мысли.... Скорѣе готовъ былъ каждый изъ насъ взывать, какъ его любимый поэтъ.... «Ja! du bist elend und ich grolle nicht»....

Страдаешь ты и молкнетъ ропотъ мой,
Любовь моя, намъ поровну страдать....
Пока вся жизнь замретъ въ груди больной
Любовь моя, намъ поровну страдать....

И тѣшиться этимъ чужимъ страданіемъ и торжествовать внутри себя злобнымъ и демонскимъ торжествомъ или, если нѣтъ этого торжества въ дѣйствительности, создавать его въ воображеніи.... Намъ извѣстной, до чего дошелъ этотъ больной эгоизмъ въ могущественной натурѣ, которая еще сильнѣе страдала язвами вѣка:

Ты не должна любить другаго,
Нѣтъ не должна.
Ты мертвецу святыней слова
Обручена!

У другихъ нѣтъ этого трагическаго колорита или, лучше сказать, они не въ силахъ его выдержать по вѣтренности своей натуры.... И другой конечно вообразитъ себя мертвымъ и съ ранами въ головѣ и т. д.; и онъ пожалуй погрозитъ своей милой:

«Какъ можешь ты спать покойно, зная, что я еще живъ, старый гнѣвъ проснется и свергну я свое иго.

«Ты знаешь ли старинную пѣсню, какъ нѣкогда мертвецъ въ полночный часъ утащилъ съ собой въ гробъ свою милую.

Digitized by Google

«Вѣрь мнѣ, чудно прекрасное, чудно милое дитя.—Я живъ и сильнѣе всѣхъ мертвецовъ».

Но вѣдь другой грозится какъ Гамлетъ.—И ему какъ Гамлету, любо и привольно въ фантастическомъ мірѣ призраковъ. Это просто—фантастическое настройство души, а не тотъ недугъ de la melancholie ardente, который терзаетъ героевъ Байрона и Лермонтова, болѣе или менѣе виновныхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ.

Современному, болѣзненно настроенному человѣку нравится самый процессъ страданія: ему любо окружать себя мрачными и горестными представленіями.

Изъ слезъ моихъ много родится
Роскошныхъ и пестрыхъ цвѣтовъ
И вздохи мои обратятся
Въ полуночный хоръ соловьевъ....

Онъ самъ очень хорошо это знаетъ, и иногда даже до цинизма разоблачаетъ свое невѣріе въ собственное страданіе.

Habe auch in jungen jahren
Manches bittre Leid erfahren,
Von der Liebe Gluth.
Denn das Holz ist gar zu theuer
Und erlöschen will das Feuer
Ma foi—und das ist gut!....

Т. е.» Я тоже въ молодые годы испыталъ много горя отъ любовнаго огня, но теперь дрова дороже, и огонь гаснетъ Ma foi—тѣмъ лучше!»

Чѣмъ же объяснить всѣ подобныя противорѣчія? Намъ кажется, что ключь къ объясненію данъ самимъ поэтомъ, въ одномъ стихотвореніи:

Не пора ль изъ души старой вымести соръ,
Давно-прожитаго наслѣдія?
Я съ тобою, мой другъ, какъ искусный актеръ,
Разъигрывалъ долго комедію.

Романтическій стиль отражался во всемъ:
(Былъ романтикъ въ любви и въ искусствѣ я)
Паладинскій мой плащь весь блисталъ серебромъ—
Изливалъ я сладчайшія *чувствія*.

Digitized by Google

Но мнѣ странно, что вотъ и теперь, какъ гожусь
Ужъ не въ рыцари больше, въ медвѣди—я,—
Все какой-то безумной тоскою томлюсь,
Словно прежняя длится комедія.

О мой Боже, должно быть и самъ я не зналъ,
Что былъ не актеръ а страдающій,
И, что съ смертною язвой въ груди, представлялъ,
Я сцену: «Боецъ умирающій.»

И. поэтъ говоритъ это искренне; за искренность его исповѣди, иронически грустной, поручится всякій, кто жилъ жизнію сердца....И цѣпится опять его грусти, его мучительнымъ воспоминаніямъ. Неотразимый призракъ, idée fixe, воплотившаяся въ образѣ эѳирнаго, болѣзненнаго, капризнаго существа, преслѣдуетъ его повсюду:

«Лежуль я на постели, прячась во тьму и въ подушки—передо мною носится милый, обаятельный образъ.»

«Закроетъ ли сонъ мнѣ очи, призракъ тихо проскользнетъ въ мое сновидѣніе....»

«И съ утреннимъ сномъ онъ не разсѣевается.... Цѣлый день потомъ ношу я его въ сердцѣ....»

Часто болѣзненны эти сновидѣнія, а сколько горечи въ воспоминаніяхъ:

«Когда я по дорогѣ, случайно заѣхалъ въ домъ моей милой сестрицы, отецъ и мать встрѣтили меня весело.»

«Они спрашивали меня о здоровьѣ—и сказали тотчасъ же, что я мало перемѣнился, только лице у меня стало блѣдно.»

«Я распрашивалъ о тетушкахъ и дядюшкахъ, о разныхъ скучныхъ особахъ, и даже о маленькой собачкѣ, лаявшей такъ звонко.»

«И о вышедшей замужъ милой, спросилъ я между прочимъ,—дружественно отвѣчали мнѣ, что она недавно родила и дружественно поздравилъ я,—и тихо сказалъ, чтобы отъ меня ей тысячу разъ кланялись....

«Сестричка вскричала вслѣдъ за тѣмъ, что маленькая и ласковая собачка выросла и сбѣсилась, и что ее утопили въ Рейнѣ.»

«Малютка похожа на милую, особенно когда смѣется. У нея тѣже самые глаза, которые сдѣлали меня такъ несчастнымъ....»

Переводя почти буквально, мы не могли конечно передать всей грустной наивности и прелести этого стихотворенія, отъ котораго, когда читаешь его въ оригиналѣ, болѣзненно сжимается сердце....

Digitized by Google

И вѣрится невольно, когда поэтъ говоритъ о вѣчности своей страсти:

Die jahre kommen und gehen
Geschlechter steigen in's Grab,
Doch nimmer vergeht die Liebe,
Die ich im Herzen hab:
Nur einmal noch möcht ich Dich sehen
Und fallen vor Dir auf's Knie:
Und sterbend zu Dir sprechen:
Madame, ich liebe sie....

И сильно дѣйствуютъ на васъ его сновидѣнія.

«Мнѣ снилось: печально мѣсяцъ смотрѣлъ—и звѣзды печально смотрѣли. Былъ въ городѣ я перенесенъ, гдѣ милая живетъ, за нѣсколько сотъ миль.

«Подлѣ дому ея я стоялъ—цаловалъ ступени лѣстницы, которыхъ часто касались ея маленькая ножка и шлейфъ ея платья.»

«Долга была ночь, холодна была ночь—и звѣзды холодны были»....

И сочувствуете вы той глубокой, почти даже не эгоистической нѣжности, съ которой поэтъ зоветъ благословеніе небесъ на милую ему дѣтскую головку,

Какъ цвѣтъ ты чиста и прекрасна.
Нѣжна, какъ цвѣтокъ по веснѣ.
Взгляну на тебя и тревога
Прокрадется въ сердце ко мнѣ

И кажется, будтобъ я руки
Тебѣ на чело возложилъ
Молясь, чтобы Богъ тебя чистой,
Прекрасной и нѣжной хранилъ.

О болѣзненная поэзія! кто изъ людей того поколѣнія, къ которому принадлежитъ авторъ этихъ замѣтокъ, непереживалъ съ тобою твоихъ ощущеній!

«Во снѣ я милую видѣлъ, видѣлъ робкой, бѣдной женщиной, и цвѣтущія нѣкогда формы тѣла увяли и поблекли.

«Ребенка несла она на рукѣ, а другаго вела за руку, и въ походкѣ и во взглядѣ и въ одеждѣ,—видны были бѣдность и горе. Она шла на рынокъ, и вотъ встрѣчаетъ меня и смотритъ на меня и спокойно, и горестно говорю я ей:

Digitized by Google

«Пойдемъ со мною ко мнѣ, потому что ты бѣдна и больна, я трудами и работой достану тебѣ хлѣба.

«Я буду тоже ходить и за дѣтьми твоими, *а прежде всего ходить за тобою, мое бѣдное, несчастное дитя!* Я никогда не буду разсказывать тебѣ о томъ, какъ я любилъ тебя, и когда умрешь ты, я буду плакать на твоей могилѣ».

Въ болѣзненно-грустномъ чувствѣ, которымъ дышетъ это стихотвореніе, нѣтъ даже эгоизма, этого вѣчнаго спутника всякаго чувства въ болѣзненной поэзіи, хотя конечно все-таки остается въ душѣ читателя вопросъ, *почему* именно, любо человѣку мучить себя такими призраками, *почему* пріятнѣй ему вообразить предметъ его страсти страдающимъ, нежели счастливымъ? Такое самоуслажденіе доходитъ иногда до комизма: такъ поэтъ часто воображаетъ умершею свою милую и *воображаетъ* также свои чувства по этому поводу, передавая ихъ съ энергіею страсти, которую человѣкъ, незнакомый съ особенными свойствами его болѣзненнаго юмора приметъ пожалуй за искренность.

Разбирая одну изъ современныхъ повѣстей, именно «Идеалиста» г. Станкевича, мы замѣтили въ героѣ ея такую же точно черту, и выразившуюся почти точно такъ же, — доказательство ясное, какъ мѣтко ударила болѣзненная поэзія въ струны сердца современнаго человѣка. Комическое тутъ впрочемъ — только оборотная сторона медали, и не должно забывать искренняго признанія самой этой поэзіи.

Ach Gott, im Scherz und unbewuszt
Sprach ich was ich gefühlet
Ich hab mit dem Tod in der eignen Brust
Den sterbenden Fechter gespielet.

Не должно забывать того, что эти фантастическіе призраки, вызванные раздражительнымъ и больнымъ эгоизмомъ, стали карою для самаго вызывавшаго, что они слѣдятъ за нимъ неотступно, что какъ Манфредъ, не вѣдаетъ онъ ни минуты покоя....

При разсматриваніи общихъ физіологическихъ признаковъ болѣзненной поэзіи, невольно приходитъ въ голову сближеніе этой поэзіи въ общихъ чертахъ ея и въ міросозерцаніи, съ тѣмъ, что мы въ повѣствовательномъ родѣ называемъ натуральною школою: нѣкоторое сходство та и другая представляютъ даже и въ самой формѣ: какъ манера натуральной школы состоитъ въ описываніи частныхъ, случайныхъ подробностей дѣйствительности, въ придачѣ всему случайному значенія необходимаго, такъ же точно и манера болѣзненной поэзіи отличается

Digitized by Google

отсутствіемъ типичности и преобладаніемъ особности и случайности въ выраженіи, особности и случайности, доходящихъ какъ у нѣмецкихъ стихотворцевъ такъ и у нашихъ, до неясности и причудливаго уродства: какъ въ натуральной школѣ, такъ и въ болѣзненной поэзіи, всѣ такія качества происходятъ отъ непомѣрнаго развитія субъективности. Различіе заключается въ томъ только, что въ лиризмѣ такое міросозерцаніе и такая манера имѣютъ нѣкоторое оправданіе, даже пожалуй свою прелесть: въ совершенно же объективномъ родѣ творчества — они неумѣстны и оскорбительны.

Представителемъ, и притомъ единственнымъ оригинальнымъ представителемъ этого рода поэзіи въ нашей литературѣ, назвали мы Фета. Чтобы соблюсти совершенную справедливость въ оцѣнкѣ таланта этого поэта, мы сказали, что въ этомъ талантѣ двѣ стороны, что Фетъ, переводчикъ Горація, авторъ многихъ прекрасныхъ антологическихъ стихотвореній, вовсе не то — что Фетъ, являющійся въ пѣсняхъ къ Офеліи, въ мелодіяхъ и проч. Въ Фетѣ, какъ поэтѣ антологическомъ, являются и яркость образовъ и опредѣленность выраженія и типичность чувства; что напримѣръ ярче по выраженію и колориту его, «Вакханки?»...

Подъ тѣнью сладостной полуденнаго сада,
Въ широколиственномъ вѣнкѣ изъ винограда
И влаги Вакховой, томительной полна
Чтобъ духъ перевести замедлилась она....

Или трудно себѣ что либо представить античнѣе по міросозерцанію, по чувству и по выраженію, Элегіи:

«Многимъ богамъ въ тишинѣ я воиміамъ воскуряю».... посланія «къ красавцу» и т. д.; приведемъ такъ же въ образецъ совершенной типичности и ясности чувства и отсутствія всякой причудливой особности, Элегію:

О долго буду я въ молчаньи ночи тайной,
Коварный лепетъ твой, улыбку, взоръ случайный
Перстамъ послушную волосъ златую прядь,
Изъ мыслей изгонять и снова призывать,
Дыша порывисто, одинъ, никѣмъ не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
Въ словахъ, которыя произносила ты,
Шептать и поправлять былыя выраженья,
Рѣчей моихъ съ тобой, исполненныхъ смущенья
И въ опьяненіи, наперекоръ уму
Завѣтнымъ именемъ будить ночную тьму.

Digitized by Google

Напомнимъ также другую Элегію, отличающуюся необыкновенною искренностью и простотою чувства:

Странное чувство какое-то въ нѣсколько дней овладѣло
Тѣломъ моимъ и душей, цѣлымъ моимъ существомъ.

Напомнимъ «Вечера и ночи», которые дышутъ совершенно объективнымъ спокойствіемъ созерцанія—вотъ одна сторона таланта Фета. Кромѣ того, по условіямъ вѣроятно лежащимъ въ натурѣ лирика и въ историческихъ данныхъ эпохи, развилась въ этомъ талантѣ другая сторона, развилась со всѣми причудами и крайностями, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно самобытно. Въ различныхъ психологическихъ данныхъ, собранныхъ нами въ нѣмецкихъ источникахъ, мы слѣдили такое чудовищное развитіе больнаго эгоизма, въ которомъ есть нѣчто горестное и трагическое для мыслящаго человѣка, видѣли какую-то, такъ сказать, наглую похвальбу человѣка своимъ моральнымъ увѣчьемъ, видѣли однимъ словомъ малопривлекательный типъ человѣка, который сознавши что ходитъ на ходуляхъ, продолжаетъ тѣмъ не менѣе изъ самолюбиваго упрямства ходить на нихъ, смѣясь цинически надъ собою и надъ почтеннѣйшею публикою. Фетъ не таковъ: самобытность его заключается въ нѣжной поэтической натурѣ, сообщающей что-то мягкое самымъ причудамъ больнаго эгоизма. Авторъ глубокой по чувству статьи, напечатанной о немъ въ «Современникѣ», очень удачно сравнилъ его мелодіи съ причудливыми и такъ сказать нѣжно-эгоистическими мазурками Шопена, и превосходно обозначилъ основное качество его дарованія: «Въ немъ бьется—говоритъ онъ между прочимъ—«живое, го«рячее сердце, оно не утерпитъ и отзовется на всякій звукъ въ при«родѣ, откликнется на всякій призывъ ея, принесетъ ли его теплая «лѣтняя ночь, или свѣжее весеннее утро, зимній, снѣгомъ бѣлѣющій «вечеръ или зноемъ дышащій воздухъ жаркаго лѣтняго дня.» Дѣло въ томъ только, что вслѣдствіе какого-то страннаго, болѣзненнаго, совершенно субъективнаго настройства души,—поэтъ отзовется на это такимъ особеннымъ, страннымъ звукомъ, который иногда, даже часто, не всякому уху доступенъ, не всякому сердцу понятенъ, что конечно вредитъ впечатлѣнію. Изъ болѣзненной поэзіи, Фетъ развилъ собственно одну ея сторону, сторону неопредѣленныхъ, недосказанныхъ, смутныхъ чувствъ, того, что называютъ французы le vague.... Чувство въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ какъ будто не созрѣваетъ до совершенной полноты и ясности—и явно поэтъ самъ не хотѣлъ довести его до такого опредѣленнаго, общедоступнаго состоянія, что онъ предпочи-

Digitized by Google

таетъ услаждаться такъ сказать грезою чувства. Въ этомъ, какъ хотите, есть своего рода прелесть, прелесть грезы съ одной стороны, полуудовлетворенія съ другой, прелесть того состоянія, когда человѣкъ

Впиваетъ послѣднюю,
Сладкую влагу
Сна на зарѣ....

И отъ того, никому не удается подмѣчать такъ хорошо задатки зарождающихся чувствъ, — тревоги получувствъ и наконецъ подымающіеся подчасъ въ душѣ человѣка отпрыски прошедшихъ чувствъ и старыхъ впечатлѣній, былыхъ стремленій, которыя «далеки какъ выстрѣлъ вечерній» памяти былаго, которая:

Крадется въ сердце тревожно....

Въ такихъ случаяхъ, даже особность, причудливость выраженія становится доступною читателю, и не странно ему, что:

Исполнена тайны *жестокой*,
Душа замирающихъ скрипокъ,

Ибо въ дальнѣйшемъ напримѣръ развитіи смутнаго впечатлѣнія — ясно, что хотѣлъ поэтъ сказать:

Средь шума толпы неизвѣстной
Тѣ звуки понятнѣй мнѣ вдвое,
Напомнили силой чудесной
Они мнѣ все сердцу родное:
Ожившая память несется
Къ прошедшей тоскѣ и веселью,
То сердце замретъ, то проснется
За каждой безумною трелью....

Вообще въ такихъ случаяхъ, читатель, увлеченный чувствомъ поэта, не спроситъ отъ него строгой логической послѣдовательности, не подвергнетъ его отвѣтственности, за быстрые скачки и переходы мысли, какъ напримѣръ въ стихотвореніи:

Младенческой ласки доступенъ мнѣ лепетъ....

Не спроситъ тутъ, почему вдругъ поэта что-то кинуло обратиться вдругъ, совсѣмъ нежданно-негаданно къ какой-то звѣздѣ «что такъ ярко сіяетъ» и сказать ей:

Давно не видались мы въ небѣ широкомъ....

Читатель, понимая лиризмъ мотива, порыва поэта, не захочетъ съ математической точностью разлагать, съ цѣлію повѣрять отчетливость фигуръ и троповъ, такого напримѣръ стихотворенія:

Digitized by Google

О незови! страстей твоихъ такъ звонокъ
Родной языкъ....
Ему внимать и плакать какъ ребенокъ....
Я такъ привыкъ....

ему и некогда повѣрять тутъ постройки, когда цѣлое явнымъ образомъ вырвалось изъ души разомъ въ отвѣтъ на воззванья страстей и блаженствъ,

Которымъ нѣтъ названья
И мѣры нѣтъ....

читатель не спроситъ такъ же—поясненія нѣкоторыхъ странностей, подробностей очевидно частныхъ, мѣстныхъ—въ стихотвореніяхъ напримѣръ, носящихъ общее названіе—«хандра,» хотя конечно было бы лучше, еслибъ не бросалъ лирикъ многаго безъ поясненія, еслибъ вездѣ доводилъ онъ причудливыя мечты фантазіи до ихъ возможной ясности, какъ удалось ему это въ стихотвореніи:

Мы одни.... изъ сада въ стекла оконъ,

въ которомъ наглядно совершается греза

Въ царствѣ тихой, свѣтлой ночи майской,

когда звѣзды, дрожа лучами, какъ будто все ближе и ближе исходятъ къ намъ, и

На суку извилистомъ и чудномъ,
Пестрыхъ сказокъ пышная жилица,
Вся въ огнѣ, въ сіяньи изумрудномъ
Надъ водой качается жаръ птица,—

когда наконецъ:

Листья полны свѣтлыхъ насѣкомыхъ,
Все растетъ и рвется вонъ изъ мѣры,
Много сновъ проносится знакомыхъ
И на сердцѣ много сладкой вѣры....

Хорошо было бы съ другой стороны, если бы самыя тонкія душевныя впечатлѣнія, поэтъ возводилъ вездѣ такъ удачно въ объективныя представленія, какъ въ своихъ «Вечерахъ и ночахъ,» или—если бы вездѣ у него недосказанность была такъ полна и обдавала бы читателя такимъ фантастическимъ впечатлѣніемъ, какъ въ слѣдующей мелодіи:

Давно ль подъ волшебные звуки,
Носились по залѣ мы съ ней....
Теплы были нѣжныя руки
Теплы были звѣзды очей....

Digitized by Google

Вчера пѣли пѣснь погребенья,
Безъ крыши гробница была:
Закрывши глаза, безъ движенья,
Она подъ парчею спала....
Я спалъ.... Надъ постелью моею,
Стояла луна мертвецомъ....
Подъ чудные звуки мы съ нею,
Носились по залѣ въ двоемъ.

VIII.

Мы не безъ причинъ начали обозрѣніе дѣятельности нашихъ лирическихъ поэтовъ съ Огарева и Фета. Грустные мотивы одного такъ обще доступны, и съ другой стороны такъ явны причины причудливости чувствъ выражаемыхъ другимъ и такъ тѣсно связаны съ судьбами болѣзненной поэзіи весьма недавней эпохи, что намъ ни разу не придетъ въ голову мысль о неискренности міросозерцанія поэтовъ. Гораздо труднѣе въ наше время повѣрить въ искренность міросозерцанія объективнаго лирическаго поэта. Фактъ весьма объяснимый изъ историческихъ данныхъ.

И вотъ почему въ особенности, вмѣстѣ съ другимъ изъ нашихъ критиковъ, Эрастомъ Благонравовымъ, ставимъ мы такъ высоко г. Аполлона Майкова,—поэта съ явнымъ преобладаніемъ объективности въ творчествѣ, но въ дѣятельности котораго нельзя подмѣтить непріятно дѣйствующей на читателя фальши равнодушія или столько же непріятно дѣйствующей форсированной пластичности. Трудно представить себѣ въ наше время, поэта, котораго бы сердце билось всегда ровно и не билось бы въ иныя минуты тревожнѣе обыкновеннаго,—съ другой стороны, трудно представить въ наше время и такого поэта, который бы отъ души взывалъ:

Da ihr noch die schöne Welt regieret,
Schöne Wesen aus dem Fabelland,
Selige Geschlechter noch geführet
An der Freude leichtem Gängelband....

Въ самомъ Гёте, хотя онъ по истинѣ и представляетъ собою почти недостижимый идеалъ объективнаго лирическаго поэта, въ самомъ Гёте иногда поражаетъ нѣкоторою фальшью—утонченная пластичность, и, не знаемъ какъ на кого, а на насъ крайне непріятно дѣйствуетъ извѣстное мѣсто въ «Римскихъ элегіяхъ», гдѣ поэтъ выбиваетъ стопы стиховъ на спинѣ своей любезной—ибо мы видимъ здѣсь не Римлянина и тѣмъ

Digitized by Google

менѣе Грека, а новаго человѣка, да еще вдобавокъ Нѣмца, методически и съ рефлексіей *призанявшагося* наслажденіемъ. Съ другой стороны, понимая все обаяніе пластической красоты, завѣщанной намъ вѣчною Греціею, понимая какъ поражаютъ своею красотою и своимъ величіемъ даже новаго человѣка, эти:

Kolossale Götterbilder
Aus leuchtendem Marmor....

Мы однако же знаемъ, что не со всѣхъ сторонъ удовлетворятъ они *душу* новаго человѣка. Способность понимать красоту въ античномъ смыслѣ ея, конечно служитъ *шибболетомъ* для повѣрки чутья изящнаго въ человѣкѣ и объективности въ талантѣ поэта, но исключительное поклоненіе этой красотѣ со всѣми послѣдствіями поклоненія въ міросозерцаніи, невольно представляется намъ всегда въ поэтѣ болѣзненнымъ душевнымъ состояніемъ или намѣреннымъ напряженіемъ, насилованіемъ себя. Этимъ опредѣляется нашъ взглядъ на г. Майкова съ одной стороны и на г. Щербину съ другой, хотя тѣмъ не менѣе и талантъ послѣдняго мы цѣнимъ и ставимъ высоко.

Г. Майковъ никогда не насилуетъ себя на античное воззрѣніе, хотя какъ истинный художникъ, по натурѣ горячо сочувствуетъ античной красотѣ, тонко понимаетъ ее, и сознаетъ, что удобнѣе было быть художникомъ во времена непосредственности, неразорванности созерцанія. Онъ самъ высказалъ чрезвычайно искренне и вѣрно свое отношеніе къ искусству, какъ поэта новаго:

Былъ глупъ когда-то человѣкъ
Младенцемъ жилъ и умеръ Грекъ,
И въ простотѣ первоначальной,
Что слышалъ въ сердцѣ молодомъ,
Творилъ довѣрчиво рѣзцомъ
Онъ въ красотѣ монументальной.
Творилъ какъ пѣснь свою поётъ
Рыбакъ у лона синихъ водъ,
Какъ дѣва въ грусти иль въ весельѣ,
Въ глуши Альпійскаго ущелья....
И вкругъ священныхъ алтарей
Народы чтили человѣка
Въ созданьяхъ дѣвственнаго Грека....
А ты, художникъ нашихъ дней,
Ты аналитикъ и психологъ,
Что въ нашемъ духѣ отыскалъ?

Digitized by Google

Съ чего снимать блестящій сколокъ,
Ты мрамору и бронзѣ далъ?...
Ты прежнихъ силъ въ немъ не находишь,
И, *мучась тяжкой пустотой*
Боговъ Олимпа къ намъ низводишь
Забывъ, что было въ нихъ душой.
Какъ ликъ Гамлета колоссальной,
Актеръ коверкаетъ шальной
Предъ публикой провинціальной...

И не имѣя ни малѣйшей нужды, какъ поэтъ новый, хотя съ жаркимъ и тонкимъ чувствомъ пластической красоты, — прибѣгать къ неистовому ей поклоненію, — а съ другой стороны, не мучась душевной пустотой, чтобы низводить къ намъ боговъ Олимпа, онъ художническими, часто литыми чертами выражаетъ то, что поражаетъ его какъ художника и мыслителя, — не обходя никакихъ вопросовъ современности, если они дѣйствительно возбудятъ въ немъ живое, художническое сочувствіе. Съ другой стороны, г. Майковъ чуждъ и противуположной напряженности, напряженности субъективной, къ которой онъ такъ же искренно и съ такою же энергіею высказалъ свое отношеніе, въ апострофѣ къ поэтамъ «гордаго страданья»:

А ты, когда-то жизни жадный,
Разочарованный и хладный,
Теперь и къ міру и къ мечтамъ,
Поэтъ, въ плаксивомъ завываньѣ
Про «гордое свое страданье»
Взывающій къ вѣкамъ....

Ему чужда всякая фальшь и форсировка, но изъ этого не надобно заключать, чтобы г. Майковъ наклоненъ былъ впадать въ крайности объективности, въ тупое равнодушіе или чтобы даже лиризмъ его отличался особеннымъ спокойствіемъ; ничуть не бывало — страстнѣе многихъ стихотвореній Майкова, иногда даже тревожнѣе ихъ — вы немного найдете: но всегда въ нихъ типично и чувство и выраженіе. Вспомните въ «Очеркахъ Рима» чудное стихотвореніе

«Скажи мнѣ, ты любилъ на родинѣ своей»...

вглядитесь, какъ поэтъ равно объективенъ въ изображеніи непосредственности страсти, готовой въ глаза всѣмъ открыто, не страшась

обьявить, что ты ея владѣнье,
Жизнь, кровь, душа ея....

Digitized by Google

и въ изображеніи другой страсти, угнетенной такъ сказать рефлексіею, въ разсказѣ о которой слышно явно, что все разсказываемое глубоко прочувствовано поэтомъ, — хотя опять такъ совершенно искренне, совершенно соотвѣтственно своему художническому, объективному міросозерцанію, — поэтъ разсказавши объ этой странной, грустной, подавленной рефлексіей любви, которая должна была замолчать, — заключаетъ стихотвореніе порывомъ, крикомъ непосредственности:

Любить! молчать! и вы любили? Боже, Боже!..

Вспомните эти нѣгою юга дышущія стихи:

На дальнемъ сѣверѣ моемъ,
Я этотъ вечеръ не забуду....

разрѣшающіеся однако чувствомъ, свойственнымъ и понятнымъ только новому человѣку:

При этомъ солнцѣ огневомъ,
При шумѣ водпаго паденья,
Ты мнѣ сказала въ упоеньи:
«Здѣсь можно умереть вдвоемъ....

Вспомните въ особенности:

Думалъ я, что небо
Ясное полудня,
Сѣнь оливъ и миртовъ,
Музыкальный голосъ,
Жаркія лобзанья
Женъ высокогрудыхъ
Исцѣлятъ недуги
Страждущаго сердца.....

и тѣмъ дороже въ поэтѣ, который въ такой степени новый человѣкъ, какъ г. Майковъ, покажется вамъ объективность созерцанія, тѣмъ больше повѣрите вы искренности тѣхъ страстныхъ отзывовъ, которые въ лиризмѣ его обрѣтаетъ непосредственность, какъ напримѣръ въ упомянутомъ нами выше стихотвореніи или еще въ слѣдующемъ, столько же превосходномъ:

Ахъ! люби меня безъ размышленій,
Безъ тоски, безъ думы роковой,
Безъ упрековъ, безъ пустыхъ сомнѣній,
Что тутъ думать? Я твоя, ты мой!
Что тебѣ отчизна, сестры, братья?
Что намъ въ томъ, что скажетъ умный свѣтъ?
Или холодны мои объятья?

Digitized by Google

Иль въ очахъ блаженства страсти нѣтъ?
Я любви не числю и немѣрю,
Нѣтъ, любовь есть вся моя душа.
Я люблю, смѣюсь, клянусь и вѣрю...
Чувствую какъ тутъ я хороша....
Вѣрь въ любви, что счастью не умчаться
Вѣрь какъ я, о гордый человѣкъ,
Что намъ вѣкъ съ тобой не разставаться
И не кончить поцѣлуя вѣкъ.

Насколько міросозерцаніе Майкова, при всей объективности далеко отъ тупаго спокойствія, всего очевиднѣе въ его поэмахъ, которыя впрочемъ до сихъ поръ представляли только неудачныя попытки поэта выйдти изъ лиризма, и въ которыхъ, какъ въ «Двухъ судьбахъ,» въ Машѣ, являлись не лица, а произвольныя фигуры, съ ярлыками или вывѣсками тѣхъ или другихъ современныхъ вопросовъ и интересовъ. Въ послѣднее время, сколько мы знаемъ, — вопросы и интересы глубоко принимаемые впечатлительной натурой нашего поэта, обрѣли и въ этомъ родѣ надлежащія, стройныя и вмѣстѣ строгія художническія формы. Г. Майкову въ этомъ родѣ, какъ намъ кажется, тѣсны рамки обычной дѣйствительности, нужны грандіозные размѣры и характеры древняго или по крайней мѣрѣ средневѣковаго міра: таково уже свойство его таланта что у него не выйдетъ лица изъ героя двухъ судебъ, Владиміра, но за то выйдетъ живой образъ изъ эпикурейца, вапримѣръ Люція, который, въ послѣдній часъ хочетъ упиться —

Дыханьемъ травъ и моремъ спящимъ,
И солнцемъ въ волны заходящимъ
И Лиды ясной красотой....

что, однимъ словомъ, онъ останется всегда лирикомъ, хотя и въ высокой степени объективнымъ.

Совершенно иное явленіе, — яркій талантъ г. Щербины; раздѣляя опять съ Эрастомъ Благонравовымъ и любовь и уваженіе къ этому таланту, мы не можемъ не упрекнуть его въ напряженности міросозерцанія, въ которой нельзя долго продержаться въ наше время, которая можетъ обратиться уже въ неискренность. Успѣхъ г. Щербины былъ блистательный, какъ успѣхъ всякаго сильнаго таланта, тронувшаго струну покинутую или еще не тронутую: самыя пародіи на его стихотворенія

Digitized by Google

доказывали этотъ успѣхъ,—но мы сильно боимся за ту струну, которую тронулъ г. Щербина, по причинамъ выше нами объясненнымъ. Нельзя же вѣчно: «пожирать глазами»

Неприкрытыя бѣлыя плечи;

вѣчно восхищаться самому и заставлять другихъ восхищаться:

Дорической колонны
Красотой и простотой,—

нельзя, при всемъ талантѣ автора, при всей увлекающей читателя страстности его, относиться въ наше время къ жизни съ однимъ чувствомъ красоты и т. д.

Впрочемъ, талантъ г. Щербины такъ силенъ, что найдетъ вѣроятно другія струны. Сила таланта доказывается между прочимъ и тѣмъ самымъ, что поэтъ такъ долго и съ такимъ удивительнымъ искусствомъ играетъ на струнѣ, отчасти фальшивой, кромѣ того, что красоту формы, довелъ онъ въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ до замѣчательной степени совершенства, особенно въ Ифигеніи, довольно неучтиво встрѣченной однимъ изъ нашихъ *современныхъ* журналовъ.

Остается теперь поговорить о г. Меѣ и о г. Бергѣ, и потомъ сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній на счетъ нашихъ третьестепенныхъ лириковъ.

Г. Мей одинъ изъ такихъ поэтовъ, во внѣшнихъ качествахъ таланта которыхъ, нѣтъ ни малѣйшей возможности имѣть хоть какое-либо сомнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, рѣдко можно встрѣтить въ поэтѣ такое богатство фантазіи, такую силу, красоту выраженія, такое полное владѣнье словомъ и образами. На страницахъ нашего журнала, читатели встрѣтили въ нынѣшнемъ году великолѣпное, въ полномъ смыслѣ, стихотвореніе: «Картины древняго міра», и согласятся съ нами, что оно все дышетъ силой фантазіи, что форма его постоянно соотвѣтствуетъ содержанію,—не забыли такъ же вѣроятно превосходнаго стихотворенія: «Хозяинъ», и оцѣнили по достоинству удивительный языкъ «Царской Невѣсты», но вотъ все, что въ настоящую минуту можно сказать о несомнѣнномъ талантѣ молодаго поэта. Этого всего конечно много, если взять безотносительно,—но относительно къ таланту, въ такой степени богатому силами, внѣшними средствами, русскимъ словомъ, слѣдуетъ пожелать, чтобы точнѣе, яснѣе, опредѣленнѣе выразилось то.

Digitized by Google

что составляетъ душу въ поэзіи, что говоритъ въ ней душѣ, міросозерцаніе, и притомъ достойное конечно такихъ силъ. Вѣроятно многіе вмѣстѣ съ нами, готовы сказать г. Мею то, что одинъ нѣмецкій поэтъ говорилъ Фрейлиграту:

O wähl ein Banner und ich bin zufrieden
Ob's auch ein andres als das meine sey.

Что касается до г. Берга, то во взглядѣ на его лирическую дѣятельность, мы нѣсколько разойдемся съ Эрастомъ Благонравовымъ. Намъ кажется, что имѣя преимущественно въ виду г. Берга, какъ переводчика и совершенно справедливо оцѣнивши заслуги его какъ таковаго, нашъ критикъ не былъ достаточно справедливъ къ оригинальнымъ стихотвореніямъ г. Берга. Во-первыхъ—г. Бергъ является часто и въ нихъ такимъ же мастеромъ стиха, какъ въ переводахъ; во-вторыхъ, лирикъ по преимуществу, лирикъ съ добросовѣстнѣйшимъ убѣжденіемъ въ мотивахъ своего лиризма, мотивахъ, прибавить надобно всегда благородныхъ, онъ только не умѣетъ иногда соблюсти надлежащую мѣру въ ихъ развитіи, отдается впечатлѣніямъ слишкомъ субъективно; къ частнымъ,—поражающимъ ли, трогающимъ ли, восхищающимъ ли его явленіямъ,—относится со всѣмъ лирическимъ запасомъ своихъ общихъ впечатлѣній, и вслѣдствіе этого выходитъ иногда, что лиризмъ его несоразмѣренъ съ тѣмъ частнымъ случаемъ, который послужилъ для него основою. Попадись напримѣръ такія строфы какъ слѣдующія, въ другомъ стихотвореніи нежели то, изъ котораго мы ихъ выписываемъ,—они бы навѣрно оцѣнены были по достоинству; въ немъ, въ этомъ стихотвореніи на случай, порожденномъ самыми благородными мотивами, но все таки носящемъ случайный характеръ, они пропали, не смотря на чудный стихъ, на поэтичность и мѣткость выраженія:

Вотъ опять летятъ букеты,
И гирлянды и цвѣты,
Загремѣли кастаньеты,
Засверкали пируэты....
Эсмеральда, это ты,

И мученье и отрада!
О, оставь, оставь меня!
Мнѣ не надо, мнѣ не надо
Твоего запатеадо,
И любви твоей огня....

Digitized by Google

Вотъ она помчалась въ хотѣ....
Сколько музыки немой
Въ каждомъ взмахѣ, поворотѣ,
Въ каждомъ молнійномъ полетѣ ...

А сколько, такихъ совершенно лирическихъ, блестящихъ строфъ разбросано г. Бергомъ съ какимъ-то небрежнымъ добродушіемъ въ стихотвореніяхъ писанныхъ и печатанныхъ наскоро, въ порывахъ увлеченій, —сколько, вслѣдствіе этого, цѣлыхъ прелестныхъ стихотвореній («Кармелиткѣ» — «Къ ребенку») или стихотвореній замѣчательныхъ по смыслу и значенію, превосходныхъ по языку, какъ «Синеусовъ курганъ» проходили въ разныхъ изданіяхъ, незамѣченныя публикой и намѣренно не замѣчаемыя критикою, которая съ жалкимъ цинизмомъ отнеслась даже къ важному и благородному труду, совершаемому г. Бергомъ съ постояннымъ усердіемъ и съ мастерскимъ искусствомъ, къ «Собранію пѣсенъ разныхъ народовъ» котораго часть приготовляется теперь авторомъ къ печати и въ которомъ выступаютъ очень ярко блестящія стороны этого дарованія: конечно, г. Бергъ иногда самъ подавалъ поводъ *современной* критикѣ къ безцеремонности обхожденія, но такими поводами могла пользоваться только развѣ *современная* критика.

У г. Полонскаго есть стихотворенія чрезвычайно задушевныя и мелодическія, но въ талантѣ его недостаетъ какъ-то опредѣленности, самобытности, прочности, того, что клало бы извѣстную печать на его дѣятельность, и кромѣ того небрежность формы, простительная въ поэтѣ только при условіи Огаревской глубины чувства, простирается у него иногда до крайности. У г-жи Жадовской найдется такъ же нѣсколько стихотвореній, замѣчательныхъ по искренности и нѣжности чувства. О другихъ поэтахъ-дамахъ, которыхъ таланты уже окончательно уяснились и оцѣнены по достоинству, мы считаемъ излишнимъ говорить, какъ напримѣръ о Гр. Ростопчиной, о г-жѣ Павловой, хотя о томъ и о другомъ изъ этихъ замѣчательныхъ и совершенно различныхъ женскихъ дарованій, сочли бы истиннымъ удовольствіемъ побесѣдовать съ читателями. По той же причинѣ мы не говорили о стихотвореніяхъ Князя Вяземскаго, Дмитріева, Глинки.

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

МѢСЯЦОСЛОВЪ НА 1853 **ГОДЪ**. С.-П., *въ* типографіи Императорской Ак. Наукъ. Стр. 306.

КАВКАЗСКІЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1853 **ГОДЪ**, изданный отъ канцеляріи Намѣстника Кавказскаго. Тифлисъ, 1852. Въ 8 д. л. стр. 684.

Есть разсказчики, которые, любя разсказывать анекдоты, и истощивъ весь ихъ запасъ, снова начинаютъ повторять то, что давнымъ-давно уже разсказывали. Почти то же приходится дѣлать и рецензенту при разборѣ книгъ такого рода, какъ мѣсяцословы и календари, которые разъ, полно и тщательно составленные, не должны даже и быть измѣняемы въ своихъ главныхъ и существенныхъ отдѣлахъ, кромѣ отдѣла разныхъ свѣденій, зависящаго отъ изобилія или недостатка въ новыхъ предметахъ, входящихъ въ составъ его.

Говоря въ свое время о Мѣсяцословѣ на 1852 годъ, мы пожалѣли, что въ немъ не было помѣщено правилъ объ отправленіи пассажировъ и тяжестей по С.-Петербурго-Московской желѣзной дорогѣ, составлявшей тогда едва ли не самую интересную новость для бо́льшей части Россіи. Къ Мѣсяцослову на 1853 годъ эти правила наконецъ приложены, а также и извлеченіе изъ положенія о Коммерческомъ агентствѣ, посредствомъ котораго, въ настоящее время, тяжести принимаются.

Разсматривая, въ прошломъ же году, «Записки Горыгорецкаго земледѣльческаго Института», мы тоже пожалѣли, что это полезное заведеніе, о которомъ мы съ своей стороны постарались дать нашимъ читателямъ понятіе сколько можно удовлетворительное, еще слишкомъ мало извѣстно у насъ. Къ Мѣсяцослову на 1853 годъ приложены «Правила для пріема помѣщичьихъ крестьянъ въ учебно-хозяйственныя заведенія Министерства Государственныхъ Имуществъ», которыя даютъ достаточныя понятія обо всѣхъ существующихъ у насъ учебно-хозяйственныхъ заведеніяхъ, вѣдомству Министерства Государственныхъ Имуществъ подлежащихъ, и указываютъ нашимъ

Digitized by Google

сельскимъ хозяевамъ путь къ образованію, для своихъ имѣній, хорошихъ управляющихъ и прикащиковъ, въ которыхъ мы терпимъ слишкомъ ощутительный и самый горькій недостатокъ. Желательно, чтобы у насъ нашлось какъ можно больше охотниковъ воспользоваться этимъ полезнымъ свѣденіемъ, которое, посредствомъ Мѣсяцослова, дѣлается наконецъ общеизвѣстнымъ.

Кавказск. календарю мы отдали въ прошломъ году полную справедливость и за полноту его и за интересъ сообщенныхъ въ немъ свѣденій о Кавказскомъ краѣ, и наконецъ за самую тщательность, почти можно сказать роскошь его изданія. Въ нынѣшнемъ году мы опять должны повторить о немъ все то же. «Статистическіе очерки нѣкоторыхъ городовъ Кавказа и Закавказскаго края», начатые въ прошломъ году, продолжаются и въ нынѣшнемъ. Въ нихъ, кромѣ краткихъ свѣденій о Ленкоранѣ, Они, Ордубатѣ, Редутъ-Кале, Сухумъ-Кале, Тамани, и Эчміадзинѣ, помѣщена довольно пространная статья о Кутаисѣ, въ которой къ статистическимъ свѣденіямъ прибавлены еще довольно удовлетворительныя историческія свѣденія какъ о самомъ городѣ, такъ и вообще объ Имеретіи. Статья эта написана такъ живо и занимательно, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи, сдѣлать изъ нея нѣсколько выписокъ, характеризующихъ нравы Имеретинокъ.

«Вообще въ понятіяхъ религіозныхъ Имеретины имѣютъ не рѣдко какія то странныя, дѣтскія убѣжденія. Что они преданы вѣрѣ, что они тверды въ ней, это не подлежитъ никакому сомнѣнію и доказывается вѣковыми испытаніями; но въ житейскихъ дѣлахъ они относительно религіи поступаютъ какъ дѣти; наприм. имъ ни почемъ принять ложно присягу, особенно если она совершается не по древнему ихъ обычаю, передъ образомъ, а передъ крестомъ и Евангеліемъ, что они называютъ русскою присягою. Притомъ они часто думаютъ отдѣлаться хитростью, и обманывая людей и самихъ себя, воображаютъ, что они чисты и правы передъ Богомъ. Такъ одинъ явный воръ принялъ присягу, что онъ съ самой младенческой колыбели не учинялъ ни одного воровства. Всѣ знали, что это ложь, но присягнувшій остался совершено спокоенъ, собственно потому, что передъ присягою онъ забѣжалъ въ домъ, и, вынувши изъ люльки своего ребенка, полежалъ нѣсколько минутъ на его мѣстѣ. Потомъ здѣсь есть обычай, что въ случаѣ спора о какой-нибудь землѣ, одна изъ спорящихъ сторонъ беретъ образъ въ руки, и если съ нимъ обойдетъ спорный клочекъ, то этимъ вполнѣ доказываетъ принадлежность его себѣ. При одномъ такомъ случаѣ замѣтили, что взявшіе образъ начали обходить не только спорный участокъ, но и тѣ покосы, о которыхъ никогда не было дѣла, и которые составляли

Digitized by Google

неотъемлемую собственность постороннято лица. По этому начался споръ, драка — и что же обнаружилось? — господа присягатели, насыпавъ въ сапоги земли съ своей собственной пашни, думали, что вслѣдствіе этой хитрости, они могутъ обходить какія угодно земли и нисколько не погрѣшить передъ Богомъ, присягая, что они идутъ по своей собственной землѣ. Нѣкоторыя изъ такихъ продѣлокъ встрѣчаются даже въ форменныхъ дѣлахъ, а другія обнаруживаются собственно потому, что учинившій подобную хитрость какъ ни утѣшаетъ себя софизмами, но иногда находитъ на него раскаяніе, и заболѣвши послѣ такого случая, онъ приписываетъ свою болѣзнь наказанію отъ того образа, который онъ обманулъ хитрою присягою. Тогда онъ призываетъ священника, и, объяснивъ ему все дѣло, получаетъ прощеніе, а несправедливо пріобрѣтенную землю возвращаетъ своему противнику.»

«Всѣ эти продѣлки происходятъ, вопервыхъ, отъ невѣжества, а вовторыхъ, отъ страсти къ тяжбамъ и процессамъ, что составляетъ въ настоящее время отличительную черту въ характерѣ Имеретинъ. Здѣсь почти нѣтъ ни одного крестьянина, который бы не тягался съ своимъ сосѣдомъ за землю, нѣтъ почти ни одного дворянина или князя, который бы не имѣлъ наслѣдственныхъ враговъ по процессу, подобно тому какъ въ Дагестанѣ имѣютъ наслѣдственныхъ враговъ по кровной мести. Разница только въ томъ, что тамъ дѣйствуютъ кинжаломъ или порохомъ, а здѣсь перомъ и чернилами. Не то, чтобы Имеретины не были храбры: храбрость свою они доказали вѣковыми войнами съ врагомъ и экспедиціями при русскомъ правительствѣ, но живя теперь въ мирныя времена, они только поотстали отъ воинскихъ подвиговъ и отъ нечего дѣлать принялись за письмо и сутяжничество. По этому въ молодомъ поколѣніи здѣсь не существуетъ уже извѣстныхъ храбрецовъ или наѣздниковъ. Но есть за то люди грамотные, смышленые, законники, которыхъ боятся, которымъ низко кланяются, и ищутъ ихъ знакомства и расположенія. Поэтому здѣсь не слышно уже о шайкахъ удальцовъ или разбойниковъ, но за то образовались цѣлыя фаланги писакъ, повѣренныхъ, стряпчихъ, которые мутятъ добродушныхъ поселянъ, выжимаютъ у нихъ послѣднюю копейку и пользуются извѣстностью. Молодые люди даже лучшихъ фамилій, тѣснятся въ присутственныхъ мѣстахъ и добиваются какъ почетнаго званія, должности штатнаго писца; отцы же ничему такъ не радуются, какъ когда дѣти пишутъ каракульки и начинаютъ понимать подьяческіе крючки и заковычки. Въ домѣ будетъ свой собственный адвокатъ, а это то же, что имѣть лишнюю часть дохода. Даже самыя шалости молодыхъ людей имѣютъ здѣсь характеръ

Digitized by Google

подьяческій. Они не буянятъ, ведутъ себя скромно, прилично, но чтобы шалостью заплатить дань молодости, сочиняютъ гадкіе пасквили, подбрасываютъ ругательныя письма и подписываютъ подъ почеркъ начальника такія бумаги, въ которыхъ заключается нелѣпица, производящая всеобщее удовольствіе и смѣхъ. А посмотрите на здѣшняго мужичка. Онъ не можетъ пройти мимо присутственаго мѣста, чтобы не завернуть туда и не взять какой нибудь справки, не можетъ сойтись съ грамотнымъ человѣкомъ, чтобы не попросить его написать себѣ какую нибудь просьбицу. Напримѣръ: онъ пріѣдетъ на базаръ, продастъ дровъ, кукурузы, курей, выручитъ хорошіе барыши, и какъ вы думаете, что онъ потомъ сдѣлаетъ? Выпьетъ водочки? купитъ обнову? никогда! впрочемъ, можетъ быть, что нибудь и купитъ, особенно если у него молодая жена, но, главное, зайдетъ въ казначейство и возметъ гербовой бумаги. — Да на что тебѣ эта дрянь? скажетъ ему, пожалуй, какой нибудь добрый человѣкъ односелецъ. —И, кумъ! какъ начто? Это вещь нужная; она всегда пригодна, даже въ праздникъ можно подарить родственнику; да кромѣ того, я и самъ думаю подать просьбу; нѣтъ ли у тебя на примѣтѣ писаки, такъ, не дорогаго, обаза за три съ листа?—Какъ не быть! ихъ въ Кутаисѣ какъ собакъ. Да вѣдь ты недавно подавалъ просьбу? — А какъ не давно!—мѣсяца три будетъ. Тогда отказали, а теперь можетъ и не откажутъ. Тогда чиновникъ, который разбиралъ мое дѣло, былъ родственникъ куму моего противника; теперь же у насъ и начальникъ новый. Авось не откажутъ; а откажутъ, такъ пойду жаловаться губернатору; губернаторъ откажетъ, пойду къ намѣстнику; а потомъ пошлю просьбу въ Сенатъ; а если ужъ и Сенатъ откажетъ, такъ надѣну на себя *собели* (крученая веревка, изображающая висѣлицу), и опять пойду къ намѣстнику.—Вы пожалуй мнѣ скажете, что я сочиняю, выдумываю,—нисколько! спросите у казначея, на какую сумму выходитъ здѣсь гербовой бумаги: однихъ взысканій за нее въ нынѣшнемъ году числится около шести тысячъ руб. серебромъ; взгляните въ дѣла, вы увидите, что по самому пустому предмету подается нѣсколько просьбъ различнымъ мѣстамъ и и лицамъ; войдите въ пріемную губернатора, и вы каждый день найдете тамъ столько просителей, сколько въ иномъ губернскомъ городѣ не перебываетъ въ мѣсяцъ. Отъ пустыхъ просьбъ ихъ уже отучаютъ, за клевету и неисполненіе сдѣланнаго распоряженія наказываютъ; по приказанію губернатора даже заведена штрафная книга, въ которую вносятся имена изобличенныхъ кляузниковъ и ослушниковъ, но имъ все неймется: просьбы льются, какъ неизсякаемый источникъ, а во время проѣзда намѣстника просто бываетъ въ родѣ наводненія....»

Digitized by Google

«Относительно гражданскаго устройства, Имеретинъ можно сравнить съ дѣтьми, а какъ пороки и недостатки дѣтей проходятъ съ лѣтами и опытомъ, то можно надѣяться, что и они, при добрыхъ и хорошихъ начальникахъ и руководителяхъ, бросятъ всѣ эти недостатки и глупости, которые болѣе смѣшны, чѣмъ преступны. А Имеретинамъ нельзя отказать и въ хорошихъ качествахъ: они умны и проницательны, радушны и гостепріимны, тихи и покорны, а главное—не философствуютъ, и въ каждомъ русскомъ порядочномъ человѣкѣ видятъ старшаго своего брата и не стыдятся подражать ему, хоть бы онъ и уступалъ имъ въ древности происхожденія. Уголовныя преступленія между Имеретинами очень рѣдки....»

«Имеретянки мало еще показывались въ свѣтъ и до сихъ поръ, по недостатку жизни общественной, вели, большею частію, жизнь въ деревняхъ, въ своемъ собственномъ семейномъ кругу. Но съ нѣкотораго времени это начало измѣняться. Туземное общество въ Кутаисѣ увеличивается, и съ прошлаго года здѣсь даже учредилось Благородное Собраніе, которое пошло такъ хорошо, какъ и не ожидали. Членовъ записалось болѣе 100 человѣкъ. Мужчины два раза въ недѣлю собираются для карточной игры; по воскресеньямъ устраиваются танцовальные вечера—и туземки не только принимаютъ въ нихъ участіе, но нѣкоторыя молодыя дамы нарочно по этому случаю выучились танцовать. Словомъ, въ Собраніи веселятся отъ души, танцуютъ до двухъ часовъ, но главное то, что въ немъ туземное общество сливается съ русскимъ и составляетъ какъ бы одну семью. Этимъ Кутаисъ обязанъ болѣе всего Военному Губернатору, который, не смотря на многочисленныя свои занятія и заботы о губерніи, обратилъ особенное вниманіе и на этотъ важный предметъ, имѣя превосходнаго сотрудника въ своей супругѣ, пріобрѣтшей полное уваженіе и любовь какъ отъ Русскихъ, такъ и отъ туземцевъ. У ихъ сіятельствъ собираются очень часто, и разъ въ недѣлю бываютъ концерты изъ любителей. Музыка у насъ тоже, благодаря заботамъ батальоннаго командира, весьма порядочная, и вѣроятно скоро будетъ хороша, потому что два года назадъ ее нельзя было слушать. Кромѣ того, здѣсь недавно образовался еще оркестръ изъ туземцевъ, о которомъ я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ. При военномъ губернаторѣ служитъ по особымъ порученіямъ одинъ молодой туземецъ, князь, большой любитель музыки. Ему вздумалось устроить у себя оркестръ; но онъ не зналъ, какъ приняться за дѣло. Проходитъ разъ черезъ его деревню, съ котомкой за плечами, отставной унтеръ-офицеръ.

Digitized by Google

— Куда ты, служивый?

— Въ отставку, ваше благородіе.

— А что же ты не останешься у насъ? Ты человѣкъ еще не старый: могъ бы промыслить здѣсь себѣ хлѣбъ и добыть копейку. Знаешь ты какое нибудь ремесло?

— Какъ не знать, много знаю: плотничное знаю ремесло, садомъ и огородомъ могу заняться, музыку такъ же разумѣю.

— И учить умѣешь?

— А какъ же не умѣть учить! Я всѣ ноты разбираю и вальсъ могу сыграть и мазурку играю. Самые лучшіе вальсы *Строуса*, ваше благородіе.

— Ну, а хочешь ли ты у меня быть капельмейстеромъ? вотъ тебѣ годовая квартира, столъ и 80 руб. въ годъ жалованья.

— Маленько немножко 80 руб., развѣ еще прибавите рублей 20, Вѣдь музыка, ваше высокоблагородіе, предметъ трудный; въ другое время я не взялъ бы и двухъ сотъ рублей, да ужъ такъ съ вами хочется сойтись: баринъ-то, я какъ вижу, вы хорошій.

— Ну быть по твоему, по рукамъ такъ порукамъ. Когдажь ты приступишь къ дѣлу?

— Да хоть сію минуту; только когожь я буду учить?

— А вотъ сей-часъ позову. — Князь свистнулъ, далъ приказаніе—и вотъ черезъ нѣсколько минутъ притащили къ нему пять-шесть мальчишекъ въ разорваныхъ рубашонкахъ, босыхъ, немытыхъ, нечесаныхъ—совершенныхъ дикарей.

— Какъ же намъ ихъ одѣть? спросилъ князь.

— Да самое лучшее, ваше сіятельство, сшить имъ красныя куртки съ позументомъ, бѣлыя панталоны тоже съ позументомъ, и шапку бѣлую съ галуномъ. Инструменты же надобно выписать изъ Одесты. Вотъ этотъ карапузикъ будетъ славный скрипачь, ваше сіятельство, я это вижу по пальцамъ. Этотъ можетъ хорошо играть на контробасѣ, а вотъ тотъ, съ большими губами, такъ и смотритъ, чтобъ надуть кларнетъ. Да не безпокойтесь, батюшка, ваше сіятельство, всѣхъ выучу, къ чему кто отъ природы склонность имѣетъ.

«Сказано—сдѣлано. Выписали нотъ, баса, альта, двѣ скрипки, и сѣли на лужокъ подъ липки, какъ въ баснѣ Крылова, съ тою только разницею, что прошелъ мѣсяцъ, два, три, и по окрестности начала разноситься молва, что у князя Э.... устроенъ оркестръ. Помѣщики стали съѣзжаться и слушать. Дѣйствительно хорошо: всякой танецъ танцовать можно. Вотъ какъ-то умеръ одинъ значительный сосѣдъ, и шлютъ къ князю за музыкантами. Капельмейстера на сцену.

— Знаютъ музыканты какой нибудь похоронный маршъ?

Digitized by Google

— Никакъ нѣтъ-съ, похоронаго-то марша еще не учили.

— Какъ же это, братецъ: ко мнѣ прислали просить музыкантовъ на похороны?

— Чтожь, ваше сіятельство, ничего, я изъ вальса составлю такую похоронную мелодію, что плакать будутъ.

— Устрой, пожалуста!

«И точно капельмейстеръ сдержалъ свое слово. Похоронная процессія тронулась, множество народа толпилось вкругъ гроба, близкіе люди шли поникнувъ головами, родственники рыдали, и среди всего этого важно выступалъ оркестръ и игралъ — такимъ заунывнымъ тономъ, что дѣйствительно заставилъ плакать даже постороннихъ. Послѣ этого музыканты вошли въ рѣшительную славу, и теперь безъ нихъ, по сосѣдству, не обходится ни одна знатная свадьба, ни одни знатные похороны. Я недавно самъ ихъ слышалъ. Они играли въ Кутаисскомъ Собраніи всѣ возможные танцы, и при томъ такъ порядочно, такъ согласно, что вѣрить не хочется, чтобы это былъ тотъ оркестръ, который составился назадъ тому только полгода изъ отставнаго унтеръ-офицера и изъ Гурійскихъ мальчишекъ, жившихъ до того времени какъ совершенные дикари. Можетъ быть, это поведетъ ко многому, и пусть какая нибудь будущая музыкальная знаменитость Гуріи вспомнитъ, какимъ образомъ составился первый Гурійскій оркестръ!...»

Въ ученомъ отношеніи любопытенъ «Геологической разрѣзъ сѣверной покатости кавказскаго кряжа отъ Эльбруса до Бештау», показанный въ чертежѣ и объясненный подробно особой статьей. Въ чертежѣ показаны не только внѣшнія линіи, обрисовывающія наружную форму и покатость взятаго протяженія, но и всѣ внутреннія формаціи кряжа. Горизонтальныя протяженія главныхъ высотъ изображены по публикованнымъ отъ Генеральнаго Штаба Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса картамъ и показаны въ верстахъ или 3,500 русскихъ футахъ. Показанія высотъ надъ уровнемъ моря (*абсолютныя высоты*), выраженныхъ русскими футами, основываются на барометрическихъ измѣреніяхъ, сдѣланныхъ лѣтомъ 1849 года и находящихся въ связи съ одновременными барометрическими наблюденіями гг. докторовъ: К. Х. Рожера и Ѳ. Ѳ. Каргера, въ Кисловодскѣ и Пятигорскѣ. Порядокъ, соблюденный въ разрѣзѣ, есть слѣдующій: отъ средней высоты Эльбруса направленіе идетъ съ Ю. на С., на протяженіи 40 верстъ, до Бермутской высоты; отсюда съ С. 45° В. черта проходитъ 42 версты черезъ Кисловодскъ до Ессентуковъ, и наконецъ, по направленію С. 66° В., пройдя 15 вер., достигаетъ Бештау.

Digitized by Google

«Всѣ тѣ, — говоритъ между прочимъ авторъ статьи, служащей объясненіемъ геологическаго разрѣза,—которые не посвятили себя спеціальному изученію горъ, а только наглядными образомъ желали получить о нихъ понятіе, или же руководствовались при этомъ однимъ разсматриваніемъ географическихъ картъ, найдутъ внѣшнія черты предлагаемой физической карты не соотвѣтствующими ихъ ожиданіямъ. Вмѣсто склоновъ, которые для приближающихся съ сѣвера къ Кавказу кажутся отвѣсно ниспадающими горною центральною стѣною на равнину, въ дѣйствительности раскрываются растягивающіяся террасы, которыя, мало-по-малу понижаясь, сохраняютъ высоту отъ 4—5 градусовъ и образуютъ широкія, ясно обозначенныя ступени, обращенныя отвѣсными скатами къ горной массѣ. Даже плоская возвышенность, имѣющая слишкомъ 25 верстъ въ ширину, о существованія которой нельзя было бы предполагать, участвуетъ, при 8,000 футовой вышинѣ, въ образованія горнаго склона, который съ этой лишь возвышенности начинаетъ круто подыматься и быстро достигаетъ полосы вѣчныхъ снѣговъ. Но какъ мало согласія между этими особенностями физическихъ отношеній и тѣми впечатлѣніями, которыя поражаютъ путешественниковъ въ долинахъ Терека или Чаридона, при проходѣ черезъ дефилеи и при видѣ круто нагроможденныхъ слоевъ, указывающихъ на внутреннее сложеніе Кавказскихъ предгорій (Vor wälle)! Только съ приближеніемъ къ горному Дагестану, горные склоны начинаютъ показываться съ ослабѣвающимъ пониженіемъ, составляя столь характеристическую сторону окрестностей Эльбруса».

Состояніе внѣшней торговли Закавказскаго края и въ нынѣшнемъ году, такъ же какъ въ прошедшемъ, показано только по 1851 годъ. Дальнѣйшихъ свѣденій объ этомъ предметѣ нѣтъ, а потому и мы не можемъ о немъ сообщить нашимъ читателямъ ничего новаго.

Кромѣ карты Геологическаго разрѣза, къ Календарю еще приложены: Генеалогическая таблица Грузинскаго царскаго дома съ Баграта III; вновь исправленная, по послѣднимъ измѣненіямъ, таблица взаимнаго разстоянія между губернскими и уѣздными городами и главными крѣпостями по Кавказскому и Закавказскому краю, С. Петербургомъ, Москвою, Варшавою и главными городами Новороссійскаго края, и нѣсколько Кавказскихъ видовъ и виньетокъ, частію гравированныхъ, частію литографированныхъ, но въ томъ и другомъ случаѣ прекрасной работы.

—

Digitized by Google

СЛОВА И РѢЧИ ПРОТОІЕРЕЯ МИХАИЛА ПАВЛОВСКАГО, Профессора Богословія Одесскаго Ришельевскаго Лицея. Одесса. 1852 г., въ 8 д., 360 стр.

Церковное краснорѣчіе сдѣлало у насъ въ послѣднее время столь много самыхъ блестящихъ успѣховъ, что эти успѣхи не могутъ не быть въ высокой степени отрадны для христіанскаго чувства. Проповѣданіе Слова Божія развилось у насъ въ такой полнотѣ и съ такимъ совершенствомъ, что рѣшительно составляетъ не только благороднѣйшее, какъ и вездѣ, но и во всѣхъ отношеніяхъ высшее украшеніе нашей современной литературы. Изъ всѣхъ отраслей сей послѣдней, оно одно, сохраняя всю святость чувства и глубину религіознаго, чисто-православнаго воззрѣнія, осталось вѣрно и завѣтной чистотѣ роднаго слова. Нельзя притомъ не согласиться, что этимъ обязано оно преимущественно руководству, назиданію и образцамъ двухъ первостепенныхъ витій нашихъ, орудіемъ слова посѣвающихъ свѣтъ истины и благодати въ сердцахъ народа Русскаго: Филарета, Митрополита московскаго и коломенскаго, — и Иннокентія, Архіепископа херсонскаго и таврическаго.

Въ Одессѣ, гдѣ русскій духъ, языкъ и національность утвердились еще недавно, православное проповѣданіе Слова Божія также не перестаетъ оказывать своихъ благодѣтельныхъ дѣйствій на населеніе еще юное, стекшееся со всѣхъ концовъ Россіи. Тамъ-то, на новой почвѣ, словами любви и благодати, достойный Архипастырь, съ одной стороны, поселяетъ сѣмена христіанскихъ добродѣтелей въ сердцахъ православнаго народа, а съ другой—распространяетъ среди иноплеменниковъ благоговѣйное уваженіе къ глаголамъ Русской церкви. И по стопамъ Архипастыря идутъ ученики его, и въ числѣ ихъ протоіерей Михаилъ Павловскій, коего поученія и проповѣди пользуются въ Новороссійскомъ краѣ всеобщей и заслуженной извѣстностію.

Съ самаго пріѣзда своего въ Одессу, въ 1833 году, изъ Кіевской Духовной Академіи, О. протоіерей Павловскій занимаетъ каѳедру Богословія, а нынѣ и Психологіи и Логики, въ Ришельевскомъ лицеѣ, а сверхъ того былъ долгое время и Законоучителемъ въ Одесскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. «Слова и рѣчи» его, по большей части, произнесены были въ храмахъ этихъ учебныхъ заведеній, а потому, кромѣ общей цѣли въ отношеніи къ проповѣданію истинъ евангельскихъ, имѣютъ еще частную цѣль, именно ту, чтобъ посѣять въ юныхъ сердцахъ сѣмена высоко-христіанской добродѣтели и содѣлать ихъ вѣрными слугами Престолу и Отечеству.

Digitized by Google

Прочитавъ ихъ, каждый согласится, что обѣихъ цѣлей этихъ они достигаютъ вполнѣ, свидѣтельствуя вмѣстѣ съ тѣмъ, что и на отдаленныхъ предѣлахъ Русской земли, въ лицѣ своихъ представителей, русское чувство горитъ всѣмъ пыломъ истиннаго, православнаго благочестія, и русскій умъ прямо и открыто направленъ къ раскрытію истинъ, врачующихъ немощи духовныя и благодатныхъ для жизни, и русское слово, служа органомъ Вѣры чистой и глубокой, блюдется во всемъ величіи, достоинствѣ и красотѣ своей. Ж. З.

—

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ, по первому и третьему Отдѣленію. Спб. 1852.

Введеніе къ новому изданію Академіи Наукъ составляетъ статья г.—ка: *Объ ученыхъ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ Императорской Академіи Наукъ, съ 1726 по 1852 годъ.*

Сто двадцать шесть лѣтъ—не малое пространство времени. Разумѣется, въ ограниченномъ, по объему, очеркѣ, авторъ не имѣлъ цѣли и не могъ представить подробнаго критическаго разбора періодическихъ изданій академіи; бо́льшею частію онъ ограничивается только библіографическими указаніями, выписками, связывая, впрочемъ, обозрѣніе изданій академіи съ историческими ея судьбами, которыя не могли остаться безъ вліянія на нихъ. Такой способъ изложенія придаетъ статьѣ г.—ка особенный интересъ. Исторія нашей академіи вообще очень мало извѣстна. Тѣ свѣдѣнія, которыя были обнародованы, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ «Очеркахъ Россіи» (*), могутъ быть вѣрно поняты только при ближайшемъ знакомствѣ съ источниками для исторіи академіи, неизданными, немногимъ и доступными. Г.—къ потому справедливо замѣтилъ, что «обнародованіе «Портфеля служебной дѣятельности Ломоносова» послужило только поводомъ къ превратнымъ сужденіямъ объ исторіи академіи (стр. XIII); что «эти документы требуютъ особенныхъ объясненій, безъ которыхъ нельзя составить отчетливаго понятія о тогдашнемъ дѣйствованіи академіи въ ея тройственномъ составѣ» (стр. LII). И въ самомъ дѣлѣ, новые факты и замѣчанія, взятыя г.—комъ прямо изъ источниковъ, представляютъ многое въ новомъ свѣтѣ.

Въ исторіи академіи Наукъ авторъ *строго* различаетъ два періода: первый—отъ основанія академіи до ея преобразованія (съ 1726 по 1803), и второй—отъ преобразованія академіи, въ 1803 году, до 1851 года. «Въ началѣ 1724 года, или немного раньше, Петръ

(*) См. «Портфель служебной дѣятельности Ломоносова».

Digitized by Google

«Великій поручилъ *лейбъ-медику своему Блюментросту* составить «проэктъ Академіи Наукъ, и въ концѣ января помянутаго года, «Блюментростъ представилъ проэктъ на русскомъ языкѣ, можетъ «быть, въ переводѣ съ латинскаго оригинала. Есть достаточныя при- «чины думать (продолжаетъ г.—къ), что всѣ существенныя части этого «проэкта принадлежатъ самому Петру, и что онъ изустно изложилъ «своему врачу весь планъ предполагаемой академіи. Сдѣлавъ на нѣ- «которые параграфы проэкта замѣчанія собственноручно, государь «одобрилъ его, и, не откладывая болѣе, велѣлъ въ слѣдующемъ фев- «ралѣ послать къ разнымъ ученымъ: Германіи, Франціи, Голландіи, при- «глашенія къ поступленію въ русскую службу, при академіи» (стр. V). Впрочемъ, Петръ не дожилъ до открытія академіи, и не успѣлъ до- вершить предначертанное дѣло. По выраженію Эйлера, онъ могъ начертать только планъ академіи. И этотъ планъ вполнѣ былъ приноровленъ къ потребностямъ того времени, хотя названіе *академія* и тогда скрывало отъ многихъ истинный смыслъ намѣренія Петра. Учрежденіе *академіи Паукъ* въ то время, когда еще мало было первоначальныхъ учебныхъ заведеній, да и тѣ находились въ жалкомъ положеніи,—казалось для многихъ страннымъ анахронизмомъ. Петру говорили, что академія не принесетъ никакой пользы, что академики не захотятъ заниматься съ молодыми, необразованными Русскими. «Я знаю, отвѣчалъ Петръ, какое имѣю намѣреніе, и те- «перь же вамъ скажу. Они будутъ сочинять для всѣхъ наукъ касаю- «щіяся книги, которыя повелю переводить на нашъ языкъ; ихъ ста- «нутъ они изъяснять молодымъ людямъ, которые для того избраны «и имъ препоручаемы будутъ, и которые послѣ должны занять учи- «тельскія мѣста по тѣмъ наукамъ, въ которыхъ они подъ руковод- «ствомъ академиковъ упражнялись. Другими же сочиненіями о нау- «кахъ и открытіяхъ, которыя они на *латинскомъ языкѣ* писать и «печатать будутъ, должны они пріобрѣсть намъ довѣріе и честь въ «Европѣ, и доказать, что и у насъ упражняются въ наукахъ, и что «уже болѣе не презираютъ ихъ, и не столь грубо умствуютъ, какъ «въ прежнія времена» (*). Понятно, что по плану Петра новая ака- демія должна была совмѣщать въ себѣ академію наукъ собственно, университетъ и гимназію. Такое значеніе академіи ясно выражено было и въ проэктѣ Петра (стр. VII—VIII). Разумѣется, жизнь универси- тету и гимназіи должна была давать академія въ собственномъ смыслѣ, т. е. иностранные ученые, призванные въ русскую академію. Въ добро- совѣстности ихъ и въ неуклонномъ исполненіи указанныхъ Петромъ обязанностей лежалъ залогъ плодотворныхъ дѣйствій академіи, отъ

(*) Штелинъ, Анекдоты о Петрѣ Великомъ.

Digitized by Google

нихъ зависѣла вся польза академіи, какъ учрежденія русскаго, и притомъ приноровленнаго къ потребностямъ времени. Изъ двухъ задачъ, указанныхъ Петромъ—это была безспорно важнѣйшая. Если вызванные ученые исключительно обратятся къ трудамъ ученымъ, къ *произведенію и совершенію наукъ*, какъ сказано въ проэктѣ,— академія останется учрежденіемъ, оторваннымъ отъ русской почвы и разобщеннымъ съ ея прямыми настоятельными потребностями. Петръ понималъ это. «При заведеніи простой академіи (читаемъ въ проэктѣ)— обои намѣренія не исполняются, ибо, хотя чрезъ оную «художества и науки въ своемъ состояніи производятся и распро«страняются, однакожъ-де они не скоро въ народѣ расплодятся, а «при заведеніи университета—и меньше того. Ибо когда разсудить, «что еще прямыхъ школъ, гимназіевъ и семинаріевъ нѣтъ, въ кото«рыхъ бы младые люди началомъ обучаться и потомъ выше градусы «наукъ воспріять и угодными себя учинить могли, то не возможно, «дабы при такомъ состояніи университетъ нѣкоторую пользу учинять «могъ» (стр. VII). Академія должна была въ нѣкоторомъ отношеніи замѣнять для русскихъ чужіе краи. Къ сожалѣнію, смерть Петра разрушила тѣ благія послѣдствія, которыхъ можно было ожидать отъ новаго учрежденія: академія осталась для русскихъ какими-то дѣйствительно *чужими* краями. Личный произволъ членовъ, недоразумѣнія, привели ее въ разстройство. Та движущая сила, которая проницательнымъ взоромъ озирала все поприще, разстилавшееся передъ академіею, которая бы могла потому оберегать ее отъ всякихъ уклоненій отъ цѣли,—исчезла. Прекрасно говоритъ объ этомъ г.—къ: «тридцати «лѣтъ, употребленныхъ Петромъ на образованіе войска, конечно, могло «быть достаточно, чтобы, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, осуще«ствить въ извѣстной мѣрѣ трудный проектъ введенія и прочнаго водво«ренія въ Россіи науки и искуства; но на этотъ подвигъ *всего прежде «нуженъ былъ Петръ Великій*, который съ рѣдкою энергіей умѣлъ вы«держивать всякое предпріятіе и довершать начатое; нуженъ былъ геній, «который бы умѣлъ такъ мѣтко выбирать и поощрять людей способ«ныхъ, одушевлять равнодушныхъ, пріучать эгоистовъ къ самопожер«твованію для общаго блага, отстранять и побѣждать препятствія и «всѣмъ подавать примѣръ самоотверженія, любви къ правдѣ и къ оте«честву, неутолимой дѣятельности и постоянства (стр. X)». Можетъ быть, тревожныя предчувствія безотрадной будущности новаго учрежденія безпокоили великаго монарха; можетъ быть, предсказанія о невозможности существованія русской академіи въ то время смущали его не разъ. «По увѣренію одного современника (говоритъ авторъ «Введенія»), Петръ Великій на смертномъ одрѣ взялъ обѣщаніе съ

Digitized by Google

Императрицы Екатерины, что она не оставитъ его любимой мысли безъ исполненія». (ibid) (*). Дѣйствительно Императрица приняла новыхъ академиковъ въ «Свое особливое призрѣніе». Мысль Петра не исполнилась. Одни требованія его проекта были вовсе не удовлетворены, другія удовлетворены не такъ, какъ онъ желалъ. Многое, конечно, зависѣло отъ того, что «по смерти его никто не могъ замѣнить его генія», какъ говоритъ авторъ; но многое же шло отъ другихъ причинъ. Г.—къ говоритъ, что «проектъ, утвержденный Петромъ 22 января 1724 г., не былъ даже напечатанъ въ свое время, и во все продолженіе XVIII вѣка былъ извѣстенъ развѣ не многимъ изъ академиковъ, и только нѣкоторымъ изъ президентовъ». «Слѣдствіемъ этого незнанія (справедливо заключаетъ авторъ) было то, что многіе академики какъ первыхъ временъ, такъ и слѣдующихъ, не вѣрно понимали основную мысль Петра о призваніи академіи» (стр. XIV). Изъ дальнѣйшаго изложенія видимъ, что авторъ не приписываетъ большаго вліянія на разстройство академіи произволу и недобросовѣстности нѣкоторыхъ ея членовъ; но мы позволимъ себѣ не согласиться съ мнѣніемъ нашего автора. Припомнимъ, что самый проектъ Петра *былъ намѣренно скрытъ* Шумахеромъ (см. Очерки Россіи, кн. II); а г.—къ полагаетъ самъ эту неизвѣстность проекта одною изъ причинъ, почему академія не исполнила назначенія, указаннаго Петромъ. «Какихъ послѣдствій (восклицаетъ авторъ) можно было ожидать для академіи, когда она при многосложности и разнообразіи своихъ занятій, цѣлыя десятки лѣтъ была *безъ устава*!» (стр. XIV). «Не имѣя устава (говоритъ онъ ниже) ученая конференція академіи лишена была необходимаго основанія для своей дѣятельности и безусловно обрекалась на жертву тогдашняго бюрократизма, который такъ мало похожъ на нынѣшнее министерское управленіе и на оффиціальныя отношенія академіи къ своему министерству, что теперь трудно даже представить себѣ прежнія отношенія». Причину безпорядковъ авторъ находитъ въ томъ, что академическая канцелярія «мало по малу, присвоила себѣ главное управленіе и хозяйственными и учеными дѣлами»: она «не только вообще затрудняла дѣятельность академиковъ, весьма рѣдко получавшихъ возможность распоряжаться какою-либо суммой, но часто останавливала ихъ, своимъ вмѣшательствомъ, въ исполненіи даже главныхъ задачъ, возложенныхъ Петромъ на академію». — «Академики изображали яркими и вѣрными чертами вредныя дѣйствія канцеляріи; но почти никто не догадывался, что корень зла не въ лицахъ только, а во всемъ

(*) Чье же это свидѣтельство? имя современника очень важно въ этомъ случаѣ. *Ред.*

Digitized by Google

тогдашнемъ устройствѣ академическаго управленія». Эти слова автора вполнѣ справедливы. Но нельзя не прибавить, что Ломоносовъ не разъ указывалъ на необходимость новаго прочнаго устава для академіи, на тѣ вредныя случайности, которыя вкрались при учрежденіи академіи и мѣшали успѣхамъ ея дѣйствій. Онъ говорилъ, что «для всякаго предпріемлемаго важнаго дѣла должно полагать напередъ непоколебимыя основанія и предписывать неложныя правила». Этихъ-то неложныхъ правилъ и не нашелъ Ломоносовъ въ новомъ регламентѣ, дарованномъ академіи. Онъ прямо говоритъ: «Правда, что академическій регламентъ апробованъ и подписанъ Высочайшею Ея Императорскаго Величества рукою, и ради того почитать должно оный свято, и во всѣхъ академическихъ поведеніяхъ ему согласоваться; но многіе примѣры не токмо внѣ, но и внутрь Россіи имѣемъ, что премудрые Государи, усмотрѣвъ лутчее, узаконенія свои отмѣняли». Нѣтъ; Ломоносовъ понималъ, что «корень зла во всемъ тогдашнемъ устройствѣ академическаго правленія». Авторъ говоритъ, что въ нападкахъ на историко-филологическое отдѣленіе участвовалъ и Ломоносовъ; извѣстіе очень любопытное; желательно было бы узнать ближе документы, сюда относящіеся: они, вѣроятно, уяснили бы многое во взглядѣ Ломоносова на словесныя науки. Но зная, что Ломоносовъ совмѣщалъ въ себѣ, по прекрасному выраженію Пушкина, факультеты историко-филологическій и историко-математическій, мы, кажется, въ правѣ предположить, что эти нападки касались лицъ, составлявшихъ историко-филологическое отдѣленіе, а не науки, бывшія предметомъ его занятій. Потому едва ли можно сказать съ авторомъ, что «вслѣдствіе этихъ нападеній, труды всего филологическаго отдѣленія лишены были мѣста въ академическихъ комментаріяхъ, что «положеніе дѣлъ этого отдѣленія болѣе и болѣе запутывалось, отчасти вслѣдствіе горячности Ломоносова» (стр. XXVI). И неужели горячность *одного* человѣка могла запутать *дѣла цѣлаго* отдѣленія? Скорѣе повторимъ съ авторомъ, что «на самихъ академиковъ падаетъ не малая доля вины застоя академіи и вялаго исполненія мыслей Петра: какъ ученые, вызванные великимъ монархомъ, *они должны бы были меньше давать значенія встрѣчаемымъ затрудненіямъ и съ большею энергіею имъ противодѣйствовать* (стр. XIX). Императрица Екатерина старалась исполнить завѣщаніе великаго преобразователя (*), но мы уже указали нѣкоторыя при-

(*) Любопытныя свѣдѣнія о заботахъ Императрицы и состояніи академіи въ то время, передаетъ Схендъ Фандербекъ въ статьѣ «О состояніи просвѣщенія въ Россіи въ 1725, напечатанной на латинскомъ языкѣ въ Acta physico-medica etc. и переведенной въ Сынъ Отечества, 1842 года, N 1.

Digitized by Google

чины, почему главная педагогическая задача, возложенная на академію, осталась безъ удовлетворенія. Авторъ указываетъ еще двѣ причины. Блюментростъ, президентъ академіи, въ 1728 году долженъ былъ переселиться вмѣстѣ съ дворомъ, въ Москву, и академія какъ бы осиротѣла. «Съ возвращеніемъ двора конечно настали луч-«шія времена для Академіи, но и при Императрицахъ Аннѣ и Ели-«саветѣ она цѣлые годы оставалась безъ президента. Одинъ изъ луч-«шихъ президентовъ, баронъ Корфъ, въ 1740 году былъ отправ-«ленъ въ посольство. Напрасно академики старались обратить вни-«маніе на даровитаго и признательнаго воспитанника Академіи, князя «Антіоха Кантемира, тогда какъ онъ, при своемъ одушевленіи «къ отечественному просвѣщенію, былъ способнѣе, можетъ быть, «всякаго другаго возстановить академію по мысли ея основателя». Другая причина неустройствъ академіи также вѣрно указана и подробно развита авторомъ. Онъ говоритъ: «Условія, на какихъ иностранные ученые поступали въ академію, также не благопріятствовали ея успѣхамъ. Не смотря на то, что имя Петра распространяло очарованіе во всѣхъ, посвященныхъ имъ, краяхъ Европы, предубѣжденіе противъ Россіи повсюду еще было сильно» (стр. XVII—XVIII). Въ самомъ дѣлѣ, отецъ напр. извѣстнаго академика Миллера, отпуская сына въ Россію, былъ увѣренъ, что ему придется жить среди варваровъ (in media barbarie). Легко понять слѣдствія такого отношенія иностранныхъ ученыхъ къ русской академіи. «Имѣя впереди невѣрную будущность (продолжаетъ г.—къ), къ чему имъ было учиться по-русски, изучать языкъ, тогда еще необработанный и почти лишенный литературы въ собственномъ смыслѣ слова, не говоря уже о томъ, что многіе изъ нихъ, какъ напр. математики, химики, латинисты и др. вовсе не нуждались въ русскомъ языкѣ непосредственно для своего предмета?»

Какую же услугу принесла академія наукъ русской наукѣ въ первый періодъ своего существованія? Отвратившись отъ той педагогической цѣли, которую указалъ ей Петръ, она охотнѣе отдалась исполненію первой задачи, т. е. дѣйствовала какъ академія наукъ собственно, а не какъ академія, совмѣщавшая въ себѣ кромѣ того и университетъ и гимназію. Не даромъ говорили Петру, что знаменитые ученые не захотятъ заниматься съ молодыми необразованными Русскими,—такъ и вышло. Призванные иностранцы продолжали трудиться въ пользу науки вообще, и не заботились прилагать своихъ познаній къ педагогическимъ потребностямъ Россіи. Ученая дѣятельность академіи могла потому въ этомъ даже періодѣ

Digitized by Google

совершаться благотвореніе и въ большемъ объемѣ, чѣмъ педагогическая. Не удивительно, что, по словамъ г.—ка, «число разсужденій и статей разнаго объема и содержанія въ періодическихъ изданіяхъ Академіи простирается слишкомъ до 10,000» (стр. XXX).

Авторъ ввелъ въ составъ своего обозрѣнія изъ единовременныхъ сборниковъ только тѣ, въ которыхъ помѣщены труды разныхъ авторовъ. Г.—къ въ статьѣ своей ограничивается только указаніемъ заглавій изданій академіи, любопытнѣйшими выписками изъ нихъ, которыя объясняютъ направленіе и значеніе ихъ. Скажемъ прямо, что для библіографіи г.—къ оказалъ большую услугу своимъ трудомъ, который требовалъ утомительныхъ изысканій, сличеній, справокъ, возможныхъ только для немногихъ. Теперь многія изъ изданій академіи уже рѣдкость, и, если принять во вниманіе то состояніе, въ которомъ находится исторія нашей журналистики, то статья, нами разбираемая, можетъ считаться большимъ шагомъ впередъ къ критической исторіи нашихъ ученыхъ журналовъ. Прибавимъ, что трудъ библіографа вообще плохо вознаграждается и въ глазахъ большинства обыкновенно не высоко цѣнится; между тѣмъ онъ есть необходимая степень въ дѣлѣ ученой разработки предмета. Потому мы не будемъ далѣе слѣдить за авторомъ въ его полезныхъ изысканіяхъ, и ограничимся немногими замѣчаніями. Къ числу единовременныхъ сборниковъ академіи относятся, конечно, Sermones in primo solenni academiae scientiarum Imperialis conventu die XXVII decembris anni MDCCXXV publice recitati. Спб, 1725, in 4°, стр. 120. Не знаемъ, почему они не упомянуты г.—комъ. Къ извѣстію о первыхъ комментаріяхъ академіи можно прибавить, что съ 1740 года въ Болоніи начали ихъ перепечатывать (*). Не имѣетъ ли это связи съ возведеніемъ Ломоносова въ члены Болонской академіи?

Оставляя въ сторонѣ всѣ новые факты и документы, представленные авторомъ въ его прекрасномъ сочиненіи (сюда особенно относятся, приводимыя имъ, выписки изъ бумагъ того времени), мы не можемъ не повторить съ полнымъ сочувствіемъ слѣдующихъ словъ его: «Обыкновенно думаютъ, что причиною противодѣйствія Ломоносова Миллеру и позднѣе Шлецеру было собственно оскорбленное національное чувство; но такъ думаютъ потому, что худо знаютъ обстоятельства того времени, и не умѣютъ надлежащимъ образомъ оцѣнить ученаго характера Ломоносова. Можно пожалѣть, что ни Ломоносовъ, ни тѣ, на кого онъ при разныхъ случаяхъ и по раз-

(*) См. Geschichte jetztlebender Gelehrten, als eine Fortsetzung der jetztlebenden gelehrten Europa herausgegeb. von Ernst Ludewig Rathlef. Fünfter Theil, 1742, p. 268.

Digitized by Google

нымъ причинамъ вооружался, не имѣли столько esprit de corps, чтобы могли примириться между собою ради общаго блага. Но кто бы ни былъ изъ нихъ больше всѣхъ виноватъ въ томъ, что они не могли соединить своихъ силъ для преобразованія Академіи въ духѣ ея основателя, имена ихъ всегда будутъ занимать видное мѣсто, одно возлѣ другаго, въ исторіи Академіи, и, сверхъ того, ихъ дѣятельность составитъ прекрасную главу въ исторіи русскаго образованія, именно тамъ, гдѣ она должна будетъ раскрыть, какъ были поняты, оцѣнены и исполнены идеи великаго преобразователя въ первыя десятилѣтія по его смерти? Касательно самой Академіи Наукъ, надобно замѣтить, что въ ней послѣ смерти Ломоносова въ 1765 году и по отъѣздѣ Шлецера изъ Россіи въ 1767, не явилось ни одного члена, который бы такъ живо помнилъ первоначальное назначеніе Академіи и такъ энергически старался осуществить оное на дѣлѣ» (стр. LXIII—LXIV). Въ самомъ дѣлѣ Ломоносовъ своею личностью представляетъ исполненіе того плана, которое Петръ далъ русской академіи. Пушкинъ назвалъ его первымъ русскимъ университетомъ,— мы скажемъ, что онъ былъ русскою академіею наукъ, и притомъ по мысли Петра: онъ былъ академикомъ въ высшемъ ученомъ смыслѣ; онъ былъ и профессоромъ академическаго университета, и начальникомъ гимназіи. Онъ удовлетворялъ тѣмъ двумъ задачамъ, которыя возложены были Петромъ на академію: дѣйствовалъ какъ ученый, удовлетворялъ и педагогическимъ потребностямъ, издалъ реторику, грамматику, лѣтописца и переводы физики, металлургіи.

Мы обратили исключительное вниманіе на первый періодъ въ исторіи академіи, потому, что онъ менѣе извѣстенъ и объясненъ; до сихъ поръ кромѣ статьи Фусса въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ») не было попытки написать очеркъ исторіи академіи; въ сочиненіи г.—ка такъ много новыхъ подробностей относительно этого занимательнаго періода, что мы почли за нужное передать ихъ читателямъ, оставляя въ сторонѣ второй, болѣе извѣстный, періодъ исторіи академіи.

DICHTERKANON. Ein Versuch, die vollendetsten Werke der Dichtkunst aller Zeiten und Nationen auszuzeichnen, nebst gedrängter Vorbereitung auf das Lesen der aufgeführten Schriften und Angabe der gewandtesten deutschen Uebersetzungen. Von Dr. Johann Heinrich Neukirch, ord. Professor an der St. Wladimir—Universität zu Kiew.—Kiew, 1853.

Книга эта, по своему предмету, весьма интересная новость въ нашей литературѣ, очень бѣдной подобными сочиненіями, которыми

Digitized by Google

такъ богаты другія европейскія литературы, особенно французская и нѣмецкая, имѣющія, подъ разными названіями, множество библіографій, исторій и характеристикъ литературъ всѣхъ націй въ общности и отдѣльно: жаль только, что полезная цѣль этаго сочиненія, въ отношеніи нашей литературы не вполнѣ достигается, потому что оно писано не по-русски; въ отношеніи же литературы, на языкѣ которой писано, сочиненіе это, какъ изданное въ Россіи—могло имѣть существеннѣйшій интересъ, если бы въ немъ было болѣе обращено вниманія на литературу русскую. Впрочемъ, каковы бы ни были достоинства и недостатки этой книги, она по своему предмету, безъ сомнѣнія, есть весьма замѣчательное явленіе въ современной нашей литературѣ и заслуживаетъ всеобщую извѣстность въ кругу образованныхъ читателей: съ этою цѣлію и предлагается здѣсь слѣдующее ея обозрѣніе.

«Dichterkanon» есть собственно *руководство* (то, что Нѣмцы называютъ Handbuch, а Французы Manuel) *къ изученію всемірной поэзіи*. Оно объемлетъ древность и новыя времена, заключаетъ въ себѣ указатель «совершеннѣйшихъ» (vollendetsten) поэтическихъ произведеній у Китайцевъ, Индійцевъ, Персовъ, Арабовъ, Евреевъ, Грековъ, Римлянъ, Италіанцевъ, Испанцевъ, Португальцевъ, Французовъ, Англичанъ, Скандинавовъ, Голландцевъ, Датчанъ, Шведовъ, Русскихъ, Поляковъ, новыхъ Грековъ и наконецъ Нѣмцовъ. У каждаго изъ этихъ народовъ упомянуты «значительнѣйшіе» (bedeutendsten) поэты и ихъ произведенія, съ изложеніемъ содержанія ихъ, краткими объяснительными замѣчаніями и означеніемъ лучшихъ переводовъ ихъ на нѣмецкомъ языкѣ.

Вотъ *содержаніе* «Dichterkanon», очевидно, богатое и вполнѣ объемлющее сферу своего предмета, т. е. *поэзію всѣхъ временъ и народовъ*. Но предметъ этотъ можетъ быть разсматриваемъ двояко: критически и исторически; въ первомъ отношеніи писатели разсматриваются какъ *образцы*, а ихъ произведенія какъ *примѣры* въ подтвержденіе правилъ теоріи искусства, во второмъ какъ *представители* проявленія духа народнаго въ свободной дѣятельности; тамъ поэзія трактуется какъ искусство само по себѣ,—здѣсь оно является не отвлеченной идеей, но дѣйствительнымъ органомъ жизни народной, такъ что настоящее объясняется прошедшимъ, и вліяніе духа времени на писателей и обратно ихъ на свое время играетъ въ оцѣнкѣ ихъ болѣе важную роль, нежели отношеніе ихъ къ вѣчному идеалу изящнаго и непосредственное ихъ значеніе. Какъ же смотрѣлъ авторъ разбираемаго сочиненія на предметъ свой? Въ началѣ книги его есть родъ *предисловія* и *введенія* (als Vorrede und Einlei-

Digitized by Google

tung), подъ заглавіемъ «Ein Abend aus einem harmlosen Leben»; но особенная форма описанія этаго дружескаго литературнаго вечера, съ подробностями, слишкомъ частными, и мнѣнія собесѣдниковъ и собесѣдницъ, слишкомъ личныя, совершенно устраняютъ это предисловіе и введеніе отъ правъ на него критики. Впрочемъ, мимо убѣжденія автора, высказаннаго здѣсь устами того лица, подъ которымъ онъ представилъ себя, самая классификація избранныхъ имъ поэтовъ каждой эпохи и каждой націи, обнаруживаетъ, что авторъ, при индивидуально-эстетическомъ преимущественно направленіи, не чуждъ, однакожъ, и національно-историческаго воззрѣнія и даже интереса современнаго, въ чемъ легко удостовѣриться хоть, напримѣръ, изъ слѣдующаго списка представителей, родной автору, *нѣмецкой поэзіи*:

1. Пѣсня Нибелунговъ.
2. Гудрунъ.
3. Гартманъ изъ Ауэ.
4. Готфридъ Стразбургскій.
5. Вольфрамъ изъ Эшембаха.
6. Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде.
7. Галлеръ.
8. Клопштокъ.
9. Лессингъ.
10. Виландъ.
11. Гердеръ.
12. Шредеръ.
13. Бюргеръ.
14. Гёте.
15. Фоссъ.
16. Шиллеръ.
17. Иффландъ.
18. Гебель.
19. Коцебу.
20. Жанъ-Поль.
21. Цшоке.
22. Стеффенсъ.
23. Тикъ.
24. Генрихъ фонъ-Клейстъ.
25. Брентано.
26. Де-Ламотъ-Фуке.
27. Шамиссо.
28. Братья Гримъ.
29. Уландъ.
30. Эрнстъ Шульце.
31. Рюккертъ.
32. Зейдлицъ.
33. Спиндлеръ.
34. Платенъ.
35. Гейне.
36. Михаилъ Бееръ.
37. Шеренбергъ.
38. Мозенъ.
39. Группе.
40. Мёрине.
41. Лаубе.
42. Гуцковъ.
43. Гаммеръ.
44. Ауэрбахъ.
45. Геббель.
46. Клинкель.
47. Гейбель.
48. Редвицъ.
49. Вальдау.
50. Телькампфъ.
51. Роккетте.

Авторъ совершенно правъ, что не ограничилъ себя здѣсь исключительно *художественною* стороною поэзіи, но далъ мѣсто *первобытной* народной поэзіи, и писателямъ, содѣйствовавшимъ посте-

Digitized by Google

ценнымъ успѣхамъ *искусственной* поэзіи, и *современнымъ* знаменитостямъ, удовлетворяющимъ образованному вкусу своихъ соотечественниковъ. Жаль только, что онъ не вездѣ слѣдовалъ этому направленію, въ ущербъ достоинства своего сочиненія, какъ это увидимъ далѣе.

Существенныя *достоинства* подобнаго рода сочиненій суть *точность и полнота*. Въ первомъ надо отдать справедливость добросовѣстному труду автора, который не говоритъ ничего на-обумъ, но на основаніи непосредственнаго изученія упоминаемыхъ имъ поэтовъ и извѣстнѣйшихъ изслѣдованій объ нихъ, а также съ любовію слѣдитъ трактуемый предметъ въ послѣднемъ современномъ развитіи.—Что же касается до полноты, то этимъ качествомъ разбираемая книга похвалиться не можетъ: въ доказательство представляется здѣсь, изъ обозрѣнія содержанія всего сочиненія, какъ наиболѣе всѣмъ извѣстная, *поэзія французская* (*), въ краткомъ перечнѣ:

1. Блангистъ (L'avocat Patelin).
2. Рабеле (La vie de Gargantua et de Pantagruel).
3. Корнель (Le Cid, Horace, Cinna, ou le clemence d'Auguste, Rodogune).
4. Лафонтенъ (Fables).
5. Мольеръ (L'ecole des maris.—L'ecole des femmes.—Le misantrope.—Le medecin malgré lui.—Tartufe, ou l'imposteur.—L'avare.—Le bourgeris gentilhomme.—Les femmes savantes.—Le malade imaginaire).
6. Расинъ (Britanicus.—Iphigenie.—Phedre.—Athalie).
7. Реньяръ (Le joueur).
8. Фенелонъ (Les avantures de Telemaque).
9. Лесажъ (Histoire de Gilblas de Santillaine.—Turcaret.—Crispin rival de son maître.
10. Вольтеръ (La pucelle.—Romans.—Brutus.—Zaire.—Merope.—Alzire).
11. Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ (Paul et Virginie).
12. Г-жа Сталь (Corine, ou l'Italie).
13. Шатобріанъ (Atala.—René.—Les aventures du dernier Abencerage).
14. Беранже (Chansons).

(*) Вспомнимъ здѣсь замѣчаніе изъ литературной бесѣды (въ предисловіи и введеніи) объ общеизвѣстности французскихъ писателей, которые повсюду читаются преимущественно, а въ Россіи—болѣе нежели писатели всѣхъ другихъ націй, взятыхъ вмѣстѣ. (Dichterkanon, стр. 17).

Digitized by Google

15. Ламартинъ (Meditations poëtiques.—Iosselin).
16. Делавинь (L'ecole des vieillards. — Louis XI).
17. Де-Виньи (Cinq-Mars, ou une conjuration sous Louis XIII).
18. Викторъ Гюго (Odes et Ballades.—Orientales.—Feuilles d'automne.—Rayons et ombres.—Chants des crepuscules.—Voix interieures.—Hernani, ou l'honeur Castilien.— Notre Dame de Paris).
19. Жоржъ-Зандъ (Jacques.—Consuelo.—La petite Fadette.—Moliere.—Mariage de Victorine).
20. Ферри (Le coureur des bois).
21. Луи-Рейбо (Jerome Paturot à la recherche d'une position sociale.)
22. Ожье (Gabrielle.—Diane).

Прежде всего странно бросается здѣсь въ глаза имя *Бланшэ*, а между тѣмъ нѣтъ гораздо болѣе извѣстнаго въ томъ же родѣ *Скаррона*, перваго мужа мадамъ Ментенонъ, автора гораздо болѣе замѣчательнаго, нежели «L'avocat Paturot»—«le Roman Comique», «le heros du genre burlesque», какъ называетъ Лагарпъ (*). И вотще привычное зрѣніе во главѣ значительнѣйшихъ поэтовъ французскихъ ищетъ знаменитаго имени отца французской поэзіи и французскаго языка — *Малерба*.... Нѣтъ и *Жанъ-Баптиста Руссо* — славнаго лирика блистательнаго вѣка Людовика XIV... Нѣтъ и *Боало*, законодателя вкуса и искусства поэтическаго, не только во французской, но во всѣхъ литературахъ того времени и далеко позже, даже до нашего, котораго, притомъ, сатиры представляютъ любопытную картину нравовъ столь любопытной эпохи.... А *Шолье*—«le premier des poetes négligés», по остроумному выраженію Вольтера — этотъ прототипъ легкой поэзіи вообще и французской въ особенности!.... Нечего уже говорить о *Парни*, котораго, впрочемъ, стихи, въ свое время такъ много и всѣдѣ читались, которому такъ много и повсюду подражали; нечего называть г-жу *Дезульеръ* или *Делиль*, образцовъ въ родѣ, хотя ложномъ въ основаніи, но имѣющемъ свое мѣсто въ исторіи искусства; нечего упоминать ни трагика *Кребильйона*, французскаго Эврипида, ни, извѣстнаго своими операми въ вѣкъ Людовика XIV, *Кино*—«le créateur et le modele d'un nouveau genre, de poëme dramatique» (**), ни комиковъ *Мариво*, *Детуша*, *Грессета*, которыхъ піесы (и нѣкоторыя слишкомъ извѣстныя, какъ на примѣръ, «Le philosophe marié,» «le Glorieux,» «Mechant»), долго составляли

(*) Lycée, ou cours de litterature ancienne et moderne, Paris, 1834, T. I. p. 433.
(**) Idem, p. 6, n. 8.

Digitized by Google

лучшій репертуаръ французскаго и другихъ европейскихъ театровъ.... Но странно, очень странно, не встрѣтить имени *Пиррона* — автора знаменитой «Metromanie»; а еще страннѣе не видѣть *Бомарше*— безсмертнаго творца никогда не умирающихъ «Le Barbier de Seville» и «Noces de Frigaro». Недостаетъ здѣсь и еще двухъ именъ, весьма замѣчательныхъ, каковы *Лашоссе*, авторъ множества прекрасныхъ пьесъ, которыми онъ ввелъ въ театръ французскій особенный родъ такъ называемой «смѣшанной комедіи», и которыя въ продолженіи полувѣка имѣли огромный успѣхъ на французской сценѣ; равно какъ *Дидеротъ*—преобразователь французскаго театра, родоначальникъ новой драмы, которой онъ положилъ начало особенно созданнымъ родомъ, такъ называемой, «домашней трагедіи», и котораго важное вліяніе на нѣмецкій театръ не безъизвѣстно автору.—При имени автора «Телемака» не льзя не вспомнить *Мармонтеля*, котораго «Belisaire» принадлежитъ къ той же категоріи, автора «Les Incas», «Contes moreaux» и «Contes nouveaux», а также *Флоріона*, котораго «Gonsalve de Cordoue» столь знаменитъ во французской литературѣ, сколько извѣстенъ въ другихъ. Когда говоришь о романистахъ, самъ собою приходитъ на мысль *Аббатъ Прево* съ его « Manon Lescaut», — которая , по справедливому замѣчанію современнаго критика (*), «soutient à jamais son nom au dessus du flux des années, et le classe de pair, en lieu sûr, à côte de l'élite des écrivains et des inventeurs.» Но что сказать, не находя *Жанъ-Жака Руссо*, автора «Nouvelle Héloise», составлявшаго предметъ самаго искренняго восторга современниковъ и остающагося на всегда предметомъ достойнымъ изученія для потомства, не смотря на различіе націй, котораго краснорѣчивый авторъ исторіи литературы XVIII вѣка почтилъ этими вѣрными словами: «Si, parmi les écrivains illustres de ce siècle, il en est un qui ait eu une influence particuliere, et qui ne se soit pas asservi à suivre le mouvement commun; c'est sans doute Rousseau qui a obteuu cet honneur.... Les autres sont parvenus à plaire, Rousseau a excité l'enthousiasme; et se qui honore à la fois l'écrivain et ses admirateurs, c'est qu'un tel succès est dû en partie à des opinions plus nobles, à un langage rempli de plus de force, d'enthousiasme et d'émotion (**)». Не удивительно послѣ этого не встрѣтить именъ г-жъ *Лафаетъ* или *Жанлисъ* — столько же извѣстныхъ историческихъ, какъ и литературныхъ знаменитостей.

(*) Critiques et portraits littéraires par Sainte-Beuve. Bruxelles, 1837, t. II p: 176.

(**) Tableau de la Literature française au dix—huitieme siècle par M. de Barante, Paris, 1849, p. 120—121.

Digitized by Google

Еще болѣе вправѣ претендовать на автора современная французская литература.—Такъ, продолжая рѣчь о романистахъ, напрасно станете искать *Сенанкура* съ его «Оберманомъ», или *Бенъ-Жамена Констанца* съ его «Адольфомъ»; но вы не находите — когоже?— *Бальзака*, о которомъ тотъ-же Сенъ-Бевъ очень мѣтко и очень мило замѣтилъ, говоря о его всесвѣтномъ вліяніи, что «l'Europe tout entière lui était comme un parc ou il n'avoit qu'à se promener pour y rencontrer des amis, des admirateurs, des hospitalités empressées et somptueses». (*) Не удостоились чести упоминанія болѣе нежели извѣстности нашихъ дней повсюду, гдѣ только читаются книги, каковы, на примѣръ, *Сю*, *Дюма*... О другихъ современныхъ французскихъ романистахъ и нувелистахъ, между которыми, однакожъ, такъ много талантовъ блистательныхъ, оригинальныхъ, и спрашивать нечего.... Изъ лирическихъ поэтовъ нѣтъ ни *Дезожье*, ни *Барбье*. Изъ драматическихъ писателей, съ изумленіемъ оглядываясь, вы не замѣчаете *Скриба*, и, послѣ этаго, вы уже не ищите ни *Мериме*, или *Альфреда де-Мюссе*, ни автора прекрасныхъ классическихъ анахронизмовъ *Понсара*.—Нечего уже говорить о пропускѣ значительныхъ произведеній у поименованныхъ писателей, какъ на примѣръ у Лафонтена «Psychée», у Вольтера «Henriade», у Шатобріана «Martyres», у Ламартина «Harmonies poëtiques et religieuses», или такаго выбора лучшихъ произведеній, какъ у *Жоржъ-Занда*, гдѣ нѣтъ— не говоря уже о «Indiana», «Lelia», «Valentina», — такихъ романовъ, какъ «Horace», «André», «Lucrezia Floriani», «Piccinino», или такихъ повѣстей, какъ «Teverino», «Marais au diable», «François de champi»...

Отъ содержанія разбираемой книги перейдемъ къ ея *изложенію*.—Выше было замѣчено о добросовѣстной тщательности автора, котораго изслѣдованія суть плоды непосредственнаго знакомства его съ своимъ предметомъ изъ самихъ источниковъ. — Жаль только, что и эта тщательность обнаруживается не вездѣ, и именно—неопредѣлительность, поверхность и неполнота изложенія слишкомъ неблагопріятно выказывается въ статьѣ *о Русской литературѣ*.

Неопредѣлительность статьи о русской литературѣ не требуетъ доказательствъ (**). Напримѣръ, нужно-ли указывать на этотъ поименный списокъ, въ видѣ прибавленія, начинающійся *Словомъ о полку Игоревѣ*, за которымъ слѣдуетъ *Ломоносовъ*, и въ которомъ *Державинъ*, *Фонъ-Визинъ*, *Карамзинъ*, *Жуковскій*, *Грибоѣдовъ* помѣщены наровнѣ съ второстепенными литературными дѣйствователями и современными, еще только начинающими, писа-

(*) Causeries de lundi par Saint-Beuve, Paris, 1851, t. 11. p. 426.

(**) Мы исключили полный переводъ ея, предложенный рецензентомъ. *Ред.*

Digitized by Google

телями, подъ странной фирмой предварительнаго примѣчанія (*)? Для кого нужно объяснять, что *Слово о полку Игоревѣ*, вмѣстѣ съ *пѣснями* и *сказками*, принадлежитъ къ памятникамъ народной поэзіи, заключающейся въ огромномъ пріуготовительномъ періодѣ нашей *литературы* до Петра 1-го? Кто не знаетъ непосредственно великаго поэтическаго достоинства «Слова о полку Игоревѣ», равно важнаго его историческаго значенія, какъ живой картины современной эпохіи, проникнутой притомъ глубоко-патріотическимъ воодушевленіемъ? Кому неизвѣстны и непререкаемыя титла, усвоенныя Ломоносову—преобразователя языка, творца литературы во всѣхъ ея видахъ и перваго поэта въ формѣ *искусственной* поэзіи, имъ созданной? А Державинъ—герой-исполинъ русской поэзіи?... А Карамзинъ и Жуковскій—два свѣтлыя имени, которыми гордится наше отечество какъ доблестнѣйшими своими сынами?... А Фонъ-Визинъ, Грибоѣдовъ—столь художественные живописцы современныхъ нравовъ и притомъ великіе комическіе писатели?... Для кого же нужно толковать достоинство и значеніе въ нашей литературѣ всѣхъ этихъ первостепенныхъ знаменитостей?...

Поверхностность характеристикъ трактованныхъ писателей—*Крылова*, *Пушкина* и *Гоголя*, также не менѣе очевидна. Впрочемъ, въ отношеніи Крылова и Гоголя, самъ авторъ предупреждаетъ, что произведенія ихъ столь народны, что могутъ быть понимаемы и цѣнимы только коротко знакомыми съ русской жизнію. (**) Вѣроятно, вслѣдствіе этого пропущены капитальнѣйшія произведенія Гоголя, какъ напримѣръ: *Мертвыя души*, *Ревизоръ*, *Игроки*, *Шинель*. Но въ произведеніяхъ Пушкина, пропущенныхъ авторомъ, (и произведеніяхъ наиболѣе зрѣлыхъ,) *исключительная національность* не могла быть причиною незнанія такихъ изъ нихъ, каковы — *Сцена изъ Фауста*, *Пиръ во время чумы*, *Моцартъ и Сальери*, *Скупой Рыцарь*, *Каменный гость*. Да притомъ авторъ могъ бы познако-

(*) Вотъ подлинныя слова этаго примѣчанія по Нѣмецки: «Wen die russische Litteratur näher angeht, dessen Aufmerksamkeit werden ausser den erwähnten Dichtungen auch die hier nicht genannten Werke Puschkin's und Gogol's und dann vornehmlich noch folgende Dichter und Dichtungen in Anspruch nehmen dürfen».... (стр. 430.)

(**) Вотъ подлинныя слова о басняхъ Крылова «Ausserdem sind sie meist so volkshümlich, dass man das russische Leben genau kennen muss, um sie ganz zu verstehen und nach ihrem poëtischen Werthe richtig zu beurtheilen». (стр. 424.). Почти тоже повторяется и по поводу сочиненій Гоголя: «Grosstentheils sind seine Schriften aber so national, dass sie wohl nur von denjenigen, die das russische Leben genau kennen, völlig verstanden und genossen werden können». (стр. 429).

Digitized by Google

ниться съ ними хоть посредствомъ статьи К. А. Варнгагена фонъ Энзе о сочиненіяхъ Пушкина, изданныхъ по смерти его, которая тогда же была помѣщена въ Berliner Sahbneher für Wochensehastlichen Kritik, извѣстной и русскимъ читателямъ, ибо она была переведена въ двухъ русскихъ журналахъ.... И какое сравненіе одушевленныхъ характеристикъ произведеній Пушкина въ этой статьѣ съ безцвѣтными и ничего не объясняющими изложеніями ихъ въ разбираемой книгѣ! (*)

Еще рѣзче обнаруживаются въ этой статьѣ пропуски значительнѣйшихъ нашихъ писателей и ихъ произведеній. Назвавши *Богдановича*, необходимо было назвать при немъ *Хемницера* и *Аблесимова*, которые имѣютъ на это не менѣе, если не болѣе, права: ибо первый своими «Баснями», а второй своимъ «Мельникомъ» гораздо болѣе, нежели Богдановичь своей «Душенькой», были поэтами своенародными и оригинальными.—Упоминая *Языкова* и *Баратынскаго*, можно ли забыть *Козлова*? А *Баронъ Дельвигъ*, *Князь Вяземскій*, *Хомяковъ*? Изъ новѣйшихъ лирическихъ поэтовъ какъ не упомянуть о *Кольцовѣ*—талантѣ столь же свѣжо-національномъ, сколько истинно-поэтическомъ?... Изъ современныхъ же удивительно не встрѣтить *Павлова*, странно, при имени *гр. Сологуба*, не видѣть *князя Одоевскаго*, непонятно не найдти *Даля*, *Квитку*, *Вельтмана*.... Изъ писательницъ названа только одна *Евгенія Тур*ъ, начавшая писать очень недавно, а пропущена *графиня Ростопчина*, которой «Стихотворенія» составляютъ давно уже украшеніе русской поэзіи; пропущена г-жа Павлова, поэтъ въ настоящемъ значеніи этого слова, умолкнувшій, впрочемъ, въ послѣднее время; не упомянуты также, не говоря уже о другихъ, ни *Гамъ*, ни *Жукова*, ни *Глинка*.... Изъ начинающихъ писателей обозначены *Островскій и Писемскій*, а обойденъ *Меншиковъ*, котораго драматическіе этюды давно уже извѣстны какъ истинно-художественныя произведенія. А сколько остается еще, кромѣ упомянутыхъ здѣсь, замѣчательныхъ талантовъ, отличившихся и отличающихся въ нашей литературѣ!... Сколько пропущено достойныхъ произведеній и у поименованныхъ писателей!...

(*) Автору, вѣроятно, не безъизвѣстно сочиненіе Кёнига: «Literarische Bilder aus Rusland, 1837», а, можетъ быть, и недавно изданный нѣмецкій переводъ книги, написанной въ Нью-іоркѣ, подъ псевдонимомъ Тальви, г-жею Робинзонъ, урожденною Якоби, подъ заглавіемъ «Uebersichtliches Handbuch einer Geschichte der Slavischen Sprache und Literatur, nebst einer Skizze ihrer Volkspoesie von Talvj, mit einer Vorrede von Edward Robinson, Deutsche Ausgabe, übertragen und bevorwortet von D. B. K. Brühl, Leipzig, 1852», въ которомъ дано значительное мѣсто русской литературѣ и русской народной поэзіи.

Digitized by Google

Напримѣръ, нельзя не замѣтить о пропускѣ такихъ значительныхъ произведеній, какъ «Басни» *Дмитріева*, которыми онъ, послѣ Хемницера, проложилъ дорогу Крылову, какъ романы *Лажечникова* «Послѣдній Новикъ» и «Ледяной Домъ», или столь близко современныхъ намъ, какъ комедіи Тургенева «Холостякъ» и «Провинціалка», какъ лучшія произведенія *Григоровича* «Мать и дочь», «Свѣтлое Христово воскресеніе», «Смѣдовская долина» и проч....

Нѣтъ сомнѣнія, что статья о русской литературѣ въ настоящемъ ея видѣ для русскихъ *безполезна*, а для иностранцевъ не *удовлетворительна*: въ этомъ случаѣ равномѣрно въ правѣ претендовать на автора и мы, что литература русская представлена въ такомъ видѣ въ книгѣ, авторъ которой гражданинъ нашего отечества, и они, что не найдутъ ожидаемыхъ ими удовлетворительхъ свѣденій о русской литературѣ въ книгѣ, изданной въ Россіи. Такому же нареканію подлежитъ и слѣдующая за статьей о литературѣ русской статья о литературѣ польской, ограниченная нѣсколькими строками объ одномъ только писателѣ. Трудно повѣрить, чтобы въ сочиненіи, напечатанномъ въ *Кіевѣ* и написанномъ профессоромъ *Кіевскаго университета*, о польской литературѣ сказано было слишкомъ мало.

Неужели автору «Dichterkanon» не извѣстенъ *Богданъ Залѣсскій* и его прелестныя поэтическія созданія «Marya», «Zamek Kaniowski», Koscielisko», — которому общій голосъ соотечественниковъ даетъ столь блистательное мѣсто въ своей литературѣ: такъ, по свидѣтельству одного изъ новѣйшихъ историковъ польской литературы (*), «Богданъ Залѣсскій принадлежитъ къ навзнаменитѣйшимъ лирическимъ поэтамъ, и своею прекрасною Organa Mowa, превышаетъ всѣхъ поэтовъ и пишущихъ прозой»; да и другой говоритъ (**): «онъ стоитъ, какъ правдивый повѣдатель прошедшихъ временъ Польской Украйны, какъ поэтъ самобытнѣйшій, и какъ художникъ (мастеръ) языка, который онъ облекъ въ одежду чудной, незнакомой дотолѣ мелодіи». Нечего уже говорить о такихъ поэтахъ, каковы *Антоній Одынецъ*, *Юліанъ Корсакъ*, *Александръ Ходзько*, которые, кромѣ оригинальныхъ своихъ произведеній, болѣе знамениты въ польской литературѣ какъ лучшіе переводчики одинъ Вальтера Скотта, Байрона, Мура, Шиллера, другой изъ восточныхъ языковъ, третій ново-греческой поэзіи. Но какъ не знать столь извѣстнаго драматурга и романиста польскаго, какъ *I. Корженевскій*, и его, кромѣ множества драмъ и комедій,

(*) Historya, Literatura u krytyka Literatura Polsku w vozwinieciu historycznem Jana Majorkiewicza. Warszawa. 1850 стр. 335.

(**) Historya Literatury Polskiey w Zarysach K. Wl. Woyciekiego. Warzawa, 1846, т. VI, стр. 137.

Digitized by Google

такихъ произведеній, какъ «Karpacy Gorate», «Andrzej Batory», «Pani Kastelianowa» и «Zydzi», или, кромѣ множества другихъ, такихъ его повѣстей и романовъ, какъ «Speculant», «Kollokacya», «Emeryt», «Wedrowki Originala», «Tadeucz Besmienny».? Такой же современной извѣстностью въ Польшѣ и въ Россіи пользуется одинъ изъ плодовитѣйшихъ польскихъ писателей нашего времени *И. Крашевскій*: изъ множества его повѣстей и романовъ довольно назвать болѣе извѣстныя, напримѣръ: «Poeta i swiat», «Cate zycie biedna», Historya o bladèi dziwezynie z pod ostrej—Bramy», Mistrz Twardowsky», Ostatnia z Kniezat Sluskich», «Wedrowki literackie, fantastyczne chistoryczne», «Utana», «Pod wtoskiem niebiem», «Pamietniki nieznajomego», «Budnik», «Stary Sluga» и проч. А *М. Грабовскій*, съ его «Stepy i koliszczyzna»? Или знаменитый новѣйшій романистъ польскій *Ржевусскій*—авторъ «Pamietniki Slachtica Litewskiego», «Listorael», «Adam Smigielcki Starosta Gniez—nieski», «Zamek Krakowski» и другъ.

Послѣ сдѣланныхъ доселѣ *частныхъ* замѣчаній, остается взглянуть *вообще* на разбираемую книгу. Въ началѣ этого обозрѣнія замѣчено, что «Dichterkanon» —сочиненіе весьма интересное по своему предмету, весьма полезное по своей цѣли, весьма почтенное по труду, употребленному при его составленіи, и вообще отличается добросовѣстною тщательностью въ изслѣдованіи своего предмета до подробностей даже въ самомъ послѣднемъ современномъ развитіи: въ примѣръ пріятно указать на приведенные переводы Фирдуси и Гафица, или Гартунговы переводы Софокла и Еврипида, вышедшіе только въ 1851 году; на Берово сочиненіе о Дантовой поэмѣ, изданное въ 1852 году, на два американскіе романа — Гавторла «Домъ о семи шпиляхъ», и миссъ Шове. «Хижина дяди Тома», который явился въ то время, какъ книга печаталась, и потому о немъ сказано въ особомъ дополненіи. Но при такой точности въ обработкѣ своего предмета, чему же можно приписать пропуски, — нечего говорить уже о *Римской поэзіи*, потому что недостающія въ ней значительныя имена принадлежатъ такъ называемой *эпохѣ упадка* литературы римской,—или же въ *Греческой поэзіи Анакреона*, котораго произведенія авторъ, въ качествѣ филолога, можетъ быть, заподозрѣваетъ въ подлинности, хотя это уже діаметрально противорѣчило бы съ эстетической точкой зрѣнія на поэзію, господствующею въ его книгѣ;—но какъ же объяснить, напримѣръ, статью о *Еврейской поэзіи*, въ которой говорится только о *псалмахъ и книгѣ Іова*? Неужели авторъ не при-

Digitized by Google

знаетъ поэтическаго достоинства во вдохновенныхъ изліяніяхъ души Царя-поэта *Соломона*, или же въ пророчествахъ пламеннаго *Исаіи*, скорбнаго *Іереміи*, ясновидца *Іезекіиля* и проч.? Поэзія эта, притомъ, столь близкая намъ и по своему религіозному значенію, требовала болѣе вниманія.—Изъ новѣйшихъ, нельзя пропустить поэзіи *Голландской* и поэзіи *Ново-Греческой*, изложенныхъ столь же недостаточно, какъ и поэзія Польская. Наконецъ, какимъ образомъ согласить классификацію поэтовъ, выборъ ихъ произведеній и опредѣленіе ихъ достоинства въ «Dichterkanon», отзывающіеся слишкомъ личнымъ произволомъ автора, съ собственнымъ его убѣжденіемъ, высказаннымъ, устами лица, подъ которымъ онъ изобразилъ себя въ предисловіи и введеніи, гдѣ именно, и совершенно справедливо, говорится, что въ сужденіяхъ о поэтахъ и поэтическихъ произведеніяхъ не должно основываться исключительно на своемъ мнѣніи, но, такъ сказать, прислушиваться къ общему голосу лучшихъ критиковъ о непосредственномъ достоинствѣ поэтовъ и ихъ произведеній; относительно же національнаго значенія поэтовъ и ихъ произведеній вѣрнѣе всего руководствоваться мнѣніемъ соотечественниковъ, ибо въ этотъ случаѣ, лишь какъ исключеніе, иногда иноземецъ можетъ яснѣе видѣть, нежели соотечественникъ. (*) Въ этомъ отношеніи пишущій эти строки правъ предъ авторомъ разбираемой книги, слѣдуя вездѣ его же правилу въ опредѣленіи значенія поэтовъ и достоинства ихъ произведеній.

Въ заключеніе, искренно желательно, чтобы настоящее изданіе «Dichterkanon» разошлось какъ можно скорѣе, и авторъ имѣлъ бы возможность приступить ко второму изданію своей книги—*исправленному и умноженному, притомъ по-русски*, и въ такомъ:

(*) Вотъ буквально это мѣсто: Vor allen Dingen muss man nicht selbst alles beurtheilen wollen, sondern darauf achten, wie von anderen über die Dichter und deren Werke geurtheilt worden; man muss die Stimmen sammeln. Wenn alle oder die meisten kritischen Werke darin übereinstimmen, dass irgend ein Dichter gross oder gering, bedeutender oder weniger bedeutend sei, als ein anderer, oder dass irgend eine Dichtung vorzüglicher oder weniger vorzüglich, als eine andere, sei, so wird man gewöhnlich auch nicht irren, wenn man es mit der herrschenden Ansicht hält. Hierbei ist es aber von Wichtigkeit, nicht bloss die Litteraturgeschichten einer Nation zu Rathe zuziehen, sondern die mehreren. Nur über den relativen Werth der Dichter einer und derselben Nation wird man vorzugsweise dem Urtheile von deren Landsleuten Aufmerksamkeit schenken müssen. Denn wohl nur ausnahmsweise kommt es vor dass hier ein Ausländer schärfer sieht, als die Einheimischen. (стр. 21).

Digitized by Google

случаѣ съ указаніемъ, *не только нѣмецкихъ переводовъ*, но и переводовъ на другіе главнѣйшіе европейскіе языки, какъ-то: французскій и англійскій, а также и на русскій; теперешнее же предисловіе и введеніе,—очевидно предназначаемое «для немногихъ», замѣнилъ бы положительнымъ объясненіемъ *точки взгляда* (standpunct) на свой предметъ и его развитіе. **и м.**

—

Протокулъ Стародубскаго Магистрата *до записованя справъ, или дѣлъ поточныхъ*, т. е. текущихъ, *на рокъ 1690*. Первоначально помѣщенъ въ Черниг. Губерн. Вѣдомостяхъ, 1852 г.

Жизнь народа, какъ многостороннее цѣлое, требуетъ объемлющаго, всесторонняго воззрѣнія, для полнаго своего пониманія. Съ другой стороны, какъ жизнь одного, цѣльнаго организма, она чувствуется въ каждой своей точкѣ и отражается въ каждой своей грани. И пѣсни и пословицы, и повѣрья и обряды, и пляски и игры, все носитъ на себѣ печать народа, его духа, мѣста и времени. Дѣло только въ бо̀льшей или меньшей ясности и непосредственности того образа, который составляетъ себѣ наблюдатель о народѣ по этимъ явленіямъ его жизни. Что̀ до насъ, мы думаемъ, что изо всѣхъ сторонъ, въ которыхъ жизнь народа проявляется, сторона юридическая есть самая живая, полная, непосредственная и ясная, и что знакомство съ юридическими памятниками, въ обширномъ ихъ знаніи, составляетъ средство самое вѣрное къ познанію народа. Поэтому, мы не можемъ не привѣтствовать такихъ изданій, какъ напр. *Протокулъ*, не смотря на его кажущуюся, по заглавію, незначительность. Для убѣжденія въ томъ своихъ читателей, достаточно указать на нѣкоторыя статьи этого Протокола.

Не станемъ говорить о значеніи магистрата, въ означенное время, въ Стародубѣ и вообще въ Малороссіи. Скажемъ только о составѣ. Тутъ засѣдалъ, *во имя Ихъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества, полковникъ Стародубовскаго полка Михаилъ Маклашевскій; Войсковой товарищъ Лаврентый Боразна*, и *войтъ Спиридонъ Яковлевичъ Ширай*; иногда *Самойло Ивановичъ, судья*, и *Миколай Чарнолузскій, сотникъ Стародубовскаго полка*; сверхъ того, постоянно присутствовали здѣсь два *рочные*, годовые бургомистра: *Борисъ Карповичъ*, который былъ въ то же время и *субделегатомъ Стародубовскаго войтовства*, и *Стефанъ Тимофѣевичъ*; да *райцы*, или ратманы, *лавники*, или засѣдатели, и *вси засѣліи въ майстратѣ*. Передъ ними-то происходили словесныя объявленія, явки, жалобы

Digitized by Google

и споры, которые, выслушавъ и порѣшивъ, члены или урядъ приказывали записывать, про память, въ книги, веденныя очень исправно, какъ это видно изъ разсматриваемаго Протокола, изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, ежегодно. Вотъ нѣкоторыя изъ дѣлъ, бывшихъ въ разсмотрѣніи у Стародубскаго магистрата, 1690 года.

Янв. 1. На магистратѣ сталъ *очевисте*, лично, Дмитро Янченко, житель борзенскій, *явне*, *доброволне*, *при добромъ смыслѣ*, и объявилъ, что онъ, бывъ 1689 г. въ Стародубѣ, по торговымъ дѣламъ, останавливался у мѣщанина Черняченка. Въ то время напала на него какая-то особая *хороба*, болѣзнь, вслѣдствіе которой онъ, покинувши коня и сани у хозяина дома, побѣжалъ *на разныя непроходимыя мѣста*; но, когда Богъ избавилъ его отъ недуга, онъ воротился въ Стародубъ, и тутъ у прежняго своего хозяина Черняченка нашелъ *все свое убожество* цѣлымъ и невредимымъ. За что онъ благодарилъ хозяина, и теперь объявляетъ о томъ уряду: *что урядъ чуючи розказавъ, про память, записати, и есть записано.*

Того же янв. 1, въ магистратѣ ставши, очевисте, Тимошко Матвѣевъ, изъ Озаровки, жаловался на Чорнобая, который, во время его сватьбы, обвязывалъ его неизвѣстно *для* чего, какою-то *портнинкою*, ниткою, и будто бы съ того часа онъ Тимошко не имѣетъ вотъ уже два года, никакого *сполкованя* съ своею женою. Между тѣмъ, Чорнобай, снявши съ него портнинку, тогда же забросилъ ее, а теперь говоритъ, что онъ не можетъ безъ нея помочь горю.—Про память и это записано.

Январ. 2. Андрей Азаровичъ самъ добровольно признался, что онъ долженъ пану Яну Котляру десять копъ и двѣ осьмачки жита, и не имѣя чѣмъ заплатить долгъ свой, предоставляетъ во владѣніе кредитору новый домъ свой въ Новомъ селѣ, въ опредѣленной смежности состоящій, срокомъ до Филипова заговѣнья. А буде онъ того дома къ означенному сроку не выкупитъ, кредиторъ дѣлается хозяиномъ дома полнымъ. *Што, про память, урядъ казавъ записати.*

Янв. 15. Ставши очевисте панъ Есифъ Мартиновичъ, райца стародубовскій, и Петръ Радкевичъ, житель Стародуба, чинили въ магистратѣ отповѣданье: бывши на одномъ званомъ пиру, *на учтѣ*, у Стефана бурмистра, райца и жена его подверглись оскорбленію словами отъ Петра и жены его, за что и были вознаграждены извѣстною *угодою*, съ уговоромъ: ежели впослѣдствіи, гдѣ бы-то ни случилось, на учтѣ или гуляньѣ, Петръ и жена его вновь нанесутъ какое оскорбленіе райцу или *малжонкѣ* его, то виновные подлежатъ штрафу, въ обезпеченіе чего положено въ войсковую шкатулку 200 золотыхъ. *Што, про память, въ книги записано.*

Digitized by Google

Янв. 16. Карпъ Вабашко, Стародубскій житель, разсердившись на Козьму Степановича, тамошняго мѣщанина, билъ его и уличалъ въ кражѣ какаго-то лѣсу, чего впрочемъ не доказалъ, и, по праву посполитому, въ томъ просилъ у обиженнаго прощенія, съ принятіемъ на себя обязательства — подвергнуться штрафу во 100 золотыхъ, если впредь позволитъ себѣ повторить клевету. — 100 золотыхъ внесено въ войсковую шкатулку, а условіе занесено въ книгу магистрата.

Февр. 1. Мартинъ Жученко объявилъ, что проживавшая у него челядка Оксюта, не дослуживши года, отошла къ матери, оставивши у него *отповѣданта* свои пожитки. Впослѣдствіи, челядка требовала своихъ вещей, а Жученко, *не заходячи въ большое право*, возвратилъ ей всѣ ея вещи въ мѣшкахъ, которые также ей принадлежали. Челядка, отнесши вещи къ матери, возвратилась на дворъ Жученка и побросала тутъ мѣшки свои. Предполагая, что это сдѣлано *не даромъ*, не спроста, Жученко принесъ мѣшки въ магистратъ, и просилъ все это записать, *що и одержалъ*.

Того же февр. 1. Карпъ Васильевичъ, погарскій мѣщанинъ, по ремеслу портной, доказывалъ въ магистратѣ, что прежде бывшій ученикъ его, теперь обыватель Стародуба, Василій Плоскуненко укралъ у него нѣсколько сотъ злотыхъ. Отправленные, для изслѣдованія дѣла, или *на инквизицію*, Ширай и Гарабурда не нашли, чтобы Плоскуненко могъ быть заподозрѣнъ въ дѣлѣ, и урядъ положилъ, по праву посполитому, дать обвиняемому очистительную присягу. Но когда обѣ стороны стали на мѣстѣ, гдѣ присяга производилась, то, опасаясь какого-нибудь легкомыслія при такомъ великомъ дѣлѣ, судъ предложилъ сторонамъ—помириться, и онѣ помирились на условіи, впредь этого дѣла не затѣвать на прежнемъ основаніи, а когда явятся другія болѣе доказательныя улики, Карпъ можетъ ими воспользоваться и искать своего права. *Што до книгъ мѣскихъ записано.*

Февр. 6. Данило Микитинъ, житель Дохнова, жаловался на Семена Школчина и Ониска Хоченко, стародубскихъ обывателей, въ томъ, что они, подпоивши родную ихъ тетку, купили у нея пожню за безцѣнокъ, а именно за два талера. Урядъ, находя, что тетка ведетъ жизнь легкомысленную—выходила за двухъ мужей, тратила имущество племянниковъ, приказалъ, чтобы она не имѣла права впредь отчуждать что-нибудь изъ своего имущества.

Февр. 11. Зачопа, пригласивши къ себѣ на винницу, на винокурню, Гришку Шелюту, *наступалъ*, безъ всякой причины, на *учтивое* своего гостя, и оскорблялъ честь его. Урядъ, выслушавши

Digitized by Google

жалобу Шелюты, постановилъ, что если впредь Зачопа позволитъ себѣ оскорбить Шелюту, то истецъ будетъ имѣть право и *открытый форумъ* требовать съ виновнаго уплату убытковъ и безчестья.

Февр. 15. Яковъ Силенко, изъ Соловы, и Татьяна Савина, изъ хутора Приваловаго, чинили отповѣданье, что въ прошлый Филиповъ постъ много покрадено было меду съ ихъ бортей, въ Спасчинѣ. Теперь Кононъ Привалъ объявляетъ, что эту кражу у *жалующихъ* производили—сынъ его, *сознаваючаго*, Ничипоръ, и зять Евдокимъ; онъ на то ихъ не научалъ, да и закрывать не хочетъ. *О чемъ ку расправѣ есть въ книги записано.*

Апр. 26. Ставши *персонально*, панъ Ермолай Остановичъ, райца стародубскій, *жалостно отповѣдался* и *солемнѣ* протестовалъ противъ Евсея Лойка, стародубскаго мѣщанина, въ томъ, что когда онъ, протестантъ, т. е. протестующій, прогуливался наканунѣ по одной площади, вмѣстѣ съ другими добрыми людьми, то Евсей, подпивши, и безъ всякой причины, напалъ на него, протестанта, и поносилъ его оскорбительными словами, *аже до самаго учтиваго приреkаючи, и то изъ устъ своихъ вымолвилъ: ты прежде будешь въ.... цѣловати, нежели сможешь съ вящими мѣщанами конверсовати.* Протестантъ просилъ ту его протестацію до книгъ записать, *что и одержалъ.*

Мая 12. Иванъ Быховецъ, Потапъ Ивановичъ, сынъ его, и Михаилъ Антоновичъ, зять ихъ, ремесломъ сапожникъ, изъ Кричова, дали вѣдати уряду, что до сихъ поръ шла у нихъ размолвка, по причинѣ слуха, что зять Михаилъ держитъ другую жену въ Кричовѣ. Оказалось однакожъ, что слухъ распущенъ *иак о арты*, для шутки, челядиномъ Михаила Ларкомъ, признавшимся въ томъ передъ магистратомъ. Вслѣдствіе чего стороны примиряются и обезпечиваютъ свою мировую внесеніемъ въ войсковую шкатулку 100 злотыхъ.

Но довольно для знакомства съ содержаніемъ *Протокула*. Каждая его статья читается не безъ интереса; поговоримъ объ общемъ впечатлѣніи, которое онъ производятъ во внимательномъ читателѣ. Оставляя безъ разсмотрѣнія спеціальный юридическій вопросъ о томъ, какъ производились и рѣшались дѣла въ Стародубскомъ магистратѣ, въ концѣ XVII в., мы обратимъ свое вниманіе на самое свойство дѣлъ, подлежавшихъ его рѣшенію, на ту жизнь города, которая отразилась въ Протокулѣ Стародубскаго Магистрата. Тутъ все любопытно въ высокой степени, и эта обидчивость стародубскихъ мѣщанъ, вызвавшая столько дѣлъ *о наступаніи на самое учтивое*, какъ бы во свидѣтельство о порядочномъ развитіи ихъ личности; и эта казуистическая осторожность, которая заставляла оповѣдать или протествовать въ магистратѣ по всякому случаю, мог-

Digitized by Google

шему впослѣдствіи содѣлаться судебнымъ дѣломъ, — осторожность, которая доказываетъ порядочную степень юридическаго быта; и это собственное признаніе въ долгахъ и въ проступкахъ, которое такъ часто встрѣчается въ дѣлахъ Протокола, и такъ ясно изображаетъ намъ моральное состояніе обывателей и дѣлопроизводителей; и это похвальное желаніе, по возможности, рѣшать дѣла мировыми сдѣлками, которыхъ мы находимъ довольно въ Протоколѣ; и эта достойная осторожность въ допущеніи обвиняемаго къ *юраменту*, не смотря на право *посполитое*. Судъ о порчѣ такъ же замѣчателенъ, какъ и публичная благодарность, заносимая въ акты, за сбереженіе хозяиномъ имущества постольца. На основаніи всего этаго, мы думаемъ, что всѣ, читавшіе Протоколъ Магистрата Стародубскаго за 1690 годъ, сойдутся съ нами въ желаніи, чтобы изданіе Протоколовъ Старод. Магистрата было продолжено, и чтобы это изданіе вызвало подражаніе и въ другихъ мѣстахъ нашего отечества.

Благодарность редакціи Черниговскихъ Вѣдомостей.

В. ЛИПКОВЪ.

Декаб. 22 1852.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ДОСУГИ. С. Петербургъ. Въ типографіи Якова Трея. 1 ч., въ 12 д. л. стр. 229.

Помните ли вы, любезный читатель, тѣ добрыя старыя времена, когда у насъ выходило много книжекъ и книжечекъ подъ наивными заглавіями: «*Моихъ досуговъ*», «*И моихъ досуговъ*», «*Часовъ досуга*», «*Часовъ отдохновенія*», и другими тому подобными? Тогда на эти наивныя заглавія была мода и была по причинѣ: въ тѣ добрыя старыя времена каждому дѣловому человѣку какъ-то совѣстно было сказать, что онъ занимается литературой, и особенно *стихотворствомъ*, какъ дѣломъ важнымъ, и каждому хотѣлось показать, что онъ пишетъ стихи такъ, шутя и играючи, въ *часы досуговъ*, въ *часы отдохновенія*. Говоря правду, это часто бывала мистификація явная, или, лучше сказать, мистификація горькая, потому что многимъ стихослагателямъ ихъ *досуги* выходили потомъ и кровью, ихъ *часы отдохновенія* были тяжкимъ трудомъ. Но выходя изъ кабинета, они отирали потъ съ лица своего, съ улыбкой говорили: «это я написалъ въ часы досуга, въ часы отдохновенія»,—и ни одинъ *зоилъ* не смѣлъ критиковать автора, отзывающагося о своихъ литературныхъ трудахъ, какъ о дѣтской игрушкѣ!..

Мы никакъ не думаемъ, чтобы авторъ книги, которая теперь передъ нами, вздумалъ, въ настоящее время, повторить эту старинную мистификацію. Мы даже увѣрены, что заглавіе его книги вовсе не ми-

Digitized by Google

стификація, а чистая истина, т. е. что «Литературные Досуги» дѣйствительно писаны въ часы досуговъ, отъ нечего дѣлать; потому что нельзя же заниматься, какъ дѣломъ важнымъ, сочиненіемъ, наприм., такого стихотворенія:

ШАМУНИ.

(Воспоминаніе Іюня 1846 г.)

И Альпы, вижу я, крушатся въ прахъ!
Сатурнъ грызетъ гранитъ на ихъ хребтахъ;
Зима вотще ихъ стережетъ вершины.
Что въ вѣчныхъ льдахъ, снѣгахъ, вамъ, исполины!
Ведутъ борьбу стихіи противъ васъ, —
Пробьетъ и вамъ послѣдній, Альпы, часъ!
Не вѣкъ стоять и гордому Монблану,
Могучему утесовъ великану!
Разрушится, въ прахъ обратится онъ:
Сбѣгутъ его останки въ бездну волнъ.
Къ чему жъ въ горахъ льда, снѣга, водъ громады,
И бури, вихрь, обрывы, водопады?
Здѣсь съ грохотомъ съ горъ глыбы внизъ летятъ,
Лавины въ долахъ груды громоздятъ;
Со всѣхъ сторонъ обломки соскользаютъ,
А воды прахъ съ гранитныхъ скалъ смываютъ.
Рейнъ, Рона, По, Дунай — сей прахъ влекутъ,
Материкамъ въ моряхъ свой бытъ даютъ.
И сколько лѣтъ, какъ Альпы возродились,
Изъ нѣдръ земныхъ граниты взгромоздились,
Прошедъ чрезъ трещины коры земной,
Изъ массы огненной быть взяли свой?
И сколько лѣтъ Монбланъ отягощаютъ,
Устройствомъ, видомъ дивнымъ изумляютъ
Здѣсь рѣки, а тамъ море ледниковъ
И толщи ослѣпительныхъ снѣговъ?
Монбланъ и Альпы такъ живутъ вѣками,
Какъ мы считаемъ жизнь свою часами:
Для горъ, какъ мигъ, столѣтія прошли;
Какъ мы, и Альпы гости на земли.
Что́ вѣки всѣ во времени всевѣчномъ?
Что́ и міры въ пространствѣ безконечномъ?
Такъ шаръ земной, какъ цѣлый міръ, живетъ:
Здѣсь рушится, тамъ юность возстаетъ.
Гдѣ прежде бушевали океаны,
Теперь цвѣтутъ тамъ полной жизнью страны.
И въ нихъ есть все для счастія людей,
Все Богъ содержитъ въ благости Своей!

Это стихотвореніе, какъ вы видите, въ родѣ громко-описательномъ. Вотъ другое, въ родѣ нѣжномъ, идиллическомъ:

Digitized by Google

Какъ я счастлива, довольна!
Мнѣ чего жъ не достаетъ?
Знать я милостей достойна:
Богъ мнѣ въ волю все даетъ.
Какъ меня въ семействѣ любятъ,
Больше всѣхъ отецъ и мать!
И всему благому учатъ:
Какъ мнѣ жить, чего желать.
И какая мнѣ забота?
На лугахъ овецъ пасти;
А подъ деревомъ работа —
Изъ цвѣтовъ вѣнки плести.
Слушаю я птичекъ пѣнье
И свирѣли пастушковъ;
Шелестъ листьевъ, водъ паденье
И журчанье ручейковъ;
Божія дѣла читаю
И на небѣ и средь горъ;
И надъ всѣмъ я размышляю,
Что мой поражаетъ взоръ.
Соберутся ли пастушки:
Ахъ, какъ весело поемъ!
Разойдутся ли подружки:
Каждая сидитъ вдвоемъ.
Мы дружочковъ избираемъ:
На примѣтѣ есть всегда..
Вслухъ и шопотомъ гадаемъ,
Скоро ль наша череда?
Шутки, смѣхи, разговоры:
Наслажденья ль перечесть?
Какъ намъ милы наши горы!
Въ нихъ для счастія все есть.
Мы рѣзвимся на лугахъ —
Бархатныхъ коврахъ съ цвѣтами;
Въ зной, въ душистыхъ здѣсь лѣсахъ
Нѣжимся мы со стадами;
Скачемъ по горамъ, долинамъ;
Тамъ зима, а здѣсь весна;
Будто серны по стремнинамъ,
Чрезъ потоки, гдѣ нѣтъ дна.
Тамъ снѣга и льды предъ нами:
Смерть и старость въ нихъ живутъ,
Здѣсь лѣса, луга съ цвѣтами:
Жизнь и юность намъ даютъ.
Ледъ и снѣгъ насъ восхищаютъ;
Сколько видимъ въ нихъ красотъ!
Солнце и луна лобзаютъ,
Свѣтъ ихъ жизнь снѣгамъ даетъ.

Digitized by Google

Днемъ лучь съ ледникомъ играетъ,
Отблескъ радужный его
Льды въ алмазы превращаетъ,
Будто чары отъ всего.

Въ свѣтѣ западномъ, игривомъ,
Снѣжные верхи блестятъ,
Свѣтлорозовымъ отливомъ
Поцѣлуй имъ шлетъ закатъ.

Ночь — въ звѣздахъ ли на вершинахъ,
Чудны звѣзды, снѣгъ и льды!
Въ мракѣ соловьи въ долинахъ,
Клокотанье воды.

Вдругъ заря все накрываетъ
Лучезарной пеленой;
Вскорѣ, солнце выскользаетъ
Между небомъ и горой.

Рано къ Штаубаху мы ходимъ
Пыль кристальную смотрѣть;
Ближе къ радугамъ подходимъ
Въ волнахъ пыли посидѣть.

Въ зной сидимъ у водопада;
Съ шумомъ пѣнится вода,
Съ брызгами летитъ прохлада:
Здѣсь отрадно намъ всегда!

Ахъ, какъ облака и тучи
На горахъ родятся вдругъ,
И какъ солнца свѣтъ могучій
Расцвѣчаетъ ихъ вокругъ!

Такъ же жизнью наслаждаюсь,
Если и гроза въ горахъ:
Громомъ, гуломъ утѣшаюсь,
Хоть наводятъ вихри страхъ.

Кто же грохота боится,
Если и гора трещитъ,
Комъ огромный снѣга мчится,
Все уноситъ, все можжитъ!

Разъ я подъ скалою скрылась;
Вотъ комъ прыгнулъ черезъ насъ
Страшно буря разразилась;
Мнилось намъ послѣдній часъ.

Днемъ—хорошая погода,
Прелесть зелень и цвѣтки;
Радуетъ насъ вся природа
Птички, пчелки, мотыльки.

На зарѣ насъ манятъ воды,
Къ нимъ идемъ овецъ поить;
Вечеромъ же хороводы,
Какъ ихъ страстно не любить?

Digitized by Google

Что за диво пляски наши
На лужкахъ и при лунѣ!
Пьемъ веселье съ полной чаши.
Что же ночью снится мнѣ?
Въ садикѣ здѣсь засыпаю
Между розъ и лилій я.
Рано очи раскрываю
При мелодьи соловья.
Какъ заря съ горъ снѣжныхъ смотритъ,
Богу—Богу я молюсь;
Пѣночка молитвы вторитъ,
Умиленью предаюсь.
Мать, отецъ благословляютъ
На всѣ добрыя дѣла;
Овцы насъ, блея, встрѣчаютъ;
На луга пора пришла.
Съ луга смотримъ, какъ мужчины
Прыгаютъ по ледникамъ;
Иль съ утесныя вершины
Низко кланяются намъ.
Въ облакахъ вдругъ исчезаютъ;
Слышны выстрѣлы одни;
Отголоски возвѣщаютъ,
Что въ странахъ громовъ они.
Если жъ игры молодежи,
По суду даемъ вѣнки;
Хоть мы съ бабочками схожи,
Но межъ нами старики.
Какъ придетъ къ намъ воскресенье,
Собираемся во храмъ;
Чтобъ воздать благодаренье,
Посвящаемъ день мольбамъ.
Богъ для счастья все намъ сдѣлалъ,
Счастье можемъ всѣ имѣть;
Миръ, любовь намъ заповѣдалъ,
Чтобы въ счастьи намъ успѣть.

Всѣхъ стихотвореній въ «Литературныхъ Досугахъ» семдесятъ два!.... И чего-чего нѣтъ въ этихъ стихотвореніяхъ!.... авторъ описываетъ въ нихъ города, горы и рѣки почти цѣлой Европы; различныя времена года и дня; птицъ, насѣкомыхъ, цвѣты; разсказываетъ старинныя легенды; поетъ солдатскія пѣсни; совершаетъ походы, сначала *въ осеннюю погоду*, потомъ *зимой*, и наконецъ *снова въ осеннюю погоду*; странствуетъ по сушѣ и по морямъ, сходитъ даже въ самыя нѣдра земли, гдѣ видитъ «*ея утробы складъ*» и многія другія диковинки. Каждому стихотворенію «предшествуетъ—какъ говорится въ особомъ объявленіи объ этой книжкѣ — вступительный текстъ прозою.»

Digitized by Google

Вотъ вступительный текстъ, предшествующій вышеприведенному нами идиллическому стихотворенію «Молодая швейцарка»:

ГРЮНВАЛЬДЕНЪ.

«Вечерній праздникъ съ музыкою и плясками въ Швейцарскомъ селеніи Грюнвальденъ, расположенномъ на холмистой долинѣ, которая съ одной стороны обставлена снѣговыми горами, съ утесами, скалами и между ними пропастьми и щелями во льдахъ, съ разновидными обширными ледниками фантастической красоты; съ другой стороны окаймлена цвѣтистыми лугами, рощами, зелеными, живописными холмами и пригорками; и перерѣзана вблизи горъ обширнымъ потокомъ съ многими каскадами. Отсюда, не далеко, вѣчно снѣговая гора Юнгфрау и водопадъ Штаубахъ: въ немъ потокъ воды низвергается съ вершины отвѣсной гранитной стѣны, вышиною въ 800 футовъ, и внизу превращается въ тонкую, влажную пыль, которая при утреннихъ, солнечныхъ лучахъ, представляетъ внизу нѣсколько прекрасныхъ радугъ, волнуемыхъ при легкомъ вѣтрѣ.

Вступительные тексты, указывая, въ какомъ мѣстѣ и по какому случаю написано каждое стихотвореніе, служатъ доказательствомъ способности автора импровизировать стихи на все, что только попадется ему на глаза, и во всякое время.... способность довольно рѣдкая!

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества. Составлена *А. Мартыновымъ*. Текстъ *И. М. Снегирева*.—Годъ пятый, — тетрадь 13-я.

Эта *тринадцатая* тетрадь заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи и при нихъ отлично литографированные пять рисунковъ, съ пятью планами: 1) *Церковь въ селѣ Медвѣдковѣ*, въ 7-ми верстахъ отъ Москвы. Оно, какъ увѣряетъ преданіе и надпись на колоколѣ, принадлежало прежде князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому, потомъ новгородскому намѣстнику и ближнему боярину князю Василію Васильевичу Голицыну; впослѣдствіи перешло къ шталмейстеру Л. А. Нарышкину, а нынѣ принадлежитъ г. Бланку. Въ ризницѣ церковной сохранились древнія оловянныя дароносицы, напрестольный оловянный крестъ и Евангеліе напрестольное московской печати 1681 года, съ прекрасными миніатюрами, кои, по преданію, произведены царевною Софіею Алексѣевною. На колокольнѣ два небольшихъ колокола — прикладъ бывшаго владѣльца Медвѣдкова, князя В. В. Голицына. — 2) *Церковь въ селѣ Леоновѣ*, близъ Троицкой дороги, въ ½ верстѣ, на пути въ Медвѣдково. Леоново, нынѣ окруженное богатыми фабриками, нѣкогда принадлежало князю Хованскому, а потомъ основателю ярославскаго лицея и благотворителю московскаго университета П. Г. Демидову, коимъ, по резолюціи митрополита Платона, леоновская церковь упразднена, и въ 1800 году ея утварь и алтарные иконостасы розданы по разнымъ церквамъ.— 3) *Церковь въ селѣ Тайнинскомъ*, съ двумя видами ея — съ южной и западной сторонъ. Тайнинское, въ 12 верстахъ отъ Москвы, также близъ Троицкой дороги, — достопамятно по своей древности (болѣе пяти столѣтій) и по своимъ историческимъ воспоминаніямъ. Прежде чрезъ это село, искони бывшее великокняжескимъ, шла дорога въ Троицкій Сергіевъ монастырь, и Государи русскіе, во время своихъ «походовъ» на богомолье въ Лавру, а также и по возвращеніи оттуда, заходили или заѣзжали въ Тайнинское на перепутье, а иногда и потѣшались въ немъ медвѣжьею и соколиною охотою. Въ немъ были дворцы Царя Алексѣя Михайловича и Императрицы Елисаветы Петровны; послѣдній, уже въ разрушеніи, сгорѣлъ въ двадцатыхъ

Digitized by Google

годахъ текущаго столѣтія.—4) *Часовня близъ Переславля-Залѣсскаго*, въ 7-ми верстахъ отъ города, на Московской дорогѣ. Преданіе говоритъ, что эта часовня сооружена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Царица Анастасія Романовна, первая супруга Іоанна Грознаго, въ 1557 году, на пути изъ Троицкой Лавры въ Переславль-Залѣсскій, разрѣшилась отъ бремени Царевичемъ Ѳеодоромъ, послѣднимъ потомкомъ Рюриковскаго поколѣнія. — Кромѣ пяти рисунковъ церквей и часовни и столькихъ же къ нимъ плановъ, къ 13-й тетради приложенъ 4-й листъ «Очерка Исторіи зодчества въ Россіи», составленный *П. С. Максютинымъ*, гдѣ, между прочимъ, описано зданіе Кіево-Софійскаго собора (заложеннаго въ 1016, а освященнаго въ 1037 году) въ историческомъ и архитектурномъ отношеніи. **кв. дм.**

—

Изслѣдованія о состояніи пеньковой промышленности въ Россіи. Изданы отъ Департамента Сельскаго Хозяйства Министерства Государственныхъ Имуществъ. С.-Петерб. Въ тип. Министерст. Государств. Имущ. 1852 года; въ 4 д. л., стран. VIII, 367.

Департаментъ Сельскаго Хозяйства много уже издалъ полезныхъ книгъ. Та, которая теперь передъ нами, безспорно принадлежитъ къ числу такихъ же и составляетъ довольно обширный и многосложный трудъ.

Вотъ цѣль, съ которой издана эта книга:

Посѣвъ конопли и приготовленіе изъ нея пеньки и масла составляютъ одну изъ важнѣйшихъ отраслей земледѣльческой промышленности, удовлетворяющую внутреннія повсемѣстныя потребности народонаселенія и приводящую въ движеніе значительные капиталы во внѣшней торговлѣ.

Между тѣмъ, съ одной стороны, производители уже давно жаловались на упадокъ цѣнъ пеньки, а съ другой многіе хозяева высказывали свои мнѣнія о томъ, что излишніе посѣвы конопли истощаютъ удобрительныя средства, и тѣмъ самымъ усиливаютъ неурожаи зерновыхъ и другихъ хозяйственныхъ растеній.

Эти причины побудили Министра Государственныхъ Имуществъ, по сношенію съ Министромъ Финансовъ, поручить особой Коммисіи изслѣдовать состояніе пеньковой промышленности въ главныхъ центрахъ ея производства.

Вотъ общій очеркъ ея содержанія:

Коммисія открыла свои дѣйствія весною 1849 года, и въ теченіе лѣта посѣтила губерніи: Рязанскую, Тульскую, Калужскую, Орловскую, Смоленскую, Могилевскую, Черниговскую и Курскую.

Digitized by Google

По собраніи всѣхъ свѣденій, полученныхъ, на основаніи предварительно составленныхъ вопросовъ, какъ при личныхъ объясненіяхъ, такъ и вслѣдствіе письменныхъ сношеній, Коммисія составила отчетъ, при семъ представляемый.

Отчетъ Коммисіи состоитъ изъ двухъ частей:

Первая есть систематическій сводъ всѣхъ показаній и мнѣній о земледѣльческой и торговой частяхъ пеньковой и маслобойной промышленности.

Вторая часть содержитъ въ себѣ заключеніе Коммисіи по означеннымъ предметамъ, въ которомъ, на основаніи собранныхъ фактовъ, разсмотрѣны экономическія основанія пеньковой промышленности, вліянія ея на другія части земледѣлія и на бытъ самыхъ земледѣльцевъ, и указаны средства къ измѣненію сѣвооборотовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ усиленное производство конопли разстроиваетъ хозяйство.

Къ обѣимъ частямъ слѣдуютъ особыя приложенія, содержащія въ себѣ чертежи маслобоень, и тѣ изъ свѣденій, доставленныхъ нѣкоторыми хозяевами и окружными начальниками, которыя болѣе другихъ отличаются подробностію и положительностію.

Какъ изъ выводовъ Коммисіи, такъ и изъ свѣденій, доставленныхъ нѣкоторыми хозяевами, видно, что и воздѣлываніе и удобреніе земли подъ коноплю, и собственно обработка пеньки, въ разныхъ мѣстахъ Россіи, чрезвычайно разнообразны. Первое, т. е. разнообразіе въ обработкѣ земли и въ удобреніи, очень естественно, и даже иначе не можетъ быть, по различію почвы и мѣстности; но второе, т. е. разнообразіе въ обработкѣ пеньки, есть уже, къ сожалѣнію, слѣдствіе чистой небрежности и неумѣнья обращаться съ ней, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ посѣвы конопли входятъ преимущественно въ составъ однихъ крестьянскихъ хозяйствъ, и эти небрежность и неумѣнье господствуютъ у насъ не только въ тѣхъ уѣздахъ и губерніяхъ, въ которыхъ конопля сѣется для одного домашняго обихода, но и въ бо́льшой части тѣхъ, гдѣ она составляетъ отрасль торговой промышленности. Самая наша внутренняя торговля пенькой тоже еще въ чистомъ младенчествѣ: по большой части она производится нашими крестьянами точно такъ же, какъ торговля медомъ, жалчье которой ужь ничего не можетъ быть. И въ томъ и въ другомъ случаѣ кулаки, или комиссіонеры оптовыхъ торговцевъ, ѣздятъ по деревнямъ, и покупая на мѣстѣ товаръ у крестьянъ, обмѣриваютъ, обвѣшиваютъ, общитываютъ ихъ, при чемъ, разумѣется, сильнымъ вспомогательнымъ средствомъ служитъ вино.

Книга, разсматриваемая теперь нами, указывая на всю невнимательность и небрежность, съ какими сѣется, собирается и отдѣлывается

Digitized by Google

большая часть нашей конопли и пеньки, указываетъ съ тѣмъ вмѣстѣ и улучшенные способы всего этого процесса; а также указываетъ и разные сѣвообороты, способствующіе лучшимъ урожаямъ конопли и предохраняющіе землю отъ того сильнаго истощенія, которому неминуемо подвергаетъ ее это растеніе. Сѣвообороты, разумѣется, не могутъ быть приняты повсемѣстно одинаковые, но, по крайней мѣрѣ, тѣ, которые приведены здѣсь, по наблюденіямъ опытныхъ хозяевъ, могутъ послужить для другихъ примѣромъ и указаніемъ, и повести къ дальнѣйшимъ и еще больше точнѣйшимъ наблюденіямъ. Вся книга есть ничто иное, какъ рядъ вопросовъ, еще далеко не рѣшенныхъ; она не рѣшаетъ даже самаго главнаго вопроса, составляющаго самую цѣль ея изданія, вопроса о томъ: выгодно ли сѣять коноплю, въ сравненіи съ другими хлѣбами? Вопроса этого нельзя и разрѣшить вообще, потому что выгода и невыгода посѣва конопли зависитъ тоже отъ различія мѣстныхъ обстоятельствъ, но, по крайней мѣрѣ, многочисленные факты, собранные въ этой книгѣ, служатъ данными для опредѣленія того, гдѣ болѣе выгодно сѣять ее, и указываютъ на раціональный способъ ея производства, вмѣсто прежнихъ, совершенно безотчетныхъ способовъ.

Хозяевамъ тѣхъ губерній, гдѣ конопля сѣется въ большомъ количествѣ и составляетъ главнѣйшій источникъ доходовъ, эта книга можетъ принесть огромную пользу. Примѣры сѣвооборотовъ и улучшенныхъ способовъ обработки пеньки — уже указаны; стоитъ только приложить ихъ къ дѣлу, стоитъ только приложить къ нимъ нѣсколько собственной наблюдательности — и результатомъ непремѣнно будетъ, прежде всего, выгода личная, а потомъ, когда и эти новыя наблюденія будутъ постепенно дѣлаться извѣстными, — выгода общая. Это-то и есть главная цѣль, съ которой изданы Департаментомъ Сельскаго Хозяйства его «Изслѣдованія».

А какъ благотворно подѣйствуетъ на крестьянъ примѣръ помѣщиковъ! Наши крестьяне вовсе не враги нововведеній, какъ многіе считаютъ ихъ. Напротивъ, они сами готовы хвататься за все полезное, хотя бы оно было и ново, только прежде имъ надобно совершенно убѣдиться, что это новое дѣйствительно полезно. Мы сами видѣли, съ какой охотой принимаютъ они употребленіе нѣкоторыхъ улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій; видѣли, какъ приходили крестьяне изъ сосѣднихъ деревень, чтобы посмотрѣть и сдѣлать для себя какой-нибудь катокъ или другое подобное тому орудіе, пользу котораго они рѣшительно признали. Укажите же имъ улучшенный способъ сбора и отдѣлки пеньки, потомъ докажите самыми фактами, что этотъ способъ дѣйствительно лучше, и, самое главное, доставитъ имъ больше выгоды,—и повѣрьте, что они и скоро и охотно

Digitized by Google

примутъ нововведеніе: Англичане и Нѣмцы любятъ сами добираться до всего, но русскій человѣкъ (разумѣется, съ исключеніями и въ большинствѣ массы своей) пока еще любитъ примѣры. «Отчего ты такъ не дѣлаешь? спрашиваютъ его; такъ лучше». —А Богъ знаетъ, говоритъ онъ, можетъ и лучше, да ужь какъ люди, такъ и мы.—Эта наклонность идти по старой рутинѣ принадлежитъ не только нашему низшему классу, но и всѣмъ намъ вообще, и сколько сельскихъ хозяйствъ нашихъ остаются въ этой рутинѣ отъ того только, что «за пріемомъ дѣло стало»!

«Изслѣдованія о пеньковой промышленности» могутъ дать очень полезный толчекъ тому застою, въ которомъ остается она у насъ въ продолженіи слишкомъ долгаго времени. Въ историческихъ свѣдѣніяхъ о ней, собранныхъ въ той же книгѣ, есть указъ Петра Великаго, изъ котораго видно, какъ этотъ великій хозяинъ еще въ то время заботился объ увеличеніи посѣвовъ конопли.

Вотъ что, между прочимъ, сказано въ этомъ указѣ:

«Для того (т. е. для размноженія пеньковаго и льнянаго промысла) приготовили бы землю и прибавили сѣву на всякій годъ, напримѣръ, кто сѣялъ четверть, тотъ прибавилъ бы четверикъ, а ежели возможно и болѣше, а гдѣ тому необыкновенны, какъ ленъ и пеньку учреждать, дабы обучали крестьянъ; и о томъ объявить въ народѣ, что оный прибавокъ сѣву повелѣно имѣть для всенародной пользы и имъ поживленія».

Любопытны также указы Императрицъ Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны, изданные по поводу дурной обработки пеньки, которая еще съ начала XVII столѣтія составляла, вмѣстѣ со льномъ, одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ нашей отпускной торговли. Въ указѣ Анны Іоанновны (1735 г.) сказано: «пеньку во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ родится, жать, а не съ корнемъ изъ земли вынимать, а ежели жать не похотятъ, тѣ бъ, вынимая изъ земли, коренья или лапки отрубали или отрѣзывали».

Изъ указа Императрицы Елисаветы Петровны (1761 г.) видно, что особенное нерадѣніе въ воздѣлываніи конопли замѣчено было въ Воронежской губерніи, Тамбовской, Шатской и вообще въ восточныхъ провинціяхъ, отъ чего и получаемая изъ этихъ мѣстъ пенька почиталась негодною: «а происходитъ это потому, что ее не мочатъ въ ту же осень, какъ съ конопляниковъ собираютъ, а отъ лѣности подъ снѣгомъ покидаютъ, и уже въ другое лѣто изъ переломовъ коноплю мочатъ, и называютъ оную пеньку въ тѣхъ мѣстахъ вешнякъ, отъ чего она бываетъ пухла и гнила».

Наконецъ, въ царствованіе Императрицы Екатерины II, имен-

Digitized by Google

нымъ указомъ подтверждено было объ исполненіи всѣхъ прежнихъ постановленій о пеньковой промышленности.

Но не въ одномъ этомъ отношеніи пенька доставляла заботы правительству: сколько было хлопотъ о распространеніи ея сбыта за границу, сколько разъ по этому случаю измѣнялись на нее пошлины, перемѣнялись мѣста и таможенныхъ и отпускныхъ пунктовъ и наконецъ постановленія о сортировщикахъ и самые сортировщики нѣсколько разъ обвиняемые и даже уличаемые въ злоупотребленіяхъ, которыхъ отвратить почти было не возможно.... И не смотря на всѣ эти заботы правительства, не смотря на то, что съ изданія указа Императрицы Анны Іоанновны, въ которомъ уже были показаны правила, какъ *брать* пеньку, прошло слишкомъ сто лѣтъ, ее у насъ и до сихъ поръ, по большей части, выдергиваютъ съ корнями, и *корней или лапокъ* не обрѣзываютъ! Конечно, съ того времени производство пеньки въ Россіи далеко ушло впередъ въ своемъ количествѣ, но очень не далеко въ качествѣ. Не смотря на примѣры нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ хозяевъ, принявшихъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ бельгійскій способъ обработыванія пеньки, способъ этотъ распространяется мало и медленно отъ того именно, что такихъ примѣровъ еще не много, между тѣмъ какъ насъ могутъ только подстрекнуть примѣры къ намъ близкіе, такъ сказать, очевидные.

Къ книгѣ, кромѣ тѣхъ приложеній, о которыхъ упомянуто въ вышеприведенномъ нами краткомъ очеркѣ ея содержанія, приложены еще: карты тѣхъ губерній Россіи, въ которыхъ исключительно сѣется конопля; *свѣденія о вывозѣ изъ Россіи пеньки, ея произведеній и конопляпаго сѣмени, и цѣнахъ на нихъ, съ 1829 по 1850 годъ*, показанныя въ таблицахъ, и, кромѣ чертежей маслобоень, подробные чертежи: 1) мялицы, предложенной г. Лобидинымъ, и помѣщенной имъ въ Землед. Газет. 1836 г., и 2) машины, изобрѣтенной Куте, съ улучшеніями барона Дальвица, для мятія льна.

НОВЫЯ РУССКІЯ ПОГОВОРКИ И ПРИСКАЗКИ. Москва. Въ тип. Н. Семена, 1852. Въ 16 д. л., стр. 68.

Чѣмъ больше удаленъ какой-нибудь народъ отъ другихъ народовъ, чѣмъ рѣже его національность встрѣчается съ чужой національностью, тѣмъ самобытнѣе его жизнь, нравы, языкъ. Въ эту-то эпоху отдѣльной жизни народа и создаются преимущественно тѣ пѣсни, тѣ сказки, тѣ пословицы и поговорки, въ которыхъ выражаются весь его, такъ сказать, природный характеръ, весь его умъ, всѣ его чувства. Впослѣдствіи, каждая національность, отъ сближенія съ другими народами, уже нѣсколько теряетъ свой оригинальный типъ; образованность сглаживаетъ всѣ ея шероховатости, всѣ

Digitized by Google

угловатости, и подводитъ ихъ подъ одинъ общій уровень. Въ языкъ народа вкрадываются слова другаго языка, въ музыку модуляціи, создавшіяся подъ чужимъ небомъ, въ умѣ искры чужаго ума; отголоски первобытной народности, даже въ самыхъ низшихъ слояхъ общества, слышатся все рѣже и рѣже, но между тѣмъ вовсе они никогда не замолкаютъ. Народныя сказки ужь не создаются больше, потому, что время сказокъ для народа прошло, но народная пѣсенка все еще, отъ времени до времени, раздастся кое-гдѣ въ глуши, народный умъ все еще, нѣтъ-нѣтъ, да выскажется въ какой-нибудь оригинальной поговорочкѣ. Прослѣдить внимательно за этими проявленіями народнаго ума и народнаго чувства, прислушаться къ нимъ, собрать ихъ, и сличить эти новѣйшія народныя пѣсни и поговорки съ старинными, было бы величайшей заслугой, и еще бо̀льшую заслугу оказалъ бы тотъ, кто съумѣлъ бы опредѣлить ихъ хронологическій порядокъ, и такимъ образомъ показать, какъ въ ясномъ зеркалѣ, всю постепенность измѣненій въ языкѣ народа, въ его образѣ мыслей и чувствъ. Отъ книжки, которая теперь передъ нами, мы не могли ни ожидать, ни требовать всего того, о чемъ сейчасъ сказали, ни по формату ея, ни по самому заглавію; но мы, по крайней мѣрѣ, ожидали найдти въ ней новый матеріалъ для подобнаго труда, добавленіе къ тому, что̀ уже сдѣлано по этой части собирателями русскихъ народныхъ пѣсень и русскихъ пословицъ. Съ любопытствомъ, съ благодарностью къ издателю за трудъ его, и даже съ вопросомъ самимъ себѣ: да гдѣ же могъ издатель подслушать столько новыхъ русскихъ поговорокъ и присказокъ, когда теперь народныя поговорки и присказки сдѣлались такъ рѣдки? — раскрыли мы его книгу, и.... вотъ что нашли въ ней:

Времечко идетъ, идетъ,
Оглянуться не дастъ:
Такъ работай, не зѣвай,
Нищимъ грошикъ подавай:
Здѣсь не будешь безъ куска.
Тамъ не смучаетъ тоска.

Или:

Въ морѣ много воды,
Такъ и въ мірѣ бѣды:
Кто по морю плыветъ,
Не сердись на волну;
Кто же въ мірѣ живетъ,
Не гнѣвись на бѣду.

Что народъ нашъ любилъ и любитъ высказывать иногда свои пословицы, поговорки и присказки рифмами,—это дѣло извѣстное но чтобъ онъ высказывалъ ихъ цѣлыми тирадами стиховъ хореическаго и анапестическаго размѣровъ, этого мы до сихъ поръ не

Digitized by Google

знали. Неужели въ школѣ времени онъ успѣлъ пройдти весь курсъ, такъ называемой, риторической поэзіи? Жаль, если это дѣйствительно такъ; жаль, если и онъ перешелъ отъ *натуральной* школы своей къ школѣ *риторической*, и промѣнялъ старинный ритмъ своихъ поговорокъ на плохія вирши, въ родѣ тѣхъ, какими писывались во времена Ломоносова и Тредьяковскаго различныя нравственныя поученія. Вслушайтесь, на примѣръ, хоть вотъ въ эти поговорки, проскакивающія въ той же книжечкѣ, но къ сожалѣнію очень рѣдко:

Не надѣйся сынъ на батькины деньги,
Береги свой тулупъ да кеньги.

Выбирай невѣсту не въ хороводѣ,
А въ огородѣ:
Не всякая, что хвостомъ машетъ,
Загонъ пашетъ.

На чужую жену не заглядывайся,
На чужой обѣдъ не поважнвайся:
Отъ нахальнаго гостя не веселы сказки,
Подъ часъ подадутъ и салазки.

Этѣ поговорки хотя и не совсѣмъ *новы*, но по крайней мѣрѣ складъ ихъ чисто народный, и какъ-то дико ихъ видѣть рядомъ съ тѣми *стишками*, которые привели мы выше, и еще болѣе съ слѣдующими, которые гораздо приличнѣе было бы пропѣть въ какомъ-нибудь водевилѣ, чѣмъ вставить въ собраніе поговорокъ и присказокъ:

Кто трудится—
Веселится;
Кто лѣнится—
Бѣленится.
Безъ алтына, безъ гроша,
Эта жизнь не хороша.

А вотъ послушайте еще арію:

Повсюду въ мірѣ смѣсь:
И ночь и день,
И трудъ и лѣнь,
И счастье съ горемъ здѣсь.
Гдѣжъ жизнь счастливая одна?
Гдѣ радость, миръ и тишина?

Прибавьте къ этому куплету хоть такой припѣвъ: увы! увы! увы!— и его цѣликомъ можно вставить въ либретто какой-нибудь оперы.

Повторимъ еще, что въ «Русскихъ поговоркахъ и присказкахъ» чистыхъ русскихъ поговорокъ и присказокъ очень мало, да и изъ этаго малаго числа нѣкоторыя искажены или приставкою къ нимъ вовсе не поговорочныхъ стиховъ, или стараніемъ подвесть ихъ подъ правильный стихотворный метръ. Посовѣтуемъ собирателю «Поговорокъ и присказокъ» быть поосмотрительнѣе въ выборѣ ихъ, и, самое главное, не прибавлять къ нимъ ничего собственнаго.

Digitized by Google

БАБУШКИНЫ УРОКИ, ИЛИ РУССКАЯ ИСТОРІЯ въ разговорахъ для маленькихъ дѣтей, соч. А. Ишимовой. Выпускъ 1. С.-П. 1852 года. Въ 8 д. л., стр. 232.

ЛѢТО ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ. Разсказы для дѣтей, составленные М. П....ой. С.-П. 1852 года. Въ 8 д. л., стр. 190.

Рѣдко выходятъ у насъ такія полезныя, такія умныя и даже такъ хорошо изданныя дѣтскія книги, какъ эти двѣ, о которыхъ мы хотимъ говорить.

Въ Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ, неизвѣстно только въ какой именно линіи, живетъ бабушка предобрая и преумная. Она очень похожа, если вы помните, на ту г-жу, кажется, *Добронравову*, уроки которой читали мы нѣкогда въ «Дѣтскомъ Училищѣ». Къ г-жѣ *Добронравовой* приходятъ послушать ея разсказовъ дѣвицы съ разнохарактерными именами, какъ-то: дѣвица *Благоразумова*, дѣвица *Остроумова*, дѣвица *Благонравова*, дѣвица *Злонравова*, и т. д. Около бабушки собираются ея внучки: Соня, Саша, Евгеній и Викторъ, изъ которыхъ самой старшей не болѣе девяти лѣтъ, и умная бабушка, или, точнѣе, сама г-жа Ишимова, устами бабушки, разсказываетъ имъ главнѣйшія событія русской исторіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ сообщаетъ и нѣкоторыя другія полезныя свѣденія, прибавляя къ нимъ, очень кстати, и приличныя нравственныя наставленія.

Умѣнье г-жи Ишимовой разсказывать исторію и вообще говорить съ дѣтьми—всѣмъ извѣстно, слѣдовательно повторять извѣстное было бы лишнимъ. Скажемъ только, что въ этомъ первомъ выпускѣ «Бабушкиныхъ Уроковъ» заключается періодъ русской исторіи отъ происхожденія Славянскаго племени (въ чемъ г-жа Ишимова, замѣтимъ мимоходомъ, принимаетъ мнѣніе тѣхъ историковъ, которые производятъ его отъ *славы*, а не отъ *слова*) до нашествія Татаръ, послѣ смерти Мстислава Удалаго.

Бабушка такъ добра, что, въ добавокъ къ своимъ урокамъ, показываетъ еще внучкамъ и историческія картинки, которыя она попросила для нихъ нарисовать одного своего знакомаго, большаго любителя рисованія, дѣтей и русской исторіи, и которыя г-жа Ишимова прилагаетъ и къ своей книжкѣ. Всѣхъ картинокъ семь. *Первая* изображаетъ Рюрика, Синава и Трувора, и Славянъ, просящихъ себѣ государей у варяжскихъ князей; *вторая*—Игоря, встрѣтившагося на охотѣ съ Ольгой; *третья*—Святослава при Доростолѣ; *четвертая*—крещеніе русскаго народа; *пятая*—Владиміра Мономаха; *шестая*—нѣмецкихъ рыцарей и Литовцевъ, и *седьмая*—постриги. Картинки очень порядочно литографированы, по крайней мѣрѣ, въ

Digitized by Google

сравненіи съ другими литографіями, по большей части появляющимися у насъ, и, что̀ самое главное для дѣтей, раскрашены.

«Лѣто въ Царскомъ Селѣ» составлено въ той же самой формѣ, какъ «Бабушкины Уроки». Тамъ добрая и умная бабушка, здѣсь добрые и милые папенька и маменька. Тамъ внучки, здѣсь сынки и дочки, которымъ папенька и маменька, попеременно, разсказываютъ: то устройство паровозовъ и исторію открытія силы паровъ, то сказку объ Ильѣ Муромцѣ, то біографію Рубенса, то естественную исторію, и т. д. Всѣ эти разсказы, точно также, какъ и въ «Бабушкиныхъ Урокахъ», прерываются разсказами самаго автора о прогулкахъ по Царскому Селу, о забавахъ, занятіяхъ и нравственныхъ качествахъ тѣхъ самыхъ дѣтей, съ которыми разговариваютъ маменька и папенька.

Къ книжкѣ также приложено нѣсколько хорошенькихъ, раскрашенныхъ картинокъ.

Форма обѣихъ этѣхъ дѣтскихъ книгъ, какъ видятъ читатели, не новая, но, не смотря на то, она, по нашему мнѣнію, для дѣтей—самая лучшая. Пылкое дѣтское воображеніе тотчасъ представитъ имъ въ живыхъ образахъ и бабушку, и папеньку, и маменьку, и маленькихъ сверстниковъ, дѣйствующихъ въ книжкѣ. Эти сверстники, не смотря на то, что они сверстники фантастическіе, всегда возбуждаютъ въ дѣтяхъ соревнованіе, и эти живые образы отнимаютъ у уроковъ ту сухость, которой дѣти страшатся больше всего. Рекомендуемъ нашимъ читателямъ эти двѣ прекрасныя дѣтскія книги.

—

Указатель селеній и жителей уѣздовъ Московской губерніи. Составленъ *К. Нистремомъ*. М. 1852 г., въ 16 д., болѣе 1000 с.

Появленіе такой книги, какъ «Указатель селеній и жителей уѣздовъ Московской губерніи», мы относимъ къ явленіямъ очень замѣчательнымъ. Она наводитъ каждаго на думу: сколь многаго у насъ еще недостаетъ, и для скольких еще дѣятелей предстоитъ обширный трудъ въ разработкѣ даже отдѣльныхъ монографій. Москва—*первая* даетъ такую монографію, и она первая же порадуется и радушно встрѣтитъ подобную изъ другихъ губерній. Имѣй мы такія книги по всѣмъ губерніямъ имперіи—и Россія имѣла бы свою полную географію, статистику и топографію,—и мы знали бы Русь болѣе отчетливо, до мелкихъ подробностей—селъ, деревень и усадебъ.

Но гдѣ, въ какой книгѣ мы найдемъ искомое нами селеніе, и куда обратимся за справками? Вѣроятно, многіе намъ отвѣтятъ: «къ Щекатову и Максимовичу,—въ ихъ Географическій Словарь....» Но ихъ Словарь, въ этомъ случаѣ, дастъ намъ едва ли болѣе *одного процента на сто*.... Вотъ, напримѣръ, теперь передъ нами книга: «Указатель селеній и жителей уѣздовъ Московской губерніи.»

Digitized by Google

Составитель его, г. Нистремъ, въ своемъ предисловіи говоритъ, что «селъ, деревень и усадьбъ въ Московской губерніи 5,567.» (По нашему же счету, который, впрочемъ, мы не выдаемъ за безошибочный, насчитывается ихъ *болѣе*.) Принимая цыфру г. Нистрема за положительно вѣрную, мы желали бы пройдтись по страницамъ семи-томнаго «Географическаго Словаря» Щекатова и Максимовича,—но наши попытки останутся тщетными: мы, на-вѣрное, не найдемъ и одной пятидесятой доли селеній по Московской губерніи. Конечно, словарь Щекатова доживаетъ до полустолѣтія и имѣетъ много своихъ неотъемлемыхъ достоинствъ,—но все-таки въ это непродолжительное время не могла же Московская губернія такъ густо заселиться. Слѣдовательно—въ «Словарѣ» огромные пропуски. А какой трудъ выбрать изъ 7-ми томовъ «Словаря» даже и тѣ селенія Московской губерніи, какія тамъ означены!..

Смотря съ этой стороны на «Указатель» г. Нистрема, мы не можемъ не отдать полной справедливости и уваженія какъ мысли, такъ и труду, кому мы этимъ обязаны.

Г. Московскій Гражданскій Губернаторъ, И. В. Капнистъ, давно видя совершенную необходимость въ изданіи «Указателя *селеній* и *жителей* уѣздовъ Московской губерніи,» съ радушіемъ и готовностію доставилъ г. Нистрему всѣ необходимыя оффиціальныя средства и пособія со стороны мѣстнаго начальства для изданія «Указателя.» И вотъ—передъ нами книга, по документальнымъ свѣденіямъ составленная: въ ея достовѣрности, необходимости и пользѣ нельзя и сомнѣваться.

Кромѣ двухъ основныхъ своихъ предметовъ: передачи собственныхъ именъ всѣхъ *селеній* (нерѣдко имѣющихъ двойныя и даже тройныя именованія) и *жителей* въ уѣздахъ, а также *адресовъ* начальниковъ и должностныхъ лицъ уѣздныхъ управленій по Московской губерніи, «Указатель» передаетъ намъ множество разнообразныхъ для статистики, географіи и топографіи (и частію исторіи), свѣденій и адресовъ: имена владѣльцевъ селъ и деревень, число душъ, разстояніе селеній отъ столицы и уѣзднаго города, и по какой онѣ дорогѣ; какія, гдѣ и кому принадлежатъ фабрики и заводы, и какое на нихъ производство; когда и гдѣ бываютъ ярмарки; показано время основанія каждаго уѣзднаго города и замѣчательныя въ нихъ и нѣкоторыхъ селеніяхъ событія; гербы каждаго изъ уѣздовъ; жители, постоянно проживающіе въ селеніяхъ по уѣздамъ; списокъ числа душъ по 9-й народной переписи въ селеніяхъ Московскаго уѣзда и проч. и проч. Въ облегченіе же скорости справки, къ «Указателю» приложены общіе алфавиты: гг. помѣщиковъ и помѣщицъ; лицъ служащихъ, неслужащихъ, и купечества; фабрикантовъ и заводчиковъ, съ ихъ произведеніями и издѣліями на фабрикахъ и заводахъ—во всѣхъ

Digitized by Google

уѣздахъ Московской губерніи. Такъ разнообразно, полно и полезно содержаніе «Указателя!»

Мы не станемъ останавливаться въ «Указателѣ» на части *исторической*, какъ самой слабѣйшей и самой неудовлетворительной, да притомъ намъ и не обѣщанной; даже пройдемъ *молчаніемъ* и адресы лицъ должностныхъ и начальствующихъ по уѣздамъ, адресы—во время печатанія книги во многихъ мѣстахъ уже измѣнившіеся; къ нимъ же частію отнесемъ и адресы помѣщиковъ и помѣщицъ, фабрикантовъ и заводчиковъ, проживающихъ въ селеніяхъ Московской губерніи. Но что̀ лично насъ интересуетъ—это статьи «Селенія», особо въ каждомъ уѣздѣ по алфавиту напечатанныя. Чтобы показать достоинство изложенія ихъ въ «Указателѣ», мы не станемъ принимать увертку нѣкоторыхъ рецензентовъ, будто бы на выдержку, при легкой перелистовкѣ книги, выписывающихъ для образца примѣры достоинствъ или недостатковъ ея; мы просто беремъ первое слово, первыя селенія по всѣмъ 13-ти уѣздамъ. Вотъ онѣ на самомъ первомъ мѣстѣ алфавита.

Въ Московскомъ уѣздѣ: «*Аббакумова*, деревня 6-го стана, графа Виктора Никитича Панина, крестьянъ 66 душъ муж. пола, 70 жен., 21 дворъ, 28 верстъ отъ Бутырской заставы, проселкомъ.»

Въ Богородскомъ уѣздѣ: «*Абрамовка*, деревня 1-го стана, Государственныхъ Имуществъ, 437 душъ м. п., 468 ж., 122 двора, сельское управленіе, 86 верстъ отъ столицы и 60 отъ уѣзднаго города, близъ Касимовскаго тракта.»

Въ Бронницкомъ уѣздѣ: «*Абакшино*, село 1-го стана, князя Бориса Александровича Черкасскаго, крестьянъ 80 душъ м. п., 83 ж., 1 церковь, 15 дворовъ, 63 версты отъ столицы, 13 отъ уѣзднаго города, близъ Астраханскаго тракта.»

Въ Клинскомъ уѣздѣ: «*Абушкова*, деревня 1-го стана, тайнаго совѣтника Александра Дмитріевича Черткова, крестьянъ 77 душъ м. п., 80 ж., 11 дворовъ, 75 верстъ отъ столицы, 30 отъ уѣзднаго города, близъ Дмитровскаго тракта.»

Довольно ли этихъ выписокъ? Смѣемъ увѣрить, что по всѣмъ 13-ти уѣздамъ Московской губерніи, *всѣ* села, деревни, усадьбы и погосты въ «Указателѣ» описаны *точно такъ же*, какъ и представленные примѣры, безъ выдержки. Можетъ быть, слово *всѣ* мы сказали не совсѣмъ осторожно;—пояснимъ: инымъ селамъ и мѣстамъ удѣлено въ книгѣ болѣе мѣста, и именно тѣмъ, гдѣ происходило что-либо замѣчательное въ отношеніи историческомъ, напримѣръ: Архангельскому, Борисову, Бородину, Братовщинѣ, Дубровицамъ, Коломенскому, Купцову, Филямъ и Царицыну,—деревнѣ: Малыя Вяземы, и десяти уѣзднымъ городамъ; но это число (20-ть), въ отношеніи

Digitized by Google

къ общему числу селеній и деревень Московской губерніи, особенно не должно останавливать вашего вниманія, ибо составляетъ только $^1/_{200}$ часть, а притомъ и не вездѣ точно.

Перелистывая «Указатель», мы останавливались на тѣхъ собственныхъ названіяхъ селъ и деревень, какія нѣсколько разъ встрѣчаются почти во всѣхъ уѣздахъ, на примѣръ: Ивановское, Ильинское, Никольское, Новыя, Спасскія, Троицкія и проч. и проч. Мы не имѣли времени сдѣлать общій сводъ всѣмъ 5,567 (по исчисленію г. Нистрема) селеніямъ въ одинъ общій алфавитъ,— а онъ былъ бы очень любопытенъ. Возьмемъ для примѣра хоть изъ *самыхъ первыхъ* селеній въ частныхъ алфавитахъ по 13-ти уѣздамъ—*Авдотьино* и *Аксиньино*: ихъ находится по 6-ти въ Московской губерніи.

Разсматривая книгу г. Нистрема, мы невольно увлеклись къ статьямъ «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» 1850, 1851 и 1852 годовъ, въ коихъ описаны Н. Н. Волковымъ всѣ уѣзды Московской губерніи въ статистическомъ, историческомъ, географическомъ, археологическомъ, хозяйственномъ, и, преимущественно, въ этнографическомъ отношеніяхъ. Эти статьи г. Волкова составляютъ вмѣстѣ полную и подробную картину Московской губерніи. По обилію фактовъ, собранныхъ большею частію изъ оффиціальныхъ источниковъ и на мѣстѣ, эти описанія, довольно удовлетворительно знакомящія насъ съ Москвою и ея губерніею, заслуживаютъ признательность. Волоколамскому же уѣзду выпалъ необыкновенно счастливый жребій: объ немъ два раза было напечатано въ «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», и именно въ 1850 году г. В. Зыковымъ и въ 1851 году г. Волковымъ; такъ же и Коломенскому уѣзду—А. С. Клеванновымъ и г. Волковымъ; тогда какъ другимъ, особенно уѣзду Московскому, не смотря на 13 объ немъ статей, во многомъ не посчастливилось, напримѣръ: тамъ не сказано, сколько въ немъ церквей, селъ, селецъ, деревень и проч. Но не смотря на то, статьи эти, коихъ числомъ до 60, все-таки заслуживаютъ полнаго вниманія и благодарности. Сказавъ объ ихъ достоинствѣ, мы не скроемъ и слабой ихъ стороны: эта сторона—важныя опечатки, или невнимательность къ *цифрѣ* показаній. Чтобы это яснѣе видѣть, мы представимъ табличку, которая вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ, вѣроятно, не нелюбопытна и читателямъ «Москвитянина», постоянно заботящагося знакомить насъ съ Москвою и ея губерніею. Въ основу нашихъ выводовъ о числѣ *десятинъ земли* и числа *душъ* по уѣздамъ, мы провели параллель между книгою В. В. Пассека, издавшаго въ 1842 году «Московскую справочную книжку», и статьями г. Волкова, почти черезъ *десять лѣтъ* послѣ того напечатанными въ «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ»—о Москвѣ и ея уѣздахъ. Вотъ эти выводы и указанія:

Digitized by Google

ВЪ УѢЗДАХЪ:	Число десятинъ земли.		Разность.		Число жителей (мужскаго пола) въ уѣздѣ.		Разность.	
	У г. Пассека въ 1841 г.	У г. Волкова въ 1851 г.	Приб.	Убыло.	У г. Пассека за 1841 г.	У г. Волкова за 1851 г.	Приб.	Убыло.
1. Клинскомъ.	319,884	319,884	——	——	43,600	43,600	——	——
2. Богородскомъ.	306,867	306,867	——	——	52,384	65,861	13,477	——
3. Дмитровскомъ.	300,271	300,271	——	——	44,305	50,553	6,248	——
4. Московскомъ.	233,655	233,655	——	——	43,471 (кр. ст.)	45,952	2,481	——
5. Серпуховскомъ.	228,708	50,068	——	178610	50,068	49,454	——	614
6. Подольскомъ.	214,868	40,000 д. 964 с.	——	174868	40,964	41,488	524	——
7. Волоколамск.	213,051	213,051	——	——	36,361	37,160	799	——
8. Бронницкомъ.	208,922	208,922	——	——	53,974	60,873	6,899	——
9. Звенигородск.	198,724	30,385	——	168339	36,385	36,571	186	——
10. Рузскомъ.	195,523	30,248	——	165275	30,248	32,785	2,537	——
11. Коломенскомъ.	185,966	153875 д. 181 с.	——	32,091	55,565	46,476	——	9,089
12. Верейскомъ.	168,149	168,149	——	——	23,290	21,998	——	1,292
13. Можайскомъ.	165,735	165,735	——	——	28,061	28,061	——	——
Итого.	2,940,323				538,671			

Изъ этой таблицы видна чрезвычайная разница въ умепьшенiи числа десятинъ *земли*: по уѣздамъ — Серпуховскому, Подольскому, Звенигородскому, Рузскому и Коломенскому, и *въ числѣ душъ: уменьшилось*—въ Серпуховскомъ, Коломенскомъ и Верейскомъ; *увеличилось*—въ Богородскомъ, Дмитровскомъ, Московскомъ, Подольскомъ, Волоколамскомъ, Бронницкомъ, Звенигородскомъ и Рузскомъ; осталась *безъ повышенiя и понижения*, ни на единицу неизмѣ-

нившеюся цифра въ уѣздахъ Клинскомъ и Можайскомъ (*). Недоумѣваемъ въ разницѣ показаній г. Пассека и г. Волкова, хотя промежутокъ между ними былъ въ *десяти* годахъ: первый говорилъ за 1841 годъ, а послѣдній почти вездѣ за 1851 годъ. Также довольно странно видѣть нынѣ у г. Волкова въ графахъ десятинъ *земли* тѣ самыя цифры, которыя, десять лѣтъ назадъ, мы видѣли у г. Пассека въ графѣ числа *жителей*, напримѣръ въ уѣздахъ: Серпуховскомъ, Подольскомъ, Рузскомъ и частію Звенигородскомъ. Эти примѣры или причины еще болѣе удостовѣряютъ насъ въ вѣрности показаній у г. Пассека болѣе, нежели у г. Волкова, который, въ этомъ отдѣлѣ, прямо заимствовалъ свои цифры большею частію изъ «Московской справочной книжки». А потому и мы имѣли основаніе не крѣпко опираться на статьи «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», напечатанныя чрезъ 10 лѣтъ послѣ показаній г. Пассека, и придерживаться болѣе послѣдняго. Жалѣемъ, что статьи гг. Волкова, Зыкова и Клеванова о городахъ Московской губерніи разсѣяны по тремъ годамъ «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», въ 58-ми нумерахъ, а не изданы особо; также жалѣемъ и о томъ, что г. Волковъ въ своихъ описаніяхъ городовъ и уѣздовъ болѣе всего обращалъ щедрое вниманіе на этнографическую часть и скупился на часть статистико-топографическую.

Вотъ табличка, составленная нами по статьямъ «Описанія уѣздовъ Московской губерніи» г. Волкова – числу жителей въ уѣздахъ и городахъ, а также церквамъ и селеніямъ.

ВЪ УѢЗДАХЪ	Число жителей.				Въ уѣздахъ.				
	Въ уѣздахъ.		Въ городахъ.		ЦЕРКВ.	СЕЛЪ.	СЕЛЕЦЪ	ДЕРЕВ.	СЛОБОДЪ И ПОГОС.
	муж. п.	жен. п.	муж. п.	жен. п.					
Подольскомъ.	41,488	43,703	797	630	91	91	113	331	—
Верейскомъ.	21,998	22,100	2,265	2,655	38	38	166	57	—
Серпуховскомъ.	49,454	47,798	7,566	4,630	70	не	пок	аза	но.
Коломенскомъ.	46,476	47,826	6,816	5,782	95	83	111	122	6
Звенигородск.	36,571	39,315	605	655	83	73	114	236	—
Рузскомъ.	32,785	34,557	1,208	1,158	44	41	134	237	3
Волоколамск.	37,160	38,697	625	665	36	34	58	275	—
Дмитровскомъ.	50,553	55,016	2,655	2,864	96	91	162	386	—
Московскомъ.	45,952	47,258	211215	135027	не	по	ка	за	но.
Клинскомъ.	43,600	48,643	2,339	2,007	62	51	110	397	10
Бронницкомъ.	60,873	60,651	2,083	2,274	65	67	61	205	—
Можайскомъ.	27,153	27,860	1,445	1,541	33	32	39	233	3
Богородском.	65,861	69,131	599	344	62	40	63	310	17

(*) А по тѣмъ же статьямъ г. Волкова, въ другомъ мѣстѣ газеты, по Можайскому уѣзду есть даже *убыль* на 908 человѣкъ.

Digitized by Google

Зная, что Московская губернія *раздѣляется* на 13-ть уѣздовъ, занимаетъ *пространства* до 3,000,000 десятинъ или 580 географическихъ квадратныхъ миль (слѣдовательно болѣе всей Бельгіи, Саксоніи, королевствъ Виртембергскаго, Баденскаго и многихъ другихъ), и имѣетъ жителей обоего пола 1,379,067 (въ томъ числѣ до 350,000 въ одной Москвѣ,—по указанію г. Пассека, за 1841 годъ, а по «Указателю Москвы» г. Захарова, за 1851 годъ — 331,543), мы видѣли, въ какомъ порядкѣ, относительно *количества земли*, къ *числу жителей* шли уѣзды Московской губерніи: Клинскій, Богородскій и проч. Теперь, придерживаясь книги г. Нистрема, взглянемъ на порядокъ или старшинство относительно *большинства селеній*, противъ *количества земли*: 1. Подольскій (665 селеній), 2. Дмитровскій (642), 3. Клинскій (589), 4. Московскій (550), 5. Богородскій (451), 6. Звенигородскій (440), 7. Рузскій (429), 8. Волоколамскій (376), 9. Бронницкій (362), 10. Серпуховскій (344), 11. Можайскій (328), 12. Коломенскій (321) и 13. Верейскій (267 селеній).

Теперь сведемъ или соберемъ эти итоги въ общую табличку, чтобы яснѣе видѣть, какой именно уѣздъ Московской губерніи и какое въ ней занимаетъ мѣсто.

	1. По большинству земли.	2. По большинству селеній.	3. По большинству числа душъ.
Клинскій	1-е	3-е	7-е
Богородскій	2-е	5-е	1-е
Дмитровскій	3-е	2-е	3-е
Московскій	4-е	4-е	6-е
Серпуховскій	5-е	10-е	4-е
Подольскій	6-е	1-е	8-е
Волоколамскій	7-е	8-е	9-е
Бронницкій	8-е	9-е	2-е
Звенигородскій	9-е	6-е	10-е
Рузскій	10-е	7-е	11-е
Коломенскій	11-е	12-е	5-е
Верейскій	12-е	13-е	13-е
Можайскій	13-е	11-е	12-е

Замѣчательно, что изъ 13-ти уѣздовъ, одинъ только *Московскій* удержалъ свое равновѣсіе по количеству земли и селеній, и частію жителей; за нимъ *Дмитровскій*—по количеству земли и душъ; часію недалеки отъ нихъ: Волоколамскій, Верейскій, Можайскій.

Можетъ быть, читателямъ «Москвитянина» не будетъ излишнимъ передать «статистику народонаселенія Московской губерніи» въ настоящее время;—вотъ она по книгѣ г. Нистрема.

Digitized by Google

Жительствующихъ въ губерніи обоего пола:

Дворянъ потомственныхъ	11,401
(Въ томъ числѣ имѣющихъ право подавать голосъ въ губернскихъ собраніяхъ 1,896.)	
—— личныхъ	11,809
Разночинцевъ	4,545
Священно-церковно-служителей и семействъ ихъ	8,120
Церковно-служителей и семействъ ихъ	9,410
Монашествующихъ и послушниковъ	2,085
Монастырскихъ служителей	907
Духовныхъ иностранныхъ исповѣданій	42
(Въ томъ числѣ: католическаго 7, лютеранскаго 12, реформатскаго 2, англиканскаго 3, армянскаго 12, и магометанскаго 6.)	
Иностранцевъ	4,192
Отставныхъ солдатъ, и солдатокъ	25,780
Безсрочно-отпускныхъ	4,829
Кантонистовъ	7,242
Почетныхъ гражданъ	2,185
Купцовъ	28,928
(Въ томъ числѣ объявившихъ капиталы 5,847.)	
Мѣщанъ	109,436
Вольно-отпущенныхъ	1,922
Цеховыхъ и ремесленниковъ	12,287
Однодворцевъ	1,362
Дворовыхъ людей	79,879
Крестьянъ: Государственныхъ Имуществъ, съ проживающими временно въ Москвѣ	361,620
Государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ	24,843
Ямщиковъ	11,041
Поселянъ удѣльныхъ	55,506
Дворцовыхъ	19,849
Собственныхъ Его Императорскаго Величества	2,964
Конюшенныхъ	10,236
Коммиссаріатскихъ	6,347
Приписныхъ къ фабрикамъ и заводамъ	12,825
Комитета Человѣколюбиваго Общества	1,667
Комитета о просящихъ милостыню	260
Приписныхъ къ больницамъ	130
Помѣщичьихъ	692,046
Всего	1,525,702

Тогда какъ въ послѣднее десятилѣтіе число жителей въ столицѣ, по показаніямъ гг. Пассека и Захарова, *уменьшилось* до 18,000 ч.,—изъ книги г. Нистрема видимъ, что по уѣздамъ губерніи оно *увеличилось* на 146,635 человѣкъ.

Теперь замѣтимъ о разности показаній *числа селеній* у г. Нистрема съ выводами у г. Волкова: эта разница, вѣроятно, про-

Digitized by Google

зошла отъ того, что многія селенія, имѣющія двойныя и даже тройныя названія, именовались не въ одномъ, но въ разныхъ мѣстахъ алфавита «Указателя»; а это должно бы сдѣлать иначе, и именно: показать однажды въ ближайшей буквѣ азбуки, а въ другихъ, дальнѣйшихъ, только сослаться на нее. Вотъ примѣръ: на 23-й страницѣ книги говорится: «*Верхніе-Котлы*, деревня 5-го стана, полковницы Е. Ѳ. Калашниковой, крестьянъ 168 душъ м. п., 91 ж., 24 двора, 5 верстъ отъ Серпуховской заставы, на Серпуховской дорогѣ,»—а далѣе, на стр. 44-й, подъ литерою К, читаемъ: «*Котлы-Верхніе*» и проч., слово-въ-слово уже сказанное подъ литерою В, на 23 страницѣ, и нами выписанное. Подобныя повторенія есть на страницахъ 12, 18, 19, 23, 24, 36, 42, 46, 50, 52 и т. д., во многихъ мѣстахъ, что безъ пользы увеличиваетъ книгу и сбиваетъ счетъ селеніямъ (*). Такихъ промаховъ, по нашему предположенію, найдется не одна *сотня*. Между тѣмъ, въ книгѣ г. Нистрема есть и пропуски, напримѣръ, мы не нашли подмосковныхъ селъ: *Черкизова*—за Преображенскою заставой, *Троицкаго-Кайнарджи*—за Рогожской, *Леонова*—за Крестовской, *Черемушки*—за Серпуховской. О послѣднемъ могъ бы напомнить *Черемошскій* станъ, въ коемъ Даниловскій монастырь составлялъ въ древности часть того стана. Кромѣ того—иныя села и деревни названы ошибочно, чего, однако жъ, мы не относимъ вполнѣ къ невнимательности или отвѣтственности г. Нистрема.

Но не смотря на эти *недостатки*, или, лучше сказать, *излишки*, въ коихъ сознается и самъ г. Нистремъ, должно сказать, что хотя книга его «Указатель селеній и жителей уѣздовъ Московской губерніи» имѣетъ много неточностей (чему, въ особенности, усердствовала и самая корректура),—но нельзя не отдать ей уваженія, какъ *первому* въ Россіи опыту—помочь необходимости имѣть подобную справочную книгу, и представить статистико-топографическую картину Московской губерніи. Въ этомъ случаѣ справедливо можно припомнить великое изрѣченіе Великой Екатерины: «дополнить или исправить легче, нежели собрать»..

При книгѣ г. Нистрема приложена «Карта Московской губерніи, съ показаніемъ шоссейныхъ, большихъ, почтовыхъ и уѣздныхъ дорогъ.

«Указатель» г. Нистрема изданъ съ благотворительною цѣлію: въ пользу учрежденныхъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Величества Государыни Императрицы Московскихъ Дѣтскихъ Пріютовъ.

нв. дм.

(*) Замѣтимъ еще о необходимости употреблять съ толкомъ сокращенія, вообще еще у насъ мало употребительныя: для чего бы г. Нистрему не писать вездѣ в. вмѣсто версты, д. вмѣсто деревни, с. вмѣсто села, дв. мѣсто двора или дворовъ, ст. вмѣсто стана, д. вмѣсто душъ, у. вмѣсто уѣзда, и проч? Имена лицъ, чиновъ, и проч. можно сокращать тоже, и съ такими сокращеніями, вмѣсто 1000 страницъ, вѣрно книга напечаталась бы на 750 или менѣе, т. е стоила бы четвертью дешевле. *Ред.*

Digitized by Google

ЖУРНАЛИСТИКА.

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ. № 1. ЯНВАРЬ, 1853. Разставаясь съ Библіотекой для Чтенія прошлаго 1852 года, мы на прощанье изъявляли нѣсколько добрыхъ желаній, на счетъ литературной полемики вообще и взаимныхъ отношеній русскихъ журналовъ между собою. Долго потомъ, подъ вліяніемъ желаній, и подъ вліяніемъ надеждъ, возбужденныхъ въ насъ послѣднимъ, чрезвычайно благороднымъ письмомъ Иногороднаго Подписчика, мечтали мы объ отношеніяхъ совершенно идеальныхъ,—о такомъ состояніи литературы, при которомъ каждый журналъ являлся бы представителемъ той или другой литературной мысли, представителемъ дѣльнымъ и честнымъ, который на другіе журналы смотрѣлъ бы какъ на такихъ же представителей мысли, равно трудящихся на пользу общую, на пользу русской литературы и русскаго слова: при такихъ идеальныхъ отношеніяхъ, каждый журналъ являлся намъ съ своимъ особеннымъ оттѣнкомъ, преимущественно въ основныхъ критическихъ положеніяхъ, и каждый оттѣнокъ казался равно необходимымъ; всѣ критическія направленія представлялись намъ дѣйствующими различно, но дружественно, во имя критики и искусства. Увы!—такія идеальныя представленія весьма скоро были разбиты въ прахъ — разбиты впрочемъ, спѣшимъ оговориться, не Библіотекой для Чтенія, подлежащей теперь нашему разбору, а другими журналами.

Что касается до Библіотеки для Чтенія, то о ея будущемъ, и тѣмъ менѣе о ея настоящемъ литературномъ направленіи трудно сказать что-нибудь опредѣлительное. Сомнѣнія нѣтъ, что самый живой ея элементъ въ настоящую минуту—литературная дѣятельность Иногороднаго Подписчика, или г. Дружинина, парадоксальная, часто фальшиво блестящая, но отмѣченная клеймомъ дарованія и ума, имѣющая свой особенный, нѣсколько англійскій, оттѣнокъ,—и своею особенностью чрезвычайно полезная и важная. Другіе элементы, обозначавшіеся въ прошлогодней Библіотекѣ, были или такъ слабы и мелки, что не давали за себя никакихъ ручательствъ развитія, или таковы, что, не смотря на всю привычку нашу къ литературному цинизму, возбуждали невольное негодованіе, или, наконецъ, такъ устарѣлы, что представлялись слишкомъ явно анахронизмами. Элементами слабыми мы

Digitized by Google

называемъ всѣ тѣ ученическія работы, которыми наполнялась прошлогодняя Библіотека въ отдѣлѣ изящной словесности, элементами цинизма—статьи въ родѣ прошлогодней статьи о сочиненіяхъ г. Кукольника, элементами наконецъ устарѣлыми—статьи въ родѣ статьи о «Племянницѣ» г-жи Туръ и «Большой барынѣ» г. Вонлярлярскаго, статьи, имѣющей предметомъ осмѣяніе критики вообще, и издѣвающейся не только надъ критикою, но даже надъ публикою. Вотъ этихъ-то элементовъ мы не желали бы встрѣчать въ «Библіотекѣ для Чтенія», ибо ни къ одному изъ нихъ полемика не можетъ отнестись безъ нѣкотораго раздраженія, весьма понятнаго во всякомъ, кто пишетъ по любви къ русскому слову и къ русской литературѣ.

Въ первомъ, предлежащемъ теперь разсмотрѣнію, нумерѣ Библіотеки для Чтенія является г. Кукольникъ съ своею новою драмою—и является новая статья о сочиненіяхъ г. Кукольника, статья, подписанная именемъ, когда-то шумѣвшимъ въ литературѣ, барона Брамбеуса. Для чего является эта статья?... Предполагаемъ, что она дается въ видѣ палліятивнаго средства читателямъ и критикѣ, до сихъ поръ еще худо переваривающимъ другую статью Библіотеки о г. Кукольникѣ. Палліятивное средство впрочемъ такъ же мало удобосваримо, какъ и средство отчаянное. Анахронизмъ, анахронизмъ, повторяете вы безпрестанно, читая статью г. Брамбеуса. Но такъ какъ, во-первыхъ, это все-таки анахронизмъ не ученическій, и такъ какъ новая драма г. Кукольника вызываетъ критику на разрѣшеніе вопроса о талантѣ автора ея вообще,—то мы и посвятимъ нѣсколько страницъ на споръ съ анахронизмомъ.

«Въ началѣ тридцатыхъ годовъ,—такъ статья начинается,—«Боже мой! вѣдь этому скоро будетъ двадцать лѣтъ! какъ давно! а «кажется какъ не давно!... тогда—кто бы тому повѣрилъ, посмотрѣвъ теперь на насъ! тогда всѣ мы были молоды, всѣ еще только «начинали, кровь кипѣла, мысли рдѣли, воображеніе съ гордостью «пересчитывало свои сокровенныя богатства *и убиралось прелестнѣйшими цвѣтами своего издѣлія на великій пиръ умственной жизни*; умъ горячо вѣрилъ въ призванія и предназначенія; мы рвались всѣ впередъ, не видя передъ собою ни ухабовъ, ни пропастей, не думая о томъ, что не одному изъ насъ придется, вѣроятно, «сломить себѣ шею въ половинѣ или при началѣ пути. Тогда и солнце, «кажется, свѣтило ярче, и весна благоухала упоительнѣе, и небо «ночью было другое, несравненно великолѣпнѣе, богаче, блистательнѣе. Осени, зимы тогда еще не бывало; по крайней мѣрѣ, мы ихъ «не замѣчали—не помнимъ; опытность, дочь прошедшаго, еще не «рождалась, чтобы мучить насъ своею хандрою. *Блестящая невѣста*

Digitized by Google

«будущаго, прекрасная надежда, кокетливо улыбаясь каждому «изъ насъ, прельщала тайно каждаго, завлекала, воспламеняла; «всѣ мы сплошь и рядомъ были влюблены въ нее — съ у масшедшіе «и счастливые, какъ любовники наканунѣ измѣны».

Баронъ Брамбеусъ, какъ извѣстно намъ, помнящимъ тридцатые года литературы, любитъ цвѣтистый восточный слогъ, такой же анахронизмъ въ наше время, какъ и его критическій и вообще литературный взглядъ; но рѣшившись спорить съ его статьею, мы положили себѣ за правило не обольщаться ея цвѣтами, а обнажать напротивъ содержаніе, выводить изъ нея пункты и положенія. И такъ—пунктъ первый, прикрытый цвѣтами восточнаго краснорѣчія, гласитъ: «Въ тридцатые годы литературы, литература была молода, рвалась впередъ, вѣрила въ призваніе». Прежде всего, любя и уважая глубоко нашу, до сихъ поръ еще, слава Богу, молодую литературу, мы скажемъ къ чести ея, что рѣдко находили на нее эпохи, когда бы она не рвалась впередъ и не вѣрила въ призваніе, а если и бывали такія грустныя эпохи, то были весьма кратковременны. Время тридцатыхъ годовъ было тоже блистательное время—но почему? Потому что тогда во главѣ литературы стоялъ геній Пушкина, только что вступившій въ зрѣлую пору своего развитія. Въ немъ заключалось все будущее русской литературы,—но не его имѣетъ, въ виду авторъ статьи: on le voit venir! *Зрѣлаго* Пушкина весьма немногіе понимали въ эти тридцатые годы литературы—и его «Бориса» тогдашняя критика считала *слабымъ* произведеніемъ, и въ эти же тридцатые годы, во второй ихъ половинѣ,—критика умудрилась до того, что великое имя Пушкина стали ставить рядомъ съ именами разныхъ пошлыхъ стихотворцевъ. Это фактъ! Авторъ этой статьи помнитъ, какъ въ ранней еще молодости, его, привыкшаго съ нѣкоторымъ сердечнымъ трепетомъ слышать и произносить великое имя, поразило непріятно такое чудовищное сопоставленіе,—въ одной литературной лѣтописи, гдѣ передъ какимъ-то восточнымъ пашею читали разныя стихотворенія, и прочтя однимъ духомъ стихотвореніе Пушкина и вмѣстѣ стихотвореніе г. Н. Н., восклицали: «оба молодцы!» Если такимъ образомъ рвалась впередъ литература тридцатыхъ годовъ, то нечего жалѣть о ея молодости, потому что ея молодость не имѣла прочныхъ началъ и убѣжденій, мѣняла великое на мелочное. Она не знала даже (за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ благородныхъ дѣятелей на поприщѣ науки и искусства, которые принадлежали къ Пушкинскому кругу, каковы Вяземскій, Дмитріевъ, Глинка, Плетневъ, Одоевскій, покойный Языковъ, Хомяковъ, Шевыревъ, Кирѣевскій, и нѣкоторые другіе, которые доселѣ еще со сла-

Digitized by Google

вою подвизаются на благородномъ поприщѣ), что̀ считать за великое и важное въ литературѣ, и доселѣ еще оказываетъ такое странное незнаніе.

«Созвѣздія, свѣтившія нашему началу,—продолжаетъ статья,—«оканчивали свое торжественное теченіе; новое небо и другія свѣ«тила возникали изъ тьмы неизвѣстности надъ плодородною и *едва «разчищенною* и только *кое-гдѣ* воздѣланною равниною русской «литературы. Славная плеяда, въ которой *различнымъ* блескомъ «сіяли Крыловъ, Пушкинъ, Жуковскій, Грибоѣдовъ, Булгаринъ, По«левой, Загоскинъ, и нѣсколько звѣздъ, меньшей величины, вмѣстѣ «съ кучею принадлежавшихъ имъ звѣздочекъ, величественно совер«шала свой закатъ. Съ противной стороны восходила новая плеяда, «къ которой вся Русь устремляла взоръ съ трепетомъ любопытства «и восторга: Брюловъ, графиня Растопчина, Кукольникъ, Лермон«товъ, Гоголь, одинъ за другимъ ярко выходили изъ мрака».

Опять цвѣты краснорѣчія и опять изъ-подъ цвѣтовъ, нѣсколько нероновскихъ, вынимаемъ положенія и пункты: 1) Равнина русской литературы, на которой, замѣтьте, работали: Ломоносовъ, Державинъ, Фонъ-Визинъ, Карамзинъ, Дмитріевъ и многіе другіе, великіе или даровитые и благородные дѣятели,—эта равнина, изволите видѣть, была едва расчищена и только *кое-гдѣ* воздѣлана,—когда Карамзинъ, Жуковскій и Пушкинъ взбороздили и вспахали ее (продолжая риторическую фигуру автора статья) во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ. Опять таки on voit venir критика—и мы сейчасъ увидимъ, кто по его мнѣнію расчистилъ поле литературы. 2) Въ литературѣ *различнымъ* (ужь подлинно *различнымъ*!) блескомъ сіяли имена Пушкина и.... Полеваго. 3) Литература тридцатыхъ годовъ дѣлаетъ уступку и причисляетъ къ яркимъ свѣтиламъ новымъ Гоголя. Сильно состарѣлась литература тридцатыхъ годовъ, когда принуждена прибѣгать къ такимъ *коренным* уступкамъ. Вопросъ въ томъ только, повѣритъ ли новое время искренности этой почтенной литературы, которая нѣкогда такъ глумилась надъ малороссійскимъ яко бы жартомъ знаменитаго русскаго поэта и надъ его «Мертвыми Душами»?... Цѣль такой уступки обозначается притомъ слишкомъ ясно въ послѣдующемъ, тоже цвѣтистомъ разсужденіи,—и основная задача выказывается довольно нецеремонно.

«Но геніемъ путеводителемъ начинающейся эпохи казался Брюл«ловъ: все *это* (?) пылало страстнымъ энтузіазмомъ къ искусствамъ «и къ *искусству*, все мечтало о формѣ, о колоритѣ, о чистотѣ и «естественности мысленной линіи; умѣнье просто и хорошо выра«зить задуманное и отвращеніе къ остаткамъ манерности въ языкѣ

Digitized by Google

«в слогѣ сдѣлались страстью. *Послѣдній день Помпеи и первая книжка Библіотеки для Чтенія, два незабвенныя явленія, произведшія такое сильное сотрясеніе, таков возбужденіе умственныхъ силъ въ русскомъ мірѣ, были явленія одновременныя*».

Вотъ наконецъ и главный пунктъ, который таился подъ цвѣтами краснорѣчія. Послѣдній день Помпеи—и первая книжка Библіотеки для Чтенія! что̀ за удивительныя сопоставленія! а впрочемъ, собственно говоря, нечего удивляться, что критикъ Библіотеки считаетъ появленіе первой книжки своего журнала литературною эпохою, когда въ одной книгѣ, посвященной разсужденію о русской словесности, начало изданія Отечественныхъ Записокъ признано чуть что не за начало исторіи русской литературы. Шутки въ сторону! неужели въ наше время не смѣшны подобныя мнѣнія? Мы знаемъ въ русской литературѣ періоды Карамзинскій, Пушкинскій, Лермонтовско-Гоголевскій, но не знаемъ и не хотимъ знать періодовъ Телеграфа, Библіотеки, Отечественныхъ Записокъ, и не признаемъ періода Москвитянина, если охотники до періодовъ таковой сочинятъ. Карамзинъ и Жуковскій, Пушкинъ и его сотрудники, Гоголь и Лермонтовъ внесли въ литературу новыя живыя литературныя начала,—журналы только разъясняли, да и то не всегда вѣрно, эти начала, и имѣли конечно свои заслуги, которыхъ никто также въ наше время отвергать не станетъ, но расплодили вмѣстѣ съ тѣмъ и множество эстетическихъ ересей, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, ересь объ упадкѣ Пушкина въ зрѣлую пору его дѣятельности, о *слабости* Бориса Годунова и т. д. — ересь телеграфская, казнены временемъ и стерты съ лица земли; другія, какъ, напримѣръ, ересь о нехудожественности комедіи Грибоѣдова, о безличности Чацкаго и т. д., до сихъ поръ еще находятъ отголосокъ. Не поминая всѣхъ литературныхъ грѣховъ русской журналистики, а преимущественно литературныхъ грѣховъ Библіотеки для Чтенія, мы замѣтимъ только, что въ наше время нельзя безнаказанно трактовать русскую литературу съ точки зрѣнія литературы тридцатыхъ годовъ, что теперь это почти тоже, что̀ черпать сужденья

изъ забытыхъ газетъ
Временъ очаковскихъ и покоренья Крыма.

Статья барона Брамбеуса такъ тѣсно соединила вопросъ о талантѣ г. Кукольника съ вопросомъ о литературѣ тридцатыхъ годовъ, что мы и не хотимъ раздѣлять этихъ вопросовъ. Продолжимъ нашу выписку, которая доведетъ насъ и до г. Кукольника и до связи его таланта съ литературой тридцатыхъ годовъ:

Digitized by Google

«Сотрудники этого журнала (Библіотеки для Чтенія) вдругъ со-«ставили изъ себя звѣздистое поле вокругъ главныхъ новорожден-«ныхъ звѣздъ, *несшихъ новое время и новое счастіе уму и искус-«ству русскому*. Сотрудники другаго большаго изданія, составив-«шагося вслѣдъ за этимъ, «Энциклопедическаго Лексикона», образо-«вали вторую группу писателей, второе богатое скопленіе свѣтлыхъ «дарованій и ревностныхъ усилій. На огромномъ пространствѣ все «вдругъ закипѣло. *Никогда на Руси не видали такого горячаго «умственнаго движенія во всѣхъ направленіяхъ*. Публика броси-«лась къ чтенію и къ удовольствію восхищаться съ энтузіазмомъ, «равнымъ тому, который одушевлялъ новыхъ писателей. *Пять, «шесть, семь тысячъ подписчиковъ были тогда не почемъ*. Смир-«динъ, *на счетной доскѣ, выкладывалъ сто русскихъ литерато-«ровъ*, сто *извѣстныхъ* талантовъ, сто *геніевъ* на лицо....»

Остановимся на минуту перевести духъ. Здѣсь уже краснорѣчіе не восточное, но краснорѣчіе Ливія,—и какъ у Ливія же, къ разсказу повѣствователя примѣшивается много *эпическихъ* подробностей, и напротивъ, вѣроятно, не умышленно, стираются многія дѣйствительныя черты. Разоблачимъ же съ одной стороны миѳы, и дополнимъ картину для исторической вѣрности. Достовѣрны и несомнѣнны въ блестящей панорамѣ прошедшаго, раскидываемой критикомъ, два факта: 1) пять, шесть, семь тысячъ подписчиковъ, и 2) намѣреніе Смирдина издать Сборникъ подъ заглавіемъ: «Сто русскихъ литераторовъ», остановившійся на второмъ томѣ. Къ числу ста *геніевъ* причислялись гг. N. N., S. S., въ числѣ новыхъ блестящихъ свѣтилъ пропущены критикомъ другія имена, которыя возводились нѣкогда Библіотекою для Чтенія въ геніи съ такою же легкостью, съ какою впослѣдствіи во второй половинѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ, многіе писатели возводились другимъ журналомъ въ міровые поэты. Достовѣрно и несомнѣнно также то, что съ этой эпохи на литературу многіе литераторы стали смотрѣть преимущественно съ точки зрѣнія *интересной*, т. е. съ точки зрѣнія выгодъ, доставляемыхъ ею какъ ремесломъ,—и что появились въ печати милые попреки однихъ журналовъ другимъ въ такъ называемомъ *битьѣ по карманамъ*,—понятіе и слово, пущенное въ ходъ и въ печать критикою тридцатыхъ годовъ литературы. Что же касается до *новаго счастія*, принесеннаго *уму и искусству русскому* сотрудниками журналовъ вообще и Библіотеки въ особенности, то это счастіе, помнится намъ, заключалось въ гоненіи на несчастныя мѣстоименія *сей* и *оный*, – да въ забытыхъ нынѣ драматическихъ фантазіяхъ или мистеріяхъ, и забытыхъ также фантастическихъ пу-

Digitized by Google

шествіяхъ. Истинная литература, сосредоточивавшаяся въ Пушкинѣ съ его сопутниками, находившая убѣжище въ Телескопѣ, а потомъ въ Московскомъ Наблюдателѣ, въ Современникѣ Плетнева, вооружалась прямо и сильно на такое *счастіе*, принесенное литературою тридцатыхъ годовъ, вооружалась и дѣльной полемикою и смѣхомъ.

«*Новое* пишущее поколѣніе—говоритъ статья далѣе черезъ нѣсколько строкъ—имѣло безспорное преимущество передъ *прежнимъ*: (N B. замѣтьте, что прежнее—было Карамзинское и Пушкинское): оно «принесло на поприще, кромѣ любви къ искусству и формѣ, рѣшительное стремленіе къ самобытности и огромный запасъ прекрасныхъ и разнообразныхъ свѣдѣній, примѣчательную ученость по всѣмъ отраслямъ знанія—и свои собственныя идеи».

Какъ? поколѣніе или поколѣнія, прежде дѣйствовавшія, не вносили съ собою ничего этого въ литературу? ни стремленія къ самобытности? ни запаса свѣденій? ни учености?... Какъ? только съ «Библіотеки» началось стремленіе къ самостоятельности взгляда? Любопытно!

«Хороши ли были эти идеи, или дурны, это могло показать «время, но по крайней мѣрѣ, онѣ были свои. Вѣкъ подражанія и «поклоненія образцамъ и условленнымъ формамъ кончился. Каждый «стремился къ самостоятельности, къ чему-нибудь новому и соб«ственному, и Кукольникъ былъ самымъ вѣрнымъ, и вмѣстѣ самымъ «блестящимъ выраженіемъ, не только этого стремленія, но и всей «новой эпохи».

Оставляя пока вопросъ о талантѣ г. Кукольника, до котораго добралась наконецъ статья, мы обратимъ вниманіе на тотъ назидательный фактъ, что истинно самостоятельный геній русской земли, великій талантомъ и заслугами Пушкинъ, не примкнулся къ этому *самостоятельному* направленію, а вынужденнымъ нашелся основать свой журналъ для поддержанія здравыхъ понятій объ искусствѣ, что Гоголь стоялъ съ самаго начала дѣятельности внѣ этого *самостоятельнаго* направленія, что все замѣчательное ученостью или талантомъ въ тридцатые года литературы: Плетневъ, Дмитріевъ, Хомяковъ, Языковъ, Надеждинъ, Шевыревъ, Погодинъ, Вяземскій, Одоевскій, Павловъ, не только не было за это направленіе, но было постоянно противъ него. Это направленіе, въ лицѣ критика Библіотеки для Чтенія, приписываетъ себѣ заслугу противодѣйствія французскому романтизму: въ разныхъ статьяхъ той эпохи (какъ напримѣръ въ статьѣ Телескопа: «Здравый смыслъ и баронъ Брамбеусъ», въ статьѣ Московскаго Наблюдателя: «баронъ Брамбеусъ и юная словесность»), была доказана фактами вся неискренность этого противодѣйствія. Страшная буря *враждъ*

Digitized by Google

(NB. русскій языкъ «Библіотеки для Чтенія» въ тридцатыхъ годахъ, а равномѣрно и въ 1853 году!) «взвившая,—по выраженію барона Брамбеуса,—надъ Библіотекою для Чтенія», взвилась вовсе не со стороны поборниковъ французскаго романтизма, которыхъ собственно и не существовало на Руси, а со стороны представителей русской учености, русскаго искусства и здравыхъ понятій. Библіотека для Чтенія русскому слову и русской словесности не оказала никакой услуги, — даже изгнанныя ею мѣстоименія употреблялись въ нужныхъ случаяхъ Пушкинымъ, и доселѣ въ нужныхъ же случаяхъ употребляются; польскіе обороты рѣчи, которые она вводила, также не привились на почвѣ русскаго слова, какъ германизмы и всякіе другіе варваризмы, которые вводились потомъ другими журналами. Критикъ Библіотеки для Чтенія намекаетъ далѣе, что если теперь пишутъ хорошо, и если сталъ писать хорошо Лермонтовъ, то этимъ обязана литература все таки-же Библіотекѣ;—но, во-первыхъ, теперь далеко не всѣ пишутъ хорошо, а во вторыхъ, дай Богъ и хорошо пишущимъ поучиться простотѣ и недосягаемой чистотѣ русской рѣчи у великаго автора «Капитанской Дочки» и даже у людей его поколѣнія.

Но пора наконецъ разсчесться съ литературою тридцатыхъ годовъ, такъ неумѣстно выдвинутою на первый планъ критикомъ «Библіотеки для Чтенія»,—и перейдти къ г. Кукольнику, по поводу котораго баронъ Брамбеусъ и разсыпалъ такіе цвѣты краснорѣчія.

Главныя положенія статьи, касающіяся г. Кукольника, суть слѣдующія:

1) «У Кукольника, должно признаться, *нѣтъ счастья* къ ли«*тераторамъ* (русскій языкъ автора статьи); прежнее поколѣніе смѣни«лось другимъ, и это другое пишущее — слѣдственно печатающее, «поколѣніе, также *не жалуетъ* его, — но за то, публика продол«жаетъ читать его съ прежнимъ восхищеніемъ.»

2) Разбирая въ особенности «Альфа и Альдону, историческій романъ г. Кукольника, критикъ говоритъ: «я не знаю ни одного исто«рическаго романа, котораго исполненіе требовало бы, и по моему «скудному разумѣнію, обнаруживало бы болѣе *геніальности* со сто«роны писателя. Бульверова: Послѣдніе дни Помпеи—и все, что до «нынѣ создано въ этомъ родѣ изъ древнихъ нравовъ и языческихъ «временъ—ученическія задачи въ сравненіи съ Альфомъ и Альдоной». (NB. Conferas критическія статьи «Библіотеки» тридцатыхъ годовъ, въ которыхъ самъ Гёте *уничтожался* передъ г. Кукольникомъ!)

3) Драмы г. Кукольника слишкомъ учены—и литераторы не въ состояніи ихъ понимать: они-де и всегда судятъ ложно.

Digitized by Google

4) Повѣсти г. Кукольника, по словамъ критика,—*прелесть и удивленіе*.

Спорить съ такими положеніями мы не станемъ, поднимать вопроса о степени и значеніи таланта г. Кукольника мы тоже не будемъ. Статью тридцатыхъ годовъ мы считаемъ въ наше время анахронизмомъ. Дѣло наше—sine ira et studio разобрать новую драму г. Кукольника: «*Ермилъ Ивановичъ Костровъ*», напечатанную въ первой книжкѣ Библіотеки.

Г. Кукольникъ воспользовался извѣстнымъ благороднымъ поступкомъ переводчика Оссіана и Иліады, пожертвовавшаго для спасенія ближняго единственными своими деньгами, 800-ми рублями, дорогими ему еще и потому, что пожалованы были ему Великою Екатериною. Этотъ фактъ авторъ обставилъ слѣдующими обстоятельствами. У *Анфисы Павловны Молодковой*, бригадирши, воспитывается Людмила Сельская, дочь генерала Сельскаго, котораго безпутная жена принесла маленькую Людмилу къ Молодковымъ;—у Анфисы Павловны есть сынъ Аркадій, который, какъ слѣдуетъ, влюбленъ въ Людмилу Сельскую и любимъ ею взаимно; Анфиса Павловна—прямой списокъ съ Совѣтницы, извѣстнаго лица въ комедіи Фонъ-Визина «*Бригадиръ*», только поставлена въ другія положенія: она такъ же бонтонничаетъ, такъ же мотаетъ и проч. Мотовство и воспослѣдовавшее вслѣдствіе того разстройство домашнихъ дѣлъ, заставляютъ ее прибѣгнуть къ печальному средству: женить сына на дочери выскочки и милліонщика Барсучкина, а Людмилу Сельскую выдать за самаго Барсучкина. Барсучкинъ не лицо, а формула, фигурка съ ярлыкомъ на лбу: милліонщикъ-выскочка; на языкъ его и на языкъ Молодковой, г. Кукольникомъ потрачено много труда и много знаній, но живой рѣчи и живыхъ личностей все-таки у него не выходитъ. Вотъ какъ объясняются Молодкова и Барсучкинъ:

МОЛОДКОВА.

Не хотите ль шоколаду
Позавтракать?

БАРСУЧКИНЪ.

Ей Богу, *не могимъ-съ*,
Я утромъ проглотилъ ужъ два *бештекса*—
Ликерцомъ запилъ. Сытъ и всѣмъ доволенъ,
Да и пора-съ. Вѣдь завтра быть сговорамъ.

МОЛОДКОВА.

Блаженной памяти Императрица
Елисаветъ Петровна, на охотѣ
Изволила однажды мнѣ сказать:
«Ничѣмъ и никогда спѣшить не должно».

Digitized by Google

Ѳедотъ Козьмычъ, и намъ повременить
Съ недѣльку не мѣшало бъ.

БАРСУЧКИНЪ.

Ни за что-съ!
Я дѣйствовать привыкъ на чистоту,
Шесть мѣсяцевъ торгуемся безъ толку.
Я объявилъ кондиціи. Угодно-съ?...
Извольте!—Нѣтъ?... такъ просимъ извинить....
Поступимъ на законномъ основаньи.
Прощенья просимъ! Жду сынка съ отвѣтомъ,
Сегодня черезъ два часа.... Не то,
Моншеръ Анѳиза Павловна, адью! (*Уходитъ*).»

Натурально, что Молодкова должна Барсучкину, и онъ грозитъ ей взысканіемъ: фактура *подобныхъ* драматическихъ положеній—всегда извѣстная, такъ сказать, стереотипная; Молодкова, оставшись одна, ругаетъ дѣвокъ и бѣсится на жидомора и лабазника Барсучкина. Потомъ, оставшись одна, говоритъ:

«Фу, какъ вспылила. Даже не пристойно
По знатности моей такъ горячиться,
Да хоть кого азартъ такой сконфузитъ....»

Слѣдуетъ сцена объясненія съ Аркадіемъ. Юноша сначала и слышать не хочетъ жениться на Голендухѣ Ѳедотовнѣ Барсучкиной (что́ за *комическія* имена выбираетъ г. Кукольникъ!), но потомъ, когда Молодкова упала въ обморокъ, говоритъ, какъ слѣдуетъ всѣмъ героямъ самопожертвованія:

«Она безъ чувствъ! простите!
Клянусь вамъ, я исполню вашу волю,
Проснитесь, матушка! благословите!
Погибну, но спасу васъ отъ стыда.»

За симъ, Молодкова, отправивши сына къ Барсучкину, опять бранится съ горничными,—потомъ принимается за Людмилу:

МОЛОДКОВА.

А! Милочка! Пора намъ разсчитаться.
Садись, мой другъ! Что такъ печальна?

ЛЮДМИЛА (*разсѣянно*). Я съ?

Чувствительная книжка мнѣ попалась.

МОЛОДКОВА.

Брось! не читай! Все выдумки пустыя,
Воображенье только развращаютъ,
И не такихъ, какъ ты, сбиваютъ съ толку.
Вотъ это мы на практикѣ увидимъ.

Digitized by Google

Ты помнишь ли? Едва ли можешь помнить,
Тому лѣтъ десять будетъ.... Мы въ бесѣдкѣ
Сидѣли, пили шеколадъ....

ЛЮДМИЛА *(съ нетерпѣніемъ)*.

Ахъ, помню!
Не въ первый разъ имѣю счастье слушать.

МОЛОДКОВА.

Ну, такъ въ послѣдній разъ изволь прислушать.
Вотъ мы сидимъ въ саду, за шеколадомъ,
Калитка отворяется—и входитъ
Оборванная женщина съ ребенкомъ
—Дѣвченка лѣтъ восьми, самой за тридцать,
Лицо у ней пригожее, осанка
Дворянская, но странныя манеры.
Съ нахальнымъ видомъ подошла; втолкнула
Тебя въ бесѣдку, крикнула: вотъ «вамъ
Людмила, дочь моя!», и убѣжала».

Эта дѣвочка, приведенная, и, такъ сказать, брошенная матерью, Людмила Сельская, воспитанная въ домѣ Молодковой, разумѣется, поставлена въ избитое драматическое положеніе—пожертвовать наклонностями сердца своей quasi благодѣтельницѣ, тѣмъ болѣе, что Молодкова увѣряетъ ее, что Аркадій по склонности сердца женится на Барсучкиной. Все это, какъ видите, чрезвычайно избито и пошло, но еще избитѣй и пошлѣе мечтанія Людмилы о томъ, что она замѣнитъ мать Молодкову. Вообще, какъ видите, всѣ эти четыре лица—Молодкова мать, Молодковъ сынъ, Людмила и Барсучкинъ, — продуктъ чистой рутины: чувства ихъ — повтореніе чувствъ другихъ, выведенныхъ въ разныхъ драмахъ, лицъ, языкъ ихъ — обличаетъ то мозаическую работу, какъ языкъ Молодковой и Барсучкина, работу видимую, потовую, то совершенное отсутствіе естественности, какъ романтическій бредъ Людмилы и Аркадія. Признаковъ жизни, созданія во всемъ этомъ нѣтъ, что̀ говорится, ни на волосъ; выводя на сцену эти фигуры, авторъ рѣшительно не имѣлъ въ виду никакой, не только уже художественной, но даже психологической задачи,— въ существованіе ихъ онъ и самъ не вѣритъ, а читатели и подавно вѣрить не могутъ.

Для чего же вся *эта операція*? — Для чего завязанъ этотъ давно истертый узелъ? Естественно для того, чтобы Ермилу Ивановичу Кострову предстояла въ драмѣ какая-нибудь работа. Ермилъ же Ивановичъ припутанъ къ драмѣ слѣдующимъ образомъ. Сначала мы знакомимся съ нимъ у Барсучкина, который зазвалъ его къ себѣ

Digitized by Google

и предлагаетъ ему написать стихи въ честь двухъ бракосочетаній. Историческаго въ лицѣ Ермила Ивановича въ драмѣ—только извѣстная слабость его къ трактирамъ и крѣпкимъ напиткамъ: во всемъ остальномъ, онъ сходенъ со всѣми геніями и поэтами, выводимыми г. Кукольникомъ въ различныхъ драматическихъ фантазіяхъ. По представленію г. Кукольника, представителя литературы тридцатыхъ годовъ — поэтъ и вообще великій человѣкъ, непремѣнно долженъ, какъ извѣстный учитель, о которомъ говоритъ Гоголевскій городничій, — *стулья ломать и рожу корчить такую, что святыхъ вонъ понесетъ*. Такъ какъ вопросъ коснулся этого любимаго идеала литературы тридцатыхъ годовъ вообще и г. Кукольника въ особенности, — то мы должны поневолѣ сдѣлать маленькое отступленіе въ пользу общихъ физіологическихъ признаковъ такого идеала

Въ тридцатые годы литературы образовалось особенное понятіе о великихъ людяхъ и геніяхъ, понятіе, которымъ литература обязана преимущественно гг. Кукольнику, Полевому, Тимофееву и нѣкоторымъ другимъ. 1) Великій человѣкъ или поэтъ ни на минуту не долженъ забывать, что онъ великій человѣкъ или поэтъ: несомнѣннымъ признакомъ величія служитъ то, что онъ ни на минуту не чувствуетъ и не говоритъ такъ, какъ обыкновенно смертные чувствуютъ и говорятъ, — а то въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ же и будетъ онъ отличаться отъ обыкновенныхъ смертныхъ? 2) Великій человѣкъ или поэтъ можетъ дѣлать всякія глупости, какія ему заблагоразсудится—и все-таки онъ правъ, а толпа виновата, потому что она—презрѣнная толпа, и обязана почтеніемъ къ генію. 3) Великій человѣкъ или поэтъ — лице тождественное съ сумасшедшими и долженъ заговариваться до того, чтобы въ словахъ его «умъ не видѣлъ ничего», по выраженію одного изъ таковыхъ великихъ людей, Джакобо Санназара г. Кукольника,—быть недовольнымъ обычнымъ выраженіемъ чувствъ человѣческихъ, и какъ Нино Галлури въ извѣстной драмѣ: «Уголино», восклицать въ дикихъ виршахъ:

Нѣтъ.... я не люблю тебя.... нѣтъ, это слово
Выдумано человѣкомъ.... осквернено оно.

4) Мечты великаго человѣка или поэта *непремѣнно* не должны быть осуществимы на землѣ: что это будетъ за художникъ, который задумаетъ что-нибудь выполнимое?—Нѣтъ, истинный художникъ, *долженъ* задумать что-нибудь крайне нелѣпое, сходить съ ума отъ того, что нелѣпость невыполнима, рвать на себѣ вслѣдствіе неудачи волосы и проч. 5) Великій человѣкъ или поэтъ, по широкой натурѣ своей, имѣетъ право на все, что въ другихъ личностяхъ было бы возмутительно—можетъ, какъ Ляпуновъ (не историческій Прокофій Петровичъ Ляпуновъ, стоятель за русскую землю, котораго казаки на Москвѣ измѣн-

Digitized by Google

шимъ дѣломъ убили, а Лялуновъ г. Куколышка), быть палачемъ — или, какъ Нина Галлури, выдумывать такія казни, отъ которыхъ «покойники въ гробахъ спасибо скажутъ» и т. д.

Ермилъ Ивановичъ Костровъ, изображенный г. Кукольникомъ, принадлежитъ къ такого же сорта великимъ людямъ. Впрочемъ, онъ нѣсколько поумѣреннѣе всѣхъ другихъ героевъ разныхъ драматическихъ фантазій, въ своихъ требованіяхъ отъ жизни: никого не отравляетъ, не закалываетъ, не сходитъ явно съ ума,—онъ только пьетъ въ трактирахъ и вездѣ говоритъ лирическими тирадами и ломаетъ стулья, какъ извѣстный учитель —можетъ быть, потому, что г. Кукольникъ не хотѣлъ слишкомъ противорѣчить историческимъ преданіямъ о переводчикѣ Оссіана и Гомера. Съ Ермиломъ Ивановичемъ знакомимся мы во второмъ актѣ, въ домѣ Барсучкина. О самомъ Барсучкинѣ и о его языкѣ мы уже упомянули,—на языкъ этотъ и на собираніе различныхъ чертъ общаго понятія о богатомъ выскочкѣ, употреблено авторомъ, по видимому, очень много труда; но представить осязательно типъ онъ не могъ, и потому прибѣгъ къ самому избитому средству: заставить самаго Барсучкина разсказывать о себѣ слѣдующее:

«Богатъ-то я богатъ! да что въ томъ толку!
Хотѣлъ титулъ барона или графа
Себѣ купить.... У насъ не продаютъ,
Ну а титулъ нѣмецкій не годится.

—

Ужъ я ль не знатенъ? Домъ не домъ—дворецъ;
Пройдешься, будто станцію проѣхалъ;
Собачки—и у тѣхъ свои покои;
Гдѣ только могъ, въ *гостиномъ*, въ магазинахъ
Скупилъ картины; всюду ихъ навѣшалъ;
Антиковъ больше сотни заказалъ,
Вездѣ наставилъ; зимній садъ завелъ,
Въ простыхъ садахъ—*фонтаны, рамажиры;*
Театръ домашній, пѣвчіе, *оркестръ*....
Чего ужъ кажется? *свои цыгане:*
Всѣхъ смуглыхъ судомоекъ отобралъ,
Фалетера приставилъ въ запѣвалы,—
Ревутъ отлично!»

и т. д.

Не правда ли, что это самая удобная манера пояснять читателямъ и зрителямъ, что изображаемое лицо есть лицо комическое,—именно: богачъ-выскочка и невѣжда; нужды нѣтъ, что манера немножко пообвѣтшала, за то ужъ самая безопасная: зрители и чи-

Digitized by Google

татели не ошибутся, какъ не ошибутся они въ предметахъ, изображаемыхъ и раскрашиваемыхъ суздальскими малярами ...

Барсучкинъ самъ же разсказываетъ, почему ему такъ хочется жениться на Людмилѣ Сельской, а дочь выдать за Аркадія Молодкова. Ему извѣстно, что Людмила дочь знаменитаго генерала; — почему извѣстно ему это обстоятельство, неизвѣстное другимъ, ближайшимъ къ Людмилѣ лицамъ, — авторъ объяснить не потрудился.

Если фигура Барсучкина — малеванье просто грубое, то фигура его дочери Голендухи — малеванье отвратительно грубое, сложенное изъ чертъ глупости, обжорства, злости, ненависти къ мамкѣ, животненнаго любострастія и проч. Вотъ сцена между отцомъ, мамкою и дочерью.

БАРСУЧКИНЪ.

А, здраствуй, Голендушинька!

ГОЛЕНДУХА.

Бонжуръ.

БАРСУЧКИНЪ.

Ну, какъ спала?

ГОЛЕНДУХА.

Требьенъ.

БАРСУЧКИНЪ.

А чай пила?

ГОЛЕНДУХА.

Шесть чашекъ только.... мама не даетъ.

БАРСУЧКИНЪ.

(Мамѣ) Ты что?

МАМА.

Да ты-жъ, Ѳедотъ Кузмичь; велѣлъ
Пораньше барышню одѣть нарядно,
Бѣлилой и румяной разукрасить,
И камни самоцвѣты нацѣпить;
Ктомужъ, признательно сказать, боялась —
Дитя объѣстся; ты съ меня же взыщешь.

БАРСУЧКИНЪ.

Дитя! ей двадцать лѣтъ.

МАМА.

Нѣтъ, двадцать девять.

БАРСУЧКИНЪ.

Цыцъ, *дурище!* ей двадцать!

МАМА.

Двадцать девять!

БАРСУЧКИНЪ.

Вѣдь я отецъ родной!

Digitized by Google

МАМА.

А я вѣдь мама.
Сама кормила, мнѣ ужъ лучше знать.

ГОЛЕНДУХА.

Э, двадцать, двадцать девять, *тутегаль*,
Мнѣ лишь бы замужъ поскорѣе выйдти,
Чтобъ дура Аграфена не смѣялась....

БАРСУЧКИНЪ.

И замужъ выдамъ; только говори,
Что двадцать лѣтъ тебѣ,—ни года больше!

ГОЛЕНДУХА.

Пятнадцать, если хочешь, *только выдай*.
Смерть хочется пожить себѣ на волѣ....
А въ дѣвкахъ страхъ какъ скучно; точно хвостъ,
Тужуръ, вотъ эта вѣдьма слѣдомъ ходитъ....

МАМА.

Грѣхъ, дитятко, такъ говорить на маму!

Малеванье—и притомъ оскорбительное для эстетическаго чувства малеванье.... Какъ же не подивиться послѣ этаго статьѣ барона Брамбеуса, которая, въ 1853 году, насъ, воспитанныхъ комизмомъ Гоголя, рѣшается увѣрять въ глаза, что г. Кукольникъ — художникъ слишкомъ тонкій для того, чтобы нравиться *неученымъ* литераторамъ?.... Гдѣ же признаки художественной тонкости, художественнаго такта даже?—найдите ихъ намъ въ девяти томахъ произведеній корифея литературы тридцатыхъ годовъ, — найдите ихъ, покажите ихъ намъ, г. баронъ: мы назовемъ васъ вторымъ Колумбомъ!

Слѣдуетъ сцена съ Аркадіемъ, который пріѣзжаетъ свататься, сцена такъ же фальшиво драматическая, какъ фальшиво комична вышеприведенная сцена. За симъ является и Костровъ, котораго нашли въ трактирѣ. Костровъ съ перваго же входа начинаетъ *стулья ломать*, разсказывая съ неистовымъ смѣхомъ извѣстный анекдотъ про Демидова, который, желая посмѣяться надъ общею тогдашнею манією къ очкамъ, надѣлъ очки на кучеровъ и форейторовъ. Еще больше начинаетъ онъ ломать стулья, услыхавши фамилію пригласившаго его къ себѣ:

«Голубчикъ! вотъ онъ кто такой! Барсучкинъ!
Прибавь: «въ очкахъ,» а то не различишь,—
Въ рядахъ твоихъ однофамильцовъ много.
Одинъ Барсучкинъ — половой въ трактирѣ
На Дмитровкѣ, разбойникъ на бильярдѣ!»

На приглашеніе Барсучкина выпить ликеру, онъ отвѣчаетъ:

«Нѣтъ, ужъ лучше травничку!

Digitized by Google

Да балычка, груздей, икорки, сыру....
Всего неси... *что мнѣ его жалѣть?*»

Но что дѣлается съ нимъ, когда онъ услыхалъ, что Барсучкинъ женится на Людмилѣ Сельской,—его пансіонской ученицѣ, за посланіе въ стихахъ къ которой онъ былъ прогнанъ изъ пансіона,—страсти да и только!.... Ломанье стульевъ доходитъ до послѣдняго градуса, когда Барсучкинъ проситъ его написать стихи.... Напрасно Барсучкинъ напоминаетъ ему, что онъ не въ харчевнѣ. Онъ отвѣчаетъ:

«Какъ не въ харчевнѣ? Вонъ—и. половые
Подносятъ съ церемоніей закуску!
(наливъ и выпивъ водки)
Травникъ отличный! своего издѣлья?
Вотъ это. братецъ, дѣло по тебѣ!
Сидѣлъ бы за прилавкомъ, плутовалъ бы;
А то въ чужія перья нарядился,
Парикъ надѣлъ, очки напялилъ на носъ —
И ну вельможу знатнаго дразнить.
Спасибо, смерть люблю каррикатуры.
(беретъ графинчикъ и наливаетъ):

БАРСУЧКИНЪ.

Пойдешь ли ты отсюда?

КОСТРОВЪ.

Не могу, —
Травникъ чудесный! такъ и тянетъ къ чаркѣ.
Какъ это въ голову тебѣ могло
Придти: Ермилъ Иванычу Кострову,
Какъ сапоги, заказывать стихи?
Вельможи, мой любезнѣйшій, родятся;
А нѣтъ, такъ въ этотъ санъ по ступенямъ
Восходятъ государственной заслугой!
Изъ золота не отольешь вельможи....»

и т. д.

Второй актъ весь драматическій, т. е. фальшиво драматическій. Людмила объясняется съ Аркадіемъ, Костровъ приходитъ объясняться съ Людмилой. Пріѣзжаетъ потомъ Барсучкинъ, и является генералъ, отецъ Людмилы, съ денщикомъ Лукою; узнавши, что Людмила выходитъ за Барсучкина, генералъ, который уже совершенный трагикъ, бѣжитъ вонъ изъ дому.

Третій актъ начинается сценою Кострова съ Лизетой, существомъ неизвѣстнаго званія и неизвѣстнаго времени. Костровъ стоитъ вдохновенный, Лизета нѣсколько разъ бѣгаетъ по лѣстницѣ; наконецъ, Костровъ приходитъ въ себя и начинаетъ читать ей мадри-

Digitized by Google

галы и проч. Лизета рѣшительно непонятна, а непонятна именно потому, что авторъ не имѣетъ въ своемъ талантѣ никакихъ объективныхъ свойствъ. Съ одной стороны, Лизета поставлена въ драму потому, что была же у Мольера служанка, которой онъ читалъ свои комедіи, — почему же не быть какой-нибудь Лизетѣ, которой бы могъ читать свои стихи Ермилъ Ивановичъ Костровъ; съ другой стороны, авторъ совершенно напрасно представилъ ее глупою и ничего не понимающею. Лизета вышла ни то, ни сё, какая-то субретка старыхъ комедій. Является генералъ Сельскій съ Лукою. Онъ привезъ Кострову письмо въ стихахъ отъ Суворова. Ломанье стульевъ всеобщее. Разсказъ генерала о штурмѣ Измаила, неистовство Кострова и т. д., объясненіе на счетъ Людмилы. Въ заключеніе акта является чиновникъ съ подаркомъ Кострову отъ Великой Екатерины.

Актъ четвертый. Костровъ въ трактирѣ. Является Аркадій, который съ отчаянія потерялъ восемсотъ рублей казенныхъ денегъ. Костровъ отдаетъ ему свои и тащитъ къ генералу Сельскому.

Генералъ, между прочимъ, разсказываетъ Лукѣ исторію своихъ отношеній къ матери Людмилы; разсказываетъ, какъ онъ любилъ, былъ обманутъ женой, чуть не отравленъ ей и проч. Является Людмила къ отцу, — и когда она говоритъ:

«Убита я, несчастна — но невинна!»

Отецъ восклицаетъ:

«Лука! сто пушекъ! залпъ! я плохо слышу;
Пусть повторитъ, пусть скажетъ подъ присягой!»

За Людмилой прибѣгаетъ Молодкова, въ отчаяніи отъ поступка сына; за Молодковой Аркадій съ Костровымъ. Говорится тутъ много страшнаго, трескучаго. Наконецъ, генералъ вдохновляется мыслію спасти свою Людмилу — и точно спасаетъ ее, въ пятомъ актѣ, предложивши Барсучкину себя въ зятья. Барсучкинъ въ восторгѣ. «Постой, — говоритъ Сельскій — одно условье....»

Понимаемъ-съ!
На счетъ приданаго? О, всеконечно!
Нельзя же вамъ жениться безъ контракта —
Напишемъ и у маклера заявимъ....
Нельзя безъ этого! сейчасъ надуютъ,—
На этомъ свѣтѣ стоитъ. Даю милліонъ!

ГЕНЕРАЛЪ.

Да выслушай, Ѳедотъ Кузмичъ, условье.

БАРСУЧКИНЪ *(не слушая)*.

Дна дома, подмосковную деревню,
Бриллианты, серебро, прислугу, мебель
И экипажъ по чину....

Digitized by Google

КОСТРОВЪ.

Молодецъ!

И въ немъ поэзіи сверкнула искра,

И въ немъ вскипѣлъ коммерческій восторгъ!»

Людмила не хочетъ принять жертвы, приносимой отцомъ, и кричитъ, что̀ называется, благимъ матомъ, еще не входя въ залу; но отецъ клянется,

«Что я теперь невѣсту

Люблю, какъ счастіе моей Людмилы.»

Драму кончаетъ Костровъ—шампанскимъ и торжественною одой.

Да не обвинятъ насъ читатели, что мы, такъ сказать, на почтовыхъ пересказали содержаніе драмы г. Кукольника: кромѣ обычныхъ эффектовъ, плохаго и натянутаго языка, форсированныхъ положеній — мы въ ней ничего не видимъ. Въ поэтѣ Костровѣ г. Кукольникъ взялъ только одну историческую черту — слабость къ крѣпкимъ и сладкимъ винамъ, и довелъ ее до nec plus ultra. Вся остальная обстановка, придуманная для того, чтобы герой могъ ломать стулья, — дѣло чистой рутины, хотя нельзя не видѣть, что фактура обличаетъ набивку руки и опытность по части сценической. Мы лично не могли отнестись иначе къ этой драмѣ, потому что цѣнимъ въ драматическомъ произведеніи или его психологическую задачу, или его историческій смыслъ: ни той, ни другаго—нѣтъ и слѣдовъ въ драмѣ г. Кукольника.

Пора перейдти намъ отъ литературы тридцатыхъ годовъ къ остальному содержанію книжки журнала, и поискать въ ней чего-нибудь поинтереснѣе и посовременнѣе.

Во-первыхъ, въ разбираемой нами книжкѣ начатъ новый романъ покойнаго Вонлярлярскаго «Сосѣдъ»; объ этомъ романѣ мы поговоримъ, когда онъ будетъ оконченъ. Кромѣ того, мы встрѣтили «Сердце съ перегородками», разсказъ г-жи Т. Ч., которой «Тѣни прошлаго», напечатанныя въ 1851 году, произвели довольно пріятное впечатлѣніе на читателей и критиковъ, и показывали въ авторѣ талантъ и искренность чувства. «Сердце съ перегородками» гораздо слабѣе «Тѣней прошлаго» и—что̀ особенно намъ не понравилось—представляетъ что-то въ родѣ аллегоріи. Молодой человѣкъ Зиминскій, юноша довольно пустой и безхарактерный, хотя съ претензіями, собирается жениться, и передъ свадьбой ѣдетъ съ своимъ пріятелемъ литераторомъ Н. Э. къ ворожеѣ. Ворожея показываетъ ему въ водѣ его собственное сердце,—и надобно сказать, что исторія сердецъ, подобныхъ сердцу Зиминскаго, раскрыта авторомъ съ большимъ искусствомъ и съ ироніею, въ которой много справедливо-ѣдкаго и справедливо-грустнаго. Мы думаемъ, что весь разсказъ исключительно написанъ для этого мѣста.

Digitized by Google

«Въ водѣ виднѣлось сердце, настоящее человѣческое сердце, похожее видомъ на всѣ, свойствомъ—почти на всѣ сердца. Сердце розовое, прозрачное, теплое, мягкое, впечатлительное; оно только что раскрылось для жизни и не избрало никакого жизненнаго пути. На верху было написано большими буквами: *въ семнадцать лѣтъ*. Оно было гладко и ровно; *горячій огонь* молодой жизни заставлялъ его радостно трепетать въ водѣ; готовое для всѣхъ привязанностей, оно не вмѣщало еще ни одной и было исполнено вѣрованій во всѣ радости жизни. Но явятся привязанности и наклонности, тогда на гладкой поверхности молодаго сердца покажутся маленькія отдѣленія; для всякого чувства будетъ особая область, для всякаго предмета чувствъ особая перегородка. И послѣ одна перегородка станетъ вытѣснять другую; тамъ воздвигается, здѣсь упадаетъ, многія рушатся невозвратно»....

Начинаются вслѣдъ за тѣмъ являться перегородки разныхъ привязанностей. Пропустимъ первыя привязанности къ усамъ и къ вальсу.

«Но вотъ надъ сердцемъ цыфра 18 смѣнила первую, и вальсъ олицетворяется: вальсъ уже не просто вальсъ, не просто звуки, не просто круженье!... Растетъ другая перегородка, втѣсняется въ перегородку съ вальсомъ; вальсъ принялъ образъ чудный, образъ свѣжаго личика, осѣненнаго бѣлокурыми волосами, которыя падаютъ и разсыпаются локонами по мраморнымъ плечамъ. И локоны слегка задѣваютъ по горячему лицу Зиминскаго, и стройная талія, *облеченная* въ бѣлое прозрачное платье, гнется граціозно подъ его рукой. Огни бала сверкаютъ и переливаются въ голубыхъ глазахъ; маленькая ножка легко и быстро несется, едва касаясь скользкаго пола. Можетъ ли кто танцовать лучше ея? Можетъ ли даже кто-нибудь танцовать такъ, какъ она?

«Сонъ послѣ бала несетъ ему то же самое плѣнительное видѣніе: изъ пѣны вальса возникло чудное созданіе, съ чудными локонами; велика для него перегородка въ сердцѣ юноши, съ бала на балъ летитъ онъ вслѣдъ за нимъ, съ каждаго бала пріѣзжаетъ счастливый....

«Время несется и уноситъ за собой многое; двадцатыя цыфры смѣняютъ собою восьмнадцатую. Въ два года воздвигнулись многія перегородки, явилась широкая перегородка тщеславія, а съ ней стали воздвигаться и падать по очереди маленькія, незамѣтныя перегородки,—словомъ, всѣ видоизмѣненія большой перегородки, въ которой поселилось тщеславіе; подъ цифрой двадцать является отдѣленіе для одной брюнетки, возбудившей въ Зиминскомъ живой интересъ остроумнымъ разговоромъ.

«Бѣдное сердце, сколько перегородокъ построилъ на тебѣ услужливый и изобрѣтательный умъ!»

Digitized by Google

Какъ видите, различные феномены обыденнаго сердечнаго процесса подмѣчены весьма вѣрно и представлены живо. Далѣе видна даже нѣсколько болѣе глубокая психологическая наблюдательность, ирония получаетъ характеръ болѣе грустный.

«Блондинка показывается не разъ изъ за своей перегородки. Владѣнія ея уменшились, но блондинка и вальсъ живутъ еще въ сердцѣ Зиминскаго, живутъ не сталкиваясь съ брюнеткой. Зиминскій съ одной облетаетъ по прежнему залу, съ другой заводитъ живой разговоръ; и блещетъ его свободная рѣчь остроуміемъ, счастливыми оборотами; онъ самъ себѣ дивится, удачно щеголяя въ своихъ разговорахъ смѣлымъ тономъ счастливаго повѣсы.

«Но цыфра двадцать стала измѣняться въ двадцать одинъ, въ двадцать два и такъ далѣе. Интересъ наблюденій двухъ пріятелей увеличился. Литераторъ, конечно, былъ спокоенъ, порой только смѣялся и глядѣлъ пристально въ воду; но Зиминскій мѣнялся въ лицѣ, иногда съ безпокойствомъ поглядывалъ на любопытнаго наблюдателя и чувствовалъ странное стѣсненіе въ груди, головокруженіе: онъ не былъ постороннимъ зрителемъ: между его сердцемъ и сердцемъ движущимся въ стаканѣ было невидимое, но прямое отношеніе, заставлявшее Зиминскаго нестерпимо страдать. Всякій разъ, какъ сердце въ стаканѣ начинало шевелиться, подымалось, дышало, раскрывалось отрадно или обливалось кровью, покоряясь вліянію появлявшихся на немъ и исчезавшихъ перегородокъ, сердцу Зиминскаго, Зиминскаго жениха, Зиминскаго двадцатисемилѣтняго, становилось неловко, даже больно, отъ какихъ-то непроизвольныхъ перемѣнъ и движеній.

«*Онъ былъ первый и раздражительный; покрайней мѣрѣ, онъ это говорилъ всѣмъ, и убѣждая другихъ, самъ убѣдился.* Вообще, онъ усвоилъ много привычекъ и прихотей совершенно женскихъ, придававшихъ ему нѣчто плѣнительное, онъ заразился ими какъ человѣкъ впечатлительный.

«Вдругъ Зиминскій отскочилъ съ испугомъ: горячая искра вылетѣла изъ стакана, мелькнула мимо, взвилась высоко и исчезла подъ потолкомъ. Вода въ стаканѣ забурлила, стала кипѣть; маленькое синеватое пламя носилось надъ ней, потомъ ушло въ стаканъ, сверкнуло оттуда розовымъ огнемъ и охватило все сердце. Горитъ прозрачное сердце, все облитое розовымъ пламенемъ! Снова оно гладко; едва замѣтны перегородки, въ которыхъ засѣдали всѣ чувствованьица, волновавшія его. Будто одно чувство охватило сердце, но это одно чувство можетъ дѣлиться на тысячи предметовъ.

«*Здравствуй, услужливое и богатое сердце,—сердце вмѣстительное, заключившее въ себѣ такъ многихъ! Бѣдный чело-*

Digitized by Google

вы, счастливый человѣкъ, обладатель такого хорошо устроеннаго сердца,—сердца съ перегородками,—привѣтъ тебѣ!»

Право, это выписанное нами мѣсто, въ которомъ есть и искреннее чувство, и нѣкоторый психологическій анализъ, и простота представленія, — дороже намъ всей литературы тридцатыхъ годовъ, съ ея мистеріями и фантазіями, съ ея итальянскими художниками и поэтами, — и какъ мы думаемъ, такое предпочтеніе нисколько не удивительно.

Но кто истинно начинаетъ радовать насъ, такъ это — г. Иногородный Подписчикъ. Пусть во многомъ мы съ нимъ не согласны, и, вѣроятно, никогда не согласимся, но мы видимъ въ немъ такой постоянный прогрессъ на поприщѣ здравыхъ понятій, такъ много благородства въ отношеніи къ литературнымъ произведеніямъ, такъ много жара, прикрываемаго иногда еще, хотя рѣже прежняго, маской нѣсколько фешенебельнаго равнодушія, что, нисколько не колеблясь, не оглядываясь назадъ, готовы подать ему руку на общую дѣятельность въ пользу здраваго взгляда на искусство, — готовы вслѣдствіе этого спорить съ нимъ, въ нужныхъ случаяхъ, искреннѣй, горячѣй, чѣмъ со многими критиками, имѣющими бо́льшія притязанія на серьёзность: ибо, кромѣ того, что онъ и образованнѣе, и значительно остроумнѣе ихъ, онъ даже и серьёзнѣе, способнѣе увлекаться всѣмъ изящнымъ или дѣльнымъ. Намъ начинаетъ нравиться даже его англоманія, потому что она приводитъ его къ результатамъ, гораздо болѣе прочнымъ, нежели къ какимъ приводитъ другихъ критиковъ любовь къ великосвѣтскости или къ фальшивой образованности. Какъ человѣкъ живой, Иногородный Подписчикъ, увлекаясь англійской положительностью, не остается однако при одномъ поклоненіи англійскому; нѣтъ! его живо интересуютъ окружающіе его вопросы. Теккерей, на примѣръ, написалъ книгу о Сноббсахъ, г. Иногородный Подписчикъ ищетъ чертъ снобизма въ той дѣйствительности, которая у него передъ глазами, и отыскиваетъ ихъ довольно удачно. Не желая обременять выписками нашу, и безъ того довольно длинную, статью, мы только обращаемъ вниманіе читателей на его весьма злыя и мѣткія выдержки изъ замѣтокъ петербургскаго сноббсофила, и выпишемъ одно опредѣленіе снобизма.

«Что касается до значенія слова «сноббсъ», говоритъ Иногородный Подписчикъ,—то его можно перевести заглавіемъ извѣстной басни, именно: «ворона въ павлиныхъ перьяхъ»;—сноббсы,—сказалъ кто-то недавно, — существа, старающіеся каждый свой гривенникъ представить червонцемъ, и отъ того часто лишающіеся запаса своихъ скромныхъ гривенниковъ! сноббсъ есть человѣкъ, который лѣзетъ знакомиться выше своего круга, хвастается своей дружбой съ княземъ Г.,

Digitized by Google

тратитъ послѣднюю сотню цѣлковыхъ на лондонскій фракъ съ принадлежностями, и т. д.»

Конечно, для болѣзни, которую Иногородный Подписчикъ называетъ по-теккереевски—сноббизмомъ, найдется, если хорошенько поискать, болѣе мѣткое русское прозвище, но дѣло въ томъ, что болѣзнь дѣйствительно существуетъ, и что Иногородный Подписчикъ относится къ ней въ высшей степени правильно. «Богатый и изящный человѣкъ,—говоритъ онъ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ въ анализѣ сноббизма,—думающій идти въ уровень съ особами несравненно умнѣйшими себя, есть сноббсъ, и умный, но не богатый малый, лѣзущій въ дружбу къ богачамъ—тоже сноббсъ; *однимъ словомъ, къ разряду сноббсовъ потребно причислить всѣхъ индивидуумовъ, бросающихъ для потѣхи своего презрѣннаго тщеславія ту жизненную колею, слѣдуя которой они могутъ быть счастливыми и до конца дней своихъ избѣгнуть названія сноббсовъ*».

Нельзя не пожелать, чтобы Иногородный Подписчикъ, при такомъ правильномъ понятіи о сноббизмѣ, продолжалъ далѣе анализировать эту болѣзнь въ различныхъ ея видахъ, и чтобы, между прочимъ, коснулся весьма важнаго ея вида—сноббизма литературнаго.

Кромѣ остроумныхъ выходокъ, по поводу сноббсовъ и сноббизма, мы нашли въ письмѣ Иногороднаго Подписчика еще одно крайне утѣшительное для насъ мѣсто. Оно какъ будто служитъ дополненіемъ къ тому, что̀ еще недавно говорили мы объ отношеніи къ дѣйствительности школы, названной нами школою фальшивой образованности.

«Вообще пора, говоритъ Иногородный Подписчикъ, и давно пора нашимъ беллетристамъ исцѣлиться отъ нѣкотораго пристрастія къ героямъ и героинямъ, скучающимъ посреди недостойной (по ихъ мнѣніямъ) обстановки и брезгающимъ жизнію на всѣ лады. Сказанные герои и героини рѣшительно всегда оказываются хуже того міра, въ которомъ вращаются, въ которомъ хандрятъ и который предаютъ посмѣянію. Одно время всѣ русскія повѣсти и романы начинались описаніемъ: то высокой женской натуры, тоскующей посреди грубыхъ провинціаловъ; то молодаго учителя съ возвышенными тенденціями, въ кругу добрыхъ, но, по его мнѣнію, пустыхъ деревенскихъ жителей; то какого-нибудь юноши, непремѣнно пріѣзжаго изъ столицы, рѣдко подшучивающаго надъ губернскими добряками и плохими нарядами дамъ, не имѣвшихъ счастія побывать въ Петербургѣ.»

Не въ правѣ ли мы послѣ этаго подать (литературно) руку Иногородному Подписчику и душевно радоваться, что англоманія приводитъ его къ такимъ прямымъ и простымъ взглядамъ? *Ред.*

—

Digitized by Google

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ, № 1-й, Январь, 1853 года. Первая часть романа Т. Ч., »Дипа«, читается съ удовольствіемъ, по умѣнью автора разсказывать живо и просто; но другими свойствами, дорогими и необходимыми въ писателѣ, какъ напр. ясно очертить характеръ, или собрать всѣ разсказанныя происшествія около одной мысли, и такимъ образомъ дать читателю почувствовать, что въ произведеніи есть мысль, — г. Т. Ч. не владѣетъ. Отъ этого все въ его романѣ представляется несвязнымъ и разбросаннымъ; съ трудомъ можно догадаться, къ чему ведетъ свой разсказъ авторъ: замужство Вареньки и картина брачной жизни Константина Васильевича и Софьи Петровны, заключающая первую часть романа, заставляютъ подозрѣвать, что мысль о бракѣ составляетъ задачу романа.

»Нѣсколько лѣтнихъ дней«, разсказъ г. Крестовскаго, обратилъ на себя наше вниманіе именемъ автора, которому мы недавно воздали честь за благородное направленіе его повѣсти: »Искушеніе«. Указавши ему на тѣ стороны его предыдущаго произведенія, которыя снискали ему всеобщее сочувствіе, мы убѣждали его, ради пользы и чести его дарованія, не предаваться мелочнымъ литературнымъ цѣлямъ, не спѣшить печатать, что̀ напишется кое-какъ, не забывать ни на минуту нравственныхъ побужденій и ими только руководствоваться въ своей литературной дѣятельности. Писателю надобно приглядываться къ нуждамъ времени, и испытывать, чѣмъ нужно питать своихъ читателей; на прим. когда масса подражательныхъ писателей пріучила публику къ неразборчивому смѣху, когда имъ удалось довести читателей до забвенія тѣхъ условій, при которыхъ смѣхъ можетъ быть полезенъ; тогда писателю самостоятельному, въ которомъ живутъ свои понятія, должно съ ревностью присматривать за ними, не слушать расчетливой лести, но строго воспитывать ихъ въ себѣ, доколѣ онѣ окрѣпнутъ до того, что имъ не будетъ опасно никакое посягательство. Повторить этотъ совѣтъ г. Крестовскому заставилъ насъ его новый разсказъ, о которомъ мы и не упомянули бы, еслибъ онъ не имъ былъ написанъ. Мы надѣемся, что послѣдующія произведенія г. Крестовскаго загладятъ въ насъ то впечатлѣніе, которое произвелъ на насъ его новый разсказъ; но вѣдь это преневыгодное

Digitized by Google

обстоятельство и для самаго автора: »Искушеніе« заставило насъ думать о немъ извѣстнымъ образомъ, мы возложили на него нѣкоторую надежду, что онъ принадлежитъ къ числу писателей, понимающихъ свое назначеніе; — и вдругъ онъ насъ даритъ пустымъ разсказомъ, который ничѣмъ не отличается отъ поговорокъ Евгеніи Туръ, безцвѣтный, безцѣльный. Какъ это грустно и досадно! Какъ бы то ни было, а все-таки мы долгомъ считаемъ замѣтить автору, что мы не пропустили безъ вниманія въ его разсказѣ Вареньки; тѣ тонкія ощущенія ея души, которыя съ значительнымъ искусствомъ обозначилъ авторъ, заставляютъ насъ жалѣть о томъ, что онѣ употреблены не къ мѣсту и слѣд. брошены даромъ.

Иліада Гомера — переводъ г. Ордынскаго (Рапсод. I — III). Приступить къ переводу Иліады г. Ордынскій могъ, разумѣется, только на томъ основаніи, что считалъ переводъ Гнѣдича неудовлетворительнымъ. Дѣйствительно, при всѣхъ своихъ классическихъ красотахъ, переводъ Гнѣдича не даетъ о подлинникѣ окончательно вѣрнаго понятія: главнѣйшимъ его недостаткомъ, ощутительнымъ для каждаго, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ подлинникомъ, почитается высокопарный и постоянно торжественный складъ его рѣчи, вовсе не соотвѣтствующій простому, безъискусственному строю гомеровой поэмы. Въ предисловіи къ своему переводу Гнѣдичъ, выразилъ самыя истинныя понятія о характерѣ подлинника и о способѣ передать его на нашъ языкъ. Но видно, отъ пониманія до совершенія разстояніе не близкое; сверхъ того, во времена Гнѣдича о средствахъ нашего языка мы не имѣли такого понятія, какое имѣемъ теперь, послѣ столь разнообразныхъ открытій въ области его исторіи и мѣстнаго развитія. Въ настоящее время, когда мы, побѣдивши долговременное предубѣжденіе, съ любовію начинаемъ обращаться къ высокимъ образцамъ нашей народной поэзіи, во многихъ отношеніяхъ столь близкой и родственной поэзіи гомерической, намъ легко замѣтить недостатки въ переводѣ не только Гнѣдича, но и въ переводѣ Жуковскаго. И въ томъ, и въ другомъ мы не найдемъ полной замѣны подлинника, тотъ и другой вызываетъ различныя замѣчанія критики. Г. Ордынскій и не преминулъ ихъ сдѣлать въ своей статьѣ, помѣщенной въ Отечественныхъ же Запискахъ (№ 8, 1849 года) послѣ выхода въ свѣтъ перевода Одиссеи. Всѣ эти замѣчанія сходятся къ одному итогу: что русскіе переводчики гомеровыхъ поэмъ менѣе, чѣмъ бы слѣдовало, воспользовались эпическими свойствами нашей

Digitized by Google

народной поэзіи, *для* ихъ передачи. Мы соглашаемся съ замѣчаніями г. Ордынскаго только въ такомъ общемъ ихъ видѣ, не раздѣляя нисколько его мнѣнія, будто бы »переводъ В. А. Жуковскаго *можетъ только заохотить* русскую публику *къ знакомству* съ гомеровыми поэмами, и, не пополняя ощутительнаго у насъ недостатка въ переводѣ Одиссеи, *возбуждаетъ потребность въ новомъ переводѣ этой поэмы и Иліады*.« Такое замѣчаніе отнюдь не дѣлаетъ чести эстетическимъ понятіямъ г. Ордынскаго: конечно, желательно было бы видѣть въ переводѣ Жуковскаго болѣе соотвѣтствія подлиннику, касательно внѣшняго выраженія, особенно когда для этого есть средства, но какъ же можно, изъ-за этого недостатка, просмотрѣть другое, гораздо важнѣйшее соотвѣтствіе въ духѣ, которому мы обязаны тѣмъ, что, читая переводъ Жуковскаго, совершенно переносимся въ бытъ, изображаемый поэмою, и объ лицахъ, въ ней дѣйствующихъ, получаемъ почти то же понятіе, какъ и изъ чтенія подлинника? Критикъ, пропустившій такое важное обстоятельство, не можетъ возбудить въ насъ довѣрія къ своимъ понятіямъ объ изслѣдуемомъ имъ дѣлѣ. »Гнѣдичева Иліада, продолжаетъ онъ для нашего времени еще менѣе удовлетворительна. Чтобъ переводъ Иліады и Одиссеи удовлетворялъ настоящимъ потребностямъ, должно перевести эти поэмы, *если не народнымъ нашимъ языкомъ*, то по крайней мѣрѣ *такимъ языкомъ*, который былъ бы *чуждъ* всѣхъ *чисто-литературныхъ* *) словъ и выраженій. *Славянскій языкъ также отнюдь не долженъ быть употребляемъ* въ переводѣ Гомеровыхъ поэмъ.« Чрезвычайно сбивчивое и неправильное понятіе о способѣ перевода! Если обратимъ вниманіе на составъ нашего языка, то найдемъ въ немъ три образующія его стихіи: славянскую, народную и литературную; другихъ, намъ кажется, нѣтъ. При такомъ положеніи дѣла, какъ быть переводчику, если онъ захочетъ послушаться совѣтовъ г. Ордынскаго? Языкъ перевода, по его мнѣнію, долженъ быть чуждъ *литературныхъ* словъ и выраженій; *славянскій* языкъ отнюдь не долженъ быть употребляемъ; остается одна народная стихія, но и про нее онъ выражается такъ: »должно перевести эти поэмы, если *не народнымъ* нашимъ языкомъ,« и т. д. И такъ вмѣсто того, чтобъ посовѣтовать переводчику воспользоваться всѣми средствами трехъ, указанныхъ нами, стихій нашего языка и ловить въ каждой изъ нихъ

*) Курсивъ у автора.

Digitized by Google

то, что̀ пригодно *для* передачи разнообразныхъ оборотовъ подлинника, г. Ордынскій не допускаетъ его ни до одной. »Сверхъ того, продолжаетъ г. Ордынскій, вѣрный переводъ Иліады и Одиссеи можетъ быть сдѣланъ только *прозою* *). Гекзаметръ, настоящій гомеровскій гекзаметръ, чуждъ новымъ языкамъ, *другіе* размѣры не идутъ къ Гомеровымъ поэмамъ. *Прозаическій переводъ Иліады и Одиссеи можетъ быть и поэтиченъ. Въ наше время стихъ понизился до прозы, проза возвысилась до стиха.* Если перевести какое бы то ни было поэтическое, стихотворное произведеніе такою поэтическою прозою, какая встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Мертвыхъ Душъ и въ концѣ Разъѣзда (г.) Гоголя, то *никто не пожелаетъ* (?) стихотворнаго перевода.« Не странно ли, что, разсуждая объ *Отцѣ поэзіи* и объ его безсмертныхъ *поэмахъ*, г. Ордынскій съ такимъ равнодушіемъ отказывается отъ стиха? Положимъ, что *для* буквальной вѣрности необходимо переводить Гомера прозой, но такой переводъ составитъ пріобрѣтеніе только *для* классныхъ занятій, а отнюдь не войдетъ въ область художественной литературы. Если нашъ гекзаметръ и не вполнѣ соотвѣтствуетъ гомерическому, такъ все-таки онъ у насъ есть, онъ узаконенъ прекрасными опытами нашихъ первоклассныхъ поэтовъ; все таки гекзаметръ есть единственная внѣшняя форма, въ которой можетъ явиться художественный переводъ Гомера. Если условія стихотворнаго перевода и заставятъ иногда переводчика прибѣгнуть къ иному обороту, къ нѣкоторому измѣненію фразы, во всякомъ случаѣ гекзаметръ соблюдаетъ въ переводѣ такія черты, которыя прозой не могутъ быть переданы; именно: то внутреннее соотвѣтствіе перевода подлиннику, о которомъ мы говорили выше, можетъ быть выражено только при соблюденіи стихотворной формы. Съ трудомъ можно понять мысль г. Ордынскаго, что »въ наше время стихъ понизился до прозы, проза возвысилась до стиха.« Чей же стихъ разумѣлъ онъ, говоря это? Не стыдно ли говорить, даже про себя думать о такихъ поэтахъ, когда разсуждаешь о Гомерѣ? И что же за дѣло, что эти жалкіе поэты, нищіе душевнымъ содержаніемъ, стыдящіеся восторга и лирическаго движенія, низвели стихъ до прозы? Кому же они законъ? Неужели на нихъ долженъ смотрѣть переводчикъ Гомера? И что же за дѣло, что въ наше время проза взяла верхъ надъ стихомъ и явилась преобладающею формою

*) Курсивъ у автора.

Digitized by Google

изящныхъ произведеній? Это касается только современныхъ произведеній и условливается ихъ свойствами и направленіемъ. Кто переводитъ Гомера, тотъ долженъ забыть заботы и размышленія нашего времени, съ которыми не уживаются стихъ и риѳма, дѣти радости и восторга, тому нужно всѣмъ существомъ погрузиться въ давно прошедшую эпоху младенчества человѣка и оттуда заимствовать нужныя для своего труда беззаботность и спокойствіе. Тогда только онъ сдружится и съ стихомъ, тогда только онъ и передастъ этимъ стихомъ то, что пѣлъ спокойный, не знающій тревоги старецъ. Далѣе мы замѣтимъ г. Ордынскому, что о свойствахъ поэтической прозы онъ имѣетъ очень неправильное понятіе. Можно ли думать, что »стихотворное произведеніе можно переводить такою поэтическою прозою, какая встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Мертвыхъ Душъ и въ концѣ Разъѣзда (г.) Гоголя?« Какую напр. поэму укажетъ намъ г. Ордынскій, которую можно было бы перевести такой прозой? Если бы напр. Иліаду перевести такой прозой, неужели тогда никто не пожелаетъ стихотворнаго перевода? Понятіе »поэтическій« гораздо шире понятія »восторженный.« Если можно найдти прозу, соотвѣтствующую складу гомеровыхъ поэмъ, то только въ извѣстномъ мѣстѣ Тараса Бульбы, въ знаменитомъ описаніи битвы.

Мы разсмотрѣли понятіе г. Ордынскаго о способѣ перевода Гомера на русскій языкъ, и нашли въ нихъ много неправильнаго и сбивчиваго. Считаемъ нужнымъ замѣтить, что неправильность его понятій объ этомъ дѣлѣ представляется въ увеличенномъ видѣ, вслѣдствіе неясности его изложенія. Изъ его мнѣній можно принять только одно: что русскій переводчикъ долженъ соблюдать, по мѣрѣ возможности, то близкое и родственное соотвѣтствіе, которое существуетъ между греческимъ эпическимъ языкомъ и нашимъ. Оставаясь въ такомъ видѣ, это мнѣніе совершенно справедливо; но мы увидимъ, какъ примѣнилъ его г. Ордынскій къ дѣлу, а вмѣстѣ съ тѣмъ увидимъ, на сколько онъ былъ правъ, отрицая стихотворную форму перевода Жуковскаго и предлагая свою прозаическую. Прозаическій переводъ, по необходимости погубляющій свое внутреннее сходство съ подлинникомъ, долженъ, разумѣется, прежде всего удовлетворять внѣшнему сходству, въ отношеніи къ построенію и расположенію предложеній, передачѣ словъ подлинника самыми близкими по значенію словами русскаго языка и т. д. Разберемъ же съ этой стороны переводъ г. Ордынскаго.

Digitized by Google

Прежде всего разсмотримъ, такъ *ли*, вѣрно *ли* онъ передаетъ слова подлинника въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ему не представлялось никакихъ *для* этого препятствій:

Ἐξ οὗ δὴ τὰ πρῶτα διαστήτην ἐρίσαντε
Ἀτρεΐδης τε ἄναξ ἀνδρῶν καὶ δῖος Ἀχιλλεύς.

Переведено:

»*Такъ было* (?) съ тѣхъ поръ, какъ *повздорили князь* Атреевичъ и *свѣтъ*-Ахиллъ.«

Въ подлинникѣ словъ »такъ было« вовсе нѣтъ, и придаточное предложеніе, начинающееся словами *ἐξ οὗ*, относится къ предложенію: *ἦ μυρὶ Ἀχαιοῖς ἄλγε' ἔθηκεν*, и т. д. Гнѣдичъ переводилъ гекзаметромъ, но у него нѣтъ такой вставки, у него просто сказано: »съ онаго дня, какъ«, и т. д.

Слову *повздорили* въ подлинникѣ сотвѣтствуютъ два: »*διαστήτην ἐρίσαντε*«, что буквально значитъ *поссорившись разстались*. Откуда же это несоотвѣтствіе? Не говоримъ уже, что слово *повздорили* употребляется *для* означенія мелкихъ ссоръ (самое слово — *вздоръ* — это показываетъ), а эта ссора имѣла весьма важныя послѣдствія, къ числу которыхъ относится и самая поэма.

Слово *ἄναξ* можно *ли* всегда переводить словомъ *князь*? Это очень сомнительно. По крайней мѣрѣ, слѣдуя этому правилу, г. Ордынскій не рѣдко доходитъ до смѣшнаго; напр. »Гефестъ *далъ князю Зевсу Кроновичу*.« Какой же Зевсъ *князь*? Это странно слышать!

Переводъ отечественныхъ именъ греческихъ по образу русскихъ тоже подлежитъ размышленію. Положимъ, что — *ίδης*, если и не тожественно, какъ полагаетъ г. Ордынскій, такъ близко къ нашему — *ичъ*, но изъ этого нельзя еще окончательно заключать, чтобы первое должно было переводить вторымъ. Французское *de* (передъ фамиліями) значитъ *изъ*, но имъ не переводится. Мы не хотимъ сказать, чтобы — *ίδης* замѣнить черезъ — *ичъ* было *одно и тоже*, что *de* перевести предлогомъ *изъ*, но все-таки не думаемъ, чтобы это нововведеніе г. Ордынскаго удержалось и было принято другими.

Δῖος — свѣтъ. Нѣтъ спора, что въ словѣ *δῖος* первоначально заключено было понятіе свѣта, но Гомеръ даетъ намъ его уже въ переработанной формѣ. Понятіе свѣта вошло первоначально въ названіе *Ζεύς*, но въ названіи живаго существа утратило свое первое отвлеченное значеніе,— и *δῖος* у Гомера обозначаетъ того, кто *ἐκ Διός ἐστι*. Мы думаемъ, что возстановленіе первобытнаго значенія слова *δῖος*

Digitized by Google

надобно оставить лингвисту, а переводчику надобно держаться того значенія, какое слову дано поэтомъ.

Μή νύ τοι οὐ χραίσμῃ σκῆπτρον καὶ στέμμα θεοῖο.

Переведено:

»А то, *пожалуй*, не пособятъ тебѣ ни жезлъ, ни *вѣнки* божіи.«

Слово *пожалуй* лишнее; *вѣнки* — число множественное, въ то время, какъ *στέμμα* — единственное.

Τίσειαν Δαναοὶ ἐμὰ δάκρυα σοῖσι βέλεσσιν.

Переведено:

»Да *поплатятся* Данаи за слезы мои *твоими стрѣлами*.«

Совершенно неправильный оборотъ! Хризесъ молитъ Аполлона, чтобъ онъ наказалъ Данай своими стрѣлами, а *поплатиться стрѣлами* значитъ совершенно иное. У Гнѣдича ближе переведено:

Слезы мои отомсти Аргивянамъ стрѣлами твоими.

Ἦ γὰρ οἴομαι ἀνδρα χολωσέμεν.

Переведено:

»*Вѣрится мнѣ*, прогнѣвлю я мужа.«

Вѣрится мнѣ выражаетъ надежду и желаніе, а здѣсь Калхасъ изъявляетъ опасеніе; у Гнѣдича и переведено:

»*Я опасаюсь*, прогнѣваю мужа.«

τότε κέν μιν ἱλασσάμενοι πεπίθοιμεν.

Переведено:

»*Умолимъ Феба — такъ, можетъ, спасемся.*«

Неужели *πεπίθοιμεν* можно перевести *спасемся?* И къ чему же перемѣнять весь складъ фразы — *ἱλασσάμενοί μιν* переводить — *умолимъ Феба?*

Μὴ. . . . . .

Κλέπτε νόῳ ἐπεί οὐ παρελεύσεαι οὐδὲ με πείσεις.

Переведено:

»Не *хитри:* не *надуешь* меня, не *проведешь*«.

Κλέπτε νόῳ — *хитри*, хоть не близко, но возможно; *παρελεύσεαι* — *надуешь* — далеко и невѣрно: русскій глаголъ *обойдти* ближе этимологически, и, по своему сравнительно мягкому значенію, болѣе соотвѣтствуетъ данному случаю; *οὐδὲ πείσεις* — *не проведешь* — невозможно перевести: это значитъ — *не убѣдишь.*

Ἕως ὁ ταῦθ' ἅρμαινε κατὰ φρένα καὶ κατὰ θυμόν.

Переведено:

»Пока онъ раздумывалъ.«

Изъ девяти словъ переведены только три, остальныя шесть опущены.

Digitized by Google

..... ἐγὼ δ' ὀλίγον τε φίλον τε
ἔρχομ' ἔχων ἐπὶ νῆας.....

Переведено:

»Я же ухожу на корабли съ даромъ *плохимъ*; *итотъ-то мнѣ*(?) милъ.

Такое отдаленіе отъ подлинника неизвинительно и въ стихахъ.

Гдѣ же тѣ средства, которыя въ нашемъ народномъ языкѣ думалъ найдти г. Ордынскій, для сохраненія ближайшаго соотвѣтствія подлиннику? Если мы могли сдѣлать переводчику столько замѣчаній на пространствѣ 200 стиховъ 1-й рапсодіи, не всѣ еще неправильности замѣчая, то не трудно заключить, что прозаическая форма перевода не можетъ еще служить достаточной порукой за его вѣрность. Обратимъ теперь вниманіе на расположеніе словъ въ предложеніяхъ; въ этомъ случаѣ, нужно замѣтить, не столь важно удержаніе того порядка въ словорасположеніи, который существуетъ въ подлинникѣ, сколько искусная перестановка ихъ, сообразно требованіямъ русскаго эпическаго склада. Посмотримъ, какъ поступалъ въ этомъ случаѣ нашъ переводчикъ.

Возьмемъ для примѣра 268—69 стихи 11 рапсодіи:

»Присѣлъ Ѳерситъ, сробѣлъ, глупо глядѣлъ, больно было ему, отиралъ онъ слезы.«

(*ὁ δ' ἄρ' ἔζετο ταρβησέν τε — ἀλγήσας δ', ἀχρεῖον ἰδών, ἀπομόρξατο δάκρυ*).

Не говоря уже о далекости и неправильности перевода, мы замѣтимъ только, что пять предложеній, заключающіяся въ приведенныхъ стихахъ, у г. Ордынскаго стоятъ какъ-то безъ всякой связи, какъ будто каждое само по себѣ. Эти стихи въ его переводѣ хочется читать, какъ приговоры или загадки. А это очень чувствительно для достоинства эпическаго стиха.

324 стихъ и дал. III рапсодіи:

»Такъ говорили. Трясъ жеребьи шлемоблещущій Гекторъ, голову отвернувши, и быстро выскочилъ паридовъ жребій. Тутъ сѣли всѣ рядами, гдѣ у каждаго кони стояли, доспѣхи пестрые лежали.«

Такія мѣста живо напоминаютъ намъ классные переводы.

И къ чему это постоянно глаголъ на концѣ? Неужели въ этомъ выражается, хоть сколько-нибудь, характеръ нашей эпической рѣчи? Ни чуть! То же должно сказать и о прилагательныхъ, поставляемыхъ послѣ существительныхъ.

Digitized by Google

Не выписываемъ болѣе примѣровъ; и безъ того мы утомили читателя подробностями. Но до сихъ поръ мы разсматривали переводъ г. Ордынскаго въ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ онъ долженъ былъ превосходить поэтическіе переводы, именно: въ отношеніи къ точности въ выборѣ словъ и правильности ихъ расположенія. Съ удивленіемъ мы нашли въ немъ такія неправильности и неловкости, какихъ нѣтъ и въ поэтическихъ переводахъ, и какихъ мы никогда не надѣялись встрѣтить въ порядочномъ переводѣ.

Переходимъ теперь къ важнѣйшему условію художественнаго перевода — изяществу. Здѣсь, гдѣ, по нашему твердому убѣжденію, безъ стиха, и именно безъ гекзаметра, обойдтись невозможно, мы и не надѣялись найдти того, чего обыкновенно ожидаютъ отъ перевода поэтическаго произведенія. Крайнимъ успѣхомъ для прозаическаго переводчика Иліады и Одиссеи на русскій языкъ было бы то, если бы онъ сообщилъ своей прозѣ тѣ свойства, которыми обладаетъ проза Гоголя въ извѣстномъ мѣстѣ Тараса Бульбы *). Но даже для самаго Гоголя облечь въ созданныя имъ формы творенія Гомера было бы гораздо труднѣе, чѣмъ заключить въ нихъ собственное содержаніе. Какъ же посчастливилось г. Ордынскому? Какую прозу онъ создалъ или избралъ для своего перевода? Мы ужь не разъ

*) Здѣсь кстати замѣтить кое-что о тѣхъ жестокихъ нападкахъ, которымъ подверглось со стороны нашихъ эллинистовъ письмо Гоголя о переводѣ Одиссеи. Что Гоголь самымъ истиннымъ образомъ понималъ красоты гомерической поэзіи, это доказывается описаніемъ битвы въ Т. Бульбѣ; этимъ въ то же время доказывается и то, что, для истиннаго пониманія этихъ красотъ, развитіе въ душѣ чувства эстетическаго гораздо нужнѣе, чѣмъ знаніе наизусть греческихъ склоненій и спряженій, или подробное знакомство съ употребленіемъ частицъ γε и ρα. Вотъ почему, когда вышло письмо Гоголя, въ которомъ, конечно, есть лишнія выраженія, но общій смыслъ котораго состоитъ въ правильномъ чувствованіи красотъ перевода, наши ученые критики, и даже неученые (которымъ впрочемъ простительнѣе) подняли это письмо на смѣхъ, и каждый спѣшилъ, κύδεϊ γαίων, озадачить его своими замѣтками. А между тѣмъ время шло, и незамѣтнымъ образомъ привело насъ къ оправданію письма, писаннаго Гоголемъ. И стало ясно, что гораздо бы справедливѣе было со стороны мудрыхъ эллинистовъ, чѣмъ косо смотрѣть на восторгъ поэта, заглянуть пристальнѣе въ свою душу и разсмотрѣть хорошенько, какъ грамматика и словарь, про пособіи безчисленныхъ комментаріевъ, убили въ ней поэтическое чувство, безъ котораго нельзя говорить о Гомерѣ и о переводѣ его поэмъ.

Digitized by Google

говорили, что онъ для своего дѣла задумалъ пользоваться народнымъ нашимъ языкомъ. Мы согласны совершенно, что народная стихія нашего языка должна быть преобладающею или основною въ переводѣ Гомера, а славянскій и литературный языки должны помогать только въ нужныхъ случаяхъ. Не должно однако забывать, что славянскій языкъ нельзя такъ рѣзко отдѣлять отъ народной стихіи; это желаніе раздѣлить ихъ такъ рѣшительно часто вводитъ въ значительныя ошибки, что испыталъ на себѣ, какъ увидимъ, и г. Ордынскій. Но и о самомъ народномъ языкѣ можно имѣть до того различныя понятія, что одна и та же мысль переводить Гомера народнымъ русскимъ языкомъ можетъ быть и совершенно справедливою, и совершенно ложною. На прим., если бы кто сдѣлалъ такое заключеніе, что для передачи на русскій языкъ Гомера должно воспользоваться всѣми свойствами нашего языка, какимъ его мы знаемъ въ эпическихъ нашихъ пѣсняхъ, собранныхъ Киршею Даниловымъ, въ духовныхъ стихахъ, которые доселѣ поются нищею братіею и изданы П. В. Кирѣевскимъ, въ старинныхъ русскихъ пѣсняхъ, уцѣлѣвшихъ отчасти въ народѣ, отчасти въ собраніяхъ благородныхъ любителей роднаго слова; мы согласились бы съ нимъ совершенно, ибо нѣтъ другаго языка въ мірѣ, который въ своихъ эпическихъ свойствахъ былъ такъ родственъ съ языкомъ Гомера, даже въ мелкихъ подробностяхъ, какъ нашъ. Чье ухо съ младенчества питалось сладкими звуками народной нашей поэзіи, кто имѣлъ счастіе запастись ея впечатлѣніями, еще до встрѣчи своей съ искусственной рѣчью современной литературы, тотъ читаетъ Гомера, какъ поэта роднаго, своего. И не придется Нѣмцу или Французу, хоть онъ выучи 1000 разъ наизусть его поэмы, прочувствовать ихъ до такихъ малѣйшихъ подробностей, какъ прочувствуетъ ихъ тотъ изъ насъ, кто знаетъ свой языкъ изъ его первоначальнаго источника.

Но г. Ордынскій имѣлъ въ виду не тотъ народный языкъ, про который мы говоримъ; изъ его перевода оказывается, что онъ съ намѣреніемъ выбиралъ такія выраженія, которыя встрѣчаются по преимуществу въ ежедневномъ разговорѣ нашего простолюдина, и которымъ труденъ доступъ въ поэтическое произведеніе. Это нѣчто въ родѣ того народнаго языка, съ которымъ мы знакомимся изъ разсказовъ нашихъ посредственныхъ бытописателей. Его нельзя сравнить даже съ языкомъ, который мы находимъ въ повѣстяхъ, напр., г. Григоровича; онъ еще нѣсколькими ступенями ниже его. Очевидно, что г. Ордынскій ложно понимаетъ *простоту* эпической рѣчи; она состоитъ

Digitized by Google

совсѣмъ не въ выборѣ *простонародныхъ* выраженій, которыя низводятъ ее до такъ называемой *тривіальности*. Это совершенно несправедливое понятіе! Стоитъ только припомнить все разнообразнѣйшее содержаніе Иліады и Одиссеи, чтобы понять съ разу несостоятельность такого мнѣнія. Тамъ рядомъ съ описаніемъ самаго простаго физическаго явленія изображаются глубочайшія и тончайшія движенія человѣческой души, тотчасъ за изображеніемъ одежды героя слѣдуетъ описаніе бурнаго вѣча, за приготовленіемъ обѣда или ужина рисуется разгаръ необузданной страсти. Для изображенія такого разнообразія простонароднаго языка очень недостаточно. И странно полагать простоту эпической рѣчи въ ея соотвѣтствіи просторѣчію; эта простота выражается въ ровности и незамѣтности переходовъ отъ изображеній высокаго къ картинамъ самымъ обыкновеннымъ и простымъ. Она есть плодъ той первоначальной цѣльности древняго міросозерцанія, вслѣдствіе которой человѣкъ не дѣлилъ такъ рѣзко, какъ мы теперь, явленій высокихъ отъ низкихъ, а всему давалъ мѣру, потерянную навсегда для утонченно-развитаго человѣка. Потому и въ самомъ выраженіи не было такого разграниченія между простымъ и возвышеннымъ, какое существуетъ въ образованной рѣчи. Точно то же мы замѣчаемъ и въ нашей народной поэзіи, а просторѣчіе есть нѣчто одностороннее и отчасти грубое. *) И тотъ, кто смѣшиваетъ одно съ другимъ, по нашему мнѣнію, глубоко оскорбляетъ языкъ нашей поэзіи; и кто переводитъ Гомера языкомъ простонародья, тотъ унижаетъ достоинство его поэмъ, и рѣшительно не знаетъ, съ чѣмъ имѣетъ дѣло. — Къ тому же г. Ордынскій, какъ будто нарочно, изъ простонародной рѣчи выбиралъ самыя неуклюжія выраженія, которыхъ избѣгаетъ умный и владѣющій словомъ простолюдинъ; мы уже замѣчали, что языкъ нашихъ не очень искусныхъ бытописателей далеко превосходитъ своимъ изяществомъ языкъ г. Ордынскаго. Его языкъ можно сравнить съ мнимо-народнымъ языкомъ драмъ Полеваго, напр. съ языкомъ купца Иголкина. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ:

---

*) Наше просторѣчіе, замѣтимъ мы для избѣжанія недоразумѣній, выигрываетъ при сравненіи его съ языкомъ литературнымъ, лишеннымъ вовсе тѣхъ первоначальныхъ красотъ, которыя уцѣлѣли отчасти въ просторѣчіи. Но, по отношенію къ древнимъ эпическимъ образцамъ языка, его нельзя не назвать грубымъ и одностороннимъ. Это доказывается, какъ нельзя лучше, переводомъ г. Ордынскаго.

Digitized by Google

Рапс. II, ст. 337. »Ω πόποι, ἦ δὴ παισὶν ἐοικότες ἀγοράασθε νηπιάχοις, οἷς οὔτι μέλει πολεμήϊα ἔργα.

Переведено:

»Ахти, толкуете вы, право, словно ребята глупые; видно, и на умѣ у васъ нѣтъ дѣла ратнаго.«

Хотя просто выражался Несторъ, но самое содержаніе его рѣчи должно по необходимости придать ей такой характеръ, по которому она всегда будетъ отлична отъ обыденной рѣчи нашего мужичка. Еслибы русскій художникъ задумалъ представить картину древняго нашего быта, то не могъ бы онъ рѣчи боярина сообщить всѣхъ свойствъ теперешней простонародной рѣчи: при извѣстномъ сходствѣ той и другой, онъ далъ бы имъ нужные оттѣнки.

Рапс. I, ст. 216. Χρὴ μὲν σφωΐτερόν γε θεὰ ἔπος εἰρύσσασθαι, καὶ μάλα περ θυμῷ κεχολωμένον· ὡς γὰρ ἄμεινον. Ὅς κε θεοῖς ἐπιπείθηται μάλα τ'ἔκλυον αὐτοῦ.

Переведено:

»Нужно, богиня, слово ваше соблюсти, какъ ни крѣпко осерчалъ я: лучше будетъ! Кто боговъ слушается, тому и они внемлютъ.« Далѣе: Ἦ καὶ ἐπ' ἀργυρέῃ κώπῃ σχέθε χεῖρα βαρεῖαν.

Переведено:

»Молвилъ и остановилъ дебелу-руку на серебряной рукояти.«

Рапс. I, ст. 179. Οἶκαδ' ἰὼν σὺν νηυσί τε σῇς καὶ σοῖς ἑτάροισιν Μυρμιδόνεσσιν ἄνασσε, σέθεν δ'ἐγὼ οὐκ ἀλεγίζω Οὐδ' ὄθομαι κοτέοντος.

Переведено:

»Ступай, пожалуй, домой на корабляхъ твоихъ, съ дружиною твоею; княжи надъ Мирмидонами: и не подумаю о тебѣ, и тужить не стану, что осерчалъ.«

Мы привели эти немногія мѣста, не стараясь выбирать, но и ихъ достаточно, особенно въ соединеніи съ выше приведенными замѣтками, для того, чтобы показать, какъ унижено переводомъ г. Ордынскаго достоинство гомерова стиха. Какъ плохо онъ знаетъ средства нашего языка, если не нашелъ въ немъ иныхъ для передачи Гомера; какое грубое понятіе о простотѣ Иліады! Мы не останавливаемся на частныхъ замѣткахъ, которыхъ можно бы сдѣлать множество и которыя подтвердили бы еще болѣе сказанное нами доселѣ; и безъ того наша рецензія вышла длиннѣе, чѣмъ мы желали. Скрѣпя сердце, мы произносили свои заключенія о неудавшемся предпріятіи г. Ордынскаго, котораго другіе труды по части классической древ-

Digitized by Google

ности заслуживаютъ вниманія; пять лѣтъ провести надъ работой, считая ее полезной для науки и общества, и потерпѣть такую неудачу — очень не легко. Мы отчасти готовы предположить въ этой неудачѣ нѣкотораго рода возмездіе за легкомысленный отзывъ, который позволилъ себѣ сдѣлать г. Ордынскій о переводѣ Жуковскаго. Тотъ, кто рѣшился выговорить, что »переводъ В. А. Жуковскаго *можетъ только заохотить* русскую публику *къ знакомству съ Гомеровыми поэмами*, что онъ *возбуждаетъ потребность въ новомъ переводѣ* Одиссеи и Иліады,« тотъ несетъ справедливое наказаніе въ томъ, что его собственный переводъ только »возбуждаетъ потребность въ новомъ,« но »заохотитъ къ знакомству съ Гомеровыми поэмами не можетъ.«

»Василій Андреевичъ Жуковскій«, статья г. Никитенка. По истинѣ утѣшительно видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ къ памяти нашего незабвеннаго поэта наши ученые спѣшатъ подѣлиться съ публикой плодами своихъ наблюденій надъ его дѣятельностью. Мы говорили уже о превосходныхъ статьяхъ г. Плетнева, помѣщенныхъ въ »Извѣстіяхъ«; рѣчь г. Шевырева напечатана въ нашемъ журналѣ; упоминали мы также о статейкѣ г. Галахова въ Отечественныхъ Запискахъ, наконецъ въ томъ же журналѣ мы встрѣчаемъ статью г. Никитенка. Она имѣетъ цѣлью указать на значеніе Жуковскаго въ нашей литературѣ и образованности, и отчасти этого достигаетъ; но, но крайне темному изложенію и отсутствію плана, читается съ большимъ трудомъ. Не очень пріятно намъ было встрѣтить въ этой статьѣ повтореніе нѣкоторыхъ избитыхъ положеній, которыми прежде щеголяли От. Записки и Современникъ.

Переходимъ теперь къ »*Обозрѣнію Русской литературы въ 1852 году*« (статья первая). Уже въ объявленіи объ изданіи своего журнала въ текущемъ году Отечественныя Записки обѣщали избѣгать въ полемикѣ »шутокъ неприличныхъ серьезной критикѣ«, и такимъ образомъ, вѣроятно, хорошо зная свойства своего критика, этимъ печатнымъ обѣщаніемъ какъ бы напередъ обязывали его къ оставленію нѣкоторыхъ дурныхъ привычекъ. Самъ онъ наконецъ, приступая къ обозрѣнію, какъ бы не надѣется на одни собственныя силы и припоминаетъ совѣты древнихъ мудрецовъ о строгомъ отчетѣ въ своемъ прошломъ поведеніи. Такая скромность критики, въ соединеніи съ предварительными мѣрами редакціи, давала намъ не малый поводъ надѣяться, что въ нынѣшнемъ году мы будемъ имѣть нако-

Digitized by Google

нецъ дѣло съ серьезнымъ и добросовѣстнымъ обзоромъ всѣхъ литературныхъ явленій протекшаго года. Зная за рецензентомъ От. Зап. въ прошломъ году много умышленныхъ и неумышленныхъ литературныхъ грѣховъ, мы прежде всего ожидали его сознанія въ этихъ промахахъ. Какъ же лучше и благороднѣе начать свое новое литературное поприще, какъ не добросовѣстнымъ признаніемъ своихъ старыхъ проступковъ? Но видно, не легкое дѣло отстать съ разу отъ глубоко укоренившихся привычекъ. Нѣтъ и помину въ новой статьѣ о какихъ-нибудь перемѣнахъ въ образѣ мыслей, манерѣ и другихъ свойствахъ рецензента Отеч. Записокъ. То же упорство въ каждомъ однажды сказанномъ словѣ, то же безпрестанное повтореніе ѣдкихъ, по его мнѣнію, шутокъ на счетъ лицъ особенно непріятныхъ ему въ литературѣ; та же дерзость въ отношеніи ко всѣмъ другимъ журнальнымъ собратьямъ, и та же самоувѣренность въ отношеніи къ себѣ. И такъ безплодными остались и предварительныя мѣры редакціи, и совѣты древнихъ мудрецовъ, и лишній годъ опыта жизни. Такими же останутся естественно и наши отношенія къ рецензенту От. Записокъ, хотя мы отъ души желали и надѣялись перемѣнить ихъ на лучшія. Но обратимся къ нѣкоторымъ частнымъ замѣчаніямъ.

Главное, что непріятно поразило насъ въ статьѣ о »Русской литературѣ въ 1852 году,« это нескрываемая нисколько рецензентомъ страсть къ безплодной и лицепріятной полемикѣ. Въ сущности вся цѣль автора статьи состоитъ не въ томъ, чтобы обозрѣть яснымъ и безпристрастнымъ взглядомъ всѣ событія литературы въ прошломъ году, а задѣть какъ можно болѣе и при всякомъ случаѣ своихъ воображаемыхъ литературныхъ враговъ. Чтобы доказать это, достаточно двухъ, трехъ примѣровъ. Такъ знаменитое »новое слово,« о которомъ уже столько разъ толковали От. Зап. въ прошломъ году, повторено опять въ настоящей статьѣ на 56 страницахъ около *30 разъ*. Нужно ли къ этому какое-либо объясненіе? Пересмотрите также выписки, сдѣланныя рецензентомъ изъ различныхъ журналовъ. Съ какою радостью бросается онъ на такія мѣста въ статьяхъ различныхъ фельетонистовъ, гдѣ говорится съ ѣдкостью или насмѣшкою о комъ-нибудь изъ его литературныхъ собратовъ и въ особенности объ »единственномъ«, »мало-читаемомъ« московскомъ журналѣ. Въ отношеніи къ этому главному своему врагу онъ даже не удовлетворяется чужимъ остроуміемъ, и пускается, хоть и тяжеленько немного, острить самъ. Вотъ, напр. какими словами выражается онъ, говоря о рецензентахъ »Москвитянина«.

Digitized by Google

»Особенный родъ фельетона образовался въ единственномъ московскомъ журналѣ. Онъ пошелъ отъ одного корня, взялся отъ одного общаго всѣмъ образца, но принялъ свой особый характеръ. Удивительно, какъ дѣйствуетъ мѣстность! Подъ ея вліяніемъ одна и таже вещь можетъ являться въ видахъ, до крайности различныхъ между собою. Во-первыхъ, московскій фельетонъ изготовляется въ нѣсколько рукъ; журнальная литература раздѣлена, примѣромъ сказать, на кварталы, и каждый изъ нихъ состоитъ подъ завѣдываніемъ особеннаго фельетониста. Въ то время, какъ г. А. описываетъ »Отеч. Записки,« г. Б. хлопочетъ около »Современника,« г. В. прохаживается по »Библіотекѣ для Чтенія,« и т. д. Что Иногородный Подписчикъ и Новый Поэтъ дѣлаютъ, каждый про-себя, своими собственными силами, то производится здѣсь нѣкотораго рода сложною машиною. Къ московскому фельетону примѣнено извѣстное экономическое правило — о раздѣленіи труда....«

Другая существенная и такъ же мало привлекательная черта разбираемой нами статьи есть до крайности высокомѣрный тонъ ея, ничѣмъ по нашему мнѣнію не оправдываемый. Послушать рецензента От. Записокъ, такъ всѣ пищущіе въ нашихъ журналахъ о литературѣ — жалкіе фельетонисты, а настоящій критикъ только онъ одинъ. Посмотрите, съ какимъ презрѣніемъ говоритъ онъ объ Иногородномъ Подписчикѣ, Новомъ Поэтѣ, наконецъ о всѣхъ рецензентахъ Москвитянина.

Не мудрено, что при указанномъ нами свойствѣ статья отличается чрезвычайною шаткостью сужденій и представляетъ частыя противорѣчія между совѣтами другимъ и собственнымъ поведеніемъ критика. Такъ, поставляя въ главную вину фельетону его чрезвычайную плодовитость и многословіе по поводу пустыхъ литературныхъ явленій, упрекнувъ даже прямо »Иногороднаго Подписчика« за то, что онъ такъ много говорилъ о романѣ г. Панаева »*Львы въ Провинціи*«, какъ будто »не догадался, съ *какимъ* произведеніемъ имѣетъ дѣло«, рецензентъ От. Зап. самъ даритъ публику разборомъ этого романа на цѣлыхъ *десяти* страницахъ. И это въ годичномъ обозрѣніи, гдѣ можно бы поговорить о чемъ-нибудь и посерьезнѣе, не отговариваясь пустымъ предлогомъ, что остается при разъ высказанномъ мнѣніи. Что касается до шаткости сужденій критика въ вещахъ очень серьезныхъ, мы ограничимся немногими примѣрами. Такъ, разсказавъ содержаніе романа »Львы въ Провинціи«, критикъ до того запутывается, что становится почти на сторону графа Елецкаго въ

Digitized by Google

его гнусномъ поведеніи съ Катериной Павловной Бѣловой. »Исторія этихъ двухъ лицъ проста и не нова, говоритъ онъ; графъ Елецкій пріѣзжаетъ въ деревню, гдѣ живетъ хорошенькая Бѣлова; Катя влюбляется въ графа и уѣзжаетъ съ нимъ въ Петербургъ; графу становятся *скучны* въ столицѣ *воркованья* съ *сентиментальной* деревенской дѣвушкой — и *идеальная* красавица уѣзжаетъ обратно въ деревню къ матери.« Въ топѣ этихъ словъ иронія очевидно устремила на бѣдную, обольщенную дѣвушку, между тѣмъ какъ самъ обольститель нигдѣ не подвергается строгому порицанію рецензента. Мы понимаемъ очень хорошо, что такая грубая ошибка не была бы допущена рецензентомъ, если бы онъ имѣлъ время обдумать это поелѣ; но бѣда въ томъ, что »новое слово« и разныя другія задѣванья рѣшительно отняли у него способность взглянуть на что-либо прямыми глазами.

Выше мы сказали, что главная цѣль статьи пристрастно полемическая. Понятно, что, разъ поставивъ себѣ такую незаконную цѣль, рецензентъ не долженъ былъ затрудняться въ выборѣ средствъ для пораженія своихъ противниковъ. Дѣйствительно, средства эти иногда доходятъ до дѣтской наивности. Такъ напр. въ одномъ мѣстѣ изъ статьи въ $2\frac{1}{2}$ печатныхъ листовъ, онъ выбираетъ бо́льшую часть фразъ, начинающихся со слова *долженъ*, или просто заключающія въ себѣ это слово, и выписываетъ ихъ сплошь на цѣлой страницѣ. Частое повтореніе слова *долженъ*, разумѣется, нѣсколько странно, и критикъ этою невинной уловкой совершенно достигаетъ своей цѣли.

Говорить ли послѣ всего сказаннаго о неприличіи тона, ошибкахъ въ сужденіяхъ и другихъ многихъ недостаткахъ статьи От. Зап. подъ заглавіемъ »Русская Литература въ 1852 году«? Спрашивается, какую пользу могутъ принести при такихъ вопіющихъ свойствахъ статьи, нѣкоторыя нелишенныя справедливости замѣчанія ея о злоупотребленіяхъ нашихъ журнальныхъ рецензентовъ? Или какая придетъ охота отвѣчать на нѣкоторыя взводимыя на насъ рецензентомъ обвиненія? Полемика настоящая можетъ существовать только при извѣстной добросовѣстности и благонамѣренности съ обѣихъ сторонъ. Ф.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

ИСТОРІЯ ВОЙНЫ РОССІИ СЪ ФРАНЦІЕЮ, въ царствованіе Императора Павла I, въ 1799 году. Составлена по высочайшему повелѣнію Государя Императора Николая I. Соч. полковника Милютина (I-й томъ соч. Михайловскаго-Данилевскаго). Въ 5 томахъ. Спб. 1852 г. Томъ I, стр. 615 и VIII. Томъ II, стр. 641 и IX, III.

Сокровище пріобрѣла въ этой книгѣ новая русская исторія; сокровище пріобрѣла современная литература, которая состоитъ большею частію изъ мелочей, пошлостей—и претензій; сокровище пріобрѣла читающая публика, коей, послѣ грязныхъ явленій ежедневной жизни, представляемыхъ, такъ или иначе, нашими повѣствователями, сладко будетъ отдохнуть на подвигахъ чести, мужества, храбрости, силы, талантовъ, въ кругу обширныхъ соображеній.... и какая сцена?—Италія, Альпы, Аппенины, классическія воспоминанія! Сокровище пріобрѣло наконецъ въ этой книгѣ военное учащееся юношество, которое найдетъ себѣ здѣсь цѣлый курсъ въ лицахъ и дѣйствіяхъ—не тактики, не стратегіи,—а науки побѣждать, на русскомъ языкѣ, въ русскомъ духѣ, съ русскими пріемами.

Кампанія 1799 года—это первая встрѣча русской идеи съ западной — той идеи, которая управляла дѣйствіями Александра, и дѣйствуетъ съ такою силою въ наше время. Если сравнить внѣшнія обстоятельства Россіи въ эти три эпохи—мы найдемъ примѣчательное и удивительное сходство во всѣхъ отношеніяхъ. Для примѣра довольно указать на однихъ союзниковъ. Это самая блистательная сторона нашей внѣшней исторіи — участіе въ дѣлахъ Европы.

Главными дѣйствующими лицами являются здѣсь Императоръ Павелъ и фельдмаршалъ Суворовъ. Императоръ Павелъ, какъ блюститель европейскаго порядка и руководитель европейскихъ отношеній; фельдмаршалъ Суворовъ, какъ полководецъ, которому предоставлено было силою оружія достиженіе этой цѣли.

Digitized by Google

Императора Павла мы видимъ здѣсь со стороны блистательной. Читая его манифесты, рескрипты, инструкціи, повелѣнія, письма, кои всѣ вмѣстѣ составляютъ какое-то прекрасное цѣлое, проникнутое однимъ духомъ, духомъ прямоты, честности, безкорыстія, благородства,—отдаешь всѣмъ его дѣйствіямъ дань признательности. Твердо шелъ онъ къ своей цѣли, не склоняясь ни къ которой сторонѣ, не увлекаясь никакими частными или личными побужденіями, имѣя въ виду одно общее благо Европы. Что̀ за мелочь, что̀ за скудость, что̀ за жалость представляютъ, въ сравненіи съ его твердою рѣчью, всѣ козни австрійскія, всѣ происки англійскіе, всѣ умыслы прусскіе! Это былъ государь европейскій, въ полномъ смыслѣ этого слова, а прочіе его современники—черезполосные помѣщики, которые дальше своихъ десятинъ видѣть ничего не могли, не хотѣли, или—не умѣли. Чувство какой-то законной гордости, чувство сознанія своего достоинства—объемлетъ невольно душу русскаго, когда онъ читаетъ простое, безъискусственное, подлинное описаніе событій этого времени. Англіи хочется ослабить голландскій флотъ, Австріи похозяйничать въ Италіи, Пруссіи попользоваться на счетъ Германіи, а объ Европѣ-то думалъ одинъ русскій Императоръ. И мы этого ничего, или почти ничего не знали, и брались судить о происшествіяхъ и лицахъ! Благодарность правительству, которое даетъ намъ возможность получить истинное понятіе о важной эпохѣ, и воздать должную справедливость соотечественникамъ, которое даетъ такую прекрасную пищу національному чувству....

Чтобъ познакомить читателей съ этой важной книгой, сперва мы выпишемъ сполна предисловіе достойнаго автора, полковника Милютина (не могу не прибавить: воспитанника московскаго университетскаго пансіона):

«1799-й годъ принадлежитъ къ числу тѣхъ достопамятныхъ эпохъ отечественной исторіи, которыми Россія въ правѣ гордиться. Это годъ славный и для Русскаго оружія, и для Русской дипломатіи. Императоръ Павелъ I сталъ во главѣ грознаго союза, ополчившагося противъ республики французской. Судьба цѣлой Европы, можно сказать, рѣшалась въ кабинетѣ Россійскаго Монарха. Войска Русскія сражались на обширномъ театрѣ войны — отъ Италіи до Голландіи: впервые появились они такъ далеко отъ предѣловъ отечества. Флагъ нашъ развѣвался на всѣхъ моряхъ европейскихъ. Громкія побѣды въ Италіи и дивный переходъ чрезъ Альпы—упрочили воинскую славу знаменитаго русскаго полководца Суворова.

Digitized by Google

«Не мало сочиненій издано было на разныхъ языкахъ о войнѣ 1799 года: нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ достоинства неотъемлемыя; но до сихъ поръ ни въ одномъ еще не было выставлено въ надлежащей мѣрѣ то вліяніе, которое имѣлъ Россійскій Императоръ на весь ходъ войны; дѣйствія русскихъ войскъ не были изображены во всемъ ихъ блескѣ, а нѣкоторыя представлены даже въ ложномъ свѣтѣ; наконецъ, ни въ одномъ сочиненіи не раскрыты во всей истинѣ причины, по которымъ результаты предпринятой войны не соотвѣтствовали счастливому ея началу.

«И такъ, историку Русскому, приступающему къ описанію войны 1799 года, предстоитъ еще, можно сказать, разработать поле совершенно новое; онъ долженъ пополнить то, что до сихъ поръ было еще неизвѣстно писателямъ иностраннымъ, особенно же въ отношеніи къ политикѣ Россіи; онъ долженъ спасти отъ забвенія потомства подвиги истинно-геройскіе Русскихъ войскъ; онъ долженъ наконецъ поднять завѣсу съ тогдашнихъ сношеній дипломатическихъ, чтобы объяснить, какимъ образомъ сильный союзъ, образовавшійся противъ республики Французской, рушился, не достигнувъ предложенной цѣли, потому только, что не всѣ союзники движимы были тѣми же безкорыстными видами, которыми одушевленъ былъ Императоръ Россійскій.

«Такова задача, предстоявшая историку Россійской арміи. Выполнить эту задачу возможно было только тому, кто удостоенъ столь лестнаго порученія самою волею Монаршею Государя Императора; кому открыты съ Высочайшаго соизволенія всѣ драгоцѣнныя сокровища Россійскихъ государственныхъ архивовъ.

«Покойный генералъ-лейтенантъ Александръ Ивановичъ Михайловскій-Данилевскій, въ послѣдніе годы своей жизни, приступилъ къ описанію войны 1799 года; но къ общему сожалѣнію, обширный этотъ трудъ былъ прерванъ почти въ самомъ началѣ своемъ тяжкою болѣзнью и смертью знаменитаго нашего военнаго историографа. Послѣ кончины его, въ октябрѣ 1848 года, продолженіе военно-историческихъ его занятій, по Высочайшей волѣ, было возложено на меня. Удостоенный столь лестнаго порученія, принялъ я всѣ оставшіяся въ кабинетѣ покойнаго Александра Ивановича Даниловскаго, бумаги, книги и карты, относившіяся къ начатому имъ описанію войны 1799 года. Въ огромной массѣ собранныхъ имъ матеріаловъ для этого сочиненія, было множество подлинныхъ документовъ, записокъ, печатныхъ книгъ, газетъ и журналовъ на разныхъ языкахъ; наконецъ, обширныя выписки изъ хранящейся въ Московскихъ архивахъ дипломатической и военной переписки, сдѣ-

Digitized by Google

ланныя командированнымъ для того, по распоряженію высшаго начальства, капитаномъ генеральнаго штаба *Зальскимъ* (нынѣ подполковникомъ). Однимъ словомъ, я нашелъ готовый запасъ обильныхъ матеріяловъ, къ которому оставалось мнѣ дополнить весьма немногое, чтобы приступить къ работѣ.

«*Первая часть* сочиненія была уже вполнѣ обработана покойнымъ генераломъ Данилевскимъ: начавъ обзоръ политики Россіи съ послѣднихъ лѣтъ царствованія Императрицы Екатерины II, изобразилъ онъ положеніе дѣлъ при восшествіи на престолъ Императора Павла I, первоначальную наклонность Его къ миру, причины, побудившія Его вооружиться противъ республики Французской и сдѣлаться душою новой коалиціи; за тѣмъ описаны заключенные Императоромъ союзные договоры, тогдашнее состояніе вооруженныхъ силъ Россіи, приготовленія къ войнѣ, первыя дѣйствія Русскаго флота при Іоническихъ островахъ, выступленіе сухопутныхъ войскъ за границу; наконецъ, въ послѣдней XIII главѣ разсказано, какъ Императоръ Павелъ, по просьбѣ Вѣнскаго двора, призвалъ Суворова, для принятія начальства надъ союзною арміею въ Италіи.

«Такимъ образомъ, обработанныя покойнымъ Александромъ Ивановичемъ Данилевскимъ первыя тринадцать главъ сочиненія составляютъ нѣчто цѣлое и совершенно отдѣльное; онѣ посвящены почти исключительно Россіи: ея политикѣ, ея военнымъ средствамъ, ея приготовленіямъ къ войнѣ. Поэтому, получивъ повелѣніе продолжать трудъ, начатый покойнымъ историкомъ, оставилъ я изготовленную имъ первую часть неприкосновенною, и напечаталъ, не измѣнивъ въ ней ни одного слова, кромѣ только тѣхъ исправленій, которыя благоугодно было Самому Государю Императору указать собственноручно, въ представленной Его Величеству рукописи.

«Приступивъ къ работѣ прямо со *второй части*, началъ я изображеніемъ положенія и силъ обѣихъ воюющихъ сторонъ передъ самымъ открытіемъ кампаніи (Гл. XIV и XV); въ слѣдующихъ трехъ Главахъ (XVI, XVII и XVIII) описаны въ сжатомъ очеркѣ первыя военныя дѣйствія между Австрійцами и Французами въ южной Германіи, въ Альпахъ и въ сѣверной Италіи, въ теченіе февраля и марта; за тѣмъ уже слѣдуетъ подробный разсказъ о прибытіи самого Суворова въ Италію (Гл. XIX), о первомъ наступательномъ движеніи его къ рѣкѣ Аддѣ (Гл. XX), о двудневномъ боѣ на этой рѣкѣ (Гл. XXI) и вступленіи союзниковъ въ Миланъ—столицу тогдашней республики Цизальпійской (Гл. XXII). Въ послѣдней Главѣ второй части (XXIII) объяснены причины бездѣйствія другихъ Австрійскихъ армій въ теченіе всего апрѣля мѣсяца.

Digitized by Google

«*Въ третьей части* описано вступленіе Суворова въ Пьемонтъ, и первыя столкновенія его съ Вѣнскимъ дворомъ, по дѣламъ Пьемонскимъ (Гл. XXIV и XXV); неудача Русскихъ при Бассиньянѣ (Гл. XXVI) и столь же неудачная попытка Французовъ при Маренго (Гл. XXVII); далѣе движеніе Суворова къ Турину, занятіе столицы Пьемонта и окончательное отступленіе Моро за Апенины (Гл. XXVIII и XXIX). Такимъ образомъ, въ первыхъ шести Главахъ третьей Части описаны подробно дѣйствія союзной арміи въ сѣверной Италіи, съ конца апрѣля до конца мая. Остальныя же пять Главъ посвящены событіямъ на другихъ театрахъ войны, въ теченіе того же времени: въ Швейцаріи, въ южной Италіи и на морѣ. Въ этихъ Главахъ описано начало народной войны въ Неаполитанскихъ владѣніяхъ, прибытіе Русской эскадры къ Италіянскимъ берегамъ и дивное вліяніе, которое имѣло въ томъ краѣ появленіе горсти Русскихъ.

«*Въ четвертой Части*—также первыя пять Главъ посвящены исключительно военнымъ дѣйствіямъ въ сѣверной Италіи, съ конца мая до конца іюля: тутъ описано неожиданное появленіе въ сѣверной Италіи Макдональда, неимовѣрное движеніе на встрѣчу ему Суворова, трехдневный кровопролитный бой на Треббіи и возвращеніе Суворова къ Александріи. Причины наступившаго за тѣмъ въ сѣверной Италіи шестинедѣльнаго бездѣйствія раскрыты въ главѣ XL, а въ слѣдующей (XLI) объяснено также бездѣйствіе австрійскихъ армій въ Швейцаріи и на Рейнѣ. Далѣе описаны: народная война въ средней Италіи (Гл. XLII), вступленіе Русскихъ въ Неаполь и возстановленіе тамъ престола королевскаго (Гл. XLIII). Въ заключеніе четвертой части описаны осада Мантуи и сдача этой крѣпости, слывшей ключемъ всей сѣверной Италіи и поглощавшей дотолѣ все вниманіе Вѣнскаго двора.

«*Пятая Часть* — заключаетъ въ себѣ окончаніе италійской кампаніи Суворова, съ конца іюля до конца августа. Въ то самое время, когда полководецъ нашъ готовится наконецъ къ наступательному движенію въ Ривьеру Генуэзскую (Гл. XLV), новый французскій главнокомандующій, Журберъ, предупреждаетъ его безразсуднымъ выступленіемъ изъ Апениновъ (Гл. XLVI); Французы разбиты на голову при Нови (Гл. XLVII); но кровопролитное это сраженіе опять остается безъ послѣдствій, по разсчетамъ Вѣнской политики (Гл. XLVIII); а между тѣмъ бездѣйствіе Австрійцевъ въ Швейцаріи даетъ непріятелю случай нанести имъ пораженіе въ томъ краѣ и даже угрожать оттуда завоеваніямъ Суворова въ Италіи (Гл. XLIX). Полководецъ Русскій, вторично лишенный плодовъ блистательной своей побѣды, вынужденъ опять оставаться въ бездѣйствіи въ лагерѣ

Digitized by Google

при Асти (Гл. L), пока союзные кабинеты тратятъ драгоцѣнное время на переговоры о новомъ планѣ войны (Гл. LI). Между тѣмъ въ Швейцарію приходитъ Русскій корпусъ генерала Римскаго-Корсакова (Гл. LII); но полководецъ Австрійскій, Эрцгерцогъ Карлъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться столь значительнымъ подкрѣпленіемъ, оставляетъ Русскихъ на жертву многочисленному непріятелю, а самъ уходитъ въ Германію, чтобы одержать успѣхъ надъ ничтожнымъ Французскимъ отрядомъ при Мангеймѣ (Гл. LIII). Вѣнскій дворъ, вопреки обѣщаніямъ своимъ, выдвинувъ преждевременно войска свои изъ Швейцаріи, торопитъ и Суворова выступить изъ Италіи: Русскій полководецъ, не успѣвъ довершить и упрочить завоеваній своихъ въ томъ краѣ, вынужденъ, въ концѣ августа, слѣдовать съ Русскими войсками въ Швейцарію, почти на явную гибель (Гл. LIV). Побужденія Вѣнскаго Кабинета къ столь пагубному образу дѣйствій, политическіе виды его и причины возникшихъ между союзниками недоразумѣній, подробно раскрыты въ двухъ послѣднихъ главахъ пятой части (LV и LVI).

«*Часть шестая* вся посвящена дѣйствіямъ Русскихъ войскъ въ Швейцаріи: послѣ разсказа объ изумительномъ переходѣ Суворова чрезъ С. Готардъ и Чортовъ Мостъ (Гл. LVII, LVIII, LIX), описано пораженіе Корсакова при Цюрихѣ (Гл. LX) и Австрійцевъ на *Линтѣ* (Гл. LXI); за тѣмъ снова повѣствованіе обращается къ Суворову: въ двухъ главахъ (LXII и LXIII) разсказано во всей подробности чудесное спасеніе Русскаго корпуса отъ совершеннаго истребленія и благополучное выступленіе его изъ Швейцаріи. Въ главѣ LXIV описаны послѣднія дѣйствія Корсакова и Принца Конде въ сѣверной Швейцаріи, а затѣмъ подробно раскрыты безплодные переговоры Суворова съ Эрцгерцогомъ Карломъ о продолженіи кампаніи, возникшія между обоими полководцами недоразумѣнія и удаленіе Русскихъ войскъ на зимнія квартиры въ Баварію (Гл. LXV). Всѣ эти событія вынудили Императора Павла предоставить своихъ прежнихъ союзниковъ собственному ихъ жребію (Гл. LXVI).

«*Въ седьмой Части* докончено повѣствованіе о военныхъ дѣйствіяхъ 1799 года: въ первыхъ пяти главахъ заключается неудачная экспедиція Россійско-Англійскаго корпуса въ Голландіи (Гл. LXVII—LXXI); далѣе описаны послѣднія дѣйствія Австрійскихъ и Французскихъ войскъ на Рейнѣ, въ Швейцаріи и въ сѣверной Италіи (Гл. LXXII); окончательное очищеніе средней Италіи отъ Французовъ (LXXIII) и осада Анконы (LXXIV). Въ послѣднихъ этихъ дѣйствіяхъ снова обнаружились виды Вѣнскаго двора на Италію, а дерзкіе поступки Австрійцевъ, въ отношеніи къ Русскимъ, по случаю сдачи Анконы, окончательно разорвали связи между прежними союзниками

Digitized by Google

«Въ послѣдней, *осьмой Части*, описано, какой неожиданный оборотъ приняли политическія отношенія между Европейскими Державами, послѣ кампанія 1799-го года: не смотря на всѣ старанія Лондонскаго и Вѣнскаго Кабинетовъ возобновить рушившійся союзъ, Императоръ Павелъ прерываетъ всякія сношенія съ обоими прежними союзниками своими (Гл. LXXV и LXXVI); Русскія войска и эскадры возвращаются въ отечество, и самъ герой этой войны — Суворовъ сходитъ въ могилу (Гл. LXXVII и LXXVIII). Между тѣмъ, новый переворотъ во Франціи сосредоточиваетъ правленіе республики въ мощныя руки Бонапарта. Австрія, упорствуя вмѣстѣ съ Англіею продолжать войну, претерпѣваетъ, въ теченіе 1800 года, тяжкія пораженія (Гл. LXXIX); Императоръ Павелъ заключаетъ новый союзъ сѣвернаго вооруженнаго неутралитета (Гл. LXXX), чрезъ посредство Пруссіи сближается съ Первымъ Консуломъ Бонапартомъ, посылаетъ въ Парижъ посла для заключенія мира (Гл. LXXXI), а между тѣмъ вооружается противъ Англіи. Въ началѣ 1801 года новая война возгорается на сѣверѣ Европы: но кончина Россійскаго Монарха и восшествіе на престолъ Императора Александра I вдругъ располагаютъ всѣхъ къ миру: въ томъ же году всѣ Европейскія Государства примиряются между собою, послѣ долгой и кровопролитной борьбы (Гл. LXXXII). Въ *Заключеніе* осьмой Части сдѣланъ общій выводъ о значеніи войны 1799 года, въ отношеніи военномъ и политическомъ.

«Изъ этого краткаго очерка содержанія всѣхъ осьми Частей сочиненія, уже видно, что главное въ немъ мѣсто занимаютъ политика Россійскаго Императора и дѣйствія Русскихъ войскъ; все остальное описано довольно сжато, только въ той мѣрѣ, сколько было нужно для общей связи повѣствованія. Того требовала самая цѣль сочиненія, уже высказанная выше; съ другой же стороны, и большее обиліе матеріяловъ, относительно Русской политики и Русскихъ войскъ, позволяло разработать отчетливѣе тѣ событія, которыя ближе касаются Россіи. Смѣю надѣяться, что въ этомъ отношеніи, представляемое сочиненіе раскроетъ не мало данныхъ, совершенно новыхъ, разъяснитъ многіе вопросы сомнительные, исправитъ погрѣшности, вкравшіяся въ прежнія сочиненія, и даже, быть можетъ, разрушитъ нѣкоторыя изъ ложныхъ убѣжденій, утвердившихся почти въ общемъ мнѣніи.

«Впрочемъ, должно предупредить, что во всемъ этомъ сочиненіи принято было за правило, строго ограничиваться повѣствованіемъ о событіяхъ, устраняя всякія сужденія о нихъ. Пусть факты говорятъ сами за себя: дѣло историка представить ихъ такимъ образомъ, чтобы

Digitized by Google

читатель имѣлъ какъ бы полную картину, въ которой видѣлъ бы живо предъ собою лица и событія, и не предубѣжденный заранѣе никакими готовыми мнѣніями, могъ самъ быть судьею безпристрастнымъ. Съ этою цѣлью, часто приводятся буквально слова подлинныхъ документовъ. Подобныя выписки иногда вѣрнѣе выражаютъ духъ эпохи и лица, чѣмъ самые подробные разсказы; иногда онѣ рѣшаютъ положительнѣе спорный вопросъ, чѣмъ всякіе другіе доводы. Также и подробности анекдотическія, по видимому мелочныя для подобнаго сочиненія, необходимы, какъ самыя мелкія черты въ большой картинѣ, чтобы придать каждому лицу жизнь и выраженіе.

«Что касается собственно до военныхъ дѣйствій, то лучшимъ средствомъ для яснаго изображенія ихъ служатъ карты и планы. Въ этомъ отношеніи, Правительство не жалѣло издержекъ на изданіе: сочиненіе украшено почти сотнею картъ и плановъ, гравированныхъ на мѣди и раскрашенныхъ. Стратегическое расположеніе войскъ въ каждый моментъ кампаніи изображено на особой картѣ, съ указаніемъ притомъ численной силы и состава каждой части арміи и каждаго отряда. Такое пособіе тѣмъ необходимѣе, что въ ту кампанію силы обѣихъ сторонъ были всегда чрезвычайно раздроблены на обширномъ театрѣ войны: читатель, имѣя постоянно предъ глазами относительное положеніе войскъ, можетъ несравненно легче слѣдить за ходомъ дѣйствій. Планы сраженій и осадъ большею частію составлены вновь: иные скопированы съ тогдашнихъ подлинныхъ плановъ, найденныхъ въ архивахъ; на другихъ мѣстность снята съ новѣйшихъ топографическихъ картъ.

Чтобы событія представить по возможности въ разсказѣ живомъ и занимательномъ, необходимо часто жертвовать такими подробностями, которыя однакоже могутъ служить поясненіемъ или подкрѣпленіемъ повѣствованію. Всѣ такія подробности, поясненія, дополненія и примѣчанія, помѣщены въ отдѣльныхъ *Приложеніяхъ*, въ концѣ каждаго тома; въ самомъ же текстѣ сдѣланы только ссылки на нумера Приложеній (*). Таковы напримѣръ подробныя вѣдомости о составѣ и численной силѣ армій, отрядовъ, эскадръ; исчисленіе потерь въ сраженіяхъ и трофеевъ; также критическія замѣчанія о военныхъ дѣйствіяхъ и сужденія о нихъ извѣстнѣйшихъ писателей. Главное же мѣсто въ Приложеніяхъ занимаютъ указанія источниковъ и документовъ, на которыхъ основанъ каждый фактъ повѣствованія: въ случаяхъ сомнительныхъ, критически разобрана достовѣрность показаній, сличены противорѣчія, раскрыты невѣрности,

(*) Ссылки эти сдѣланы мелкими цифрами въ прямыхъ скобкахъ. Приложеніямъ каждой Части ведется особая нумерація.

Digitized by Google

вкравшіяся въ прежнія сочиненія. Не ограничиваясь однѣми ссылками на документы, весьма часто приведены изъ нихъ буквальныя выписки; иные же помѣщены во всей цѣлости, какъ напримѣръ: большая часть рескриптовъ Императора Павла къ Суворову, къ другимъ главнымъ начальникамъ и посламъ; весьма многія донесенія Суворова, почти всѣ его диспозиціи по арміи и замѣчательнѣйшіе приказы; также дипломатическія депеши, трактаты и конвенціи, доселѣ нигдѣ еще не напечатанныя. Иные изъ документовъ приведены въ Русскомъ переводѣ, другіе же на языкѣ подлинника; иногда сохранена даже буквальная точность въ самомъ правописаніи, какъ напримѣръ въ письмахъ и замѣткахъ Суворова. При каждомъ приведенномъ или упомянутомъ документѣ указано, откуда именно онъ почерпнутъ, въ какомъ архивѣ и даже въ какомъ отдѣлѣ можно отыскать его. Въ концѣ же четвертаго тома помѣщено общее исчисленіе всѣхъ источниковъ для исторіи войны 1799 года, съ подробнымъ объясненіемъ тѣхъ сокращенныхъ знаковъ, которые служатъ для указанія мѣста храненія каждаго документа.

«Такія Приложенія составлены мною ко всѣмъ осьми Частямъ сочиненія, т. е. не исключая и первой, которой текстъ обработанъ покойнымъ генераломъ Михайловскимъ-Данилевскимъ. Число всѣхъ нумеровъ простирается свыше 1800. По объему, Приложенія занимаютъ едва ли не столько же мѣста, какъ и самый текстъ; но такое обиліе приводимыхъ документовъ и ссылокъ, конечно, не будетъ поставлено мнѣ въ упрекъ; ибо всякій, знающій истинное значеніе историческихъ изысканій, оцѣнитъ всю важность подобныхъ Приложеній. Составляя, такъ сказать, основу самаго повѣствованія, они служатъ ему повѣркою и дополненіемъ. Въ этихъ Приложеніяхъ старался я сохранить по возможности все, что только могъ извлечь изъ обильныхъ источниковъ, мнѣ открытыхъ. Быть можетъ, это будетъ даже существеннѣйшимъ результатомъ всего четырехлѣтняго труда моего, и если не успѣлъ я достойнымъ образомъ передать потомству незабвенные подвиги Русскихъ въ 1799 году, то по-крайней мѣрѣ смѣю думать, что подготовилъ тщательно и добросовѣстно матеріялъ для будущаго историка».

Представимъ содержаніе книги въ краткихъ извлеченіяхъ.

Въ послѣднее время своего царствованія, Императрица Екатерина II, кончивъ дѣла съ Польшею и Турціею, предполагала составить новый союзъ противъ Франціи, «на основаніяхъ болѣе твердыхъ, нежели бывшіе дотолѣ союзы, и принять правиломъ искреннее, непреложное стремленіе возстановить французскую монархію, какъ единственное средство водворить прочный миръ, и для дости-

Digitized by Google

женія сей цѣли—союзникамъ немедленно признать Людовика XVIII французскимъ королемъ, и идти прямѣйшимъ путемъ во внутрь Франціи» (стр. 19).

На случай войны съ Франціею, предводительство русскихъ войскъ поручалось Суворову. «Тѣмъ радостнѣе привѣтствовалъ Суворовъ назначеніе свое, что уже въ 1794 году онъ просилъ позволенія находиться волонтёромъ въ Австрійской или Прусской арміяхъ, на Рейнѣ, въ чемъ ему было тогда отказано. Когда же опредѣлили его главнокомандующимъ, въ 1796 году, то казалось вѣроятнымъ, что судьба вручила ему и Бонапарте рѣшеніе вопроса о жребіи Европы. Случилось иначе. Еще не кончились переговоры Россіи и Австріи съ Англіею и Турціею о новомъ союзѣ, еще не былъ утвержденъ присланный изъ Вѣны въ Петербургъ операціонный планъ, когда среди приготовленій Суворова къ походу и при громѣ побѣдъ Бонапарте – ноября 6, 1796, перешла въ вѣчность Екатерина, едва успѣвъ принять въ объятія новорожденнаго третьяго внука своего Великаго Князя Николая Павловича» (стр. 20—21).

Императоръ Павелъ, вступивъ на престолъ, объявилъ, что въ дѣлахъ внѣшней политики не послѣдуетъ правиламъ родительницы своей, «соображеннымъ на видахъ пріобрѣтеній, и совершенно отказался отъ всякаго желанія завоеванія. Онъ объявилъ дружественнымъ съ Россіею государствамъ о своемъ намѣреніи, сохранять съ ними доброе согласіе и существовавшіе договоры, но не принимать прямаго участія въ войнѣ съ Франціею, и не посылать противъ нея обѣщанныхъ Императрицею 60,000 войскъ» (стр. 23).

Рѣшеніе Императора Павла устранить себя отъ непосредственнаго вмѣшательства въ войну противъ Франціи, происходило, по замѣчанію автора, отъ намѣренія посвятить свои попеченія внутреннему благу Россіи.

«При концѣ жизни Императрицы Екатерины», говоритъ авторъ, «преклонныя лѣта и слабость здоровья лишили ее возможности, какъ въ прежніе годы достославнаго державства своего, зорко слѣдить за всѣми частями многосложнаго государственнаго управленія Россіи, раздвинутой ею на огромное пространство. Финансы не процвѣтали, бумажныя деньги начинали терять цѣнность; въ расходахъ, особенно военныхъ, не существовало надлежащей отчетности; въ арміи не было единообразія, одинъ полкъ не походилъ на другой, не имѣли вѣрнаго счета наличному числу людей подъ ружьемъ; во флотѣ было много кораблей ветхихъ. Необходимость улучшеній въ устройствѣ государства составила цѣль дѣйствій Императора Павла. Онъ отмѣнилъ рекрутскій наборъ по 3 человѣка съ 500 душъ, повелѣлъ-

Digitized by Google

ный за два мѣсяца до кончины Императрицы Екатерины; прекратилъ войну противъ Персіи; приказалъ войскамъ, бывшимъ за Кавказомъ, возвратиться въ Россію, запретилъ продолжать начатыя построенія укрѣпленій на Персидскихъ границахъ; привелъ къ окончанію разграниченіе Польши между Россіею, Австріею и Пруссіею; въ неимовѣрно-краткое время преобразовалъ военныя силы, и по многимъ отраслямъ управленія издалъ новыя постановленія. Назовемъ главнѣйшія: о составленіи изъ существовавшихъ узаконеній, трехъ книгъ законовъ: гражданскихъ, уголовныхъ и казенныхъ дѣлъ; о новомъ раздѣленіи Россіи на губерніи, со штатами; о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ въ сенатѣ и въ присутственныхъ мѣстахъ; о возобновленіи бывшихъ во время Петра Великаго школъ при сенатѣ и коллегіяхъ, для обученія молодыхъ дворянъ правовѣденію; о возстановленіи прежнихъ учрежденій въ губерніяхъ при-Балтійскихъ, Малороссійскихъ, возвращенныхъ отъ Польши, и Выборгской; о разборѣ церковнослужителей и дѣтей ихъ; о битіи серебряной монеты высшаго, противъ прежняго, достоинства; объ учрежденіи генералъ-аудиторіата, городскихъ думъ и врачебныхъ управъ; объ улучшеніи почтъ; о рекрутскихъ наборахъ; о повиновеніи крестьянъ помѣщикамъ; о непродаваніи крѣпостныхъ людей съ молотка; о податяхъ съ ясачныхъ народовъ; о соединеніи Днѣпра съ Двиною; о разведеніи шелковичныхъ червей на югѣ Россіи; о горныхъ заводахъ; армянскихъ обществахъ; сельскомъ домоводствѣ; усовершенствованіи рукодѣлій; уничтоженіи съ крестьянъ сбора хлѣбомъ; о конскихъ заводахъ; опекунствѣ колонистовъ; о купцахъ, мѣщанахъ и чиншовой шляхтѣ; цензурѣ; театрахъ; о торговыхъ сношеніяхъ съ Китаемъ. Не налагая новыхъ податей, Императоръ Павелъ увеличилъ содержаніе войскъ, уменьшилъ количество бумажныхъ денегъ и заплатилъ часть иностраннаго государственнаго долга» (с. 28).

«Однакожъ, хотя россійское войско не будетъ дѣйствовать противъ Франціи по вышеозначенной и необходимой причинѣ, Государь не менѣе за тѣмъ, какъ покойная Его Родительница, остается въ твердой связи съ своими союзниками и чувствуетъ нужду противиться всевозможными мѣрами неистовой Французской республикѣ, угрожающей всю Европу совершеннымъ истребленіемъ закона, правъ, имущества и благонравія» (с. 24).

Благородство и искренность дѣйствій И. Павла обнаружились съ самаго начала. Такъ, въ отвѣтѣ на довѣріе Пруссіи, онъ объявилъ, что тогда только повѣритъ искренности словъ короля: дѣйствовать за одно съ Россіею, когда король откажется отъ обѣщанныхъ ему вознагражденій; ибо въ противномъ случаѣ произойдутъ раздоры между

Digitized by Google

Австріею, Пруссіею и германскими владѣтелями, отъ чего Европа будетъ вовлечена въ страшныя бѣдствія. «Довѣріе въ политикѣ,» — говорилъ Императоръ Королю, — «основывается на совершенномъ единомысліи касательно взаимныхъ выгодъ и воззрѣнія на дѣла» (с. 27).

Австрія принуждена была быстрыми побѣдами и успѣхами Бонапарте искать и просить мира. «Вѣнскій Дворъ поспѣшно сообщилъ о томъ Императору Павлу, и просилъ: 1) какъ можно скорѣе прислать въ Богемію или въ Моравію двѣнадцати-тысячный русскій корпусъ, на основаніи союзнаго договора 1792 года, и 2) поставить на западной границѣ Россіи армію, назначая ее, частію для слѣдованія за вспомогательнымъ русскимъ корпусомъ, частію для угроженія Пруссіи, которая зложелательствовала Австріи. Вѣнскій Дворъ присовокуплялъ, что просьбу его о сей арміи, не основанную на союзномъ договорѣ, предоставляетъ онъ единственно великодушію Императора Павла, и въ той увѣренности, что сильныя вооруженія Россіи, огласясь въ Европѣ, подвигнутъ Французовъ на миръ, не тяжкій для Австріи. Кромѣ того, Австрія просила Императора Павла быть посредникомъ въ ея примиреніи съ Франціею и желала быть посредницею между ними. Въ заключеніе, говоря о своемъ полномъ убѣжденіи въ справедливости и прямодушіи Императора Павла, Австрія обѣщала согласиться на условія мира, какія Имъ опредѣлены будутъ, и съ безграничною довѣренностію слѣдовать совѣтамъ Его».

«Получивъ сіе извѣщеніе въ Москвѣ, апрѣля 14, Императоръ Павелъ приказалъ въ тотъ же день войскамъ, расположеннымъ близъ границъ, быть готовыми къ походу» (с. 32).

Князя Рѣпнина послалъ онъ въ Берлинъ, а потомъ въ Вѣну, для участія въ переговорахъ о мирѣ.

Наставленія Его князю Рѣпнину (на русскомъ языкѣ), должно считать перломъ русской дипломатіи: какая обдуманность, точность, искренность! «Миритесь, говорилъ онъ всѣмъ воюющимъ сторонамъ, по тому, что миръ нуженъ, а война грозитъ опасностями, а если кто изъ васъ захочетъ употребить во зло свое положеніе или думать только о себѣ, оставляя другихъ, то я первый противникъ». Не можемъ удержаться, чтобъ не выписать этого знаменитаго окончанія:

«Такимъ образомъ употребили Мы, кажется, всѣ способы, кои Намъ представилися удобными къ доставленію Европѣ спокойствія. Если Всевышній благословитъ Наши старанія вожделѣннымъ успѣхомъ; то прекращеніе бѣдствій рода человѣческаго будетъ верховнымъ для Насъ утѣшеніемъ. Но, буде мирная негоціація остано-

Digitized by Google

вится за упорствомъ и неумѣренными желаніями союзниковъ Нашихъ, такъ, что Вѣнскій Дворъ, не смотря на всю видимую опасность, и для себя, и для другихъ, отъ продолженія войны, не окажетъ ни малой наклонности къ вынуждаемымъ самою крайностію отъ него уступкамъ, въ такомъ случаѣ по справедливости никто не зазритъ Намъ, что принуждены будемъ оставить ихъ собственному ихъ жребію, ограничa Себя огражденіемъ собственныхъ Нашихъ предѣловъ отъ распространенія войны и съ нею сопряженныхъ золъ. Но буде Французское правленіе простретъ буйство свое на крайнее угнетеніе Вѣнскаго Двора, и неистовыми требованіями преисполнитъ мѣру, тогда уже честь и безопасность Наша востребуетъ дѣятельнаго Нашего вопреки тому пособія. На оба сіи случая рѣшились Мы учинить всѣми силами Нашими вооруженіе, дабы на всякую сторону обратиться, куда достоинство Наше и оборона Имперіи Нашей въ ея цѣлости призывать будутъ» (с. 42).

Посольство князя Рѣпнина не состоялось, потому что Австрія еще прежде его прибытія принуждена была заключить въ Леобенѣ предварительныя условія мира.

Пруссія все еще мѣшала. «Если война возобновится»,—писало австрійское министерство нашему Двору, — «то мы не будемъ просить вашей помощи, но убѣждаемъ васъ дѣйствовать съ нами за одно, если Пруссія возстанетъ противъ насъ» (с. 43).

Императоръ Павелъ писалъ королю прусскому: «Съ нѣкотораго времени Европа оглашается слухами, обвиняющими Кабинетъ Вашего Величества въ пристрастіи, въ тайномъ стараніи возпрепятствовать миру Римскаго Императора съ Франціею. Говорятъ, что дозволяя Французамъ распространять хищничества, вы предоставили себѣ долю при раздробленіи Германской имперіи, и намѣрены вооруженною рукою принудить Императора Франца согласиться на ваши желанія. Мнѣ пріятно думать, что подобные слухи ложны. Наши связи, ваше безкорыстіе и благородный образъ мыслей удостовѣряютъ меня въ неосновательности общей молвы. Вамъ извѣстны договоры, существующіе между Мною, Римскимъ Императоромъ и Великобританіею. Вы знаете, что по Тешенскому миру, я одинъ изъ поручителей за Германскую конституцію; а потому не удивитесь, если скажу вамъ, что не буду равнодушно взирать на ея уничтоженіе, и для ея поддержанія употреблю самое дѣятельное участіе и всѣ силы, врученныя мнѣ Провидѣніемъ. Если Ваше Величество будете принуждены вести войну оборонительную, то равнымъ образомъ пойду на вашу помощь, и на дѣлѣ докажу вамъ, сколь чуждъ я пристрастія.

Digitized by Google

Вновь предлагаю вамъ соединиться со Мною и условиться о средствахъ возстановить въ Европѣ спокойствіе» (стр. 44).

Миръ въ Кампо-Форміо былъ заключенъ между Австріей и Франціей, а германскія дѣла должны были рѣшиться на конгрессѣ въ Раштатѣ.

«Главныя статьи Кампо-Формійскаго мира заключались въ слѣдующемъ: Императоръ Францъ уступилъ большую часть своихъ владѣній въ Италіи, которыя, по завоеваніи ихъ Французами, были уже обращены въ республики, отъ чего совершенно измѣнилось политическое разграниченіе Италіи, гдѣ вскорѣ увидимъ мы Русскія войска. Въ пользу Франціи уступалъ Императоръ владѣнія свои на лѣвомъ берегу Рейна; тайнымъ условіемъ признавалъ сію рѣку границею Франціи съ Германіею, и соглашался на присоединеніе къ Франціи Іоническихъ острововъ и части Албанскаго берега. Въ замѣнъ онъ получалъ нѣсколько областей въ нѣмецкой землѣ и на границахъ Швейцаріи, и большую часть дотолѣ независимой Венеціанской республики, съ Далмаціею и Иллиріею. Также было положено составить конгрессъ въ Раштатѣ, для опредѣленія границъ Германской имперіи съ Франціею и назначенія вознагражденій Австріи, Пруссіи и Германскимъ князьямъ, лишавшимся своего достоянія на лѣвомъ берегу Рейна» (стр. 46).

«Послѣ Кампо-Формійскаго мира, священныя права Бурбоновъ на французскій престолъ казались потерянными надолго, можетъ быть, невозвратно. Равнодушныя къ участи Лудовика XVIII-го и его семейства, иностранныя державы избѣгали сношеній съ нимъ, опасаясь подать причины къ какимъ-либо столкновеніямъ съ Франціею. Бурбонамъ и приверженцамъ ихъ оставалось одно—въ ожиданіи переворота въ пользу ихъ, искать безопаснаго пристанища, и они нашли его подъ сѣнію Императора Павла» (стр. 49).

Императоръ послалъ Лудовику 200,000 рублей, и «почелъ долгомъ Государя» пригласить Римскаго императора, королей Англійскаго, Прусскаго, Испанскаго, Сицилійскаго и королеву Португальскую условиться о средствахъ обезпечить на будущее время пристойное содержаніе Лудовика XVIII и его семейства. Австрія и Англія не согласились на предложеніе (стр. 51—52).

Просьбу Лудовика XVIII о позволеніи жить въ Россіи со своимъ семействомъ, Императоръ Павелъ принялъ, и писалъ къ королю прусскому: «я увѣренъ, что несчастія Французскаго Короля глубоко поразили чувствительное сердце Вашего Величества, и что вы одобрите сдѣланное ему Мною предложеніе избрать Россію мѣстомъ своего пребыванія. Прошу васъ дать повелѣнія, чтобы онъ могъ безпрепятственно проѣхать Пруссію, чтобы вездѣ были ему воздаваемы

Digitized by Google

царскія почести, согласуя ихъ съ тѣмъ именемъ, которымъ нынѣ онъ называетъ себя. Твердонадѣясь на дружбу Вашего Величества, вполнѣ убѣжденъ, что вы не встрѣтите затрудненій разрѣшить ему свободный проѣздъ вашими владѣніями. Тѣмъ явите вы мнѣ новое свидѣтельство вашей дружбы ко мнѣ, новый доводъ того, въ какой мѣрѣ цѣните вы мое предстательство» (стр 53—54).

Между тѣмъ, въ Раштатѣ всѣ нѣмецкіе владѣтели перессорились, въ особенности Пруссія и Австрія. Споры такъ ожесточились, что не предвидя мирнаго ихъ окончанія взаимнымъ соглашеніемъ, императоръ Францъ предложилъ, марта 8, прусскому королю Фридриху Вильгельму III, воцарившемуся за три мѣсяца передъ тѣмъ, просить Императора Павла о посредничествѣ между ними и убѣждалъ нашего Монарха быть рѣшителемъ споровъ (стр. 58).

Императоръ Павелъ отвѣчалъ: «не только принимаю предложеніе Вашего Величества, но даже, не ожидая приглашенія меня по сему дѣлу Королемъ Прусскимъ, тороплюсь объясниться съ нимъ (je vole au devant de lui), и приказываю Моему посланнику въ Берлинѣ, сказать Королю, что я беру на себя посредничество, слѣдствіемъ коего можетъ быть прочная связь между нами троими, если устранимъ всякое помышленіе о новыхъ пріобрѣтеніяхъ. Послѣ благополучнаго окончанія споровъ, я предложу Вашему Величеству и Королямъ Прусскому, Англійскому и Датскому заключить между нами оборонительный договоръ для обезпеченія Европы отъ золъ, ей угрожающихъ» (стр. 58—59).

Вторая инструкція князю Рѣпнину отличается тѣми же достоинствами, какъ и первая.

Новые замыслы и требованія Франціи, обнаружившіеся на Раштатскомъ конгрессѣ, принудили Императора Павла взяться за оружіе. Австрія просила его неотступно. Англія умоляла о присылкѣ кораблей. Бонапарте занялъ Мальту, на пути въ Египетъ. Рѣшено начать войну.

Ушаковъ занялъ Іоническіе острова.

Выпишемъ нѣсколько словъ изъ инструкціи генералу Розенбергу, поведшему первый вспомогательный корпусъ.

«.... За нужное находимъ предостеречь васъ, чтобъ въ случаѣ рѣшимости Австрійскаго военнаго начальства на доставленіе посредствомъ военныхъ экзекуцій провіанта, фуража и прочаго въ земляхъ Германскихъ, кои не держатся явно стороны Французской, вы по всей возможности уклонялись отъ соучастія въ томъ, предъявляя, что потребное корпусу, вами командуемому, вы должны получать по трактату отъ Вѣнскаго Двора; да и наисильнѣйше вамъ подтверждаемъ отвращать все то, что въ земляхъ, намъ пріязнен-

Digitized by Google

ныхъ, можетъ возбудить къ намъ ненависть или же предосудительные на счетъ войска нашего впечатлѣнія; напротивъ того, стараться благопристойнымъ образомъ внушать, что мы пришли на помощь союзнику нашему, отнюдь не въ видѣ споспѣшествовать властолюбивымъ намѣреніямъ, но для подкрѣпленія его къ обузданію народа, устремившагося на разрушеніе благоустроенныхъ Державъ и областей и на порабощеніе ихъ, и что единственная цѣль наша есть доставить прочный миръ и оградить онымъ общій покой и безопасность. Къ удостовѣренію въ истинѣ подобныхъ внушеній, наилучше способствовать могутъ ласковое и пріязненное съ жителями тѣхъ странъ обращеніе и наблюденіе, дабы со стороны войскъ нашихъ никакія имъ не были причиняемы обиды и притѣсненія» (стр. 103—104).

На первыхъ порахъ начались споры о продовольствіи. «Австрійскому послу въ Петербургѣ, графу Кобенцелю сообщили, сколь неумѣстно разсчетами о хлѣбныхъ крохахъ замедлять маршъ Розенберга, въ такое время, когда Императоръ Павелъ, пославъ противъ Французовъ флоты въ Сѣверное, Средиземное и Адріатическое моря, отправляетъ для помощи Австріи болѣе войскъ, нежели по договору слѣдовало» (с. 105—106).

И между тѣмъ все еще нельзя было быть увѣрену въ союзѣ Австріи и Пруссіи.

«Хотя Мнѣ непріятно,» — писалъ послѣ того Императоръ Павелъ графу Панину, — «что Прусскій Король не принимаетъ участія въ войнѣ, но я уже доволенъ тѣмъ, что онъ обнаружилъ свои намѣренія. Я сказалъ посланнику его въ Петербургѣ, Греберну, что почту нарушеніемъ нейтралитета Пруссіи, если она явитъ какое-либо потворство, какую-либо угодливость Французамъ, и что въ семъ случаѣ пользы Мои и союзниковъ Моихъ поставятъ Меня въ обязанность дѣйствовать противъ Пруссіи, какъ противъ государства, предпочитающаго дѣло Французовъ благу общаго дѣла».

«Въ то же время Императоръ Павелъ желалъ знать окончательное рѣшеніе Австріи касательно войны съ Франціею, и писалъ своему послу въ Вѣнѣ:

«Не скроемъ, что дальнѣйшее медленіе Вѣнскаго Двора подаетъ Намъ и союзникамъ Нашимъ сильныя подозрѣнія, что посредствомъ приготовленія и оказательствъ военныхъ, Дворъ сей ищетъ только одержать отъ Французовъ какія-либо собственныя выгоды, не заботясь о слѣдствіяхъ пагубныхъ, которыя рано или поздно самою Австрійскою Монархіею ощущены будутъ. Но дабы не подвергать дѣла сего дальнимъ недоразумѣніямъ, Мы никакими отлагательными отвѣтами удовольствоваться не можемъ, а предписываемъ вамъ наи-

Digitized by Google

сильнѣйше требовать и домогаться ясной и рѣшительной отповѣди, не скрывая, что при дальнѣйшемъ того продолженіи, Мы должны будемъ неминуемо съ прочими Нашими союзниками воспріять противъ Французовъ тѣ мѣры, которыхъ достоинство и безопасность Наши требовать будутъ, и сообразно уже тому возвратить безъ потерянія времени и войска Наши, на помощь Вѣнскому Двору отправленныя, который въ чаяніи его рѣшимости Мы въ полномъ его распоряженіи оставили» (с. 114—115).

А Французы продолжали дѣйствовать. Заставивъ отречься сардинскаго Короля отъ престола, они объявили войну Королю неаполитанскому. Никто не хотѣлъ помочь ему. Императоръ Францъ находилъ войну его рановременною. Императоръ Павелъ «призналъ справедливымъ внять его требованіямъ».

Австрійскій генералъ Макъ скоро довелъ его до погибели.

По прибытіи въ Палерму, Король писалъ Императору Павлу:

«Жестокія обстоятельства, побудившія меня къ войнѣ для спасенія моего государства, угрожаемаго общимъ врагомъ, и оставленіе меня союзною мнѣ Австріею, на которую я возлагалъ самую твердую надежду, принудили меня уѣхать въ Сицилію, послѣднее достояніе моего семейства. Представляю Вашему Величеству, могущественному и единственному защитнику коронованныхъ Главъ, мою убѣдительную просьбу: будьте моимъ заступникомъ, подпорою и мстителемъ».

Въ отвѣтѣ своемъ, извѣщая Короля неаполитанскаго о мѣрахъ, принятыхъ Имъ для его спасенія, Императоръ Павелъ писалъ:

«Я уже довольно награжденъ за Мои труды, если только признаютъ прямоту Моихъ намѣреній, основанныхъ на безкорыстіи и возбуждаемыхъ честью» (с. 120—121).

Паденіе Короля сардинскаго и Короля обѣихъ Сицилій громовымъ ударомъ разразилось надъ вѣнскимъ Двором, искони принимавшимъ великое участіе въ дѣлахъ Италіи. (с. 121).

Императоръ Францъ рѣшился возобновить войну, просилъ помощи русской, и указывалъ именно на Суворова. Отсюда начинаются его дѣйствія.

При восшествіи Императора Павла на престолъ, генералъ-фельдмаршалъ графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій былъ начальникомъ Екатеринославской дивизіи, и издавна пользовался особеннымъ благоволеніемъ Его Величества. Напримѣръ, при наступленіи 1797 года, Императоръ писалъ ему между прочимъ:

«Поздравляю съ Новымъ Годомъ и зову пріѣхать въ Москву къ коронаціи, если тебѣ можно. Прощай, не забывай старыхъ друзей».

Digitized by Google

Черезъ мѣсяцъ обстоятельства перемѣнились. Суворовъ навлекъ на себя неудовольствіе Государя за нѣкоторыя дѣланныя имъ отступленія отъ вновь вводимыхъ тогда военныхъ постановленій. Суворовъ просилъ объ увольненіи отъ службы, и прежде нежели пришло его прошеніе въ Петербургъ, былъ онъ отставленъ, февраля 6-го 1797 года.

Съ тѣхъ поръ Суворовъ жилъ уединенно въ своемъ селѣ Канчанскѣ, Новгородской губерніи, внимательно слѣдя за ходомъ дѣлъ въ Европѣ. Чрезъ полтора года, въ сентябрѣ 1798, когда Императоръ Павелъ составлялъ союзы противъ Франціи, приказалъ Онъ Суворову пріѣхать въ Петербургъ. Нездоровый, медленно, на своихъ лошадяхъ, отправлялся Суворовъ въ путь. Два дня оставался онъ въ Петербургѣ, былъ приглашаемъ вступить въ службу, но просилъ одной милости — позволенія возвратиться въ деревню. Получивъ на то Монаршее разрѣшеніе, онъ предался въ Канчанскѣ своимъ обычнымъ занятіямъ.

Спустя четыре мѣсяца, въ началѣ февраля 1799, флигель-адъютантъ Голбухинъ пріѣхалъ къ Суворову, и вручилъ ему слѣдующее собственноручное письмо Императора Павла:

«Сей-часъ получилъ Я, графъ Александръ Васильевичъ, извѣстіе о настоятельномъ желаніи Вѣнскаго Двора, чтобъ вы предводительствовали арміями его въ Италіи, куда и мои корпуса Розенберга и Германа идутъ: и такъ посему и при теперешнихъ европейскихъ обстоятельствахъ, долгомъ почитаю не отъ своего только лица, но отъ лица и другихъ, предложить вамъ взять дѣло и команду на себя, и прибыть сюда для отъѣзда въ Вѣну.»

Отправивъ рескриптъ къ Суворову, Императоръ Павелъ писалъ генералъ-лейтенанту Герману, (тогда еще не имѣвшему повелѣнія сдать свой корпусъ и явиться въ Петербургъ), слѣдующее:

«Вѣнскій Дворъ просилъ меня, чтобы поручить фельдмаршалу графу Суворову-Рымникскому начальство надъ союзными войсками въ Италіи. Я послалъ за нимъ, предваряя васъ, что если онъ приметъ начальство, то вы должны, во время его командованія, наблюдать за его предпріятіями, которыя могли бы служить ко вреду войскъ и общаго дѣла, когда онъ будетъ слишкомъ увлеченъ своимъ воображеніемъ, могущимъ заставить его забыть все на свѣтѣ. И такъ, хоть онъ старъ, чтобъ быть Телемакомъ, но не менѣе того, вы будете Ментеромъ, коего совѣты и мнѣнія должны умѣрять порывы и отвагу воина, посѣдѣвшаго подъ лаврами.»

Германъ отвѣчалъ Императору:

«Уважая лѣта фельдмаршала Суворова, блескъ побѣдъ его, счастіе, постоянно неразлучное со всѣми его предпріятіями, я употре-

Digitized by Google

блю всѣ силы, чтобы приноровиться къ образу дѣйствій знаменитаго воина. Конечно, наши мысли о способахъ поразить изверговъ-революціонеровъ будутъ одинаковы: въ день сраженія, фельдмаршалъ любитъ ставить войско глубокимъ строемъ; такъ же и я предпочитаю это построеніе, однакожъ съ тою разницею, что надобно при параллельномъ построеніи войскъ стараться избѣгать вреда, наносимаго непріятельскою артиллеріею.»

Увидимъ впослѣдствіи, какимъ образомъ Германъ, почитавшійся тогда въ Россіи едва ли не первымъ тактикомъ, строилъ свое войско въ Голландскомъ походѣ!

По призыву Императора Павла, Суворовъ явился въ Петербургъ, съ готовностію ѣхать въ Италію и служить подъ начальствомъ эрцгерцога Палатина. Въ тотъ же день онъ былъ принятъ въ службу, но безъ отданія о томъ въ приказѣ, и пожалованъ орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго большаго креста (стр. 133—137).

Пріемъ Суворова въ Вѣнѣ, сношенія его съ военнымъ совѣтомъ австрійскимъ, слишкомъ извѣстны, и мы пропустимъ ихъ описаніе.

У Австрійцевъ войска было 86 т., готовыхъ вступить въ Сѣверную Италію: къ Суворову долженъ былъ придти Розенберговъ корпусъ въ 20 т. У Французовъ было въ Италіи на Адижѣ съ Шереромъ 50 т., вспомогательныхъ при нихъ 8. Въ южной Италіи съ Макдональдомъ 28, вспомагательныхъ 6; въ гарнизонахъ сѣверной Италіи 13, вспомогательныхъ 12, и того въ Италіи 117 т. Въ Швейцаріи и Германіи у Французовъ 120 т., у Австрійцевъ 169 т.

Французы хотѣли переправиться черезъ Адижъ, оттѣснить Австрійцевъ за Бренту и Піаве, но это намѣреніе ихъ осталось безъ успѣха: они отступили за Минчіо. 3 апрѣля Суворовъ прибылъ въ Верону. Пребываніе въ Веронѣ описано по «Разсказамъ стараго воина», напечатаннымъ сначала въ Москвитянинѣ, а потомъ изданнымъ особо (*).

(*) Здѣсь мимоходомъ сдѣлаю и значительный упрекъ г. Милютину. Пребываніе въ Веронѣ Суворова, (равно какъ и многія другія событія изъ его италіянской жизни, с. 313, пр. 93, с. 331, 153, 97.), описываетъ онъ по «Разсказамъ стараго воина», котораго однако жъ не потрудился онъ узнать покороче, отозвавшись слегка въ примѣчаніи 80 къ главѣ XIX слѣдующимъ образомъ: «подробности пребыванія Суворова въ Веронѣ большею частію заимствованы изъ «Разсказовъ стараго воина о Суворовѣ». Хотя авторъ этихъ разсказовъ скрылъ свое имя, однако же принимаемъ его показанія за достовѣрный источникъ, въ томъ уваженіи, что онъ записывалъ слышанное имъ отъ самого князя Багратіона.»

«Въ главныхъ частяхъ разсказъ «стараго воина» о пребываніи Суворова въ Веронѣ согласуется съ показаніями Лаверня и Антинга; напротивъ того, Фуксъ въ своей Исторіи Росс. Австр. Камп. (стр 25 и 26), смѣшалъ происходившее въ Веронѣ 3-го числа и въ Валеджіо 5-го» (стр. 562).

Digitized by Google

Дѣйствія Суворова въ подробности излагать мы не станемъ. Онъ предпринялъ выгнать Французовъ изъ Ломбардіи и Піемонта, и потомъ пошелъ впередъ черезъ Минчіо къ Аддѣ. Успѣхи начались немедленно Французы отступили. Брешіа сдалась, послѣ угрозъ Суворова взять крѣпость штурмомъ.

Столь достовѣрный свидѣтель, очевидецъ, заслуживалъ бы больше вниманія. Никакими документами нельзя замѣнить живыя впечатлѣнія, передаваемыя подобнымъ лицемъ, тѣмъ болѣе, что прочія его показанія, по тщательномъ критическомъ разсмотрѣніи и сличеніи съ оффиціальными бумагами, оказываются во всѣхъ случаяхъ вѣрными.

Я могу здѣсь служить г. Милютину вмѣстѣ напомнить о «старомъ воинѣ», который за драгоцѣнныя подробности о Суворовѣ, что безъ него пропали бъ безвозвратно, имѣетъ полное право на благодарность соотечественниковъ. Это заслуженный израненный полковникъ, Яковъ Ивановичъ Старковъ-третій, живущій, или покрайней мѣрѣ въ прошломъ году жившій въ Острогожскѣ Воронежской губерніи.

Въ 1841 году получилъ я отъ неизвѣстнаго нѣсколько разсказовъ о Суворовѣ. Они показались мнѣ очень занимательными, но, признаюсь, я побоялся, не было ли тутъ журнальной мистификаціи. Принесшій не хотѣлъ сказать мнѣ объ имени пославшаго. Я напечаталъ разсказы съ легкою оговоркою, изъявляя желаніе, чтобъ подлинныя записки не подвергались исправленіямъ. Въ 1842 году я получилъ еще нѣсколько разсказовъ, и наконецъ допытался, что присылаетъ ихъ ко мнѣ одинъ медицинскій студентъ, г-нъ А. Тогда я отыскалъ его, и узналъ, что разсказы принадлежатъ его дядѣ, старому заслуженному полковнику временъ Суворовскихъ, живущему въ Острогожскѣ, Воронежской губерніи, и доставлены мнѣ въ первоначальномъ своемъ видѣ. Я убѣдилъ студента поѣхать на вакацію къ дядѣ, упросить его, чтобъ онъ продиктовалъ племяннику свои воспоминанія, равно какъ и передалъ бы ему свои записки. Съ вакаціи г-нъ А. привезъ мнѣ нѣсколько тетрадей. У меня самаго началась переписка съ заслуженнымъ воиномъ, который удостоилъ меня своего благосклоннаго расположенія. Во всякомъ письмѣ приставалъ я къ нему за записками, — и вотъ такимъ образомъ составилась цѣлая книга, которую я выдалъ въ 1847 году на свой счетъ подъ заглавіемъ: «Разсказы стараго воина о Суворовѣ», —книга въ высокой степени примѣчательная, живая, занимательная, драгоцѣнная для многихъ людей, посвящающихъ себя военной службѣ, драгоцѣнная и для всѣхъ любителей исторіи. Но какъ изданіе «Москвитянина», эта книга была прейдена молчаніемъ въ журналахъ, или подверглась осужденію, и осталась у меня на рукахъ. Писемъ двадцать написалъ я, чтобъ обратить вниманіе на нее и на автора: одинъ только брестскій кадетскій корпусъ взялъ недавно 200 экземпляровъ, прочіе по два, по три экземпляра.

Полковникъ Старковъ переписывался со мною ежегодно и сообщалъ мнѣ еще разныя извѣстія о старыхъ военныхъ дѣлахъ, но въ прошедшемъ году я не получилъ отъ него ни одного письма, и не знаю, живъ ли онъ, или нѣтъ. Читая теперь сочиненіе г. Милютина, и встрѣтивъ свидѣтельства «стараго воина» употребленными въ дѣло съ такою пользою, я написалъ къ нему письмо, извѣщая его, что трудъ его оказываетъ свою пользу,—отвѣтъ, если будетъ, не премину-сообщить читателямъ Москвитянина. Долгъ справедливости требовалъ бы, чтобъ сказано было спасибо ему. *М. П.*

Digitized by Google

Взятіе Брешіи было принято Вѣнскимъ Дворомъ какъ «событіе счастливое и важное». Императоръ Павелъ, получивъ это «радостное извѣстіе» 4 мая, въ Павловскѣ, приказалъ, по окончаніи благодарственнаго молебствія въ придворной церкви, провозгласить «многолѣтіе господину генералъ-фельдмаршалу Россійскихъ войскъ, побѣдоносцу Суворову-Рымникскому,» при пушечныхъ выстрѣлахъ изъ крѣпости Маріенталь.

Государь удостоилъ Суворова слѣдующимъ рескриптомъ:

«Вчерашняго дня донесеніе ваше изъ Ронкаделла получилъ. Благодарю за извѣстіе и за Брешію; завтра о семъ будетъ молебенъ и здѣсь и въ С. Петербургѣ. Начало благо; дай Богъ, чтобъ вездѣ были успѣхи и побѣда. Вы же, умѣя съ нею обходиться, вѣрно и въ службѣ нашей ее изъ рукъ вашихъ не выпустите, въ чемъ поможетъ вамъ успѣть особенная и давнишняя личная привязанность ея къ вамъ самимъ. По одобренію вашему, съ удовольствіемъ награждаю отличившихся и бывшихъ на приступѣ крѣпости. Генералъ-маіоръ князь Багратіонъ жалуется въ кавалеры ордена св. Анны I класса, коего при семъ посылаемые знаки на него возложите; подполковникъ Ломоносовъ жалуется въ полковники, а маіоръ Поздѣевъ въ подполковники. Офицерамъ, бывшимъ въ дѣлѣ, объявить мое благоволеніе; унтеръ же офицерамъ и солдатамъ выдайте по рублю на человѣка и скажите, сколь пріятно мнѣ видѣть, что неустрашимость и усердіе повсюду и всегда съ ними. Дай Богъ имъ здоровья, а бить непріятеля станемъ; этого дѣла они были и будутъ мастера.» (с. 277—278).

Суворовъ спѣшилъ впередъ, Австрійцы подвигались впередъ иногда медленнѣе, чѣмъ требовалъ Суворовъ. Онъ написалъ Меласу, который позволилъ передъ тѣмъ своей колоннѣ остановить на разсвѣтѣ войска, чтобъ обсушиться:

«До свѣденія моего доходятъ жалобы на то, что пѣхота промочила ноги. Виною тому погода. Переходъ былъ сдѣланъ на службѣ могущественному Монарху. За хорошею погодою гоняются женщины, щеголи (les petits maîtres), да лѣнивцы. Большой говорунъ, который жалуется на службу, будетъ, какъ эгоистъ, отрѣшенъ отъ должности. Въ военныхъ дѣйствіяхъ [слѣдуетъ быстро сообразить — и немедленно же исполнить, чтобы непріятелю не дать времени опомниться. У кого здоровье плохо, тотъ пусть и остается назади (намекъ на самаго Меласа). Италія должна быть освобождена отъ ига безбожниковъ и Французовъ: всякій честный офицеръ долженъ жертвовать собою для этой цѣли. Ни въ какой арміи нельзя терпѣть такихъ, которые умничаютъ. —Глазомѣръ, быстрота, стремительность!—на сей разъ довольно (с. 279—280).

Digitized by Google

На Аддѣ произошло сраженіе. Первый день прошелъ безъ значительнаго перевѣса. На другой день во французскомъ войскѣ мѣсто Шерера заступилъ Моро. Суворовъ сказалъ: «перстъ Божій мало славы разбить шарлатана; лавры, которые отнимемъ у Моро, будутъ лучше цвѣсти и зеленѣть.» Сраженіе возобновилось на многихъ пунктахъ; наконецъ, на третій день, линія непріятельская была прорвана и путь къ Милану очищенъ.

Извѣстіе о побѣдѣ на Аддѣ произвело неописанный восторгъ въ Вѣнѣ и въ Петербургѣ. Императоръ Францъ благодарилъ Суворова.

Донесеніе Суворова о побѣдѣ на Аддѣ отправлено было въ Петербургъ съ маіоромъ Румянцовымъ. Императоръ Павелъ удостоилъ фелдмаршала слѣдующимъ рескриптомъ:

«Реляцію вашу получилъ: благодарилъ Бога; благодарю васъ и храброе мое воинство, въ немъ же слава моя и Россіи. Господинъ маіоръ Румянцовъ скажетъ вамъ о радости нашей и доставитъ знаки благоволенія нашего удостоеннымъ вами: украсьте ихъ оными и руководствуйте ихъ мужествомъ въ дальнихъ подвигахъ вашихъ Побѣждайте, и возстановляйте царей!»

Кромѣ того, препровождая Суворову брилльянтовый перстень съ потретомъ своимъ, государь писалъ ему:

«При семъ посылаю къ вамъ портретъ мой. Примите его въ свидѣтели знаменитыхъ дѣлъ вашихъ, и носите его на рукѣ, поражающей врага благоденствія всемірнаго. Дай Богъ вамъ здоровья. О многолѣтіи вашемъ опять вчера молились въ церкви, при чемъ были и всѣ иностранные министры. Сына вашего взялъ я къ себѣ въ генералъ-адъютанты со старшинствомъ и оставленіемъ при васъ.

Всѣ лица, отличившіяся въ сраженіи, получили награды; нижнимъ чинамъ выдано по рублю на человѣка (299—308).

Миланъ занятъ.

Только два дня войска имѣли отдыха въ Миланѣ, а Суворовъ начиналъ уже тяготиться бездѣйствіемъ. «Помилуй Богъ! боюсь, чтобы не затуманилъ меня фиміамъ! теперь пора рабочая!» — говорилъ онъ кому-то изъ приближенныхъ. Однако же пребываніе Суворова въ Миланѣ, съ 18 го по 21 апрѣля, отнюдь не было для него временемъ праздднымъ: тутъ приняты были самыя важныя мѣры, какъ по части политической, такъ и по предмету дальнѣйшаго хода военныхъ дѣйствій.

Первымъ распоряженіемъ Суворова въ Миланѣ было—уничтоженіе Чизальпійской республики и учрежденіе временнаго правленія, впредь до окончательныхъ повелѣній Вѣнскаго Двора, владѣвшаго большею частію Ломбардіи прежде Кампоформійскаго мира (стр. 308).

Digitized by Google

Ниспроверженіе Чизальпійской республики поколебало во всей Италіи владычество Французовъ. Не только въ Ломбардіи, Романіи и Легаціяхъ поселяне вооружались противъ нихъ, и, гдѣ могли, убивали солдатъ республиканскихъ, но и въ Пьемонтѣ, Тосканѣ, въ Римской области, даже въ Неаполѣ отозвалось изгнаніе Французовъ изъ Ломбардіи. Вездѣ народъ поднимался; въ деревняхъ и городахъ раздавался звукъ набата; по вечерамъ, вершины горъ освѣщались огнями, служившими сигналомъ для инсургентовъ. Война сдѣлалась народною.

Такимъ образомъ побѣда на Аддѣ имѣла результаты необъятные. Только двѣ недѣли прошло со времени пріѣзда Суворова къ арміи, и уже положеніе дѣлъ перемѣнилось въ цѣлой Италіи. Но эти первые успѣхи были только началомъ кампаніи. Союзный полководецъ обдумывалъ въ Миланѣ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій, готовился къ предпріятіямъ болѣе обширнымъ, мечталъ о подвигахъ блистательнѣйшихъ. Суворовъ обратилъ вниманіе на тактическое, устройство союзныхъ войскъ: замѣтивъ въ продолженіе десятидневнаго похода многія неудобства отъ различія въ австрійскихъ и русскихъ уставахъ воинскихъ, въ порядкѣ походныхъ и боевыхъ движеній, бивачнаго и лагернаго расположенія, въ самыхъ дѣйствіяхъ въ бою,—Суворовъ приказалъ маркизу Шателеру написать правила общія для тѣхъ и другихъ войскъ. Правила эти были изложены на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, въ самыхъ простыхъ, общепонятныхъ выраженіяхъ, и объявлены въ приказахъ по арміи Разсказываютъ, что по этому случаю кто-то изъ приближенныхъ Суворова замѣтилъ: будетъ ли это угодно Государю? На это фельдмаршалъ отвѣчалъ: «бояться нечего: Государь лично изволилъ сказать мнѣ: веди войну какъ знаешь» (стр. 309—310).

Суворовъ хотѣлъ идти сперва на встрѣчу непріятельской арміи ожидаемой изъ южной и средней Италіи, и разбивъ ее, обратиться противъ пьемонтской арміи къ Турину (стр. 312), а потомъ во Францію, въ верховья Роны и къ Берну.

Мы пропустимъ прочія второстепенныя намѣренія Суворова, равно какъ и дѣйствія арміи, Швейцарской и Рейнской,—дѣйствія, отличавшіяся одною медленностію.

Здѣсь рѣшеніе Гофкригсрата начинаетъ останавливать Суворова и требовать, чтобы онъ думалъ только о взятіи Мантуи и ограничивалъ свои дѣйствія лѣвымъ берегомъ По.

Но эти предписанія были имъ получены уже на правомъ берегу, когда онъ шелъ на встрѣчу Макдональда, который впрочемъ былъ еще далеко, и потому Суворовъ перемѣнилъ планъ дѣйствія и пе-

Digitized by Google

шился прежде занять Пьемонтъ и возстановить власть Короля сардинскаго, образовать отъ его имени вспомогательное войско.

Вѣнскій Дворъ никакъ не хотѣлъ дозволить того, и требовалъ, чтобы въ краю, занятомъ войсками, не было другой власти, «кромѣ принадлежащей войску». Полная справедливость требуетъ, сказано въ отвѣтѣ Императора Франца, чтобы значительныя перемѣны въ людяхъ, понесенныя государствомъ моимъ въ продолженіе почти одиннадцатилѣтней войны, вознаграждены были чужими областями, исторгнутыми у непріятеля. Переходъ чрезъ По былъ осужденъ. «Я долженъ снова поручить вамъ, писалъ Императоръ, чтобъ вы, оставивъ всѣ другія предположенія, обратили исключительно попеченія свои на покореніе Мантуи и цитадели Миланской, для чего и снабдили бы генерала Края нужнымъ числомъ войскъ; съ остальными же, избѣгая сколь возможно раздробленія силъ, заняли бы позицію, удобную для охраненія завоеваній нашихъ, въ особенности же для того, чтобы не допустить непріятеля помѣшать означеннымъ осадамъ. Хотя я прежде уже эта воля Моя была сообщена вамъ, любезный фельдмаршалъ, однакожъ повторяю снова, вслѣдствіе полученныхъ новыхъ свѣденій». (с. 35).

«Напрасно же» ,говоритъ авторъ, «иностранные историки упрекали Суворова въ нерѣшительности дѣйствій послѣ занятія Милана и въ неопредѣленности его плана. Зная характеръ и военныя правила Суворова, трудно подозрѣвать въ немъ излишнюю осторожность.— Достаточно бросить взглядъ на переписку фельдмаршала съ Вѣнскимъ Кабинетомъ, чтобы несомнѣнно убѣдиться, до какой степени Суворовъ самъ недоволенъ былъ тогдашнимъ ходомъ военныхъ дѣйствій; на каждомъ шагу былъ онъ стѣсняемъ требованіями Гофкригсрата, который хотѣлъ руководить всѣмъ ходомъ компаніи, даже въ малѣйшихъ подробностяхъ, какъ будто забывая, что арміей командовалъ уже не Вурмзеръ, не Альвинци—а Русскій знаменитый полководецъ. Вѣнскій Кабинетъ привыкъ къ безусловному повиновенію Австрійскихъ генераловъ; только Суворовъ и отчасти Эрцгерцогъ Карлъ, не подчинялись повелѣніямъ, получаемымъ изъ Вѣны: не довѣряя слѣпо мнимому генію барона Тугута, они не хотѣли быть скромными исполнителями его наставленій. Непокорность Суворова раздражала желчный нравъ перваго министра.«Въ Вѣнѣ» по выраженію самаго Суворова, «любятъ только посредственность, а талантъ не охотникъ до узды». И въ самомъ дѣлѣ баронъ Тугутъ имѣлъ системою замѣщать важнѣйшія мѣста въ арміи людьми посредственными, но лично ему преданными, и безусловно исполнявшими всѣ его повелѣнія. Привыкнувъ быть полновластнымъ рас-

Digitized by Google

порядителемъ военныхъ дѣйствій, баронъ Тугутъ не хотѣлъ упустить изъ рукъ своихъ вліянія на армію Эрцгерцога Карла и Суворова; для этого принялъ онъ особыя мѣры: обоихъ полководцевъ окружилъ своими клевретами, которые доводили до свѣденія перваго министра все, что дѣлалось въ арміяхъ; въ угожденіе ему дѣйствовали на перекоръ самимъ главнокомандующимъ, на каждомъ шагу затрудняли ихъ распоряженія, и были источниками безконечныхъ интригъ.» (стр. 37—38).

При такихъ отношеніяхъ, естественно, не могло быть въ распоряженіяхъ по арміи ни единства, ни стройности, ни порядка. Въ механизмѣ управленія, въ перепискѣ штаба, въ продовольствованіи войскъ — были почти ежедневныя недоразумѣнія, упущенія, даже иногда умышленныя противурѣчія приказаніямъ фельдмаршала. (с. 39).

Изъ послѣдующаго разсказа выпишемъ описаніе участія, принятаго Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ въ дѣлѣ при Басиньянѣ. «Въ сраженіи при Басиньянѣ Великій Князь Константинъ Павловичъ сдѣлалъ первый свой шагъ на военномъ поприщѣ. Присутствіе его ободряло, одушевляло войска. Съ нетерпѣніемъ, свойственнымъ пылкому юношѣ, рвался онъ въ сраженіе; генералъ Розенбергъ даже ссылался на то, что рѣшился вступить въ дѣло по просьбѣ, желанію Великаго Князя. Отговорка эта была конечно неумѣстна со стороны стараго и опытнаго генерала, и Суворовъ сильно высказалъ это самому Розенбергу при первомъ съ нимъ свиданіи. Было мгновеніе, когда Великій Князь подвергался большой опасности: въ то самое время, когда снесенъ былъ паромъ, на которомъ начали войска переправляться обратно за рѣку По, когда все столпилось у переправы, среди общей суматохи, лошадь Великаго Князя испугалась, и, внезапно поворотивъ въ сторону, бросилась прямо въ рѣку. Къ счастію, козакъ Пантелѣевъ устремился въ слѣдъ за нею въ воду, остановилъ лошадь и силою вывелъ ее на берегъ. Послѣ того Его Высочество согласился сѣсть на маленькую лодку, въ которой и переправился. Переночевавъ въ Мадонна дель-Граціа, Великій Князь на другой день утромъ опять пріѣхалъ къ переправѣ у Бурго-Франко, и посѣщеніемъ своимъ принесъ утѣшеніе раненымъ офицерамъ и солдатамъ.

Доселѣ намѣреніе фельдмаршала состояло въ томъ, чтобы главныя силы свои соединить на правомъ берегу По, и тѣмъ отдалить Моро отъ Макдональда. Позиція впереди Тортоны вполнѣ соотвѣтствовала этой цѣли: она закрывала войскамъ Моро отступленіе на Генуу, а Макдональду путь вдоль подошвъ Аппенниновъ къ Александріи. Но планъ этотъ вдругъ измѣнился; вмѣсто того, чтобы про-

Digitized by Google

должать начатое сосредоточіе войскъ на правой сторонѣ рѣки По. Суворовъ, напротивъ того, рѣшился, 5 мая, всѣ силы свои перенести на лѣвую сторону рѣки (стр. 69).

Моро отступалъ, не находя средствъ бороться, къ Генуѣ.

Суворовъ занялъ Туринъ; тогда же взяты были города и крѣпости: Казале, Валенца, Чева, цитадель Миланская, Пицигетоне, Тортона, Пескіера, Феррара. Суворовъ сбирался преслѣдовать Моро за Аппенины, находясь впрочемъ на готовѣ и для другихъ пунктовъ; онъ расположилъ союзныя силы, имѣя въ виду обычный свой разсчетъ: куда бы не вздумалъ устремиться непріятель, можно было въ два-три перехода сдвинуть къ угрожаемому пункту болѣе 30,000 войска. Приготовляясь къ рѣшительному бою съ непріятелемъ, Суворовъ обдумалъ съ необыкновенною заботливостію всѣ мѣры на случай какого-либо неожиданнаго оборота дѣлъ.

Впродолженіе всего движенія отъ Турина до Александріи, Великій Князь Константинъ Павловичъ находился при авангардѣ князя Багратіона, и не смотря на проливной дождь, шелъ почти все время пѣшкомъ, на привалахъ отдыхалъ на мокрой травѣ рядомъ съ солдатами. Войска, видя среди себя царскаго сына, раздѣлявшаго съ ними всѣ трудности похода, забывали усталость и лишенія. Немедленно по прибытіи къ Александріи, Великій Князь поздравилъ фельдмаршала, который туда пріѣхалъ еще наканунѣ.

2 іюня получено рѣшительное извѣстіе о движеніи Макдональда на сѣверъ. Оно угрожало крайнею опасностію всѣмъ войскамъ союзнымъ въ Италіи: непріятель могъ напасть на корпусъ Края, освободить Мантуу, разбить по частямъ разбросанныя силы союзниковъ, и даже стать на пути отступленія главной арміи. Казалось, Суворовъ неминуемо долженъ былъ уступить разомъ всѣ свои завоеванія. Сбывались по видимому тѣ опасенія, которыя такъ давно тревожили вѣнскій кабинетъ.

Но Суворовъ нисколько не потерялъ обычной своей твердости, напротивъ того, въ его глазахъ движеніе Макдональда обѣщало союзникамъ новый блистательный успѣхъ. Мы видѣли, что почти съ самаго начала компаніи готовился онъ къ тому случаю, чтобы стать между двумя французскими арміями и разбить каждую изъ нихъ отдѣльно. Случай этотъ теперь наконецъ представился: Суворовъ рѣшился, со всѣми войсками, которыя могъ взять изъ-подъ Александріи, устремиться на встрѣчу Макдональду. Вотъ приказъ Суворова предъ сраженіемъ:

«1) Непріятельскую армію взять въ полонъ.

Digitized by Google

«Взять твердо въ армію, что ихъ 26,000, изъ коихъ только 7,000 Французовъ; прочіе всякій сбродъ реквизиціонеровъ.

«2) Козаки колоть будутъ, но жестоко бы слушали, когда Французы кричать будутъ pardon, или бить шамадъ. Козакамъ самимъ кричать въ атакѣ *балезармъ*, *пардонъ*, *жетезармъ*, и симъ пользуясь, кавалерію жестоко разбить, и на батареи быстро пускаться, что особливо внушить.

«3) Козакамъ, коимъ удобно, испортить на рѣкѣ Таро мостъ и тѣмъ зачать отчаяніе. Съ плѣнными быть милосерду; при ударахъ дѣлать большой крикъ; крѣпко бить въ барабанъ; музыкѣ играть гдѣ случится, но особливо въ погонѣ, когда кавалерія будетъ колоть и рубить, чтобы слышно было своимъ.

«Ихъ генераловъ, особливо козаки и проч. примѣчаютъ по кучкамъ около ихъ; кричать пардонъ, а ежели не сдаются — убивать» (с. 246).

Въ одинъ день, 5 числа, войско сдѣлало переходъ въ 45 верстъ, тоже и на другой день: «войска, можно сказать, не шли, а бѣжали. При нестерпимомъ жарѣ, люди падали отъ изнеможенія; колонна растянулась; множество отсталыхъ обозначало слѣдъ арміи. Суворовъ, съ однимъ только козакомъ, переѣзжалъ отъ головы къ хвосту колоны, повторяя: «впередъ, впередъ, голова хвоста не ждетъ». По временамъ, обогнавъ войска, отъѣзжалъ онъ въ сторону отъ дороги, ложился гдѣ-нибудь въ кустахъ или за строеніями и высматривалъ проходившую колону. Потомъ мгновенно садился на коня и неожиданно являлся предъ войсками. Появленіе его оживляло всю колону; части растянувшіяся спѣшили бѣгомъ нагнать голову. Фельдмаршалъ ѣхалъ рядомъ съ солдатами, шутилъ съ ними, забавлялъ ихъ разными прибаутками.

«Князь Багратіонъ, видя крайнее изнуреніе своихъ войскъ, просилъ Суворова немного повременить нападеніемъ, говоря, что въ его отрядѣ множество отсталыхъ, такъ что въ ротахъ нѣтъ и по сороку человѣкъ: «у Макдональда нѣтъ и по двадцати, возразилъ ему Суворовъ — атакуй съ Богомъ! ура!» Всѣмъ начальникамъ послано приказаніе не терять времени на перестрѣлку, а рѣшать дѣло штыками. Согласно данному повелѣнію, всѣ войска дружно ударили на непріятеля: пѣхота, взявъ ружья на руки, двинулась съ барабаннымъ боемъ и музыкой; русскія войска съ пѣсенниками. Суворовъ разъѣзжалъ по фронту и только повторялъ: «впередъ, впередъ, коли, руби!»

Французы держались упорно, отстрѣливались, атаки встрѣчали штыками (стр. 251, 252).

«Успѣшный конецъ боя должно приписывать, конечно, быстрому прибытію самаго Суворова съ передовыми русскими войсками; но

Digitized by Google

до самаго конца боя союзники были слабѣе противника: у нихъ было всего 17 баталіоновъ, 24 эскадрона и 4 козачьихъ полка, т. е. не болѣе 14 или 15 тысячъ человѣкъ; на сторонѣ же Французовъ участвовало въ бою до 19,000. Хотя бой на Тидонѣ и былъ только дѣломъ авангардным, однакожъ онъ имѣлъ чрезвычайную важность для обѣихъ сторонъ: Макдональдъ вполнѣ надѣялся разбить слабый отрядъ генерала Ота, полагая, что самъ Суворовъ не прежде могъ подойдти, какъ развѣ чрезъ нѣсколько дней; такой расчетъ былъ не безъ основанія; но Суворовъ расчитывалъ по своему. Появленіе его на Тидонѣ должно было чрезвычайно изумить Макдональда. И въ самомъ дѣлѣ, движеніе Суворова отъ Александріи къ Тулонѣ можно считать однимъ изъ самыхъ рѣдкихъ, самыхъ замѣчательныхъ военныхъ дѣйствій: 36 часовъ послѣ переправы чрезъ Дорлинъ, войска являются на Тидонѣ, въ 80 верстахъ отъ Александріи, и вмѣсто отдыха, вступаютъ прямо въ бой; не смотря на изнуреніе, дерутся нѣсколько часовъ сряду, и наконецъ одолѣваютъ всѣ усилія превосходнаго числомъ противника. Безъ сомнѣнія, тутъ есть чему подивиться. Успѣхъ, одержанный союзными войсками при первой встрѣчѣ съ арміей Макдональда, служилъ счастливымъ предзнаменованіемъ для предстоявшаго рѣшительнаго боя. Когда войска, утомленныя до изнеможенія, расположились на мѣстѣ боя, фельдмаршалъ поздравилъ ихъ съ побѣдой, и вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ отправился на ночлегъ въ с. Джіовани, чтобы сдѣлать распоряженія на слѣдующій день.»

«Три дни продолжалось сраженіе при Треббіи.»

«Изнуренныя палящимъ жаромъ и неравнымъ боемъ, храбрыя войска русскія едва уже въ состояніи были долѣе держаться. Розенбергъ начиналъ думать объ отступленіи и съ этимъ подъѣхалъ къ Суворову, который въ изнеможеніи отъ зноя лежалъ у камня въ одной рубашкѣ. «Попробуйте сдвинуть этотъ камень, сказалъ фельдмаршалъ; не можете? ну такъ и Русскіе не могутъ отступать!....» Суворовъ велѣлъ Розенбергу держаться крѣпко, ни шага не дѣлать назадъ. Въ то самое время, когда Розенбергъ поскакалъ къ своимъ войскамъ, подъѣхалъ къ Суворову князь Багратіонъ съ донесеніемъ, что войска его также утомлены до крайности; что уже изъ нихъ убыло на половину, ружья худо стрѣляютъ, непріятель все еще силенъ. Услышавъ это, Суворовъ закричалъ: коня! сѣлъ и понесся самъ къ войскамъ Багратіона. Лишь только солдаты увидѣли стараго фельдмаршала, вдругъ все преобразилось, все ожило, все пришло въ движеніе, ружья начали стрѣлять, затрещалъ бѣглый огонь, забили барабаны, откуда взялись силы у людей. Храбрые егеря и козаки бросились

Digitized by Google

въ Казалиджіо, неожиданно явились въ тылу непріятельскихъ войскъ Виктора и Русска. Появленіе ихъ дало новый оборотъ дѣлу; атака была произведена такъ стремительно, съ такимъ огнемъ, что Французы сочли войска Багратіона за свѣжія, вновь прибывшія подкрѣпленія».

Вотъ минуты внѣ всякихъ правилъ тактики и стратегіи: «они сдѣлали свое дѣло, и у нихъ не оставалось никакого средства. Силы истощились, духъ рѣшилъ дѣло (*)».

Когда все утихло на полѣ битвы, Суворовъ отправился вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ на ночлегъ. Семидесятилѣтній полководецъ имѣлъ крайнюю нужду въ отдохновеніи: во всѣ три дня сраженія почти не сходилъ онъ съ сѣдла, терпѣливо переносился палящій зной, разъѣзжалъ онъ по фронту войскъ, безъ мундира, на козачьей лошади, иногда останавливался подъ самой сильной картечью. Нѣсколько разъ, въ полномъ разгарѣ битвы, приказывалъ онъ баталіонамъ идти въ штыки подъ глазами своими: тогда утомленные солдаты, увидѣвъ предъ собой самаго Суворова, услышавъ его голосъ, одушевлялись, забывали усталость, совершали подвиги почти невѣроятные (стр. 276).

Уже три дня сряду бились противники; русло Треббіи и поля завалены были трупами, плѣнныхъ Французовъ толпами отвозили къ св. Джіовани.... а побѣда все еще казалась нерѣшенною; но Суворовъ, вѣрный своему всегдашнему непоколебимому упорству, рѣшился во что бы то ни стало сбить Макдональда съ позиціи, и въ четвертый разъ намѣревался атаковать его. Когда въ слѣдъ за фельдмаршаломъ съѣхались къ мѣсту ночлега многіе изъ генераловъ союзной арміи— Суворовъ, скрывая свое утомленіе, весело поздравилъ ихъ съ «*третьею побѣдою*», благодарилъ ихъ и поручилъ имъ передать «*большое спасибо*» всѣмъ офицерамъ и солдатамъ. — «Завтра дадимъ еще четвертый урокъ Макдональду», говорилъ фельдмаршалъ отпуская генераловъ. Къ 5 часамъ утра союзнымъ войскамъ велѣно было приготовиться къ новой атакѣ (стр. 277). Едва стало свѣтать, фельдмаршалъ собирался уже ѣхать къ войскамъ, какъ получаетъ онъ донесеніе, что непріятель отступилъ отъ Треббіи (стр. 279).

Государь, получивъ реляцію, написалъ въ рескриптѣ своемъ фельдмаршалу: «поздравляю васъ вашими-же словами; слава Богу, слава вамъ.» Всѣ представленные Суворовымъ получили щедрыя награды. Самому фельдмаршалу пожалованъ портретъ Императора, при слѣдующемъ рескриптѣ:

(*) Это извѣстіе доставилъ «старый воинъ» Москвитянина.

Digitized by Google

«Портретъ мой на груди вашей да изъявитъ всѣмъ и каждому признательность Государя къ великимъ дѣламъ своего подданнаго; имъ же прославляется царствованіе наше.»

За побѣду на Треббіи всѣмъ полкамъ Розенбергова корпуса Высочайше пожаловалъ *гренадерскій маршъ* (стр. 283).

Суворовъ возвратился въ Александрію ровно чрезъ десять дней послѣ того, какъ выступилъ оттуда на встрѣчу Макдональду. Этотъ десятидневный походъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ страницъ въ исторіи военнаго искусства. Самъ Моро, противникъ нашего полководца, признавалъ дѣйствія его въ этотъ періодъ компаніи *образцовыми* (chef d'oeuvre de l'art militaire). Угрожаемый двумя непріятельскими арміями, Суворовъ устремляется сперва противъ одного противника, поражаетъ его, отбрасываетъ за Аппенины, и потомъ столь же быстро возвращается назадъ: одно появленіе его заставляетъ другую непріятельскую армію поспѣшить отступить безъ боя,—такія дѣйствія, по вѣрности расчета стратегическаго, съ которымъ соображены, по изумительной быстротѣ, съ которой исполнены, наконецъ, по непреклонной твердости воли и энергіи, которыя семидесятилѣтній полководецъ показывалъ въ самомъ бою противъ превосходныхъ силъ непріятельскихъ,—однимъ словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ напоминаютъ блистательнѣйшія компаніи Фридриха Великаго и ставятъ Суворова въ числѣ полководцевъ геніальныхъ (с. 297).

Вскорѣ взята была Александрія. Тогда подоспѣлъ къ Суворову корпусъ Ребиндера. «Послѣ сдачи цитадели Александрійской, вся осадная артиллерія и часть войскъ графа Бельгарда назначены были къ осадѣ Тортонскаго замка. Такъ во всю компанію, Суворовъ долженъ былъ поочередно обращать свои средства отъ одной крѣпости къ другой, стараясь всегда противъ каждой изъ нихъ сосредоточить по возможности болѣе артиллеріи. Послѣ сдачи Пичигетоне, весь осадный паркъ отправленъ былъ оттуда въ Миланъ; сдалась Миланская цитадель – и всѣ средства сосредоточены къ Турину; сдача Туринской цитадели — дала средства къ осадѣ Александрійской. Каждая изъ этихъ крѣпостей держалась не долго: въ нѣсколько дней батареи были устроены, вооружены, и едва только открывали огонь, какъ осажденный уже подавленъ былъ грознымъ перевѣсомъ противника въ артиллеріи. Этимъ средствомъ Суворовъ сберегалъ и время, и людей.

«Послѣдующее продолжительное бездѣйствіе Суворова, въ теченіе около 6 недѣль, казалось непостижимымъ для современниковъ, знавшихъ кипучую дѣятельность и пылкій характеръ нашего полководца; многіе и до сихъ поръ еще ставятъ ему въ укоръ, что не

Digitized by Google

умѣлъ онъ воспользоваться ни своими побѣдами надъ противникомъ, ни тѣми средствами, которыя могъ бы извлечь изъ завоеваннаго края, для довершеннаго изгнанія Французовъ изъ Италіи. Дѣйствительно, бездѣйствіе союзной арміи лишило Суворова всѣхъ плодовъ прежнихъ его успѣховъ, а непріятелю дало между тѣмъ время собрать новыя силы и приготовиться къ новой борьбѣ. Но обвинять въ этомъ Суворова можетъ лишь тотъ, кому вовсе не извѣстны ни тогдашнее положеніе дѣлъ, ни личныя отношенія нашего полководца.»

«Чтобы раскрыть настоящія причины этаго бездѣйствія, надобно бросить взглядъ на переписку фельдмаршала и въ особенности на его сношенія съ Вѣнскимъ Дворомъ. Только что возвратился Суворовъ изъ Александріи, послѣ побѣды на Треббіи, какъ уже былъ огорченъ рескриптомъ Императора Франца, отъ 10 іюня. Въ то время, когда нашъ полководецъ, рѣшительнымъ пораженіемъ Макдональда, разстроилъ всѣ замыслы непріятеля и тѣмъ упрочилъ свои завоеванія въ Италіи, Вѣнскій Кабинетъ все еще былъ сильно встревоженъ прежнимъ извѣстіемъ о мнимомъ усиленіи арміи Моро, о присоединеніи къ нему Макдональда, о намѣреніи непріятеля сдѣлать вторженіе въ Пьемонтъ. Гофкригсратъ вообразилъ себѣ, что союзная армія на краю гибели, и обвинялъ въ томъ Суворова. Вотъ слова самаго Императора Франца:

«Я желалъ бы, чтобы неоднократныя повелѣнія мои объ ускореніи осады Мантуи и объ избѣжаніи излишняго раздробленія войскъ, были исполняемы своевременно, но долженъ полагать, что вы встрѣтили къ тому какія либо препятствія, которыя до сихъ поръ мнѣ еще неизвѣстны. Если дѣйствительно подтвердятся получаемыя извѣстія о высадкѣ значительнаго числа войскъ при Вадо и Савонѣ и соединеніе Моро съ Макдональдомъ, а слѣдовательно, если снова соберется французская сильная армія—о чемъ я уже давно предупреждалъ васъ,—то армія моя, раздробленная на мелкіе отряды, можетъ быть въ опасномъ положеніи. Ваша опытность, храбрость и столь часто испытанное *счастіе ваше*, подаютъ мнѣ надежду, что вскорѣ вы успѣете дать опять дѣламъ благопріятный оборотъ; однакоже не могу при этомъ не обратить особеннаго вниманія вашего на корпусъ генерала Кейма, оставленный при Туринѣ: необходимо предохранить его отъ опасности быть отрѣзаннымъ или разбитымъ отдѣльно; это непремѣнная моя воля; а потому генералу Кейму должно быть отъ васъ предписано, чтобы онъ былъ готовъ, въ случаѣ наступленія непріятеля, немедленно отступить отъ Турина и своевременно спасти свой отрядъ. На будущее-же время, когда съ помощію Божіею, и при пособіи знаменитыхъ вашихъ дарованій воин-

Digitized by Google

скихъ, благополучно минуютъ настоящія трудныя обстоятельства, убѣдительно прошу васъ, любезный фельдмаршалъ, всегда слѣдовать прежнимъ Моимъ наставленіямъ, т. е. *совершенно отказаться отъ всякихъ предпріятій дальнихъ и невѣрныхъ*, не соотвѣтствующихъ, ни теперешнему общему положенію дѣлъ, ни намѣреніямъ моимъ и искренняго моего союзника Императора Россійскаго, а прежде всего принять мѣры къ упроченію сдѣланныхъ уже завоеваній, въ особенности же не упускать изъ виду обѣщанія, даннаго вами предъ отъѣздомъ изъ Вѣны, «*чтобы о всякомъ важномъ предположеніи или дѣйствіи, которое признаете вы сообразнымъ со временемъ и обстоятельствами, предварительно доводить до свѣдѣнія моего*». Таковы были первыя привѣтствія, которыя Суворовъ получилъ изъ Вѣны, послѣ блистательной побѣды. Недовѣрчивость, съ которою смотрѣлъ Вѣнскій Дворъ на полководца нашего, должна была, безъ сомнѣнія, глубоко огорчать его; ему обидно было получать уроки въ военномъ дѣлѣ отъ министра, никогда не бывавшаго на войнѣ.

Отвѣтомъ на рескриптъ Императора Франца служила реляція о побѣдѣ на Треббіи. Въ рапортѣ, при которомъ она представлена была въ Вѣну, Суворовъ писалъ:

«Изъ этой реляціи Ваше Императорское Величество усмотрѣть изволите, что побѣдою, столь же для насъ счастливою, сколько для непріятеля бѣдственною, разстроены всѣ замыслы Макдональда—соединиться съ Моро, и что чрезъ это на долго положена преграда дальнѣйшимъ ихъ покушеніямъ. Послѣ истребленія около трети Макдональдовой арміи, и самое соединеніе непріятельскихъ силъ уже не можетъ нынѣ представлять для насъ никакой опасности».

За тѣмъ, объяснивъ подробно тогдашнее распредѣленіе союзныхъ войскъ, распредѣленія, сдѣланныя къ осадѣ Мантуи и цитадели Александрійской, фельдмаршалъ въ заключеніи писалъ:

«Представленный обзоръ удостовѣритъ Ваше Императорское Величество, что силы ввѣренной мнѣ арміи распредѣлены такъ, какъ требуютъ того обстоятельства, и что я поставляю для себя непремѣнною обязанностію охранять каждый отдѣльный отрядъ. Въ случаѣ дѣйствительной надобности, я своевременно поспѣшу съ главною своею арміей на помощь угрожаемому пункту, для чего я и расположился на такой позиціи, которая, сравнительно со всѣми прочими частями вашего расположенія, находится въ кратчайшемъ отъ непріятеля разстояніи.

«Донесеніе о побѣдахъ, одержанныхъ Суворовымъ на Тидонѣ и Треббіи, нѣсколько успокоило Вѣнскій дворъ, однакоже не

Digitized by Google

избавило фельдмаршала отъ новыхъ уроковъ гофкригсрата. Императоръ Францъ писалъ въ рескриптѣ, 29 іюня:

«Побѣды одержанныя вами надъ непріятелемъ, кажется, устраняютъ опасенія, возникшія въ послѣднее время, относительно положенія дѣлъ въ Италіи, однакоже для лучшаго поясненія предъидущихъ повелѣній моихъ, именно отъ $^{10}/_{21}$ числа прошедшаго мѣсяца, полагаю нужнымъ дополнить слѣдующее:

«Нынѣ болѣе чѣмъ когда либо убѣждаю васъ, безъ всякаго дальнѣйшаго отлагательства предпринять и окончить осаду Мантуи, а для того назначить генералу Краю достаточно войскъ. Сверхъ того требую, чтобы ему подчинены были, въ продолженіе всей осады, генералы Оттъ и Кленау, для обезпеченія праваго берега рѣки По. О наступательномъ движеніи арміи моей чрезъ Валисъ или Савою во Францію теперь рѣшительно и помышлять не должно, какъ уже сообщилъ я вамъ въ повелѣніи отъ $^{10}/_{21}$ мая. Также не могу никакъ дозволить, чтобы какія либо войска мои, впредь до особаго предписанія, употреблены были къ освобожденію Рима или Неаполя. Слѣдовательно въ настоящее время вы должны обратить все свое вниманіе на покореніе Мантуи и за тѣмъ стараться овладѣть еще мало по малу другими крѣпостями Александріею, Тортоною, Кони и проч. Занятіемъ этихъ пунктовъ и преградою путей и проходовъ чрезъ Альпійскія горы слѣдуетъ пресѣчь сообщеніе Италіи съ Франціею. Когда же цѣли будутъ достигнуты, тогда южныя части Италіи, занятыя еще Французами, падутъ сами собою и непріятель самымъ легкимъ и вѣрнымъ средствомъ оттуда изгнанъ будетъ.»

«Во всѣхъ другихъ предписаніяхъ изъ Вѣны постоянно подтверждалось непремѣнно требованіе, чтобы до взятія Мантуи даже и не помышлять ни о какомъ предпріятіи наступательномъ. До сихъ поръ Суворовъ старался, по мѣрѣ возможности, уклоняться отъ робкой системы Вѣнскаго Кабинета и шелъ отъ побѣды къ побѣдѣ, вопреки стѣснительнымъ предписаніямъ Гофкригсрата. Но съ каждымъ разомъ повелѣнія Императора дѣлались положительнѣе и настойчивѣе. Фельдмаршалъ уже прямо получалъ замѣчанія за неисполненіе повелѣній. Ничего болѣе не оставалось ему, какъ подчиниться безпрекословно. Припомнимъ, что изъ первыхъ распоряженій Суворова, послѣ пораженія Магдональда—было предписаніе барону Краю приступить къ осадѣ Мантуи. Послѣ того, фельдмаршалъ давалъ ему одно предписаніе за другимъ, убѣждая открыть заботы неотлагательно, и разрѣшилъ присоединить къ осадному корпусу большую часть отряда генерала Отта, чтобы не дожидаться войскъ изъ внутреннихъ областей Австріи. Вслѣдъ за тѣмъ, съ прибытіемъ

Digitized by Google

корпуса генералъ-лейтенанта Ребиндера, большая часть состоявшей при немъ артиллеріи, всѣ піонеры, саперы, минеры отряжены также къ осадному корпусу барона Края. Могъ ли Суворовъ сдѣлать болѣе для исполненія исключительнаго желанія Вѣнскаго двора? Покореніе Мантуи сдѣлалось уже и для самого фельдмаршала первостепеннымъ предметомъ заботъ» (стр. 423—329).

«Такимъ образомъ Суворовъ дѣйствительно болѣе всего заботился въ это время объ ускореніи осады Мантуи; но между тѣмъ мысли его постоянно заняты были предположеніями о дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ. Еще 28 іюля представилъ онъ Императору Францу планъ наступательнаго движенія въ Ривьеру Генуэзскую.»

«Но фельдмаршалъ не могъ и надѣяться приступить къ исполненію своихъ предположеній, пока значительная часть его силъ занята была осадою крѣпостей. Можно представить себѣ, съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ онъ паденія Александріи и Мантуи. Никто лучше его не понималъ, что съ каждымъ днемъ бездѣйствія, союзники упускали изъ рукъ драгоцѣнные плоды одержанныхъ побѣдъ. Есть много очевидныхъ тому доказательствъ въ перепискѣ фельдмаршала: «недорубаемый лѣсъ опять вырастаетъ», писалъ онъ однажды графу Разумовскому; не разъ высказывалъ онъ прямо, что слѣдовало, не теряя времени предпринять движеніе въ Ривьеру Генуэзскую и тамъ нанести непріятелю рѣшительный ударъ. Но въ Вѣнѣ, по словамъ графа Разумовскаго, весь планъ операціонный состоялъ въ томъ, чтобы взять Мантую, а потомъ—что вамъ угодно, только по сю сторону Альпійскихъ горъ, переходить ихъ не прежде, какъ придетъ Корсаковъ.»

«Нѣкоторые изъ иностранныхъ писателей дѣлали еще другой упрекъ союзному полководцу: въ то самое время, когда Французы, послѣ понесенныхъ ими пораженій, дѣятельно собирали новыя силы, пополняли и устроивали свои арміи, союзники, оставаясь побѣдителями, вовсе не заботились объ умноженіи своихъ силъ и даже не воспользовались готовыми средствами занятаго края. Дѣйствительно ничего не стоило-бы собрать сильный корпусъ изъ бывшихъ пьэмонтскихъ войскъ; но мы знаемъ, что распоряженія, сдѣланныя Суворовымъ, для формированія Пьэмонтской арміи, были рѣшительно отмѣнены Вѣнскимъ Кабинетомъ. Не смотря на то, фельдмаршалъ неоднократно возобновлялъ свое представленіе по этому предмету, и каждый разъ получалъ отказы самые непріятные. Вѣнскій Кабинетъ настаивалъ на томъ, что Пьемонтъ, какъ завоеванный край, обязанъ комплектовать войска Австрійскія, для вознагражденія понесенныхъ ими потерь. Между тѣмъ, Пьемонцы не хотѣли всту-

Digitized by Google

пать въ Австрійскую службу и всѣ усилія вербовать ихъ въ полки цесарскіе оставались безъ успѣха. Чрезъ это армія союзная лишена была значительной вспомогательной силы, а самый край оставался безъ собственныхъ средствъ обороны. Суворовъ выражалъ часто жалобы свои по этому предмету» (стр. 332).

«И такъ, если союзники въ самомъ дѣлѣ не воспользовались плодами своихъ успѣховъ, то никакъ не должно въ томъ винить Суворова. Полководецъ нашъ былъ связанъ во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ повелѣніями изъ Вѣны; распоряженія гофкригстрата приводили его самого въ крайнее негодованіе. Суворовъ видѣлъ въ этихъ распоряженьяхъ не однѣ лишь ошибки, не одну только ложную систему, но и личное недоброжелательство къ нему.»

«Недоразумѣнія и непріятности, возникшія съ первыхъ же сношеній между Вѣнскимъ Кабинетомъ и фельдмаршаломъ, постепенно усиливались и ожесточались въ теченіи компаніи. Чтобы видѣть, до какой степени раздраженъ былъ Суворовъ противъ Австрійцевъ, стоитъ только пробѣжать его переписку съ графами: Разумовскимъ, Ростопчинымъ и Толстымъ. Въ этихъ дружескихъ письмахъ, иногда шутливыхъ, иногда колкихъ, высказываются въ самой странной формѣ, часто въ выраженіяхъ темныхъ, едва понятныхъ, горькія жалобы на Вѣнскій Кабинетъ и на гофкригсратъ.»

«Австрійцы приписывали успѣхи Суворова одному *слѣпому счастію*; не разъ упоминалось это даже въ рескриптахъ Императора Франца; генералы Австрійскіе порицали дѣйствія Суворова, находя ихъ противными *правиламъ*. «Нѣмцы уклоняются отъ меня.... и вѣдомо, здѣшнія завоеванія не по правиламъ», такъ выразился Суворовъ въ письмѣ къ графу Толстому (отъ 27 іюня). За то фельдмаршалъ и вымѣщалъ свою досаду насмѣшками надъ бездарностью Австрійскихъ генераловъ и всего гофкригсрата. Онъ называлъ ихъ *проэкторами*, *бештимтзагерами*, *мерсенерами*. «Служба ихъ въ титлахъ, амбиціи или эгоизмѣ, вредномъ обществу. Я скажу: они храбры, я ихъ испыталъ и оставлю армію побѣдительнѣе Евгеніевой; но безъ меня тѣхъ же бьютъ». Въ одномъ письмѣ къ графу Толстому, Суворовъ намекалъ, что Эрцгерцогъ Карлъ могъ бы нанести непріятелю гораздо большее пораженіе, если бы дѣйствовалъ штыками, а потомъ прибавилъ: «здѣсь при мнѣ и Нѣмцы хорошо колютъ, индѣ и во всемъ иначе. Я цѣлю, чтобы съ ними разстаться. Вездѣ гофкригсратъ, неискоренимая привычка битымъ бить.... унтеркунфтъ, бештимтзагеръ!...»

«Австрійскіе генералы жаловались на быстрые марши Суворова, и даже писали о томъ въ Вѣну: «скорыми маршами армія

Digitized by Google

изнурена; непріятель нападетъ, все побьетъ и плѣнитъ: такъ направляли изъ Турина, и самый честный, добрый старикъ Меласъ тѣмъ же отзывался.» Къ этому фельдмаршалъ прибавилъ: «я это только что свѣдалъ — и отъ того разстройка въ Вѣнѣ».

«Съ своей стороны, Суворовъ укорялъ Австрійскихъ генераловъ въ томъ, что они много теряли людей понапрасну: «мудрый Бельгардъ между прочимъ привыкъ терять людей: въ началѣ кампаніи онъ доставилъ непріятелю въ Тиролѣ, чрезъ Лаудона, слишкомъ 10,000 человѣкъ; нынѣ въ нуждѣ моей, онъ съ раненымъ проигралъ слишкомъ 2,000 человѣкъ. — «Для короны размѣнъ есть, для нихъ—не ихъ люди; чего же жалѣть.»—«Бештимтзагеры убавили у меня изъ подъ рукъ въ три раза почти больше, нежели мнѣ на трехъ баталіяхъ стоило Тидона, Треббіа и Нура».

«Однимъ изъ главныхъ поводовъ къ неудовольствіямъ и взаимнымъ укоризнамъ, было требованіе Вѣнскаго Двора, чтобы Суворовъ не предпринималъ ничего важнаго, не испросивъ предварительно разрѣшенія изъ Вѣны: Гофкригсратъ привыкъ уже къ тому, что генералы Австрійскіе не отважились сдѣлать ни единаго шага безъ положительнаго предписанія изъ Вѣны, но полководецъ нашъ не могъ подчиниться такому порядку. Почти въ каждомъ письмѣ его къ графу Разумовскому находимъ жалобы по этому предмету: «Его Римско-Императорское Величество желаетъ, чтобы ежели мнѣ завтра баталію давать, я бы отнесся прежде въ Вѣну. Военныя обстоятельства мгновенно перемѣняются; по сему дѣлу для нихъ нѣтъ никогда вѣрнаго плана. Я ниже мечталъ быть на Тидонѣ и Треббіи по слѣдамъ Ганнибала, ниже въ Туринѣ, какъ одинъ случай далъ намъ пользоваться толикими сокровищами, ниже въ самомъ Миланѣ, куда намъ Вапріо и Кассано ворота отворили. Фортуна имѣетъ голый затылокъ, а на лбу длинные висящіе власы. Летъ ея молніинъ; не схвати за власы — уже она не возвратится....»

«Глубоко проникнутый безкорыстною цѣлью, съ которою Императоръ Россійскій поднялъ оружіе противъ республики Французской, Суворовъ ставилъ пользу общаго дѣла выше частныхъ, своекорыстныхъ видовъ Двора Вѣнскаго. Онъ не считалъ себя только «стражемъ предъ Вѣнскими вратами» и не хотѣлъ быть орудіемъ гофкригсрата. «Я не мерсенеръ, не наемникъ, который изъ хлѣба имъ послушенъ». Съ своей стороны Вѣнскій Кабинетъ, недовольный Суворовымъ за то, что онъ дѣйствовалъ, не испрашивая заранѣе разрѣшенія гофкригсрата, укорялъ фельдмаршала въ неповиновеніи и даже приносилъ на него жалобу самому Императору Павлу. Государь отвѣчалъ чрезъ графа Разумовскаго:

Digitized by Google

«Что касается до фельдмаршала Суворова, то я предоставилъ его въ распоряженіе Его Величества Императора Вѣнскаго. Въ немъ нѣтъ недостатка ни усердія, ни доброй воли, а ремесло свое онъ знаетъ не хуже какого-нибудь министра или посланника—пусть только ему предпишутъ, чего отъ него желаютъ, а ему останется исполнять».

«Опираясь на этотъ отзывъ, Вѣнскій Кабинетъ напоминалъ Суворову о долгѣ повиновенія. Въ одномъ изъ рескриптовъ своихъ, Императоръ Францъ писалъ фельдмаршалу: «искренній другъ и союзникъ Мой, Императоръ Всероссійскій, нынѣ повторилъ Мнѣ чрезъ графа Кобенцеля, прежнее объясненіе свое, что предоставивъ вамъ, любезный фельдмаршалъ, принять главное начальство надъ Моей арміей, онъ и васъ совершенно ввѣрилъ Моимъ распоряженіямъ; а потому несомнѣнно надѣюсь, что вы будете въ точности исполнять предписанія Мои».

«Гофкригсратъ, не всегда увѣренный въ точномъ исполненіи предписаній, которыя давались фельдмаршалу, дѣлалъ иногда распоряженія и мимо его. Генералы, подчиненные Суворову, получали прямо изъ Вѣны предписанія и, разумѣется, предписанія большею частью уже не своевременныя, не соотвѣтствовавшія обстоятельствамъ. Это давало поводъ къ частымъ недоразумѣніямъ и противурѣчіямъ, иногда разстроивало даже соображенія фельдмаршала и нарушало порядокъ службы. Суворовъ жаловался, что подчиненные его возражали именемъ самаго Императора, что сношенія ихъ съ гофкригсратомъ далеко выходили изъ круга внутренняго въ войскахъ управленія, какъ было первоначально положено въ инструкціи Императора Франца. Раздражаемый безпрерывными интригами, Суворовъ не разъ намекалъ, что принужденъ будетъ отказаться отъ командованія арміею, если не перемѣнятся отношенія его съ гофкригсратомъ». (стр. 333—338).

«Но всѣ жалобы Суворова оставались тщетными, привычка и система гофкригсрата были неискоренимы; съ каждымъ днемъ представлялись еще новые поводы къ непріятностямъ и жалобамъ. Выведенный наконецъ изъ терпѣнія, Суворовъ рѣшился наконецъ написать Императору Павлу:

«Робость Вѣнскаго Кабинета, зависть ко мнѣ какъ чужестранцу, интриги частныхъ, двуличныхъ начальниковъ, относящихся прямо въ гофкригсратъ, который до сего операціями правилъ, и безвластіе мое въ производствѣ сихъ прежде доклада на тысячи верстахъ—принуждаютъ меня, Ваше Императорское Величество, просить объ отзывѣ моемъ, ежели сіе не перемѣнится. Я хочу мои кости положить

Digitized by Google

въ моемъ отечествѣ и молить Бога за моего Государя. Повергая себя къ священнѣйшимъ Вашего Императорскаго Величества стопамъ, и проч.»

«Прежде еще чѣмъ донесеніе это получено въ Петербургѣ, уже доходили до свѣдѣнія Императора Павла неудовольствія Суворова на распоряженія гофкригерата. Государь, дѣйствуя всегда прямо и откровенно, обратился къ самому Императору Францу, и въ письмѣ 12 іюля просилъ его принять мѣры, чтобъ впредь гофкригератъ не давалъ прямо отъ себя предписаній, противныхъ *его собственной волѣ*. «Подобныя дѣйствія гофкригерата, писалъ россійскій Императоръ, могутъ повести къ послѣдствіямъ самымъ гибельнымъ для общаго дѣла союзныхъ Монарховъ, отъ котораго зависитъ возстановленіе порядка и спокойствія въ цѣломъ свѣтѣ.»

«Опасенія Императора Павла, къ сожалѣнію, начинали уже сбываться. Получивъ донесенія Суворова, Государь, глубоко огорченный, далъ графу Разумовскому строгое предписаніе потребовать формально объясненій отъ самаго Императора Франца. Непріязненныя дѣйствія противъ Суворова и Русскихъ войскъ были, можно сказать, личною обидою для Императора Павла и давали ему полное право укорять Вѣнскій Дворъ въ неблагодарности» (стр. 339).

(Дѣйствія въ средней и южной Италіи пропускаемъ).

Наконецъ и Мантуа была взята 17 іюля.

Но успѣхъ, столь давно желанный, не измѣнилъ отношеній Вѣнскаго Двора къ фельдмаршалу. За то Императоръ Павелъ, по случаю сдачи Мантуи, возвелъ Суворова въ княжеское достоинство, а генерала Края не удостоилъ никакой награды.

Въ рескриптѣ своемъ, отъ 9 августа, Государь писалъ фельдмаршалу: «примите воздаяніе за славные подвиги ваши; да пребудетъ память ихъ на потомкахъ вашихъ къ чести ихъ и славѣ Россіи. Хотя вы генералъ-фельдцехмейстера и рекомендуете, но я ему ничего не далъ, потому что Римскій Императоръ трудно признаетъ услуги и воздаетъ за спасеніе своихъ земель учителю и предводителю его войскъ.»

Въ заключеніе Высочайшаго рескрипта, было приписано: «простите, побѣдоносный Мой фельдмаршалъ, *Князь Италійскій*, графъ Суворовъ Рымникскій.»

«Покореніе Мантуи весьма обрадовало самаго Суворова; давно уже ожидалъ онъ этаго событія съ крайнимъ нетерпѣніемъ, не потому, конечно, что придавалъ самой крѣпости столько же важности, сколько имѣла она въ глазахъ Вѣнскаго Двора, но въ той надеждѣ, что съ паденіемъ ея рушится наконецъ пагубная преграда,

Digitized by Google

державшая доселѣ полководца нашего въ такомъ продолжительномъ бездѣйствіи. Съ самаго сраженія на Треббіи, Суворовъ не переставалъ готовиться къ наступательному движенію въ Ривьеру Генуэзскую. Лишь только получено было извѣстіе о сдачи Мантуи, на другой же день фельдмаршалъ написалъ барону Меласу: «паденіе этой крѣпости, усиливая нашу армію, не дозволяетъ болѣе отлагать предположенное наступательное движеніе.» Однакожъ и на сей разъ не сбылись надежды Суворова.... (с. 405—406).

Къ концу іюля вся почти Италія была занята союзными войсками, одна Ривьера генуэзская оставалась еще во власти республиканцевъ.

Между тѣмъ обстоятельства перемѣнились въ Парижѣ. Французская армія получила подкрѣпленіе. Присланъ новый главнокомандующій Журбеъ, который рѣшился возобновить наступательныя дѣйствія. Суворовъ такъ искусно приготовился его встрѣтить, что Журбеъ, съ 35 т. войска, задумался. «Что оставалось ему дѣлать?... атаковать противника — было безразсудно; отступать—горько для самолюбія молодаго генерала, который явился къ арміи съ такою жаждою славы и побѣды! Въ первый разъ приходилось ему распоряжаться въ качествѣ главнаго начальника. И что же?—Журбеъ, который доселѣ отличался отважностію и рѣшимостію, теперь вдругъ впалъ въ безпокойство, почти въ уныніе. Онъ созвалъ генераловъ въ ближайшій домикъ для совѣщанія: почти всѣ совѣтовали возвратиться къ Генуѣ и дождаться того времени, когда армія Альпійская генерала Шампіоне въ состояніи будетъ открыть дѣйствія. Но Журбеъ считалъ опаснымъ отступать въ виду сильнаго и предпріимчиваго противника. Цѣлый день продолжалось совѣщаніе; наступилъ уже вечеръ,—а Журбеъ все еще колебался. По свидѣтельству Сен-Сира, молодой полководецъ какъ будто самъ стыдился своего разстройства душевнаго, и просилъ извиненія, говоря, что не узнаетъ самого себя и не понимаетъ причины такой крайней слабости духа» (стр. 43—44).

«Около 10 часовъ вечера послышался въ лагерѣ союзниковъ какъ бы стукъ артиллерійскихъ колесъ. Журбеъ вообразилъ себѣ, какъ будто Суворовъ отступаетъ. Передовымъ постамъ велѣно было внимательно слѣдить за непріятельскими движеніями. Французскій главнокомандующій ожидалъ разсвѣта съ трепетомъ надежды и страха. Онъ тѣшилъ себя еще мечтою о побѣдѣ; а въ случаѣ неудачи въ бою—рѣшился броситься на вѣрную смерть. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняли потомъ не многія слова, которыя вырвались у Журбера въ минуты тяжкаго раздумья. И такъ армія французская осталась на ночь въ виду противника, не занявъ даже боевой позиціи» (стр. 45).

Digitized by Google

Сраженіе при Нови слишкомъ извѣстно. Побѣда одержана была рѣшительная. Несчастный Жуберъ убитъ въ самомъ началѣ. Моро принялъ послѣ него начальство.

«Въ сраженіи при Нови полководецъ нашъ показалъ себя такимъ же точно, какимъ бывалъ во все продолжительное поприще свое боевое: твердымъ и непреклоннымъ до упрямства. Никакія препятствія, никакія жертвы не могли отклонить его отъ исполненія задуманнаго предпріятія. Позиція при Нови могла почесться почти неприступною; войска республиканскія были полны воинской отваги и мужества; молодые генералы жаждали славы, лично водили полки въ битву, старались рѣчами и собственнымъ примѣромъ одушевить солдатъ, и, безспорно, армія Французская при Нови дралась превосходно. Но всѣ усилія республиканцевъ одолѣла желѣзная воля Русскаго полководца. Отразивъ одну аттаку, Французы ожидали новой. Они сами дивились, смотря съ высоты, какъ баталіоны наши, послѣ каждаго отбитаго приступа, опять смыкались, выравнивались и хладнокровно шли на новый приступъ. Какъ будто валы морскіе одинъ за другимъ разбивались о скалы».

«Суворовъ въ реляціи своей Императору Павлу превозносилъ подвиги, оказанные нашими войсками въ этотъ знаменитый день:

«Все воинство Вашего Императорскаго Величества, отъ генерала до послѣдняго солдата, подвизалось въ семъ сраженіи единымъ духомъ храбрости, мужества, неутомимости и неустрашимости; всѣ они совокупно одушевлялись великими монаршими милостями и щедротами, Вашимъ Величествомъ къ нимъ ниспосылаемыми, и охотно приносили на жертву служенію престолу и животъ, и кровь свою».

«Съ отличною похвалою Суворовъ отзывался о всѣхъ начальникахъ войскъ, и приложилъ длинный списокъ отличившихся офицеровъ. О Великомъ Князѣ Константинѣ Павловичѣ было сказано, что Его Императорское Высочество «обрѣтался при передовыхъ войскахъ, и когда выступили они на баталію, въ боевомъ порядкѣ, то Великій Князь изволилъ идти съ ними, и во все время баталіи присутствовалъ, гдѣ мужествомъ своимъ поощряя войска, приводилъ къ неустрашимости....» У нѣкоторыхъ изъ свиты Его Высочества были ранены лошади. Когда Великій Князь вступилъ съ войсками въ городъ Нови, то, по словамъ Комаровскаго, «фельдмаршалъ принесъ поздравленіе свое Его Высочеству съ одержанною побѣдою, и съ справедливостію изъявилъ величайшую похвалу мужеству и неутомимости, которыя Его Императорское Высочество въ сей день явить изволилъ, и коими паипаче войска были ободряемы....» (стр. 66—68).

Digitized by Google

«Съ живою радостію принялъ Императоръ Павелъ вѣстника Суворова, и тутъ же пожаловалъ ему слѣдующій чинъ, бриллiантовый орденъ Св. Анны на шею и командорственный крестъ Іоанна Іерусалимскаго. Въ рескриптѣ къ фельдмаршалу Государь писалъ:

«Вчерашній день Я получилъ изъ Вѣны, а сегодня утромъ чрезъ полковника Кушникова, извѣстіе о знаменитой побѣдѣ вашей надъ упокоеннымъ вами генераломъ Жубером. Радъ весьма, а тѣмъ болѣе, что убитыхъ немного и что вы здоровы. Не знаю, что пріятнѣе, вамъ ли побѣждать, или Мнѣ награждать за побѣды; но мы оба исполняемъ должное: Я—какъ Государь, а вы—какъ первый полководецъ въ Европѣ.... Посылаю награжденія за взятіе Серравалы; а вамъ, не зная, что уже и давать, потому что вы поставили себя свыше награжденій, опредѣлилъ почесть военную, какъ увидите изъ приказа, сегодня отданнаго. Достойному достойное.... Прощайте, князь, живите, побѣждайте Французовъ и прочихъ, кои имѣютъ въ виду не возстановленіе спокойствія, но нарушеніе онаго!»

Къ Высочайшему рескрипту приложенъ былъ слѣдующій приказъ, отданный 24-го августа въ Гатчинѣ:

«Въ благодарность подвиговъ Князя Италійскаго, Графа Суворова-Рымникскаго, гвардіи и всѣмъ Россійскимъ войскамъ, даже и въ присутствіи Государя, отдавать ему всѣ воинскія почести, подобно отдаваемымъ Особѣ Его Императорскаго Величества....»

На копіи приказа, доставленной къ Суворову, надписано было рукою графа Ростопчина: «за сраженіе при Нови.»

«Всѣ генералы и офицеры, отличившіеся въ сраженіи, получили отъ Государя щедрыя награды; Дерфельденъ украшенъ знаками Св. Андрея Первозваннаго; Швейковскій произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи; Фёрстеръ получилъ алмазные знаки Св. Анны 1-го класса; Милорадовичъ—такіе же знаки Св. Іоанна Іерусалимскаго; а князь Багратіонъ—Св. Александра Невскаго; Тыртову, Велецкому, Чубарову—пожалованъ орденъ Св. Анны 1-го класса, а князю Горчакову—Св. Александра Невскаго».

«Въ то же время Государь Императоръ, во вниманіе къ «безчисленнымъ опытамъ вѣрности и мужества офицеровъ войскъ Россійскихъ», почтилъ ихъ новымъ знакомъ своей Монаршей попечительности. Указомъ 3 августа 1799 года повелѣно, чтобы жалованіе офицеровъ, убитыхъ на войнѣ, обращалось въ пенсію ихъ женамъ по смерть, а дѣтямъ до совершеннолѣтія. Сверхъ того положено семействамъ убитыхъ офицеровъ, бывшимъ за границею, выдавать единовременно годовой пенсіонъ на возвратный путь въ отечество. «Награждая офицеровъ при всякомъ случаѣ лично за собственные ихъ

Digitized by Google

подвиги»,—сказано въ Высочайшемъ Указѣ,—желаемъ нынѣ успокоить духъ сихъ героевъ, идущихъ на брань побѣждать и истреблять повсюду враговъ вѣры и законныхъ правъ царей, отъ Бога дарованныхъ» (стр. 68—70).

«На другой день послѣ побѣды, когда войска союзныя готовились выступить по данной диспозиціи, а Край уже двинулся къ Кераско,—Суворову объявили, что нѣтъ ни продовольствія, ни муловъ, необходимыхъ для наступательнаго движенія въ горы. И такъ, сколько ни готовились къ этому предпріятію, а все еще не были готовы. Припомнимъ, что гораздо прежде сраженія при Нови, уже назначено было начать 4-го числа наступленіе. По какой же причинѣ не были еще собраны ни мулы, ни запасы?—на это могли бы отвѣчать только баронъ Меласъ и Австрійское комиссаріатское управленіе....»

«Фельдмаршалъ поставленъ былъ въ положеніе весьма затруднительное: остановиться и прекратить преслѣдованіе—значило отказаться отъ всѣхъ плодовъ побѣды, дать время непріятелю справиться, собрать новыя силы и приготовиться къ упорной оборонѣ. Идти впередъ къ берегу моря, имѣя при войскахъ всего на два дня хлѣба — было безразсудно; ибо въ Ривьерѣ Генуэзской нельзя было найдти никакого продовольствія, пока не подвезли бы моремъ. Какъ ни прискорбно было Суворову отказаться отъ своего намѣренія, однакожъ, онъ рѣшился уступить необходимости и еще *на нѣсколько дней отложить* предположенное наступленіе въ Ривьеру Генуэзскую» (стр. 77).

«Въ такомъ расположеніи, Суворовъ предполагалъ дожидаться муловъ и продовольствія, надѣясь чрезъ нѣсколько дней предпринять задуманное наступленіе. Но вскорѣ новыя, совершенно неожиданныя обстоятельства, разстроили опять предначертанія фельдмаршала.» (стр. 78).

Австрійскіе генералы получили предписаніе совершенно противоположное, и должны были воротиться въ Тоскану, а со стороны Швейцаріи, гдѣ Французы взяли верхъ, угрожала новая опасность завоеваніямъ Суворова.

Графъ Толстой, донося Императору Павлу объ успѣхахъ, одержанныхъ Французами въ Швейцаріи, прибавилъ:

«Еслибъ армія Эрцгерцога Карла продолжала свои дѣйствія по завладѣніи города Цюриха, не давъ получать непріятелю подкрѣпленія, то уповательно, что сіе бы не послѣдовало; а что я о семъ давалъ должное представленіе Эрцгерцогу Карлу, то имѣлъ счастіе донести Вашему Императорскому Величеству» (стр. 106).

Digitized by Google

Къ этому присоединились новые планы союзниковъ—вторгнуться во Францію чрезъ Франш-конте изъ Швейцаріи.

«Императоръ Павелъ постоянно имѣлъ въ виду одну лишь цѣль—успокоеніе Европы, возстановленіемъ королевскаго престола во Франціи. Никакіе другіе своекорыстные разчеты не примѣшивались къ его дѣйствіямъ. Вотъ почему Государь одобрилъ безъ всякихъ измѣненій и проэктъ Лондонскаго Кабинета, и перемѣны, сдѣланныя въ этомъ планѣ Австрійскимъ министерствомъ. Въ глазахъ Россійскаго монарха оба проэкта заключали въ себѣ одно и тоже существенное предположеніе—вторженіе въ самые предѣлы Франціи для низверженія республики. Императору пріятно было, что это важнѣйшее предпріятіе, непосредственно направленное къ главной цѣли войны, возлагалось на Русскую армію, подъ предводительствомъ Русскаго полководца. Все остальное Государь считалъ второстепеннымъ, и уступалъ охотно желаніямъ своихъ союзниковъ въ частностяхъ исполненія» (стр. 150—151).

«И такъ по новому соглашенію между союзниками, дѣйствія Русскихъ войскъ переносились въ Швейцарію».

16-го августа Суворовъ получилъ изъ Вѣны первое извѣстіе о новомъ планѣ военныхъ дѣйствій, условленномъ союзными Дворами. Императоръ Францъ, въ рескриптѣ своемъ по этому предмету, писалъ фельдмаршалу:

«Предстоящее перемѣщеніе войскъ конечно воспрепятствуетъ вступленію моей арміи въ Ривьеру Генуэсскую; но предметъ сей не такъ вѣренъ, сколько *поспѣшное исполненіе* предположеннаго движенія въ Швейцарію; тѣмъ болѣе, что непріятель, по всѣмъ вѣроятіямъ, самъ вскорѣ удалится изъ Ривьеры, по недостатку тамъ продовольствія; а чрезъ это армія моя избѣгнетъ значительной потери, сопряженной съ нападеніемъ открытою силою въ странѣ гористой. Притомъ дѣла въ Италіи приняли уже такой оборотъ, благодаря счастливымъ и блистательнымъ успѣхамъ, одержаннымъ подъ предводительствомъ вашимъ, что нельзя болѣе опасаться какихъ либо новыхъ неблагопріятныхъ случаевъ въ той странѣ; напротивъ того, можно даже надѣяться, что непріятель самъ дорого бы поплатился за свою попытку, еслибъ снова появился на равнинѣ.»

«Такъ судилъ Вѣнскій Кабинетъ о тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Италіи, именно въ то время, когда судьба этой страны только что рѣшалась отчаяннымъ боемъ при Нови. Суворовъ былъ иного мнѣнія; онъ предвидѣлъ, что съ удаленіемъ его изъ Италіи вся завоеванная страна будетъ снова вырвана непріятелемъ изъ рукъ Австрійцевъ. Полководецъ нашъ считалъ болѣе всего необходимымъ

Digitized by Google

вытѣснить Французовъ изъ Ривьеры Генуэсской, овладѣть послѣдними крѣпостями французскими: Тортоною, Кони, Ницей; прикрыть западную границу Пьемонта со стороны Франціи, и такимъ образомъ обезпечить зимнія квартиры, чтобы спокойно приготовиться къ новой компаніи:

«Цѣль эта кажется мнѣ самою важною въ настоящее время,»— писалъ Суворовъ въ отвѣтъ на рескриптъ Императора Франца.— «Я убѣжденъ, что для завоеванія Швейцаріи не слѣдуетъ терять Италію; а потому можно тогда только отдѣлить въ пользу первой страны часть силъ, дѣйствующихъ нынѣ въ Италіи, когда онѣ не будутъ уже нужны для сей послѣдней, или покрайней мѣрѣ тогда съ удаленіемъ ихъ оттуда не будетъ уже представляться никакой опасности.»

«Суворовъ считалъ нужнымъ еще мѣсяца два оставаться въ Италіи, чтобы совершенно укротить свои завоеванія до наступленія поздняго времени года, когда дѣйствія въ горахъ становятся уже невозможными. Въ теченіи этого времени, и въ самой Швейцаріи дѣла приняли бы лучшій оборотъ съ прибытіемъ корпуса Римскаго-Корсакова.»

«Тогда»—писалъ Суворовъ—«предположенная смѣна войскъ совершится безъ всякихъ опасеній, и я съ своей стороны буду имѣть возможность дѣйствовать на пользу общаго дѣла съ тою же ревностію, которая доселѣ направляла каждый шагъ мой.» Въ томъ же донесеніи Суворовъ представлялъ Императору Францу, что русскіе корпуса не такъ снаряжены, какъ было бы нужно для дѣйствія въ горахъ отдѣльно отъ Австрійцевъ. Фельдмаршалъ просилъ, чтобы войска, назначенныя въ Швейцарію, снабжены были необходимыми запасами, зарядами, горными орудіями, понтонами, и наконецъ, нѣкоторымъ числомъ офицеровъ генеральнаго штаба, знающихъ тотъ край. «Весьма прискорбно будетъ,»—прибавилъ Суворовъ въ заключеніи своего донесенія,—«если недостатокъ означенныхъ средствъ, при всемъ усердіи моемъ преградитъ мнѣ путь къ достиженію предположенной высокой цѣли» (стр. 199—201).

«Между тѣмъ Вѣнскій кабинетъ настоятельно требовалъ, чтобы предположенное перемѣщеніе Русскихъ войскъ въ Швейцарію исполнить *безотлагательно*. Въ своемъ мѣстѣ увидимъ, какіе политическіе виды побуждали Австрійскаго министра желать скорѣйшаго удаленія Русскихъ изъ Италіи. Нетерпѣніе это еще возрасло послѣ послѣднихъ событій въ Альпахъ. Извѣстія, полученныя отъ Эрцгерцога Карла, сильно встревожили Вѣнскій Дворъ, который только за нѣсколько дней передъ тѣмъ казался такъ спокойнымъ и такъ увѣ-

Digitized by Google

реннымъ въ своихъ завоеваніяхъ. Вотъ что писалъ Императоръ Францъ Суворову въ рескриптѣ отъ 16 Августа:

«Несчастныя событія въ Швейцаріи могутъ имѣть послѣдствія самыя гибельныя: всѣ успѣхи, доселѣ пріобрѣтенные арміею моею на томъ театрѣ войны, будутъ утрачены; непріятель вторгнется въ самую Германію *и даже въ собственныя владѣнія мои*; а въ слѣдствіе того мы, вынуждены будемъ покинуть и большую часть завоеваній нашихъ въ Италіи».

«Суворову разрѣшено было оставить *на нѣкоторое время* войска Гадика на прежнихъ позиціяхъ съ тѣмъ однакожъ, чтобы въ самую Швейцарію отнюдь не вводить изъ Италіи *ни одного Австрійскаго солдата*. По словамъ Императора, «армія Австрійская до того уже ослаблена отъ ежедневныхъ изнуреній и разнообразныхъ случайностей войны, что сила ея едва *достаточна и для защиты Италіи*». Поэтому Суворову повелѣно отказаться отъ всякихъ дальнѣйшихъ предпріятій въ этой странѣ, а скорѣе идти съ Русскими войсками въ Швейцарію, «чтобы дать возможность Эрцгерцогу Карлу принять мѣры къ обезпеченію Германіи отъ вторженія непріятельскаго».

«Въ тоже время Суворовъ узналъ съ крайнимъ удивленіемъ о намѣреніи Эрцгерцога Карла выступить изъ Швейцаріи, оставивъ тамъ одни Русскія войска Римскаго-Корсакова. Фельдмаршалъ старался отклонить Эрцгерцога отъ такого пагубнаго намѣренія, предрекая ему гибельныя послѣдствія поспѣшнаго удаленія его:

«Я увѣренъ,»—писалъ Суворовъ,— «что Ваше Высочество, по своей ревности къ общему благу, не поспѣшите исполненіемъ такого повелѣнія, которое противно высокой цѣли союзниковъ. Полагаясь вполнѣ на вашу прозорливость и благонамѣренность, остаюсь спокоенъ относительно выступленія вашего изъ Швейцаріи; надѣюсь даже получить вскорѣ пріятное извѣстіе, что страна эта обязана своимъ освобожденіемъ новымъ знаменитымъ побѣдамъ Вашего Высочества».

«Однакожъ Эрцгерцогъ, не внимая ни доводамъ, ни просьбамъ, выступилъ уже изъ Швейцаріи. Какъ громомъ пораженъ былъ Суворовъ этимъ извѣстіемъ» (стр. 202—204).

«Эрцгерцогъ Карлъ, начальствовавшій тамъ, долженъ былъ перейдти на правую сторону Рейна немедленно по вступленіи туда корпуса Корсакова. Но ни доводы, ни просьбы не могли отклонить его отъ пагубнаго намѣренія. Знаменитый полководецъ Австрійскій, самъ описавшій дѣйствія свои съ рѣдкимъ безпристрастіемъ, сознавалъ въ глубинѣ сердца весь вредъ и даже опасныя послѣд-

Digitized by Google

ствія выступленія своего изъ Швейцаріи, но въ оправданіе свое приводилъ повелѣнія Вѣнскаго Двора, новый планъ перемѣщенія армій на театрѣ войны; наконецъ слухи объ усиленіи французскихъ войскъ въ Эльзасѣ и въ слѣдъ за тѣмъ извѣстіе о переходѣ ихъ черезъ Рейнъ у Мангейма. Эрцгерцогъ считалъ, что и послѣднія наступательныя попытки его были уже отступленіемъ отъ повелѣній Вѣнскаго Двора; болѣе того не хотѣлъ онъ брать на свою отвѣтственность и спѣшилъ перейдти на правую сторону Рейна, чтобы прикрыть южную Германію отъ мнимой опасности, будто бы ей угрожавшей. Эрцгерцогъ разсчитывалъ, что войска Австрійскія и Русскія, оставшіяся въ Швейцаріи, достаточны были для удержанія занятой части страны до прибытія Суворова.»

«Напротивъ того, въ глазахъ Русскихъ, выступленіе Эрцгерцога изъ Швейцаріи не только казалось военною ошибкою, непростительнымъ упущеніемъ самаго благопріятнаго случая для пораженія непріятеля, но даже приписывалось умышленной неблагонадежности Австрійцевъ къ Русскимъ, зависти ихъ къ славѣ нашего оружія, желанію омрачить блескъ его.»

«Если бъ сколько-нибудь и было правды въ подобномъ подозрѣніи, то во всякомъ случаѣ оно не можетъ нисколько относиться къ лицу самаго Эрцгерцога, котораго возвышенныя чувства и благородныя правила были всѣмъ извѣстны; но Принцъ окруженъ былъ завистью, корыстолюбіемъ, высокомѣріемъ: въ главной квартирѣ его болѣе всѣхъ имѣли вѣса клевреты барона Тугута. Лучшія намѣренія и соображенія Эрцгерцога были запутаны въ сѣти Вѣнской политики.»

«Въ заключеніе приведемъ сужденіе по этому предмету одного изъ Русскихъ генераловъ, принимавшихъ самое дѣятельное участіе въ Швейцарскомъ походѣ. Представляемыя строки изъ записокъ покойнаго фельдмаршала Сакена могутъ служить лучшимъ приговоромъ поступку Эрцгерцога:»

«Соединеніе двухъ армій, гораздо превосходящихъ силы непріятельскія, доставило намъ тѣ преимущества, для достиженія которыхъ часто подвергаются упорнымъ сраженіямъ; но мы добровольно пожертвовали этими преимуществами: два раза переходили усиленными маршами съ одной оконечности линіи на другую, толковали много и возвращались на прежнія мѣста. Напрасно потерявъ такимъ образомъ двѣ недѣли, мы были вдругъ покинуты нашими союзниками: позиція, которую едва могла защищать 50-тысячная армія Австрійская, была предоставлена нашему 20-тысячному корпусу. Еслибъ и было дѣйствительно необходимо присутствіе Эрцгерцога на Нижнемъ Рейнѣ, то, безъ сомнѣнія, кратчайшій путь, самый для него выгодный и достославный — велъ чрезъ армію Массены. Фран-

Digitized by Google

цузы въ то время имѣли только одну эту армію, прочія были разбиты или обезсилены. Эрцгерцогъ, имѣя предъ собою непріятеля, котораго могъ побѣдить несомнѣнно, оставляетъ его въ покоѣ, идетъ искать за тридцать миль другаго, гораздо менѣе опаснаго. Могъ ли когда-нибудь представиться Принцу другой случай, болѣе блистательный и славный? Въ рукахъ его были тогда благоденствіе и честь отечества, судьба другихъ Принцевъ и Королей, участь всѣхъ владѣній, сопредѣльныхъ Франціи! Какое злосчастіе руководило этого достойнаго Принца? Не могу повѣрить, чтобы можно было ему одному приписать вину безразсуднаго и бѣдственнаго выступленія изъ Швейцаріи. Кроткій, благосклонный, любимый своими войсками, сопровождаемый воинскими успѣхами, Эрцгерцогъ какъ будто подписалъ въ тотъ день пораженіе своихъ союзниковъ и угнѣтеніе своего отечества. Русскіе пришли на защиту правъ Нѣмцевъ и Государей Нѣмецкихъ; сами же Нѣмцы и Государи покинули Русскихъ. На все это возражаютъ инструкціями и повелѣніями, данными Эрцгерцогу отъ Двора. Но какой министръ можетъ изъ кабинета своего управлять отдаленными военными дѣйствіями? Цѣль этихъ дѣйствій не есть ли всегда благосостояніе отечества? а потому можетъ ли полководецъ считать себя обязаннымъ идти къ противной цѣли? и какія могутъ быть на то оправданія предъ Богомъ, Государемъ и человѣчествомъ?» (стр. 181—185).

«Помышляя съ ужасомъ о положеніи войскъ Римскаго-Корсакова, покинутыхъ союзниками, Суворовъ самъ увидѣлъ, что не было уже возможности отлагать долѣе выступленіе свое изъ Италіи. Вынужденный отказаться отъ прежнихъ плановъ своихъ, онъ выжидалъ только сдачи Тортонской цитадели; а между тѣмъ дѣлалъ всѣ приготовленія къ предстоявшему походу въ горы. «Скоростію движенія постараюсь вознаградить тѣ дни, которые употреблены мною въ пользу Италіи», — писалъ Суворовъ Императору Францу и Эрцгерцогу Карлу.»

«Условленный срокъ для сдачи цитадели Тортонской положенъ былъ 31-го августа. Еще за три дня до истеченія перемирія, Суворовъ рѣшился уже идти въ Швейцарію.»

27-го Августа Суворовъ простился съ Итальянской арміей.

«Такъ кончились подвиги Суворова въ Италіи. Ровно пять мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ полководецъ нашъ на берегахъ Минчіо принялъ начальство надъ союзною арміею. Въ продолженіе этого времени постоянно оружіе Императорское торжествовало; три раза республиканскимъ арміямъ нанесены рѣшительныя пораженія на Аддѣ, на Треббіи, при Нови; всѣ укрѣпленные города и самыя сильныя крѣпости отворили союзникамъ ворота. Какъ искра элек-

Digitized by Google

трическая, пробѣжала слава Русскаго полководца по всему полуострову Апенинскому: народы мгновенно встрепенулись, сами низвергли иноземное владычество, и войска Французскія изгнаны изъ всей Италіи.»

«Но подвиги эти еще недостаточны были для славы Суворова. Онъ чувствовалъ, что могъ бы совершить гораздо болѣе, если бъ имѣлъ волю дѣйствовать по внушенію собственнаго генія. Къ несчастію, на немъ лежало тяжелое ярмо Вѣнской политики, всѣ замыслы его, всѣ предпріятія — были разстроены происками и кознями Австрійскаго министра. Какъ будто завидуя успѣхамъ Суворова, баронъ Тугутъ съ нетерпѣніемъ ждалъ удаленія Русскаго полководца, чтобы остаться въ Италіи исключительнымъ властелиномъ. Въ ослѣпленіи своемъ воображалъ онъ, что Австрія уже не имѣла болѣе надобности въ мечѣ Суворова. И вотъ начали гнать побѣдителя изъ страны, имъ завоеванной; не хотѣли ему дать ни довершить, ни упрочить своихъ завоеваній. «Выдавя изъ меня сокъ, нужный для Италіи, бросаютъ меня за Альпы», — говорилъ фельдмаршалъ въ минуты негодованія и скорби. Въ одномъ изъ писемъ къ графу Ростопчину писалъ онъ: «Уже съ недѣлю я въ горячкѣ, больше отъ яду Вѣнской политики.»

«Предстоявшій походъ въ Швейцарію въ позднее осеннее время, не предвѣщалъ ничего утѣшительнаго. Эрцгерцогъ Карлъ, нѣсколькими мѣсяцами бездѣйствія, далъ время непріятелю усилиться. Давно уже Суворовъ выражалъ свое негодованіе на это непостижимое бездѣйствіе знаменитаго Австрійскаго полководца: «Франціи свободны сюда руки», — писалъ онъ къ графу Ростопчину; — «Эрцгерцогъ ничѣмъ ее не занималъ, и близъ четверти года оставался въ *унтеркунфтѣ* подъ кровлею. — Даже не разъ жаловался Суворовъ самому Императору Павлу, что непріятель со всѣхъ сторонъ угрожалъ Италіи, по нималѣйшему содѣйствію Эрцгерцога Карла».

«Не скрывая отъ Императора ни своей скорби о прошедшемъ, ни своихъ опасеній о будущемъ, фельдмаршалъ откровенно высказалъ Государю свое мнѣніе о новомъ планѣ войны:

«Начало моихъ операцій будетъ должно зависѣть единственно отъ обстоятельствъ времени, назначеніе которому Вѣнскій Гофкригсратъ дѣлаетъ по старинному навыку къ таковымъ идеальнымъ политическимъ выметкамъ. Безпрерывныя, отъ того послѣдовавшія военныя неудачи, помрачавшія славу Австрійскаго оружія, не научили его еще по нынѣ той неоспоримой истинѣ, что отъ единаго иногда мгновенія разрѣшается жребій сраженія. Столь же мало послужило ему полезнымъ урокомъ и то, что быстрое, неослабное и безостановочное нанесеніе непріятелю ударъ за ударомъ, приводя его въ замѣшательство, лишаетъ его всѣхъ способовъ оправиться.... На

Digitized by Google

случай предбудущихъ операцій, гдѣ потребно будетъ единодушное содѣйствіе всѣхъ союзныхъ войскъ, не могу я сокрыть предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ того опасенія, чтобы Эрцгерцогъ Карлъ и генералъ Меласъ, порабощенные Гофкригсрату, неотозвались неимѣніемъ особеннаго на то повелѣнія. Столь же малаго успѣха предвѣщаю я пользѣ общаго дѣла отъ упоминаемыхъ въ томъ планѣ демонстрацій, когда Эрцгерцогъ сими безплодными демонстраціями обратитъ лишь всю непріятельскую силу на насъ. Наконецъ осмѣливаюсь я донести, что для вящаго успѣха сего знаменитаго дѣла, лучше содержать соединенныя войска, а не побочныя какія либо операціи, и что экспедиція моремъ на берега Прованса уподобляется Англійской неуспѣшной подъ Тулономъ»... Такъ писалъ Суворовъ Императору Павлу наканунѣ выступленія своего изъ Асти. Государь, уже недовольный въ то время образомъ дѣйствій Вѣнскаго Кабинета, принялъ горячо къ сердцу жалобы полководца, старался успокоивать его новыми знаками своего благоволенія и довѣренности. Высочайшіе рескрипты, полученные Суворовымъ предъ самымъ выступленіемъ изъ Италіи, были истиннымъ для него утѣшеніемъ, ободрили старика и влили въ душу его новую силу. Въ избыткѣ признательности Суворовъ написалъ Государю:

«Простите мнѣ всемилостивѣйше, что въ скорби сердца своего дерзнулъ я просить объ увольненіи меня отсюда въ благословенное отечество мое. Я привыкъ переносить съ презрѣніемъ обиды, лично мнѣ наносимыя; но когда наглостію и дерзновенностію союзнаго, облагодѣтельствованнаго Кабинета, оскорбдялись нѣкоторымъ образомъ слава и достоинство Монарха моего и побѣдоноснаго, мнѣ ввѣреннаго, его оружія—тогда долгомъ поставлялъ я уклониться въ мирное жилище. Нынѣ же повсюду, гдѣ угодно будетъ Всевышнему пресѣчь жизнь мою, посвящаю ее достославному служенію Вашему Императорскому Величеству.... Ощущая всю цѣну величія Монаршихъ милостей, поведу я теперь храброе Вашего Императорскаго Величества воинство въ Швейцарію, куда Высочайшая ваша воля путь мнѣ указуетъ, и тамо, на новомъ полѣ сраженія, поражу врага или умру со славою за отечество и Государя» (стр. 212—215).

Австрія обнаруживала болѣе и болѣе свои корыстныя намѣренія.

«Покровительство, которое Императоръ Павелъ оказывалъ государствамъ второстепеннымъ, не имѣвшимъ довольно самостоятельности для борьбы съ Франціею, ни для огражденія себя отъ замысловъ Австріи, часто разстроивало разсчеты Вѣнской политики. Съ тѣхъ поръ, какъ Курфирстъ Баварскій и Герцогъ Виртембергскій отдались подъ защиту Россійскаго Монарха, Вѣнскій Дворъ, скрѣпя сердце, вынужденъ былъ отказаться отъ всякихъ видовъ на пріобрѣтеніе въ

Digitized by Google

южной Германіи; зато надѣялся съ избыткомъ вознаградить себя въ Италіи. На этомъ основаніи были всѣ политическія отношенія Вѣнскаго Кабинета; здѣсь же заключается и настоящій корень неудовольствій его на Суворова» (стр. 224—225).

«На Италію Вѣнскій Кабинетъ смотрѣлъ не иначе, какъ на свое завоеваніе; а чтобы въ завоеванномъ краѣ распоряжаться по своему произволу, старался онъ вездѣ, гдѣ только было можно, устранить участіе русскихъ войскъ. Отсюда понятно, почему Вѣнскій Дворъ желалъ съ самаго начала отклонить корпусъ бывшій Ребиндера отъ перваго назначенія его въ помощь королю Неаполитанскому; почему такъ охотно изъявилъ свое согласіе на новый планъ войны, предложенный Англіею, и почему старался всѣми мѣрами удалить скорѣе Суворова изъ Италіи» (стр. 235).

«Императоръ Павелъ потребовалъ, чтобы Австрійское министерство, по крайней мѣрѣ, открыло, на какія именно выгоды разсчитываетъ при будущемъ мирѣ? «Я увижу изъ того,»—писалъ Императоръ графу Разумовскому,—«слѣдуетъ ли мнѣ продолжать войну съ Французами и стараться дать имъ иной образъ правленія, или же я долженъ обратить мое вниманіе на обезпеченіе всей Европы и самого себя отъ неограниченныхъ притязаній Дома Австрійскаго и стремленья его къ разширенію своихъ владѣній»....

«Вотъ до какой степени измѣнились уже отношенія между обоими Императорами. Такой перемѣнѣ много содѣйствовали жалобы Суворова. Еще въ первой половинѣ іюля, Русскій Монархъ самъ писалъ Императору Францу относительно распоряженій гофкригсрата. Вслѣдъ за тѣмъ дошли до Государя новыя жалобы на безпрерывныя обиды, наносимыя фельдмаршалу Вѣнскимъ Кабинетомъ; на происки и козни противъ него Австрійскихъ генераловъ; на пренебреженіе къ заслугамъ Русскихъ офицеровъ. Императоръ Павелъ не могъ простить такой неблагодарности со стороны Вѣнскаго Двора. Между тѣмъ посолъ нашъ въ Вѣнѣ графъ Разумовскій былъ постояннымъ защитникомъ барона Тугута и часто скрывалъ жалобы Суворова, изъ опасенія раздражать желчный нравъ Австрійскаго министра. Императоръ Павелъ, недовольный графомъ Разумовскимъ, выразилъ ему все свое негодованіе въ слѣдующемъ рескриптѣ:

«Имѣя въ виду поступки Вѣнскаго Двора въ послѣднее время, перемѣну тона его послѣ побѣдъ, одержанныхъ фельдмаршаломъ Суворовымъ, безконечныя интриги, препятствующія ходу военныхъ дѣйствій, наконецъ явныя стремленія къ завоеваніямъ и новымъ пріобрѣтеніямъ, я удивляюсь ослѣпленію этой державы, которая, бывъ уже разъ на краю гибели, по видимому, снова хочетъ ей подвергнуться. Не могу также надивиться тому, что двуличное, ко-

Digitized by Google

варное и всегда скрытное поведеніе барона Тугута постоянно получало одобреніе съ вашей стороны. Близкая ваша связь съ этимъ могучимъ министромъ и собственныя ваши способности къ достойному занятію ввѣреннаго вамъ поста, давали бы вамъ полную возможность, даже безъ большихъ усилій, предупредить многіе изъ вредныхъ поступковъ и мѣръ Вѣнскаго двора, имѣвшихъ послѣдствіемъ раздраженіе умовъ, посѣявшихъ повсюду раздоръ и обратившихся наконецъ въ пользу того правительства, котораго низверженіе необходимо для спокойствія рода человѣческаго. Что̀ значатъ поступки Австрійскихъ генераловъ и Вѣнскаго военнаго Совѣта, всегда противоположныя повелѣніямъ самаго Императора? Имѣетъ ли Вѣнскій Дворъ поводъ къ неудовольствію на фельдмаршала Суворова и на мои войска? Развѣ Русскіе офицеры, отличившіеся въ побѣдахъ при Лекко, на Треббіи, въ Туринѣ, сдѣлались недостойными тѣхъ знаковъ военнаго отличія, которые Вѣнскій Дворъ самъ, по собственному побужденію, намѣревался имъ раздать? зачѣмъ генералы Австрійскіе, состоящіе подъ начальствомъ графа Суворова, издаютъ отъ себя воззванія въ смыслѣ совершенно противоположномъ воззваніямъ начальника своего? Зачѣмъ противиться устроенію войскъ Короля Сардинскаго и дѣлать мнѣ намеки на то, что Австрійскій домъ будто уступаетъ Швейцарію, какъ свое завоеваніе? хочетъ ли Австрія одна бороться съ врагомъ, который отнялъ у нея Миланъ и Нидерланды, который поколебалъ и раззорилъ Италію и большую часть Германіи, который, подступивъ почти къ самымъ воротамъ Вѣны, нанесъ столь тяжкое оскорбленіе гордости Австрійскаго дома и принудилъ его подписать условія мира Кампоформійскаго?—Все это говорю вамъ для того, чтобы вы знали, что я много вижу и молчу. Я заключилъ союзъ съ Державами, которыя призвали Меня на помощь противъ нашего врага общаго; руководимый честью, Я поспѣшилъ на защиту человѣчества; я пожертвовалъ тысячами людей для общаго блага; но, рѣшившись низвергнуть настоящее правительство Французское, Я никакъ не намѣренъ терпѣть, чтобы какое-либо другое стало на его мѣсто, и въ свою очередь сдѣлалось ужасомъ для сосѣдственныхъ Государей, присвоивая себѣ владѣнія ихъ. Время ли теперь помышлять о новыхъ пріобрѣтеніяхъ, когда и прежнія владѣнія еще не совсѣмъ прочны? Потери конечно должны быть вознаграждены:—того требуетъ справедливость; равновѣсіе Европейское, переворотомъ во Франціи, должно быть востановлено; однакоже не иначе, какъ по общему соглашенію, посредствомъ *конгресса*, на которомъ каждая Держава могла бы предъявить свои права. Что-же касается до Меня, то Я желаю лишь общаго блага и не допущу злыхъ

Digitized by Google

намѣреній со стороны другихъ. Я желалъ бы также, чтобы Вы, при каждомъ сношеніи вашемъ съ барономъ Тугутомъ помнили, что вы—Русскій и посланникъ Мой въ Вѣнѣ по Моимъ дѣламъ....» (с. 241—244).

4-го сентября Императоръ Павелъ написалъ Суворову:

«Полагая, что Вѣнскій Дворъ, вмѣсто прекращенія своихъ каверзовъ и сплетенъ, приумножитъ еще оныя по мѣрѣ успѣховъ оружія, вамъ подвластнаго, предварительно увѣдомляю васъ, что тогда Я рѣшусь, занявъ Швейцарію и сносясь единственно съ Англіею, коей обязанъ по взаимности откровенностію, дѣйствовать независимо совсѣмъ отъ Австріи противъ Французовъ, и помышлять объ укрощеніи ея поглощающихъ замысловъ.»

«По порученію Императора Павла, графъ Ростопчинъ увѣдомилъ Суворова о видахъ и намѣреніяхъ Государя, старался успокоить фельдмаршала, уговаривалъ его пренебрегать кознями и несправедливостями Австрійцевъ:

«Государь намѣренъ спасти Европу, все равно отъ Французовъ, или отъ Цезарцевъ. Еслибы Государь оставилъ теперь союзныя Державы, то Австрія принужденною себя найдетъ заключить сепаратный миръ, на который Франція охотно согласится и оставитъ ей волю забрать въ Италіи все, что она заблагоразсудитъ, за тѣмъ чтобы чрезъ нѣсколько лѣтъ опять начать свои завоеванія—и въ то время ничто не спасетъ Австрійскую Монархію, Италію и Нѣмецкую землю отъ неизбѣжной ихъ погибели.... «Но если возстановленъ будетъ престолъ царей во Франціи, тогда Европа будетъ спасена, и спасена безкорыстіемъ и твердостію Россійскаго Императора и великими дѣлами князя Италійскаго....» (с. 253).

«Государь видѣлъ опасность, которой подвергался Римскій-Корсаковъ въ Швейцаріи: 24-тысячный Русскій корпусъ, не смотря на содѣйствіе 20 тысячъ Австрійцевъ, не въ силахъ былъ держаться противъ 70-тысячной арміи непріятельской. Однакожъ Эрцгерцогъ, исполняя повелѣнія Вѣнскаго Двора, настаивалъ еще, чтобы и послѣднія войска Австрійскія, оставленныя имъ въ Швейцаріи, подъ начальствомъ Готца, были выведены оттуда, немедленно по прибытіи самаго Суворова. Напрасно фельдмаршалъ доказывалъ всю несообразность такого требованія; напрасно напоминалъ, что придетъ въ Швейцарію только съ 16-ю тысячьми Русскихъ, и слѣдовательно, даже по соединеніи съ Римскимъ-Корсаковымъ, будетъ имѣть всего 40,000 войска. Вѣнскій Дворъ не внималъ представленіямъ полководца, какъ будто только и желая погубить его со всѣмъ Русскимъ войскомъ» (стр. 261).

«Императоръ Павелъ, какъ бы предчувствуя печальную судьбу, ожидавшую Русскія войска въ Швейцаріи, заботливо обдумывалъ

Digitized by Google

мѣры на разные возможные случаи. «Жду съ нетерпѣніемъ прихода вашего въ Швейдарію,—писалъ Государь въ одномъ изъ рескриптовъ своихъ къ Суворову,—и заранѣе жалѣю о рудахъ, кои вы въ семъ походѣ понесете; но мы все дѣлаемъ изъ чести и славы; по несчастію, на твердой землѣ никто нашему примѣру не слѣдуетъ» (с. 262).

«И Павелъ объявилъ фельдмаршалу виды свои на разные могущіе произойдти случаи:

«Если Вѣнскій Дворъ дальнѣйшими своими поступками принудитъ окончательно разорвать съ нимъ всякія связи, тогда— продолжать войну противъ Франціи отдѣльно отъ Австріи, съ помощію Англіи, Баваріи и тѣхъ изъ Германскихъ владѣтелей, которые въ слѣдствіе декларація объявятъ желаніе содѣйствовать Русскому Монарху. «Еслижъ Австрія заключила бы потаенный и особенный миръ съ Франціею,—писалъ Императоръ,—тогда должно будетъ заняться *возвращеніемъ вашимъ съ войсками въ Россію*, сохраняя ихъ въ цѣлости, и по приходѣ принять мѣры для возбраненія и уничтоженія всякаго рода покушеній непріятельскихъ противъ владѣній Моихъ»... Государь уже обдумывалъ мѣры къ защитѣ собственной Имперіи, и предполагалъ, по возвращеніи Суворова, поручить въ полное распоряженіе его всѣ войска, расположенныя на западной границѣ Россіи:

«Желаю весьма, чтобы до сего дѣло не дошло; но какъ я по наивренъ за честь и безкорыстіе Мое быть заплаченъ обманомъ, а можетъ быть и измѣною, то и готовлю себя на все, занимаясь тѣмъ, что можетъ сохранить невредимо въ цѣлости Имперію, отъ Всевышняго Мнѣ дарованную»....

«И такъ напрасно иностранные писатели приписываютъ разрывъ союза Императору Павлу. Представленная переписка показываетъ, какъ долго скоплялись поводы къ этому разрыву. Терпѣніе Императора Павла было подвергаемо такимъ испытаніямъ, которыя трудно было выдержать и характеру самому хладнокровному. Сколько усилій было употреблено Россійскимъ Монархомъ, чтобы отдалить разрывъ! Но всѣ убѣжденія, всѣ требованья, всѣ угрозы— оставались безъ дѣйствія на упрямаго министра Австрійскаго».

«Тяжко было Государю отказаться отъ лучшихъ своихъ надеждъ, отъ высокихъ Своихъ цѣлей, отъ плодовъ прежнихъ успѣховъ Своихъ. «Сокрушаюсь сердцемъ обо всѣхъ происшествіяхъ, ниспровергающихъ мѣры наши къ спасенію Европы,»—писалъ Государь въ одномъ изъ Своихъ рескриптовъ Суворову;—«но утѣшаюсь тѣмъ, что во всѣхъ случаяхъ останусь безъ упрека, имѣя свидѣтелями дѣлъ и мыслей Моихъ Бога и людей. Увѣренъ вмѣстѣ съ вами, что успѣхи Французовъ противъ Цесарцевъ начнутся съ отбытіемъ вашимъ въ Швейцарію; но на кого же пѣнять»?... (с. 264—266.)

Digitized by Google

Надѣемся, что читатели наши не посѣтуютъ на длинное наше извлеченіе.

Въ заключеніе пожалѣемъ, что документы напечатаны порознь, смотря по тому, какъ ихъ требовало содержаніе, вслѣдствіе чего часто взаимно прерываются.

Намъ кажется, что въ настоящемъ положеніи Исторіи, гораздо сообразнѣе было бы съ цѣлію, еслибъ каждый родъ документовъ былъ напечатанъ особо: тогда гораздо легче представилось бы читателю ихъ обозрѣніе, и онъ составилъ бы себѣ ясное понятіе о всѣхъ дѣйствіяхъ, и автору оставалось бы только ссылаться на страницы. Мы желали бы видѣть такимъ образомъ:

1. Всю дипломатическую переписку Императора Павла, по предмету войны.
2. Всѣ рескрипты его Суворову.
3. Всѣ донесенія Суворова Императору Павлу.
4. — ——— ——— Императору Францу.
5. Предписанія И. Франца Суворову и отношенія гофкригсрат.
6. Всѣ диспозиціи Суворова и журналъ военныхъ дѣйствій.
7. Всѣ диспозиціи непріятеля и журналъ военныхъ его дѣйствій.

(Уютно напечатанные всѣ эти документы не превысили бы величину настоящихъ томовъ. Искусство печатанія книгъ въ этомъ отношеніи у насъ еще неизвѣстно).

Напрасно авторъ прерываетъ иногда повѣствованіе разсужденіями, устраненіями противныхъ мнѣній, указаніями прежнихъ ошибокъ. Потокъ повѣствованія долженъ течь не задерживаясь никакими препонами, т. е. вставками, что не наблюдаютъ часто наши историки. Разсужденія, опроверженія, исправленія, имѣютъ мѣсто или въ примѣчаніяхъ, или въ особыхъ пояснительныхъ и дополнительныхъ главахъ, смотря по плану автора.

Читателю, особенно не военному, надо облегчить какъ можно болѣе обозрѣніе событій: намъ хочется въ краткихъ очеркахъ видѣть, напримѣръ, какія силы были у Суворова, какія препятствія ему предлежали, выгоды и невыгоды его положенія, что имѣлъ онъ противъ себя, какую ставилъ когда себѣ цѣль, какими средствами достигнулъ ея; въ чемъ именно состояло его въ данномъ случаѣ искусство и достоинство; чѣмъ помогъ ему случай или ошибки противника. Вѣроятно, впрочемъ, мы найдемъ все это въ обѣщанныхъ главахъ.

Книга издана прекрасно, и продается по такой *необыкновенно дешевой цѣнѣ*, что должна непремѣнно сдѣлаться собственностію всякаго образованнаго русскаго человѣка. м. п.

Digitized by Google

ЖУРНАЛИСТИКА.

Современникъ, *№* XII-й 1852. *№* I-й 1853 г.

Объ отдѣлѣ словесности декабрской книжки Современника намъ покуда сказать нечего. Здѣсь помѣщенъ *Алексѣй Однорогъ*, историческій романъ г. Николая М. (автора *Ульяны Терентьевны и Якова Яковлевича*): объ этомъ романѣ мы выскажемъ наше мнѣніе тогда, когда онъ будетъ оконченъ. Кромѣ того помѣщено здѣсь окончаніе *Снобсовъ* Теккерея, которые будутъ у насъ разсмотрѣны въ отдѣлѣ иностранной литературы, и послѣдняя пѣснь *Энеиды*....

Въ »Наукахъ« помѣщена четвертая и послѣдняя статья прекраснаго курса о Японіи г. Корша, и презанимательный статистическій очеркъ г. Хрущева — *Благотворительныя заведенія въ Лондонѣ*.

Библіографія начинается реценэіею на XIV книжку *Временника Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ*. Въ этой статейкѣ бросилось намъ въ глаза слѣдующее противорѣчіе въ отзывѣ объ изслѣдованіи г. Бѣляева: »Князь Рюрикъ съ братьями и дружиною.« Замѣчая, что г. Бѣляевъ основываетъ большую часть своего изслѣдованія на скандинавскихъ сагахъ, на которыя до сихъ поръ у насъ не обращали должнаго вниманія (?) рецензентъ, говоритъ, что статья г. Бѣляева не лишена »*до нѣкоторой степени интереса* и далеко не безполезна въ нашей истор. литературѣ.« Человѣкъ приноситъ новые матеріалы для фундамента зданія Русской Исторіи, матеріалы, которые были на виду у всѣхъ, но за которые никто не рѣшался или не догадывался взяться, а вамъ это *интересно только до нѣкоторой степени*. Что же васъ интересуетъ? Религіозное значеніе избы древняго славянина? Вы говорите, что изслѣдованіе скандинавскихъ сагъ *далеко* не безполезно. Что же полезно *положительно*, по вашему? Ни изслѣдованія ли о зооморфическихъ божествахъ, изслѣдованія, которыя должны пояснить міросозерцаніе древнихъ Славянъ и объяснить весь ходъ развитія ихъ исторіи?

Статейка подъ заглавіемъ: *Письма пустаго человѣка въ провинцію о Петербургской жизни*, помѣщенная въ смѣси, относится къ роду статей, лишенныхъ всякаго содержанія, но нельзя не обратить вниманія на легкость и живость, и даже граціозность, съ какой она написана.

Digitized by Google

Нельзя не поблагодарить редакцію Современника за новый отдѣлъ, который она ввела въ свой журналъ съ нынѣшняго нумера — за письма *Иногороднаго Подписчика объ Англійской журналистикѣ и литературѣ*. Вѣрно всѣ съ нами согласятся, что рѣшившись писать объ англійской литературѣ, Иногородный Подписчикъ берется наконецъ совершенно за свое дѣло. Всѣмъ читающимъ русскіе журналы извѣстно, что Иногородный Подписчикъ знаетъ превосходно англійскую литературу, но это само по себѣ похвальное качество несказанно вредило интересу его писемъ о русской *журналистикѣ*. Англія и ея литература — спеціальность Иногороднаго Подписчика: ту и другую онъ любитъ до страсти, но у кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. По этому Иногородный Подписчикъ въ своихъ письмахъ о русской журналистикѣ кстати и не кстати (послѣднее чаще) говорилъ объ англійскихъ писателяхъ и то и дѣло ихъ цитовалъ. Такая англоманія дѣйствовала подъ часъ очень непріятно на читателя, отнимая у писемъ Иногороднаго Подписчика цѣльность и ровность изложенія. Но теперь почтенный англоманъ нашелъ себѣ прямое средство говорить сколько ему угодно объ англійской литературѣ. Первое письмо его объ англійской литературѣ и журналистикѣ очень интересно; изъ него можно многое узнать и многому научиться. Ежели авторъ будетъ постоянно писать такія письма въ редакцію Современника, то мы поздравимъ нашу публику съ очень радостной вѣстью: у нея наконецъ будетъ, такъ сказать, подъ рукою средство почерпать свѣдѣнія объ Англіи и ея литературѣ — о предметахъ, которые для насъ до сихъ поръ terra incognita....

Не можемъ не посовѣтовать Иногородному Подписчику, чтобъ онъ обращалъ поболѣе вниманія на отдѣлку языка своихъ писемъ и поменьше употреблялъ иностранныхъ словъ. Къ чему, напримѣръ, въ нынѣшнемъ письмѣ своемъ употребилъ онъ слово *авантюрьеръ*? Когда мнѣ случается встрѣтить въ русской статьѣ новое иностранное слово, безо всякой нужды введенное, мнѣ приходятъ на память тѣ дамы изъ комедіи Грибоѣдова, которыя такъ наивно спрашивали у Чацкаго: какъ перевести Madame и Mademoiselle?

Переходимъ къ Новому Поэту, съ которымъ считаемъ за нужное на этотъ разъ посчитаться.

»Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ«,

сказано въ сводѣ русской практической мудрости, и сказано очень справедливо, хотя и просто. Тотъ же самый человѣкъ, который

Digitized by Google

является такимъ ловкимъ, бодрымъ, догадливымъ и проницательнымъ, дѣйствуя въ свойственной ему сферѣ, дѣлается мешковатымъ, неловкимъ, вялымъ и непонятливымъ, когда берется не за свое дѣло. Такое проникновеніе въ чужую сферу иногда такъ дурно дѣйствуетъ на человѣка, что онъ измѣняется характеромъ, изъ человѣка мягкаго дѣлается рѣзкимъ, изъ твердаго слабымъ, изъ справедливаго пристрастнымъ, и т. д. Нѣчто подобное, разумѣется, на меньшемъ масштабѣ, дѣлается и съ литераторомъ, когда онъ пускается въ такую дѣятельность, къ которой не призванъ. Это очень часто случается съ критиками, которые, не соразмѣривъ свои силы, берутся судить о такихъ произведеніяхъ, родъ которыхъ они не изучили достаточно. Это бываетъ сплошь да рядомъ съ нашими фельетонистами. Это подъ часъ случается и съ Новымъ Поэтомъ — однимъ изъ самыхъ даровитыхъ нашихъ фельетонистовъ. Такъ, напримѣръ, въ началѣ нынѣшняго года ему вдругъ вздумалось судить о *Римѣ* Гоголя. Онъ выписалъ много самыхъ прекрасныхъ, поэтическихъ мѣстъ изъ этой высокохудожественной поэмы, и назвавъ ихъ вычурными, осмѣлился перепечатать ихъ курсивомъ, въ знакъ того, что они плохи. Въ слѣдъ за тѣмъ объявилъ, что онъ не понимаетъ, къ чему Гоголь вывелъ албанку Аннунціату. Подобные промахи случаются съ Новымъ Поэтомъ всегда, когда онъ берется не за свое дѣло. Когда онъ беретъ на себя задачу по силамъ, имъ нельзя довольно нахвалиться. Такъ въ одномъ изъ предыдущихъ нумеровъ Современника онъ помѣстилъ статью о русскихъ фельетонистахъ. Статья вышла прекрасная, потому что Новый Поэтъ высоко стоялъ надъ своимъ предметомъ, парилъ надъ нимъ, или, какъ это говорится, онъ владѣлъ предметомъ, а не предметъ имъ. Совсѣмъ другое выходитъ, когда Новый Поэтъ берется разсуждать о стихахъ. По всему видно, что онъ не большой знатокъ ихъ; да это бы еще не бѣда, но бѣда въ томъ, что онъ никакъ не можетъ принять къ свѣдѣнію, что нельзя быть знатокомъ стиха и судить о стихахъ, не изучивши ихъ техники, не запасшись наблюденіями надъ механизмомъ высокихъ мастеровъ стиха. Искусство стихотворства такое же искусство, какъ музыка, скульптура и всѣ искусства, которыхъ совершенное пониманіе дается только трудомъ и изученіемъ.

Что Новый Поэтъ не любитель и не знатокъ стиховъ, это видно отчасти уже и изъ того, съ какимъ равнодушіемъ встрѣтилъ онъ столько прекрасныхъ поэтическихъ дарованій, появившихся въ послѣднее время, и изъ того ожесточенія, съ какимъ онъ преслѣдовалъ

Digitized by Google

стихотворство вообще. Намъ возразятъ, что Новый Поэтъ потому такъ преслѣдовалъ поэзію, что у него слишкомъ тонкое эстетическое чувство, что онъ слишкомъ прихотливъ и разборчивъ на стихи, и что онъ можетъ только восхищаться великими образцами. Излишняя строгость къ произведеніямъ искусства и способность восхищаться *только* одними великими образцами скорѣе есть признакъ отсутствія тонкаго эстетическаго чувства, чѣмъ присутствія его. Великіе образцы искусства не слишкомъ трудно понимать: почти всѣ ихъ красоты изчислены, пояснены и доказаны критикой. Потому судящій ихъ и восхищающійся ими часто судитъ о нихъ не отъ себя и восхищается ими непосредственно, не искренне, а по рецепту, по принципу. Но восторгаться произведеніями второстепеннаго художника, еще не оцѣненнаго и не признаваемаго, могутъ только души свѣжія, чувствующія не по книгамъ, а такъ.... Пушкинъ былъ великій знатокъ стиха, не правда ли? Но посмотрите, какъ онъ восхищался Языковымъ, надъ которымъ такъ трунили наши силлогисты критики, не смотря на всѣ удивленія, которыя высказывалъ Жуковскій къ стиху автора »*Землетрясенія*.«

Всѣ эти соображенія пришли намъ въ голову, когда мы прочли странный фельетонъ - фарсъ, который написалъ Новый Поэтъ по поводу появленія оды графини Ростопчиной къ поэзіи. Фельетонъ этотъ не отличается большимъ приличіемъ... Во-первыхъ, какъ-то непріятно видѣть, что почтенный Новый Поэтъ пускается на этотъ разъ въ какую-то шумную, натянутую и заказную веселость, веселость, напоминающую библіографическій отдѣлъ Библіотеки для Чтенія. Во-вторыхъ, мнѣ кажется неприличнымъ тонъ, съ какимъ говоритъ Новый Поэтъ о графинѣ Ростопчиной. А надо замѣтить, что въ такомъ тонѣ онъ всегда говоритъ о ней. Кажется, слѣдовало бы относиться съ большимъ уваженіемъ къ той, кому писалъ Лермонтовъ:

Я вѣрю, подъ одной звѣздою
Мы съ вами были рождены....

Лермонтовъ вѣдь былъ по таланту, человѣкъ очень очень замѣчательный, по крайней мѣрѣ, онъ былъ не меньше замѣчателенъ, чѣмъ Новый Поэтъ... Но обратимся къ разбираемому нами фельетону. Всѣмъ извѣстно, что наше время самое неблагопріятное для поэзіи, до того неблагопріятное, что теперь не существуетъ ни одного великаго поэта. Графинѣ Ростопчиной, воспитанной на Жуковскомъ и Пушкинѣ, писавшей въ одно время съ Лермонтовымъ, разумѣется, непріятно видѣть такой неурожай въ поэзіи и досадно смотрѣть на торжество

Digitized by Google

натуральной школы. Очень естественно, что эти чувства она выразила стихами. Это показалось очень смѣшнымъ Новому Поэту. Вотъ что онъ говоритъ между прочимъ по этому случаю:

»Лира настроена. Внимайте ея бряцанію.

Тебѣ, развѣнчанной богинѣ,
Тебѣ поклонъ мой и привѣтъ, —
Поэзія.... *кому ужъ нынѣ*
Презрительно смѣется свѣтъ!

Торжествующая богиня поэзіи, *кому ужъ нынѣ* презрительно смѣется свѣтъ, съ умиленіемъ взираетъ на своего краснорѣчиваго защитника: она рукоплещетъ этимъ гармоническимъ стихамъ, и, обращаясь къ дѣтямъ прозы, къ бѣднымъ сынамъ земли, повторяетъ: »берегитесь! берегитесь!«

Какъ это остроумно!

Графиня Ростопчина говоритъ:

.... Молодое поколѣнье,
Не признавая вдохновенья,
Пошло дорогою иной.

Новый Поэтъ восклицаетъ:

»Какою же это дорогою пошло молодое поколѣніе, не признающее »вдохновенья? Это любопытно!« Извольте, мы удовлетворимъ вашему любопытству. Новое поколѣніе пошло совершенно другой дорогой, чѣмъ, напр. Шиллеръ, Пушкинъ, Жуковскій, Гоголь, Лермонтовъ и другіе великіе представители лучшей духовной стороны человѣка. Новое поколѣніе разсталось съ идеалами, потеряло въ нихъ вѣру, перестало искать осуществленія ихъ въ жизни, и потому его поэзія (если только можно назвать поэзіей болѣзненныя, безжизненныя, апатическія произведенія натуральной школы) не идеальная, а реальная, и проникнута индиферентизмомъ къ добру и злу.

Новому Поэту кажется страннымъ, что графиня Ростопчина жалуется на паденіе языка и слога въ произведеніяхъ современной литературы. Справедливость этой жалобы очевидна. Кто не видитъ этого хаоса, который существуетъ въ языкѣ натуральной школы. Любопытно, какія именно мѣста въ »одѣ къ поэзіи« кажутся смѣшными и не поэтическими Новому Поэту. Смотрите сами, какія выраженія онъ подчеркиваетъ. Поэтъ говоритъ:

Пусть храмъ твой *смертными* покинутъ,
Пусть твой треножникъ опрокинутъ;

Digitized by Google

Но *старовѣркой прежних* дней
Тебя, въ *восторгѣ убѣжденій*,
О мать высокихъ пѣснопѣній,
Я пѣснью *чествую* своей!

Ему страннымъ кажется слово *старовѣрка*. Вѣроятно ему кажется страннымъ и слово Чацкаго: »*пускай меня отъявятъ старовѣромъ*!« А слово *чествую* онъ, вѣрно, слышитъ въ первый разъ.... Но приведемъ еще нѣсколько примѣровъ его подчеркиванья:

Тебя (поэзію), кормилицу родную
Своихъ младенческихъ годовъ,
Отринулъ, какъ игру пустую,
Въ къ положительныхъ умовъ....
Ты отжила, ты устарѣла,
Свои всѣ пѣсни ты отпѣла —
Твердятъ они, *махнувъ рукой*, —
И *молодое поколѣнье*,
Не признавая вдохновенья,
Пошло дорогою иной....
. . . . . .
Языкъ и слогъ для ихъ творенiй
Самоуправныхъ не *нужны!*
. . . . . .
Поднявши знамя пользы мнимой,
Они, съ гордыней нестерпимой«, и проч.

Замѣчательно, что даже слово: »*поднявши*« не нравится Новому Поэту. C'est trop fort! Кажется, ему хочется, чтобъ въ стихахъ совсѣмъ не употребляли дѣепричастія.

Изъ системы, которой руководствуется Новый Поэтъ при подчеркиванiи выраженій въ стихотвореніяхъ вообще и въ стихотвореніяхъ графини Ростопчиной въ особенности, мы догадываемся, что онъ считаетъ всѣ эти выраженія прозаическими и даже тривіальными. Это происходитъ отъ односторонняго взгляда на поэзію. Подъ поэзіей онъ разумѣетъ только одно торжественное, произносимое »напряженнымъ голосомъ.« Онъ до того противуполагаетъ ее прозѣ, что думаетъ, что она не должна »и словечка въ простотѣ сказать.« Но вотъ вамъ одно изъ самыхъ поэтическихъ произведеній самаго идеальнаго поэта. Читайте *и шокируйтесь* прозаическими и тривіальными выраженіями, которыя мы подчеркиваемъ по методѣ Новаго Поэта:

Digitized by Google

An den Frühling.

Willkommen, schöner Jüngling!
Du Wonne der Natur!
Mit deinem Blumen*körbchen*
Willkommen auf der Flur.

Ei! Ei! Da bist du wieder!
Und bist so lieb und schön!
Und freu'n wir uns so herzlich,
Entgegen dir zu gehn.

Denkst auch noch an mein Mädchen?
Ei Lieber! denke doch!
Dort liebte mich das Mädchen
Und's Mädchen liebt mich noch.

Für's Mädchen manches *Blümchen*
Erbat ich mir von dir —
Jch komm und bitte wieder,
Und du? — du giebst es mir.

Willkommen, schöner Jüngling!
Du Wonne der Natur!
Mit deinem *Blumenkörbchen*
Willkommen auf der Flur!

Но, можетъ быть, Новый Поэтъ скажетъ, что Шиллеръ былъ Нѣмецъ, не любилъ свѣта, не зналъ тонкаго обращенія, словомъ, былъ человѣкъ дурнаго тона и потому позволялъ себѣ неприличныя выраженія. Но вотъ предсмертное стихотвореніе Андре Шенье. Андре Шенье былъ человѣкъ очень хорошаго тону: прекрасно говорилъ по-французски, носилъ тонкое бѣлье и вообще одѣвался съ большимъ вкусомъ.... Но вотъ его стихотвореніе, исполненное тривіальностей, подчеркнутыхъ нами. Взгляните и судите!

Quand au mouton bélant la sombre boucherie
Ouvre ses cavernes de mort
Pauvres chiens et moutons de toute la bergerie
Ne s'informe plus de son sort.
Les enfants qui suivaient ses ébats dans la plaine,
Les vierges aux belles couleurs
Qui le baisaient en foule, et sur sa blanche laine
Entrelaçaient rubans et fleurs,
Sans plus penser à lui *le mangent s'ils est tendre*

. . . . . .

Этимъ мы кончаемъ счеты съ прошлогоднимъ Современникомъ. Перейдемъ теперь къ январьской книжкѣ Современника 1853 года.

Digitized by Google

Въ 1-мъ нумерѣ Современника помѣщено *семь* стихотвореній! каково?! журналъ, такъ безпощадно преслѣдовавшій стихотворное искусство, начинаетъ новый годъ семью стихотвореніями, изъ которыхъ три совсѣмъ не слѣдовало бы печатать. Откуда взялась вдругъ у Современника такая сильная любовь къ поэзіи? неужели Современникъ въ самомъ дѣлѣ почувствовалъ къ ней нѣжность? Едва ли. Но кажется, дѣло въ томъ, что онъ замѣтилъ, что въ новѣйшей критикѣ есть къ ней расположеніе, и что въ публикѣ, которой стала надоѣдать натуральная школа, начинаетъ пробуждаться любовь къ *развѣнчанной богинѣ*. Но каковы бы ни были скрытыя чувства Современника, все-таки мы ему благодарны за букетъ стиховъ, предложенный имъ публикѣ: въ этомъ букетѣ есть два такіе цвѣтка, которыми нельзя довольно налюбоваться. Мы говоримъ о стихотвореніи Байрона: *To mistress Augusta Leigh*, и стихотвореніи г. Майкова *Разлука*. Стихами Байрона начинается книжка.... Дай Богъ всякому журналу такъ счастливо встрѣтить новый годъ. Мы выписываемъ это стихотвореніе, ибо взяли за правило — перепечатывать всякое замѣчательное стихотвореніе, принадлежащее которому-нибудь изъ великихъ европейскихъ поэтовъ, напечатанное въ журналѣ, который разбираемъ, разумѣется, если оно не будетъ слишкомъ велико по объему. Это мы намѣрены дѣлать потому, что переводъ изъ произведеній какого-нибудь великаго западнаго поэта у насъ рѣдкость, а публика наша такъ мало знакома съ поэзіей запада. Замѣчательно, что то западное, что̀ не стоитъ никакого вниманія, у насъ въ большомъ ходу, а съ тѣмъ, что̀ тамъ было истинно прекраснаго, мы почти совсѣмъ не знакомы. Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ вкусъ нашей публики!... Мы не упрекаемъ ее въ томъ, что она мало знакома съ Гете, знаетъ Шиллера только по драматическимъ его сочиненіямъ, а Байрона только по эпиграфамъ, которыя изъ него такъ часто берутся, и не имѣетъ никакого понятія о Муръ. Не упрекаемъ ее потому, что у насъ какъ-то еще не ввелось въ обыкновенье читать англійскихъ писателей, а нѣмецкіе рѣшительно считаются негодными для такаго употребленія. Но вѣдь всѣмъ извѣстно, какъ у насъ распространено знаніе французскаго языка, и какъ много у насъ читаютъ по-французски. Но вспомните, какого рода произведенія у насъ читаютъ по-французски! — больше всего романы (и то по большей части самые пустые). Ежели вздумаютъ читать стихи, то непремѣнно хватаются за ложный родъ поэзіи — за стихи Ламартина, Виктора Гюго; очень не многіе удостоиваютъ вниманія Понсара или г-жу Жирарденъ.

Digitized by Google

Съ произведеніями же Альфреда де-Мюсе или Альфреда де-Виньи знакомы только самые высокіе умы. Но какъ мало знаютъ у насъ Андре Шенье, Лабрюера, Мольера, Буало!.... Ежели вамъ и случится видѣть на Руси человѣка, знакомаго съ этими писателями, то вѣрно онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые совсѣмъ ничего не читаютъ по-русски. Вотъ почему намъ хочется, чтобъ переводы изъ западныхъ поэтовъ, такъ рѣдко появляющіеся въ нашихъ журналахъ, пріобрѣтали какъ можно больше гласности, чтобъ публика, хоть сколько можно, знакомилась съ образцами западной поэзіи.... Но вотъ стихотвореніе Байрона, по поводу котораго мы теперь говорили.

Хоть минули и счастье и слава
И звѣзда закатилась моя,
Ты одна не взяла себѣ права
Поносить и тревожить меня.
Ты одна не шатнулась душею,
Въ нѣжномъ сердцѣ твоей братъ не упалъ,
И любовь, столь цѣнимую мною,
Я въ одной лишь тебѣ отыскалъ.
Пусть же шлетъ, улыбаясь привѣтно,
Мать природа свои мнѣ дары:
Я отдался ей весь безотвѣтно,
Вспоминая улыбку сестры;
И пускай на сраженье съ волнами
Буйный вѣтеръ по небу летитъ,
Я скорблю лишь о томъ, что межъ нами
Океанъ необъятный лежитъ.
Пусть послѣдній мой якорь сорвался,
Пусть изчезъ онъ средь мутныхъ зыбей,
Пусть повсюду злой недругъ ворвался,
Не согнусь предъ судьбою своей.
Пусть клевещутъ безстыдные люди,
Помогая жестокой судьбѣ —
Не пробить имъ закованной груди:
Ей защитой — мечта о тебѣ.
Изъ людей ты одна мнѣ не льстила,
Между женщинъ осталась вѣрна;
Ты въ разлукѣ меня не забыла,
Клеветамъ не внимала одна.

Digitized by Google

Не стремилась за общимъ потокомъ,
Не слабѣла горячей душой,
За любовь не платила упрекомъ,
За добро не платила враждой.
Я усталъ; но людей не кляну я
И себя не зову ихъ врагомъ,
Пусть ихъ рвутся, свирѣпо ликуя,
На войну съ одинокимъ бойцемъ.
Я могу ли карать ихъ презрѣньемъ?
Бой не ровный мнѣ очи открылъ.
Мнѣ отрадны борьба и гоненья:
Черезъ нихъ я тебя оцѣнилъ.
Средь обломковъ и дикой пустыни
Я безъ страха и гордо стою:
Не отбить имъ послѣдней святыни:
Не утрачу любовь я твою.
И пустыни той видъ не печаленъ,
И обломки тѣ дороги мнѣ,
И блеститъ изъ подъ груды развалинъ
Бриліантъ невредимой въ огнѣ. **Л.**

Что сказать объ этомъ произведеніи?! Какъ хвалить его, какъ передать тѣ чувства, которыя обхватываютъ душу, когда вы читаете и перечитываете его?! Жанъ Поль Рихтеръ сказалъ, что въ лирической поэзіи *поэтъ является собственнымъ произведеніемъ, — живописецъ собственною картиною.* Этими словами какъ нельзя лучше можно охарактеризовать поэзію Байрона. Когда вы читаете его произведеніе, вамъ больше всего бросается въ глаза его собственная личность. Большая часть его стихотвореній есть ни что иное, какъ изображенія самого лорда Байрона съ различныхъ его сторонъ и въ различныхъ жизненныхъ отношеніяхъ и столкновеніяхъ. Въ нихъ васъ больше всего поражаетъ величіе и сила натуры поэта. Видишь передъ собой атлета нравственной силы и могущества, — человѣка, не сробѣвшаго и не преклонившагося ни передъ какими обстоятельствами, не искавшаго ничьей помощи и всегда опиравшагося только на самого себя.

Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ!
Твой образъ былъ на немъ означенъ,
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ,

Digitized by Google

Какъ ты *могучь*, глубокъ и мраченъ.
Какъ ты ни чьмъ не укротимъ.

Наполеонъ и Байронъ безспорно величайшія личности нашего вѣка, и Пушкинъ имѣлъ полное право сказать, что послѣ ихъ смерти »*міръ опустѣлъ*.« Въ нихъ такъ все велико, что даже нельзя смотрѣть съ негодованіемъ на ихъ пороки, невольно удивляешься имъ и даже восторгаешься. Увлекаются же и восторгаются картиной пожара, кораблекрушенія и землетрясенія. (Мы здѣсь прибѣгаемъ къ извѣстному поэтическому сравненію Ламартина, употребленнаго имъ *въ одѣ* къ Байрону). Въ Байронѣ, напримѣръ, мы не можемъ видѣть безъ изумленья эту независимость духа, готовую стряхнуть съ себя всѣ житейскія отношенія, всѣ привязанности для того, чтобъ остаться нравственно свободнымъ, не подчиниться толпѣ. Такого рода свойство души Байрона представляетъ необыкновенно богатое содержаніе *для лирической* поэзіи, въ которой, по словамъ Жанъ-Поля, должна отражаться личность самого поэта.

Стихотвореніе, которое мы здѣсь выписали, изображаетъ высокопоэтическую минуту жизни Байрона. Гордость и презрѣніе великаго поэта къ всему окружающему здѣсь высказалось во всемъ своемъ ужасающемъ величіи; рядомъ съ этимъ чувствомъ выставлено другое— нѣжность въ любви, доходящая до болѣзненности.

Вотъ стихотвореніе г. Майкова.

РАЗМѢНЪ.

Нѣтъ, полно, Нина! ты живешь не для себя!
Теперь твоихъ нѣтъ у тебя желаній,
Нѣтъ радости сердечной у тебя,
Твоихъ нѣтъ слезъ, твоихъ нѣтъ упованій!
Ты все ему, — все отдала ему!
Онъ, бѣдный, чахъ душою безнадежной;
Не вѣрилъ онъ, послушный лишь уму,
Въ возможность счастія, въ возможность страсти нѣжной.
Онъ все — мою любовь, мой чистый идеалъ,
И сердце склонное къ блаженству и надеждѣ,
Какъ бы свое потерянное прежде
Сокровище — нашелъ во мнѣ и взялъ!
Въ замѣнъ онъ далъ мнѣ что его томило:
Сомнѣнія, и слезы, и печаль....

Digitized by Google

Но я не плачу: нѣтъ! мнѣ ничего не жаль,
Лишь только бъ то, что было мнѣ такъ мило,
Что взялъ онъ у меня, ему во благо было!

Какъ это просто! Какое рѣшительное отсутствіе наружнаго блеска, и за то сколько чувства, сколько мысли! Отъ того-то имеино это стихотвореніе просто и лишено наружнаго блеска, что въ немъ много чувства и мысли: поэтъ только заботился о томъ, чтобъ высказать свою мысль и чувства, а не о томъ, какъ бы лучше и красивѣе сказать. Полнота содержанія поэтическаго произведенія всегда неразлучна съ простотой формы. Ежели у поэта много на душѣ такаго, что̀ ему хочется высказать, то къ чему ему прибѣгать ко внѣшнимъ украшеніямъ: въ нихъ нуждаются только тѣ, кто не можетъ дать внутренняго содержанія своей поэзіи; они по неволѣ должны выѣзжать на одной формѣ.

Напечатанъ также въ этомъ нумерѣ переводъ Шиллерова стихотворенія *Der Tanz*. Переводъ принадлежитъ г. Гербелю. Мы должны замѣтить, что переводъ этотъ слабѣе, чѣмъ переводъ г. Гербеля предсмертнаго стихотворенія Байрона, которое было помѣщено въ одной изъ послѣднихъ книжекъ Современника. Виноватъ здѣсь переводчикъ въ выборѣ. Стихотвореніе такого рода, какъ »*Пляска*« Шиллера, переводить очень трудно. Тутъ все дѣло въ изяществѣ стиха. Тутъ нѣтъ какой-нибудь яркой мысли, какъ въ стихотвореніи Байрона, а чѣмъ ярче, опредѣленнѣе высказывается мысль въ поэтическомъ произведеніи, тѣмъ стихотвореніе удобнѣе для перевода. Но почти непереводимы тѣ произведенія, которыя проникнуты мечтой, *впечатлѣніемъ*, гдѣ нѣтъ рѣзко обозначающейся мысли. При переводахъ такихъ произведеній нужно стараться копировать съ точностью дагерротипа всѣ обороты языка, всѣ едва замѣтные оттѣнки подлинника, иначе весь букетъ будетъ потерянъ. Въ этихъ случаяхъ задача переводчика — уловить *физіономію* стихотворенія и передать ее. Для такихъ переводовъ нужны опытные стихотворцы, овладѣвшіе вполнѣ механизмомъ стиха, и постигнувшіе всѣ его таинства. Этого нельзя сказать про г. Гербеля: онъ, кажется, только что началъ свое литературное поприще. Кажется, первымъ его произведеніемъ, появившимся въ печати, былъ переводъ Геро и Леандра. Стихотвореніе это представляетъ для переводчика всѣ тѣ трудности, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Потому не мудрено, что переводъ вышелъ плохъ, за исключеніемъ послѣдняго четырехстишія первой строфы, которое передано превосходно. Недостатки настоящаго пере-

Digitized by Google

вода г. Гербеля заключаются въ нѣсколькихъ прозаическихъ выраженіяхъ, встрѣчающихся въ стихотвореніи, и нарушающихъ цѣлость впечатлѣнія. Впрочемъ есть и въ этомъ переводѣ пять, шесть стиховъ, переданныхъ поразительно вѣрно и вполнѣ поэтически, что̀ даетъ намъ право надѣяться, что изъ г. Гербеля, современемъ, выйдетъ довольно полезный переводчикъ. Эта мысль насъ очень радуетъ; намъ очень нужны хорошіе переводчики-стихотворцы съ англійскаго и нѣмецкаго: у насъ еще такъ мало переведено изъ Байрона, Шиллера, Гете.

Въ основаніи стихотворенія г. Некрасова »*Старики*« лежитъ прекрасная мысль, но въ томъ самомъ мѣстѣ стихотворенія, гдѣ она должна бы была ярче всего высказаться (въ концѣ пьесы), авторъ выразился неловко, не поэтически. Намъ крайне показалась смѣшной поэтическая вольность, которую себѣ позволилъ г. Некрасовъ. Старикъ, выведенный въ его стихотвореніи, съ грустью говоритъ своей женѣ, что въ ихъ отношеніяхъ нѣтъ уже страстной любви, что они состарѣлись и подурнѣли. При этомъ онъ употребляетъ слѣдующее *поэтическое* выраженіе:

»Не сравнишь ты съ синимъ моремъ
Мои впалые глаза«.

Что жъ тутъ печальнаго? Ежели подруга его перестала дѣлать такія смѣлыя сравненія, то надо этому радоваться: значитъ съ годами она стала грамотнѣе, больше стала думать о томъ, что̀ говоритъ, и вслѣдствіе этого избѣгаетъ странныхъ уподобленій.

Другое стихотвореніе г. Некрасова: »Ахъ, были счастливые годы« рѣшительно не хорошо и сбивается на пародіи Новаго Поэта.

Оба перевода изъ Гейне г. Михайлова не хороши. Рѣшительно не знаемъ, зачѣмъ напечаталъ г. Михайловъ *Радость и горе* изъ Гейне. У насъ ужъ и такъ есть два перевода этого стихотворенія. Переводъ г. Михайлова совершенно неудаченъ: стихотвореніе Гейне проникнуто глубокой грустью, которая едва прикрыта полушутливымъ топомъ, а у г. Михайлова изъ него вышла просто веселая шутка.

Въ отдѣлѣ прозы помѣщена комедія г. Писемскаго *Раздѣлъ*. Непріятно видѣть имя г. Писемскаго подъ такимъ произведеніемъ, какъ эта комедія. Комедія эта ничѣмъ не лучше произведеній натуральной школы: это просто копировка повседневной дѣйствительности, мѣстами даже не вѣрная; замѣтно явное отсутствіе идеи и высокаго художественнаго взгляда на дѣйствительность, дѣлающаго самыя мелкія явленія жизни интересными. Отъ того пьеса скучна и производитъ непріятное впечатлѣніе. Судите сами. Авторъ изобразилъ раздѣлъ имѣнія

Digitized by Google

между корыстолюбивыми и безнравственными родственниками, и изобразилъ со всѣми мелкими подробностями, которыя могутъ интересовать только спеціалистовъ въ дѣлѣ матеріальныхъ пріобрѣтеній и не представляютъ никакого общечеловѣческаго интереса. Кромѣ пустоты содержанія, пьеса отличается вялостью изложенія, рѣшительнымъ отсутствіемъ драматическаго движенія и сценическаго интереса; развязка комедіи чисто-водевильная. Мы не станемъ много распространяться объ этомъ неудачномъ произведеніи даровитаго автора. Намъ непріятно, очень непріятно говорить и доказывать, что новая пьеса г. Писемскаго пуста: мы такъ уважаемъ то серьёзное направленіе и ту художественную форму, которыми отличались его *Тюфякъ* и *Бракъ по страсти*, что просто не знаемъ, какъ и дописать тѣ строки, въ которыхъ должны высказать наше мнѣніе о его *Раздѣлѣ*. Намъ кажется, что г. Писемскій слишкомъ много пишетъ и не выжидаетъ времени, когда въ душѣ его явятся серьёзныя мотивы къ тому, чтобы взять перо въ руки, а хватается за всякую мимолетную мысль, желая на ней основать художественное произведеніе.

Отдѣлъ »Критики« на нынѣшній разъ очень богатъ. Здѣсь помѣщена статья г. Галахова о Карамзинѣ и разборъ *Записокъ ружейнаго охотника* И. С. Т.

Мы не любимъ статей г. Галахова и ни за что никогда не простимъ ему его Хрестоматіи, особенно третьей части. Но справедливость требуетъ сказать, что настоящая статья о Карамзинѣ очень хороша. Методъ, которымъ руководствовался авторъ при очеркѣ характера Карамзина, какъ человѣка, совершенно новъ и оригиналенъ; начитанность и трудолюбіе, которыя онъ при этомъ обнаружилъ, достойны полной похвалы. Г. Галаховъ для того, чтобъ раскрыть тѣ обстоятельства, при которыхъ развивалась чувствительность Карамзина (которая играетъ такую важную роль въ его первыхъ произведеніяхъ), перечиталъ всѣ тѣ романы, которые по его предположенію долженъ былъ читать въ дѣтствѣ историкъ Государства Россійскаго. Далѣе, чтобы показать, какимъ вліяніямъ подвергался Карамзинъ въ дѣтствѣ, г. Галаховъ говоритъ подробно о профессорѣ Шаденѣ, въ пансіонѣ котораго Карамзинъ воспитывался, излагаетъ содержаніе рѣчей о воспитаніи, произнесенныхъ Шаденомъ на университетскомъ актѣ, и дѣлаетъ изъ нихъ выписки. Сказавъ, что изъ Писемъ Русскаго Путешественника извѣстно, что Карамзинъ читалъ въ дѣтствѣ сочиненія Гелерта, по руководству котораго Шаденъ преподавалъ своимъ воспитанникамъ нравоученіе, г. Галаховъ довольно подробно говоритъ

Digitized by Google

о жизни и сочиненіяхъ и нравственныхъ тезисахъ Гелерта, чтобы показать, какое онъ имѣлъ вліяніе на Карамзина.

Такова статья г. Галахова. Только люди, совершенно ослѣпленные пристрастіемъ, не будутъ благодарить автора за его полезный трудъ. Есть, разумѣется, въ статьѣ недосмотры и даже промахи, но о нихъ мы упомянемъ, когда статья будетъ окончена.

Очень занимательна статья *о Запискахъ Ружейнаго Охотника*. Но послушайте, о чемъ между прочимъ говоритъ критикъ:

»Я уже неоднократно замѣчалъ, какъ мастерски умѣетъ г. А—въ описывать (нѣкоторые отрывки были перепечатаны въ апрѣльской книжкѣ «Современника»). Теперь мнѣ хочется обратить ваше вниманіе на слѣдующее обстоятельство: бываютъ тонко-развитыя, первическія, раздражительно-поэтическія личности, которыя обладаютъ какимъ-то особеннымъ воззрѣніемъ на природу, особеннымъ чутьемъ ея красотъ; онѣ подмѣчаютъ многіе оттѣнки, многія часто почти неуловимыя частности, и имъ удается выразить ихъ иногда чрезвычайно счастливо, мѣтко и граціозно; правда, большія линіи картины отъ нихъ либо ускользаютъ, либо онѣ не имѣютъ довольно силы, чтобы схватить и удержать ихъ. Про нихъ можно сказать, что имъ болѣе всего доступенъ запахъ красоты, и слова ихъ душисты. Частности у нихъ выигрываютъ насчетъ общаго впечатлѣнія. Къ подобнымъ личностямъ не принадлежитъ г. А—въ, и я очень этому радъ. Онъ и тутъ не хитритъ, онъ не подмѣчаетъ ничего необыкновеннаго, ничего такого, до чего добираются «немногіе»; но то, что онъ видитъ, видитъ онъ ясно, и твердой рукой, сильной кистью пишетъ стройную и широкую картину. Мнѣ кажется, что такого рода описанія ближе къ дѣлу и вѣрнѣе: въ самой природѣ нѣтъ ничего ухищреннаго и мудренаго, она никогда ничѣмъ не щеголяетъ, не кокетничаетъ; въ самыхъ своихъ прихотяхъ она добродушна. Всѣ поэты съ истинными и сильными талантами не становились въ «позитуру» предъ лицомъ природы; они не старались, какъ говорится, «подслушать, подсмотрѣть» ея тайны; великими и простыми словами передавали они ея простоту и величіе: она не раздражала ихъ, она ихъ воспламеняла; но въ этомъ пламени не было ничего болѣзненнаго. Вспомните описанія Пушкина, Гоголя, или хотя то знаменитое мѣсто въ «Королѣ Лирѣ», гдѣ Эдгаръ описываетъ слѣпому Глостеру крутой морской берегъ, который будто падаетъ отвѣсно у самыхъ его ногъ:

«Подойдите, сэръ.... Вотъ то мѣсто. Остановитесь. Какъ страшно! Какъ кружится голова! такъ низко ронять свои взоры....

Digitized by Google

Галки и вороны, которыя вьются тамъ въ воздухѣ на срединѣ разстоянія,
Кажутся едва ли такъ велики, какъ мухи. На пол-пути внизъ
Виситъ человѣкъ, собирающій морскія травы.... ужасное ремесло!
Онъ мнѣ кажется не больше своей головы.
Рыбаки, которые ходятъ по прибережью,
Точно мыши; а тотъ высокій корабль на якорѣ
Уменьшился до размѣра своей лодки; его лодка — плавающая точка,
Какъ бы слишкомъ малая для зрѣнія.... Шумный прибой,
Который кипитъ и ропщетъ на безчисленныхъ каменьяхъ —
Здѣсь его не слышно... слишкомъ высоко... Я больше глядѣть не стану.

»Всего двѣ-три черты; поэтъ не желаетъ ни сказать что-нибудь необыкновенное, ни найти въ картинѣ, которая является его глазамъ, особенныхъ, неподмѣченныхъ еще чертъ; съ вѣрнымъ инстинктомъ генія придерживается онъ одного главнаго ощущенія — ощущенія высоты, съ которой глядитъ Эдгаръ, и умеьшенія всѣхъ предметовъ, — и между тѣмъ возможно ли еще что-нибудь прибавить? Древніе Греки такъ же просто взирали на природу; можно бы привести множество доказательствъ тому.... Впрочемъ, они имѣли передъ нами преимущество великое: въ ихъ счастливыхъ устахъ поэзія впервые заговорила звучнымъ и сладкимъ языкомъ о человѣкѣ и природѣ. (Признаюсь, я не умѣю сочувствовать литературамъ, предшествовавшимъ греческой.) Оттого ничего не можетъ сравниться съ безсмертной молодостью, съ свѣжестью и силой первыхъ впечатлѣній, которыми вѣетъ намъ отъ пѣсней Гомера. Я сейчасъ упомянулъ о Пушкинѣ: отношенія этого, по духу своему, дѣйствительно древняго поэта къ природѣ такъ же просты, естественны, какъ у древнихъ, и, при всей смѣлости поэтическихъ образовъ, совершенно здравы. Кто не знаетъ его «Тучи»? Не откажу себѣ въ удовольствіи выписать все это стихотвореніе:

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.
Ты небо недавно кругомъ облегала,
И молнія грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный громъ
И алчную землю поила дождемъ.
Довольно, сокройся! Пора миновалась,

Digitized by Google

Земля освѣжилась и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

»Удивительно!... Словомъ, описывая явленія природы, дѣло не въ томъ, чтобы сказать все, что̀ можетъ придти вамъ въ голову: говорите то, что̀ должно придти каждому въ голову, — но такъ, чтобы ваше изображеніе было равносильно тому, что̀ вы изображаете, и ни вамъ, ни намъ, слушателямъ, не останется больше ничего желать.«

Все это прекрасно! Но какъ все это попало въ рецензію на книгу объ охотѣ? Въ странное время мы живемъ! Развертываешь статью объ охотѣ — и находишь прекрасныя эстетическія положенія; заглянешь въ статью о поэзіи — тамъ вамъ ничего и не напомнитъ объ эстетикѣ.

Въ заключеніе нашей рецензіи мы должны сказать нѣсколько словъ о статейкѣ Новаго Поэта: *Канунъ новаго 1853 года, кошмаръ въ стихахъ и прозѣ.* Намъ очень непріятно писать объ этомъ созданіи петербургскаго фельетониста, которое *превосходитъ* все прежде имъ писанное. Мы единственно потому рѣшаемся говорить объ этомъ кошмарѣ, что хотимъ по поводу его дать нѣсколько искреннихъ совѣтовъ Новому Поэту.

Въ первомъ нумерѣ Современника прошлаго года Новый Поэтъ помѣстилъ очень веселый фельетонъ, подъ названіемъ *Литературный маскарадъ.* Этотъ фельетонъ былъ написанъ безо всякой злости и довольно мило и остроумно, по крайней мѣрѣ для Новаго Поэта. Теперешній фельетонъ отличается совершенно противуположными качествами: онъ скученъ, вялъ и наполненъ »*не литературными сближеніями.*« Вотъ какъ начинается »кошмаръ« Новаго Поэта.

»Вечеръ 31-го декабря, послѣдній вечеръ, послѣдніе часы сошедшаго въ вѣчность 1852 года, къ которому я не питалъ большаго расположенія, который встрѣтилъ безъ радости, и съ которымъ простился безъ сожалѣнія, проведенъ былъ мною дома, несмотря на безчисленныя приглашенія, полученныя мною на этотъ вечеръ. Со мной знакомъ весь городъ: это, признаться, нѣсколько утомляетъ меня, но зато очень льститъ моему самолюбію, что̀ я, однако же, искусно скрываю. Когда я получаю печатную или литографированную записку на балъ или на раутъ, съ четырьмя буквами внизу: R. S, V. P., — на балъ или на раутъ, куда съѣзжается *весь городъ* (подъ словами весь городъ мы разумѣемъ обыкновенно только самое избранное, самое фешенэбельное общество), то на лицѣ моемъ, если я одинъ, если нѣтъ свидѣтелей, появляется обыкновенно самодоволь-

Digitized by Google

нѣшная улыбка; не безъ нѣкоторой гордости, я кладу пригласительную записку на самомъ видномъ мѣстѣ въ моемъ кабинетѣ, съ тѣмъ, чтобы она непремѣнно была замѣчена всѣми заѣзжающими ко мнѣ моими пріятелями *Снобсами*, имѣющими претензію на свѣтскость, этими *Грегуарами*, *Пьерами*, *Леонами*, и бросилась въ глаза *Протолеонамъ*, которые заходятъ ко мнѣ по литературнымъ дѣламъ. Протолеоны не терпятъ меня за мои блистательныя знатомства, за мое тонкое и безукоризненное бѣлье, за моихъ рысаковъ, за мои *англійскіе ягдвагены*; они называютъ меня человѣкомъ пустымъ, *фривольнымъ*, намекаютъ стороною, будто бы я неудачно усиливаюсь корчить свѣтскаго человѣка, преклоняюсь передо всѣми *Львами*, льщу всѣмъ *Снобсамъ* и любезничаю съ ними; распуская такія клеветы, они—это мнѣ очень хорошо извѣстно—питаютъ ко мнѣ уваженіе и даже тайный страхъ,—именно потому, что у меня рысаки и англійскія лошади, что я ѣзжу въ ягдвагенахъ, что я знакомъ со всѣми, и что я получаю пригласительныя литографированныя и печатныя записки съ буквами R. S. V. P. Если же я получаю такого рода записки при комъ-нибудь, при свидѣтеляхъ — при *Леонахъ* или *Протолеонахъ* — это все равно,—то я обыкновенно небрежно бросаю ихъ на столъ, съ недовольной гримасой, и говорю сквозь зубы: »Ахъ, какъ мнѣ надоѣли эти приглашенія!« Будто надоѣли?«

»О, какая глубочайшая и трогательнѣйшая искренность и прямота руководятъ, вообще, всѣми нашими дѣйствіями, поступками, взглядами, словами!... Посмотрите, напримѣръ, на этого господина — на.... этого блѣднаго и тучнаго человѣчка, говорящаго всегда съ таинственностію, и все о предметахъ высокихъ, занимающагося по цѣлымъ часамъ въ кабинетѣ и оттуда выходящаго съ заспанными глазами,— на этого человѣчка, съ затаеннымъ презрѣніемъ смотрящаго на насъ, веселыхъ людей, пишущихъ веселые фельетоны, — посмотрите на него: сколько глубокомыслія въ нѣсколько заспанныхъ глазахъ этого жреца науки!... Послушайте его.... Какой суровый, тяжелый и строгій взглядъ у него на всѣхъ и на все!... Вся жизнь его есть трудъ непрерывный: онъ заваленъ книгами въ своемъ кабинетѣ, онъ почти не выходитъ изъ него.... И есть такіе люди, которые осмѣливаются говорить про этого человѣчка науки, про этого примѣрнаго труженика, что онъ лѣнивѣйшее и самое сонное созданіе, что онъ щеголяетъ своимъ трудомъ, своими книгами и своимъ ученымъ кабинетомъ, — что это только маска, и что въ этомъ кабинетѣ, на этихъ книгахъ онъ только спитъ.... Клевета! клевета!«

Digitized by Google

»Вотъ вамъ другой герой: это герой самоотверженія. Въ него влюбляется дѣвушка, испитая, тощая, блѣдная, полу-живая.... но съ *милліономъ приданаго*. Онъ ничего не чувствуетъ къ этой дѣвушкѣ; на деньги онъ смотритъ съ презрѣніемъ. Онъ говоритъ: »добродѣтель, честь, истина (истина въ наукѣ, истина въ искусствѣ и истина въ жизни), убѣжденіе — вотъ что составляетъ жизнь; а деньги — презрѣнный металлъ; мнѣ деньги нужны на столько, чтобы не быть голоднымъ и не лишить себя умственной пищи—книгъ!...« Милліонъ дѣвушки не можетъ соблазнить такого героя; но онъ видитъ ея страданія, видитъ ея любовь къ себѣ, — она должна зачахнуть отъ этой любви.... И онъ не можетъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ страданія человѣческаго: онъ принуждаетъ себя полюбить ее, онъ принуждаетъ себя не спускать глазъ съ нея, онъ принуждаетъ эти глаза принимать самое нѣжное выраженіе, наконецъ онъ женится на ней.... Какое самоотверженіе!... Я съ чувствомъ жму руку этого благороднаго человѣка и гляжу на него сквозь слезы умиленія.... Дѣвушка, сдѣлавшаяся его женою, отдаетъ ему милліонъ; но онъ отказывается отъ милліона и говоритъ ей: »Сердце твое, — твое чудное сердце, мнѣ дороже нѣсколькихъ милліоновъ.... что мнѣ въ этихъ деньгахъ!« Но жена — рѣдчайшая изъ женъ! — настоятельно требуетъ, чтобы онъ взялъ ея милліонъ въ полное свое распоряженіе; она плачетъ.... При видѣ слезъ, — ея слезъ, которыя раздираютъ всю его внутренность, онъ колеблется и, чтобы не причинить ей ни малѣйшаго неудовольствія, противъ своей воли беретъ ея милліонъ.... Онъ живетъ не для себя, а для нея.... И находятся люди, которые осмѣливаются увѣрять, что онъ женился на дѣвицѣ именно для того, чтобы пріобрѣсти милліонъ, что онъ справился сначала у доктора о томъ, долго ли прожитъ дѣвица, что онъ носитъ маску самоотверженія и безкорыстія, и что въ сущности корыстолюбіе руководитъ всѣми его дѣйствіями и поступками!... Клевета! клевета!«

Къ чему все это? какое отношеніе имѣетъ это къ литературѣ? Послѣдующее мѣсто еще больше относится къ литературѣ.

»Ужинъ состоялъ изъ четырехъ блюдъ: -

»1) Les aiguillettes de canetons à l'orange (т. е. филе изъ молодыхъ утокъ въ померанцовомъ сокѣ).

2) Les faisans piqués et truffés (шпигованные фазаны съ трюфелями).

3) Les truffes blanches du Piémont à l'huile vierge (бѣлые піемонтскіе трюфели въ самородномъ маслѣ).

Digitized by Google

И 4) Les marrons d'abricot glacés (каштаны и абрикосы, облитые сахаромъ).«

Васъ удивляетъ, какъ все это попало въ литературный фельетонъ фельетониста, который упрекаетъ другихъ фельетонистовъ въ нелитературности ихъ фельетоновъ? Не удивляйтесь: это ли еще есть въ »кошмарѣ« Новаго Поэта! Тамъ »Ифигенія« г. Щербины поетъ »Ненаглядный ты мой«, Яковъ Яковлевичъ г. М. пляшетъ съ Дареджаной г. Полонскаго и т. д. Но лучше всего то, что Новый Поэтъ прямо признается, что его не интересуетъ литература, что *ему нѣтъ до нея дѣла*. Давно намъ надоѣло смотрѣть на ту небрежную позитуру, которую принимаетъ Новый Поэтъ предъ лицомъ литературы. Онъ при каждомъ словѣ хочетъ показать, что она ему наскучила, что онъ ее не любитъ и что онъ свѣтскій человѣкъ, а не литераторъ. Если все это такъ, то чѣмъ же тутъ хвастаться? Ежели вы не любите литературы и не интересуетесь ей, то и не пишите о ней! никто васъ не принуждаетъ. Право, писателю, занимающемуся судомъ надъ литературными произведеніями, не слѣдуетъ франтить и кокетничать равнодушіемъ и презрѣніемъ къ отечественной литературѣ. Для того, чтобъ писать о чемъ бы то ни было умно, дѣльно и вѣрно, нужно хорошо знать тоючемъ пишешь. Но можно ли знать предметъ относясь къ нему съ невниманіемъ и даже презрѣніемъ?

Мы отъ души совѣтуемъ Новому Поэту перестать писать фельетоны. Можно ли писать дѣльно, когда положишь себѣ за правило, акуратно каждый мѣсяцъ смѣшить публику на счетъ русской литературы. Шутить по заказу — какая роль для умнаго человѣка! Не лучше ли писать изрѣдка дѣльныя статьи о литературѣ, обдумывать ихъ и не торопиться. Новый Поэтъ ужь около двухъ лѣтъ пишетъ свои фельетоны-фарсы, и что жь? Разумѣется, исписался. Мы безо всякой иронія и отъ души совѣтуемъ Новому Поэту перестать писать въ этомъ родѣ. Право онъ начинаетъ всѣмъ надоѣдать. Пошутилъ да и будетъ—пора перестать.... Ничего такъ не истощаетъ умъ и литературный талантъ, какъ статьи на заказъ, къ сроку и спѣху, особенно когда авторъ ихъ поставитъ себѣ за правило каждый разъ во чтобы то ни стало смѣшить и веселить публику. **В. А.**

Digitized by Google

ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

Essais sur la marine française par le Prince de Joinville, vice-amiral de France. (l'Escadre de la Méditerannée. Note sur l'etat des forces navales de France).

Авторъ начинаетъ свою книгу указаніемъ важности, которую представляетъ для Франціи эскадра Средиземнаго моря. Не исчисляя многихъ военныхъ дѣйствій, въ которыхъ она участвовала, онъ полагаетъ нужнымъ познакомить читателя съ краткой исторіей образованія этой эскадры, заставить его, такъ сказать, присутствовать при ея рожденіи, слѣдить за ней шагъ за шагомъ на ея поприщѣ; показать, какъ возросъ духъ, ее оживляющій, и обозначить ролю, которую она играла въ происшествіяхъ послѣднихъ 13-ти лѣтъ.

«Эскадра, подобно арміи», говоритъ онъ, «образуетъ огромное «тѣло, которое движется и дѣйствуетъ сообразно съ даннымъ ей «направленіемъ; но это тѣло имѣетъ силу и значеніе только соотвѣт- «ственно воспитанію, имъ полученному. Если это воспитаніе было «хорошо, то оно неминуемо дастъ хорошіе плоды, если же, напро- «тивъ того, оно было недостаточно, то непремѣннымъ послѣдствіемъ «его будутъ значительныя ошибки и, не рѣдко, большія несчастія; а «воспитаніе эскадры, подобно воспитанію войска, есть дѣло времени. «Начальники, которые послѣдовательно ею управляли, событія, въ «которыхъ она принимала участіе, всѣ эти и другія обстоятельства «входятъ въ составъ ея воспитанія».

Съ 1814-го года, усилія французскаго правительства возстановить свою морскую силу, были незначительны до 1839 года. Смѣлое дѣло адмирала Русселя въ устьяхъ Таго; малое число кораблей, разбросанныхъ въ Левантѣ, около Лиссабона, въ Антильскомъ морѣ, безъ взаимной связи, безъ согласія,—съ экипажами, которые набирались, и распускались, прежде нежели успѣвали узнать другъ друга и пріобрѣсти отвагу, которая дается только продолжительнымъ обу-

Digitized by Google

И 4) Les marrons d'abricot glacés (каштаны и абрикосы, облитые сахаромъ).«

Васъ удивляетъ, какъ все это попало въ литературный фельетонъ фельетониста, который упрекаетъ другихъ фельетонистовъ въ нелитературности ихъ фельетоновъ? Не удивляйтесь: это ли еще есть въ »кошмарѣ« Новаго Поэта! Тамъ »Ифигенія« г. Щербины поетъ »Ненаглядный ты мой«, Яковъ Яковлевичъ г. М. пляшетъ съ Дареджаной г. Полонскаго и т. д. Но лучше всего то, что Новый Поэтъ прямо признается, что его не интересуетъ литература, что *ему нѣтъ до нея дѣла*. Давно намъ надоѣло смотрѣть на ту небрежную позитуру, которую принимаетъ Новый Поэтъ предъ лицомъ литературы. Онъ при каждомъ словѣ хочетъ показать, что она ему наскучила, что онъ ее не любитъ и что онъ свѣтскій человѣкъ, а не литераторъ. Если все это такъ, то чѣмъ же тутъ хвастаться? Ежели вы не любите литературы и не интересуетесь ей, то и не пишите о ней! никто васъ не принуждаетъ. Право, писателю, занимающемуся судомъ надъ литературными произведеніями, не слѣдуетъ франтить и кокетничать равнодушіемъ и презрѣніемъ къ отечественной литературѣ. Для того, чтобъ писать о чемъ бы то ни было умно, дѣльно и вѣрно, нужно хорошо знать тоючемъ пишешь. Но можно ли знать предметъ относясь къ нему съ невниманіемъ и даже презрѣніемъ?

Мы отъ души совѣтуемъ Новому Поэту перестать писать фельетоны. Можно ли писать дѣльно, когда положишь себѣ за правило, акуратно каждый мѣсяцъ смѣшить публику на счетъ русской литературы. Шутить по заказу — какая роль для умнаго человѣка! Не лучше ли писать изрѣдка дѣльныя статьи о литературѣ, обдумывать ихъ и не торопиться. Новый Поэтъ ужь около двухъ лѣтъ пишетъ свои фельетоны-фарсы, и что жь? Разумѣется, исписался. Мы безо всякой иронія и отъ души совѣтуемъ Новому Поэту перестать писать въ этомъ родѣ. Право онъ начинаетъ всѣмъ надоѣдать. Пошутилъ да и будетъ—пора перестать.... Ничего такъ не истощаетъ умъ и литературный талантъ, какъ статьи на заказъ, къ сроку и спѣху, особенно когда авторъ ихъ поставитъ себѣ за правило каждый разъ во чтобы то ни стало смѣшить и веселить публику. В. А.

Digitized by Google

ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

Essais sur la marine française par le Prince de Joinville, vice-amiral de France. (l'Escadre de la Méditerannée. Note sur l'etat des forces navales de France).

Авторъ начинаетъ свою книгу указаніемъ важности, которую представляетъ для Франціи эскадра Средиземнаго моря. Не исчисляя многихъ военныхъ дѣйствій, въ которыхъ она участвовала, онъ полагаетъ нужнымъ познакомить читателя съ краткой исторіей образованія этой эскадры, заставить его, такъ сказать, присутствовать при ея рожденіи, слѣдить за ней шагъ за шагомъ на ея поприщѣ; показать, какъ возросъ духъ, ее оживляющій, и обозначить ролю, которую она играла въ происшествіяхъ послѣднихъ 13-ти лѣтъ.

«Эскадра, подобно арміи», говоритъ онъ, «образуетъ огромное «тѣло, которое движется и дѣйствуетъ сообразно съ даннымъ ей «направленіемъ; но это тѣло имѣетъ силу и значеніе только соотвѣт- «ственно воспитанію, имъ полученному. Если это воспитаніе было «хорошо, то оно неминуемо дастъ хорошіе плоды, если же, напро- «тивъ того, оно было недостаточно, то непремѣннымъ послѣдствіемъ «его будутъ значительныя ошибки и, не рѣдко, большія несчастія; а «воспитаніе эскадры, подобно воспитанію войска, есть дѣло времени. «Начальники, которые послѣдовательно ею управляли, событія, въ «которыхъ она принимала участіе, всѣ эти и другія обстоятельства «входятъ въ составъ ея воспитанія».

Съ 1814-го года, усилія французскаго правительства возстановить свою морскую силу, были незначительны до 1839 года. Смѣлое дѣло адмирала Русселя въ устьяхъ Таго; малое число кораблей, разбросанныхъ въ Левантѣ, около Лиссабона, въ Антильскомъ морѣ, безъ взаимной связи, безъ согласія,—съ экипажами, которые набирались, и распускались, прежде нежели успѣвали узнать другъ друга и пріобрѣсти отвагу, которая дается только продолжительнымъ обу-

Digitized by Google

ченіемъ вмѣстѣ, — все это не составляло эскадры. Каждый начальникъ этихъ временныхъ морскихъ силъ долженъ былъ опытомъ, чтеніемъ, собственными воспоминаніями, пополнять важный недостатокъ по этой части, — недостатокъ преданій.

«Преданія — плоды опытности; это наука практическая, такая «наука, которая не пріобрѣтается ни на школьныхъ лавкахъ, ни въ кни«гахъ, и которую никакая другая замѣнить не можетъ. Преданія со«ставляютъ жизнь и могущество морской силы Англичанъ: въ этой «странѣ, столь вѣрной въ своемъ поклоненіи старинѣ, преданія, въ про«долженіе болѣе нежели ста лѣтъ, составляли, такъ сказать, наслѣдіе, «которое одно поколѣніе завѣщавало другому, залогъ, который каждое «изъ нихъ благоговѣйно хранило, чтобы передать его послѣдующему «поколѣнію. Конечно, превосходствомъ своей морской силы, Велико«британія обязана, прежде всего, своему положенію среди моря, генію «своей націи, въ высшей степени склонному къ торговлѣ и морской «службѣ, славнымъ воспоминаніямъ, которыми наполнена исторія ея «мореплаванія; но, въ глазахъ опытнаго наблюдателя, преданія состав«ляютъ также одну изъ значительныхъ причинъ этого превосходства.

«Французская морская сила не имѣетъ всѣхъ этихъ преимуще«ствъ. Природа создала насъ, по преимуществу, солдатами, и если «мы пріобрѣтаемъ качества, нужныя для моряковъ, то это дѣлается, «такъ сказать, искусственно, по необходимости и силою воли. Если «намъ предоставлено было, въ другія времена, пріобрѣтать блиста«тельные успѣхи на морѣ, то это времена—давно прошедшія. Пере«вороты нашего вѣка нанесли жестокій ударъ мореплаванію. Въ про«долженіе болѣе, нежели 20 лѣтъ, наша морская исторія представ«ляетъ ничто иное, какъ длинный рядъ неудачъ, перенесенныхъ съ «геройствомъ, тѣмъ болѣе достойнымъ удивленія, что оно не было «оцѣнено; и, должно сознаться, эти неудачи объясняются, въ осо«бенности, бѣдствіемъ, неразлучнымъ съ революціею, тѣмъ, что она «насильственно сокрушаетъ всѣ преданія».

Эскадра, какъ уже сказалъ авторъ, получила свое начало въ 1839-мъ году; въ слѣдующемъ усилилась до 20-ти, а въ 1847-мъ упала до 5-ти кораблей. Остановившись на этомъ числѣ, она пережила 48-й годъ, продолжая быть подчиненною однообразной дисциплинѣ и надзору адмирала, оказала много различныхъ услугъ отечеству; но главное, осталась всегда нераздѣльнымъ цѣлымъ, готовымъ ежеминутно исполнять то, чего потребуютъ отъ него обстоятельства.

Въ 39-мъ году, экипажъ одного изъ трехъ кораблей, составлявшихъ Левантскую эскадру, былъ высаженъ на берегъ, въ

Digitized by Google

Смирнскомъ заливѣ, по случаю эпидемической болѣзни; два другіе крейсировали около мыса Баба, въ бассейнѣ, образуемомъ Троянскими берегами и островами: Тенедосомъ, Лемносомъ и Метелиномъ. Адмиралъ избралъ этотъ пунктъ, какъ самый удобный для скорѣйшаго полученія извѣстій изъ Константинополя. Въ то время борьба между Портою и Египтомъ казалась неизбѣжною, равно какъ и участіе въ ней великихъ европейскихъ державъ. Адмиралъ не имѣлъ на этотъ счетъ никакихъ предписаній.

«Положеніе его было чрезвычайно затруднительно; но онъ тотчасъ рѣшился. Онъ понялъ, что ему оставалось только одно: сверхъестественными стараніями удвоить силы, которыми онъ располагалъ, сдѣлать свою маленькую эскадру столь могущественною по ея организаціи и благородному духу, который ее оживлялъ, что какой бы оборотъ ни приняли обстоятельства, честь флага была бы спасена. Образуемъ себя такимъ образомъ, сказалъ онъ самъ себѣ, чтобы храбрѣйшіе матросы и самые искусные канониры не могли превзойдти насъ, и, лицомъ къ лицу съ врагами, мы побѣдимъ смѣлостію. Быть можетъ, успѣхъ оправдаетъ наши усилія; если же суждено намъ погибнуть отъ превосходнаго числа непріятелей, то мы погибнемъ, по крайней мѣрѣ, со славою! Такова была мысль, которая присутствовала при образованіи эскадры; эта мысль продолжаетъ одушевлять ее до сихъ поръ. Отсюда происходитъ въ ней характеръ простой и хладнокровной неустрашимости, оживотворившей всѣхъ тѣхъ, которые постепенно приходили учиться въ этой школѣ; этотъ характеръ рѣзко бросается въ глаза наблюдателю и сдѣлался для эскадры однимъ изъ ея преданій. Отъ постоянныхъ стараній получить большіе результаты съ слабыми средствами, образовалась привычка стремиться во всѣхъ отношеніяхъ къ совершенству, потребность давать людямъ и вещамъ всю возможную ихъ цѣнность. Подъ владычествомъ крайней необходимости, въ которой мы всѣ находились, знать все безъ исключенія относящееся до нашей службы, возгорѣлась эта жажда познаній, которая была ничто иное, какъ чувство чести, доведенное до восторга, въ то время, когда каждый изъ насъ ждалъ отъ произшествій, среди которыхъ жилъ, близкаго случая блеснуть тѣмъ, что онъ умѣлъ дѣлать.

«Молодые матросы выказывали пламенное усердіе, превышающее ихъ силы; намъ пришлось оплакивать множество несчастныхъ случаевъ, къ которымъ подала поводъ излишняя смѣлость. Ростъ и тѣлесная сила играютъ важную ролю въ пріемахъ, которыхъ требуетъ морская служба; и такъ какъ у всѣхъ народовъ мачты, паруса и канаты почти одинакихъ размѣровъ, — наши морскіе ново-

Digitized by Google

«бранцы, — вообще худые и истомленные недостаточною пищею, въ «ту минуту, какъ поступаютъ на корабли, — нисколько не въ со- «стояніи, въ первые годы своего ученія, выдерживать сравненія съ «молодыми матросами сѣверныхъ странъ; но хорошая пища, которую «они получаютъ отъ правительства, и правильная жизнь, которой под- «чинены на кораблѣ, въ скоромъ времени способствуютъ имъ при- «обрѣсти силы, которыхъ у нихъ недостаетъ; ученье довершаетъ «остальное».

Далѣе, Принцъ описываетъ томительное однообразіе этой крей- сировки, прерываемое рѣдкими посѣщеніями на берегъ, въ бѣдную деревушку, построенную на мысѣ Баба, какимъ-то старымъ тур- комъ, давшимъ ему свое имя. Выкуривъ трубку и насладившись ве- ликолѣпнымъ видомъ съ утеса, на которомъ стоитъ кофейня, офи- церы возвращались на корабль и вновь принимались за ученіе.

«Морлку необходимо знать множество вещей; по этому упраж- «ненія на кораблѣ были чрезвычайно разнообразны. Благодаря твердой «волѣ начальниковъ, усердію офицеровъ и готовности матросовъ, под- «стрекаемой соревнованьемъ, въ особенности, благодаря благородному «чувству, которое всѣхъ одушевляло, и увѣренности, что отъ уро- «ковъ скоро перейдемъ къ практическому ихъ примѣненію, обученіе «эскадры подвигалось скоро. Если нѣкоторые изъ старыхъ офице- «ровъ, уже разочарованные въ большей части своихъ мечтаній, и «сдѣлавшіеся, съ лѣтами, скептиками и порицателями, находили край- «сировку продолжительною и скучною, то, напротивъ того, моло- «дежь принимала живое участіе въ маневрахъ, которые каждый день «заставляли ее переходить черезъ всѣ разнообразные фазы поприща, «къ которому она готовилась. Всякій вечеръ, когда прекращались «дневныя занятія и паруса у кораблей были подобраны, какъ при- «лично крейсеру, котораго не призываетъ никакое поспѣшное по- «рученіе, экипажъ сходился на ютѣ, и тамъ, въ прекрасную ночь «Востока, среди воздуха тепла го и благоухающаго ароматами, ко- «торые навѣвало на насъ съ азіатскаго берега, мы продолжали наше «ученіе, перебирая происшествія дня. Каждый приносилъ свои на- «блюденія и плоды своей опытности.

«Молодые люди съ жадностію слушали разсказы старшихъ, при- «нимавшихъ участіе въ какомъ-нибудь военномъ дѣлѣ, въ послѣдніе «бурные годы Имперіи, или присутствовавшихъ при какой-нибудь «важной морской катастрофѣ. Нисколько не должно пренебрегать «свѣденіями, которыя пріобрѣтаются такимъ образомъ, въ разговорѣ «съ товарищами, и такъ сказать, шутя. Они-то и оставляютъ иногда

Digitized by Google

«самые прочные слѣды. Какъ не слушать съ глубокимъ участіемъ «стараго офицера, который разсказываетъ молодымъ товарищамъ о «томъ, что онъ сдѣлалъ, или видѣлъ, прежде нежели они родились? «Какъ, въ вечерній часъ, по близости мѣстъ, прославленныхъ древнею «поэзіею, этому простому голосу моряка, передающему безъ напы- «щенности разсказъ о ролѣ, часто геройской, выполненной имъ въ «потрясающихъ драмахъ морской жизни, — не дѣйствовать съ не- «одолимымъ могуществомъ на юныя воображенія? Такъ проходили «наши вечера, до той минуты, когда ночь сходила на землю и ка- «люба поступала въ распоряженіе вахтенныхъ, поющихъ хоромъ, и «дежурнаго офицера, который, по привычкѣ, прерывалъ свою отры- «вистую прогулку, чтобы бросать безпокойный взоръ отъ горизонта «на паруса и отъ парусовъ на компасъ».

Наконецъ, ожиданія исполнились.

3-го іюля, бригъ Бугенвиль принесъ нужныя депеши адмиралу. Все на кораблѣ пришло въ движеніе. Самъ адмиралъ не могъ скрыть своего нетерпѣнія.

«Адмиралъ Лаландъ, командующій Левантскимъ флотомъ, былъ «еще во всей силѣ возраста. Преждевременные недуги, которые онъ «нажилъ, неутомимо подвизаясь на трудномъ поприщѣ, сокрушили «его тѣло; но умъ его, вѣчно юный, нисколько не утратилъ своего «огня. Неустрашимый до смѣлости, — настойчивости непреклонной, «онъ ничѣмъ не пренебрегалъ, что могло упрочить успѣхъ заду- «манныхъ имъ предпріятій. Ему, — я не боюсь опроверженія, утвер- «ждая это, — обязана Франція образованіемъ эскадры, которая уже «13 лѣтъ составляетъ нашу силу и гордость. Никогда, прежде него, «въ обученіи экипажей не была введена эта метода, эта послѣдо- «вательность и совокупность, которыя утвердили за нами неоспо- «римое превосходство. Справедливо и то, что ему чрезвычайно спо- «собствовали обстоятельства; въ энтузіазмѣ, въ надеждахъ на славу, «одушевлявшихъ офицеровъ, нашелъ онъ содѣйствіе почти безпри- «мѣрное; но тѣмъ не менѣе ему принадлежитъ честь образованія «эскадры, истинно несравненной. Его образъ дѣйствій, въ то время, «когда подъ командою его было только два корабля, и впослѣд- «ствіи, когда ихъ было у него до 20-ти, перешелъ въ преданіе и «служитъ еще закономъ въ морской службѣ. Преемники его только «шли по слѣдамъ его, только сохраняли имъ созданное, и флотъ, ко- «торый въ 1848 г., въ Палермѣ, получилъ публичныя похвалы отъ «адмирала Паркера, могъ еще назваться эскадрою адмирала Лаланда.

«Человѣкъ, даже незнакомый съ г. Лалландомъ, не чувствовалъ,

Digitized by Google

«подходя къ нему, ни малѣйшаго замѣшательства. Въ то время, какъ «убѣленные лѣтами волосы внушали къ нему почтеніе, улыбка его «и радушное выраженіе лица невольно всѣхъ привлекали. Въ разго- «ворѣ съ нимъ чувствовалъ себя совершенно свободнымъ; только не «должно было противорѣчить его мнѣніямъ. Въ послѣднемъ случаѣ, «онъ продолжалъ отвѣчать вамъ, улыбаясь; но подъ этой улыбкой «было что-то такое, что̀ говорило вамъ, что вы напрасно теряли «время, стараясь заставить его перемѣнить мнѣніе. Таковъ онъ былъ «и въ службѣ, какъ въ разговорѣ; всегда вѣжливый и снисходитель- «ный, онъ мало давалъ цѣны внѣшностямъ, но былъ непреклоненъ «во всемъ, что̀ касалось до сущности дѣла, и настоятельно требовалъ «полнаго и строжайшаго исполненія его воли. Нисколько себя не «щадя на службѣ, жертвуя безжалостно своимъ тѣломъ, изможде- «нымъ трудами, и пренебрегая разстроеннымъ здоровьемъ, онъ счи- «талъ себя въ правѣ требовать многаго и отъ подчиненныхъ. Для «тѣхъ, кто наблюдалъ его вблизи, очарованіе, производимое его вы- «сокими качествами, еще возвышалось чрезвычайною скромностію, «и эта самая скромность служила ему, такъ сказать, рычагомъ для «того, чтобы возбуждать и двигать людей. Я не лучше другаго, го- «варивалъ онъ, и если я чего могу достигнуть на своемъ кораблѣ, «то каждый тѣмъ болѣе долженъ достигнуть того же на своемъ. «За то, когда, впослѣдствіи, онъ командовалъ многочисленнымъ фло- «томъ, то часто съ кораблемъ своимъ становился во главѣ эскадры, «и безъ предувѣдомленія, безъ предварительныхъ сигналовъ, произ- «водилъ самые смѣлые маневры. Почти всегда ему удавалось, и за «нимъ всей эскадрѣ. То, на что большая часть корабельныхъ капи- «тановъ не отважилась бы хладнокровно, — то, что̀ они, почти пуб- «лично, называли безумiемъ, они исполняли изъ повиновенія къ нему, «и сами, изумленные своимъ успѣхомъ, чувствовали, какъ возвра- «стала и довѣренность ихъ къ начальнику, и ихъ собственная отвага. «Никто лучше адмирала Лаланда не умѣлъ приготовить, обучить «и образовать эскадру; никто лучше его, — я твердо въ томъ убѣж- «денъ, — не умѣлъ бы вести ее противъ непріятеля».

Одинъ укоръ дѣлаетъ Принцъ адмиралу: въ излишней снисходительности къ проступкамъ по дисциплинѣ; но это нисколько не нарушало порядка во флотѣ, потому что въ неважныхъ случаяхъ капитаны распоряжались сами, а въ важныхъ — наряжался судъ, который шелъ обыкновеннымъ порядкомъ, и ничье снисхожденіе не могло смягчить его приговоровъ.

Слѣдуетъ описаніе политическихъ происшествій: смерть султана Махмуда, приказаніе турецкой арміи атаковать Ибрагима-пашу,

Digitized by Google

а турецкому флоту выдти изъ Дарданелъ. Главное для французскаго адмирала состояло въ томъ, чтобы остановить турецкій флотъ. Съ двумя кораблями это было трудно; но адмиралъ не отчаявался — силою моральною получить отъ Капудана-паши то, чего не могъ предписать ему силою оружія.

Появленіе турецкой эскадры и англійскаго корабля Вангарда, который долженъ былъ ее конвоировать. Французскій корабль Іена влетаетъ въ середину турецкаго флота и становится передъ кораблемъ Капудана-паши, который, видя, что Французы учтивымъ образомъ преградили ему путь, вынужденъ отдать приказаніе своему флоту лечь въ дрейфъ. — Объясненіе объ истинномъ назначеніи турецкой эскадры, данное Османъ-Беемъ, *піаль-беемъ* флота, адмиралу Лаланду, и удивленіе послѣдняго.—Свиданіе адмирала Лаланда съ Капуданъ-пашею. — Любопытное описаніе замѣшательства, произведеннаго въ турецкомъ флотѣ быстрымъ вторженіемъ Іены, безпечности турецкихъ офицеровъ и безпорядка на самомъ адмиральскомъ кораблѣ, гдѣ картузы навалены были около пушекъ, и тутъ же, возлѣ, сидѣли матросы съ трубками въ зубахъ.

Адмиралъ Лаландъ возвращается въ Смирнскій заливъ, гдѣ ждали его четыре корабля, прибывшіе изъ Франціи. Отплытіе эскадры, увеличенной до 13-ти кораблей, ко входу въ Дарданеллы, гдѣ она должна была пробыть 4 мѣсяца. «Она обыкновенно становилась «на якорѣ въ заливѣ Безика, противъ самыхъ развалинъ Трои. Не «далеко отъ гробницы Патрокла, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Скамандръ вли«ваетъ въ море свои мутныя струи, вокругъ палатокъ поставщиковъ «эскадры образовалось нѣчто въ родѣ селенія, которое и было мѣ«стомъ собранія офицеровъ каждый вечеръ. Тамъ разсказывали другъ «другу новости; тамъ новоприбывшіе старались проникнуться тѣмъ «же духомъ, который оживлялъ старыхъ моряковъ крейсировки. Отли«чительнымъ свойствомъ этого духа уже не былъ только восторгъ «который начальники старались воспламенить, когда нужно было за«мѣнить число отвагою. Съ тѣхъ поръ, какъ эскадра усилилась и «числомъ и пріобрѣтенною опытностію, энтузіазмъ смѣнился могу«чимъ и разсудительнымъ чувствомъ долга, спокойною рѣшимостію «и холодною отважностію, которая, какъ было сказано, составила «впослѣдствіи сущность духа эскадры и сдѣлалась первымъ ея пре«даніемъ; и этотъ духъ уваженія къ флагу, поклоненія долгу, распро«странялся отъ высшихъ до самыхъ низшихъ чиновъ.

«Адмиралъ располагался воспользоваться этимъ превосходнымъ «духомъ эскадры, чтобы сколько можно далѣе подвинуть ея обра«зованіе. Если старымъ морякамъ мыса Бабы оставалось мало изу«чать, то нельзя было сказать того же объ экипажахъ послѣднихъ

Digitized by Google

«прибывшихъ кораблей. Должно было доставить имъ средства сравняться съ ихъ предшественниками и безпрестанною дѣятельностію «поддерживать въ нихъ священное пламя. По крайней мѣрѣ два раза «въ недѣлю эскадра выходила въ море и производила рядъ маневровъ, которые образовывали сужденіе и взглядъ капитановъ и офицеровъ, и, пріучая молодыхъ матросовъ къ трудамъ, укрѣпляли ихъ «тѣло. Любо было видѣть, съ какою легкостію они распоряжались «парусами и какъ ловко владѣли ружьемъ и обращались съ пушкою. «Частая стрѣльба ядрами и въ цѣль образовала изъ нихъ чрезвычайно мѣткихъ стрѣлковъ; въ зарядахъ пушечныхъ производились «тогда усовершенствованія, которыя, впослѣдствіи, приняты были «во всѣхъ европейскихъ флотахъ, и которыя позволяютъ съ точностію дѣлать нѣсколько выстрѣловъ въ минуту. Продолжительная «практика научила матросовъ быть внимательными къ голосу начальника, различать его среди шума и самаго большаго, наружнаго безпорядка, и повиноваться ему немедленно. Они старались пріобрѣсти «также чрезвычайно важную и трудную науку на кораблѣ,— науку «молчанія, по крайней мѣрѣ въ той степени, въ которой она совмѣстна съ характеромъ французскаго матроса, столько же пылкаго, «сколько понятливаго отъ природы. Отъ времени до времени, адмиралъ, чтобы возбудить въ кораблях соревнованіе въ дѣлѣ чести, «командовалъ обіція «регаты» (chasses générales)— родъ состязаній в «скорости, въ которыхъ каждый заимствовалъ отъ науки и отъ своей «опытности всѣ средства, какія только онѣ могли ему доставить, «чтобы ускорить ходъ корабля. Въ другой разъ, эскадра становилась на якорь въ пристани Имбро, маленькаго острова, довольно «живописно расположеннаго, но лишеннаго, гаваней и всякой промышленности, и изрѣдка посѣщаемаго судовщиками, которые достаавляютъ ему предметы, необходимые для жизни. Островъ этотъ «былъ населенъ Греками, подданными Турокъ. Удивленные появленіемъ у своихъ береговъ столь многочисленнаго флота, они не «хотѣли вѣрить, чтобы мы не были Москвитяне, которые пришли «освободить ихъ отъ турецкаго ига и водворить между ними золотой вѣкъ. Вскорѣ, мы опять выходили въ море и возвращались въ «Безику, гдѣ каждый поставлялъ въ томъ свое самолюбіе, чтобы съ «математическою точностію, и не взирая на противные вѣтры и теченія, бросить якорь на томъ самомъ мѣстѣ, которое было ему «указано адмираломъ. Превосходное средство пріучить корабли, въ «день битвы, занимать именно тотъ постъ, который имъ ввѣренъ.

«Въ тѣ дни, въ которые эскадра не готовилась къ отплытію, «адмиралъ пріѣзжалъ на первый изъ кораблей, который ему попа-

Digitized by Google

«дался, распускалъ паруса и бросалъ якорь при подошвѣ гранит-
«наго утеса, на которомъ поставлена была цѣль. Въ то время, какъ
«корабль открывалъ огонь противъ этой цѣли, адмиралъ обкаживалъ
«баттареи, допрашивалъ людей, заставлялъ ихъ стрѣлять въ своемъ
«присутствіи, по одиночкѣ, двумя ядрами, картечью; толковалъ имъ
«дѣйствіе ихъ выстрѣловъ, и наконецъ не упускалъ ничего, что могло
«ихъ ознакомить съ ихъ оружіемъ. Потомъ весело вступалъ въ раз-
«говоръ съ молодыми офицерами, какъ будто бы былъ имъ равный.
«Понятно, что всякій страстно желалъ угодить такому начальнику,
«и что всякій съ нимъ вмѣстѣ улыбался надеждѣ употребить въ
«дѣло на службѣ отечеству то, что такъ хорошо изучалъ подъ
«его руководствомъ.

«Здѣсь кстати упомянуть о томъ, какую любовь адмиралъ Ла-
«ландъ пріобрѣлъ между матросами. Смѣлость, которой онъ давалъ
«ежедневныя доказательства, въ особенности покоряла ему всѣ сердца.
«У насъ человѣкъ отважный искупаетъ этимъ качествомъ множество
«недостатковъ. Сверхъ того, адмиралъ былъ всегда вѣжливъ съ под-
«чиненными, — другое качество, которое заставляетъ любить началь-
«ника. Наконецъ, онъ съ истинно отеческою любовію заботился о
«благосостояніи моряковъ; пища ихъ была постояннымъ предметомъ
«его попеченій. Неизвѣстность въ будущихъ событіяхъ поставляла
«въ обязанность: не потреблять припасовъ, которые каждый корабль
«имѣлъ съ собою. Эти припасы: мука, сухари, солонина, сыръ, вино,
«кофе, — суть истинные военные запасы, которые доставляютъ спо-
«собы исполнять предпріятія, требующія продолжительнаго времени.
«По этому къ нимъ должно прикасаться не иначе, какъ съ благораз-
«умною бережливостію, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ,
«остаться посреди блокады, или всякаго другаго военнаго предпріятія,
«на серединѣ дороги, или потерять время въ промедленіяхъ, а иногда
«подвергаться всѣмъ опасностямъ новаго снабженія съѣстными при-
«пасами. Между тѣмъ, если необходимость предписываетъ такую
«бережливость, то, съ другой стороны, также не легко, особенно
«въ Турціи, продовольствовать ежедневно десять тысячъ человѣкъ; и
«стараніе сберегать государственную казну нисколько несовмѣстно
«съ необходимостію сохранять обильною и хорошею пищею здо-
«ровье моряковъ.

«Въ Смирнѣ отыскали негоціанта, который взялся поставлять
«припасы для эскадры, куда бы она ни пошла; съ греческихъ остро-
«вовъ получали мы превосходное вино; на азіатскомъ берегу не было
«недостатка въ быкахъ; одинъ хлѣбъ доставали съ большимъ тру-
«домъ. Только тѣ, которые сами испытали это, знаютъ, какого

Digitized by Google

«стóитъ труда заставить торговыхъ агентовъ выполнить заключен-«ные съ ними контракты; быть можетъ, это не такъ трудно, какъ «командовать флотомъ, но уже, конечно, причиняетъ больше заботъ и «попеченій. Адмиралъ Лаландъ занимался этимъ предметомъ съ неусып-«нымъ стараніемъ и успѣшно, и его подчиненные, которые пользова-«лись плодами такой заботливости, были ему чрезвычайно благодарны».

Далѣе слѣдуетъ страница дѣльныхъ разсужденій о дисциплинѣ на кораблѣ, о необходимости неограниченной власти, ввѣренной капитану, и о рѣдкихъ случаяхъ злоупотребленія этой власти.

«Не рѣдко встрѣчаются примѣры капитана храбраго, твердаго, «даже строгаго, но всегда справедливаго, избѣгающаго умноженія нака-«заній, чтобъ сохранить имъ всю ихъ дѣйствительность, и примѣняю-«щаго ихъ суровость только къ виновнымъ неисправимымъ. Если, съ «этимъ, онъ учтивъ съ подчиненными и заботится объ ихъ благосостоя-«ніи, если онъ имѣетъ нѣкоторыя изъ блестящихъ качествъ начальника, «и умѣетъ, управляя хорошо кораблемъ, успѣхами своими льстить «самолюбію ввѣреннаго ему экипажа,—о, тогда любовь къ нему «не имѣетъ границъ! Корабль его, на простодушномъ и выразитель-«номъ языкѣ матросовъ, получаетъ названіе—*Божьяго корабля*, и «нѣтъ такой вещи, которой онъ не могъ бы требовать отъ людей, «находящихся подъ его командою. При входѣ въ гавань, съ нимъ «разстаются со слезами; иногда матросы въ торжествѣ несутъ его «на берегъ на рукахъ, и въ тотъ день, когда онъ опять идетъ въ море, «онъ можетъ смѣло быть увѣренъ, что старые его сослуживцы сдѣ-«лаютъ все на свѣтѣ, чтобы снова быть подъ его начальствомъ.

«И такъ, за неимѣніемъ другихъ причинъ, собственная выгода «капитана совѣтуетъ ему наблюдать соединеніе снисхожденія и стро-«гости и умѣренное употребленіе власти,—отличительное свойство «хорошаго правленія,—но онъ былъ бы достоинъ сожалѣнія, если «бы, въ этомъ случаѣ, слушался только своей собственной выгоды, «и если бы побужденія, болѣе благородныя, не дѣлали изъ него отца «его подчиненныхъ. Это побужденіе—любовь. Когда люди сознаютъ «что способъ обращенія съ ними внушенъ любовію, то они все го-«товы принять отъ того, кто ведетъ ихъ, все ему прощаютъ. А ни-«кто не умѣетъ съ такою проницательностію различать истинныя «чувства начальника, какъ матросы корабля—это собраніе пустын-«никовъ, отдѣленныхъ отъ остальнаго міра, которые почти всѣ часы «дня могутъ употреблять на наблюденія и размышленіе о видѣнномъ. «Эти люди, суровые и грубые, обладаютъ чудесно-тонкимъ чутьемъ «и умѣютъ распознавать доброжелательство даже подъ наружно-«стію самой непреклонной суровости. И можетъ ли капитанъ не лю-

Digitized by Google

«быть своихъ подчиненныхъ? Я призываю въ свидѣтели того, кто «былъ на морѣ, во время бури, неся на себѣ отвѣтственность за «жизнь семи или восьми сотъ человѣкъ, и имѣя нужду, для общаго «спасенія, во всей ихъ преданности, во всемъ ихъ мужествѣ. Видя, «какъ эти люди съ довѣрчивостію устремляютъ на него свои взоры, «и какъ будто говорятъ ему своимъ молчаніемъ: да, мы знаемъ, «участь наша въ твоихъ рукахъ, но мы довѣряемся тебѣ; мы вѣ- «римъ, что ты выведешь насъ изъ опасности превосходствомъ ума «твоего, и отдашь жизнь свою для спасенія послѣдняго изъ насъ! «когда всѣ эти голоса, какъ будто сливаются въ одинъ голосъ, «чтобы говорить ему такія рѣчи, можетъ ли онъ удержаться отъ «глубокаго умиленія? Можетъ ли не чувствовать, какъ звучатъ вну- «три его благороднѣйшія фибры души человѣческой? Ничто такъ не «возвышаетъ сердце, какъ эта единодушная довѣренность экипажа «къ своему начальнику, какъ слѣпая преданность, съ которою не «щадятъ жизни для исполненія его приказаній, въ томъ убѣжденіи, «что и онъ, съ своей стороны, готовъ для нихъ сдѣлать то же. Въ этой «общей опасности и въ общихъ усиліяхъ изъ нея выйдти, въ этомъ «обязательствѣ капитана и матросовъ принести, если потребуетъ «долгъ, взаимную жертву своей жизни—есть нравственная связь; «связь истинно семейная, что-то похожее на узы, соединяющія отца «съ дѣтьми и дѣтей съ отцомъ. Что можно справедливѣе сравнить «съ отеческимъ чувствомъ, какъ не обязанность капитана послѣд- «нему покинуть свой погибающій корабль? Если бы даже онъ дол- «женъ былъ пропустить тысячу случаевъ къ своему спасенію; если «бы даже ему оставалось спасти одного человѣка изъ своихъ подчи- «ненныхъ: то и тогда его обязанность, или, лучше сказать, прей- «мущество его начальничества, которымъ онъ наиболѣе гордится.— «велитъ ему остаться послѣ всѣхъ на полуразрушенномъ и готовомъ «потонуть кораблѣ. И пусть знаютъ, что въ числѣ необходимо значи- «тельномъ нашихъ кораблей, которые, въ теченіе многихъ лѣтъ, «были доведены до такой ужасной крайности, не нашлось капитана, «котораго привязанность къ жизни заставила бы измѣнить этой «отеческой и славной обязанности (*). Я довольно сказалъ, чтобы «дать понять, на какихъ основаніяхъ держится морская дисциплина. «Изъ этого видно, что взаимная любовь и благодарность между

(*) «Я ошибаюсь; былъ одинъ примѣръ: въ 1816 году, капитанъ Медузы Ше- «марѣ имѣлъ несчастіе покинуть свой корабль. Вѣчный упрекъ тѣмъ, кото- «рые могли ввѣрить французскій флагъ и жизнь трехъ-сотъ человѣкъ охра- «ненію офицера, которому до того были чужды воспоминанія благородной «морской службы, что онъ забылъ даже ея славныя преданія о долгѣ и чести»

Digitized by Google

«начальникомъ и подчиненными несравненно дѣйствительнѣе, нежели «все проявленіе власти и строгость наказаній».

5 августа, англійскій флотъ, состоящій изъ десяти кораблей, сталъ на якорь возлѣ французской эскадры, какъ союзникъ ея, готовый помогать вмѣстѣ съ нею египетскому пашѣ и препятствовать предполагаемому нападенію Русскихъ на Константинополь. Описывается соревнованіе, порожденное присутствіемъ этой давнишней соперницы Франціи; удвоенная ихъ ревность въ исполненіи различныхъ морскихъ манёвровъ; осторожность и нѣкоторая холодность, которыя они наблюдали въ поступкахъ съ минутными союзниками, и желаніе ихъ помѣряться съ ними въ открытомъ морѣ.

«Эскадра», говоритъ Принцъ, «продолжительнымъ изученіемъ при«обрѣла единственное качество, котораго недоставало французскимъ «морякамъ, чтобы сравниться съ англійскими—образованіе. Въ са«момъ дѣлѣ, неудачи, претерпѣнныя нами во время имперіи, могутъ «быть отнесены только къ недостатку познаній устройства и по«рядка. Побѣжденные въ способахъ дѣйствій, продолжаетъ онъ, мы «никогда не были побѣждены въ храбрости: исторія Джемса—эта «оффиціальная газета англійскаго флота, доказываетъ, что если ка«кой-нибудь случай не позволялъ нашимъ соперникамъ подавить «насъ, при самомъ началѣ дѣйствія, своимъ превосходствомъ, то «побѣда всегда оставалась за нами».

Эскадра адмирала Паркера имѣла надъ Французами неоспоримое преимущество: нѣсколько прекрасно-устроенныхъ и вооруженныхъ пароходовъ, которые могли буксировать суда въ Константинопольскій проливъ и Черное море противъ вѣтра и теченій, что для Французовъ, съ двумя слабыми и вѣтхими пароходами, было бы чрезвычайно затруднительно. Въ концѣ октября, Англичане, видя, что Русскіе ничего не предпринимаютъ, ушли, оставивъ одинъ фрегатъ, для наблюденія за французскими кораблями; но и тотъ, по настоянію адмирала, послѣдовалъ за своею эскадрою. Бурная осенняя погода принудила французскій флотъ возвратиться въ Смирну, гдѣ онъ и оставался до начала 1840 года. Надежда на войну съ Англіею не сбылась. Флотъ возвратился въ Тулонъ.

II.

Новая эра наступала для него. Ему нечего было болѣе пріобрѣтать; но онъ могъ все утратить.

«Прежде всего должно было предохранить его отъ разрушенія— «отразить удары, открытые и тайные, наносимые ему нѣкоторыми «изъ экономистовъ собраній. Конечно, неоспоримая обязанность на«родныхъ представителей состоитъ въ томъ, чтобы подвергать упо-

Digitized by Google

«требленіе государственной казны точнѣйшимъ изслѣдованіямъ и «уничтожить всѣ издержки, которыя недостаточно оправдываются «необходимостію; но это соблюденіе выгодъ государственныхъ должно «быть произведено съ знаніемъ дѣла, въ особенности въ томъ, что «относится до службы, подобной морской. Многіе, не имѣющіе по- «нятія о дѣлѣ, разсуждали такимъ образомъ: нынѣшній годъ намъ «нѣтъ надобности въ корабляхъ; мы со всѣми въ мирѣ; намъ не- «нужно подкрѣплять силою оружія никакихъ переговоровъ; нѣтъ «особеннаго случая выказать вліяніе Франціи на политическія дѣла «Европы. Уничтожимъ эскадру; распустимъ матросовъ, разснастимъ «корабли; такимъ образомъ, мы соблюдемъ большую экономію. Если «въ промежуткѣ, отъ нынѣшняго года до будущаго, наши иностран- «ныя сношенія потребуютъ употребленія морской силы, то стоитъ «только снова вооружить корабли—флотъ опять будетъ готовъ, а «между тѣмъ, мы сбережемъ годъ жалованья, припасовъ, издержекъ «на содержаніе, поправки, и проч. На это люди опытные отвѣчали: «Поступая такимъ образомъ, вы сдѣлаете самое пагубное распоря- «женіе. Въ вещественномъ отношеніи, издержки разснастки и новаго «снаряженія кораблей, въ такой короткій срокъ, несравненно пре- «взойдутъ издержки на содержаніе флота. Что касается до нравст- «венныхъ послѣдствій,—обученіе вашихъ матросовъ, пріобрѣтенную «опытность, преданія—все, для чего необходимы время и послѣдо- «вательность, и чего нельзя замѣнить деньгами—все это вы броситe «на вѣтеръ. Такимъ-то образомъ, приходилось нашимъ государствен- «нымъ людямъ бороться каждый годъ за сохраненіе эскадры. Усилія «ихъ, къ счастію, увѣнчались успѣхомъ, и если самыя строгія со- «кращенія постепенно постигали ее, отъ 1839 до 1852 года, то, «по крайней мѣрѣ, непрерывность ея существованія была уважена; «въ жизни ея не было ни одного дня промежутка, какъ уже ска- «зано; дѣло адмираловъ состояло въ томъ, чтобы не создавать уже, «а только сохранять и поддерживать созданное. Къ этой обязанности, «требующей столько же разсудительности, сколько самоотверженія, «никто не былъ способнѣе смѣнившаго г. Лаланда—адмирала Гюгона, «стараго превосходнаго моряка временъ имперіи, начальника всѣми «уважаемаго за твердость и прямоту ума.

«Таково уже свойство человѣческой природы, что каждый до- «вольнѣе собою, нежели другими, и болѣе имѣетъ вѣры въ свои «собственныя созданія, нежели въ созданія другихъ людей. Если ка- «кой-нибудь человѣкъ смѣняетъ другаго въ начальствѣ—въ военной «или въ гражданской службѣ, на твердой землѣ, или на морѣ,—то вы «рѣдко увидите, чтобы онъ устоялъ противъ искушенія сдѣлать иначе,

Digitized by Google

«нежели его предшественникъ. Развѣ у него нѣтъ также своихъ «собственныхъ идей, которыя онъ можетъ приводить въ исполненіе? «Развѣ не должно и ему также оставить на вещахъ отпечатокъ сво- «его ума и слѣды своей дѣятельности? Въ управленіи округомъ, «какъ и въ правленіи государствомъ, всегда были достойны замѣча- «нія умы, довольно умѣренные и мудрые, чтобы просто продолжать «благое дѣло, начатое прежде ихъ. Отчего же на эскадрѣ не суще- «ствовать подобному искушенію—отличиться въ употребленіи власти «и ознаменовать своимъ именемъ какое-нибудь громкое нововведеніе? «Адмиралъ Гюгонъ пользовался хорошею славою, и не былъ «доступенъ честолюбію такого рода; слишкомъ много было «прямоты въ его сердцѣ и умѣ, и онъ не могъ затѣвать нововве- «денія единственно для пользы своего самолюбія. Онъ усыновилъ «эскадру адмирала Лаланда, усвоилъ всѣ его мысли, и только тѣ «мысли, которыя до него получили свое принаровленіе. Нельзя до- «вольно почтить вниманіемъ это мудрое поведеніе, которому подра- «жали впослѣдствіи всѣ адмиралы, замѣнившіе г. Гюгона въ коман- «дованіи эскадрою. То была, можетъ статься, самая большая услуга, «оказанная нашему флоту.

«Освятить такимъ образомъ давностію то, что уже существо- «вало на дѣлѣ, было, безъ сомнѣнія, самымъ плодотворнымъ ново- «введеніемъ тамъ, гдѣ все такъ долго колебалось въ нерѣшимости, «потому что всѣ учрежденія были только временныя. Съ этой ми- «нуты, наша морская сила переставала быть зданіемъ, выстроен- «нымъ на скорую руку, безъ основныхъ началъ, безъ твердаго «фундамента, и которому суждено было упасть при первомъ дуно- «веніи вѣтра; она пріобрѣтала прочность въ своемъ внутреннемъ со- «ставѣ, и чрезъ это одно готовилась получить вскорѣ, подобно «сухопутной арміи, собраніе учрежденій, освященныхъ опытомъ; «она готовилась имѣть преданія, и эти преданія, впослѣдствіи, полу- «чатъ всю силу и святость законовъ.

«Благородныя усилія адмирала Гюгона нашли ревностное со- «дѣйствіе въ офицерахъ и матросахъ флота, хранившихъ, какъ свя- «тыню, превосходный духъ, внушенный имъ адмираломъ Лаландомъ. «Одного только опасался онъ для моряковъ: скуки, неизвѣстной имъ «въ то время, когда ожиданіе близкой войны сильно занимало умы «всѣхъ. Для отвращенія этого зла, адмиралъ испросилъ у прави- «тельства позволеніе выйдти съ эскадрою въ море, чтобы продол- «жать усовершенствовать ее въ манёврахъ, въ обширномъ и чрез- «вычайно удобномъ бассейнѣ, огражденномъ отъ вѣтровъ цѣпью «Гіэрскихъ острововъ. Произведеніе искусственныхъ высадокъ было

Digitized by Google

«главнымъ изъ этихъ упражненій. И дѣйствительно, въ послѣднее «время всѣ морскія экспедиціи Французовъ въ Мексику, Таити и «Ла-Плату, и Англичанъ—въ Сирію, Китай, и проч. были ничто «иное, какъ рядъ высадокъ. Такимъ образомъ, протекло время 1840—«1843 г. Дѣятельныя привычки мыса Бабы и Безики не были по-«теряны среди спокойной жизни на родинѣ. Потомъ кругъ дѣйствій «моряковъ распространился. Они ходили на съемку береговъ то къ «африканскому материку, то къ берегамъ Италіи. Въ одной изъ «этихъ экспедицій случилось происшествіе, которое поставило эс-«кадру на краю погибели. Зима въ 1848 г. была замѣчательна ча-«стыми и внезапными бурями (coups de vent), которыя, въ обыкно-«венное время, рѣдко встрѣчаются на Средиземномъ морѣ. Безчи-«сленныя бѣдствія были ихъ послѣдствіемъ; всѣ корабли, застигну-«тые въ открытомъ морѣ—потонули. Эти бури, которыя, подобно «лавинамъ, стремятся съ снѣжныхъ скатовъ Пиринейскихъ и Альпій-«скихъ горъ, и во всегдашнемъ своемъ направленіи отъ сѣвера къ «югу, все сокрушаютъ на пути своемъ, тѣмъ болѣе гибельны, что «никакой признакъ, ни даже пониженіе барометра, не возвѣщаетъ «ихъ появленія. Встрѣча съ этими страшными переломами въ при-«родѣ важнѣе для моряка, нежели цѣлый день, проведенный въ «сраженіи. Здѣсь нѣтъ для него ни запаха пороха, ни обаянія славы; «должно бороться всею силою души и тѣла противъ вѣрной опас-«ности, безпрестанно угрожающей и умножающейся подъ тысячью «видами. Паруса изорваны; мачты сломаны; корабль ускользаетъ «отъ воли, которая имъ управляетъ, и поражаемый удвоенными уда-«рами разъяреннаго моря, не находитъ болѣе защиты отъ его на-«паденій. Составъ корабля, подавленный тяжестію артиллеріи, тре-«щитъ со всѣхъ сторонъ; вода стремится во всякій пазъ судна; «борьба отчаянная, и тѣмъ болѣе безстрашная и дѣятельная!... «Сколько времени можно еще будетъ противиться?—Никто этого «не знаетъ; быть можетъ, въ минуту—все будетъ кончено; каждое «протекающее мгновеніе отнимаетъ возможность къ спасенію. Силы «человѣческія истощились; — мужество еще переживаетъ ихъ—и «тутъ-то проявляется могущество дисциплины; тутъ все ея торже-«ство. Взгляните на капитана, крѣпко привязаннаго къ стѣнѣ, на «кормѣ корабля, потому что слишкомъ сильная качка не позволяетъ «никому стоять безъ помощи. Посмотрите, какъ онъ спокоенъ и «ясенъ, и гордъ всею отвѣтственностію и примѣромъ, который «всѣмъ подаетъ. Или, съ Божіей помощію, онъ спасетъ всѣхъ сво-«ихъ добрыхъ товарищей, или погибнетъ, до конца исполняя обя-«занность. Эта мысль, которая одушевляетъ его, одушевляетъ съ

Digitized by Google

«нимъ вмѣстѣ и весь экипажъ; она разносится во всѣ углы корабля
«молодыми гардемаринами, которые тѣснятся вокругъ начальника, ст
«жадностію ловятъ каждое его приказаніе, каждое его движеніе, чтобы
«съ проворствомъ и понятливостію ихъ возраста, передавать ихъ туда,
«гдѣ гулъ разъяренныхъ стихій не позволяетъ разслушать человѣческаго
«голоса. На полѣ сраженія, гдѣ дѣло идетъ о судьбѣ народовъ, полково-
«децъ можетъ иногда хладнокровно видѣть, что его средства дѣй-
«ствія истреблены огнемъ непріятеля: у него, или есть резервное
«войско, которое вдругъ измѣнитъ ходъ дѣла, или онъ надѣется про-
«держаться до заката солнца; а тамъ, быть можетъ, новое утро го-
«товитъ ему благопріятный переворотъ. Въ борьбѣ противъ сти-
«хій—нѣтъ отдохновенія; днемъ, ночью продолжается битва,—битва
«безъ свидѣтелей и безъ славы. Запертые въ крѣпости, которую со
«всѣхъ сторонъ и безъ устали атакуетъ непріятель—вы, чтобы по-
«бѣдить, ждете помощи только свыше, и ждете иногда напрасно!..
«Душа сильно закаляется въ этихъ испытаніяхъ, гдѣ забываешь соб-
«ственную опасность въ опасности общей; гдѣ каждый ежеминутно
«жертвуетъ своею жизнію для спасенія всѣхъ,—и глазомъ можно
«измѣрить, какая тонкая преграда отдѣляетъ его отъ вѣчности!..
«Невозможно, по выходѣ изъ такой борьбы, не чувствовать себя
«лучше; идея о долгѣ увеличивается; дисциплина принимаетъ ха-
«рактеръ священный; возрастаютъ любовь и уваженіе къ начальни-
«ку, съ которымъ дѣлилъ опасность; помышляешь о Богѣ, о бу-
«дущей жизни, и, кажется, съ болѣе возвышенной точки смотришь
«на мелочныя треволненія жизни. Если уже человѣкъ такъ создан,
«что его добрыя впечатлѣнія не могутъ быть продолжительны, то
«эти впечатлѣнія, по крайней мѣрѣ, никогда не изглаживаются со-
«вершенно, и любовь къ родинѣ, разсудительность и набожность
«нашихъ приморскихъ жителей служитъ тому доказательствомъ».

Подобная буря застигла эскадру въ ночь съ 24 на 25 января. Корабли были разбросаны въ разныя стороны; многіе изъ нихъ потерпѣли значительный вредъ, но всѣ, служащіе въ ней, показали силу духа и мужество безпримѣрные; въ этой борьбѣ съ стихіями эскадра не могла считать себя побѣжденною. Исправивъ свои поврежденія въ Тулонѣ, она, на пути въ Алжиръ, выполнила, въ виду острова Майорки, самыя превосходныя и трудныя эволюціи морской тактики. Въ 1842 году, флотъ показывался у италіянскихъ береговъ, и довольно долго стоялъ въ Неаполитанскомъ заливѣ. Слѣдуетъ описаніе выгодъ и пріятностей этого пребыванія.

Въ промежуткѣ отъ 1843 до 1845 г., эскадра уменьшилась до восьми кораблей, и только усилія адмирала Мако и нѣкоторыхъ

Digitized by Google

опытныхъ людей въ собраніи—спасли ее отъ конечнаго разрушенія. Сожалѣнія Принца о выгодахъ, отъ которыхъ отказывается Франція, не заботясь о созданіи флота изъ пароходовъ.

Въ 1843 г., флотъ переходитъ подъ команду адмирала Парсеваль-Дешена, который, по примѣру адмирала Гюгона, благоговѣйно уважаетъ найденное имъ на эскадрѣ устройство. Въ эти три года ея главнымъ дѣломъ было, вмѣстѣ съ сухопутными войсками, обезопасить владычество Франціи въ Алжирѣ; 1843—1846, флотъ, посланный на защиту союзника Франціи, бея тунисскаго, стоялъ на якорѣ противъ мыса Карѳагенскаго, на которомъ Людовикомъ-Филиппомъ воздвигнута часовня, въ память Людовика Святаго. Это было самое трудное пребываніе для эскадры: палящій жаръ—причина множества болѣзней, бездѣйствіе, безпрерывная качка кораблей отъ сильнаго прибоя; Тунисъ — отвратительный городъ, отдѣленный отъ крѣпости Гулетты длинною дорогою по жгучему и зыбкому песку, на берегу вонючаго болота, никому, видѣвшему его однажды, не внушалъ желанія побывать въ немъ еще разъ. Одно священное чувство долга и благородныя преданія чести—спасаютъ въ такія минуты моряковъ отъ самаго пагубнаго унынія.

Въ 1846 году французская эскадра показывается передъ Триполемъ, съ угрозами пашѣ, который тревожитъ союзника Франціи—тунисскаго бея. Описаніе внѣшняго и внутренняго вида города.

Въ 1847 году, размѣръ морскихъ силъ еще уменьшенъ. Эскадра состоитъ только изъ пяти кораблей и одного фрегата; но эти суда самаго сильнаго калибра. Никогда еще Франція не могла представить своимъ друзьямъ и непріятелямъ столь сильнаго и твердаго ядра морской силы. Съ рѣдкою опытностію офицеровъ и экипажей—она соединяла, недоступную ей до сихъ поръ, быстроту движенія; къ каждому кораблю былъ присоединенъ пароходъ для буксированія. Въ первый еще разъ, флотъ, при противномъ вѣтрѣ, совершилъ въ 36 часовъ плаваніе изъ Спеціи въ Тулонъ. Военная сила кораблей состояла изъ 6 тысячъ.

III.

Революція 1848 года. Эскадрою командовалъ адмиралъ Боденъ, морякъ, носящій славныя раны, съ простыми и откровенными пріемами, съ открытою физіономіею, на которой отражались благороднѣйшія свойства души, исполнявшій съ твердостію и быстротою все, что ему предписывали долгъ и совѣсть. Эскадрѣ, болѣе счастливой, нежели сухопутная армія, предоставлено было продолжать служеніе отечеству, не вмѣшиваясь въ междоусобные раздоры, и не проливая крови соотечественниковъ.

Digitized by Google

Послѣ краткаго пребыванія на Гіэрскихъ островахъ, она послана была къ берегамъ Италіи, гдѣ имѣла вліяніе на ходъ политическихъ происшествій, не вступая въ битву. Трудно было, говоритъ авторъ, найдти гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, такое соединеніе качествъ, нужныхъ солдату, и патріотическихъ добродѣтелей, какое встрѣчалось въ то время на флотѣ. Въ противоположность анархіи и своеволію, царствовавшимъ во Франціи, онъ представлялъ самую строгую дисциплину. Офицеры отличались спокойнымъ благоразуміемъ, самоотверженіемъ; никогда не заботились о выгодахъ собственнаго честолюбія, но старались распознать, что предписывала имъ честь, и шли этимъ путемъ неуклонно; вотъ что внушило общее уваженіе къ эскадрѣ и давало ей нравственный вѣсъ, изъ котораго, къ счастію, для Франціи, она дѣлала постоянно хорошее употребленіе.

Описаніе политическихъ смутъ Италіи и Сициліи. Эскадры англійская и французская у береговъ Сициліи. Видимое согласіе и тайная недовѣрчивость и разномысліе адмираловъ двухъ націй.

Эскадра отличается и въ транспортѣ войскъ на паровыхъ судахъ, подъ командою капитана Трегуара, въ римскую экспедицію. Никогда сажаніе на суда подобнаго числа людей, ихъ перевозка и высадка, не производились съ такимъ порядкомъ, правильностію, легкостію, даже по мнѣнію самихъ Англичанъ.

Немного остается сказать о ролѣ эскадры въ послѣдніе года. Она появлялась въ Средиземномъ морѣ, во время несогласія между портою и сѣверными державами, по поводу венгерскихъ мятежниковъ и во время дѣла жида Пачифико; но дѣйствіе ея было болѣе отрицательное.

Въ 1850 г. назначенъ былъ въ Шербургѣ смотръ флоту президентомъ республики. Не только изъ Парижа, но и со всѣхъ концевъ Франціи, народъ стремился увидѣть любопытное зрѣлище. Во Франціи любятъ морскую службу; но мало имѣютъ объ ней понятія, и за исключеніемъ приморскихъ жителей и немногихъ путешественниковъ, рѣдкіе знаютъ, что такое эскадра.

Заплативъ дань удивленія и сочувствія прекраснымъ кораблямъ и ихъ преданнымъ и смиреннымъ обитателямъ, которые, съ единственною цѣлію проливать кровь за отечество, покидаютъ родной кровъ и семейныя радости и подвергаются величайшимъ опасностямъ,— вниманіе зрителей поражено было различною физіономіею офицеровъ и матросовъ, холоднымъ и нѣсколько гордымъ спокойствіемъ пер-

Digitized by Google

выхъ и веселымъ нравомъ послѣднихъ. Правда, что сознаніе своего достоинства, ясное понятіе о долгѣ, даютъ первымъ этотъ оттѣнокъ гордости; дорога ихъ такъ открыта; выгода и честь такъ тѣсно сопряжены между собою, что колебаться не возможно. Но одиночество, продолжительныя странствія по морямъ, длинныя ночи, проведенныя на стражѣ, располагаютъ къ меланхоліи и раскрываютъ душу для живыхъ и глубокихъ чувствъ. Отъ этого, не смотря на видимую холодность и гордость, не смотря на суровость, порожденную привычкою повелѣвать съ юныхъ лѣтъ, нѣтъ людей съ сердцемъ болѣе горячимъ, какъ у моряковъ.

То же можно сказать и о матросахъ. «Матросъ поступаетъ на «корабль, едва выходя изъ тѣснаго круга семейной жизни. Рѣдко «случается, чтобы, сынъ рыбака, онъ не былъ пріученъ съ дѣтства «къ исполненію религіозныхъ обязанностей. Стало быть, морская «служба обыкновенно принимаетъ его прежде, нежели онъ бываетъ «испорченъ гибельными ученіями разврата. Дисциплина овладѣваетъ «имъ и доказываетъ ему, что ни одна изъ дурныхъ его наклонностей,—если онъ ихъ имѣетъ,—не останется безъ наказанія. Го«сударство удовлетворяетъ всѣмъ его нуждамъ, какъ и нуждамъ «солдата; но оно никогда не оставляетъ его, подобно послѣднему, «въ жертву неизбѣжной праздности гарнизоновъ. Всегда занятый на «кораблѣ, матросъ каждую минуту находится лицомъ къ лицу съ «опасностію. Лѣзть, въ темную ночь, на рею, которая сильно ка«чается, крѣпить парусъ, который, отъ инея, сдѣлался жесткимъ, «какъ дерево, и который порывами вѣтра обвивается вокругъ его «тѣла,—это дѣйствіе такъ же опасно и требуетъ столько же хладно«кровія и безстрашія, какъ и лѣзть на приступъ горы, на гребнѣ «которой засѣли Кабилы. Это дѣло смѣлости матросъ исполняетъ «каждодневно, и его не поддерживаетъ даже надежда на славу. Со«храни Боже, — лопнетъ веревка, поскользнется нога, — и онъ по«гибаетъ безвѣстною смертію! Войска, которыя бывали въ огнѣ, при«обрѣтаютъ двойную цѣну. Матросъ, который каждодневно под«вергаетъ опасности жизнь свою, въ борьбѣ со стихіями, почерпаетъ «въ привычкѣ презирать смерть зародышъ всѣхъ благородныхъ чувствъ.»

Послѣ смотра въ Шербургѣ, эскадра зимовала въ Брестѣ; потомъ была посылана къ Кадиксу, а оттуда въ Средиземное море, гдѣ и находится теперь, подъ командою адмирала Ласюса, бывшаго вице-адмираломъ при г. Ламандѣ, въ Безикѣ. Нужно ли прибавлять, что славныя преданія морской службы не находятся въ опасности погибнуть? Въ наружномъ составѣ флота производится значительное

Digitized by Google

улучшеніе, посредствомъ столь полезнаго и обильнаго послѣдствіями введенія военныхъ пароходовъ.

Скорость! Вотъ цѣль, къ которой направлены теперь величайшія усилія человѣческаго ума! Можно сказать, что его занимаетъ только одно: какъ бы передавать свою мысль и исполнять ее самыми быстрыми и вѣрными средствами. Электрическій телеграфъ, желѣзныя дороги, пароходы, внушены однѣми и тѣми же нуждами, одними и тѣми же желаніями и побужденіями. Отъ этихъ изобрѣтеній и введенія особенно-мѣткихъ ружей, война приметъ совершенно новый видъ. Гдѣ бы нашлись предѣлы человѣческому генію, еслибы сила характеровъ шла объ руку съ могущественнымъ развитіемъ ума?

Окончу свой трудъ послѣднимъ замѣчаніемъ. Вещественная сторона всякой службы имѣетъ свою неоспоримую важность, но эта важность второстепенная. «Когда дѣло идетъ о томъ только, чтобы «дать форму желѣзу и дереву, время можетъ быть замѣнено день«гами, вина небрежности заглажена дѣятельностію. Но, чего не могутъ «доставить деньги, что не создается мигомъ,—это люди съ характе«ромъ, развернутымъ въ нихъ воспитаніемъ; это духъ, ихъ оживля«ющій. Здѣсь потребно дѣйствіе времени; нужны усилія воли «твердой и послѣдовательной. Если же это дѣйствіе будетъ прервано, «если эта воля и послѣдовательность вдругъ ослабѣютъ, то ни «сокровища свѣта не замѣнятъ утраченнаго, не скрѣпятъ снова порван«ной нити добрыхъ и спасительныхъ преданій!»

Авторъ старается обратить вниманіе своихъ соотечественниковъ на выгоды, какія Франція получила бы отъ созданія флота изъ пароходовъ.

1-е) Для защиты береговъ отъ нападенія сильнаго на морѣ непріятеля, напр. Англичанъ. «Въ случаѣ войны, говоритъ онъ, Англичане, при помощи своихъ пароходовъ, могутъ, въ нѣсколько часовъ, перенестись изъ Портсмута, или устьевъ Темзы, къ нашимъ берегамъ, войдти въ наши рѣки, истребить наши города, арсеналы и богатства торговли; угрожать всѣмъ нашимъ берегамъ, господствовать на Средиземномъ морѣ, прервать наши сообщенія съ Алжиромъ и блокировать всѣ наши гавани.»

2) Для нападеній на берега Англіи, которая болѣе всего тверда увѣренностію въ своей неприступности, и для причиненія ей доселѣ неизвѣданнаго ею вреда.

3) Для нападеній на непріятельскіе корабли въ открытомъ морѣ и нанесенія вреда ихъ торговлѣ.

4) Для быстраго перенесенія войскъ на разные пункты Европы, въ случаѣ континентальной войны.

Digitized by Google

Свои доводы онъ подкрѣпляетъ примѣромъ Англіи, которая, не жалѣя ни трудовъ, ни издержекъ, создала въ короткое время флотъ изъ 125-ти пароходовъ; изъ нихъ 75 вооруженныхъ, которые съ отличнымъ знаніемъ морскаго дѣла соединяютъ необыкновенную быстроту, могучую артиллерію и обширное помѣщеніе для войскъ. Какихъ пожертвованій стоило Франціи довести флотъ свой въ 1840 году до 20 кораблей! Случись тогда война,—къ чему послужили бы всѣ эти жертвы? Предположивъ даже самые блистательные успѣхи, одержанные французскими кораблями надъ непріятельскими, эти успѣхи стоили бы имъ, и въ людяхъ и въ вещественномъ отношеніи, потерь, которыхъ Франція не въ состояніи была бы замѣнить. Эта побѣда была бы гибелью для ея флота. Нѣсколько разъ видали, что изъ нея, какъ будто очарованіемъ, рождались новыя войска, когда вся армія была истреблена; но матросовъ нельзя создавать какъ солдатъ; матросъ никогда не будетъ хорошъ, если съ дѣтства не свыкся съ моремъ.

Отнынѣ корабли не могутъ составить сущности морской силы; употребленіе пароходовъ неизбѣжно сводитъ ихъ на второстепенную ролю осадной артиллеріи въ сухопутномъ войскѣ,—противъ крѣпости, приморскаго города и проч.; однимъ словомъ, для наступательной и оборонительной войны, для охраненія своихъ береговъ, или нападенія на непріятельскіе, для успѣшнаго содѣйствія сухопутнымъ войскамъ,—военные пароходы теперь необходимы.

Второй пунктъ, на который настаиваетъ авторъ, это то, что всякій разъ, когда французскіе корабли входили въ бой съ англійскими, эскадра противъ эскадры, то эти сраженія всегда бывали гибельны для Французовъ. Напротивъ того, французскіе корсары, въ послѣднее время Имперіи, наносили большой вредъ англійской торговлѣ, т. е. поражали Англію въ самое сердце, вредили ей въ ея жизненной силѣ. «Этой цѣли, говоритъ онъ, достигнетъ Франція искуснымъ распредѣленіемъ крейсеровъ на всѣхъ пунктахъ земнаго шара. Въ каналѣ и Средиземномъ морѣ эту обязанность могли бы исполнять пароходы; въ дальныхъ моряхъ, напротивъ того, фрегаты самаго большаго размѣра. Съ достаточною военною силою и многочисленнымъ экипажемъ, этотъ родъ кораблей можетъ поднимать запасы, необходимые для продолжительнаго плаванія. Вмѣсто одного фрегата и нѣсколькихъ бриковъ, которые мы содержимъ въ каждой изъ нашихъ отдаленныхъ приморскихъ колоній, учрежденіе двухъ, или трехъ фрегатовъ, самаго большаго калибра, подъ командою адмирала, было бы въ мирное время чрезвычайно благодѣтельно для нашей торговли; а въ военное

Digitized by Google

мы не были бы осуждены видѣть, какъ непріятельскіе фрегаты, безъ боя, подбираютъ на морѣ наши мелкія суда. Вообще пароходы должны удаляться отъ береговъ только на такое разстояніе, съ котораго они могутъ опять возвратиться, не возобновляя свой угольный запасъ. Иначе, лишенные непріятелемъ средствъ возобновить его, они приведены будутъ въ бездѣйствіе, такъ какъ большая часть изъ нихъ очень тяжелы на ходу подъ парусами».

Слѣдовательно, продолжаетъ авторъ, цѣлію нашихъ морскихъ учрежденій, предполагая возможность, хотя самую отдаленную, войны съ Англіею, должно быть: сильное устройство и развитіе морской паровой силы около береговъ и въ Средиземномъ морѣ; учрежденіе сильныхъ крейсеровъ, искусно размѣщенныхъ на всѣхъ пунктахъ земнаго шара, въ мирное время, для охраненія торговыхъ выгодъ, въ военное—для болѣе успѣшнаго дѣйствія противъ непріятеля.

Для осуществленія первой части этого предположенія, должно бы, прежде всего, избѣгать безполезныхъ издержекъ на сооруженіе великолѣпныхъ верфей, назначенныхъ правительствомъ для починки и снабженія еще не существующихъ пароходовъ.

Потомъ, должно бы, наконецъ, перемѣнить мнѣніе о пользѣ кораблей, изучать и усовершенствовать пароходы, пробовать ихъ прежде, чѣмъ создавать множество пароходовъ по неудачному образцу, что ведетъ къ частымъ ошибкамъ.

Опредѣлить для каждаго рода службы свою часть.

Содержать эскадру, по крайней мѣрѣ, изъ 20-ти военныхъ пароходовъ. Поручить офицерамъ этой эскадры составленіе тактики для пароваго флота.

Назначить для сношеній съ Алжиромъ достаточную, но ограниченную часть почтовыхъ пароходовъ.

Создать нѣсколько легкихъ пароходовъ, гдѣ все было бы пожертвовано для быстроты, для передачи приказаній правительства.

Содержать 22 вооруженныхъ фрегата 1-го ранга, для отдаленныхъ морскихъ колоній. Вообще, издержки на паровой флотъ, послѣ перваго обзаведенія, не превышали бы издержекъ на содержаніе обыкновенныхъ кораблей.

Прибавленія къ книгѣ содержатъ:

1) *Общее состояніе флота.*

Въ 1844-мъ году, за исключеніемъ недоконченныхъ и негодныхъ къ употребленію, во Франціи было 43 парохода. Авторъ перебираетъ ихъ по одиначкѣ, разсматривая ихъ качества и недо-

Digitized by Google

статки и входя въ изъясненіе причинъ. Между прочимъ, онъ разсуждаетъ, какая должна быть разница въ вооруженіи пароходовъ и кораблей и въ самомъ способѣ сражаться, на тѣхъ и другихъ. Эта разница основана на ихъ различномъ устройствѣ. Въ противность кораблю, середина парохода, гдѣ помѣщена машина, самая слабая, а корма и носъ самыя сильныя его части. Слѣдовательно и должно вооружать послѣднія; а такъ какъ пространство не позволяетъ помѣстить тутъ многочисленной артиллеріи, то и слѣдуетъ замѣнить число пушекъ калибромъ. Этой системѣ, давно-усвоенной Англичанами и Северо-американцами, слѣдуютъ теперь Русскіе, Голландцы, Неаполитанцы и всѣ морскія державы. Изъ 43-хъ военныхъ пароходовъ Франціи, до 18-ти безпрестанно употребляются для сообщенія съ Африкою, 9-ть слабыхъ, годныхъ только для мѣстной службы. Остается отъ 16-ти до 17-ти пароходовъ для непредвидѣнныхъ порученій и для отдаленныхъ стоянокъ. Такова вся сила, которую въ случаѣ войны Франція могла бы предоставить случайностямъ битвы!

Сравнительный взглядъ на англійскій паровой флотъ.

Авторъ чрезвычайно хвалитъ Англичанъ за то, что они не иначе рѣшаются строить пароходы по извѣстному образцу, какъ по зрѣломъ разсмотрѣніи различныхъ моделей, присланныхъ въ конкурсъ, — по долгомъ сравненіи и обдуманіи; отчего въ устройствѣ ихъ пароходовъ происходятъ постепенныя, но значительныя измѣненія и усовершенствованія. Французовъ, напротивъ, упрекаетъ за поспѣшность и необдуманность, съ какими они, безъ предварительныхъ испытаній, принимаютъ модели и размножаютъ постройку пароходовъ по образцу, который часто оказывается полнымъ ошибокъ и неудобствъ.

Во 2-мъ прибавленіи авторъ доказываетъ, что содержаніе флота военныхъ пароходовъ стоило бы дешевле обыкновенныхъ кораблей. На то, что издерживается для содержанія фрегата 2-го ранга, можно бы содержать 2 паровые фрегата въ 450 силъ, или 3 въ 320; а на содержаніе корабля 1-го ранга можно имѣть 6-ть пароходовъ въ 220 силъ, способныхъ быстро и безопасно перевозить 3,000 человѣкъ войска.

«Но я нисколько не намѣренъ, продолжаетъ авторъ, ограничить ихъ ролю перевозкою. Многіе отрицаютъ значеніе пароходовъ въ военномъ отношеніи; но пусть скажутъ, какой былъ бы исходъ сраженія между кораблемъ втораго ранга, и, равными ему по издержкамъ, 2-мя пароходами въ 450 силъ; между нимъ и тремя парохо-

Digitized by Google

дами въ 320 силъ; между кораблемъ 1-го ранга и шестью пароходами въ 220 силъ? Не говорю уже о томъ, что пароходъ всегда воленъ принять сраженіе, или отказаться отъ него, и напротивъ того, почти во всѣхъ случаяхъ, можетъ принудить къ битвѣ противника; что онъ можетъ избирать свое разстояніе и точку нападенія, и между тѣмъ, какъ масса корабля представитъ обширную цѣль мѣтко напрэвленнымъ выстрѣламъ его артиллеріи, могучей калибромъ и дѣйствіемъ, самъ онъ, особеннымъ способомъ самаго удобнаго для него нападенія, ускользаетъ отъ большой части ударовъ противника».

Въ числѣ издержекъ—главная, безспорно, котелъ, который въ алжирскихъ пароходахъ служитъ отъ пяти до шести лѣтъ. Если бы корабли, подобно пароходамъ, находились въ безпрестанной службѣ, то расходы на ихъ содержаніе и починку были бы гораздо значительнѣе. Но и эту издержку можно сократить, замѣнивъ чугунные котлы мѣдными, которые служатъ втрое долѣе, и послѣ разрушенія которыхъ остается матеріалъ, сохраняющій свою цѣнность.

Прибавленіе третіе. Сравнительная таблица, съ поясненіями издержекъ на содержаніе кораблей и на созданіе паровaго флота въ такомъ же размѣрѣ.

Списокъ пароходовъ, находящихся въ дѣйствительной службѣ и на верфяхъ.

Таблица годоваго содержанія судовъ всякаго рода.

Извлеченіе изъ бюджета Англіи на содержаніе пароходовъ, 1844—1845 г.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

Digitized by Google

ГОРОСКОПЪ

ПОЛОЖЕНІЕ СВѢТИЛЪ НЕБЕСНЫХЪ

ПРИ РОЖДЕНІИ

ЛУДОВИКА-НАПОЛЕОНА.

R. 218° 58'

ШИР.	
☿	0° 51' N.
♄	2 29 N.
♃	0 56 S.
☉	0 21 S.
☽	* *
♂	1 34 S.
♀	2 31 S.
☊	5 12 N.
⊕	* *

Digitized by Google

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Еще герцогъ Веллингтонъ.—Былъ ли онъ маршаломъ Франціи?—Маршалъ-вдова.—Литературное похищеніе, или одно надгробное слово двумъ маршаламъ.—Пѣснь музы подъ колокольный звонъ.—Воскресеніе адмирала Нельсона.—Нельсонъ-ораторъ.—Не потерялъ ни одного орудія.—Дальновидность криваго глаза.—Парламентскія пренія.—Вильерсъ и д'Израэли.—Неограниченное состязаніе.—Г. Маколей и рѣчь его къ избирателямъ.—Республика въ 170 подданныхъ.—Многосложныя обязанности президента.—Государственный капиталъ въ 200 доллеровъ.—Скачекъ изъ Тихаго океана въ Ледовитое море.—Экспедиція вдовы Франклинъ.—Удобный случай прославиться въ Англіи.—Романы англійскихъ *аболиціонистовъ*.—Романъ въ 150,000 экземпляровъ.—Нравственное электричество.—Романы Мистрисъ Троллопъ и Мистрисъ Чайльдъ.—Теккерей и его *Эсмонтъ*.—Соборъ духовенства въ Англіи.—Прогулка по Ирландіи.—Англо-китайскій астрологъ.—Гороскопъ Лудовика Наполеона.

Похороны герцога Веллингтона—до сихъ поръ еще занимаютъ вниманіе лондонской публики и наполняютъ столбцы англійскихъ журналовъ. Приготовленія къ этой церемоніи длились не мало, и стоили много заботъ тѣмъ, которымъ было поручено дать народу это величественное зрѣлище, доселѣ еще нигдѣ невиданное. Отъ полутора до двухъ милліоновъ зрителей присутствовали при погребальномъ шествіи, и по дорогѣ, по которой слѣдовалъ поѣздъ, двѣсти тысячъ мѣстъ были наняты, считая среднимъ числомъ, по два съ половиною рубля серебромъ за каждое. Тѣснота была неимовѣрная; многіе, еще съ вечера заняли удобныя мѣста, и простояли на нихъ цѣлую ночь, чтобы видѣть похоронный кортежъ. Спокойствіе нигдѣ не было нарушено; но кромѣ этого наружнаго признака уваженія ко всякому покойнику, усвоеннаго обычаями Англіи, на всѣхъ предстоящихъ лицахъ выражалась искренняя горесть, отблескъ глубокаго чувства національности, отличительной черты народнаго характера Англичанъ.

Герцогъ Веллингтонъ имѣлъ восемь фельдмаршальскихъ жезловъ; на похоронахъ несли только семь: *Испанскій*, *Россійскій*, *Прусскій*, *Португальскій*, *Нидерландскій*, *Ганноверскій и Англійскій*. Восьмой *Австрійскій*, но Австрія не прислала своего представителя на похороны герцога, и австрійскій жезлъ не былъ включенъ въ программу церемоніала.

Digitized by Google

ГОРОСКОПЪ

ПОЛОЖЕНІЕ СВѢТИЛЪ НЕБЕСНЫХЪ

ПРИ РОЖДЕНІИ

ЛУДОВИКА-НАПОЛЕОНА.

R. 218° 58'

ШИР.		
☿	0	31 N.
♄	2	29 N.
♃	0	56 S.
☽	0	21 S.
☉	*	*
♂	1	54 S.
♀	2	31 S.
☊	5	12 N.
⊕	*	*

Digitized by Google

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Еще герцогъ Веллингтонъ.—Былъ ли онъ маршаломъ Франціи?—Маршалъ-вдова.—Литературное похищеніе, или одно надгробное слово двумъ маршаламъ.—Пѣснь музы подъ колокольный звонъ.—Воскресеніе адмирала Нельсона.—Нельсонъ-ораторъ.—Не потерялъ ни одного орудія.—Дальновидность криваго глаза.—Парламентскія пренія.—Вильерсъ и д'Израэли.—Неограниченное состязаніе.—Г. Маколей и рѣчь его къ избирателямъ.—Республика въ 170 подданныхъ.—Многосложныя обязанности президента.—Государственный капиталъ въ 200 доллеровъ.—Скачекъ изъ Тихаго океана въ Ледовитое море.—Экспедиція вдовы Франклинъ.—Удобный случай прославиться въ Англіи.—Романы англійскихъ *аболиціонистовъ*.—Романъ въ 150,000 экземпляровъ.—Нравственное электричество.—Романы Мистрисъ Троллопъ и Мистрисъ Чайльдъ.—Теккерей и его *Эсмонтъ*.—Соборъ духовенства въ Англіи.—Прогулка по Ирландіи.—Англо-китайскій астрологъ.—Гороскопъ Лудовика Наполеона.

Похороны герцога Веллингтона—до сихъ поръ еще занимаютъ вниманіе лондонской публики и наполняютъ столбцы англійскихъ журналовъ. Приготовленія къ этой церемоніи длились не мало, и стоили много заботъ тѣмъ, которымъ было поручено дать народу это величественное зрѣлище, доселѣ еще нигдѣ невиданное. Отъ полутора до двухъ милліоновъ зрителей присутствовали при погребальномъ шествіи, и по дорогѣ, по которой слѣдовалъ поѣздъ, двѣсти тысячъ мѣстъ были наняты, считая среднимъ числомъ, по два съ половиною рубля серебромъ за каждое. Тѣснота была неимовѣрная; многіе, еще съ вечера заняли удобныя мѣста, и простояли на нихъ цѣлую ночь, чтобы видѣть похоронный кортежъ. Спокойствіе нигдѣ не было нарушено; но кромѣ этого наружнаго признака уваженія ко всякому покойнику, усвоеннаго обычаями Англіи, на всѣхъ предстоящихъ лицахъ выражалась искренняя горесть, отблескъ глубокаго чувства національности, отличительной черты народнаго характера Англичанъ.

Герцогъ Веллингтонъ имѣлъ восемь фельдмаршальскихъ жезловъ; на похоронахъ несли только семь: *Испанскій*, *Россійскій*, *Прусскій*, *Португальскій*, *Нидерландскій*, *Ганноверскій и Англійскій*. Восьмой *Австрійскій*, но Австрія не прислала своего представителя на похороны герцога, и австрійскій жезлъ не былъ включенъ въ программу церемоніала.

Digitized by Google

Былъ ли покойный герцогъ маршаломъ Франціи?—вотъ вопросъ, затронутый французскими журналами. Ихъ корреспонденты не отыскали этого званія въ лѣтописи палаты Перовъ, и маршальскій жезлъ Франціи не несли на похоронахъ, но въ храмѣ св. Павла, первый герольдмейстеръ Англіи, провозглашая въ послѣдній разъ титулы герцога, при гробницѣ, готовой принять прахъ его, упомянулъ званіе маршала Франціи и герцога Брюнуа (duc de Brunoy). Людовикъ XVIII могъ пожаловать званіе почетнаго маршала покойному герцогу на тѣхъ правахъ, какъ это званіе было оставлено вдовѣ маршала Моро.

При исчисленіи мірскихъ почестей, справедливо заслуженныхъ покойнымъ герцогомъ, не нашлось въ Англіи современнаго Боссюэта, Масильона или Бурдалу, чтобы произнести надъ прахомъ его надгробное слово, гдѣ *слово правды* не рѣдко примѣшивается къ рѣчамъ должной признательности отъ народа и владыкъ его, вѣрнымъ сынамъ и защитникамъ отечества. Въ церкви св. Павла не было христіанскаго витіи, достойнаго славы новѣйшихъ проповѣдниковъ—Чальмерса и Роберта Галля (Hall), не говоря уже о прежнихъ: Тейлорѣ, Гукерѣ (Hooker), Тилотсонѣ (Tillotson), и проч., имена которыхъ будутъ жить всегда въ лѣтописяхъ духовнаго краснорѣчія. Надгробныя слова покойному герою читали не въ храмахъ, а въ залахъ, и въ обѣихъ палатахъ парламента; но тамъ слышны были только краснорѣчивыя фразы ораторовъ; тамъ умъ говорилъ громче сердца; одинъ изъ этихъ витій исполнилъ эту обязанность довольно страннымъ способомъ. Это г. д'Израэли, министръ, канцлеръ казначейства. Или воображеніе романиста потухло подъ гнетомъ министерскихъ заботъ, или г. д'Израэли принялъ литературное воспоминаніе за вдохновеніе собственнаго краснорѣчія, но въ рѣчи своей въ честь герцога Веллингтона, произнесенной предъ полнымъ собраніемъ парламента, онъ буквально перевелъ надгробное слово г. Тьера маршалу Гувіонъ-Сенъ-Сиру!—Трудно было бы повѣрить такому литературному похищенію, если бы журналъ *Globe* не напечаталъ текста тьеровской рѣчи съ надстрочнымъ переводомъ министра-оратора. Случай этотъ доставилъ бы прекрасную главу родителю г. д'Израэли, въ его книгу: *Любопытныя произведенія литературы*. Ужъ не вздумалъ ли г. министръ поглумиться надъ г. Тьеромъ, въ отмщеніе за не совсѣмъ лестные отзывы о покойномъ герцогѣ въ *Исторіи Консульства и Имперіи*, восхваляя словами французскаго историка, побѣдителя его героя?... Во всякомъ случаѣ, огромный успѣхъ этой рѣчи вознаградитъ г. Тьера *за похищеніе*

Digitized by Google

его мыслей,—проступокъ, непредвидѣнный въ трактатѣ народовъ о литературной собственности (*).

Поэзія также принесла дань свою на гробъ умершаго героя. Придворный поэтъ королевы, г. Альфредъ Теннизонъ (Tennyson), остающійся безъ занятій, съ тѣхъ поръ, какъ его уволили отъ *ежегодной* оды въ честь ея величества, напечаталъ *надгробную пѣснь*, въ которой, въ противуположность парламентскимъ рѣчамъ, *сердце говоритъ громче ума*. Онъ самъ предвидитъ въ своемъ сочиненіи, что герцогъ будетъ современемъ имѣть барда достойнѣе его. Г. Теннизонъ призываетъ на помощь своей музѣ—громъ пушекъ, грохотъ барабановъ, звонъ колоколовъ, а эти оглушительные звуки народной панихиды, совсѣмъ заглушили слабые вздохи его смиренной свирели. Прозопопея, внушенная мѣстомъ погребенія, оживляетъ нѣсколько эту лирическую пѣснь. Великій Нельсонъ, пробужденный необычнымъ шумомъ въ храмѣ св. Павла, возстаетъ изъ гроба, и вопрошаетъ: «какой новый гость пришелъ покоиться въ храмѣ чести, шествуя съ распущенными знаменами, съ военною музыкой, съ соборомъ священно-служителей, конвоемъ воиновъ и съ цѣлымъ народомъ въ слезахъ?—Кто пришелъ возмутить мое спокойствіе?»—На этотъ вопросъ славнаго адмирала, поэтъ отвѣчаетъ, «что тотъ, кто пришелъ лечь рядомъ съ нимъ, былъ столь же великъ на сушѣ, какъ адмиралъ на морѣ; что онъ, какъ и Нельсонъ, достоинъ опочивать подъ сводами храма св. Павла, какъ побѣдитель въ ста битвахъ, никогда не потерявшій ни одного орудія». *Не потерялъ ни одного орудія*,—эту удачу герцога Веллингтона, уже другой мѣсяцъ восхваляетъ Англія въ стихахъ и прозѣ, какъ выраженіе всѣхъ военныхъ доблестей. Поэтъ указываетъ еще на другое достоинство герцога, прославленное уже прозаиками. Онъ былъ *мужемъ долга*. Это уваженіе къ своимъ обязанностямъ, точно ставитъ побѣдителя подъ Ватерло—выше Трафальгарскаго героя. Нельсонъ хотя и сказалъ своимъ товарищамъ въ свою послѣднюю битву: «*Англія ожидаетъ, что каждый изъ насъ исполнитъ долгъ свой*»; но самъ онъ не всегда бывалъ рабомъ своего долга, и позволялъ себѣ смѣлыя и удачныя неповиновенія, къ которымъ Веллингтонъ былъ не способенъ. Въ трафальгарское сраженіе, Нельсонъ, услышавъ, что командующій флотомъ поднялъ сигналъ отступленія, приставилъ зри-

(*) Одинъ изъ друзей г. д'Израэли обнародовалъ, что министръ съ умысломъ воспользовался нѣсколькими строками изъ похвальнаго слова маршалу Гувіонъ-Сенъ-Сиръ, напечатаннаго въ *Revue trimestrielle* и переведеннаго въ *Morning chronicle*, по его же указанію.

Digitized by Google

тельную трубу къ своему кривому глазу, и объявилъ, что онъ не видитъ сигнала, который запрещалъ ему побѣдить (*).

Храмъ св. Павла долгое время былъ отворенъ, для желающихъ видѣть убранство церкви на церемонію погребенія. Многіе пожелаютъ, вѣроятно, видѣть покои, гдѣ жилъ герцогъ, и родственники его, надобно полагать, не захотятъ отказать въ этомъ публикѣ. Домъ герцога—дань народной признательности, украшенъ приношеніями двухъ свѣтовъ. Это настоящій историческій и біографическій музей, въ которомъ трофеи, по большой части, образцы изящныхъ искусствъ.

Парламентъ оставался до сихъ поръ въ бездѣйствіи, и былъ созванъ въ ноябрѣ, кажется для того только, чтобы присутствовать при похоронахъ герцога. Теперь палаты начинаютъ по немногу скидывать свой нравственный трауръ, и позволяютъ партіямъ вступать въ парламентскія схватки, при которыхъ покойный герой-министръ (the warrior-statesman) сохранялъ то же хладнокровіе, какъ и на поляхъ сраженій.

Г. Вильерсъ и г. д'Израэли спорятъ теперь, кто изъ нихъ установитъ смыслъ вопроса. Г. Вильерсъ требуетъ, чтобы парламентъ объявилъ, что государство обязано своимъ настоящимъ благосостояніемъ свободной торговлѣ, противъ которой теперешніе министры всегда возставали; а г. д'Израэли хочетъ, чтобы парламентъ вмѣнилъ этимъ министрамъ въ обязанность, согласовать свои мѣры съ этимъ закономъ, то есть, чтобы принудилъ ихъ остаться при управленіи дѣлами и держаться въ нихъ политики ихъ предшественника. И такъ, свободная торговля принята кабинетомъ, подъ названіемъ *неограниченнаго состязанія* (unrestricted competition). Лордъ Пальмерстонъ понялъ, что онъ можетъ втолкнуть свою политическую личность между двумя крайностями, и воспользовался случаемъ.

Каково бы ни было собираніе голосовъ, каковъ бы ни былъ результатъ его, кабинетъ во всякомъ случаѣ удовлетворилъ тѣхъ, которые упрекали ему за двуличность. Эти *двойственныя* мнѣнія подали г. Маколею богатую тему къ остроумнымъ насмѣшкамъ, въ рѣчи его къ своимъ эдимбургскимъ избирателямъ. Рѣчь эта, изъ

(*) Что сказалъ бы Нельсонъ, непримиримый врагъ Франціи, слыша прекрасную рѣчь, въ которой лордъ Дерби наиболѣе восхваляетъ Веллингтона за то, что онъ предпочиталъ миръ войнѣ, и благодаритъ не только давнихъ союзниковъ Англіи, прибывшихъ на похороны герцога, но и Францію, «нѣкогда врага ея, которая, забывъ старинное національное предубѣжденіе, «доказала присутствіемъ своего представителя, свое уваженіе къ славной «памяти покойнаго».

Digitized by Google

всѣхъ произнесенныхъ до сихъ поръ, одна получила нѣкоторую извѣстность, хотя была произнесена и не въ парламентѣ. Едва оправившійся отъ болѣзни, г. Маколей вынужденъ былъ отложить нѣсколько вопросовъ, которые намѣревался обсуживать, но онъ сказалъ довольно, чтобы высказать программу партіи, подъ эгидою которой онъ снова вступаетъ на политическое поприще. Припомнивъ имена друзей, которыхъ онъ не видѣлъ уже на скамьяхъ палаты, г. Маколей бросаетъ взглядъ на пятилѣтіе, истекшее съ того времени, какъ отказался отъ перламенскихъ занятій: «никогда, говоритъ онъ, не совершилось въ одно пятилѣтіе столько важныхъ событій; никогда столь краткое время не оставило по себѣ нравственнаго урока, болѣе назидательнаго. Въ этотъ періодъ мы прожили болѣе урочныхъ лѣтъ человѣческой жизни. Революціи нѣсколькихъ вѣковъ скупились въ нѣсколько мѣсяцевъ. Франція, Германія, Венгрія, Италія.... что разскажутъ ваши лѣтописи! Отъ предѣловъ Россіи до береговъ Атлантическаго Океана, внезапно распространились смятеніе и ужасъ. Улицы многихъ столицъ Европы были загромождены баррикадами, облиты кровію. Домъ Орлеанскій покинулъ Францію, Папа бѣжалъ изъ Рима, Вѣнскій дворъ въ опасности, народныя учрежденія въ Флоренціи, народныя учрежденія въ Неаполѣ, демократическое собраніе въ Берлинѣ. Вы вѣрно хорошо помните, какъ разсудительные и благонамѣренные друзья прогресса, люди привыкшіе видѣть борьбу при политическихъ переворотахъ, отчаявались и переставали надѣяться на успѣхи человѣчества. Вы помните, какъ всѣ ненависти—національная, религіозная и общественная,—вспыхнули въ одно время съ политическими. Я самъ, при всѣхъ пылкихъ надеждахъ моихъ на грядущее, начиналъ уже думать: не суждено ли намъ отступить изъ образованности XIX-го столѣтія въ варварство V-го вѣка. Я помню, какъ Адамъ Смитъ и Гиббонъ увѣряютъ насъ, что набѣги Гунновъ и Вандаловъ не угрожаютъ болѣе Европѣ; но они не могли предвидѣть, что въ столицахъ образованнаго міра, въ сосѣдствѣ великолѣпныхъ палатъ, храмовъ, библіотекъ, театровъ, музеевъ, порокъ и невѣжество могутъ породить племя варваровъ, болѣе ужасныхъ, нежели Гунны Аттилы, болѣе разрушительныхъ, нежели Вандалы Гензерика. Велика была опасность; она миновала—и образованность спасена,—но какою цѣною?—Г. Маколей, начертивъ картину многихъ контръ-революцій Италіи, Германіи и Франціи, радуется, что Англія умѣла избѣжать этихъ гибельныхъ испытаній и одна устояла среди окружающихъ ее развалинъ. «Изступленіе 1848 года не опрокинуло нашего трона»—говоритъ г. Маколей. Реакція, бывшая послѣдствіемъ этаго изступленія, не поколебала нашихъ льготъ. Почему же это?.. Почему страна

Digitized by Google

наша,—тогда какъ десять язвъ Египетскихъ, опустошали все окрестъ нея, оставалась землею обѣтованною? Повсюду бури, ужасныя опустошенія;—у насъ тишина и спокойствіе. Повсюду тьма, *видимая* тьма;—у насъ свѣтъ въ каждомъ домѣ. Мы обязаны этимъ, вопервыхъ Всевышнему,—а потомъ нашей мудрой конституціи,—дѣлу великихъ политиковъ многихъ поколѣній. Возблагодаримъ Создателя, научающаго насъ примѣрами другихъ, а не собственнымъ опытомъ, и воспользуемся урокомъ. Познаемъ цѣну нашихъ установленій, очистимъ, дополнимъ ихъ, но не уничтожимъ. Будемъ избѣгать крайностей, не потому только, что каждая крайность есть несомнѣнное зло, но потому, что каждая крайность порождаетъ крайность противуположную. Если мы хотимъ сохранить свободу гражданскую и религіозную, поддержимъ, въ случаѣ опасности, законъ и порядокъ. Да, ММ. Гг., если льготы наши устояли посреди всеобщей неволи, это потому, что въ бурю революцій, мы дружно присоединились къ нашему правительству, мы поддержали его въ опасности, и если насъ спросятъ, зачѣмъ мы поддерживали его, когда другіе народы опрокидывали свои правительства, мы отвѣтимъ, потому что наше, если и не совершенное, было правительство хорошее; что его недостатки можно исправить путями мирными и законными, что оно не отвѣчаетъ непреклоннымъ отказомъ на справедливыя требованія, и что мы вымогаемъ неоцѣненныя уступки, не бьемъ въ набатъ, не разбирая мостовыхъ и не вламываясь въ оружейные склады,—но силою убѣжденій и властію общественнаго мнѣнія».

Въ подтвержденіе словъ своихъ, г. Маколей указываетъ на парламентскую реформу 1831 года и на реформу торговли 1846. два преобразованія, изъ которыхъ надобно стараться сохранить второе и разширить кругъ дѣйствій перваго, не преступая однако предѣловъ прогреса законнаго, и согласуясь съ видами правительства. Г. Маколей желаетъ, чтобы кабинетъ держался партіи Виговъ. Онъ хочетъ распространить права выбора, и предоставить ихъ новому сословію гражданъ; но онъ далекъ отъ мысли употребить насильственныя мѣры противъ торіевъ. Что касается до сословій, которымъ именемъ реформы, обѣщаетъ онъ: право подавать голоса и улучшеніе ихъ быта, онъ объявляетъ имъ, что болѣе нежели когда нибудь недовѣряетъ *соціялизму* и всѣмъ другимъ *измамъ*, которые, по его мнѣнію, не могутъ быть переведены на чисто-Англійской языкъ, иначе какъ словомъ *robbery*, (воровство); потому что секты всѣхъ этихъ *измовъ* могутъ сдѣлать богатаго *бѣднымъ*, но бѣднаго *богатымъ* никогда не сдѣлаютъ. Изъ этой рѣчи видно, что Виги вовсе не намѣрены идти по слѣдамъ радикаловъ, но что они готовы

Digitized by Google

принять въ среду свою тѣхъ изъ нихъ, которые удовольствуются реформою конституціи, въ предѣлахъ реформы, опредѣленныхъ самою конституціею. Подсмѣиваясь надъ Торіями, вздумавшими сдѣлаться на время приверженцами свободной торговли, чтобы обеспечить свой выборъ, г. Маколей указываетъ на Лорда Медстона, отвергнутаго Вестминстерскими избирателями, не смотря на его увѣренія въ приверженности къ преобразованіямъ Сира Роберта Пиля, указавъ ему на написанную имъ сатиру противъ свободной торговли. «Легко было открыть поэтическое мнѣніе Лорда Медстона, продолжаетъ г. Маколей. Будучи самъ избирателемъ Вестминстерскимъ, я купилъ экземпляръ его поэмы у книгопродавца, который признался мнѣ, что цѣлое изданіе лежитъ непочатымъ въ его лавкѣ». Лордъ Медстонъ простилъ бы, можетъ быть, г-ну Маколею насмѣшку надъ тѣмъ, что онъ не попалъ въ парламентъ, но какъ простить насмѣшку надъ сочиненіемъ? *Genus irritabile vatum* внушилъ ему ѣдкое посланіе къ историку, гдѣ онъ говоритъ, что если г. Маколей выгоднѣе продавалъ свою прозу, чѣмъ онъ свои стихи, такъ это потому, что онъ дополнялъ исторію небылицами. Эта парафраза извѣстнаго изрѣченія Буало къ Шапелену: «*que n'ecrit-il en prose?*» вовсе не тронула г-на Маколея и онъ даже не удостоилъ Лорда отвѣтомъ.

Г. Маколей только мимоходомъ упомянулъ о своихъ видахъ относительно новыхъ узаконеній для колоній, которыя будутъ однимъ изъ главныхъ предметовъ преній на предстоящихъ засѣданіяхъ. Онъ не вѣритъ предсказаніямъ тѣхъ, которые предполагаютъ, что вскорѣ Колоніи отпадутъ отъ Англіи, и по его мнѣнію, при свободной торговлѣ, всегда останется неразрывная связь между Англіею и тѣми изъ сыновъ ея, которыхъ она будетъ одѣвать, вооружать и снабжать всѣмъ нужнымъ со станковъ своихъ мануфактуръ.

Говоря о Колоніяхъ, мы припомнили себѣ о прибытіи въ Лондонъ уполномоченнаго съ острова Питкернъ (Pitcairn), самой странной изъ Англійскихъ колоній. Народонаселеніе этаго острова составилось первоначально изъ возмутившихся матросовъ, которые, подъ предводительствомъ Джона Адамса, поселились тамъ съ своими женами, выбранными посреди нѣжныхъ Тагитянокъ. Число подданныхъ этой республики простирается до 170. Статистическія таблицы на 1851 годъ представляютъ слѣдующія цифры: родившихся 12; умершихъ 2; браковъ 3. Посланникъ называется г. Ноббсъ, который исполняетъ въ своемъ *разнородномъ* отечествѣ, три должности: хирурга, школьнаго учителя и пастора, въ теченіи двадцати четырехъ лѣтъ. Ему обязаны жители за то, что остались Англичанами и Англиканцами. Пасторомъ онъ сдѣлался по собственному

Digitized by Google

назначенію, и пріѣхалъ въ Лондонъ, чтобы быть посвященнымъ въ этотъ санъ Епископомъ отечественнаго исповѣданія. Г. Ноббсъ не принадлежалъ къ возмутившемуся экипажу. Когда онъ прибылъ въ Питкернъ, Джонъ Адамсъ жилъ еще, этотъ патріархальній морякъ, который самовластно сдѣлался и политическимъ и духовнымъ пастыремъ своихъ товарищей и дѣтей ихъ. Г. Ноббсъ пріобрѣлъ его довѣріе, и по смерти Адамса избранъ ему въ преемники. Г. Ноббсъ съ радостію принялъ эту должность, восхищаясь, что будетъ имѣть случай поучать это сборное племя, замѣчательное своею красотою, тихое и простодушное, какъ праотцы матерей его, утратившее обычай пить грогъ, какъ пили его отцы. Цѣломудріе сохраняется тамъ, какъ изъ повиновенія правиламъ вѣры, такъ равно и вслѣдствіе умѣренной пищи, которая состоитъ преимущественно изъ фруктовъ, картофеля и плодовъ хлѣбнаго дерева. Потомки Англичанъ и Таитянокъ поняли, что они не могли быть христіанами, не принявъ отъ христіанъ таинства брака, и бракъ съ издавна почитается у нихъ главнѣйшимъ торжествомъ. Они соблюдаютъ также дни воскресные, съ набожностію. Въ этомъ новомъ эдемѣ есть гражданскій правитель: Президентъ этой республики, избираемый народомъ. Въ выборѣ участвуютъ также и женщины. Каждый годъ, 1-го Января, 170 жителей Питкерна собираются, повѣряютъ списокъ кандидатовъ, и избираютъ новаго правителя, или утверждаютъ прежняго. Г. Ноббсъ, въ теченіи двадцати пяти лѣтъ исправляетъ должность президента этой республики, а вмѣстѣ съ тѣмъ должности наставника, врача и евангелическаго пастора. Почтенный президентъ, недоумѣвая насчетъ правъ своихъ на званіе пастора, задумалъ побывать въ Англіи, для посвященія въ этотъ санъ, и просилъ, приставшаго къ острову, Адмирала Моресби взять его съ собою. Извѣстіе объ отъѣздѣ правителя, распространило тревогу въ республикѣ: народъ стекался *на чрезвычайное собраніе*, дѣти начали уговаривать отца. Безъ него, какъ жить, какъ жениться, какъ быть матерью, какъ умирать? Зачѣмъ искать ему новыхъ правъ на привязанность народа? развѣ его не довольно уважаютъ, не довольно любятъ, не ежегодно избираютъ въ продолженіе цѣлой четверти вѣка? Но когда г. Ноббсъ сказалъ, чего ему недостаетъ, жители уступили этому убѣжденію, и покорились судьбѣ своей, съ условіемъ, что адмиралъ Моресби оставитъ на островѣ, въ видѣ заложника и въ замѣнъ ихъ пастора, своего собственнаго Каплана. Въ ноябрѣ г. Ноббсъ былъ въ Англіи; онъ посвященъ уже въ духовное званіе, и собирался отправиться въ Питкернъ, чтобы поспѣть къ концу Января; въ выборѣ своемъ онъ не сомнѣвается. Говорятъ, что не

Digitized by Google

одно желаніе быть посвященнымъ въ духовное званіе побудило президента республики Питкернъ прибыть въ Англію; онъ имѣлъ и политическіе виды. Островъ Питкернъ кажется ему слишкомъ тѣснымъ для его республики,—онъ желалъ бы, чтобы ему уступили Норфолькъ, куда онъ намѣревается перевести своихъ согражданъ. Тамъ было бы имъ привольнѣе заняться земледѣліемъ, обработать нѣсколько гектаровъ лѣсу, сѣять зерновой хлѣбъ, строить фермы, разводить рогатый и мѣлкій скотъ и проч. Между тѣмъ, какъ теперь стада ихъ состоятъ только изъ нѣсколькихъ козъ и свиней, и они воздѣлываютъ одинъ картофель, а президентъ ихъ, по званію врача, увѣряетъ, что картофель располагаетъ къ желчнымъ страданіямъ. Въ Норфолькѣ они могли бы построить большія лодки для рыбной ловли, а въ послѣдствіи и дечные суда, тогда какъ теперь у нихъ одни *пирогги*, какъ у дикихъ. Какой несчастный внушилъ Питкернской республикѣ эти честолюбивые замыслы?.... Одинъ изъ членовъ парламента, знаменитый статистикъ, спросилъ у г-на Ноббса въ какомъ положеніи бюджетъ его республики? Президентъ признался, что островъ имѣлъ наличности, въ монетѣ, всего 200 доллеровъ! Членъ парламента улыбнулся.... Кто знаетъ, сколько гибельныхъ послѣдствій таится въ этихъ 200 доллерахъ для будущности простодушныхъ потомковъ экипажа фрегата *Bounty*!...

Перелетимъ теперь изъ Тихаго океана въ Ледовитое море: есть извѣстія, не о капитанѣ Франклинѣ, но о Сирѣ Эдуардѣ Бильчерѣ (Belcher), полученныя съ небольшимъ судномъ *принцъ Альбертъ*, снаряженнымъ въ полярную экспедицію г-жею Франклинъ, для отысканія ея супруга. Нѣсколько дней предъ прибытіемъ *принца Альберта* къ острову *Бичи* (*Beechy-Island*), Сиръ Эдуардъ Бильчеръ отправился оттуда, чтобы проплыть чрезъ проходъ, указанный капитаномъ Пенни на румбъ N N-O *Веллингтоновскаго* канала, ведущій къ населеннымъ странамъ, простирающимся вѣроятно до Восточныхъ береговъ Малой Азіи. Если Сиръ Эдуардъ Бильчеръ проплылъ чрезъ этотъ проходъ, можно полагать, что и капитанъ Франклинъ прошелъ чрезъ него, и, вѣроятно, оставилъ какіе нибудь слѣды своего плаванія. Лаперузъ сѣверныхъ морей все еще живетъ въ воображеніи своихъ соотечественниковъ.

Послѣ великолѣпнаго зрѣлища похоронъ герцога Веллингтона, воображеніе англичанъ осталось праздднымъ. Настоящее время благопріятно для какого-нибудь важнаго событія, для новаго открытія, даже для новой драмы или новаго романа, которые могли бы теперь воспользоваться чрезвычайнымъ раздраженіемъ публичнаго любопытства.

Digitized by Google

Въ литературномъ царствѣ есть новость, хотя и не совсѣмъ животрепещущая, но овладѣвшая всеобщимъ вниманіемъ, и не уступающая, уже нѣсколько мѣсяцевъ, симпатіи публики, ни одному изъ своихъ согражданъ. — Это романъ: *Uncle Tom's Cabin, or negro life in the slave States of America, by Harriet Beecher Stowe, (хижина дяди Томаса, или жизнь Негровъ въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, соч. Гарріеты Бичеръ Стовъ).* Съ іюня мѣсяца издано въ Англіи до 150,000 экземпляровъ этого романа, имѣвшаго первоначально невѣроятный успѣхъ въ Америкѣ. Шесть изданій (великолѣпное и иллюстрированное для аристократіи; комфортебельное, въ хорошемъ переплетѣ, — для средняго класса; изданіе по одному шиллингу, — для черни) уже истощены. Успѣхъ, которымъ не пользовались книги болѣе замѣчательныя: *Донъ Кихотъ*, *Гамлетъ*, *Потерянный рай*. Этотъ чрезвычайный успѣхъ произведенія *весьма обыкновеннаго таланта* есть слѣдствіе нравственнаго явленія, совершенно современнаго, о которомъ предки наши не имѣли даже и понятія.

Нашъ вѣкъ гордится желѣзными дорогами, пароходами, электрическими телеграфами, — побѣдою надъ пространствомъ и временемъ, всѣми механическими средствами, облегчившими и ускорившими сообщеніе людей между собою, между тѣмъ, какъ въ наше время появился нравственный феноменъ, болѣе удивительный всѣхъ этихъ диковинокъ: это быстрота, съ которою всѣ недуги, всѣ страданія находятъ голосъ и предстателя. Теперь, куда бы ни скрылось страданіе, гдѣ-бы ни совершилась несправедливость, невидимое око видитъ, невѣдомый голосъ доноситъ о совершающейся несправедливости, о претерпѣваемыхъ страданіяхъ. Зло также торжествуетъ какъ и прежде, добра не болѣе какъ было, — но зло не остается втайнѣ. Едва совершилось преступленіе, уже всѣ отголоски повторяютъ его, и какъ въ иносказаніи о царѣ Мидасѣ, прибрежный тростникъ шепотомъ передаетъ тайну вѣтрамъ, которые разносятъ ее во всѣ концы вселенной. Какая-то странная воспріимчивость, не устанное раздраженіе нервъ, добродѣтель двусмысленная, смѣсь внутренняго упрека съ сердечнымъ влеченіемъ, будятъ, тревожатъ ежеминутно совѣсть современнаго человѣка, и возмущаютъ его противъ зла, невольно, нехотя, вопреки его выгодамъ, его страстямъ, его постыдной любви къ спокойствію. Эта человѣческая совѣсть, порожденная христіанскимъ ученіемъ, теперь бдительнѣе чѣмъ бывала, хотя теперь она вещественнѣе, болѣзненнѣе, не такъ чиста какъ прежде. Теперь въ ней есть примѣсь жалкихъ недостатковъ: сентиментальности, чувственности, такъ не охотно смотрящей на страданія, силы

Digitized by Google

воображенія, поражающаго нервы слишкомъ вѣрнымъ представленіемъ вещественныхъ предметовъ; тонкости анализа, развитой до крайнихъ предѣловъ, способствующей уму обнять всякія дѣйствія и изслѣдовать его до самыхъ мелочныхъ явленій; ужаса возбуждаемаго страданіемъ; страха отъ опасности. Всѣ эти чувства, всѣ инстинкты современнаго человѣка входятъ въ составъ умственной тревоги, — этого нравственнаго безпокойства. Но не смотря на эту странную смѣсь, сохранимъ нашу раздражительность, поддержимъ это нравственное безпокойство, и не будемъ удерживать побужденіе, которое всегда и повсюду всенародно обнаруживаетъ зло. Можетъбыть, это наша послѣдняя добродѣтель, которая удерживаетъ насъ отъ совершеннаго паденія. Такъ утѣшается французскій журналистъ, и продолжаетъ:

Кто не совершенно отказался отъ всякихъ сношеній съ людьми, тотъ ежедневно можетъ убѣдиться изъ словъ пріятеля, изъ романа, изъ журнала, изъ путешествія, даже изъ прогулки—о преобладаніи зла. Новѣйшая литература вовсе не источникъ наслажденій, это тяжкая греза, мучительная и утомительная фантасмагорія. Слышите ли вы эти крики, эти проклятія, эти жалобы, раздающіяся въ новѣйшихъ сочиненіяхъ? Видите ли длинный кортежъ лицъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ, блѣдныхъ, болѣзненныхъ, скорбящихъ, страждущихъ всѣми недугами души и тѣла, изнуренныхъ нравственными и физическими лишеніями, — это герои новѣйшихъ романовъ. Долгое время, вниманіе свѣта привлекали отчаянные юноши, безнравственныя женщины, Байроновскіе витязи. Мало по малу къ нимъ присоединилась безобразная толпа дѣтей въ лахмотьяхъ, обольщенныхъ дѣвицъ, подозрительныхъ авантюристовъ, желчной черни и гражданъ въ бреду: цѣлый отрядъ людей честныхъ и преступныхъ, смирныхъ и сварливыхъ, чистыхъ и грязныхъ. Блестки суетности, рубище нищеты, грязь порока, образуютъ такъ сказать почву, на которой дѣйствуютъ эти люди, съ изступленными чувствами и рѣчами. Что можемъ мы привести изъ прежнихъ сочиненій, хотя нѣсколько похожее на современныя. Нѣсколько строкъ изъ Лабрюера о состояніи хлѣбопашцевъ; нѣсколько отрывковъ изъ Фенелона, и потомъ примѣръ какого-нибудь развратника, который какъ *Рочестеръ* пресыщенный, усталый, скучая всѣмъ, усвоилъ чувства, описанныя Лукреціемъ и Байрономъ. Но какъ сравнивать эти строки, эти исключительныя личности, съ необузданной пылкостію страстей, съ *наготою* выраженій, съ суровостію картинъ и описаній, съ смѣсью добра и зла, проклятій и молитвы, которыми наполнены сочиненія новѣйшихъ писателей!

Digitized by Google

Послѣдній доносъ на общественную несправедливость полученъ изъ Америки, подъ заглавіемъ: *Uncle Tom's cabine* (*хижина дяди Томаса*), это рѣзкое изображеніе, исполненное ужаса, и ужаса весьма разнообразнаго, жизни негровъ въ южныхъ штатахъ. Авторъ этой книги женщина Мистрисъ *Гарріэтъ Бичеръ Стовъ*. Изъ всѣхъ возстающихъ противъ несправедливости, наиболѣе числомъ женщинъ, какъ существъ болѣе воспріимчивыхъ, одаренныхъ болѣе впечатлительнымъ воображеніемъ, преобладающихъ въ свѣтѣ и пользующихся нѣкоторымъ господствомъ надъ нами, благодаря ихъ слабости и ихъ общественному положенію. Книга эта, упавшая посреди страстей и мнѣній, раздѣляющихъ Америку на двѣ враждебныя арміи, воюющія за несчастный вопросъ о рабствѣ негровъ, произвела дѣйствіе масла на огонь и пріобрѣла успѣхъ, неслыханный доселѣ въ Соединенныхъ Штатахъ. Ее продавали сотнями тысячъ, — ее читали всѣ сословія. Она принесла радость на сѣверъ и раздражила югъ. Для успѣха этой книги ни въ чемъ не было недостатка: она раскуплена въ самое короткое время, доставила автору огромныя суммы, выдержала нѣсколько изданій и не избѣгла нападеній. Недавно югъ Америки отвѣчалъ на нее устами Мистрисъ Истменъ (*Mrc Eastman*) въ романѣ подъ заглавіемъ: *Aunt Phillis's cabin, or Southern life as it is* (*хижина тетки Филлиды или южная жизнь, какъ она есть*). Но возраженіе не стоитъ *дяди Томаса*. Здѣсь какъ и во всякомъ возраженіи, находимъ мы только фактъ необработанный, позитивный, вещественный, пошлую похвалу, сентиментальный анекдотъ, картину счастія идеальнаго и невозможнаго.

Намъ нечего воевать съ южными штатами американскаго союза или сентиментальничать, сострадая участи негровъ. Всѣ внимательно слѣдящіе за политическимъ движеніемъ сѣверной Америки, знаютъ затрудненія, возникшія по вопросу о рабствѣ негровъ. Будетъ ли оно отмѣнено или нѣтъ, во всякомъ случаѣ не обойдется безъ кровопролитія, междоусобій, борьбы породы и цвѣта. Если рабство будетъ отмѣнено, что дѣлать съ тремя милліонами негровъ и мулатовъ и какъ отъ нихъ отдѣлаться? Если оставить негровъ невольниками, какъ избѣгнуть междоусобій? Какіе политическіе перевороты предстоятъ штатамъ? Неволя негровъ не можетъ быть отмѣнена иначе какъ постепенно и слѣдствіемъ особыхъ обстоятельствъ въ каждомъ штатѣ.

Въ книгѣ Мистрисъ Стовъ недостаетъ единства дѣйствія. Это панорама, сцены безъ связи между собою, которыя легко уединить и каждая изъ нихъ составитъ полное цѣлое. Въ этомъ романѣ есть двѣ три отдѣльныя повѣсти, слѣпленныя вмѣстѣ и перемѣшанныя

Digitized by Google

между собою такъ, что онъ похожъ на книгу, составленную изъ листовъ разнаго формата, напечатанную на бумагѣ разныхъ цвѣтовъ. Вотъ главный недостатокъ, но есть и достоинство, рѣдкое въ нынѣшнее время: Авторъ не надоѣдаетъ читателю ни излишествомъ анализа, ни неумѣстными толкованіями. Онъ разсказываетъ, что видѣлъ, просто, безъ всякихъ притязаній; замѣчаній и философическихъ разсужденій очень мало; факты, только одни факты. Книга идетъ прямо къ своей цѣли, съ первой страницы до послѣдней: видно что авторъ не только наблюдатель. Мистрисъ Стовъ аболиціонистка (приверженецъ отмѣны неволи негровъ) и аболиціонистка изступленная; она ничего не забываетъ, не пропускаетъ ни малѣйшей подробности въ печальныхъ картинахъ жизни негровъ — у ней все идетъ въ прокъ и она говоритъ настоятельно, съ какимъ то скрытымъ, подавленнымъ гнѣвомъ, съ язвительною иронією. Не говорите ей о искусствѣ, о художественной отдѣлкѣ, о литературѣ, о единствѣ повѣсти; она отвѣтитъ вамъ, что не для того писала свою книгу. Личности, видѣнныя ею съ одной стороны, — она списываетъ только силуэтами, но списываетъ непремѣнно. Если ей удалось схватить нѣсколько словъ изъ случайно слышаннаго разговора, она передаетъ только эти слова, но ни за что въ свѣтѣ не пропуститъ ихъ. Книга ея не поэма, построенная на какомъ нибудь отдѣльномъ фактѣ,—это вся ея опытность, всѣ ея замѣтки о жизни черныхъ. Это новый Жильблазъ, не по аналогіи содержанія, но по сходству изложенія. Какъ *Tom Jones* есть перечень наблюденій Фильдинга, *Жильблазъ* перечень наблюденій ле-Сажа, *uncle Tom's Cobine* есть перечень наблюденій автора въ особомъ мірѣ черныхъ невольниковъ. Что касается до слога, онъ чистъ безъ притязаній, иногда силенъ, часто краснорѣчивъ. *Хижина Томаса* книга интересная, имѣетъ еще то достоинство, что высказываетъ именно то, что авторъ хотѣлъ высказать, и имѣетъ ту важность, какую онъ хотѣлъ придать ей.

Современные литераторы съ завистью смотрятъ на успѣхъ романа Мистрисъ Бичеръ Стовъ. Предъ ея чернымъ философомъ Соединенныхъ Штатовъ блѣднѣютъ всѣ герои въ три тома, *Esmont* Теккерея, судебные мученики *Bleak-House*, которыхъ Дикенсъ моритъ помѣсячно безконечною тяжбою, и другіе имъ подобные. Впрочемъ идея Мистрисъ Стовъ не новая. *M-rs Trollope* еще прежде написала *черный* романъ: *Teffevson Whitlaw*; *M-rs Childe* тоже описала жизнь негровъ въ своей *Негритянкѣ*, и книга *M-rs Stowe* есть только передѣлка романа *M-rs Childe*. *Негритянка* есть личность болѣе истинная, чѣмъ *дядя Томасъ*. Г-жа Чайльдъ

Digitized by Google

свѣдущее въ литературѣ г-жи Стовъ, а г-жа Троллопъ болѣе своеобразна въ изобрѣтательности.

«*Я забылъ включить Негра въ мою книгу*», сказалъ Теккерей, поздравлявшему его съ продажею десяти тысячъ экземпляровъ *Эсмонта*. Впрочемъ г. Теккерей доволенъ и этимъ успѣхомъ. *Эсмонтъ* есть лучшее его произведеніе. Этотъ историческій романъ припоминаетъ лучшіе романы Вальтеръ Скотта и Бульвера. Драма принадлежитъ къ царствованію королевы Анны; Авторъ изучилъ замѣчательныя личности этого времени, которыя служатъ вводными лицами въ его романѣ. Мы читали сочиненія Свифта, Болингброка, Стиля и Адисона; въ романѣ Теккерея они живутъ, мы слышимъ разговоръ ихъ, то въ гостинной, то передъ каминомъ, въ шлафрокѣ и въ туфляхъ. Знаменитые полководцы, въ томъ числѣ и Мальборугъ, играютъ важныя роли въ *Эсмонтѣ*. Королева, братъ ея, придворные, интриганты всѣхъ партій, разсказываютъ тутъ свои задушевныя мысли. Рамка дѣйствія хорошо придумана. Полковникъ Эсмонтъ, лицо выдуманное, съ прекраснымъ характеромъ. Онъ любитъ очень милую дѣвушку, но какъ мать ея еще милѣе дочери, Эсмонтъ женится на матери. Поступокъ логическій, но никакъ не предвидѣнный. Авторъ не портитъ здѣсь своей повѣсти ироническими выходками, какъ въ *Ярмаркѣ Тщеславія* и въ *Пенденисѣ*. Въ этомъ романѣ онъ серьозенъ даже въ мѣстахъ чувствительныхъ, а это прогресъ въ искусствѣ возбуждать интересъ; хорошій романистъ долженъ болѣе заботиться о поддержаніи интереса, чѣмъ о блесткахъ ума. Въ слогѣ г. Теккерея видно глубокое изученіе писателей выведенныхъ на сцену. Одинъ этотъ слогъ отличилъ бы уже Теккерея отъ всѣхъ его соперниковъ. Онъ достоинъ своихъ тонкихъ разборовъ: Стиля, Свифта, Фильдинга, Стерна,—разборовъ, которые вскорѣ будутъ изданы въ одномъ томѣ. *Эсмонтъ*, романъ правда что менѣе библическій какъ *дядя Томасъ*, но за то вовсе другаго значенія въ литературѣ; написанный съ искусствомъ, чуждымъ для Мистрисъ Стовъ, книга, которая понравилась бы Фильдингу, болѣе чѣмъ Ричардсону, но которую Ричардсонъ предпочелъ бы *Тому Джонсу* своего соперника.

Съ нѣкотораго времени въ Англіи поговариваютъ о созваніи духовенства. Это будетъ родъ духовнаго парламента, существовавшаго по установленіямъ и въ существенности, за сто пятдесятъ лѣтъ предъ симъ. Только королева Англіи, какъ глава церкви, можетъ дать жизнь и слово этому годичному собору, который былъ установленъ въ Средніе вѣка, чтобы понудить духовенство нести подати наравнѣ съ прочими подданными ея величества. Это возста-

Digitized by Google

новленіе много благопріятствовало бы видамъ тѣхъ, которые стараются о томъ, чтобы церковь была независима въ распредѣленіи доходныхъ мѣстъ, состоящихъ въ ея распоряженіи, какъ равно въ разрѣшеніи многихъ догматическихъ вопросовъ, возникающихъ безпрестанно. Ничто однако же не подтверждаетъ положительно этихъ слуховъ.

Интересъ религіознаго вопроса Ирландіи не ослабѣваетъ. *Г. Гедъ* ужасно нападаетъ на католическое духовенство этой страны, въ сочиненіи своемъ: *прогулка по Ирландіи.*

Знакомецъ нашъ, Англо-Китайскій Астрологъ *Zadkiel Tao-sze* помѣстилъ въ своемъ астрологическомъ календарѣ гороскопъ Лудовика Наполеона. Мы готовы вѣрить предвѣщаніямъ по Шекспиру, *sortes shakspearianae*, какъ наши предки Среднихъ вѣковъ съ вѣрою вопрошали Виргилія, *sortes Virgilianae.* Этотъ оракулъ, какъ и древніе, требуетъ толкованія жрецовъ, а слѣдовательно ошибка можетъ быть только въ истолкованіи предвѣщанія, а не въ словахъ оракула. Мы вѣримъ даже въ ясновидѣніе, на слово шотландцамъ, которые увѣряютъ, что ихъ *seers* (вѣщуны) предсказываютъ безошибочно. Но сознаемся, что мы не такъ довѣрчивы къ Астрологіи вообще, и къ Англо-Китайской Астрологіи г. Задкіэля въ особенности, и если приводимъ здѣсь гороскопъ Лудвига Наполеона, то это скорѣе какъ диковинку XIX вѣка, а не какъ дневникъ будущности новаго императора, тѣмъ болѣе, что *Zadkiel Tao-sze* порядкомъ ошибся въ предвѣщаніяхъ своихъ о судьбахъ Франціи на истекшій годъ.

По словамъ Астролога ошибка произошла отъ невѣрности данныхъ на время рожденія Лудвига Наполеона; (разница въ 11 часахъ). Исправивъ эту ошибку, г. Задкіэль напечаталъ въ своемъ календарѣ слѣдующую *тему рожденія* сына королевы Голландской.

Замѣчательныя положенія свѣтилъ небесныхъ при рожденіи принца Лудвика Наполеона суть слѣдующія:

«Луна въ точномъ аспектѣ *шестины* съ солнцемъ и Марсомъ, судя по опредѣленному знаку (т. е. эклиптики), Юпитеръ въ точной шестинѣ съ восходящимъ градусомъ и въ аспектѣ *Трины*, въ отношеніи градуса, имѣющаго наибольшую высоту; Луна также почти въ аспектѣ *Трины* съ срединою неба (зенитомъ); Меркурій и Венера въ тѣсномъ соединеніи, а Луна въ склоненіи параллельномъ съ Юпитеромъ.»

Всѣ эти знаки, говоритъ астрологъ, имѣютъ благодѣтельное вліяніе, и предвѣщаютъ новорожденному великій геній, упорное

Digitized by Google

постоянство воли, дальновидность, и высокое честолюбіе. Меркурій, главный учредитель (регуляторъ) умственныхъ способностей, находится подъ вліяніемъ Марса, а Марсъ въ соединеніи съ солнцемъ, но въ шестинномъ аспектѣ въ отношеніи къ лунѣ, по словамъ Птолемея: *положенъ со славою.*

Этимъ благопріятнымъ соединеніемъ противудѣйствуетъ знакъ Водолея: Сатурнъ противудѣйствуетъ лунѣ, но не благопріятныя соединенія истощили свое вліяніе въ испытаніяхъ, перенесенныхъ Лудвикомъ Наполеономъ на 28 году своего возраста (въ Стразбургѣ), на 29 году (кончина королевы Голландской), 38 (въ Булони). Съ тѣхъ поръ все ему удавалось въ 1848, въ 1851, 1852. Наприм. 2 декабря Юпитеръ проходилъ по своему среднему небу въ 11 градусахъ 24 минутахъ отъ Скорпіона, положеніе сидеральное, возвѣщавшее самый важный переломъ судьбы его и полный успѣхъ. Правда, что ему угрожаетъ тучка въ январѣ 1853 г.; но эта тучка безъ грозы. Въ маѣ того же года можно предполагать войну, но *соединенія* въ августѣ и ноябрѣ ему благопріятствуютъ. И въ февралѣ 1854 г. опасно враждовать съ нимъ, но по выводамъ Задкіэля конецъ этаго года можетъ быть для него бѣдственнымъ.

Здѣсь опять можно сомнѣваться въ дальновидности Задкіэля. Наши читатели припомнятъ себѣ предсказанія ясновидящей, обѣщавшей ему осемнадцать лѣтъ благополучнаго царствованія.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Посильный взглядъ на выставку ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Художествъ.

Давно уже, кажется въ 1833 году, по случаю художественной Академической выставки, пущена въ оборотъ мысль, которая потомъ нѣсколько разъ повторялась, что *мы Русскіе, народъ, не литературный, а художественный.* Не входя въ разборъ внутренняго значенія этой мысли, допускающей существованіе художества безъ литературы, я намѣренъ только сказать нѣсколько словъ о приложеніи ея къ намъ, Русскимъ. Безусловно согласиться съ этою мыслію сильно не хочется; а между тѣмъ видимость говоритъ въ пользу ея. Дѣйствительно, въ литературной нашей жизни и дѣятельности безпрестанно встрѣчаются явленія, которыя заставляютъ думать, или, по крайней мѣрѣ, навѣваютъ мысль, что мы пока еще не умѣемъ управляться съ литературнымъ искусствомъ. Конечно это не доказываетъ положительно нашей не-литературности; однако составляетъ сильный соблазнъ. Дѣло вотъ въ чемъ: художествами у насъ занимаются только художники, люди съ талантомъ, съ призваніемъ; а литературой—всѣ люди *граматные.* Но отъ чего же такъ? — Всѣ искусства требуютъ, кромѣ таланта, который дается Богомъ, много труда, изученія техническихъ пріемовъ, требуютъ механическаго навыка и умѣнья соединять механизмъ искусства съ его духовною или идеальною стороною. Въ вещественныхъ искусствахъ все это очевидно, наглядно, такъ, что всякій, понимающій искусство, можетъ осязательно обличить и заносчиваго невѣжу и ловкаго самозванца-художника, покушающагося на присвоеніе себѣ художественныхъ значеній; а въ литературномъ искусствѣ, по неопредѣленности невещественныхъ формъ, при безпредѣльной заносчивости свѣтскихъ всезнаекъ, такое осязательное обличеніе рѣшительно невозможно. Попробуйте убѣдить самопадѣяннаго неуча или полуграматнаго недоучившагося смѣльчака, что

Digitized by Google

онъ не понимаетъ законовъ литературнаго искусства: — онъ вамъ наговоритъ бездну общихъ фразъ о Пушкинѣ, о Гоголѣ и другихъ писателяхъ, которыхъ онъ прочелъ »безъ толку по толкамъ, безъ складу по складамъ, прости Господи,« какъ сказалъ Кутейкинъ. Вы потребуете отъ него точнаго и положительнаго знанія дѣла, — онъ скажетъ вамъ: все это сухой мертвый педантизмъ, давно отпѣтый и похороненный; тутъ шумный кружекъ обычныхъ слушателей и почитателей его оглушитъ васъ громкимъ хохотомъ, и вы замолчите, и онъ торжествуетъ. Отъ этой неопредѣленности въ самое ученіе вкрадывается много произвола, много эгоизма; а въ искусствѣ—многіе, не понявшіе еще хорошо своихъ силъ, принимая простой задоръ свой за талантъ, а естественную, но безосновательную страсть къ извѣстности—за вдохновеніе, наводняютъ литературу—то бездарно-говорливыми произведеніями, такъ называемой, беллетристики, то рѣзко-смѣлыми, но неосновательными приговорами надъ добросовѣстными произведеніями ума и фантазіи. А какъ русскій человѣкъ вообще по натурѣ своей любитъ все смѣлое, увлекается шумною отважностію; то часто, и очень часто, эти смѣльчаки у насъ берутъ перевѣсъ передъ истинными талантами, которые, по большой части, бываютъ или скромны до излишней уступчивости или горды до презрительности къ бурнымъ схваткамъ на перьяхъ. И вотъ, смотря на это господство бездарности въ литературѣ и чествованіе ея, люди, незнающіе закулисной дѣятельности писателей, а понимающіе только явленія, пожимаютъ плечами и говорятъ: »бѣдная литература!« Гдѣ всякій воображаетъ и считаетъ себя судьею, — тамъ нѣтъ судей; и оттого-то часто литературныя преступленія подъ покровительствомъ журнальнаго *мы*, вмѣсто всякаго имени и авторитета, бродятъ по свѣту не только безнаказанно, но даже съ притязаніемъ на уваженіе.

Совсѣмъ другое дѣло въ области художествъ. Пусть попробуетъ какой-нибудь бездарный пачкунъ представить въ академію картину, подобную многимъ нашимъ повѣстямъ и романамъ, въ которыхъ нѣтъ ни живыхъ лицъ, ни соблюденія самыхъ необходимыхъ условій жизни и общественныхъ отношеній, ни искусства въ изображеніи природы и во внѣшней отдѣлкѣ; — ее осудятъ и отвергнутъ судьи опытные, избранные и пользующіеся общимъ довѣріемъ; и она законнымъ путемъ отправляется на толкучку, и оттуда на подобающее ей мѣсто, въ *харчевенное заведеніе* — услаждать зрѣніе невзыскательныхъ любителей искусствъ; — и она достигаетъ своей цѣли; — и люди образованные не видятъ этихъ противоязвящныхъ произведеній и не имѣютъ повода го-

Digitized by Google

ворить: »наши живописцы *не* художники!« Хотите доказательствъ? — Пойдемте въ Императорскую Академію Художествъ. Вотъ передъ нами длинные ряды академическихъ галлерей, наполненныхъ архитектурными чертежами и планами, произведеніями ваянія и преимущественно картинами. Здѣсь конечно вы можете встрѣтить многія попытки молодыхъ, еще неутвердившихся въ искусствѣ, художниковъ и созданія, которыя не удовлетворятъ всѣмъ взыскательнымъ требованіямъ того или другаго изъ любителей; но при всей строгости суда вы не найдете здѣсь такихъ произведеній, которыя бы не заслуживали вниманія въ какомъ-либо отношеніи: одно обращаетъ на себя вниманіе, какъ попытка неопытнаго новичка, еще неизучившаго пріемовъ искусства, но одареннаго талантомъ, и проникнутаго горячею любовью къ искусству, и стремящагося познать и усвоить тайны его; другое, — какъ созданіе знатока, твердаго въ своемъ дѣлѣ и болѣе или менѣе сильнаго творца, способнаго и задумать и выполнить произведеніе, полное души и силы.

Это естественное различіе всего, что мы видѣли на Академической выставкѣ, обязываетъ каждаго посѣтителя Академіи смотрѣть неодинаково на всѣ представленныя произведенія. И такъ я дѣлю мой взглядъ не по родамъ и видамъ художествъ, а частію по расположенію выставки, частію же, такъ сказать, по возрасту художниковъ; потому что я пишу не художественно-ученый разборъ произведеній, находившихся въ Академіи, а простой отчетъ въ испытанныхъ мною, какъ простымъ любителемъ, впечатлѣніяхъ. Однако же надо признаться и въ томъ, что я пишу это не подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній и не по безотчетному увлеченію, которое происходитъ въ насъ отъ сочувствія къ однимъ произведеніямъ и нерасположенія къ другимъ; нѣтъ! каждое изъ нихъ я видѣлъ много разъ, всматривался въ нихъ долго и внимательно, задавалъ себѣ вопросы, относящіеся какъ къ общему содержанію произведенія, такъ и къ подробностямъ его, и старался, по крайнему разумѣнію, объяснить себѣ все, замѣченное мною въ картинѣ; потому что — прошу простить мнѣ этотъ припадокъ самонадѣянности — мнѣ хотѣлось бы написать нѣчто значительнѣе эфемеридной статейки, представляющей игру: *кто впередъ, тотъ и хватъ!* Конечно не всѣ желанія наши сбываются, часто онѣ бываютъ и невозможны, не по силамъ; но вѣдь пріятно и помечтать, и въ самообольщеніи есть очарованіе. Такимъ образомъ я начинаю съ произведеній учениковъ и вообще молодыхъ людей, которые не успѣли еще пріобрѣсти ни громкой славы, ни извѣстности, а между прочимъ буду касаться слегка и другихъ.

Digitized by Google

При самомъ входѣ въ круглую галлерею, — въ первой залѣ зритель встрѣчаетъ живописные опыты учениковъ натурнаго класса. Конечно здѣсь нельзя испытать тѣхъ ощущеній, которыхъ мы ожидаемъ отъ разсматриванія изящныхъ искусствъ; да мы не въ правѣ этого и требовать здѣсь; надежда, предугадываніе: вотъ чѣмъ тутъ надо довольствоваться! Впрочемъ надежда и предчувствіе добра нерѣдко приносятъ больше удовольствія, нежели самая дѣйствительность. Натурный классъ въ живописи есть начало, на которомъ основывается все послѣдующее изученіе искусства; потому онъ очень важенъ въ ходѣ усвоенія художественныхъ пріемовъ будущимъ художникамъ. Доселѣ онъ писалъ только отдѣльныя части тѣла человѣческаго, не связывая ихъ въ цѣлое. Теперь онъ соединяетъ эти отдѣльныя несвязныя, такъ сказать, очертительныя фразы въ полное выраженіе всѣхъ частей человѣка съ его душею и проявленіемъ страстей и стремленій; это стройное, правильно организованное описаніе, и притомъ описаніе сложное; это характеристика человѣка, какъ существа живущаго и дѣйствующаго въ мірѣ физическомъ и въ мірѣ духовномъ. Для успѣха въ изображеніи человѣка будущій художникъ долженъ изучить, во 1-хъ, тѣ части анатоміи, которыя даютъ точныя и вѣрныя понятія о размѣрахъ и нормальныхъ положеніяхъ костей и мышцъ; во 2-хъ, онъ не можетъ довольствоваться медицинскимъ изученіемъ этихъ частей тѣла въ ихъ только нормальномъ положеніи; ему надо знать всѣ измѣненія очертаній при неопредѣленноразнообразныхъ положеніяхъ тѣла, а въ 3-хъ, ему нужно подмѣтить и познать проявленіе страстей и движеній духа въ видоизмѣненіяхъ лица, въ этой безгласной рѣчи, во взорѣ, этомъ зеркалѣ души, на челѣ, этомъ сѣдалищѣ ума съ роившимися около него мыслями. Слѣдовательно на этой степени ученія будущій художникъ утверждается въ правильности и строгости рисунка, и пріобрѣтаетъ умѣнье или искусство вызывать душу на лице человѣческое, искусство трудное и высокое, которое дается не многимъ счастливцамъ. Кто не завладѣетъ этимъ искусствомъ, тотъ никогда не можетъ быть художникомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Нерѣдко случается видѣть произведенія художниковъ, которые кажется изучили и усвоили всѣ техническіе пріемы, всѣ условія искусства, которые картинами своими очаровываютъ зрителя, но ничего не передаютъ его душѣ. Такъ бываютъ и литературные писатели, которые пишутъ много, бойко, живо, и даже увлекательно для чувствъ; но душа остается нисколько не затронута этимъ многословіемъ; по прочтеніи ихъ статей, хочешь дать себѣ отчетъ въ томъ, что вычиталъ, ищешь опредѣленныхъ мыслей, и ничего не находишь;

Digitized by Google

начинаешь даже сомнѣваться въ самомъ себѣ; спрашиваешь объ этомъ людей, на которыхъ можно положиться, и получаешь тотъ же самый отрицательный отвѣтъ; а между прочимъ и художникъ и писатель пользуются общимъ или почти общимъ уваженіемъ. Какъ ни странны эти случаи, но они неопровержимы. Отъ чего же это происходитъ? Конечно это иногда бываетъ отъ особеннаго настроенія духа и наклонностей самою природою у этихъ мнимыхъ талантовъ-художниковъ и писателей; но чаще всего причиною такого внѣшняго блеска, неодушевленнаго никакою мыслію, бываетъ недостатокъ основательнаго изученія организаціи искусства. Въ томъ и другомъ случаѣ художникъ или писатель, начиная свою работу, не представляютъ себѣ предварительно полнаго образа задуманнаго или желаемаго произведенія, не вдумываются въ основную мысль или данную тему такъ, чтобъ всѣ подробности и частности созданія сами собою развивались изъ этого очерка, и принимали правильныя и стройныя формы по законамъ творческаго ума и фантазіи и по законамъ дѣйствительнаго міра. Они обыкновенно начинаютъ свое произведеніе смѣлымъ выраженіемъ перваго представленія, которое случайно родится въ душѣ ихъ, и дѣлаютъ такъ, *что̀ выйдетъ* изъ случайнаго сцѣпленія того что имѣетъ видъ мысли.

И такъ въ первой залѣ прежде всего встрѣчаются восемь этюдовъ съ натуры, которые, вообще можно сказать, болѣе нежели удовлетворительны, а нѣкоторые даже отлично хороши, и даютъ право надѣяться, что молодые люди, исполнившіе ихъ, со временемъ пріобрѣтутъ большую и заслуженную извѣстность, ежели они будутъ основательно изучать искусство и позаботятся обогатить умъ и развить вкусъ чтеніемъ такихъ книгъ, которыя бы служили не для пріятнаго развлеченія; художникъ, какъ бы онъ ни былъ даровитъ, безъ стройнаго развитія всѣхъ душевныхъ силъ недалеко уйдетъ. Но какъ эти ученики, кромѣ, такъ называемыхъ, академическихъ этюдовъ, изображающихъ обнаженныя фигуры въ позахъ, большею частію неестественныхъ или напряженныхъ и указанныхъ, представили на выставку еще произведенія, требующія въ исполненіи своемъ болѣе свободнаго соображенія и художественности; то я не намѣренъ говорить болѣе объ этихъ послѣднихъ; потому что главное и почти единственное достоинство первыхъ — строгая правильность рисунка, а строгостію рисунка Академія наша вездѣ извѣстна.

Первый этюдъ г. Берестова, ученика г. профессора Бруни; его же картина, въ залѣ подъ буквою *Л*, *№* 146, изображающая *мальчика*

Digitized by Google

съ бабками. Эта картина обращаетъ на себя вниманіе, во первыхъ, самымъ выборомъ содержанія или предмета: молодой живописецъ взялъ предметъ изъ самой простой повседневной жизни низшаго званія людей; слѣдовательно онъ не любитъ заноситься въ міръ заоблачный, который часто бываетъ не по силамъ неопытной молодости, и который они почти всегда предпочитаютъ простымъ житейскимъ случаямъ; во вторыхъ, она замѣчательна тѣмъ, что представляетъ истинную, а неминую простоту безъ всякой изысканности и нарядности, а притомъ и безъ грязнаго цинизма, а устоять между этими двумя крайностями въ умѣренной серединѣ не легко; въ третьихъ, нельзя не замѣтить въ молодомъ живописцѣ той любви къ своему произведенію, съ которою онъ отдѣлываетъ его подробности: этотъ мальчикъ, не смотря на неестественный сѣрый колоритъ, кажется живымъ; онъ думаетъ, мечтаетъ, онъ хочетъ заговорить.

Хороши три этюда съ натуры г. Солдаткина, ученика г. профессора Маркова; но его изображеніе старика, также съ натуры, поставленное въ залѣ подъ буквою *З*, *№* 100, истинно превосходно для ученика натурнаго класса. Такое внимательное и подробное изученіе изображаемаго подлинника въ молодомъ человѣкѣ, посвятившемъ себя искусству, очень утѣшительно. Портреты и этюды гг. Ильинскаго, Келлера, Лотошилова, Годуна и др. всѣ болѣе или менѣе доказываютъ хорошія начала въ познаніи тайнъ искусства; но дѣйствительные успѣхи въ искусствѣ требуютъ многихъ условій и знаній внѣ рисовальнаго класса. Вотъ, напримѣръ, въ той же залѣ, подъ *№* 11, небольшая картина г. Кобелева, ученика профессора г. Маркова, которая представляетъ *Ломоносова за чтеніемъ*, когда онъ былъ еще мальчикомъ въ домѣ отца своего. Крестьянскій мальчикъ въ рубашкѣ съ косымъ воротникомъ сидитъ на землѣ; на колѣнахъ у него лежитъ книга, которую онъ читалъ, но уже не читаетъ; она пробудила въ немъ какія-то неясныя мысли; онъ положилъ книгу и задумался, смотря неопредѣленно вдаль. Эта картина обнаруживаетъ много ума и теплоты сердца; а выборъ предмета доказываетъ художническую смѣлость и порывъ мыслить. Но Кобелевъ недостаточно вдумался въ свой предметъ; не хорошо понялъ характеръ Ломоносова; и потому изобразилъ мальчика съ тихою спокойною задумчивостію на лицѣ, въ которомъ проглядываетъ оттѣнокъ грусти, также тихой. Нѣтъ! не таковъ былъ Ломоносовъ: душу его наполняла тревожная, безпокойная жажда знаній; и чѣмъ темнѣе, чѣмъ неопредѣ-

Digitized by Google

леннѣе было его стремленіе, тѣмъ сильнѣе была буря души его; съ самого дѣтства и до послѣдняго вздоха не было мѣста въ душѣ его для тихой мысли, и на лицѣ для выраженія тихой задумчивости; вся жизнь его представляла или неукротимую борьбу съ препятствіями, или бурные восторги торжества. Какая высоко-дерзкая мысль въ головѣ юнаго рыбачка, жившаго въ далекомъ дикомъ краѣ, забытомъ людьми и природой, въ началѣ осмнадцатаго вѣка, когда и самыхъ дворянъ нашихъ, отправляемыхъ въ школу, оплакивали какъ полупогибшихъ, искать знаній, Богъ знаетъ гдѣ! — Этотъ рыбачекъ, на зло судьбѣ и обстоятельствамъ, идетъ полуодѣтый въ трескучіе морозы за 1500 верстъ искать науки, искать разрѣшенія заданныхъ самому себѣ вопросовъ, пренебрегая опасностію умереть съ голоду, замерзнуть на дорогѣ, или быть растерзаннымъ волками. Нѣтъ, его лице, всѣ его движенія должны выражать тревогу. Да, изучайте, молодые художники, тѣ лица, которыя вы хотите изображать; изучайте ихъ характеры, ихъ положеніе въ обществѣ; безъ этого вы напрасно будете хлопотать дать имъ значеніе и занимательность. Конечно, жизнь Ломоносова есть смѣлая высокая поэма, начертанная неисповѣдимою судьбою Промысла, а исполненная собственнымъ его геніемъ; но онъ лице историческое; слѣдовательно вашъ идеалъ объ немъ долженъ быть не только правдоподобенъ, но и вѣренъ дѣйствительности; скажу болѣе: онъ, возбуждая въ созерцателѣ высокія мечты и помыслы, долженъ сообщить ему прозаическую положительность знанія.

Въ той же залѣ достойны замѣчанія еще два этюда, или, лучше сказать, два портрета (№№ 14 и 17) работы г. Ѳеодорова, ученика профессора Маркова: они имѣютъ то рѣдкое въ ученическихъ произведеніяхъ достоинство, что зритель, не зная лицъ, съ которыхъ они списаны, получаетъ убѣжденіе въ томъ, что они вѣрны; потому что въ этихъ лицахъ есть дѣйствительная жизнь, есть природа, истина. Этотъ крестьянинъ съ косою на плечѣ и это женское лице такъ живо и естественно смотрятъ съ выраженіемъ незатѣйливыхъ житейскихъ мыслей, что, кажется, хотятъ выйдти изъ рамъ.

Въ слѣдующихъ залахъ круглой галлереи можно было бы указать на многія произведенія учениковъ и вообще молодыхъ художниковъ; но какъ все это портреты, по крайней мѣрѣ, большею частію портреты; то съ одной стороны для вѣрной оцѣнки ихъ надо знать тѣ лица, съ которыхъ они списаны, а съ другой и сужденія объ нихъ были бы слиш-

Digitized by Google

комъ однообразны и утомительны. Вотъ почему я считаю нужнымъ здѣсь сказать нѣсколько словъ только о тѣхъ картинахъ, въ которыхъ можно видѣть, ежели не творчество поэтическое, то, по крайней мѣрѣ, простое сочиненіе или изобрѣтеніе; какъ напримѣръ: *дѣвушка съ нищимъ, просящая милостыни* — г-жи Лазаревой-Станищевой. Эта картина состоитъ изъ двухъ только лицъ: старика и дѣвушки. Ежели стараго бѣдняка водитъ дочь или внучка, то онъ долженъ быть или очень слабъ и дряхлъ или слѣпъ; но слабости въ этомъ старикѣ совсѣмъ не видно; онъ довольно крѣпокъ для того, чтобъ ему одному ходить и просить милостыню; слѣпымъ также трудно признать его, не потому, что онъ представленъ съ открытыми глазами, а потому, что въ глазахъ у него много ума, смысла; слѣпота же налагаетъ на глаза какую-то тупость, безсмысліе. Дѣвушка конечно по общему порядку вещей, по обычаю нищихъ—слишкомъ опрятно одѣта; однако это, будучи рѣдкимъ случаемъ или исключеніемъ, въ дѣйствительномъ мірѣ дѣло не невозможное; а ежели вспомнимъ, что картина написана художницею; то чистота или опрятность изображенныхъ на картинѣ лицъ будетъ совершенно понятна; потому что тонкое чувство женщины по натурѣ своей всегда возмущается всѣмъ грязнымъ, хотя бы эта грязность была слѣдствіемъ нужды. Все же остальное въ этой картинѣ такъ хорошо, такъ просто, такъ естественно, и такъ много согрѣто истиннымъ чувствомъ, что невольно всякій разъ любуешься ею; а всего пріятнѣе встрѣтить въ картинѣ подобнаго содержанія отсутствіе всякаго преувеличенія, или, лучше сказать, не встрѣтить никакого преувеличенія, въ которое такъ легко впадаютъ и опытные, даже извѣстные, художники. — *Вдова* — г. Гоха, также картинка съ мыслію, которая достойна художественнаго осуществленія: молодая вдова и мать сидитъ у люльки дитяти, покоющагося сномъ невинности, съ медальоннымъ портретомъ въ рукахъ, и въ грустной задумчивости сравниваетъ черты покойнаго мужа съ лицемъ младенца безъ заботно спящаго; она не красавица; но два прекрасныя чувства: любовь къ мужу, покоющемуся въ гробѣ, и любовь материнская, придаютъ ей высокую прелесть, которая проникаетъ душу созерцателя; и признаюсь, подобно многимъ, я любовался этою прелестью нѣсколько разъ. Предоставляя другимъ, болѣе меня знающимъ дѣло, судить о техническихъ достоинствахъ и недостаткахъ этой, равно какъ и другихъ картинъ, я нахожу не лишнимъ сдѣлать здѣсь два замѣчанія: первое состоитъ въ томъ, что г. Гохъ далъ неудачное положеніе младенцу, заставивъ его откинуть головку почти прямо въ глубь картины; оттого

Digitized by Google

головка кажется нѣсколько безобразною. Дѣтскія лица и такъ отъ неразвитости частей мало имѣютъ соразмѣрности; а въ такомъ положеніи онѣ даже непріятны. Положи его къ зрителю совершенно бокомъ, и картина отъ этого много выиграетъ. Другое — художникъ не согласовалъ освѣщенія картины съ временемъ, которое она представляетъ: вдова сидитъ совсѣмъ раздѣтая, въ одной сорочкѣ; слѣдовательно это было или утромъ, какъ она только что встала съ постели, или вечеромъ, когда она собиралась спать — что впрочемъ, судя по нѣкоторымъ примѣтамъ, вѣроятнѣе — а картина освѣщена обыкновеннымъ дневнымъ свѣтомъ; такое противорѣчіе много мѣшаетъ очарованію.

Большую часть круглой академической галлереи занимаютъ образа, разныхъ художниковъ. Двадцать восемь поясныхъ изображеній святыхъ угодниковъ исполнены г. Дорнеромъ. Вообще изображенія святыхъ требуютъ строгаго выполненія трехъ главныхъ условій: портретнаго, историческаго и религіознаго. Чтобъ узнать, въ какой мѣрѣ выполнены два первыя условія, нужно изучить подробно и основательно жизнеописанія всѣхъ изображенныхъ св. угодниковъ. Конечно обще-историческое значеніе лица можно опредѣлить знаніемъ вѣка, страны и званія, къ которымъ принадлежало изображаемое лице, т. е. когда и гдѣ онъ жилъ, и какое званіе носилъ въ жизни своей; въ живописи все это выражается народнымъ типомъ лица, одеждою и обстановкою его (аксессуарами); но соблюденіе частной и личной вѣрности изображенія требуетъ другихъ пособій. Вѣрность изображенія въ портретномъ отношеніи можно опредѣлить двумя способами — одинъ изъ нихъ положительный, другой только гадательный, приблизительный: ежели есть подлинное изображеніе угодника снятое съ него при жизни или съ его нетлѣнныхъ мощей; то тутъ уже не можетъ быть никакого спора и недоумѣнія; художникъ долженъ строго соблюдать характеръ сохранившагося подлинника; но ежели такого подлинника нѣтъ, то художнику остается другое средство: онъ долженъ внимательно изучить всю внутреннюю жизнь св. угодника; узнать характеръ его помысловъ и чувствованій, силу всѣхъ душевныхъ способностей и стремленій, и по этимъ-то даннымъ создать идеалъ, согласный съ его личною природой и не противорѣчащій его народности и вѣку. Точно тѣже самыя обязанности лежатъ и на критикѣ картины. Такимъ образомъ, чтобъ основательно оцѣнить двадцать восемь изображеній, надо очень много и очень внимательно прочитать; полагаться же на память въ такомъ случаѣ человѣку, не занимающемуся спеціально изученіемъ исторіи Церкви,

Digitized by Google

было бы слишкомъ легкомысленно. Вотъ почему я не беру на себя обязанности разбирать всѣ эти произведенія г. Дорнера въ историческомъ и портретномъ отношеніяхъ. Что же касается до религіознаго вопроса, то нѣкоторые образа, произведенные г. Дорнеромъ оживлены чувствомъ высокаго благочестія, какъ напримѣръ: *св. Антоній и св. Ѳеодосій Печерскіе*; но есть между ними и такіе, которые или слишкомъ холодны или слишкомъ неопредѣленны для своего значенія. Напримѣръ, что созерцатель можетъ прочесть на спокойныхъ лицахъ нашихъ Славянскихъ Апостоловъ — *Кирилла и Меѳодія?* Ежели мы не знаемъ всѣхъ подробностей ихъ жизни, то, по крайней мѣрѣ, намъ положительно извѣстны общія черты ихъ подвиговъ: они были первыми проповѣдниками Евангельскаго ученія или слова Божія передъ народомъ погруженнымъ въ идолопоклонство; слѣдовательно сколько имъ нужно было имѣть силы духа, мужественной рѣшимости и благочестиваго восторга для того, чтобъ явиться съ Словомъ вѣчной любви? Сколько надо было имѣть могущества слова, чтобъ укротить этихъ дѣтей природы, заставить забыть такую вѣру, которая давала просторъ всѣмъ чувствамъ, ничѣмъ несдерживаемымъ, и заставить ихъ признать и принять вѣру, которая требуетъ полнаго владычества духа и порабощенія страстей? Это величіе духа должно ярко свѣтиться на лицахъ нашихъ великихъ Апостоловъ; но, къ сожалѣнію, на сихъ лицахъ ничего подобнаго нѣтъ!

Ветхозавѣтные Патріархи и Пророки, написанные во весь ростъ и въ колоссальныхъ размѣрахъ, *Тайная Вечеря и моленіе о Чашѣ* — г. профессора Живаго, занимаютъ почти двѣ залы. При обзорѣ этихъ произведеній можно бы и должно было бы много говорить какъ по причинѣ высокой важности въ значеніи содержанія, такъ и по важности назначенія ихъ, но я боюсь взять на себя бремя не по силамъ. Однако любовь къ правдѣ, которая здѣсь вдвойнѣ священна, и желаніе — можетъ быть, слишкомъ заносчивое — быть полезнымъ, ужъ конечно не г. профессору, объ этомъ я не смѣю думать, а молодымъ художникамъ-ученикамъ, вынуждаютъ меня при этомъ случаѣ сказать нѣсколько словъ, которыя можно примѣнить къ произведеніямъ такого рода вообще. Большая часть или даже почти всѣ лица и предметы, изображенные г. профессоромъ, требуютъ отъ художника, кромѣ знанія и практической опытности въ техникѣ искусства, многихъ какъ естественныхъ, врожденныхъ, такъ и пріобрѣтенныхъ средствъ и условій для истиннаго успѣха: само собою разумѣется, что первое въ этомъ

Digitized by Google

случаѣ условіе — обладаніе глубокимъ чувствомъ благочестія; во вторыхъ надо имѣть силу піитическаго творчества, и въ третьихъ, нужна инстинктивная вѣрность историческаго взгляда; все это нельзя пріобрѣсти ни усидчивостію, ни трудомъ самымъ неусыпнымъ, ни наукою; это природные дары счастливой организаціи и высокой настроенности духа; и наконецъ необходимы положительныя историческія знанія и основательныя знанія въ практической или опытной психологіи, которыя уже составляютъ плодъ настойчиваго ученія и внимательной наблюдательности. Только стройное соединеніе всѣхъ этихъ условій можетъ увѣнчать желаннымъ успѣхомъ попытки художника въ религіозно-исторической живописи; нерѣдко отсутствіе только одного изъ нихъ разстроиваетъ все дѣло.

Теперь взглянемъ при пособіи этихъ условій на какос-либо произведеніе г. Живаго; возмемъ хоть изображеніе праотца Адама. Художникъ, а вмѣстѣ съ нимъ и созерцатель картины, долженъ задать себѣ слѣдующіе вопросы: что такое Адамъ? Что онъ долженъ представлять? — Это есть высочайшій идеалъ, какой можетъ быть доступенъ для человѣка, совершеннѣйшій первообразъ человѣка; это непосредственное прямое созданіе безконечно-премудраго, безконечно-всемогущаго Творца, осуществленіе послѣдней Божеской мысли; это, по выраженію поэта— »крайня степень вещества, черта начальна Божества!« Это человѣкъ, въ которомъ совмѣщены всѣ совершенства, возможныя для творенія Божія, до котораго еще не коснулась ни одна разрушительная сила: ни всесокрушающее время, ни злобно-снѣдающая болѣзнь, ни ненасытная забота, ни изнурительный трудъ, ни зависть изкажающая красоту, ни скука, ни порокъ, ни свѣтская суетность, ни тревожное честолюбіе, человѣкъ, цвѣтущій первобытною силой и первобытною красотой, съ прекрасными, младенчески-частыми помыслами свѣтлой души, только что изшедшей изъ своего божественнаго начала и оживившей лучшее украшеніе міра. Теперь представьте же себѣ, какія мысли и чувствованія должны были сіять на этомъ чистомъ непорочномъ и прекрасномъ лицѣ при взглядѣ на Божій міръ безконечно-разнообразный, при первомъ сознаніи своей жизни и проявленія изъ небытія въ бытіе. Дѣтски-простой и мужественно-вдохновенный взглядъ на чудныя красоты юнаго міра долженъ покоиться на этомъ возвышенно-прекрасномъ лицѣ перваго человѣка. Однако напрасно зритель будетъ искать этихъ первобытныхъ красотъ въ »Адамѣ« художника; ничего подобнаго не найдетъ въ немъ, какъ бы долго и внимательно онъ ни смотрѣлъ. Ежели бы художникъ въ этомъ случаѣ вдался въ идеальную крайность; то созерцатель нашелъ бы из-

Digitized by Google

виненіе въ самомъ содержаніи картины, или даже онъ не нашелъ бы основательныхъ причинъ обвинить художника; потому что здѣсь идеалъ едва ли можетъ превзойдти дѣйствительность, которая была совершеннѣйшимъ выраженіемъ возможно-совершеннѣйшаго идеала. Такимъ образомъ художникъ не могъ опасаться упрековъ за излишнюю идеальность, лишь бы только этотъ идеалъ былъ согласенъ съ значеніемъ изображаемаго лица и съ назначеніемъ картины или образа. Правда эта картина не кончена; но неконченность ея относится только къ обстановкѣ, а не къ фигурѣ самого праотца человѣческаго рода. Такъ и другія произведенія художника, при всѣхъ достоинствахъ, которыя можетъ сообщить картинѣ тщательность работы, имѣютъ въ большей или меньшей степени недостатокъ художественнаго творчества и историческаго взгляда на предметъ изображенія.

Образа, исполненныя почетнымъ вольнымъ общникомъ г. Муссини, безъ сомнѣнія имѣютъ свои достоинства въ отношеніи техники искусства, которыя могутъ быть оцѣнены только спеціалистами; но я въ качествѣ простаго любителя, не выдавая своихъ мнѣній за правила и не навязывая ихъ никому, осмѣливаюсь высказать кой-какія замѣчанія о произведеніяхъ г. Муссини. Первое замѣчаніе, которое пришло мнѣ на умъ, при разсматриваніи этихъ образовъ, можетъ быть, многимъ покажется страннымъ, но что дѣлать? Оно мнѣ не кажется такимъ. *Обрѣзаніе Господне и Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы* стоятъ рядомъ при самомъ входѣ въ залу (подъ буквою Ж); написаны эти образа однимъ художникомъ; между тѣмъ изображенія Божіей Матери на этихъ двухъ образахъ не только не похожи одно на другое, но даже представляютъ совсѣмъ различные характеры. Пусть какъ хотятъ называютъ мое замѣчаніе; но всякій разъ, какъ я смотрѣлъ на эти образа, такое несходство изображеній производило во мнѣ непріятное впечатлѣніе; особенно же рѣзко бросается въ глаза то, что изображеніе Пресвятой Дѣвы въ Благовѣщеніи представляетъ Ее нѣсколько старше, зрѣлѣе, нежели при Обрѣзаніи Господнемъ; и при томъ первое не выражаетъ той благоговѣйной покорности волѣ Божіей, которую выражаютъ слова: »Се раба Господня; да будетъ Мнѣ по глаголу Твоему!« — *Крещеніе Спасителя міра!* Христіанинъ не можетъ ни говорить, ни думать, безъ благоговѣйнаго восторга объ этой священно-торжественной минутѣ въ исторіи человѣчества, объ этомъ основномъ таинствѣ христіанской вѣры. Отверзаются небеса; Духъ Святый нисходитъ для освященія этого событія; Гласъ Божій свидѣтельствуетъ о

Digitized by Google

крестившемся: »Сей есть сынъ Мой возлюбленный, на Коемъ все Мое благоволеніе!«—И такъ, пусть художникъ, желающій изобразить Христа Спасителя въ сію непостижимо-чудесную минуту, представитъ себѣ, сколько онъ долженъ сообщить божественнаго величія и духовно-сильной красоты изображенію Іисуса Христа крестящагося! И пусть онъ проститъ мнѣ, ежели я не нахожу ничего подобнаго въ его »Крещеніи.« Церковь наша, выражая снисходительное смиреніе Бого-человѣка, поетъ: »Днесь Владыка преклоняетъ выю водъ руку Предтечеву!....« Этими словами Церковь, кажется, говоритъ, что Владыка и въ своемъ божественномъ смиреніи остался Владыкою; Его божественное существо никогда не оставляло Его. Зная это, трудно понять, почему художникъ изобразилъ Христа Спасителя не снисходительно-смирившимся, а боязливо-согбеннымъ, и какъ будто стыдливо потупившимъ взоръ къ низу.—О »*Преображеніи*« я не говорю ничего. Но »*Срѣтеніе Господне*« возбуждаетъ нѣкоторые важные вопросы; и между ними особенное вниманіе заслуживаетъ вопросъ о Симеонѣ Богопріимцѣ. Исторія церкви повѣствуетъ, что св. Симеонъ дожилъ до глубокой старости, и по высокому благочестію своему желалъ и ждалъ видѣть Спасителя міра; потому что онъ, читая и изучая Пророковъ, видѣлъ много признаковъ самыхъ ясныхъ скораго пришествія Его, и горячо молился, чтобы Богъ сподобилъ его увидѣть Христа; молитва его была услышана, и ему свыше обѣщано, что онъ до толѣ не умретъ, пока не узритъ Бого-человѣка. Потому-то, встрѣтивъ въ храмѣ Божественнаго Младенца, онъ въ этомъ событіи уже видѣлъ свою кончину, и въ пророческомъ вдохновеніи сказалъ: »Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыка, по глаголу Твоему съ миромъ! Очи мои видѣли спасеніе!...« и проч. Слѣдовательно Симеонъ былъ уже ветхій старецъ, дожившій до естественной кончины, которая приходитъ съ тихимъ и необходимымъ разрушеніемъ тѣлеснаго состава и постепеннымъ угасаніемъ жизни не отъ случайныхъ болѣзней, убивающихъ иногда сильное, здоровое тѣло. А г. Муссини изобразилъ Св. Симеона именно здоровымъ, сильнымъ, старикомъ съ лицемъ полнымъ жизни и горячей крови. Это слишкомъ ясно противорѣчитъ исторической истинѣ. Здѣсь можно бы еще многое замѣтить; но я и такъ уже увлекся далѣе предполагаемыхъ границъ.

Образа Г. Брюлова кажется назначены стоять на значительной высотѣ; потому, я думаю, несправедливо было бы разсматривать ихъ *вблизи*; есть причины думать, что они отъ этого могутъ много потерять. Совсѣмъ другое дѣло вдали; самая эта излишняя яркость красокъ отда-

Digitized by Google

ленностію много смягчится. Но при всемъ желаніи удержаться отъ сужденія о произведеніяхъ г. Ѳ. Брюлова, нельзя не сказать, что Архангелъ Михаилъ его возбуждаетъ болѣе представленія невысокой дѣйствительности, нежели творческаго идеала духа.

Зала подъ буквою *М* вся занята образами — профессора Нефа, который отличается необыкновеннымъ искусствомъ владѣть красками. Хотя эти черты искусства дѣйствуютъ преимущественно на глазъ, а искусство должно трогать и плѣнять душу; однако и то справедливо, что для полнаго очарованія тоны и гармонія красокъ необходимы; надо прежде очаровать чувство, какъ проводникъ впечатлѣній; это предрасполагаетъ къ очарованію воображеніе, умъ и сердце. Теперь посмотрите на этотъ рядъ художественныхъ созданій г. Нефа! Первое мѣсто занимаетъ *Сошествіе Святаго Духа*. Мысль и содержаніе этого образа извѣстны; здѣсь художникъ не можетъ ни прибавить ничего, ни убавить; здѣсь вся задача въ выраженіяхъ лицъ. Благоговѣйное смиреніе, изображенное на лицахъ Св. Апостоловъ и Божіей Матери, восхищенныхъ внезапнымъ нашествіемъ Духа Божія, даетъ картинѣ единство, которое переливается въ множество оттѣнковъ разнообразіемъ физіономическихъ различій; а торжественная тишина наполняетъ душу созерцателя спокойнымъ умиленіемъ. Здѣсь все такъ согласно, такъ стройно, что, стоя передъ этой картиной, не подумаешь искать въ ней недостатковъ или ошибокъ.—Потомъ слѣдуетъ *Нерукотворенный образъ Господа нашего Іисуса Христа*. Въ созданіи этого произведенія художникъ имѣлъ болѣе свободы и простора; потому здѣсь это стройное разнообразіе лицъ еще изумительнѣе, нежели на первомъ образѣ, чему особенно много содѣйствуетъ глубоко задуманная и счастливая группировка фигуръ. Но при всемъ томъ я осмѣливаюсь здѣсь замѣтить одну важную ошибку, или, пожалуй, недосмотръ: ликъ, изобразившійся божественнымъ чудомъ на убрусѣ, много отличается отъ изображенія Іисуса Христа, представленнаго въ группѣ Апостоловъ и народа; въ немъ нѣтъ этой божественно-высокой строгости, какая видна въ лицѣ Христа, стоящаго посреди народа; притомъ и въ краскахъ на убрусѣ замѣтка какая-то блѣдность и неопредѣленная тусклость; а этого всего не должно быть. Кромѣ Іисуса Христа, въ которомъ удивительно хорошо выражено божественное спокойствіе при совершеніи Имъ чуда, особенно хорошъ здѣсь художникъ, желавшій имѣть изображеніе Христа; изумленный новымъ чудомъ, близкимъ его сердцу, онъ упалъ на колѣна, и съ благоговѣніемъ смотритъ на Спасителя; вѣра видимо осѣнила его душу и отразилась на

Digitized by Google

лицѣ. *Николай Чудотворецъ*, *Апостолъ Павелъ*, и особенно *Великомученица Екатерина*, истинно превосходны: но *Петръ Апостолъ*, также превосходный во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, мнѣ кажется, не долженъ имѣть такого сурово-строгаго взгляда. *Вознесеніе Господне.* Ежели умъ человѣческій часто встрѣчаетъ въ теченіи дѣлъ естественныхъ явленія непонятныя и необъяснимыя, то конечно въ исключительныхъ личныхъ дѣлахъ Богочеловѣка этотъ заносчивый умъ тогда только сможетъ что-нибудь уразумѣть, когда въ умозаключеніяхъ своихъ упирается на вѣру, какъ на »извѣщеніе вещей невидимыхъ.« Такъ съ помощію этого свѣтильника вѣры, не вдаваясь въ изслѣдованія, мы можемъ представить или вообразить самое Вознесеніе Господне, и, по законамъ человѣческихъ чувствъ и души, можемъ отгадывать тѣ впечатлѣнія, которыя оно должно было произвести на Апостоловъ и на Пречистую Дѣву—бывшихъ свидѣтелями этого событія, послѣдняго чуда на землѣ Христа Спасителя. Іисусъ Христосъ, оставляя землю, гдѣ такъ много страдало Его человѣческое существо, такъ часто озлобленіе и страсти человѣческія возмущали Его божественный духъ, смотритъ въ горніе предѣлы, отчизну Свою: ничто земное уже не занимаетъ Его; потому что Онъ уже кончилъ Свое земное назначеніе, и прочно посѣялъ сѣмена Своего ученія небеснаго. Св. Апостолы, пораженные Его вознесеніемъ на небо, съ благоговѣйнымъ страхомъ смотрятъ на это послѣднее чудо; они еще не успѣли понять своего сиротства; потому неопредѣленность выраженія ихъ лицъ такъ естественна, такъ понятна, что не требуетъ никакого поясненія; потому-то прошу простить мнѣ эту смѣлость—я думаю, что г. профессоръ, увлекшись желаніемъ, впрочемъ очень естественнымъ, придать картинѣ своей разнообразіе, напрасно одному изъ Апостоловъ далъ такое положеніе, которое показываетъ, что онъ, наклонившись къ другимъ, что-то имъ объясняетъ или разсказываетъ, указывая поднятою рукою надъ головой своей на возносящагося своего небеснаго Учителя. Такое положеніе Апостола и всякое разсужденіе его въ эту минуту слишкомъ преждевременно; потому что оставляющій ихъ Христосъ Спаситель былъ еще слишкомъ близко къ нимъ, и они еще не могли, не успѣли понять положеніе дѣлъ до такой степени, чтобъ обсуживать его. Можетъ быть, я ошибаюсь, но я въ томъ убѣжденъ, что и грустное чувствованіе, выраженное на лицѣ Божіей Матери, также не совсѣмъ умѣстно; потому что съ одной стороны Она также еще неуспѣла постигнуть Своего лишенія, а съ другой, по мѣрѣ проясненія понятій и сознанія того, что совершалось

Digitized by Google

въ минуты возвращенія Сына Божія къ Отцу, въ душахъ всѣхъ присутствующихъ долженъ былъ пробуждаться благоговѣйный страхъ и торжественный восторгъ; какъ Апостолы, такъ и Матерь Божія знали, что Учитель ихъ и Ея божественный Сынъ совершилъ уже свое назначеніе земное, и недолго съ ними останется на землѣ; они отчасти были уже приготовлены къ тому словами: »Иду къ Отцу Моему и Богу вашему.«

Но торжество кисти г. Нефа, по моему мнѣнію, *Покровъ Пресвятыя Богородицы*. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ священникъ въ полномъ облаченіи. Это не нарисованная фигура, а живой человѣкъ, и при томъ человѣкъ весь преданный молитвѣ. Напрасно стали бы мы искать въ немъ земныхъ суетныхъ помышленій; онъ молится, но его молитва отличается отъ молитвы тѣхъ группъ народа, которыя размѣщены за нимъ: онъ, вперивъ взоръ въ книгу, съ благочестиво-глубокимъ вниманіемъ, во всеуслышаніе, произноситъ молитву, уставленную Церковію, и слова ея возноситъ къ Предстательницѣ человѣческой предъ Превѣчнымъ Сыномъ Ея за всѣхъ предстоящихъ и за всѣхъ христіанъ; а тѣ, внимая словамъ молитвы, произносимой священникомъ, возводятъ взоръ свой къ небу, или смиренно преклоняются къ землѣ, и каждый молится за самого себя. Всѣ эти лица исполнены благочестивыхъ и самыхъ жаркихъ прошеній. Я не говорю о той изумительно-тщательной и тонкой отдѣлкѣ одежды и другихъ подробностей, о красотѣ линій, которыми такъ умѣетъ всегда щеголяетъ г. Нефъ; это, скажу безъ всякихъ метафоръ и преувеличеній, вполнѣ очаровательно! Можно бы конечно замѣтить легонькіе недостаточки относительно перспективы и излишняго уменьшенія, судя по размѣрамъ мѣста, заднихъ фигуръ; но эти недостатки, въ сравненіи съ совершенствами цѣлаго, такъ маловажны, что объ нихъ и говорить совѣстно. А вотъ размѣщеніе правильнымъ полукругомъ св. Апостоловъ, окружающихъ Божію Матерь, которая въ благости своей сошла въ храмъ, чтобы покрыть своимъ амофоромъ молящихся Ей, признаюсь, мнѣ кажется слишкомъ изысканнымъ.

Слѣдующую за тѣмъ залу занимаютъ образа, писанные почетнымъ вольнымъ общникомъ г. Штейбеномъ; ихъ четыре: »*Распятіе Господа нашего Іисуса Христа, Воскресеніе Христово, Рождество Богородицы* и *Взятіе Богоматери на небо*.« Первое особенно обращало на себя общее вниманіе посѣтителей Академіи группировкою и изображеніемъ лицъ, окружающихъ крестъ Христовъ, и преимущественно лицъ женскихъ: Маріи Магдалины, бывшая свидѣтельницею всѣхъ страданій Того, Кто вызвалъ ее изъ жизни плотской въ жизнь духовную, далъ ей почувствовать

Digitized by Google

ю высокую сладость непосредственнаго созерцанія небесныхъ истинъ, ходившихъ изъ устъ Его, и принимавшихъ къ сердцу всѣ оскорбленія и муки, нанесенныя небесному ея Учителю, изнемогла подъ тястію горячихъ сочувствованій, мучившихъ ее цѣлыя сутки; она уже можетъ стоять, и, изнуренная тѣломъ и душею, сидитъ при крестѣ, дпираясь лѣвою рукою; отягченная голова ея, прекрасная и въ сой мучительной скорби, откинутая нѣсколько назадъ, склонилась на орону; жгучія слезы, текущія по щекамъ, воспалили ея глаза; каштановые волосы въ безпорядкѣ лежатъ по плечамъ. Эта женщина—идеалъ раждущей вѣры,—съ пылкою неукротимою душею, не знающей среины въ своихъ стремленіяхъ, такъ трогательно-прекрасно, что созерцатель увлекаясь ея неукротимымъ отчаяніемъ, невольно одушевляется корбящей вѣрою. Но взгляните нѣсколько повыше и немного лѣвѣе: и увидите женщину далеко непервой молодости, но сохранившую всю ѣвственность лица, которое никогда не было возмущаемо земными еланіями и помыслами; въ настоящую минуту она подавлена невыразимымъ горемъ и неутѣшною скорбію. Эта Сама Матерь божественаго страдальца, пригвожденнаго къ кресту! Она вперила Свой скорбный взоръ на предвѣчнаго Своего Сына. Она, нелишенная человѣческаго стества, съ юныхъ лѣтъ привыкшая видѣть прямое непосредственное рисутствіе при Себѣ божества, теперь видитъ только остатки человѣества, пригвожденные къ мучительному кресту, и, по человѣческой рироднѣ своей, глубоко страдаетъ тройственною скорбію — какъ нѣжнѣйшая изъ женъ земныхъ, сопричастникъ благости небесной, какъ истѣйшая и совершеннѣйшая изъ матерей, и какъ первенствующая изъ ѣрующихъ, зря Сына и Бога на крестѣ. Какъ безпредѣльно величіе Мученика, такъ безгранична и скорбь Матери Его. Скорбь духа Ея превышаетъ печаль сердечную; потому и слезы не облегчаютъ Ея сердца. Это идеалъ небесной скорбящей любви!

О »*Воскресеніи Христовомъ*« я не буду много говорить; во-первыхъ, потому что оно представляетъ предметъ неизъяснимо-трудный для изображенія; здѣсь въ лицѣ воскресшаго Христа Спасителя должно блистать безпредѣльное величіе торжествующаго Божества, а не та неопредѣленность, какую по большей части изображаютъ въ Воскресеніи, не то смиреніе, съ какимъ Богочеловѣкъ шелъ на »вольную страсть,« но и не та поспѣшная быстрота, какую нерѣдко даютъ живописцы воскресшему Христу; во-вторыхъ, въ изображеніи воиновъ замѣтна такая несообразность, которую изъ уваженія къ даровитому художнику не

*

хочу объяснять. Въ »*Рождествѣ Богородицы*« все прекрасно, а голова женщины, наклонившейся надъ младенцемъ, изумительно хороша! Но для чего художникъ изобразилъ Св. Іоакима въ одеждѣ первосвященника? Исторія прямо именуетъ его потомкомъ Давида, слѣдовательно онъ не отъ колѣна Левитова; и при томъ она называетъ его просто бѣднымъ старцемъ, а не священникомъ. Вотъ задача, которую я никакъ не могу рѣшить.

»Взятіе Божіей Матери на небо« также предметъ трудный для художника; потому и любителю не легко оцѣнить подобное произведеніе. Художникъ долженъ представить въ человѣческомъ видѣ существо, такъ сказать, совлекшись человѣчества, существо, имѣющее всѣ свойства формы человѣческой, но не имѣющее ни страстей, ни желаній земныхъ, наполненное небесныхъ стремленій; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ существѣ не должно быть ни малѣйшей тѣни холодной безчувственности и безжизненнаго равнодушія. Это задача трудная, ежели только преодолимая! Вотъ почему неопредѣленность выраженія въ лицѣ Богоматери и Ангеловъ, несущихъ Ее, въ произведеніи г. Штейбена не удовлетворяла нѣкоторыхъ зрителей; они сравнивали образъ г. Штейбена съ извѣстнымъ того же содержанія — покойнаго К. П. Брюлова. Сравненіе невыгодное для перваго! Но едва ли оно и справедливо? Нельзя требовать отъ всѣхъ того, что могъ сдѣлать одинъ. По моему мнѣнію, г. Штейбенъ, хотя и не сравнялся съ Брюловымъ, однако сдѣлалъ не мало; въ изображенной имъ Пресвятой Дѣвѣ очень много духовнаго значенія, святости и величія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить произведеніе г. Штейбена съ многими изображеніями Божіей Матери знаменитыхъ художниковъ, находящимися у насъ въ Академіи. Это сравненіе ясно докажетъ, что образъ, написанный г. Штейбеномъ, предъ многими знаменитостями имѣетъ большія преимущества. Но въ Ангелахъ его, въ самомъ дѣлѣ, видно слишкомъ много дѣйствительнаго человѣчества; форма ихъ слишкомъ рѣзко и пластично очерчена.

Всѣ произведенія искусства, помѣщенныя въ слѣдующихъ двухъ залахъ, равно какъ и многія другія я рѣшаюсь пропустить; во-первыхъ потому что разборъ всего, что выставлено въ Академіи, растянулъ бы мою статью до объема книги, а во-вторыхъ, разборъ произведеній иностранныхъ художниковъ не соотвѣтствуетъ цѣли, предположенной мною. И такъ перехожу въ большія академическія галлереи.... Но это будетъ въ слѣдующей статьѣ.... *В. Т. Плаксинъ.*

19-го Ноября 1852 года.

Digitized by Google

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЯРМАРКА ВЪ ЗАЛАХЪ БЛАГОРОДНАГО СОБРАНІЯ.

Благотворительность Москвы вошла на Руси въ пословицу. Не будемъ распространяться о предметѣ, давно вошедшемъ во всеобщее убѣжденіе. Скажемъ только нѣсколько словъ о бывшей у насъ на дняхъ ярмаркѣ въ пользу бѣдныхъ.

Дамское попечительство въ столицѣ, одно изъ главныхъ органовъ благороднаго стремленія помогать неимущему ближнему, придумало устроивать благотворительные праздники.

Вы платите одинъ рубль серебромъ за входъ, и гуляете по великолѣпнымъ заламъ Благороднаго Собранія, слушаете музыку оркестровъ, слушаете пѣніе и игру любителей, пришедшихъ принести на пользу бѣдности образчики своего таланта, любуетесь роскошными палатками, кои устроены благотворительницами, пожалѣвшими на устройство сіе денегъ, для того, чтобы сдѣлать вашу прогулку пріятнѣе, за ваше доброе дѣло доставить вамъ сей-часъ же удовольствіе.

Нынѣшняя ярмарка продолжалась 19, 20 и 21-го декабря.

Она имѣла цѣлію сбыть рукодѣльныхъ работъ и другихъ вещей, въ пользу бѣдныхъ. Продажа эта происходила днемъ, отъ 12-ти до 3-хъ часовъ, и вечеромъ, отъ 7-ми до 10-ти часовъ.

Изъ всѣхъ трехъ дней, самымъ блистательнымъ днемъ ярмарки былъ вечеръ 21-го декабря.

Толпы народа, стекшіяся въ залы Собранія, даже затрудняли прогулку по этому огромному помѣщенію, особенно по большой залѣ, гдѣ были устроены палатки.

Роскошь и убранство палатокъ заставляютъ насъ сказать о нихъ слова два. При первомъ взглядѣ на нихъ видно было, что хозяйки не жалѣли денегъ на ихъ отдѣлку, желая сдѣлать ихъ болѣе пріятнымъ мѣстомъ продажи для покупателей. Осуществленіе этихъ

Digitized by Google

желаній зависѣло уже отъ гг. архитекторовъ и драпировщиковъ, которымъ поручена была эта работа. Не будемъ разбирать подробно достоинствъ и недостатковъ каждой палатки по нашему мнѣнію, скажемъ только, что всѣ онѣ очень милы для глазъ, и болѣе или менѣе достигаютъ своего назначенія.

Роскошны палатки Кн. Щербатовой и г-жи Савиной, оригинально милы палатки въ китайскомъ вкусѣ Кн. Гагариной и палатка г-жи Рюминой, имѣющая видъ раковины. Богата, или лучше, дорога палатка В. Д. Римско-Корсаковой: она представляетъ изъ себя бесѣдку изъ бѣлыхъ колоннъ, обвитыхъ плющемъ съ позолоченными рѣшетчатыми боками и такимъ же потолкомъ; но это не палатка для продажи товара, а въ самомъ дѣлѣ садовая бесѣдка, достойная своей прекрасной обитательницы. Палатка А. С. Римско-Корсаковой такъ изящна безъ бросающихся въ глаза украшеній, такъ богата безъ роскоши и такъ вѣрно выполняетъ свое назначеніе дворянской торговой палатки, что намъ остается жалѣть, что мы незнаемъ имени архитектора, занимавшагося ея устройствомъ.

Гулявшіе между палатками могли или покупать разложенныя въ нихъ вещи, или брать билеты на вещи, разыгрываемыя въ лотереѣ.

Въ девять часовъ начался концертъ любителей, его слушали съ удовольствіемъ, охотно прощая какіе-нибудь недостатки во имя прекрасной и возвышенной цѣли исполненія.

Вообще было на ярмаркѣ шумно и весело, и всякій благодарилъ отъ души благотворительницъ, умѣвшихъ такъ мило соединить полезное съ пріятнымъ. (*Сообщено.*)

Digitized by Google

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Новость комической оперы въ Парижѣ.— Даніэль-Франсуа-Эспри-Оберъ. Что такое призваніе?—Кое-какая Юлія.—Сорокъ оперъ между двухъ имперій.—Живая каріатида.—Сто одиннадцать дѣйствій.—L'illustre ingrat.—Тздокъ-маэстро.—Музыкальный спленъ.—Погоня за новымъ мотивомъ.—Мотивъ изъ оперы «Густавъ III», найденный лошадью.—Марко Спада.—Концерты.—Инструментъ, изобрѣтенный до сотворенія міра.—Г. Саксъ и его инструменты. Г. Вивье.—Большой городъ короля Генриха.—Нашествіе иноплеменныхъ на Парижъ.—Черты французской національности.—Египтянинъ площади Шатле.—Способъ бальзамированія.—Насмѣшка судьбы.—Человѣкъ растертый на краски.—Любопытные коршуны и египетскія пирамиды.—Новые гости въ парижскомъ ботаническомъ саду.

На театрѣ комической оперы давали въ концѣ прошлаго декабря *капитальную* пьесу этой зимы «*Марко Спада*», либретто *Скриба*, музыка *Обера*, дебютъ на этомъ театрѣ дѣвицы *Каролины Дюпре*. Чрезвычайный успѣхъ этой оперы подтверждаетъ лестное мнѣніе публики о сочинителяхъ и артисткѣ. Поговоримъ о г. Оберѣ.

Даніэль-Франсуа-Эспри Оберъ (Daniel-François-Esprit-Auber) родился въ Каэнѣ (Caëne), въ Нормандіи; ему теперь семдесятъ два года. Отецъ его торговалъ эстампами, и сынъ долженъ былъ наслѣдовать это состояніе, но тайное призваніе увлекло его на другой путь. Призваніе?... Какъ опредѣлить это безсознательное побужденіе, которое вырываетъ молодыхъ людей изъ семейнаго круга, вопреки волѣ властныхъ надъ ними, и бросаетъ ихъ на чуждое имъ поприще, въ новый міръ, вовсе не сродный имъ ни по рожденію, ни по чувствамъ, ни по мыслямъ, которыми питалось ихъ дѣтство. Они идутъ на зовъ имъ однимъ слышнаго голоса, повинуются тайной непостижимой волѣ. Чей это голосъ, чья эта воля? знаетъ Тотъ, Кто пишетъ будущность въ книгѣ судебъ. Оберу суждено быть знаменитымъ музыкантомъ, и предвидѣлъ онъ это или нѣтъ, была ли на то воля его родителей,—все равно: такъ было суждено,—и такъ сталось. Молодаго Обера послали въ Англію изучать торговлю и финансы, но онъ чувствовалъ, что эти занятія ему не по душѣ, не

Digitized by Google

по мысли, вскорѣ бросилъ *ноты* банкировъ и началъ писать тѣ ноты, которыя звучнѣй выражали мелодическіе помыслы души его. По разрывѣ аміенскаго мира онъ возвратился во Францію и совершенно предался музыкѣ. Ему было тогда двадцать два года.

Мы пишемъ не біографію;—мы хотимъ только познакомить читателей съ нѣкоторыми чертами своеобразной личности этаго знаменитаго компониста и съ его музыкальными произведеніями.

Написавши нѣсколько романсовъ, ни лучше, ни хуже другихъ, Оберъ принялся прямо за драматическую музыку. Сначала онъ писалъ для домашнихъ театровъ. Кое-какая оперетка *Юлія*, сыгранная въ гостинной, съ ширмами вмѣсто кулисъ и фортепьянами вмѣсто оркестра, – была дебютомъ творца *Мазаньелло*. Потомъ, изъ лучшихъ мотивовъ *Юліи* составилась другая опера, и на этотъ разъ ее играли съ оркестромъ. Пьэса имѣла замѣчательный успѣхъ, но Обера не оглушили рукоплесканія салонной публики; онъ понималъ, что для снисканія одобренія настоящей публики, его мелодическимъ вдохновеніямъ не достаетъ основательнаго знанія правилъ гармоніи, и онъ поручилъ свое образованіе великому Керубини. Спустя нѣсколько времени, Оберъ дебютировалъ оперою le Sejour militaire, это было въ 1813 году, въ послѣднее время имперіи.

Сорокъ лѣтъ спустя, въ первое время новой имперіи, Оберъ поставилъ на сцену свою *тридцать девятую* оперу; почти по одной операѣ въ годъ....

Мы не назовемъ всѣхъ этихъ операъ, составляющихъ вмѣстѣ *сто одиннадцать* актовъ; скажемъ только, что изъ числа ихъ шесть или семь не имѣли успѣха, и то ихъ *fiasco* было такого рода, что про нихъ говорили: «однако есть прекрасныя мѣста».

Болѣе другихъ неудачна опера *Зерлина*, представленная, года два тому, на театрѣ Большой Оперы. Пьэса эта написана *на-скоро* и исключительно для г-жи Альбони, но и эта дородная каріатида не въ силахъ была поддержать кое-какъ слѣпленное музыкальное зданіе;—оно рушилось.

Марко Спада воскресилъ славу счастливаго маэстро. Но сорокъ лѣтъ удачъ избаловали его. Онъ сдѣлался равнодушенъ и къ успѣху и къ неудачамъ. Этотъ illustre ingrat, какъ называютъ его Французы, болѣе счастливъ, любуясь на породистую лошадь своей конюшни, нежели когда имя его раздается въ залѣ театра, при громѣ рукоплесканій. Верховая ѣзда—господствующая страсть Обера, такъ что его англійское сѣдло можно назвать его рабочимъ кабинетомъ. Жители Парижа часто встрѣчаютъ *пѣдока-маэстро* въ уединенныхъ аллеяхъ Булонскаго лѣса. Засунувъ ногу въ стремя, распустя

Digitized by Google

поводья, задумчиво разъѣзжаетъ онъ шагомъ подъ тѣнистыми деревьями лѣса, и насвистываетъ волшебные мотивы, которые никогда не бываютъ освистаны. Мотивъ найденъ, — и воображеніе передаетъ его вѣрной памяти; а самъ снова вяжетъ звуки въ прихотливую канцонету или игривую каватину, и снова память уноситъ ихъ, чтобы передать наконецъ въ руки г. Скриба, вѣчнаго сотрудника г. Обера; тамъ вдохновенный стихъ ложится подъ вдохновенные звуки.

Г. Оберъ всегда скучаетъ: ему все надоѣло. Онъ богатъ, но гостей не любитъ и самъ рѣдко гдѣ бываетъ. Разъ его какъ-то уговорили участвовать въ многочисленной кавалькадѣ. Окруженный прекрасными дамами, цвѣтомъ парижскаго общества, маэстро галопировалъ, насупившись по обыкновенію и насвистывая новую мелодію. Вдругъ поворачиваетъ онъ въ сторону, — и былъ таковъ. Товарищи скачутъ за нимъ: «не туда, не туда, маэстро; здѣсь, направо, на полянѣ ожидаетъ насъ завтракъ.» Но маэстро было не до завтрака: галопъ его лошади настучалъ ему въ ухо мотивъ превосходнаго галопа въ пятомъ дѣйствіи оперы Густавъ III. Возвратимся къ *Марко Спада*.

Либретто оперы прекрасная драма. Марко Спада (лицо выдуманное)—римскій разбойникъ. Въ угорьяхъ римской *Кампаньи* промышляетъ онъ ужаснымъ ремесломъ, которое не умѣютъ тамъ истребить, не смотря на то, что венсенскіе егеря уже четыре года ѣдятъ запасный провіантъ папскихъ драгунъ. *Спада*, прозванный ужаснымъ именемъ *меча* (Spada), вмѣщаетъ въ себѣ двѣ личности: разбойника и отца. У этого Януса большихъ дорогъ есть дочь, прекрасная затворница крѣпкаго замка, куда Спада является подъ именемъ барона де-Горрида. Дочь знаетъ только барона, не зная прочаго; это прочее — драма г-на Скриба.

Анжелла, дочь Спады, принимаетъ въ замкѣ заблудившихся проѣзжихъ. Это — губернаторъ Рима, одна маркиза, молодой человѣкъ, ея поклонникъ, и капитанъ папскихъ драгунъ. Чтобы отблагодарить за гостепріимство, посѣтители упрашиваютъ юную Анжеллу пріѣхать на другой день на балъ, который даетъ римскій губернаторъ. Анжелла обѣщаетъ, и уговариваетъ возвратившагося барона не отказать ей въ этомъ удовольствіи.

Надобно знать, что юный *Фридерикъ*, сопутникъ маркизы и племянникъ губернатора, какъ это издавна водится въ романахъ и въ операхъ, спасъ Анжеллу когда-то отъ какой-то опасности, и они другъ друга любятъ.

Второе дѣйствіе — балъ. Монахъ, бывшій нѣкогда плѣнникомъ *Спады*, узнаетъ его. Спада арестованъ; дочь его — дочь разбойника.

Digitized by Google

Въ третьемъ дѣйствіи Спада возвратился въ свою шайку. Дочь его, покоряясь судьбѣ, одѣлась въ разбойничій костюмъ. И атаманъ и шайка сбираются покинуть свое ремесло, оставить окрестности Рима, и вести въ отдаленіи честную жизнь, но папскіе драгуны, не мѣшавшіе имъ разбойничать, помѣшали обратиться на путь истинный; Марко смертельно раненъ.

Разныя случайности, которыхъ цѣлыя сотни всегда подъ рукою у г-на Скриба, привели въ разбойничій притонъ всѣхъ, кого было нужно къ развязкѣ. Племянникъ губернатора все еще любитъ Анжеллу,—но какъ жениться на дочери разбойника?

— Она не моя дочь, говоритъ умирающій Спада, она дочь убитаго разбойниками герцога Санъ-Джермано.

— Клянешься ли ты въ этомъ? спрашиваетъ атамана бывшій тутъ монахъ; не губи души своей въ предсмертную минуту.

— Клянусь! отвѣчаетъ *Спада*.... и съ этимъ словомъ умираетъ.

Партиція Обера не богата эффектами, но музыка вездѣ прекрасна, мелодіи новы, симфоническая отдѣлка ученая и искусная. Есть контрасты неожиданные, поразительные, прелестные. Акомпанименть аріи, которую поетъ монахъ на праздникѣ, подражающій звукамъ органа, при помощи роговъ и другихъ духовыхъ инструментовъ, поражаетъ новизною оркестрировки. Инструментація вообще превосходна, а мелодіи—какъ всѣ мелодіи Обера: мысль и теплое чувство одушевляютъ каждую.

Вотъ что пишетъ Берліозъ (Berlioz) о двухъ замѣчательныхъ концертахъ, данныхъ въ Парижѣ въ прошломъ декабрѣ:

Концертъ г. Вьётана. Музыкальные праздники рѣдки теперь въ Парижѣ. Великіе артисты упали духомъ; они устали созывать парижскую публику, которая не слушаетъ ихъ призывовъ. Если артистъ рѣшается иногда заплатить огромную установленную плату за право дать концертъ, и понести расходы на освѣщеніе, наемъ залы, оркестра и проч., такъ это только въ надеждѣ на иностранцевъ; Французовъ не собирается много. Такъ было, въ прошломъ году, съ Эрнстомъ. Слушатели на его первый концертъ съѣхались изъ Германіи, Англіи и Россіи. Были и Французы, но мало. Энтузіазмъ отъ того былъ не меньшій; истинные любители музыки—это Русскіе, Нѣмцы и Англичане.

Талантъ г. Вьётана изумителенъ. Отличительныя его достоинства: грандіозность, увѣренность и чрезвычайная разборчивость вкуса. Онъ не покушается на то, чего не въ силахъ исполнить, и между тѣмъ, слушая его, трудно вѣрить чудесамъ его механизма. Интона-

Digitized by Google

ции его чрезвычайно вѣрны, какъ въ простыхъ, такъ и въ гармонических флажолетныхъ звукахъ, которые онъ употребляетъ часто и всегда кстати. Въ его рукахъ смычокъ, кажется, обхватываетъ струну, а не одной точкой къ ней прикасается. Звукъ его нотъ мягокъ, чистъ, полонъ, силенъ, сладокъ, а лѣвая рука вооружена желѣзными пальцами, такъ что въ *пичикато* струна подъ ними звучитъ какъ металлъ, сильно и чисто.

Игру г. Вьётана слушаешь съ тѣмъ безтревожнымъ наслажденіемъ, которое возбуждаетъ въ насъ все прекрасное, все высокое. Какъ компонистъ, г. Вьётанъ не менѣе замѣчателенъ, и обладаетъ всѣми качествами совершеннаго музыканта. Говорятъ и вѣрятъ вообще, что музыкальныя произведенія виртуозовъ имѣютъ не общее, а только относительное достоинство; это правда восемдесятъ разъ на сто. Но сочиненія компонистовъ-не виртуозовъ еще рѣже бываютъ хороши. Вьётанъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ виртуозовъ въ числѣ всѣхъ намъ извѣстныхъ,—неоспоримо одинъ изъ лучшихъ композиторовъ нашего времени. Мы это знали давно; его концертъ служитъ новымъ тому доказательствомъ.

Послѣдній концертъ г. Вьётана — сочиненіе ученое, совершенно новое по новизнѣ формъ, осыпанное эффектами неожиданными и прекрасными, и задуманное такъ *музыкально*, что партія солиста часто затихаетъ, чтобы дать разслушать превосходныя фразы оркестра. Въ этомъ созданіи компонистъ будто завидуетъ виртуозу, и не смотря на то, какую блестящую работу далъ онъ ему! Какія оригинальныя черты, какіе смѣлые пассажи! Этотъ концертъ можно назвать прекрасной симфоніей съ скрипкою *соло*. Мысли свѣжи, рѣзвы, обильны и обрамлены инструментаціею, которая возвышаетъ ихъ блескъ. Вьётанъ распоряжается оркестромъ, строго соблюдая правила науки. Это весьма важно въ наше время, когда такъ много говорятъ объ инструментаціи, почти не понимая, что это такое, и когда называютъ компонистами бездарныхъ наборщиковъ нотъ, не понимающихъ даже свойствъ каждаго инструмента и относительной вмѣстности ихъ звуковъ.

Здѣсь не мѣсто критически разбирать концертъ г-на Вьётана, но нельзя пропустить въ молчаніи его изумительное скерцо, котораго мотивъ, ритмованный въ два темпа, въ быстромъ полетѣ своемъ безпрестанно поперечитъ троемѣрному ритму оркестра; это—любопытное нововведеніе, исполненіе котораго безъ ошибокъ удивительно трудно какъ для солиста, такъ и для капельмейстера. Г. Буке съ большимъ искусствомъ дирижировалъ оркестромъ, и во все продолженіе этого *чертовскаго* скерцо ни разу не сбился. Не многіе могли бы этимъ похвалиться.

Digitized by Google

Много надо было смѣлости, чтобы играть въ этомъ концертѣ послѣ г. Вьётана. Этимъ смѣльчакомъ былъ пьянистъ г. Крюгеръ. Артистъ этотъ принадлежитъ къ новой школѣ; это значитъ, что механическихъ трудностей для него не существуетъ. Публика восхищалась его пьэсой, въ которой онъ, неимовѣрно быстрыми діатоническими гаммами, весьма удачно подражаетъ гармоническимъ всплескамъ звуковъ эоловой арфы. Пьэса эта вообще прекрасна.

Концертъ дѣв. Дрейфусъ. Эта артистка, которой успѣхи такъ быстры, одарена талантомъ спеціальнымъ, и играетъ на инструментѣ не вошедшемъ еще въ общее употребленіе ни въ частномъ обществѣ, ни въ концертахъ. Впрочемъ *дѣв. Дрейфусъ*—прекрасная пьянистка, играетъ отчетливо, и умѣетъ вѣрно и внятно передать мысли великихъ компонистовъ въ исполненіи ихъ безсмертныхъ твореній. Она играетъ преимущественно Бетговена. Но все талантъ *дѣв. Дрейфусъ*, какъ пьянистки, не прославилъ бы ее. Теперь столько пьянистовъ, и чтобы отличиться отъ толпы, надобно дѣлать на этомъ инструментѣ чудеса, или, какъ *дѣв. Клаусъ*, утѣшить насъ въ потерѣ знаменитаго артиста, который пересталъ давать концерты (Листа), и вдохнуть въ этотъ инструментъ душу, которой ему до сихъ поръ недоставало.

Инструментъ, на которомъ дѣв. Дрейфусъ играетъ съ неподражаемымъ искусствомъ — это *мелодіумъ*, употребляемый обыкновенно въ церковной музыкѣ, въ замѣнъ органа; но онъ издаетъ звуки не посредствомъ трубъ и дудокъ, но приводя въ сотрясеніе медными пластинки изъ мѣдной латуни. Это полное развитіе системы аккордіоновъ, которые, сказать мимоходомъ, изобрѣтены Китайцами, такъ давно, что, по ихъ счисленію, приходится гораздо прежде нашего сотворенія свѣта.

Эти *мелодіумы*, которымъ инструментный мастеръ Александръ (Alexandre) придалъ такое разнообразіе звуковъ и такую мягкость, особенно въ высокихъ реестрахъ, распространяются не только въ Европѣ, но и въ Новомъ Свѣтѣ. Недоставало до сихъ поръ сочиненій, свойственныхъ этимъ инструментамъ, и искусныхъ артистовъ, понимающихъ достоинства и недостатки *мелодіума*. Дѣв. *Дрейфусъ* вполнѣ замѣнила и виртуоза и компониста. Она поняла, что *мелодіумъ* не фортепьяно и не органъ, этотъ *инструментъ-истуканъ*, въ которомъ не возможно пробудить выраженіе. Она умѣетъ пользоваться средствами мелодіума, и ея полные мечтательности аккорды, ея игривые пассажи, а иногда духовное величіе извлекаемыхъ ею звуковъ, невольно проникаютъ душу слушателя. Фантазіи на темы оперы *Дочь втораго полка*, очень много и очень справедливо

Digitized by Google

нравились публикѣ. Мотивы Доницетти переведены на новое музыкальное нарѣчіе, и переведены прекрасно.

Знаменитому инструментному мастеру *Саксу* поручено сформировать военную музыку. Оркестръ этотъ будетъ состоять изъ большой части прежнихъ духовыхъ инструментовъ и всѣхъ сортовъ *саксъ-горновъ*, *саксофоновъ* и *контрбасовъ*, изобрѣтенія г. Сакса. Въ этомъ мѣсяцѣ оркестръ этотъ начнетъ уже играть, подъ дирекціею г-на Мора. Многіе изъ замѣчательныхъ артистовъ парижскихъ театровъ поступили въ составъ этого оркестра, а г. Арбанъ, первый въ Европѣ артистъ на рожкѣ, выѣхалъ уже изъ Лондона, чтобы къ нимъ присоединиться.

Г. Вивье, музыкальный *авторъ-умница* салонныхъ пьэсъ, который такъ хорошо играетъ на рожкѣ въ часы своихъ досуговъ, возвратился изъ Константинополя. Онъ давно уже смѣкалъ, что настоящіе любители музыки — не Французы, а Турки, и чтобы убѣдиться въ этомъ, отправился ко двору блистательной Порты. Султанъ принялъ его весьма милостиво, осыпалъ подарками и поручилъ его покровительству своего представителя во Франціи. По пріѣздѣ г-на *Вивье* въ Парижъ, Вэли-паша не хотѣлъ съ нимъ разстаться и помѣстилъ его въ палатахъ турецкой миссіи.

Но довольно о музыкѣ, хотя мы и не пересказали многихъ музыкальныхъ новостей послѣднихъ дней прошлаго года. Посмотримъ, что дѣлаетъ *большой городъ короля Генриха (la grande ville du roi Henry)*, какъ его называютъ Французы.

Програмы увеселеній обѣщали столько очарованій, афиши столько чудесъ, что стеченіе пріѣзжихъ иностранцевъ и иногородцевъ можно безошибочно назвать *нашествіемъ иноплеменныхъ*. Парижъ вдругъ сдѣлался обширнымъ *постоялымъ дворомъ*, гдѣ чужеземцы остановились покормить свое любопытство и отдохнуть въ безсонныя ночи отъ утомительнаго бездѣйствія своихъ домашнихъ дней.

Но теперь гости уже разъѣхались, — празднества уже окончились, скажутъ многіе. — Да развѣ празднества кончаются когда-нибудь въ Парижѣ, развѣ Парижъ бываетъ когда безъ гостей? — Въ Парижѣ одинъ праздникъ въ годъ, но за то онъ точно *годовой*, неустанный, безсмѣнный. Будни въ Парижѣ кроются по закоулкамъ, по лачужкамъ, по подваламъ большихъ домовъ, — на улицѣ ихъ нѣтъ. Смотря на эту толпу, не богачей, а работниковъ, простолюдиновъ, черни, невольно подумаешь: «Да когда же они работаютъ?— А между тѣмъ они работаютъ, работаютъ много, хорошо и прилежно. Гдѣ и какъ? — Это тайна парижской жизни.

Digitized by Google

Въ этой суматохѣ пріѣзжихъ, въ этомъ приливѣ желаній, надеждъ и опасеній, въ этомъ роѣ иноземцевъ, парижанинъ стоитъ съ спокойнымъ величіемъ. Онъ хозяинъ, онъ знаетъ, что праздникъ его не можетъ не имѣть успѣха; онъ наблюдаетъ и критикуетъ, тогда какъ всѣ смотрятъ и удивляются. Но съ поднятіемъ занавѣса лихорадочное волненіе овладѣваетъ имъ, онъ вмѣшивается въ толпу, онъ сливается съ нею, роднится съ иноземцами, братается съ провинціялами, живетъ ихъ жизнью, дышетъ ихъ чувствомъ, жаждетъ ихъ желаніями, и за общій пиръ садится одна семья. Уровень любопытства прошелъ надъ толпою, и только тогда, какъ все придетъ въ нормальный порядокъ, парижанинъ снова наряжается въ свою городскую національность, снова становится осторожнымъ и скептикомъ.

Народныя представленія въ Парижѣ—самыя успѣшныя изъ всѣхъ представленій. Улица — любимый театръ парижанина. Комедія или драма разыгрывается на этой сценѣ, партеръ всегда полонъ. Все равно: пыль, грязь или кровь подъ ногами, баррикаду или тріумфальную арку строятъ на мостовой, свистятъ ли пули или раздается торжественный звукъ трубъ, — лишь бы было зрѣлище, лишь бы было чѣмъ насытить любопытство, эту неутолимую жажду француза. Болѣе всего парижанинъ любитъ оффиціяльныя празднества,— бенефисы господствующей власти. Общественное мнѣніе смиренно преклоняется предъ удовольствіемъ. Надѣвая праздничный кафтанъ, работникъ отрекается отъ духа партіи, къ которой принадлежитъ. Въ часы работы, для парижанина всякая власть — угнетатель, въ часы веселья — благодѣтель.

Во Франціи народъ всегда былъ на сторонѣ веселящихся. Парижанинъ пуще всего боится скуки.

Французскому правительству можно подать совѣтъ, который подаютъ нянькамъ, поручая имъ капризнаго ребенка:

«*Займи его, чтобы онъ не плакалъ и не шалилъ*».

Послѣдствіе этой черты французской національности, этого наслѣдственнаго любопытства — благопріобрѣтенная привычка *зѣвать* (la badauderie). Французъ зѣвака по призванію.

Взгляните, какъ толпится народъ на площади *Шатле*. Смотрите, какъ уличные мальчишки *(les gamins de Paris)* бѣгутъ туда, чтобы не прозѣвать случая позѣвать. Съ десяти часовъ утра (а теперь уже скоро шесть) толпа сгѣснется толпою. При входѣ въ магазинъ красокъ стоитъ большой стеклянный ящикъ, очень похожій на гробъ; изъ этой прозрачной будки поглядываетъ на народъ черная человѣческая фигура, безмолвная и неподвижная. Что это такое? А вотъ и надпись; — прочтемъ:

Digitized by Google

«Мумія мужчины, привезенная изъ ѳивскихъ катакомбъ (въ Верхнемъ Египтѣ). Тѣло это бальзамировано за три тысячи лѣтъ предъ нимъ, по религіозному обряду древнихъ Египтянъ. *Мумія, истертая съ льняным масломъ, служитъ артистамъ для накладки грунта въ картинахъ*».

И толпа стекается смотрѣть на мумію, не съ археологическими обужденіями и не для того, чтобы сказать съ латинскимъ поэтомъ: *quantum est in rebus inane!* Нѣтъ,—народъ пришелъ посмотрѣть овость, — позѣвать. Толпа смѣется, указывая на чернаго подданнаго араоновъ, и ни въ одной головѣ изъ предстоящихъ не зародится рустная мысль, которая невольно тѣснится въ душу мыслителя.

Вотъ усопшій египтянинъ, который жилъ въ изобиліи, окруженный роскошью великолѣпныхъ Ѳивъ, стовратаго города древности. По его смерти, родственники покойнаго оплакали его, порыли лицо и головы свои грязью, бѣгали по городу, ударяя себя въ удь, и наконецъ отнесли трупъ умершаго къ жрецамъ, именуемъ *тарихевтами* и *холлитами*, чтобы набальзамировать его. Жрецы вымыли тѣло, начинили его ароматами, и на семдесять дней ожили въ растворъ самородной щелочной соли; потомъ спеленали го свивальникомъ и погрузили въ сосудъ съ кипящею горною смоою; наконецъ положили въ гробъ, этотъ гробъ вставили въ другой, и помѣстили въ пещерахъ, изсѣченныхъ недалеко отъ Ѳивъ, ъ скалахъ Ливійскаго хребта. Но могъ ли ожидать этотъ нетлѣнный прахъ, что покой его будетъ нарушенъ до скончанія вѣковъ? е такъ хотѣла судьба. По прошествіи двухъ тысячъ девяти сотъ осьмидесяти лѣтъ, нѣсколькихъ мѣсяцовъ и нѣсколькихъ дней, ржеземцы, съ которыми онъ сроду не водилъ хлѣба-соли, пріѣхали везти его къ себѣ въ гости. И вотъ онъ снаряжается въ путь, пускается Ниломъ въ Александрію, садится на корабль, переплываетъ Средиземное море, входитъ въ Марсельскую гавань, плыветъ ъ верховью Роны, и по желѣзной дорогѣ приходитъ съ транспортомъ тяжестей въ Парижъ, чтобы служить вывѣской магазина асокъ и ваксы!

О язвительная насмѣшка безпощадной судьбы, которая, послѣ олькихъ вѣковъ мрака и молчанія, добыла его изъ саркофага, чтобы ставить въ чужой землѣ, на публичной площади, на диво насмѣшивой толпѣ, на потѣху прохожихъ, которые имѣютъ передъ нимъ ичтожное преимущество прыгать или гнуться подъ ношею жизни, яжесть которой онъ давно уже сбросилъ.

Digitized by Google

Это зрѣлище скликаетъ на мысль грустныя рѣчи поэтовъ о тщетѣ благъ земныхъ: σκιὰς ὄναρ ἄνθρωπος — Пиндара (человѣкъ—сонъ тѣни), *pulvis et ombra sumus* Горація (мы — тѣнь и прахъ)—образы невѣрные, но поэтическіе и поразительные, какъ всѣ образы поэтовъ. Грустно человѣку слышать, что онъ только прахъ, но быть человѣкомъ, чтобы сдѣлаться потомъ муміею, кускомъ дурной краски, которую *стираютъ съ льняным масломъ, чтобы накладывать грунтъ подъ картины*, быть человѣкомъ, и потомъ распродаваться по частямъ, по нѣскольку копѣекъ пузырекъ, растереться на тысячи палитръ, размазаться подъ тысячью кистей,—въ этой мысли есть оскорбительное шутовство, котораго не подозрѣвали и тѣ, что писали самыя плачевныя картины нашего ничтожества. Боссюэтъ, великій ораторъ смерти, сказалъ: *какую ничтожную частицу вещества судила человѣку природа.... и эта частица должна всегда быть въ оборотѣ.* Не станемъ упрекать христіанскаго проповѣдника за пантеизмъ этой идеи, и скажемъ только пусть такъ, въ оборотѣ производительной природы, которой наша тлѣнная оболочка нужна для воспроизведенія другихъ формъ,—но въ оборотѣ людей? Но быть товаромъ, чорнымъ животнымъ, рядомъ съ пурпуровой кошенилью, быть орлеанкой, киноварью, венеціянской ярью.... Можетъ ли быть что унизительнѣе для нашего тщеславія!

Интересно было бы не ограничиться догадками о старомъ египтянинѣ площади Шатле. И теперь, впрочемъ, можно прибавить нѣкоторыя почти достовѣрныя подробности къ его посмертной біографіи: человѣкъ этотъ, совершившій такое далекое путешествіе три тысячи лѣтъ послѣ своей смерти, никогда не выходилъ, можетъ быть, при жизни изъ города Ѳивъ, гдѣ онъ былъ погребенъ. Можетъ быть, онъ никогда не бывалъ въ Мемфисѣ и не видывалъ славныхъ пирамидъ, передъ которыми малорослый артиллерійскій генералъ сказалъ когда-то своимъ солдатамъ: «*съ вершинъ этихъ пирамидъ сорокъ вѣковъ смотрятъ на ваши подвиги.*» Одно изъ прекрасныхъ изрѣченій, которыя исторія вноситъ въ свои скрижали, и которымъ люди удивляются тѣмъ болѣе, что слова эти не имѣютъ вовсе никакого значенія.

Намекъ этотъ припоминаетъ намъ иконологическое изображеніе этой знаменитой фразы въ ребусахъ какого-то журнала: четыре коршуна (*milan*) смотрятъ съ верхушекъ пирамидъ на войска, предъ которыми стоитъ генералъ Бонапарте. Вотъ объясненіе: *quatre milans (quatre mille ans или quarante siècles) vous contemplent du haut de ces pyramides.*

Digitized by Google

Въ французскомъ оффиціяльномъ журналѣ народнаго просвѣщенія сообщаютъ объ ожидаемомъ прибытіи новыхъ гостей въ парижскій ботаническій садъ, высланныхъ изъ Китая г. Монтиньи, французскимъ консуломъ въ *Шангъ-Гаи*, усердіе котораго къ обогащенію парижскихъ коллекцій не разъ уже заслужило благодарность ученыхъ. Вотъ какихъ звѣрей отправилъ онъ на этотъ разъ во Францію: хрюкающій быкъ (*Bos gruniens* по Линнею) самецъ и самка; три вида журавлей или ибисовъ; нѣсколько паръ мандариновъ (видъ утокъ), прекрасный орелъ, пѣтухи, куры и другая домашняя птица, несравненно рослѣе нашихъ и болѣе цвѣтистыя перьями.

Якъ, или хрюкающій быкъ, названный также быкомъ съ лошадинымъ хвостомъ, былъ извѣстенъ и въ древности. Эліанъ (Aelien) упоминаетъ о немъ. Впрочемъ животное это оставалось до сихъ поръ наименѣе извѣстнымъ изъ млекопитающихъ, хотя и самое замѣчательное изъ нихъ.

До сихъ поръ парижскіе натуралисты тщетно старались достать экземпляръ этого четвероногаго;—имъ не удалось добыть даже его кожи; имъ достался только хвостъ, употребляемый у обитателей востока на бунчуки (родъ знамя), и черепъ, который почитается рѣдкостію парижскаго музея.

Г. Монтиньи вывелъ эту пару съ горъ Тибета и долго держалъ ихъ въ Шангъ-Гаи, гдѣ климатъ не много чѣмъ разнится отъ парижскаго. Это подаетъ надежду размножить породу хрюкающихъ быковъ во Франціи.

Животное это покрыто длинною шерстью, которая ежегодно спадаетъ и замѣняется новою. Мясо его очень вкусно, самка даетъ прекрасное молоко. Подобно верблюду, хрюкающій быкъ переноситъ значительныя тяжести. Онъ не жаденъ на кормъ и ѣстъ почти всякую растительную пищу.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ИЗЪ КАЗАНИ.

Теперь, когда близокъ, незримыми шагами подкравшійся, новый 1853 годъ, пора свести счеты съ старымъ годомъ, и посмотрѣть, какую память о себѣ онъ оставилъ въ Казани.

Наружность города,—естественнѣе всего начинать съ наружности,—въ теченіи года измѣнилась не много: пожаровъ, которые такъ рѣдки въ Казани, въ нынѣшнемъ году, благодаря Всевышнему, было очень мало, а значительныхъ—ни одного. Въ кремлѣ казанскомъ пробиты, для удобства, новыя ворота, и продолжали отдѣлывать дворцовую церковь; въ городѣ же, Воскресенская улица, лучшая въ Казани, утратила одинъ изъ слѣдовъ пожара 1842 года, отдѣлкою большаго казеннаго зданія, а также и на театральной площади отдѣланы два большихъ дома, такъ что только зданіе дворянскаго собранія остается неоконченнымъ для полной красоты этой обширной площади, лучшей въ городѣ. На другихъ улицахъ также явилось нѣсколько новыхъ домовъ, но за то очень на многихъ новыхъ постройкахъ вы видите классическую надпись: *сей домъ продается*, а на нѣкоторыхъ читаете замысловатое изрѣченіе: *сей домъ отдается*. Въ теченіе 1852 года производилась въ Казани постройка и отдѣлка двухъ церквей, еще не освященныхъ: одной—на пороховомъ заводѣ, а другой, Никольской—близъ Булака, перестраиваемой приношеніемъ одного казанскаго купца; кромѣ того, передѣлана весьма изящно колокольня грузинской церкви и поправлялась колокольня казанскаго Дѣвичьяго монастыря.

Если физіономія города осталась почти прежняя, то значительная перемѣна произошла въ общественной его жизни: съ 6-го апрѣля начали представленія въ новомъ театрѣ, обширномъ для Казани и довольно красивомъ. Внутреннее устройство зданія, имѣющаго и большую залу для концертовъ, въ бель-этажѣ, также довольно сообразно съ требованіями театральными и маскарадными,—потому что въ театрѣ даются и маскарады,—за немногими исключеніями, напримѣръ, буфетъ, по неимѣнію кухни, можетъ доставлять только холодныя кушанья, и проч. Но въ театрѣ, comme de raison,

Digitized by Google

главное условіе составляетъ не столько зданіе, сколько труппа артистовъ и выборъ пьесъ посредствомъ актеровъ: конечно, непріятно, очень непріятно бывало сидѣть въ грязныхъ и уродливыхъ ложахъ стараго театра, на непрерывномъ сквозномъ вѣтру, но нѣтъ никакого удовольствія изъ хорошенькой ложи смотрѣть на плохихъ актеровъ. Къ счастію, нашъ новый театръ безопасенъ отъ упрека и съ этой стороны: казанская труппа, составленная изъ артистовъ с.-петербургскаго театральнаго училища, нижегородскаго театра и прежняго казанскаго театра, представляетъ всѣ условія для успѣшныхъ представленій водевиля, драмы и отчасти комедіи и оперы-водевиля. Свѣтилами казанскаго театра я осмѣливаюсь считать только двухъ драматическихъ артистовъ: г-жу Стрѣлкову 2-ю и г. Милославскаго, прибывшихъ къ намъ съ нижегородской сцены. Мы, Казанцы, знаемъ, что нижегородская публика удивляется, какимъ образомъ г-жа Стрѣлкова 2-я, считавшаяся въ Нижнемъ второстепенною актрисою, на нашей сценѣ—является на первомъ планѣ, но мы, Казанцы, честь имѣемъ отвѣчать нижегородскимъ дипломатамъ, что первыя и лучшія роли на нижегородской сценѣ выпадали на долю г-жи Шмитгофъ, выдвинуться изъ-за которой было довольно трудно нашей артисткѣ, и что талантъ является не сразу талантомъ, а развивается постепенно. Читали еще мы, Казанцы, хотя и съ великою наклонностію къ непробудному сну, статью г. Авдѣева о казанскомъ театрѣ въ Отечественныхъ Запискахъ, и не мало подивились проницательности, открывшей никѣмъ здѣсь въ мѣру не оцѣненный талантъ въ г-жѣ Стрѣлковой 1-й. Авторъ-туристъ ничего не нашелъ сказать о Казани, кромѣ того, что гостепріимный хозяинъ, у котораго останавливался г. Авдѣевъ, отчаянный меломанъ, ставящій Стрѣлку 2-ю выше Самойловой!!! Если это правда, то печатное объявленіе о томъ—дурная плата за гостепріимство.

Выборъ пьесъ, составляющій не послѣднюю статью въ существованіи театра, у насъ довольно удаченъ, хотя и случается порой, что дается пьеса не подъ силу артистамъ. Въ короткое время казанскій театръ дошелъ до геркулесовскихъ столповъ искусства: здѣсь уже давали и Гамлета и Ревизора. Въ первой пьесѣ роль Гамлета исполнена была удовлетворительно г. Милославскимъ, а роль Офеліи г-жею Стрѣлковой 2-й; Ревизоръ, дававшійся въ бенефисъ г. Владимірова, не удался, потому что ни роль Хлестакова для г. Дудкина, ни роль городничаго для самого бенефиціанта, ни многія другія роли—еще не по силамъ казанскимъ артистамъ. Со временемъ, можетъ быть, и комедіи Гоголя будутъ идти удовлетворительно на здѣшней сценѣ, а покамѣстъ можно съ большимъ удовольствіемъ смотрѣть «Мате-

Digitized by Google

ринское Благословеніе», «Дочь втораго полка», и прочія пьесы, въ которыхъ возбуждаетъ восторгъ г-жа Стрѣлкова 2-я, которой признательная казанская публика недавно сдѣлала роскошный подарокъ.

Если общественная жизнь въ Казани очень оживилась съ открытіемъ театра, то, съ другой стороны, самому городу, по нѣкоторымъ соображеніямъ, представляется въ будущемъ большой уронъ: мы здѣсь говоримъ преимущественно о развитіи пароходнаго сообщенія по Волгѣ и Камѣ, переводящаго съ сухопутья на воду транзитную казанскую торговлю, и отнимающаго у Казани значительную долю прежняго торговаго значенія. Правда, до сихъ поръ еще не замѣтно явныхъ послѣдствій этого ущерба, но извѣстно уже, что городскіе доходы довольно уменьшились; кромѣ того явно еще, что судоходство также приходитъ въ нѣкоторый упадокъ, а бакалдинская пристань подвигается все ближе къ устью Казанки, гдѣ останавливаются пароходы. При этомъ цѣны за провозъ пассажировъ не понизились, а повысились противъ прошлаго года, а нечего и говорить о судахъ и мелкихъ лодкахъ; лѣтъ двѣнадцать тому назадъ я самъ ѣзжалъ на досчаникѣ до Симбирска съ разными удобствами за полтинникъ, нынѣ же такихъ цѣнъ не услышишь. Казанскіе политики-экономы предсказываютъ блистательную участь Перми и лишаютъ ея Казань, но, кажется намъ, эти описанія преувеличены, и притомъ шоссе, а въ особенности желѣзная дорога можетъ все измѣнить и доставить Казани еще бо́льшую противъ прежняго важность. Пароходство имѣетъ пока еще на своей сторонѣ ту выгоду, что многіе проѣзжающіе, избѣгая прогонъ по вольной почтѣ между Казанью и Пермью, отправляются, даже противъ своего желанія, на пароходахъ.

Между тѣмъ какъ предвѣщаютъ такое передвиженіе капиталовъ, припомнимъ, что въ нынѣшнемъ 1852 году исполнилось триста лѣтъ русской Казани. Описаніе празднованія этого событія уже было сообщено нами къ общему свѣденію; теперь же мы считаемъ умѣстнымъ прибавить, что Памятный листъ города Казани, составленный по случаю трехсотлѣтія Казани академикомъ Раковичемъ, выйдетъ непремѣнно въ скоромъ времени въ свѣтъ у васъ въ Москвѣ изъ хромолитографіи, бывшей Дрегера.

Къ числу замѣчательныхъ событій изъ казанской жизни 1852 года принадлежитъ очередная для губерній Нижегородской, Вятской, Симбирской, Пензенской, Казанской и Саратовской выставка сельскихъ произведеній и мануфактурныхъ издѣлій восточнаго края европей-

Digitized by Google

ской Россіи. Въ этой выставкѣ изъ чужихъ губерній приняли участіе только отчасти Вятская, и еще менѣе Нижегородская. Въ сравненіи съ выставкой 1845 года, нынѣшняя отличалась обиліемъ выставленныхъ предметовъ, продолжительностью выставки и многочисленностью посѣтителей, но процесса въ сельскихъ произведеніяхъ значительнаго—не было замѣтно.

Теперь въ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ, я разскажу вамъ, какъ вела себя въ 1852 году казанская погода. По засвидѣтельствованію профессора физики А. С. Соловьева въ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ (*), прошлая зима у насъ была умѣренная, нѣсколько теплѣе четырехъ предъидущихъ зимъ; весна началась поздно, и за сильными холодами послѣдовали вскорѣ дожди, растительность развернулась быстро, а рѣки вскрылись почти въ обыкновенное время; разливъ Волги принадлежалъ нынѣ къ числу довольно высокихъ, но вода стояла не долго. Лѣто было холодное и дождливое, осень довольно сухая и очень короткая; за теплымъ, невѣроятнымъ сентябремъ, никакъ не ладившимъ съ извѣстною о немъ поговоркою, явился суровый октябрь; зима настала рано, но холодовъ сильныхъ и продолжительныхъ не было, только температура измѣнялась часто и быстро, такъ что, напримѣръ, 7 декабря въ полдень, при туманной погодѣ была +2°, вечеромъ шелъ дождь, а на утро уже стало—6°. Прошу замѣтить, что Казань не Петербургъ, и что такія salto-mortale здѣсь необыкновенное дѣло (**). Урожай хлѣбовъ озимаго и яроваго—нынѣшній годъ былъ обыкновенный, довольно хорошій, всходы также довольно хороши.

Отъ урожая хлѣбовъ и травъ я перехожу къ урожаямъ литературнымъ, въ которыхъ самую значительную долю занимаетъ университетъ. Въ теченіе этого года въ Казани вышли отчеты по управленію Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, четыре книжки Ученыхъ Записокъ за 1850 годъ, Путешествіе по Сѣверной Персіи, профессора И. Березина, его же второй томъ Библіотеки Восточныхъ Историковъ (татарскій текстъ), его же, Грамматика персидскаго языка (въ 3 частяхъ), его же, Recherches sur les dialectes persans (въ 3 частяхъ), профессора М. Киттары, каталогъ казанской выставки и публичныя лекціи Технологіи (1-й выпускъ), профессора Фойгта, обзоръ хода успѣховъ преподаванія восточныхъ языковъ въ казанскомъ университетѣ, и 24 восточныхъ изданія (въ типографіи

(*) 1852 года N 25.

(**) При такомъ неправильномъ состояніи погоды нельзя ожидать удовлетворительнаго состоянія здоровья: и дѣйствительно, въ первой четверти года свирѣпствовалъ въ Казани *тифъ*.

Digitized by Google

Университета, Коковина и Рахимъ-Джана Сагитова). Казанскія Губернскія Вѣдомости наполнялись преимущественно статьями оригинальными, касающимися Казанской губерніи; (*) изъ числа сотрудниковъ этой газеты обращаетъ на себя особенное вниманіе писатель-самоучка изъ Чувашъ Спиридонъ Михайловъ, о которомъ мы намѣрены сказать кстати нѣсколько словъ.

Извѣстно, что Чуваши принадлежатъ къ числу неграмотныхъ нашихъ инородцевъ, и доселѣ человѣкъ образованный между ними, а тѣмъ болѣе писатель, былъ неслыханное чудо; посему не удивительно, что отецъ С. Михайлова, простой мужикъ чувашанинъ, смотрѣлъ неблагосклонно на страсть малолѣтняго сына къ русской грамотѣ; но наконецъ, когда сынъ еще шести лѣтъ хотѣлъ покинуть для ученья свою родимую деревню, отецъ вынужденъ былъ отвезти его въ городъ Козмодемьянскъ, гдѣ С. Михайловъ и поступилъ къ одному почтенному купцу, и началъ свое ученіе съ Псалтыря. — Къ несчастію уже тринадцати-лѣтняго Михайлова, купецъ, покровитель его, скончался въ Астрахани. Нашъ юный чувашинъ-грамотѣй, на котораго произвелъ сильное впечатлѣніе пріѣздъ архіепископа Филарета въ Козмодемьянскъ, думалъ отправиться, для усовершенствованія своихъ познаній, въ Казань, но обстоятельства были сильнѣе его желанія. С. Михайловъ принужденъ былъ остаться въ Козмодемьянскѣ, и поступилъ потомъ на службу переводчикомъ чувашскаго языка въ Козмодемьянскій Земскій судъ, гдѣ и состоитъ постоянно уже четвертое трехлѣтіе.

(*) Въ послѣднихъ нумерахъ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей были напечатаны слѣдующія статьи: профессора Бекетова: практическія замѣчанія о казанской тифозной эпидеміи 1852 года, (NN 23, 24, 25, 27, 30, 31, 35, 36, 37 и 38); Казанскій театръ (N 23); профессора Березина: Тарханскіе ярлыки (N 22); М. Навроцкаго: областныя царевококшайскія слова (N 24); объ артезіанскихъ колодцахъ въ Казани (NN 24, 25, 27, 28, 29, 30 и 31); С. Михайлова: преданія Чувашъ (NN 24, 25 и 28); Сундырская гора (NN 29 и 30); о музыкѣ Чувашъ (N 31), чувашскія свадьбы (NN 42, 43, 46, 47, 48 и 49), и еще о Сундырской горѣ (N 52); профессора Савельева: Метеорологическія замѣтки (NN 25 и 26); военная служба Татаръ (N 26); Хлюмогорова: греческія монеты въ минц-кабинетѣ казанскаго университета (NN 32 и 33); князя Кострова: Качинскіе Татары (NN 32, 33, 34, 35, 36, 37, 39 и 40); Казанская выставка (NN 37, 38 и 39); Статистическое описаніе Царевококшайскаго уѣзда (NN 41, 45, 46, 48, 49, 51 и 52); Малмыжской воеводской канцеляріи (NN 42, 43, 44, 47 и 50); Вагабова: Князь Булгара Тимуромъ (NN 43 и 45). Кромѣ того, въ газетѣ помѣщались разборы книгъ и статей, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ Казани, а также статьи профессора Григоровича (N 21); отчеты по управленію попечителя Казанскаго учебнаго округа (N 22); приключенія Пони (N 24); Общество землевѣдѣнія (N 34), и каталогъ казанской выставки (N 44).

Digitized by Google

На литературное поле выступилъ С. Михайловъ въ нынѣшнемъ 1852 году въ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, гдѣ была напечатана (въ № 2) его первая статья: повѣсть о пребываніи въ г. Козмодемьянскѣ Императора Павла Петровича. За этой повѣстью послѣдовали этнографическія статьи о Чувашахъ и о древностяхъ козмодемьянскихъ, а въ послѣднее время г-нъ Михайловъ доставилъ въ редакцію К. Г. В. этнографическое описаніе Чувашъ съ большимъ собраніемъ пѣсенъ, пословицъ, сказокъ, загадокъ, разговоровъ и поговорокъ чувашскихъ, что̀ все вмѣстѣ составитъ толстую и очень интересную книгу: преимущественно филологи будутъ здѣсь имѣть случай познакомиться съ чувашскими текстами, которыхъ донынѣ въ печати почти не показывалось.—Тѣ, которые читали статьи г-на Михайлова, невольно удивляются его оригинальному, но простому и выразительному складу мысли и слова: въ молодомъ еще чувашскомъ писателѣ замѣтно даже умѣнье обращаться съ ученымъ предметами ученымъ образомъ, а въ «Чувашскихъ свадьбахъ» онъ является съ русскими стихами.

Послѣ этого обзора казанской жизни въ 1852 году, я намѣренъ поговорить о послѣднихъ событіяхъ осени и зимы, о которыхъ не было еще сообщено въ Москвитянинѣ.

Въ началѣ августа скончался въ Казани въ преклонныхъ лѣтахъ литераторъ Москотельниковъ, переводчикъ Освобожденнаго Іерусалима Торквато Тассо (съ французскаго); 28 августа происходилъ въ университетѣ диспутъ адъюнкта Камбека, а 23 ноября адъюнкта Нахмана, обоихъ на степень доктора юридическихъ наукъ; съ октября мѣсяца начались въ университетѣ публичныя лекціи Механики (профессора Котельникова, по четвергамъ и субботамъ), Технологіи (профессора Киттары, по понедѣльникамъ и средамъ) и Химіи (адъюнкта Бутлерова, по вторникамъ и пятницамъ). Въ ученомъ сословіи университета произошло два перемѣщенія: кандидатъ И. Н. Холмогоровъ назначенъ профессоромъ восточныхъ языковъ въ Ришельевскій лицей, а профессоръ словесности К. К. Фойгтъ опредѣленъ ректоромъ въ Харьковскій университетъ. Напутствуемый общими сожалѣніями, Карлъ Карловичъ, уроженецъ и постоянный житель Казани, покинулъ нашъ городъ 20 декабря; по случаю его отъѣзда, дано было нѣсколько прощальныхъ вечеровъ сослуживцами его и учениками. На одномъ изъ этихъ вечеровъ, именно 10 декабря, были читаны сочиненные на отъѣздъ почтеннаго профессора стихи, изъ которыхъ я приведу слѣдующій акростихъ одного изъ казанскихъ профессоровъ:

Digitized by Google

Дни идутъ за днями,
Есть всему предѣлъ:
Кто живетъ съ друзьями,
А иныхъ удѣлъ
Бросить, но далеко,
Разлучась съ друзьями,
Якорь одинокій.

* * *

Други! Удалится
Если и безъ бурь
Сердцу близкій, — тмится
Ясныхъ дней лазурь,
Тяжело и больно!
А того грустнѣй
Говорить невольно:
«Онъ забылъ друзей!»

Между тѣмъ какъ университетъ лишился въ нынѣшнемъ году четырехъ профессоровъ (Петровъ, Клаусъ, Благовѣщенскій и Фойгтъ), составъ его наполняется новыми членами. Такъ прибылъ къ намъ изъ Одессы адъюнктъ С. В. Пахманъ, извѣстный ученому міру съ весьма выгодной стороны, а жителямъ Казани извѣстный еще какъ отличный виртуозъ на скрипкѣ; для практики въ восточныхъ языкахъ въ университетъ и въ 1-ю гимназію опредѣлены: китайскій мусульманинъ Абдуль-Керимовъ (для китайскаго) и мекканскій аравитянинъ Хосейнъ Ибнъ Ахмедъ, отлично владѣющій арабскимъ языкомъ и приведшій съ своей родины кровныхъ арабскихъ лошадей, настоящихъ дѣтей Неджда. Вотъ какъ оправдываетъ Казань свое восточное призваніе! Прибавимъ еще, что въ послѣднее время проѣзжали черезъ Казань нѣсколько Курдовъ.

8-го ноября происходило торжественное собраніе въ Казанской Духовной академіи, и въ скоромъ времени будетъ открыто въ Казани училище для дѣвицъ духовнаго званія.

Заключу свое длинное посланіе обзоромъ послѣднихъ явленій въ общественной жизни Казани.

Нынѣшняя осень, которой, впрочемъ, въ Казани почти не было, была обильна не дождями, но явленіемъ на ясномъ казанскомъ горизонтѣ лучезарныхъ свѣтилъ, а иногда же и просто темныхъ пятенъ: къ первымъ мы причисляемъ смѣло сестеръ Дулькенъ, давшихъ здѣсь два концерта (12 и 19 сентября, въ университетской залѣ), и.... и....

Со мной всегда такъ бываетъ: когда я хочу похвалить, я все боюсь, чтобъ не сглазить, или покрайней мѣрѣ, чтобъ не ошибиться. Такъ и на этотъ разъ: я думаю лучше ограничиться простой летописью казанскаго время-убиванья.

Digitized by Google

Прежде всѣхъ явились, для нашего удовольствія, гг. Лиммергардъ и Левисъ съ лилипутаномъ Томомъ. Первый давалъ магическія, физическія, и больше усыпительныя представленія, въ домѣ Жарова, передъ немногими посѣтителями, между которыми парламентское большинство составляли недовольные. Сколько помнимъ, самое замѣчательное въ этихъ увеселеніяхъ было то, что за входъ брали не дорого, а выходъ не стоилъ ровно ничего. Гимнастикъ Левисъ съ своимъ сыномъ давали представленія въ новомъ театрѣ, подъ эгидою распорядителей нашей сцены. Намъ кажется, что еще ни одинъ артистъ такъ не игралъ ни на одномъ инструментѣ, какъ Левисъ играетъ своимъ Томомъ. Но представленія эти однообразны, хотя и не возмущаютъ нѣжнаго эстетическаго чувства.

Затмить Лиммергарда и возстановить добрую славу египетской магіи взялся г. Мартини, пріѣхавшій ни слишкомъ поздно, ни слишкомъ рано, тотчасъ послѣ сестеръ Дулькенъ. Молва о неистощимой бутылкѣ Германа давно уже достигла въ Казань. Мартини осуществилъ эту бутылку. Но тутъ возникъ вопросъ: стоило ли дѣлать столько шуму изъ пустяковъ? Ужъ если восхищаться и ахать, то лучше передъ ловкостью Мартини, а не передъ бутылкою, которую одинъ нездѣшній любитель невинныхъ опытовъ, говорятъ, желалъ купить послѣ пяти рюмокъ ликеру. Очень жалъ, что г. Мартини не продалъ своей бутылки!—Не понимаемъ еще, какимъ образомъ Парижъ, или, лучше сказать, французская иллюстрація была въ восторгѣ отъ волшебной бутылки г. Гамильтона, преемника Роберъ Гудена, тогда какъ мы, Казанцы, уже давно перестали удивляться такому не хитрому изобрѣтенію: странность эту мы объясняемъ лишь извѣстнымъ изрѣченіемъ: ex oriente lux.

Когда я разсказалъ одному моему пріятелю, бухарскому муллѣ, проживающему давно въ Казани, объ удивительныхъ прогулкахъ г. Мартини на шарахъ, то достопочтенный мулла, не давъ мнѣ еще кончить рѣчи, предложилъ слѣдующій восточный апологъ:

«Въ управленіе нѣкотораго Казанъ-Мирзы, явился въ Тебризѣ удивительный человѣкъ: онъ ходилъ по произволу то на ногахъ, то вверхъ-ногами. Мудрѣйшій изъ блюстителей порядка, Керимъ-бекъ доложилъ Казанъ-Мирзѣ, не благоугодно ли ему взглянуть на удивительнаго человѣка.

Казанъ-Мирза кивнулъ головой.

Привели удивительнаго человѣка въ палату Казанъ-Мирзы, гдѣ собралось несмѣтное число зрителей.

—Машалла! какое неслыханное диво! восклицали хоромъ зрители, держась обѣими руками крѣпко за бороды, когда удивитель-

Digitized by Google

ный человѣкъ началъ ходить внизъ головой. Случилось такъ, что въ это время на голову ему сѣла муха.

—Всѣ вы ничего не смыслите: у всѣхъ у васъ подъ шапкою пусто, сказалъ премудрый Казанъ-Мирза. Посмотрите вотъ на муху, которая ползаетъ по головѣ этого дряннаго человѣка: она ходитъ теперь дважды верхъ ногами, а вы этому нисколько не дивитесь. Но все это ничего, продолжалъ премудрый Казанъ-Мирза, на этотъ разъ, сверхъ своего обыкновенія, разговорившійся съ подчиненными; я васъ спрашиваю: какая польза этому человѣку и всѣмъ намъ отъ того, что онъ ходитъ внизъ головой?...

Зрители не знали, что̀ отвѣчать на такую разумную рѣчь, и понурили головы».

Въ ноябрѣ давалъ концертъ пѣвецъ Джіордани, а въ декабрѣ скрипачъ Савастьяновъ; кромѣ того, открытъ съ декабря анатомическій музеумъ Навратиля, хозяинъ котораго вскорѣ по пріѣздѣ въ Казань скончался, и въ концѣ декабря явился чревовѣщатель и кудесникъ Матіасъ.

Ал. Никоровъ.

Казань.
23-го декабря, 1852.

Черниговскія вѣдомости. Мы говорили въ нашемъ изданіи о многихъ губернскихъ вѣдомостяхъ; нынѣ обратимъ вниманіе на Черниговскія: онѣ принадлежатъ къ числу немногихъ лучшихъ.—Впродолженіи прошедшаго года тамъ были напечатаны слѣдующія любопытныя статьи: историческое и статистическое описаніе г. Чернигова, Н. А. Маркевича; Замѣчанія на статью: «Мысли объ исторіи Малороссіи», Раковича; Графъ М. В. Гудовичъ, Ханенка; О посвященіи Новгородсѣверской гимназіи графомъ Н. П. Румянцовымъ, Ханенка; О сводѣ трехъ правъ: статута, саксона и магдебургіи, генеральнымъ судьею Иваномъ Бороздною, въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, Я. Г. Макарова; дополненіе къ статьѣ «О сводѣ трехъ правъ», А. М. Марковича; М. Олишевка, Шишацкаго-Иллича; Родина Стефана Яворскаго, митрополита рязанскаго и муромскаго, Шишацкаго-Иллича; Нѣкоторыя черты изъ быта казаковъ Черниговской губерніи, Гавриленка; Обычай при выборѣ сельскаго атамана, Шишацкаго-Иллича; Елецкій монастырь, Лѣневича; О срытомъ курганѣ въ Черниговѣ, А. А. Ригельмана; Статистическія свѣдѣнія о Черниговской губерніи, Лѣневича. По части сельскаго хозяйства и промышленности: историческое развитіе технической и мануфактурной промышленности въ Черниговской губерніи и современное ея состояніе, Гутмана; О предосторожностяхъ при переходѣ рогатаго скота съ зимняго корма на лѣт-

Digitized by Google

ній, Липскаго; О саранчѣ, Липскаго; О весеннемъ уходѣ за пчелами, Липскаго; О болѣзни картофеля, Липскаго; Какъ сохранять и въ какомъ видѣ употреблять наземъ, Н. К. Р.

Кромѣ этихъ статей, мы имѣли возможность помѣстить слѣдующіе матеріалы: для исторіи мѣстнаго края: инструкція, какимъ образомъ К. Г. Разумовскому поступать, будучи въ чужестранныхъ государствахъ, сообщ. Ханенко; списокъ лицъ, встрѣчавшихъ Императрицу Елисавету Петровну, во время проѣзда чрезъ Малороссію въ Кіевъ, въ 1744 г., сообщ. Самчевскій; дополненіе къ этой статьѣ, А. М. Марковича; два акта, относящіеся къ исторіи Батурина, сообщ. Любарскій; письмо Теплова о построеніи дворца въ Батуринѣ, сообщ. Самчевскій; Глуховскія древности (архивъ церкви трехъ Анастасій, четыре надписи въ соборѣ); акты, относящіеся къ исторіи Рыхловскаго монастыря, сообщ. П. А. Марковичъ; историческія свѣдѣнія о Крупицкой Батуринской Николаевской обители, сообщ. Лѣневичъ; грамота Петра 1-го Іоанну Максимовичу, архіепископу Черниговскому и Новгородсѣверскому, объ избраніи новаго гетмана послѣ Мазепы; три указа Императрицы Екатерины генералъ-маіору князю Мещерскому: два о заразѣ и одинъ о татарахъ, сообщ. Лѣневичъ; доношенія гр. Румянцова о пожарѣ въ Глуховѣ; переписка гр. Румянцова о колонистахъ, поселенныхъ въ Малороссіи; доношеніе черниговскихъ мѣщанъ гетману Д. Апостолу, сообщ. Лѣневичъ; дѣло о постановленіи по выборамъ г. Чернигова мѣщанъ войтомъ Титовича, 1731 г., сообщ. Лѣневичъ; тестаментъ начала XVIII вѣка, сообщ. Лѣневичъ; переписка генеральнаго хорунжаго Н. Д. Ханенка съ сыномъ, сообщ. Ханенко; Протокулъ до записованя справъ поточныхъ на рокъ 1690. Для изученія мѣстнаго языка: сказка о трехъ братахъ Кондратахъ; разсказъ о дятлѣ, сообщ. Тулубъ; Глуховскія древности (разсказъ старожила); пѣсня «дворянка», сообщ. Самчевскій; Карлиновъ кустъ (народное преданіе), сообщ. священ. Туткевичъ.

Digitized by Google

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

СЕЛО ВОРСИНО, ПОМѢСТЬЕ КОЛЫЧЕВЫХЪ

Очень недалко отъ Москвы, не далѣе 50 верстъ, находится понынѣ въ Подольскомъ уѣздѣ родовая отчина знатнаго нѣкогда рода бояръ Колычевыхъ,—село Ворсино, вѣковое достояніе предковъ, родителей и кровныхъ святителя Филиппа, митрополита московскаго. Въ весьма недавнее время (1805 году), Ворсино, за пресѣченіемъ прямой нисходящей линіи своихъ владѣльцевъ, въ лицѣ секундъ-маіора Льва Александровича Колычева, вышло изъ ихъ рода.

При сельской церкви уцѣлѣли еще и теперь гробовые памятники надъ могилами нѣсколькихъ Колычевыхъ; въ родовомъ же склепѣ подъ церковью—положенъ дядя святителя, боярин Григорій Семеновичъ; на камнѣ совершенно сохранилась изсѣченная надпись: *лѣта* 7105, *маія* 12 *дня*, *преставися рабъ Божій Григорій Семеновичъ Колычевъ*. Далѣе—положены отецъ и мать святителя, но, къ сожалѣнію, камни, надъ ихъ могилами утрачены въ 1835 году, при построеніи новой каменной церкви. Это могутъ подтвердить многіе изъ посѣщающихъ Ворсино, какъ мѣсто особенно благодатное, ознаменованное святою, труженическою жизнію своего владѣльца, боярина Григорія Семеновича.

Григорій Семеновичъ, сынъ боярина Семена Андреевича Колычева, былъ двоюроднымъ братомъ Степану Ивановичу, по прозванію Стенсуръ, родителю святителя Филиппа (1); онъ имѣлъ пятерыхъ сыновей: Алексѣя, Меньшика, Безсона, Ѳеодора и Бориса (2), которые всѣ служили при дворѣ царя Симеона Казанскаго, и всѣ пятеро умерли бездѣтными (3).

Вотъ все, что̀ удалось мнѣ собрать изъ свидѣтельствъ достовѣрныхъ; теперь разскажемъ нѣчто изъ преданій о жизни его.

Преслѣдуемый опалою Грознаго, послѣ паденія святителя, боринъ Григорій Семеновичъ, какъ близкій родственникъ его, ожидалъ конца гибельнаго, и уже окованный сидѣлъ въ темницѣ... Но отселѣ, какъ говоритъ преданіе, онъ чудеснымъ образомъ перенесенъ былъ въ с. Ворсино, гдѣ, уже посвятивъ остальные дни мо-

(1) См. Родосл. книгу князей и дворянъ Росс., часть II, стр. 112, 113 и 114.
(2) Смотри тамъ же.
(3) Смотри тамъ же.

Digitized by Google

литвѣ и покаянію, онъ жилъ до самой кончины подъ церковью. Очень замѣчательно, что въ 1835 году, при сооруженіи новаго каменнаго храма, когда надлежало сломать ветхую деревянную церковь, то строители, люди опытные въ своемъ дѣлѣ, находили еще какіе-то слѣды прежней обитаемости.

Нашъ разсказъ былъ бы неточенъ, еслибъ мы упустили упомянуть о Ворсинскомъ храмѣ, гдѣ положены смертные останки многихъ сродниковъ величайшаго святителя нашей церкви.

Что храмъ существовалъ здѣсь издавна—въ томъ удостовѣряетъ насъ, такъ называемая, церковная перепись 1681 года, гдѣ сказано (см. стр. 149): «189 г. сент. въ 5 д. по наѣзду князя Ивана Андреевича Шелешпанскаго въ отчину столыпика Ивана Михайловича Колычева въ с. Ворсинѣ — церковь древяна, *кладка стара*, и во имя та церковь Пресв. Богородицы Ѳеодоровскія, да въ предѣлехъ Андрея Стратилата, да Филиппа Митрополита.... да по сказкѣ прикащика Ивашки Полошина, да старосты Ѳедки Мосина, та церковь *построена изстари* (*).

Множество благочестивыхъ поклонниковъ и поднесь посѣщаютъ Ворсино; иные издалека приходятъ къ могилѣ боярина Григорія отслужить панихиду и взять горсть земли при гробовомъ камнѣ его.

Въ заключеніе скажемъ о Ворсинѣ, что съ 1824 года оно перешло во владѣніе г-жи Кариной.

1 января 1853 года.

УНИВЕРСИТЕТСКІЙ АКТЪ. 12 января университетъ Московскій праздновалъ день своего основанія. Предметомъ нынѣшней торжественной рѣчи былъ избранъ Жуковскій и его значеніе въ русской жизни и литературѣ. Нельзя было сдѣлать выбора счастливѣе и благовременнѣе. О достоинствахъ рѣчи мы не считаемъ за приличное распространяться: читатели прочтутъ ее въ нынѣшней книгѣ Москвитянина. Въ свое время она будетъ сравнена съ прочими однородными статьями, а мы не можемъ здѣсь не порадоваться, что всѣ наши журналы сочли обязанностію — принести дань своего уваженія памяти покойнаго поэта, и представили статьи, болѣе или менѣе обширныя: Гг. Плетневъ, Никитенко, Галаховъ являются состязателями съ г. Шевыревымъ.

Нельзя было слушать безъ умиленія священныя воспоминанія о заслугахъ Жуковскаго въ стѣнахъ Московскаго университета, гдѣ онъ получилъ свое воспитаніе, (ибо университетъ и пансіонъ составляли въ то время одно цѣлое), гдѣ онъ началъ свое литературное поприще, гдѣ нашелъ первыхъ друзей и совѣтниковъ, гдѣ издавалъ журналъ, куда,

(*) Въ церковной ризницѣ сохраняются деревянные сосуды, которые также могутъ свидѣтельствовать о глубокой древности храма.

Digitized by Google

какъ въ законное судилище, и въ послѣднее время являлся съ своими новыми опытами. Тѣни Людмиллы, Двѣнадцати спящихъ дѣвъ, Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ, Орлеанской дѣвы, Шильонскаго узника, Пери съ Ангеломъ, Цеикса и Гальціоны, Улисса, Наля и Дамаянти, Рустема, Зораба, Ундины.... пронеслись передъ умиленными слушателями, и многіе изъ младшихъ современниковъ Жуковскаго часто отирали глаза. Честь, слава и благодарность почившему поэту за все добро, чистое и прекрасное, которое принесъ онъ отечеству, за тѣ свѣтлыя минуты наслажденія, которыя доставилъ онъ и будетъ доставлять всегда соотечественникамъ своими чудными звуками.

Вторая обычная рѣчь на латинскомъ языкѣ: de alienatione mentis, не была читана за недостаткомъ времени. Предметъ ея довольно печаленъ, — и мы рады были не нарушать впечатлѣнія.

Потомъ розданы были золотыя и серебряныя медали отличившимся студентамъ. Мы не станемъ ихъ исчислять, прося нашихъ читателей обратиться къ Московскимъ Вѣдомостямъ, гдѣ помѣщено подробное описаніе университетскаго акта. Замѣтимъ только, что при гимнѣ, пѣтомъ въ началѣ обѣда, кстати было бы вспомнить, что слова «Боже Царя храни» принадлежатъ Жуковскому. Замѣтимъ еще, что, при описаніи тостовъ, пропущенъ тостъ за здоровье оратора, которому по преимуществу принадлежала слава дня.

Московскій университетъ съ самаго своего основанія, по мысли Ломоносова, былъ первымъ въ Россіи учителемъ, хранителемъ и распространителемъ русскаго слова, и мы желаемъ отъ души, чтобъ онъ и впредь имѣлъ такихъ достойныхъ представителей какъ имѣетъ теперь, въ лицѣ профессора Шевырева, преемника Поповскому, ученику Ломоносова, Барсову, Чеботареву, Сохацкому, Мерзлякову и Давыдову.

Кстати мы скажемъ здѣсь два слова прискорбія о картинкахъ, которыми, говорятъ, украшена статья о Жуковскомъ въ Живописномъ Сборникѣ: издатель вздумалъ представить намъ домъ въ Дюссельдорфѣ, Франкфуртѣ и Баденѣ, гдѣ жилъ Жуковскій. Помилуйте! мы желаемъ изгладить воспоминаніе объ этомъ несчастномъ времени, когда знаменитый пѣвецъ нашъ, уступая печальной необходимости, долженъ былъ жить внѣ отечества, а вы намъ суете на глаза эти изображенія! На что намъ ихъ? Представьте намъ лучше домъ, гдѣ родился Жуковскій, въ Бѣлевѣ,—комнату, гдѣ учился онъ, въ Москвѣ,—кабинетъ, гдѣ приготовлялся онъ къ своимъ великимъ урокамъ въ Петербургѣ, — а Баденъ, Франкфуртъ и Дюссельдорфъ.... пускай красуются въ нѣмецкихъ альманахахъ, или хоть въ англійскихъ кипсекахъ, а намъ они не надобны! **м. п.**

Digitized by Google

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Придворный бальный костюмъ.—Смерть чернаго фрака.—Парижскій карнавалъ.—Ранняя весна.—За что женщины сердятся?—Продажа картинъ.—Балъ въ пользу бѣдныхъ.—Сѣсивыя патронессы.—Варшавскій обычай.—Возстаніе матерей.—«*Орфа*», новый балетъ.—Министерскій переломъ въ Англіи.—Женщины негрофилы.—Ада-Байронъ.—Лордъ-клеветникъ.—Ссора по-американски.—Классификація поэтовъ по Линнею.—

Кафтанъ и нижнее платье бархатные,—цвѣтъ произвольный; жабо и манжеты кружевныя; плюмажъ на шляпѣ черный; шпага стальная, въ бѣлыхъ кожаныхъ ножнахъ; чулки шелковые, свѣтло-розоваго цвѣта; башмаки съ золотыми пряжками,—вотъ костюмъ, предназначенный г-мъ оберъ-камергеромъ французскаго двора для лицъ, которые, не имѣя мундира по должности, пожелаютъ быть приглашены на балы въ тюльерійскій дворецъ.

Въ республикѣ черныхъ фраковъ тревога—черные фраки въ отчаяніи.

О, черный суконный фракъ, уроженецъ туманнаго Альбіона, который надѣлъ тебя на всѣ сословія, на всѣ живыя ступени общественной лѣстницы, начиная съ пѣра трехъ соединенныхъ королевствъ, до дворника, метущаго улицу; о ливрея великолѣпія и нищеты, крестинъ и похоронъ, свадебнаго пира и траурнаго визита, смѣха и слезъ! О фракъ, годный ко всему и равный для всѣхъ, убранство судьи и просителя, господина и лакея! Возвращаясь съ похоронъ, твой владѣлецъ, не успѣвъ еще стряхнуть пыль кладбища, уже везетъ тебя въ шумное общество бала, и ты, недавно орошенный теплыми слезами скорби, уже видишь на себѣ горячія слезы восковыхъ свѣчъ, озаряющихъ твою, всегда торжественную физіономію, не измѣняющуюся на всѣхъ толпищахъ суетнаго свѣта. Какой ударъ нанесенъ тебѣ! Скромный уровень общественныхъ различій,

Digitized by Google

ставившій на одну доску Ламартина съ бездарнымъ рифмоплетомъ, Меербера съ трактирнымъ гудочникомъ, Тьера—съ казарменнымъ разсказчикомъ великихъ подвиговъ Наполеона,—ты, наконецъ, отжилъ вѣкъ свой,—но ты долго жилъ.... Тѣ, которые носили тебя среди лакеевъ и буфетчиковъ, однообразно съ ними одѣтыхъ, не рискуютъ уже, чтобы у нихъ попросилъ кто-нибудь стаканъ сахарной воды, или ключъ, такъ необходимый *Аргану* слишкомъ откровеннаго *Мольера*. Пятдесятъ лѣтъ ты проповѣдывалъ равенство, и чуть самъ не сдѣлался жертвою этого равенства, во дни разгула демократической блузы, подъ которою ты иногда самъ прятался, и которая чуть не лишила тебя твоего господства въ туалетномъ царствѣ. Твое время миновало, бѣдный другъ мой,—смирись и покорствуй судьбѣ своей;—уступи свое мѣсто бархатнымъ кафтанамъ, отъ которыхъ, впрочемъ, капли горячаго воска не такъ скоро отстаютъ, какъ отъ тебя. Ступай, ступай, черный фракъ, мундиръ политическихъ проповѣдниковъ, полководецъ черни, надоѣвшей Франціи своими сумасбродными выходками; унеси въ своихъ карманахъ послѣдній боевой патронъ уличныхъ воителей; а ты, бархатный кафтанъ, не приноси въ своихъ смѣшныхъ париковъ и несносной пудры, а съ ними всѣхъ причудъ: невѣжества, пороковъ и заблужденій, прежнихъ сопутниковъ твоего господства во Франціи. Прощай, незабвенный фракъ, неизмѣнный товарищъ свѣтскаго человѣка, дешевый билетъ на входъ въ общество. При всѣхъ причудахъ мотовства, ты никогда не стоилъ дороже полутораста франковъ, не смотря на прикладъ бархата и атласа! Прощай—на выставкѣ знаменитаго портнаго *Дюзотуа*, рядомъ съ изукрашенными золотомъ мундирами чиновниковъ двора и высшихъ управленій, красуется уже бархатный костюмъ для людей не должностныхъ, желающихъ присутствовать на придворныхъ балахъ. Костюмъ прекрасный, удобный, изящный—слова нѣтъ, но спросите счетъ, и вы увидите въ итогѣ *тысячу франковъ!*... Прибавьте къ этому, что три-четыре балныя *давки* похитятъ у него свѣжесть—необходимое достоинство подобныхъ нарядовъ, а горячій воскъ люстры можетъ погубить его невозвратно. Пока какой-нибудь портной-Боссюэтъ скажетъ надгробное слово покойному черному фраку, *дорога* его утрата *бѣднымъ* людямъ;—болѣзненно звучитъ въ ихъ сердцатъ горькая истина—каламбуръ: «long ou *court*,—il n'a plus *cours* à la *cour*».

Настала наконецъ блаженная эпоха для Парижанина—эпоха танцевъ, спектаклей и концертовъ. Состязаніе въ увеселеніяхъ обнаруживается во всѣхъ сословіяхъ. Едва достаетъ времени убрать покои, прискать музыкантовъ, пригласить гостей. До января все было тихо:

Digitized by Google

одни *выжидали*, другіе *ожидали*. Наконецъ, ледъ проломленъ,—дворъ, министры, знать, средній классъ, мѣщане—все закружилось въ вихрѣ парижскаго карнавала, который давно уже не былъ такъ шуменъ, такъ многолюденъ, такъ веселъ. Балъ въ ратушѣ, балъ въ Тюльери, балъ у министра финансовъ, у военнаго министра, рядъ баловъ у высшихъ сановниковъ двора—вотъ какъ начался сезонъ веселья и вотъ какъ продолжится онъ до первой недѣли великаго поста. Между тѣмъ, Пале-рояль меблируютъ съ царскимъ великолѣпіемъ *для короля (?)* Жерома, павильонъ *Marsan* для принцессы Матильды, а елисейскій дворецъ для принца Люсьена-Мюрата,—все это предвѣщаетъ новые балы, новые праздники. Но чудо баловъ этой зимы, *le bal-monstre*, будетъ данъ сенатомъ Императору; приготовленія обѣщаютъ чудеса. Жизнь ключемъ кипитъ въ шумной столицѣ, и самая природа, глядя на людей, начинаетъ пробуждаться отъ зимняго сна. Знаменитый тюльерійскій каштанъ, расцвѣтающій, обыкновенно, около 20 марта, былъ въ полномъ цвѣту на праздникъ Богоявленія (*le jour des Rois*). Въ дворцовомъ саду фестоны лиственныхъ почекъ, цвѣточныхъ распуколокъ; ранняя весна, удивившая южныя провинціи Франціи, и въ Парижѣ готовитъ великолѣпный спектакль разцвѣта, а между тѣмъ перемѣнная погода даетъ ежедневные бенефисы простуднымъ лихорадкамъ.

Что дѣлаютъ женщины?—женщины сердятся, что блестящіе мундиры придворныхъ затмѣваютъ на балахъ блескъ ихъ пышныхъ костюмовъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ потокѣ золота, только богатые, бриллiантовые уборы могутъ быть замѣтны.

17 числа января началась аукціонная продажа картинной галлереи герцога Орлеанскаго. Французы жалѣютъ, предвидя, что большая часть мастерскихъ произведеній ихъ народныхъ живописцевъ: *Ingres*, *Delacroix*, *Arry Scheffer*, *Dalaroche*, *Gudin*, *Cabat*, *Descamps и пр.* достанутся иностранцамъ. Лучшія картины, это *Стратоника* и *Гяуръ*. Любители искусствъ, ревнители національной славы надѣются, что для этихъ *жемчужинъ* французской живописи парижане сдѣлаютъ какую-нибудь *высокую глупость*, une folie sublime,—какъ сдѣлали при продажѣ *La Vierge aux anges* Мурильо,—и во что бы то ни стало, не выпустятъ эти картины изъ Франціи. Другаго рода рѣдкость этой продажи — серебряныя настольныя украшенія, *un surtout de table*, которыхъ одна работа стоила герцогу болѣе семи сотъ тысячъ франковъ.

Говоря о балахъ, мы забыли сказать объ одномъ, который долженъ былъ занять почетное мѣсто въ нашемъ отчетѣ. Это балъ драматическихъ артистовъ въ пользу бѣдныхъ. Билеты раздаютъ краса-

Digitized by Google

вицы-артистки всѣхъ театровъ Парижа. Никогда красота не могла лучше употребить своего вліянія на кошельки своихъ поклонниковъ. Жалко однако же, что преданность патронессъ этому доброму дѣлу не такъ полна, какъ бы слѣдовало. Онѣ раздаютъ билеты, но сами никогда почти не бываютъ на этихъ балахъ, а если и рѣшаются посѣтить ихъ, то не танцуютъ, по какому-то ложному опасенію уронить свое достоинство, танцуя Богъ знаетъ съ кѣмъ, съ *разнымъ сбродомъ*, какъ онѣ выражаются. Хорошенькой женщинѣ мудрено ли раздать десятокъ или два билетовъ, но гдѣ же ихъ собственная жертва для убогихъ? танцовать съ человѣкомъ незнакомымъ, съ кавалеромъ, часто не ловкимъ, нелюбезнымъ, необразованнымъ, даже не знающимъ, можетъ быть, условныхъ приличій свѣта—было бы точно самопожертвованіемъ со стороны неумѣстно разборчивыхъ красавицъ. Эта спѣсь, почти презрѣніе къ посѣтителямъ, можетъ раздражить ихъ самолюбіе и отучитъ бывать на балахъ. Доходъ неимущихъ оскудѣетъ.

Въ Варшавѣ ежегодно дается балъ для бѣдныхъ въ залахъ тамошней ратуши. На этомъ балѣ, знатнѣйшія дамы вмѣнили себѣ въ обязанность не отказывать въ танцахъ ни одному кавалеру, какого бы онъ ни былъ сословія. Никогда не случалось, чтобы не только приличія, но даже обязанности самой почтительной вѣжливости, были нарушены на этихъ балахъ. Унасъ эти балы—доброе дѣло; въ Парижѣ—обычай.

До сихъ поръ мы знали только двѣ цѣли женскихъ обществъ: благотворительность и эманципація, какъ напримѣръ клубъ пассажа Жофруа и Сиракузскій клубъ въ Америкѣ, о которыхъ мы уже говорили въ Москвитянинѣ. Теперь въ Парижѣ затѣвается общество женщинъ съ анти-эманципаціоннымъ направленіемъ. — Чего не выдумаетъ французская изобрѣтательность!.... Членами общества будутъ матери театральныхъ артистокъ; цѣль ихъ — взаимное содѣйствіе къ обузданію своевольныхъ непослушныхъ дочекъ. Эти дамы (во Франціи всѣ женщины дамы), большею частію отставныя Эноны, намѣрены подписать договоръ, родъ наступательнаго и оборонительнаго трактата, условія котораго могутъ навлечь самыя драматическія послѣдствія. По уставу, общество обязано наблюдать за нравственностію, а наиболѣе за послушаніемъ дочерей своихъ членовъ. Малолѣтнія ослушницы будутъ отданы подъ присмотръ.— Чтобы унять совершеннолѣтнихъ, будутъ приняты совокупными силами дѣятельныя мѣры. Цѣль общества благородна,—покрайней мѣрѣ благовидна; *honny soit qui mal y pense*; но жалокъ край, гдѣ можетъ родиться потребность подобныхъ мѣръ....

Digitized by Google

На театрѣ Большой оперы давали въ началѣ января новый балетъ *Орфа*. Чтобы дать читателямъ понятіе объ этомъ представленіи, нужно было-бы имѣть подъ рукой особый словарь, составленный изъ всѣхъ техническихъ терминовъ золотыхъ дѣлъ мастерства, ювелировъ, живописи, колдовства, химіи, пиротехніи, гидравлики *и проч. и проч.*

Извѣстно и вѣдомо всѣмъ и каждому, что на театрѣ парижской оперы творятся такія чудеса, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать; но при каждомъ новомъ чудѣ, т. е. новой пьесѣ и новомъ балетѣ, зрители столбенѣютъ отъ изумленія, начинаютъ вѣрить въ невозможность и спрашиваютъ другъ друга: «неужели можно и болѣе этого сдѣлать?» — Орфа — это чудо миѳологическихъ чудесъ. Но основа этого балета миѳологія не Гомера или Гезіода; это книга Эдды, миѳъ сѣвернаго язычества. Г. Ганри Тріанонъ списалъ сценаріо изъ дневника Валгаллы, а г-нъ Адамъ подслушалъ музыку у локлинскихъ бардовъ. Хореографическая композиція балета есть дѣло г-на Мазилье, познакомившагося на мѣстѣ съ нравами, костюмами и танцами глубокаго сѣвера Европы.

Орфа, дочь Скандинавіи, обречена въ супруги неутомимому охотнику Лодброгу. Когда жрецы собираются совершать брачный обрядъ, Локи, злой духъ скандинавской миѳологіи, уноситъ невѣсту въ свое царство, — въ жерло горы Геклы. Лодброгъ находитъ покровителя, старика пищаго, котораго онъ защитилъ отъ оскорбленій толпы, и который никто иной, какъ верховный богъ Валгаллы Одинъ. Старикъ даетъ огорченному жениху золотую стрѣлу, талисманъ, который поможетъ ему преодолѣть всѣ препятствія, побѣдить враждебныхъ геніевъ и найдти свою невѣсту. Сказано – сдѣлано. Лодброгъ въ жерлѣ Геклы; но не думайте, что онъ купается въ лавѣ и въ расплавленныхъ металлахъ; — Орфа живетъ въ земномъ раю, въ которомъ цвѣты изъ рубиновъ, сафировъ, изумрудовъ, аметистовъ и опаловъ; деревья серебряныя, а плоды на нихъ золотые и рубиновые. Отважный любовникъ подоспѣлъ во время: Орфа окружена неодолимыми искушеніями. Гордость, лакомство и нѣга любви изобрѣтаютъ тьму увлекательныхъ приманокъ, чтобы соблазнить ее. Благодаря всевластной стрѣлѣ Лодброга, Локи и ненавистная его свита очаровательныхъ демоновъ въ короткихъ газовыхъ юбочкахъ, побѣждены; Одинъ является во всемъ блескѣ своего величія, окруженный своимъ семействомъ, съ женою Риттою, съ сыномъ Торомъ, съ безсмертными норнами и всѣми прочими богами и полубогами Валгаллы. — Въ заключеніе бракъ Лодброга и Орфы.

Вотъ краткое содержаніе балета. Но какъ разсказать всѣ подробности, которыми хореографъ, декораторъ, машинистъ и костюмеръ окру-

Digitized by Google

жили эти лица съ такимъ искусствомъ, съ такимъ неописаннымъ великолѣпіемъ. Одна изъ лучшихъ хореографическихъ сценъ балета, это катанье въ саняхъ, *le pas des traineaux*, которымъ кончаются свадебныя увеселенія перваго акта.

О музыкѣ трудно говорить отчетливо послѣ первыхъ представленій такого балета. Тамъ, гдѣ зрѣніе едва успѣваетъ передавать сознанію быстро смѣняющіяся, ослѣпительныя впечатлѣнія, слуху нѣкогда повѣрять красоту мотивовъ и искусство гармоническихъ сочетаній. Трудно заслушаться, когда заглядишься. Нельзя однако не сознаться, что многія оригинальныя мелодіи невольно запали въ память зрителей, какъ многія очаровательныя картины отпечатались въ воображеніи слушателей. — Но что́ дѣлается въ Англіи?

Въ Англіи министерскій переворотъ.

Мы не войдемъ въ подробности паденія кабинета лорда Дерби,— ограничимся нѣсколькими замѣчаніями:

Большинство, опрокинувшее этотъ кабинетъ,—коалиція, стачка. Мнѣніе подавшихъ голоса противъ преобразованія податей, есть только отрицаніе мѣръ, предложенныхъ министрами, и отнюдь не рѣшаетъ вопроса о настоящемъ положеніи политическихъ дѣлъ Англіи. Кто бы ни былъ призванъ къ кормилу правленія, онъ встрѣтитъ тѣ же затрудненія, которыхъ не могли преодолѣть торіи. Напрасно измѣнили они начала своихъ политическихъ вѣрованій, напрасно пожертвовали вещественными выгодами партіи протекціонистовъ, напрасно, принявъ систему сэра Роберта-Пиля, вызвали они своихъ противниковъ примѣнить ее еще въ большихъ размѣрахъ на дѣлѣ, напрасно изложили они съ такимъ умѣньемъ свои теоріи въ политической экономіи и въ финансахъ. Ни смѣтливый умъ г. д'Израэли, ни краснорѣчіе цифръ не привлекли на его сторону большинства въ вопросѣ о преобразованіи системы податей. На чьей же сторонѣ останется большинство? Неужели виги подъ знаменами виговъ займутъ мѣста свои? Впрочемъ и эта партія распалась на оттѣнки, какъ партія торіевъ. Если составится кабинетъ коалиціонный (смѣшанныхъ мнѣній), какое начало будетъ преобладать въ немъ? Вопросъ мнѣній часъ отъ часу болѣе запутывается, и величайшіе политики предвидятъ только затрудненія для всѣхъ. Въ Англіи нѣтъ теперь человѣка изъ тѣхъ великихъ мужей, которые стопляютъ вокругъ одного всѣ враждебные между собою элементы, установляютъ наконецъ единство, существенную силу каждой власти. Теперь трудно будетъ составить кабинетъ, но если онъ и составится, скорое паденіе его несомнѣнно. Приверженцы (исключительные) свободной тор-

Digitized by Google

говли одни торжествуютъ, потому что почитаютъ *рѣшительными* и *окончательными* уступки, сдѣланныя партіею торіевъ, когда она вступала въ управленіе дѣлами. Пренія экономическія и финансовыя точно были замѣчательны. Г. д'Израэли, которому виги совѣтовали возвратиться къ своимъ романамъ, произнесъ рѣчь о чаѣ и солодѣ, достойную сэра-Роберта-Пиля. Товарищи его искусно его поддерживали. Любопытно было видѣть, какъ эти государственные мужи пользовались аргументами своихъ противниковъ. Сдѣлавшись изъ осаждающихъ осажденными, они воздвигали новыя укрѣпленія къ прежнимъ, и сначала ихъ можно было почесть непобѣдимыми. Но голоса коалиціи, скрытые и предательскіе, разразились какъ эта *удушающая* бомба, секретъ которой какой-то аптекарь продалъ, какъ говорятъ, французскому морскому министру.

Въ бывшихъ на дняхъ парламентскихъ преніяхъ вліяніе Франціи, хотя о ней не говорили ни слова, было не менѣе ощутительно. Всѣ партіи согласны въ томъ, что система сэра Роберта-Пиля необходимо бы упала, если бы она не должна была привести къ болѣе свободному торговому трактату съ Франціею. Если бы основанія этаго трактата не были установлены предварительно, лордъ Мельмесбори не умѣлъ бы доказать законность и необходимость факта, исполненнаго съ такимъ искреннимъ дружелюбіемъ, что можно было полагать, что секретарь министерства иностранныхъ дѣлъ служитъ министромъ не при дворѣ Королевы Викторіи, а у Императора Наполеона III. Если бы не было предположенія преобразовать въ одно время таможни въ обоихъ государствахъ, Императоръ Французовъ, видя готовившуюся оппозицію, не требовалъ бы полномочія измѣнить тарифъ, безъ разрѣшенія законодательнаго корпуса а по ту сторону пролива, сильная партія, державшаяся доселѣ за оградою стѣснительныхъ узаконеній, не объявила бы себя въ парламентѣ партіею *свободнаго состязанія*. Пониженіе пошлины на чай и солодъ, статьи общеупотребительныя въ Англіи, предвѣщаетъ пониженіе пошлинъ на вина Франціи. Пусть только бордо и бургонское, а въ особенности болѣе крѣпкія вина полуденной Франціи, могущія замѣнить портвейнъ и хересъ, появятся на англійскихъ рынкахъ по умѣреннымъ цѣнамъ, чай будетъ продаваться по два шилинга фунтъ, а пиво по два пенса мѣра (pot). Можно бы много еще сказать по этому предмету, но мы ограничимся замѣчаніемъ, что англійскіе министры, торіи или виги, всегда будутъ держаться политики *національной*, что впрочемъ не мѣшаетъ лорду Мельмесбори имѣть искреннее расположеніе къ Императору Наполеону III. Не даромъ есть орелъ въ щитѣ его герба....

Digitized by Google

Коммерческій инстинктъ Англичанъ проявляется и въ филантропической демонстраціи въ пользу черныхъ невольниковъ, со стороны прекрасныхъ леди благословеннаго острова, которыхъ лордъ Байронъ, вѣроятно въ порывѣ негодованія на какую-нибудь блондинку, назвалъ не *бѣлыми*, а *блѣдными* красавицами Альбіона. 26 ноября, въ пятницу, въ великолѣпныхъ палатахъ герцога Сотерлендскаго, въ Лондонѣ, собрался маленькій парламентъ, митингъ законнодательницъ большаго парламента, называемаго высшимъ обществомъ, подъ предсѣдательствомъ герцогини-хозяйки. Въ числѣ этихъ избранныхъ находились: герцогини Бедфоръ и Аржиль, графиня Шефтесбори, леди Гросвеноръ, леди Пальмерстонъ, леди Доверъ, леди-*Мэръ* (lady-majoress, жена лорда мера), мистрисъ Говитъ и много другихъ *Mistresses* и *Misses*, принадлежащихъ къ *сливкамъ* (cream) англійскаго дворянства. Высокорожденная президентша объяснила этимъ дамамъ, что она пригласила ихъ съ тѣмъ, чтобы предложить имъ адресъ къ ихъ *сестрамъ*-американкамъ, для того, чтобы эти сестры предстательствовали у гражданъ, своихъ супруговъ, въ пользу Негровъ, ихъ невольниковъ. Потомъ герцогиня прочла проектъ адреса, написаннаго лордомъ Шефтесбори, болѣе извѣстнымъ, подъ своимъ прежнимъ именемъ *лорда Ашлей*, за Донъ-Кихота англійской филантропіи. Всѣ дамы этого собранія подписали адресъ, въ которомъ, чтобы польстить самолюбію *американскихъ сестеръ*, сказано, что онѣ откровенно сознаются, что преступленіе неволи Негровъ передано въ наслѣдіе заатлантическимъ Англо-Саксонамъ, ихъ англійскими, т. е. общими обоимъ народамъ предками: «Да, наши предки ввели, даже установили этотъ великій грѣхъ «(great sin) въ ихъ колоніяхъ. — Мы смиренно въ этомъ сознаемся «предъ Всемогущимъ Богомъ, и чувствуя глубоко и не желая даже «скрывать наше соучастіе, рѣшились просить вашей помощи *къ очи-«щенію общаго грѣха и общаго безславія*!» Когда эта *негро-любивая* исповѣдь появилась въ журналахъ съ подписями стольких знатныхъ женщинъ, британская воспріимчивость ихъ супруговъ испугалась сознанія въ *преступленіи* и *въ безславіи* ихъ невинныхъ подругъ. Это подало поводъ къ жаркимъ объясненіямъ между многими аристократическими четами. Нѣкоторыя дамы отказывались отъ своихъ подписей, другія увѣряли, что онѣ не разслушали и не хорошо поняли, что подписывали; во всемъ обвинили лорда Шефтесбори, обвинили благородную герцогиню, хозяйку Стафордъ-Гауза; каждый толковалъ по своему, а журналы передали эти толки, одинъ въ статьѣ серьёзной, другой въ шуточной, такъ, что можно было сомнѣваться, чтобы адресъ официяльно *прошелъ* до Соединенныхъ Штатовъ. Между

Digitized by Google

тѣмъ отвѣтъ американскихъ дамъ уже заготовленъ. Изъ всего этого можно вывесть заключеніе, которымъ мы начали нашъ разсказъ: коммерческій инстинктъ Англичанъ не откажется отъ хлопчатой бумаги, питающей дѣятельность лидсскихъ и манчестерскихъ мануфактуръ.

Между тѣмъ популярный успѣхъ г-жи Бичеръ-Стовъ возрастаетъ и въ будуарахъ и въ рабочихъ, вездѣ, во всѣхъ форматахъ, на зло романистамъ обоего пола. Ее ожидаютъ въ Лондонъ, по приглашенію негролюбивыхъ дамъ. Весьма естественно, что высокородныя покровительницы приняли на свой счетъ всѣ издержки этого путешествія, и англійское гостепріимство начнется для путешественницы съ вступленіемъ на корабль, на которомъ она отправится въ Европу. Говорятъ, что мистрисъ Бичеръ начала писать свой романъ въ совершенной бѣдности, единственно чтобы хотя нѣсколько облегчить свое стѣсненное положеніе; теперь она разбогатѣла, и отъ нея зависитъ чеканить деньги съ помощію своей литературной извѣстности. Говорятъ, что какой-то соперникъ спекуланта Барнума предложилъ ей показывать *ея знаменитость* за деньги, но достойная *авторша* (authoress) отвергла это предложеніе, по свойственной женщинѣ скромности и по самосознанію генія.

Въ прошломъ мѣсяцѣ скончалась леди Ловлесъ (Lovelace), дочь лорда Байрона. Это *Ада* Чайльдъ-Гарольда, дитя-мечта поэта, обреченнаго покинуть ее еще въ колыбели и болѣе съ нею не свидѣться, никогда не слышать ея голоса.... трогательный текстъ его жалобъ, когда онъ искалъ угадать, можетъ ли она любить отца, котораго не знала:

I see thee not, I hear thee not; but none
Can be so wrapt in thee; thou art the friend
To whom the shadows of far years extend, *etc.*
(*Childe-Harold* пѣснь III).

Ада Байронъ вѣроятно любила славу своего отца, но сама не чувствовала ни малѣйшей склонности къ поэзіи; можетъ быть это было слѣдствіемъ серьёзнаго направленія ея воспитанія. Какъ Инеса, мать Донъ-Жуана, она любила математику.

«*Her favourite science was the mathematical.*

Думалъ ли Байронъ, что этотъ сатирическій стихъ можно будетъ примѣнить къ *единственной дочери его дома и его сердца*, «*sole daughter of my house and heart?*»

Вѣроятно, чтобы угодить нерасположенію матери ко всему поэтическому, Ада Байронъ до самаго замужства занималась математикою; она писала и печатала плоды своихъ занятій, но только

Digitized by Google

одинъ ея трудъ извѣстенъ,—это переводъ италіянскаго разсужденія въ защиту *счислительной машины*, изобрѣтенной ея учителемъ профессоромъ Бебеджь (Babbage).... А отецъ переводилъ для нея Morgante Maggiore Пульчи!.... Можно однако вѣрить, что дочь втайнѣ любила отца. Въ послѣднія свои минуты она изъявила желаніе быть погребенной въ Гокнель (Hucknall) возлѣ лорда Байрона.

Виконтъ Френкфортъ, принадлежащій къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій Англіи, недавно приговоренъ королевскимъ судомъ къ заключенію на одинъ годъ въ мидльсекскомъ исправительномъ домѣ. Осужденный, по непонятной развратности, забавлялся изданіемъ циркуляровъ, въ которыхъ, именемъ мнимаго *противу-брачнаго агентства*, онъ предлагалъ женамъ средства обманывать мужей, ручаясь, что найденные имъ способы никогда не влекутъ за собою уголовной тяжбы, а въ случаѣ развода обѣщалъ дать значительную вдовью пенсію. Агентство предлагало также посадить въ домъ сумасшедшихъ привязчиваго, безпокойнаго мужа, ускорить ядомъ наступленіе желаннаго вдовства, похитить или поддѣлать духовное завѣщаніе *и проч. и проч.* О подробности освѣдомиться у лорда такого-то или г-на такого-то, было сказано въ циркулярѣ. Лордъ Кемпбль, произнося сентенцію суда, сказалъ, обращаясь къ обвиненному: «мнѣ прискорбно осудить дворянина вашего званія, но званіе это не спасаетъ отъ заслуженной кары. Перъ королевства или селянинъ, если онъ виновенъ, долженъ быть наказанъ безъ лицепріятія. Вы оскорбили и законъ и личности. Вы обнародовали пасквили непристойные и соблазнительные, замѣшивая въ нихъ имена, которыя хотѣли обезславить, — вы будете наказаны какъ клеветникъ.

Въ нижнемъ парламентѣ случилось также соблазнительное происшествіе, — *ссора по-американски*. Противники: г. Джонстонъ, членъ палаты, депутатъ Кенторбери и г. Оливейра, депутатъ Понтефракта, обвиняли другъ друга предъ бостритскимъ исправительнымъ судомъ въ толчкахъ, нанесенныхъ другъ другу побоахъ палкою, въ ударахъ ногою, кулакомъ *и пр.* въ непозволенные часы ночи (послѣ полуночи). Замѣтимъ мимоходомъ, что парламентъ позволяетъ себѣ продолжать свои засѣданія и въ непозволенные часы, какъ это случилось при послѣднемъ собираніи голосовъ противъ кабинета министровъ, продолжавшемся до четырехъ часовъ утра.

Ссора зашла за извощика, котораго оба члена палаты, выходя съ засѣданія, кликнули въ одно время. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ палкою по плечамъ своего противника, уже сѣвшаго въ *кэбъ* (*cab*, извощичій экипажъ), г. Оливейра отправился домой пѣшкомъ, продолжая путь со всѣмъ достоинствомъ тихой походки. Вдругъ онъ

Digitized by Google

чувствуетъ ударъ сзади, падаетъ въ грязь и тамъ получаетъ то, что̀ получилъ умирающій левъ Лафонтена отъ дерзкаго осла.... Во всѣхъ образованныхъ странахъ, въ Лондонѣ какъ въ Парижѣ, принято, что два джентльмена, какъ бы они ни побили другъ друга, могутъ еще помириться, если были пощажены двѣ части тѣла: лице, ничѣмъ не защищенное съ тѣхъ поръ, какъ не носятъ масокъ и забралъ, и другая часть, огражденная костюмомъ новѣйшихъ временъ. Какъ г. Оливеира упалъ въ грязь носомъ, то вѣроятно получилъ ударъ не по лицу. Полицейскій судья, повидимому не желая разсматривать доказательства и улики противниковъ, передалъ дѣло въ судъ присяжныхъ, и этотъ судъ рѣшитъ его на дняхъ. Судъ присяжныхъ нельзя подозрѣвать въ неправосудіи, а какъ вина подсудимыхъ гг. Джонстона и Оливеиры не одинакова, то и мѣра наказанія, вѣроятно, будетъ различна: тогда мы узнаемъ, какую именно отвѣтственность влечетъ за собою оскорбленіе на дѣлѣ одной или другой части тѣла, въ личности члена парламента.

Въ *Athenaeum* помѣщены нѣкоторыя біографическія подробности объ англійскихъ поэтахъ, умершихъ безъ потомства, или которыхъ потомки умерли вскорѣ послѣ нихъ. Шекспиръ и Мильтонъ не оставили по себѣ сыновей, и имя ихъ совсѣмъ угасло. Всѣ дѣти Джонсона умерли послѣ него. Адисона пережила дочь, умершая послѣ восьмидесятилѣтнею дѣвою. У Вальтеръ-Скотта живъ еще одинъ потомокъ, сынъ его старшей дочери. За симъ слѣдуетъ списокъ безженнымъ поэтамъ: Ботлеръ, Ковлей, Конгривъ, Отвей, Попъ, Гэ, Томсонъ, Грей, Гольдсмитъ *и проч.* Эта статья *Athenaeum* наводитъ на новую мысль,—истинная рѣдкость въ наше время. Трудно распредѣлять поэтовъ по роду ихъ сочиненій,—есть такіе, что̀ писали во всѣхъ родахъ. Нельзя ли распредѣлить ихъ по какой-нибудь ботанической системѣ, на примѣръ по Линнею, разумѣется съ нѣкоторыми измѣненіями, включая въ то число и—*синіе чулки*.... виноватъ, музъ. У насъ были бы поэты: *криптогамы* (тайнобрачные, т. е. бракъ которыхъ загадоченъ), *моногамы*, подходящіе подъ пятый порядокъ девятнадцатаго класса Линнея; поэтессы *моногины*, поэты и поэтессы *моноики*, *моноспермы*, *монокарпы и пр.*, не считая уродцевъ, которыхъ такъ же трудно распредѣлить на классы и порядки, роды и виды въ поэзіи, какъ и въ ихтіологіи, *и пр. и пр.* Право, такой трудъ принесъ бы и болѣе пользы и болѣе славы, чѣмъ открытіе планеты, какой-нибудь астероиды, которыя теперь открываютъ дюжинами. Еще недавно г. Гайндъ открылъ такую, что̀ совершаетъ свой путь около солнца въ тысячу восемь сотъ сорокъ два дня, или въ пять лѣтъ, и которую сопер-

Digitized by Google

никъ г-на Леверье, г. Адамсъ, предлагаетъ назвать *Калліопою*, потому что новая планета открыта въ день похоронъ герцога Веллингтона, а занятіемъ музы Калліопы на Парнасѣ было увѣковѣчивать память героевъ. Это точно англійская астероида.

Мы такъ занялись цвѣтникомъ поэтовъ и свѣтилами небесными, что забыли упомянуть о двухъ сыновьяхъ и одной дочери, оставшихся по смерти леди Ада-Августа Ловлесъ.

Лондонскіе театры приготовляютъ свои ежегодные пантомимы. На этотъ годъ они получили нежданное предостереженіе отъ лорда каммергера, оффиціяльнаго цензора всѣхъ театровъ, которые, какъ извѣстно, не пользуются въ Лондонѣ свободою газетъ и журналовъ. Пантомимы новѣйшихъ временъ — это пародіи, въ которыя охотно вставляютъ шутовскія примѣненія къ политикѣ. Лордъ камергеръ, предвидя какую-нибудь арлекинаду на счетъ послѣднихъ событій во Франціи, предупредилъ дирекцію театровъ и сочинителей пантомимъ, что онъ не пропуститъ ничего могущаго оскорбить французскаго Императора. Это уваженіе къ Франціи, весьма лестное для французской національности, простирается въ Лондонѣ до того, что въ день похоронъ герцога Веллингтона не позволено было пѣть въ честь его похвальныя пѣсни прежде представленія ихъ въ цензуру, и лордъ камергеръ зачеркнулъ строфы, въ которыхъ воспоминали о подвигахъ герцога въ Испаніи, Португаліи и Бельгіи, не слишкомъ лестны для чести Французовъ. Журналы напечатали непропущенныя цензурою строфы, и читая ихъ, можно было подумать, что англійское правительство готово назвать ватерлооскую битву, какъ называлъ г. Канингъ битву подъ Навариномъ,—*несчастнымъ случаемъ* (an untorward event). А вѣдь не лордъ Мельмесбори занимаетъ при Королевѣ должность лорда-камергера.... Французы, живущіе въ Лондонѣ, будутъ покрайней мѣрѣ обязаны возстановленію имперіи тѣмъ, что народъ перестанетъ надъ ними насмѣхаться въ театрахъ, гдѣ ихъ представляютъ обыкновенно питающимися лягушками и тощими какъ муміи, между тѣмъ какъ обжора Фальстафъ похлебываетъ супъ изъ черепахи и уписываетъ сочный ростбифъ. Пришли Франція вина, по цѣнѣ двухъ франковъ за бутылку, и Англичане закричатъ *god save the Emperor!*

На дняхъ умеръ директоръ редакціи Эдимбургскаго обозрѣнія г. Эмпсонъ, мѣсто котораго заступилъ покамѣстъ лордъ Монтигль (Monteagle). Г. Эмпсонъ читалъ прежде лекціи правовѣдѣнія въ коллегіи ость-индской компаніи, гдѣ его предмѣстниками были Мальтусъ (Malthus) и Мекинтошъ (Mackintosh). Прежде нежели онъ принялъ дирекцію журнала, онъ писалъ для него статьи весьма серьёзныя по части исторіи, законодательства, воспитанія и біографическія. Его упрекаютъ за однообразіе статей его журнала и за пренебреженіе къ собственно литературнымъ трудамъ. Это упрекъ общій, и при новомъ директорѣ надобно ожидать реакціи.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ИЗЪ ХЕРСОНА. (Письмо о Кольцовѣ). Бѣдность заставляла Кольцова вести жизнь, не совсѣмъ достойную его прекраснаго таланта, его возвышенно-благородныхъ стремленій. Онъ посѣщалъ почти ежедневно «чайную» Гордѣя Павлова въ Воронежѣ (гдѣ онъ жилъ по большой части); въ ней онъ полюбилъ въ особенности половаго Дмитрія Яремова, мѣщанина-же, какъ и самъ, толковалъ о томъ, о семъ, изливалъ другу горе-злое; въ бесѣдѣ, за стаканомъ чая, онъ часто бралъ перо, писывалъ свои вдохновенныя пѣсенки; многія изъ нихъ остались у Яремова, какъ завѣтъ друга; онъ показываетъ ихъ, но не позволяетъ переписать, не соглашается продать ихъ; онѣ остаются необнародованными, могутъ быть на всегда затеряны; о существованіи же ихъ извѣстно почти фактически; у родственниковъ, знакомыхъ, вѣрно, не мало также. Кольцовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые самоотверженно, полно отдаются свѣтлымъ стремленіямъ: жизнь, всѣ радости ея, время, силы, польза—все въ жертву мысли, чувству, самопознанію; къ несчастію, по большей части они поставлены судьбой дѣйствовать въ кругу людей, которые ниже ихъ нравственно; не сочувствіе животворное встрѣчаютъ они, а скорѣе охлаждающее предубѣжденіе, пренебреженіе, злую иронію, насмѣшку. Геній не *признаетъ*, горячо, безъ самообольщенія сознавая высшее, болѣе свѣтлое, съ радостью готовый дѣлиться имъ, — мелкое самолюбіе жалкой посредственности никогда не прощаетъ нравственнаго превосходства.... Лишь силы раздробляешь подъ вліяніемъ враждебныхъ видѣній, силы, направленныя строго къ добру, знанію.... По необходимости, онѣ замыкаются робко въ самихъ себя крѣпче и крѣпче, чѣмъ больше давленія извнѣ; этаго требуетъ и самосохраненіе, самобытность элемента, который разработываетъ ихъ личность, сила, энергія звука (выраженія элемента). Но это еще хуже: имъ ожесточенно приписы-

Digitized by Google

ваютъ качества, которыя въ нихъ никогда не были, (но иногда прививаются невольно), и приписываютъ по большей части, чтобы оправдать въ собственномъ мнѣніи и во мнѣніи другихъ свои не всегда человѣческія отношенія къ нимъ, а иногда такъ, безъ цѣли (см. сцены: кто такой Чичиковъ, что̀ такое Мертвыя Души).

Слово величайшаго изъ поэтовъ міра: «*горекъ чужой хлѣбъ, тяжелы ступени чужаго крыльца*», явилось и нашему прасолу.

Лишь одинъ талантъ
Далъ мнѣ батюшка—
Силу крѣпкую,
Да и ту какъ разъ
Нужда горькая
По *чужимъ* людямъ
Всю *размыкала*....

Эхъ сяду я за столъ
Да подумаю,
Какъ мнѣ вѣкъ прожить
Одинокому.

Горячее слово, которое оставилъ по себѣ Кольцовъ, какъ памятникъ прекраснаго существованія на землѣ, еще не совсѣмъ перешло въ общественную жизнь.

Почитая память необыкновеннаго простолюдина, горячо прошу напечатать это письмо. Счастливымъ почту себя, если оно вызоветъ въ каждомъ, кому дорого родное слово, желаніе сдѣлать неизвѣстныя произведенія его достояніемъ общимъ; это такъ легко, при самыхъ ограниченныхъ средствахъ, особенно для Воронежцевъ, которые преимущественно должны гордиться именемъ Кольцова, дорожить его славой: она ихъ собственная!...

Въ Воронежѣ не трудно еще и теперь собрать объ немъ много біографическихъ свѣденій: прежняя біографія слишкомъ небогата данными.

В. НЕГРЕСКУЛЪ.

Херсонъ. Декабрь, 1852 г.

Digitized by Google

Изъ Шуи (Шуйскіе старинные акты.—Статистическія свѣдѣнія.—Спектакль, и проч.). Прежде всего сообщу Москвитянину, что неутомимый нашъ мѣстный археологъ, Владиміръ Александровичъ Борисовъ, собралъ болѣе двухъ-сотъ старинныхъ актовъ, относящихся къ XVII и къ XVIII столѣтіямъ. Документы эти обнимаютъ собою включительно сто двадцать лѣтъ, начиная съ 1600 по 1720-й годъ. Они содержатъ въ себѣ не мало новаго и любопытнаго, какъ о городѣ Шуѣ, такъ и о ея окрестностяхъ. Особенно замѣчательны изъ нихъ: 1, тѣ, которые поясняютъ эпоху самозванцевъ; 2-е, акты временъ Царя Михаила Ѳеодоровича, заключающіе въ себѣ разыскныя дѣла о тайной продажѣ *табаку*; 3, акты, объясняющіе возникновеніе въ Шуйской и Холуйской сторонахъ многочисленнаго быта торговцевъ, извѣстныхъ въ Россіи подъ именемъ *ходебщиковъ*; 4, нѣсколько новыхъ документовъ о судоходствѣ по рѣкѣ Тезѣ. Прочіе же документы по своему разнообразію представляютъ также много интереснаго вообще для уясненія стариннаго русскаго быта, и въ скоромъ времени будутъ изданы подъ названіемъ: «Шуйскіе старинные акты, служащіе дополненіемъ къ описанію города Шуи».

Не лишнимъ, думаю, будетъ, если сообщу кое-что и о дѣятельности нашихъ фабрикантовъ, о промыслѣ рабочаго класса, и о жизни нашего города. По случаю успѣшнаго сбыта въ Нижегородской ярмаркѣ ситцевъ, требованіе на миткаль какъ въ Шуѣ, такъ равно и въ селѣ Иановѣ усилилось. Ткачество же миткаля въ сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ шло очень медленно. Крестьяне по случаю хорошаго урожая какъ травъ, такъ равно и хлѣба, и по поздней уборкѣ послѣдняго, не вдругъ еще принялись за ткачество. А потому фабриканты миткалевые, чтобъ имѣть выработку миткаля болѣе обширную и успѣшную, должны были прибавить за ткачество отъ 50 копѣекъ до 1 рубля серебр. на клубъ (*), и тѣмъ самымъ заставить работать скорѣе, отчего и миткаль въ цѣнѣ своей возвысился такъ, что на рынкахъ села Иванова, какъ главномъ средоточіи миткалевой торговли, партіи значительной купить было не у кого, однимъ словомъ—миткаль былъ въ чести; но по случаю не слишкомъ хорошаго сбыта ситцевъ на Холуйскихъ ярмаркахъ, Введенской и Никольской, и также по отправкѣ значительнаго количества ситцевъ на ярмарки Юрюпинскую, Крещенскую, Тюменскую и Ирбитскую, требованіе на миткаль уменьшилось и цѣны на него спали отъ 2-хъ

(*) Клубъ значитъ основа, намотанная клубомъ и заключающая въ себѣ 4 куска миткалю, всего мѣрою отъ 200 д. 240 аршинъ.

Digitized by Google

до 3-хъ копѣекъ ассигнаціями въ аршинѣ. То же самое и съ ткачествомъ красной пестряди (иначе называемой александрейки), и сарпинки, которой вырабатывается въ Шуѣ, въ селахъ Васильевскомъ, Дуниловѣ, деревнѣ Рѣпинѣ и другихъ до ста тысячъ кусковъ или штукъ, на сумму до 500 тысячъ рублей серебромъ. Ткачество и этихъ матерій какъ сначала осени, такъ и до сихъ поръ, не смотря на то, что цѣна противъ прежняго тоже увеличена, идетъ слишкомъ медленно, такъ что, кто прежде имѣлъ 50 становъ, выработывалъ количество такое же, какъ нынѣ имѣющій уже 80 становъ. При всемъ томъ, каждой ткачихѣ (*), какъ только она беретъ основу, даютъ впередъ и денегъ отъ 10 и до 20 цѣлковыхъ, и тѣмъ только удерживаютъ у себя. Требованіе же на красную пестрядь и сарпинку для вышеозначенныхъ ярмарокъ, особенно для Ирбитской, было значительно; да и теперь готовится значительное количество для ярмарокъ: Мензилинской, Симбирской и Ростовской.

Бумаго-прядильно-ткатская мануфактура почетнаго гражданина Ивана Ѳедоровича Попова существуетъ у насъ въ городѣ хотя не болѣе пяти лѣтъ, но вліяніе ея на нашъ городъ, и особенно уѣздъ, весьма ощутительно: болѣе 500 человѣкъ постоянно круглый годъ заняты работой, и какой работой! самой легкой и самой выгодной: машина идетъ и день и ночь, и чрезъ каждые 6 часовъ сими 250 человѣкъ работаютъ и 250 отдыхаютъ; слѣдовательно рабочій 12 часовъ въ сутки работаетъ, а 12 отдыхаетъ.... вотъ *первое* благодѣяніе для здоровья человѣка; *второе*, работа сдѣльно,—отъ собственнаго старанія зависитъ и выработка денегъ; *третье* благодѣяніе для рабочихъ, это—каждомѣсячная раздѣлка заработанныхъ денегъ. Прядильщики и ткачи постоянно вырабатываютъ отъ 12 до 18 цѣлковыхъ въ мѣсяцъ; женщины разматывальщицы отъ 4 до 7 цѣлковыхъ. Мальчики и дѣвочки отъ 12 до 14 лѣтъ—и тѣ могутъ заработать отъ 3 и до 4 цѣлковыхъ въ мѣсяцъ (**). А порядокъ, чистота, опрятность на фабрикѣ, достойны всякаго уваженія. Нельзя

(*) Красную пестрядь ткутъ болѣе женщины, мужчины хотъ тоже ткутъ, но мало.

(**) Въ деревнѣ, не болѣе версты отъ города, есть одно семейство, три брата: старшій живетъ дома, управляетъ хлѣбопашествомъ и хозяйствомъ, а два другіе живутъ на прядильнѣ, въ прядильщикахъ. Они 12 часовъ работаютъ, 1 часъ употребляютъ на ходьбу домой и обратно, а 11 часовъ въ сутки въ своей деревнѣ и у себя дома отдыхаютъ. Лѣтомъ же успѣваютъ пособить старшему брату въ полевыхъ работахъ, и каждый мѣсяцъ приносятъ въ домъ 25 цѣлковыхъ, а это составитъ въ годъ всего 300 цѣлковыхъ... Хлѣбецъ же они ѣдятъ свой, да и скотники довольно, и это не одинъ примѣръ, а такихъ въ нашемъ краю найдется и много...

Digitized by Google

не принесть искренней благодарности учредителю мануфактуры (*) за всѣ благодѣянія, которыя щедрою рукою сыплются, посредствомъ фабрики, на окрестныхъ жителей, и благодаря мануфактурной и фабричной промышленности, въ домѣ у крестьянина здѣшняго уѣзда,—разумѣется, если онъ не лѣнивъ и не безпорядоченъ,—вѣрно, нѣтъ нужды.... А потому, подгороднаго крестьянина встрѣтишь всегда веселаго, съ лицемъ здоровымъ, хорошо одѣтаго.

Жизнь общественная у насъ въ городѣ не можетъ похвалиться своими публичными удовольствіями. Есть у насъ благородно-купеческое собраніе и клубъ, но—нѣтъ общаго къ нимъ влеченія. Замѣтить надобно, что въ собраніи и клубѣ купцовъ-фабрикантовъ совсѣмъ не бываетъ, исключая баловъ и маскарадовъ, что̀ нисколько и не удивительно: купечество здѣшнее занято своими коммерческими дѣлами, въ свободное же отъ дѣлъ время, хотя и веселится, но только въ своемъ домѣ, въ кругу лицъ своего же званія, и собраніе и клубъ посѣщаются исключительно дворянами и чиновниками.

Театра у насъ нѣтъ, а потому нѣкоторымъ лицамъ пришла прекрасная мысль, составить благородный спектакль въ пользу одного бѣднаго семейства. Спектакль состоялъ изъ пролога и двухъ водевилей: «Дочь его благородія», и «Домъ на бугоркахъ»,—который и былъ данъ 10-го декабря.—Хорошо принятый и одобренный публикою, спектакль повторился—2-го января, вновь составленный изъ водевиля «Красноярскій купецъ», и комедіи-водевиля «Мужъ въ дверь, а жена въ Тверь», и двухъ живыхъ картинъ—первой «Италіанская ночь,» вторый «Гаремъ паши.» Не смотря на неудачный выборъ піесъ и исключая ролей Пузыревскаго въ водевилѣ «Домъ на бугоркахъ», и Копотунова, въ водевилѣ «Мужъ въ дверь, а жена въ Тверь,» (которыя актерами совершенно не были поняты), спектакли шли хорошо; роли женскія всѣ были съиграны очень хорошо Но главное, что̀ заслу-

(*) Къ похвальнымъ дѣйствіямъ г-на Попова не лишнимъ почитаю присовокупить здѣсь, что онъ, не болѣе какъ два мѣсяца тому назадъ, превосходно возобновилъ свою приходскую церковь во имя Покрова Богоматери, (т. е. нашъ старый Покровскій соборъ). Церковь возобновлена какъ наружно, такъ и внутренно,—внутренно исправлена стѣнная живопись, на ризахъ мѣстныхъ святыхъ иконъ сдѣлана новая позолота, а на другихъ иконахъ и новыя ризы. Онъ также обогатилъ храмъ серебряно-позолоченными красивыми хоругвями, отличной работы новыми серебро-позлащенными сосудами, и нѣкоторою другою утварью. На все это употреблено г-мъ Поповымъ девять тысячъ рублей серебромъ.

Digitized by Google

жило общее вниманіе въ театрѣ, это декораціи и живыя картины,— въ первомъ спектаклѣ, въ прологѣ, лѣсъ и кустъ розановъ, во второмъ живыя картины, особенно «Италіянская ночь.» Эта картина была вполнѣ очаровательна!... Отъ души поблагодарили мы художника (*) за такой прекрасный трудъ.

Зима нынѣшная настала у насъ очень рано: съ 1-го октября начались морозы, и рѣка Теза стала. Такое раннее прекращеніе судоходства причинило судохозяевамъ значительный вредъ: болѣе 30 тезянокъ съ грузомъ дровъ, хлѣба, и другими товарами не дошли до своего назначенія. Съ 6-го числа выпалъ и снѣгъ, такъ что 20 октября путь зимній установился совершенно, а въ ноябрѣ повезли изъ низовыхъ губерній и хлѣбъ. Во время послѣднихъ базаровъ цѣны на хлѣбъ были у насъ слѣдующія:

Мука ржаная 33 к. сереб.; овесъ отъ 1 р. 30 до 1 р. 50 к. сереб.; крупа гречневая ядрица, въ 9 пудовъ, 4 рубли; пшено отъ 5 до 5 р. 50 к.; пшеница кубанка отъ 3. р. 80 к. до 4 руб. за четверть. Привозъ ея въ нынѣшнюю зиму значителенъ. По хорошему урожаю травъ сѣно у насъ продается отъ 6 до 8 к. сер. за пудъ. Дрова, не смотря на значительное количество, употребляемое для фабрикъ, тоже не дороги: отъ $\frac{3}{4}$ и до аршина длины березовыя 2 рубли серебромъ, осиновыя и другія такой же длины отъ 1 р. 30 до 1 р. 40 к. серебромъ за сажень.

Вотъ еще новость, хотя и не принадлежащая нашему городу собственно, но знавши которую, почитаю за грѣхъ умолчать о ней: по распоряженію духовнаго начальства въ прошедшемъ 1852-мъ году собрано значительное количество историческихъ матеріаловъ для описанія Владимірской епархіи, исторію которой составляетъ, тоже по распоряженію духовнаго начальства, ученый іеромонахъ Спасо-Евѳиміева монастыря отецъ Іоасафъ. **иванъ лядовъ.**

Шуя. 1853 года, января 5 числа.

(*) Занавѣсъ декораціи и живыя картины исполнены и поставлены были молодымъ человѣкомъ г-мъ Ниппой, сыномъ штатнаго смотрителя здѣшнихъ училищъ, которому мы предрекаемъ прекрасную будущность въ живописи.

Digitized by Google

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

О ВЫСТАВКѢ МОСКОВСКАГО УЧИЛИЩА ЖИВОПИСИ И ВАЯНІЯ.

Говоря о выставкѣ Училища Живописи и Ваянія, нельзя не быть взыскательнымъ въ отношеніи направленія искусства; но не будемъ излишне требовательны, какъ тѣ посѣтители, которые незнакомы ни съ положеніемъ училища, ни съ его средствами.

Различіе данныхъ Академіи и возникающаго здѣсь разсадника искусствъ такъ велико, что никакъ нельзя допустить сравненія нашей выставки съ академической, а уже подавно съ петербургскимъ музеумомъ, что̀ однако было съ одной изъ посѣтительницъ, которая, обошедши залы, сдѣлала такое заключеніе: нѣтъ! въ петербургскомъ эрмитажѣ гораздо болѣе хорошихъ вещей! — Мы согласны съ этою дамою; но она вѣроятно забыла, что въ петербургскомъ музеумѣ собраны лучшія сокровища искусствъ нѣсколькихъ вѣковъ, а домъ нашего училища, лѣтъ десять тому назадъ, мрачной пустотой своей пугалъ суевѣрныхъ прохожихъ, по ихъ мнѣнію, злые духи и вѣдьмы обитали въ этомъ домѣ.

Много бы еще можно было привести здѣсь разныхъ отзывовъ, отличающихся подобною наивностію, а иногда и заносчивостью; но насъ болѣе занимаетъ самая выставка, нежели необдуманные толки о ней.

Во множествѣ разнородныхъ живописныхъ работъ, какое представила послѣдняя выставка, понятно, нельзя спрашивать всего въ совершенствѣ, особенно памятуя недавнее существованіе училища. Были произведенія слабыя, встрѣчались также удачныя попытки начинающихъ; но были и вполнѣ прекрасныя произведенія, которыя украсили бы какую угодно выставку; наконецъ, въ совершенную противоположность послѣднимъ, были и такія, которыя выказывали лишь одну претензію на что-то необычайное, а сами по себѣ ничего не значили, обнаруживая въ то же время самое ложное, анти-

Digitized by Google

художественное направленіе. Руководствуясь правиломъ, что никому не должно торопиться произнесеніемъ суда даже надъ посредственнымъ или неоконченнымъ произведеніемъ, мы, по окончаніи выставки, хотимъ изобличить это ложное направленіе, въ поученіе молодымъ художникамъ.

Такъ съ перваго взгляда кажется, что вовсе не слѣдовало бы говорить о двухъ картинахъ Фелицына, изображающихъ нагихъ женщинъ; но мы должны невольно распространиться о нихъ, дабы указать, до какой степени можетъ художникъ уклониться отъ высокихъ требованій искусства, — и въ то же время высказать, — что одна размашистая живопись, даже достигающая сильной рельефности, еще не составляетъ изящества картины.

Искусство лишь тогда имѣетъ цѣну въ глазахъ образованнаго человѣка, когда проявляетъ жизнь, движеніе, характеры, да сверхъ того возведенные, если не въ идеалы, то по крайней мѣрѣ въ нѣчто, носящее на себѣ печать просвѣтленной фантазіи и чистаго, незагрязненнаго эстетическаго чувства.

Къ сожалѣнію, ничего подобнаго не представляютъ названныя картины Фелицына, — и, да позволятъ такъ выразиться, видишь въ нихъ только напыщенность колорита, который силится стать въ уровень съ живописью Брюллова (!!); но вмѣсто того, выходитъ изъ всѣхъ предѣловъ, полагаемыхъ натурою и искусствомъ, и впадаетъ лишь въ яркія крайности, которыя, положимъ, бросаются въ глаза большинству публики; но развѣ такія произведенія могутъ быть отнесены къ художественнымъ?

Снова повторяемъ, что человѣкъ, знакомый съ искусствами, не удовлетворяется такою напряженною, неестественною живописью, замѣчая вмѣстѣ съ тѣмъ явное безсиліе въ рисункѣ и изобрѣтеніи. Какихъ только красокъ нѣтъ въ картинахъ Фелицына?—И глаза, и щеки, и уши, и цвѣты, и зелень, ихъ окружающіе, такъ и рдѣютъ, такъ и пышатъ, и такъ раскалены, какъ будто все это отстоитъ отъ солнца на какихъ-нибудь десять верстъ; но что́ выражаютъ эти картины? — Взгляните въ увеличительное стекло на французскія конфектныя картинки,— впечатлѣніе будетъ едва ли не одинаковое.—Какіе сюжеты этихъ картинъ? Что́ въ нихъ есть такого, что́ могло бы порадовать душу, расшевелить мысль? — Мы долго искали, но не нашли ничего, кромѣ непростительныхъ ошибокъ въ рисункѣ, уже не говоря о совершенномъ отсутствіи скромности, этомъ лучшемъ украшеніи женщины. — Намъ, можетъ быть, замѣтятъ, что это не картины, а этюды. Да при этомъ, по видимому болѣе скромномъ,

Digitized by Google

названія, мы еще болѣе вправѣ требовать изящнаго рисунка (*); а здѣсь, до крайности выдающіяся и обрюзглыя части тѣла порождаютъ въ зрителѣ что-то похожее на отвращеніе; да тутъ же родится и сожалѣніе о художникѣ, который, не будучи строго приготовленъ, берется исполнять то, что̀ ему совершенно не по силамъ.— Когда еще онъ увидитъ женщинъ Тиціана; а теперь совѣтуемъ ему постараться увидѣть Вирсавію, въ которую Брюлловъ, не довольный своимъ трудомъ, пустилъ сапогомъ. Тогда онъ пойметъ, какъ высоко понималъ женскую красоту великій художникъ, если и это необычайное произведеніе его творческой кисти привело его въ гнѣвъ на свое безсиліе изобразить идеалъ женщины.

Тогда г. Фелицынъ вѣроятно сдержитъ свою быструю кисть и сочтетъ лучшимъ порисовать годокъ, другой, со всѣмъ вниманіемъ, со статуй Венеры Милосской, Таврической и Медицисской; — да полагаемъ, и не рѣшится впредь представлять публикѣ, въ неуклюжихъ позахъ, такихъ дебелыхъ красотокъ, съ которыхъ, — того и гляди, — посыпятся бѣлила и румяны. Да, ихъ не пожалѣлъ г. Фелицынъ, полагая, что это колоритъ! — Непростительно такъ думать объ искусствѣ; непростительно полагать, что достаточно прихода въ мастерскую пріисканной натурщицы, — и что тутъ-то вотъ и создастся изъ-подъ кисти ненаглядная красавица; — а посмотришь, — такъ и выйдетъ чуть не судомойка,—кажется, вчера еще видѣлъ, какъ оригиналъ ея шагалъ толстыми ногами, черезъ лужи, на дворѣ;—да бываетъ и хуже.... стоитъ вспомнить лишь воспалительное состояніе вѣкъ той красотки Фелицына, которой голова убрана цвѣтами.

Чтобы изображать женщину, то надо трезвенно и высоко сочувствовать ея прелестямъ, и стараться достигать той точки, съ которой смотрѣли на нихъ великіе художники, особенно Греки; а для этого нужно изученіе, приводящее къ тонкому развитію чувства изящнаго, никогда не допускающаго ни перезрѣлости, ни испорченности формъ тамъ, гдѣ всѣ должно дышать юностью и красотою. Не тяжелое, обвисшее, дряблое тѣло беретъ за образецъ истинный художникъ, а восхищаетъ его то соединеніе дѣвственности, свѣжести, стройности, стыдливости и граціи, которое составляетъ сущность и всю неуловимую прелесть первообраза женщины, этого вѣнца всего творенія.

До сихъ поръ мы говорили только о формахъ; но если обратить теперь вниманіе на положенія, посадки женщинъ Фелицына, то надо сознаться, что онъ также не имѣетъ никакого поня-

(*) Въ этюдѣ уже не спрашивается сюжетъ, а вниманіе художника исключительно обращается на формы и рисунокъ.

тія о той плавной игрѣ линій, о тѣхъ гармоническихъ размѣрахъ, движеніяхъ, которыя составляютъ отличительный характеръ женственности. Названному художнику, повидимому, доступна лишь угловатость движеній, принадлежащая исключительно грубымъ женщинамъ, изъ среды которыхъ были взяты имъ натурщицы. Нѣтъ, надо поучиться, и поучиться серьёзнѣе, чтобы произвести что-нибудь прекрасное въ этомъ родѣ; надо довести себя до умѣнья рисовать женщинъ даже на память; тогда только можно усвоить своей фантазіи грацію ихъ движеній до того, чтобы и внутреннее чувство художника и воображеніе руководили его кистію. И лучшая натурщица не поможетъ тому, у кого лишь ходитъ рука (*), а сознаніе прекраснаго неразвито или постоянно убивается пагубною увѣренностью, что я-де уже достигъ совершенства въ моемъ искусствѣ. Кто думаетъ такъ, тому никогда не быть художникомъ и не доведется ему никогда испытать всего высокаго упоенія въ самомъ изученіи искусства.

Если самоувѣренность г. Фелицына въ успѣхѣ своихъ картинъ разрослась вслѣдствіе того, что на нихъ есть покупатели,—такъ замѣтимъ ему,—что и гораздо худшія, даже лубочныя картинки имѣютъ свой сбытъ.

Распространившись такимъ образомъ объ этомъ художникѣ, не лишенномъ однако дарованія, мы имѣли въ виду, какъ мы говорили выше, не одного его, а вообще всѣхъ тѣхъ, которые думаютъ, что перебросавши всѣ яркія краски съ палитры на холстъ, можно воскресить венеціанскую школу (**). Лишь молодость, неопытность и непростительная самонадѣянность позволяютъ себѣ такъ думать. Молодость же и незрѣлость понятій необходимо учить; а если учить, то нельзя гладить по головкѣ, когда, вмѣсто дѣла, учащійся позволяетъ себѣ насмѣхаться надъ искусствомъ и публикой въ томъ мѣстѣ, гдѣ искусство должно быть чтимо, какъ одна изъ отраднѣйшихъ и благороднѣйшихъ дѣятельностей человѣка. Только настоящимъ указаніемъ на условія искусства и на его высоко-чистыя требованія можно образовать изъ самыхъ отчаянныхъ школьниковъ хорошихъ, дѣльныхъ художниковъ.

*) Не можемъ не вспомнить при этомъ о бойкости руки одного изъ академическихъ воспитанниковъ, Бодина, который рисовалъ группу Лаокоона съ дитятею мѣломъ, величиною во весь полъ огромной залы; также бойко рисовалъ онъ и свои сочиненія; однако изъ безголовой бойкости руки, въ которой не принимали участія ни голова, ни сердце, ничего не вышло. Это бываетъ не рѣдко.

(**) Почтенный живописецъ Венеціановъ, только по фамиліи своей случайно имѣлъ общее съ Венеціею; но и скромная его кисть подарила Петербургской Академіи Художествъ прекрасныя изображенія купающихся женщинъ.

Digitized by Google

Только профаны могутъ принимать, въ простотѣ сердца, излишество красокъ за колоритъ. Великое дѣло—знаніе эстетической мѣры въ искусствахъ, которая на такую высокую степень была поставлена въ греческомъ мірѣ. Лишь человѣкъ, глубоко проникнутый художествомъ, достигаетъ этой эстетической мѣры. Такъ Гоголь, какъ истинный художникъ, движимый чувствомъ мѣры, замѣтилъ одному молодому литератору, по выслушаніи его сочиненій, что у него до того много яркихъ красокъ, до того великъ избытокъ цвѣтистости, что *краски текутъ*.—Это утонченное чувство мѣры, снова повторимъ, зарождается лишь въ даровитомъ настроеніи души и развивается глубокимъ изученіемъ. Оно одно можетъ насъ заставить восхищаться гармоническими произведеніями Грековъ, и лишь удивляться громоздкости всего египетскаго; оно же можетъ указать намъ, какъ высоко стоитъ Рафаэль надъ Микель-Анжеломъ.

Говоря такимъ образомъ, мы желаемъ искренно молодымъ художникамъ настоящаго ознакомленія съ искусствомъ,—и сознаемся, что иногда рѣзкость нашихъ отзывовъ бываетъ прямо слѣдствіемъ той рѣзкости, ошибокъ и недозрѣлости, которыя, въ строгомъ смыслѣ, не должны бы имѣть мѣста въ большихъ картинахъ, на выставкахъ училища.

Въ картинѣ Фелицына же «Дѣвушка груститъ при видѣ портрета»—не знаемъ, брата или своего возлюбленнаго, есть какое-то содержаніе,—по крайней мѣрѣ здѣсь читаешь подпись на висящемъ портретѣ: *убитъ въ 1848 году*. Если бы голова и руки этой дѣвушки были написаны приблизительно, такъ какъ стоящая въ этой картинѣ на столѣ свѣча, то безъ сомнѣнія намъ пришлось бы сдѣлать совершенно другой отзывъ объ этомъ трудѣ. Его же «Венеціянка съ маскою», картина, такъ сильно выпуклая, лишена всякой внутренней жизни, всякаго теплаго чувства. Кажется, кто бы, какъ не венеціянка въ карнавалѣ, могла болѣе загорѣться любовью, ревностью или другою страстью. Здѣсь нѣтъ ничего даже намѣкающаго на какую-нибудь внутреннюю жизнь; встрѣчаешь въ этомъ домино лишь тупой, безжизненный взглядъ, который, при остальныхъ, очень рельефно выдающихся частяхъ лица, производитъ, почти то же непріятное впечатлѣніе, какое испытываешь при посѣщеніи галлерей восковыхъ фигуръ. Впрочемъ, самое домино съ блондами написано превосходно; околичность очень хороша.

Вообще нельзя не пожалѣть, что вниманіе нѣкоторыхъ молодыхъ художниковъ обращено болѣе на околичности, на обстановку, нежели на главное содержаніе картинъ.

Digitized by Google

Такъ и г. Гурчаниновъ, также отдавшійся, при изображеніи «Цыганки,» избытку красокъ, бусъ, лентъ, яркой зелени, мало позаботился о выраженіи лица, которое, при праздничномъ веселомъ нарядѣ и при тамбуринѣ, улыбается какъ-то насильственно, и потому картина не производитъ того отраднаго впечатлѣнія, которое, казалось, должно бы было лежать въ основаніи этого труда и вѣять на зрителя. Да и рисунокъ, какъ на примѣръ въ привязкѣ головы къ шеѣ, послѣдней къ бюсту, и въ самомъ станѣ дѣвушки на который такъ неловко надѣтъ спензеръ, не правиленъ.

Да, что ни говори, а безъ рисунка, не только въ скульптурѣ, но не далеко уйдешь и въ живописи.

На нынѣшній разъ, г. Новаковичъ остался какъ-то въ тѣни съ своей «Русалкой», хотя и не лишенной достоинствъ,—и этому нельзя не порадоваться. Этотъ художникъ любитъ искусство искренно, и повидимому, старается высвободиться изъ-подъ вліянія той радуги неестественныхъ красокъ, которая во всемъ фальшивомъ блескѣ бросалась ему въ глаза, въ прошломъ году, да и нынче еще отразилась на его «Женщинѣ въ траурѣ», плачущей на могилѣ; за то въ «Русалкѣ» нельзя не замѣтить переходнаго состоянія живописи Новаковича, который изучаетъ свой предметъ со всею энергіею; онъ, какъ намъ извѣстно, недоволенъ самъ собою, недоволенъ своими собственными картинами.... это добрый знакъ;—стало быть, онъ спохватился во время, и ложный путь къ яркому разцвѣчиванію холста и безпричиннымъ эффектамъ не удовлетворяетъ его болѣе; истинное чувство художника беретъ въ немъ верхъ надъ эфемерною живописью и становится порукою за успѣхъ его будущихъ произведеній.

Этюдъ г. Пукирева, лучшаго рисовальщика здѣшняго училища, обращаетъ на себя вниманіе серьезнымъ направленіемъ и строгостію рисунка, чему нельзя душевно не порадоваться, особенно видя въ то же время, что и живопись его не имѣетъ претензій на блестящій колоритъ. Хотя многіе называютъ эту молодую фигуру кіевскимъ юношей, спасающимся черезъ Днѣпръ отъ стрѣлъ Печенѣговъ; но мы, видя на немъ, вмѣсто рубахи съ узорочьемъ (*), какую-то пунцовую римскую тогу, отстраняемъ это названіе и принимаемъ эту трудную попытку изобразить человѣка, бросающагося въ рѣку, за очень удачный этюдъ, кромѣ повисшей вытянутой ноги, которая, перпендикулярно свѣсившись, производитъ дисгармонію съ остальными линіями фигуры и мѣшаетъ общему пріятному впечатлѣнію произведенія. Верхъ фигуры и лѣвая нога, отброшенная въ воздухъ, испол-

(*) Такія рубахи можно видѣть въ изданныхъ рисункахъ г. академика Ѳ. Р. Солнцева.

Digitized by Google

ныя стремленья и движенья, тогда какъ правая, отвѣсно падающая, тяжела и недвижна, прямо по своему невыгодному положенію. Съ тѣмъ серьезнымъ направленіемъ, какое имѣетъ г. Пукиревъ, и съ его данными въ рисункѣ, нельзя не пожелать ему испробовать свои силы на чемъ-нибудь вполнѣ строгомъ, академическомъ, хотя на послѣднее слово иные люди и смотрятъ какъ-то косо, непривѣтливо; но мы убѣждены и чужимъ и своимъ опытомъ, что лишь этимъ путемъ достигаютъ прочныхъ знаній и зрѣлаго мышленія, съ отсутствіемъ которыхъ никакія блестящія краски міра и никакой лучшій мраморъ не представятъ ничего вполнѣ художественнаго.

Небольшая картина г. Астрахова «Семикъ въ Марьиной рощѣ» задумана превосходно; но исполненіе ея слабѣе самаго содержанія, хотя и есть отдѣльныя мѣста очень удовлетворительныя; за то картинка «Купцы, играющіе въ шашки,» того же художника, соединила въ себѣ всѣ: и игривое содержаніе, и отдѣлку, и выраженіе лицъ, и цѣлость дѣйствія. Составъ группы до того живъ и естественъ, что, кажется, художникъ и не трудился надъ сочиненіемъ картинки; а это очень большое и рѣдкое достоинство. Здѣсь ничто не забыто и всѣ отработано съ любовью истиннаго художника, начиная съ экспрессіи озадаченнаго игрока до движенія умывающагося кота. Это отрадное произведеніе, хотя и напоминаетъ кисть П. А. Ѳедотова, но направленіе г. Астрахова чисто комическое, клонящееся къ веселой и пріятной сторонѣ жизни, тогда какъ горькая драма всегда лежала въ основаніи комизма П. А. Ѳедотова. Эскизъ Астрахова же «Мужъ запоздавшій туалетомъ»,—тогда какъ дражайшая его половина и дочери уже готовы къ отъѣзду въ театръ,—очень милая вещь, и стоющая того, чтобъ художникъ не подовольствовался однимъ эскизомъ, который пріобрѣтенъ одной дамою любительницею.

Картина «Крестьянинъ стрижетъ овцу» г. Грибкова, изображаетъ жизнь крестьянской семьи, которая отдана не тяжелымъ занятіямъ, — и все это естественно, безъ натяжекъ, и полно интереса, начиная съ молодухи до старухи, сливающей молоко; отъ крестьянина, стригущаго овцу, до дѣвушки, дающей кормъ коровѣ; отъ мальчика, помѣстившагося на полу, до барашка, который рѣзвясь опрокинулъ корытцо съ водою. И солнце на столько освѣщаетъ эти группы, что въ картинѣ все принимаетъ видъ теплый, привѣтливый,—только справедливо замѣчали многіе, что зелень, видная въ дверь, невыносимо ярка. Спаси Богъ г. Грибкова отъ заразы писать зелень, уподобляющуюся яркостію своей малахиту, что нерѣдко бываетъ съ черезъ чуръ жаркими поклонниками блестящаго колорита.

Digitized by Google

«Молящаяся дама», того же художника, не лишена интереса и представляетъ очень пріятную картину. Желалось бы впрочемъ болѣе благородства въ лицѣ этой женщины, такъ чтобы она совершенно походила на даму, которую, судя по костюму, хотѣлъ изобразить г. Грибковъ.

Перспективные виды г. Шухвостова заключаютъ въ себѣ такъ много правды, и полны такого оптическаго обмана, что стоишь передъ ними и совершенно забываешься, переносясь то подъ своды Троицкаго собора, то какъ бы присутствуя въ церкви Гефсиманскаго скита, то благоговѣя предъ ракою св. Сергія. Начиная отъ общихъ линій и тоновъ до мельчайшихъ подробностей, всѣ здѣсь нарисовано и написано превосходно. Остается пожелать Шухвостову, чтобы искусная кисть его, передающая столь священные предметы и мѣста, полные великихъ историческихъ воспоминаній, присоединила со временемъ къ вѣковымъ стѣнамъ и самыя происшествія русской исторіи. Если замѣтятъ намъ, что мы требуемъ уже очень многаго, то въ оправданіе свое мы укажемъ на Гранета, съ картины котораго «Монастырь» выставилъ прекрасную копію г. Турчаниновъ. Здѣсь фигуръ вдвое болѣе, нежели лѣтъ г. Шухвостову,—и потому желаніе наше художнику кажется намъ болѣе, нежели сбыточнымъ.

Пейзажи г. Соврасова «Двѣ степи» и «Видъ Кіева» дышатъ свѣжестію, разнообразіемъ и тою силою, которая усвоивается кисти художника, вслѣдствіе теплаго и вмѣстѣ разумнаго воззрѣнія на природу. Соврасовъ въ произведеніяхъ своихъ начинаетъ достигать того чувства мѣры, о которомъ мы говорили выше,-- и потому самобытность его таланта несомнѣнна,—да и можно надѣяться, что онъ не впадетъ ни въ какія подражанія, столь недостойныя прямаго дарованія.

Въ пейзажѣ г. Давыдова побѣждены съ необыкновеннымъ успѣхомъ большія трудности. Отъ перваго плана до дальняго горизонта, все пространство покрыто деревьями и кустарниками, такъ что нѣтъ почти никакого отдыха между ними; не прибѣгая, въ этомъ случаѣ, ни къ рѣзкимъ полутонамъ, ни къ сильно затѣненнымъ горамъ, ни къ блестящей поверхности озера или рѣки, художникъ, при отличномъ рисункѣ деревьевъ, показалъ такую глубину въ картинѣ, что можно долго и долго любоваться ею. Только одно намъ показалось какъ-то усиленнымъ, не согласующимся съ общимъ спокойствіемъ свѣта въ пейзажѣ: это пролеты и тѣни между большихъ камней, помѣщенныхъ на срединѣ перваго плана.

Изъ трехъ видовъ г. Аммона лучшій и прекрасный, это «Хижина въ лѣсу». Въ немъ слышится дыханіе природы,—съ такою любовью и вѣрностью переданы здѣсь едва уловимыя ея подробности. Мягкость

Digitized by Google

кисти, съ которою написанъ этотъ пейзажъ, напоминаетъ кисть Штернберга; а кто можетъ напоминать послѣдняго, отъ того и требовать, и ожидать можно многаго.

«Зима» г. Милошина стоитъ выше «Зимы» г. Лобова, по болѣе богатой обстановкѣ; но что̀ касается до естественности тона картины, и вообще до свѣжести впечатлѣнья, то зимній видъ Лобова имѣетъ преимущество.

Акварельные виды г. Черкасова пріятны и хорошо нарисованы. Этотъ художникъ въ короткое время очень успѣлъ.

Акварельные портреты г. Воробьева выходятъ далеко изъ ряда всѣхъ работъ этого рода. Мы припоминаемъ лучшихъ акварелистовъ, которые пріобрѣли извѣстность въ Римѣ,—и смѣло можемъ сказать, что такая акварель Воробьева, какъ изображенный имъ старикъ, можетъ соперничать съ ихъ произведеніями. Молодой художникъ обязанъ въ этомъ случаѣ исключительному вліянію превосходнаго акварелиста М. И. Скотти.

Нельзя не упомянуть здѣсь объ очень любопытномъ эскизѣ г. Соколова (*) «Цыгане». Хотя онъ наброшенъ небрежно; но такъ полонъ жизни, ума и умѣнья группировать фигуры естественно, что ватага цыганъ Пушкина, кажется, живьемъ является передъ глазами.

Все вмѣстѣ тронулось: и вотъ
Толпа валитъ въ пустыхъ равнинахъ.
Ослы въ перекидныхъ корзинахъ
Дѣтей играющихъ несутъ;
Мужья и братья, жены, дѣвы,
И старъ и младъ вослѣдъ идутъ:
Крикъ, шумъ, цыганскіе припѣвы,
Медвѣдя ревъ, его цѣпей
Нетерпѣливое бряцанье,
Лохмотьевъ яркихъ пестрота,
Дѣтей и старцевъ нагота,
Собакъ и лай и завыванье,
Волынки говоръ, скрипъ телегъ, —
Все скудно, дико, все нестройно.

Всю эту ватагу художникъ приблизилъ къ убійцѣ Алеко, сидящаго надъ умерщвленными имъ трупами Земфиры и ея любовника; старикъ же отецъ Земфиры говоритъ убійцѣ:

Оставь насъ, гордый человѣкъ!
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казнимъ,
Не нужно крови намъ и стоновъ.

(*) Павла Петровича, втораго сына славнаго акварелиста Петра Ѳедоровича Соколова.

Digitized by Google

Эта драма обрисована г. Соколовымъ самымъ живымъ, удачнымъ образомъ. Дай Богъ, чтобы обстоятельства, иногда не зависящія отъ художника, помогли ему исполнить хотя небольшую картину по этому прекрасному эскизу.

Небольшой пейзажный эскизъ г. Шервуда, на которомъ мальчикъ гонитъ стадо, обличаетъ талантъ.

Не безъ достоинства также дѣвушка Пуговошникова, акварель—дѣвушка вяжущая чулокъ, Шитова; Марія Магдалина, Моисеева, и внутренній видъ французской католической церкви св. Людовика, Дубровина.

Къ лучшимъ копіямъ можно отнести—съ Магдалины Манса копію Малова; съ той же картины, Смолякова; Бочарова съ Калама; Матвѣева, Бочарова, Трескина, съ картинъ Айвазовскаго; Гусева внутренній видъ церкви св. Бенедикта, въ Субіако.

Копіи же съ прекраснаго оригинала Моллера — портрета Гоголя, разныхъ художниковъ, до того невѣрны, небрежны и искажены, что какъ-то странно было и встрѣтить ихъ на выставкѣ. Изъ нихъ усматриваешь только явное неуваженіе къ памяти великаго писателя, къ училищу и къ публикѣ. Такова и копія Золотарева съ итальянскаго вида Меера; да еще копія Гребнова, въ которой можно было встрѣтить до того зеленѣющій пейзажъ, что и овцы въ немъ зазеленѣли. Весь этотъ послѣдній отдѣлъ копій возбуждалъ лишь насмѣшки и досаду въ зрителяхъ; спрашивается, къ чему было выставлять подобныя вещи? Въ довершеніе выставки были поставлены работы любителей, имѣющія не отъемлемыя достоинства. Таковы труды г. Зимлера, г. Никитина, г-жи Гагенъ и г-жи Глѣбовой.

И коверъ былъ на художественной выставкѣ. Если меркантильный и положительный XIX вѣкъ до того имѣетъ силу и вліяніе на искусство, что послѣднее, въ очію, сливается съ мануфактурой, то уже лучше перестать говорить объ искусствѣ, — и потому статью нашу кончаемъ (*).

Н. РАМАЗАНОВЪ.

(*) О скульптурныхъ произведеніяхъ училища намъ недавно пришлось говорить, по поводу разъясненія успѣховъ ваятельнаго искусства, московскому корреспонденту Петербургскихъ Вѣдомостей, именно въ № 157 Московскихъ Вѣдомостей прошлаго года. Мы были вполнѣ безпристрастны и всячески старались, чтобы пословица: «овсяная каша сама себя хвалитъ», не имѣла никакого къ намъ приложенія.

Digitized by Google

КОНЦЕРТЪ И БАЛЪ СЪ СЮРПРИЗАМИ 18-ГО ЯНВАРЯ.

(Сообщено).

Всему свѣту извѣстна давнишняя благотворительность древней русской столицы на пользу и помощь ближнему: число богоугодныхъ, благотворительныхъ и учебныхъ ея заведеній, и открываемые съ доброю цѣлью балы, концерты, спектакли, ярмарки, томболы и лотереи — краснорѣчиво убѣждаютъ каждаго согласиться, что едва ли на бѣломъ свѣтѣ есть городъ, подобный Москвѣ, со стороны благотворительности — правительственной и частной. Она проявляется въ разныхъ видахъ, никого не обременяя, ни напрашиваясь, ни навязываясь. Вотъ напримѣръ вчера, 18-го января, Совѣтъ московскихъ дѣтскихъ пріютовъ, въ великолѣпныхъ залахъ Благороднаго Собранія, давалъ концертъ и балъ съ 500-ми сюрпризами (съ выигрышами). Кто отъ души, съ полною охотою и желаніемъ, не принесетъ трехъ или четырехъ рублей?... Мы забудемъ, что эта жертва, эта лепта, идетъ отъ нашихъ избытковъ въ помощь бѣдному, въ пользу воспитанія нашего юнаго поколѣнія;— ню вспомнимъ, что мы, шутя, не стѣсняясь строгостью приличій домашняго и свѣтскаго раута, не тратясь на костюмы и изысканные наряды, забавляясь, танцуя и слушая музыку оркестровъ и пѣніе избранныхъ хоровъ, еще возвращаемся домой съ сюрпризомъ: иной несетъ брилліантовыя вещи, серебряный или фарфоровый сервизъ, кубокъ, кружку, чашу, вазу, кусокъ голландскаго полотна;— другой везетъ великолѣпный фарфоровый туалетъ съ принадлежностями, богатую деми-рояль, щегольскую, цѣнную карету, коляску, дрожки—и все это просто, *даромъ*, не платя денегъ, кромѣ какого-нибудь четвертака или рубля, и не давая за нихъ заемнаго письма, какъ за весьма цѣнную вещь, купленную въ долгъ. Даже оставимъ и это: ибо найдутся и такіе, кои ничего вещественнаго не понесутъ и не повезутъ домой, по неблагосклонности къ нимъ на этотъ разъ капризной фортуны,—но за то всѣ, рѣшительно всѣ, и всегда, понесутъ въ самихъ себѣ утѣшительную отраду, неоцѣнимый выигрышъ: величайшую отраду въ душѣ и сердцѣ, что отдали *излишній* рубль въ пользу и помощь ближнему,—за то именно, что получили полное удовольствіе и время провели чрезвычайно пріятно и весело. А такіе часы посѣщаютъ насъ очень не часто!... Тогда какъ мы тратимъ сотни, тысячи, чтобы блеснуть, развлечься, *разсѣяться*,—здѣсь за рубль или полтора, отданный на доброе дѣло, мы находимъ такъ далеко и такъ дорого искомое нами удовольствіе, и еще съ изящнымъ, цѣннымъ сюрпризомъ!...

Digitized by Google

Постараемся, хотя въ немногихъ словахъ, въ сухомъ очеркѣ, передать нашимъ иногороднымъ читателямъ *программу* концерта и бала, данныхъ въ воскресенье, 18-го января, въ пользу московскихъ дѣтскихъ пріютовъ.

Въ самый полдень, огромная, великолѣпнѣйшая въ свѣтѣ зала Россійскаго Благороднаго Собранія огласилась духовнымъ гимномъ хора дѣтей и пѣвчихъ 2-го учебнаго карабинернаго полка, съ оркестромъ г. Лебедева, подъ дирижировкою г. Чижова; хоръ *карабинеровъ*, подъ дирижированіемъ г. Ящукевича, исполнилъ увертюры изъ Веберовскаго «Фрейшуца» и фантазію изъ «Роберта», для двухъ кларнетовъ соло, соч. г. Іоганниса. Хоръ *г. Прокофьева*, подъ его дирижировкою, и оркестръ г. Лебедева, исполнили три пьесы разныхъ авторовъ. Оркестръ *г. Сакса* исполнилъ увертюру »Ruy Blas«, Мендельсона-Бартольди,—»Adelaide« Бетговена, и россиніевскую арію изъ »Stabat Mater.« Придворный герцога Саксенъ-Кобурскаго піанистъ *Едуардъ-Буддеусъ* разыгралъ »фантазію« своего сочиненія.—Подъ оркестръ г. Лебедева, дѣти и карабинеры пропѣли хоромъ: »Я не знаю, что судьбою«,—»Когда гуляю лѣтомъ въ полѣ« и благодарный гимнъ начальству; всѣ три сочиненія г. *Львова*. Такъ въ продолженіе трехъ-часоваго концерта, мы слышали пьесы Мендельсона-Бартольди, Бетговена, Россини, Вебера, Іоганниса и другихъ, болѣе или менѣе славнѣйшихъ композиторовъ. Много бы потребовалось мѣста и времени говорить о впечатлѣніи, полученномъ нами въ этомъ концертѣ, а потому мы должны были ограничиться немногими словами, чтобы передать нашимъ читателямъ конспектъ концерта въ одномъ только результатѣ—въ поименованіи исполненныхъ хорами и оркестрами пьесъ.

Скажемъ въ заключеніе, что три хора пѣвчихъ, въ числѣ коихъ одинъ хоръ изъ 450 дѣтей, воспитывающихся въ пріютахъ, и нѣсколько сторонннихъ любителей,—хоръ г. Прокофьева изъ 58 человѣкъ, и хоръ 2-го учебнаго Карабинернаго полка окончили концертъ стоя всѣмъ знакомымъ, всѣми любимымъ и вѣчно желательнымъ молитвеннымъ гимномъ: »Боже, Царя храни!« Этотъ гимнъ былъ пропѣтъ хоромъ, состоявшимъ изъ 600 пѣвчихъ, съ аккомпаниментомъ всѣхъ трехъ оркестровъ: карабинернаго, Сакса и Лебедева,—и восхищенные слушатели (числомъ болѣе 1660 человѣкъ) понесли въ своихъ сердцахъ чистое, ничѣмъ не покупаемое удовольствіе и наслажденіе. Каждый желалъ и просилъ, чтобы подобные концерты и балы, съ подобною же благотворительною цѣлію, давались какъ можно чаще и чаще.

Digitized by Google

Черезъ нѣсколько часовъ, большая часть бывшихъ на утреннемъ :онцертѣ собрались въ ту же залу вечеромъ,—и нашли новое удовольствіе, новое веселье и разнообразныя пріятности.... Началу бала, въ 1-ть часовъ, предшествовала искусственная *Вечерняя заря*, при пособіи бенгальскаго огня, и вся большая зала, минуты въ двѣ, освѣтилась огненнымъ краснымъ свѣтомъ, такъ превосходно отразившимся въ зеркалахъ залы и на бѣломраморныхъ колоннахъ ея и плафонѣ. Эффектъ былъ необыкновенный: струи или клубы краснаго, летучаго огня пробрались изъ залы на хоры, и тамъ разлили свѣтъ, нами невиданный. Огненный, искусственный фонтанъ, аршинъ на пять, какъ петергофскій »Самсонъ,« достигалъ своимъ голубымъ пучкомъ до »хоръ« и эффектировалъ (*извините за новое, едва ли переводимое* выраженіе) общему эффекту. Посредствомъ особаго химическаго способа, какъ мы видѣли въ новомъ петербургскомъ балетѣ »Война женщинъ«, въ нашей московской операѣ »Панъ Твардовскій« и въ одномъ изъ декабрскихъ маскарадовъ Благороднаго Собранія,—въ нѣсколько секундъ зажглись, въ той же залѣ, 3080 стеариновыхъ свѣчъ, въ хрустальныхъ люстрахъ и подъ плафономъ на карнизѣ. Интересно было видѣть, какъ огненный клубъ пробирался по паутиннымъ нитямъ и зажигалъ свѣтильни свѣчъ. Въ то же время надъ сюрпризами, красиво драпированными, загорѣлись въ вензелѣ изъ разноцвѣтныхъ огней бриллiантовая корона и вензеловое изображеніе Ихъ Императорскихъ Величествъ, Августѣйшихъ покровителей дѣтскихъ пріютовъ.

Послѣ этого начался балъ; на немъ играли тѣ же три оркестра музыкантовъ, что были и въ утреннемъ концертѣ; четыре вальса, четыре кадрили, три польки, два галопа и одна полька-мазурка увлекали любителей танцевъ—подвизаться на блестящемъ паркетѣ залы. Между танцовальными пьесами заливался хоръ недавно возвратившихся изъ Петербурга цыганъ, такъ крѣпко пріютившійся въ Москвѣ—въ Садовой и Грузинахъ; лучшія солистки и солисты пропѣли намъ соло 14-ти извѣстныхъ русскихъ пѣсенъ: »Хожу я по улицѣ«,—»Матушка-голубушка«, — »Люди добрые внемлите«, — и проч., и четыре національныя пѣсни всѣмъ хоромъ,—всего 18-ть пѣсенъ. Около полуночи начался розыгрышъ 500 сюрпризовъ. — Въ продолженіе концерта и бала, въ боковыхъ залахъ Собранія разыгрывалось *аллегри*, для чего назначено было ровно *тысяча* сюрпризовъ—красивыхъ, изящныхъ и цѣнныхъ, стоющихъ платы дешевъ только за то, чтобы ихъ видѣть, полюбоваться ими, и многіе, весьма многіе счастливцы за 25 копѣекъ получили отъ фортуны богатыя вещи, и даже, кажется, новую роскошную деми-рояль,—

Digitized by Google

работы Симке. Нужно ли досказывать, что балъ, благодаря умѣнью и вкусу его распорядителей, былъ и веселъ, и пріятенъ, и разнообразенъ роскошною обстановкою въ недавно обновленныхъ залахъ Благороднаго Собранія, съ натуральнымъ фонтаномъ живой воды въ монументной залѣ? И можно ли пріобрѣтать такія дорогія вещи и покупать долговременные часы наслажденій и удовольствій за такую дешевую цѣну? Мы отправились домой съ бала въ 3 часа утра,—но балъ еще кипѣлъ въ полномъ разгарѣ. Число посѣтителей на балѣ было до 5000; сборъ въ пользу пріютовъ, за всѣми расходами, былъ, какъ полагаемъ, не менѣе 10,000 рублей серебромъ.

Очень жалѣемъ о тѣхъ, коимъ, по какимъ-либо причинамъ, не удалось быть ни въ концертѣ, ни на балѣ 18-го января: они лишились самаго лучшаго наслажденія.—жж. ддж.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Балы блондиновъ и брюнетокъ, и балы блондинокъ и брюнетовъ.—Балы драматическіе.—Дѣвица Клаусъ.—Переселенцы.

Что̀ новаго теперь въ Парижѣ?—балы. Что̀ любопытнаго?—балы. Что̀ замѣчательнаго?—балы.

Но балы не новость; на балахъ все замѣчательное такъ обыкновенно, что перестаетъ быть замѣчательнымъ; балы всегда предвидѣны, никогда не бываютъ неожиданны—и, слѣдовательно, не любопытны.

Извините. Это, можетъ быть, такъ вездѣ, но не въ Парижѣ. Парижане *избалованы*, и для каждаго бала придумываютъ что-нибудь новое, любопытное, замѣчательное. Напримѣръ, одна иностранка, давнишняя жительница Парижа, не имѣя достаточнаго помѣщенія, чтобы созвать къ себѣ на балъ весь огромный кругъ своего знакомства, придумала раздѣлить посѣтителей своихъ на два разряда, не по знатности рода, не по важности ихъ въ политическомъ мірѣ, не по положенію въ аристократіи финансовъ, не по значенію въ республикѣ ума и искусствъ,—а по цвѣту волосъ! На одинъ балъ приглашаетъ она кавалеровъ бѣлокурыхъ и дамъ брюнетокъ, на другой—блондинокъ и брюнетовъ. Парикмахеръ этой дамы занимаетъ при ней должность секретаря, и съ гребнемъ въ кудряхъ сортируетъ приглашенія!...

Принцесса Матильда открыла занимаемый ею домъ при улицѣ Курсель, давнее жилище герцога Сотомаіоръ, небольшимъ баломъ, на который было приглашено не болѣе двухъ-сотъ особъ. Императоръ пробылъ тамъ съ десяти часовъ гораздо за полночь, былъ очень веселъ, разговаривалъ со всѣми, танцовалъ со всѣми, въ полной свободѣ семейнаго праздника. За нимъ не ходилъ даже офицеръ, который, по законамъ этикета, повсюду слѣдуетъ за Императоромъ въ десяти шагахъ, не отступая отъ него, какъ вторая тѣнь.

У графа и графини Кастелано начались въ прошломъ мѣсяцѣ прежніе драматическіе вечера. На эти праздники съѣзжается смѣшанное общество, дипломатическое, финансовое и литературное, и надъ букетомъ королевскихъ лилій, которыя составляютъ герцогини Сенъ-жерменскаго предмѣстья, кружатся пчелы императорской весны.

Digitized by Google

Вотъ имена посѣтителей одного изъ послѣднихъ баловъ. Слушайте докладъ:

Князь Меттерних.—Входитъ не Несторъ европейской современной политики, а щеголеватый секретарь посольства. *Г. де-Лагрене*—невольно вспомнишь о Китаѣ, у котораго такіе странные представители по каминамъ модныхъ гостинныхъ. *Г. Герцъ*—и мысль летитъ въ Калифорнію, гдѣ онъ ввелъ первыя фортепьяно. *Князь Московскій* (prince da la Moskowa)—и эхо памяти повторяетъ вамъ имя князя Кутузова-Смоленскаго и переправу чрезъ Березину. *Принцъ Мюратъ*—и воображеніе ваше понесется по ступенямъ падшаго трона: Абукиръ, Маренго, Сарагосса, Ваграмъ—и приведетъ васъ къ экзекуціи двухъ героевъ, потомки которыхъ пріѣхали на балъ одинъ вслѣдъ за другимъ. *Г. Шатобріанъ*—г. Марселлю (Marsellus)—отдается въ ушахъ вашихъ. *Г. Марселлю*—и вамъ слышится Шатобріанъ. *Маркизъ и маркиза де Буасси*—и предъ вами встаетъ изъ могилы лордъ Байронъ. *Г. Эмиль-Ожье*—и вы вспомните, какъ подъ его стихъ, *стихъ* восторгъ рукоплескателей театра Gymnase (on annonce M-r Emile Augier, et on songe que ses *vers* vont ranger les recettes du Gymnase). *Г. Джемсъ Ротшильдъ*—и вамъ покажется, что вы нищій, если у васъ *только* сто тысячъ дохода; другіе подумаютъ, qu'il serait bon d'avoir fen son carême pour le carême qui approche. *Герцогъ Брауншвейгскій*—и предъ вами заблестятъ всѣ бриллианты Эльдорадо.

Имена: *Граммонъ*, *Понтальба*, *Агвадо*, *Мортемаръ*, *Монларъ*, *и проч. и проч.* прогремятъ поочередно передъ вами, и вы увидите генераловъ новой эпохи, друзей Императора, приверженцевъ королей, дипломатовъ, академиковъ, живописцевъ, литераторовъ, красоту, суетность, политику, музыку и всѣ крайности общества, поставленныя рядомъ подъ уровнемъ пригласительнаго билета. Но что это такое драматическій балъ?—балъ какъ и другіе; на всѣхъ балахъ, какъ и во всѣхъ другихъ проявленіяхъ общественной жизни, есть драма;—особенность драматическаго вечера въ домѣ *графа Кастеллано* состояла въ томъ, что драма, завязка, интрига, патетическія сцены, и проч., разыгрывались тамъ не въ уголку гостинной, не въ втайнѣ, не подъ звуки музыки, не за кулисами приличій,—а завѣдомо всѣмъ и каждому, вслухъ, на подмосткахъ. Спектаклемъ распоряжала милая и умная артистка *Августа Броганъ*. Сначала сцена изъ *Ecole des Femmes*, потомъ первая сцена изъ *Mademoiselle de Belle-Isle*. Герцогъ Ришелье, бывшій въ числѣ зрителей, остался очень доволенъ исполненіемъ артиста, представлявшаго его предка.

Digitized by Google

Занавѣсъ опускается. Слѣдуетъ шарада: *Galathée, Gall-Athé.* Галль, какъ всѣмъ извѣстно, извѣстный френологъ. Актеръ (одинъ изъ посѣтителей) прекрасно разыгралъ сцену, въ которой онъ, по *живымъ* головамъ разгадываетъ дурныя наклонности тѣхъ, кому эти головы принадлежатъ. *Athé* выразила послѣдняя сцена Донъ-Жуана, съ мраморнымъ командоромъ. *Галатея*, прелестная г-жа *Theric*, такъ была хороша на пьедесталѣ, что публика съ восторгомъ любовалась ею, сердилась на эгоиста Пигмальона, который поторопился одушевить ее, и удивлялась послѣ, какъ умѣла она придать неподвижность мрамора рѣзвому выраженію своей физіономіи и затаить подъ каменной оболочкой чувство, которое сквозитъ во всѣхъ чертахъ ея.

Первая пьянистка въ Европѣ, дѣвица Клаусъ, давала въ Парижѣ свой послѣдній концертъ. Она будетъ въ Петербургѣ.

Стремленіе къ переселенію съ каждымъ днемъ усиливается въ современныхъ обществахъ; неодолимая сила влечетъ многихъ въ западную, южную Америку, какъ и въ золотоносные страны Австраліи и Калифорніи. Прежде отправлялись только по нѣсколько тысячъ колонистовъ искать въ новой землѣ труда, благосостоянія, которыя не надѣялись они больше найдти въ Европѣ; теперь же полмилліона людей ежегодно оставляютъ Германію, Померанію, Турингію, Мекленбургъ, герцогства Баденское, Гессенское, Швейцарію, Скандинавію, Англію, Ирландію; въ особенности поселяются въ Соединенныхъ Штатахъ, Канадѣ, Бразиліи, Океаніи, наконецъ по всѣмъ отдаленнымъ странамъ, отдѣленнымъ отъ насъ двумя океанами. Движеніе переселенія направляетъ всегда къ тремъ пунктамъ, откуда эмигранты разсыпаются по всему земному шару: Ливерпуль, ганзеатическія гавани (Бременъ и Гамбургъ), Гавръ; первый—самый важный; къ нему одному отправляется половина: въ немъ сосредоточены почти всѣ пароходныя сообщенія съ восточной и западной Индіей; желѣзная дорога соединяетъ его съ британской метрополіей. Около 1833 года оттуда выѣхало не больше 10,888 эмигрантовъ; въ 1840 число ихъ не превышало 40,354, въ 1846 г.—71,517. Эти цифры извлечены изъ Annales du commerce exterieur; выпишемъ ихъ и за слѣдующіе годы.

Въ 1847 — — — — — 134,521.
— 1848 — — — — — 131,520.
— 1849 — — — — — 153,902.
— 1850 — — — — — 174,187.
— 1851 — — — — — 206,015.
— 1852 — — — — — 229,099.

Digitized by Google

Общее число переселенцевъ, выѣхавшихъ въ 1852 году, со всѣхъ портовъ Британскаго царства (покрайней мѣрѣ число оффиціально извѣстное) 350,467; изъ Ливерпуля отправилось ихъ ⅔. Дешевизна, удобства путешествія, быстрота переправъ на ливерпульскихъ пакетботахъ, заставляютъ многихъ эмигрантовъ сѣверной Германіи, минуя дорогу на Бременъ, Гамбургъ, Любекъ, отправляться къ его портамъ, чтобы ѣхать потомъ изъ Ливерпуля, или еще Бристоля, Лондона, Сутгемптона. Однакоже и у Бременской гавани толпится ежегодно много эмигрантовъ: въ прошломъ году флотъ его отправилъ 37,493.—Бременскій сенатъ сдѣлалъ въ уставѣ о морскихъ транспортахъ самыя благоразумныя преобразованія; гражданство этаго ганзейскаго города приняло самыя умныя мѣры, чтобы только привлекать къ своему порту сѣверныхъ переселенцевъ. И въ самомъ дѣлѣ, нѣмецкій колонистъ, оставившій свою хижину, найдетъ здѣсь съ своимъ убогимъ имуществомъ, женою, тремя-четырьмя дѣтьми, за самую умѣренную цѣну, ночлегъ, пропитаніе, орудія, машины, капеллу, чтобы помолиться, театръ — для развлеченія, въ особенности же руководителя, бдительнаго и свѣдущаго, который встрѣтитъ его при пріѣздѣ, проводитъ при переправѣ, бережетъ его на чужой сторонѣ, вводитъ въ сношенія съ нѣмецкими комитетами, какіе только есть тамъ, и проч. Гавръ выиграетъ, послѣдуя этому же примѣру. Вотъ распредѣленіе движенія переселенцевъ въ 1852: въ Соединенные Штаты 187,962; другія части сѣверной Америки 4,364; южную Америку, 420; Австралію и землю Ванъ-Дименову—36,352 (въ 1850 году ихъ было только 16,037); въ Африку 91. — Всѣхъ транспортныхъ кораблей было 925, почти 248 пассажировъ на каждый. Извѣстно, какое развитіе получило пароходное мореплаваніе Ливерпульскаго порта. Переселеніе, содѣйствуя успѣхамъ цивилизаціи, составляетъ важнѣйшій источникъ развитія морской торговли; Бременъ, въ 10 лѣтъ, отправилъ отъ 159 до 219 кораблей, съ транспортомъ отъ 201,000 до 475,000 тоннъ. Укажемъ на городъ, который такъ недавно занимается отправкой эмигрантовъ, Сутгемптонъ: благодаря его пакетботамъ, торговля съ 1850 по 1852 возвысилась отъ 265,000 до 381,000 тоннъ. Что же до Гавра, онъ не пострадалъ отъ дѣятельнаго соперничества ганзейскихъ портовъ,—въ 1851 г. отсюда отправилось 44,189, въ 1852 число ихъ было въ два раза больше. Окончаніе Страсбургской дороги принесетъ не мало пользы: эмигранты, отправляющіеся на гаврскихъ корабляхъ, пріѣзжаютъ изъ Швейцаріи, Баваріи, рейнскаго бассейна, въ особенности съ южной Германіи.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОПИСАНІЕ КАРТИННОЙ ГАЛЛЕРЕИ ТАЙНАГО СОВѢТНИКА ѲЕДОРА ИВАНОВИЧА ПРЯНИШНИКОВА.

Картинная галлерея тайнаго совѣтника Ѳедора Ивановича Пряншникова въ особенности замѣчательна тѣмъ, что она посвящена исключительно русской школѣ. Составленная съ большимъ вкусомъ и выборомъ, она заключаетъ въ себѣ многіе прекрасные образцы талантовъ нашихъ отечественныхъ живописцевъ, богата полнотою и разнообразіемъ сюжетовъ и изобилуетъ отличными произведеніями кисти первостепенныхъ мастеровъ. Любителю она даетъ полное понятіе о достоинствѣ и успѣхахъ живописи въ нашемъ отечествѣ; художнику представляетъ многіе изящные предметы для изученія.

1. *Профессора И. К. Айвазовскаго.* Видъ моря, ночью, при лунномъ свѣтѣ, у береговъ Крыма, съ утесистыми скалами, возвышающимися надъ водою. Вдали на горѣ видиѣется монастырь св Георгія, гдѣ погребенъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ. Съ другой стороны показывается плывущій корабль. Отраженіе луннаго свѣта въ золотистыхъ отблескахъ по зыблющимся волнамъ выполнено превосходно; туманистая даль прекрасно гармонируетъ съ общимъ тономъ картины и придаетъ ей большой эффектъ.

2. *Его же.* Открытое море, въ тишинѣ и также при лунномъ свѣтѣ. По срединѣ плыветъ длинная гондола, управляемая стоящимъ на ней гребцомъ; вдали, сквозь легкій туманъ, мелькаютъ зданія Венеціи. Свѣтъ луны разливается широко по морю; блескъ и прозрачность воды переданы въ совершенствѣ, и вся картина имѣетъ серебристый тонъ, въ противоположность первой, которая написана въ тонѣ золотистомъ.

3. *Его же.* Волнующееся море, ночью, при свѣтѣ луны. Прекрасная картинка, гдѣ и въ маломъ объемѣ талантливый живописецъ передалъ весьма искуснымъ образомъ игру луннаго свѣта въ облакахъ и въ водѣ.

Digitized by Google

4. *Профессора Акимова.* Сатурнъ съ косою, сидящій на камнѣ и обрѣзывающій амуру крылья. Сѣдовласая голова Сатурна и исполненное жалобнаго выраженія лицо амура, удачно изображены живописцемъ, который принадлежалъ къ числу извѣстныхъ нашихъ художниковъ прошедшаго столѣтія.

5 и 6. *Алексѣева.* Два вида Московскаго Кремля: одинъ съ Каменнаго моста, съ котораго видѣнъ весь Кремль; въ другомъ изображена церковь Спаса-за золотою рѣшоткою съ теремами и другими зданіями. Въ обѣихъ картинахъ видно искусство русскаго Каналетти, но изъ нихъ болѣе замѣчательна первая, представляющая общій видъ Кремля до 1812 года.

7. *Его же.* Видъ площади и зданія, называемаго Цвингеръ, въ Дрезденѣ. Здѣсь съ особеннымъ мастерствомъ и окончательностію художникъ выполнилъ переходы свѣта, тѣни, и перспективное дѣленіе.

8. *Дѣвицы Бальтусъ.* Милая картина, представляющая молодую красивую дѣвицу въ богатомъ русскомъ нарядѣ. Лицо ея исполнено умиленія и граціозности.

9. *Профессора П. В. Басина.* Небольшая картина, изображающая отдыхъ Святаго Семейства. Въ пейзажѣ, напоминающемъ знойную природу Востока, Предвѣчный Младенецъ припалъ на колѣно и держитъ за руку сидящую подлѣ Него Богоматерь; ангелъ срываетъ съ дерева плоды и передаетъ ихъ св. Іоанну Крестителю. Привлекательная картина и по сюжету и по исполненію.

10. *Его же.* Маленькій пейзажъ, плѣнительный своею простотою. На скатѣ пѣсчанистаго холма проростаетъ лѣсокъ, съ другой стороны пестрѣютъ дернъ и камни; вдали возвышаются горы. Разнообразные переливы тоновъ, легкость облаковъ и игра свѣта и тѣни выполнены со всею отчетливостію.

11. *Его же.* Академическій чердакъ. Прачки въ крестьянской одеждѣ развѣшиваютъ бѣлье; присутствующій при ихъ работѣ сторожъ сидитъ и дремлетъ. Предметъ простой, переданный мастерски и пріятно.

12. *Боровиковскаго.* Грудной портретъ митрополита Михаила, въ митрѣ и архіерейской мантіи. Прижатая къ груди рука его исполнена съ величайшимъ искусствомъ, и портретъ вообще вѣренъ необыкновенно, дышетъ жизнію, и самой тщательной отдѣлки.

13. *Его же.* Миніатюрный поясной портретъ, въ овалѣ, Лабзина, бывшаго вице-президентомъ Академіи Художествъ. Написанъ со всею мягкостію и нѣжностію кисти, которыя составляютъ отли-

Digitized by Google

чительное качество живописи Боровиковскаго, особенно въ картинахъ малаго размѣра.

14. *Его же.* Поясной, въ маломъ видѣ, портретъ священника, отличающійся также большою вѣрностію въ тонахъ.

15. *Его же.* Богъ-Саваоѳъ, созерцающій Спасителя по страдальческой Его кончинѣ. Эскизъ замѣчательный по композиціи и по художественному исполненію. Лучезарный свѣтъ, исходящій отъ Бога-Отца, объемлетъ все воздушное пространство и освѣщаетъ почившаго смертнымъ сномъ Іисуса. Ангелы парятъ въ высотѣ. Художникъ и въ маломъ размѣрѣ картины умѣлъ изобразить этотъ священный предметъ со всѣмъ свойственнымъ ему величіемъ.

16. *Его же.* Копія съ извѣстной картины Корреджіо, въ Императорскомъ Эрмитажѣ, изображающей Богоматерь съ Предвѣчнымъ младенцемъ и Іоанна Крестителя. Копія эта даетъ полную идею о граціозности и прелести оригинала.

17. *Профессора Ѳ. А. Бруни.* Въ забвеніи легкой дремоты, Богоматерь склонила голову; глаза ея сомкнуты, а рука объемлетъ стоящаго на Ея колѣнахъ Іисуса, который обращаетъ взоръ въ сторону и бодрствуетъ, какъ бы охраняя сонъ Ея. Въ этомъ изображеніи художникъ превосходно сочеталъ и выразилъ двѣ мысли — божества и человѣчества. Тонъ картины свѣтлый и воздушный; спускающееся съ головы Богоматери бѣлое покрывало и голубая драпировка отличаются особенностію, легкостію и изяществомъ складокъ.

18. *Его же.* Овальный грудной портретъ малолѣтняго сына г. Бруни. Платье на немъ голубаго цвѣта; волосы вьются кудрями по головѣ; глаза и выраженіе лица дитяти прекрасны.

19. *Профессора К. П. Брюллова.* Картонъ, написанный имъ въ 1846-мъ году для транспарантной картины, изображающей Спасителя во гробѣ и принадлежащей графу Николаю Владимировичу Адлербергу.

Почившій Іисусъ лежитъ, покрытый бѣлою пеленою, съ сложенными на груди руками. Печать смерти изображена на блѣдномъ Его ликѣ; предъ Нимъ предстоитъ ангелъ съ преклоненною головою, въ благоговѣйномъ моленіи; терновый вѣнецъ, какъ знаменіе претерпѣнныхъ Спасителемъ страданій, лежитъ у гроба. Таинственный небесный свѣтъ озаряетъ пещеру.

Сказавъ о религіозной идеѣ, которою проникнуто это замѣчательное произведеніе нашего знаменитаго живописца, нельзя не упомянуть и объ искусствѣ, съ какимъ выполнены картонъ, и написанная съ него картина. Въ ней только два аршина ширины, но Іисусъ изображенъ лежащимъ во весь ростъ, и это сокращеніе фигуры

Digitized by Google

произведено мастерскимъ выполненіемъ рисунка свѣта и тѣни на всей фигурѣ и складкахъ покрывала, которымъ облечено тѣло Спасителя. Картонъ нарисованъ чернымъ карандашемъ.

Это твореніе принадлежитъ къ рѣдкимъ по искусству произведеніямъ. Оно одно, если бы Брюлловъ менѣе былъ извѣстенъ, составило бы славу великаго художника-мыслителя.

20. *Его же.* Голова Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ. Отягченный страданіями, Іисусъ обращаетъ слезящіе глаза къ Небу. Скорбь, кротость и терпѣніе выражаются на Божественномъ Его ликѣ.

Это вполнѣ мастерское и исполненное вдохновенія произведеніе принадлежитъ къ послѣднимъ трудамъ К. П. Брюллова, предъ отъѣздомъ его въ 1849-мъ году въ чужіе краи, гдѣ онъ кончилъ жизнь свою. Написано на картонѣ масляными красками.

21. *Его же.* Нашествіе Гензерика на Римъ. Великолѣпный оконченный эскизъ, по которому К. П. Брюлловъ намѣревался написать большую историческую картину. По возвращеніи изъ Италіи, онъ написалъ этотъ эскизъ въ Москвѣ для Алексѣя Алексѣевича Перовскаго, извѣстнаго въ русской литературѣ, но скрывшаго настоящее имя свое подъ псевдонимомъ; послѣ кончины его этотъ эскизъ перешелъ къ его брату его высокопревосходительству Василію Алексѣевичу Перовскому, а имъ подаренъ хозяину галлереи.

Въ этомъ произведеніи видѣнъ творецъ Помпеи. Вторгнувшійся въ Римъ побѣдитель распространяетъ повсюду ужасъ и опустошеніе. Устрашенные жители спѣшатъ укрыться отъ преслѣдованія воиновъ Гензерика. Покушенія враговъ устремляются и на святыню. Папа во всемъ облаченіи, сопровождаемый духовенствомъ, стоитъ въ дверяхъ храма и ограждаетъ его.

Мастерское расположеніе группъ, въ которомъ Брюлловъ такъ изяществовалъ, сила выраженія, красота колорита и бойкость кисти, ставятъ эту картину въ числѣ замѣчательнѣйшихъ его произведеній.

22. *Его же.* Портретъ главноначальствовавшаго надъ Почтовымъ Департаментомъ князя Александра Николаевича Голицына, написанный въ 1840 году. Князь изображенъ во весь ростъ, сидящимъ на креслахъ въ своемъ кабинетѣ; подлѣ него письменный его столъ, съ большими столовыми часами, на которыхъ стоитъ бюстъ Императора Александра; вдали видна открытая дверь, ведущая въ другія комнаты. Одежда на князѣ та, которую онъ всего чаще любилъ носить —сѣрый фракъ. Лицо его живое, мыслящее, взглядъ вызывающій на разговоръ съ нимъ. Смотря на этотъ портретъ, забываешься, что видишь передъ собою картину. Отдѣлка лица, рукъ, всей фигуры и околичностей, представляетъ совершенную натуру. Худож-

Digitized by Google

никъ показалъ въ этомъ изображеніи весь необыкновенный талантъ свой въ портретной живописи.

23. *Его же.* Портретъ знаменитаго баснописца Ивана Андреевича Крылова. Написанъ эскизно, быстро. Это отличный подмалевокъ, въ которомъ нельзя жалѣть, что онъ не получилъ во всѣхъ частяхъ полной выработки. Сходство вѣрно, поразительно. Здѣсь видѣнъ живой Крыловъ, со всею грузностію его тѣла, со всею тонкостію его ума и съ его спокойнымъ и добродушнымъ лицомъ. Обмысливъ свой сюжетъ, онъ, кажется, готовъ проговорить вамъ одну изъ прекрасныхъ своихъ басенъ.

24. *Его же.* Поясной портретъ К. П. Брюллова.

Поэтъ-художникъ, освободясь отъ тяжкой болѣзни и слабый еще въ силахъ, въ минуту вдохновенія, изобразилъ себя въ этомъ портретѣ. Съ блѣднымъ, похудѣлымъ лицомъ, которое во время болѣзненнаго недуга обросло бородою, сидитъ Брюлловъ въ большихъ креслахъ, на коихъ покоится уставшая отъ работы рука его. Въ этотъ моментъ она совершила великій подвигъ; бойкимъ, размашистымъ почеркомъ кисти, она влила жизнь, душу и мысль въ начертанный ею портретъ живописца, и обработавъ съ удивительнымъ искусствомъ его голову и руку, остановилась на этомъ, наметавъ слегка все прочее. Здѣсь особенно замѣчательна прозрачность тѣлеснаго покрова, которая, утонясь отъ болѣзни, придала болѣе идеальнаго выраженія лицу. Портретъ этотъ, поразительный сходствомъ, изумительный быстротою исполненія, и особенно выполненіемъ свѣта и тѣни, можетъ стать на ряду съ геніальными произведеніями величайшихъ мастеровъ.

25. *Его же.* Овальный грудной портретъ хозяина галлереи, написанный въ 1849 году. Ѳедоръ Ивановичъ Прянишниковъ изображенъ во фракѣ, бѣломъ жилетѣ и черномъ атласномъ галстукѣ; въ этомъ портретѣ, какъ и во всѣхъ произведеніяхъ Брюллова, чрезвычайно много жизни и рельефности.

26. *Его же.* Константинопольскій рынокъ. Картину эту хотя и нельзя отнести къ собственнымъ произведеніемъ Брюллова, но она причисляется къ нимъ потому, что писана съ акварельнаго его рисунка, подъ его надзоромъ, и пройдена его кистью. Это усугубляетъ интересъ картины, которая при занимательности сюжета исполнена жизни и движенія.

27. *Бурдина.* Внутренній переспективный видъ малой придворной церкви въ зимнемъ дворцѣ, при дневномъ свѣтѣ. Картина небольшая, но весьма привлекательная, по старательному выполненію тоновъ и освѣщенію.

Digitized by Google

28. *Профессора А. Г. Варнека.* Голова молодаго плѣннаго Турка, въ зеленой чалмѣ и восточномъ уборѣ. Голова прекрасная въ чертахъ и исполненная какой-то задумчивости, приличной юношѣ, лишенному свободы.

29. *Его же.* Грудное изображеніе мальчика, держащаго на рукахъ болонскую собачку. Лицо его мило, выразительно, волосы небрежно раскинуты, и во всемъ видно вѣрное подраженіе натурѣ. Эта картина отличается свѣжестію колорита и жизнію.

30. *Его же.* Поясной портретъ молодаго человѣка съ скрипкою въ рукахъ; выраженіе улыбающагося лица его прекрасно.

31. *Академика А. Г. Венеціанова.* Больная молодая крестьянка въ постели, готовится къ причащенію Св. Таинъ; сельскій священникъ въ ризѣ стоитъ передъ нею съ Св. Дарами; одна изъ присутствующихъ ее поддерживаетъ; нѣсколько поселянъ и поселянокъ окружаютъ кровать больной; престарѣлая мать на колѣняхъ молится съ теплою вѣрою. Эта картина служитъ превосходнымъ образцомъ таланта Венеціанова въ изображеніи сценъ русской народности.

32. *Его же.* Овальная картина, изображающая старую крестьянку, опершуюся на клюку, въ балахонѣ и съ бѣлымъ платкомъ на головѣ. Мастерское произведеніе, въ которомъ особенно обращаетъ на себя вниманіе искусная отдѣлка выразительнаго лица старухи.

33. *А. Л. Витберга.* Изведеніе Апостола Петра изъ темницы ангеломъ. Произведенія кисти г. Витберга весьма рѣдки и потому мало извѣстны. Эффектъ освѣщенія хорошо выполненъ. Картина писана въ 1806 году.

34. *Волкова.* Маленькая картина, изображающая Венеру, выходящую изъ воды и окруженную прислуживающими ей нимфами. Замѣчательна силою тоновъ и искуснымъ размѣщеніемъ фигуръ.

35. *Волоскова.* Видъ Выборга съ моря, ночью, при лунномъ свѣтѣ.

36. *Профессора М. Н. Воробьева.* Осенняя ночь въ Петербургѣ, при свѣтѣ луны.

Видъ взятъ съ набережной у Академіи Художествъ; Исакіевскій мостъ, зимній дворецъ и Адмиралтейство мелькаютъ сквозь сумракъ; но не смотря на эту темноту, въ картинѣ все прозрачно и всѣ предметы отдѣляются.

37. *Его же.* Свѣтлая лѣтняя ночь въ Петербургѣ. Здѣсь профессоромъ Воробьевымъ разрѣшена трудная задача изобразить ту ночь, которая имѣетъ столько прелести для петербургскихъ жителей, когда природа озаряется не дневнымъ, и не отъ луннаго сіянія, а какимъ-то особеннымъ дивнымъ свѣтомъ, который разлитъ по всему небу и воздуху. Видъ взятъ съ Троицкаго моста, ближе къ

Digitized by Google

Петропавловской крѣпости. Нева почти недвижна какъ зеркало, по ней скользятъ мѣстами суда и лодки; съ одной стороны обрамливаетъ ее дворцовая набережная, съ пышными своими зданіями, съ другой берегъ Васильевскаго острова. Прозрачность воды и воздуха переданы превосходно; линейная и воздушная перспектива соблюдены съ полною отчетливостію; однимъ словомъ, вся прелесть природы искусствомъ переведена въ картину.

38. *Его же.* Повтореніе извѣстной картины его, находящейся во дворцѣ и изображающей видъ Мертваго моря. Знойный и туманный воздухъ разливается по всему пространству; солнце едва проникаетъ сквозь пары, которые носятся надъ моремъ, и облекаетъ ихъ теплымъ свѣтомъ. Бездвижность воды и тихость воздуха отвѣчаютъ оцѣпенѣлости природы. На голомъ берегу расположена группа людей, приготовляющихъ, у разведеннаго огня, пищу; съ другой — у изсохшихъ деревъ подъ наметомъ изображенъ Дмитрій Васильевичъ Дашковъ и самъ художникъ, ему сопутствовавшій; вблизи отъ нихъ сидятъ нѣсколько Турковъ.

39 и 40. *Академика С. М. Воробьева.* Двѣ написанныя имъ въ 1849 году картины. Въ одной представленъ видъ древняго замка на берегу моря, въ Италіи; въ другой терраса въ Позилиппо, съ вьющимися надъ нею виноградными лозами. Освѣщеніе ея, сквозь густоту зелени, выполнено весьма удачно. Обѣ картины отличаются тщательною выработкою, отчетливою рисовкою и вѣрностію тоновъ.

41. *Горецкаго.* Большая картина. Престарѣлый католическій священникъ, сидящій на креслахъ, исповѣдуетъ молодую дѣвушку. Характеръ головы слушающаго старца и робкое лицо юной кающейся мастерски выражены, а живопись сильна, вѣрна и выказываетъ школу, которой художникъ принадлежитъ: онъ ученикъ Брюллова.

42. *Дѣвицы Дубовицкой.* Большой водопадъ, падающій съ крутизны въ рѣку, усѣянную порогами. Гора и противный берегъ покрыты лѣсомъ и кустарникомъ. Пѣна и брызги отъ стремительнаго паденія воды удачно переданы.

43. *Профессора А. Е. Егорова.* Богоматерь въ облакахъ съ стоящимъ возлѣ нея Предвѣчнымъ Младенцемъ съ благословляющею рукою. По сторонамъ ихъ херувимы. Картина написана въ прекрасномъ стилѣ и колоритъ ея привлекателенъ.

44. *Его же.* Оконченный эскизъ въ маломъ видѣ, написанной имъ для Казанскаго собора иконы сошествія Святаго Духа на Апостоловъ. Здѣсь въ маломъ размѣрѣ картины, ученый художникъ выказалъ большой талантъ въ искусствѣ рисовки, группировки и выраженія.

Digitized by Google

45. *Его же.* Оконченный эскизъ, изображающій положеніе Іисуса во гробъ. Три ангела, держащіе крестъ, какъ эмблему страданія, парятъ въ воздухѣ. Скорбящая Богоматерь лишается силъ отъ горести. Строгій, изящный рисунокъ тѣла и головы Іисуса и искусная постановка всѣхъ фигуръ въ разнообразныхъ движеніяхъ и позахъ, различіе характера лицъ, красота Магдалины и ангеловъ — дѣлаютъ это произведеніе необыкновенно замѣчательнымъ.

46. *Профессора А. И. Заурервейда.* Военная сцена. Небольшая, тщательно выработанная картина извѣстнаго нашего баталическаго живописца.

47. *К. А. Зеленцова.* Поясное изображеніе мальчика съ кулькомъ за плечами и съ кувшиномъ молока въ рукахъ. Живая прекрасная головка, съ искусствомъ написанная.

48. *Его же.* Молодой русскій крестьянинъ въ бѣлой рубашкѣ, сидящій въ избѣ и надѣвающій лапти. Пріятная картина.

49. *Его же.* Акварель, представляющая станціонный домъ зимою. Много правды.

50. *Его же.* Пожилой крестьянинъ въ синей рубашкѣ, держащій въ рукѣ ломоть чернаго хлѣба съ солью; правую руку онъ поднимаетъ, чтобы, по благочестивому русскому обычаю, помолиться передъ принятіемъ пищи. Голова его служитъ чистымъ выраженіемъ русскаго народнаго типа.

51 и 52. *Иванова.* Два пейзажа, изображающіе дикую крымскую природу. Принадлежатъ къ весьма удачнымъ опытамъ развивавшагося таланта живописца, въ цвѣтѣ лѣтъ умершаго.

53. *Капкова.* Голова молодой женщины, въ овалѣ, нарисованная въ профиль. Пригожая черноволосая женщина, въ траурной одеждѣ, сидитъ, склонивъ голову, въ грустномъ размышленіи; изъ глазъ ея катятся слезы; черный вуаль небрежно спускается съ волосъ на полуоткрытые плечи. Эта картина дѣйствуетъ на чувства зрителя.

54. *Профессора Кипренскаго.* «Читатели газеты». Здѣсь на небольшомъ пространствѣ помѣщены четыре человѣка въ натуральную величину, по поясъ. Одинъ въ халатѣ, подложенномъ мѣхомъ, держа на рукѣ маленькую собачку, читаетъ газету. Прочіе трое, также въ халатахъ, обстали его и слушаютъ съ вниманіемъ. Мастерское размѣщеніе фигуръ, отдѣлка и выраженіе лицъ, ставятъ эту картину на ряду съ отличнѣйшими произведеніями Кипренскаго въ портретной живописи.

55. *Его же.* Тибуртинская Сивилла, въ глубокой думѣ держащая свитокъ. Свѣтъ висящей лампады отражается съ большимъ эфектомъ на лицѣ ея.

Digitized by Google

56. *Его же.* Пейзажъ весьма простой въ своемъ составѣ, но исполненный прелести. Лѣсъ и идущій по полю путникъ съ собакою, составляютъ сюжетъ картины; день склоняется къ вечеру; на небѣ скопляются тучи; гонимыя вѣтромъ облака красиво обрисовываются на горизонтѣ. Легкая и свободная кисть живописца выказала здѣсь талантъ Кипренскаго и въ пейзажной живописи; опытъ его въ этомъ родѣ принадлежитъ къ числу весьма немногихъ.

57. *Его же.* Грудной портретъ пожилаго мужчины во фракѣ. Хотя и не изъ лучшихъ произведеній Кипренскаго, но въ портретной живописи всѣ его труды замѣчательны.

58. *Кукевича.* Солдаты, разводящіе зимою огонь въ лѣсу.

59. *Лебедева.* Пейзажъ, представляющій окрестности Альбано, близъ Рима; замѣчательный по особой манерѣ, съ какою Лебедевъ густо набрасывалъ на полотно краски и гармонировалъ ихъ между собою. Часть картины занята лѣсомъ; верхи деревъ образуютъ сводъ, который простирается въ глубину и представляетъ длинную аллею, живописно освѣщаемую лучами солнца. Другая сторона картины открываетъ видъ вдаль, гдѣ безподобно рисуются горы и зданія. Лебедевъ, конечно, былъ бы однимъ изъ превосходнѣйшихъ пейзажистовъ; но къ сожалѣнію, смерть постигла его въ началѣ блестящаго художественнаго его поприща.

60. *Совѣтника Академіи Левитскаго.* Поясной портретъ престарѣлаго священника, въ рясѣ, который по всей справедливости, можетъ почесться лучшимъ произведеніемъ Левитскаго въ портретной живописи. Написанъ широкою мастерскою кистію, силенъ колоритомъ и исполненъ одушевленія; рельефность головы представлена въ совершенствѣ.

61. *Его же.* Большой поколѣнный портретъ купца Сезамова, сдѣлавшаго значительныя пожертвованія въ пользу московскаго воспитательнаго дома. Сезамовъ изображенъ въ шелковомъ кафтанѣ на мѣху, опоясанномъ кушакомъ; въ рукѣ держитъ свертокъ бумагъ съ планомъ воспитательнаго дома. Портретъ замѣчательный какъ по труду живописца, такъ и по лицу, имъ представляемому. Онъ написанъ въ 1770 году.

62. *Его же.* Поясной портретъ Императора Павла Петровича, въ дѣтскомъ возрастѣ, въ костюмѣ и прическѣ того времени. Отличается мягкостію и нѣжностію кисти въ отдѣлкѣ лица, въ которомъ много живости и выразительности въ глазахъ.

63. *Его же.* Поясной портретъ Н. И. Новикова, оказавшаго важныя услуги русской литературѣ изданіемъ многихъ полезныхъ

Digitized by Google

сочиненій въ прошедшемъ столѣтіи. Въ портретахъ своихъ Левитскій не зналъ посредственности, всѣ они носятъ отпечатокъ большаго таланта. Къ мастерской выдѣлкѣ онъ присоединялъ и умѣнье давать разнообразныя и всегда свободныя и непринужденныя позы своимъ фигурамъ.

64. *Его же.* Отличная копія съ женской головки Греза, съ полуоткрытою грудью и наброшеннымъ на голову покрываломъ.

65. *Лапина, ученика Брюллова.* Молящійся старецъ въ простонародной русской одеждѣ, съ бородою и съ сложенными на груди руками, въ обыкновенную величину, въ поясъ. Написанъ вѣрно, бойко и выразительно.

66. *Профессора Лосенка.* Портретъ, въ маломъ видѣ, во весь ростъ, сидящаго въ кабинетѣ мущины, во французскомъ кафтанѣ и прическѣ прошедшаго столѣтія. Рисунокъ и выполненіе хороши, но колоритъ слабъ.

67. *Лучанинова.* Мастерская копія съ превосходной картины Мурилло, въ Императорскомъ Эрмитажѣ, изображающей отдыхъ Святаго Семейства. Лучаниновъ передалъ здѣсь съ большимъ искусствомъ красоты оригинала, и соблюлъ всю теплоту и прозрачность живописи Мурилло, также какъ и золотистый тонъ его.

68. *Его же.* Весьма хорошая копія съ картины Мурилло въ Императорскомъ же Эрмитажѣ, представляющей лѣствицу св. Іакова.

69. *Ѳ. Ѳ. Львова.* Небольшой пейзажъ, мило выполненный любителемъ-живописцемъ; въ немъ хорошо изображено дѣйствіе вѣтра, пробѣгающаго по кустамъ и раздувающаго хвостъ и гриву пасущейся въ полѣ лошади.

70. *Профессора А. Т. Маркова.* Эскизъ, представляющій сцену изъ жизни св. мученика Евстафія, когда онъ былъ выведенъ съ своимъ семействомъ на арену колизея и обреченъ къ смерти. На аренѣ, въ виду безчисленнаго множества зрителей, воины сражаются съ дикими звѣрями. Среди этаго страшнаго боя св. Евстафій стоитъ съ своими дѣтьми и возводитъ къ небу молящіеся взоры; левъ его охраняетъ. Эскизъ богатый по сюжету, интересу содержанія, сочиненію и выполненію.

71. *Мартынова.* Сельскій пейзажъ тщательной отдѣлки.

72 и 73. *Матвѣева.* Два большіе пейзажа, писанные въ 1811 году и представляющіе роскошныя красотами природы виды Сициліи. Матвѣевъ считается первымъ, по времени, отличнымъ русскимъ пейзажистомъ. Картины его богаты красивою обстановкою и разнообразіемъ видовъ, объемлющихъ большія пространства, и

Digitized by Google

отличаются старательною выработкою. Къ числу ихъ въ особенности принадлежатъ оба эти пейзажа.

74. *Мейера.* Пейзажъ, представляющій Алтайскія горы и рѣку. Пріятный и воздушный тонъ, освѣщеніе и колоритъ этой картины выказываютъ талантъ пейзажиста. Растущій на берегу кустарникъ и зелень написаны ловкою и бойкою кистью.

75. *Его же.* Небольшой пейзажъ, плѣняющій вѣрнымъ и искуснымъ подражаніемъ природѣ. Рядъ густыхъ деревъ, подъ тѣнію которыхъ отдыхаютъ коровы; за деревьями даль съ озеромъ и раскинутыми по возвышеніямъ селеніями и зданіями, которыя обрисовываются сквозь пары воздуха—вотъ сюжетъ этаго пейзажа. Въ немъ все просто, естественно и мило.

76. *Его же.* Небольшой пейзажъ, представляющій одинъ изъ видовъ по теченію рѣки Псёла, въ Полтавской губерніи. Милая, прелестная картина, гдѣ легкая, игривая кисть художника также передала природу съ большимъ искусствомъ и вѣрностію.

77. *Михайлова, ученика Брюллова.* Русская пригожая крестьянская дѣвушка, въ праздничномъ уборѣ, ставитъ въ церкви свѣчу предъ иконою; старуха подноситъ груднаго ребенка приложиться къ образу; позади ихъ молится престарѣлый крестьянинъ. Картина привлекательная и сюжетомъ и исполненіемъ. Народный русскій костюмъ и типы лицъ схвачены и переданы молодымъ живописцемъ весьма вѣрно. Здѣсь замѣчательно также и искусное соединеніе двухъ свѣтовъ: дневнаго, проникающаго сквозь окна храма, и свѣта отъ теплящихся предъ иконами свѣчей.

78. *Графа А. Н. Мордвинова.* Видъ моря въ ясную и тихую погоду, съ плывущими по немъ судами. Картина эта, написанная въ свѣтломъ и прозрачномъ тонѣ, служитъ прекраснымъ образцомъ таланта графа Мордвинова въ изображеніи морскихъ видовъ.

79. *Профессора Т. А. Нефа.* Молодая италіянская поселянка сидитъ на сводѣ руины, къ которой пристроена ея хижина, и смотритъ вдаль, прикрывая рукою глаза отъ солнца. Въ отдаленіи видна гора съ каскадомъ. Темныя вечернія облака сгущаются на горизонтѣ, и лучи заходящаго солнца, освѣщая поселянку, играютъ яркимъ блескомъ на ея одеждѣ и камняхъ руины.

80. *Его же.* Картина, служащая парою первой. Молодой красивый пастухъ, въ бѣлой рубашкѣ, сидитъ на выдавшейся у берега моря скалѣ, поросшей травою, и указываетъ рукою вдаль. Около его, въ разныхъ направленіяхъ, гуляютъ козы. Здѣсь представляется утро въ полномъ солнечномъ блескѣ; эффектъ освѣщенія прекрасно выполненъ на фигурѣ и одеждѣ пастуха.

Digitized by Google

81. *Олешкевича.* Поколѣнный портретъ Озерова, брата извѣстнаго нашего драматическаго поэта, писанный въ 1827 году. Озеровъ изображенъ сидящимъ на креслахъ, съ накинутою сверхъ сюртука шубою. Голова и руки тщательно выработаны.

82. *Орловскаго.* Четыре воина, изъ которыхъ одинъ въ шишакѣ и латахъ, бесѣдуютъ, сидя подъ нависшимъ надъ ними утесомъ. Небо покрыто густыми облаками; пейзажъ дикій, во вкусѣ Сальватора Розы. Картина эта, написанная мастерски, принадлежитъ къ числу весьма немногихъ произведеній Орловскаго въ живописи масляными красками.

83—90. *Его же.* Восемь рисунковъ въ два карандаша и одна акварель, изображающіе обыкновенные сюжеты Орловскаго: горскихъ всадниковъ, группы бесѣдующихъ и отдыхающихъ солдатъ и поселянъ; одна изъ сценъ ночная, представляющая грѣющихся у огня людей. Во всѣхъ видѣнъ бойкій и смѣлый манеръ живописца, позы и движенія фигуръ разнообразны и естественны; карандашъ его умѣлъ давать всему жизнь и движеніе.

91. *Его же.* Прекрасная и съ большою тщательностію выполненная гуашъ, изображающая охотника съ ружьемъ и собакою въ полѣ.

92. *Петровскаго.* Агарь въ пустынѣ съ сыномъ Измаиломъ, истомленнымъ жаждою. Припавъ на колѣно, страдающая мать придерживаетъ рукою изнеможеннаго ребенка, другую подъемлетъ къ небу, прося спасенія. Скорбь матери и томленіе сына выражены превосходно. Трудъ молодаго живописца, который обѣщалъ много, если бы смерть не прекратила на ранней порѣ дни его.

93. *Совѣтника Академіи Причетникова.* Большой пейзажъ. На первомъ планѣ возвышаются два высокіе развѣсистые дерева, за которыми протекаетъ рѣка; вдали видны строенія и городъ. Тонъ пейзажа теплый и золотистый.

94. *Академика Рисса.* Цыганскій таборъ въ лѣсу. Двѣ цыганки ведутъ горячій споръ; лица ихъ и цыганъ хорошо выражены; колоритъ картины пріятный и довольно сильный.

95. *Рищони.* Веселая пирушка. Вечеромъ, при свѣтѣ лампъ и свѣчей, пируютъ, въ полномъ разгарѣ веселья, нѣсколько мужчинъ и женщинъ. Шампанское льется пѣнистою струей въ бокалы, страсти разыгрываются, и все кипитъ наслажденіемъ. Группировка, расположеніе фигуръ, выраженіе лицъ и освѣщеніе исполнены превосходно молодымъ живописцемъ, который съ большою ловкостію и искусствомъ изображаетъ юмористическія сцены.

96. *Его же.* Малороссійская корчма. У входа въ корчму евреи размѣниваютъ деньги крестьянину, который несетъ за плечами битую

Digitized by Google

дичь. Здѣсь наблюдательный глазъ живописца мастерски подмѣтилъ и вѣрно съ натурою передалъ характеры, пріемы и одежду дѣйствующихъ лицъ; не забыта и малороссійская горѣлка, которою угостилъ себя въ избыткѣ одинъ изъ присутствующихъ. Картина привлекательная и выработанная весьма тщательно.

97. *Родчева.* Прекрасный академическій этюдъ, изображающій Андрокла со львомъ въ пещерѣ, отличающійся силою колорита и бойкостію кисти мастера.

98. *А. П. Сапожникова.* Небольшая вакханалія. Пріятное произведеніе даровитаго любителя-художника.

99. *Тима.* Алжирка учитъ ходить дитя, заставляя его слѣдить за черепахою. Картина эта показываетъ, что талантъ живописца усовершился подъ руководствомъ Гораса Вернета.

100. *Тропинина.* Русская пригожая кружевница, которой вниманіе отвлечено на другой предметъ отъ ея рукодѣлья. Полуфигура въ настоящую величину, исполненная привлекательности, правды и жизни.

101—103. *Его же.* Три картины. Въ одной изображена деревенская дѣвушка, сидящая за прялкой; въ другой мальчикъ играющій на дудочкѣ, и въ третьей молодая татарка въ національномъ костюмѣ.

104. *Академика Тыранова.* Слетающій ангелъ, въ бѣломъ одѣяніи, съ масличною вѣтвію въ рукѣ. Полуфигура въ овалѣ. Свѣтъ, который освѣщаетъ ангела, прекрасное выраженіе лица и граціозность позы придаютъ особенную прелесть этой картинѣ.

105. *Его же.* Большая картина, изображающая младенца Моисея у береговъ Нила, когда мать опускаетъ его въ корзинѣ на струи рѣки, и обращаетъ въ сторону взоры, исполненные грустной рѣшимости, страха и ожиданія. Въ этомъ произведеніи выказался вполнѣ талантъ художника. Типы головъ и особенно выразительность лица матери прекрасно выполнены. Доселѣ это важнѣйшій трудъ Тыранова.

106. *Профессора и ректора Академіи Г. И. Угрюмова.* Избраніе на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова. Оконченный эскизъ, по которому написана большая картина, хранящаяся въ Академіи Художествъ. Съ теплымъ русскимъ чувствомъ изобразилъ Угрюмовъ въ этой превосходной картинѣ тотъ великій часъ, когда юный Царь, стоя на амвонѣ храма, передъ лицомъ духовенства, бояръ и народа, пріемлетъ подносимую ему корону. Лицо его, исполненное красоты и доброты душевной, сіяетъ царственнымъ величіемъ.

107. *Академика Фрике.* Одинъ изъ видовъ Фаля, мызы графа Бекендорфа, близъ Ревеля, снятый у водяной мельницы. Ярко осв-

Digitized by Google

щенъ лучами солнца, проникающими сквозь густоту деревъ, съ искусствомъ написанныхъ художникомъ.

108. *Хруцкаго.* Старуха въ чепцѣ, вяжущая чулки. Полуфигура въ натуральную величину. Здѣсь хорошо освѣщена голова старухи, внимательно углубившейся въ свое рукодѣлье.

109. *Его же.* Плоды и цвѣты, тщательной отдѣлки. Сквозноста, глянцоватость и пушистость фруктовъ и винограда съ мастерствомъ выполнены. Хороша также выдѣлка вазы и стакана съ водою.

110. *Академика Григорія Чернецова.* Одинъ изъ видовъ Палестины, представляющій тѣ мѣста, гдѣ Спаситель совершилъ чудо благословеніемъ пяти хлѣбовъ и рыбъ, для насыщенія ими стекшагося во множествѣ народа: Художникъ олицетворилъ это дѣйствіе въ своей картинѣ, и тѣмъ придалъ ей еще болѣе достоинства. Пейзажъ этотъ, замѣчательный по изображенію мѣстности, отличается и прекрасною въ всѣхъ частяхъ выдѣлкою. Свѣтъ разлитъ въ немъ превосходно; воздухъ, вода, даль, все совершенно гармонируетъ съ общимъ тономъ картины.

111-113. *Академика Никанора Чернецова.* Три вида, снятые съ натуры, во время путешествія братьевъ Чернецовыхъ по Россіи. Одинъ представляетъ берега Волги, другой долину въ Крыму, и третій видъ Тифлиса.

114. *Его же.* Видъ грота, образовавшагося отъ остатковъ древняго зданія, близъ Казани. Прекрасный по отдѣлкѣ и освѣщенію.

115. *Его же.* Видъ сельской хижины въ Крыму, съ вьющимися по навѣсу виноградными лозами. Проблески солнечныхъ лучей и переливы тоновъ горъ въ отдаленіи хорошо переданы.

116. *Чумакова.* Голова старухи, окутанная, по простонародному обычаю, шерстянымъ платкомъ, который опускается на плечи. Морщинистое лицо ея съ впалыми губами выработано весьма тщательно и необыкновенно вѣрно.

117. *Шалегина.* Картина, написанная имъ въ Италіи и представляющая пляшущую съ тамбуриномъ въ рукѣ Транстеверинку. Полуфигура въ натуральную величину. Поза пляшущей и живой, веселый взглядъ ея исполнены огня и выразительности.

118. *Шведе.* Шашечные игроки. Старый отставной солдатъ играетъ въ избѣ въ шашки съ крестьяниномъ, и лукаво усмѣхается, поставивъ въ тупикъ своего противника. Физіономіи игроковъ, и въ особенности торжествующаго солдата, переданы вѣрно и удачно.

119. *Профессора и ректора Академіи В. К. Шебуева.* Тайная вечеря. Изображеніе лица Іисуса и возсѣдающихъ съ нимъ

Digitized by Google

Апостоловъ превосходно. Произведеніе, признанное одно изъ лучшихъ Русской школы въ этомъ родѣ живописи. По сочиненію, оно принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ изображеніямъ Тайной вечери.

120. *Его же.* Св. Василій Великій, молящійся на колѣнахъ предъ олтаремъ, во время священнодѣйствія. Св. Духъ, въ видѣ голубя, паритъ въ высотѣ. Прекраснѣйшее повтореніе, въ небольшомъ размѣрѣ, извѣстной знаменитой иконы Шебуева, находящейся въ Казанскомъ соборѣ.

121. *Его же.* Оконченный эскизъ плафона для церкви, изображающій видѣніе св. пророка Іезекіиля. Мастерское произведеніе по мысли и по исполненію. Колоритъ и тонъ картины яркій и свѣтлый, вполнѣ соотвѣтственный величію изображеннаго предмета.

122. *Штейбена.* Поясной портретъ главноначальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ графа Владимира Ѳедоровича Адлерберга, въ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ, со шляпою въ рукѣ. Отличается сходствомъ и силою колорита, составляющаго принадлежность кисти Штейбена. Произведенія его, болѣе извѣстныя въ чужихъ краяхъ, у насъ рѣдки. Портретъ написанъ въ 1848 году.

123. *Его же.* Молодая красивая Андалузянка, въ бархатномъ платьѣ, съ открытою грудью. Полуфигура въ натуральную величину. Голова, глаза и выраженіе лица прекрасны и исполнены граціи; шелковистые черные волосы, заплетенные въ косы, спускаются по плечамъ; въ рукахъ красавицы цвѣтокъ. Кружева и прочія украшенія выработаны съ большою отчетливостію. Картина писана въ 1834 году.

124. *Штернберга.* Группа италіянскихъ поселянъ, играющихъ въ карты въ трактирѣ и окруженныхъ зрителями. Размѣщеніе фигуръ искусное, позы свободны и непринужденны, физіономіи выразительны; свѣтъ падаетъ на нихъ чрезъ открытый съ поля входъ въ трактиръ, и это освѣщеніе произведено съ большимъ эфектомъ. Картина сильная колоритомъ и матерски скомпонированная.

125. *Его же.* Италіянскіе пифераріи. Остановясь предъ иконой Богоматери, вставленной въ кіотѣ на наружной стѣнѣ зданія, они поютъ молебные гимны; сидящая у стѣны на скамьѣ слѣпая старуха слушаетъ ихъ съ глубокимъ вниманіемъ. Яркій свѣтъ безоблачнаго неба, прозрачность и теплота воздуха, серебристое сіяніе висящей въ фонарѣ предъ образомъ лампады, все это сливается въ превосходную гармонію тоновъ и придаетъ картинѣ большую прелесть.

126—127. *Его же.* Двѣ головы, одна пожилаго, а другая молодаго Италіянца, написанныя бойкою и ловкою кистію. Мастерскіе

Digitized by Google

очерки, свидѣтельствующіе, что Штернбергъ былъ одаренъ великимъ талантомъ и въ портретной живописи. Головы полны жизни и выраженія. Характеръ каждаго изображается въ его чертахъ и взглядѣ.

128. *Шульмана.* Буря на морѣ. Имѣетъ довольно эффекта и прозрачности въ краскахъ.

129—131. *Щедрина, Сильвестра.* Три картины. Одна представляетъ видъ Сорренто, родины Тасса въ Италіи, со стороны моря; другая террассу на берегу, освѣщенную солнцемъ, въ окрестностяхъ Неаполя, и третья перспективный видъ Рима, со стороны Тибра и замка Св. Ангела. Всѣ три, и въ особенности послѣдняя, исполненная со всею окончательностію, представляютъ отличные образцы великихъ талантовъ Щедрина въ пейзажной и перспективной живописи.

132. *Его же.* Морской видъ во время ночи, при свѣтѣ луны. На берегу, у разложеннаго огня, нѣсколько людей занимаются работами, и эта часть картины, принадлежащей къ начальнымъ произведеніямъ живописца, весьма искусно выработана.

133. *Эриксона.* Семейство русскихъ крестьянъ, нарисованное пастелью. Во время путешествія Императрицы Екатерины II въ Крымъ, живописецъ Эриксонъ, находившійся въ ея свитѣ, написалъ, по приказанію ея, эту картину. Она заключаетъ въ себѣ групные портреты старика дѣда, бабки и ихъ домочадцевъ; замѣчательна по художественному исполненію и по національному характеру лицъ, вѣрно переданному.

Эриксонъ не принадлежитъ собственно къ русской школѣ живописи, но включенъ здѣсь по тому памятному случаю, который подалъ поводъ къ написанію этой картины, исполненной имъ совершенно въ русскомъ духѣ.

134. *Академика Яковлева.* Собственный портретъ, написанный самимъ художникомъ, который изобразилъ себя въ бѣлой рубашкѣ, съ бюстомъ женской головы въ рукахъ. Въ лицѣ и глазахъ его много одушевленія.

135. *Его же.* Групной портретъ пожилаго мущины. Искусство художника въ портретной живописи выказывается вполнѣ и здѣсь.

136. *Академика Ѳедотова.* Пріѣздъ жениха. Здѣсь полная домашняя сцена. Сваха возвѣщаетъ, съ торжественнымъ видомъ, отцу невѣсты о прибытіи жениха; старикъ въ радости торопится принять желаннаго гостя; дочь съ жеманною стыдливостію отбѣгаетъ въ сторону; мать удерживаетъ ее за платье и уговариваетъ, чтобы она не робѣла; кухарка ставитъ на столъ пирогъ и посматриваетъ изъ-

Digitized by Google

чески на невѣсту; прислужникъ, неся бутылки съ виномъ, переговариваетъ съ выглядывающею изъ двери старухою; между тѣмъ въ другой комнатѣ, черезъ полуоткрытую дверь, показывается женихъ и закручиваетъ съ самодовольнымъ видомъ усы. Все это, также какъ самые костюмы дѣйствующихъ лицъ и убранство комнаты, переданы мастерски живописцемъ. Здѣсь каждое лицо говоритъ, дѣйствуетъ прилично своему положенію; мысль выражена во всякомъ жестѣ, взглядѣ и движеніи. Г. Ѳедотовъ написалъ эту картину въ 1848 году. Въ живописномъ отношеніи она свидѣтельствуетъ, что художникъ, одаренный самостоятельнымъ талантомъ въ изображеніи юмористическихъ сценъ, столь же хорошо исполнялъ, какъ и обдумывалъ свои сюжеты.

137. *Его же.* Утро послѣ ночной пирушки. Герой картины, усердно угостившій своихъ друзей, въ халатѣ и съ папильотами на головѣ, горячо споритъ съ своею служанкою и съ важностію напоминаетъ ей о своемъ достоинствѣ. Но привыкшая къ господину служанка этимъ не смущается, и держа въ рукѣ кофейную мельницу, а въ другой его сапоги, съ ироническимъ смѣхомъ показываетъ ему продырявившіяся подошвы. Лица обѣихъ фигуръ исполнены выразительности, тщательная же отдѣлка всѣхъ подробностей, всѣхъ мелочей, разбросанныхъ послѣ бывшаго угощенія въ безпорядкѣ въ комнатѣ и по полу, показываетъ, что живописецъ не оставилъ ничего безъ вниманія, для дополненія сюжета картины. Она писана въ 1846 году.

—

Кромѣ картинъ Русской школы, которыхъ галлерея Ѳедора Ивановича Прянишникова представляетъ богатѣйшее собраніе, въ ней находятся: прекрасный поясной портретъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, работы Лампи, и портреты, въ ту же мѣру, Императора Петра I-го, Его дочери, Великой Княгини Анны Петровны, Герцогини Голстинской, приписываемые хорошему иностранному портретисту Мору.

Изъ немногихъ скульптурныхъ произведеній русскихъ художниковъ, первое мѣсто занимаетъ большая и изящная по отдѣлкѣ и композиціи группа профессора Витали, на фронтонѣ Исакіевскаго собора, представляющая Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ и св. Іоанномъ Крестителемъ, отлитая изъ бронзы профессоромъ барономъ Клодтомъ.

Прекрасный, вылѣпленный профессоромъ Мартосомъ, эскизъ изъ глины, въ которомъ изображенъ Апостолъ Марко, пишущій св. Евангеліе.

Digitized by Google

Воинъ въ древнемъ русскомъ вооруженіи, верхомъ на лошади. Сочиненіе и отливка изъ бронзы барона Клодта.

Небольшая бронзовая группа, представляющая Юпитера и Юнону, профессора Мартоса.

Нагая сидящая нимфа, выточенная изъ дерева извѣстнымъ по особому искусству въ этомъ родѣ художникомъ Кузнецовымъ.

Изнуренная рабочая лошадь, отлитая изъ мѣди, и собака, вылѣпленная изъ воска любителемъ-художникомъ О. И. Ющковымъ.

М. АНИЧКОВЪ.

С. Петербургъ.
16 января, 1853.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

ПОДМОСКОВНАЯ ОХОТА.

ШПАЧЕКЪ.

Шпакомъ или Шпачкомъ зовутъ въ Малороссіи скворца, но не о немъ идетъ рѣчь, рѣчь идетъ объ охотникѣ, носившемъ это прозваніе. Настоящая фамилія этого охотника, перешедшая къ нему отъ его предковъ, была Довскій. Человѣкъ онъ былъ молодой, только что окончилъ курсъ своего ученія, и, попавши однажды въ охотничій кружокъ, возгорѣлъ желаніемъ сдѣлаться охотникомъ.

Между знакомыми его въ Москвѣ особенно близко было ему семейство Костиковыхъ. Имѣя очень ограниченныя средства къ жизни, онъ почти все время проживалъ въ этомъ домѣ. Старикъ Костиковъ любилъ у себя чужаго человѣка, чтобъ было кому поразсказать были и небылицы своего прошедшаго. Довскаго полюбилъ онъ съ перваго знакомства, и прозвалъ его Шпакомъ, говоря, что онъ своимъ носомъ ужасно напоминаетъ ему эту птицу. Прозваніе это было далеко не бранное въ устахъ добраго хозяина, что доказывалось и тѣмъ, что слово Шпакъ часто переходило въ слова: шпачекъ, шпакуся и т. п. Довской былъ отъ природы веселаго и кроткаго нрава и самъ этимъ именемъ не обижался; только однажды для шутки вздумалъ онъ имъ обидѣться; это случилось такимъ образомъ.

У Костикова обѣдали гости, Довскій въ числѣ прочихъ. Между гостями былъ одинъ господинъ, видѣвшій его въ первый разъ. Господинъ этотъ слышалъ, какъ въ продолженіи цѣлаго обѣда Костиковъ называлъ Довскаго Шпакомъ, и, желая что-то спросить у послѣдняго, обратился къ нему, сказавъ:

— Господинъ Шпакъ....

Довскій не далъ ему договорить.

— Какъ смѣете вы называть меня Шпакомъ? вскричалъ онъ запальчиво.

Вопрошавшій господинъ никакъ неожидалъ подобной выходки и чрезвычайно смутился.

Digitized by Google

Воинъ въ древнемъ русскомъ вооруженіи, верхомъ на лошади. Сочиненіе и отливка изъ бронзы барона Клодта.

Небольшая бронзовая группа, представляющая Юпитера и Юнону, профессора Мартоса.

Нагая сидящая нимфа, выточенная изъ дерева извѣстнымъ по особому искусству въ этомъ родѣ художникомъ Кузнецовымъ.

Изнуренная рабочая лошадь, отлитая изъ мѣди, и собака, вылѣпленная изъ воска любителемъ-художникомъ О. И. Юпиковымъ.

М. АНИЧКОВЪ.

С. Петербургъ.
16 января, 1853.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

ПОДМОСКОВНАЯ ОХОТА.

ШПАЧЕКЪ.

Шпакомъ или Шпачкомъ зовутъ въ Малороссіи скворца, но не о немъ идетъ рѣчь, рѣчь идетъ объ охотникѣ, носившемъ это прозваніе. Настоящая фамилія этого охотника, перешедшая къ нему отъ его предковъ, была Довскій. Человѣкъ онъ былъ молодой, только что окончилъ курсъ своего ученія, и, попавши однажды въ охотничій кружокъ, возгорѣлъ желаніемъ сдѣлаться охотникомъ.

Между знакомыми его въ Москвѣ особенно близко было ему семейство Костиковыхъ. Имѣя очень ограниченныя средства къ жизни, онъ почти все время проживалъ въ этомъ домѣ. Старикъ Костиковъ любилъ у себя чужаго человѣка, чтобъ было кому поразсказать были и небылицы своего прошедшаго. Довскаго полюбилъ онъ съ перваго знакомства, и прозвалъ его Шпакомъ, говоря, что онъ своимъ носомъ ужасно напоминаетъ ему эту птицу. Прозваніе это было далеко не бранное въ устахъ добраго хозяина, что доказывалось и тѣмъ, что слово Шпакъ часто переходило въ слова: шпачекъ, шпакуся и т. п. Довской былъ отъ природы веселаго и кроткаго нрава и самъ этимъ именемъ не обижался; только однажды для шутки вздумалъ онъ имъ обидѣться; это случилось такимъ образомъ.

У Костикова обѣдали гости, Довскій въ числѣ прочихъ. Между гостями былъ одинъ господинъ, видѣвшій его въ первый разъ. Господинъ этотъ слышалъ, какъ въ продолженіи цѣлаго обѣда Костиковъ называлъ Довскаго Шпакомъ, и, желая что-то спросить у послѣдняго, обратился къ нему, сказавъ:

— Господинъ Шпакъ....

Довскій не далъ ему договорить.

— Какъ смѣете вы называть меня Шпакомъ? вскричалъ онъ запальчиво.

Вопрошавшій господинъ никакъ неожидалъ подобной выходки и чрезвычайно смутился.

Digitized by Google

— Милостивый государь, отвѣчалъ онъ, покраснѣвши, я не имѣю чести знать вашего имени и отечества, и по этому назвалъ васъ по фамиліи.

— Развѣ я Шпакъ? продолжалъ Довскій, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха.

— Я сказалъ, господинъ Шпакъ.

— Это все равно, сказалъ Довскій; Шпакъ птица, а я человѣкъ.

Всѣ конечно расхохотались, и наконецъ уже хозяинъ вывелъ гостя изъ замѣшательства, и объяснилъ, въ чемъ дѣло.

Мысль объ охотѣ, овладѣвшая Довскимъ, была сообщена сейчасъ же его юному пріятелю Ванѣ, единородному сыну Костикова. Воспріимчивый юноша незамѣдлилъ раздѣлить рождавшейся страсти Шпачка. Охота согласовалась съ его собственными наклонностями. Тутъ было ружье, охотничій ножъ, длинные сапоги, какія-то рыцарскія принадлежности, а слабость къ рыцарству была въ крови Костикова. Не рѣдко пріятели заставали его въ рыцарскомъ шлемѣ или съ огромнымъ деревяннымъ мечемъ въ рукѣ, гордо стоявшаго передъ зеркаломъ или мѣрно разхаживавшаго по комнатѣ. — Какой нибудь красный шарфъ его маменьки былъ перекинутъ черезъ плечо и рисовалъ въ его воображеніи цвѣтъ его дамы. Иногда призывалъ онъ въ свою комнату своего мальчика, и, помахавъ грозно деревяннымъ мечемъ надъ его головою, говорилъ ему:

— Теперь, Гришка, бѣги отъ меня.

Мальчикъ пускался бѣжать, а Костиковъ его преслѣдовалъ и поражалъ мечемъ въ спину.

. . . . . .

— Охота, чудное занятіе, говорилъ онъ Шпачку, надо взять у маменьки денегъ и обмундироваться.

— Мнѣ то будетъ очень дорого, говорилъ Шпачекъ.

— Вздоръ!.. я тебя обмундирую, возразилъ ему пріятель, не одному же мнѣ охотиться.

Приготовленія къ охотѣ пошли необыкновенно быстро. Костиковъ былъ богатъ и денегъ не жалѣлъ. Для самаго себя купилъ онъ четыре ружья, одно Мортимера, одно Лепажа, одно Сульскаго мастера Бесселя и одно безъ имени. Шпачку было куплено порядочное ружье Тульской работы. О собачкахъ то же не было забыто, и на диванахъ Костикова, къ величайшему прискорбію его родителей, очень скоро валялись Буфонъ, породы Пушкинской, Армида, черная Англійская, и Оскаръ, породы неизвѣстной, но необыкновенно красивый собою. Рога,

Digitized by Google

дробовики куплены у Юнкера, къ черкесскому поясу придѣланъ дорогой булатный кривой ножъ, сапоги заказаны у перваго сапожника за баснословную цѣну. Самый костюмъ у Костикова былъ сшитъ изъ Лондонскаго вигоня, шляпа, конечно изъ боброваго пуха, едва спаслась отъ страусоваго пера, и то только потому, что Шпачекъ прямо и горячо вооружился противъ этого украшенія. Шпачекъ не могъ гоняться въ нарядѣ за своимъ пріятелемъ, и довольствовался коричневымъ нанковымъ казакиномъ съ безчисленными карманами.

Только что были готовы костюмы, сейчасъ же друзья отправились на охоту. Первые выѣзды ограничивались не дальнимъ разстояніемъ.

Ѣздили по окрестностямъ Москвы, стрѣляли птицъ всякаго рода, при чемъ Шпачекъ показывалъ знаніе натуральной исторіи, и объяснялъ отличіе убитой имъ малиновки или пѣночки отъ лѣсной канарейки. Только на третьей охотѣ былъ убитъ скворецъ и привезенъ въ Москву съ необыкновеннымъ торжествомъ. Костиковъ думалъ задать по этому случаю обѣдъ и угостить всѣхъ дичью своей стрѣльбы, тѣмъ болѣе, что прочихъ убитыхъ птичекъ насчитывалось до пятнадцати. Но поваръ рѣшительно объявилъ, что ѣсть можно только скворца и двухъ жаворонковъ, а прочія птицы найдены имъ не съѣдобными. Обѣдъ былъ отложенъ.

Но Шпачекъ хотѣлъ сдѣлаться охотникомъ не на шутку и предложилъ Костикову ѣхать отыскивать болота.

По разспросамъ у знакомыхъ охотниковъ оказалось, что подъ Архангельскимъ есть хорошія мѣста для стрѣльбы. Едва узнали это наши охотники, какъ лихая тройка стояла уже у подъѣзда Костикова. Лакеи нагружали тарантасъ винами, пирожками, фруктами и цѣлымъ чемоданомъ бѣлья. Маменька Костикова приказала было уложить и тюфячекъ для сынка баловня, но этому онъ воспротивился.

— A la guerre, comme à la guerre, сказалъ онъ матери, уснемъ и на сѣнѣ.

Охотники наши давно уже были одѣты въ полный охотничій костюмъ. Костиковъ переходилъ изъ одной комнаты въ другую, любуясь собою передъ каждымъ зеркаломъ, Довскій дѣлалъ очень серьёзныя мины и жаловался на подлость купца, продавшаго ему охотничью трубку. Правда что трубка была заплачена очень дешево, но за то ломка, изъ рукъ вонъ: мѣдная крышечка отлетѣла въ первый день покупки, и Шпачекъ приладилъ ее какъ то булавочкой.

По окончаніи сборовъ и послѣ вкуснаго завтрака, тарантасъ выкатилъ со двора, и Московскіе жители имѣли случай полюбоваться

Digitized by Google

лихими конями, красивой одеждой охотниковъ, и послушать лай Буфона, Армиды и Оскара, бѣжавшихъ около тарантаса.

За заставой задымились трубки, какъ вдругъ Шпачекъ, схватилъ Костикова судорожно за руку, и, онѣмѣвъ отъ страха, указалъ ему на карманъ свой. — Искра, вылетѣвшая изъ плохо закрытой трубки упала на нанковый казакинъ Довскаго на мѣстѣ кармана. Онъ не видалъ этого обстоятельства въ началѣ, а когда увидѣлъ, карманъ уже прогорѣлъ, и тлѣлъ платокъ, лежавшій въ карманѣ. Костиковъ затушилъ огонь руками и уже послѣ этой выходки, полной самоотверженія, узналъ о причинѣ испуга Шпачка. Въ платкѣ былъ завернутъ порохъ, взятый Довскимъ въ видѣ запаса. Его было съ четверть фунта, и, если бы огонь коснулся его, охотникамъ могло бы сдѣлаться тѣсно въ тарантасѣ.

Удачно минувшая бѣда навела Довскаго на мысль объ опасностяхъ охоты, и онъ долго говорилъ Костикову о необходимой осторожности, и о разныхъ несчастныхъ случаяхъ, слышанныхъ имъ отъ знакомыхъ.

Не доѣзжая Архангельскаго, надо переправляться на паромѣ, извѣстномъ подъ именемъ рублеваго перевоза (*). Тарантасъ въѣхалъ на паромъ, но Шпачекъ, увидавши привязанную у парома лодку, предложилъ Костикову переѣхать лучше на лодкѣ. Костиковъ конечно согласился, перевозчикъ отвязалъ лодку и далъ господамъ весло.

Сначала грести началъ Шпачекъ, но лодка не двигалась съ мѣста, а только качалась и повертывалась изъ стороны въ сторону.

— Ну, на, погреби ты, Ваня, сказалъ Шпачекъ, передавая весло Костикову, ты посильнѣе меня.

Костиковъ началъ грести изо всей силы, лодка повернулась по теченію воды и поплыла вдоль берега. Всѣ усилія молодыхъ людей направить ее къ противуположному берегу были напрасны. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта оригинальная переправа, если бы перевозчикъ, успѣвшій вернуться назадъ съ паромомъ, не добѣжалъ до лодки по берегу, и не притянулъ ее багромъ.

Шпачекъ не могъ понять этой неудачи, и увѣрялъ перевозчика, что онъ ударялъ весломъ совершенно правильно.

— Это весло никуда негодится, говорилъ онъ мужику, я не знаю, какъ ты самъ съ нимъ управляешься.

— Ничего-съ, отвѣчалъ мужикъ, усмѣхаясь, знамое дѣло привычка, а весло какъ весло.

(*) Перевозъ называется такъ по имени близъ лежащаго селенія (Рублево). Оговорка эта на случай, чтобы неподумали, что у насъ есть такіе дорогіе перевозы

Digitized by Google

— Коротко очень, говорилъ Довскій, желая какъ нибудь оправдаться.

— У насъ и шило брѣтъ, сказалъ мужикъ, входя въ лодку.

Раза три махнулъ онъ весломъ по обѣимъ сторонамъ лодки, и благополучно высадилъ путешественниковъ на противуположный песчаный берегъ.

— Молодецъ, сказалъ Костиковъ, выходя изъ лодки.

— А на чаёкъ то, господа, говорилъ мужикъ, снявъ шапку.

Костиковъ кинулъ ему съ важностью полтинникъ.

— Маловато бы, сказалъ мужикъ, почесывая затылокъ, да господа то вы хорошіе.

Охотники стали подниматься въ гору къ барскому двору.

— Вотъ мы и въ Архангельскомъ, говорилъ Шпачекъ, гдѣ же болота?

— Надо спросить у мужиковъ, отвѣчалъ Костиковъ, можетъ еще найдется между ними охотникъ, такъ онъ и поведетъ насъ.

— Меня что то беретъ нетерпѣніе пострѣлять, сказалъ Шпачекъ, какъ должно быть весело убить бекаса или дупеля!

Гора была песчаная, лошади повзмылились, и Костиковъ, чтобы показать себя человѣкомъ хозяйственнымъ, предложилъ пройтиться пѣшкомъ.

Едва сдѣлали нѣсколько шаговъ наши пріятели, какъ нагнали старичка, возвращавшагося вѣроятно съ базара. Лошадь его, запряженная въ плохую тѣлегу, взбиралась на гору по дорогѣ, а самъ онъ шелъ подлѣ лѣсу, помахивая кнутомъ и частенько пошатывался. Старикъ былъ одѣтъ въ очень плохенькій кафтанъ, и подпоясанъ старинкимъ кушакомъ. Увидавши лягавыхъ собакъ, онъ обернулся къ охотникамъ и остановился, стараясь соблюсти равновѣсіе.

— Господа!.. ваше сіятельство!.. проговорилъ онъ, позвольте Ѳедору рѣчь держать...

Молодые люди усмѣхнулись и остановились подлѣ старика.

— Какую рѣчь? спросилъ Шпачекъ, держи, Ѳедоръ, держи.

— Вашимъ сіятельствамъ, я вижу.... хочется поохотиться, сказалъ старикъ, такъ я поведу васъ въ мѣста важнѣющія.

— Точно ли хорошія? спросилъ Костиковъ.

— Убей Богъ, хорошія, отвѣчалъ старикъ, я передъ вашими сіятельствами солгать не могу; я па торгу рюмочку выпилъ, грѣшное дѣло.... а солгать не могу.

— Есть тамъ бекасы и дупеля? спросилъ Шпачекъ.

— Есть тамъ бекасы и дупеля, говорилъ старикъ. Скажу только: веди, Кирюха, Господъ.... и поведетъ, убей Богъ, поведетъ....

Digitized by Google

— Кто же этотъ Кирюха?

— Сынъ мой, ваше сіятельство.... родной сынъ.... Сводитъ онъ васъ въ Садокъ.... и въ Домнино сводитъ.... ноги то у шельмеца не купленыя....

— А далеко ли это отсюда? спрашивали охотники, раззадоренные словами старика.

— Рукой подать, ваше сіятельство.... и трехъ верстъ не будетъ.... Небось Горенцово слыхали?..

— Нѣтъ не слыхали, но мы за тобой поѣдемъ, ступай же садись да погоняй.

— Сейчасъ, ваше сіятельство, сейчасъ, говорилъ старикъ, идя ускореннымъ шагомъ къ телѣгѣ.

Не безъ труда взобрался онъ въ экипажъ свой, и, натянувъ веревочныя возжи, сталъ нещадно погонять свою лошаденку. Непривыкшая къ слишкомъ быстрой ѣздѣ, лошадь сначала отмахивалась отъ кнута хвостомъ, потомъ, видя упорство своего хозяина, пошла рысцой, а наконецъ запрыгала какимъ то страннымъ аллюромъ, чѣмъ то среднимъ между галопомъ и карьеромъ.

Костиковъ и Шпачекъ тоже сѣли въ тарантасъ и велѣли ѣхать за телѣгой.

— Если старикъ не вретъ, охота будетъ, говорилъ Шпачекъ, потирая руками отъ удовольствія.

— А вотъ увидимъ, сказалъ Костиковъ. Собаки отличныя, ружья отличныя, надо бы набить дичи.

— Кажется бы надо, подтвердилъ Шпачекъ.

Въ пріятныхъ мечтахъ юные охотники и не видали, какъ проѣхали разстояніе отъ Архангельскаго до Горенцова.

Горенцово небольшая деревушка. Обитающіе въ ней мужички видно не богатые, избушки глядятъ въ разныя стороны, задворки не вездѣ покрыты, посерединѣ деревни нѣчто въ видѣ площади. На площади колодезь съ необыкновенно скрыпучимъ колесомъ, а противъ колодца каменный столбъ и въ немъ икона; вѣроятно мѣсто общественныхъ молебствій, которыя у Русскихъ мужичковъ бываютъ нерѣдко. То нужно вёдра, то нужно дождичка, — вотъ христіане поднимутъ образа, міромъ помолятся и по большей части погода мѣняется согласно молитвамъ ихъ.

Изба старика Ѳедора стояла крайняя къ площади. Къ ней примыкалъ небольшой огородъ, а за огородомъ прудъ, хотъ и непроточный, но всегда полный воды и довольно длинный.

Digitized by Google

— Эй!.. вы!.. принимайте князей!.. закричалъ Ѳедоръ, подъѣхавши къ воротамъ, и на голосъ его выбѣжали на улицу два мужика

Одинъ необыкновенно высокаго роста довольно неуклюжій, другой роста средняго, съ небольшой русой бородой, въ синей поддѣвкѣ, выглядывалъ молодцемъ на первыхъ порахъ. Замѣтно было, что онъ не жилъ постоянно въ деревнѣ. Къ этому то послѣднему обратился старикъ.

— Вотъ, Кирюха, сказалъ онъ, ихъ сіятельства хотятъ поохотиться....

— Чтожь, милости просимъ, говорилъ Кирилла, кланяясь привѣзжимъ и высаживая ихъ изъ тарантаса.

— Поведи ты ихъ въ Садокъ, продолжалъ старикъ, а потомъ въ Домнино....

— Да, что вы, батюшка, перебилъ его сынъ, ужь я знаю, куда сводить господъ, останутся довольны.

— То то знаю.... Вотъ все такъ, ваше сіятельство, сказалъ старикъ, обратившись къ охотникамъ, и входя вмѣстѣ съ ними въ избу.... никакого почтенія старику отъ дѣтей нѣтъ.... прикажите за ваше здоровье выпить.... я васъ съ праздникомъ проздравлю....

— Сейчасъ, сказалъ Костиковъ, я угощу тебя своей водкой, дай только выбрать изъ тарантаса.

— Ахъ вы, князь мой свѣтлѣющій, воскликнулъ старикъ въ порывѣ радости, и хотѣлъ поцѣловать руку Костикова, который, впрочемъ, руки ему не далъ.

— Я за это вашему сіятельству грыбковъ зажарю.... гдѣ бабамъ такъ зажарить.. видитъ Богъ, не зажарить.. самъ все изготовлю.

Когда были внесены въ избу вина, Костиковъ налилъ рюмку коньяку и далъ выпить Ѳедору.

Старикъ проглотилъ вино разомъ, поморщился, закашлялъ, и, утираясь рукавомъ, проговорилъ сиповатымъ голосомъ: — Заморская.

Время было уже далеко за полдень, по можно было, по словамъ Кирилы, успѣть сходить въ Садокъ. Охотники стали немедленно вооружаться. Ружья ихъ были заряжены еще въ Москвѣ, но Шпачекъ совѣтовалъ перемѣнить пистоны и подсыпать въ шпильки пороху. Это было по его мнѣнію необходимо для избѣжанія осѣчки.

Самъ онъ довольно удачно исполнилъ эту процедуру, но когда дѣло дошло до Костикова, то перемѣняя пистоны, онъ ошибся собачкой, и, придерживая правый курокъ, потянулъ собачку лѣваго.

Ружье выстрѣлило.

Digitized by Google

Раздавшійся выстрѣлъ навелъ ужасъ на всѣхъ присутствующихъ. И было отчего. Ружье Костикова было направлено въ окошко, а окошко было полно ребятишекъ, сбѣжавшихся со всей деревни, чтобы посмотрѣть на пріѣзжихъ. По необыкновенному счастію зарядъ попалъ въ висѣвшую у окна иконницу, пролетѣвши не болѣе трехъ вершковъ надъ головами ребятишекъ. Послѣдніе съ крикомъ отхлынули отъ избы.

Когда попрошелъ всеобщій панический страхъ, хозяева стали осматривать послѣдствія выстрѣла. Зарядъ прошелъ пулею сквозь одну стѣнку иконостаса, и ушелъ глубоко въ стѣну избы. Для предосторожности попрыскали въ образовавшуюся дыру водою и стали продолжать сборы на охоту.

Костиковъ испугался очень мало и сейчасъ же выпилъ цѣлый стаканъ лафиту. Шпачекъ пришелъ въ себя не такъ скоро, но, опомнившись, онъ подошелъ къ Костикову и очень серьёзно сказалъ ему:

— Ваня! Если мы съ тобой когда поссоримся и дѣло дойдетъ до дуэли, мой выстрѣлъ первый.

— Это почему?

— Потому, что ты уже стрѣлялъ въ меня.

— Какъ стрѣлялъ? Да ты стоялъ сзади меня.

— Это все равно, я легко могъ стоять у окна. Словомъ, это дѣло рѣшенное, идемъ на охоту.

Костиковъ похохоталъ надъ выходкою своего пріятеля, и наконецъ наши стрѣльцы отправились въ поле.

Я ничего не сказалъ о наружности героевъ моего разсказа, но думаю, что это еще не поздно.

Шпачекъ небольшаго роста, почти брюнетъ, съ довольно правильными чертами лица и съ маленькимъ излишествомъ въ величинѣ носа. Темнокаріе глаза его глядѣли очень умно, волосы на головѣ были рѣденьки, и ко лбу начинала образовываться, не смотря на молодыя лѣта его, небольшая лысина. Костиковъ, большаго роста, черноволосый, широкой въ плечахъ, словомъ—молодецъ мужчина; только, по довольно остроумному замѣчанію Шпачка, глаза его не много портили. Они были такъ не велики, что Довскій прозвалъ ихъ Китайскими.

Отъ Горенцова до болота, называемаго Садкомъ, разстояніе не велико и было скоро пройдено охотниками.

Кирило не понадѣялся на трехъ господскихъ собакъ и взялъ съ собой своего Трезора.

Digitized by Google

Только что вошли въ болото, собаки Костикова понеслись въ разныя стороны, а Трезорка потянулъ по берегу. Костиковъ отправился за своими собаками, громко призывая ихъ къ себѣ, а Шпачекъ, увидавши, что Трезоръ идетъ по дичи, поспѣшилъ въ припрыжку къ Кирилѣ.

Трезоръ остановился.

— Пожалуйте сюда, сказалъ Кирило Шпачку и закричалъ тоже Костикову.

Костиковъ кинулъ собакъ своихъ, вышедшихъ совершенно изъ повиновенія, и тоже подошелъ къ мужику.

Трезоръ стоялъ какъ мертвый.

— Извольте же стрѣлять, сказалъ Кирило и крикнулъ своей собакѣ: пиль!

Собака бросилась, изъ-подъ морды ея вскочилъ дупель, и тутъ же упалъ отъ Кириллина выстрѣла.

— Ты очень скоро стрѣляешь, сказалъ Довскій съ нѣкоторой досадою, я не успѣлъ и приложиться.

— Да, помилуйте, отвѣчалъ мужикъ, улыбаясь, вѣдь птица не ждетъ.

Подобныя продѣлки повторялись въ продолженіе цѣлой охоты. Собаки Костикова прибѣгали на выстрѣлъ, бросались къ Трезоркѣ, несшему убитую птицу, и, не успѣвши ее отнять у него, снова удалялись. Иногда вдали одна изъ нихъ и останавливалась, поднимала бекаса или дупеля и гнала его безъ пощады. Костиковъ говорилъ на это, что собаки еще плохо учены, и что надо отдать ихъ тренировать, а между тѣмъ каждую убитую Кирилой птицу онъ требовалъ себѣ и преспокойно клалъ ее въ свой якташъ.

Увидавъ окончательно, что никакъ не можетъ успѣть выстрѣлить прежде мужика, онъ вышелъ изъ болота на берегъ, и стрѣлялъ по налетавшимъ галкамъ и ястребамъ. Одного ястреба удалось ему подранить и онъ былъ въ восторгѣ. Собаки его какъ то очутились близко, бросились къ ястребу, этотъ отъ нихъ перелетывалъ по болоту, Костиковъ кричалъ имъ изступленно: пиль! пиль! и травля кончилась успѣшно. Быстроногая Армида схватила наконецъ раненую птицу на лету и принесла ее хозяину. Шпачекъ однако не послѣдовалъ примѣру Костикова и не отходилъ отъ мужика. При каждомъ подъемѣ птицы онъ вскидывалъ ружье, прицѣливался, но выстрѣлить все таки не успѣвалъ. Уже подъ конецъ поля поднялся изъ-подъ Трезора коростель, Кирило очень далеко отпустилъ его и Шпачекъ успѣлъ выстрѣлить. Не смотря на то, что выстрѣлы его и охотника слились

Digitized by Google

въ одинъ, Довскій объявилъ, что коростеля убилъ онъ. Отнялъ его у Трезорки и долго разсматривалъ, куда попалъ зарядъ.

На возвратномъ пути съ поля всѣ были очень довольны. Кирило зналъ, что за набитую имъ дичь онъ получитъ хорошую плату; Костиковъ напередъ воображалъ удивленіе домашнихъ, когда онъ, пріѣхавши въ Москву, выгрузитъ якташъ свой, а Шпачекъ радовался вслухъ своему удачному выстрѣлу по коростелю.

— Теперь я уже не сомнѣваюсь, говорилъ онъ; что коростеля убилъ я.... я цѣлился въ крыло и крыло перешибено.... да, у меня глазъ очень вѣренъ.

Только что охотники вошли въ избу и не успѣли еще снять своихъ доспѣховъ, какъ явился въ дверяхъ старикъ Ѳедоръ. Онъ былъ въ рубашкѣ, и спереди вмѣсто фартука привязалъ себѣ какой то затоптанный грязными ногами кулёкъ. Вѣроятно это было сдѣлано изъ чистоплотности. Въ рукахъ держалъ онъ сковороду, на которой видѣлись чорные какъ уголь грибы.

— Вотъ и я свое дѣло сдѣлалъ, сказалъ онъ, ставя на столъ стряпню свою.... Ну, ваше сіятельство, теперь надо поздравить съ полемъ. Водочка то ваша хоть и крѣпка, а такъ по душѣ и текетъ.

Костиковъ далъ ему еще рюмку коньяку, посмотрѣлъ подозрительно на сковороду съ грыбами и велѣлъ готовить чай.

Провизіи въ тарантасѣ было всякой слишкомъ много, и грибы Ѳедора къ величайшему его прискорбію не удостоились чести быть съѣденными ихъ сіятельствами.

На другой день, едва занялась заря, Кирило пришелъ въ сарай, гдѣ спали Костиковъ со Шпачкомъ, и сталъ будить ихъ. Раннее время, утренній холодъ и сладкой сонъ на зарѣ,—все это дѣлало не очень пріятнымъ приходъ охотника. Костиковъ хотѣлъ было уже прогнать его, но проснувшійся Шпачекъ мгновенно вскочилъ съ своего логовища и вскрикнулъ:

А!.. пора?.. проспали мы?

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчалъ мужикъ, еще рано. Пожалуйте чай кушать, самоваръ готовъ, а послѣ чаю пойдемте въ Домнино болото.

Порывистыя движенія Шпачка сорвали съ Костикова халатъ, которымъ онъ было укрылся. Дѣлать было нечего, скрѣпя сердце, всталъ и онъ, и догналъ у избы Довскаго, спрашивавшаго у Кирила положилъ ли онъ коростеля его вчера на ледъ.

Домнино болото не такъ близко отъ Горенцова, какъ Садокъ, надо было идти до него версты четыре. Дорога шла лѣсомъ, Кости-

Digitized by Google

ковъ нѣсколько разъ предлагалъ сдѣлать привалъ, но Довскій хотѣлъ непремѣнно прежде пострѣлять, а отдыхать уже послѣ.

Дошли наконецъ до болота. Домнино болото очень велико, моховато и мѣстами очень топко. Костиковъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по болоту, провалился выше колѣнъ и вернулся на берегъ, гдѣ и прилегъ въ ожиданіи конца охоты. Шпачекъ тоже не замедлилъ вернуться по очень грустному обстоятельству. Сапоги его были не довольно длинны, а между тѣмъ очень просторны. Сначала Довскій обходилъ по кочкамъ, и около кустиковъ топкія мѣста болота, но сорвавшись съ одной кочки, онъ ушелъ въ трясину такъ глубоко, что Кирило долженъ былъ его вытаскивать. При этомъ высвобожденіи изъ трясины, Шпачекъ какъ то сильно дернулъ ногу и выдернулъ ее безъ сапога, сапогъ остался въ болотѣ. Положеніе было критическое. Онъ долженъ былъ оставаться на одной ногѣ, пока Кирило вытащилъ несчастный сапогъ и очистилъ его отъ грязи.

Кирило убилъ нѣсколько штукъ бекасовъ и вернулся къ нашимъ охотникамъ, которые начинали было уже засыпать.

Обратный путь до деревни былъ довольно скученъ, только Шпачекъ утѣшалъ себя вчерашнею удачею, не разъ повторяя:

— А все таки я убилъ коростеля.

В. В.

Digitized by Google

ССЫЛЬНЫЙ. *

Прошло много времени, произошло много переворотовъ въ моей жизни съ тѣхъ поръ, какъ, прислонясь къ рѣшеткѣ подсудимыхъ, выслушивалъ я ужасный приговоръ, осудившій меня на пожизненную ссылку. Я не забылъ и никогда не забуду того состоянія души моей, съ которымъ я въ послѣдній разъ сдѣлалъ воззваніе къ людскому правосудію, прося отсрочить исполненіе приговора. Воззваніе это было тщетно. Когда услышалъ я, какъ товарищъ мой по заключенію, завѣдомо мнѣ виновный, съ жаромъ себя оправдывалъ, то понялъ какъ ничтожны должны казаться судьямъ увѣренія подсудимыхъ въ ихъ невинности.

По прочтеніи приговора повезли меня и нѣкоторыхъ другихъ осужденныхъ изъ Невгатской тюрьмы въ Мильбакскую. Мы были посажены въ длинную повозку, открытую сверху и охраняемую полицейскимъ чиновникомъ. Я былъ въ оковахъ, нога моя прикована къ ногѣ преступника, вторично осужденнаго за грабежи. Заковываніе очень больно. Каждый ударъ молотка причиняетъ боль, похожую на вырываніе зуба.

Насъ везли по улицамъ, по которымъ еще такъ не давно ходилъ я спокойный и веселый. Нѣкоторыя изъ прохожихъ останавливались, чтобы взглянуть на насъ, другіе, торопясь по дѣламъ, не обращали на насъ и вниманія.

Около двухъ мѣсяцевъ пробылъ я въ Мильбакѣ, и въ продолженіе этого времени до насъ недоходило никакихъ слуховъ. Я незналъ, какое вліяніе имѣло мое осужденіе въ обществѣ, и удались ли попытки не многихъ друзей моихъ, желавшихъ помочь мнѣ.

Въ одну ночь однакожъ тюремщикъ объявилъ мнѣ, что одинъ изъ осужденныхъ вмѣстѣ со мною, признался вполнѣ въ своемъ преступленіи, и объяснилъ, что я не былъ въ немъ соучастникомъ. Но это обстоятельство нисколько не измѣнило судьбы моей. Я впрочемъ зналъ, что подобныя признанія не имѣли важныхъ послѣдствій.

---

*) Диккенсъ увѣряетъ, что разсказъ этотъ не вымышленъ, но написанъ подъ диктовку одного ссыльнаго.

Digitized by Google

Черезъ нѣсколько дней объявили намъ, что на завтра мы отправимся въ путь.

Часа въ четыре утра насъ всѣхъ созвали и велѣли передѣться въ темныя, толстыя, шерстяныя куртки; такіе же панталоны, чулки и башмаки. Шапки дали намъ самаго отвратительнаго вида. Платье это было шито не помѣркѣ и доставалось кому попало. Куртка мнѣ оказалась такъ широка, что въ нее можно было спрятать двоихъ какъ я, а панталоны были страшно коротки. Послѣ этого дали намъ по куску хлѣба и выстроили всѣхъ въ рядъ. Попарно вязали насъ другъ къ другу за руки, и тяжелая цѣпь соединяла въ одну линію по двѣнадцати преступниковъ.

По данному сигналу мы тронулись съ мѣста и пошли къ берегу рѣки подъ прикрытіемъ вооруженной стражи.

Не смотря на раннее время дня, на берегу ожидала насъ большая толпа народа.

Всѣхъ ссылаемыхъ было двѣсти дватцать, и насъ перевезли въ три пріема на пароходъ. Я невольно вспомнилъ о многихъ пріятныхъ прогулкахъ по этой самой Темзѣ; но пересилилъ эти воспоминанія и старался казаться спокойнымъ. Желая удалиться мыслію отъ своего собственнаго положенія, я всматривался въ этихъ незнакомыхъ людей, съ которыми долженъ былъ пробыть неразлучно четыре мѣсяца пути.

Въ Мильбакѣ мы были заперты порознь и осуждены на молчаніе. На кораблѣ всѣ были свободны подходить къ другу и разговаривать. Многіе изъ осужденныхъ знали другъ друга прежде, и свиданіе ихъ было очень пріятное. Забывая предстоящую грустную жизнь изгнанія, они смѣялись, пѣли, другіе даже подплясывали, не смотря на тяготившія ихъ оковы. Мой ближайшій сосѣдъ былъ одинъ изъ самыхъ веселыхъ. Онъ громко хвасталъ, что несчетное число разъ увертывался отъ наказанія, и что за все это осудили его только на десятилѣтнюю ссылку.

По прибытіи нашемъ въ Вольвичь, мы были перевезены на корабль ссыльныхъ (convict-chip). По мѣрѣ того, какъ спускались мы въ трюмъ, ставили намъ на спинѣ номеръ. Трюмъ раздѣленъ былъ на отдѣленія; въ каждомъ изъ нихъ помѣщалось по восьми осужденныхъ. Въ каждомъ отдѣленіи стоялъ четырех-угольный столъ и еловыя скамейки. Ночью на этихъ скамейкахъ мы спали.

Сейчасъ же расковали насъ, но на другой день заковали вновь. Это было противно обыкновенію, по которому ссылаемыхъ перево-

Digitized by Google

зили всегда безъ оковъ, но излишнюю строгость приписывали моему присутствію на кораблѣ. Мнѣ было больно, что столько народа терпѣло изъ за меня, но за то и я много потерпѣлъ изъ-за своихъ спутниковъ. За каждый сдѣланный кѣмъ нибудь проступокъ наказывали всѣхъ заключенныхъ.

Пока мы неснимались съ якоря въ Вольвичѣ, намъ позволено было написать къ роднымъ и проститься въ послѣдній разъ съ тѣми, кто желалъ насъ видѣть. Посѣтителямъ не позволялось однако всходить на корабль: они оставались подлѣ корабля въ лодкахъ.

Обритыя головы и странный костюмъ преступниковъ такъ измѣняли ихъ физіономію, что многія жены не узнавали мужей своихъ.

За исключеніемъ нѣсколькихъ грустныхъ прощаній, для большой части ссыльныхъ время прошло въ Вольвичѣ очень весело. Друзья ихъ снабжали ихъ деньгами. Одинъ изъ старшихъ начальниковъ корабля намекнулъ мнѣ, что кругъ голландскаго сыра, вырѣзанный внутри и наполненный червонцами, можетъ ускользнуть отъ глазъ стражи; но къ несчастію я немогъ воспользоваться этимъ совѣтомъ. Все мое богатство состояло въ нѣсколькихъ шиллингахъ и небольшомъ количествѣ чая, который у меня въ послѣдствіи украли.

На кораблѣ открыли подписку для покупки скрипки, но послѣ оказалось, что никто не умѣлъ играть на ней. Позволялось между прочимъ подъѣзжать къ кораблю мелкимъ торговцамъ и продавать преступникамъ различные съѣстные припасы какъ-то: пирожки, фрукты, а также иголки, нитки и оловянныя тарелки.

На Темзѣ порція наша состояла изъ сухарей и супу изъ какао утромъ и вечеромъ, а въ морѣ стали давать намъ солонину и пуддингъ, который въ насмѣшку называли плум-пуддингомъ. Черезъ день готовили намъ свинину и супъ изъ гороха. Каждому изъ насъ дали по ложкѣ и по оловянному горшечку, но не давали ни ножей, ни вилокъ, ни тарелокъ. Съ позволенія доктора я купилъ себѣ оловянную тарелку, и такъ какъ эту покупку сдѣлалъ я одинъ изъ товарищей по комнатѣ, то былъ предметомъ самыхъ злыхъ насмѣшекъ.— Я нисколько ими необижался и смѣялся самъ, что очень понравилось моимъ семерымъ собратамъ.—Трудно было найдти семерыхъ негодяевъ, которые бы могли сравниться съ ними. Провизіи на восемь ссыльныхъ выдавалось по очереди одному изъ нихъ, и въ раздѣлѣ провизіи было самое низкое мошенничество.

На кораблѣ нашемъ кромѣ обыкновеннаго экипажа было пятьдесятъ человѣкъ военнаго конвоя, докторъ или хирургъ, главный и

Digitized by Google

Все, что успѣлъ я сдѣлать въ это время, ограничивалось нѣсколькими письмами, написанными къ друзьямъ моимъ.

На седьмой день отправились мы къ острову Норфольку. Попутный вѣтеръ сопровождалъ насъ до самаго мѣста назначенія. Военные и гражданскіе чины корабля занимались во все время путешествія стрѣльбою морскихъ птицъ, приближавшихся къ кораблю.

Прошло три недѣли, какъ оставили мы мѣсто нашего отдохновенія, какъ вдругъ между ссыльными начался сильный ропотъ, грозившій превратиться въ открытый бунтъ. По положенію, выставленному на палубѣ, каждому ссыльному отпущено было по восьми литръ вина на все время путешествія. Но до сихъ поръ вино раздавалось только одинъ разъ въ недѣлю, и то смѣшанное съ лимоннымъ сокомъ, и въ такомъ маломъ количествѣ, что къ концу путешествія долженъ былъ оказаться большой остатокъ.

Мы плыли подъ 40° широты; плохая одежда наша почти незащищала насъ отъ холоду, и потребность вина, какъ средства подкрѣпленія, была слишкомъ ощутительна. Самые безпокойные изъ заключенныхъ подбивали остальныхъ къ общему возстанію, говоря, что это притѣсненіе поведетъ къ другимъ болѣе ужаснымъ истязаніямъ. Они сравнивали число ссыльныхъ съ числомъ конвоя, и увѣряли, что многіе солдаты примутъ ихъ сторону.

Сначала я не обращалъ вниманія на эти толки, но убѣдясь, что можетъ выдти изъ нихъ значительный бунтъ, я вступился въ нихъ, и предложилъ учтивымъ образомъ объясниться съ докторомъ. Сначала предложеніе мое встрѣтило одни насмѣшки заговорщиковъ, но потомъ оно было принято, вѣроятно въ той надеждѣ, что докторъ сочтетъ это за дерзость, и тѣмъ болѣе раздражитъ всѣхъ ссыльныхъ. Я сейчасъ же изложилъ на бумагѣ нашу претензію, и ее подписали избранные изъ моихъ товарищей.

Черезъ нѣсколько минутъ докторъ сошелъ къ намъ, и объяснилъ, что сдѣланная экономія въ винѣ была слѣдствіемъ ошибочнаго разсчета, и что на будущее время мы будемъ получать двойную порцію. Обѣщаніе это было сдержано, и до окончанія путешествія на кораблѣ все было тихо и спокойно.

Отъ Мыса и до острова Норфолька, на пространствѣ трехъ тысячъ миль, видѣли мы только одинъ парусъ, сочтенный за парусъ Американскаго китолова. Я надѣялся увидѣть волканическій островъ Св. Павла, но капитанъ нашъ, желая пользоваться болѣе постояннымъ

Digitized by Google

и сильнымъ вѣтромъ, держался большей широты и мы прошли въ трехъ стахъ миляхъ отъ этого острова.

Между двумя стами моихъ товарищей я нашелъ только одного, и говорю это съ большимъ сожалѣніемъ, одного, съ которымъ могъ поговорить о чемъ нибудь и развлечься хоть на минуту. Это былъ красивый молодой человѣкъ, съ очень умной физіономіей, двадцати одного года отъ роду. Онъ былъ прикащикомъ у одного негоціанта, и вздумалъ составить себѣ капиталъ фальшивыми подписями. Для капитала этого имѣлъ онъ въ виду очень выгодное предпріятіе и надѣялся скупить въ послѣдствіи на барыши фальшивые векселя. Три мѣсяца, какъ онъ женился и читалъ однажды вечеромъ вслухъ женѣ своей «Записки доктора.» Дойдя до главы, носящей названіе: «Поддѣлыватель фальшивыхъ бумагъ» онъ невольно остановился, но жена его смотрѣла на него пристально и, не желая возбудить подозрѣнія, онъ началъ читать главу эту. Участь героя разсказа глубоко врѣзалась въ его душу, а участіе, принимаемое въ немъ женою, наполнило сердце его какимъ то страхомъ и тяжелымъ предчувствіемъ. Не прошло и часу послѣ чтенія, какъ вошли полицейскіе чиновники и взяли его подъ стражу.

Осужденный этотъ много читалъ и имѣлъ удивительную память. Я бы очень желалъ, чтобы тѣ, которые подвергаются искушеніямъ, подобнымъ соблазнившему моего товарища, посмотрѣли на его отчаяніе, и на его раскаяніе. Мы проводили часто цѣлыя ночи въ разговорахъ; я утѣшалъ его, стараясь сообщить ему надежду на будущее, которое можетъ загладить его преступленіе, но утѣшенія мои оставались безъ всякаго дѣйствія.

Прошло уже три мѣсяца, какъ мы оставили берега Англіи, и это время было временемъ тяжкаго для меня испытанія. Страданія физическія и нравственныя разслабили мое здоровье, и при всей моей силѣ воли впадалъ я иногда въ совершенное отчаяніе. Что, въ самомъ дѣлѣ, могло быть ужаснѣе моей участи? Никогда не преступалъ я ни одного закона моего отечества, и терпѣлъ самое тяжелое наказаніе. Грустныя мысли находили на меня обыкновенно къ вечеру, и я проводилъ самыя безпокойныя, самыя убійственныя ночи. Видѣнные мною въ это время сны, какъ нарочно, переносили меня въ мое безоблачное прошедшее, и дѣлали ужасными мои пробужденія.

II.

Не лишними будутъ нѣсколько словъ о дисциплинѣ, соблюдаемой на кораблѣ ссыльныхъ.

Digitized by Google

Докторъ, какъ я уже сказалъ, былъ главнымъ нашимъ начальникомъ, и отвѣчалъ за все. Онъ имѣлъ двухъ помощниковъ, отставныхъ унтеръ-офицеровъ, которые должны были занимать должности надзирателей и на островѣ Норфолькѣ. Одинъ изъ нихъ, по собственному его сознанію, былъ величайшій негодяй. Послѣдняя продѣлка его, разсказываемая на кораблѣ, состояла въ томъ, что онъ объявилъ одной служанкѣ свое желаніе на ней жениться, и назначилъ сватьбу въ тотъ день, въ который по его разсчету онъ будетъ уже цѣлую недѣлю въ открытомъ морѣ. Между прочимъ, какъ женихъ, взялъ онъ у ней часы ея и небольшія деньги, скопленныя ей за работы. Но ему неудалось обмануть своей невѣсты. Корабль задержался на якорѣ дольше, чѣмъ предполагалъ онъ, и это обстоятельство принудило его жениться противъ воли. Неудавшееся мошенничество этого надзирателя было предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ ссыльныхъ, порученныхъ его надзору.

Каждый день въ шесть часовъ утра отворялась дверь комнаты заключенныхъ и надзиратель кричалъ: «убирайте постели.» За этимъ каждый вставалъ и выносилъ матрасъ свой и одѣяло на палубу, гдѣ они провѣтривались въ продолженіе дня. Потомъ ссыльные, не имѣвшіе какихъ нибудь особенныхъ должностей, мели полы и убирали свои комнаты. Желающіе могли умываться соленою водою, доставаемою насосомъ изъ моря. Омовенія эти сопровождались различными проказами и бывали часто причиною драки.

Въ восемь часовъ выдавалась порція какао и сухарь, что составляло завтракъ. Послѣ этого начиналось ученье. Раздавали книги. Докторъ осматривалъ больныхъ, выслушивалъ жалобы и распредѣлялъ наказанія. Наказанія состояли въ томъ, что виновнаго заковывали въ тяжелыя цѣпи, или запирали въ такую тѣсную каюту, въ которой онъ не могъ ни лежать, ни сидѣть, ни стоять прямо. Наказанье плетью употреблено было только одинъ разъ.

Около полудня капелланъ читалъ намъ молитвы, и говорилъ иногда при этомъ какія нибудь наставленія. Въ пять часовъ раздавался чай. Ни чай, ни какао, не были тѣмъ, что привыкли мы называть этими именами; но они были горячи и подкрѣпляли насъ. Въ шесть часовъ оправляли постели. Въ половинѣ седьмаго дѣлали перекличку, и мы по одиначкѣ входили въ наши комнаты, гдѣ и запирали насъ. У каждой двери становился часовой съ заряженнымъ ружьемъ и со штыкомъ.

Засыпать было очень рано, а читать по причинѣ темноты не возможно, и я былъ осужденъ выслушивать разсказы моихъ товарищей

Digitized by Google

о самыхъ отвратительныхъ преступленіяхъ. Ночью часто пѣли они неприличныя и ругательныя пѣсни. Если шумъ дѣлался уже черезъ чуръ великъ, часовой стучалъ штыкомъ въ дверь и кричалъ: смирно!

Путешествіе наше продолжалось сто двадцать четыре дни. Если сообразить всѣ лишенія, претерпѣнныя мною въ это время, и то, что я провелъ его въ обществѣ отъявленныхъ злодѣевъ и мошенниковъ, то можно понять весь ужасъ моего положенія.

Отъ скуки, старался я иногда наблюдать за моими товарищами и изучать ихъ характеры, слушая ихъ собственные разсказы или разсказы о нихъ прочихъ. Трудно представить собраніе существъ съ болѣе разнообразными нравственными понятіями.

Между нами былъ на-примѣръ Дикъ-Пеарсонъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, выдававшій себя за матроса, но представлявшій истинный типъ ссыльнаго. Съ самаго малолѣтства жилъ онъ кражами и грабежами на большихъ дорогахъ. Пятнадцать разъ приводился онъ къ суду, и уже пробылъ семь лѣтъ въ ссылкѣ. Не было преступленія, на которое бы онъ не былъ способенъ, не было тюрьмы на двадцать миль разстоянія, въ которой бы не побывалъ онъ. Я часто разговаривалъ съ нимъ, желая убѣдиться въ степени возможности возвратить подобныхъ людей на путь истинный. Въ свою очередь Дикъ задавалъ мнѣ вопросы по части географіи, но я рѣдко отвѣчалъ на нихъ, зная объ этомъ мнѣніе начальства. Цѣль вопросовъ его, которую впрочемъ и не скрывалъ онъ, было запастись необходимыми свѣдѣніями на случай, если удастся ему овладѣть кораблемъ.

Совершенную противуположность Дику представлялъ бѣдный, чувствительный Стовенъ. Ему было пятьдесятъ лѣтъ отъ роду и онъ очень долго занималъ должность биржеваго маклера. Различныя неудачи заставили его промѣнять эту должность на занятія школьнаго учителя. Тутъ получалъ онъ такъ мало дохода, что не имѣлъ средствъ къ пропитанію многочисленнаго семейства. Въ крайности помогалъ ему братъ его, имѣвшій хорошее состояніе. Случилось такъ, что Стовену понадобилось пять фунтовъ стерлинговъ, а братъ куда то уѣхалъ изъ Англіи. Побуждаемый нуждою, Стовенъ подписался подъ руку брата, и пустилъ въ ходъ расписку подъ его именемъ въ необходимую ему сумму. Онъ увѣрялъ меня, что намѣренъ былъ признаться въ этомъ брату по его возвращеніи, и надѣялся, что онъ проститъ его. Умѣренность Стовена была первою причиною его гибели. Расписка попала въ руки знакомыхъ его брата, которые удивились, что богатый человѣкъ даетъ росписки на такія ничтожныя суммы. Ему за-

Digitized by Google

писали объ этомъ, а онъ разумѣется объявилъ, что никогда не подписывалъ подобныхъ расписокъ. Началось слѣдствіе и обвиненный Стовенъ осужденъ въ ссылку.

Было много другихъ лицъ, надъ которыми дѣлалъ я свои наблюденія, но не буду затруднять читателя описаніемъ ихъ.

Воровство на кораблѣ было постоянное, безъ него не проходило ни дня, ни ночи. Казалось, что производители его боялись отвыкнуть отъ своего ремесла во время путешествія.

Я говорилъ выше, что каждый изъ насъ получилъ по оловянному горшку. На третій день путешествія замѣтилъ я, что мой горшокъ былъ обмѣненъ. Я вычистилъ доставшійся мнѣ при обмѣнѣ, и сталъ употреблять его. Но на другое же утро ко мнѣ подошелъ одинъ изъ товарищей, и объявилъ, что въ рукахъ моихъ его горшокъ, что на немъ есть замѣтка на боку и на днѣ. Оказалось, что замѣтки были тамъ въ самомъ дѣлѣ, и я долженъ былъ отдать горшокъ его владѣльцу. Я объявилъ при этомъ, что мой горшокъ былъ у меня похищенъ, но надо мною громко смѣялись, и уже въ послѣдствіи объяснили мнѣ, что подобные обмѣны дѣлаются очень часто между ссыльными и замѣняютъ прямое воровство. Потеря горшка была мнѣ очень невыгодна. Нѣсколько дней лишенъ я былъ своей порціи супу и чаю. Наконецъ получилъ я новый горшокъ. Мнѣ принесъ его одинъ изъ моихъ товарищей, объявивъ, что дѣлаетъ это для меня за то, что я написалъ ему письмо въ Вольвичъ.

Подобные примѣры благодарности встрѣчалъ я часто на кораблѣ, и въ послѣдствіи убѣдился, что это чувство не изчезаетъ вполнѣ даже въ самой испорченной нравственности.

III.

Къ концу нашего путешествія, когда намъ оставалось не болѣе трехъ сотъ миль до острова Норфолька, корабль нашъ потерпѣлъ сильную бурю. На тихомъ океанѣ бываютъ они очень рѣдко, но разъ поднявшаяся непогода бушуетъ съ необыкновенною силою. Положеніе наше во время бури было самое ужасное, мы были заперты въ нашихъ комнатахъ, слышали завываніе вѣтра, чувствовали страшные толчки корабля и при каждомъ опущеніи его въ волны думали, что мы тонемъ.—Страхъ этотъ былъ такъ великъ, что самые безпокойные изъ ссыльныхъ присмирѣли въ это время.

Digitized by Google

Приближеніе наше къ острову Норфольку имѣло весьма разнообразное вліяніе на ссыльныхъ. Большая часть, ужасаясь постоянной работы, желали остаться на кораблѣ. Что же касается до меня, то я имѣлъ сильное желаніе его оставить. Я не думалъ о предстоящихъ страданіяхъ, но надѣялся, что избѣгну покрайней мѣрѣ этой близости отвратительныхъ людей, данныхъ мнѣ въ товарищи путешествія.

Послѣ четырехмѣсячнаго пути, увидѣли мы наконецъ мѣсто, назначенное для нашего пожизненнаго заключенія. Прежде показался намъ островъ Испей, имѣющій не завлекательную наружность, а потомъ и высокія сосны, растущія по берегу Норфолька.

У острова нѣтъ пристани, и корабль бросилъ якорь на разстояніи мили отъ коралловыхъ отмѣлей. Капитанъ подалъ сигналъ береговымъ часовымъ, и скоро отъ берега отдѣлились барки, и подъѣхали къ кораблю. Гребцами на ней были ссыльные, и насъ стали перевозить на берегъ въ сопровожденіи солдатъ.

Вѣрные своей натурѣ, товарищи мои продолжали воровать до послѣдней минуты. У одного ссыльнаго украли сапоги, снятые имъ за чѣмъ то на одну минуту. У сторожей украли табакъ ихъ.

Въ утро нашего переѣзда съ корабля, погода совершенно стихла, и небо имѣло блестящій цвѣтъ, свойственный только странамъ близкимъ къ тропикамъ. Видъ этого неба и видъ богатой произрастеніями земли сообщили душѣ моей отрадное чувство, и я безъ грусти вступилъ на берегъ этого земнаго рая, который, получа назначеніе вслѣдствіе людской злобы и пороковъ, зовется »адомъ океана.«

Ожидая на берегу прибытія остальныхъ ссыльныхъ, я невольно перенесся мыслію въ прошедшее, и сравнилъ настоящее свое положеніе съ тѣмъ, которымъ я наслаждался годъ тому назадъ. Я имѣлъ хорошее состояніе и блестящую будущность, а въ этотъ годъ утратилъ все въ этомъ мірѣ, и очутился между ссыльными, осужденный провести остальные дни между ними вдали друзей и родины.

Не зная положительно времени нашего прибытія, начальникъ острова не былъ готовъ принять насъ. Коммисаріатскія распоряженія на этотъ день уже были сдѣланы и намъ не дали ничего ѣсть до другаго дня.

На ночь насъ положили въ большомъ сараѣ, кинувъ туда одѣяла. За эти одѣяла произошли многія драки. Кто успѣлъ схватить два одѣяла, кому недосталось ни одного.

На другой день въ пять часовъ привели насъ на берегъ и позволили выкупаться.

Digitized by Google

Купанье это освѣжило насъ. Видя, что четырехмѣсячное путешествіе изнурило наши силы, дали намъ два дня отдыха, и позволили гулять по острову и осматривать существующія тутъ заведенія.

Хижины, въ которыхъ помѣщались ссыльные, были у самаго берега. Строеніе, въ которомъ помѣщается гарнизонъ, состоящій изъ двухъ сотъ солдатъ и офицеровъ, отстояло отъ берега на четверть мили. Далѣе же на возвышенности, съ которой открывался очень пріятный видъ на море, былъ выстроенъ Government-House, домъ, въ которомъ жилъ гражданскій губернаторъ острова. По сосѣдству были расположены домики капеллана, инженера и другихъ чиновниковъ.

Въ первый же день нашего прибытія насъ собрали въ кружокъ, и представили губернатору, осмотрѣвшему насъ въ сопровожденіи доктора. Губернаторъ обратился къ намъ съ вопросомъ: «Не имѣетъ ли кто пожаловаться на доктора?» Но ни кто не пожаловался.

Назначенныхъ для работъ земледѣльческихъ отправили въ часть острова, называемую Лондгриджъ, мили за двѣ отъ берега, а остальныхъ размѣстили по заведеніямъ.

По уходѣ губернатора посѣтилъ насъ капелланъ, человѣкъ очень умный и снисходительный.

Въ два дня, данные намъ для отдохновенія, осмотрѣлъ я дортуары ссыльныхъ и прочія комнаты. Я увидѣлъ между прочимъ людей называемыхъ: «на вѣкъ закованными,« это были неисправимые преступники. Они были скованы другъ съ другомъ, и, идя на работу, дѣлали странные зигзаки, подаваясь впередъ очень медленно по причинѣ тяжести цѣпей.—Полиція состояла изъ людей здоровыхъ и бодрыхъ, избранныхъ изъ болѣе смирныхъ преступниковъ. Они были одѣты въ полосатыя рубашки, синія куртки и широкія бѣлыя панталоны съ кожанымъ поясомъ. По сочувствію ли къ своимъ прежнимъ собратамъ, или просто по нерадѣнію, полиція была не страшна на островѣ, и не прекращала воровства, которое бывало и здѣсь ежедневнымъ явленіемъ.

Во время посѣщенія моего тюрьмы, я былъ свидѣтелемъ страннаго обычая тамошняго начальства. При мнѣ вывели изъ тюрьмы двоихъ преступниковъ, сняли съ нихъ оковы и позволили имъ начать между собою драку. Когда одинъ изъ бойцевъ признался побѣжденнымъ, ихъ снова сковали и отвели въ тюрьму.. Тюремщикъ, которому сообщилъ я мое удивленіе при этомъ зрѣлищѣ, сказалъ мнѣ: — О! они уже такъ давно ссорятся, что я рѣшился позволить имъ покончить ссору дракою. Черезъ нѣсколько минутъ разносили при мнѣ

Digitized by Google

преступникамъ пищу. Тюремщика, вносившаго ее въ комнаты, сопрождали два солдата съ ружьями и штыками. Эта предосторожность употреблялась потому, что озлобленные заключенники, доходившіе до безумія вслѣдствіе осужденія ихъ на вѣчныя оковы, часто бросались на тюремщиковъ и ихъ уродовали.

Перемѣна пищи и климата была сначала причиною многихъ болѣзней, но на островѣ устроена больница, и больнымъ подаются необходимыя пособія. Помѣщеніе въ ней только довольно тѣсно. Я занемогъ въ числѣ прочихъ, и меня положили въ небольшой комнатѣ, въ которой стояло десять кроватей. Жаръ былъ несносный, но за то тишина необыкновенная. Мысль умереть въ дали отъ родныхъ и родины заставляла каждаго задумываться.—Видъ этихъ несчастныхъ, убиваемыхъ въ болѣзни отчаяніемъ, терзалъ мою душу и мѣшалъ моему выздоравленію; но я горячо молилъ Бога сохранить мнѣ жизнь до той минуты, когда я буду оправданъ. Во время болѣзни выпросилъ я себѣ чернилъ и бумаги, и написалъ подробную исторію моего процесса въ надеждѣ переслать ее какъ нибудь въ Англію.

Черезъ мѣсяцъ вышелъ я изъ больницы, но докторъ объявилъ меня неспособнымъ къ тяжелымъ работамъ, по причинѣ оставшейся еще во мнѣ слабости. Я надѣялся, что меня помѣстятъ куда нибудь для письмоводства, но надежды мои были обмануты, и меня сдѣлали смотрителемъ дортуара: Это непріятная, самая опасная и вредная для здоровья должность. Я долженъ былъ смотрѣть за порядкомъ дортуара, въ которомъ помѣщалось до двухъ сотъ преступниковъ, изъ которыхъ большая часть готовы не только обидѣть, но и убить человѣка приставленнаго для ихъ надзора.

Съ семи часовъ вечера и до шести утра былъ я запертъ вмѣстѣ съ ними, а впродолженіи дня долженъ былъ заботиться о чистотѣ воздуха и половъ комнаты. Докторъ возставалъ, но напрасно, противъ опредѣленія меня къ этой должности.

Преступники, не спавшіе въ продолженіе всего времени, назначеннаго для сна ихъ, собирались въ кучки и разсказывали другъ другу различныя сказки. Чтобы занять ихъ я попробовалъ разсказать имъ что нибудь изъ исторіи Англіи или Рима. Они слушали меня со вниманіемъ и часто просили повторять сказанное.

IV.

Мы были уже шесть недѣль на островѣ Норфолькѣ, какъ нѣкоторые изъ ссыльныхъ рѣшились попытаться на побѣгъ.

Digitized by Google

Привезшій насъ корабль отправлялся въ Сидней и привезъ оттуда солдатъ и провизію. Двадцать ссыльныхъ, употребленные для перевозки солдатъ и припасовъ на островъ, условились воспользоваться своими назначеніями и бѣжать. Съ этою цѣлію собрали они извѣстное количество съѣстныхъ припасовъ и другихъ вещей, необходимыхъ для путешествія, и спрятали свои запасы въ песчаномъ берегу на мѣстѣ, называемомъ Цидедмиль. Когда всѣ приготовленія были кончены, утромъ отправилась по обыкновенію лодка съ двѣнадцатью ссыльными и тремя солдатами, вооруженными заряженными пистолетами.

На половинѣ пути, по сигналу, поданному главнымъ зачинщикомъ заговора, ссыльные бросились на солдатъ, и прежде чѣмъ они успѣли опомниться, ихъ столкнули съ лодки. Главнымъ заговорщикомъ былъ знакомый читателямъ Дикъ-Пеарсонъ. Онъ взялся за руль лодки и направилъ ее къ тому мѣсту, гдѣ были спрятаны припасы, и должны были собраться остальные заговорщики. Послѣдніе были чѣмъ то задержаны и лодка принуждена была ожидать ихъ. Это обстоятельство имѣло слѣдствіемъ то, что ее замѣтили часовые съ корабля и съ острова. Сейчасъ сдѣлалась тревога и стража выбѣжала съ оружіемъ. Прежде показывали знаками ссыльнымъ, чтобы они вложили весла на лодку, въ знакъ своей покорности; но Дика Пеарсонъ не легко было заставить испугаться. Лодка отстояла отъ берегу на половину ружейнаго выстрѣла. Дикъ скомандовалъ грести какъ можно сильнѣе въ море. Въ это время солдаты дали по бѣглецамъ залпъ изъ ружей. Но ни одна пуля не дошла по назначенію. Послѣдующіе выстрѣлы имѣли еще менѣе успѣха, лодка была уже на слишкомъ большомъ разстояніи.

Не смотря на то, что имъ не удалось перенести въ лодку приготовленнаго запаса, бѣглецы продолжали удаляться отъ берега. Но они забыли о стоявшемъ въ виду кораблѣ. Капитанъ, видѣвшій всю эту продѣлку, и имѣвшій по счастію попутный вѣтеръ, снялся съ якоря, и, очень скоро перерѣзавъ дорогу лодкѣ, заставилъ ссыльныхъ просить пощады. Отсутствіе оружія дѣлало безполезнымъ всякое ихъ сопротивленіе.

Сейчасъ же началось слѣдствіе. Солдаты показывали, что ихъ силою сбросили въ море, а ссыльные увѣряли, что они бросились въ море сами отъ страха. Рѣшеніе этого вопроса было важно. Были ли преступники виновны только въ побѣгѣ, или вмѣстѣ и въ покушеніи на жизнь сопровождавшихъ солдатъ ихъ?

Изъ пяти членовъ былъ составленъ военный судъ.

Digitized by Google

Солдаты оставались при своихъ показаніяхъ, и виновные были осуждены на смерть. Приговоръ этотъ былъ бы исполненъ, еслибы не вступился за осужденныхъ капелланъ. По сильной просьбѣ его, наказаніе ограничилось измѣненіемъ временной ссылки ихъ на ссылку пожизненную.

При мнѣ же былъ еще другой заговоръ, имѣвшій слѣдствіемъ страшныя убійства подъ предводительствомъ Вествода, извѣстнаго подъ именемъ Жаки-Жаки. Поводомъ къ нему было замѣненіе двухъ-фунтовой порціи говядины двумя унціями соленаго поросенка. Заговоръ этотъ стоилъ жизни многимъ изъ солдатъ гарнизона и ближайшихъ начальниковъ ссыльныхъ. По прекращеніи убійства, и по произведенію слѣдствія оказалось двѣнадцать человѣкъ виновныхъ, и ни одинъ изъ нихъ не показалъ ни малѣйшаго слѣда раскаянія во все продолженіе суда. Всѣ они были приговорены къ смертной казни и осыпали самыми ужасными ругательствами своихъ обвинителей. Одинъ Вестводъ оставался холоденъ и спокоенъ при выслушаніи приговора. Онъ всталъ съ своего мѣста, и произнесъ краткую рѣчь, въ которой изъявилъ сожалѣніе, что участвовалъ въ кровопролитіи. Онъ сказалъ между прочимъ, что ожидалъ произнесеннаго приговора, что онъ родился съ любовью къ ближнему, что, исполненный этого чувства, вступилъ онъ въ общество, но возненавидѣлъ человѣчество за претерпѣнныя имъ несправедливости и жестокости людей.

Осужденные были повѣшены. Должность палача исполняли двое изъ ссыльныхъ, выпросившихъ на это позволеніе, говоря, что они надѣятся этимъ поступкомъ оказать услугу и быть полезнымъ правительству.

Въ продолженіе шести мѣсяцевъ исполнялъ я должность смотрителя дортуара, прерываемую только частыми болѣзнями, въ продолженіе которыхъ клали меня въ больницу. Добрый капелланъ, проводившій иногда цѣлые дни у моей постели, дѣятельно вступился наконецъ въ мое положеніе, и меня освободили отъ ужасной должности. По совѣту доктора меня отправили въ болѣе здоровую часть острова, называемую Каскадами. Перемѣна воздуха имѣла благодѣтельное вліяніе на мое здоровье. Силы мои начали только что возвращаться, какъ сейчасъ же стали употреблять меня въ земляную работу подъ надзоромъ самаго грубаго и привязчиваго смотрителя.

Три мѣсяца занимался я этою тяжелою работою, и наконецъ-то открылось мѣсто писаря, на которое кромѣ меня не оказалось никого способнаго. Я занялъ это мѣсто, но должность моя была далеко

Digitized by Google

не легкая. Съ пяти часовъ утра и до девяти вечера сидѣлъ я за письменнымъ столомъ, питаясь пищею, одинаковою съ прочими ссыльными.

Я долженъ впрочемъ отдать справедливость ссыльнымъ въ снисходительномъ ихъ обращеніи со мною еще до поступленія моего въ должность писаря. Если случилось имъ замѣтить, что я несу тяжесть выше силъ моихъ, они сейчасъ брались нести ее вмѣсто меня. Однажды, качая изъ колодезя воду, я нечаянно уронилъ туда свою соломенную шляпу, данную мнѣ по настоятельному требованію доктора. Ссыльный, видѣвшій это, сейчасъ же спустился въ колодезь, не смотря на мои просьбы не рисковать жизнію для спасенія принадлежащей мнѣ вещи. Черезъ нѣсколько минутъ его благополучно вытащили, и онъ отдалъ мнѣ шляпу, сказавши: долгъ платежемъ красенъ. Сколько не припоминалъ я впослѣдствіи, никогда не могъ вспомнить, какую оказалъ я ему услугу.

Ни что однакожъ не могло воздержать моихъ товарищей отъ воровства. Во время сна стащили они съ меня башмаки. Надзиравшій за нами, увидя меня босаго на работѣ, подарилъ мнѣ пару собственныхъ сапогъ своихъ.

Болѣе всѣхъ помогалъ мнѣ и раздѣлялъ со мною трудности жизни молодой человѣкъ, осужденный за фальшивые векселя, и я былъ въ восторгѣ, что могъ быть однажды самъ ему полезенъ. Онъ занималъ мѣсто писаря въ одной изъ конторъ, и исполнялъ лучшимъ образомъ свою должность въ продолженіе полутора года, какъ вдругъ у товарища его нашелся спрятанный табакъ, а употребленіе табаку было строжайше запрещено на островѣ. Молодой человѣкъ признанъ былъ участникомъ несоблюденія правилъ и посланъ на полевыя работы. Я употребилъ въ его пользу пріобрѣтенное уже мною вліяніе, и его воротили на прежнее мѣсто.

Въ тяжелые дни моей ссылки выдавались для меня иногда и отрадныя минуты. Когда повѣсть моихъ несчастій стала болѣе извѣстна, мнѣ стали сочувствовать, сначала капелланъ, а потомъ и другія власти военныя и гражданскія. Встрѣчаясь со мною, гдѣ бы то нибыло, они останавливались и со мной заговаривали.

Занятія мои по письменной части заставляли меня часто отправляться въ отдаленныя части острова, и давали мнѣ возможность наслаждаться дивною туземною природою. Самые нѣжные фрукты созрѣваютъ здѣсь на воздухѣ, лѣса наполнены попугаями и другими

Digitized by Google

красивыми птицами. Ночи на островѣ такъ хороши, что Европеецъ съ трудомъ можетъ вообразить ихъ.

Не разъ спрашивалъ я себя, по какому страшному стеченію обстолтельствъ земной рай этотъ избранъ мѣстомъ пребыванія самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ.

Я пробылъ уже два года и шесть мѣсяцевъ на островѣ Норфолькѣ, какъ пришла къ намъ вѣсть, что по полученному правительствомъ допосу о дурномъ содержаніи ссыльныхъ на островѣ, уничтожалась здѣсь ссылочная колонія. Вслѣдствіе этого распоряженія, мы, въ числѣ трехъ сотъ, были перевезены въ землю Ван-Дименову.

Прошло уже три года моей ссылочной жизни. Сколько разъ раждалась и угасала во мнѣ надежда на полученіе свободы! Я переслалъ въ Англію записку о моемъ процессѣ вмѣстѣ со многими письмами, и все еще не отчаявался окончательно. Наконецъ хлопоты одного моего друга, занимавшаго важное мѣсто въ государствѣ, и слѣдившаго внимательно за моею участью, были увѣнчаны успѣхомъ. Черезъ недѣлю послѣ прибытія моего въ землю Ван-Дименову я былъ прощенъ, но небезусловно. Мнѣ возвращалась свобода безъ позволенія вернуться въ Англію.

Начальникъ, сообщившій мнѣ это извѣстіе, объявилъ мнѣ, что я долженъ отдать назадъ всю казенную одежду и отправляться къ Гобарт-Товну, гдѣ получу бумаги, необходимыя для доказательства моего свободнаго состоянія. Безъ друзей, безъ денегъ, и, не имѣя никакой собственной одежды, я спросилъ его, не дастъ ли ли онъ мнѣ хоть на время какого нибудь платья.

«На этотъ счетъ я неимѣю никакихъ приказаній» — отвѣчалъ онъ мнѣ и удалился.

Неимѣя еще никакаго вида, я не могъ сѣсть ни на одно судно, отправляющееся въ Гобартъ-Товну, и долженъ былъ отправиться туда сухимъ путемъ черезъ дѣвственные лѣса и болота, по пути, посѣщаемому очень рѣдкими путешественниками. Товарищи мои собрали мнѣ кой-какую одежду, и я, какъ бродяга, просящій милостыни началъ далекое странствованіе. Намѣреніе мое было добраться до Парижа, отстоявшаго на семь тысячь миль, отъ пункта моего отправленія. Оттуда надѣялся я снова хлопотать передъ моимъ правительствомъ и получить полное оправданіе.

Около тридцати миль прошелъ я, не встрѣчая ни одной человѣческой души; пробирался лѣсами, переплывалъ рѣчки, переходилъ горы, и явился въ Гобарт-Товнъ въ самомъ жалкомъ видѣ.

Digitized by Google

Здѣсь обратился я къ капеллану и уголовному судьѣ. Эти добрые люди дали мнѣ одежду, открыли въ мою пользу подписку и дали мнѣ средства доѣхать до Сиднея.

Въ Сиднеѣ разсмотрѣли вновь мое дѣло и щедро снабдили средствами на продолженіе путешествія.

Черезъ пятьдесятъ дней доѣхалъ я до Кантона, а черезъ тридцать слѣдующихъ прибылъ въ Мадрасъ. Данныя мнѣ рекомендательныя письма доставили мнѣ самый щедрый и благосклонный пріемъ въ городѣ. Три недѣли ожидалъ я судна, отправляющагося въ Суэцъ, и все это время провелъ въ домѣ одного изъ высшихъ мѣстныхъ сановниковъ. Онъ уступилъ мнѣ большую компату, баню и библіотеку, даже далъ мнѣ въ распоряженіе карету и двѣ прислуги.

Какъ хороша жизнь въ Индіи, особенно для людей богатыхъ! Какъ пріятно тамъ обѣденное время! Наружный палящій жаръ служитъ источникомъ наслажденія для тѣхъ счастливцевъ, которые могутъ отъ него укрыться. Обѣденная зала помѣщена въ совершенной тѣни, полъ изъ полированнаго камня не имѣетъ нужды въ коврахъ, до васъ достигаетъ прохладный воздухъ, проходя сквозь мокрыя сторы. Красивѣйшія растенія и цвѣты огибаютъ двери и окна, сами вы одѣты въ тончайшее платье изъ бѣлой матеріи. Туземные слуги, безъ обуви, въ своихъ бѣлыхъ костюмахъ съ красными тюрбанами, неслышно скользятъ вокругъ васъ, и вы невольно вспоминаете восточныя сказки, которыми лелѣяли ваше младенчество.

Незабудьте, что, не смотря на несносный жаръ, льду здѣсь столько же, какъ на вершинѣ Монблана.

Появленіе мое среди этой роскоши съ острова Норфолька могло бы тоже быть предметомъ волшебной сказки.

Отсюда доѣхалъ я моремъ до Тріэста, переѣхалъ Южную Германію и явился наконецъ во Франціи.

У меня были письма къ знатнѣйшимъ сановникамъ столицы и съ помощію ихъ я успѣлъ обратить на себя вниманіе нашего Посланника.

Мѣсяцевъ черезъ шесть я получилъ полное прощеніе и письмо государственнаго Секретаря, въ которомъ объявлялась моя полная невинность.

(*Dickens Journal.*)

Digitized by Google

по поводу статьи:
«*Наблюденія надъ умирающими.*»

Въ двадцатомъ нумерѣ Москвитянина, за 1852 годъ, помѣщена очень любопытная, хотя очень грустная, статья: *Наблюденія надъ умирающими**. По поводу этой статьи, я припомнилъ два случая, изъ которыхъ одинъ касается обстоятельствъ смерти женщины, дорогой моему сердцу, и недавно еще прешедшей въ вѣчность, а другой одного мущины, уже давно умершаго. Свидѣтелемъ перваго случая былъ я самъ, а второй разсказанъ мнѣ человѣкомъ, въ справедливости словъ котораго я ручаюсь. Начну по порядку....

Она была добрая, прекрасная и благородная женщина. Можетъ быть, за эти качества, Богъ послалъ ей то сознаніе приближающейся кончины, которое обыкновенно называютъ предчувствіемъ. За полгода до своей смерти, она начала предчувствовать ее, и, въ теченіи этого времени, на ея лицѣ попеременно появлялись, то глубокая задумчивость, то снѣдающая тоска. Съ мыслію о своей близкой смерти она такъ свыклась, что было бы безполезно разувѣрять ее въ противномъ. Но за всѣмъ тѣмъ, когда заболѣла она предсмертною болѣзнію, въ ней внезапно появилась надежда на выздоровленіе. Въ это время въ ней жажда къ жизни такъ была велика, что она боялась малѣйшаго обстоятельства, которое могло бы увѣрить ее въ безнадежности собственнаго положенія. Такъ, напримѣръ, у ней не доставало духу взглянуть на себя въ зеркало. Всѣхъ входившихъ къ ней встрѣчала она робкимъ взглядомъ, какъ бы страшась, чтобы выраженіе лица ихъ не лишило ея сладкой надежды. Вѣроятно для того, чтобы позабыться, она даже принимала участіе въ домашнемъ хозяйствѣ, почти до самаго того дня, какъ умереть ей. Накануѣ этого дня, къ вечеру, начало ослабѣвать ея зрѣніе, а къ слѣдующему утру оно совсѣмъ пропало. Но голосъ еще былъ, хотя она не могла уже выразить своей мысли словами. Проявлялось одно только чувство слуха: когда ударилъ колоколъ, возвѣщавшій о всеночной, ослабѣвшая рука ея силилась подняться для сотворенія крестнаго знаменія. Но силы недостало....

Когда я поцѣловалъ ее въ похолодѣвшій лобъ, по лицу ея, покрытому предсмертною блѣдностію, мгновенно, какъ электрическая искра, пробѣжала тѣнь жизни. Голова ея сдѣлала слабое, едва замѣтное движеніе, похожее на прощальный кивокъ. По всему замѣтно было, что чувство осязанія еще не покинуло ея.—Между тѣмъ ду-

* Насъ увѣдомляютъ, что эта статья выписана изъ Психологіи покойнаго профессора Авсенева (послѣ Архимандрита Ѳеофана), скончавшагося недавно въ Римѣ. *Ред.*

Digitized by Google

ханіе ея, минута отъ минуты, становилось короче; въ полуоткрытыхъ глазахъ не было замѣтно жизни; пульсъ бился слабѣе и слабѣе... Вдругъ, онъ забился какъ будто сильнѣе. Глаза открылись и въ нихъ загорѣлась жизнь. Казалось, зрѣніе возвратилось умирающей, что, вѣроятно, и было такъ. Но все это было только одно мгновеніе: въ глазахъ ея, въ ту же минуту, потухла жизнь, а пульсъ, сдѣлавши нѣсколько слабыхъ ударовъ, остановился.

Такъ иногда вспыхиваетъ догорающая лампада, для того, чтобы потухнуть мгновенно....

Совсѣмъ другими обстоятельствами сопровождалась смерть того человѣка, котораго я не зналъ лично, но объ которомъ много слышалъ.— Онъ то же былъ и благородный человѣкъ, но какъ и всѣ люди, имѣлъ свои слабости и недостатки. Такъ напримѣръ, онъ еще въ молодости славился удальствомъ, доходящимъ до крайности; любилъ покутить и подъ старость. — Когда наступилъ для него тотъ страшный часъ, который когда нибудь наступитъ для каждаго изъ насъ, онъ, разговаривавши до того съ родными и знакомыми, случившимися у него на тотъ разъ, вдругъ почувствовалъ себя очень дурно, и слабѣющимъ, но еще внятнымъ, голосомъ, сказалъ, обращаясь къ самому себѣ:

— Ну, братъ, Иванъ.... пожилъ-таки ты на бѣломъ свѣтѣ, попилъ, погулялъ, а теперь пора и умереть. — За тѣмъ онъ поворотился на лѣвой бокъ, вздохнулъ, да и умеръ. *Евграфъ Васильевъ.*

13-го Декабря 1852 года. Саратовъ.

Кстати сообщимъ здѣсь любопытное описаніе кончины Владимирскаго Соборнаго Протоіерея семидесятилѣтняго старца, Іоанна Доброхотова, помѣщенное въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ тамошнихъ любопытныхъ Вѣдомостей извѣстнымъ служителемъ Археологіи Тихоправовымъ:

Кончина его представляетъ разительный примѣръ христіанскаго мужества при смерти. Въ продолженіе болѣзни Протоіерей Іоаннъ сдѣлалъ всѣ рѣшительно приказанія о погребеніи своемъ такъ спокойно, какъ будто говорилъ не о себѣ, но о комъ либо изъ постороннихъ. Потомъ онъ пожелалъ принять Св. Тайны; во время совершенія Елеосвященія надъ нимъ, могъ еще сидѣть имолился во все время совершенія этого таинства, послѣ же просилъ всѣхъ окружавшихъ простить его въ прегрѣшеніяхъ и благословилъ дѣтей своихъ. За тѣмъ онъ находился въ какой тоосо бенной духовной радости о скорой кончинѣ, и не болѣе уже какъ за два дня до смерти, вечеромъ выслалъ отъ себя всѣхъ окружавшихъ его, чтобы остаться одному и пропѣть духовныя пѣсни. Когда

Digitized by Google

всѣ вышли, онъ ихъ запѣлъ слабымъ голосомъ; (пѣсни, которыя обыкновенно поются при отпѣваніи), но уже обезсилѣлъ до того, что не могъ всѣхъ окончить и замолкъ на нѣкоторое время, а чрезъдва дня и на вѣки.

Миръ праху почившаго старца Протоіерея Іоанна! Вся жизнь его была — полезная дѣятельность; смерть его — глубоко трогательный образецъ христіанской мирной кончины. * *К. Тихонравовъ.*

О погодѣ въ 1852 и 1853 годахъ.

Въ началѣ прошлаго года помѣстили мы въ журналѣ нашемъ (*) нѣсколько замѣчаній одного здѣшняго наблюдателя о погодѣ и урожаѣ, какихъ должно было ожидать въ мѣстахъ, лежащихъ на югъ отъ Москвы до безлѣсныхъ рубежей Новой Россіи. Предсказаніе это вообще сбылось. Урожай разнаго рода хлѣба, плодовъ и овощей, былъ во всѣхъ этихъ мѣстахъ изобильный. Зима стала рано и проч.

Такой счастливый опытъ побуждаетъ насъ помѣстить въ нашемъ изданіи преесказаніе того же бдительнаго наблюдателя перемѣнъ температуры замѣчанія и на сей 1853-й годъ.

Вотъ въ чемъ состоитъ его гороскопъ для того же самаго края. Общія очертанія характера каждаго времени года, которыя онъ представляетъ, не исключаютъ впрочемъ по прежнему измѣненій частныхъ, *немногихъ* и *непродолжительныхъ*.

«Вторая половина зимы не будетъ холоднѣе ея начала».

«Въ продолженіе весны и лѣта не будетъ общаго и важнаго недостатка въ дождяхъ; но въ Іюнѣ мѣсяцѣ влажность атмосферы будетъ значительнѣе, чѣмъ въ прочее время».

«Осень будетъ довольно холодная».

«Зима станетъ нѣсколько позднѣе, чѣмъ въ 1852 году, и въ началѣ ея морозы будутъ сильнѣе, нежели въ концѣ».

«Независимо отъ сего надобно ожидать снѣгу или дождя, смотря по времени года, или по крайней мѣрѣ влажныхъ тумановъ около: 20 Генваря, 18 Февраля 14 Апрѣля, 11 Мая, 8 Іюня, 5 Іюля, 1 и 28 Августа, 25 Сентября, 23 Октября, 20 Ноября и 18 Декабря.

«Изъ вышесказаннаго можно заключить, что въ 1853 году урожай хлѣбовъ, овощей и плодовъ будетъ нескудный; но сѣнокосъ и въ семъ году можетъ быть затруднительнѣе жатвы».

«Самое благопріятное, здоровое время продолжаться будетъ съ Апрѣля по Сентябрь. Противнаго должно опасаться въ Октябрѣ и Ноябрѣ».

NB. Насѣкомыхъ вообще будетъ менѣе прошлогоднаго.

27 Декабря, 1852 года.

*) См. N 2 Москвитянина 1852 г., въ *Смѣси*, стр. 54.

* Вотъ драгоцѣнныя и свѣдѣнія извѣстія, того рода, какаго мы ждемъ, кромѣ прочихъ, отъ всѣхъ Губернскихъ Вѣдомостей! *Ред.*

Digitized by Google

СМѢСЬ.

Приключеніе въ игорномъ домѣ.

(РАЗСКАЗЪ).

Не задолго до того времени, когда французское правительство закрыло игорные дома, я находился съ моимъ другомъ въ Парижѣ. Мы были оба еще молоды и вполнѣ наслаждались столичною жизнію. Однажды вечеромъ мы гуляли вблизи Палероляя, и не знали, какъ окончить вечеръ. Мой другъ предложилъ мнѣ идти въ Фраскати; но это мнѣ вовсе не понравилось; Фраскати было мнѣ очень знакомо: для забавы я выигрывалъ и проигрывалъ тамъ множество пятифранковыхъ монетъ, пока эта забава не обратилась въ ужасную скуку.

»Лучше пойдемъ въ самый простой игорный домъ, гдѣ порокъ является безъ личины,—сказалъ я своему товарищу,—въ такой игорный домъ, куда впускаютъ людей въ оборванныхъ сюртукахъ и безъ сюртуковъ.« — Хорошо, сказалъ онъ, намъ не надо выходить изъ Палероляя, чтобы найдти подобный домъ. Вотъ вправо передъ нами домъ, который такъ ославленъ и такъ гадокъ, что нельзя желать ничего хуже. — Спустя минуту, мы стояли у дверей этого дома.

Когда мы взошли на лѣстницу и отдали шляпы и трости швейцару, намъ отворили дверь главной игорной комнаты. Тамъ было очень не много; но не смотря на малое число посѣтителей, которые при нашемъ входѣ обратили на насъ вниманіе, они всѣ были типы различныхъ сословій. Мы пришли сюда, чтобы видѣть шулеровъ, но эти люди были еще хуже. Всякое плутовство имѣетъ свою болѣе или менѣе извѣстную комическую сторону, но здѣсь не было ничего, кромѣ трагическаго. Тишина, царствовавшая въ комнатѣ, наводила ужасъ. И тощій юноша съ впалыми щеками и длинными волосами, глаза котораго жадно слѣдили за каждой картой; и толстый игрокъ съ одутловатымъ краснымъ лицемъ, который терпѣливо отмѣчалъ иголкою на картѣ, сколько разъ выиграетъ красная и сколько разъ черная

Digitized by Google

масть, — всѣ молчали. Голосъ банкомета звучалъ какъ-то глухо въ этой комнатѣ. Я пришелъ, чтобы посмѣяться, но вскорѣ почувствовалъ, что еслибы спокойно смотрѣлъ на все это нѣсколько времени, то могъ бы заплакать. Чтобы избавиться отъ гнетущаго меня ужаснаго чувства, я къ-несчастію подошелъ къ столу и началъ играть. Еще болѣе къ моему несчастію, какъ мы увидимъ это впослѣдствіи, я выигралъ, и выигралъ такъ много, что всѣ игроки, ежедневно приходившіе сюда, обступили меня, и жадными, любопытными взорами смотрѣли на мое сокровище, перешептываясь между собою, что англичанинъ взорветъ банкъ.

Играли въ Rouge et Noire. Я игралъ въ эту игру почти въ каждомъ городѣ Европы, вовсе не стараясь и не имѣя желанія изучить теорію выигрыша — камень мудрости всѣхъ игроковъ, и никогда не былъ имъ вполнѣ. Моя игра была только для развлеченія, — и я прибѣгалъ къ ней только потому, что не зналъ, что значитъ нуждаться въ деньгахъ. Я не игралъ никогда постоянно; не проигрывалъ никогда болѣе того, сколько могъ, и никогда не выигрывалъ столько, чтобы могъ этимъ завлечься.

Однимъ словомъ, я посѣщалъ до сихъ поръ игорные дома такъ, какъ балы и театры.

Но въ этотъ разъ было совсѣмъ иначе: я почувствовалъ первый разъ въ жизни, что̀ значитъ страсть къ игрѣ. Мое счастіе меня въ полномъ смыслѣ отуманило. Хотя это покажется неправдоподобнымъ, но я проигрывалъ только тогда, когда старался разсчитывать; но когда предоставлялъ все случаю, то былъ увѣренъ, что выиграю, и выигрывалъ наперекоръ всему банку. Вначалѣ нѣкоторые изъ присутствующихъ ставили одинакій кушъ со мною, но вскорѣ мои ставки сдѣлались такъ высоки, что никто не могъ слѣдовать за мною. Одинъ за другимъ переставалъ играть, и всѣ, притаивъ дыханіе, слѣдили за моей игрой. Я все увеличивалъ куши и все продолжалъ выигрывать. Въ комнатѣ сдѣлалось всеобщее лихорадочное волненіе. Молчаніе замѣнилось хоромъ проклятій и восклицаній, произносимыхъ вполголоса на различныхъ языкахъ каждый разъ, какъ банкометъ подвигалъ ко мнѣ кучу золота, и досадуя на мое счастіе, стучалъ объ полъ своею деревянною ногою. Только одинъ изъ присутствующихъ оставался спокойнымъ, и этотъ человѣкъ былъ мой другъ. Онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ шопотомъ по-англійски, чтобъ я довольствовался выигрышемъ и кончилъ играть. Я долженъ отдать ему справедливость, что онъ повторялъ свои просьбы и увѣщанія нѣсколько

Digitized by Google

разъ, но наконецъ ушелъ одинъ, потому что я, отуманенный счастіемъ, отвѣтилъ ему такъ грубо, что его собственное достоинство не позволяло ему ни слова болѣе говорить со мною во весь этотъ вечеръ.

Вскорѣ послѣ его ухода послышался за мною сиповатый голосъ: »Позвольте мнѣ, милостивый государь, поднять вамъ два червонца, которые вы уронили, и положить ихъ опять на то мѣсто, гдѣ они были. Удивительное счастіе, сударь! — Sacré milles bombes! продолжайте такъ и взорвите банкъ!«

Я обернулся и увидѣлъ за собою высокаго мужчину въ поношенномъ сюртукѣ; незнакомецъ вѣжливо кивалъ мнѣ головою и улыбался. Еслибъ я былъ въ полномъ умѣ, онъ показался бы мнѣ немного подозрительнымъ типомъ стараго солдата. У него были красные опухшіе глаза, рѣдкая борода и испорченный носъ. Рѣчь его имѣла самый непріятный казарменный выговоръ, а руки его были такъ грязны, какихъ я никогда еще не видывалъ — даже во Франціи. Но всѣ эти признаки не произвели на меня въ то время никакаго непріятнаго впечатлѣнія. Въ этомъ полусумасшедшемъ настроеніи духа я готовъ былъ обнять всѣхъ, какъ братьевъ. Я взялъ отъ него подпятыя имъ деньги, дружески потрепалъ его по плечу, и побожился, что онъ честнѣйшій человѣкъ въ мірѣ и славный остатокъ великой арміи. »Продолжайте играть! — вскричалъ мой воинственный другъ, — выиграйте еще и взорвите банкъ!«

И я продолжалъ играть, и игралъ такъ счастливо, что черезъ четверь часа банкометъ сказалъ: »милостивые государи! банкъ для нынѣшняго вечера закрывается!« Всѣ ассигнаціи и все золото банка лежали въ кучѣ передо мною, весь наличный капиталъ банка принадлежалъ мнѣ! — »Завяжите деньги въ платокъ, почтеннѣйшій, — сказалъ старикъ, когда я въ восторгѣ перебиралъ золото руками.— Завяжите ихъ въ носовой платокъ, какъ мы это обыкновенно дѣлаемъ съ нашимъ скуднымъ обѣдомъ. Вашъ выигрышъ слишкомъ тяжелъ для кармана. Вотъ возьмите платокъ и завяжите въ него ассигнаціи и золото! Каково счастіе! подождите, вотъ еще червонецъ на полу! Ah, sacré petit polisson de Napoleon, насилу я тебя досталъ! Ну, вотъ теперь, сударь, завяжите покрѣпче два узла, и дѣло въ шляпѣ. Пощупайте-ка, счастливый человѣкъ, какъ они тверды и крѣпки, точно пушечныя ядра! Ахъ, если бы въ насъ при Аустерлицѣ стрѣляли такими ядрами, — nom d'une pipe, еслибы такъ было! — Теперь мнѣ, какъ старому гренадеру и отставному храброму солдату французской арміи, что еще остается сдѣлать? я спрашиваю васъ, что? — а вотъ

Digitized by Google

что: просить моего почтеннаго друга англичанина, распить со мною бутылку шампанскаго, и передъ нашею разлукою выпить за здравіе богини счастія!«

— Хорошо, храбрый воинъ старой гвардіи! шампанскаго! и выпьемъ за здоровье стараго солдата и богини фортуны!

— Браво, англичанинъ! въ твоихъ жилахъ течетъ живая французская кровь! Еще стаканъ! Ага! бутылка-то ужъ пуста! ничего! vive le vin! Старый солдатъ отъ себя еще заказываетъ бутылку и полфунта конфектъ на закуску!

— Нѣтъ, нѣтъ, старый гренадеръ! ни за что на свѣтѣ, товарищъ, твоя бутылка была вонъ та, что выпита, теперь моя очередь. Вотъ она! ну, пей только! за здравіе французской арміи! почтеннѣйшихъ посѣтителей! банкомета, его жены и дочерей — если онѣ у него есть, — всѣхъ дамъ вообще, и всѣхъ людей земнаго шара!

Когда вторая бутылка шампанскаго была выпита, мнѣ казалось, что я пилъ какъ будто жидкій огонь, голова была какъ въ огнѣ. Никогда еще въ жизни моей излишество вина не производило во мнѣ такого дѣйствія. Было ли это слѣдствіемъ моего передъ тѣмъ взволнованнаго расположенія духа? былъ ли мой желудокъ въ дурномъ состояніи? или шампанское было очень крѣпко?

— Старый гренадеръ французской арміи! вскричалъ я въ волненіи, я горю! что сдѣлалъ ты со мною! ты меня зажегъ! слышишь ли ты, герой Аустерлица, еще бутылку шампанскаго, чтобы залить огонь!

Старый солдатъ покачалъ головою, уставивъ на меня свои стеклянные глаза, такъ что мнѣ казалось, что они готовы выпрыгнуть изъ своихъ впадинъ, приложилъ грязный палецъ къ носу, и сказалъ торжественно: »кофею!« и тотчасъ побѣжалъ въ сосѣднюю комнату.

Это слово, сказанное ветераномъ, казалось, произвело волшебное дѣйствіе на всѣхъ присутствующихъ. Они всѣ встали, какъ по командѣ и ушли, вѣрно они выжидали извлечь какую-нибудь пользу отъ моего опьянѣнія, но когда увидали, что другъ мой хотѣлъ мнѣ воспрепятствовать опьянѣть до пельзя, то они потеряли надежду воспользоваться моимъ выигрышемъ. Когда старый солдатъ воротился и опять сѣлъ противъ меня за столъ, мы были одни въ комнатѣ. Съ своего мѣста я могъ видѣть банкомета, который спокойно ужиналъ въ передней.

И съ старымъ гренадеромъ произошла быстрая перемѣна. Лице его приняло чрезвычайно торжественное выраженіе, и когда онъ началъ опять говорить со мною, онъ не употреблялъ болѣе прежнихъ

Digitized by Google

проклятій, но придавалъ рѣчи своей болѣе выраженія, прищелкивая пальцами.

»Послушайтесь меня, почтенный господинъ, сказалъ онъ таинственнымъ голосомъ, послушайтесь совѣта стараго солдата. Я говорилъ съ хозяйкою дома (она прекрасная женщина и геній поваренаго искусства) и растолковалъ ей, что намъ нуженъ самый крѣпкій кофе. Вы должны выпить этого кофе, чтобы отрезвиться прежде, чѣмъ пойдете домой. Съ такою большою суммою денегъ, какъ теперь у васъ, вы должны поставить себѣ за обязанность быть въ полномъ разумѣ. Многіе изъ тѣхъ господъ, которые сегодня здѣсь были, знаютъ, что вы выиграли большую сумму денегъ; они въ своемъ родѣ хорошіе люди, но они люди, почтеннѣйшій господинъ, и имѣютъ свои маленькія слабости! Что же мнѣ еще болѣе объяснять: вѣдь вы меня поняли? Такъ вамъ вотъ что надо сдѣлать: когда вы будете себя чувствовать получше, пошлите нанять экипажъ, и когда сядете въ него, спустите всѣ окна и скажите кучеру, чтобы онъ везъ васъ домой по большимъ улицамъ. Исполните это, и вы и ваши деньги будутъ въ цѣлости, а завтра вы скажете спасибо старому солдату, что онъ далъ вамъ хорошій совѣтъ.«

Старый гренадеръ только что кончилъ свою рѣчь плаксивымъ голосомъ, какъ принесли двѣ чашки кофе. Мой внимательный другъ подалъ мнѣ чашку, и я выпилъ ее, не переводя духа, потому что умиралъ отъ жажды, но почти тотчасъ же у меня сдѣлалось головокруженіе, и я чувствовалъ себя еще болѣе пьянымъ, чѣмъ прежде. Компата вертѣлась, старый солдатъ, казалось, ходилъ какъ маятникъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Сильный шумъ въ ушахъ оглушилъ меня, и какое-то безсознательное чувство слабости овладѣло мною. Я всталъ со стула, держась за столъ, чтобы не упасть, и заикаясь проговорилъ, что чувствую себя очень не хорошо, и не знаю, какъ доберусь домой.

— Это было бы величайшимъ безразсудствомъ съ вашей стороны, другъ мой, идти домой въ этомъ положеніи. У васъ навѣрное отобрали бы всѣ деньги и могли бы убить васъ. Я ночую здѣсь въ домѣ, ночуйте и вы. Тутъ превосходныя постели, вы проспитесь, а завтра утромъ пойдете домой съ своимъ выигрышемъ.

Я былъ не въ состояніи что-либо обдумать или что-либо чувствовать, исключая того, что долженъ лечь гдѣ-нибудь, чтобы сномъ подкрѣпить свои силы, а потому охотно согласился на предложеніе провести здѣсь ночь, и принялъ услуги стараго солдата и банкомета,

Digitized by Google

который долженъ былъ намъ показывать дорогу. Они повели меня черезъ нѣсколько корридоровъ на верхъ по высокой лѣстницѣ въ назначенную мнѣ комнату. Старый солдатъ пожалъ мнѣ руку, предложилъ мнѣ завтра утромъ вмѣстѣ позавтракать, и удалился потомъ вмѣстѣ съ банкометомъ, оставивъ меня одного.

Я подошелъ къ умывальнику, выпилъ изъ кружки нѣсколько глотковъ воды, остальное вылилъ въ тазъ, и умывъ имъ лицо, сѣлъ на стулъ, чтобы немного собраться съ мыслями. Вскорѣ я почувствовалъ себя гораздо лучше. Перемѣна воздуха для легкихъ, которыя вдыхали ужъ не удушливую атмосферу игорной комнаты, а чистый воздухъ спальни, и свѣтъ одной свѣчи вмѣсто газоваго освѣщенія залы, чудно подкрѣпили мои нервы. Первою моею мыслію была опасность провести ночь въ игорномъ домѣ, а второю—еще бо́льшая опасность—попытаться уйдти изъ запертаго дома и съ такою большою суммою денегъ идти ночью домой по улицамъ Парижа. Мнѣ часто во время моихъ путешествій случалось проводить ночи на сомнительныхъ почлегахъ, и я рѣшился запереть двери и заставить ее мебелью, находящеюся въ комнатѣ.

Я принялъ всѣ мѣры противъ всякаго нападенія: осмотрѣлъ подъ кроватью и въ шкафахъ, не скрывается ли тамъ кто-нибудь, и потомъ раздѣлся, вполнѣ увѣренный, что принялъ всѣ мѣры осторожности, поставилъ свѣчу, которой уже не много оставалось горѣть, на каминъ, и легъ въ постель, положивъ платокъ съ деньгами подъ подушку.

Но я вскорѣ убѣдился, что не могу не только заснуть, но даже сомкнуть глазъ. Я былъ какъ въ лихорадкѣ, дрожалъ всѣми членами, и всѣ чувства мои были въ сильномъ напряженіи. Я метался во всѣ стороны; то переворачивалъ подушку стороною, которая была похолоднѣе, и оправивъ ее, ложился на спину; то, опять съ досадой скомкавъ ее, клалъ къ задку кровати и пробовалъ уснуть въ полусидячемъ положеніи; но всѣ попытки были напрасны; я стоналъ отъ досады, что долженъ провести ночь безъ сна.

Что мнѣ оставалось дѣлать? книги со мною не было, и я хорошо зналъ, что если дамъ полную волю своей фантазіи, то всю ночь буду представлять себѣ разныя возможныя и невозможныя опасности.

Я приподнялся, и, опершись на локти, сталъ осматривать мою комнату, которая была освѣщена лунною. Между тѣмъ какъ глаза мои блуждали отъ предмета къ предмету, мнѣ пришла на умъ хорошенькая книжечка: «Voyage autour de ma chambre.» Я хотѣлъ подражать французскому сочинителю, чтобы разогнать дурныя мысли,

Digitized by Google

но состояніе духа, въ которомъ я находился, не позволяло мнѣ увлекаться фантазіею, и я просто сталъ разсматривать мебель моей комнаты, ничего не думая.

Прежде всего обратила на себя мое вниманіе кровать, на которой я лежалъ, настоящая англійская кровать съ четырьмя колоннами и балдахиномъ, какую трудно было встрѣтить въ Парижѣ. Балдахинъ былъ украшенъ пестрыми фестонами, обшитыми внизу бахромой; далѣе занавѣсь кровати, которую я, какъ хорошо помнится, раздвинулъ; столикъ для умыванія съ мраморною доскою, съ которой медленно капала на кирпичной полъ пролитая мною вода; два небольшіе стула, на которые я положилъ свой сюртукъ и жилетъ; большое кресло, обтянутое грязно-бѣлымъ ситцемъ, черезъ которое я перекинулъ галстукъ и манишку; комодъ съ двумя оторванными мѣдными скобками, на которомъ стояла разбитая фарфоровая чернильница; туалетъ съ маленькимъ зеркаломъ и подушкою для булавокъ; необыкновенно большое окно; старая темная картина, представлявшаяся мнѣ въ полумракѣ, освѣщенная догорающею свѣчею: — портретъ мужчины въ высокой испанской шляпѣ, украшенной большими перьями. Это былъ смуглый мужчина, съ дикимъ выраженіемъ лица, смотрящій вверхъ — можетъ быть на высокую висѣлицу, которая была ему назначена; по крайней мѣрѣ онъ очень былъ похожъ на человѣка, достойнаго висѣлицы.

Картина нѣкоторымъ образомъ заставила и меня посмотрѣть вверхъ на балдахинъ кровати. Но я не нашелъ тутъ ничего занимательнаго и опять обратилъ глаза на картину; счелъ перья на шляпѣ этого господина, рѣзко отдѣлявшіяся отъ полотна; ихъ было четыре — два бѣлыхъ и два зеленыхъ. Я внимательно разсматривалъ тулью его шляпы, которая была кругла, и долго раздумывалъ, на что бы онъ могъ смотрѣть вверхъ; ужъ вѣрно не на звѣзды, потому что онъ нисколько не былъ похожъ на астронома.

Глаза мои все еще были устремлены на этотъ предметъ, но мысли перенеслись уже далѣе. Свѣтъ луны, освѣщавшій комнату, напомнилъ мнѣ одну лунную ночь въ Англіи, ночь послѣ шумнаго пикника, проведенную въ одной долинѣ въ Валлисѣ. Каждое обстоятельство на возвратномъ пути чрезъ эту прелестную долину, которая при лунномъ свѣтѣ казалась еще прелестнѣе, живо представилось моему воображенію, хотя я нѣсколько лѣтъ уже не вспоминалъ о немъ. Я все еще продолжалъ думать объ этомъ пикникѣ, о нашемъ веселомъ возвращеніи, о сентиментальной молодой дамѣ, которая читала на па-

Digitized by Google

мять стихи изъ Чайльдъ-Гарольда, потому что свѣтила луна. Я совсѣмъ углубился мыслями въ прошедшее, но вдругъ нить моихъ воспоминаній прервалась, я опять перешелъ къ дѣйствительности, и вниманіе мое, не знаю почему, снова обратилось на картину.

Что я вижу? неужели этотъ господинъ надвинулъ себѣ шляпу на глаза? Да, ужъ и шляпы болѣе нѣтъ! куда дѣвалась круглая тулья? гдѣ перья! ихъ нѣтъ! что это за темный предметъ, который вмѣсто шляпы и перьевъ опускается на его лобъ, глаза, руки? Да и кровать шевелится!

Я легъ на спину и поднялъ глаза къ верху. Ужъ не съ ума ли я сошелъ? не пьянъ ли? не брежу ли? или въ самомъ дѣлѣ движется балдахинъ кровати и опускается медленно, правильно внизъ, во всю длину кровати, прямо на меня?

Кровь застыла въ моихъ жилахъ, мертвящій холодъ охватилъ все тѣло, когда я опять положилъ голову на подушку, и устремилъ глаза на картину, чтобы убѣдиться, точно ли опускается балдахинъ. Одного взгляда было достаточно: обшитый бахромой край балдахина отстоялъ ужъ только на одинъ вершокъ отъ пояса. Я смотрѣлъ на это, притаивъ дыханіе, и видѣлъ, какъ мало по малу, по мѣрѣ того какъ опускался балдахинъ, портретъ и рама исчезали.

Я не трусливъ отъ природы. Нѣсколько разъ жизнь моя была въ опасности, и я никогда не терялъ ни на минуту присутствія духа, но когда убѣдился, что балдахинъ опускается на меня, я съ минуту или болѣе смотрѣлъ вверхъ и лежалъ, окаменѣвъ отъ ужаса, подъ этой убійственной машиной, которая опускалась все ниже и ниже, чтобы задушить меня на кровати.

Но вдругъ пробудилось во мнѣ чувство самосохраненія и придало мнѣ силы спасти жизнь, пока еще было время. Я осторожно сползъ съ кровати и проворно одѣлся. Свѣча догорѣла и погасла. Я сѣлъ въ кресло и смотрѣлъ, какъ балдахинъ медленно опускался, и глаза мои такъ къ нему приковались, что еслибы въ эту минуту за мною послышались шаги, я не могъ бы оборотиться; казалось, что всѣ жизненныя силы мои сосредоточились въ глазахъ.

Балдахинъ все опускался ниже и ниже, и наконецъ опустился такъ низко, что я не могъ просунуть пальца между нимъ и кроватью. Я осмотрѣлъ его, и нашелъ, что то, что̀ снизу казалось мнѣ обыкновеннымъ легкимъ балдахиномъ кровати съ колоннами, было толстый широкій тюфякъ, который былъ скрытъ внутри. Я взглянулъ на потолокъ и увидѣлъ только голые столбы и посрединѣ ихъ большой

Digitized by Google

деревянный винтъ, по которому спускался балдахинъ. Эта ужасная машина спускалась безъ малѣйшаго шума. Среди этого гробоваго молчанія видѣлъ я предъ собою въ девятнадцатомъ столѣтіи, въ просвѣщенной столицѣ Франціи машину, какую трудно было бы придумать въ самыя страшныя времена инквизиціи, машину — которая тайно могла бы задушить человѣка!

Получивъ опять способность размышлять, я вполнѣ постигъ этотъ обдуманный, адскій заговоръ противъ меня. Мнѣ дали въ кофе чего-то наркотическаго, но дали его слишкомъ много, и это спасло меня отъ смерти. Какъ глупъ я былъ, что сердился на это лихорадочное состояніе, которое не давало мнѣ уснуть: оно-то и спасло мнѣ жизнь. Какъ легкомысленно довѣрился я этимъ двумъ негодяямъ, которые привели меня въ эту комнату, чтобы, удушивъ во время сна, взять мои деньги. Какъ много, быть можетъ, людей, выигравшихъ подобно мнѣ въ этомъ домѣ, спали на этой кровати и исчезли навсегда съ лица земли. При этой мысли холодъ пробѣгалъ по моимъ членамъ.

Но это не было продолжительно, и балдахинъ, пролежавши не болѣе десяти минутъ на кровати, началъ опять подыматься къ верху. Негодяи, которые сверху приводили въ движеніе эту машину, вѣрно думали, что достигли своей цѣли, и опять подняли балдахинъ безъ всякаго шума, и кровать снова получила прежній видъ.

Теперь я началъ придумывать средства къ побѣгу. При малѣйшемъ шумѣ они увидѣли бы, что ихъ попытка не удалась, и тогда навѣрно убили бы меня. Я смотрѣлъ пристально на дверь. На дворѣ все было тихо, да и въ комнатѣ надо мною не слышно было ничего. Дверь мою я не только заперъ передъ тѣмъ, какъ легъ, но и задвинулъ старымъ сундукомъ, который нашелъ подъ моею кроватью. Отодвинуть безъ шума этотъ сундукъ (кровь застыла во мнѣ, когда я подумалъ, что могло тамъ скрываться) — не было никакой возможности. Мнѣ оставалось убѣжать въ окно, и я подкрался къ нему на цыпочкахъ.

Спальня моя находилась въ верхнемъ этажѣ подъ антресолями и выходила въ переулокъ. Я тихо отворилъ окно, боясь зашумѣть, и взглянулъ на улицу. Выпрыгнуть изъ него было бы неизбѣжною смертію. Я смотрѣлъ по сторонамъ; влѣво подлѣ окна спускался по стѣнѣ жолобъ. Лишь только я его увидѣлъ, какъ узналъ, что я спасенъ.

Инымъ покажется труднымъ и опаснымъ это средство къ спасенію, но для меня спуститься внизъ по жолобу не имѣло ничего опаснаго. Я въ дѣтствѣ часто упражнялся въ гимнастикѣ и получилъ большую

Digitized by Google

ловкость. Я занесъ уже ногу за окно, какъ вспомнилъ о своемъ платкѣ съ деньгами, который оставилъ надъ подушкою. Я могъ бы ихъ и совсѣмъ оставить, но въ злобѣ на этихъ разбойниковъ рѣшился лишить ихъ добычи. Поэтому я возвратился къ постели, и съ помощію шейнаго платка обвязалъ вокругъ себя тяжелый узелъ. Едва я это кончилъ, какъ мнѣ показалось, что я слышу за дверью чье-то дыханье. Снова обдало меня холодомъ, и я съ трепетомъ сталъ прислушиваться. Но все было тихо: только ночной воздухъ вѣялъ въ открытое окно. Я вскочилъ на окно, и черезъ минуту сползалъ по жолобу, крѣпко охвативъ его руками и колѣнами.

Быстро и легко спустился я на улицу, и бросился, что̀ есть духу, бѣжать въ ближнюю полицейскую канцелярію. Тамъ засталъ я подпрефекта съ нѣкоторыми изъ подчиненныхъ ему полицейскихъ служителей, которые, какъ кажется, были заняты составленіемъ плана открыть виновниковъ тайнаго убійства, о которомъ говорилъ весь Парижъ. Когда я, задыхаясь отъ поспѣшности, и весьма дурнымъ французскимъ языкомъ сталъ разсказывать подпрефекту мое приключеніе, то онъ, какъ кажется, почелъ меня за пьянаго англичанина, ограбленнаго на улицѣ; но едва я досказалъ, какъ онъ отложилъ въ сторону всѣ бумаги, лежавшія передъ нимъ на столѣ, надѣлъ шляпу, велѣлъ дать и мнѣ другую (потому что я былъ безъ шляпы), назначилъ отрядъ солдатъ, приказавъ имъ взять съ собою всѣ нужныя орудія для взламыванія дверей и половъ, и, дружески подавъ мнѣ руку, предложилъ идти вмѣстѣ съ ними. Между тѣмъ какъ мы шли по улицамъ съ такою многочисленною свитою, подпрефектъ вторично выслушалъ мой разсказъ и поздравилъ меня съ избавленіемъ. Когда мы подошли къ игорному дому, то у передняго и задняго крыльца подпрефектъ поставилъ стражу, и сталъ громко стучаться въ дверь. Вскорѣ послѣ того въ одномъ изъ оконъ показался свѣтъ. Я спрятался между полицейскими. Стукъ повторился съ восклицаніемъ: »отворите во имя закона!« Это страшное восклицаніе немедленно отперло всѣ замки и задвижки, и минуту спустя подпрефектъ стоялъ въ сѣняхъ предъ полуодѣтымъ, блѣднымъ привратникомъ. Между ними завязался слѣдующій разговоръ:

— Гдѣ англичанинъ, который ночевалъ здѣсь сегодня?

— Онъ давно ушелъ.

— Неправда, ушелъ его товарищъ, а онъ остался здѣсь. Покажите мнѣ его спальню.

Digitized by Google

— Клянусь вамъ, господинъ подпрефектъ, что его здѣсь нѣтъ, онъ...,

— А я клянусь вамъ, что онъ здѣсь. Онъ остался здѣсь ночевать, нашелъ постель свою неудобною, пожаловался намъ — и вотъ онъ самъ здѣсь на лицо. Пикардъ! — сказалъ онъ одному изъ служителей, указывая на привратника, — свяжи этого человѣка. Ну, господа, пойдемте на верхъ.

Всѣ, находившіеся въ домѣ, были тотчасъ арестованы — прежде всѣхъ старый солдатъ. Послѣ этого повелъ я полицейскихъ въ комнату, гдѣ я ночевалъ, и потомъ осмотрѣли мы верхнюю комнату. Здѣсь не нашли мы ничего необыкновеннаго. Подпрефектъ осмотрѣлся кругомъ, приказалъ всѣмъ утихнуть, постучалъ ногою въ полъ, велѣлъ принести свѣчу, внимательно осмотрѣлъ мѣсто подъ своими ногами, и приказалъ взломать полъ. Это въ минуту было исполнено. Принесли свѣчей, и мы между поломъ и потолкомъ нижней комнаты открыли четырехъ-угольную пустоту въ родѣ ящика. Сквозь нее отвѣсно проходили желѣзныя стропила, густо обмазанныя саломъ, а между ними опускался винтъ, приводившій въ движеніе балдахинъ кровати. Только что смазанные винты и гайки, оклеенная войлокомъ кубка — всѣ части тяжелаго пресса, сдѣланнаго съ дьявольскимъ искусствомъ, такъ что его легко можно было разобрать и спрятать въ небольшомъ пространствѣ, были открыты подъ поломъ и вытащены наружу. Осмотрѣвъ машину, подпрефектъ велѣлъ своимъ людямъ снова ее составить и привести въ движеніе, и отправился со мною въ мою спальню. Убійственная машина стала опускаться такъ же медленно, но не такъ тихо, какъ прежде. Когда я замѣтилъ это подпрефекту, то получилъ отвѣтъ, весьма простой, но полный ужаснаго значенія: »мои люди въ первый разъ приводятъ ее въ движеніе; тѣ, которые хотѣли васъ удушить, были привычнѣе и искуснѣе въ этомъ дѣлѣ.«

Двое полицейскихъ были оставлены въ домѣ, и всѣ обитатели были тотчасъ отправлены въ тюрьму. Подпрефектъ, записавъ мое донесеніе, проводилъ меня въ гостинницу, чтобы получить отъ меня мой паспортъ. — »Неужели вы думаете, — спросилъ я его, отдавая ему свои бумаги, — что на этой постелѣ душили людей, какъ хотѣли задушить меня?«

— Мнѣ случалось видѣть, — отвѣчалъ онъ, — десятки утопленниковъ, въ карманѣ которыхъ находились записки, что они сами бросились въ Сену, проигравъ все свое состояніе. Я знаю, что многіе

Digitized by Google

изъ нихъ посѣщали игорный домъ, въ которомъ были и вы. Иные, быть можетъ, выигрывали такъ же, какъ вы, оставались ночевать, ложились въ постель, были задушены, и наконецъ тайно брошены въ рѣку съ запискою, написанною однимъ изъ убійцъ. Кто знаетъ, сколько человѣкъ нашло тутъ смерть, отъ которой удалось вамъ спастись. Владѣтели игорнаго дома сохраняли въ тайнѣ свою машину, остальную половину тайны сохраняли мертвецы. Прощайте, сударь, въ девять часовъ потрудитесь явиться въ канцелярію.

Остальное разсказать не долго. Я нѣсколько разъ долженъ былъ являться въ полицію для разныхъ допросовъ; игорный домъ былъ обысканъ съ чердака до подвала; арестантовъ допрашивали по одиначкѣ, и двое изъ нихъ, менѣе виновные, сознались во всемъ. Я открылъ, что старый солдатъ былъ содержатель игорнаго дома. Полиція открыла, что онъ былъ нѣкогда выгнанъ изъ службы. что послѣ того совершилъ много разныхъ преступленій, и вмѣстѣ съ банкометомъ, понтеромъ и женщиною, варившею кофе, зналъ тайну кровати. Онъ и его главные сообщники были осуждены на всю жизнь на галеры, женщина — на извѣстное число лѣтъ. Съ прочею прислугою поступили, какъ съ ворами и бродягами. Постоянные посѣтители игорнаго дома были оставлены въ сильномъ подозрѣніи подъ надзоромъ полиціи, а я на цѣлую недѣлю сдѣлался главнымъ львомъ парижской публики.

Это приключеніе имѣло два хорошія слѣдствія: во-первыхъ то, что подало поводъ правительству запретить игорные дома, а во-вторыхъ, излечило меня навсегда отъ слабости играть для развлеченія въ Rouge et Noire. Видъ зеленаго стола съ картами и кучками золота всегда пробуждаетъ въ душѣ моей воспоминаніе о страшномъ балдахинѣ кровати, который среди ночнаго безмолвія медленно и тихо опускается надо мною, чтобы задушить меня.

Digitized by Google

Какъ было открыто золото въ Калифорніи?

Первый, кто открылъ золото въ Калифорніи, былъ, какъ извѣстно, капитанъ Суттенъ, который прежде служилъ во французско-швейцарской гвардіи, а послѣ Іюльской революціи переселился въ Америку и купилъ въ Калифорніи довольно значительный участокъ земли. Вотъ что онъ разсказываетъ о своемъ открытіи: въ Іюнѣ 1848 года сѣлъ я писать письмо къ моимъ роднымъ въ Люцернъ, какъ вдругъ послышались шаги, и ко мнѣ вошелъ мой прикащикъ, который смотрѣлъ тогда за постройкой пильной мельницы. Онъ оставилъ меня за два дня передъ этимъ, и я не надѣялся видѣть его прежде окончанія постройки, которая была еще въ самомъ началѣ. Каково же было удивленіе, когда я увидѣлъ его передъ собою неподвижнымъ, съ открытымъ ртомъ, безмолвнымъ и съ протянутыми ко мнѣ руками.

Такъ какъ онъ не могъ выговорить ни слова, я спросилъ его нетерпѣливо: »что съ тобою? не рехнулся ли ты?

— Рехнулся,—повторилъ онъ,—кажется такъ; и потомъ, осмотрѣвшись кругомъ и убѣдившись, что насъ никто не подслушиваетъ, сказалъ мнѣ шопотомъ: »несмѣтныя сокровища! горы золота!«

— Да гдѣ же они?

— Гдѣ они? хотите ли обладать несмѣтными богатствами, милліонами долларовъ?

Я въ самомъ дѣлѣ усомнился въ состояніи его мозга, и признался ему въ этомъ откровенно. Но онъ вмѣсто отвѣта, протянулъ ко мнѣ руку, изъ которой посыпалась струя золотыхъ крупинокъ.

Теперь я въ свою очередь былъ такъ же пораженъ удивленіемъ, и готовъ былъ почесть его за волшебника, но онъ, какъ бы освободясь отъ большой тяжести, сѣлъ теперь подлѣ меня и разсказалъ мнѣ по порядку все, какъ было.

Онъ ходилъ взадъ и впередъ по берегу рѣки, на которомъ строили мельницу, надзирая за работниками, какъ замѣтилъ въ слояхъ береговой тины что-то блестящее. Онъ принялъ это за родъ опала, которые встрѣчаются въ этой странѣ очень часто, и продолжалъ свое занятіе. Болѣе тридцати разъ взоры его были привлечены подобными предметами, но онъ все оставлялъ ихъ безъ вниманія; однакожъ частое ихъ появленіе его удивило, и онъ нѣсколько разъ

Digitized by Google

ужъ располагалъ сойдти внизъ, чтобы поблѝже разсмотрѣть эти камни, но потомъ опять упрекалъ себя въ ребяческомъ любопытствѣ, какъ вдругъ увидѣлъ онъ у ногъ своихъ одинъ изъ этихъ блестящихъ камешковъ, и въ этотъ разъ болѣе по инстинкту онъ наклонился, поднялъ его, и къ не малому своему удивленію нашелъ, что это былъ кусочекъ самаго чистаго золота. Онъ сей-часъ вернулся, и собралъ всѣ тѣ камешки, на которые прежде смотрѣлъ съ презрѣніемъ. Сначала онъ думалъ, что находка его была дѣломъ случая, и что можетъ быть за нѣсколько столѣтій Индѣйцы спрятали здѣсь свое сокровище; но потомъ, разсмотрѣвъ внимательнѣе почву, нашелъ, что весь грунтъ земли изобиловалъ золотомъ. Онъ наполнилъ себѣ имъ карманы, сѣлъ на лошадь и поскакалъ домой во весь опоръ, чтобы увѣдомить меня объ этой находкѣ. Когда онъ кончилъ, первый мой вопросъ былъ, знаетъ ли кромѣ его еще кто-нибудь объ этомъ. Успокоившись на этотъ счетъ, я сѣлъ поспѣшно на лошадь и поѣхалъ съ нимъ обратно къ мельницѣ. Къ ночи мы прибыли туда, и нашими карманными ножами нарыли изъ земли такое множество кусочковъ золота, величиною въ одинъ унцъ и болѣе, что обезумѣли отъ удивленія.

Подъ вліяніемъ этого чувства мы молча возвращались на мельницу, когда работники съ крикомъ: »золото, золото!« шли къ намъ на встрѣчу, показывая полныя горсти золота.

Мы узнали впослѣдствіи, что одинъ изъ работниковъ ночью подсматривалъ за нами, и послѣдовалъ нашему примѣру, но не могъ долго скрыть своей тайны. Всѣ дали мнѣ обѣщаніе молчать объ этой находкѣ; но на другой день нѣсколько сотъ людей уже знали объ этомъ, а черезъ мѣсяцъ четыре тысячи золопромышленниковъ совсѣмъ ужъ поселились тамъ.

Вотъ достовѣрный разсказъ объ открытіи золота; но это открытіе имѣетъ еще другое миѳологическое начало между золотопромышленниками. Они разсказываютъ, что будто бы капитанъ Суттенъ видѣлъ во снѣ, что какая-то птица съ золотистыми перьями свила себѣ гнѣздо на его домѣ, и снесла въ немъ множество большихъ золотыхъ яицъ. Капитанъ разсказалъ свой сонъ индѣйскому начальнику и спросилъ его мнѣнія Этотъ, выпивъ какого-то питья и протанцовавъ танецъ, предсказалъ ему, что онъ когда – нибудь очень разбогатѣетъ. Въ знакъ благодарности Суттенъ подарилъ предсказателю прекрасное ружье. Три мѣсяца спустя капитанъ опять увидѣлъ во снѣ, что на индѣйскаго начальника въ его гла-

Digitized by Google

вованія; да приметъ онъ сердечную дань признательности каждаго благомыслящаго человѣка при молитвѣ бѣдныхъ, имъ облагодѣтельствованныхъ!

Въ разборѣ автора объ ярмаркѣ говорится о палаткахъ, изъ которыхъ по его мнѣнію особенно были хороши три. На это надобно сказать, что конечно *chaquin à son gout*, и если автору понравилась палатка въ видѣ раковины, то многіе предпочли китайскую палатку; если привлекала вниманіе палатка обитая плющемъ, то этому способствовала много блестящая обстановка находившихся въ ней изъ серебра и позолоты вещей, но при этомъ вспомнимъ пословицу: *не все то золото, что блеститъ!* Палатка на лѣво при входѣ была изящна, но каріатиды наводили собою мысль объ памятникѣ,—Были палатки не замѣченныя авторомъ, но онѣ не менѣе того заслуживали вниманія и милой простотой, и изящнымъ выборомъ вещей.—Потомъ авторъ говоритъ, что не было обѣщаннаго въ программѣ оркестра Сакса; вотъ тутъ-то и ясно, что авторъ не былъ на ярмаркѣ, а слышалъ объ ней невѣрные толки, но вѣдь всякому слуху нельзя вѣрить, это не только пословица, это аксіома! Саксъ игралъ въ одинъ изъ вечеровъ, его слышали всѣ, кто былъ въ это время! Наконецъ описывая концертъ, данный любителями, авторъ отдаетъ болѣе справедливости г-жѣ Фриде, тогда какъ и г-жа Тюрина не менѣе, если не болѣе, доставила удовольствія слушателямъ своимъ прекраснымъ звучнымъ и сильнымъ голосомъ, при томъ же пѣть труднѣе, чѣмъ играть въ большомъ обществѣ, при неумолкаемомъ шумѣ и даже говорѣ приходившихъ и уходившихъ слушателей, которыхъ съ посѣтителями, приходившими въ концертный залъ болѣе изъ любопытства, чѣмъ изъ любви къ искусству, было столько, что дѣйствительно послѣднее только замѣчаніе автора »хроники«, объ тѣснотѣ и жарѣ, одно можетъ назваться справедливымъ!

А. П....

3-го января 1853 г.

Digitized by Google

Отвѣтъ г. Аксакову.

Въ 153-мъ *№* Московскихъ Вѣдомостей г-нъ Аксаковъ дѣлаетъ замѣчанія по поводу нашей статьи »Иванъ Царевичъ«, помѣщенной въ Москвитянинѣ. Мы вмѣняемъ себѣ въ обязанность сдѣлать возраженіе на замѣчанія критики, показавшіяся намъ не совершенно справедливыми.

Главный предметъ статьи г. Аксакова состоитъ въ желаніи указать намъ на различіе, существующее между сказкой и пѣсней; мы никогда не сомнѣвались въ существованіи этого различія; но мы полагаемъ, что оно не лежитъ въ частныхъ оттѣнкахъ сказокъ и пѣсенъ, но сохраняется въ точномъ опредѣленіи той и другой.

Г. Аксаковъ говоритъ, что въ сказкахъ лицо повѣствователя проявляется *болѣе* нежели въ пѣснѣ; что въ сказкѣ *болѣе* чародѣйнаго, чѣмъ въ пѣснѣ, и, наконецъ, что стихъ въ пѣснѣ *длиннѣе*, чѣмъ въ сказкѣ; въ этомъ мы не видимъ еще ни *рѣзкой* черты, отдѣляющей сказку отъ пѣсни, ни даже опредѣленныхъ правилъ *для* ихъ подраздѣленія.

Теперь постараемся вступить въ подробности возраженія г. Аксакова.

Господинъ критикъ замѣчаетъ, что *пѣвца и сочинителя въ пѣснѣ не слышно*, тогда какъ въ сказкѣ *разсказчикъ постоянно слышенъ*; иначе (если мы поняли эти слова): въ сказкѣ посторонній человѣкъ (разсказчикъ) повѣствуетъ про прошлое, про бывалое, тогда какъ въ пѣснѣ событіе давно прошедшее представляется совершающимся передъ нами въ минуту повѣствованія, подобно драмѣ; но мы не находимъ этого въ нашихъ эпическихъ пѣсняхъ, мы напротивъ слышимъ разсказчика и его повѣствованіе о старинѣ, въ употребленіи глаголовъ въ формѣ прошедшаго времени, напр.

Въ стольномъ Новѣгородѣ
Было въ улицѣ во Юрьевской,
Въ слободѣ было Герентьевской,
А и жилъ былъ богатый гость.

—

Въ годы прежніе, времена первоначальныя,
При бывшемъ вольномъ Царѣ, при Иванѣ Васильевичѣ.

—

Digitized by Google

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ
Что у ласкова, сударь, Князь Владиміра
А и было пированье, почестной пиръ
Было столованье, почестной столъ.

—

Не такимъ ли же образомъ начинаются и наши сказки.

»Въ нѣкоторомъ царствѣ въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ....« Въ концѣ почти каждой былины мы читаемъ выраженіе: »а и то старина, то и дѣяніе,« прямо указывающее на лицо пѣвца.

Если же г-нъ Аксаковъ почитаетъ эти слова припѣвомъ, то почему и не признать за присказку выраженіе: »я тамъ былъ, медъ пилъ, по устамъ текло, въ ротъ не попало.«

Теперь переходимъ къ замѣчанію относительно русскаго стиха; мы никогда не думали подчинить его подъ правила новѣйшаго стихосложенія, и вполнѣ согласны съ опредѣленіемъ, сдѣланнымъ г. Аксаковымъ; но мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, что стихъ пѣсни длиннѣе стиха сказки, почитая послѣднюю за ничто иное, какъ за ту же пѣснь, отчасти измѣненную изустнымъ преданіемъ; естественно, что пѣсни долѣе сохраняютъ гармонію и правильность древняго стиха, потому именно, что музыкальная мелодія, требующая размѣра, приходитъ на помощь народной памяти и ограждаетъ стихъ отъ своевольныхъ измѣненій пѣвцовъ. — И не въ этомъ ли смыслѣ должно принимать пословицу: »изъ пѣсни слова не выкинешь«: ясно, что выкинутое слово разрушаетъ стихъ и вредитъ мелодіи. Въ простомъ разсказѣ, напротивъ, желаніе повѣствователя сократить или прибавить лишнее слово, дѣлаетъ то, что гармоническая рѣчь переходитъ въ чистую прозу, напр. въ пѣснѣ:

»Какъ изъ славнаго города изъ Мурома,
Изъ того села Корочаева
Какъ была де поѣздка богатырская,
Наряжался Илья Муромецъ Ивановичъ,« и проч.

Въ сказкѣ же четвертый стихъ не выдержанъ:
Снаряжался *большимъ нарядомъ* Илья Муромецъ.

Въ приведенномъ примѣрѣ сказочной скороговорки, взятомъ г. Аксаковымъ изъ примѣра, приведеннаго мною въ доказательство сказочнаго слога, мы замѣчаемъ, что г. критикъ поступилъ отчасти какъ народный сказочникъ, т. е. вмѣсто: »изъ ноздрей пламя пышетъ« онъ сдѣлалъ ради скороговорки: »изъ ноздрей полымя.«

Digitized by Google

Подобное измѣненіе тѣмъ болѣе важно, что этотъ стихъ, приведенный г. Аксаковымъ въ примѣръ сказочнаго отрывистаго слога, находится почти слово въ слово въ пѣснѣ объ Алешѣ Поповичѣ, а именно въ сказкѣ:

»А изъ ноздрей пламя пышетъ«, —

Въ пѣснѣ:

»Изъ хайлища пламя пышетъ.« *)

Теперь обращаемся къ различію сказокъ и пѣсень по ихъ содержанію. Въ основу различія сказки и пѣсни г-нъ Аксаковъ беретъ пословицу: »сказка—складка, а пѣсня—быль.« Что же г-нъ Аксаковъ подразумѣваетъ здѣсь подъ словомъ быль? — Понятно, что подъ былью онъ почитаетъ аллегорическій намекъ на событіе, потому что странно было бы считать змѣя Горынчища, Тугарина Змѣевича и Соловья разбойника, сидящаго на дубѣ, за въ самомъ дѣлѣ бывшее; если это аллегорія, то почему принимать подобныя же явленія въ сказкахъ за безсмысленные вымыслы; потому только, что сказка—складка, не допускать въ нихъ аллегорическаго значенія.

Относительно большаго развитія волшебнаго элемента въ сказкахъ, чѣмъ въ пѣсняхъ, мы высказали свое мнѣніе въ нашей статьѣ (на стр. 7). Г-нъ Аксаковъ находитъ въ этомъ волшебствѣ то различіе, что въ сказкахъ, *герой—любимецъ тайныхъ* чародѣйныхъ силъ, тогда какъ въ пѣснѣ, *богатыри русскіе не только не почерпаютъ въ немъ силъ, но постоянно ведутъ съ нимъ бой*; въ доказательство невѣрности этого положенія мы считаемъ достаточнымъ указать на коня Ивана Гостиннаго сына, далеко не враждебнаго Ивану.

Вотъ главные доводы г-на Аксакова. Изъ нихъ-то выводитъ онъ слѣдующее заключеніе: *повѣствованіе объ Иванѣ царевичѣ, объ Иванѣ крестьянскомъ сынѣ, объ Иванушкѣ дурачкѣ, и пр. есть сказка и слѣдовательно къ пѣснямъ быть отнесена не можетъ. Сказавъ это, мы рѣшительно отдѣлили сказочнаго Ивана отъ всего міра пѣсень.* Слѣдовательно г-нъ Аксаковъ не допускаетъ возможности явленія одного и того же лица въ мірѣ сказокъ и мірѣ пѣсенъ; конечно всякій читатель воленъ считать разными лицами героевъ нѣкоторыхъ сказокъ и пѣсенъ (и пѣсенъ между собою), сходныхъ именами, а не дѣйствіями, какъ въ пѣснѣ и сказкѣ объ Иванѣ Гостинномъ сынѣ, пѣснѣ о Соловьѣ Будимировичѣ и сказкѣ »Соловей

*) Кирша Даниловъ, стр. 183.

Digitized by Google

сынъ Гостинный Ивановичъ» пѣснѣ о Василисѣ Даниловнѣ и въ сказскахъ о Василисѣ Премудрой, и даже въ пѣсняхъ о Васильѣ Казимировичѣ и Васильѣ Казнеровичѣ. Но кто же не признаетъ тожества лицъ въ сказкахъ о Добрынѣ Никитичѣ, Васильѣ Буслаевѣ и Ильѣ Муромцѣ, въ которыхъ имена и содержанія соотвѣтствуютъ пѣснямъ. Въ нихъ нѣтъ ни чародѣйственныхъ силъ, покровительствующимъ нашимъ богатырямъ; не происходятъ онѣ въ чужихъ краяхъ, однакожъ онѣ сказки, чисто народныя, русскія сказки.

Эти сказки очевидно сокращенія нашихъ пѣсень, но пѣсень не въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ; можно почти положительно сказать, что о каждомъ нашемъ богатырѣ существовалъ когда-то полный эпосъ, отрывки котораго остались у насъ въ былинахъ; съ этаго эпоса составлены наши сказки, почему въ нихъ и встрѣчаются событія, не сохранившіяся въ нашихъ пѣсняхъ: такимъ образомъ сказки указываютъ намъ на нить, связывающую нѣсколько пѣснь въ одно цѣлое повѣствованіе, и на утраченныя мѣста первобытной былины. Вообще г-нъ Аксаковъ желаетъ видѣть въ сказкахъ одно чуждое иноплеменное, что̀ конечно справедливо относительно многихъ народныхъ разсказовъ; но однакожъ есть и чисто русскія туземныя сказки; содержаніе ихъ взято изъ пѣсенъ, изъ которыхъ, не взирая на всѣ искаженія, все таки проглядываетъ гармоническая рѣчь древняго стиха; почему въ изученіи нашей народной поэзіи, пѣсня неразрывно связывается съ сказкою. Такими туземными сказками считаемъ мы не только разсказъ про Илью, Добрыню, и Алешу Поповича, но и преданіе о Иванѣ Царевичѣ, входившее нѣкогда, по нашему мнѣнію, въ область нашихъ эпическихъ былинъ.

Теперь отвѣтимъ вкратцѣ на нѣкоторыя частныя замѣчанія критика.

Признаться, мы не понимаемъ, почему г-нъ Аксаковъ, преслѣдуя чужеземный элементъ русскихъ сказокъ, желаетъ лишить Ивана Царевича прозванія богатыря, тогда какъ онъ носитъ этотъ эпитетъ не только въ заглавіи двухъ приведенныхъ нами сказокъ, но и постоянно называется богатыремъ, какъ въ Иванушкѣ дурачкѣ, такъ и въ Ерусланѣ Лазаревичѣ; что послѣдняя же сказка происходитъ въ чужихъ краяхъ, нисколько не измѣняетъ нашего положенія. Конечно, г-нъ критикъ воленъ не признать сходства между Бурочкой Гостиннаго сына и Сивкой Буркой дурачка, но намъ кажется страннымъ различать ихъ только тѣмъ, что *Вѣщая* Бурка сказокъ не говоритъ человѣческимъ голосомъ, какъ конь Ивана Гостиннаго сына, тѣмъ

Digitized by Google

болѣе, что конь Ивана Царевича одаренъ въ нѣкоторыхъ сказкахъ человѣческимъ голосомъ.

Улановья дѣйствительно встрѣчаются у Татаръ (въ Никонов. лѣт. у Татаръ Казанскихъ), но тѣмъ не менѣе полагаемъ, что Улановья, упомянутые въ пѣснѣ Ивана Годиновича, относятся къ Польшѣ, потому-что возлѣ »мурзы Улановьи« встрѣчаемъ и выраженіе »плановья и Улановьи.«

Что̀ касается до 30 молодцовъ Владиміра, то еслибъ г-нъ критикъ потрудился вникнуть въ нашу мысль, то вѣроятно согласился бы съ нами, что всѣ эти Суханы, Самсоны и Святочары — *имена для* насъ совершенно неизвѣстныя.

Афросинья Королевична, дочь грознаго царя татарскаго или болгарскаго, сидитъ за тридесятъ замками булатными, такъ что Дунай принужденъ могучей силой выломать двери и похитить королевичну; все это показываетъ намъ на обычай, существующій и понынѣ на Востокѣ, держать женщинъ въ заперти; кто же въ этомъ случаѣ не согласится съ нами и не назоветъ восточной женщины существомъ бѣднымъ и жалкимъ. Прекращаемъ здѣсь наши возраженія; почитаемъ долгомъ благодарить г-на Аксакова за лестный отзывъ и откровенность его, откровенность, подавшую и намъ право указать г-ну критику на нѣкоторые не совершенно справедливые выводы его замѣчаній; это взаимная обязанность людей, *для* которыхъ занимательны вопросы науки, какъ замѣтилъ самъ авторъ.

Д. ШЕПИНГЪ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

КАЛЕНДАРЬ XVIII СТОЛѢТІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ.

Нѣмецкіе календари XVIII столѣтія рѣзко раздѣляются, и по времени и по характеру своему, на два разряда. Календари перваго разряда простираются почти до восьмидесятыхъ годовъ. Эти календари можно было называть простонародною исторіею, потому что въ ихъ мѣсячныхъ таблицахъ предсказывались судьбы будущаго года, а въ текстѣ, противъ этихъ таблицъ, находился краткій историческій очеркъ произшествій предыдущаго года. Съ восмидесятыхъ годовъ стремленіе къ высшему образованію производитъ совершенный переворотъ въ составѣ календарей: вмѣсто историческихъ очерковъ страницы ихъ наполняются нравоучительными анекдотами и полезными наставленіями; астрологическіе знаки и стихи, правила предузнавать погоду и выбирать время для различныхъ предпріятій, замѣняются нравственными пословицами и поговорками. До того времени составитель календаря находился среди самаго народа, какъ герольдъ его суевѣрія; — онъ былъ народнымъ прорицателемъ, онъ былъ исторіографомъ народа. Теперь составитель календаря стоитъ выше толпы: онъ дѣлается привиллегированнымъ народнымъ учителемъ (Schulmeister). Поэтому прежде былъ извѣстенъ только одинъ календарь, потому что весь народъ одинаковъ; а теперь является безчисленное множество календарей, потому что каждый литераторъ приправляетъ свой календарь собственными произведеніями.

Составители старыхъ календарей дѣйствительно принадлежали, по большей части, къ высѣвкамъ или дрожжамъ, если можно такъ выразиться, тогдашняго пишущаго міра, но въ то же время они имѣли большое вліяніе, на тогдашнее общество. Еще въ первой половинѣ XVIII столѣтія составитель календаря считался таинственнымъ лицомъ, чародѣемъ и повелителемъ нечистой силы. Эти люди, составлявшіе

Digitized by Google

особенную корпорацію литературной черни, можно сказать, были послѣдними прорицателями (Seher) Германскаго народа.

Когда древнее поэтическое народное вѣрованіе перестало согласоваться съ тощимъ вкусомъ образованнаго общества XVIII столѣтія и лишилось права гражданства въ ученыхъ сочиненіяхъ, въ то время оно находило еще для себя послѣднее убѣжище въ сѣрыхъ страницахъ календаря.

На какомъ основаніи мудрыя жены временъ *Аріовиста* запрещали Германцамъ начинать сраженіе прежде новолунія, на томъ же самомъ основаніи, за сто лѣтъ назадъ, магистеръ *Гаупъ*, составитель календаря, предписывалъ нѣмецкимъ мужичкамъ, подъ страхомъ смерти, не принимать слабительнаго и вообще не лечиться до наступленія новолунія: потому что прибывающій мѣсяцъ приноситъ полноту и здоровье, а убывающій означаетъ разрушеніе и гибель. Въ старыхъ календаряхъ, въ которыхъ въ систематическомъ порядкѣ предлагаемы были правила выбора времени для различныхъ занятій и предпріятій, всѣ положительныя работы (какъ напр. сѣяніе, сажаніе, и т. д.), предпочтительно относимы были къ періодамъ прибывающаго мѣсяца, а отрицательныя (рубка деревьевъ, стрижка волосъ и т. д.) къ періодамъ убывающаго мѣсяца.

Въ то время составитель календаря выдавалъ себя предъ своею публикою истолкователемъ тайныхъ силъ природы и объяснителемъ міровыхъ законовъ. И какъ древніе германскіе прорицатели непремѣнно должны были имѣть или публичную должность жреца, или по крайней мѣрѣ частное званіе отца семейства, такъ точно составители старыхъ календарей не ставили на заглавномъ листѣ своего имени, не прибавивши къ нему какого-либо звучнаго ученаго предиката. Кто не могъ присвоить себѣ публичной ученой степени: *Artium liberalium Magister*, тотъ придумывалъ для себя особенныя частныя наименованія, означающія даръ провидѣнія «*въ силу и съмя всего дѣйствующаго*», такъ напр. Маркусъ Фрейндъ, *Miraculorum Dei amator;* или Христофъ Адельсгеймъ, *Art. mathem. cultor strenuus.* А кто не хотѣлъ пускать латинскую пыль въ глаза, тотъ подписывался на своемъ честно въ природномъ языкѣ, напр., въ слѣдующемъ родѣ: Якобъ Гольдербушъ, *любитель божественной истины.*

И дѣйствительно необходимо было имѣть особенныя свѣденія для того, чтобы съ надлежащею ловкостію приложить къ дѣлу послѣднія воспоминанія астрологіи, гадательнаго искусства и черной магіи, которыхъ разумѣніе въ это время отражалось только въ видѣ слабаго су-

Digitized by Google

мрачнаго свѣта. Пестрая смѣсь системы и произвола, мистическихъ преданій и умозрительныхъ выводовъ, сообщаетъ календарю XVIII столѣтія особенный интересъ, дѣлая его памятникомъ отживающаго свой вѣкъ народнаго суевѣрія. Такъ напр. въ таблицахъ, объясняющихъ, какое предсказаніе можно сдѣлать по цвѣту крови, выходящей во время кровопусканія, удивительнымъ образомъ перемѣшиваются старыя суевѣрныя убѣжденія съ правильными выводами изъ тщательныхъ физіологическихъ наблюдсній; а въ такъ называемомъ «*Aderlass männlein*» (рудометъ) и въ таблицѣ, показывающей дни, въ которые полезно или вредно отворять кровь, удержано самое древнее символическое и астрологическое правило *(Erwählung)* во всей полнотѣ его. Эта таблица расположена по видоизмѣненіямъ лувы; дни считаются отъ новолунія, и каждый изъ тридцати дней луннаго періода имѣетъ свое постоянное, опредѣленное значеніе, которое для всѣхъ мѣсяцовъ одинаково. Такъ, напр., кто отворитъ кровь въ седьмой день послѣ новолунія, у того будутъ болѣть глаза; кто въ четвертый, тотъ умретъ скоропостижно; кто въ 25-й, тотъ сдѣлается умнѣе и предусмотрительнѣе, и т. д. Весьма замѣчательно, что эта таблица весьма долго сохраняла свое мѣсто въ календаряхъ, такъ что она встрѣчается даже во многихъ календаряхъ XIX столѣтія. Всего страннѣе и смѣшнѣе то обстоятельство въ календаряхъ, вышедшихъ въ первое десятилѣтіе послѣ означеннаго нами переворота, что въ текстѣ напечатаны самыя сильныя и рѣзкія проповѣди противъ суевѣрія, а параллельно съ ними въ мѣсячныхъ таблицахъ противъ каждаго дня удержанъ цѣликомъ весь *фокусъ-покусъ* черной магіи, т. е. всѣ правила предсказанія и выбора времени для различныхъ занятій; сверхъ того на заглавномъ листѣ выставлено астрологическое объясненіе различныхъ созвѣздій, а на послѣдней страницѣ таблица кровопусканія. Это напоминаетъ извѣстный анекдотъ объ одномъ кораблѣ, отправляющемся въ Индію, на которомъ въ пассажирской каютѣ находились англійскіе миссіонеры, а въ товарномъ отдѣленіи истуканы англійской фабрикаціи.

Ежегодное печатаніе въ календарихъ XVIII столѣтія таблицы кровопусканія замѣчательно еще и потому, что она разсчитана на такой образъ жизни, котораго въ это время уже и слѣдовъ не было. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ было въ обычаѣ даже и между простымъ народомъ предохранять себя отъ всякихъ болѣзней періодическими кровопусканіями, при здоровомъ состояніи тѣла. Для кровопусканія, въ различномъ видѣ, собирались тогда въ цирульняхъ обществами точно такъ, какъ въ наше время собираются въ трактирахъ и таверпахъ для пре-

Digitized by Google

провожденія времени между кружкою пива и трубкою табаку. Между книгами тогдашней простонародной литературы встрѣчается множество (лубочныхъ) картинокъ, представляющихъ различныя комическія сцены въ цирюльняхъ; не смотря на это однакожъ, простой народъ продолжалъ считать необходимою принадлежностію календаря и обыкновенное правило выбора времени для различныхъ занятій и пресловутую таблицу кровопусканія, хотя ни тѣмъ ни другимъ никогда не пользовался!

Въ описаніи планетъ, *ихъ свойствъ и значенія, равно какъ ихъ естественныхъ наклонностей*, перешли въ просвѣщенный XVIII вѣкъ послѣдніе отголоски древняго глубоко-поэтическаго воззрѣнія. Впрочемъ новая философская школа, т. е. школа натуръ-философовъ, опредѣляетъ качества планетъ точно такъ же, какъ за полтораста лѣтъ опредѣлялъ ихъ старинный календарь. Каждой планетѣ въ этихъ календаряхъ приписывается свой особенный характеръ: Сатурнъ холоденъ и сухъ; Юпитеръ тепелъ и влаженъ; Марсъ жарокъ и сухъ; Венера влажна и тепла; Меркурій тепелъ и сухъ. Къ этому прибавить надобно: солнце жарко и сухо, а луна холодна и влажна. Мысль о различныхъ темпераментахъ свѣтилъ небесныхъ ни мало не произвольна; она получила свое начало еще въ языческія времена Германіи. Въ одной Сагѣ изъ графства Маркъ предоставляется выборъ подданному, провинившемуся передъ своимъ господиномъ, или сгорѣть на солнцѣ, или замерзнуть на лунѣ. Онъ предпочитаетъ послѣднее, и ссылается на холодную луну.

По знакамъ Зодіака, характеризующимъ каждый мѣсяцъ, предсказывается характеръ раждающихся въ томъ или другомъ мѣсяцѣ; по нахожденію планетъ въ различныхъ созвѣздіяхъ — общее состояніе здоровья въ будущемъ году. Состояніе погоды, равно какъ и положеніе государственныхъ дѣлъ, разсчитывается одинаково по видоизмѣненіямъ (фазамъ) луны. Такая смѣсь политики съ погодою представляетъ по крайней мѣрѣ юмористическую истину. Предсказанія политическія большею частію отличаются делфійскою двусмысленностію: они представляются въ видѣ аллегорическихъ загадокъ, относящихся къ гербамъ различныхъ государствъ. Это послѣднее, безъ сомнѣнія, перешло изъ XVII столѣтія, въ которомъ политическія аллегоріи были въ ходу между простымъ народомъ. На летучихъ листкахъ, дошедшихъ до насъ отъ этого времени, почти всегда скрывается политическая сатира въ приложенныхъ къ нимъ картинкахъ. Слѣдовательно и эти картинки нашли послѣднее убѣжище для себя въ календаряхъ, какъ и вообще самый летучій листокъ семнадцатаго столѣтія переродился частію въ газеты, а частію въ календари восемнадцатаго вѣка. Въ наше время наконецъ

Digitized by Google

журналистика сдѣлалась послѣднею побѣдительницею: она поглотила въ себя всю политическую часть календарей.

Совершенно оригинальны были въ старыхъ календаряхъ *описанія грозы*. Предсказываніе всѣхъ грозъ въ наступающемъ году, и толкованіе сопровождающихъ и послѣдующихъ имъ обстоятельствъ также ведутъ свое начало отъ языческихъ временъ Германіи, когда гроза обоготворяема была въ видѣ краснобородаго Доннара (громовержца), который считался самымъ высшимъ божествомъ, покровителемъ земледѣлія. Календарь, въ которомъ по крайней мѣрѣ черезъ день для лѣтнихъ мѣсяцовъ не предсказывалась гроза, за полтораста лѣтъ предъ симъ не считался настоящимъ (ächt) календаремъ. Въ настоящее время громовые отводы и страховыя отъ огня общества весьма много содѣйствуютъ къ тому, чтобы самое закоренѣлое вѣрованіе въ грозу какъ можно скорѣе и совершеннѣе искоренилось.

Для большаго эффекта, заглавіе календарей должно было отзываться или войною и ужасомъ, какъ напр. въ Нюренбергскомъ: «Kriegs, Mord- und Tod, Jammer-und Noth-Kalender», или таинственностію, какъ напр. «Die Klugen Sibyllen, ein Zeit-und Wunder-Kalender», или «die neuen Schwedischen Glücks-und Unglücksterne», и т. д. Въ такъ называемыхъ турецкихъ календаряхъ (Türkenkalender), которые въ свое время особенно были любимы,и во снѣ и на яву фантазія нѣмецкаго народа, который съ незапамятныхъ временъ и спалъ и видѣлъ, что съ востока нагрянетъ новая орда варваровъ и превратитъ въ развалины весь тогдашній образованный міръ, находила для себя возбуждающую и вмѣстѣ съ тѣмъ пресыщающую пищу въ неслыханныхъ ужасахъ и кровавыхъ исторіяхъ, относящихся къ турецкимъ войнамъ. Простой народъ имѣлъ тогда еще очень крѣпкія нервы; чтобы потрясти ихъ, надобно было употреблять сильныя средства. Календарь съ веселымъ, простодушнымъ направленіемъ, безъ разсказовъ объ ужасахъ войны и убійства, сравнивали тогда съ несоленымъ супомъ. На заглавныхъ картинкахъ непремѣнно должно было находиться солнечное затмѣніе и комета съ предлиннымъ хвостомъ; страшный свѣтъ ея долженъ былъ освѣщать на переднемъ планѣ какое-нибудь кровопролитное сраженіе на сушѣ, а на заднемъ морское сраженіе, на правой сторонѣ какой-нибудь городъ, пожираемый пламенемъ, а на лѣвой взлетѣвшій на воздухъ корабль.

Картинки въ нѣмецкихъ календаряхъ первыхъ двухъ третей XVII столѣтія были вообще чрезвычайно грубы, дѣтски и безсмысленны. Въ послѣднія десятилѣтія, напротивъ того, и въ эту сферу проникаетъ нѣкоторое вліяніе *Ходовицкаго*, который какъ будто вновь

Digitized by Google

изобрѣлъ искусство рисовать и вырѣзывать на деревѣ характеристическія фигуры съ выразительными физіономіями въ весьма маломъ масштабѣ. Чѣмъ болѣе текстъ терялъ свою странную оригинальность, тѣмъ лучше дѣлались картинки. *Ходовицкій* дѣйствительно образовалъ особенный народный стиль, и потому его посредственное вліяніе простерлось даже и до календарей. Неутомимый преемникъ его *Генрихъ Ромбергъ*, который впослѣдствіи долгое время снималъ подрядъ на приготовленіе картинокъ во всѣ альманахи, и чрезъ то получилъ какое-то особенное значеніе въ исторіи нѣмецкой литературы, не принялъ народнаго стиля, созданнаго Ходовицкимъ, но приправливался, съ особенною лестію, какъ въ выборѣ предметовъ, такъ и въ изображеніи ихъ, къ гладкимъ и безхарактернымъ манерамъ тогдашняго высшаго общества. Въ это печальное время Наполеонова владычества, въ которое *Ромбергъ* составилъ себѣ огромную извѣстность расплодившимися альманахами, настоящая простонародная литература въ Германіи почти совсѣмъ вымерла; изъ того богатства картинъ, которыми украшаемы были легіоны альманаховъ, ни одного плодотворнаго зародыша не выпало въ переродившіеся календари. Когда въ новѣйшее время снова начали украшать простонародныя книги картинками, — такъ по крайней мѣрѣ, чтобы онѣ образованному человѣку казались сообразными съ народнымъ духомъ, — въ то время нѣмецкимъ рисовальщикамъ ничего нельзя было заимствовать изъ непосредственно предшествующаго періода; они по неволѣ должны были обратиться къ произведеніямъ *Дюрера*, *Гольбейна*, *Кранаха*, и даже къ произведеніямъ, дошедшимъ до насъ изъ среднихъ вѣковъ; прекрасные рисунки по краямъ страницъ, т. е. бордюры, которыми теперь не рѣдко изукрашены бываютъ нѣмецкіе календари, большею частію выкрадены изъ дорогихъ миніатюрныхъ изданій кодексовъ среднихъ вѣковъ.

По изысканной негодности бумаги и печати календари первой половины прошедшаго столѣтія можно теперь назвать типографскою рѣдкостію. Когда за двѣсти и болѣе лѣтъ передъ симъ литература пришла въ совершенный упадокъ, въ то время и бумага и печать сдѣлались въ такой же степени никуда не годными. Вообще надобно замѣтить, что знакомъ внутренней пустоты общаго нашего образованія во время владычества пудры было не только то, что понятіе объ искусствѣ извратилось, но и то, что художники стали употреблять самые непрочные и плохіе матеріалы для своихъ произведеній. Живописцы стали писать не только манерно, но и худыми красками; они упо-

Digitized by Google

требляли непрочное полотно даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда бы надобно было писать на деревѣ или на мѣди. Не только въ архитектурномъ отношеніи, но и въ самомъ производствѣ всѣхъ вообще работъ, стали строить весьма плохо. Сообразно съ этимъ въ концѣ XVII столѣтія и послѣ печатали несравненно хуже, чѣмъ въ XVI вѣкѣ, такъ что типографское искусство начало свой новый блестящій періодъ не ранѣе, какъ со временъ Лессинга и Гёте, со временъ возрожденія литературы.

Старый календарь становился вполнѣ необходимою книгою простаго народа именно вслѣдствіе непрерывнаго изложенія современной исторіи. Подобно тому, какъ теперь у насъ есть ежедневныя и еженедѣльныя газеты и мѣсячные журналы, точно такъ въ прежнее время календарь былъ ежегодною газетою для простаго народа. Календарь XVIII столѣтія своимъ историко-политическимъ отдѣломъ заступалъ мѣсто теперешней *провинціальной журналистики*. Простой народъ довольствовался тѣмъ, что узнавалъ о событіяхъ въ политическомъ мірѣ черезъ годъ послѣ того, какъ они совершились. Это обстоятельство совершенно согласовалось съ характеромъ тогдашняго времени. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь въ нашихъ газетахъ печатаются характеристическіе девизы, какъ напримѣръ *Mit Gott für König und Vaterland*, летучій листокъ подъ названіемъ *Reichspostreiter* печаталъ въ то время весьма наивно слѣдующій эпиграфъ: *Relata refero*, означающій почти то же, что: *старое повторяю* или *извѣстное сообщаю*. Образъ изложенія современной исторіи въ старыхъ календаряхъ чрезвычайно оригиналенъ и весьма живо характеризуетъ тогдашнюю политическую наивность Нѣмецкаго народа. Когда опустошительныя дѣйствія второй силезской войны простерлись до Богеміи, составитель календаря не могъ при этомъ не прибавить слѣдующаго замѣчанія: «богемскіе фазаны, къ сожалѣнію, стали очень рѣдко появляться въ это время на нѣмецкихъ кухняхъ, потому что прусскіе гусары не слишкомъ вѣжливо обращались съ этою благородною дичью». Картинки, приложенныя при подробныхъ описаніяхъ различныхъ торжествъ по случаю коронацій, бракосочетаній и похоронъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ особъ, составляютъ классическое изображеніе нравовъ тогдашняго времени. При заключеніи губертсбургскаго мира составитель календаря оставляетъ въ сторонѣ всѣ разсужденія о политическомъ значеніи этого всемірно-историческаго событія, какъ будто бы это было самое обыкновенное происшествіе, и занимается только подробнымъ описаніемъ той процессіи, которая происходила

Digitized by Google

въ Берлинѣ по случаю возвѣщенія этого мира народу государственнымъ герольдомъ; между прочимъ его занимаетъ особенно то, что герольдъ имѣлъ на головѣ римскій шлемъ, одѣтъ былъ въ латы съ наброшенною на нихъ тигровою кожею, въ короткіе панталоны, и, какъ онъ буквально замѣчаетъ, въ *чистые* (saubere) бѣлые чулки.

Къ концу XVIII столѣтія, какъ замѣчено выше, историческіе обзоры въ календаряхъ замѣняются анекдотами. Послѣ того газеты вытѣсняютъ и самый календарь изъ всеобщаго употребленія, такъ что онъ постепенно пересталъ быть необходимою настольною и хозяйственною книгою. Кромѣ астрономической части, содержаніе календаря сдѣлалось совершенно случайнымъ, а прежде оно было постояннымъ, необходимымъ. Простой народъ въ то время гораздо лучше и яснѣе понималъ календарь, не смотря на то, что онъ былъ гораздо сложнѣе и запутаннѣе теперешняго.

Библія, Книга пѣснопѣній (Gesangbuch) и календарь нѣкогда составляли дѣйствительно три исключительно-необходимыя настольныя книги нѣмецкаго простаго народа; календарь содержалъ для него всю свѣтскую мудрость, точно такъ, какъ Библія и Книга пѣснопѣній всю мудрость духовную. Но теперь календарь лишился того всеобщаго значенія, какимъ пользовался онъ прежде въ дѣлѣ народнаго образованія. Теперь дѣлаютъ только литературные опыты въ составленіи календарей, точно такъ, какъ уже были такіе же опыты и относительно Книги пѣснопѣній. Чрезъ это самое обѣ эти книги перестаютъ быть исключительно необходимыми настольными книгами.

(Изъ Allg. Zeit.)

ХЕЛГОЛАНДСКАЯ ДѢВУШКА.

Тамъ, на сѣверѣ, гдѣ Великобританія, Данія и Германія омываются Нѣмецкимъ моремъ, возвышается изъ воды огромная, единственная въ своемъ родѣ скала — это островъ Хелголандъ. Со временемъ, быть можетъ, эта замѣчательная земля совсѣмъ исчезнетъ, потому что морскія волны отмываютъ отъ него большія глыбы земли, изъ которыхъ нѣкоторыя еще выступаютъ изъ воды. Съ чѣмъ сравнить мнѣ Хелголандъ, эту чудную скалу, которая хотя и борется съ вѣтромъ и непогодою, но разрушается и уменьшается отъ морскихъ волнъ. Это образъ человѣка, который выступаетъ отважно въ борьбу съ судьбою, но наконецъ изнемогаетъ; удары роковыхъ волнъ слишкомъ сильны,

Digitized by Google

онъ смиряется, и съ терпѣніемъ переноситъ то, что̀ назначено ему судьбою.

Благоговѣніе наполняетъ душу, когда въ звѣздную ночь, при свѣтѣ луны, который увеличиваетъ предметы и придаетъ имъ гигантскіе размѣры, проѣзжаешь мимо группы этихъ скалъ. Тогда невольно чувствуешь себя такимъ малымъ и ничтожнымъ; но когда тихое море начинаетъ колыхаться и маленькія волны слегка качаютъ лодку, тогда какое-то молитвенное чувство проникаетъ въ душу. Ощущаешь и восторгъ и сокрушеніе, и радость и грусть. Предчувствія смерти возникаютъ въ душѣ, но это сладостныя предчувствія; душѣ сдается, что смерть должна быть сладка въ этихъ свѣтлыхъ, убаюкивающихъ волнахъ....

Простой, честный и веселый народъ живетъ въ Хелголандѣ. Ему чужды воровство и обманъ. Преданіе говоритъ, что Хелголандъ и Фрисландъ составляли нѣкогда одно цѣлое, и что въ одну ночь море разторгло ихъ, но нравъ и свойства обитателей остались одинаковы.

Жители всѣ моряки и рыбаки, море ихъ стихія, и потому они всегда заняты рыбною ловлею и сѣтями, или въ зрительную трубку наблюдаютъ за кораблемъ, которому могъ бы понадобиться лоцманъ. Часто они, скрестивъ руки и ноги и прислонившись къ столбу, безсмысленно смотрятъ на воду. Большая часть изъ нихъ никогда не покидала своей родины, и они очень были бы удивлены, если бы увидѣли нашу лошадь; а что̀ подумали бы они, еслибъ случилось имъ увидать исполинскаго коня новѣйшихъ временъ — локомотивъ, фыркающій огнемъ и дымомъ? Шехеразада изъ «Тысячи одной ночи» не могла бы разсказать ничего чудеснѣе этого своему повелителю. Они, какъ Робинзонъ на своемъ островѣ, оставались бы всегда одни, если бы осень не приносила имъ разнообразія. Тогда устремляются сюда любящіе развлеченіе и страждущіе какою-нибудь болѣзнію, потому что здѣшнее купанье посѣщается болѣе всѣхъ сѣверныхъ морскихъ купаній.

Былъ августъ. Солнце, долго скрывавшееся за облаками, ясно склонялось за небосклонъ, и голубовато-зеленая вода покрылась розовымъ свѣтомъ отъ вечерняго заката. На вершинѣ одной скалы, которая далеко вдается въ море, сидѣла молодая чета. Все было тихо вокругъ, и по временамъ только снизу изъ челноковъ едва внятно долетала къ нимъ веселая пѣсня рыбака.

— Ты еще сердишься, Андрей? — сказала дѣвушка, маленькая хорошенькая брюнетка съ черными блестящими глазами. — Не сердись, мой

Digitized by Google

милый, продолжала она, ласково потрепавъ его по щекѣ своею маленькою ручкою.

— Я прощаю тебѣ, Панни! — сказалъ молодой человѣкъ, и нѣжно взглянулъ на нее большими черными глазами, — но ты ужь не ходи на балъ, гдѣ баронъ такъ много съ тобою танцуетъ; обѣщаешь ли ты мнѣ это?

Это было большою жертвою для Панни; она такъ любила танцовать, но все-таки обѣщала, чего онъ требовалъ. Тутъ молодой человѣкъ радостно обнялъ свою любезную, и оба встали, чтобы идти домой, потому что сдѣлалось темно. На перекресткѣ они разстались, пожелавъ другъ другу доброй ночи, и каждый пошелъ къ своему жилищу, Панни весело, напѣвая народную пѣсенку, а Андрей медленно и задумчиво.

Купающіеся часто составляли маленькіе танцовальные вечера въ общей залѣ, на которые всегда приглашались всѣ хорошенькія танцующія дѣвицы Хелголанда. Это были тѣ балы, о которыхъ говорилъ Андрей, а баронъ, котораго онъ приревновалъ къ своей милой, былъ красивый, блѣдный молодой человѣкъ, и назывался барономъ Квендель. Онъ на этихъ вечерахъ познакомился съ Панни, танцовалъ съ нею, и наконецъ влюбился въ эту хорошенькую свѣженькую дѣвушку съ блестящими глазами.

Панни вчера была на балу въ бѣломъ прозрачномъ платьѣ и съ розою въ волосахъ, и никогда еще баронъ не говорилъ ей такъ много комплиментовъ, какъ въ тотъ вечеръ.

Андрей, стоя за окномъ, смотрѣлъ въ освѣщенную залу. Онъ видѣлъ, какъ всѣ кружились въ танцахъ, и между ними и Панни подъ руку съ барономъ, какъ глаза обоихъ горѣли, какъ щеки ихъ пылали, какъ баронъ во время танцевъ все ближе прижималъ къ себѣ Панни; и когда музыка умолкала на минуту, и Панни съ барономъ отступала въ углубленіе окна, онъ могъ даже слышать всѣ льстивыя слова, которыя баронъ нашептывалъ своей дамѣ. Андрей подсмотрѣлъ все это. Они не могли его видѣть въ ночной темнотѣ, которая окружала его, когда онъ только не слишкомъ приближался къ окну. Танцы кончились. Баронъ повелъ Панни въ сосѣднюю комнату, чтобы подать ей салопъ при выходѣ. При этомъ онъ быстро, и думая никѣмъ не быть замѣченнымъ, напечатлѣлъ поцѣлуй на ея раскраснѣвшейся отъ танцевъ щечкѣ. Андрей все это видѣлъ. Онъ опять стоялъ у окна этой сосѣдней комнаты. Не помня себя отъ ревности, онъ сжалъ кулакъ, и стекла, зазвенѣвъ, посыпались на полъ. Тогда онъ поспѣшно удалился. Виновные съ испугомъ отскочили другъ отъ друга, прочіе посѣтители

Digitized by Google

собрались всѣ вокругъ окна и осматривали разбитыя стекла, какъ вещь небывалую. Нѣкоторые рыбаки, суевѣрные отъ природы, привлеченные шумомъ, говорили, что это пролетѣлъ морской духъ.

Въ началѣ нашей повѣсти, мы слышали, какъ Андрей дѣлалъ своей невѣстѣ (она уже была его невѣстою по желанію ихъ родителей) справедливые упреки на счетъ ея вчерашняго поведенія, и какъ эта сцена кончилась примиреніемъ и обѣщаніемъ Панни не посѣщать болѣе баловъ. И Панни сдержала слово: ея болѣе не видали въ танцовальной залѣ.

Но вѣрность ея претерпѣла крушеніе у другой скалы. Все спѣшило къ лодкамъ, чтобы насладиться давно-ожидаемымъ плаваньемъ вокругъ острова, и чтобы съ моря видѣть величественное освѣщеніе гротовъ. Панни шла вдоль берега, и была погружена въ глубокую задумчивость. Думала ли она о баронѣ, котораго давно не видала, или объ Андреѣ? точно ли любила она его? Невольное чувство, которому она не въ силахъ была противиться, влекло ее къ барону, но вмѣстѣ съ тѣмъ любила она и Андрея: вѣдь онъ былъ товарищемъ ея дѣтскихъ лѣтъ, а теперь назначенъ ей въ женихи по волѣ ихъ родителей; а когда хелголандскіе родители скажутъ: «вы должны принадлежать другъ другу», тогда молодые люди принимаютъ это, какъ назначеніе самаго неба, а съ бракомъ приходитъ и любовь.

Панни все болѣе углублялась въ думу, и не замѣтила совсѣмъ, какъ къ тому мѣсту, гдѣ она теперь стояла, приблизилась лодка. Она причалила къ берегу, и изъ нея выпрыгнулъ баронъ Квендель.

— Прелестная Панни! какъ я счастливъ, что наконецъ опять васъ вижу! гдѣ вы были это время? васъ нигдѣ не было видно. Но теперь,— продолжалъ онъ, не дожидаясь отвѣта,—вы отъ меня такъ скоро не уйдете. Мы немного прогуляемся по морю, и вмѣстѣ полюбуемся освѣщеніемъ гротовъ. Но поспѣшимъ, всѣ ужъ туда поѣхали. — Съ этими словами онъ указалъ на множество лодокъ, наполненныхъ людьми, которыя съ другой стороны отчаливали отъ берега.

— Я не смѣю,—сказала Панни,—маменька будетъ сердиться. (Что у ней есть женихъ, она конечно не хотѣла ему сказать). Притомъ ужъ поздно!

— Ничего,—возразилъ баронъ, — ваша маменька этого не узнаетъ. Черезъ полчаса вы опять вернетесь. Поломайте немного свою хорошенькую головку, и вы легко найдете предлогъ къ оправданію.

— Правда,—подумала Панни, — да и Андрей ничего объ этомъ не узнаетъ, и много черезъ часъ я буду дома.

Digitized by Google

Сказано, сдѣлано. Баронъ посадилъ ее въ лодку, и они какъ стрѣла понеслись по водѣ.

Теперь Нанни начала раскаяваться, но когда она опять увидѣла себя рядомъ съ молодымъ прекраснымъ барономъ, который съ удивительною легкостію управлялъ весломъ и нашептывалъ ей слова любви, тогда она забыла все.

Вечеръ былъ прекрасенъ. Море сверкало фосфорическимъ сіяніемъ, когда по немъ ударяли веслами; мѣсяцъ, огненнымъ щитомъ, поднимался изъ волнъ, и вечерняя звѣзда привѣтствовала его радостнымъ свѣтомъ. Поэтическая душа или поэтъ здѣсь бы замечталась. Баронъ и Нанни все разговаривали вполголоса. Скоро они настигли у гротовъ и прочія лодки съ посѣтителями. Какъ хороши были гроты, лучше чѣмъ когда-либо! въ этомъ Нанни должна была сознаться. Въ ярко освѣщенныхъ гротахъ боролись великаны и морскіе духи; тамъ Вулканъ ковалъ съ своими циклопами, а здѣсь танцовалъ рой морскихъ нимфъ. Море съ пѣной плескалось о скалы и глубоко вдали вливалось въ гроты.

Было поздно. Всѣ отправились въ обратный путь, и баронъ повернулъ свою лодку, но вмѣсто того, чтобъ ѣхать обратно, какъ Нанни прежде думала, онъ плылъ все далѣе въ море.

— Ради Бога! куда везете вы меня, господинъ баронъ! — вскричала Нанни, замѣтивъ это, — мнѣ вѣдь пора домой.

— Мнѣ надо тебѣ кое-что сказать, душа моя! — возразилъ баронъ, и оставивъ руль, придвинулся ближе къ Нанни. — Я люблю тебя, милая моя Нанни! — сказалъ онъ, обвивъ ее рукою, — я люблю тебя, — повторилъ онъ страстнымъ голосомъ, — любишь ли и ты меня?

— Я думаю, — едва внятно проговорила Нанни, и прижалась къ его плечу.

— Ты думаешь! — вскричалъ онъ съ восторгомъ, и осыпалъ ее пламенными поцѣлуями. Въ эту минуту мимо нихъ пролетѣлъ челнокъ, въ которомъ сидѣли два человѣка, закутанные въ широкіе плащи; они уже давно въ нѣкоторомъ отдаленіи преслѣдовали влюбленныхъ. Старшій изъ двухъ мущинъ, высокій, крѣпкій старикъ съ длинными бѣлыми волосами и бородою и съ блѣдными строгими чертами лица, которымъ луна придавала фантастическое выраженіе, стоялъ въ лодкѣ, а младшій управлялъ рулемъ. Теперь онъ вскочилъ, и съ угрожающимъ движеніемъ хотѣлъ броситься на другую лодку, но товарищъ остановилъ его, могучей рукою ухватилъ руль, — и челнъ съ двумя незнакомцами

Digitized by Google

исчезъ. Однакожъ сердитый взглядъ молодаго человѣка глубоко проникъ въ душу Нанни.

— Это мой отецъ, мой женихъ! они меня узнали! — вскричала она внѣ себя, и безъ чувствъ упала на дно лодки.

Когда она пришла въ себя, она лежала на своей кровати. Мать съ заботливостію наклонилась надъ нею и прислушивалась къ ея дыханію.

— Успокойся, дитя мое! — сказала мать, — не тревожься, ты у меня.

Внизу въ комнатѣ сидѣлъ Шварцъ, отецъ Нанни, строгій, серьезный старикъ, у котораго ни одна черта никогда не обличала внутренняго волненія. Семдесятъ лѣтъ хотя посеребрили его волосы, но онъ ходилъ прямо и былъ силенъ и крѣпокъ. Голова, покрытая черной бархатной шапочкой, опиралась на руку, и большіе голубые глаза были пристально устремлены на какой-то предметъ. Нанни съ матерью вошли въ комнату.

— Добраго утра, батюшка! — сказала Нанни робкимъ и тихимъ голосомъ.

— Здравствуй, дочь моя! — сказалъ старикъ; потомъ всѣ трое сѣли за завтракъ.

Нанни ожидала, что отецъ начнетъ дѣлать ей выговоръ за вчерашній поступокъ, и что онъ сердится на нее, потому что ей очень хорошо была извѣстна его строгость. Но какъ ничего этого не было, и старикъ Шварцъ молча, какъ обыкновенно, сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, то Нанни почти увѣрилась, что все это былъ только страшный сонъ.

— Другъ мой! — прервавъ наконецъ молчаніе, сказала жена его, — ты забылъ полить свои цвѣты, какъ ты всегда это дѣлаешь до солнечнаго зноя. Посмотри-ка, какъ они повѣсили головки, а твоя любимая роза, — ахъ, какая жалость! она, кажется, совсѣмъ завяла и засохла.

— Оставь это, — возразилъ ей мужъ, — цвѣты опять оправятся, но роза, — прибавилъ онъ, покачавъ головою, конечно не поправится: она надломлена и засохла!

Эти слова какъ электрическій ударъ поразили Нанни. Отецъ часто говорилъ въ притчахъ; была ли это теперь случайность? — Она встала и шатаясь пошла къ двери, мать поспѣшно послѣдовала за нею со слезами на глазахъ.

Digitized by Google

Андрей на другой же день послѣ той ночи, которая похитила у него всю надежду на счастье, отправился на англійскомъ кораблѣ далеко, далеко.

Въ одно сентябрское утро, — туманъ лежалъ на водѣ, холодный осенній вѣтеръ быстро мчалъ тучи, и море еще высоко вздымалось отъ вчерашней бури, — рыбаки отвозили въ лодкахъ большую часть посѣтителей купаній къ пароходу, готовому отплыть въ Гамбургъ. На берегу между моряками стоялъ баронъ Квендель съ пасмурнымъ лицомъ. Онъ получилъ письма, которыя его не медля призывали въ отечество. Старикъ Шварцъ только что ушелъ отъ него.

— Вамъ нельзя отправиться, сударь, — сказалъ онъ спокойно, — пока вы не женитесь на моей дочери. Вѣрьте мнѣ, ни одинъ морякъ не отвезетъ васъ къ пароходу, потому что имъ всѣмъ извѣстенъ позоръ, которымъ вы покрыли меня, а вмѣстѣ и ихъ — моихъ собратій.

Баронъ далъ волю говорить старику, и только удостоилъ его презрительной улыбкою; потомъ съ досадою пошелъ къ берегу. Тутъ онъ стоялъ между моряками и предлагалъ большую сумму тому, кто перевезетъ его къ пароходу, но все было напрасно; моряки ему въ отвѣтъ отрицательно качали головою.

— Вы должны прежде жениться на дочери Шварца, — говорили они.

Что дѣлать! баронъ долженъ былъ терпѣливо дожидаться другаго парохода.

Спустя нѣсколько дней, отплывалъ послѣдній пароходъ съ лѣтними посѣтителями Хелголанда. Баронъ Квендель стоялъ на палубѣ, подлѣ него была Нанни, его молоденькая жена, которая то прижимала платокъ къ глазамъ, то махала имъ стоящимъ на берегу. Множество народа, махая шляпами, отвѣчало ей съ берега — это было послѣднее прощанье Хелголандцевъ. Отецъ Нанни былъ также между ними, а мать ея стояла отъ всѣхъ въ нѣкоторомъ разстояніи и горько плакала.

Мы встрѣчаемъ опять Нанни въ Д. Для нея въ первое время были приглашены всѣ возможные артисты и учителя, чтобы образовать это дитя природы для ея новаго званія. Прекрасная Хелголандка при своемъ вступленіи въ свѣтъ хотя и возбудила любопытство своею странною судьбою, но никто не принималъ въ ней истиннаго участія. Для высшаго круга она скоро сдѣлалась чѣмъ-то обыденнымъ. Отверженная и презрѣнная знатною роднею своего мужа, она вела жизнь скучную и уединенную, и была очень несчастна.

Digitized by Google

Богатый баронъ долженъ былъ жениться на своей дальной родственницѣ; онъ никакъ не могъ забыть этой неудачи, и искалъ случая вымѣщать свою досаду на женѣ своей, которая ему скоро наскучила. Страстный охотникъ до веселостей, онъ каждый день посѣщалъ собранія, но безъ Нанни, потому что онъ стыдился вывозить ее. Такъ завялъ этотъ свѣжій горный цвѣтокъ: розы на ея щекахъ поблѣднѣли, горесть томила ея сердце. Ей хотѣлось увидѣть свою родину.

Черезъ нѣсколько лѣтъ баронъ опять отправился въ Хелголандъ и взялъ съ собою молодую жену; она была очень блѣдна. Онъ полагалъ, что воздухъ родины укрѣпитъ ее и возвратитъ ей прежнюю свѣжесть.

Нанни прибыла въ Хелголандъ; она увидѣла опять свое отечество, опять услышала знакомый шумъ морскихъ волнъ, опять увидѣлась съ подругами дѣтскихъ лѣтъ; но она ужъ болѣе не разцвѣла. Изнѣженная новою жизнію, она нашла здѣсь воздухъ суровымъ, и людей грубыми. Она чувствовала и мыслила уже не такъ, какъ они. Ей казалось, что островъ и люди измѣнились, и что самое море не то, какимъ она его покинула. Глубокая грусть овладѣвала ею все болѣе и болѣе, она таяла, какъ свѣча, и всѣ говорили, что она не долго проживетъ.

Нанни застала отца еще въ живыхъ, но мать ея не перенесла разлуки съ своимъ единственнымъ дѣтищемъ.

— Ты принадлежишь ужъ болѣе не намъ, а роднымъ твоего мужа, — сказалъ ея отецъ. — Ты должна жить и умереть на твердой землѣ.

Хотя Нанни и здѣсь чувствовала себя отчужденною, но еще менѣе желала возвратиться въ этотъ большой, холодный, шатный свѣтъ. И такъ какъ ей уже нигдѣ не суждено было жить счастливою, она охотно бы умерла тамъ, гдѣ родилась. Она знала очень хорошо, что мужъ ея охотно бы согласился на эту разлуку; но ея слезы и мольбы не тронули строгаго старика Шварца. Онъ самъ въ своей лодкѣ отвезъ Нанни, вмѣстѣ съ ея мужемъ, къ кораблю, который возвратилъ ее опять въ ея новую печальную отчизну.

Съ тѣхъ поръ она ужъ болѣе не видала Хелголанда.

ЛЮБОВЬ И ЖЕНЩИНЫ.

(Мысли и наблюденія.)

Рожденіе Венеры изъ морской пѣны имѣетъ символическое значеніе. Женщина тогда только совершенно прекрасна, когда въ умѣ ея есть зерно соли.

Digitized by Google

Есть женщины, посланныя на землю въ залогъ Божьяго милосердія. Какъ весталки древности, стерегутъ онѣ чистое плама добродѣтели и любви своей, а во дни сердечныхъ бурь ищутъ убѣжища подъ сѣнью колыбели своихъ дѣтей.

Любовь не старѣется: она умираетъ въ дѣтствѣ.

Г-жа Стааль сказала: «въ жизни есть только начинанія.» Въ любви, какъ въ жизни.

Съ женщинами часто случается то же, что и съ деньгами: ихъ берутъ,—чтобы спрятать.

Въ царствѣ волокитъ, ходитъ только фальшивая монета любезностей. На самыхъ возвышенныхъ чувствахъ выбитъ сомнительный штемпель, и въ самомъ страстномъ сердцѣ—много лигатуры.

Въ этой странѣ сумасброды бываютъ мудрецами, а мудрецы—сумасбродами.

Платонъ ошибается.—Если любовь опьяненіе, какъ можно опьянѣть не хлѣбнувъ вина?

Кто перелистовалъ занимательную книгу, которую мы называемъ «женщина», тотъ знаетъ больше того, что цѣлую жизнь рылся въ пыльномъ хламѣ библіотекъ. Нѣтъ ученаго, которому женщина не могла бы сказать съ основаніемъ: «наука—это я.»

Женщина часто даетъ намъ то, чего сама не имѣетъ,—любовь.

Любовь—для женщины любопытство, для мужчины—любовь.

Говорятъ, что люди умные не успѣваютъ въ свѣтѣ потому, что они не почитаютъ другихъ такими глупцами, какъ они есть. Влюбленные, которымъ нѣтъ удачи, то же, что умные люди: они не вѣрятъ, что женщины—только женщины.

Любовь въ сердцѣ женщины,—это раскаленный уголь, въ которомъ есть и жаръ, и чадъ, и свѣтъ.

Женщина рѣдко разоряется,—но какъ часто разоряетъ.

Пламя нашихъ страстей ослѣпляетъ насъ, за то освѣщаетъ дорогу другимъ.

Въ комъ нѣтъ любви и ума, тотъ не пробудитъ въ насъ ни любви, ни мысли. Можно однако полюбить сердце уже занятое другою любовью. Это значитъ подкладывать свои дрова на чужой очагъ.

Сильная страсть прилипчива. Женщина, любимая пламенно, и сама непремѣнно полюбитъ,—не насъ, такъ другаго. Чтобы поднять ртуть въ термометрѣ, стоитъ только дохнуть на него тепломъ.

Необузданныя страсти истекаютъ изъ любви, и впадаютъ въ смерть.

Digitized by Google

Поэму любви писали женщины; мужчины сдѣлали разборъ этой поэмы, но не поняли ее.

Мы влюбляемся глазами мысли.

Какъ много теряетъ женщина, переходя изъ пеленокъ природы на помочи свѣта. Изъ всѣхъ прекрасныхъ качествъ, которыми надѣляетъ природа женщину, свѣтъ требуетъ отъ нея только — красоты и непринужденности.

Александръ Македонскій хотѣлъ, чтобы его почитали сыномъ Юпитера. — Не ссорь меня съ Юноною, писала къ нему мать его.

Г-жа Барневельдтъ упала къ ногамъ принца Оранскаго, умоляя о пощадѣ ея сыну: — «Почему вы не просили пощады своему мужу»? — Мужъ мой былъ правъ, а сынъ виновенъ.

Многіе любятъ плоды недозрѣлые, другіе любятъ плоды, когда они доспѣваютъ; иные собираютъ подъ деревомъ уже опавшіе. Плоды подобно любить, какъ ихъ любитъ солнце, а не такъ, какъ любятъ ихъ ребятишки, или взрослые дѣти — влюбленные.

Если вы не поселите въ женщинѣ опасенія потерять васъ, въ ней не зародится желаніе васъ сохранить. Сердце питается тревогой; искусство кокетки состоитъ въ умѣньи давать пищу сердцу.

Старайтесь всегда быть непостижимымъ. Любовь охотница до неизвѣданнаго. Когда маска снята, маскарадъ становится скученъ.

Въ первую половину жизни женщины, молодость можетъ замѣнить ей красоту; впослѣдствіи, полъ ея замѣняетъ ей и красоту и даже молодость, но только въ глазахъ юношей, у которыхъ молодость замѣняетъ любовь.

Маршалъ Ришелье говаривалъ, что дружбу можно *распороть*, но любовь только разорвать.

Есть жестокое наказаніе для новичковъ-путешественниковъ и новичковъ-любовниковъ: для первыхъ пріѣздъ на мѣсто, — для послѣднихъ побѣда. Путешественники увидятъ, что всѣ страны похожи одна на другую; любовники тоже подумаютъ о женщинахъ.

Счастіе — это красивый домикъ съ дерновою крышею, усыпанною цвѣтами. На него надобно любоваться снаружи; если войдете внутрь, — не увидите убранства.

Въ воспитаніе дѣвицъ вкралось странное противорѣчіе. Имъ внушаютъ, что честь ихъ заключается въ томъ, чтобы не имѣть любов-

Digitized by Google

никовъ, и въ то же время ихъ заставляютъ учиться, покоряться множеству принужденій, выносить тьму досадныхъ обычаевъ, увѣряя, что все это необходимо, чтобы *нравиться*.

Когда задумаемъ жениться, и жениху и невѣстѣ не худо повнимательнѣе разсмотрѣть, въ состояніи ли они выносить недостатки одинъ другаго.

Много писали и противъ и въ защиту брачной жизни и противъ и въ защиту холостой жизни. Вопросъ еще не рѣшенъ. Трудно подать совѣтъ въ этомъ случаѣ, но не лишнее замѣтить, что холостякъ можетъ жениться, если холостая жизнь ему наскучила.

Если женщина говоритъ про другую: «она не дурна», это значитъ, что та или ряба или косая. Если же скажетъ только: «Она предобрая», знайте, что она говоритъ о безобразной или горбатой.

Не рѣдко случается, что женщина открываетъ истину догадкой и меткостію воззрѣнія, скорѣе чѣмъ мужчина методическимъ и точнымъ изслѣдованіемъ.

Женщинъ упрекаютъ въ обычаѣ скрывать свои лѣта. Любопытство мужчинъ въ этомъ случаѣ страннѣе и смѣшнѣе скрытности женщинъ.

Что́ должны мы разумѣть подъ словомъ: *молодость женщины*, и въ какомъ случаѣ молодость эта бываетъ преимуществомъ?

Молодая женщина — свѣжа, румяна, имѣетъ стройный, гибкій станъ, гладкую кожу, красивыя формы, блестящія глаза, лучъ души во взорѣ. Много женщинъ и въ тридцать лѣтъ сохранили эти прелести; — много осьмнадцати-лѣтнихъ дѣвушекъ уже ихъ не имѣютъ, или никогда не имѣли.

Къ счастію послѣднихъ, всегда найдутся простаки, которые предпочтутъ даже не пригожую молодость зрѣлымъ прелестямъ. Понятно, если кто спроситъ лѣта женщины, не видавъ ея. По лѣтамъ точно можно догадываться о ея матеріяльныхъ преимуществахъ. Но къ чему спрашивать лѣта женщины, которую видимъ?

Большая часть мужчинъ цѣнятъ въ женщинахъ только юность, то-есть не дѣйствительную ихъ молодость, а ту, которою онѣ пользуются по праву лѣтъ: не существенность молодости,—а имя. Не лучше ли молодая старуха устарѣвшей молодости.

Digitized by Google

Жена ваша — настоящая роза, сказалъ кто-то слѣпому поэту. — Я догадывался объ этомъ по шипамъ, отвѣчалъ слѣпецъ.

Трудно понять любовь къ женщинѣ, съ которою мы вмѣстѣ воспитывались, и были очевидцами, какъ медленно и съ какимъ трудомъ она *заучивала* каждое изъ своихъ совершенствъ.

Любуясь изящною опрятностію взрослой дѣвушки, съ которою мы не разлучались съ ребячества, намъ невольно приходитъ на мысль, какъ ревѣла она, когда ей обтирали лице мокрымъ полотенцемъ. Мы вмѣстѣ учились съ нею танцовать, и восхищаясь теперь ея величественною осанкою, ея царственною поступью, мы все не можемъ забыть ея прежней неловкости, и въ ушахъ нашихъ внятно раздается голосъ ея няньки: да полноте барышня, лазить, по деревьямъ какъ мальчикъ; перестаньте чесаться, не стыдно ли вамъ ковырять въ носу, *и пр. и пр.*

Заслушиваясь ея прекраснаго, чистаго голоса, ея игры на фортепьяно, можемъ ли мы наслаждаться, какъ другіе, когда это удовольствіе обошлось намъ такъ дорого; когда мы пять или шесть лѣтъ сряду слушали неумолимыя гаммы и фальшивыя ноты ея крикливаго голоса, прежде нежели она достигла бѣглости и выраженія въ игрѣ и вѣрной интонаціи въ пѣніи.

Можетъ ли существовать любовь безъ обаянія, безъ тайны, безъ жажды извѣдать неизвѣстное. По крайней мѣрѣ такъ начинается любовь; такова она прежде чѣмъ устарѣетъ и обратится въ привычку, которая питается уже одною вещественностію.

Дружба не можетъ существовать между двумя женщинами, какъ миръ между двумя сосѣдними торговками. Дружба между мужчиною и женщиною — пустая мечта. Развѣ назвать дружбою связь, въ которой любовь сдѣлалась только воспоминаніемъ, послѣ того какъ была дѣйствительностію.

Легко понять, что любовь можетъ зародиться съ перваго свиданія, но дружба бываетъ только слѣдствіемъ продолжительныхъ сношеній. Человѣкъ, которому женщина предлагаетъ дружбу, въ отвѣтъ на любовное признаніе, можетъ, въ свою очередь, отвѣтить ей: «Дружбу, сударыня? простите мнѣ, я не могу такъ скоро рѣшиться. Я еще не знаю, я еще долго не буду знать, въ состояніи ли я питать къ вамъ это чувство, можете ли вы внушить мнѣ его. Что касается до любви, — это дѣло другое. Вы прекрасны, вы мнѣ нравитесь, при васъ сердце мое бьется сильнѣе, я люблю васъ; но о дружбѣ мы поговоримъ послѣ.»

Digitized by Google

Даже тѣ женщины, которыя хотятъ, чтобы другіе вѣрили дружеской ихъ связи съ мужчиною, сами не вѣрятъ такой дружбѣ другихъ женщинъ и отвѣчаютъ улыбкой сомнѣнія, если мужчина вздумаетъ увѣрять ихъ, что онъ связанъ одною дружбою съ которою-нибудь изъ ихъ пріятельницъ, и что любовь вовсе чужда имъ.

Непріятно слышать, когда женщина говоритъ о своей чистоплотности, хотя качество это называютъ полу-добродѣтелью. Зачѣмъ намъ знать, что она черезъ день беретъ ванны или ежедневно купается? Кчему предупреждать насъ, что мы пьемъ очищенную воду, и припоминать тѣмъ, что вода эта была грязна, нуждалась въ очищеніи и взята не прямо изъ чистаго прозрачнаго источника? ..

Не хорошо, когда женщина говоритъ о своемъ тѣлѣ: я ушибла колѣно, я простудила спину, я потеряла подвязку, я перемѣнила бѣлье. Только тотъ пойметъ, почему это не хорошо, кто понимаетъ, сколько граціи, сколько таинственной прелести придаетъ женщинѣ длинное, сбористое платье....

Въ обычаи свѣтскихъ дѣвушекъ ввелись, съ нѣкотораго времени, не слишкомъ выгодныя для нихъ измѣненія. Прежде дѣвушка одѣвалась на балъ въ бѣлое платье, легкое, свѣжее, воздушное, которое такъ чудесно согласовалось съ идеями невинности, дѣвственности, цѣломудрія. Прежде молодыя дѣвушки убирали голову не драгоцѣнными камнями, а цвѣтами. Теперь онѣ носятъ богатыя платья, драгоцѣнныя ткани, брилліянты, рубины, изумруды. Прежде наряды дѣвушекъ различались между собою цвѣтомъ пояса, роскошь убора состояла въ одной свѣжести. Платье дѣвушки, какъ крылья бабочки, не должно быть измято. Трудно было отгадать по платью, богата ли дѣвушка, но можно было заключить, что она опрятна, стыдлива, невинна. Теперь блестящіе, разнообразные и разорительные костюмы, къ поэтической идеѣ, которую пробуждаетъ молодая дѣвушка, примѣшиваютъ другія мысли, болѣе мірскія. Невольно сочтешь всѣ расходы на дорогіе уборы, и подумаешь: я не довольно богатъ, чтобы жениться на дѣвушкѣ, красота которой такъ убыточна. Много дѣвушекъ долго остаются незамужними по милости этой пышности, что по ихъ мнѣнію возвышаетъ красоту, и что въ существенности ослабляетъ могущество этой красоты на женіховъ.

Кромѣ этаго преобразованія въ нарядахъ, вралось преобразованіе и въ нравы: дѣвушки привѣтствуютъ теперь молодаго человѣка пожатіемъ руки, разговариваютъ съ нимъ свободно, собираются съ подру-

Digitized by Google

гами въ уголокъ гостиной, и тамъ, вмѣстѣ съ молодежью нашего пола, громко судятъ, рядятъ и смѣются.

Какъ много прелести отнимаетъ это обращеніе у дѣвушекъ. Рука мужчины никогда не должна прикасаться къ молодой дѣвушкѣ. Красота ея создана изъ непорочности, стыдливости, цѣломудрія и невѣденія, и должна говорить воображенію, а не чувственности.

Мужчина, подавая руку другому мужчинѣ, снимаетъ перчатку: пожатіе руки есть символъ расположенія, выраженіе довѣрія. По прежнимъ обычаямъ женщинѣ нельзя было подать руки безъ перчатки. Теперь, кажется, не понимаютъ, какъ много этотъ уважительный обычай сохраняетъ прелести для любви.

Почему поэты и живописцы изображаютъ въ видѣ женщинъ ужаснѣйшія язвы человѣчества: войну, голодъ, чуму, смерть, парокъ, гарпій и сиренъ?

Посланницы небесъ на землѣ: правосудіе, добродѣтель, состраданіе, благотворительность, слава *и проч.* также изображаются въ видѣ женщинъ.

Красота и добродѣтель женщины выше красоты и добродѣтелей мужчины. Но безобразная и злая женщина, безобразнѣе и злѣе самаго безобразнаго и самаго злаго мужчины.

Скупость—имя существительное женскаго рода, однако живописцы не рѣшаются олицетворить эту страсть въ формахъ женщины и всегда изображаютъ ее въ видѣ мужчины.

Какъ неловко быть вдовою, говорила овдовѣвшая красавица. Приходится усвоить скромность молодой дѣвушки, не смѣя притворяться несвѣдущею.

Моралисты нападаютъ на любовь, но поэты, надъ которыми они смѣются, чуть ли не справедливѣе ихъ. Любовь есть источникъ, причина и цѣль всего великаго, прекраснаго, возвышеннаго. Толпа вѣритъ иносказанію, что красота мать любви. Напротивъ того, любовь создаетъ красоту. Любовь одушевляетъ взоръ, придаетъ грацію движеніямъ, прелесть мысли, выраженіе голосу: любовь—это солнце, подъ лучемъ котораго распускаются цвѣты души нашей; любовь зарождаетъ въ насъ возвышенное честолюбіе, она будитъ въ насъ геній.

Digitized by Google

ПАМЯТНЫЙ ЛИСТОКЪ ОШИБОКЪ ВЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ, *встрѣчаемыхъ въ произведеніяхъ многихъ русскихъ писателей.* (Продолженіе. См. «Москвитянинъ» 1852 N° 24. Смѣсь, стр. 206.)

— *Свойство, качество.* Эти слова, сплошь и рядомъ, идутъ у многихъ нашихъ писателей одно за другое. Попытаемся объяснить значеніе каждаго изъ нихъ. *Свойства* врожденны человѣку, *качества* пріобрѣтаются, развиваются воспитаніемъ, обстоятельствами. Такимъ образомъ, свойства имѣютъ значеніе болѣе возвышенное, чѣмъ *качества*. Первыя составляютъ индивидуальную принадлежность человѣка, его характеризуютъ, отличаютъ отъ другихъ, и суть проявленіе высшей, духовной его стороны; *послѣднія* — не болѣе, какъ общежитейскій его оттѣнокъ. Геройство, твердость духа, самоотверженность, великодушіе, и проч.— *свойства*. Вѣжливость, привѣтливость, снисходительность, и проч.— *качества*.

Мы сказали, что слова эти смѣшиваются у насъ между собою. Въ доказательство приведемъ, для краткости, хотя одинъ слѣдующій примѣръ: «Казиміръ Делавинь былъ человѣкъ *честный*, любезный, *знающій*, *работящій*, *терпѣливый*, замысловатый, даже остроумный, по-крайней-мѣрѣ по временамъ, *робкій*, *безкорыстный*, нисколько не жадный, не льстивый, не завистливый, однимъ словомъ, имѣлъ тьму добрыхъ *качествъ*. О геніи въ немъ не было и помину; онъ любилъ итти по вѣтру, плыть по теченію, угождать общественному мнѣнію.» (С.-П.-б. Вѣд. 1852. N° 261. Парижская жизнь, стр. 1055.)

На основаніи вышеизложеннаго нашего взгляда, *честность*, *терпѣніе* и даже *безкорыстіе* названы здѣсь *качествами* несправедливо; это *свойства*. Все прочее остается качествами.

Кстати, замѣтимъ еще въ приведенномъ нами примѣрѣ слѣдующее:— *знающій* слово весьма неопредѣленное; яснѣе было бы: *съ познаніями, со свѣдѣніями*. —Далѣе: говорить о Казимірѣ Делавинѣ, какъ о какомъ-нибудь каменщикѣ, *работящій* — слишкомъ неприлично. Еще: *робость* причислена къ добрымъ качествамъ, тогда какъ всѣмъ извѣстно, что это, напротивъ, недостатковъ. Не можетъ быть, чтобы Филаретъ Шаль, которому принадлежитъ эта статья, сказалъ *timide*; у него, вѣрно, написано *modeste*, а мы, просто за просто, *скромность* пожаловали въ *робость*. Наконецъ: говорится, что Казиміръ Делавинь былъ чело-

Digitized by Google

къ честный, не льстивый, и вслѣдъ за тѣмъ сказано, что онъ лю-лъ плыть по теченію, угождать общественному мнѣнію: это явное отиворѣчіе!

—

Мысль, идея. Отечественныя Записки (Іюль 1852. Библіограф. роника, стр. 3) глаcятъ: «*Идея*, какъ извѣстно всѣмъ пишущимъ и безъизвѣстно многимъ читающимъ, это словечко затруднительное, сьма головоломное.» Далѣе: «У насъ въ теперешнемъ употребленіи, ть въ немъ что-то возвышенное, привлекательное; оно звучитъ у съ очень громко и лестно *для* авторскаго самолюбія, а между-тѣмъ, о не спрашивалъ себя, собираясь изобразить его черными чертами бѣлой бумагѣ: да что же это такое наконецъ «идея», о которой къ много новые философы толкуютъ вслѣдъ за древнимъ Платономъ? го не опасался, какъ бы не попасть въ просакъ, употребивъ его не-вѣстно?» Конецъ концемъ, референтъ и самъ не рѣшаетъ, что такое ея. — Это, кажется, значитъ: говорить много, да не сказать ничего. Мы же, не вдаваясь во многословіе, думаемъ, что опредѣлимъ слова *ысль* и *идея* довольно ясно и справедливо, если скажемъ: — *Мысль* ть плодъ разсмотрѣнія предмета, размышленія, соображенія, вывода отношенія между предметами. *Идея* есть изображеніе предметовъ въ лѣ. Отсюда *идеалъ* — воображаемая красота, мечтательное совершен-во. *Мысль* терминъ изъ области философіи, мышленія; *идея* слово тетическое, картинное.

Поясникъ сказанное нами примѣрами: Богу извѣстны *мысли* муд-лхъ сего міра, и Онъ вѣдаетъ, какъ онѣ суетны. (Де Тарси.) Угры-нія совѣсти за проступки предъ любезнымъ сердцу нашему человѣ-мъ такъ мучительны, что подумаешь, не даютъ ли они *идеи* о укахъ. Дантовскаго ада. (Г-жа Сталь)

—

У насъ часто пишутъ *менѣе, какъ*; а слѣдуетъ писать *менѣе, не-сели*, или *менѣе, чѣмъ*. Примѣръ такой ошибки: «что можно, кажется, айдти *менѣе* подходящаго къ извѣстному характеру античнаго художе-ва, *какъ* именно эти фрески Микель Анджело. (Отечеств. Зап. Іюль 352. Библіограф. Хрон. стр. 9.)

—

Неправильность въ мѣстоимѣніяхъ. Примѣры:

«Спокойное блаженство моего добраго пріятеля, основанное на уеди-неніи, украшенномъ всѣми благами богатства, довольства, добра и

Digitized by Google

искусства, было постояннымъ и прочнымъ блаженствомъ, *не только что* не зависящимъ отъ страстей и произвола другихъ людей, *но* опи рающимся *на самого себя*», и т. д. (Современ. Ноябрь 1852. Исто одн. картины, стр. 5.). Блаженство опирается *на самого себя*, — н правильно; слѣдовало сказать *само на себя*; блаженство не лит Примолвимъ еще, что послѣ *не только, что* лишнее, а послѣ надобно было прибавить *и*.

«Улыбаясь, я подалъ ему руку и попросилъ иногда заходить *себѣ*». (Тамъ же, стр. 28.). Вмѣсто *къ себѣ*, должно было сказа *ко мнѣ*; а теперь выходитъ, что подавшій другому руку просил чтобъ онъ заходилъ къ самому себѣ.

—

Двусмысленность, *несоотвѣтственный переносъ названій*. В Отечестн. Запискахъ (Іюль 1852. Журналист. стр. 34.) мы прочита «Не смотря на *не продолжительное* существованіе этого разряда лит ратуры (фѣльетона), мелкіе фѣльетонисты, особенно туземные, наш успѣли и въ немъ воздвигнуть памятники крупнымъ фѣльетонистамъ, которыхъ они возвели на степень *Гомеровъ и Шекспировъ фѣльетона*.» Здѣсь слово *непродолжительное* неумѣстно, потому что оно можетъ означать и то, что фѣльетонъ существуетъ еще не много времени, и то, что существованіе его скоропреходяще; вмѣсто *непродолжитель ное* слѣдовало сказать *недавнее*. Далѣе: *Гомеровъ* и *Шекспиров* фѣльетона быть не можетъ. Такіе переносы титловъ геніальныхъ людей, отличившихся въ совершенно другомъ родѣ, противны здравому смыслу. Эпическаго поэта можно пожаловать въ Гомеры, а драматическаго въ Шекспиры; но фѣльетониста, какъ бы вы ни хотѣли его похвалить, можно назвать развѣ Жюль-Жаненомъ. Намъ приходитъ по этому слу чаю на мысль старинная, не помнимъ чья-то, эпиграмма:

Писатель нашъ Графовъ, скажу я не въ укоръ,
Танцуетъ какъ Вольтеръ, а пишетъ какъ Дюпортъ.

—

Не-русскіе обороты фразъ.

— «Грусть, приличіе, меланхолія, *блѣдная* (?), кроткая преданность судьбѣ своей», и т. д., — таковъ Абд-эль-Кадеръ». (С.-П.-б. Вѣд. 1852 N° 268, стр. 1087.) Чистый галлицисмъ; вмѣсто: *таковъ Абд-эль*

Digitized by Google

Кадеръ, скажите, напримѣръ: *вотъ характеристическія черты Абд-эль-Кадера*, и тогда будетъ по-русски. Къ чему тутъ прилагательное *бѣдная* — неизвѣстно.

— «Либо краткость *отмѣреннаго* времени, либо какія другія соображенія побудили г. Шевырева взять предметъ съ такой стороны, *съ которой не многіе могли ожидать*.» (Отечеств. Зап. Іюль 1852. Библіограф. Хрон., стр. 3.) *Съ которой не многіе могли ожидать* — оборотъ совершенно не русскій. *Съ которой* (стороны) должно означать ту сторону, которая была исходною точкой г. Шевырева, а по обороту рѣчи «Отечествен. Записокъ», *съ которой* означаетъ сторону поименованныхъ тутъ *не многихъ*. Почему бы не сказать: «мало кто могъ предполагать, чтобы г. Шевыревъ взялся за свой предметъ съ той стороны, которую онъ избралъ»; или выразиться бы какъ-нибудь похоже на это? Сверхъ-того: *отмѣреннаго* (времени) — напыщенно, вычурно; просто: *назначеннаго*, *опредѣленнаго* было бы здѣсь гораздо лучше.

— «Вся индивидуальная сторона явленій перестаетъ занимать изслѣдователя, который *считаетъ ниже себя* мелкія изысканія трудолюбивой учености.» (Тамъ же, стр. 8.). Авторъ хотѣлъ сказать, что мелкія изысканія трудолюбивой учености изслѣдователь считаетъ не достойными себя, а сказалъ, что изслѣдователь пересчитываетъ изысканія учености, находящіяся подъ нимъ.

Еще мы прочитали слѣдующія *неправильныя* фразы:

— «Кто не слыхалъ этого знаменитаго имени (Рафаэля) и кто не желалъ бы узнать *о немъ* что-нибудь основательное? Кто, столько-нибудь воспріимчивый, смотрѣлъ на *его* произведенія, и т. д.?» По смыслу рѣчи выходитъ, что всякой желалъ бы узнать что-нибудь основательное объ имени Рафаэля, а не о самомъ Рафаэлѣ, и смотрѣть на произведенія также не Рафаэля, а его имени (безсмыслица!); вмѣсто: *о немъ*, поставьте: *о Рафаэлѣ*, и все будетъ складно.

— «*Въ* четыре часа времени поговорить о Рафаэлѣ и его произведеніяхъ.» (Тамъ же, стр. 3.). Вы и думаете, что начато говорить о Рафаэлѣ въ четыре часа; ничуть не бывало: авторъ хотѣлъ сказать, что о Рафаэлѣ говорено четыре часа.

— «Фельетонъ — самая *послѣдняя* ступень той легкой литературы, къ которой стремится словесность *европейская*, а за нею и *русская*, въ послѣднее время» (Тамъ же, Журналистика, стр. 34.). *Послѣдняя*

Digitized by Google

(ступень)—неизвѣстно, сверху или снизу; *послѣдняя* и тотчасъ же опять *послѣднее*; притомъ, повторяя здѣсь то же, что сказалъ я въ прежнемъ Памятн. Листкѣ (1852. N° 24): русская словесность есть также европейская,—еще скажу, что послѣдняя (сверху или снизу, все равно) ступень всегда одна, а потому *самая* лишнее.

—«Вазы самыхъ *безумныхъ* формъ.» (Соврем. Ноябр. 1852. Ист. одной картины, стр. 5.). Формы не люди, а потому не могутъ быть ни умными, ни безумными.

—«Обладая приличіемъ манеръ.» (Тамъ же, стр. 18.). Чисто по-французски, а вовсе не по-русски. Русской скажетъ: *умѣя обращаться*, или, пожалуй, *держать себя съ приличіемъ*.

—«Прощай, треть души моей!... Не могу сказать: половина. Треть принадлежитъ тому, который въ Италіи, треть моему ребенку, треть твоя. Мнѣ ничего не нужно, потому что я живу вами *тремя*.» (С.-П-б. Вѣд. 1852. N° 268. Фёльет. Парижск. жизнь.) Не *тремя*, а *троими*; потому что рѣчь о мужчинѣ, ребенкѣ и женщинѣ.

Въ заключеніе нынѣшняго нашего Памятнаго Листка, приведемъ переводъ помѣщенныхъ въ томъ же N° С.-П-б. Вѣд. двухъ стишковъ:

—Elle excellait dans l'art de charmer les humains,
Mais oubliait souvent de se laver les mains.

Переведено:

«Своимъ искусствомъ всѣхъ прельщала,
Но руки мыть нерѣдко забывала.»

Трудное ли бы, казалось, дѣло перевести два такіе стишонка, особенно, какъ сдѣлано здѣсь, съ риѳмою на глаголъ? Нѣтъ, и тутъ въ переводѣ невѣсть что. Авторъ говоритъ: «она обладала въ высшей степени искусствомъ привлекать къ себѣ людей, но часто забывала мыть *себѣ* руки.» Сами видите, то ли въ фельетонномъ переводѣ. Тамъ: *своимъ искусствомъ*,—а какимъ? *забывала мыть руки*;—но кому? Вѣдь не всему же свѣту ей было *мыть руки*!

И. ПОКРОВСКІЙ.

Новгородъ.

Digitized by Google

ВАРІАНТЫ КЪ «ИСТОРІИ О РОССІЙСКОМЪ ДВОРЯНИНѢ ФРОЛѢ СКОБѢЕВѢ И СТОЛЬНИЧІЙ ДОЧЕРИ НАРДИНА-НАЩОКИНА АННУШКѢ» ПО СПИСКУ ПОГОДИНСКОМУ.

Стран. 3, *строка* 10. Послѣ словъ «Фролу Скобѣеву» находятся слова: «*у того прикащика* въ домѣ», и проч.

— — *с. послѣдняя.* Послѣ словъ: «той мамкѣ», — слова: «*и сказалъ: то мнѣ сіе ни во что*, и пошелъ», и проч.

Стр. 4. *с.* 3. Послѣ слова: «въ домъ» — стоитъ: «*свой*».

— — *с.* 4. Вмѣсто «увеселенныхъ» чит. «*увеселительныхъ*».

— — *с.* 11. Вмѣсто: «поѣхала просить» — «*поѣхала и просила*». Также въ строкѣ 15.

— — *с.* 12. Вмѣсто: «къ Аннушкѣ» — «*къ госпожѣ своей Аннушкѣ*».

— — *с. предпослѣдняя.* Вмѣсто «дѣвическій уборъ» — «*дѣвичій уборъ*». Также и на 5. стран. с. 1, 7, 8 и проч.

Стр. 5, *с.* 4. Вмѣсто: «будетъ великая бѣда» — «*быть великой бѣдѣ.*»

— — *с.* 18. Слова «изо всѣхъ» нѣтъ.

— — *с.* 3 *снизу.* Послѣ словъ: «прежде сего» стоитъ: «*отдѣтска.*»

Стр. 6, *с.* 2. Вмѣсто: «сына Фрола» — «*а сама показала на Фрола*».

— — *с.* 3. Вмѣсто: «въ особливыя покои» — «*въ особливую свѣтлицу*».

— — *с.* 5. *снизу.* Послѣ словъ: «по домамъ своимъ» — слова: «*также и Фролъ Скобѣевъ и съ сестрою своею*».

— — *с.* 2. *снизу.* Вмѣсто: «люди» — «*служители дому того*».

Стр. 7, *с.* 14. Послѣ слова «ходилъ» — стоитъ: «*въ Москвѣ повѣренными* за дѣлами» и проч.

— — *с.* 5 *снизу.* «Въ радости *великой*».

Стр. 8, *с.* 26. Вмѣсто: «ябедникъ» — «*ябеда*».

— — *с.* 5, 4 и 3 *снизу.* Словъ: «ѣхать» и проч. до слова «поѣхалъ и» — нѣтъ.

Стр. 10, *с.* 1. Вмѣсто «не вѣришь» — «*не изволишь вѣрить*».

— — *с.* 11. Словъ: «весьма много искалъ и нигдѣ не нашелъ», нѣтъ, а послѣ слова «плакалъ» прибавлено: «*что безвѣстно пропала дочь его*».

— — *с.* 14. Вмѣсто «кто пріѣзжалъ съ возниками» — «*кто пріѣзжалъ и куда она поѣхала*».

— — *с.* 22. Послѣ слова «публику» находится: «*о его стольничей дочери, сжели ея кто содержитъ тайно, чтобъ объяснили, сжели кто ея не объявитъ, а послѣ*

Digitized by Google

обыщется, то смертію казнень будетъ. И Фролъ Скобѣевъ, слышавъ публикацію, не вѣдаетъ», и проч.

— — с. 28. Послѣ «женился» находятся слова: «*Государь мой!*».

Стр. 11, с. 6. Вмѣсто «не безъ худа» — «*не безъ чего*».

— — с. 15. Послѣ «приди» стоитъ «*и пади* предъ нимъ», и пр.

— — с. 4 и 3 *снизу*. Словъ: «и зрѣніемъ отъ древности ужъ помраченъ» — нѣтъ.

Стр. 12, с. 7. Вмѣсто «вотъ ты плутъ» — «*встань, плутъ*».

— — с. 3 *снизу*. Вмѣсто: «вѣдь плутъ» — «*боръ-отъ плутъ*».

— — с. 1 *снизу*. «Услышала *ты* отъ него рѣчи».

Стр 13, с. 8. Вмѣсто словъ: «пропитаніе. И поѣхалъ» читается: «пропитаніе *какое. И пошелъ*» и проч.

— — с. 20. «*Видимо* они заочно» и проч.

— — с. 21. Вмѣсто «хотя» — «хотя *бъ*».

— — с. 6, 5 и 4 *снизу*. «Ну, мой другъ, *быть такъ, что владѣть дочерью плуту такому*.... Послать къ нимъ образъ, и благословить ихъ хотя заочно» и пр.

Стр. 14 с. 10 *снизу*. Вмѣсто: «Скобѣевъ удивлялся» — «*Скобѣеву удивляются.*»

Стр. 15, с. 6, Вмѣсто: «и смотрѣлъ — свою» — «*и усмотрѣлъ Нардинъ Нащокинъ дочь свою и съ женою своею*».

— — с. 23. Вмѣсто: «за ябедою. Имѣется» — «*за приказнымъ дѣломъ*». «*Перестань, плутъ, ходить за ябедой*; имѣется» и проч.

— — с. 26. «И Фролъ Скобѣевъ *отдалъ поклонъ съ женою своею Аннушкою, и* принесъ», и проч.

— — с. 6 *снизу*. «Говорить: «*ну, плутъ*, чѣмъ» и проч.

— — с. 5 *снизу*. «Какія у меня деньги. *Развѣ продать изъ тѣхъ мужиковъ*». — «*Ну, плутъ, не продавай, возми денегъ; я дамъ*». И приказалъ», и проч.

Стр. 16, с. 6. «Сына за мужъ, *а которая при нихъ имѣлась мамка, которая была при Аннушкѣ, содержали въ великой милости и чести до смерти ея*». Словъ: «и тѣмъ сія исторія кончилась» — нѣтъ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

ПОНТЕ-МОЛО.

> . . . . Ogni uomo ben istruito debbe un omaggio a questo paese (Italia) tanto rinomato, e tanto degno di esserlo.
>
> Ganganelli. (Papa Clemente XIV.)

Прочтя это заглавіе, не думайте, чтобъ я хотѣлъ исторически или археологически описать древнѣйшій мостъ въ Римѣ. Вы не узнаете отъ меня, въ которомъ году онъ былъ построенъ, я не скажу вамъ ни слова о реставраціяхъ его, и слегка только упомяну о двухъ статуяхъ руки Бернини, и то потому только, что онѣ странно поражаютъ всякаго пріѣзжающаго въ Римъ: на одной сторонѣ моста стоитъ Спаситель, готовый воспріять святое крещеніе, — съ другой святый Іоаннъ, льющій на Него изъ руки воду искупленія,—а мостъ шириною въ нѣсколько сажень! Все это въ сторону, все это найдете вы въ каждомъ путеводителѣ, въ каждой записной книжкѣ туриста. Здѣсь я хочу говорить только о томъ, какъ веселятся въ Римѣ иностранные художники.

Время основанія общества, присвоившаго себѣ имя Понте-Моло, положительно опредѣлить нельзя, потому что встарину общество это обходилось безъ секретаря, безъ журналовъ своихъ засѣданій, безъ именныхъ списковъ, однимъ словомъ, безъ всего того, что нынѣшніе члены Понте-Моло считаютъ необходимостью. По розысканіямъ ученаго профессора археологіи Валери, общество это существовало уже въ началѣ XV-го столѣтія, и вотъ что дало поводъ къ его основанію: когда иностранные художники, находившіеся въ Римѣ (а обыкновеніе ѣздить въ Римъ учиться искусству существовало уже со временъ реставраціи), узнавали, что какой-нибудь ссбратъ ихъ долженъ прибыть въ Римъ, то они выходили къ нему на встрѣчу за Понте-Моло, брали изъ рукъ его странническій посохъ и уводили въ тратторію, гдѣ на общій счётъ и праздновали приходъ его. Въ этой тратторіи, которая и теперь стоитъ себѣ преспокойно, пріѣзжій долженъ былъ отвѣчать на вопросы о художествѣ, держать рѣчь, однимъ словомъ, доказать, что онъ не какой-

Digitized by Google

нибудь пачкунъ или самоучка, а малый, достойный вполнѣ быть принятымъ въ сословіе художниковъ. Если онъ во всѣхъ отношеніяхъ оказывался достойнымъ этой чести, то всѣ пили за его здоровье, и послѣ пирушки провожали его съ почетомъ и пѣснями черезъ мостъ и черезъ Портапополо, въ вѣчный градъ.

Такъ было въ давно прошедшія времена. Въ два послѣднія столѣтія прежній патріархальный обычай перешелъ въ забавный, но тѣмъ не менѣе интересный обрядъ, о которомъ упомяну впослѣдствіи.

Въ продолженіи столькихъ вѣковъ, художники были соединены на чужбинѣ крѣпкимъ и вѣрнымъ союзомъ, не изъ пустой только формы и не для соблюденія давно принятыхъ обрядовъ, не потому, чтобы отличить себя отъ прочихъ художественныхъ обществъ, а для того, чтобы вмѣстѣ, общими силами наслаждаться прелестною итальянскою жизнью.

Около половины прошедшаго столѣтія общество, которое считало уже нѣсколько сотъ членовъ, избрало изъ среды себя президента, вице-президента и трибуновъ, обязанныхъ радѣть о правахъ и пользѣ общественныхъ. Всѣ они избирались на одинъ годъ. Въ этомъ видѣ Понте-Моло сохранилось и до сей поры.

Президенту идетъ отъ общества жалованье ровно 20-ю милліонами долларовъ меньше, чѣмъ президенту Соединенныхъ Штатовъ, т. е. оно = 0.

Прежній обычай встрѣчать новоприбывшаго художника за Понте-Моло обратился въ пиръ, который нынѣшніе художники даютъ своему собрату при принятіи его въ общество, и этотъ пиръ называется *переходомъ черезъ Понте-Моло.*

Принятіе въ члены, или, чтобы выразиться технически, посвященіе въ рыцари (*zum Ritter schlagen*) есть день торжества для общества. Уже нѣсколько дней заранѣе, афиши въ каффе *Грекко* и въ каффе *Делле белле арте* объявляютъ всѣмъ, что такого-то числа общество Понте-Молистовъ будетъ имѣть свое засѣданіе тамъ-то, для принятія послѣ строгаго экзамена въ члены свои такого-то.

Мѣсто засѣданія общества мѣняется смотря по обстоятельствамъ и числу присутствующихъ. Въ мое время собирались въ залѣ трактиріи, что подлѣ Піацца-колонна, а послѣ въ трактиріи Фіано, потому что въ послѣдней и помѣщеніе было просторнѣе и вино лучше и дешевле.

Въ назначенный день, часа два послѣ Аве-Марія, т. е. послѣ заката солнца, художники сбираются въ трактиріи, садятся за большіе

Digitized by Google

столы и ужинаютъ чѣмъ Богъ послалъ, всякій на свой счётъ; пьютъ же всѣ на счётъ кандидата въ рыцари, который обязанъ платить за вино, и пьютъ добропорядочно.

Президентъ, окруженный трибунами, сидитъ на первомъ мѣстѣ; знакъ его верховной власти, цѣпь, составленная изъ байоковъ *), украшаетъ грудь его. *Фама*, глашатай, стоитъ за его кресломъ съ огромной трубой изъ позолоченнаго картона, украшенной зелеными лентами. Подлѣ президента грифельная доска, передъ нимъ большой глиняный кубокъ живописной формы;—этотъ кубокъ присланъ мюнхенскими рыцарями въ подарокъ обществу, и на немъ очень наивно изображены три степени опьяненія.

Когда рыцари, что называется, заморятъ червяка, въ залу входитъ младшій трибунъ и объявляетъ президенту, что за дверьми молодой художникъ ожидаетъ его позволенія пройдти черезъ Понте-Моло. Президентъ одобрительно киваетъ головой, а »фама« провозглашаетъ въ трубу имя и фамилію новобранца. При входѣ сего послѣдняго, котораго вводятъ подъ руки два трибуна и ставятъ противъ президента, весь хоръ веселыхъ рыцарей кричитъ: бабку! баб-ку!!, и въ залу входитъ, присѣдая, артистъ съ огромной бородой, въ чепчикѣ и фартучкѣ — это повивальная бабушка общества. Онъ ловко хватаетъ гостя за усы, и объявляетъ басомъ, что усы не наклеены, и что, по всѣмъ видимостямъ, онъ утвердительно можетъ сказать, что этотъ господинъ—мужчина. Отъ чего произошелъ этотъ обрядъ, безъ котораго, однако жь, нельзя вступить въ общество, *sine quo non*? Въ концѣ прошедшаго столѣтія, одна венеціанка **), занимавшаяся съ успѣхомъ историческою живописью, желая быть членомъ общества, надѣла кафтанъ, наклеила усы и была посвящена въ рыцари. За это нарушеніе устава, который коротко и ясно исключаетъ изъ общества Понте-Молистовъ прекрасный полъ, Рафаэль Менгсъ, занимавшій тогда президентское кресло, былъ удаленъ отъ должности.

По освидѣтельствованіи усовъ преопинента, начинается экзаменъ. Архитектору на пр. задаютъ слѣдующую программу: немедленно сочинить проэктъ великолѣпнѣйшаго моста черезъ Тибръ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Понте-Моло. Художникъ, не думая долго, беретъ мѣлъ и чертитъ на доскѣ нѣсколько бочекъ рядомъ, а на нихъ доски; съ одной стороны ставитъ на мостъ рейнскія бутылки—это сѣверъ, съ другой итальянскія фіаски—это югъ. Все это, какъ нельзя яснѣе,

*) Байоко — мѣдная римская монета.
**) Луиза Петрайа.

Digitized by Google

изображаетъ мостъ на которомъ сѣверныхъ художниковъ встрѣчаютъ ихъ итальянскіе братья. Президентъ торжественно показываетъ рисунокъ обществу, и объявляетъ, что, по его мнѣнію, этотъ архитекторъ достоинъ быть принятымъ въ общество. Всѣ единодушно одобряютъ это мнѣніе, »фама« принимается опять за трубу и провозглашаетъ на весь міръ имя новаго рыцаря.

Тогда старшій трибунъ беретъ изъ рукъ президента медаль Понте-Моло — байоко на зеленой лентѣ, и вдѣваетъ ее въ петлицу новоизбраннаго, а самъ президентъ подноситъ ему завѣтный кубокъ и цѣлуется съ нимъ три раза. Рыцарь обходитъ всѣхъ братій и со всѣми чокается. Въ заключеніе всѣ хоромъ поютъ слѣдующую пѣсню:

Neu entdeckte und sehr merkwuerdige
Historia
Aus was ursachen Constantinus der roemische Kaiser
den
Ponte-Molle
Hat erbauen lassen und was dabei weiter arriviret,
Ans licht gefoerdert
Und nach der fuertrefflichen weis
Des Prinzen Eugenii
In teutsche reimen gesetzet
Zu ehren
Der teutschen kuenstlerzunft
In der weltberuehmten stadt
Roma
Durch
R. R.

Roma in der XXVI-ten olympiade n der ponte mollen und cervaren.

Constantinus der Röm'sche Kaiser
Wollte bauen Palläst und Häuser,
Rom ausschmücken ganz und gar;
Liess drum schlagen einen Brucken,
Dass da sollt herrüberrucken
Eine Teutsche Künstlerschaar.
Als der Brucken nun war geschlagen,
Dass man kunnt im Reisewagen,
Frei passir'n den Tiberfluss:
Nannt er ihn den Ponte-Molle,
Ordinirt statt Brückenzolle
Ein Fass Wein zum Willkomm-Gruss.
Am acht und zwanzigsten November so eben
Kam ein Courier bei Sturm und Regen,

Digitized by Google

Zeigts im Caffée Greco an:
Dass die Künstler arriviren,
So viel, als man kunnt verspüren,
An die dreimalhunderttausend Mann.

Als Kaiser Constantinus dies vernommen,
Liess er gleich zusammenkommen
Sein Senat und Hofmarschall;
Er thät sie recht instruiren,
Wie man soll't introduiren,
Seine Gaest' mit grossem Schall.

Bei der Parol' thät er befehlen:
Dass man sollt die sieben zählen
Nach der Uhr di Francia;
Alles sollt' im Fiano sitzen.
Mit dem Wein zu scharmumützen,
Was von Künstler wäre da.

Alles sass auch gleich im Fiano
Jeder trank erst ganz piano,
Bis die Gäste traten ein:
Maler, Bildner, Kupferstecher,
Architecten, wackre Zecher;
S'gab fürwahr einen guten Wein.

Ihr Gesellen auf der Seiten,
Spielet auf mit Gläser-Läuten
Mit den Gläsern gross und klein,
Dass die Türken und die Heiden,
Die den Wein nicht können leiden,
Mögen laufen alle davon!

Constantinus der Römsche Kaiser
Drauf nebst seinem Vice-Kaiser,
Den Sermon sehr ernst begann.
Der Tribun lief auf und nieder:

»Halt't euch brav ihr Teutschen Brüder!
»Greift eur Werk recht herzhaft an!«

Kaiser Constantinus der musst' aufgeben
Seinen Geist und grosses Leben;
Ponte-Molle doch bestand
Und noch jetzt in frohen Liedern
Bringen wir darauf den Brüdern
Deutschen Gruss am Tiberstrand.

—

Digitized by Google

Эта пѣсня написана не такъ давно молодымъ дюссельдорфскимъ художникомъ; — въ ней поэтъ очевидно старался поддѣлаться подъ слогъ писателей среднихъ вѣковъ. Вотъ ея подстрочный переводъ:

Константинъ римскій царь
Хотѣлъ строить дворцы и дома,
Чтобы украсить Римъ;
Для этого онъ велѣлъ построить мостъ,
Чтобы чрезъ него прошла
Толпа нѣмецкихъ художниковъ.
Когда же былъ мостъ построенъ
Такой, что можно было въ дорожномъ экипажѣ
Свободно проѣхать черезъ рѣку Тибръ:
Онъ его назвалъ Понте-Моло,
И заказалъ бочку вина
Для принятія гостей.
Двадцать восьмое ноября, какъ разъ,
Прискакалъ курьеръ, въ дождь и грозу
И возвѣстилъ въ каффе Греко,
Что художники приближаются,
И что ихъ, должно быть,
Около трехъ-сотъ-тысячъ человѣкъ.
Какъ услыхалъ это царь Константинъ,
То и собралъ сей же часъ
Свой сенатъ и дворъ;
И училъ ихъ,
Какъ должно принять
Его гостей съ большимъ торжествомъ.
Онъ приказалъ,
Чтобы, когда пробьетъ семь
На французскихъ часахъ *),
Всѣ собрались бы въ фіано,
И угощали бы виномъ
Художниковъ, которые тамъ будутъ.
Всѣ тотчасъ же и засѣли въ фіано,
И всякій пилъ умѣренно,
Пока не вошли гости:

*) Итальянцы считаютъ часы отъ заката солнца до заката, а не отъ полночи до полдня и отъ полдня до полночи, какъ прочіе народы.

Digitized by Google

Живописцы, скульпторы, граверы,
Архитекторы, все бравые ребята;
И вино было доброе.

Ну, товарищи! пріударьте въ струны!
И заиграйте позвучнѣй стаканами,
Стаканами большими и маленькими,
Чтобы Турки и язычники,
Которые терпѣть не могутъ вина,
Всѣ бы разбѣжались.

Потомъ Константинъ, римскій царь,
Вмѣстѣ съ вице-королемъ,
Началъ говорить серьёзную рѣчь.
Трибунъ бѣгалъ туда и сюда:
»Держитесь крѣпко, нѣмецкіе братья!
»Принимайтесь бодро за дѣло!«

Царь Константинъ отдалъ Богу
Свою великую душу и жизнь —
А Понте-Моло устояло,
И теперь еще, съ веселыми пѣснями,
Принимаемъ мы на немъ братій,
Говоря: добро пожаловать на берега Тибра.

Вся эта продѣлка, т. е. отличное римское вино человѣкъ на 60 или болѣе, обходится новому рыцарю около пяти скуди, т. е. около 25 руб. ассигн.

По окончаніи вечера, проведеннаго въ шумныхъ и веселыхъ разговорахъ объ искусствѣ, въ пѣсняхъ и проч., онъ получаетъ дипломъ на званіе Понте-Молиста и записываетъ свое имя въ шнуровую книжку. Какъ жаль, что эту книжку вздумали завести недавно: со времени существованія общества Понте-Моло сколько бы накопилось драгоцѣнныхъ автографовъ!

Пріемъ въ общество одного изъ нашихъ, русскихъ, художниковъ былъ въ мое время болѣе другихъ обиленъ смѣшными эпизодами: до тѣхъ поръ, пока не осушилъ онъ три раза завѣтный кубокъ, онъ все принималъ палку президента за өирсъ, а *Діаріо ди Рома*, пошлый римскій журналишка, за египетскую рукопись, начертанную на папирусѣ. Утоливши жажду, онъ признался, что у него какъ кора спала съ глазъ, и онъ пересталъ принимать президента за Юпитера Капитолійскаго, а въ повивальной бабушкѣ, которую прежде величалъ

Digitized by Google

жрицею Весты, — узналъ наконецъ добрѣйшаго пріятеля своего, нѣмецкаго пейзажиста Пальму.

И какъ все это весело и какую сладкую оставляетъ по себѣ память!

Не думайте, чтобъ эти собранія не были *всегда занимательны и всегда полезны.* Не смѣйтесь: въ тратторіи Фіано собирается цвѣтъ художниковъ всего міра, тамъ только и толку, что объ искусствѣ, а вы знаете французскую поговорку: *du choi des opinions jaillit la vérité.*

Всякому отъѣзжающему изъ Рима въ отечество художнику, Понте-Молисты даютъ прощальный вечеръ, и тогда онъ угощается на счетъ общества. За это онъ обязанъ оставить на память братьямъ что-нибудь своей руки — живописецъ или скульпторъ рисунокъ, архитекторъ планъ, поэтъ стихи, музыкантъ ноты и т. д. А по этому альбомъ общества Понте-Моло, какъ сами можете себѣ представить, есть вещь въ высшей степени занимательная. Онъ хранится подъ ключемъ у президента и ни подъ какимъ предлогомъ и никому не выдается на домъ.

Лѣтомъ почти всѣ художники разъѣзжаются изъ Рима — кто въ Неаполь, кто въ горы, кто въ Кампанію, кто куда душа говоритъ. Даже историческіе живописцы и скульпторы, которые между художниками считаются домосѣдами, садятся на осликовъ или въ коляску ветурина вмѣстѣ со старухой и капуциномъ, или просто берутъ въ руки посохъ и отправляются изъ Рима, куда глаза глядятъ, — а поэтому съ началомъ лѣта собранія Понте-Молистовъ прекращаются, но въ ноябрѣ афиша на каффе Греко снова сзываютъ рыцарей въ залу Фіано, и собранія бываютъ иногда два раза въ недѣлю.

Покойный Торвальдсенъ удостоивалъ часто общество своимъ посѣщеніемъ. Тогда онъ непремѣнно надѣвалъ двѣ медали: обыкновенную орденскую (байоко на зеленой лентѣ) и другую золотую на красной лентѣ съ надписью: »XXVIII олимпіада«, т. е. годъ, въ который нѣмецкіе артисты въ Римѣ, подъ предсѣдательствомъ Е. В. баварскаго короля, давали ему праздникъ въ Виллѣ-Мальта. Первую медаль, въ Пасху, въ Corpus Domini, и въ другіе торжественные праздники въ Римѣ, Торвальдсенъ надѣвалъ всегда въ петлицу своего оффиціальнаго мундира, вмѣстѣ съ множествомъ другихъ *настоящихъ* орденовъ, которыми коронованныя главы украсили грудь его.

Торвальдсена встрѣчали съ восторгомъ, очищали для него мѣсто подлѣ президента, и подносили вино изъ завѣтнаго кубка, который онъ и осушалъ до дна, за здравіе и благоденствіе общества. Послѣ этого всѣ садились на свои мѣста и веселились по прежнему, пи-

Digitized by Google

сколько не стѣсняясь присутствіемъ великаго человѣка, который и самъ не терпѣлъ церемоній.

Однажды Торвальдсенъ сказалъ, что пѣсня Понте-Молистовъ такъ ему нравится, что онъ, не смотря на свою дряхлую память, вытвердилъ ее наизусть. Другъ автора этой пѣсни, пейзажистъ Гейеръ, занимавшій тогда должность фамы, желая написать пріятелю, уѣхавшему въ отечество, что *небесный* (himmlisch) Торвальдсенъ поетъ его стихи, держалъ съ нимъ пари, что онъ не запомнитъ всѣхъ куплетовъ, и что онъ Гейеръ, въ качествѣ фамы, долженъ будетъ ему подсказывать ихъ въ трубу. Торвальдсенъ всталъ и сильнымъ и вѣрнымъ голосомъ пропѣлъ всѣ куплеты. Вся зала съ крикомъ и рукоплесканіями подхватывала послѣдніе стихи куплетовъ; когда дѣло дошло до »*держитесь крѣпко, нѣмецкіе братья*«, — художники не выдержали и бросились обнимать старика. Послѣ обмѣна объятій, Торвальдсенъ обратился къ Гейеру и сказалъ· »молодъ, братъ, спо»рить съ нашимъ братомъ, вели же подать вина, у меня пересохло »въ горлѣ. Хоть Гейеръ и несносный спорщикъ«, прибавилъ онъ, ставя кубокъ на столъ, »но малый добрый, я его люблю, да и ху»дожникъ онъ съ талантомъ: какой славный написалъ видъ Мессины,— »мнѣ такъ не написать.«

Когда поутру Торвальдсенъ возвратился домой, видъ Мессины Гейера уже висѣлъ у него въ студіи.

Гейеръ со слезами на глазахъ разсказываетъ этотъ случай.

Засѣданія общества, начинающіяся, какъ я уже сказалъ, около втораго часу послѣ сумерекъ, продолжаются далеко за полночь, и восходящее итальянское солнце видитъ часто веселыя толпы художниковъ, съ пѣснями и хохотомъ идущихъ по домамъ.

Не всегда одно желаніе повеселиться, часто и благодѣтельная цѣль сбираетъ вмѣстѣ рыцарей: возвращается ли *бѣдный* художникъ на родину — и въ Понте-Моло продаютъ съ аукціона его рисунки и эскизы; надо ли выручить пріятеля изъ бѣды — разъигрывается лоттерея, и пр. И никто сору изъ избы не выноситъ. Многіе покупаютъ почти за безцѣнокъ очень хорошія вещи; я на одномъ изъ этихъ аукціоновъ за два скуди (10 р. ас.) имѣлъ счастіе пріобрѣсть акварельный рисунокъ съ натуры и мастерски набросанный эскизъ масляными красками. А художникъ отправился изъ Рима со сто скудами въ карманѣ — и всѣ мы были въ барышахъ. **М. ВИВИКОВЪ.**

Digitized by Google

восточный купецъ. До нашихъ дней, востокъ сохранилъ свой собственный типъ и характеръ. Перевороты, произведенные въ немъ магометанскими завоевателями, только потрясали, но не измѣняли его; а западный элементъ, если и вносился, какъ напримѣръ Александромъ Македонскимъ, пролеталъ надъ нимъ свѣтлымъ метеоромъ, и никогда не имѣлъ рѣшительнаго вліянія на жизнь и бытъ восточныхъ народовъ.

Пройдите города востока, отъ турецкаго Стамбула до бенгальской Калькутты или китайскаго Кантона, — каждый имѣетъ свою рѣзкую неизгладимую печать; взгляните на одежду и осанку жителей, прислушайтесь къ ихъ языку, и вы узнаете, какого народа и какой страны эти люди. Есть одно только исключеніе—Бомбей на Индійскомъ океанѣ. Вѣчная шумная дѣятельность и пестрое смѣшеніе всѣхъ народовъ востока и запада даютъ ему сходство съ нашими европейскими ярмарками; Брамины, Буддисты, Мусульмане, Евреи, Христіане и Парсы, находятся здѣсь въ постоянныхъ сношеніяхъ между собою; всѣ они космополиты, потому что всѣ купцы,—а золото не имѣетъ ни предубѣжденій, ни народной ненависти.... Вотъ правовѣрный руннитъ изъ Джиды, тихо поглаживая свою длинную, черную какъ смоль бороду, продаетъ мирру и кофе арменцу, въ черномъ плащѣ и бѣлой овчинной шапкѣ, и торгуетъ у персидскаго шіита финики и лошадей изъ Ормуза или Бассоры; мимо бедуина, изъ пустыни попавшаго въ хаосъ всемірнаго торговаго города, тихо плетется матросъ вѣчнаго серединнаго государства; рядомъ съ голубоглазымъ сыномъ Германіи стоитъ черный толстогубый абиссинецъ, дальше — цѣлыя толпы коренныхъ жителей, Малабарцевъ, робко пробирающихся между Креолами, полукровными потомками древнихъ португальскихъ завоевателей.

Среди этого пестраго, волнующагося моря, увидите вы людей въ снѣжно-бѣлыхъ мантіяхъ и въ пурпуровыхъ шляпахъ безъ полей; походка ихъ твердая; взглядъ смѣлъ и полонъ огня. Это Парсы. Слишкомъ тысячу лѣтъ тому назадъ, когда религіозный фанатизмъ Мусульманъ заставилъ ихъ покинуть отечество, они нашли свободную землю на западномъ берегу Индіи и заселили ее. Но и въ новомъ отечествѣ, куда они перенесли до нынѣ пылающій священный огонь, нравы и обычаи ихъ сохранились въ первобытной чистотѣ. Новые переселенцы, искавшіе только вѣротерпимости и возможности мирныхъ занятій, чувствуя при томъ свое безсиліе, избѣгали всякаго

Digitized by Google

участія во внутреннихъ раздорахъ страны, отказались отъ роли исторической и довольствовались жизнью страдательной. Пока другіе вели кровопролитныя войны, они дѣятельно занимались торговлею, и пріобрѣли огромныя богатства, въ особенности въ Бомбеѣ, гдѣ многочисленная община ихъ отличается отъ прочихъ жителей многими гражданскими добродѣтелями. Однако и въ Парсахъ, разсматривая ихъ какъ одно цѣлое, какъ народъ, видны слѣды того перерожденія, которое замѣчается у большей части азіатскихъ народовъ. Что между этими Парсами не появился ни одинъ великій воинъ, объясняется ихъ исключительнымъ положеніемъ и мирнымъ образомъ жизни; но хотя они одарены вполнѣ поэтическою натурою, однако жъ у нихъ никогда не было замѣчательнаго поэта; а религія превратилась въ какую-то смѣсь пошлыхъ предразсудковъ и безсмысленныхъ церемоній, не обнаруживая ни малѣйшаго нравственнаго вліянія на ихъ дѣйствительную жизнь. Послѣдняя черта рѣзко отличаетъ огнепоклониковъ отъ Мусульманъ и Индусовъ, которыхъ вѣрованія имѣютъ такое сильное вліяніе на внѣшнюю жизнь, что поселяютъ въ нихъ почти непреодолимое отвращеніе къ послѣдователямъ другихъ религій, — чувство совершенно чуждое первымъ. Такое равнодушіе къ иновѣрцамъ подаетъ миссіонерамъ большія надежды на обращеніе ихъ къ христіанству; впрочемъ до сихъ поръ надежды эти осуществлялись очень слабо. Обхожденіе и манеры Парсовъ пріятны, ласковы, и не смотря на недостатокъ прямодушія и откровенности — слѣды угнетенія, которое терпѣла эта горсть пришельцевъ отъ людей чуждаго языка и религіи, — въ нихъ западнаго элемента болѣе, чѣмъ въ другихъ жителяхъ востока. Въ конторѣ они ничѣмъ не отличаются отъ европейскихъ купцовъ; но въ домашнемъ быту строго придерживаются обычая предковъ. Жены занимаютъ второстепенную ролю и неохотно показываются иностранцу, хотя пользуются гораздо бо́льшею свободою, чѣмъ жены Магометанъ. Въ вечеру Парсы обыкновенно отправляются на широкую улицу, раздѣляющую Бомбей на двѣ неровныя половины; это у нихъ родъ биржи. Здѣсь они толкуютъ о торговыхъ дѣлахъ и изрѣдка бормочутъ молитвы, смысла которыхъ, такъ какъ зендскій языкъ, на которомъ написаны священныя книги, давно изчезъ между ними, — они совершенно не понимаютъ. Молитвы и сдѣлки продолжаются до заката солнца, и когда обожаемое ими свѣтило утонетъ въ волнахъ океана, они расходятся по домамъ.... Вообще религія Парсовъ давно потеряла свое внутреннее значеніе,—сохранилась только *внѣшняя* мертвая форма; ихъ

Digitized by Google

безсознательная молитва, часто прерываемая самымъ незначительнымъ разговоромъ, служитъ яснымъ тому доказательствомъ. Но и этотъ народъ произвелъ вполнѣ великаго въ своемъ родѣ человѣка! Имя его сэръ Джемсиджи-Джишибгой. Рожденный въ Бомбеѣ, въ 1783 году, отъ бѣднаго парса, добывавшаго насущный хлѣбъ покупкою и продажею старыхъ бутылокъ, онъ еще въ юности отличался такимъ умомъ и трудолюбіемъ, что богатый купецъ Франджи Насирванджи сдѣлалъ 18-тилѣтняго Джишибгоя своимъ зятемъ и компаніономъ по торговлѣ; а двадцать лѣтъ счастливыхъ спекуляцій, нѣсколько удачныхъ путешествій въ Китай и кораблестроеніе *), которымъ онъ занимался въ обширныхъ размѣрахъ, сдѣлали его однимъ изъ богатѣйшихъ купцовъ Индіи и благодѣтелемъ человѣчества, какого востокъ никогда еще не видывалъ. Единственная страсть Джишибгоя — дѣлать людямъ добро, избѣгая притомъ малѣйшей извѣстности. Однажды, въ 1826 году, онъ выкупилъ изъ бомбейскихъ тюремъ всѣхъ, заключенныхъ за небольшіе долги. Въ продолженіи 18 лѣтъ онъ пожертвовалъ на общественныя постройки до 608,000 рупій **) и вѣроятно столько же на благодѣянія частнымъ лицамъ; на парскіе храмы — 170,000 рупій; на постройку зданія, въ которомъ бы рѣшались тяжбы его одновѣрцевъ — 50,000 руп.; пострадавшимъ отъ пожара жителямъ Сурата — 35,000 руп.; въ Пинджарполь или заведеніе для больныхъ животныхъ — 65,000 руп.; для примиренія разныхъ частныхъ лицъ и для окончанія чужихъ тяжбъ благородный другъ человѣчества издержалъ 30,000 рупій; на вспоможеніе людямъ невинно постигнутымъ несчастіемъ или бѣдностью — 40,000; на устройство колодцевъ и ключей 15,000 руп.; на украшеніе кладбищъ 30,000 руп.; и на постройку дома, въ которомъ всякій чужестранецъ имѣлъ бы безденежный пріютъ — 20,000 рупій. — Все это только малая доля добра, сдѣланнаго Джишибгоемъ. Какъ купецъ, онъ самой строгой честности, и его имя уважаютъ туземцы и европейцы цѣлой Индіи; въ обращеніи онъ простъ, добродушенъ и невѣроятно скроменъ. Очень понятно, что благодѣянія Джишибгоя преимущественно обращены на Парсовъ; но безконечная щедрость его простирается также на несчастливцевъ всѣхъ религій и всѣхъ народовъ. Директоры Остъ-Индской компаніи, въ знакъ высокаго уваженія къ этому огнепоклоннику, испросили ему у королевы

*) Парсы считаются лучшими кораблестроителями на востокѣ.

**) Рупія не много больше полтины серебра.

Digitized by Google

Викторіи дворянское достоинство; онъ первый изъ природныхъ жителей Индіи принялъ англійское »сэръ«,—и право, во всемъ христіанствѣ и еврействѣ нѣтъ такого благороднаго барона, какъ онъ! Возведеніе Джишибгоя въ бароны происходило съ величайшей торжественностью, въ Пареллѣ, обыкновенной резиденціи бомбейскаго губернатора. Многочисленная толпа Парсовъ, Евреевъ, Индѣйцевъ и Магометанъ собралась на невиданное доселѣ зрѣлище. Того же дня, община Парсовъ, желая дѣйствовать въ духѣ своего благороднаго одновѣрца, положила основаніе заведенію для перевода полезныхъ книгъ съ европейскихъ и восточныхъ языковъ на гусератскій, который въ западной Индіи давно сталъ ихъ роднымъ языкомъ; потомъ передали новому барону подписанный 932 членами адресъ на англійскомъ языкѣ, въ которомъ выхвалялись его честность, дѣятельность и человѣколюбивый образъ мыслей. Джишибгой благодарилъ въ прекрасной, дышащей теплой любовью къ ближнему, рѣчи. Выразивши свою признательность, онъ продолжалъ: »вы слишкомъ благосклонно отзываетесь о моихъ человѣколюбивыхъ поступкахъ, и ваше благорасположеніе меня глубоко трогаетъ! Моя же единственная заслуга состоитъ въ томъ, что все сдѣланное мною происходило только отъ чистаго душевнаго желанія избыткомъ земныхъ благъ, которыми меня одарило Провидѣніе, улучшить, сколько могу, положеніе страждущихъ ближнихъ. Никогда себялюбивая цѣль не управляла моими поступками; никогда я не искалъ общественныхъ почестей или одобренія частныхъ лицъ. Въ простотѣ души и сердца, само дѣло награждаетъ меня. Когда я узналъ о милостивомъ намѣреніи Ея Королевскаго Величества, то меня особенно обрадовало, что именно въ моемъ лицѣ Англія такъ ясно выразила свое благоволеніе къ Индѣйскому народу. Такъ понимаю я почесть, которую сегодня возложили на меня! Цѣль же предполагаемаго вами заведенія вполнѣ прекрасна, и я всегда желалъ участвовать во всѣхъ попыткахъ, имѣющихъ цѣлью распространеніе наукъ и образованія между моими соотечественниками. Давно уже я обдумываю средства для облегченія участи бѣдныхъ Парсовъ въ Бомбеѣ, Суратѣ и окрестностяхъ; вы сами знаете, сколько дѣтей ростетъ въ бѣдности и невѣжествѣ. И такъ я назначаю сегодня капиталъ въ 300,000 руп. государственными ассигнаціями, съ тѣмъ, чтобы проценты съ этой суммы употреблялись на поддержаніе бѣдныхъ семействъ, и на обученіе ихъ дѣтей. Теперь же, любезные друзья, позвольте мнѣ повторить еще разъ, что всего дороже для меня счастіе и благоденствіе

Digitized by Google

моихъ согражданъ, которымъ я обязанъ вѣчною благодарностью за ихъ доброе мнѣніе обо мнѣ.«

Съ тѣхъ поръ сэръ Джемсиджи Джишибгой какъ-будто посвятилъ свое имущество исключительно на благодѣянія и вспоможенія. Въ 1843 году онъ началъ постройку больницы; прекрасное, обширное зданіе въ готическомъ вкусѣ давно окончено, и теперь въ немъ помѣщается 300 больныхъ; щедрый парсъ издержалъ на него 170,000 рупій. Вскорѣ послѣ того англійское правительство въ знакъ благодарности и признательности прислало ему золотую осыпанную алмазами медаль съ надписью: »за щедрость и патріотизмъ«, которую самъ губернаторъ сэръ Джорджъ Артуръ торжественно передалъ ему. Въ привѣтственной рѣчи губернаторъ упомянулъ о томъ, что сэръ Джемсиджи Джишибгой издержалъ на общеполезныя дѣла болѣе 900,000 рупій и еще значительнѣйшую сумму на вспоможеніе частнымъ лицамъ. Но великодушное пожертвованіе почти 2 милл. казалось ему недостаточнымъ; въ благородной душѣ его давно зрѣли два великія предпріятія, и именно теперь привелъ онъ ихъ въ исполненіе.

Бомбей построенъ на одномъ изъ многочисленныхъ острововъ, лежащихъ у Малабарскаго берега. Островъ этотъ имѣетъ до 7 миль въ длину и до 3-хъ въ ширину. Берегъ, обращенный къ океану, высокъ и крутъ; противный же, обращенный къ землѣ, покрытъ великолѣпными кокосовыми пальмами и омывается волнами тихаго залива, но почва суха и безплодна, такъ что многочисленное населеніе города получаетъ жизненные припасы съ Сальсеты и твердой земли. На главномъ пути сообщенія между Сальсетой и Бомбеемъ находится, хотя узкій, но чрезвычайно опасный проливъ, и какъ правительство не построило моста, то переправа происходила на перевозныхъ судахъ, которыя въ бурное время очень часто опрокидывались. Джишибгой рѣшился помочь общему горю. Въ 1843 г. онъ началъ на собственный счетъ построеніе моста и ведущаго къ нему макъ-адамовскаго шоссе; въ 1845 году все было кончено, и жители пользуются тѣмъ и другимъ безплатно. Строителю это стоило 155,000 рупій, къ которымъ леди Джишибгой прибавила еще 20,000. Едва окончивъ одно благодѣяніе, Джишибгой началъ другое. Пуна, бывшая столица воинственныхъ Магратовъ, и теперь еще очень важная по мѣстности, лежитъ на горной равнинѣ, омываемой двумя рѣками; но какъ уровень этихъ рѣкъ ниже самой равнины, то городъ терпитъ по цѣлымъ мѣсяцамъ засуху и недостатокъ въ водѣ. Нашъ

Digitized by Google

парсъ загородилъ устье рѣкъ каменною, въ 18 футовъ высоты и 650 футовъ длины, плотиною; устроилъ огромный бассейнъ, водопроводныя трубы, и снабдилъ городъ водою. Два раза, въ 1845 и въ 1847 году, быстрое теченіе прорывало плотину и грозило наводненіемъ; наконецъ въ 1849 новыя постройки уничтожили всякую опасность. Затѣмъ онъ основалъ въ Бомбеѣ еще одинъ домъ для призрѣнія странниковъ; зданіе обошлось въ 80,000 рупій, а на содержаніе бѣдныхъ пришельцевъ онъ положилъ 50,000 рупій, къ которымъ его леди прибавила еще 20,000. А сколько онъ дарилъ школамъ, человѣколюбивымъ заведеніямъ и т. п., никто не знаетъ; но любой учитель Бомбея скажетъ вамъ, что, въ продолженіи тридцатилѣтнихъ пожертвованій и вспоможеній, щедрая рука Джишибгоя раздала до 6 милліоновъ рупій!

МЕЙЕРБЕРЪ*). Періоды въ исторіи искусства повторяются съ тѣмъ только различіемъ между предшествовавшимъ и послѣдующимъ однородными періодами, что послѣдній есть высшее развитіе перваго. Такъ часто употребляемое сравненіе съ спиральною линіею идетъ и къ исторіи оперы. Между внуками и дѣдами часто бываетъ гораздо болѣе родственнаго, нежели между дѣтьми и отцами. Такъ во внучатную эпоху Гассова періода музыки жилъ перерожденный Гассе: онъ назывался Россини. Въ моемъ сочиненіи *о новѣйшей оперѣ*, напечатанномъ въ 4-мъ томѣ *Gegenwart*, я высказалъ эту мысль слѣдующими словами: »всемірная слава Россини ведетъ свое начало со времени Вѣнскаго конгресса. Онъ былъ природный музыкантъ политической реставраціи.... Эта чувственно-привлекательная, щегольски отдѣланная музыка шла объ руку съ возстановленіемъ великолѣпныхъ придворныхъ празднествъ; Россини снова поставилъ оперу на ту точку, на которой она уже стояла въ первой половинѣ XVIII столѣтія, когда Гассе такъ щедро расточалъ свой талантъ для театральнаго блеска. Сладкая пѣсня сирены въ обоихъ случаяхъ вполнѣ соотвѣтствовала характеру поколѣнія, для котораго примадонны замѣняли государственныхъ мужей и героевъ. Можно смѣло сказать, что оперная музыка Россини — самый привлекательный цвѣтокъ искусства, рас-

---

*) Изъ новаго сочиненія Риля »Musikalische Karakterköpfe.« Stuttgart und Tübingen. 1853.

Digitized by Google

пустившійся подъ вліяніемъ тогдашней реставраціи. Обратите вниманіе на побѣдоносное шествіе россиніевыхъ оперъ по тогдашней Европѣ, особенно по Германіи, и вамъ тотчасъ бросится въ глаза замѣчательное явленіе: побѣжденная Италія, съ помощью своихъ оперъ опутала цѣпями Германію, оставшуюся побѣдительницей въ всемірной войнѣ и доводившую до послѣдней крайности свое пристрастіе ко всему національному въ языкѣ и литературѣ.... Опера Россини выступила, какъ реакція противъ музыкальной драматической школы Глюка и Моцарта: тогдашнее время не было благопріятно для поддержанія потрясенной въ своихъ основаніяхъ силы полной драматической жизни. Россини снова ввелъ въ оперу ту техническую вѣрность, ту твердую почву музыкальнаго ремесла, которыми такъ блисталъ Гассе и которыя были совсѣмъ оставлены послѣ него....«

Говоря вообще, въ настоящее время нѣтъ сочувствія къ Гассе, очень мало къ Россини, и хорошо, что это такъ. Мы не довольствуемся одною чувственною красотой. Музыка снова перешла въ совершенно противуположную крайность, какъ это было при Глюкѣ. Стремленіе къ характеристикѣ грозитъ переступить даже за естественные предѣлы мѣры въ области искусства. Намъ хотѣлось бы передавать въ звукахъ всемірно-историческія мысли. Это напоминаетъ намъ »*Gedankenmalerei*« Каульбаха. Рихардъ Вагнеръ и Каульбахъ очень сходны между собою по своимъ основнымъ стремленіямъ въ искусствѣ. Оперы Гассе такъ же противуположны новой музыкѣ, какъ картонамъ Каульбаха противуположны картины какого-нибудь венеціанца, который сотни разъ рисуетъ красивую женщину на томъ только основаніи, что красивыя женщины красивы. Но и символическая живопись Каульбаха въ сущности явленіе не новое. Она ничто иное, какъ высшее развитіе аллегоріи. Живописцы семнадцатаго и осьмнадцатаго столѣтій представляли въ аллегоріяхъ отдѣльныя понятія и положенія или какое-нибудь внѣшнее придворное или государственное событіе; Каульбахъ представляетъ аллегорически фазы развитія всемірной исторіи. То же и въ музыкѣ: прежнее представленіе въ звукахъ внѣшнихъ явленій естественной жизни перешло въ символическое представленіе историческихъ явленій. Но при этомъ живописцу и музыканту грозитъ опасность перемѣшать назначеніе искусствъ, и внести задачи поэзіи въ болѣе тѣсную область живописи и музыки

При одномъ взглядѣ на самаго значительнаго по своему вліянію современнаго композитора Мейербера — ясно обнаруживается посте-

Digitized by Google

пенный переходъ драматической музыки къ отвлеченнымъ представленіямъ. Романтическій »*Робертъ*« появился въ то время, когда новый романтизмъ былъ въ полномъ цвѣтѣ по обѣимъ сторонамъ Рейна, »*Гугеноты*« подъ конецъ религіознаго движенія двухъ послѣднихъ десятилѣтій, и наконецъ »*Пророкъ*« съ мрачной перспективой общественнаго переворота семнадцатаго столѣтія, среди робкихъ общественныхъ волненій настоящаго времени! Въ каждой изъ этихъ трехъ оперъ Мейерберъ поднимался на высшую ступень самосознанія. Это самосознаніе состоитъ въ томъ, что свѣжій, вольный переливъ мелодіи—не его дѣло, что онъ, этотъ ученый мастеръ, ниже самаго ничтожнаго итальянца въ смѣломъ вдохновеніи минуты, и, напротивъ, съумѣетъ побѣдоносно *поразить* его въ дѣлѣ замысловатаго символическаго представленія историческихъ явленій. Въ »*Пророкѣ*« отбросилъ онъ наивную непосредственность творчества, которая никогда не нравилась ему; онъ сдѣлался самимъ собою. Что̀ ему до чистоты и граціи формъ, гармоніи цѣлаго? Прекрасное кажется ему безобразнымъ, безобразное прекраснымъ, лишь бы онъ могъ поразить смѣлою и богатою группировкой массы и представленіемъ отвлеченныхъ понятій въ звукахъ.

Какъ свойственно нѣмецкому глубокомыслію, обработка цѣлаго протестуетъ противъ деспотизма итальянскаго соло, передъ которымъ такъ долго преклонялись нѣмецкіе композиторы. Замѣчательно, что демоническая сила злаго начала, музыкально олицетворенная въ »*Робертѣ*« въ образѣ Бертрама, въ »*Пророкѣ*« представлена тремя анабаптистами въ искусственной формѣ облигатаго терцета. Основная черта новѣйшей оперы въ томъ, что терцеты, квартеты, и даже хоръ изъ простаго придаточнаго украшенія сливаются въ дѣйствующую личность. Музыкальная побѣда массы надъ индивидуумомъ!

»*Блудный сынъ*« Обера, — произведеніе, исторически замѣчательное, не смотря на всѣ его недостатки, построено исключительно на эффектѣ мѣстнаго колорита музыки, на эпически широкомъ символическомъ представленіи патріархальнаго общества и природной жизни на востокѣ.

Но какъ Фаустина шла рука объ руку съ Гассе и вмѣстѣ съ нимъ была творцемъ его произведеній, такъ и теперь въ драматическомъ пѣніи выступаетъ направленіе, которое умѣетъ придать еще б лѣе жизни и индивидуальности отвлеченностямъ новѣйшей оперы. Первенство въ этомъ отношеніи безспорно принадлежитъ парижскому тенору Рожеру.

Digitized by Google

Рожеръ болѣе нежели пѣвецъ: онъ вмѣстѣ драматическій поэтъ. Его чудная мимика создаетъ совершенно новыя положенія, которыхъ нѣтъ ни въ текстѣ, ни въ партитурѣ. Онъ даетъ своей роли такую полную индивидуальность, что герой оперы незамѣтно переходитъ въ болѣе опредѣленнаго героя трагедіи. Вы слушаете оперу, но когда упадаетъ занавѣсъ, вамъ кажется, будто вы видѣли шекспировскую драму....

ПОТРЕБЛЕНІЕ ЖИЗНЕННЫХЪ ПОТРЕБНОСТЕЙ ВЪ ХРУСТАЛЬНОМЪ ДВОРЦѢ. Посѣтители Хрустальнаго дворца, которые старались ознакомиться и съ различными заведеніями, назначенными для удовлетворенія публики, конечно, замѣтили, что въ этомъ зданіи позаботились и о потребностяхъ желудка. На выставкѣ не было недостатка въ мѣстахъ, гдѣ можно было добыть всякаго рода пищу и питье.

Нѣкто г. Швеппе и К° заплатилъ 66,000 гульденовъ за одно позволеніе продавать пищу и питье; онъ предложилъ больше другихъ, и это право осталось за нимъ. 6,039,195 человѣкъ, посѣтившіе Хрустальный дворецъ съ 1 мая по 15 октября, истратили на закуски 906,693 гульдена. Быть можетъ, читателя удивитъ опредѣленность цыфръ въ такомъ дѣлѣ. У всѣхъ входовъ въ Хрустальный дворецъ стояла полицейская стража; мѣсто, гдѣ продавалась пища, имѣло особый входъ, такъ что не трудно было слѣдить за этимъ отдѣленіемъ. Тамъ были потреблены слѣдующіе предметы: 120,409 хлѣбовъ, большихъ и малыхъ; 137,590 пирожковъ; 58,776 фунтовъ другихъ пирожковъ; 28,046 штукъ колбасъ и сосисекъ; 1,738,788 штукъ всякаго печенья; 37,322 фунта сухарей; 73,280 другихъ бисквитъ; 36,000 штукъ тонкихъ пастетовъ; 4840 фунтовъ варенья изъ вишень; 2000 ананасовъ; 226,000 фунтовъ мяса; 36,130 фунтовъ соленаго мяса, языка и т. п.; 66,000 фунт. ветчины; 72,000 ф. картофеля; 1120 ф. горчицы; 2400 посудинъ желе; 14,299 ф. кофе; 1015 ф. чаю; 4836 ф. шоколаду; 33,432 посудины молока; 32,049 стклянокъ сливокъ; 1,092,337 бутылокъ содовой воды, имбирнаго пива, лимонада; 5,350 бутылокъ грушеваго сыропа; 726,000 фунт. льду для приготовленія холоднаго и охлажденія напитковъ; 74,000 ф. соли. 22 отдѣленія для мужчинъ и 47 отдѣленій для женщинъ принесли 29,302 гульдена и 21,239 гульденовъ чистаго барыша.

Эти цыфры заимствованы изъ донесенія, представленнаго Англійской Королевѣ государственнымъ секретаремъ Вальполемъ.

Digitized by Google

ЗАМѢТКИ О РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ. Какъ хороши и какъ полезны статьи г. Покровскаго о ошибкахъ въ русскомъ языкѣ. Дай Богъ, чтобъ онъ и еще писалъ; да написалъ бы и вообще о нынѣшнемъ русскомъ слогѣ! Стыдно сказать, что въ наше время кн. N писалъ лучше нынѣшнихъ ученыхъ! Поймаютъ какое-нибудь слово, не оцѣнятъ его разумомъ, не взвѣсятъ,—и давай его употреблять ни къ селу ни къ городу!— Напримѣръ — съ тѣхъ поръ, какъ стала ни по чемъ безсовѣстность сужденій, вошло въ моду слово »добросовѣстность«. — И что же я нахожу въ одномъ сборникѣ, который впрочемъ я очень уважаю за его ученыя статьи объ искусствѣ и древностяхъ! — Издатели обѣщаютъ въ предисловіи *посильную добросовѣстность!* — Да развѣ это позволительно? — Можно обѣщать »посильный трудъ«, потому что никто не можетъ требовать отъ насъ ничего выше нашихъ физическихъ силъ; а посильная добросовѣстность — это отговорка не благовидная, потому что добрая совѣсть должна быть у всѣхъ одинакова! — Это происходитъ рѣшительно отъ непривычки оцѣнивать значеніе словъ, тѣмъ болѣе, что всѣ статьи сборника самыя добросовѣстныя!

А нынѣшнія слова и выраженія!—Уши вянутъ!—напр. *на балу!* Да знаютъ ли они, что по одному этому выраженію человѣкъ хорошаго воспитанія тотчасъ узнаетъ человѣка низкаго круга! — *Корпусà* вмѣсто *корпусы* есть выраженіе казармъ и тѣхъ людей, которые вмѣсто »военный офицеръ« говорятъ: »полковой офицеръ!«—Слово *»все же«* употребляется нынѣ сплошь вмѣсто »все-таки«; а слово »таки« поставлено и въ Академическомъ Словарѣ!—*Статуетки*, вмѣсто русскаго уменьшительнаго »статуйки«. Эти иностранныя окончанія обыкновенно начинаются въ петербургскихъ газетахъ и журналахъ; потомъ переходятъ въ объявленія магазиновъ, а потомъ появляются и въ московскихъ статейкахъ. Это мнѣ напоминаетъ, что К. Г. который терпѣть не могъ подъяческихъ штукъ, называлъ это »подъячизмъ«, а не »подъячество«. Вообще я желалъ бы растолковать нынѣшнимъ писателямъ, что если слово не переводится, а только переносится изъ одного языка въ другой, то должно сохранять окончаніе на *измъ*, напр. *солецизмъ;* а ежели переводится, то это *isme* перемѣняется на *ство*, или, лучше сказать, не перемѣняется, а принимаетъ это русское окончаніе.—А слово *статуя* съ незапамятныхъ временъ сдѣлалось русскимъ; да и по происхожденію своему — оно *латинское*, а не французское, и выговаривается у насъ почти какъ

Digitized by Google

латинское statua: отъ чего же ему въ уменьшительномъ даютъ французское окончаніе?

А это несносное *помимо* вмѣсто »мимо«,—оно взято именно отъ подъячихъ; но неужели у нихъ учиться языку! — Я помню, что я въ сенатѣ ежедневно вымарывалъ это дрянное слово, не прибавляющее никакого смысла къ прежнему »мимо«. — Далѣе, есть у насъ шутливое слово *мальчуганъ*. Недавно я нашелъ въ одной повѣсти петербургскаго журнала: *старчуганъ*,—слово, котораго нѣтъ!

Еще вошло у насъ въ моду: *предпосланный*, вмѣсто совершенно русскаго »предшествующій«. Это просто переводъ съ нѣмецкаго: vorgeſchickt; отъ чего же Нѣмцы не пишутъ въ тѣхъ же случаяхъ vorgeſandt? Отъ того, что они знаютъ оцѣнку словъ, слѣд., знаютъ, гдѣ которое поставить! — Еще вездѣ пишутъ нынѣ (рѣшительно *вездѣ*, и у васъ въ Москвитянинѣ), *моргать глазами*; а моргаютъ только носомъ, глазами же »мигаютъ«. Даже совершенно неправильно поставлено въ Академическомъ Словарѣ: »моргать«—часто закрывать глаза вѣждами, мигать, съ движеніемъ мускуловъ лица. — Но если даже и принять это опредѣленіе, то поправка, или объясненіе академіи: »съ движеніемъ мускуловъ лица« — доказываетъ, что моргаютъ не глазами, а что въ это время и *мигаютъ!* *)

Въ одной петербургской повѣсти я нашелъ нѣсколько разъ повторенное слово: *бакены*, вмѣсто *бакенбарты*. Неужели эти универсальные люди не знаютъ, что Backen »щеки«, а Bart »борода«!

Далѣе — пишутъ нынче: *взойти* въ дверь, и *войти* на лѣстницу. Предлогъ *во* означаетъ *вхищеніе*; а потому, такъ какъ входя въ дверь, я въ нее вмѣщаюсь, то и должно писать: »*войти* въ дверь.« А предлогъ *воз* означаетъ *возвышеніе*, то должно писать: *взойти* на лѣстницу; ибо это именно *воз-ходить*, *идти выше*.

Еще пишутъ нынѣ у насъ въ винительномъ падежѣ: »я читаю Вѣстника, или Современника.« — Если бы это былъ человѣкъ, лице одушевленное, то конечно винительный падежъ долженъ бы быть на *а*. Напр. »я видѣлъ этого знаменитаго современника; я встрѣтилъ этого радостнаго вѣстника. Но такъ какъ *Вѣстникъ* и *Современникъ* журналы, то-есть не лица, а вещи *неодушевленныя* (это, право, не эпиграммы!), то, по правиламъ русской грамматики, должно писать: »я читаю Вѣстникъ Европы, я читаю Современникъ.«

*) Смѣемъ замѣтить, что это замѣчаніе не справедливо: моргаютъ именно глазами: напримѣръ моргаетъ заяцъ, и пр. Такъ употребляется этотъ глаголъ въ Москвѣ, а въ другихъ мѣстахъ, можетъ быть, иначе.

Digitized by Google

Еще пишутъ и печатаютъ въ винительномъ падежѣ: »*этихъ лицъ*.« — Такъ какъ въ этомъ случаѣ *лице*, persona, только по недостатку другаго слова взято у насъ отъ лица, vultus, а слово само по себѣ все-таки *лице*, т. е. vultus, visage; то и должно его склонять, какъ *часть* человѣка; а отдѣльная часть существа одушевленнаго, безъ цѣлаго, есть неодушевленная вещь. И потому должно писать въ винит. падежѣ: »это *лице*, эти *лица*« — »я видѣлъ эти знаменитыя *лица*«; а не такъ, какъ нынче пишутъ: »*я видѣлъ этихъ знаменитыхъ лицъ*«. Это выходитъ падежъ *родительный*; это совершенная ошибка противъ русскаго языка и русской грамматики! — Если бы, напр., ораторъ назвалъ гордаго завоевателя кедромъ, простершимъ далеко вѣтви; неужели онъ сказалъ бы: »я видѣлъ *этого кедра*, простирающ*аго* вѣтви«, потому только, что рѣчь идетъ о человѣкѣ!

Почему еще глаголъ *заслуживать* управляетъ нынче *родительнымъ* падежемъ, а не винительнымъ? Надобно писать: заслуживать *что*, а не *чего*. Мы говоримъ же: »онъ заслужилъ *половину* жалованья, а не *половины*.« Почему же пишутъ: »онъ заслуживаетъ одобр*енія*, похв*алы*, а не одобр*еніе*, похв*алу*?

Почему пишутъ »*совладать*«, когда нѣтъ глагола »*владать*«? — Это — мужичье слово, которое употребляютъ нынче наши писатели, думая въ патріотической гордости, что они черезъ это дѣлаются *русскими*! — Да развѣ быть русскимъ значитъ непремѣнно быть мужикомъ? — Если хотите, я вамъ пришлю словъ полтораста, употребляемыхъ мужиками и бабами Симбирской губерніи. Но прошу покорно писать ими статьи въ Москвитянинъ: васъ никто и понимать не будетъ, даромъ что здѣшнее нарѣчіе не далеко отъ московскаго! — А это низкое слово »*совладать*« встрѣчается и у васъ въ Москвитянинѣ, который прежде отличался чистотою языка, наслѣдованнаго издателемъ въ московскомъ университетѣ, въ наше старинное время. Въ 23 № (Журналистика, стр. 66), я нахожу: »не *совладалъ* съ его медленными и косвенными дѣйствіями.« — Вмѣсто этого у насъ всегда употреблялось: »*не сладилъ*.«

А слово *свадьба*, которое нынче пишутъ *сватьба*. Да они хоть бы взглянули на производное: *свадебный*, а не *сватебный*. Вообразили, что это слово происходитъ отъ слова *сватовство;* а сватовство — еще не свадьба; есть слово *сватать*, есть и старинное слово *свадити*. А если оно представляетъ смыслъ *ссоры*, нѣсколько противный слову *свадьба*, которое предполагаетъ напротивъ *согласіе:* то

Digitized by Google

есть и другое слово, отъ котораго можно произвести: это глаголъ *сводить*. А перемѣна *о* на *а* извѣстна: есть глаголъ *наводить*, а существительное есть *наваждение*; *громоздить* — *громада*. — Впрочемъ на что тутъ производство самаго слова, когда производное отъ него *свадебный*, показываетъ, что должно писать: *свадьба*. Въ Словарѣ Академіи: *свадьба*.

Но ничто меня такъ не выводитъ изъ терпѣнія, какъ слово »*совпадать*«! — Оно, можетъ быть, очень хорошо въ языкѣ техническомъ, ученомъ, но нигдѣ болѣе! — У насъ теперь, вмѣсто того, чтобъ сказать: »такой-то авторъ *согласенъ* въ этомъ съ такимъ-то, говорятъ: »совпадаетъ«! — Скоро будутъ говорить: »я, прогуливаясь по бульвару, всякой разъ *совпадаю съ вами въ мысляхъ*, потому что всякой разъ встрѣчаюсь съ вами«! — Но языкъ разговорный у насъ счастливѣе письменнаго! — Это педантизмъ, начавшійся съ Полевова и дошедшій нынѣ до крайней степени! — Разберемте это слово *совпадать*. — Въ немъ первое понятіе—*падать*; предлогъ *во* представляетъ второе прибавочное понятіе—падать *во что*; союзъ *со*— третье прибавочное же понятіе—падать *вмѣстѣ*. И всѣ эти три понятія не прибавляютъ ничего къ смыслу, и даже не выражаютъ его съ точностію. Беру примѣръ: »замѣчанія, не совсѣмъ *совпадающія* съ выводами автора.« — Чѣмъ хуже было бы: *не совсѣмъ согласныя?* — Тутъ по крайней мѣрѣ есть понятіе о согласіи. Но въ понятіи о *выводахъ* и *замѣчаніяхъ* нѣтъ вовсе понятія *о паденіи*, тѣмъ менѣе о *впаденіи*; а союзъ *со* хотя и выражаетъ соединеніе, но тоже никакого понятія о томъ, чтобъ замѣчанія и выводы автора и критика *падали во что-нибудь вмѣстѣ*? — Такимъ образомъ, при разумномъ разборѣ этого выраженія, *совпаденіе съ смысломъ другаго* оказывается просто безсмыслицею и каррикатурой! — Кромѣ того, въ слогѣ *простомъ*, (а я надѣюсь, что, напримѣръ, Московскія Вѣдомости пишутся слогомъ не ораторскимъ и не піитическимъ), не къ чему употреблять выраженіе метафорическое; а слово *совпадать*, какъ имѣющее значеніе переносное, есть выраженіе метафорическое.

Послѣ всѣхъ этихъ замѣчаній, какъ не вспомнить словъ Фонъ-Визина въ его »Бригадирѣ«: »прежде, бывало, кто хорошо писывалъ по-русски, такъ тѣ знавали грамматику; а нынѣ никто ея не знаетъ, а всѣ пишутъ.« — Карамзинъ и его школа (хотя онъ не заводилъ школы), даже до послѣднихъ, ничтожныхъ писателей, не дѣлали такихъ ошибокъ въ русскомъ языкѣ!—Я это пишу только къ вамъ, но если хотите, пожалуй напечатайте все это; оставляю на вашу волю;

Digitized by Google

а отъ моего имени я никогда не отказываюсь! Но давно было у меня на душѣ высказать все это откровенно! Какъ ни станешь читать по-русски, особливо петербургскіе журналы, всегда находишь доказательства, что мы по-русски писать разучились!—Нынче болѣе прежняго нужно читать Карамзина и учить его сочиненія наизусть, начиная съ »Бѣдной Лизы« и »Писемъ Русскаго Путешественника«, и до послѣдней страницы »Исторіи Россійскаго государства«! Я не говорю, чтобы мы должны были писать совершенно его слогомъ, какъ онъ ни очарователенъ; но мы должны изучать его для того, чтобы своимъ собственнымъ слогомъ писать хорошо: чисто, плавно свободно и правильно! — Кто хочетъ писать хорошо по-французски, тотъ никогда не выучится слогу, не только изъ Jule Janin, но даже и изъ Вольтера; а долженъ перечитывать Паскаля и Фенелона.—Почему?— Потому что у тѣхъ красота слога зависитъ нерѣдко отъ капризнаго выраженія, и по большой части отъ частнаго, или личнаго ихъ вкуса; а у двухъ послѣднихъ слогъ имѣетъ общее разумное основаніе. На первыхъ этихъ началахъ можетъ явиться слогъ и Марлинскаго, и Луганскаго; но на вторыхъ только слогъ Карамзина, Батюшкова и имъ подобныхъ писателей. Къ ихъ школѣ принадлежатъ у насъ по слогу: Ив. Ив. Давыдовъ, Гречъ, Каченовскій, и др. Вообще думаютъ у насъ, что слогъ Карамзина только ласкаетъ слухъ; нѣтъ! ежели мы разложимъ его рѣчь на части и взглянемъ на ихъ соотношенія (что и показалъ И. И. Дав. въ Опытѣ о порядкѣ словъ), то мы найдемъ въ его слогѣ не одно музыкальное, но и разумное начало.—Теперь у насъ нѣтъ ни того, ни другаго! Всякой пишетъ, какъ ему на ту минуту взбредетъ на умъ! Это не языкъ и не стиль; и не въ этой натурѣ на распашку — достоинство писателя! За то и публика раздѣлилась на двѣ половины: одна ничего не читаетъ по-русски, хоть того же класса люди прежде читали; а другая половина все жуетъ безъ разбора, что̀ ни дадутъ! Не очень лестно литературѣ народа существовать только для этихъ полуграматныхъ читателей! Не такъ, и не для нихъ писалъ Пушкинъ!

Хочу прибавить еще о словѣ »*совпадать*« (c'est ma bête noire)! Хотя это слово и находится въ Словарѣ Академіи; но тамъ замѣчено одно его извѣстное (техническое) употребленіе, именно въ геометріи: *совпадающія линіи*. А изъ всѣхъ другихъ примѣровъ видно, что оно именно не имѣетъ опредѣленнаго значенія, а служитъ замѣной разнымъ глаголамъ, напр. *находиться, дѣйствовать вмѣстѣ съ кѣмъ-либо, сопутствовать кому-либо, привязываться своимъ*

Digitized by Google

существованіемъ къ другому. Вотъ объясненіе академіи, изъ котораго еще *болѣе* видно, что это слово рѣшительно не имѣетъ опредѣленнаго значенія; а о логическомъ его смыслѣ я сказалъ уже. Тамъ же находится еще примѣръ такой: *Пасха совпадаетъ иногда въ одинъ день съ Благовѣщеніемъ*. Но мы, вмѣсто этого, говоримъ по-русски: »Пасха *сходится* съ Благовѣщеніемъ, Пасха *приходится* иногда *въ одинъ день* съ Благовѣщеніемъ«; что гораздо простѣе, понятнѣе и лучше. Я не преслѣдую этого слова, ибо ни одного слова не должно изгонять изъ языка: но преслѣдую его безразсудное и безпрестанное употребленіе! — Я желаю только, чтобъ писатель подумалъ о смыслѣ слова, которое пишетъ его перо, и подумалъ бы, на своемъ ли оно мѣстѣ!—Читаю я въ 24 № Москвитянина извѣстія изъ Кіева. Что же нахожу? »Сумароковъ представляетъ *счастливое совпаденіе съ требованіями вкуса*.«—»Трагедія Озерова представляетъ *счастливое совпаденіе съ состояніемъ народнаго духа*.« — »Главная идея комедіи выразилась въ стремленіи *уничтожить общественность* до-петровскую *отрицательно*.« — Спрашиваю: какъ *уничтожить отрицательно*, и *уничтожить положительно*?—Согласитесь, что если бы къ вамъ въ кабинетъ вошелъ вдругъ человѣкъ и заговорилъ *эдакимъ* языкомъ, что бы вы объ немъ подумали?

Какъ я былъ доволенъ, что статья о критикѣ, напечатанная въ Библіотекѣ, была, такъ сказать, выведена на чистую воду въ Москвитянинѣ! Мнѣ горько было читать ее! это цинизмъ литературы, дошедшей до презрѣнія самой себя! Я догадываюсь, что мы обязаны разборомъ этой статьи N. N. Онъ у васъ драгоцѣнный критикъ; желалъ бы ему только, между нами сказать, побольше легкости и веселости, и поменьше европеизма. Вы знаете, что я и самъ его *люблю*: но европеизмъ требуетъ болѣе элегантной формы. Лучше объясняться не умѣю! А между тѣмъ бываютъ и въ Москвитянинѣ небольшіе промахи; впрочемъ не знаю у кого. На прим. гдѣ-то у васъ напечатано, кажется, въ одной переводной повѣсти, что кто-то, въ досадѣ на жену, ухватилъ въ саду обѣими руками *лилію*, и хотѣлъ выдернуть это *деревцо*, но не могъ! — Должно быть этотъ мужъ былъ очень слабосиленъ!—А дѣло въ томъ, что по-французски вѣрно тутъ было le lilas, что значитъ по-русски *сирень*, или *синель*; а *лилія* по-франц. le lis. Переводчикъ могъ и не знать этого слова; но долженъ былъ догадаться, что цвѣтокъ *лилію* можно выдернуть двумя пальцами.— Съ этими *лиліями* у васъ вѣчно исторія! Въ однихъ стихахъ, напечатанныхъ въ Москвитянинѣ, вмѣсто; »тамъ гдѣ *даліи* цвѣтутъ,«

Digitized by Google

т. е. махровыя георгины, поставлены были лилiи! — Экая охота до лилiй! Вы вѣрно за Бурбоновъ! — Однако видите ли, съ какимъ вниманiемъ я читаю вашъ Москвитянинъ, или, по нынѣшнему, »вашего Москвитянина«, что̀ будетъ даже и правильно, потому что онъ журналъ одушевленный! — N'est-ce pas que c'est un compliment assez joliment tourné!

Я читалъ въ Москвитянинѣ стихи на смерть славянскаго поэта, кажется, переводъ Берга. А на кончину нашего Жуковскаго не написалъ ни одинъ русскiй стихотворецъ! На насъ стариковъ пѣнять нечего; а что̀ думаютъ молодые! — Могло ли это быть въ наше время! нѣтъ восторга, нѣтъ теплоты, нѣтъ родственнаго сочувствiя! Жуковскiй умираетъ безгласно; ибо что̀ наша холодная проза! Не ему нужны теперь наши стихи; но намъ стыдно, что онъ не растрогалъ нашего чувства!.... —

Перепечатаемъ **АНЕКДОТЪ О ПУШКИНѢ** изъ одного петербургскаго изданiя. Воспитанникамъ лицея было задано написать въ классѣ сочиненiе: *восходъ солнца* (любимая тема многихъ учителей словесности, преимущественно прежняго времени). Всѣ ученики уже кончили сочиненiя и подали учителю, дѣло стало за однимъ, который, будучи вѣроятно разсѣянъ и не въ расположенiи въ эту минуту писать о такомъ возвышенномъ предметѣ, только вывелъ на листѣ бумаги слѣдующую строчку:

»Се отъ запада грядетъ царь природы.«

— Что-жъ ты не кончаешь? сказалъ автору этихъ словъ Пушкинъ, который прочиталъ написанное.

— Да ничего на умъ нейдетъ; помоги пожалуйста, всѣ уже подали, за мной остановка!

— Извольте. — И Пушкинъ такъ окончилъ начатое сочиненiе:

»И изумленные народы
Не знаютъ, что̀ начать:
Ложиться спать,
Или вставать?«

Тотчасъ по окончанiи послѣдней буквы сочиненiе было отдано учителю, потому-что товарищъ Пушкина, вѣря ему, не трудился даже прочитать написаннаго.

Можете представить, каковъ былъ хохотъ при чтенiи сочиненiя двухъ лицеистовъ.

Digitized by Google

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИЗВѢСТІЕ. Талантливый композиторъ многихъ русскихъ романсовъ, г. Булаховъ, написалъ новую музыку на слова Кольцова:

»Я затеплю свѣчу воску яраго,
Распаяю кольцо друга милаго.
Загорись, разгорись роковой огонь,
Растопи, распаяй чисто золотко, и проч.

Сочиненіемъ голоса для этой пѣсни занимались уже двое нашихъ композиторовъ: г. Гурилевъ и еще не помнимъ кто-то, но ни тотъ, ни другой голосъ, по нашему мнѣнію, не соотвѣтствуютъ вполнѣ смыслу словъ, написанныхъ поэтомъ какъ бы подъ вліяніемъ галантельнаго мистицизма. Г. Булаховъ, совершенно понявъ характеръ стихотворенія, выбралъ для него очень удачно мотивъ нашихъ старинныхъ, *подблюдныхъ* пѣсень, и прекрасно модулировалъ этотъ мотивъ. Въ его музыкѣ есть именно та драматичность и та таинственность, которыхъ исполнено самое стихотвореніе. Въ ней, сквозь новыя модуляціи, слышится что-то знакомое, что-то близкое русскому сердцу, но слышится въ такихъ мягкихъ, въ такихъ неуловимыхъ звукахъ, что невольно задумаешься: откуда взяты эти увлекательные и что-то напоминающіе звуки?...

Романсъ г. Булахова выйдетъ на дняхъ, и мы спѣшимъ сообщить эту пріятную новость любителямъ русскаго пѣнія.

Digitized by Google

ЖЕЛѢЗНАЯ РУКА.

РОМАНЪ ЛЕКОНТА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Произшествія, разсказываемыя въ этомъ романѣ, начинаются съ того времени, какъ Карлъ II-й, наслѣдникъ Англійскаго престола, былъ разбитъ войсками Кромвеля у Ворчестера.

Потерявши въ этомъ сраженіи все свое войско, Карлъ II-й искалъ спасенія въ бѣгствѣ, и тщательно укрывался отъ преслѣдователей, посланныхъ Кромвелемъ для его поимки. До Вителади сопутствовали ему герцогъ Букингамъ, и графы Дерби и де-Лаудердаль. Но здѣсь рѣшено было, что присутствіе знаменитыхъ спутниковъ увеличиваетъ опасность короля, и онъ простился съ ними. Обрѣзавши свои прекрасные волосы, Карлъ надѣлъ платье угольника, вычернилъ себѣ лице и руки, и въ этомъ видѣ работалъ въ лѣсу вмѣстѣ съ однимъ Пендриллемъ, давшимъ ему убѣжище.

Во время этого укрывательства присоединился къ нему полковникъ Карлесъ, одинъ изъ храбрыхъ предводителей разбитой арміи, горячо любившій короля своего и готовый всѣмъ жертвовать для его спасенія.

Слухи о мѣстѣ пристанища Карла достигли до Кромвеля, и онъ послалъ новое войско для его отысканія. Положеніе укрывавшихся становилось часъ отъ часу невыносимѣе. Цѣлые дни проводили они въ лѣсу, слышали иногда стукъ оружія своихъ преслѣдователей, видали иногда ихъ блестящія латы, и таились въ самыхъ непроходимыхъ чащахъ своего убѣжища.

Однажды солдаты Кромвеля были такъ близко, что Карлесъ не нашелъ другаго средства къ спасенію, какъ взобраться вмѣстѣ съ королемъ на густой и высокой дубъ.—Счастливая мысль эта спасла жизнь

Digitized by Google

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИЗВѢСТІЕ. Талантливый композиторъ многихъ русскихъ романсовъ, г. Булаховъ, написалъ новую музыку на слова Кольцова:

»Я затеплю свѣчу воску яраго,
Распаяю кольцо друга милаго.
Загорись, разгорись роковой огонь,
Растопи, распаяй чисто золотокъ, и проч.

Сочиненіемъ голоса для этой пѣсни занимались уже двое нашихъ композиторовъ: г. Гурилевъ и еще не помнимъ кто-то, но ни тотъ, ни другой голосъ, по нашему мнѣнію, не соотвѣтствуютъ вполнѣ смыслу словъ, написанныхъ поэтомъ какъ бы подъ вліяніемъ гадательнаго мистицизма. Г. Булаховъ, совершенно понявъ характеръ стихотворенія, выбралъ для него очень удачно мотивъ нашихъ старинныхъ, *подблюдныхъ* пѣсень, и прекрасно модулировалъ этотъ мотивъ. Въ его музыкѣ есть именно та драматичность и та таинственность, которыхъ исполнено самое стихотвореніе. Въ ней, сквозь новыя модуляціи, слышится что-то знакомое, что-то близкое русскому сердцу, но слышится въ такихъ мягкихъ, въ такихъ неуловимыхъ звукахъ, что невольно задумаешься: откуда взяты эти увлекательные и что-то напоминающіе звуки?...

Романсъ г. Булахова выйдетъ на дняхъ, и мы спѣшимъ сообщить эту пріятную новость любителямъ русскаго пѣнія.

Digitized by Google

ЖЕЛѢЗНАЯ РУКА.

РОМАНЪ ЛЕКОНТА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Произшествія, разсказываемыя въ этомъ романѣ, начинаются съ того времени, какъ Карлъ II-й, наслѣдникъ Англійскаго престола, былъ разбитъ войсками Кромвеля у Ворчестера.

Потерявши въ этомъ сраженіи все свое войско, Карлъ II-й искалъ спасенія въ бѣгствѣ, и тщательно укрывался отъ преслѣдователей, посланныхъ Кромвелемъ для его поимки. До Вителади сопутствовали ему герцогъ Букингамъ, и графы Дерби и де-Лаудердаль. Но здѣсь рѣшено было, что присутствіе знаменитыхъ спутниковъ увеличиваетъ опасность короля, и онъ простился съ ними. Обрѣзавши свои прекрасные волосы, Карлъ надѣлъ платье угольника, вычернилъ себѣ лице и руки, и въ этомъ видѣ работалъ въ лѣсу вмѣстѣ съ однимъ Пендриллемъ, давшимъ ему убѣжище.

Во время этого укрывательства присоединился къ нему полковникъ Карлесъ, одинъ изъ храбрыхъ предводителей разбитой арміи, горячо любившій короля своего и готовый всѣмъ жертвовать для его спасенія.

Слухи о мѣстѣ пристанища Карла достигли до Кромвеля, и онъ послалъ новое войско для его отысканія. Положеніе укрывавшихся становилось часъ отъ часу невыносимѣе. Цѣлые дни проводили они въ лѣсу, слышали иногда стукъ оружія своихъ преслѣдователей, видали иногда ихъ блестящія латы, и таились въ самыхъ непроходимыхъ чащахъ своего убѣжища.

Однажды солдаты Кромвеля были такъ близко, что Карлесъ не нашелъ другаго средства къ спасенію, какъ взобраться вмѣстѣ съ королемъ на густой и высокой дубъ.—Счастливая мысль эта спасла жизнь

Digitized by Google

ихъ, потому что цѣлыя толпы солдатъ разсѣялись по лѣсу для поисковъ и часто проходили подъ самымъ дубомъ.

Исторія говоритъ, что изнуренный Карлъ уснулъ на рукахъ вѣрнаго Карлеса.

Въ послѣдствіи дубъ этотъ сдѣлался предметомъ почитанія цѣлой страны и получилъ названіе »Королевскаго дуба.«

Взойдя на престолъ своихъ предковъ, Карлъ II-й, наградившій по заслугамъ полковника Карлеса, далъ ему гербъ, который изображалъ зеленый дубъ на золотомъ полѣ, три королевскія короны, украшенныя дубовою гирляндой, шпагу и девизъ: »одного добраго гражданина достаточно, чтобы спасти своего короля и отечество.« Въ позднѣйшее время знаменитый дубъ этотъ былъ воспѣтъ многими поэтами, а астрономъ Галлей назвалъ »Королевскимъ дубомъ« созвѣздіе, открытое имъ въ 1692 году.

Когда Карлесъ убѣдился, что солдаты удалились изъ лѣсу, онъ сошелъ вмѣстѣ съ королемъ съ дуба, и послѣ долгаго пути пристали къ хижинѣ одного католика, служившаго прежде подъ его начальствомъ. Для большей предосторожности вѣрный слуга рѣшился разстаться съ королемъ своимъ и отправиться впередъ, чтобы приготовлять ему гостепріимныя убѣжища.

Карлъ хотѣлъ переѣхать во Францію, и поэтому положено было приблизиться къ южному берегу Англіи.

Во время этого опаснаго путешествія нѣсколько разъ грозила королю опасность быть узнаннымъ.

Однажды ужиналъ онъ въ одной гостинницѣ, принявши видъ скромнаго путешественника. Въ комнатѣ, гдѣ сидѣлъ онъ, стали разговаривать о королѣ, и сосѣдъ его по столу принималъ очень живое участіе въ разговорѣ.

— Развѣ ты знаешь короля? спросилъ Карлъ у своего сосѣда.

— Я видѣлъ его болѣе двадцати разъ, отвѣчалъ онъ.

— Каковъ онъ изъ себя? продолжалъ король въ невольномъ испугѣ. Узнаешь ли ты его, если съ нимъ встрѣтишься?

— Еще бы не узнать!... отвѣчалъ англичанинъ, пристально глядя на своего собесѣдника; онъ очень похожъ на тебя.... Только онъ повыше ростомъ и волосы у него свѣтлѣе.

Другой разъ онъ былъ узнанъ содержателемъ гостинницы. Этотъ человѣкъ пригласилъ его сойдти вмѣстѣ съ нимъ въ погребъ съ винами, какъ будто для того, чтобы онъ помогъ ему разлить бутылки. При-

Digitized by Google

шедши туда, содержатель налилъ стаканъ лучшаго вина, снялъ шапку, сталъ на колѣни и сказалъ:

— Государь!... Я узналъ васъ.... но не бойтесь, я буду вамъ вѣренъ до конца моей жизни.

Карлъ выпилъ вина вмѣстѣ съ этимъ благороднымъ гражданиномъ.

Наконецъ послѣ многихъ опасностей и трудовъ Карлъ достигъ до Бристоля. Здѣсь Карлесу не удалось найти ни одного королевскаго приверженца и несчастные бѣглецы направили путь свой къ Линну.

Прибывшій сюда прежде короля Карлесъ успѣлъ условиться съ капитаномъ одного корабля и получилъ его обѣщаніе, что онъ выѣдетъ изъ пристани, и, не удаляяся отъ берега, будетъ ожидать своего пассажира. Но жена капитана, подозрѣвая, что мужъ ея хочетъ предпринять какое-нибудь опасное путешествіе, не пустила его изъ дома въ условленное время, грозя призвать сосѣдей, если онъ будетъ упорствовать въ своемъ намѣреніи. — Несчастный Карлъ вернулся въ городъ, проведя цѣлую ночь на берегу моря въ напрасныхъ ожиданіяхъ.

Въ отсутствіе Карла случилось происшествіе, сильно грозившее его безопасности. — Путешественники, ночевавшіе въ той гостинницѣ, гдѣ присталъ и король, призвали кузнеца и велѣли осмотрѣть подковы лошадей своихъ. Кузнецъ случайно оглядѣлъ подковы и лошади Карла, и съ удивленіемъ объявилъ, что всѣ четыре подковы были дѣланы въ различныхъ графствахъ. По счастію, Карла не было въ гостинницѣ, когда начались толки о подковахъ, и толки эти не дошли до правительства, которое конечно не замѣдлило бы послать погоню во всѣ стороны за таинственнымъ путешественникомъ, ѣхавшимъ такъ далеко на одной и той же лошади.

Послѣ этой неудачи король отправился въ Бригтейнштедъ, небольшое мѣстечко въ графствѣ Суссексъ.

Бригтейнштедъ представлялъ въ то время мало-населенное мѣстечко, жители котораго занимались рыбной ловлей въ небольшой бухтѣ, вдавшейся въ песчаный берегъ.

Лучшій или удобнѣйшій для житья домъ былъ выстроенъ вдали отъ прочихъ хижинъ почти на самомъ берегу моря.

Около мѣсяца всѣ окна этого дома были тщательно заперты ставнями, открытымъ оставалось только одно, выходившее на море. Жители мѣстечка, трудившіеся цѣлые дни для своего пропитанія, не отличались особеннымъ любопытствомъ: иначе домъ этотъ, стоявшій долго въ пустынѣ и обитаемый съ недавняго времени какими-то таинственными жильцами, непремѣнно возбудилъ бы общее подозрѣніе. Въ прежнія вре-

Digitized by Google

нена домъ этотъ служилъ пунктомъ наблюденія, устроеннымъ въ войну съ Голландіей. Офицеръ, занимавшій это жилище, обнесъ его каменною стѣною и разбилъ внутри стѣны небольшой садикъ. Стѣна сложена была изъ необдѣланныхъ камней, положенныхъ одинъ на другой и не имѣла въ цѣлости правильной формы.

Входъ былъ устроенъ очень оригинально и состоялъ изъ нѣсколькихъ сбивчивыхъ поворотовъ по каменному корридору.

Никто изъ жителей не приближался къ этому обиталищу со времени отъѣзда офицера съ солдатами. Мрачность и таинственность этихъ стѣнъ вселяла какой-то суевѣрный страхъ, увеличившійся до крайности произшествіемъ, случившимся года за два до нашего разсказа. Одинъ изъ матросовъ сосѣдняго порта, смѣявшійся надъ боязнію туземцевъ, и заинтикшій, что одинъ камень въ стѣнѣ лежалъ не такъ плотно, рѣшился его вытащить и заглянуть въ сокровенный садъ. Но камень лежалъ очень высоко, и былъ слишкомъ тяжелъ, такъ, что въ ту минуту, когда матросъ его выдвинулъ, онъ вырвался изъ рукъ его и раздробилъ ему голову.

Это произшествіе усилило еще болѣе страхъ жителей и они никогда болѣе не пытались проникнуть въ таинственный домъ. Несчастнаго матроса зарыли не далеко отъ стѣны, поставивъ на могилѣ его деревянный крестъ въ воспоминаніе его необдуманно дерзкаго предпріятія.

Велико было удивленіе рыболововъ, когда однажды вечеромъ увидали они огонекъ въ окнѣ таинственнаго дома. Удивленіе это возрасло до крайности, когда на другой день замѣчены были высокія мачты кутера съ небольшимъ краснымъ флюгеромъ, показавшимся надъ однимъ изъ утесовъ, составлявшихъ стѣну бухты и какъ разъ противъ оконъ дома. Немногіе рѣшались было отправиться къ кутеру, но ихъ не пустили, потому что присутствіе корабля совпадало съ появленіемъ свѣта въ окнахъ необитаемаго дома.

Въ тотъ вечеръ, когда Карлъ прибылъ въ Бригтейнштедъ, большая часть рыбачихъ лодокъ была въ морѣ, а у берега оставались такія непрочныя и малыя, что Карлесъ не рѣшался довѣрить имъ особу короля для перевезенія его на берегъ Французской.

Карлесъ и Карлъ были одѣты матросами; они остановились въ жилищѣ самого главнаго рыболова, занимавшагося продажею рыбы на сосѣднихъ рынкахъ. Усталый король скоро уснулъ, а Карлесъ осторожно выпытывалъ у жителей о средствахъ переправы.

Оставивъ на минуту несчастливыхъ путешественниковъ, посмотримъ, что дѣлается въ таинственномъ домѣ на берегу моря.

Digitized by Google

Передъ нами скудно-омеблированная комната; на крюкахъ, вбитыхъ въ потолокъ, висятъ двѣ койки. Въ каминѣ разведенъ довольно сильный огонь, на столѣ горитъ морская лампа и видны остатки ужина.

Въ койкѣ, ближайшей къ камину, кто-то покоится, изъ нея высунулась женская рука. Покоющаяся женщина покрыта пестрымъ флагомъ краснаго и бѣлаго цвѣта. На лавкѣ противъ камина сидитъ мужчина въ глубокомъ раздумьи, опустивъ на грудь голову. Человѣкъ этотъ кажется средняго роста и хорошо сложенъ. На немъ черные бархатные панталоны и толстая шерстяная красная рубашка, перетянутая кожанымъ поясомъ. За поясомъ виднѣются два пистолета. Ноги обуты въ простые черные ботинки безъ шпоръ, на шеѣ повязанъ женской шарфъ, на рукахъ черныя оленьи перчатки. Длинные черные его волосы оттѣняютъ матовую бѣлизну лица, освѣщеннаго огнемъ камина.

Въ комнатѣ разбросаны странныя вещи. Тутъ видно полное женское одѣяніе, очень богатое, блестящее атласомъ и бархатомъ. На углу койки виситъ чорная маска, на полу двѣ туфли маленькія до невѣроятности. Въ углу стоитъ большой сундукъ, на немъ лежитъ въ безпорядкѣ мужское платье и небольшой блестящій топоръ. На стѣнѣ виситъ зрительная трубка отличной работы, неприступно дорогая для того времени и рядомъ съ нею калабрской карабинъ. Вездѣ видѣнъ большой безпорядокъ. Одна дверь, находящаяся противъ камина, до половины заставлена сундукомъ, другая въ боку завѣшена чернымъ флагомъ, испещреннымъ какими-то странными бѣлыми буквами.

Огонь лампы начиналъ тускнѣть и въ каминѣ дрова уже догорали. Сидѣвшій на лавкѣ мужчина, какъ будто очнулся отъ забытья своего и быстро оглянулся вокругъ себя. Взоръ его остановился на рукѣ, виднѣвшейся изъ койки. Онъ всталъ съ своего мѣста. Слабый свѣтъ, разливавшійся по комнатѣ, былъ еще достаточенъ, чтобы ясно показать черты лица этого человѣка. Онъ былъ блѣденъ и черноволосъ; лице его не было грубо и дико, лобъ былъ довольно открытъ, волосы вились и падали по плечамъ по модѣ того времени, усы его были очень невелики, на подбородкѣ виднѣлась эспаньолка.

— Вы спите?... спросилъ онъ такимъ тихимъ голосомъ, который не могъ разбудить женщины, если бы она спала въ самомъ дѣлѣ.

Отвѣта не было.

Незнакомецъ подошелъ къ койкѣ, приподнялъ флагъ, покрывавшій спящую и осторожно положилъ подъ него озябнувшую руку. Потомъ наклонился къ лицу женщины, и, посмотрѣвъ на него нѣсколько минутъ,

Digitized by Google

онъ, казалось, боролся съ желаніемъ поцѣловать ее. Раза три наклонялся онъ очень близко.... но боязнь нарушить сладкій сонъ ея взяла верхъ надъ его желаніемъ.... онъ отошелъ отъ койки.

Подойдя къ окну, онъ отворилъ его и взглянулъ пристально на море и на флюгеръ качавшагося кутера. Возвышенное мѣсто, на которомъ былъ выстроенъ домъ, давало возможность видѣть не только мачту, но и палубу легкаго корабля. На этой палубѣ виднѣлась чорная фигура, стоявшая неподвижно и обращенная въ одну сторону.

Незнакомецъ взялъ съ лавки большой абордажный пистолетъ, попробовалъ сначала шомполомъ стволъ, и, убѣдившись, что онъ не заряженъ, насыпалъ на полку пороху. Потомъ подойдя къ окну, онъ просунулъ въ него свою руку и спустилъ курокъ. Небольшое пламя освѣтило берегъ, и въ туже минуту подобная вспышка пороха на кутерѣ была отвѣтомъ на сигналъ его. Затворивши окно, незнакомецъ снялъ съ двери черный флагъ, завернулся въ него и легъ въ другую койку.

II.

Карлесъ, какъ мы уже сказали, выѣдывалъ у своихъ хозяевъ о средствахъ къ переправѣ, но не говорилъ еще имъ прямо, что онъ намѣренъ переѣхать во Францію. Убѣдившись изъ своихъ распросовъ, что рыбачьи лодки слишкомъ ненадежны для предпринятія этой переправы, особенно при осеннихъ вѣтрахъ, онъ вышелъ изъ дома рыбака и прохаживался въ раздумьи по берегу, не зная на что рѣшиться для спасенія любимаго короля своего.

Случайно направилъ онъ шаги свои къ тому мѣсту, гдѣ былъ выстроенъ домъ, описанный нами въ предъидущей главѣ. — Уже нѣсколько времени бродилъ Карлесъ въ темнотѣ, какъ разсказанныя нами пороховыя вспышки, одна на берегу, а другая за скалой на морѣ, возбудили его вниманіе и безпокойство. Карлесъ остановился, ожидая, что видѣнное имъ повторится, но все было тихо и темно по прежнему. Сначала думалъ онъ вернуться къ рыбакамъ и спросить ихъ, что бы значили видѣнныя имъ явленія, но потомъ рѣшился лучше самъ дознаться, откуда произошли эти вспышки. Онъ подошелъ къ дому и обошелъ его кругомъ, не найдя настоящаго входа. Проходя мимо отвореннаго окна, онъ увидѣлъ въ немъ мерцающій свѣтъ, но и тотъ погасъ при его приближеніи.

Неоткрывши ничего около дома, Карлесъ сталъ осторожно пробираться по береговой скалѣ къ тому мѣсту, откуда блестѣлъ свѣтъ на морѣ. Скоро увидѣлъ онъ мачту кутера, стоявшаго за утесомъ.

Digitized by Google

При этомъ открытіи, онъ удвоилъ свою осторожность и приблизился наконецъ къ самой возвышенной части скалы, откуда могъ ясно разглядѣть кутеръ. Судно было все черное, на палубѣ ходилъ одинъ человѣкъ взадъ и впередъ. Карлесъ остановился въ недоумѣніи. Рыбаки ни слова не говорили ему о присутствіи этого судна въ бухтѣ, и онъ терялся въ разнообразныхъ догадкахъ. Онъ уже хотѣлъ вернуться къ рыбакамъ и хитростью добиться отъ нихъ свѣденій о кутерѣ, какъ вдругъ былъ замѣченъ часовымъ, ходившимъ по палубѣ.

— Кто идетъ! закричалъ ему часовой.

Карлесъ не отвѣчалъ и думалъ укрыться въ скалѣ, но окликъ повторился болѣе повелительно и раздался выстрѣлъ. Пуля ударилась о скалу въ десяти шагахъ отъ полковника. Вслѣдъ за этимъ освѣтилось окно уединеннаго дома, въ окнѣ показалась человѣческая фигура, и сейчасъ же все стихло и потемнѣло. Карлесъ не зналъ на что рѣшиться: идти ли, или оставаться на мѣстѣ. Черезъ минуту у стѣны дома показался факелъ, и Карлесъ не успѣлъ еще опомниться, какъ приблизившійся факелъ освѣтилъ ему подходившаго человѣка. Человѣкъ этотъ, несшій одною рукою факелъ, былъ закутанъ въ черный плащъ, испещренный какими-то странными знаками. Въ рукахъ его блестѣлъ топоръ. Едва незнакомецъ показался на верху скалы, какъ палуба корабля покрылась людьми, одѣтыми въ красное одѣяніе и держащими въ рукахъ такіе же факелы. По знаку своего начальника они бросились на берегъ, и, свѣтя себѣ факелами, пустились отыскивать Карлеса. Человѣкъ въ черномъ плащѣ наткнулся на него прежде другихъ.

— Кто ты? спросилъ онъ грозно у полковника, принимая его по платью за матроса, служащаго правительству.

— Кто ты самъ? отвѣчалъ Карлесъ, забывшись при этомъ грубомъ вопросѣ.

Удивленный его смѣлостію, незнакомецъ пристально посмотрѣлъ на него, какъ будто подозрѣвая, что платье матроса скрываетъ какого-нибудь тайнаго агента. А можетъ быть голосъ и осанка полковника обличили его передъ незнакомцемъ. Матросы кутера сбѣжались къ своему начальнику и ожидали его приказаній.

— Обыщите его, сказалъ незнакомецъ.

Въ карманахъ Карлеса нашли кинжалъ, кошелекъ съ золотомъ и свертокъ пергамента. Вещи эти были сей-часъ же отданы незнакомцу.

— Отведите его на корабль!.... сказалъ онъ матросамъ.

Факелы сей-часъ же погасили, оставя только одинъ для освѣщенія пути. Одинъ изъ матросовъ держалъ Карлеса за поясъ ...

Digitized by Google

Дойдя до края скалы, незнакомецъ отдалъ матросамъ какія-то приказанія. Сей-часъ же одна половина разсѣялась по берегу, а другая послѣдовала за нимъ на кутеръ.—Приведенный на палубу, Карлесъ былъ сей-часъ же опущенъ въ каюту. Спустя нѣсколько минутъ вошелъ къ нему и незнакомецъ, казавшійся начальникомъ кутера.

Карлесъ успѣлъ осмотрѣться въ каютѣ, куда онъ попалъ такъ неожиданно. Каюта вѣроятно занималась самимъ начальникомъ. Въ ней были двѣ двери, одна противъ другой. Убранство комнаты было великолѣпное, на стѣнахъ висѣли превосходныя картины, самыя стѣны были украшены цвѣтами, фруктами, птицами, размѣщенными между изящными арабесками. Карнизы всѣ вызолочены. Мебель покрыта краснымъ бархатомъ, на окнахъ шелковыя занавѣски, на полу дорогіе ковры. По среди потолка въ альбастровомъ шарѣ горѣла лампа. На рѣшоткѣ камина висѣла маска подобная той, какую мы видѣли въ комнатѣ таинственнаго дома. Одна изъ картинъ была завѣшена чернымъ крепомъ, рядомъ съ ней висѣлъ мужской бархатной беретъ съ двумя перьями — зеленымъ и чернымъ.

Эти перья обратили на себя особенное вниманіе Карлеса и онъ не спускалъ съ нихъ глазъ до прихода незнакомца. Войдя въ каюту, незнакомецъ сбросилъ съ себя свой оригинальный плащъ и подошелъ къ столу, на которомъ лежали вещи, отобранныя у Карлеса. Матросъ, которому поручено было карауллить плѣнника, стоялъ у дверей каюты. Видя, что распечатываютъ пергаментный свертокъ, Карлесъ задрожалъ отъ страха при мысли, что эти бумаги могутъ открыть убѣжище короля.

Незнакомецъ посмотрѣлъ сначала внимательно на рукоять кинжала Карлеса, высыпалъ потомъ на столъ изъ кошелька золото, и наконецъ взялся за пергаментный свертокъ, сорвавъ безъ церемоніи гербовыя печати, скрѣплявшія шелковые снурки. Но едва взглянулъ онъ на первую попавшуюся ему бумагу, какъ быстро обернулся къ стоявшему въ каютѣ матросу и знакомъ приказалъ ему удалиться. Когда матросъ вышелъ, незнакомецъ заперъ извнутри дверь, подошелъ къ Карлесу и опустился передъ нимъ на колѣна.

— Милордъ, спасемте короля! сказалъ онъ растроганнымъ голосомъ.

— Встаньте, благородный слуга Стуарта!.... отвѣчалъ Карлесъ, не будучи въ силахъ скрыть своей радости.... Будьте защитникомъ вашего законнаго монарха, готоваго довѣриться вашему благородству.

— Я клянусь умереть, чтобы только спасти васъ обоихъ, говорилъ незнакомецъ, цѣлуя руки Карлеса. Гдѣ король нашъ?

Карлесъ разсказалъ положеніе Карла. Незнакомецъ съ минуту подумалъ, сначала хотѣлъ самъ отправиться въ деревню, но потомъ пе-

Digitized by Google

ремѣнилъ намѣреніе и ударилъ молоткомъ по металлическому колоколу. Матросъ, стороживший Карлеса, явился въ каютѣ.

— Ступай въ домъ главнаго рыбака, сказалъ ему начальникъ, ты найдешь тамъ молодаго человѣка, заснувшаго на рыбныхъ сѣтяхъ.... Разбуди его и попроси слѣдовать за тобою, показавши ему вотъ это.

Съ этими словами незнакомецъ снялъ со стѣны беретъ и отдалъ его матросу. Береты эти были таинственнымъ знакомъ, по которому узнавали другъ друга пресвитеріанцы, преданные королю. Вотъ почему Карлесъ при первомъ взглядѣ на беретъ не могъ оторвать отъ него своихъ взоровъ.

Не смѣя распрашивать своего хозяина о его имени и званіи безъ собственнаго его на это согласія, Карлесъ вышелъ за нимъ на палубу и былъ свидѣтелемъ приказаній, отданныхъ для приготовленія къ отплытію. Вѣтеръ былъ довольно силенъ, но благопріятенъ къ удаленію отъ береговъ Англіи.

Черезъ часъ времени, когда всѣ нужныя распоряженія къ отправленію были сдѣланы, незнакомецъ оставилъ кутеръ и направилъ шаги свои къ уединенному дому. Появившійся въ окнѣ свѣтъ былъ знакомъ происходившихъ тамъ сборовъ, и скоро появились на берегу четыре человѣка: двое въ матросскомъ одѣяніи, и незнакомецъ, сопровождаемый новымъ лицемъ.

Карлесъ, котораго все вниманіе и забота были устремлены на спасеніе своего юнаго повелителя, не могъ однакожъ не взглянуть на спутника начальника кутера. Судя потому, что можно было видѣть среди ночной темноты, онъ счелъ этаго новаго пассажира за негра. Негръ этотъ былъ необыкновенно малъ ростомъ и окутанъ съ ногъ до головы пестрымъ флагомъ.

Первымъ дѣломъ незнакомца было отвести негра въ каюту, а потомъ явился онъ въ распоряженіе Карлеса и просилъ его проводить короля въ знакомую уже ему каюту. Одна дверь каюты была отворена, и для короля устроена постель. Карлесъ предложилъ королю отдохнуть, и самъ прилегъ на бывшій тутъ диванъ, сбросивъ съ него странный плащь своего хозяина.

Кутеръ снялся съ якоря и поплылъ на распущенныхъ парусахъ. Незнакомецъ въ красной рубашкѣ не сходилъ съ палубы и лично распоряжался всѣми маневрами. Проснувшійся Карлесъ желалъ бы очень узнать имя и званіе спасителя короля, но замѣтивъ съ самаго начала, что онъ хотѣлъ остаться неизвѣстнымъ, добрый полковникъ не пошелъ на палубу и остался въ каютѣ. Съ разсвѣтомъ можно было уже раз-

Digitized by Google

смотрѣть берега Франціи: кутеръ приближался къ Нормандіи. До Фекампскаго порта, куда направленъ былъ корабль, оставалось не болѣе мили.

Тотъ же матросъ, который былъ посланъ за королемъ, сошелъ въ каюту и объявилъ, что кутеръ пристаетъ къ берегу. Карлесъ взошелъ вмѣстѣ съ королемъ на палубу. Велика была радость несчастливцевъ, когда они увидѣли себя во французскомъ портѣ, гдѣ жизнь ихъ была уже внѣ всякой опасности. Не смотря на прежнюю свою рѣшимость оставить своего избавителя въ желанной имъ неизвѣстности, король, растроганный до слезъ, невольно къ нему приблизился.

— Неужели я не узнаю вашего имени, другъ мой? сказалъ онъ.

— Корабль мой называется Анакрити, Милордъ,—отвѣчалъ незнакомецъ, отдавая Карлесу его бумаги, кошелекъ и кинжалъ. Да сохранитъ васъ Богъ и да проститъ Онъ меня, прибавилъ онъ, отходя въ толпу матросовъ.

Но Карлъ послѣдовалъ за нимъ, и, снявши съ руки перстень, украшенный богатымъ адамантомъ, подалъ его незнакомцу, пожавши ему дружески руку.

— Если съ вами случится несчастіе, сказалъ онъ, если вы будете имѣть нужды въ помощи и покровительствѣ, принесите или пришлите мнѣ этотъ перстень, и скажите названіе вашего корабля. Я до трехъ разъ исполню вашу просьбу, даю вамъ въ томъ мое королевское слово! Сказавши эти слова, Карлъ сошелъ въ лодку вмѣстѣ съ Карлесомъ и благополучно присталъ къ Франціи.

— Куда править? спросилъ матросъ, стоявшій у руля.

Человѣкъ въ красной рубашкѣ подумалъ съ минуту, и, неподнимая головы, сказалъ:

— Въ открытое море.

III.

Анакрити представлялъ собою нашу яхту, т. е. небольшой корабль, необыкновенно изящной постройки и удобный для прогулки людей богатыхъ по морю. Это была самая милая миніатюра лучшихъ формъ морской архитектуры. Какъ бы не былъ слабъ вѣтеръ, онъ былъ достаточенъ, чтобы дать движеніе этому кораблю-игрушкѣ.

Во время бури, хозяинъ Анакрити былъ совершенно покоенъ. Кутеръ его не погружался подобно прочимъ кораблямъ между волнами: онъ прыгалъ по поверхности ихъ подобно камешку, брошенному сильною рукою по поверхности воды. Никогда волна не замочила его палубы.

Digitized by Google

Самая большая непріятность, которая могла бы случиться съ Анакрити во время бури, это—что какой-нибудь огромный корабль, твердо выдерживающій напоръ бурныхъ волнъ, вдругъ увидалъ бы на своей палубѣ эту милую яхточку, взброшенную на него сильнымъ валомъ.

Въ Фекампскомъ портѣ на мачтѣ Анакрити не было выкинуто никакого флага, и корабль удалился отъ берега, сохраняя свою неизвѣстность.

Отдавши необходимыя приказанія, хозяинъ корабля сошелъ въ каюту, бывшую убѣжищемъ короля и Карлеса. Здѣсь снялъ онъ свое платье и надѣлъ полную матроскую форму. Никто на кораблѣ не зналъ его имени, и матросы звали его иногда просто лоцианомъ, а чаще краснымъ лоцманомъ, по его красной рубашкѣ и для отличія отъ матроса, исправлявшаго постоянно эту должность.

Перемѣнивши платье, красный лоцманъ сѣлъ къ столу и сталъ внимательно разглядывать полученный имъ перстень. Перстень былъ вещь драгоцѣнная, взятая королемъ вѣроятно на случай недостатковъ во время его бѣгства. Вдѣланный въ него брилліантъ былъ величины необыкновенной и ослѣплялъ своею игрою при отраженіи въ немъ лучей солнца. Отдѣлка перстня была впрочемъ очень простая, потому что камень ненуждался ни въ какихъ постороннихъ украшеніяхъ. Красный лоцманъ досталъ изъ стола бѣлую ленту и продѣлъ ее въ кольцо, написавши на ней число этой замѣчательной ночи. Потомъ тщательно свернулъ ее и положилъ въ малахитовый ящикъ, сокрытый подъ обоями въ углубленіи стѣны каюты.

Все время свое на кораблѣ лоцманъ проводилъ или на палубѣ, распоряжаясь движеніями кутера или въ каютѣ съ тѣмъ существомъ, котораго принялъ Карлесъ за негра. Маленькой негръ выходилъ на палубу только ночью, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Въ это время опирался онъ на руку лоцмана, и экипажъ, состоявшій изъ осьми человѣкъ, держался во время этихъ прогулокъ въ почтительномъ отдаленіи.

Однимъ изъ замѣчательныхъ лицъ экипажа, болѣе другихъ приближеннымъ къ начальнику, былъ высокой худощавый, но еще бодрый старикъ, по имени Кобсъ. Онъ одинъ зналъ иногда куда и съ какою цѣлію совершается плаваніе, и имѣлъ право входить въ извѣстную намъ каюту безъ зова лоцмана.

Спустя нѣсколько дней послѣ переправы Карла въ Англію, Кобсъ сидѣлъ въ каютѣ съ лоцианомъ, и, пользуясь тихою погодою, благопріятною для плаванія кутера, разсказывалъ своему начальнику исторію своей жизни.

Digitized by Google

»Я занимался прежде рыбною ловлею, говорилъ онъ, и жилъ на южномъ берегу Англіи недалеко отъ Плимута. У меня была жена и двое дѣтей, сынъ и дочь. Ловля доставляла намъ скудныя средства къ существованію, но все-таки мы кой-какъ жили. Моя хижина и рынокъ въ Плимутѣ — вотъ все, что было мнѣ тогда извѣстно. Я не зналъ, да и не спрашивалъ о томъ, что дѣлалось тогда въ остальной Англіи какое мнѣ было до этого дѣло!

»Однажды въ холодный Октябрскій вечеръ вернулся я домой, раскинувъ на берегу сѣти, въ надеждѣ, что во время ночнаго прилива попадется въ нихъ сколько-нибудь рыбы.

»Едва успѣлъ я уснуть, какъ поднялась такая буря, что я и вся семья моя невольно вскочили на ноги.

— Что станется съ нашими сѣтями! говорила жена. Если море унесетъ ихъ, намъ придется умирать съ голода.

»Я понималъ справедливость ея опасеній, и едва удерживалъ слезы при мысли о предстоящемъ гибельномъ положеніи. Долго тянулась эта ночь: мнѣ и теперь тяжело вспоминать о ней.

»На разсвѣтѣ стало стихать и я вышелъ на берегъ посмотрѣть на свои несчастныя сѣти. Пока не ободняло совершенно, я не могъ разсмотрѣть, что именно было въ нихъ испорчено; но когда совсѣмъ разсвѣло, то замѣтилъ какую-то чорную массу, запутанную въ самой серединѣ сѣтей.

»Я подошелъ ближе и увидѣлъ, что это былъ человѣческій трупъ, брошенный вѣроятно въ сѣти волнами. Желѣзныя крючки, бывшіе въ сѣтяхъ, и приготовленныя для крупной рыбы, впились во многихъ мѣстахъ въ тѣло утопшаго.

»Самыя же сѣти были сдернуты съ своего мѣста, спутаны и такъ прорваны, что уже не могли служить болѣе для ловли.

— Жена! вскричалъ я, войдя въ избу. Мы погибли!.... Сѣти никуда негодятся: бурей попался въ нихъ утопленникъ, и онѣ совершенно изорвались.

»Поплакавъ вдоволь о невозвратной потери, вернулся я на берегъ, чтобы собрать остатки сѣтей и зарыть въ песокъ утопленника. Тутъ подумалъ я, что его платье можетъ мнѣ на что-нибудь пригодиться, и, высвободивши его изъ сѣтей, сталъ снимать съ него одежду. Уже я снялъ съ него рубашку, какъ вдругъ замѣтилъ широкій кожаный поясъ, и когда отстегнулъ его, то пасмлу поднялъ обѣими руками. Тяжесть эта возбудила мое любопытство: я прорѣзалъ кожу, и къ удивленію моему увидалъ, что поясъ былъ набитъ червонцами.

Digitized by Google

»Считалъ я тогда больно плохо, и не вдругъ понялъ какое огромное богатство доставалось мнѣ въ замѣнъ утраченныхъ сѣтей. Я поспѣшилъ зарыть трупъ, и, пренебрегая остатками сѣтей, прибѣжалъ домой.

»Легко понять удивленіе моихъ домашнихъ. Жена сейчасъ же собралась въ городъ для разныхъ покупокъ, а я вырылъ середи избы ямку и всыпалъ туда большую часть найденнаго золота.

»Вечеромъ жена воротилась изъ города, и привела съ собой лошака и телѣжку для будущихъ поѣздокъ въ городъ. Накупила бѣлья, платья, обуви для дѣтей, которой они съ роду не носили, кровати, шкапъ, столъ и пропасть разной провизіи.

»Нужно ли говорить, что рыбная ловля была забыта. Зачѣмъ было мнѣ работать? я былъ богатъ и безъ работы. Хижина моя стояла въ сторонѣ, сосѣди меня никогда не навѣщали, стало и зависти бояться было нечего.—Я поправилъ избушку, обнесъ ее заборомъ, разбилъ небольшой садикъ и жилъ себѣ припѣваючи, разгуливая въ платьѣ утопленника.

»Время шло, деньги выходили и зарытая сокровищница уменьшалась, грозя когда-нибудь изчезнуть совершенно.

»Вмѣстѣ съ золотомъ, найденнымъ въ поясѣ утопленника, былъ свертокъ бумагъ, на которыхъ я сначала не обратилъ никакого вниманія. Надо вамъ сказать, что отъ нечего дѣлать, я сталъ ходить на охоту съ ружьемъ. Убивши однажды рѣдкую дичину, я хотѣлъ подарить ее одному купцу въ Плимутѣ. Купецъ этотъ былъ всегда очень любезенъ съ женою, и угощалъ ее, когда она ѣздила въ городъ. Я взялъ листокъ изъ свертка бумагъ покойника, завернулъ въ него птицу и послалъ съ сыномъ въ городъ.

Нужно было, чтобъ въ то время, какъ сынъ пришелъ въ лавку, случился тамъ какой-то господинъ, обратившій вниманіе на листъ, въ который была завернута птица. Онъ сталъ распрашивать моего Петерса, и тотъ, неумѣвшій еще лгать, разсказалъ, что эта бумага найдена была вмѣстѣ съ золотомъ въ поясѣ человѣка, котораго я похоронилъ на берегу.

»Боясь однако, чтобъ я не побранилъ его, сынъ ничего не сказалъ мнѣ объ этомъ произшествіи. Но не прошло двухъ дней, какъ въ хижину мою явилась полиція. Стали меня допрашивать, куда я зарылъ утопленника, отрыли его и нашли много ранъ на лицѣ и на тѣлѣ трупа. Напрасно объяснялъ я чиновнику полиціи, отъ чего произошли эти раны: мнѣ не повѣрили. Осмотрѣли хижину, нашли въ ней всѣ признаки довольства, и рѣшивъ, что я убилъ и ограбилъ человѣка, повлекли меня, жену и дѣтей въ городскую тюрьму.

Digitized by Google

»Дорогой намекнули мнѣ, что мнѣ не миновать висѣлицы. Дѣло мое однако же шло довольно медленно. Въ одну ночь замѣтивъ, что мой сторожъ черезъ-чуръ подгулялъ, воспользовался я этимъ случаемъ и бѣжалъ изъ тюрьмы, оставивъ тамъ жену и дѣтей.

»Сначала я убѣжалъ въ Голландію и попалъ тамъ въ матросы, потомъ перешелъ на такую же службу во Францію.

»Прошло лѣтъ шесть, и во мнѣ загорѣлось непреодолимое желаніе узнать, что сталось съ моимъ семействомъ. Рискуя быть пойманнымъ, и, стало быть повѣшеннымъ, пробрался я въ Лондонъ. Помѣстившись въ самой уединенной части города, подъ чужимъ именемъ, сталъ я собирать справки о случившемся въ мое отсутствіе, и узналъ, что жена моя умерла въ тюрьмѣ, сынъ пропалъ безъ вѣсти, а дочь находилась въ домѣ купца, бывшаго главною причиною всѣхъ моихъ несчастій. Я вызвалъ ее къ себѣ, и не могу передать вамъ того восторга и радости, которыя овладѣли моей душою при видѣ моей Салли. Какъ велика, какъ хороша была она! Я забылъ все прошлое горе, всѣ минувшія несчастія, я блаженствовалъ, обнимая милое дитя мое, и рѣшился съ нею не разставаться. Грустно было мнѣ, что никто не могъ дать мнѣ никакого свѣдѣнія о Петерсѣ, даже Салли ничего о немъ не знала, но она жила и я былъ не одинъ въ этомъ мірѣ. Я забылъ сказать вамъ, что послѣ моего побѣга, жену какъ соучастницу мою, осудили на пожизненное заключеніе, а дѣтей по малолѣтству выпустили. Пляшутской купецъ далъ пристанище Салли, а Петерса, по выходѣ его изъ тюрьмы, никто и нигдѣ не видѣлъ.

»Пока я былъ рыбакомъ, чувство любви было мнѣ чуждо, я не понималъ никакой разумной привязанности; но, пожившн на морѣ, и, увидавъ, что каждый имѣлъ что-нибудь дорогое для него на берегу, я понялъ неизвѣстное мнѣ дотолѣ чувство. Тогда же заглянулъ я въ свое прошедшее и увидѣлъ, что мои прежнія семейныя отношенія были чисто чувственныя, животныя; я готовъ былъ охранять жену и дѣтей отъ боли физической, но не могъ понимать ихъ страданій нравственныхъ. Да и это было очень естественно. Наши прежнія страданія ограничивались холодомъ и голодомъ, наши радости теплымъ огонькомъ въ ненастную погоду и лишнимъ кускомъ за обѣдомъ. Сколько новаго узналъ я, какъ потерся между людьми, жившими и чувствовавшими совершенно иначе! Понявши многое, я горько плакалъ, что былъ уже лишенъ навсегда той доли радостей, которую Провидѣніе даетъ каждому человѣку, и рѣшился во что бы то ни стало доискаться семьи своей.

Digitized by Google

»Я нашелъ одну дочь. Я довольствовался ею и помѣстилъ ее вмѣстѣ съ собою на кораблѣ.

»Надо вамъ сказать еще, что возвратясь изъ Лондона, я получилъ отъ правительства Голландіи въ мое распоряженіе небольшое судно съ обязанностію крейсировать у входа въ проливъ. По окончаніи срока крейсировки я приплывалъ въ Дункирхенъ, и проводилъ тутъ зиму, живя съ дочерью на кораблѣ своемъ.

»Салли была такъ хороша, такъ добра, такъ любила меня, что я почти не отпускалъ ее на берегъ, боясь, что свойственная ея лѣтамъ, любовь вспыхнетъ въ ея сердцѣ и отниметъ у меня мое единственное сокровище.

»Положимъ, что въ любви моей было много эгоизма, но я жилъ ея взглядомъ, дышалъ ея дыханіемъ, и готовность моя пожертвовать для нея жизнію, умѣрялась только страхомъ съ нею разстаться. Во всю жизнь мою, въ цѣломъ мірѣ я любилъ одну Салли, не смотря на то, что на головѣ моей уже появлялась сѣдина.

»И вдругъ въ одну ночь, въ ночь ужасную!... Между Голландіей и Англіей начались непріязненныя дѣйствія, и мнѣ пришлось ожидать корабль, нагруженный военными снарядами, чтобы проводить его до Антверпена. Два дня уже былъ я въ морѣ, и погода стояла самая благопріятная, какъ вдругъ поднялся сѣверный вѣтеръ и разразилась буря. Опасаясь за корабль свой при близости береговъ, я направилъ ходъ его въ открытое море. Но сломавшаяся мачта мѣшала мнѣ править судномъ, какъ слѣдуетъ, и меня понесло къ берегамъ Франціи. Напрасно старался я всѣми способами измѣнить ходъ корабля, всѣ усилія мои и моего малочисленнаго экипажа остались тщетными. Насъ несло къ берегу и погибель корабля была неотразима.

Не имѣя надежды избѣгнуть кораблекрушенія, надо было думать о средствахъ сдѣлать его менѣе гибельнымъ. Бывшая на кораблѣ лодка была такъ мала, что нельзя было и подумать спустить ее на море при такомъ вѣтрѣ. Оставалось одно, состроить наскоро плотъ. Матросы сейчасъ же занялись этою работою, но кончили ее не скоро, потому что качка была такъ сильна, что люди рисковали ежеминутно полетѣть въ море.

»Стемнѣло ранѣе обыкновеннаго, но въ минуту угасанія дневнаго свѣта одинъ изъ моихъ матросовъ закричалъ въ отчаяніи:

»Берегъ!... берегъ почти подлѣ!

»Чтобы увидать его въ темнотѣ, надо было быть къ нему очень близко. До этой минуты я питалъ еще смутныя надежды на какое-нибудь чудо, которое спасетъ насъ, но теперь участь наша была рѣшена. Спасти дочь — было моею единственною мыслію. Она была въ каютѣ и когда

Digitized by Google

я сошелъ къ ней, она стояла на колѣнахъ и молилась Богу.... Сказавши ей нѣсколько утѣшительныхъ словъ, я взялъ ее на руки и вынесъ ее на палубу.

»Матросы столкнули на воду плотъ и, когда онъ отдѣлился отъ корабля, насъ было на немъ четверо: я, Салли и два матроса, остальные помѣстились въ лодкѣ.

»Къ удивленію и къ радости увидѣлъ я на берегу огоньки, доказывавшіе присутствіе людей, вышедшихъ намъ на помощь. Салли увидала тоже огни эти, и, прижавшись къ груди моей, проговорила съ нѣкоторою надеждою:

— Батюшка!.... можетъ быть, спасутъ насъ!

»Волны несли нашъ утлый плотъ къ берегу, кидая его изъ стороны въ сторону. Боясь, чтобы при какомъ-нибудь толчкѣ, не сбросило въ море мою Салли, я схватилъ ее обѣими руками и надѣялся, что скоро волна выброситъ насъ на берегъ.

Вдругъ почувствовалъ я, что плотъ нашъ такъ сильно приподняло, что мы едва не полетѣли всѣ въ воду. Я обернулся, чтобы посмотрѣть, откуда набѣжала эта страшная волна, и къ величайшему ужасу увидѣлъ, что спущенная съ корабля лодка съ матросами неслась прямо на насъ. Еще крѣпче сжалъ я въ своихъ объятіяхъ дочь мою, волна еще разъ подняла плотъ, и въ тоже мгновеніе ударилась въ него лодка. Море плеснуло по головамъ нашимъ и я лишился чувствъ. Смутно припоминалъ я послѣ, что въ минуту удара лодки я невольно выпустилъ изъ рукъ мою Салли.

Когда то пришелъ въ себя, я увидѣлъ, что лежу на берегу совершенно раздѣтый. Первая мысль моя была о дочери.... я всталъ, и, несмотря на сильные ушибы въ рукахъ и ногахъ, причинявшіе мнѣ нестерпимую боль, пошелъ ее отыскивать. Было еще такъ темно, что надо было наткнуться на предметъ, чтобы разглядѣть его. Огни и люди, бывшіе на берегу въ минуту нашей гибели, изчезли. Долго не могъ понять я, куда дѣвалось все мое платье. Желаніе отыскать дочь мѣшало мнѣ однако остановиться на этой мысли.

Скоро почувствовалъ я у ногъ своихъ какое-то тѣло, наклонился и узналъ мою Салли. Незнаю откуда взялись у меня силы, но я приподнялъ ее и отнесъ далѣе отъ краю берега. Я горячо цѣловалъ, громко называлъ ее по имени, и раздирательный голосъ отца, сомнѣвающагося въ жизни своей дочери, пробудилъ ее изъ ея безчувствія. Она открыла глаза, но немогла произнести ни одного слова. Тутъ только замѣтилъ я, что вся ея одежда, также какъ и моя, изчезла; она указала рукою на

Digitized by Google

голову, и я увидѣлъ раны въ ушахъ ея, изъ которыхъ были вырваны золотыя кольцы.

»Ужасная истина была наконецъ мнѣ понятна,—насъ принесло къ тому берегу Бретани, жители котораго живутъ чужимъ несчастіемъ. Они выходятъ съ огнемъ на берегъ въ бурныя ночи, и обманутые мореходцы направляютъ путь свой къ ихъ берегу. Выдающіяся въ море скалы губятъ корабль ихъ, а береговые жители торопятся воспользоваться тѣмъ, что выброситъ имъ на берегъ бурное море. Съ такими же надеждами ожидали они и насъ, но корабль нашъ погибъ слишкомъ далеко отъ берега, а на добычу безчеловѣчнымъ достались только тѣла наши, которыя они и обобрали по возможности.

»Между тѣмъ Салли дышала очень тяжело и я боялся за жизнь ея. Въ надеждѣ найти какую-нибудь помощь, я поднялъ на плеча драгоцѣнное тѣло и пошелъ, удаляясь отъ моря по безплодному берегу. Хотѣлось мнѣ иногда остановиться и приложить руку къ сердцу дочери, чтобы узнать, не бьется ли оно сильнѣе, но страхъ потерять даромъ, можетъ быть, сочтенныя минуты, заставлялъ меня ускорять шаги мои. Наконецъ увидѣлъ я вдали мерцающій огонекъ, и когда къ нему приблизился, то убѣдился, что онъ свѣтилъ изъ окна небольшой хижины. Я подошелъ къ двери и постучался, мнѣ не отвѣчали. Тогда я опустилъ на порогъ мою ношу, выломилъ дверь и вошелъ въ избу. Едва увидѣли меня сидѣвшіе у огня мужчина и женщина, какъ бросились вонъ изъ избы, крича, что пришли утопленники и требуютъ назадъ похищенную у нихъ одежду.

»Не зная, куда бѣжать за этими варварами, я внесъ въ хижину Салли, и приблизилъ ее къ огню съ цѣлію согрѣть ея оледенѣвшіе члены. Но теплота не дѣйствовала, дыханіе бѣдняжки становилось все рѣже, она уже не открывала глазъ и не слыхала моего голоса. Какъ полоумный выбѣжалъ я изъ хижины, думая, что встрѣчу какое-нибудь живое существо, способное подать мнѣ руку помощи. Увидавши по сосѣдству другія хижины, я подбѣгалъ къ нимъ, стучался, умолялъ помочь мнѣ, но меня нигдѣ не пускали, и сквозь запертыя двери я слышалъ только съ ужасомъ повторяемыя слова:

»Это утопленникъ!... это утопленникъ!...

»Въ отчаяніи вернулся я къ дочери, но уже напрасно искалъ въ ней слѣдовъ жизни.... сердце несчастной перестало биться, уста охолодѣли и душа оставила тѣло.

*

Digitized by Google

»Не знаю, что сдѣлалось со мной въ эту минуту, но въ ушахъ раздались какіе-то странные звуки, въ глазахъ потемнѣло и что-то оторвалось съ страшною болью въ груди.

»На утро я былъ на берегу. Бродя безъ сознанія по мѣсту нашей гибели, наткнулся я на трупъ одного изъ моихъ матросовъ, какъ-то случайно сохранившаго свою одежду. Я снялъ съ него платье и прикрылся имъ. Идя вдоль берега, встрѣтилъ я еще одного матроса; этотъ былъ живъ, и очень обрадовался, увидя меня. Я разсказалъ ему свое несчастіе и впалъ въ такую апатію, что матросъ, считая меня помѣшаннымъ, за меня думалъ и дѣйствовалъ. Онъ привелъ меня въ сосѣдній портъ, гдѣ я сейчасъ же сѣлъ на корабль, чтобы бѣжать далѣе отъ того мѣста, которое обитается людьми, сдѣлавшими счастливѣйшаго отца самымъ несчастнымъ человѣкомъ.

»Нѣсколько лѣтъ спустя встрѣтились мы съ вами на островахъ Антильскихъ, и вы приняли меня въ число экипажа Анакрити.

»Вы угадали во мнѣ человѣка, способнаго исполнять безпрекословно и точно ваши приказанія, и не имѣющаго никакой другой цѣли въ жизни. Съ потерею дочери, я утратилъ всякую любовь къ жизни, и, если живу, такъ только потому, что жить мнѣ кажется легче, чѣмъ убить себя. Сначала думалъ я о мщеніи. Я хотѣлъ бы повелѣвать бурею, чтобы затопить хижины моихъ злодѣевъ, то хотѣлъ поджечь эти варварскія жилища.... но потомъ сталъ припоминать видѣнную мною ужасную бѣдность этихъ несчастныхъ, и понялъ, что заставляетъ ихъ рѣшаться на эти безчеловѣчные поступки.

»При встрѣчѣ нашей вы желали знать, способенъ ли я безусловно предаться вамъ; я отвѣчалъ вамъ, что принадлежу вамъ до конца моей жизни. Я былъ радъ, что встрѣтилъ человѣка, къ которому могъ привязаться; я былъ радъ, что могу быть полезенъ другому, видя, что этотъ другой оцѣнитъ мою привязанность.

»Теперь вы знаете всю исторію моей жизни, которую я давно собирался разсказать вамъ. Если вы хотите, чтобы я по прежнему оставался въ невѣдѣніи вашихъ плановъ, и ограничивался однимъ исполненіемъ вашихъ приказаній, я готовъ вамъ повиноваться и сдержать, пока живъ, данное вамъ слово.«

Digitized by Google

ЖЕЛѢЗНАЯ РУКА.

РОМАНЪ ЛЕКОНТА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

IV.

На другой день послѣ приведеннаго разсказа, лоцманъ призвалъ въ каюту Кобса, и, посадивъ его рядомъ съ собою, началъ такъ:

»Повѣсть вашихъ несчастій, старый товарищъ, открыла мнѣ въ васъ присутствіе такихъ чувствъ, которыхъ до сихъ поръ я не подозрѣвалъ. На вашу откровенность я отвѣчу таковою же съ моей стороны, и вы узнаете, кто я и какіе мои планы въ будущемъ.

Я послѣдній въ родѣ одной благородной фамиліи Квакеровъ въ Ирландіи. Преслѣдуемый агентами протектора Кромвеля, отецъ мой удалился изъ отечества со мною и съ сестрой моей Еленой. Мы избрали мѣстомъ пристанища островъ Барбадъ, самый незначительный изъ острововъ Карибскихъ.

Въ это время, т. е. около 1649 года, Испанцы вели очень дѣятельную войну съ Флибустьерами, жившими на островѣ Черепахи. Обитаемый нами островъ сохранялъ нейтралитетъ между воюющими, и часто въ небольшой нашей пристани являлись то Испанскіе, то Флибустьерскіе корабли. Начальники и матросы выходили иногда на берегъ, чтобы запастись чѣмъ-нибудь необходимымъ для корабля. Такимъ образомъ сошелся я съ однимъ изъ Флибустьерскихъ капитановъ, имѣвшимъ общую извѣстность подъ именемъ Монбара истребителя. Онъ былъ Лангедокскій дворянинъ, попавшій вслѣдствіе различныхъ неудачъ и несчастій въ число этихъ авантюристовъ, которые, враждуя съ Испанцами, всячески вредили торговлѣ ихъ въ моряхъ Карибскихъ.

Монбаръ лишился руки въ одномъ сраженіи, и наскучившій, не смотря на свою молодость, буйнымъ образомъ жизни, рѣшился оставить его и

Digitized by Google

поселился вмѣстѣ со мною на островѣ Барбадѣ. Сестра моя ему понравилась и черезъ нѣсколько времени онъ на ней женился.

Настоящее имя его было Марсіаль, онъ снова принялъ его, и, любя Елену, составлялъ ее и свое счастіе. Мы жили тихо и смирно и не видали, какъ протекло три года.

Марсіаль былъ богатъ. Во время жизни своей на морѣ дѣлалъ онъ многіе призы, и достававшіяся ему изъ нихъ части хранились въ рукахъ губернатора острова Черепахи г. де-Россея. Нѣсколько разъ напоминалъ я ему, что пора за ними отправиться и переправить ихъ въ Европу; но Марсіаль все откладывалъ эту поѣздку и подобная безпечность казалась мнѣ непростительною. Въ одно прекрасное утро дошли до насъ слухи о смерти губернатора и о томъ, что мѣсто его занялъ Французскій генералъ ***. Я попытался еще разъ убѣдить Марсіаля предпринять эту поѣздку, но видя, что мои убѣжденія по прежнему безплодны, рѣшился поѣхать вмѣсто него.

Марсіаль не говорилъ мнѣ ничего о причинахъ, удерживавшихъ его отъ этой поѣздки; но я подозрѣвалъ, что онъ боялся встрѣтиться съ одной женщиной, горячо любимой имъ еще во Франціи, но которая, по странному сплетенію романическихъ приключеній, попала въ руки одного изъ главныхъ Флибустьерскихъ капитановъ.

Случайный приходъ Флибустьерскаго корабля въ нашу пристань ускорилъ мое отправленіе. Оказалось, что капитанъ его былъ другомъ Марсіаля въ тѣ времена, когда онъ еще былъ извѣстенъ подъ именемъ Монбара, истребителя. Старые друзья условились, что сначала отвезутъ меня на островъ Черепахи, а потомъ, при первой экспедиціи къ Антильскимъ островамъ, доставятъ на островъ Барбадъ.

Поцѣловавши сестру и зятя, я взошелъ на корабль, который сейчасъ же вышелъ въ море.

Богатства, которыя долженъ былъ получить я, были огромны. Въ то время, какъ Монбаръ начальствовалъ надъ флотомъ Флибустьеровъ, сдѣланы были значительные призы. Въ экспедиціяхъ Моракамбо, на островъ Ямайку и Кубу, онъ лично командовалъ надъ всѣмъ флотомъ и долженъ былъ получить десятую часть добычи. Часть эта равнялась нѣсколькимъ милліонамъ піастровъ. — Ограниченные расходы Монбара и отсутствіе вкуса къ роскоши были причиною того, что богатства его нисколько не были растрачены, но сохранялись въ цѣлости. Они состояли изъ золотой и серебреной монеты, слитковъ, драгоцѣнныхъ камней и пр.

Digitized by Google

Въ нѣсколько дней корабль нашъ совершилъ благополучное путешествіе, и я вышелъ на желаемый берегъ.

Пресинкъ г. Россея принялъ меня очень любезно. Оказалось, что данная мнѣ Марсіалемъ бумага, заключавшая въ себѣ права его на оставленныя сокровища, была совершенно лишнею. Честность Флибустьеровъ была безукоризненна и это составляетъ замѣчательную черту характера людей, занимавшихся морскими набѣгами и грабежемъ. Не упуская случая ограбить всякой попавшійся имъ корабль Испанцевъ, они впрочемъ не позволяли себѣ причинять ни малѣйшаго убытка кораблямъ націй нейтральныхъ.

Достояніе Монбара сей-часъ же мнѣ было выдано, частію натурою, а частію векселями на извѣстные Голландскіе торговые дома. Векселя эти были выданы Флибустьерамъ отъ Голландскаго правительства, за то, что флотъ его два раза снабжался припасами и исправлялъ свои снасти въ портѣ острова Черепахи.

Дней десять прожилъ я на островѣ, осматривалъ ихъ жилища, арсеналы и другія заведенія. Мнѣ любопытно было узнать имена славнѣйшихъ капитановъ въ настоящее время, и губернаторъ назвалъ мнѣ ихъ, говоря, впрочемъ, что всѣ они блѣдны въ сравненіи съ однимъ Англичаниномъ Морганомъ.

»Наши капитаны, говорилъ губернаторъ, не любятъ проливать крови и избѣгаютъ по возможности смертоубійства, но Морганъ дѣйствуетъ на оборотъ. У него нѣтъ пощады. Обыкновенно вооруженъ онъ огромнымъ молоткомъ съ заостренными концами и на чью голову опускается это страшное оружіе, тотъ уже не воскресаетъ. Флибустьеры прозвали его Морганомъ Желѣзною Рукою въ честь губительнаго его оружія.

Мнѣ было досадно, продолжалъ лоцманъ, что мнѣ не удастся видѣть этого страшнаго капитана. Его не было на островѣ, и губернаторъ объяснилъ мнѣ причину этого отсутствія. По статутамъ Флибустьеровъ начальники ихъ, вмѣсто наказанія за какой-нибудь сдѣланный ими проступокъ, изгонялись на время изъ отечества и были отвозимы на какой-нибудь уединенный островъ. Не говоря уже о нравственномъ вліяніи этого наказанія, оно было тяжело капитанамъ потому, что они, привыкши къ тревожной и дѣятельной жизни, осуждались на совершенное бездѣйствіе. Бывали случаи, что изгнанники, не выдерживая назначеннаго срока изгнанія, лишали себя жизни.

Такому же изгнанію былъ подверженъ Морганъ во время пребыванія моего на островѣ. Мнѣ очень хотѣлось узнать мѣсто его изгнанія, но по статутамъ общества оно хранилось въ большой тайнѣ. Было даже

Digitized by Google

обыкновеніе, чтобы корабль, отвозившій виновнаго на мѣсто заточенія, получалъ такое порученіе, которое продолжалось бы во все время наказанія, и никто поэтому, кромѣ присяжныхъ, не зналъ мѣстопребыванія виновнаго.

Прямо въ Барбадъ кораблей не отходило, и я рѣшился воспользоваться отплытіемъ небольшаго судна на островъ Sainte-Lucie. Островъ этотъ былъ такъ близокъ къ Барбаду, что тамъ было бы мнѣ уже не трудно добраться до дома. На это судно перенесены были боченки и ящики, нагруженные дорогимъ имуществомъ Марсіаля, а векселя спряталъ я въ свое платье.

Судномъ, на которомъ я отправился, командовалъ молодой уроженецъ изъ Порто-Рико. Онъ былъ очень мало свѣдущъ въ дѣлѣ мореплаванія, и обыкновенно совѣтовался съ однимъ старымъ опытнымъ негромъ, занимавшимъ въ его экипажѣ мѣсто рулеваго.

Въ моемъ присутствіи вздумалось молодому креолу показать, что онъ самъ мастеръ своего дѣла. Распоряжаясь движеніями корабля, онъ безпрестанно дѣлалъ ошибки, которыя бы смѣшили меня во всякомъ другомъ случаѣ; но я везъ чужое имущество и эти промахи начинали меня серьезно безпокоить. Я мало думалъ о своей собственной жизни, но на этомъ суднѣ были средства будущаго благосостоянія моего зятя и горячо-любимой сестры. Опасенія мои увеличились съ той минуты, какъ благопріятный дотолѣ вѣтеръ сталъ крѣпчать и цвѣтъ неба грозилъ буреи. Прохаживаясь по палубѣ, я случайно прислушался къ разговору матросовъ и узналъ, что дѣло шло несообразно принятому обычаю. Молодой капитанъ удалилъ подъ какимъ-то предлогомъ негра, и матросы явно роптали на такую перемѣну.

Въ числѣ вещей, принадлежавшихъ Монбару, и взятыхъ мною на островѣ Черепахи, была хорошая морская карта и мореходные инструменты. Я рѣшился наблюдать по картѣ путь нашего судна, не довѣряя неопытному его начальнику.

Занятія мои были замѣчены креоломъ, возбудили его негодованіе и онъ косвенно мнѣ его высказалъ. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы подать ему нѣкоторые совѣты, которые убѣдили его, что я ясно вижу полное незнаніе его дѣла. Съ этой минуты онъ сдѣлался ко мнѣ чрезвычайно холоденъ, какъ нарочно, болѣе прежняго ошибался въ управленіи судномъ.

На третій день нашего плаванія, по соображеніямъ моимъ, должны мы были находиться не далеко отъ сѣверо-западнаго берега Порто-Рико, а по мнѣнію капитана мы были еще противъ Монскаго канала. Это раз-

Digitized by Google

ногласіе наше въ мѣстности было причиною того, что не было обращено надлежащаго вниманія на различныя теченія водъ, чрезвычайно разнообразныя по всей сѣверной странѣ Санъ-Доминго.

Къ вечеру вѣтеръ такъ усилился, что надо было убавить паруса; я не удержался и отдалъ по этому случаю нѣкоторыя приказанія. Это сильно затронуло самолюбіе капитана, и ужасно разсердило его. Онъ вышелъ почти изъ себя и грозилъ, что запретъ меня въ каютѣ для избѣжанія моихъ неумѣстныхъ вмѣшательствъ въ распоряженіе его судномъ. Опасаясь исполненія этой угрозы, я скрѣпился и не отвѣтилъ на сдѣланную мнѣ обиду.

Сойдя внизъ, я снова внимательно сталъ дѣлать вычисленія по картѣ. Капитанъ скоро самъ пришелъ ко мнѣ и началъ подсмѣиваться надъ моими претензіями на знаніе мѣстности. Онъ объявилъ мнѣ между прочимъ, что намѣренъ поворотить судно къ Монскому каналу и пройдти черезъ него въ Карибское море. Намѣреніе это было бы удобоисполнимо, если бы мы были противъ канала, но мы уже давно опередили его и при перемѣнѣ направленія судна должны были попасть въ группу Дѣвичьихъ острововъ, самыхъ опасныхъ для хода корабля. По моему мнѣнію лучше всего было искать убѣжища въ какомъ-нибудь заливѣ Порто-Рико, но это мнѣніе возбуждало только смѣхъ креольца.

Взойдя на палубу онъ отдалъ приказаніе для поворота судна, а этотъ поворотъ былъ нашею вѣрною гибелью. Я не выдержалъ, и, догнавши его, закричалъ экипажу:

— Остановитесь, этотъ человѣкъ погубитъ насъ, мы непремѣнно попадемъ на скалы, которыми усѣяны прибрежности Дѣвичьихъ острововъ.

— Схватите этого негодяя! закричалъ капитанъ въ бѣшенствѣ. Свяжите ему руки и заприте въ каюту. Пусть сидитъ онъ тамъ до прибытія нашего къ пристани, а тамъ я съ нимъ раздѣлаюсь за его ослушаніе.

Матросы не торопились исполнять этого приказанія креола, но онъ выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ и направилъ на нихъ его дуло. Эта угроза имѣла свое дѣйствіе, меня связали и спустили въ каюту, гдѣ и заперли.

Часовъ пять пробылъ я въ этомъ постыдномъ положеніи, досада и негодованіе росли во мнѣ по мѣрѣ того, какъ неправильная качка судна и частые толчки доказывали мнѣ, что мы близимся къ нашей гибели.

Вдругъ дверь моей каюты съ шумомъ отворилась и матросы вбѣжали ко мнѣ, громко называя меня по имени. Старый негръ, повредившій себѣ по несчастію ногу, не могъ самъ войдти на палубу, но объя-

Digitized by Google

сиялъ матросамъ опасность судна и совѣтовалъ немедленно отдаться въ мое распоряженіе. Испуганные матросы схватили своего капитана и оттащили въ каюту на мое мѣсто. Меня же вынесли на рукахъ на палубу.

— Спасите насъ!... Спасите, если это еще возможно, кричали матросы.... Приказывайте, что намъ дѣлать! Этотъ злодѣй погубилъ насъ!

Въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ я экипажу наше положеніе, и объявилъ, что спасти судно не имѣю никакой надежды. Вслѣдствіе чего велѣлъ сей-часъ же строить плотъ, на которомъ легче, чѣмъ на лодкахъ, можно было добраться до какой-нибудь отмѣли или до берега.

Работа началась усердно и быстро, и скоро плотъ былъ готовъ.

Опасеніе мое начинало оправдываться: мы уже слышали шумъ волнъ, разбивающихся о прибрежныя скалы.

Рѣшась оставить корабль въ минуту окончательной опасности, я велѣлъ спустить пока плотъ на воду и перенесть на него сколько-нибудь разныхъ съѣстныхъ припасовъ. О выгрузкѣ Монбаровыхъ сокровищъ, по большой ихъ тяжести, я не могъ и думать.

Настала наконецъ рѣшительная минута и я сошелъ вмѣстѣ съ матросами на плотъ. Тутъ вспоминалъ я о запертомъ капитанѣ, но матросы не слушали ни приказаній, ни просьбъ моихъ.

— Онъ виною нашей гибели! кричали они; по его милости, можетъ быть, мы утонемъ или умремъ на скалахъ съ голоду.... Пусть же будетъ онъ первою жертвою причиненнаго имъ несчастія.

— Да! Да!.... пусть онъ погибнетъ!.... кричалъ старый негръ, котораго едва съ трудомъ спустили на плотъ.... Если бы не нога моя, я пошелъ бы сей-часъ въ каюту и убилъ бы его, какъ собаку!

На плоту насъ было восемь человѣкъ. Мы одѣлись въ наши лучшія одежды, не отягощая себя впрочемъ ни чѣмъ излишнимъ, что могло бы помѣшать личному спасенію въ случаѣ гибели плота. Я завернулъ въ кожанный поясъ векселя Марсіаля, сумма которыхъ была достаточна для осуществленія его намѣренія возвратиться въ Европу и жить тамъ въ довольствѣ.

Плотъ двигался не быстро по поверхности воды, и покинутое нами судно скоро опередило насъ. Ночь была свѣтлая, луна освѣщало картину нашей гибели. Совершенная темнота была бы, кажется, сноснѣе въ этомъ случаѣ. Сомнительный свѣтъ луны показывалъ предметы въ какой-то неопредѣленности, и служилъ только для того, чтобы человѣкъ, видя смертельную опасность, перечувствовалъ всѣ ужасы агоніи. Въ темнотѣ по крайней мѣрѣ гибель совершается неожиданно и мгновенно.

Digitized by Google

Мы близились къ берегу, не спуская глазъ съ бѣлой пѣны, окружавшей прибрежныя скалы, какъ вдругъ плотъ нашъ набѣжалъ на большой подводный камень. Послѣдовавшій отъ этаго ударъ разломилъ плотъ на двое: на одной половинѣ остались матросы, а на другой я одинъ. Не долго однакожъ оставался я на обломкѣ плота, новый толчекъ сбросилъ меня въ воду, и я долженъ былъ вплавь добраться до песчанаго берега.

Ставши на ноги, я могъ сообразить обстоятельства нашего кораблекрушенія; судно разбилось о прибрежную скалу на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ того мѣста, гдѣ я находился, но при всемъ усиліи разсмотрѣть, что сдѣлалось съ моими товарищами, я не видалъ никакого слѣда ихъ.

На разсвѣтѣ попробовалъ я взойти на небольшое прибрежное возвышеніе и увидѣлъ не далеко плавающіе обломки плота. По счастію на одномъ изъ нихъ замѣтилъ я часть привязанныхъ съѣстныхъ припасовъ и поплылъ къ нимъ.

На пути моего плаванія встрѣтилъ я три трупа матросовъ, погибшихъ вѣроятно при переломѣ плота. Достигнувъ желаемаго остатка плота, я поплылъ назадъ къ берегу, толкая передъ собою уцѣлѣвшія на немъ средства къ жизни.

Доплывши до берега, я втащилъ на него свою добычу, и, отвязавъ съѣстные припасы, отнесъ ихъ подальше отъ моря и прикрылъ досками. Обезпеченный на нѣсколько дней пищею, углубился я далѣе въ островъ и взошелъ на самую большую возвышенность, чтобы разглядѣть оттуда, гдѣ именно я находился.

Предположенія мои оказались вѣрными, мы были брошены бурею въ средину Дѣвичьихъ острововъ. Тотъ, къ которому пристalъ я, былъ одинъ изъ маленькихъ. Онъ показался мнѣ не болѣе двухъ миль въ окружности. Прочіе острова были разбросаны по Сѣверовосточной и Сѣверозападной сторонѣ моего обиталища и болѣе возвышались подъ водою. Вездѣ между островами были видны скалы, и море, разбиваясь о нихъ, покрывалось бѣлою пѣною.

Спустившись опять на берегъ, и, пройдя нѣкоторое разстояніе около воды, увидѣлъ я тѣла остальныхъ нашихъ матросовъ и между ними трупъ негра. Я одинъ спасся чудеснымъ образомъ отъ потопленія, а, главное, имѣлъ на нѣсколько дней средства къ жизни. По осмотрѣ моемъ оказалось, что у меня еще есть ящикъ бисквитъ, два боченка воды, боченокъ рому, ящикъ вина и большой мѣшокъ съ полотномъ и веревками. Бумаги и векселя Марсіаля были сохранны въ моемъ кожанномъ поясѣ.

Digitized by Google

На другой день вздумалъ я подробнѣе осмотрѣть островъ, на которомъ приходилось мнѣ прожить неизвѣстное время. Самая большая возвышенность была въ серединѣ острова. Туда сначала направилъ я шаги свои. По какому-то инстинкту хотѣлось мнѣ взглянуть прежде на морскую даль, въ смутной надеждѣ увидать какой-нибудь спасительный парусъ, но море было пустынно. Изъ прилежащихъ острововъ одинъ казался болѣе прочихъ. Еще вчера показалось мнѣ, что онъ долженъ быть удобнѣе другихъ для обитанія, а на этотъ разъ къ величайшему моему удивленію увидѣлъ я, что на немъ развѣвался какой-то темный или черный флагъ. Какъ объяснить себѣ присутствіе этаго флага? Служилъ ли онъ сигналомъ какому-нибудь несчастному мореходцу, выброшенному подобно мнѣ на безлюдные острова, или означалъ неизвѣстный мнѣ наблюдательный пунктъ? Нѣсколько разъ возвращался я къ тому мѣсту, съ котораго флагъ былъ видѣнъ и замѣтилъ, что къ вечеру онъ изчезъ съ своего мѣста. На утро флагъ развѣвался снова и это убѣждало меня въ присутствіи живаго существа на островѣ.

Первою мыслію моей было перебраться на этотъ островъ. Обломки плота плавали близъ берега, я взобрался на тотъ изъ нихъ, который показался мнѣ поболѣе и, оттолкнувшись отъ берега, поплылъ по направленію къ большому острову. Мнѣ приходилось проплыть довольно большое пространство и пробираться между островами и скалами. Словомъ, затрудненія въ пути были такъ многочисленны, что, бросивъ плотъ недалеко отъ цѣли моего путешествія, я долженъ былъ броситься въ воду и приплылъ къ острову, когда уже было совершенно темно. Усталость моя была такъ велика, что я почти безъ силъ упалъ на берегъ и сейчасъ же уснулъ. Когда я проснулся, было уже совершенно свѣтло, на возвышенности острова уже развѣвалось черное знамя. На берегу росли кустарники, чинары и рожковыя деревья, я сталъ пробираться между ними. Пройдя довольно пространства, я вдругъ очутился на небольшой площадкѣ, среди которой стояла палатка.

Невольно остановился я и сталъ разсматривать это жилище, какъ вдругъ изъ палатки вышелъ человѣкъ. Сначала, казалось, онъ удивился моему присутствію, но потомъ подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы за мною?

Я не зналъ, что отвѣчать ему, догадывался только, что онъ принимаетъ меня за кого-нибудь другаго.

— У тогововъ погибъ корабль нашъ, сказалъ я наконецъ. Меня прибило къ берегу одного острова, откуда я увидалъ ваше знамя и при-

Digitized by Google

плылъ сюда въ надеждѣ найти, если не помощь, то по крайней мѣрѣ товарища въ несчастіи.

— Очень радъ, отвѣчалъ незнакомецъ. У меня есть еще съѣстныхъ припасовъ на нѣсколько дней, мы ихъ раздѣлимъ.... а когда пріѣдутъ за мною, то возьмутъ и васъ.

— Богъ наградитъ васъ за это!.... вскричалъ я въ порывѣ признательности. Но кто вы? Не морякъ ли? Не Англичанинъ ли?

— Не дѣлайте мнѣ напрасныхъ вопросовъ!.... отвѣчалъ мнѣ незнакомецъ съ нѣкоторою строгостію. Вы просите помощи, вамъ даютъ ее.... Что вамъ за дѣло, отъ кого вы ее получаете?

Я конечно замолчалъ и вошелъ за незнакомцемъ въ его палатку.

Палатка была сдѣлана изъ большаго паруса. Внутри ея стояла койка и большой деревянный сундукъ. Въ углу валялось на землѣ разное оружіе топоръ, короткая сабля, охотничье ружье и тяжелый молотокъ. Въ другомъ углу стояли два боченка; у одного изъ нихъ было пробито дно.

Я разсказалъ хозяину палатки обстоятельства нашего кораблекрушенія, но умолчалъ однако о сокровищахъ, которыя везъ съ собою. Онъ сдѣлалъ мнѣ много вопросовъ объ островѣ Черепахи, и былъ, казалось, очень радъ, что я родственникъ Монбара Истребителя. Разговоры наши продолжались почти до вечера. Я сказалъ ему, что сохранилъ нѣкоторые съѣстные припасы. Онъ былъ этимъ очень доволенъ, потому что, по разсказамъ его, шакалы похитили въ одну ночь большую часть его продовольствія.

Положено было отправиться на другой день къ мѣсту перваго моего пристанища и попытаться приблизиться къ разбитому судну.

Ночь провели мы въ палаткѣ вмѣстѣ. Наразсвѣтѣ немного поѣли и отправились къ берегу, у котораго была привязана лодка незнакомца.

Пользуясь различными теченіями, мы не болѣе какъ въ пять часовъ доѣхали до острова. Хозяину палатки было особенно пріятно увидать между моими припасами боченокъ рома. Запасы эти были перенесены въ лодку и возвратное путешествіе совершенно было благополучно.

Я никакъ не могъ составить себѣ вѣрнаго понятія о моемъ новомъ знакомомъ. Онъ никогда не говорилъ ни слова о томъ, что касалось до него лично, никогда не выражалъ, подобно мнѣ, желанія увидѣть приближающійся парусъ. Онъ не отвѣчалъ мнѣ даже на вопросъ о томъ, давно ли и какъ попалъ онъ на этотъ островъ.

Болѣе всего возбуждало мое любопытство это знамя, распускаемое по утрамъ и свертываемое вечеромъ. Оно было чернаго цвѣта, но имѣло въ серединѣ какія-то бѣлыя изображенія. Мнѣ ужасно хотѣлось узнать

Digitized by Google

тайну этого знамени, подобно вамъ, любезный Кобсъ, при первой нашей встрѣчѣ.

Соединенныхъ припасовъ должно было хватить намъ на довольно долгое время; но мнѣ хотѣлось найти какой-нибудь предлогъ для осмотра разбитаго судна, въ которомъ были довѣренныя мнѣ богатства и я объявилъ своему хозяину, что желалъ бы доѣхать до мѣста кораблекрушенія и попытаться отыскать себѣ какое-нибудь платье.

Я очень бы желалъ отправиться туда одинъ, но трудность переправы требовала необходимо товарища. Товарищъ же мой былъ человѣкъ сильный, и казался привычнымъ къ дѣлу мореплаванія. Вслѣдствіе этихъ соображеній я пригласилъ его мнѣ сопутствовать въ надеждѣ, что какъ-нибудь, незамѣченный имъ, я смогу осмотрѣть то, что меня интересовало.

Въ одно утро мы отправились. Путешествіе наше совершилось по безчисленнымъ теченіямъ, безпрестанно смѣнявшимся между островами и скалами и только къ полудню увидѣли мы разбитое судно. Оно не все погрузло. Пробитое подводною скалою, на которую бросило ее вѣтромъ, оно потонуло только переднею частію. а задняя часть оставалась надъ водою.

Подъѣхать въ лодкѣ къ самому судну было невозможно по причинѣ подводныхъ камней, и мы пустились къ нему вплавь. Грустно было мнѣ приближаться къ палубѣ погибшаго корабля. Мнѣ невольно представилось, что такъ недавно были на ней молодые, сильные люди, и всѣ они погибли по невѣжеству одного безумца.

Товарищъ мой зналъ о моемъ родствѣ съ Монбаромъ и о томъ, что я ѣздилъ по дѣламъ на островъ Черепахи. Не знаю, что заключилъ онъ изъ этого, но осмотръ, дѣланный имъ погибшему судну, былъ чрезвычайно подробный и обличалъ не одно простое любопытство. Онъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ о грузѣ судна, но, видя, что я отвѣчаю ему неопредѣлительно, сталъ показывать, что это нисколько его не интересуетъ. Онъ вошелъ въ одну изъ каютъ, которая не была залита водою, а я воспользовался этимъ временемъ и подплылъ къ передней части корабля, желая увидѣть, нельзя ли спасти что-нибудь изъ потонувшаго груза. При возвратѣ набѣгавшихъ волнъ я увидалъ верхнія части боченковъ, но не былъ убѣжденъ, что это были именно тѣ, въ которыхъ лежали мои піастры. Я могъ бы добраться до нихъ и разрѣшить мое недоумѣніе, но, опасаясь возбудить какія-нибудь подозрѣнія въ моемъ товарищѣ, я отложилъ это намѣреніе до другаго путешествія, которое думалъ совершить одинъ. Войдя въ каюту, я нашелъ моего хозяина передъ отысканнымъ имъ боченкомъ рома и почти мертво пьянаго.

Digitized by Google

Наступила ночь, погода была довольно тихая и мы могли безопасно дождаться утра въ каютѣ разбитаго судна. Потонувшее имущество Марсіаля безпрестанно приходило мнѣ въ голову, и мнѣ казалось, что съ помощію искусныхъ пловцовъ и нырятелей можно вытащить потонувшія сокровища. Когда удастся мнѣ это сдѣлать?... И удастся ли? Я не зналъ этого. Не зналъ даже и того, какъ и когда освобожусь я отъ грустнаго заключенія на островѣ. Впрочемъ какое-то предчувствіе говорило мнѣ, что товарищъ мой разсчитываетъ на скорое освобожденіе.

Его безпечность и спокойствіе среди безотраднаго одинокаго существованія, ежедневно выставляемое знамя, невольно убѣждали меня въ справедливости моего предположенія.

Съ разсвѣтомъ дня оставили мы корабль и перенесли на лодку многія отысканныя нами вещи и припасы.

Товарищъ мой имѣлъ обыкновеніе отправляться каждое утро на охоту, и часто просыпался я, уже не видя его въ палаткѣ.

Однажды проснувшись позже обыкновеннаго, замѣтилъ я какой-то безпорядокъ въ нашемъ жилищѣ. Оружіе, молотокъ и многія другія вещи, которыя я привыкъ ежедневно видѣть, куда-то изчезли. Я вышелъ изъ палатки, и къ удивленію моему не увидалъ чернаго флага. Это обстоятельство чрезвычайно смутило меня и невольно бросилъ я взглядъ на море. Вдали показался мнѣ парусъ, но я не могъ еще различить его направленія, приближался ли онъ къ берегу, или удалялся отъ него. Скоро однако стало мнѣ очевидно, что парусъ удаляется.

Я побѣжалъ на берегъ, гдѣ была привязана лодка, она была на своемъ мѣстѣ. Вѣроятно, подумалъ я, усмотрѣнный мною корабль не подходилъ къ островамъ, а товарищъ мой далеко зашелъ куда-нибудь. — Подожду!

И я ждалъ, но ждалъ напрасно, наступилъ вечеръ, потомъ ночь, и я убѣдился, что оставленъ одинъ на островѣ. Я впалъ въ страшное отчаяніе. Да, другъ мой Кобсъ, ужасное чувство, знать, что у тебя три милліона за поясомъ и что ты покинутъ на необитаемомъ островѣ. Какъ длинны казались мнѣ дни и ночи! Разсказать, что перечувствовалъ я въ это время, невозможно. Я считалъ себя осужденнымъ на голодную смерть, думалъ о Марсіалѣ, о сестрѣ, которые никогда не узнаютъ о мѣстѣ моей погибели.

Восемь дней провелъ я въ такомъ положеніи, но, находя наконецъ его невыносимымъ, и не надѣясь ни на какую постороннюю помощь, я рѣшился на отчаянное средство къ спасенію. Я понималъ, что смерть была для меня неизбѣжна, такъ ужъ лучше было утонуть, оставивши

Digitized by Google

островъ, нежели умереть на немъ съ голода. — Лодка, оставшаяся въ моемъ распоряженіи была довольно крѣпка. Я вырылъ столбъ, на которомъ незнакомецъ вывѣшивалъ флагъ свой, и устроилъ изъ него нѣчто въ родѣ мачты. Изъ палатки вырѣзалъ большой кусокъ на парусъ, и, перепесши въ лодку оставшуюся провизію, отчалилъ отъ острова.

Сѣвернымъ вѣтромъ понесло меня къ югу и при соблюденіи этого направленія я долженъ былъ рано или поздно пристать къ Антильскимъ островамъ.

Въ продолженіи дня плылъ я по вѣтру, а на ночь спиналъ парусъ и ложился спать.

Такъ прошло много дней и много ночей. Дни проходили въ сіяющихся надеждахъ и безнадежности, а ночи въ разнообразныхъ страшныхъ снахъ, которые стали для меня такъ тягостны, что я боялся засыпать, но не могъ не уступать природной потребности.

Не буду подробно разсказывать этого путешествія, скажу только, что черезъ пять дней послѣ отплытія изъ острова увидѣлъ я что-то на горизонтѣ, показавшееся мнѣ землею. Уже нѣсколько разъ и прежде случалось мнѣ видѣть подобное, но обманчивые миражи изчезали при напряженномъ взглядѣ, а на этотъ разъ я не ошибался. Къ полудню видъ горъ и даже лѣса, на нихъ росшаго, сдѣлался для меня довольно ясенъ. Къ вечеру я былъ уже не болѣе шести миль отъ берега. Послѣдній разъ снялъ я свой парусъ и заснулъ, уже не видя изнурявшихъ меня страшныхъ сновъ. Проснулся я ранѣе обыкновеннаго.

Когда бы вы знали, другъ Кобсъ, какъ пріятно, какъ утѣшительно сладко было мнѣ вглядываться въ приближающійся берегъ!... Силенъ долженъ быть инстинктъ къ жизни, чтобы пораждать въ насъ такія восторженныя ощущенія....

Одно ли это удовольствіе жизни или радость при мысли о свиданіи съ близкими сердцу? Не знаю, только никакое чувство не можетъ сравниться съ тѣмъ, что ощущалъ я въ то время. Я почти задыхался отъ сильнаго біенія сердца и плакалъ самыми сладкими слезами.

Островъ, къ которому плылъ я, былъ островъ Сен-Христофъ. Мнѣ были уже видны обработанныя поля, сады, домики и толпа народа, собравшаяся на берегу. Вѣроятно ихъ удивило, какъ простая лодка могла очутиться въ открытомъ морѣ. Мнѣ махали шестами, указывая мѣсто, гдѣ можно было причалить.

Когда я вышелъ на берегъ, меня окружили негры, и старшіе изъ нихъ закидали меня вопросами. Я въ короткихъ словахъ удовлетворилъ ихъ любопытство, и узналъ отъ нихъ въ свою очередь, что мнѣ было

Digitized by Google

Я приплылъ, какъ и предполагалъ, къ острову Сен-Христофу. Поля и лѣса по берегу принадлежали богатому Англійскому плантатору Вильгельмсону.

По знаку негра, казавшагося начальникомъ, поднесли ко мнѣ носилки и я отправился во внутренность острова.

Жилище плантатора было довольно далеко отъ берега, прошло нѣсколько часовъ, прежде нежели мы его достигли. Нѣсколько разъ проходили мы мимо большихъ строеній, занимаемыхъ сахарнымъ и другимъ производствами, и наконецъ вышли на поляну, по которой текла свѣтлая рѣчка, отѣненная прекрасными чинарами. Меня попросили сойдти съ носилокъ и посадили въ маленькую лодку. Проѣхавши небольшое пространство между очаровательными садами, приблизились мы наконецъ къ жилищу плантатора.

Увѣдомленный черными служителями плантаторъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу и принялъ меня чрезвычайно радушно. Я разсказалъ ему грустную повѣсть послѣднихъ дней моихъ, объявивъ мое имя и званіе. Несчастія мои были выслушаны имъ съ большимъ участіемъ, и онъ настоятельно просилъ меня погостить у него нѣсколько дней. Не смотря на все мое желаніе скорѣе увидѣться съ родными, я не могъ отказаться отъ такого дружескаго приглашенія.

— Весь домъ мой къ вашимъ услугамъ, говорилъ Вильгельмсонъ. Я, жена и дочь постараемся заставить васъ сколько-нибудь позабыть то, что перенесли вы.

Я поблагодарилъ добраго хозяина и отправился въ отведенную мнѣ комнату. Мнѣ принесли туда платье, и всѣ принадлежности туалета, которымъ я занялся тщательно, припоминая слова плантатора, доказывавшія присутствіе женщинъ въ домѣ.

За обѣдомъ я былъ представленъ женѣ и дочери г. Вильгельмсона.

Жена его была одна изъ тѣхъ креолокъ, у которыхъ красота и огонь глазъ не легко поддаются дѣйствію лѣтъ. Дочь, дѣвушка лѣтъ шестнадцати, была собой очаровательна. Дамы приняли меня тоже очень любезно.

Съ наступленіемъ прохладной ночи вышли мы на терасу и долго разговаривали. Я сказалъ между прочимъ о моемъ намѣреніи переселиться скоро въ Европу. Плантаторъ признался мнѣ, что это было и его давнишнее желаніе, особенно желаніе жены его, что время переселенія зависитъ отъ посѣщенія одного богатаго владѣльца, которому онъ надѣется продать свою землю и заведенія.

Я разсказалъ моему доброму хозяину причину моей поѣздки на островъ Черепахи и то, что сохранилъ въ поясѣ векселя Марсіаля, и то,

Digitized by Google

что надѣялся на спасеніе имущества потонувшаго. Онъ принялъ во всемъ этомъ большое участіе и предлагалъ мнѣ пособіе людей своихъ.

Еще день пробылъ я въ домѣ г. Вильгельмсона, вечеромъ простился съ его женой и дочерью, а на утро отправился на южный берегъ острова, гдѣ надѣялся найдти корабль для переѣзда на островъ Барбадъ. Плантаторъ очень великодушно предложилъ мнѣ золото, необходимое для переѣзда.

V.

Свиданіе мое съ Марсіалемъ и сестрою заставило меня позабыть приключенія моего путешествія, которыя однако передалъ я имъ въ подробности.

Марсіаль смѣялся надо мною, что я не угадалъ, кто былъ товарищъ мой на островѣ.

— Это былъ капитанъ, Желѣзная рука, сказалъ онъ мнѣ. Тебѣ самому разсказали на островѣ о его заточеніи. Черный флагъ, который такъ интриговалъ тебя, есть не что-иное, какъ флагъ его корабля, называемаго безпощаднымъ. Вѣроятно за нимъ прибылъ корабль очень рано, и онъ не разсудилъ тебя взять съ собою. Почему? Рѣшить трудно. Можетъ быть узнаемъ мы это въ будущемъ.

— Желѣзная Рука! вскричалъ я съ удивленіемъ — конечно я долженъ былъ догадаться. Я припоминаю теперь этотъ страшный молотокъ. Желѣзная Рука! Почему же не хотѣлъ онъ мнѣ открыть своего имени? Для чего такая осмотрительность со мною послѣ почти полной моей откровенности?...

Мы рѣшили оставить какъ можно скорѣе Борбадъ и, такъ какъ купеческіе корабли просили съ насъ очень дорого за переправу, то мы возобновили принадлежавшій Марсіалю кутеръ и пустились на немъ въ море.

Мы распорядились нашимъ путешествіемъ такъ, что прежде всего должны были заѣхать къ Дѣвичьимъ островамъ и постараться достать изъ воды потонувшее имущество.

Черезъ нѣсколько дней достигли мы острова Сен-Христофа, но по случаю тиши простояли дня два на одномъ мѣстѣ. Въ ожиданіи вѣтра, взбирался я часто на мачту, чтобы выглядѣть гдѣ-нибудь на горизонтѣ облако, и въ одно изъ такихъ восхожденій замѣтилъ я на морѣ черную точку, а по внимательномъ осмотрѣ увидѣлъ, что это была лодка, и въ

Digitized by Google

Кутеръ Марсіаля дождался наконецъ попутнаго вѣтра, и, правя къ мѣсту кораблекрушенія, скоро приблизился къ желаемымъ островамъ.

Каково жъ было удивленіе экипажа, когда онъ увидѣлъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ погибло судно, стоящій бригъ, распускающій паруса свои.

— Мы ограблены! вскричалъ Максвель (имя краснаго лоцмана).

— Я это предчувствовалъ, сказалъ Марсіаль. Это дѣло Желѣзной Руки, онъ не Флибустьеръ, онъ просто морской разбойникъ!

— Негодяй!... вскричалъ Максвель съ негодованіемъ. Надо остановить его и отнять наши сокровища. Злодѣй думаетъ, что я умеръ съ голоду на островѣ, онъ не ожидаетъ, что приближается его мститель! Марсіаль, надо остановить его!

— Къ несчастію это невозможно! отвѣчалъ мнѣ прежній начальникъ Флибустьеровъ. Бригъ его хорошо вооруженъ и имѣетъ большой экипажъ. Силы наши не равны. Намъ могла бы помочь одна хитрость, но что мы сдѣлаемъ?

Мы опоздали. Надо покориться судьбѣ и отправляться въ Европу. Мы все-таки довольно богаты, чтобы жить въ довольствѣ.

Лишенные значительной части богатствъ своихъ, мы завернули въ Порто-Рико, чтобы пополнить экипажъ нашъ, и тутъ-то познакомились мы съ вами, другъ Кобсъ, и взяли васъ на нашъ кутеръ.

VI.

Пополнивши экипажъ свой въ Порто-Рико, Максвель и Марсіаль отправились въ Европу. — Погода была благопріятная плаванію. Елена и Фанелли, дочь несчастнаго плантатора, ухаживали за г-жею Вильгельмсонъ, которая не могла поправиться со смерти своего мужа. Бывшій на кораблѣ докторъ подавалъ мало надежды на ея выздоровленіе.

Фанелли подружилась съ Еленою, и Марсіаль рѣшилъ въ душѣ своей оставить эту дѣвушку при себѣ, если судьба оставитъ ее сиротою.

По вечерамъ, особенно когда г-жа Вильгельмсонъ успокоивалась, молодыя женщины всходили на палубу, наслаждались прохладнымъ воздухомъ и слушали разсказы матросовъ.

Максвель и Марсіаль занимались планами своей будущности.

Прежде всего хотѣли они заѣхать въ Антверпенъ, и получить по векселямъ деньги, потомъ, не будучи въ силахъ забыть грабежа Желѣзной Руки, намѣрены они были вооружить хорошій бригъ и дождаться съ нимъ близъ береговъ Голландіи прибытія морскаго разбойника. О цѣли его путешествія узнали они въ Порто-Рико.

Digitized by Google

На пятнадцатый день плаванія Фанелли оспротѣла. Слабѣвшая со дня на день мать ея умерла.

Кобсъ занялся ея похоронами, и, привязавши ядро къ ногамъ умершей, осторожно столкнулъ трупъ въ море.

Велика была горесть бѣдной дочери, но она была нѣсколько приготовлена къ этому печальному событію продолжительной болѣзнію умершей. Елена не отходила отъ нея и утѣшала ее чѣмъ могла. Молодость и здоровье взяли верхъ надъ горемъ, и скоро хорошенькая Фанелли перестала плакать безутѣшно. Она была еще задумчива, но можно было надѣяться, что исчезнутъ наконецъ и эти слѣды печали.

Намѣренія Марсіаля и Максвеля касательно отищенія Желѣзной Руки все болѣе и болѣе укрѣплялись. Одно только было непріятно имъ, что мщеніе не могло совершиться скоро по пріѣздѣ ихъ въ Европу. Въ Порто-Рико сказали имъ, что начальникъ Флибустьеровъ долженъ объѣхать многія конторы прежде, чѣмъ попадетъ въ Голландію.

Между разговорами о Желѣзной Рукѣ вспомнилъ Максвель о его странномъ черномъ флагѣ, и спросилъ Марсіаля, не имѣетъ ли этотъ флагъ какого-нибудь особеннаго значенія.

— О, да! сказалъ Марсіаль, этотъ флагъ имѣетъ важное значеніе. По статутамъ общества Флибустьеровъ, тотъ, кто получаетъ его для своего корабля, даетъ клятву умереть или побѣдить, когда онъ выкинутъ на мачтѣ. По этому-то его выкидываютъ въ крайнихъ случаяхъ. Флагъ этотъ дается только четверымъ главнымъ начальникамъ общественаго флота. Онъ называется безпощаднымъ. Я имѣлъ тоже такой флагъ на кораблѣ своемъ, и сохранилъ его до сихъ поръ. У Флибустьеровъ существуетъ обычай, чтобы умершаго капитана хоронили обернутаго въ флагъ его.

— Но что значатъ эти бѣлыя буквы, по немъ разбросанныя?

— Вы сейчасъ поймете ихъ.

Марсіаль велѣлъ принести флагъ свой, и его разостлали на палубѣ.

— Прежде, началъ Марсіаль, на черномъ полѣ изображали четыре мертвыя головы, а послѣ эти изображенія замѣнили девизомъ. Буквы, составляющія девизъ, вырѣзываются и въ безпорядкѣ разбрасываются по флагу. Эти буквы составляютъ слова: безъ пощады. Появленіе этого флага на мачтѣ нашего корабля наводило всегда ужасъ на корабли испанскіе, и это дѣйствіе флага часто помогало нашимъ успѣхамъ.

— Но какія это еще пятна виднѣются на немъ? спросилъ Максвель.

— Это кровь моя, отвѣчалъ бывшій начальникъ Флибустьеровъ. Есть обыкновеніе, что если капитанъ раненъ во время битвы, то этимъ флагомъ отираютъ кровь его раны. — Иногда, впрочемъ очень рѣдко, ка-

Digitized by Google

питаны завѣщаютъ кому-нибудь флагъ свой, какъ залогъ мщенія. Исполненіе этого завѣщанія считается у Флибустьеровъ обязанностію.

— Ну, кажется, вашъ флагъ не будетъ имѣть подобной судьбы, сказалъ Максвель.

— Какъ знать? Если мы встрѣтимся съ Желѣзною Рукою, и если онъ будетъ намъ противиться.... этотъ флагъ распустится еще разъ на моей мачтѣ, а можетъ быть....

— Не договаривайте, Марсіаль, перебилъ Максвель: такой разбойникъ не достоинъ этой чести.

— Во всякомъ случаѣ, продолжалъ Марсіаль, если этотъ флагъ будетъ развиваться надо мною, погибшимъ въ битвѣ, я завѣщаю его вамъ, Максвель, оботрите имъ капли крови моей послѣдней раны, и потомъ оправдайте девизъ его.

Слова эти были сказаны съ какою-то грустію и Максвель поторопился спрятать флагъ и перемѣнить разговоръ.

Однажды Фанелли оставалась на палубѣ, вдыхая пріятную вечернюю прохладу. Максвель, случившійся тутъ по службѣ, подошелъ къ ней и сѣлъ съ нею рядомъ.

— Черезъ сколько дней, думаете вы, пріѣдемъ мы въ Англію? спросила дѣвушка.

— Дней черезъ десять или двѣнадцать, отвѣчалъ капитанъ, если только простоитъ такая погода. Вамъ, вѣроятно, прибавилъ онъ, очень хочется побывать въ неизвѣстной еще вамъ Европѣ.

— Это было самое горячее мое желаніе прежде.... Но теперь могу ли я отдать какой-нибудь странѣ преимущество? грустно проговорила молодая креолка.

— Вы должны предпочесть ту страну, говорилъ нѣжно Максвель, въ которой будутъ жить существа васъ любящія.... Развѣ вы не считаете насъ спутниками вашей жизни?... вашего счастія?

— Моего счастія?... Какъ будто есть на землѣ счастіе для осиротѣвшей дѣвушки!..

— На землѣ есть для каждой дѣвушки защитникъ, другъ и покровитель.... это.... мужъ....

— Мужъ!... не говорите этого, Максвель, печаль моего сердца слишкомъ велика, чтобы я могла подумать о радости въ будущемъ.

Сказавши это, Фанелли удалилась съ палубы.

Максвель задумался, обратился съ вопросомъ къ своему сердцу, и увидѣлъ, что оно любитъ эту дѣвушку.

Digitized by Google

— Я женюсь на ней, сказалъ самъ себѣ Максвель, проведя болѣе половины ночи въ глубокомъ размышленіи.... Она бѣдна, я доставлю ей богатства; она одна въ этомъ мірѣ, мы примемъ ее въ нашу семью и будемъ любить какъ родную.

— Елена!... сказалъ онъ на другой день сестрѣ своей. Я люблю Фанелли и хочу ввести ее въ наше семейство. Поговори съ ней объ этомъ, узнай ея ко мнѣ чувства, и постарайся, чтобы она поскорѣе меня осчастливила.

— Положеніе Фанелли требуетъ осторожности въ подобныхъ вопросахъ, отвѣчала Елена, но ты знаешь, какъ дорого мнѣ твое счастіе, и я сдѣлаю все, что будетъ отъ меня зависѣть.

Нѣсколько дней спустя Максвель опять сошелся съ Фанелли на палубѣ, и разговоръ ихъ былъ вѣроятно очень интересенъ, потому что они не слыхали звонка, призывавшаго къ ужину.

— Она любитъ меня! говорилъ въ тотъ же вечеръ морякъ Марсіалю. Я женюсь на ней по пріѣздѣ нашемъ въ Англію.

— И прекрасно!... отвѣчалъ Марсіаль, а приданое ей добудемъ мы на бригѣ ограбившаго насъ разбойника.

Кутеръ подвигался впередъ, благодаря попутному вѣтру. Максвель съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе влюблялся въ свою невѣсту. Марсіаль мечталъ объ отищеніи Желѣзной Рукѣ, а старикъ Кобсъ молчаливо жилъ надеждою—отыскать когда-нибудь своего сына Петерса.

Фанелли въ самомъ дѣлѣ любила Максвеля, человѣка молодаго, собой красиваго, съ прекраснымъ характеромъ и доброю, благородною душою. Нѣжное участіе, принятое имъ въ ихъ ужасномъ положеніи при жизни ея матери, и родственныя ласки послѣ этой катастрофы были не малою причиною развитія этого чувства.

Встрѣча съ Желѣзною Рукою уже не казалась Максвелю такимъ счастливымъ событіемъ, какъ прежде.

— Если меня убьютъ, говорилъ самъ себѣ Максвель, я чувствую, что мнѣ будетъ тяжело разставаться съ жизнію. Ужели любовь уменьшаетъ храбрость? видно такъ.

Между тѣмъ время шло, и наши путешественники приближались къ Европѣ. Каждое утро старикъ Кобсъ взбирался самъ на верхъ мачты, чтобы увидѣть дальній берегъ, и наконецъ ему первому удалось возвѣстить о видимости земли.

Усмотрѣнная земля были острова Шили, разсѣянные въ прибрежностяхъ Англіи и отдѣляющія Ламаншскій проливъ отъ канала Бристольскаго.

Максвель направилъ корабль свой къ проливу, и черезъ нѣсколько дней путешественники наши прибыли въ Антверпенъ.

Digitized by Google

Іоаннъ де-Виттъ принялъ ихъ очень благосклонно и сей-часъ уплатилъ сполна по векселямъ, даннымъ на имя общества Флибустьеровъ.

Въ голландской пристани замѣтилъ Максвель красивый бригъ, вооруженный осьмнадцатью пушками, на которомъ можно было помѣстить человѣкъ пятьдесятъ экипажа. — Найдя его чрезвычайно удобнымъ для исполненія своихъ предпріятій касательно Желѣзной Руки, Максвель купилъ его у де-Витта. Марсіаль съ женой, Максвель и Фанелла перешли на новокупленный корабль, а кутеръ остался подъ управленіемъ Кобса.

Нѣсколько дней спустя, оба судна бросили якорь въ Плимутской гавани.

По выходѣ на берегъ, Максвель занялся отысканіемъ дома для помѣщенія дамъ своихъ. Послѣдними было объявлено намѣреніе поселиться окончательно на островѣ Герсенеѣ, а пребываніе въ Плимутѣ объяснено необходимостію заняться дѣлами, касающимися будущаго общаго спокойствія. О намѣреніи братьевъ, дождаться пирата и вступить въ бой съ нимъ, женщины ничего не знали.

Истинная же цѣль промедленія въ Плимутѣ состояла въ томъ, чтобы набрать достаточный и надежный экипажъ для новокупленнаго брига.

Вербовка матросовъ была возложена на Кобса, и онъ охотно занялся этимъ дѣломъ, все еще надѣясь какъ-нибудь встрѣтить своего сына.

Ему почему-то казалось, что Петерсъ сдѣлался непремѣнно морякомъ. Посѣщая таверны, служившія прибѣжищемъ матросамъ, неимѣвшимъ мѣста, старикъ Кобсъ внимательно всматривался въ каждаго молодца, казавшагося ему лѣтъ двадцати пяти отъ роду, и заговаривалъ о Петерсѣ. Онъ довѣрилъ свою тайну нѣкоторымъ изъ содержательницъ тавернъ, и обѣщалъ щедрую награду въ случаѣ успѣха; но Петерса нигдѣ не оказывалось.

Между тѣмъ формирующійся экипажъ брига съ каждымъ днемъ увеличивался. Кобсъ заманивалъ матросовъ обѣщаніями богатой добычи, которая несомнѣнно получится при первой экспедиціи, и выбиралъ людей молодыхъ, сильныхъ и способныхъ на отчаянныя предпріятія. Вербовка эта происходила довольно тайно; о ней не только не знало правительство, но и сами матросы скрывали другъ отъ друга условія, заключенныя съ Кобсомъ поодиночкѣ.

По плану, окончательно принятому Максвелемъ и Марсіалемъ, кутеръ долженъ былъ сопутствовать бригу, и оба судна должны были крейсировать въ проливѣ въ ожиданіи Желѣзной Руки. Замѣтя врага, они должны были соединиться и дѣйствовать за-одно.

Черезъ два мѣсяца все было готово, и корабли получили новыя названія. Бригъ былъ названъ Фанелли, а кутеръ Анакрити.

Digitized by Google

Чтобы удалить женщинъ отъ мѣста ожидаемой борьбы, Марсіаль предложилъ отвезти ихъ на островъ Герсеней, а самъ онъ намѣренъ былъ вернуться къ остающемуся ожидать его Максвелю и сдѣлать послѣднее необходимое путешествіе къ островамъ Акорскимъ.

Старикъ Кобсъ назначенъ былъ въ число экипажа брига и отправился съ Марсіалемъ.

Два черезъ три Марсіаль вышелъ на берегъ острова Герсенея съ женою и невѣстой Максвеля. Устроивъ имъ на островѣ покойное жилище, онъ поплылъ обратно въ Плимутъ.

Для поѣздки на островъ взята была на бригъ только половина набраннаго экипажа, чтобы числомъ матросовъ не возбудить какого-нибудь подозрѣнія въ женщинахъ. Остальная половина должна была сѣсть на корабль по возвращеніи его въ Плимутъ.

Дорогою Марсіаль убѣдился, что бригъ его имѣлъ быстрый и легкій ходъ, а экипажъ, хотя и неполный, работалъ дружно, старикъ Кобсъ исполнялъ съ честію должность рулеваго. Все это давало Марсіалю основательныя надежды одержать верхъ надъ ожидаемымъ имъ грабителемъ.

Не болѣе, какъ за двадцать или пятнадцать миль отъ береговъ Англіи вѣтеръ сталъ стихать, и стихъ наконецъ совершенно. Бригъ пересталъ подаваться впередъ, и это обстоятельство чрезвычайно досадовало капитана, желавшаго какъ можно скорѣе соединиться съ Максвелемъ и начать крейсированіе.

Тишь простояла цѣлыя сутки, на утро другаго дня показался на горизонтѣ корабль, но по дальнему разстоянію не было средства разсмотрѣть его. Къ вечеру поднялся вѣтеръ, и бригъ Марсіаля двинулся по своему направленію. Ночью вѣтеръ усилился, и Марсіаль, не желая подходить слишкомъ близко къ берегу, уменьшилъ паруса. Прошло около часу самаго медленнаго движенія брига, какъ старикъ Кобсъ объявилъ Марсіалю, что къ нимъ приближается корабль, держась одного съ ними направленія.

Марсіаль хотѣлъ уже распустить паруса, чтобы не столкнуться съ незваннымъ сосѣдомъ, но приблизившійся корабль легъ въ дрейфъ и остановился на пистолетный выстрѣлъ отъ брига.

На этомъ разстояніи легко было увидѣть, что это былъ тоже бригъ.

До разсвѣта матросы обоихъ кораблей внимательно всматривались другъ въ друга. Но при первыхъ мерцаніяхъ утра Марсіаль и Кобсъ вскричали въ одинъ голосъ:

— Это Желѣзная Рука!

— Это бригъ Желѣзной Руки!

Digitized by Google

Марсіаль видѣлъ этотъ бригъ у Дѣвичьихъ острововъ, а Кобсъ въ гавани Порто-Рико. — Оба они были увѣрены, что не ошибаются, но оставалось еще послѣднее испытаніе. Надо было выкинуть на Фанелли флагъ и заставить другой бригъ отвѣтить такою же морскою учтивостію. На Фанелли выкинули англійскій флагъ, на мачтѣ брига явился флагъ съ двумя крестами — краснымъ и желтымъ.

— Это онъ! вскричалъ Марсіаль. Это флагъ свободнаго общества Флибустьеровъ. Но зачѣмъ идетъ онъ въ Плимутъ, а не въ Антверпенъ? Что̀ предпринять намъ?

— Да, отвѣчалъ Кобсъ; мудрено на что-нибудь рѣшиться. На бригѣ не видать пушекъ, но экипажъ его многочисленъ.

— Одинъ день! еще одинъ день! говорилъ Марсіаль, и эта встрѣча была бы торжествомъ нашимъ.... Неужели этотъ разбойникъ уйдетъ отъ насъ и всѣ наши планы рушатся!....

— Но что же дѣлать? спрашивалъ Кобсъ.

— Что̀ дѣлать!... Что̀ дѣлать! Броситься къ нему на палубу.... а если мы его упустимъ....

— Я не прочь отъ этого.... но не лучше ли пустить въ него прежде парочку-другую ядеръ?

— На сколько пушекъ взято съ нами зарядовъ?

— На пять.

— Мало. Да и выстрѣлы могутъ быть услышаны какимъ-нибудь кораблемъ.... Холоднымъ оружіемъ дѣйствовать вѣрнѣе; но не мало ли у насъ народа?...

— Что же дѣлать? повторялъ Кобсъ.

Оба брига лежали въ дрейфѣ.

— Собрать экипажъ подъ палубой!.... сказалъ Марсіаль послѣ нѣкотораго молчанія. Я поговорю съ матросами.

— За экипажъ я вамъ отвѣчаю, говорилъ Кобсъ, эти молодцы полѣзутъ въ огонь и въ воду.

Черезъ нѣсколько минутъ двадцать шесть человѣкъ, составлявшихъ экипажъ Фанелли, стояли передъ Марсіалемъ въ нижней залѣ.

— Друзья мои! сказалъ Марсіаль, мы находимся въ критическомъ положеніи. Выслушайте меня внимательно. Приглашая васъ на корабль мой, Кобсъ говорилъ вамъ, что мы имѣемъ въ виду самую выгодную экспедицію. Теперешнее наше плаваніе предпринялъ я съ цѣлію испытать ходъ корабля. Мы должны были вернуться въ Плимутъ, пополнить экипажъ и начать задуманное мною дѣло. Но вдругъ противъ всякаго ожиданія бригъ, составлявшій цѣль нашей будущей экспедиціи, является подлѣ насъ.

Digitized by Google

Если мы упустимъ его, прощай добыча. — Бригъ, о которомъ я говорю вамъ, лежитъ рядомъ съ нами въ дрейфѣ.

— Такъ зачѣмъ же прощаться съ добычей? сказалъ одинъ изъ матросовъ.

— Бригъ этотъ, продолжалъ Марсіаль, принадлежитъ пирату.

— Пирату! вскричали почти въ одинъ голосъ матросы: — не надо упускать его!

— Постойте!... Дослушайте меня. Этотъ пиратъ, зная, что огромныя принадлежащія мнѣ богатства находились на одномъ потонувшемъ кораблѣ, выгрузилъ ихъ себѣ почти передъ нашими глазами. Этотъ пиратъ не щадитъ ни стариковъ, ни женщинъ.... Онъ обезчестилъ или флибустьеровъ, онъ....

— Приказывайте, капитанъ! вскричали матросы, не ожидая окончанія рѣчи Марсіаля.

— Я былъ намѣренъ раздать милліонъ моему экипажу по овладѣніи этимъ бригомъ, сказалъ Марсіаль въ заключеніе своей рѣчи.

— Милліонъ!...

— Да, милліонъ, друзья мои.... Въ каютѣ брига на шесть милліоновъ моей собственности.

— Нѣтъ!... не пускать его! кричали матросы.

— Надо вспрыгнуть на бортъ его и ощупать его карманы.

— Надо, надо....

И всѣ говорили вдругъ, показывая самую полную готовность къ битвѣ.

— Я согласенъ съ вами, сказалъ Марсіаль, но испытаемъ сначала хитрость. Спрячемъ подъ платье оружіе и сядемъ человѣкъ восемь въ лодку. Капитанъ брига подумаетъ, что я ѣду къ нему изъ учтивости. Войдя на корабль, я попрошу его удѣлить мнѣ воды. Онъ долженъ будетъ послать человѣкъ пять за бочонкомъ. А между тѣмъ я предложу ему въ подарокъ водки и крикну Кобсу, чтобы онъ привезъ ее. Тогда Кобсъ возметъ еще человѣкъ десять, также вооружитъ ихъ и пріѣдетъ ко мнѣ. Когда мы соберемся, я размозжу голову капитану изъ пистолета, а каждый изъ васъ бросится на своего сосѣда съ кинжаломъ, чтобы поберечь пули для остальнаго экипажа. Согласны ли вы на это?

— Согласны!... Мы всѣ согласны! кричали матросы.

— Я ѣду съ вами, капитанъ!

— Я тоже.

— Я тоже.

Марсіаль долженъ былъ возвысить голосъ, чтобы унять шумные крики матросовъ, не хотѣвшихъ уступить другъ другу.

Digitized by Google

По приказанію Марсіаля Кобсъ отворилъ большой сундукъ и сталъ доставать оттуда оружіе. Въ эту самую минуту матросъ, оставленный на палубѣ для наблюденія, крикнулъ, что бригъ трогается.

— Хитрость не удается! вскричалъ Марсіаль съ досадою.... Такъ будемъ дѣйствовать открыто. Нашъ бригъ легокъ на ходу, и мы догоним пирата.

— Всѣ на верхъ!

Взойдя на палубу, Марсіаль увидалъ, что пиратъ шелъ на всѣхъ парусахъ къ пристани. Распустивъ паруса въ свою очередь, онъ велѣлъ править такъ, чтобы Фанелли прошелъ какъ можно ближе къ непріятельскому бригу.

Двѣнадцать человѣкъ матросовъ съ заряженными пистолетами притаились на палубѣ, а Марсіаль, Кобсъ и еще нѣсколько человѣкъ стояли облокотясь на бортъ, имѣя въ готовности оружіе.

Желѣзная Рука стоялъ тоже на палубѣ, и вокругъ него было человѣкъ шесть матросовъ.

Марсіаль поклонился, пиратъ отвѣтилъ на поклонъ его.

Когда корабли были не далѣе двадцати шаговъ другъ отъ друга, Марсіаль закричалъ Желѣзной Рукѣ:

— Хорошъ вашъ лоцманъ?

— Хорошъ, отвѣчалъ пиратъ.

— А у меня нѣтъ никакого. Позвольте мнѣ плыть за вами.

— Пожалуй, сказалъ пиратъ.

— Пли! крикнулъ Марсіаль и выстрѣлилъ въ капитана пиратовъ.

Желѣзная Рука упалъ на палубу.

Десять выстрѣловъ раздались за выстрѣломъ Марсіаля, но только три пули нашли виноватаго.

— Правь ближе! скомандовалъ Марсіаль, и нѣтъ имъ пощады!

Съ этимъ словомъ на мачтѣ Фанелли взвился черный флагъ флибустьерскихъ капитановъ.

Корабли столкнулись, и весь экипажъ Марсіаля ринулся на бригъ пирата вслѣдъ за своимъ капитаномъ. — Превосходство числа ихъ было мгновенное. Пираты лѣзли на палубу изъ всѣхъ отверстій, вооруженные пиками и топорами, и скоро ихъ было втрое болѣе, чѣмъ нападавшихъ.

Бѣдный Кобсъ запутался въ веревкахъ и упалъ въ море. Это обстоятельство лишило его возможности принять въ рѣзнѣ участіе.

Марсіаль дрался какъ левъ. Крики, ругательства, выстрѣлы оглашали воздухъ, — кровопролитіе было ужасное.

Digitized by Google

Марсіаль, обернувшійся для избѣжанія удара топора, увидѣлъ недалеко отъ себя раненаго, но еще живаго Желѣзную Руку. Онъ бросился къ нему, чтобы прервать его ненавистное существованіе, но пиратъ совершенно неожиданно выхватилъ пистолетъ и выстрѣлилъ прямо въ грудь Марсіалю. Мужъ Елены упалъ мертвый въ ту самую минуту, какъ Кобсъ, освободившись наконецъ отъ веревокъ, влѣзалъ на палубу.

У Кобса не было никакого оружія. Ему нечѣмъ было сейчасъ же отмстить за смерть своего капитана. Притомъ же онъ видѣлъ, что число пиратовъ торжествовало надъ мужествомъ его товарищей.

— Смерть моя будетъ теперь безполезна, подумалъ онъ. Лучше сохранить себя для ихъ отмщенія.

Онъ прыгнулъ опять въ море, и, увидавъ привязанную къ бригу лодку, вѣроятно лодку лоцмана, вошелъ въ нее и отрѣзалъ веревку.

Кобсъ легъ на дно лодки, въ той надеждѣ, что издали сочтутъ ее пустою и за ней не погонятся.

Приливъ понесъ его къ берегу. Прошло нѣсколько минутъ, и ужасный взрывъ далъ знать Кобсу, что одинъ изъ кораблей взлетѣлъ на воздухъ.

Кобсъ приподнялся и увидѣлъ, что бригъ пирата шелъ на всѣхъ парусахъ къ пристани, взорвавши напередъ Фанелли.

VII.

Въ то время, какъ бригъ Желѣзной Руки входилъ въ гавань, изъ гавани выходилъ кокетливо убранный кутеръ.

Кутеръ этотъ былъ Анакрити.

Максвель не могъ долѣе владѣть мучившимъ его тяжелымъ предчувствіемъ, и вышелъ въ море съ цѣлію встрѣтить Марсіаля.

Пройдя мили три или четыре, вдругъ увидѣлъ Максвель плавающіе обломки корабля и между ними завѣтный флагъ Марсіаля.

Взрывъ слышенъ былъ съ берега, но теперь уже не оставалось сомнѣнія въ погибели Фанелли.

Максвель велѣлъ обернуть назадъ и поплылъ къ Плимуту.

Приближаясь къ берегу, матросы увидѣли вдали лодку и въ ней человѣка, подающаго какіе-то знаки. Максвель велѣлъ къ ней приблизиться, и узналъ Кобса, пережившаго погибель брига и всего его экипажа.

Узнавши отъ Кобса всю плачевную исторію, Максвель сталъ слѣдить за пиратомъ, лечившимся въ городѣ отъ раны въ плечо. Доктора приговорили его пробыть на берегу цѣлый мѣсяцъ.

Digitized by Google

Понятно, что желаніе отмстить Желѣзной Рукѣ получило новую пищу въ послѣднемъ его злодѣяніи, и Максвель принялъ флагъ Марсіаля какъ драгоцѣнное наслѣдство покойнаго родственника.

— Живо вспоминаю я, говорилъ онъ, слова бѣднаго брата и его завѣщаніе. Это завѣщаніе будетъ исполнено, и мщеніе будетъ страшно.

Но часъ этого мщенія былъ еще далекъ. Пиратъ долженъ былъ пробыть цѣлый мѣсяцъ на берегу.

Максвель воспользовался этимъ временемъ, чтобы съѣздить на Герсеней. Увидать существа ему милыя передъ рѣшительнымъ боемъ, казалось необходимымъ его убитому сердцу. На островѣ его ожидало новое горе. Здѣсь уже была извѣстна гибель Фанелли. Елена слегла въ постель отъ этого удара и не встала съ одра своего.

Фанелли, обезумленная этими неожиданными несчастіями, бросилась къ ногамъ Максвеля, говоря:

— Я болѣе не оставлю васъ. Я вижу, что вы готовитесь еще на что-то отчаянное.... Я уже не переживу новаго удара. Куда бы вы ни ѣхали, чтобы вы ни дѣлали, я послѣдую за вами.... Если вы еще не мужъ мой, то вы братъ мнѣ.... Я раздѣлю ваши труды и опасности.... Вы не въ правѣ отказать мнѣ....

— Я хотѣлъ посвятить вамъ жизнь по минованіи опасности, сказалъ Максвель, но не смѣю противиться вашей волѣ.... Пусть жребій нашъ будетъ одинаковъ для насъ обоихъ.

Анакрити возвратился [illegible] Плимуту.

Максвель отправилъ Кобса по берегу, чтобы отыскать какую-нибудь бухту, въ которой бы можно было скрыть кутеръ. Онъ боялся, что современное отплытіе изъ гавани съ пиратомъ послѣдняго возбудитъ подозрѣніе.

Кобсъ нашелъ бухту подъ деревнею Бригтейнштедъ. Корабли, выходящіе изъ Плимута въ Ламаншскій проливъ, должны были непремѣнно идти мимо этой бухты.

Осмотрѣвши найденную Кобсомъ бухту, Максвель нашелъ ее очень удобною, и перевелъ туда свой кутеръ, оставивъ въ Плимутѣ двухъ человѣкъ, которые должны были немедленно извѣстить его объ отъѣздѣ пирата.

На берегу бухты оказался необитаемый домъ, и Максвель поселился въ немъ съ Фанелли въ ожиданіи часа мщенія.

Люди, оставленные въ Плимутѣ, въ случаѣ ночнаго отъѣзда пирата, должны были пустить ракету, а на кутерѣ былъ поставленъ часовой, не сводившій глазъ съ того пункта, съ котораго могъ быть данъ условленный сигналъ.

Digitized by Google

Читатель припомнитъ, что мужчина въ красной рубашкѣ отворялъ ночью окно и спускалъ курокъ незаряженнаго пистолета. Это были испытанія, дѣлаемыя Максвелемъ, чтобы увѣриться въ исправности часоваго.

Красная рубашка принадлежала Марсіалю. Кобсъ купилъ ее у рыбаковъ плимутскихъ, нашедшихъ ее на морѣ.

Мы видѣли въ началѣ романа, какимъ страннымъ образомъ встрѣтился Карлосъ съ Максвелемъ, и какъ послѣдній перевезъ несчастнаго короля на берега Франціи.

Зная теперь все предъидущее въ жизни главныхъ дѣйствующихъ лицъ, мы можемъ продолжать разсказъ нашъ.

Анакрити вернулся ночью въ свою бухту, и красный лоцманъ не успѣлъ еще сойдти на берегъ, какъ ракета, пущенная со стороны Плимута, дала знать ему что пиратъ готовится къ отплытію. Максвель былъ внѣ-себя отъ радости и сдѣлалъ всѣ приготовленія къ битвѣ. На зарѣ вышелъ кутеръ изъ бухты, и, не ускоряя своего бѣга, ожидалъ непріятеля. Скоро увидѣлъ онъ приблизившійся бригъ Желѣзной Руки, и въ то же время показался парусъ на Западной сторонѣ горизонта. Судя по парусу, надо было думать, что корабль этотъ былъ первой величины.

— Мы, я думаю, успѣемъ сказать два слова пирату, прежде нежели онъ подъѣдетъ къ намъ, говорилъ Максвель, указывая Кобсу на парусъ.

На другой день послѣ этого разговора французскій фрегатъ ходилъ въ Шербургскую гавань и велъ за собою кутеръ съ закованнымъ экипажемъ.

Экипажъ этого кутера былъ схваченъ съ оружіемъ въ рукахъ на палубѣ брига, которымъ онъ хотѣлъ овладѣть при помощи хитрости.

Нужно ли говорить, что бригъ принадлежалъ Желѣзной Рукѣ, кутеръ былъ Анакрити, а фрегатъ—тотъ парусъ, который видѣлъ Максвель на западѣ.

Желѣзная Рука, видя приближеніе послѣдняго, рѣшился воздержаться отъ кровопролитія, и, показавши капитану фрегата бумаги, доказывающія его законное порученіе къ правительству Голландіи, передалъ экипажъ Анакрити въ руки французскаго правосудія.

Въ Шербургѣ Максвель и Кобсъ были посажены въ тюрьму до возвращенія брига изъ Голландіи, потому что нельзя было начинать суда безъ находившихся на бригѣ свидѣтелей.

Фанелли была отправлена въ назначенный домъ морскаго министерства въ городѣ, и поручена строгому надзору.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Digitized by Google

ЖЕЛѢЗНАЯ РУКА.

РОМАНЪ ЛЕКОНТА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и ни Максвеля, ни Кобса, переведенныхъ въ тюрьму въ Парижъ, не призывали къ суду. Бригъ, исполнивши свое порученіе въ Голландіи куда-то исчезъ и правительство, не зная всѣхъ обстоятельствъ преступленія заключенныхъ, не приступало къ суду ихъ. Но такъ какъ въ то время смотрѣли очень строго на морскіе разбои, то и поговаривали, что надо просто безъ суда повѣсить пиратовъ. Участь эта грозила ежедневно Максвелю и Кобсу.

Въ это самое время въ Парижѣ явился иностранецъ, обратившій на себя всеобщее вниманіе. Иностранецъ этотъ былъ страшно богатъ и назывался донъ Антоніо Ксименесъ. Домъ его былъ украшенъ великолѣпнымъ гербомъ, въ этомъ домѣ давались баснословно раскошные праздники и о хозяинѣ дома были толки даже при дворѣ, куда онъ впрочемъ не ѣздилъ.

Посѣщавшіе его люди узнали отъ испанскаго посланника, что новоприѣзжій явился изъ Америки на кораблѣ, нагруженномъ огромными богатствами и что о пріѣздѣ его въ Европу испанское правительство извѣщено было заранѣе губернаторомъ Мериды.

Антоніо Ксименесъ былъ лѣтъ тридцати отъ роду, рослый, сильный и недуренъ собою. Взглядъ его былъ очень смѣлъ, движенія порывисты и голосъ нѣсколько грубоватъ. Словомъ ему недоставало лоска общественной образованности.

Этотъ недостатокъ бросался въ глаза всякому.

Домъ его былъ роскошенъ до крайности, но при взглядѣ на каждое убранство, видна была цѣнность его, а не выборъ со вкусомъ. Казалось, что Донъ-Антоніо готовъ поставить у себя столы изъ чистаго золота.

Домъ его стоялъ на лѣвомъ берегу Сены въ двухъ шагахъ отъ дворца кардинала Реца. Архитекторъ долженъ былъ сломать около

Digitized by Google

На первый день было не такъ много народа и виконтъ поручилъ Флоримондѣ распоряжаться праздникомъ. На другой день явились въ домъ Ксименеса вся парижская опера, а за нею и вся молодежь, вертящаяся вокругъ танцовщицъ. На третій день тѣснота была такая страшная, что два человѣка были задавлены въ столовой.

Въ этотъ день какой-то незнакомецъ настоятельно требовалъ, чтобъ его допустили къ виконту. Посмотрѣвши на него пристально, онъ извинился и вышелъ. Антоніо, упоенный до нельзя венгерскимъ виномъ, не обратилъ вниманія на это обстоятельство.

На разсвѣтѣ разъѣхались гости, и виконтъ велѣлъ собрать всѣ цвѣты, украшавшіе комнаты и сдѣлать изъ нихъ постель для него и для Флоримонды.

Когда виконтъ проснулся послѣ тяжелаго сна, было темно. Онъ очень удивился, почувствовавъ, что постель его необыкновенно жестка и что руки его упираются въ какую-то сырую, каменную стѣну..... Сначала подумалъ онъ, что видитъ все это во снѣ; но съ наступленіемъ дня убѣдился, что онъ находится въ тѣсной темницѣ. . . . . .

. . . . . .

Это былъ свадебный подарокъ, сдѣланный испанскимъ посланникомъ пирату Желѣзной Рукѣ.

Такъ недавно еще привыкшій къ безусловному повиновенію, пиратъ крикнулъ:

— Распіолло!

И Распіолло отозвался.

Темница, въ которую заперли Желѣзную Руку, была одна изъ двадцати комнатъ, выходившихъ дверями въ длинный корридоръ. Въ наружной стѣнѣ на верху были пробиты рѣдкія окна, такъ, что на три комнаты приходилось по одному окну; но, чтобы дать сколько-нибудь свѣта въ остальныя двѣ комнаты, надъ потолкомъ послѣдней было сдѣлано въ обѣ стороны въ стѣнахъ, служившихъ перегородкою, по небольшому отверстію.

Распіолло былъ запертъ рядомъ съ своимъ капитаномъ, и случилось такъ, что по другую сторону тюрьмы послѣдняго была комната Макбета.

— Распіолло! Распіолло! повторилъ пиратъ, обрадованный откликомъ секретаря своего.

— Такъ и вы здѣсь, капитанъ? отвѣчалъ Распіолло; но слова его не совершенно внятно долетали до капитана, проходя черезъ водотолочное отверстіе.

Digitized by Google

— Гдѣ я?... гдѣ мы, Распіолло?... Я схожу съ ума.... отвѣчай мнѣ!...

— Увы! капитанъ, мы съ вами подъ замкомъ, и трудно сказать, чѣмъ все это кончится.

— Подъ замкомъ! Въ темницѣ!... Я!... я!... Распіолло! да это не возможно. Я не могу понять....

— А я понялъ, капитанъ.... Насъ прихватили сейчасъ же послѣ бала....

— Но объясни мнѣ.... Какъ, почему это случилось.... Но нѣтъ, это не возможно.... Это сонъ.... Я много выпилъ.... Черезъ часъ все пройдетъ, и мнѣ будетъ смѣшно, что я такъ перепугался....

— Хорошо бы, капитанъ, какъ бы вашими устами да медъ пить.... Къ несчастію, обманывать себя невозможно.... Мы съ вами заперты, какъ преступники!...

Распіолло разсказалъ при этомъ, что зналъ объ ихъ арестованіи.

Къ концу бала явилось нѣсколько незнакомыхъ лицъ, которые всѣ внимательно всматривались въ виконта и спрашивали у лакеевъ, кто изъ нихъ сдужилъ виконту до пріѣзда его въ Парижъ. Имъ объявили что съ донъ-Антоніо пріѣхалъ одинъ Распіолло. — Когда гости разъѣхались, неизвѣстные люди остались почти одни въ домѣ. Распіолло, вошедшій зачѣмъ-то въ буфетъ, былъ схваченъ полицейскимъ чиновникомъ. Это произошло почти въ ту самую минуту, какъ опьянѣвшій виконтъ бросился на цвѣточную постель съ Флоримондой. Что касается до самаго виконта, то его не добудились и отнесли сонnаго въ карету, которая и привезла обоихъ пиратовъ въ тюрьму св. Маргариты.

Лакеи, служившіе въ домѣ, были высланы, и двери всѣ опечатаны.

Все дѣло это началось и велось стараніями испанскаго посланника донъ-Люисъ де-Карденаса, и должно было кончиться повѣшеніемъ подложнаго виконта и его сообщника.

Нѣсколько дней пробылъ Желѣзная Рука въ своей темницѣ, предаваясь то гнѣву, то отчаянію, наконецъ позвали его къ допросу.

— Кто вы? спросилъ уголовный изслѣдователь.

— Я донъ-Антоніо Ксименесъ, виконтъ де-Санъ-Люкаръ.

— Это не ваше имя!... Полное сознаніе будетъ для васъ гораздо полезнѣе.

— Я донъ-Антоніо Ксименесъ, въ моемъ домѣ должны были найдти мои бумаги.

Желѣзная Рука надѣялся, что настоящее его имя и званіе останется тайною вмѣстѣ съ потаенной дверью въ желѣзную комнату, гдѣ хранились его богатства. Эта надежда придавала пирату бодрости.

Digitized by Google

— Знаете ли, господинъ слѣдователь, сказалъ онъ, что поступокъ со мною французскаго правительства есть просто безуміе... Оно можетъ въ немъ жестоко раскаяться. Я требую, чтобы мнѣ позволили сей-часъ же написать къ королю Испаніи. Я вѣрный слуга его и онъ не потерпитъ....

— Оставьте эти пустыя выходки. Правительство всегда отвѣчаетъ за свои дѣйствія. Я спрашиваю у васъ ваше настоящее имя.

— Я вамъ сказалъ его, отвѣчалъ пиратъ, и другаго вы отъ меня не услышите.

Не добившись ничего болѣе отъ обвиненнаго, слѣдователь велѣлъ отвести его назадъ въ темницу.

Встрѣтивъ въ корридорѣ Распіолло, котораго стражи вели тоже къ допросу, Желѣзная Рука нарочно громко сказалъ:

— Они напрасно опровергали, что я донъ-Антоніо Ксименесъ, имъ не удалось заставить меня отказаться отъ моего званія.

Распіолло понялъ эту выходку своего капитана.

— Ну ты?... спросилъ слѣдователь секретаря виконта, — ты тоже грандъ Испаніи?... говори-ка намъ свое имя и званіе.

— Меня зовутъ Распіолло, отвѣчалъ пиратъ; я не имѣю, подобно моему господину, чести быть благороднымъ; но я имѣю честь служить ему.

— Давно ли находишься ты въ услуженіи у обвиненнаго?

— Почти.... почти два года.

— Въ какой странѣ поступилъ ты къ нему?

— Въ Западной Индіи.

— Гдѣ именно?

— Въ Мединѣ.

Распіолло припомнилъ, что именно отсюда ѣхалъ испанскій грандъ, убитый и ограбленный его капитаномъ.

— Какъ звали тамъ твоего господина?

— Донъ-Антоніо Ксименесъ.

— Ты хорошо вытвердилъ урокъ свой.... Но посмотримъ, не забудешь ли ты его предъ палачемъ во время пытки.... Отведите его назадъ.

Слово пытка заставило Распіолло невольно вздрогнуть.

За этимъ спрашивали очень много лицъ, посѣщавшихъ домъ виконта, но всѣ они объявили, что были обмануты наружнымъ блескомъ, и считали обвиненнаго за настоящаго испанскаго гранда.

Допрошенная Флориманда объявила, что виконтъ предложилъ ей огромную сумму за позволеніе пріѣхать къ ней, что послѣ этого они сблизились, и она получила квартиру, услугу и экипажъ, въ увѣренности, что получаетъ все это отъ испанскаго вельможи,

Digitized by Google

За тѣмъ танцовщица была отпущена.

Самое важное показаніе было показаніе испанскаго посланника, присланное имъ слѣдователю.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, онъ получилъ изъ Мадрита письмо съ просьбою собрать свѣдѣнія объ испанскомъ грандѣ, живущемъ въ Парижѣ чрезвычайно роскошно и незнающемъ счета богатствъ своихъ. Посланникъ по какому-то странному стеченію обстоятельствъ ни разу не бывалъ у виконта. Вслѣдствіе этого онъ ограничился свѣдѣніями, полученными имъ отъ людей, посѣщавшихъ богача и послалъ ихъ въ Мадритъ.

Въ отвѣтъ на посланныя свѣдѣнія получилъ онъ извѣстіе съ основательнымъ сомнѣніемъ въ тождествѣ Ксименеса. Ему объясняли, что назадъ тому осьмнадцать мѣсяцевъ богатый испанецъ донъ-Антоніо изъ фамиліи Ксименесъ, переселившійся въ западную Индію, писалъ въ Мадритъ о своемъ намѣреніи возвратиться въ Европу вслѣдствіе безпрестанныхъ разбоевъ, производимыхъ флибустьерами и грозящихъ его огромному богатству.

Между тѣмъ прошелъ годъ со времени полученія этого извѣстія, и донъ-Антоніо не являлся въ Испанію. Въ Мадритѣ при полученіи свѣдѣній отъ посланника случился адмиралъ, бывшій въ моряхъ Маракаибскихъ и знавшій лично Ксименеса. Ему сообщили описаніе наружности человѣка, жившаго подъ этимъ именемъ въ Парижѣ, и онъ объявилъ, что ни одна черта не напоминаетъ ему благороднаго Испанца. Подозрѣнія въ подлогѣ очевидно увеличились. Одинъ офицеръ изъ свиты адмирала отправлялся въ Парижъ по своему дѣлу. Онъ былъ коротко знакомъ съ домомъ Ксименесомъ, и ему поручили повидаться въ Парижѣ съ человѣкомъ, извѣстнымъ подъ этимъ именемъ. Мы видѣли незнакомца, желавшаго поговорить съ виконтомъ въ послѣдній вечеръ его пиршества; незнакомецъ этотъ былъ именно этотъ офицеръ, только что пріѣхавшій изъ Мадрита. Взглянувъ на виконта, онъ сей-часъ же убѣдился въ подлогѣ личности, и далъ знать объ этомъ испанскому посланнику, прося его арестовать обманщика, а можетъ и убійцу.

Digitized by Google

II.

Вернувшись въ темницу, Желѣзная Рука утѣшалъ себя надеждою, что неизвѣстность его прошлой жизни заставитъ судей его возвратить ему свободу или подвергнуть легкому наказанію, если даже докажется, что онъ присвоилъ себѣ чужое имя. А разъ получивши свободу, онъ снова овладѣлъ бы своими сокровищами и могъ бы ѣхать наслаждаться ими въ другое мѣсто.

Услышавъ возвращеніе Распіолло, пиратъ поспѣшилъ спросить его:

— Ну, Распіолло, ты не выдалъ меня?

— Покуда еще нѣтъ, капитанъ.

— Перестань пожалуйста называть меня капитаномъ, зови меня вивотомъ. Чѣмъ кончился допросъ твой?

— Меня отослали назадъ, намекнувши на пытку.

— Чтожъ?... Ты трусишь?

Распіолло молчалъ.

— Бояться пытки глупо.... Надо перенести ее, потому что послѣ нея свобода и счастіе. Насъ выпустятъ отсюда, и мы отправимся съ нашимъ богатствомъ въ любую сторону, и вездѣ намъ будетъ тепло и весело. Только бы не открыли какъ-нибудь хода въ желѣзную комнату: тамъ хранятся всѣ наши сокровища, а главное корабельный журналъ.... Если прочтутъ его, намъ не миновать веревки....

Мы сказали выше, что комната, въ которой былъ заключенъ Максвель отдѣлялась только одною стѣною отъ комнаты Желѣзной Руки и имѣла съ ней сообщеніе сверху. Услыхавъ говоръ въ сосѣдней комнатѣ, Максвель сталъ внимательнѣе прислушиваться, и узналъ по голосу и разсказамъ, что рядомъ съ нимъ находился лютѣйшій врагъ его.

На другой день послѣ допроса, Желѣзная Рука по просьбѣ Распіолло началъ разсказывать ему исторію своей жизни, никакъ не воображая, что у него есть еще другой слушатель, который не проронитъ ни одного слова изъ этого разсказа. Пиратъ началъ такъ:

»Я Англичанинъ. Отецъ мой былъ бѣдный плимутскій рыбакъ, питавшій себя и семью свою рыбною ловлею. Семья наша состояла изъ отца, матери, сестры и меня. Мы жили въ ужасной бѣдности. Сосѣдніе поселяне покупали у насъ рыбу за дешевую цѣну, и, когда эти деньги всѣ были истрачены, отецъ опять закидывалъ свои сѣти.

Мнѣ было лѣтъ десять или двѣнадцать, хорошо не помню, когда случилось происшествіе, измѣнившее нашъ образъ жизни. Въ одну бурную ночь разбилось у береговъ нашихъ судно, и трупъ одного изъ погибшихъ пассажировъ, выброшенный на берегъ, запутался въ сѣтяхъ но-

Digitized by Google

его отца. — Сѣти оказались всѣ прорванными, но, зарывая утопленника, отецъ нашелъ на немъ много золота, и принесъ его къ намъ въ хижину. Радость была безмѣрная. Работа становилась лишнею. Мать отправилась въ Плимутъ, накупила всякой всячины, и мы жили въ небываломъ довольствѣ. Но житье наше продолжалось недолго.

Въ одно прекрасное утро явились къ намъ полицейскіе чиновники, связали насъ и отвели въ Плимутъ. Тутъ разсадили насъ по разнымъ темницамъ. Я, конечно, ничего не понималъ этого. Спустя нѣсколько дней меня выпустили. Получивъ свободу, побѣжалъ я домой, думая, что найду тамъ отца и мать; но на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла наша хижина, увидѣлъ я только кучу пепла. Зачѣмъ сожгли наше жилище и гдѣ отецъ, я не могъ дать себѣ въ этомъ никакого отчета. Изъ всего прошлаго припомнилъ я только, что счастливой перемѣной въ нашемъ образѣ жизни обязаны мы были золоту, найденному отцомъ на утопленникѣ. Помнилъ я, гдѣ отецъ закопалъ его, и, порывшись недолго въ золѣ, дорылся наконецъ до нашего сокровища.

Какой-то инстинктъ говорилъ мнѣ, что съ этимъ золотомъ я буду богатъ и счастливъ, и могу ничего не дѣлать. Я взялъ съ собою остальныя монеты и вернулся въ городъ. Здѣсь встрѣтилъ я мальчика моихъ лѣтъ и спросилъ его: что нужно дѣлать, чтобы жить весело съ золотомъ? Онъ предложилъ мнѣ быть моимъ путеводителемъ и привелъ меня въ таверну, въ которой обыкновенно кутили матросы.

Это грязное заведеніе показалось мнѣ дворцомъ. И теперь припоминаю я эти первыя ощущенія, этотъ первый шагъ въ жизни общественной. Съ какимъ удивленіемъ увидалъ я лице свое въ разбитомъ зеркалѣ, висѣвшемъ на стѣнѣ! Да, это было со мною, который еще такъ недавно не зналъ, какое бы придумать новое наслажденіе, который хотѣлъ вымостить весь дворъ свой испанскими дублонами!

Не понравился мнѣ только запахъ, наполнявшій комнату, въ которую привелъ меня мой товарищъ. Человѣкъ десять матросовъ курили и пили. Мнѣ чуть не сдѣлалось тошно отъ дыма, но я скрѣпился, чтобы не показаться какимъ-нибудь дикаремъ въ обществѣ. Товарищъ мой показалъ мнѣ на незанятую лавку; а самъ подошелъ къ какому-то маленькому старичку, котораго по его фартуку принялъ я за хозяина заведенія.

Человѣкъ этотъ хромалъ, одна нога у него была деревянная, и я никакъ не могъ объяснить себѣ этого обстоятельства. Вообще вся наружность этого человѣка была какая-то странная, и я смотрѣлъ на него съ любопытствомъ, смѣшаннымъ со страхомъ. Немного погодя, онъ подошелъ ко мнѣ, и, улыбаясь, спросилъ:

Digitized by Google

— Такъ тебѣ хочется, дружокъ, наслаждаться жизнію?

— Да, отвѣчалъ я, не вполнѣ понимая вопросъ трактирщика.

— Но для этого нужны деньги, большія деньги, сказалъ хромоногій.

— У меня есть золото.

— Много?

— Кажется много.... взгляните.

Говоря это, я показалъ старику кожаный поясъ, снятый съ утопленника.

— Спрячь-ка это, дружокъ мой, сказалъ трактирщикъ, пойдемъ лучше ко мнѣ, вонъ туда, и поговоримъ о дѣлѣ.

Съ этими словами взялъ онъ меня за руку и вывелъ въ сосѣднюю комнату, въ которой стояло нѣсколько кроватей.

Затворивши плотно дверь, онъ взялъ мой поясъ и высыпалъ изъ него на столъ все золото. Глаза его какъ-то страшно сверкнули при видѣ этого блестящаго металла, онъ быстро приблизился ко мнѣ, и, взявъ меня за руку, спросилъ:

— Гдѣ ты взялъ это золото?

Я молчалъ; старикъ повторилъ вопросъ свой болѣе ласковымъ голосомъ.

Я рѣшился разсказать всю правду, и передалъ старику все, какъ было.

Онъ слушалъ меня очень внимательно, а когда я кончилъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Скверное, дружокъ мой, дѣло. Я очень хорошо знаю того, кому принадлежитъ это золото. Владѣлецъ его арматоръ, который всегда у меня останавливался. Ему понадобились одинъ разъ деньги и я далъ ему въ займы тысячу піастровъ.... Теперь я вижу, что онъ везъ мнѣ эти деньги и несчастнымъ образомъ утонулъ. У меня есть его росписка, прибавилъ трактирщикъ, вынимая изъ кармана какую-то бумажку, и золото это принадлежитъ мнѣ по праву. Но мнѣ жаль тебя, и хочется сдѣлать тебѣ добро... Оставайся здѣсь жить, ты будешь сытъ, одѣтъ и обутъ.... А что касается до этого золота, то оно останется у меня въ замѣнъ всего довольства, которымъ ты будешь наслаждаться.

Меня убѣдило это участіе трактирщика; убѣжденію способствовала и боязнь, ощущаемая мною при одной мысли о полицейскихъ чиновникахъ. Я согласился на предложеніе хромаго моего хозяина, который сейчасъ же досталъ изъ сундука платье, и одѣлъ меня съ ногъ до головы.

— Ступай себѣ покуда, сказалъ онъ мнѣ, когда я одѣлся, погуляй, пошали и приходи къ полудню. Въ полдень мы обѣдаемъ, въ восемь часовъ ужинаемъ, а впрочемъ каждый дѣлаетъ, что хочетъ.... Наслаждайся жизнію, только не болтай никому о своихъ деньгахъ, какъ разъ наживешь себѣ бѣды.

Digitized by Google

Какъ весело, какъ неизъяснимо пріятно было мнѣ обѣгать улицы Плимута, какъ новы были мои впечатлѣнія при видѣ огромныхъ зданій, я не могу передать теперь. Скажу только, что я считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ.

Въ таверну вернулся я только къ вечеру, мнѣ дали поужинать и уложили спать.

На другой день вошелъ ко мнѣ мой хозяинъ и спросилъ, видалъ ли я когда-нибудь корабль на морѣ. На отрицательный отвѣтъ мой, онъ предложилъ мнѣ полюбоваться этимъ зрѣлищемъ.

— Кстати, говорилъ онъ, Джону нужно побывать въ гавани на одномъ кораблѣ; онъ тебя проводитъ, а къ ужину вы вернетесь домой.

Предложеніе это было принято мною съ восторгомъ, и я поторопился одѣться. Хромоногій хозяинъ радовался не менѣе меня въ этомъ случаѣ.

— Ступайте же скорѣе, говорилъ онъ, скорѣе отправитесь, скорѣе назадъ вернетесь.

Мы вышли изъ таверны съ однимъ матросомъ, и черезъ часъ ходьбы были оба на палубѣ корабля, снимавшагося съ якоря. — Якорь былъ поднятъ и корабль тронулся.

— Кудажъ это мы ѣдемъ? спросилъ я у стоявшаго подлѣ меня матроса.

— Много будешь знать, скоро состарѣешься, отвѣчалъ мнѣ сосѣдъ мой.

Джона подлѣ меня уже не было.

— Но къ вечеру мы вернемся? спросилъ я снова.

— А! Видно тебя надули, дружокъ, сказалъ мнѣ матросъ; вернемся мы не къ вечеру, а года черезъ два. Ты теперь поступилъ въ моряки, и совѣтую тебѣ служить вѣрой и правдой.

— Но это обманъ!... вскричалъ я..., Ужасный обманъ!... Я не могу быть моряком, я богатъ.... Ради Бога! отвезите меня на берегъ.... Меня обманули!...

Мои крики и слезы обратили на меня вниманіе офицера, стоявшаго на палубѣ. Привыкшій къ подобнымъ сценамъ, онъ велѣлъ спустить меня въ люкъ, гдѣ я могъ кричать и хныкать на свободѣ. Я было сталъ противиться, но два матроса схватили меня, снесли съ лѣстницы и заперли въ совершенно темной комнатѣ. По качкѣ корабля, я догадывался, что мы удаляемся отъ берега; отчаяніе и досада терзали мою душу.

Между тѣмъ я проголодался и, когда черезъ нѣсколько времени пришелъ ко мнѣ матросъ и спросилъ меня, перестался ли я плакать, и нехочу ли поѣсть, я отеръ свои слезы и послѣдовалъ за нимъ на палубу.

Исторія моя была уже всѣмъ извѣстна и надо-мною подсмѣивались. Дѣлать было нечего, надо было покориться судьбѣ. Всѣхъ болѣе былъ

Digitized by Google

мнѣ ненавистенъ Джонъ, приведшій меня на корабль обманомъ. Я поклялся въ душѣ отмстить ему и, по прошествіи нѣсколькихъ дней, въ одну бурную ночь, замѣтивъ, что онъ стоитъ близко борта, я тихонько подкрался къ нему, и, схвативъ неожиданно его за ноги, столкнулъ въ море.

Джона скоро забыли. Всѣ полагали, что онъ упалъ въ море во время бури по неосторожности.

Корабль, на который сбылъ меня трактирщикъ, былъ корабль купеческій. Онъ шелъ въ Гасконскій заливъ, нагруженный различными стальными издѣліями для живущихъ у береговъ залива рыбаковъ. Мы доѣхали въ двадцать дней до Сен-Жан-де-Люза. Здѣсь мы бросили якорь и первою моею заботою было убѣжать съ корабля. Побѣгъ мнѣ удался въ первый же день нашего прибытія. Я унесъ съ собою мѣшокъ съ деньгами, найденный мною въ каютѣ капитана. Я полагалъ, что имѣю на эти деньги такое же право, какое имѣлъ капитанъ на мою свободу.

По сдѣланнымъ мною распросамъ оказалось, что ближайшій городъ къ порту Байона, и я туда отправился. Здѣсь, приставши въ тавернѣ, познакомился я съ контрабандистами и прожилъ съ ними очень весело, сначала на бывшія у меня деньги а потомъ, на барыши за принимаемое мною участіе въ ремеслѣ ихъ. Эта беззаботная и ухорская жизнь продолжалась однако не болѣе года. На насъ стали обращать сильное вниманіе, и правительство прислало многочисленный отрядъ для нашей поимки.

Въ одну ночь собрались почти всѣ контрабандисты для переправы дорогаго и прибыльнаго товара. Объ этой переправѣ провѣдала какъ-то полиція, и насъ захватили въ расплохъ. Многихъ убили, многихъ ранили, а остальныхъ, въ числѣ которыхъ былъ и я, переловили и посадили въ темницу. Судъ надъ нами продолжался недолго, — всѣхъ насъ присудили къ висѣлицѣ.

Въ это время Байона готовилась къ двойному празднику. Во-первыхъ должны были повѣсить двадцать шесть контрабандистовъ, а во-вторыхъ спустить на воду новоотстроенный корабль.

Надо тебѣ сказать, что вездѣ существуетъ законъ, дозволяющій роковое испытаніе каждому преступнику моложе двадцати лѣтъ.

Изъ двадцати шести осужденныхъ ко мнѣ одному законъ могъ имѣть приложеніе, и меня повели къ верфи, въ то время, какъ товарищи мои отправились на висѣлицу.

Чтобы объяснить тебѣ, въ чемъ состоитъ это роковое испытаніе, я разскажу тебѣ, какимъ образомъ спускается корабль на воду.

Digitized by Google

Покуда корабль строится, онъ стоитъ на подмосткахъ, покатыхъ въ сторону моря, и подпирается со всѣхъ сторонъ козлами и клиньями. Когда постройка окончена всѣ эти козлы и клинья принимаются прочь, кромѣ очень немногихъ, необходимыхъ для удержанія массы въ равновѣсіи. Изъ всѣхъ этихъ подпорокъ самая главная находится на передѣ и почти одна удерживаетъ корабль, готовый спуститься по наклонной плоскости въ море. Эта подпорка называется ключемъ.

Какъ только она отнимется, корабль, ничѣмъ болѣе неудерживаемый, быстро скатывается въ воду. Ты понимаешь, Расціолло, что выколотить съ мѣста эту подпорку трудъ не маловажный и не безопасный. Въ прежнія времена платили за это деньги; но было столько несчастныхъ случаевъ, что рѣшили постановить законъ, дающій жизнь и свободу преступнику, рѣшающемуся на это роковое испытаніе.

Я, разумѣется, рѣшился, потому что быть раздавлену или повѣшену одно и тоже, но могъ я остаться и живъ, чему бывало много примѣровъ....

Огромная толпа сошлась смотрѣть на рѣшеніе моей участи.

На мнѣ оставили только нижнее платье, и, давъ мнѣ въ руки тяжелую колотушку, подвели къ ключу. Я началъ колотить по ключу изо всей силы, и, только что замѣтилъ, что онъ покачнулся, бросился ничкомъ на-земь. На нѣсколько минутъ свѣтъ для меня затмился, огромная масса, шатаясь изъ стороны въ сторону съ шумомъ и трескомъ скользнула надъ моею спиною, сорвавши мнѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ кожу.... Немного страха, немного крови.... За то я поднялся на ноги живой и свободный!

Толпа рукоплескала мнѣ, и сей-часъ же собрали въ мою пользу нѣсколько денегъ.

Корабль, спущенный мною на воду, отправлялся въ сѣверныя моря для ловли китовъ. Капитанъ предложилъ мнѣ мѣсто матроса, и я принялъ его съ охотою.

На кораблѣ меня полюбили товарищи, и изъ частыхъ разговоровъ съ ними узналъ я законы собственности, наказанія за нарушеніе ихъ; но невольно сознался, что привучать себя покоряться ихъ требованіямъ было и тяжело, и поздно. Не буду разсказывать тебѣ день за днемъ нашего путешествія, въ продолженіе котораго не случилось ничего особенно замѣчательнаго. Натѣшившись ловлею морскихъ чудовищъ, мы воротились въ Байону.

Изъ денегъ, вырученныхъ ловлею, досталось нѣсколько и на мою долю, и мнѣ хотѣлось пожить нѣсколько времени на берегу. Каждый вечеръ собирались мы съ матросами въ тавернахъ и тянули портвейнъ до упаду.

Digitized by Google

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ разсказалъ я товарищамъ продѣлку со мною трактирщика.

Одинъ изъ матросовъ, слушавшихъ разсказъ мой, отвелъ меня въ сторону, и предложилъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ Плимутъ, чтобы отыскать моего грабителя и отнять у него назадъ мои деньги.

Желаніе отмстить хромому трактирщику не угасало во мнѣ ни на минуту, и я былъ очень радъ найдти товарища.

Спустя нѣсколько дней послѣ нашего разговора, мы отыскали судно, плывшее въ Сен-Мало, а отсюда перебрались въ Плимутъ на рыбачьей лодкѣ. Скоро отыскалъ я таверну хромаго Госбурга, но самаго его тамъ уже не было. Онъ продалъ таверну другому и удалился изъ города, неизвѣстно куда.

Неудача эта одинаково огорчала и меня, и моего товарища. За ужиномъ онъ былъ очень скученъ и почти ничего не говорилъ о Госбургѣ. Вѣроятно онъ убѣдился въ невозможности отыскать его, потому что, взявъ ночью изъ моего пояса оставшіяся у меня отъ ловли деньги, онъ ушелъ, не дождавшись моего пробужденія.

III.

Въ эту минуту дверь темницы Максвеля отворилась, и тюремщикъ велѣлъ ему за собою слѣдовать.

Прошедъ нѣсколько залъ и корридоровъ, Максвель вошелъ наконецъ въ длинную галлерею, гдѣ тюремщикъ сдалъ его двумъ солдатамъ, имѣвшимъ приказаніе вести преступника въ присутствіе судей.

Когда Максвель вошелъ въ комнату, въ которой засѣдали судьи, одинъ изъ нихъ всталъ и сказалъ ему:

— Пора кончить процессъ вашъ.... вы взяты съ оружіемъ въ рукахъ на кораблѣ, плывшемъ подъ англійскимъ флагомъ. Не имѣете ли вы сказать чего въ ваше оправданіе?

— Прежде чѣмъ требовать отъ меня оправданія, сказалъ Максвель, я думаю, что должно бы назвать мнѣ моихъ обвинителей. Кто они?

— Господинъ секретарь, сказалъ судья, прочтите объявленіе капитана фрегата, на которомъ схваченъ былъ экипажъ Анакрити.

Секретарь отворилъ большой шкапъ, въ которомъ Максвель увидѣлъ многія вещи, взятыя изъ каюты его кутера. Вынувъ изъ этого шкапа свертокъ бумагъ, секретарь готовился развернуть и читать ихъ, но судья снова обратился къ Максвелю.

Digitized by Google

— Сознаетесь ли вы въ томъ, что вы взобрались на фрегатъ съ оружіемъ въ рукахъ? этого сознанія будетъ достаточно.

— Я не сознаюсь ни въ чемъ, отвѣчалъ Максвель, и нахожу очень страннымъ подобный допросъ. Меня держали такъ долго въ заперти, конечно, не для того, чтобы вынудить силою какое-то сознаніе. Я требую суда формальнаго.

— А! вы требуете суда?... Мы удовлетворимъ ваше требованіе. Послать за сообщникомъ обвиненнаго и выложить на столъ всѣ вещи, найденныя на его кутерѣ. Завтра, любезный, явится палачъ уже безъ вашего требованія.

— Я надѣюсь, сказалъ Максвель спокойно, что палачу являться буденъ не зачѣмъ.

Сей часъ же послали за Кобсомъ и вынули изъ шкапа оружія, платья, принадлежавшія Максвелю, его шляпу съ зелеными и черными перьями, малахитовый ящичекъ и многія другія вещи.

По прибытіи Кобса, начался допросъ по формѣ.

— Обвиненный! сказалъ президентъ важнымъ и медленнымъ голосомъ, Вамъ прочтутъ обвиненіе, въ которомъ значится, что вы схвачены съ оружіемъ въ рукахъ, на англійскомъ кораблѣ, и переданы капитану французскаго фрегата для поступленія съ вами по законамъ. А законы эти повелѣваютъ наказать васъ смертною казнію...

— Чтобы не утруждать напрасно вниманія судей, перебилъ его Максвель, и не терять напрасно времени въ обвиненіяхъ и допросахъ, я прошу позволенія открыть этотъ малахитовый ящикъ. Въ немъ вся тайна моего поведенія и оправданія.

Съ этими словами онъ подошелъ къ столу, и, не ожидая отвѣта президента, подавилъ пружину ящика, который сей-часъ же открылся. Максвель вынулъ оттуда извѣстный намъ перстень на лентѣ, съ надписью: Анакрити, 26 октября, 165....

— Отнесите это кольцо сей-часъ же королю Карлу II, сказалъ онъ торжественно, и отвѣтъ его будетъ руководить судей въ ихъ рѣшеніи, касающемся моей участи. До полученія же отвѣта короля, да позволено мнѣ будетъ не отвѣчать на на какіе вопросы.

Поступокъ этотъ смутилъ судей. Кольцо и слова обвиненнаго возбудили ихъ любопытство, а имя короля, произнесенное съ такою самоувѣренностію, поселило въ нихъ даже нѣкоторое уваженіе къ обвиненному.

— Ваша просьба будетъ исполнена, сказалъ президентъ послѣ нѣкотораго молчанія, — мы пошлемъ нарочнаго къ принцу и будемъ ожидать его рѣшенія.

Digitized by Google

Случилось такъ счастливо, что Карлъ II былъ въ это время въ лучшихъ отношеніяхъ съ кардиналомъ, хлопотавшимъ о женитьбѣ его на старшей дочери герцога Орлеанскаго.

Увидѣвъ перстень, присланный съ нарочнымъ изъ Шербурга, юный король вспомнилъ своего спасителя, и сей-часъ же написалъ кардиналу:

»Человѣкъ, прославшій этотъ перстень, спасъ мнѣ жизнь и свободу, и доставилъ меня на берегъ гостепріимной Франціи.... Я поклялся ему, что если съ нимъ случится несчастіе, и онъ пришлетъ мнѣ кольцо это, сказавъ имя своего корабля, я окажу ему всякую помощь. Помогите мнѣ исполнить мою клятву. Поймите, что человѣкъ, спасающій своего короля, тогда какъ, предавъ его, могъ бы обогатиться, не можетъ быть виновенъ въ преступленіи.«

Въ тотъ же день было получено приказаніе освободить Максвеля безъ всякихъ объясненій; но напрасно умолялъ онъ объ освобожденіи Кобса. Бѣднаго старика повели назадъ въ темницу, говоря, что объ немъ ничего не сказано въ предписаніи.

Максвель утѣшалъ его при прощаніи, обѣщая употребить всѣ средства къ его освобожденію.

По совершенной случайности, не имѣвшей въ глазахъ тюремщика никакого значенія, Кобсъ отведенъ былъ въ ту темницу, которую занималъ Максвель.

По уходѣ тюремщика раздался говоръ Желѣзной Руки, и Кобсъ сталъ вслушиваться въ слова своего сосѣда. Но онъ уже не могъ узнать въ немъ давно отыскиваемаго сына своего Петерса. Разсказъ о юности пирата былъ уже конченъ, и его слышалъ одинъ Максвель.

IV.

— Кажется, теперь можно говорить, сказалъ пиратъ; тюремщикъ удалился. Слушаешь ли меня, Распіолло?

— Слушаю, капитанъ, вашъ разсказъ развлекаетъ меня среди мрачныхъ мыслей о нашемъ несчастномъ заключеніи.

Желѣзная Рука продолжалъ разсказъ свой:

»Обокраденный еще разъ и не зная на что рѣшиться, вышелъ я къ порту и задумавшись присѣлъ на лежавшую на берегу старую мачту. Скоро подошелъ ко мнѣ матросъ, у котораго спрашивалъ я наканунѣ о Госбургѣ.

Digitized by Google

— Ну что, нашелъ ты этого хромаго негодяя? спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ и не имѣю никакой надежды найдти его, отвѣчалъ я.—У меня нѣтъ ни гроша денегъ и я не знаю, что дѣлать.

— Свободенъ ли ты?

— Свободенъ.

— Ну такъ согласись быть матросомъ у какого-нибудь капитана, и мы превкусно и преплотно пообѣдаемъ. Кстати у меня есть одинъ знакомый хозяинъ судна, ему именно нужны новички. Уговорись съ нимъ и проживешь припѣваючи.

— Я очень радъ, отвѣчалъ я, но куда поѣдетъ этотъ хозяинъ судна?

— Куда.... Да онъ самъ все тебѣ разскажетъ.... Соглашайся скорѣй, а то я жду одного молодаго малаго, который будетъ съ нимъ сговорчивѣе.

Я былъ голоденъ, не зналъ ни души въ Плимутѣ, могъ ли я долго раздумывать?

— Я согласенъ, сказалъ я матросу, и мы отправились.

Спутникъ мой предупредилъ меня, чтобы я не шелъ съ нимъ вмѣстѣ, а слѣдовалъ бы за нимъ издали. Пройдя много улицъ, вышли мы вонъ изъ города и подошли къ полуразвалившемуся строенію, двери и окна котораго были заперты. Матросъ поднялъ небольшой камень и сталъ стучать имъ въ ставни.

Спустя нѣсколько времени отворилась дверь, и въ ней показался старикъ, нѣсколько смутившійся при видѣ новаго лица.—Но матросъ сказалъ ему что-то на ухо, и онъ скоро успокоился. — Меня впустили въ домъ, накормили, напоили и взяли клятву никому и никогда не говорить о тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ я буду участвовать.

Невѣденіе мое продолжалось недолго, я попалъ въ матросы капитану, занимавшемуся морскими разбоями. Нѣсколько времени прожилъ я на берегу покойно и весело, но въ первую же предпринятую нами экспедицію наткнулись мы ночью на линейный корабль, везшій преступниковъ въ ссылку. Нами овладѣли почти безъ боя, и присоединили къ ссыльнымъ.

Мѣсто нашего назначенія былъ островъ Сен-Христофъ, гдѣ насъ и высадили.

Болѣе года жизнь моя была настоящею мукою. Меня заставляли ежеминутно работать, то въ полѣ, то въ саду, то въ огородѣ. Наконецъ, разными происками и просьбами, добился я позволенія поступить въ экипажъ небольшаго судна, исполнявшаго различныя порученія внѣ острова. На этомъ суднѣ усовершенствовался я въ наукѣ мореплаванія

Digitized by Google

и хорошо изучилъ Карибское море. Всѣмъ этимъ занимался я въ надеждѣ, что настанетъ наконецъ для меня часъ свободы. Для ускоренія наступленія этого часа, конечно, готовъ былъ я рѣшиться на все, но таилъ свои замыслы, и начальство считало меня за человѣка примѣрнаго поведенія.

Года три провелъ я такимъ образомъ, какъ вдругъ одинъ богатый плантаторъ острова выпросилъ меня у губернатора для занятія должности патрона на небольшомъ суднѣ, употребляемомъ имъ для разъѣздовъ по заливамъ и берегамъ острова. Плантаторъ по имени Вильгельмсонъ обязался заплатить въ казну четыре тысячи піастровъ, въ случаѣ, если бы я воспользовался данною мнѣ свободою и бѣжалъ бы съ острова.

Я обѣщалъ нисколько не думать о побѣгѣ, и поступилъ въ новую должность.....

При имени Вильгельмсона, Кобсъ невольно привскочилъ съ своего мѣста и приблизился къ перегородкѣ. Не слышавшій этого движенія пиратъ продолжалъ:

»Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Случалось иногда, что самъ плантаторъ приказывалъ мнѣ перевезти себя въ какую-нибудь часть острова, куда не пролегала сухопутная дорога. Одинъ разъ даже жена его и дочь были моими пассажирами. Дочь эту звали, кажется, Фанелли....«

Кобсъ снова вздрогнулъ.

»Она еще тогда обѣщала быть красавицей, и я никакъ не думалъ, что мнѣ придется черезъ четыре года....

— Бросить ее въ пустую шлюпку на произволъ моря, сказалъ Распіолло.

— Ну да, Распіолло. Сдѣлавшись разъ флибустьеромъ....

— Пиратомъ, капитанъ.

— Ну, пожалуй пиратомъ. Я никогда не соблюдалъ различія между этими именами. Признаюсь тебѣ впрочемъ, что я жалѣю, что пристрѣлилъ старика; по старому знакомству, слѣдовало бы его помѣстить въ шлюпку вмѣстѣ съ женой и дочерью; но вернемся къ самому разсказу.

Плантаторъ былъ мною очень доволенъ и имѣлъ ко мнѣ полное довѣріе. Скоро употребилъ я его въ свою пользу.

Мнѣ поручено было отвезти на югъ острова довольно цѣнный грузъ, но вмѣсто южнаго берега острова, я поплылъ въ открытое море. Четыре негра, составлявшіе экипажъ мой, безъ труда согласились слѣдовать за мною; я обѣщалъ имъ и денегъ, и свободу.

Это былъ первый самобытный актъ моей жизни. До сихъ поръ мнѣ ничего неудавалась, но я дѣйствовалъ всегда по совѣту другихъ.

Digitized by Google

Приплывши въ Антигоа, продалъ я тамъ грузъ плантатора и на вырученныя деньги купилъ оружіе, абордажные топоры и нѣсколько маленькихъ пушекъ. По кабакамъ собралъ я нѣсколько негодяевъ, и, пополнивши ими экипажъ свой, вернулся въ море, еще не имѣя положительнаго плана дѣйствій.

Мы встрѣтили три или четыре небольшія судна съ колоніальными произведеніями, овладѣли ими, но безъ большой для себя прибыли; потому что въ наше судно нельзя было уложить много товара. Однако найдены были нами у нихъ и деньги, на которыя куплено было лишнее оружіе, и корабликъ снабженъ всѣмъ необходимымъ для серьезной встрѣчи съ непріятелемъ. Нѣсколько дней крейсировали мы близъ Порто-Рико въ ожиданіи поживы. Пожива была довольно вѣрная: я зналъ, что скоро долженъ выйдти изъ порта трехмачтовый испанскій корабль, отправляющійся по собраннымъ мною свѣдѣніямъ въ Ямайку. Опасался я только одного, что какой-нибудь флибустьеръ предупредитъ меня, потому что недалеко былъ островъ Черепахи, главный притонъ ихъ.

Опасенія мои оказались не напрасны. Въ день выхода корабля изъ порта я увидалъ въ двухъ или трехъ миляхъ кутеръ, ложившійся въ дрейфъ. На немъ не было никакаго флага, но я догадывался, что цѣль его прихода была та же, что и у меня. На моей мачтѣ развивался флагъ Испаніи; это сдѣлалъ я для того, чтобы безопаснѣе приблизиться къ ожидаемому мною кораблю. Появленіе кутера разстроивало всѣ мои планы; чтобы рѣшиться на новый планъ, собралъ я экипажъ свой. Я хотѣлъ выслушать его мнѣніе, хотя довѣріе его ко мнѣ было полное, не смотря на то, что мнѣ было только двадцать два года отъ роду.

Я объяснилъ матросамъ наше положеніе, и сказалъ, чтобы каждый изъ нихъ подалъ голосъ, что дѣлать.

— Возмемъ сначала кутеръ!.... сказалъ одинъ матросъ.

— Нѣтъ, лучше взять корабль, говорилъ другой.

— А по моему, сказалъ мулатъ, считавшійся у меня старшимъ изъ экипажа, пускай завяжется дѣло между кутеромъ и кораблемъ, а какъ оно покончится, то бросимся на побѣдителя.

Это мнѣніе показалось мнѣ лучшимъ и было принято единодушно.

Съ этою цѣлію стали мы удаляться отъ порта, оставаясь однако на такомъ разстояніи, чтобы видѣть участь кораблей, долженствовавшихъ сразиться.

Едва вышелъ изъ порта испанскій корабль, какъ кутеръ одѣлся весь парусами и пошелъ далѣе въ море. Этотъ маневръ сдѣланъ былъ для того, чтобы вызвать подальше отъ берега Испанца и отнять у него возможность вернуться въ портъ.

Digitized by Google

Капитанъ испанскаго корабля, видя наши легкія суда, удаляющіяся въ море, принялъ насъ за перевощиковъ товаровъ и смѣло продолжалъ путь свой. Но не прошло часа, какъ кутеръ поворотился и на всѣхъ парусахъ пошелъ на встрѣчу Испанцу. Я съ своей стороны правилъ такъ, чтобы не терять изъ виду противниковъ.

Капитанъ испанскаго корабля открылъ огонь, но флибустьеръ, предпочитая абордажъ всякому сраженію, очень скоро сдвинулся съ кораблемъ. Я не могъ видѣть издали всѣхъ подробностей сраженія, но не прошло четверти часа, какъ черный флагъ, явившійся въ минуту абордажа на кутерѣ, взвился на мачту корабля испанскаго и три раза поднялся и опустился по ней въ знакъ овладѣнія кораблемъ. Черный флагъ былъ знакомъ присутствія на кутерѣ одного изъ главныхъ капитановъ флибустьерскихъ, онъ носилъ названіе безпощаднаго.

По окончаніи схватки, оба судна перемѣнили путь свой и пошли мнѣ на встрѣчу. Они плыли медленно, потому что испанскіе выстрѣлы попортили паруса и мачты кутера. Когда они подошли къ намъ на близкое разстояніе, испанскій корабль легъ въ дрейфъ, а кутеръ сталъ приближаться къ намъ. На палубѣ не было замѣтно никакихъ приготовленій къ битвѣ. Я не зналъ, какъ объяснить себѣ этотъ поступокъ Флибустьера, шедшаго такъ смѣло подъ картечи моихъ пушекъ, но удивился еще болѣе, когда увидѣлъ, что онъ намѣренъ парламентировать.

— Я вижу, чего вы ждете!... закричалъ капитанъ кутера, я угадалъ еще давича ваши намѣренія и охотно схватился бы теперь съ вами; но народъ мой голоденъ, и мы устали какъ собаки.... Овладѣть нами не мудрено; но это дѣло не принесетъ вамъ никакой славы.... Если же вы хотите съ честію побѣдить Монбара, то дайте ему два часа срока, и онъ къ вашимъ услугамъ. Согласны ли вы?

Предложеніе было странное и неожиданное. Я еще не зналъ тогда, что̀ за человѣкъ этотъ Монбаръ, съ которымъ послѣ коротко познакомился. Онъ родомъ французскій дворянинъ, и въ своихъ флибустьерскихъ похожденіяхъ сохранилъ всю рыцарскую честность своего отечества.

Признаюсь тебѣ, Распіолло, меня околдовалъ человѣкъ этотъ; его благородная осанка, его голосъ имѣли на меня такое магическое дѣйствіе, что мнѣ было стыдно не понять того великодушія, котораго онъ отъ меня требовалъ. Я согласился на его предложеніе.

— Я согласенъ! закричалъ я Флибустьеру; черезъ два часа мы увидимъ, кому изъ насъ принадлежитъ испанскій корабль. Перевяжите ваши раны и будьте готовы къ сроку.

Digitized by Google

Я не могу передать теперь всѣхъ ощущеній души моей въ продолженіе двухъ-часоваго срока, даннаго мною, самъ не знаю почему. Я скоро понялъ, что сдѣлалъ ужасную глупость, не воспользовавшись безсиліемъ непріятеля, и былъ увѣренъ, что онъ самъ смѣется надъ моею уступчивостію. Я такъ раскаявался въ своемъ поступкѣ, что, еслибы кутеръ не удалился послѣ нашего переговора, я бы сейчасъ же атаковалъ его, не смотря на данное слово.

Неудовольствіе моего экипажа было тоже очевидно.

— Что ты дѣлаешь? говорилъ одинъ матросъ другому.

— Я кладу въ мѣшокъ все мое наслѣдство, чтобы Флибустьеры нашли его въ порядкѣ.

— А ты, говорилъ другой, приготовился познакомиться съ крокодилами?

— Когда Флибустьеры пообѣдаютъ, они атакуютъ насъ для сваренія желудка, сказалъ третій.

— Что жь ты не заряжаешь карабина?...

— Это, братъ, неучтиво; надо протянуть голову, а тамъ пусть ее рубятъ, какъ имъ угодно.

Всѣ эти разговоры я слышалъ, хотя ни одинъ матросъ не смѣлъ еще обратиться ко мнѣ прямо. Я подозвалъ мулата и сказалъ ему:

— Я очень жалѣю, что далъ промахъ, но кажется экипажъ не готовится исправить моей ошибки. Какъ ты думаешь?... будутъ ли наши люди драться какъ слѣдуетъ?

— Едва ли, отвѣчалъ мулатъ, матросы потеряли присутствіе духа. Давича весь авантажъ былъ на нашей сторонѣ, а теперь Флибустьеры оправятся, и какъ знать, кто одолѣетъ....

Пока я говорилъ съ мулатомъ, люди мои собрались въ одну кучку и перешептывались, а между тѣмъ оправившійся кутеръ поднялъ паруса и сталъ приближаться къ намъ. — Я невольно вздрогнулъ при мысли, что экипажъ мой будетъ драться неохотно. Минута была рѣшительная.

— Товарищи! вскричалъ я, подбѣжавъ къ матросамъ, непріятель приближается. Готовьтесь встрѣтить его по нашему.... Награда за побѣду въ вашихъ глазахъ....

— Надо было говорить это два часа назадъ!... прервалъ меня толстый негръ; еслибы вы были достойный нашъ начальникъ, мы бы давно плыли на этомъ кутерѣ!...

— Негодяй! вскричалъ я, выхвативши топоръ изъ-за пояса, развѣ не я господинъ здѣсь?

— Нѣтъ!... нѣтъ!... закричали разомъ матросы.... Тандзо правъ.... вы играете нашею жизнію....

Digitized by Google

Капитанъ испанскаго корабля, видя наши легкія суда, удаляющіяся въ море, принялъ насъ за перевощиковъ товаровъ и смѣло продолжалъ путь свой. Но не прошло часа, какъ кутеръ поворотился и на всѣхъ парусахъ пошелъ на встрѣчу Испанцу. Я съ своей стороны правилъ такъ, чтобы не терять изъ виду противниковъ.

Капитанъ испанскаго корабля открылъ огонь, но флибустьеръ, предпочитая абордажъ всякому сраженію, очень скоро сдвинулся съ кораблемъ. Я не могъ видѣть издали всѣхъ подробностей сраженія, но не прошло четверти часа, какъ черный флагъ, явившійся въ минуту абордажа на кутерѣ, взвился на мачту корабля испанскаго и три раза поднялся и опустился по ней въ знакъ овладѣнія кораблемъ. Черный флагъ былъ знакомъ присутствія на кутерѣ одного изъ главныхъ капитановъ флибустьерскихъ, онъ носилъ названіе безпощаднаго.

По окончаніи схватки, оба судна перемѣнили путь свой и пошли мнѣ на встрѣчу. Они плыли медленно, потому что испанскіе выстрѣлы попортили паруса и мачты кутера. Когда они подошли къ намъ на близкое разстояніе, испанскій корабль легъ въ дрейфъ, а кутеръ сталъ приближаться къ намъ. На палубѣ не было замѣтно никакихъ приготовленій къ битвѣ. Я не зналъ, какъ объяснить себѣ этотъ поступокъ Флибустьера, шедшаго такъ смѣло подъ картечи моихъ пушекъ, но удивился еще болѣе, когда увидѣлъ, что онъ намѣренъ парламентировать.

— Я вижу, чего вы ждете!... закричалъ капитанъ кутера, я угадалъ еще давича ваши намѣренія и охотно схватился бы теперь съ вами; но народъ мой голоденъ, и мы устали какъ собаки.... Овладѣть нами не мудрено; но это дѣло не принесетъ вамъ никакой славы.... Если же вы хотите съ честію побѣдить Монбара, то дайте ему два часа срока, и онъ къ вашимъ услугамъ. Согласны ли вы?

Предложеніе было странное и неожиданное. Я еще не зналъ тогда, что̀ за человѣкъ этотъ Монбаръ, съ которымъ послѣ коротко̀ познакомился. Онъ родомъ французскій дворянинъ, и въ своихъ флибустьерскихъ похожденіяхъ сохранилъ всю рыцарскую честность своего отечества.

Признаюсь тебѣ, Распіолло, меня околдовалъ человѣкъ этотъ; его благородная осанка, его голосъ имѣли на меня такое магическое дѣйствіе, что мнѣ было стыдно не понять того великодушія, котораго онъ отъ меня требовалъ. Я согласился на его предложеніе.

— Я согласенъ! закричалъ я Флибустьеру; черезъ два часа мы увидимъ, кому изъ насъ принадлежитъ испанскій корабль. Перевяжите ваши раны и будьте готовы къ сроку.

Digitized by Google

Я раскинулъ себѣ палатку и выкидывалъ каждый день флагъ свой въ ожиданіи освобожденія.

Прошло двѣ недѣли моей скучной и однообразной жизни, какъ поднявшаяся на морѣ буря бросила къ островамъ и разбила о прибрежныя скалы одно судно. Я видѣлъ всю эту катастрофу, но не могъ подать никакой помощи погибающимъ. На другой день явился ко мнѣ одинъ человѣкъ изъ утонувшаго экипажа. При встрѣчѣ съ нимъ я не назвалъ себя, и послѣдствія доказали, что я поступилъ очень благоразумно.

Еще въ бытность мою на островѣ Черепахи слышалъ я, что Монбаръ оставилъ тутъ несмѣтныя богатства, и мнѣ тогда же пришло въ голову, что отнять ихъ у тѣхъ, которые за ними пріѣдутъ, будетъ дѣло отмѣнное. Какое-то предчувствіе говорило мнѣ, что разбитое судно везло эти сокровища, и я жаждалъ убѣдиться въ истинѣ моего предположенія.

Въ одно утро поселившійся у меня морякъ предложилъ мнѣ съѣздить къ мѣсту кораблекрушенія, и я принялъ съ восторгомъ это предложеніе.

Войдя на полупотонувшее судно, я притворился пьянымъ, а товарищъ мой, думая, что я ничего не замѣчаю, поступками своими убѣдилъ меня, что я не ошибался въ грузѣ судна.

Нѣсколько дней спустя за мной пріѣхали. Я ушелъ по тихоньку отъ товарища, и съ этихъ поръ мысль овладѣть этими потонувшими сокровищами не оставляла меня ни на минуту.

Остальное, Распіолло, тебѣ извѣстно.

Мнѣ дали порученіе зайдти во всѣ Антильскіе острова, чтобы склонить къ союзу тамошнихъ губернаторовъ и потомъ уже отправиться въ Голландію для заключенія окончательнаго союза съ правительствомъ этой страны. Ты помнишь, конечно, какъ вытащили мы бочки съ піастрами, какъ овладѣли кораблемъ Ксименеса, какъ дрались подъ Плимутомъ съ бригомъ и встрѣтили на возвратномъ пути этотъ странный кутеръ.... За тѣмъ начинается наша лихая жизнь въ Парижѣ, такъ не кстати прерванная. Еще борьба съ судьбою! Хорошо, если выйдемъ изъ нея побѣдителями.

— Будемъ надѣяться, сказалъ Распіолло. Желѣзная комната недоступна. Вы не пиратъ, ни Флибустьеръ, ни Желѣзная Рука; но знатный вельможа. За что же насъ вѣшать?

Слова Распіолло были прерваны шагами тюремщика, пришедшаго освободить Кобса.

Digitized by Google

Положеніе было ужасное. Я былъ одинъ передъ этими бунтовщиками, а непріятель подходилъ все ближе и ближе. Вся кровь кинулась мнѣ въ голову.

— Вы всѣ подлецы!... закричалъ я, взмахнувши топоръ свой.

— А ты измѣнникъ!... отвѣтилъ мнѣ толстый негръ.

Гнѣвъ душилъ меня, я бросился къ негру и ударилъ по немъ топоромъ своимъ; но онъ очень быстро пригнулся и прыгнулъ, такъ что вмѣсто головы его, я задѣлъ его только по спинѣ. Глаза его страшно сверкнули, онъ поднялъ меня на воздухъ и бросилъ въ море.

Вслѣдъ за этимъ раздался выстрѣлъ, и пуля просвистала надъ моей головою.

Когда я всплылъ на поверхность воды, то увидѣлъ, что экипажъ мой повиновался негру и спѣшилъ удалиться отъ приближавшагося кутера.

Флибустьеры видѣли всю эту продѣлку и спустили лодку, чтобы спасти меня. Капитанъ встрѣтилъ меня на палубѣ и просилъ объяснить, какъ и что случилось. Я разсказалъ все подробно, и Монбаръ обошелся со мною очень милостиво.... Онъ объявилъ мнѣ, что я совершенно свободенъ, и что онъ высадитъ меня на берегъ по моему желанію.

Путь Монбара лежалъ къ острову Черепахи. Дорогой мы познакомились короче, и онъ увидѣлъ во мнѣ человѣка, способнаго и нужнаго для Флибустьеровъ.

Въ этомъ убѣжденіи предложилъ онъ мнѣ вступить въ ихъ общество, и я принялъ его предложеніе.

Еще тогда, Распіолло, рѣшился я не отличать Испанцевъ отъ другихъ народовъ и брать дань съ кого попало, но не сознавался въ этомъ Монбару. Послѣдствія оправдали мое рѣшеніе. Я обогатился.... Но скоро конецъ моему разсказу.

Пріѣхавши на островъ Черепахи, Монбаръ представилъ меня губернатору и властямъ своимъ. Сначала помѣстили меня лейтенантомъ на одинъ изъ кораблей флибустьерскихъ; неустрашимость и ловкость моя скоро заставили впрочемъ начальство дать мнѣ команду независимую. Къ счастію моему, знаменитый Монбаръ-Истребитель потерялъ руку при взрывѣ одного корабля, и меня назначили на его мѣсто. Съ этимъ назначеніемъ я получилъ право выкидывать на своей мачтѣ безпощадный флагъ.

Много совершилъ я экспедицій, много отправилъ на тотъ свѣтъ народу, и имя мое сдѣлалось славно между Флибустьерами.

Однажды обвинили меня въ преступленіи какого-то статута общества, и осудили къ мѣсячной ссылкѣ на Дѣвственные острова. Меня отвезли туда и оставили одного, давши мнѣ однако все необходимое для существованія.

Digitized by Google

— Государь! отвѣчалъ Максвель, вы возвратили мнѣ свободу, но старый мой товарищъ, лучшій другъ, еще въ темницѣ. Клянусь вамъ, что онъ невиненъ. Стеченіе обстоятельствъ....

— Наружность часто обманчива, я это знаю, сказалъ король.—Товарищъ вашъ будетъ освобожденъ, я берусь за это. Не могу ли я еще чего для васъ сдѣлать?....

— Тысячу разъ благодарю васъ, государь! Вы угадали, у меня есть еще къ вамъ просьба. Позвольте мнѣ употребить на служеніе вамъ мою свободу.

— Я не имѣю двора, Максвель, я изгнанникъ, пользующійся убѣжищемъ въ чужой странѣ. Но при дворѣ Франціи составляется ополченіе въ мою пользу и я надѣюсь воротить себѣ престолъ отца моего. Будьте однимъ изъ моихъ капитановъ, а вашему товарищу скажите, что хлопотать о его освобожденія при васъ пошелъ король Англіи.

Максвель вернулся въ Парижъ, и на другой день Кобсъ получилъ свободу. Въ послѣдніе дни своего заключенія бѣдный старикъ узналъ ужасныя вещи. Желѣзная Рука, распрашиваемый своимъ секретаремъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ своей юности, повторилъ ихъ и назвалъ себя Петерсомъ. Въ Кобсѣ родилось предчувствіе истины, и съ этимъ мрачнымъ предчувствіемъ явился онъ къ Максвелю.

Максвель выслушалъ, молча, его разсказъ и его предположеніе о тождествѣ Петерса и пирата. Это молчаніе человѣка, слышавшаго начало повѣсти Желѣзной Руки, убѣдило Кобса въ его несчастіи:

— Такъ это сынъ мой! вскричалъ старикъ въ отчаяніи;—сынъ, котораго я искалъ по цѣлому свѣту!.... мой сынъ разбойникъ, достойный тысячи смертей!.... Боже!.... тяжело иногда наказуешь Ты Свое твореніе!....

Максвель не пытался утѣшать отца въ его горѣ, понимая, что всякое утѣшеніе будетъ неумѣстно и безполезно. Выхлопотать свободу пирату было мгновеннымъ намѣреніемъ Максвеля, но оно не имѣло побужденіемъ великодушіе, а желаніе лично отмстить своему злодѣю и при послѣднемъ его издыханіи сказать ему, кто и за что мститъ ему. Слезы убитаго отца заставили его отказаться отъ этого желанія, и ослабили въ немъ жажду мщенія.

— Капитанъ, говорилъ Кобсъ, становясь на колѣна передъ Максвелемъ, — спасите его!....

— Но вы забыли, что онъ разбойникъ!

— Онъ братъ моей Салли!....

— Онъ убійца Марсіаля!

— Я жилъ только для того, чтобы обнять его!

— Имъ убитъ отецъ моей невѣсты!

— Онъ сынъ мой! сынъ!

— Я обязанъ ему всѣми моими несчастіями.... Не онъ ли былъ виною нашего послѣдняго заключенія?

— Увы!... Я все это это знаю.... Но онъ сынъ мой!

— Пиратъ!.... Убійца!

— И сынъ мой!

*

Digitized by Google

— Бѣдный Кобсъ! Вы забываете, что его прикосновеніе окровавитъ ваши сѣдые волосы.... Забываете, что одинъ случай помѣшалъ ему быть отцеубійцей!

— Это правда!... это правда!... говорилъ старикъ; но могу ли я проклинать мое дѣтище? Онъ сынъ жены моей, этой бѣдной женщины, умершей въ темницѣ, братъ моей несравненной Салли.... Онъ одинъ у меня на землѣ!... Максвель!... Другъ, покровитель мой!... Спасите его, дайте мнѣ взглянуть на него одинъ разъ, и я готовъ не видать его болѣе.... Пусть онъ ѣдетъ, пусть живетъ, гдѣ ему угодно.... Но я буду знать, что у меня есть сынъ.... Буду думать о немъ и умру спокойно....

Тяжело было Максвелю видѣть слезы стараго Кобса, но еще тяжелѣе вспоминать гибель Марсіаля и смерть Елены.

Онъ передалъ огорченному отцу разсказы, слышанные имъ въ темницѣ; Кобсъ тоже разсказалъ ему остальную жизнь пирата, не переставая умолять своего прежняго капитана употребить вліяніе короля Англійскаго для спасенія Петерса.

Тронутый наконецъ безутѣшною горестію отца, Максвель рѣшился еще разъ прибѣгнуть къ Карлу II-му, и съ этой цѣлію отправился рано утромъ въ Лувръ.

На дорогѣ увидѣлъ онъ необыкновенно большія толпы народа, идущія по одному направленію, и изъ отрывочныхъ разговоровъ узналъ, что народъ этотъ идетъ смотрѣть на казнь двухъ преступниковъ. Влекомый какимъ-то предчувствіемъ, Максвель невольно послѣдовалъ за толпою, и дошелъ вмѣстѣ съ нею до берега Сены.

— Но кого же будутъ казнить? спросилъ онъ у ближайшаго сосѣда.

— Какого-то графа.... вельможу.... отвѣчали ему.

— Но имя?... имя его?

— Онъ кажется Испанецъ.... Дон-Ксименесъ.... говорятъ, что онъ просто морской разбойникъ.

Услышавъ это, Максвель сжалъ въ рукахъ благодѣтельный перстень, и хотѣлъ бѣжать назадъ въ Лувръ; но было уже поздно. Два трупа качались на двухъ висѣлицахъ, и стаи воронъ носились надъ орудіями казни въ ожиданіи своей добычи.

Тайны желѣзной комнаты не укрылись отъ розысковъ полиціи.

Возвратясь домой, Максвель нашелъ Кобса въ отчаянномъ положеніи. Онъ заговаривался и оказывалъ всѣ признаки сумасшествія.

VI.

Нѣсколько лѣтъ спустя, 24 мая въѣзжалъ Карлъ II-й, король Англіи, въ столицу своего государства; почетною свитою его командовалъ лордъ Максвель, счастливый супругъ Фанелли.

Кромвель умеръ, и сынъ Стюарта всходилъ на законный престолъ свой.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Digitized by Google

— Государь! отвѣчалъ Максвель, вы возвратили мнѣ свободу, но старый мой товарищъ, лучшій другъ, еще въ темницѣ. Клянусь вамъ, что онъ невиненъ. Стеченіе обстоятельствъ....

— Наружность часто обманчива, я это знаю, сказалъ король.—Товарищъ вашъ будетъ освобожденъ, я берусь за это. Не могу ли я еще чего для васъ сдѣлать?....

— Тысячу разъ благодарю васъ, государь! Вы угадали, у меня есть еще къ вамъ просьба. Позвольте мнѣ употребить на служеніе вамъ мою свободу.

— Я не имѣю двора, Максвель, я изгнанникъ, пользующійся убѣжищемъ въ чужой странѣ. Но при дворѣ Франціи составляется ополченіе въ мою пользу и я надѣюсь воротить себѣ престолъ отца моего. Будьте однимъ изъ моихъ капитановъ, а вашему товарищу скажите, что хлопотать о его освобожденія при васъ пошелъ король Англіи.

Максвель вернулся въ Парижъ, и на другой день Кобсъ получилъ свободу. Въ послѣдніе дни своего заключенія бѣдный старикъ узналъ ужасныя вещи. Желѣзная Рука, распрашиваемый своимъ секретаремъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ своей юности, повторилъ ихъ и назвалъ себя Петерсомъ. Въ Кобсѣ родилось предчувствіе истины, и съ этимъ мрачнымъ предчувствіемъ явился онъ къ Максвелю.

Максвель выслушалъ, молча, его разсказъ и его предположеніе о тождествѣ Петерса и пирата. Это молчаніе человѣка, слышавшаго начало повѣсти Желѣзной Руки, убѣдило Кобса въ его несчастіи:

— Такъ это сынъ мой! вскричалъ старикъ въ отчаяніи;—сынъ, котораго я искалъ по цѣлому свѣту!.... мой сынъ разбойникъ, достойный тысячи смертей!.... Боже!.... тяжело иногда наказуешь Ты Свое твореніе!....

Максвель не пытался утѣшать отца въ его горѣ, понимая, что всякое утѣшеніе будетъ неумѣстно и безполезно. Выхлопотать свободу пирату было мгновеннымъ намѣреніемъ Максвеля, но оно не имѣло побужденіемъ великодушіе, а желаніе лично отмстить своему злодѣю и при послѣднемъ его издыханіи сказать ему, кто и за что мститъ ему. Слезы убитаго отца заставили его отказаться отъ этого желанія, и ослабили въ немъ жажду мщенія.

— Капитанъ, говорилъ Кобсъ, становясь на колѣна передъ Максвелемъ, — спасите его!....

— Но вы забыли, что онъ разбойникъ!

— Онъ братъ моей Салли!....

— Онъ убійца Марсіаля!

— Я жилъ только для того, чтобы обнять его!

— Имъ убитъ отецъ моей невѣсты!

— Онъ сынъ мой! сынъ!

— Я обязанъ ему всѣми моими несчастіями.... Не онъ ли былъ виною нашего послѣдняго заключенія?

— Увы!... Я все это это знаю.... Но онъ сынъ мой!

— Пиратъ!.... Убійца!

— И сынъ мой!

*

Digitized by Google

— Бѣдный Кобсъ! Вы забываете, что его прикосновеніе окровавитъ ваши сѣдые волосы.... Забываете, что одинъ случай помѣшалъ ему быть отцеубійцей!

— Это правда!... это правда!... говорилъ старикъ; но могу ли я проклинать мое дѣтище? Онъ сынъ жены моей, этой бѣдной женщины умершей въ темницѣ, братъ моей несравненной Салли.... Онъ одинъ у меня на землѣ!... Максвель!... Другъ, покровитель мой!... Спасите его, дайте мнѣ взглянуть на него одинъ разъ, и я готовъ не видать его болѣе.... Пусть онъ ѣдетъ, пусть живетъ, гдѣ ему угодно.... Но я буду знать, что у меня есть сынъ.... Буду думать о немъ и умру спокойно....

Тяжело было Максвелю видѣть слезы стараго Кобса, но еще тяжелѣе вспоминать гибель Марсіаля и смерть Елены.

Онъ передалъ огорченному отцу разсказы, слышанные имъ въ темницѣ; Кобсъ тоже разсказалъ ему остальную жизнь пирата, не переставая умолять своего прежняго капитана употребить вліяніе короля Англійскаго для спасенія Петерса.

Тронутый наконецъ безутѣшною горестію отца, Максвель рѣшился еще разъ прибѣгнуть къ Карлу II-му, и съ этой цѣлію отправился рано утромъ въ Лувръ.

На дорогѣ увидѣлъ онъ необыкновенно большія толпы народа, идущія по одному направленію, и изъ отрывочныхъ разговоровъ узналъ, что народъ этотъ идетъ смотрѣть на казнь двухъ преступниковъ. Влекомый какимъ-то предчувствіемъ, Максвель невольно послѣдовалъ за толпою, и дошелъ вмѣстѣ съ нею до берега Сены.

— Но кого же будутъ казнить? спросилъ онъ у ближайшаго сосѣда.

— Какого-то графа.... вельможу.... отвѣчали ему.

— Но имя?... имя его?

— Онъ кажется Испанецъ.... Донъ-Ксименесъ.... говорятъ, что онъ просто морской разбойникъ.

Услышавъ это, Максвель сжалъ въ рукахъ благодѣтельный перстень, и хотѣлъ бѣжать назадъ въ Лувръ; но было уже поздно. Два трупа качались на двухъ висѣлицахъ, и стаи воронъ носились надъ орудіями казни въ ожиданіи своей добычи.

Тайны желѣзной комнаты не укрылись отъ розысковъ полиціи.

Возвратясь домой, Максвель нашелъ Кобса въ отчаянномъ положеніи. Онъ заговаривался и оказывалъ всѣ признаки сумасшествія.

VI.

Нѣсколько лѣтъ спустя, 24 мая въѣзжалъ Карлъ II-й, король Англіи, въ столицу своего государства; почетною свитою его командовалъ лордъ Максвель, счастливый супругъ Фанелли.

Кромвель умеръ, и сынъ Стюарта всходилъ на законный престолъ свой.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Digitized by Google

МОДЫ.

— Наши бальные костюмы, если не совершенно такіе, какіе носили во времена имперіи, то очень похожи. Тѣ же короткія таліи, драпри, буфы на рукавахъ, юбки съ небольшимъ шлейфомъ сзади. Вотъ платье, дѣланное одною изъ знаменитыхъ парижскихъ модистокъ для представленія въ Тюльери; платье голубое бархатное, разрѣзанное во всю длину спереди, на бѣломъ атласномъ чахлѣ, шитомъ шелками роскошными букетами розъ; лифъ съ бѣлой атласной вставкой, вышитой также букетами розъ и убранной бѣлой блондой; бархатная юбка очень длинна и приподнята тремя букетами розъ, перемѣшанныхъ съ блондой.

— Вотъ еще два замѣчательныхъ туалета, одинъ для вечера, другой для визитовъ, работы той же модистки:

— Вечерній туалетъ состоитъ изъ бѣлаго тюлеваго платья въ три юбки, подрубленныя широкими рубцами, поверхъ которыхъ вышитъ гладью крупный горохъ голубымъ не крученымъ шелкомъ; лифъ и рукава сборчатые. Поясъ изъ голубыхъ широкихъ лентъ оканчивается двумя бантами; одинъ изъ нихъ длинными концами упадаетъ до половины юбки, а другой, подколотый подъ первымъ, доходитъ концами до самаго подола.

— Визитное платье сдѣлано изъ муару-антикъ, цвѣта пансе, съ двумя лифами; первый едва покрываетъ корсетъ, безъ проймъ, образующій сердце спереди; край убранъ бархатомъ, вырѣзаннымъ рубцами. Подъ этимъ лифомъ надѣтъ другой, верхъ котораго сдѣланъ изъ чернаго бархату, такъ, что образуетъ высокій воротъ. Рукава у проймъ убраны бархатными жокеями; изъ-подъ этихъ жокеевъ муаровые рукава выходятъ широкими буфами, потомъ дѣлаются все уже и уже и застегиваются у кисти. Съ такимъ платьемъ должно надѣвать большой остроконечный воротничекъ изъ гипюру, застегнутый спереди небольшимъ шу изъ лентъ, съ бриллiантовой срединой.

— Изъ мантилій, назначенныхъ для визитовъ, лучшею считаемъ мы пардесю *reine Blanche* черное бархатное, образующее тальму сзади, а спереди пальто, съ прорѣзками для рукъ, отдѣланными сверху

Digitized by Google

бантомъ лентъ, упадающимъ тремя длинными концами на руку. Капюшъ сборчатый, убранный, какъ и самое пардесю, муаровой тесьмой.

— Такимъ фасономъ мы видѣли прекрасный sortiè-de-bal изъ грод'Екосу ярко голубаго цвѣта, шитый золотомъ широкою каймой, составленной изъ роговъ изобилія. Перёдъ вышитъ такимъ же узоромъ, но меньшаго размѣра; капюшъ сборчатый, вышитый тѣмъ же, узоръ какъ и sortiè-de-bal, и убранный двумя бантами голубыхъ лентъ, затканныхъ золотомъ.

— Очень великолѣпенъ также бурнусъ *Vely Pacha* изъ бѣлаго Индійскаго кашемиру, шитый серебромъ и золотомъ, и очень идетъ къ платьямъ изъ органди, затканнымъ серебромъ и золотомъ, и къ тарлатановымъ платьямъ вышитымъ блестками.

— Для прогулокъ черныя шелковыя платья въ большомъ употребленіи; ихъ отдѣлываютъ лентами, бархатомъ и проч. Вотъ прекрасный нарядъ для прогулки: платье изъ чернаго глясе, отдѣланное тремя широкими полосами чернаго же муару, обложенными съ обѣихъ сторонъ чернымъ бархатомъ, вырѣзаннымъ волнами; лифъ съ высокимъ воротомъ и съ боскою убранною также какъ и юбка. Черная бархатная шляпа, сдѣланная по послѣдней модѣ, т. е. очень открытая, упадающая назадъ, украшенная блондой и перьями была отдѣлана внутри пушовымъ бархатомъ, что теперь въ большомъ употребленіи. Эта пушовая отдѣлка дѣлается конечно изъ полнаго или булавчатаго бархату, рѣзкій, но мягкій тонъ котораго идетъ равно какъ блондинкамъ такъ и брюнеткамъ; ее перемѣшиваютъ иногда съ бѣлой блондой.

— Нарядъ этотъ дополняетъ черное бархатное пальто, широкое, съ рукавами и съ отворотами, скрещивающимися на груди на подобіе мужскихъ сюртуковъ.

ОПИСАНІЕ КАРТИНКИ.

— Платье бѣлое шелковое, съ тюлевымъ тюникомъ, приподнятымъ креповыми листьями, перемѣшанными съ золотыми бусами; уборъ изъ тѣхъ же листьевъ и бусъ.

— Визитное платье репсовое, въ три оборки, обшитыя бахрамой; манто чернаго бархату; шляпа бархатная, отдѣланная кружевомъ и перьями.

Digitized by Google

МОДЫ.

— Парижскій сезонъ, по словамъ журналовъ, великолѣпенъ. Балы и праздники блестящею цѣпью слѣдуютъ одинъ за другимъ. Опишемъ нѣсколько нарядовъ, самыхъ замѣчательныхъ, появляющихся на этихъ балахъ:

— Платье тарлатановое бѣлое, вышитое на оборкахъ золотомъ, гирляндами ландышей, перемѣшанныхъ съ вѣтками фуксіи, шитой пунцовымъ шелкомъ; такимъ же шитьемъ, расположеннымъ въ видѣ вѣера, убранъ лифъ и рукава, приподнятые бантами пунцовыхъ лентъ, съ золотой каймой.

— Платье изъ бѣлаго органди, въ двѣ юбки; изъ конхъ нижняя украшена широкой гипюровой оборкой, съ буфой сверху, въ которую продернута лиловая лента. Верхняя юбка также обшита гипюровой оборкой, упадающей до буфы нижней юбки; она съ одной стороны приподнята бантомъ лиловыхъ лентъ. Но что составляетъ всю прелесть этой тюники, это множество крошечныхъ фіалокъ лиловаго бархату, приклеенныхъ на нее и рельефно отдѣляющихся отъ бѣлаго органди. Лифъ украшенъ прекрасной гипюровой бертой, приколотой спереди букетомъ фіалокъ изъ лиловаго бархату.

— Платье изъ шелковаго бѣлаго тюлю, въ двѣ юбки, отдѣланныя широкимъ шитымъ золотомъ и разноцвѣтными шелками, изображающихъ гирлянду полевыхъ цвѣтовъ, перемѣшанныхъ съ колосьями ржи; лифъ *à la grecque*, вышитъ, также какъ и юбка; на рукавахъ, составленныхъ изъ большой буфы, приколоты банты лентъ, затканныхъ золотомъ съ длинными концами.

— Платье бѣлаго пу-де-суа, съ тремя оборками, обшитыми въ нѣсколько рядовъ синимъ бархатцемъ, съ серебряной каймой. Лифъ à la grecque украшенъ такимъ же образомъ; рукава въ двѣ буфы.

— Очень много дѣлаютъ платьевъ тюлевыхъ или тарлатановыхъ, шитыхъ en application бархатомъ гирляндою листьевъ, контуръ и жилки которыхъ обводятъ золотою ниткой въ тамбуръ. Это очень эффектно.

Digitized by Google

— Шелковыя матеріи достигаютъ невѣроятнаго великолѣпія. Они, подобно матеріямъ нашихъ прабабушекъ, такъ плотны и тяжелы, что стоятъ, а не драпируются, а рисунокъ ихъ такъ искусно и окончательно отдѣланъ, что его можно почесть за лучшую живопись.

— Золото играетъ большую роль въ головныхъ уборахъ; оно примѣшивается къ лентамъ, цвѣтамъ, кружеву. *Alexandrine*, знаменитая парижская модистка, дѣлаетъ прекрасные уборы, изъ золотаго кружева, съ цвѣтами, перьями или лентами. Особенно хорошъ ея уборъ *diadème impériale*, составленный изъ двухъ бархатныхъ бантовъ и небольшихъ золотыхъ пальмочекъ. Для парадныхъ баловъ банты замѣняются перьями, а золотыя пальмочки украшаются жемчугомъ и бриллiантовыми колосьями.

— Между всѣми головными уборами изъ цвѣтовъ, лучшими считаемъ мы гирлянду *Leopold Robert* и вѣнокъ *Norma*, круглый, закрывающій сзади всю косу, составленный изъ бархатныхъ дубовыхъ листьевъ, съ золотыми желудками. Хороши также діадема *Hortense*, изъ гранатъ, сдѣланныхъ изъ пунцоваго крепа, съ бутонами и листьями изъ золотаго кружева и гирлянды золотыхъ или серебряныхъ колосьевъ, перемѣшанныхъ съ фуксіей, волюбилисомъ, ацаліями, душистымъ горошкомъ и проч.

— Сорти де-бäль все по прежнему вышиваютъ шелкомъ и золотомъ, отдѣлываютъ кружевомъ и нерѣдко лебяжьимъ пухомъ, что очень красиво.

— Рукава нынѣшній годъ очень разнообразны. Много дѣлаютъ рукавовъ *pagode mousquetaire*, рукавовъ испанскихъ съ прорѣзями въ видѣ косоугольниковъ. Еще есть рукавъ *Charles Quint*, съ складками гладкими сверху, образующій къ низу пышную буфу, подъ которую пришиваютъ два или три ряда широкаго кружева.

ОПИСАНІЕ КАРТИНКИ.

— Вечерній нарядъ: — платье изъ муару-антикъ, отдѣланное бархатомъ; подрукавники и модести кружевные; уборъ изъ чернаго бархату и золотыхъ лентъ.

— Маскарадные костюмы: — праздничный костюмъ французскихъ фермеровъ.

Печатать позволяется. Москва, Января 29 дня, 1853 года.
Цензоръ Д. Ржевскій.

Въ типографіяхъ: Университетской, В. Готье и Степановой.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ I-го ТОМА МОСКВИТЯНИНА.

I. РУССКАЯ [redacted]

	Книги.	Стран.
Викторъ, повѣсть **Е. И. ВЕЛЬТМАНЪ** . . . [redacted]6, 7. III	211. IV	251
О значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи, **С. П. ШЕВЫРЕВА**	II	75
Біографія М. Н. Загоскина, **С. Т. А—ВА**	I	17
XV стихотвореній, **Н. Ѳ. ЩЕРБИНЫ**	I	1
Дѣтскій балъ, стихотвореніе **Х.**	III	249

II. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Воспоминанія о Шенбрунскомъ замкѣ	I 1. II	19
Желѣзная Рука, романъ Леконта, въ двухъ частяхъ, (*въ приложеніи*)	I 1. II 19. III	47
Христоферъ Колумбъ, статья *Ламартина*	IV	41

III. НАУКИ.

Объ успѣхахъ новѣйшей химіи и заслугахъ Берцеліуса, **Д. Е. М.**	I	1
Легенды объ Аттилѣ. (I. Латинскія, II. Германскія преданія).	II 29. III	59
Открытіе о Печенегахъ, **Д. И. ПРОЗОРОВСКАГО**	III	127
О введеніи метрическаго стопосложенія и началѣ нашего стихотворства, **М. А. ДМИТРІЕВА**	IV	12[illegible]

IV. ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

Празднованіе новаго лѣта въ 1675 году	I	1
Исторія о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ и столѣничьей дочери Нардина Нащокина Аннушкѣ	I	3
Для біографіи Ломоносова	III	17
Записки Современника. Дневникъ Студента	III	27

V. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская изящная Литература въ 1852 году, **А. А. ГРИГОРЬЕВА.** I, 167. — Исторія войны Россіи съ Франціею, въ 1799 году, соч. Полк. *Милютина*, IV, 159. — Ученыя Записки Императорской Академіи Наукъ, II, 74. — Dichterkanon, пр. *Нейкирха*, II, 81. — Протоколъ Стародубскаго Магистрата до записованя справъ на рокъ 1690, **проф. В. Н. ЛЕШКОВА**, II, 93. — Русская старина, сост. *А. Мартыновымъ*, **И. А. ДМ.**, III, 103. — Указатель селеній и жителей уѣздовъ Московской губерніи, *К. Нистрема*, **И. А. ДМ.**, III, 112. — Изслѣдованія о состояніи пеньковой промышленности въ Россіи, III, 104. — Слова и рѣчи протоіерея *Михаила Павловскаго*, II, 73. — Литературные досуги, II, 97. — Новыя русскія поговорки и присказки,

Digitized by Google

III, 108. — Бабушкины уроки или Русская Исторія въ разговорахъ для дѣтей, *А. Ишимовой*. — Лѣто въ Царскомъ Селѣ, разсказы для дѣтей, *М. П—вой*, III, 111. — Мѣсяцесловъ на 1853 годъ. — Кавказскій календарь на 1853 годъ, II, 65.

ЖУРНАЛИСТИКА.

Библіотека для Чтенія, № I, январь, 1853 г., г., III, 121. — Отечественныя Записки, № I, январь, 1853 года, III, 143. — Современникъ, № 12, декабрь, 1852. № I, январь, 1853 г., IV, 215.

VI. ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Морскія силы Франціи, *Принца Жуанвильскаго*, IV, 1.

VII. СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

а) *Заграничныя*, I, 1. II, 37. III, 61. IV, 93.

b) *Внутреннія*: Посильный взглядъ на выставку Императорской Академіи художествъ, **в. т. плаксина**, I, 18. — *Изъ Казани* (театръ; торговля; выставка сельскихъ произведеній; литературныя извѣстія; Спиридонъ Михайловъ, литераторъ изъ Чувашъ, и проч.), **А. НЕВЗОРОВА**, II, 48. — *Черниговскія* Губернскія Вѣдомости, II, 56. — *Изъ Херсона* (Черты изъ жизни Кольцова), **в. д. НЕГРЕСКУЛА**, III, 73. — *Изъ Шуи* (Старинные акты; статистическія свѣденія; спектакль, и проч.), **и. ЛЯДОВА**, III, 75. — Описаніе картинной галлереи Ѳедора Ивановича Прянишникова, **и. АНИЧКОВА**, IV, 97.

с) *Московскія*: Ярмарка въ залахъ Благороднаго Собранія, I, 33.— Село Вороново, помѣстье Колычевыхъ, II, 58. — Университетскій актъ 12 января, **м. п. п.**, II, 59. — О выставкѣ Московскаго училища Живописи и Ваянія, **н. А. РАМАЗАНОВА**, III, 79. — Концертъ и балъ съ сюрпризами 18 января, III, 88.

VIII. СМѢСЬ.

Подмосковная охота. Шпачекъ, **в. в.**, I, 1. — Ссыльный, разсказъ Диккенса, I, 12.—Приключеніе въ игорномъ домѣ, разсказъ, II, 33.— Какъ было открыто золото въ Калифорніи, II, 45. — Календарь XVIII столѣтія въ Германіи, III, 55. — Хелголландская дѣвушка, разсказъ, III, 62. — Любовь и женщины, III, 69. — Понте-Моло, **м. и. вишнякова**, IV, 83. — Восточный купецъ, IV, 92. — Мейерберъ, IV, 97. — Потребленіе жизненныхъ потребностей въ Хрустальномъ дворцѣ, IV, 100.—Анекдотъ о Пушкинѣ, IV, 107.—Наблюденія надъ умирающими, I, 30. — О кончинѣ Протоіерея Іоанна Доброхотова, I, 31. — Метеорологическое предсказаніе на 1853 годъ, I, 32.—Замѣчаніе, II, 47.— Отвѣтъ г. Аксакову, **д. о. ШЕПИНГА**, II, 50. — Памятный листокъ ошибокъ въ Русскомъ языкѣ, **и. ПОКРОВСКАГО**, III, 76. — Замѣтки о Русскомъ языкѣ, **м. м.**, IV, 101. — Варіанты къ Исторіи о Россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ, III, 81. — Отъ Редакціи, I.

Моды, съ картинками изъ Le Moniteur de la Mode, I, III.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ I-го ТОМА МОСКВИТЯНИНА.

I. РУССКАЯ [illegible]

	Книги.	Стран.
Викторъ, повѣсть **Е. И. ВЕЛЬТМАНЪ** . . . . 16, 7.	III	211. IV 251
О значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи, **С. П. ШЕВЫРЕВА**	II	75
Біографія М. Н. Загоскина, **С. Т. А—ВА**	I	17
XV стихотвореній, **Н. Ѳ. ЩЕРБИНЫ**	I	1
Дѣтскій балъ, стихотвореніе **Х.**	III	249

II. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Воспоминанія о Шенбрунскомъ замкѣ	I 1. II	19
Желѣзная Рука, романъ Леконта, въ двухъ частяхъ, (*въ приложеніи*)	I 1. II 19. III	47
Христоферъ Колумбъ, статья *Ламартина*	IV	41

III. НАУКИ.

Объ успѣхахъ новѣйшей химіи и заслугахъ Берцеліуса, **Д. Е. М.**	I	1
Легенды объ Аттилѣ. (I. Латинскія, II. Германскія преданія).	II 29. III	59
Открытіе о Печенегахъ, **Д. И. ПРОЗОРОВСКАГО**	III	127
О введеніи метрическаго стопосложенія и началѣ нашего стихотворства, **М. А. ДМИТРІЕВА**	IV	12[illegible]

IV. ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

Празднованіе новаго лѣта въ 1675 году	I	1
Исторія о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ и столѣничьей дочери Нардина Нащокина Аннушкѣ	I	3
Для біографіи Ломоносова	III	17
Записки Современника. Дневникъ Студента	III	27

V. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская изящная Литература въ 1852 году, **А. А. ГРИГОРЬЕВА.** I, 167. — Исторія войны Россіи съ Франціею, въ 1799 году, соч. Полк. *Милютина*, IV, 159. — Ученыя Записки Императорской Академіи Наукъ, II, 74. — Dichterkanon, пр. *Нейкирха*, II, 81. — Протокулъ Стародубскаго Магистрата до записованя справъ на рокъ 1690, проф. **В. Н. ЛЕШКОВА**, II, 93. — Русская старина, сост. *А. Мартыновымъ*, **И. А. ДМ.**, III, 103. — Указатель селеній и жителей уѣздовъ Московской губерніи, *К. Нистрема*, **И. А. ДМ.**, III, 112. — Изслѣдованія о состояніи пеньковой промышленности въ Россіи, III, 104. — Слова и рѣчи протоіерея *Михаила Павловскаго*, II, 73. — Литературные досуги, II, 97. — Новыя русскія поговорки и присказки,

Digitized by Google

III, 108. — Бабушкины уроки или Русская Исторія въ разговорахъ для дѣтей, *А. Ишимовой*. — Лѣто въ Царскомъ Селѣ, разсказы для дѣтей, *М. П—вой*, III, 111. — Мѣсяцесловъ на 1853 годъ. — Кавказскій календарь на 1853 годъ, II, 65.

ЖУРНАЛИСТИКА.

Библіотека для Чтенія, № I, январь, 1853 г., г., III, 121. — Отечественныя Записки, № I, январь, 1853 года, III, 143. — Современникъ, № 12, декабрь, 1852. № I, январь, 1853 г., IV, 215.

VI. ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Морскія силы Франціи, *Принца Жуанвильскаго*, IV, 1.

VII. СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

а) *Заграничныя*, I, 1. II, 37. III, 61. IV, 93.

b) *Внутреннія*: Посильный взглядъ на выставку Императорской Академіи художествъ, **в. т. плаксина**, I, 18. — *Изъ Казани* (театръ; торговля; выставка сельскихъ произведеній; литературныя извѣстія; Спиридонъ Михайловъ, литераторъ изъ Чувашъ, и проч.), **А. НЕВЗОРОВА**, II, 48. — *Черниговскія* Губернскія Вѣдомости, II, 56. — *Изъ Херсона* (Черты изъ жизни Кольцова), **в. д. нигрескула**, III, 73. — *Изъ Шуи* (Старинные акты; статистическія свѣденія; спектакль, и проч.), **н. лядова**, III, 75. — Описаніе картинной галлереи Ѳедора Ивановича Прянишникова, **н. аничкова**, IV, 97.

с) *Московскія*: Ярмарка въ залахъ Благороднаго Собранія, I, 33.— Село Вороново, помѣстье Колычевыхъ, II, 58. — Университетскій актъ 12 января, **м. п. п.**, II, 59. — О выставкѣ Московскаго училища Живописи и Ваянія, **н. а. рамазанова**, III, 79. — Концертъ и балъ съ сюрпризами 18 января, III, 88.

VIII. СМѢСЬ.

Подмосковная охота. Шпачекъ, **в. в.**, I, 1. — Ссыльный, разсказъ Диккенса, I, 12.—Приключеніе въ игорномъ домѣ, разсказъ, II, 33.— Какъ было открыто золото въ Калифорніи, II, 45. — Календарь XVIII столѣтія въ Германіи, III, 55. — Хелголандская дѣвушка, разсказъ, III, 62. — Любовь и женщины, III, 69. — Понте-Моло, **м. и. вивикова**, IV, 83. — Восточный купецъ, IV, 92. — Мейерберъ, IV, 97.— Потребленіе жизненныхъ потребностей въ Хрустальномъ дворцѣ, IV, 100.—Анекдотъ о Пушкинѣ, IV, 107.—Наблюденія надъ умирающими, I, 30. — О кончинѣ Протоіерея Іоанна Доброхотова, I, 31. — Метеорологическое предсказаніе на 1853 годъ, I, 32.—Замѣчаніе, II, 47.— Отвѣтъ г. Аксакову, **д. о. шеппинга**, II, 50. — Памятный листокъ ошибокъ въ Русскомъ языкѣ, **и. покровскаго**, III, 76. — Замѣтки о Русскомъ языкѣ, **N. N.**, IV, 101. — Варіанты къ Исторіи о Россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ, III, 81. — Отъ Редакціи, I.

Моды, съ картинками изъ Le Moniteur de la Mode, I, III.

Digitized by Google

Digitized by Google

»Извините меня«, говоритъ мнѣ сладкимъ голосомъ прорывающійся и берущій штурмомъ мою лѣстницу посѣтитель, »я къ вамъ на одну минуту«.... (Злодѣй! но этою одной минутою нить мыслей прерывается точно такъ же, какъ часомъ или днемъ: Мстиславъ ускакалъ ужъ къ Новгородъ, Ярославъ въ Переяславль, Всеволодъ въ Кіевъ, а Рюрикъ въ Черниговъ. Какъ мнѣ ловить ихъ, а ты вѣдь поймать не поможешь!)

»Помилуйте, я очень радъ«, отвѣчаю я ему шопотомъ, »прошу васъ покорно садиться«. Но еслибъ этотъ посѣтитель замѣтилъ, какъ стискиваются въ это время мои зубы, какъ дрожитъ мой голосъ, и какъ моя желчь кипитъ, то вѣрно пожелалъ бы быть отъ меня подальше.

Милостивые мои государи и благодѣтели! Дайте мнѣ кончить мою работу надъ удѣльнымъ періодомъ, и оставьте меня въ покоѣ до 1-го мая, а тамъ дѣлайте со мною что̀ хотите.

До тѣхъ поръ я отказываюсь отъ всякаго родства, дружбы, пріязни и знакомства....

Но почему я назначаю именно этотъ срокъ? Почему я такъ спѣшу? Вотъ почему. Удѣльный періодъ лежитъ какъ камень на моей груди. Мнѣ надо освободиться отъ него какъ можно скорѣе: иначе онъ меня задавитъ. Седьмой годъ уже я занимаюсь имъ, (не считая предварительныхъ работъ), и печатаю три года. Чувствую, что со мною случится нехорошо, если я долго еще буду держать въ головѣ всю эту пирамиду, хоть и не египетскую, но заключающую не меньшее количество кирпичей: фактовъ, лицъ, мѣстъ и показаній.

И такъ прошу снисходительнаго извиненія и великодушнаго прощенія за мои грубости и дерзости послѣдняго времени у всѣхъ своихъ сотрудниковъ, друзей, пріятелей, родственниковъ и доброхотныхъ посѣтителей, — да нельзя ли уже и писемъ не писать ко мнѣ безъ крайней необходимости до того же срока?

М. П.

Февраля 13.
1853.

NEW YORK PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND TILDEN FOUNDATIONS
Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

AUG 9 1935

Digitized by Google

Digitized by Google